Изданіе А. А. Петровича.

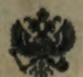
ИСТОРІЯ ГОСУДАРСТВА РОССІЙСКАГО

сочиненіе

Н. М. Карамзина.

Томъ IV-й. - 6

Безплатное приложеніе къ журналу „Родная Рѣчь“—1903 г.

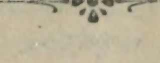


МОСКВА.
Типо-литогр. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°. Пименов. ул., соб. д.
1903

M. Dinnick
Oxford 2001

Изданіе А. А. ПЕТРОВИЧА.

ИСТОРІЯ ГОСУДАРСТВА РОССІЙСКАГО.



СОЧИНЕНІЕ

Н. М. Карамзина.

ТОМЪ IV.



МОСКВА.
Типо-литогр. Товарищества И. Н. Кушнеревъ и К°.
Пименовская ул., соб. домъ.
1903.

Дозволено цензурою. Москва, 13 марта 1903 г.

ГЛАВА I.

Великій князь Ярославъ II Всеволодовичъ.

Г. 1238 — 1247.

Бодрость Ярослава.—Свойства Георгія.—Освобожденіе Смоленска. — Междоусобія.—Батый опустошаетъ южную Россію.—Красота Кіева.—Великодушіе гражданъ.—Осада и взятіе Кіева.—Состояніе Россіи.—Причина успѣховъ Батыевыхъ.—Свойства и оружіе моголовъ.—Происшествія въ западной Россіи.—Спѣсь венгерскаго короля.—Слава Александра Невскаго.—Россія въ подданствѣ моголовъ.—Кончина и свойства Ярослава.—Убіеніе Михаила.—Даніилъ честимый въ ордѣ.—Любопытныя извѣстія о Россіи и татарахъ.—Политика Даніилова.—Даніилъ король галицкій.

Ярославъ пріѣхалъ господствовать надъ развалинами и трупами. Въ такихъ обстоятельствахъ государь чувствительный могъ бы возненавидѣть власть; но сей князь хотѣлъ славиться дѣятельностію ума и твердостію души, а не мягкосердечіемъ. Онъ смотрѣлъ на повсемѣстное опустошеніе не для того, чтобы проливать слезы, но чтобы лучшими и скорѣйшими средствами загладить слѣды онаго. Надлежало собрать людей разсѣянныхъ, воздвигнуть города и села изъ пепла — однимъ словомъ, совершенно обновить государство. Еще на дорогахъ, на улицахъ, въ обгорѣлыхъ церквахъ и домахъ лежало безчисленное множество мертвыхъ тѣлъ: Ярославъ велѣлъ немедленно погребать ихъ, чтобы отвратить заразу и скрыть столь ужасные для живыхъ предметы, ободрялъ народъ, ревностно занимался дѣлами гражданскими и пріобрѣталъ любовь общую правосудіемъ. Возстановивъ тишину и благоустройство, великій князь отдалъ Суздаль брату Святославу, а Стародубъ Іоанну. Народъ, по счастливому обыкновенію человѣческаго сердца, забылъ свое горе; радовался новому спокойствію и порядку; благодарилъ небо за спасеніе еще многихъ князей своихъ; не зналъ, что Россія уже лишилась главнаго сокровища государственнаго: независимости—и слезами искренняго умиленія оросилъ гробъ Георгіевъ, перевезенный изъ

Ростова въ Владиміръ. Георгій въ безразсудной надменности допустилъ татаръ до столицы, не взявъ никакихъ мѣръ для защиты государства; но онъ имѣлъ добродѣтели своего времени: любилъ украшать церкви, питалъ бѣдныхъ, дарилъ монаховъ—и граждане благословили его память.

Ко славѣ государя попечительнаго о благѣ народномъ великій князь присоединилъ и славу счастливаго воинскаго подвига. Литовцы, обрадованные бѣдствіемъ Россіи, завладѣли большею частію Смоленской области: Ярославъ, разбивъ ихъ, плѣнилъ князя Литовскаго, освободилъ Смоленскъ и посадилъ на тамошнемъ престолѣ Всеволода Мстиславича, Романова внука, княжившаго прежде въ Новѣгородѣ.

Между тѣмъ князья южной Россіи, не имѣвъ участія въ бѣдствіяхъ сѣверной, издали смотрѣли на оныя равнодушно и думали единственно о выгодахъ своего особеннаго властолюбія. Какъ скоро Ярославъ выѣхалъ изъ Кіева, Михаилъ Черниговскій занялъ сію столицу, оставивъ въ Галичѣ сына, Ростислава, который, нарушивъ миръ, овладѣлъ Даніиловымъ Перемышлемъ. Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ Даніилъ воспользовался отсутствіемъ Ростислава, ходившаго со всѣми боярами на Литву; нечаянно обступилъ Галичъ; подъѣхалъ къ стѣнамъ и, видя на нихъ множество стоящаго народа, сказалъ: „Граждане! доколѣ вамъ терпѣть державу князей иноплеменныхъ? не я ли вашъ государь законный, нѣкогда вами любимый?“ Всѣ отвѣтствовали единодушнымъ восклицаніемъ: „ты, ты нашъ отецъ, Богомъ данный! или: мы твои!“ Воевода Ростислава и галицкій епископъ Артемій хотѣли удержать народъ, но не могли, и должны были встрѣтить Даніила, скрывая внутреннюю досаду подъ личиною притворнаго веселія. Никогда въ семъ городѣ, славномъ мятежами, измѣнами, злодѣйствами, не являлось зрѣлища столь умилительнаго: граждане, по выраженію лѣтописца, стремились къ Даніилу какъ пчелы къ маткѣ или какъ жаждующіе къ источнику водному, поздравляя другъ друга съ княземъ любимымъ. Даніилъ принесъ благодарность Всевышнему въ соборной церкви Богоматери, поставилъ свою хоругвь на нѣмецкихъ воротахъ, и восхищенный знаками народнаго усердія, говорилъ, что никто уже не отниметъ у него Галича. Свѣдавъ о происшедшемъ, Ростиславъ бѣжалъ въ Венгрію, будучи женихомъ королевны, Белиной дочери; а бояре галицкіе упали къ ногамъ Даніиловымъ. Рѣдкое милосердіе сего князя не истощилось ихъ злодѣяніями; онъ сказалъ только: „исправьтесь!“ и надѣялся великодушіемъ обезоружить мятежниковъ. Въ самомъ дѣлѣ они усмирились; но тишина, возстановленная Даніиломъ въ сихъ утомленныхъ междоусобіями странахъ, была предтечею ужасной грозы.

Батый выходилъ изъ Россіи единственно для того, чтобы овладѣть землею половцевъ. Знаменитѣйшій изъ ихъ хановъ, Котянъ, тесть храбраго Мстислава Галицкаго, былъ еще живъ, и мужественно противился татарамъ; наконецъ, разбитый въ степяхъ астраханскихъ, искалъ убѣжища въ Венгріи, гдѣ король, принявъ его въ подданство съ 40,000 единоплеменниковъ, далъ имъ земли для селенія. Покоривъ окрестности Дона и Волги, толпы Батыевы вторично явились на границахъ Россіи: завоевали мордовскую землю, Муромъ и Гороховецъ, принадлежавшій владимірскому храму Богоматери. Тогда жители великаго княженія снова обезпамятѣли отъ ужаса, оставляя дома свои, бѣгали изъ мѣста въ мѣсто и не знали, гдѣ найти безопасность. Но Батый шелъ громить южные предѣлы нашего отечества. Взявъ Переяславль, татары опустошили его совершенно. Церковь св. Михаила, великолѣпно украшенная серебромъ и золотомъ, заслужила ихъ особенное вниманіе: они сравняли ее съ землею, убивъ епископа Симеона и большую часть жителей. Другое войско Батыево осадило Черниговъ, славный мужествомъ гражданъ во времена нашихъ междоусобій. Сіи добрые россіяне не измѣнили своей прежней славѣ и дали отпоръ сильный. Князь Мстиславъ Глѣбовичъ, двоюродный братъ Михаиловъ, предводительствовалъ ими. Бились отчаянно въ полѣ и на стѣнахъ. Граждане съ высокаго вала разили непріятелей огромными камнями. Одержавъ, наконецъ, побѣду, долго сомнительную, татары сожгли Черниговъ; но хотѣли отдыха и, черезъ Глуховъ отступивъ къ Дону, дали свободу плѣненному ими епископу Порфирію. Симъ знакомъ отличнаго милосердія они хотѣли, кажется, обезоружить наше духовенство, ревностно возбуждавшее народъ къ сопротивленію.—Князь Мстиславъ Глѣбовичъ спасъ жизнь свою и бѣжалъ въ Венгрію.

Уже Батый давно слышалъ о нашей древней столицѣ днѣпровской, ея церковныхъ сокровищахъ и богатствѣ людей торговыхъ. Она славилась не только въ Византійской имперіи и въ Германіи, но и въ самыхъ отдаленныхъ странахъ восточныхъ: ибо арабскіе историки и географы говорятъ объ ней въ своихъ твореніяхъ. Внукъ Чингисхана, именемъ Мангу, былъ посланъ осмотрѣть Кіевъ: увидѣлъ его съ лѣвой стороны Днѣпра и, по словамъ лѣтописцевъ, не могъ надивиться красотѣ онаго. Живописное положеніе города на крутомъ берегу величественной рѣки, блестящія главы многихъ храмовъ въ густой зелени садовъ,—высокая бѣлая стѣна съ ея гордыми вратами и башнями, воздвигнутыми, украшенными художествомъ византійскимъ въ счастливые дни Великаго Ярослава, дѣйствительно могли удивить степныхъ варваровъ. Мангу не отважился идти за Днѣпръ: сталъ на Трубежѣ, у городка Песочнаго (нынѣ селенія Песковъ), и хотѣлъ лестію

склонить жителей столицы къ подданству. Битва на Калкѣ, на Сити — пепелъ Рязани, Владиміра, Чернигова, и столь многихъ иныхъ городовъ свидѣтельствовали грозную силу моголовъ: дальнѣйшее упорство казалось безполезнымъ; но честь народная и великодушіе не слѣдуютъ внушеніямъ боязливаго разсудка. Кіевляне все еще съ гордостію именовали себя старшими и благороднѣйшими сынами Россіи: имъ ли было смиренно преклонить выю и требовать цѣпей, когда другіе россіяне, гнушаясь уничиженіемъ, охотно гибли въ битвахъ? Кіевляне умертвили пословъ Мангу-хана и кровію ихъ запечатлѣли свой обѣтъ—не принимать мира постыднаго. Народъ былъ смѣлѣе князя: Михаилъ Всеволодовичъ, предвидя месть татаръ, бѣжалъ въ Венгрію, вслѣдъ за сыномъ своимъ. Внукъ Давида Смоленскаго, Ростиславъ Мстиславовичъ, хотѣлъ овладѣть престоломъ кіевскимъ, но знаменитый Даніилъ Галицкій, свѣдавъ о томъ, въѣхалъ въ Кіевъ и задержалъ Ростислава какъ плѣнника. Даніилъ уже зналъ моголовъ: видѣлъ, что храбрость малочисленныхъ войскъ не одолѣетъ столь великой силы и рѣшился, подобно Михаилу, ѣхать къ королю венгерскому, тогда славному богатствомъ и могуществомъ, въ надеждѣ склонить его къ ревностному содѣйствію противъ сихъ жестокихъ варваровъ. Надлежало оставить въ столицѣ вождя и искуснаго, и мужественнаго: князь не ошибся въ выборѣ, поручивъ оную боярину Димитрію.

Скоро вся ужасная сила Батыева, какъ густая туча, съ разныхъ сторонъ облегла Кіевъ. Скрипъ безчисленныхъ телѣгъ, ревъ верблюдовъ и воловъ, ржаніе коней и свирѣпый крикъ непріятелей, по сказанію лѣтописца, едва дозволяли жителямъ слышать другъ друга въ разговорахъ. Димитрій бодрствовалъ и распоряжался хладнокровно. Ему представили одного взятаго въ плѣнъ татарина, который объявилъ, что самъ Батый стоитъ подъ стѣнами Кіева со всѣми воеводами могольскими; что знатнѣйшіе изъ нихъ суть Гаюкъ (сынъ великаго хана), Мангу, Байдаръ (внуки Чингисхановы), Орду-Каданъ, Судай-Багадуръ, побѣдитель ніучей китайскихъ, и Бастырь, завоеватель Казанской Болгаріи и княженія Суздальскаго. Сей плѣнникъ сказывалъ о Батыевой рати единственио то, что ей нѣтъ смѣты. Но Димитрій не зналъ страха. Осада началася приступомъ къ вратамъ лятскимъ, къ коимъ примыкали дебри; тамъ стѣнобитныя орудія дѣйствовали день и ночь. Наконецъ, рушилась ограда, и кіевляне стали грудью противъ враговъ своихъ. Начался бой ужасный: „стрѣлы омрачили воздухъ; копья трещали и ломались; мертвыхъ, издыхающихъ попирали ногами“. Долго остервенѣніе не уступало силѣ, но татары ввечеру овладѣли стѣною. Еще воины россійскіе не теряли бодрости; отступили къ церкви Десятинной и ночью,

укрѣпивъ оную тыномъ, снова ждали непріятеля; а безоружные граждане съ драгоцѣннѣйшимъ своимъ имѣніемъ заключились въ самой церкви. Такая защита слабая уже не могла спасти города; однакожъ не было слова о переговорахъ: никто не думалъ молить лютаго Батыя о пощадѣ и милосердіи; великодушная смерть казалась и воинамъ, и гражданамъ необходимостію, предписанною для нихъ отечествомъ и вѣрою. Димитрій, исходя кровію отъ раны, еще твердою рукою держалъ свое копіе и вымышлялъ способы затруднить врагамъ побѣду. Утомленные сраженіемъ, моголы отдыхали на развалинахъ стѣны: утромъ возобновили оное и сломили бренную ограду россіянъ, которые бились съ напряженіемъ всѣхъ силъ, помня, что за ними гробъ св. Владиміра и что сія ограда есть уже послѣдняя для ихъ свободы. Варвары достигли храма Богоматери, но устлали путь своими трупами; схватили мужественнаго Димитрія и привели къ Батыю. Сей грозный завоеватель, не имѣя понятія о добродѣтеляхъ человѣколюбія, умѣлъ цѣнить храбрость необыкновенную, и съ видомъ гордаго удовольствія сказалъ воеводѣ россійскому: „дарую тебѣ жизнь!“ Димитрій принялъ даръ, ибо еще могъ быть полезенъ для отечества.

Моголы нѣсколько дней торжествовали побѣду ужасами разрушенія, истребленіемъ людей и всѣхъ плодовъ долговременнаго гражданскаго образованія. Древній Кіевъ исчезъ, и навѣки: ибо сія нѣкогда знаменитая столица, мать градовъ россійскихъ, въ XIV и въ XV вѣкѣ представляла еще развалины; въ самое наше время существуетъ единственно тѣнь ея прежняго величія. Напрасно любопытный путешественникъ ищетъ тамъ памятниковъ, священныхъ для россіянъ: гдѣ гробъ Ольгинъ? гдѣ кости св. Владиміра? Батый не пощадилъ и самыхъ могилъ: варвары давили ногами черепы нашихъ древнихъ князей. Остался только надгробный памятникъ Ярославовъ, какъ бы въ знакъ того, что слава мудрыхъ гражданскихъ законодателей есть самая долговѣчная и вѣрнѣйшая... Первое великолѣпное зданіе греческаго зодчества въ Россіи, храмъ Десятинный, былъ сокрушенъ до основанія: послѣ, изъ развалинъ онаго, воздвигли новый и на стѣнахъ его видимъ отрывокъ надписи древняго.—Лавра Печерская имѣла ту же участь. Благочестивые иноки и граждане, усердные къ святынѣ сего мѣста, не хотѣли впустить непріятелей въ ограду его: моголы таранами отбили врата, похитили всѣ сокровища и, снявъ златокованный крестъ съ главы храма, разломали церковь до самыхъ оконъ, вмѣстѣ съ кельями и стѣнами монастырскими. Если вѣрить лѣтописцамъ XVII вѣка, то первобытное строеніе лавры красотою и величіемъ превосходило новѣйшее. Они же повѣствуютъ, что нѣкоторые иноки печерскіе укрылись отъ меча Батыева и жили въ лѣсахъ; что среди раз-

валинъ монастыря уцѣлѣлъ одинъ малый придѣлъ, куда сіи пустынники собирались иногда отправлять службу божественную, извѣщаемые о томъ унылымъ и протяжнымъ звономъ колокола.

Батый, узнавъ, что князья южной Россіи находятся въ Венгріи, пошелъ въ область Галицкую и Владимірскую; осадилъ городъ Ладыжинъ и, не умѣвъ двѣнадцатью орудіями разбить крѣпкихъ стѣнъ его, обѣщалъ помиловать жителей, если они сдадутся. Несчастные ему повѣрили, и ни одинъ изъ нихъ не остался живъ: ибо татары не знали правилъ чести и всегда, обманывая непріятелей, смѣялись надъ ихъ легковѣріемъ. Завоевавъ Каменецъ, гдѣ господствовалъ другъ Михаиловъ, Изяславъ Владиміровичъ, внукъ Игоревъ, татары отступили съ неудачею отъ Кременца, Даніилова города; но взяли Владиміръ, Галичъ и множество иныхъ городовъ. Великодушный воевода кіевскій, Димитрій, находился съ Батыемъ и, сокрушаясь о бѣдствіяхъ Россіи, представлялъ ему, что время оставить сію землю, уже опустошенную, и воевать богатое государство венгерское: что король Бела есть непріятель опасный и готовитъ рать многочисленную; что надобно предупредить его, или онъ всѣми силами ударитъ на моголовъ. Батый, уваживъ совѣтъ Димитріевъ, вышелъ изъ нашего отечества, чтобы злодѣйствовать въ Венгріи: такимъ образомъ сей достойный воевода россійскій и въ самомъ плѣнѣ своемъ умѣлъ оказать послѣднюю, важную услугу несчастнымъ согражданамъ. Благоденствіе и драгоцѣнная народная независимость погибли для нихъ на долгое время: по крайней мѣрѣ они могли возвратиться изъ лѣсовъ на пепелище истребленныхъ жительствъ; могли предать землѣ кости милыхъ ближнихъ, и въ храмахъ, немедленно возобновленныхъ ихъ общимъ усердіемъ, молиться Всевышнему съ умиленіемъ. Вѣра торжествуетъ въ бѣдствіяхъ и смягчаетъ оныя.

Состояніе Россіи было самое плачевное; казалось, что огненная рѣка промчалась отъ ея восточныхъ предѣловъ до западныхъ; что язва, землетрясеніе и всѣ ужасы естественные вмѣстѣ опустошили ихъ, отъ береговъ Оки до Сана. Лѣтописцы наши, сѣтуя надъ развалинами отечества о гибели городовъ и большой части народа, прибавляютъ: „Батый, какъ лютый звѣрь, пожиралъ цѣлыя области, терзая когтями остатки. Храбрѣйшіе князья россійскіе пали въ битвахъ; другіе скитались въ земляхъ чуждыхъ; искали заступникомъ между иновѣрными и не находили; славились прежде богатствомъ, и всего лишились. Матери плакали о дѣтяхъ, предъ ихъ глазами растоптанныхъ конями татарскими, а дѣвы о своей невинности: сколь многія изъ нихъ, желая спасти оную, бросались на острый ножъ или въ глубокія рѣки! Жены боярскія, не знавшія трудовъ, всегда украшенныя златыми монистами и одеждою шелковою, всегда окруженныя тол-

пою слугъ, сдѣлались рабами варваровъ, носили воду для ихъ женъ, мололи жерновомъ, и бѣлыя руки свои опаляли надъ очагомъ, готовя пищу невѣрнымъ... Живые завидовали спокойствію мертвыхъ". Однимъ словомъ, Россія испытала тогда всѣ бѣдствія, претерпѣнныя Римскою имперіей отъ времени Ѳеодосія Великаго до седьмого вѣка, когда сѣверные дикіе народы громили ея цвѣтущія области. Варвары дѣйствуютъ по однимъ правиламъ и разнствуютъ между собою только въ силѣ.

Сила Батыева несравненно превосходила нашу и была единственною причиною его успѣховъ. Напрасно новые историки говорятъ о превосходствѣ моголовъ въ ратномъ дѣлѣ: древніе россіяне, въ теченіе многихъ вѣковъ, воюя или съ иноплеменниками, или съ единоземцами, не уступали какъ въ мужествѣ, такъ и въ искусствѣ истреблять людей ни одному изъ тогдашнихъ европейскихъ народовъ. Но дружины князей и города не хотѣли соединиться, дѣйствовали особенно, и весьма естественнымъ образомъ не могли устоять противъ полумилліона Батыева: ибо сей завоеватель безпрестанно умножалъ рать свою, присоединяя къ ней побѣжденныхъ. Еще Европа не вѣдала искусства огнестрѣльнаго и неравенство въ числѣ воиновъ было тѣмъ рѣшительнѣе. Батый предводительствовалъ цѣлымъ вооруженнымъ народомъ: въ Россіи жители сельскіе совсѣмъ не участвовали въ войнѣ, ибо плодами ихъ мирнаго трудолюбія питалось государство и казна обогащалась. Земледѣльцы, не имѣя оружія, гибли отъ мечей татарскихъ какъ беззащитныя жертвы; малочисленные же ратники наши могли искать въ битвахъ одной славы и смерти, а не побѣды. Впрочемъ, моголы славились и храбростью, вселенною въ нихъ умомъ Чингисхана и сорокалѣтними побѣдами. Не получая никакого жалованья, любили войну для добычи; перевозили на волахъ свои кибитки и семейства, женъ, дѣтей, и вездѣ находили отечество, гдѣ могло пастися ихъ стадо. Въ свободное отъ человѣкоубійствъ время занимались звѣриною ловлею; видя же непріятеля, безчисленныя толпы сихъ варваровъ, какъ волны, стремились одна за другою, чтобы со всѣхъ сторонъ окружить его, и пускали тучу стрѣлъ, но удалялись отъ ручной схватки, жалѣя своихъ людей и стараясь убивать враговъ издали. Ханы и главные начальники не вступали въ бой: стоя назади, разными маяками давали повелѣнія, и не стыдились иногда общаго бѣгства; но смертію наказывали того, кто бѣжалъ одинъ и ранѣе другихъ. Стрѣлы моголовъ были весьма остры и велики, сабли длинныя, копья съ крюками, щиты ивовые или сплетенные изъ прутьевъ.

Въ то время, какъ сіи губители свирѣпствовали въ южной Россіи, ея князья находились въ Польшѣ. Король венгерскій, видя Михаила изгнанникомъ, не хотѣлъ выдать дочери за его сына и

велѣлъ имъ удалиться. Даніилъ, готовый тогда ѣхать къ Белѣ IV, имѣлъ случай оказать свое великодушіе: убѣдилъ великаго князя Ярослава освободить жену Михаилову, еще до нашествія Батыева плѣненную имъ въ Каменцѣ; возвратилъ ее супругу и, забывъ вражду, обѣщалъ навсегда уступить ему Кіевъ, если благость Всевышняго избавитъ Россію отъ иноплеменниковъ; а Ростиславу отдалъ Луцкъ. Чтобы въ общей опасности дѣйствовать согласнѣе съ Белою, Даніилъ, прибывъ въ Венгрію, изъявилъ намѣреніе вступить съ нимъ въ свойство, и сына своего, юнаго Льва, женить на дочери королевской; но спѣсивый Бела отвергнулъ сіе предложеніе, думая, что Батый не дерзнетъ идти за Карпатскія горы, и что несчастіе россійскихъ княженій есть счастіе для Венгріи: мысль ума слабаго, внушаемая обыкновенно взаимною завистію державъ сосѣдственныхъ! Предсказавъ королю гибельное слѣдствіе такой системы, Даніилъ спѣшилъ защитить свое княженіе, но поздно: толпы бѣглецовъ извѣстили его о жалостной судьбѣ Кіева и другихъ нашихъ городовъ знаменитыхъ. Уже татары стояли на границѣ. Даніилъ, окруженный малочисленною дружиною, искалъ убѣжища въ землѣ Конрадовой: тамъ нашелъ онъ супругу, дѣтей и брата, которые едва могли спастися отъ меча варваровъ; вмѣстѣ съ ними оплакалъ бѣдствіе отечества и, слыша о приближеніи моголовъ, удалился въ Мазовію, гдѣ Болеславъ, сынъ Конрадовъ, далъ ему на время Вышегородъ, и гдѣ Даніилъ съ Василькомъ оставались до самаго того времени, какъ Батый вышелъ изъ юго-западной Россіи. Получивъ сію утѣшительную вѣсть, они возвратились въ отечество; не могли отъ смрада въѣхать въ Брестъ, ни въ Владиміръ, наполненный трупами, и рѣшились жить въ Холмѣ, основанномъ Даніиломъ близъ древняго Червена, и, къ счастію, уцѣлѣвшемъ отъ могольскаго разоренія. Сей городокъ, населенный отчасти нѣмцами, ляхами и многими ремесленниками, среди пепла и развалинъ всей окрестной страны казался тогда очаровательнымъ, имѣя веселые сады, насаженные рукою его основателя, новыя зданія и церкви, имъ украшенныя (въ особенности церковь св. Іоанна, поставленную на четырехъ, искусно изваянныхъ головахъ человѣческихъ, съ мѣднымъ помостомъ и съ римскими стеклами въ окнахъ). Какъ бы слѣдуя указанію неба, столь чудесно защитившаго сіе пріятное мѣсто, Даніилъ назвалъ Холмъ своимъ любимымъ городомъ и, подобно Ярославу, Суздальскому великому князю, неутомимо старался воскресить жизнь и дѣятельность въ областяхъ юго-западной Россіи. Ему надлежало не только вызвать людей изъ лѣсовъ и пещеръ, гдѣ они скрывались, но и сражаться съ буйностію легкомысленныхъ бояръ, которые думали, что внукъ Чингисхановъ опустошилъ наше государство для ихъ пользы, и что

имъ настало время царствовать. Воевода Дрогичинскій не впустилъ князя въ сей городъ, а бояре галицкіе, хотя и называли Даніила своимъ государемъ, однакожъ самовольно повелѣвали областями, явно надъ нимъ смѣялись, присвоили себѣ доходы отъ соли коломенской, употребляемые обыкновенно на жалованье такъ называемымъ княжескимъ оружникамъ, и тайно сносились съ Михаиловымъ сыномъ, Ростиславомъ. Долго бѣгавъ отъ татаръ изъ земли въ землю, Михаилъ, ограбленный нѣмцами близъ Сирадіи, возвратился въ Кіевъ и жилъ на островѣ противъ развалинъ сей древней столицы, пославъ сына въ Черниговъ. Онъ уже не помнилъ благодѣяній шурина и старался ему злодѣйствовать. Ростиславъ хотѣлъ овладѣть Бакотою въ Понизьѣ; былъ отраженъ Даніиловымъ печатникомъ, но занялъ Галичъ и Перемышль. Столь мало князья россійскіе научались благоразумію въ несчастіяхъ, съ безсмысленнымъ властолюбіемъ споря между собою о бѣдныхъ остаткахъ государства растерзаннаго! Не смотря на измѣны бояръ и двухъ епископовъ, галицкаго и перемышльскаго, друзей Михаилова сына; несмотря на изнуреніе своего княжества и малочисленность войска, большею частью истребленнаго татарами, Даніилъ смирилъ мятежниковъ и непріятелей, изгналъ Ростислава изъ Галича и плѣнилъ его союзниковъ, князей Болоховскихъ, прежде облаготворенныхъ имъ и Василькомъ. Достойно замѣчанія, что сіи князья умѣли спасти ихъ землю отъ хищности Батыевой, обязавшись сѣять для татаръ пшеницу и просо.—Въ то же время оскорбленный поляками Даніилъ осаждалъ и взялъ бы Люблинъ, если бы жители не испросили у него мира. Возстановивъ свою державу, онъ ждалъ съ безпокойствомъ, куда обратится ужасная гроза Батыева. Еще нѣкоторые отряды моголовъ не выходили изъ Россіи, довершая завоеваніе восточныхъ удѣловъ Черниговскихъ, и князь Мстиславъ, потомокъ Святослава Ольговича Сѣверскаго, былъ умерщвленъ татарами.

Одинъ Новгородъ остался цѣлъ и невредимъ, благословляя милость Небесную и счастіе своего юнаго князя, Александра Ярославича, одареннаго необыкновеннымъ разумомъ, мужествомъ, красотою величественною и крѣпкими мышцами Самсона. Народъ смотрѣлъ на него съ любовію и почтеніемъ; пріятный голосъ сего князя гремѣлъ какъ труба на вѣчахъ. Во дни общихъ бѣдствій Россіи возникла слава Александрова. Достигнувъ лѣтъ юноши, онъ женился на дочери Полоцкаго князя, Брячислава и, празднуя свадьбу, готовился къ дѣламъ ратнымъ; велѣлъ укрѣпить берега Шелони, чтобы защитить Новогородскую область отъ внезапныхъ нападеній чуди и старался окружить себя витязями храбрыми, предвидя, что миръ въ сіи времена общихъ разбоевъ не могъ быть продолжителенъ.

Ливонскіе рыцари, финны и шведы, были непріятелями Новагорода. Первые сдѣлались тогда гораздо сильнѣе и для россіянъ опаснѣе: ибо лишася магистра своего, Вольквина, и лучшихъ сподвижниковъ въ несчастной битвѣ съ литвою, присоединились къ славному нѣмецкому ордену св. Маріи. Скажемъ нѣсколько словъ о семъ достопамятномъ братствѣ. Когда государи европейскіе, подвигнутые и славолюбіемъ, и благочестіемъ, вели кровопролитныя войны въ Палестинѣ и въ Египтѣ; когда усердіе видѣть святыя мѣста ежегодно влекло толпы людей изъ Европы въ Іерусалимъ,—многіе нѣмецкіе витязи, находясь въ семъ городѣ, составили между собою братское общество, съ намѣреніемъ покровительствовать тамъ своихъ единоземцевъ, бѣдныхъ и недужныхъ, служить имъ деньгами и мечомъ,—наконецъ быть защитниками всѣхъ богомольцевъ и неутомимыми врагами сарациновъ. Сіе общество, въ 1191 году утвержденное папскою буллою, назвалося орденомъ св. Маріи Іерусалимской, и рыцари его ознаменовали бѣлыя свои мантіи чернымъ крестомъ, давъ торжественный обѣтъ цѣломудрія и повиновенія начальникамъ. Великій магистръ говорилъ всякому новому сочлену: „Если вступаешь къ намъ въ общество съ надеждою вести жизнь спокойную и пріятную, то удалися, несчастный! ибо мы требуемъ, чтобы ты отрекся отъ всѣхъ мірскихъ удовольствій, отъ родственниковъ, друзей и собственной воли; чтожъ въ замѣну обѣщаемъ тебѣ? хлѣбъ, воду и смиренную одежду. Но когда придутъ для насъ времена лучшія, тогда орденъ сдѣлаетъ тебя участникомъ всѣхъ своихъ выгодъ“. Сіи лучшіи времена настали: орденъ св. Маріи, переселясь въ Европу, былъ уже столь знаменитъ, что великій магистръ его, Германъ Зальца, могъ судить папу, Гонорія III съ императоромъ Фридерикомъ II; завоевалъ Пруссію—ревностно обращая ея жителей въ христіанство, т. е. огнемъ и мечомъ — принялъ ливонскихъ рыцарей подъ свою защиту, далъ имъ магистра, одежду, правила ордена нѣмецкаго и, наконецъ, слово, что ни литовцы, ни датчане, ни россіяне уже не будутъ для нихъ опасны.

Въ сіе время былъ магистромъ ливонскимъ нѣкто Андрей Вельвенъ, мужъ опытный и добрый сподвижникъ Германа Зальцы. Желая, можетъ быть, прекратить взаимныя неудовольствія ливонскихъ рыцарей и новогородцевъ, онъ имѣлъ свиданіе съ юнымъ Александромъ: удивился его красотѣ, разуму, благородству и, возвратясь въ Ригу, говорилъ, по словамъ нашего лѣтописца: „я прошелъ многія страны, знаю свѣтъ, людей и государей, но видѣлъ и слушалъ Александра Новогородскаго съ изумленіемъ“. Сей юный князь скоро имѣлъ случай важнымъ подвигомъ возвеличить свою добрую славу.

Король шведскій, досадуя на россіянъ за частыя опустошенія

Финляндіи, послалъ зятя своего, Биргера, на ладіяхъ въ Неву, къ устью Ижеры, съ великимъ числомъ шведовъ, норвежцевъ, финновъ. Сей вождь опытный, дотолѣ счастливый, думалъ завоевать Ладогу, самый Новгородъ и велѣлъ надменно сказать Александру: „ратоборствуй со мною, если смѣешь; я стою уже въ землѣ твоей“. Александръ не изъявилъ ни страха, ни гордости посламъ шведскимъ, но спѣшилъ собрать войско; молился съ усердіемъ въ софійской церкви, принялъ благословеніе архіепископа Спиридона, отеръ на прагѣ слезы умиленія сердечнаго и, вышедши къ своей малочисленной дружинѣ, съ веселымъ лицомъ сказалъ: „насъ немного, а врагъ силенъ; но Богъ не въ силѣ, а въ правдѣ: идите съ вашимъ княземъ!“ Онъ не имѣлъ времени ждать помощи отъ Ярослава, отца своего; самые новогородскіе воины не успѣли всѣ собраться подъ знамена: Александръ выступилъ въ поле, и 15 іюля приблизился къ берегамъ Невы, гдѣ стояли шведы. Тамъ встрѣтилъ его знатный ижерянинъ, Пелгуй, начальникъ приморской стражи, съ извѣстіемъ о силѣ и движеніяхъ непріятеля. Здѣсь современный лѣтописецъ разсказываетъ чудо. Ижеряне, подданные новогородцевъ, большею частью жили еще въ идолопоклонствѣ; но Пелгуй былъ христіанинъ, и весьма усердный. Ожидая Александра, онъ провелъ ночь на берегу Финскаго залива во бдѣніи и молитвѣ. Мракъ исчезъ, и солнце озарило необозримую поверхность тихаго моря; вдругъ раздался шумъ: Пелгуй содрогнулся и видитъ на морѣ легкую ладію, гребцовъ, одѣянныхъ мглою, и двухъ лучезарныхъ витязей въ ризахъ червленныхъ. Сіи витязи совершенно походили на святыхъ мучениковъ Бориса и Глѣба, какъ они изображались на иконахъ, и Пелгуй слышалъ голосъ старшаго изъ нихъ: „поможемъ родственнику нашему Александру! По крайней мѣрѣ такъ онъ сказывалъ князю о своемъ видѣніи и предзнаменованіи столь счастливомъ; но Александръ запретилъ ему говорить о томъ и какъ молнія устремился на шведовъ. Внезапность, быстрота удара привела ихъ въ замѣшательство. Князь и дружина оказали рѣдкое мужество. Александръ собственнымъ копіемъ возложилъ печать на лицо Биргера. Витязь россійскій, Гавріилъ Олексичъ, гналъ принца, его сына, до самой ладіи; упалъ съ конемъ въ воду, вышелъ невредимымъ и бодро сразился съ воеводою шведскимъ. Новогородецъ, Сбыславъ Якуновичъ, съ однимъ топоромъ вломился въ средину непріятелей; другой, именемъ Миша, съ отрядомъ пѣхоты истребилъ шнеки или суда. Княжескій ловчій, Яковъ Полочанинъ, предводительствуя горстію смѣлыхъ, ударилъ на цѣлый полкъ и заслужилъ отмѣнное благоволеніе Александра, который вездѣ былъ самъ и все видѣлъ. Ратмиръ, вѣрный слуга князя, не уступалъ никому въ храбрости: бился пѣшій, ослабѣлъ отъ ранъ и

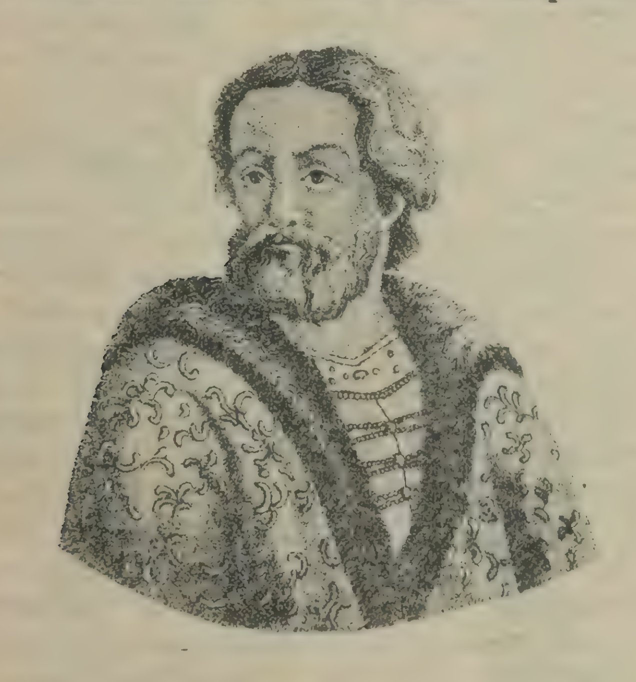
палъ мертвый, къ общему сожалѣнію нашихъ. Еще стоялъ златоверхній шатеръ Биргеровъ: отрокъ Александровъ, Савва, подсѣкъ его столбъ; шатеръ упалъ и россіяне возгласили побѣду. Темная ночь спасла остатки шведовъ. Они не хотѣли ждать утра: нагрузили двѣ шнеки тѣлами чиновниковъ, зарыли прочихъ въ яму и спѣшили удалиться. Главный воевода ихъ, Спиридонъ и епископъ, по разсказамъ плѣнниковъ, находились въ числѣ убитыхъ. Уронъ съ нашей стороны едва былъ замѣтенъ, и сія достопамятная битва, обрадовавъ тогда все наше горестное отечество, дала Александру славное прозваніе Невскаго. Обстоятельства ея тѣмъ для насъ любопытнѣе, что лѣтописецъ, служа сему князю, слышалъ ихъ отъ него самого и другихъ очевидцевъ.

Рыцари ливонскіе не помогали шведамъ, однакожъ старались вредить Новугороду. Ярославъ, сынъ Владиміра Псковскаго, въ 1233 году сосланный въ область Суздальскую, получивъ свободу, жилъ тогда у нѣмцевъ въ Эстоніи и питалъ ихъ ненависть къ россіянамъ. Во Псковѣ были также нѣкоторые измѣнники—чиновникъ Твердило и другіе,—склонявшіе рыцарей овладѣть симъ городомъ. Обнадеженные ими въ вѣрномъ успѣхѣ, нѣмцы собрали войско въ Оденпе, Дерптѣ, Феллинѣ, и съ княземъ Ярославомъ Владиміровичемъ взяли Изборскъ. Псковитяне сразились съ ними; но, претерпѣвъ великій уронъ и желая спасти городъ, зажженный непріятелемъ, должны были согласиться на міръ постыдный. Рыцари хотѣли аманатовъ: знатнѣйшіе люди представили имъ своихъ дѣтей, и гнусный измѣнникъ, Твердило, началъ господствовать во Псковѣ, дѣляся властію съ нѣмцами, грабя села новогородскія. Многіе добрые псковитяне ушли съ семействами къ Александру и требовали его защиты. Къ несчастію, сей князь имѣлъ тогда распрю съ новгородцами: досадуя на ихъ неблагодарность, онъ уѣхалъ къ отцу въ Переяславль Залѣсскій, съ матерію, супругою и всѣмъ дворомъ.

Между тѣмъ нѣмцы вступили въ область Новогородскую, обложили данію вожанъ и построили крѣпость на берегу Финскаго залива, въ Копорьѣ, чтобы утвердить свое господство въ нынѣшнемъ Ораніенбаумскомъ уѣздѣ; взяли на границахъ Эстоніи россійскій городокъ Тесовъ и грабили нашихъ купцовъ верстъ за 30 до Новагорода, гдѣ чиновники дремали или тратили время въ личныхъ ссорахъ. Народъ, видя бѣду, требовалъ себѣ защитника отъ Ярослава Всеволодовича и призналъ второго сына его, Андрея, своимъ княземъ; но зло не миновалось. Литва, нѣмцы, чудь опустошали берега Луги, уводили скотъ, лошадей, и земледѣльцы не могли обрабатывать полей. Надлежало прибѣгнуть къ герою Невскому; архіепископъ со многими боярами отправился къ Александру, убѣждалъ, молилъ князя и склонилъ его забыть вину Новагорода.

Александръ прибылъ, и все перемѣнилось. Немедленно собралось войско: новогородцы, ладожане, корела, ижерцы, весело шли подъ его знаменами къ Финскому заливу; взяли Копорье и плѣнили многихъ нѣмцевъ. Александръ освободилъ нѣкоторыхъ; но вожане и чудскіе измѣнники, служившіе непріятелю, въ страхъ другимъ были повѣшены.

Знаменитая отчизна святой Ольги также скоро избавилась отъ



ЯРОСЛАВЪ II. ВСЕВОЛОДОВИЧЪ.

Вел. Кн. Россійскій

власти предателя Твердила и чужеземцевъ. Александръ завоевалъ Псковъ, возвратилъ ему независимость и прислалъ въ Новгородъ скованныхъ нѣмцевъ и чудь. Лѣтописецъ ливонскій сказываетъ, что 70 мужественныхъ рыцарей положили тамъ свои головы и что князь Новогородскій, плѣнивъ 6 чиновниковъ, велѣлъ умертвить ихъ. Побѣдитель вошелъ въ Ливонію, и когда воины наши разсѣялись для собранія съѣстныхъ припасовъ, непріятель разбилъ малочисленный передовой отрядъ новогородскій. Тутъ Александръ оказалъ искусство благоразумнаго военачальника: зная

силу нѣмцевъ, отступилъ назадъ, искалъ выгоднаго мѣста и сталъ на Чудскомъ озерѣ. Еще зима продолжалась тогда въ апрѣлѣ мѣсяцѣ и войско могло безопасно дѣйствовать на твердомъ льду. Нѣмцы острою колонною врѣзались въ наши ряды; но мужественный князь, ударивъ на непріятелей сбоку, замѣшалъ ихъ; сломилъ, истреблялъ нѣмцевъ и гналъ чудь до самаго темнаго вечера. 400 рыцарей пали отъ нашихъ мечей; пятьдесятъ были взяты въ плѣнъ и въ томъ числѣ одинъ, который въ надменности своей хотѣлъ плѣнить самого Александра; тѣла чуди лежали на семи верстахъ. Изумленный симъ бѣдствіемъ, магистръ ордена съ трепетомъ ожидалъ Александра подъ стѣнами Риги и спѣшилъ отправить посольство въ Данію, моля короля спасти рижскую Богоматерь отъ невѣрныхъ, жестокихъ россіянъ; но храбрый князь, довольный ужасомъ нѣмцевъ, вложилъ мечъ въ ножны и возвратился въ городъ Псковъ. Нѣмецкіе плѣнники, потупивъ глаза въ землю, шли въ своей рыцарской одеждѣ за нашими всадниками. Духовенство встрѣтило героя со крестами и съ пѣснями священными, славя Бога и Алескандра; народъ стремился къ нему толпами, именуя его отцомъ и спасителемъ. Счастливый дѣломъ своимъ и радостію общею, сей добрый князь пролилъ слезы и съ чувствительностію сказалъ гражданамъ: „О, псковитяне! если забудете Александра, если самые отдаленные потомки мои не найдутъ у васъ вѣрнаго пристанища въ злополучіи, то вы будете примѣромъ неблагодарности!"—Новогородцы радовались не менѣе псковитянъ, и скоро послы ордена заключили съ ними миръ, размѣнялись плѣнными и возвратили псковскихъ аманатовъ, отказавшись не только отъ Луги и Водской области, но уступивъ Александру и знатную часть Летгалліи.

Въ сіе время литовцы разбили Ярослава Владиміровича, который, оставивъ нѣмцевъ, съ изволенія Александрова начальствовалъ въ Торжкѣ. Соединясь съ тверскою дружиною, Ярославъ гнался за хищниками до Торопца, гдѣ они считали себя уже въ безопасности, овладѣлъ крѣпостію; но герой Невскій приспѣлъ, взялъ городъ, истребилъ ихъ всѣхъ, однихъ на стѣнахъ, другихъ въ бѣгствѣ и въ томъ числѣ 8 князьковъ литовскихъ. Совершивъ подвигъ, Александръ отпустилъ войско, ѣхалъ съ малочисленною дружиною и вдругъ увидѣлъ себя окруженнаго новыми толпами непріятелей: ударилъ неустрашимо, разсѣялъ оныя, благополучно возвратился въ Новгородъ.—Однимъ словомъ, Александръ въ нѣсколько дней семь разъ побѣдилъ литовцевъ; воины его, ругаясь надъ ними, привязывали плѣнниковъ къ хвостамъ конскимъ.

Сіи частные успѣхи не могли перемѣнить общей судьбы россіянъ, уже данниковъ татарскихъ. Батый, завоевавъ многія обла-

сти польскія, Венгрію, Кроацію, Сервію, Дунайскую Болгарію, Молдавію, Валахію и, приведши въ ужасъ Европу, вдругъ, къ общему удивленію, остановилъ бурное стремленіе моголовъ и возвратился къ берегамъ Волги. Тамъ, именуясь ханомъ, утвердилъ онъ свое владычество надъ Россіею, землею половецкою, Тавридою, странами кавказскими и всѣми отъ устья Дона до рѣки Дуная. Никто не дерзалъ ему противиться: народы, государи старались смягчить его смиренными посольствами и дарами. Батый звалъ къ себѣ великаго князя. Ослушаніе казалось Ярославу неблагоразуміемъ въ тогдашнихъ обстоятельствахъ Россіи, изнуренной, безлюдной, полной развалинъ и гробовъ; презирая собственную личную опасность, великій князь отправился со многими боярами въ станъ Батыевъ, а сына своего, юнаго Константина, послалъ въ Татарію къ великому хану Октаю, который въ сіе время, празднуя блестящія завоеванія моголовъ въ Китаѣ и въ Европѣ, угощалъ всѣхъ старѣйшинъ народа. Никогда, по сказанію историка татарскаго, міръ не видалъ праздника столь роскошнаго, ибо число гостей было несмѣтно.—Батый принялъ Ярослава съ уваженіемъ и назвалъ главою всѣхъ князей россійскихъ, отдавъ ему Кіевъ (откуда Михаилъ уѣхалъ въ Черниговъ). Такъ государи наши торжественно отреклись отъ правъ народа независимаго и склонили выю подъ иго варваровъ. Поступокъ Ярослава служилъ примѣромъ для удѣльныхъ князей Суздальскихъ: Владиміръ Константиновичъ, юный Борисъ Васильковичъ, Василій Всеволодовичъ (внукъ Константиновъ) тоже били челомъ надменному Батыю, чтобы мирно господствовать въ областяхъ своихъ.

Сынъ Ярославовъ чрезъ два года возвратился изъ Китайской Татаріи; а великій князь, вторично принужденный ѣхать въ орду со всѣми родственниками, долженъ былъ самъ отправиться къ берегамъ Амура, гдѣ моголы, по смерти Октая, занимались избраніемъ новаго великаго хана. Ярославъ простился навѣки съ любезнымъ отечествомъ; сквозь степи и пустыни достигнувъ до ханскаго стана, онъ въ числѣ многихъ иныхъ данниковъ смирялся предъ трономъ Октаева наслѣдника, оправдалъ себя въ какихъ-то доносахъ, сдѣланныхъ на него хану однимъ россійскимъ вельможею и, получивъ милостивое дозволеніе ѣхать обратно, кончилъ жизнь на пути. Такимъ образомъ сей князь несчастный, бывъ свидѣтелемъ и жертвою народнаго уничиженія Россіи, не имѣлъ и послѣдняго утѣшенія сомкнуть глаза въ нѣдрахъ святого отечества! Вѣрные бояре привезли его тѣло въ столицу Владимірскую. Говорили, что онъ былъ отравленъ; что мать новаго хана Гаюка, какъ бы въ знакъ особеннаго благоволенія, предложивъ Ярославу пищу изъ собственныхъ рукъ, дала ему ядъ, который въ седьмой день прекратилъ его жизнь и ясно обнаружил-

ся пятнами на тѣлѣ умершаго. Но моголы, сильные мечомъ, не имѣли нужды дѣйствовать ядомъ, орудіемъ злодѣевъ слабыхъ. Могъ ли князь Владимірской области казаться страшнымъ монарху, повелѣвавшему народами отъ Амура до устья Дунайскаго!

Ярославъ, въ юности жестокій и непримиримый отъ честолюбія, украшался и важными достоинствами, какъ мы видѣли: благоразуміемъ дѣятельнымъ и бодростію въ государственныхъ несчастіяхъ, бывъ возобновителемъ разрушеннаго великаго княженія; гибкостію и превосходствомъ ума своего снискалъ почтеніе варваровъ, Батыя и Гаюка, но не заслужилъ ревностной похвалы нашихъ лѣтописцевъ, ибо не раздавалъ имѣнія церквамъ и монахамъ, отличаясь, можетъ быть, вѣрою просвѣщенною, а не суевятствомъ.—Супруга его, именемъ Ѳеодосія, оставленная имъ въ Новѣгородѣ, скончалась тамъ въ 1244 году; за малое время до смерти постриглась въ Георгіевскомъ монастырѣ и была схоронена въ ономъ подлѣ ея сына, Ѳеодора.

Россія, огорченная смертію Ярослава, почти въ то же время свѣдала ужасныя обстоятельства кончины Михаиловой. Узнавъ, что сынъ его, Ростиславъ, принятъ весьма дружелюбно въ Венгріи, и что Бела IV, въ исполненіе прежняго обязательства, наконецъ, выдалъ за него дочь свою, Михаилъ вторично поѣхалъ туда совѣтоваться съ королемъ о средствахъ избавить себя отъ ига татарскаго; но Бела изъявилъ къ нему столь мало уваженія и самъ Ростиславъ такъ холодно встрѣтилъ отца, что сей князь съ величайшимъ неудовольствіемъ возвратился въ Черниговъ, гдѣ сановники ханскіе переписывали тогда бѣдный остатокъ народа и налагали на всѣхъ людей дань поголовную, отъ земледѣльца до боярина. Они велѣли Михаилу ѣхать въ орду. Надлежало покориться необходимости. Принявъ отъ духовника благословеніе и запасные святые дары, — ободренный, утѣшенный его христіанскими наставленіями, онъ съ вельможею Ѳеодоромъ и съ юнымъ внукомъ, Борисомъ Васильковичемъ Ростовскимъ, прибылъ въ станъ къ моголамъ и хотѣлъ уже вступить въ шатеръ Батыевъ но волхвы или жрецы сихъ язычниковъ, блюстители древнихъ суевѣрныхъ обрядовъ, требовали, чтобы онъ шелъ сквозь разложенный передъ ставкою священный огонь и поклонился ихъ кумирамъ. „Нѣтъ,—сказалъ Михаилъ,—я могу поклониться царю вашему, ибо небо вручило ему судьбу государствъ земныхъ; но христіанинъ не служитъ ни огню, ни глухимъ идоламъ“. Услышавъ о томъ, свирѣпый Батый объявилъ ему чрезъ своего вельможу, именемъ Эльдега, что должно повиноваться или умереть. „Да будетъ!“ отвѣтствовалъ князь; вынувъ запасные дары, вмѣстѣ съ любимцемъ своимъ, Ѳеодоромъ, причастился Святыхъ Таинъ и, пылая ревностію христіанскихъ мучениковъ, пѣлъ громогласно

святые псалмы Давидовы. Напрасно юный Борисъ хотѣлъ его смягчить моленіемъ и слезами; напрасно вельможи ростовскіе брали на себя грѣхъ и торжественное покаяніе, если Михаилъ исполнитъ волю Батыеву, слѣдуя примѣру другихъ князей нашихъ. „Для васъ не погублю души,—говорилъ онъ и, свергнувъ съ себя мантію княжескую, промолвилъ:—„возьмите славу міра; хочу небесной“. По данному знаку убійцы бросились какъ тигры на Михаила, били его въ сердце, топтали ногами: бояре россійскіе безмолвствовали отъ ужаса. Одинъ Ѳеодоръ стоялъ покойно и съ веселымъ лицомъ ободрялъ терзаемаго князя, говоря, что онъ умираетъ какъ должно христіанину; что муки земныя непродолжительны, а награда небесная безконечна. Желая, можетъ быть, прекратить Михаилово страданіе, какой-то отступникъ вѣры христіанской, именемъ Доманъ, житель Путивля, отсѣкъ ему голову и слышалъ послѣднія, тихо произнесенныя имъ слова: „христіанинъ есмь!“ Пишутъ, что самъ Батый, удивляясь твердости сего несчастнаго князя, назвалъ его великимъ мужемъ. Бояринъ Ѳеодоръ пріялъ также вѣнецъ мученика и доказалъ, что онъ, утѣшая Михаила, не лицемѣрилъ: ибо, раздираемый на части варварами, славилъ благость Небесную и свою долю. Тѣла ихъ, поверженные на снѣденіе псамъ, были сохранены усердіемъ россіянъ, а церковь признала святыми и великодушнаго князя, и вѣрнаго слугу его, которые, не имѣвъ силъ одолѣть моголовъ въ битвѣ, рѣдкою твердостію доказали, по крайней мѣрѣ, чудесную силу христіанства.—Юный Борисъ Васильковичъ, оплакавъ жребій дѣда, долженъ былъ ѣхать къ Сартаку, Батыеву сыну, кочевавшему на границахъ Россіи, и получилъ дозволеніе возвратиться въ свой удѣлъ; о князьяхъ же Черниговскихъ съ того времени почти совсѣмъ не упоминается въ нашихъ лѣтописяхъ: знаемъ единственно, что тамъ около 1261 года властвовалъ Андрей Всеволодовичъ, зять Даніила, брата Василька. Сыновья Михаиловы, по кончинѣ отца, княжили въ удѣлахъ: Романъ въ Брянскѣ, Мстиславъ въ Карачевѣ, Симеонъ въ Глуховѣ, Юрій въ Торуссѣ; а старшій ихъ братъ, Ростиславъ, зять короля Белы, остался въ Венгріи и, получивъ въ удѣлъ отъ своего тестя Банатъ Маховскій (въ Сервіи), назывался государемъ сей области, герцогомъ Болгаріи и повелителемъ Славоніи (Rex De Madeshan, Dux et Imperator Bulgariae et Banus totius Sclavoniae). Отъ сыновей его, Белы и Михаила, пошли герцоги Маховскіе и Баснійскіе; сестра же ихъ совокупилась бракомъ съ Лешкомъ Чернымъ, герцогомъ польскимъ.

Счастливѣе князя Черниговскаго былъ Даніилъ въ своихъ первыхъ сношеніяхъ съ ордою. Послы за послами являлись у него отъ имени ханскаго, требуя, чтобы онъ искалъ милости Батые-

вой раболѣпствомъ или отказался отъ земли галицкой. Наконецъ Даніилъ поѣхалъ къ сему завоевателю чрезъ кіевскую столицу, управляемую бояриномъ Ярослава Суздальскаго, Димитріемъ Ейковичемъ; встрѣтилъ татаръ за Переяславлемъ, гостилъ у Куремсы, ихъ Темника, и въ окрестностяхъ Волги нашелъ Батыя, который, въ знакъ особеннаго благоволенія, немедленно впустилъ его въ свой шатеръ безъ всякихъ суевѣрныхъ обрядовъ, ненавистныхъ для православія нашихъ князей. „Ты долго не хотѣлъ меня видѣть,—сказалъ Батый,—но теперь загладилъ вину повиновеніемъ". Горестный князь пилъ кумысъ, преклоняя колѣна и славя величіе хана. Батый хвалилъ Даніила за соблюденіе татарскихъ обычаевъ; однакожъ велѣлъ дать ему кубокъ вина, говоря: „вы не привыкли къ нашему молоку". Сія честь стоила не дешево; Даніилъ, пробывъ 25 дней въ Улусахъ, выѣхалъ оттуда съ именемъ слуги и данника ханскаго.—Далѣе откроется, что сей князь, лаская моголовъ, хотѣлъ единственно усыпить ихъ на время, и думалъ о средствахъ избавить отечество отъ ига. Между тѣмъ государи сосѣдственные, устрашенные его дружественною связію съ ордою, начали оказывать къ нему гораздо болѣе уваженія. Незадолго до того времени король Бела имѣлъ съ нимъ новую вражду. Ростиславъ Михаиловичъ, зять королевскій, предводительствуя венграми, осаждалъ Ярославль; съ обѣихъ сторонъ изъявляли остервенѣніе и казнили знатнѣйшихъ плѣнниковъ; въ томъ числѣ россіяне умертвили славнаго гордостію полководца венгерскаго Фильнію, и въ кровопролитной битвѣ одержали верхъ. Боясь, чтобы моголы, какъ покровители Даніила, вторично не явились за горами Карпатскими, Бела предложилъ ему тѣсный союзъ и выдалъ меньшую дочь, именемъ Констанцію, за его сына Льва: чему способствовалъ митрополитъ Кириллъ, избранный Даніиломъ и Василькомъ на мѣсто Іосифа; онъ ѣхалъ ставиться въ Константинополь чрезъ Венгрію, говорилъ съ Белою и ручался своимъ князьямъ за искренность сего монарха. Утвердивъ вѣчный съ нимъ миръ, Даніилъ жилъ согласно и съ поляками, Конрадъ умеръ его другомъ; Болеславъ Мазовскій тоже. Послѣдній женатый на дочери Александра Бользскаго, Анастасіи, въ угодность Даніилу отказалъ Мазовію брату своему, Самовиту.

Описавъ случаи временъ Ярославовыхъ, мы должны упомянуть о любопытномъ путешествіи Іоанна Планъ-Карпина, монаха францисканскаго, въ Татарію къ великому хану. Европа, приведенная въ ужасъ нашествіемъ Батыевымъ, еще трепетала, взирая на развалины Польши и Венгріи: ибо татары могли возвратиться. Нѣмецкій императоръ писалъ ко всѣмъ государямъ, чтобы они собрали войско для спасенія царствъ и вѣры. Безпокойство, волненіе было общее; народъ постился; духовенство день и ночь мо-

лилось въ храмахъ. Одинъ св. Людовикъ, мужественный король французскій, не терялъ бодрости и спокойно отвѣтствовалъ матери, что онъ, въ надеждѣ на Бога и на мечъ свой, смѣло встрѣтить варваровъ. Но папа Иннокентій IV, желая миромъ удалить бурю, отправилъ къ хану монаховъ съ дружелюбными письмами. Іоаннъ Карпинъ, одинъ изъ сихъ пословъ, въ 1246 году проѣзжалъ изъ Италіи чрезъ Россію и сообщаетъ слѣдующія извѣстія о тогдашнемъ ея состояніи и моголахъ. Увидимъ, что папа, думая о татарахъ, не забывалъ и нашихъ предковъ, усильно домогаясь подчинить насъ латинской церкви. Несчастія россіянъ давали ему тѣмъ болѣе надежды успѣть въ семъ важномъ дѣлѣ.

„Въ Мазовіи,—пишетъ Карпинъ,—встрѣтили мы князя россійскаго, Василька (брата Даніилова, ходившаго тогда съ мазовскимъ герцогомъ на ятвяговъ), которѣй разсказалъ намъ весьма много любопытнаго о татарахъ. Узнавъ, что не должно ѣхать въ орду съ пустыми руками, мы купили нѣсколько бобровыхъ и другихъ шкуръ. Конрадъ, герцогъ краковскій, епископъ и бароны польскіе снабдили насъ также всякими мѣхами, прося князя Василька быть нашимъ покровителемъ. Вмѣстѣ съ нимъ пріѣхали мы въ его столицу (Владиміръ Волынскій), гдѣ отдохнувъ, желали бесѣдовать съ россійскими епископами и предложили имъ письма отъ папы, который убѣждалъ ихъ присоединиться къ латинской церкви; но епископы и Василько отвѣтствовали, что они не могутъ ничего сказать намъ безъ князя Даніила, брата Василькова, бывшаго тогда въ ордѣ. Послѣ чего Василько отправилъ насъ съ вожатымъ въ Кіевъ, куда мы и прибыли благополучно, не смотря на глубокій снѣгъ, холодъ и многія опасности, ибо литовцы безпрестанными набѣгами тревожатъ сію часть Россіи. Жителей вездѣ мало: они истреблены моголами или отведены ими въ плѣнъ. Въ Кіевѣ наняли мы татарскихъ лошадей, а своихъ оставили, ибо онѣ могли бы умереть съ голода въ дорогѣ, гдѣ нѣтъ ни сѣна, ни соломы; а татарскія, разбивая копытами снѣгъ, питаются одною мерзлою травою.

„Первое мѣсто, въ коемъ живутъ моголы (близъ Кіева), называется Хановымъ. Они со всѣхъ сторонъ окружили насъ, спрашивая, зачѣмъ и куда ѣдемъ? Я отвѣчалъ, что мы послы отца и владыки всѣхъ христіанъ, который, ничѣмъ не оскорбивъ государей татарскихъ, съ крайнимъ изумленіемъ свѣдалъ о разореніи Венгріи и Польши, гдѣ живутъ его подданные; что онъ, желая мира, въ письмахъ своихъ убѣждаетъ хановъ принять вѣру христіанскую, безъ коей нѣтъ спасенія. Моголы удовольствовались нѣкоторыми подарками и дали намъ вожатыхъ до орды главнаго ихъ начальника. Онъ называется Куремсою, предводительствуетъ шестидесятью тысячами воиновъ и хранитъ западные пре-

дѣлы могольскихъ владѣній.—Куремса отправилъ насъ къ Батыю, первѣйшему изъ хановъ послѣ великаго.

„Мы проѣхали всю землю половецкую, обширную равнину, гдѣ текутъ рѣки: Днѣпръ, Донъ, Волга, Яикъ и гдѣ лѣтомъ кочуютъ татары, повинуясь разнымъ воеводамъ, а зимою приближаются къ морю Греческому (или Черному). Самъ Батый живетъ на берегу Волги, имѣя пышный, великолѣпный дворъ, и 600,000 воиновъ, 160,000 татаръ и 450,000 иноплеменниковъ, христіанъ и другихъ подданныхъ. Въ пятницу Страстныя недѣли провели насъ въ ставку его между двумя огнями для того, какъ говорили татары, что огонь есть чистилище для всякихъ злыхъ умысловъ, отнимая даже силу у скрываемаго яда. Мы должны были нѣсколько разъ кланяться и вступить въ шатеръ, не касаясь порога. Батый сидѣлъ на тронѣ съ одною изъ женъ своихъ; его братья, дѣти и вельможи на скамьяхъ; другіе на землѣ, мужчины на правой, а женщины на лѣвой сторонѣ. Сей шатеръ, сдѣланный изъ тонкаго полотна, принадлежалъ королю венгерскому: никто не смѣетъ входить туда безъ особеннаго дозволенія, кромѣ семейства ханскаго. Намъ указали мѣсто на лѣвой сторонѣ, и Батый съ великимъ вниманіемъ читалъ письма Иннокентіевы, переведенныя на языки славянскій, арабскій и татарскій. Между тѣмъ онъ и вельможи его пили изъ золотыхъ или серебряныхъ сосудовъ, при чемъ всегда гремѣла музыка съ пѣснями. Батый имѣетъ лицо красноватое; ласковъ въ обхожденіи съ своими, но грозенъ для всѣхъ; на войнѣ жестокъ, хитръ и славится опытностію.—Онъ велѣлъ намъ ѣхать къ великому хану.

„Хотя мы были весьма слабы, ибо питались во весь постъ однимъ просомъ и пили только снѣжную воду, однакожъ ѣхали скоро, пять или шесть разъ въ день мѣняя лошадей, гдѣ находили ихъ. Земля половецкая во многихъ мѣстахъ есть дикая степь: жители истреблены татарами или бѣжали; другіе признали себя ихъ подданными. Она граничитъ къ сѣверу съ Россіею, Мордвою, Болгаріею, Башкиріею (pays des Bastargues), отечествомъ венгровъ и съ самоѣдами (Samogèdes), обитающими на пустынныхъ берегахъ Океана; къ югу съ аланами (осетинцами), черкесами, козарами и Греціею. За половцами начинается страна кангитовъ (канглей или хвалисовъ), совершенно безводная и мало населенная. Въ сей печальной степи (нынѣ киргизской) умерли отъ жажды бояре Ярослава, князя россійскаго, посланные имъ въ Татарію: мы видѣли ихъ кости. Вся земля опустошена моголами; жители, не имѣя домовъ, обитаютъ въ шатрахъ, и такъ же, какъ половцы, не знаютъ хлѣбопашества, а кормятся однимъ скотоводствомъ.

„Около Вознесенія Христова въѣхали мы въ страну бесерме-

новъ (харазовъ или хивинцевъ), говорящихъ языкомъ половцевъ, но исповѣдующихъ вѣру сарацинскую. Тамъ представилось намъ множество селъ и городовъ опустошенныхъ. Владѣтель ихъ, называемый великимъ султаномъ погибъ со всѣмъ родомъ отъ меча татарскаго. Сія земля имѣетъ большія горы и сопредѣлена къ сѣверу (Востоку) съ черными китанами (въ Малой Бухаріи), гдѣ живетъ Сибанъ, братъ Батыевъ, и гдѣ находится дворецъ ханскій. Далѣе мы увидѣли обширное озеро (Байкалъ), оставили его на лѣвой сторонѣ и чрезъ землю кочующихъ наймановъ, въ исходѣ іюля, прибыли въ отечество моголовъ, которые суть истинные татары.

„Уже нѣсколько лѣтъ они готовились къ избранію великаго хана, но Гаюкъ еще не былъ торжественно возглашенъ Октаевымъ преемникомъ: онъ велѣлъ намъ ждать сего времени и послалъ къ матери, вдовствующей супругѣ Октаевой, именемъ Туракинѣ, у коей собирались всѣ чиновники и старѣйшины, ибо она была тогда правительницею. Ея ставка, обнесенная тыномъ, могла вмѣстить болѣе 2,000 человѣкъ. Воеводы сидѣли на коняхъ, богато украшенныхъ серебромъ, и совѣтовались между собою. Одежда ихъ въ первый день была пурпуровая бѣлая, на другой день красная, на третій синеватая, а на четвертый алая. Народъ толпился внѣ ограды. У воротъ стояли воины съ обнаженными мечами; въ другія ворота, хотя оставленныя безъ стражи, никто не смѣлъ входить, кромѣ Гаюка. Вельможи безпрестанно пили кумысъ и хотѣли насъ также поить, но мы отказались. Они вездѣ давали первое мѣсто намъ и россійскому князю Ярославу; тутъ же находились два сына грузинскаго царя, посолъ калифа багдадскаго и многіе другіе послы сарацинскіе, числомъ до четырехъ тысячъ: одни съ дарами, иные съ данію.

„Такимъ образомъ мы жили цѣлый мѣсяцъ въ семъ шумномъ станѣ, называемомъ Сыра орда, и часто видѣли Гаюка. Когда онъ выходилъ изъ шатра своего, пѣвцы обыкновенно шли впереди и громко пѣли его славу. Наконецъ дворъ переѣхалъ въ другое мѣсто и расположился на берегу ручья, орошающаго прекрасную долину, гдѣ стоялъ великолѣпный шатеръ, называемый Златая Орда. Столбы сего шатра, внутри и снаружи украшеннаго богатыми тканями, были окованы золотомъ. Тамъ надлежало Гаюку торжественно возсѣсть на престолъ въ день Успенія Богоматери. Но ужасная непогода, градъ и снѣгъ препятствовали совершенію обряда до 24 августа. Въ сей день собрались вельможи и, смотря на югъ, долго молились Всевышнему: послѣ чего возвели Гаюка на златой тронъ и преклонили колѣна; народъ также. Князья и вельможи говорили импературу: мы хотимъ и требуемъ, чтобы ты повелѣвалъ нами. Гаюкъ спросилъ: же-

лая имѣть меня государемъ, готовы ли вы исполнять мою волю; являться, когда позову васъ; идти, куда велю: и предать смерти всякаго, кого наименую? Всѣ отвѣтствовали: „готовы!..“ „Итакъ,— сказалъ Гаюкъ — слово мое да будетъ отнынѣ мечомъ!“ Вельможи взяли его за руки, свели съ трона и посадили на войлокъ, говоря импературу: „Надъ тобою небо и Всевышній; подъ тобой земля и войлокъ. Если будешь любить наше благо, милость и правду, уважая князей и вельможъ по ихъ достоинству, то царство Гаюково прославится въ мірѣ, земля тебѣ покорится, и Богъ исполнитъ всѣ желанія твоего сердца. Но если обманешь надежду подданныхъ, то будешь презрителенъ и столь бѣденъ, что самый войлокъ, на которомъ ты сидишь, у тебя отнимется“. Тогда вельможи, поднявъ Гаюка на рукахъ, возгласили его императоромъ и принесли къ нему множество серебра, золота, камней драгоцѣнныхъ и всю казну умершаго хана; а Гаюкъ часть сего богатства роздалъ чиновникамъ въ знакъ ласки и щедрости. Между тѣмъ готовился пиръ для князей и народа; пили до самой ночи и развозили въ телѣгахъ мясо, вареное безъ соли.

„Гаюкъ имѣетъ отъ роду 40 или 45 лѣтъ, росту средняго, отмѣнно уменъ, догадливъ и столь важенъ, что никогда не смѣется. Христіане, служащіе ему, увѣряли насъ, что онъ думаетъ принять вѣру Спасителеву, ибо держитъ у себя христіанскихъ священниковъ и дозволяетъ имъ всенародно передъ своимъ шатромъ отправлять божественную службу по обрядамъ греческой церкви. Сей императоръ говоритъ съ иностранцами только черезъ переводчиковъ, и всякій, кто подходитъ къ нему, долженъ стать на колѣна. У него есть гражданскіе чиновники и секретари, но нѣтъ стряпчихъ, ибо моголы не терпятъ ябеды, и слово ханское рѣшитъ тяжбу. Что скажетъ государь, то и сдѣлано; никто не смѣетъ возражать или просить его дважды объ одномъ дѣлѣ. Гаюкъ, пылая славолюбіемъ, готовъ цѣлый міръ обратить въ пепелъ. Смерть Октаева удержала моголовъ въ ихъ стремленіи сокрушить Европу; нынѣ, имѣя новаго хана, они ревностно желаютъ кровопролитія, и Гаюкъ, едва избранный, въ первомъ совѣтѣ съ князьями своими положилъ объявить войну церкви нашей, имперіи Римской, всѣмъ государямъ христіанскимъ и народамъ западнымъ, если св. отецъ—чего Боже избави—не исполнитъ его требованій, то-есть не покорится ему со всѣми государями европейскими, ибо моголы, слѣдуя завѣщанію Чингисханову, непремѣнно хотятъ овладѣть вселенною.

„Гаюкъ чрезъ нѣсколько дней принялъ насъ, равно какъ и другихъ пословъ. Секретарь его сказывалъ ему имя каждаго; однакожъ немногіе изъ нихъ были впущены въ ставку императорскую. Дары, подвесенные ими хану, состояли въ шелковыхъ, тканяхъ,

поясахъ, мѣхахъ, сѣдлахъ, также верблюдахъ и лошакахъ, богато украшенныхъ. Между сими безчисленными дарами мы замѣтили одинъ зонтикъ, весь осыпанный драгоцѣнными камнями. Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ шатровъ стояло болѣе пяти сотъ телѣгъ, наполненныхъ золотомъ, серебромъ, шелковыми одеждами— это все было отдано хану, князьямъ и вельможамъ, которые послѣ дарили тѣмъ своихъ чиновниковъ. Одни мы не поднесли ничего, ибо ничего не имѣли.

„Въ намѣреніи воевать Западъ, Гаюкъ не хотѣлъ вступить съ нами въ переговоры, и мы около мѣсяца жили праздно, въ скукѣ, въ недостаткѣ, получая отъ моголовъ на пять дней не болѣе того, что надлежало издержать въ одинъ день, а купить было нечего. Къ счастію, добрый россіянинъ, золотарь, именемъ Комъ, любимецъ Гаюковъ, надѣлялъ насъ всѣмъ нужнымъ. Онъ сдѣлалъ печать для хана и тронъ изъ слоновой кости, украшенный золотомъ и камнями драгоцѣнными съ разными изображеніями, и съ удовольствіемъ показывалъ намъ свою работу.—Наконецъ Гаюкъ, призвавъ насъ, спросилъ, есть ли у папы люди, знающіе языкъ татарскій, русскій или арабскій?—Нѣтъ, отвѣчали мы: хотя въ Европѣ и находятся нѣкоторые арабы, но далеко отъ того мѣста, гдѣ живетъ папа. Впрочемъ, мы брались сами перевести на латинскій языкъ, что будетъ угодно хану написать къ св. отцу. Вслѣдствіе того пришелъ къ намъ кадакъ, государственный министръ, съ тремя ханскими секретарями для сочиненія грамоты, которую мы, слушая ихъ, писали на латинскомъ языкѣ и толковали имъ каждое слово: ибо они боялись ошибки въ переводѣ и спрашивали, ясно ли разумѣемъ, что пишемъ? Приставы наши говорили, что ханъ отправитъ съ нами собственныхъ пословъ въ Европу, если будемъ о томъ просить его; но сего мы не хотѣли: во-первыхъ, для того, что они увидѣли бы несогласіе и междоусобіе государей христіанскихъ, столь благопріятное для невѣрныхъ; во-вторыхъ, ежели бы съ послами Гаюка сдѣлалось какое несчастіе въ Европѣ, то онъ еще болѣе остервенился бы противъ христіанъ. Къ тому же ханъ не уполномочилъ бы сихъ пословъ для заключенія надежнаго мира, а велѣлъ бы имъ единственно вручить письма св. отцу такого же содержанія, какъ и данныя намъ за его печатію.

„Откланявшись Гаюку и матери его, которая дала намъ по шубѣ лисьей и по красному кафтану, мы отправились въ обратный путь, 14 ноября, чрезъ необозримыя пустыни; не видали ни селеній, ни лѣсовъ, ночевали въ степяхъ на снѣгу и пріѣхали къ Вознесенію въ станъ Батыевъ, чтобы взять у него письма къ папѣ. Но Батый сказалъ, что онъ не можетъ ничего прибавить къ отвѣту хана, и далъ намъ пропускъ, съ коимъ мы благопо-

лучно доѣхали до Кіева, гдѣ считали насъ уже мертвыми, равно какъ и въ Польшѣ. Князь Россійскій Даніилъ и братъ его, Василько, оказали намъ много ласки въ своемъ владѣніи и, собравъ епископовъ, игуменовъ, знатныхъ людей, съ общаго согласія, объявили, что они намѣрены признать св. отца главою ихъ церкви, подтверждая все сказанное ими о томъ прежде черезъ особеннаго посла, бывшаго у папы".

Сіе важное извѣстіе согласно съ грамотами Иннокентія IV, съ лѣтописями польскими и нашими собственными. Занимаясь великимъ намѣреніемъ свергнуть иго Батыево, Даніилъ съ горестію видѣлъ слабость Россіи, уныніе князей и народа, не могъ надѣяться на ихъ содѣйствіе и долженствовалъ искать способовъ внѣ отечества. Единовѣрная Греція, стѣсненная аравитянами, турками, крестоносцами, едва существовала. Даніилъ обратилъ глаза на Западъ, гдѣ Римъ былъ душею и средоточіемъ всѣхъ государственныхъ движеній. Сей князь (въ 1245 или 1246 году) далъ знать Иннокентію, что желаетъ соединить церковь нашу съ латинскою, готовый подъ ея знаменами идти противъ моголовъ. Началось дружелюбное сношеніе съ Римомъ. Папа, называя Даніила королемъ и любезнѣйшимъ сыномъ, велѣлъ архіепископу прусскому ѣхать въ Галицію и выбрать тамъ святителей изъ ученыхъ монаховъ католическихъ; объявилъ снисходительно, что всѣ обряды греческой вѣры, не противные латинской, могутъ и впредь быть у насъ соблюдаемы невозбранно (какъ-то служеніе на квасныхъ просфорахъ), и въ знакъ особенной благосклонности утвердилъ супружество князя Василька, женатаго на родственницѣ въ третьемъ и четвертомъ колѣнѣ (такъ сказано въ письмѣ Иннокентіевомъ, гдѣ сія дочь Георгія Суздальскаго именована Добравою); наконецъ, чтобы обольстить Даніилово честолюбіе, предложилъ ему вѣнецъ королевскій. Разумный князь отвѣтствовалъ: „требую войска, а не вѣнца, украшенія суетнаго, пока варвары господствуютъ надъ нами". Иннокентій обѣщалъ войско, но Даніилъ въ ожиданіи того медлилъ объявить себя католикомъ; оба хитрили, досадовали, и въ 1249 году легатъ папскій съ неудовольствіемъ выѣхалъ изъ Галиціи. Посредничество короля венгерскаго утушило сію явную ссору: въ залогъ милости Иннокентій (въ 1253 или 1254 году) прислалъ къ Даніилу вѣнецъ съ другими царскими украшеніями. Достойно замѣчанія, что князь Галицкій, нечаянно встрѣтивъ пословъ римскихъ въ Краковѣ, не хотѣлъ видѣть ихъ, сказавъ: „мнѣ, какъ государю, непристойно бесѣдовать съ вами въ землѣ чуждой". Онъ вторично не хотѣлъ принять и короны, но убѣжденный матерію, вдовствующею супругою Романовою, и герцогами польскими, согласился, требуя, чтобы Иннокентій взялъ дѣйствительнѣйшія мѣры для обороны христіанъ отъ Батыя и до

всеобщаго собора не осуждалъ догматовъ греческой церкви, вслѣдствіе чего Даніилъ призналъ папу своимъ отцомъ и намѣстникомъ св. Петра, коего властію посолъ Иннокентіевъ, аббатъ мессинскій, въ присутствіи народа и бояръ возложилъ вѣнецъ на главу его. Сей достопамятный обрядъ совершился въ Дрогичинѣ, и князь Галицкій съ того времени именовался королемъ; а папа написалъ грамоту къ богемскому, моравскому, польскому, сербскому и другимъ народамъ, чтобы они вмѣстѣ съ галичанами, подъ знаменіемъ креста ударили на моголовъ; но какъ отъ безразсуднаго междоусобія христіанскихъ государей сіе ополченіе не состоялось, то Даніилъ снялъ съ себя личину, отрекся отъ связи съ Римомъ и презрѣлъ гнѣвъ папы, Александра IV, который (въ 1257 году) писалъ къ нему, что онъ забылъ духовныя и временныя благодѣянія церкви, вѣнчавшей и помазавшей его на царство; не исполнилъ своихъ обѣтовъ и погибнетъ, если съ новымъ раскаяніемъ не обратится на путь истинный; что клятва церковная и булатъ мірскій готовы наказать неблагодарнаго". Въ надеждѣ смирять моголовъ посольствами и дарами, новый король галицкій, богатый казною, сильный войскомъ, окруженный сосѣдями или несогласными или слабыми, уже смѣялся надъ злобою папы и, строго наблюдая уставы греческой церкви, доказалъ, что мнимое присоединеніе его къ латинской было одною государственною хитростію.

Обращаясь къ путешествію Карпина, предложимъ сказанное имъ о свойствѣ, нравахъ и вѣрѣ моголовъ: сіи извѣстія также достойны замѣчанія, сообщая намъ ясно понятіе о народѣ, который столь долгое время угнеталъ Россію.

„Татары (повѣствуетъ Карпинъ) отличны видомъ отъ всѣхъ иныхъ людей, имѣя щеки выпуклыя и надутыя, глаза едва примѣтные, ноги маленькія; большею частію ростомъ не высоки и худы; лицомъ смуглы и рябы. Они брѣютъ волосы за ушами и спереди на лбу, отпуская усы, бороду и длинныя косы назади; выстригаютъ себѣ также гуменцо, подобно нашимъ священникамъ. Мужчины и женщины носятъ кафтаны парчевые, шелковые и клеешные, или шубы навыворотъ (получая ткани изъ Персіи, а мѣха изъ Россіи, Болгаріи, земли мордовской, Башкиріи) и какія-то странныя высокія шапки. Живутъ въ шатрахъ, сплетенныхъ изъ прутьевъ и покрытыхъ войлоками; вверху дѣлается отверстіе, чрезъ которое входитъ свѣтъ и выходитъ дымъ: ибо у нихъ всегда пылаетъ огонь въ ставкѣ. Стада и табуны могольскіе безчисленные, въ цѣлой Европѣ нѣтъ такого множества лошадей, верблюдовъ, овецъ, козъ и рогатой скотины. Мясо и жидкая просяная каша есть главная пища сихъ дикарей, довольныхъ малымъ ея количествомъ. Они не знаютъ хлѣба; ѣдятъ все нечистыми

руками, обтирая ихъ о сапоги или траву; не моютъ ни котловъ, ни самой одежды своей; любятъ кумысъ и пьянство до крайности, а медъ, пиво и вино получаютъ иногда изъ другихъ земель. Мужчины не занимаются никакими работами: иногда присматриваютъ только за стадами или дѣлаютъ стрѣлы. Младенцы трехъ и двухъ лѣтъ уже садятся на лошадь; женщины также ѣздятъ верхомъ и многія стрѣляютъ изъ лука не хуже воиновъ; въ хозяйствѣ же удивительно трудолюбивы; стряпаютъ, шьютъ платья, сапоги; чинятъ телѣги, навьючиваютъ верблюдовъ. Вельможи и богатые люди имѣютъ до ста женъ; двоюродные совокупляются бракомъ, пасынокъ съ мачехою, невѣстки съ деверемъ. Женихъ обыкновенно покупаетъ невѣсту у родителей и весьма дорогою цѣною. Не только прелюбодѣяніе, но и блудъ наказывается смертію; равно какъ и воровство столь необыкновенно, что татары не употребляютъ замковъ; боятся, уважаютъ чиновниковъ и въ самомъ пьянствѣ не ссорятся или, по крайней мѣрѣ, не дерутся между собою; скромны въ обхожденіи съ женщинами и ненавидятъ срамословіе; терпѣливо сносятъ зной, морозъ, голодъ и съ пустымъ желудкомъ поютъ веселыя пѣсни; рѣдко имѣютъ тяжбы и любятъ помогать другъ другу, но зато всѣхъ иноплеменныхъ презираютъ, какъ мы видѣли собственными глазами: напримѣръ, Ярославъ, великій князь россійскій, и сынъ царя грузинскаго, будучи въ ордѣ, не смѣли иногда сѣсть выше своихъ приставовъ. Татаринъ не обманываетъ татарина, но обмануть иностранца считается похвальною хитростію.

„Что касается до ихъ закона, то они вѣруютъ въ Бога, Творца Вселенныя, награждающаго людей по ихъ достоинству, но приносятъ жертвы идоламъ, сдѣланнымъ изъ войлока или шелковой ткани, считая ихъ покровителями скота; обожаютъ солнце, огонь, луну, называютъ оную великою царицею и преклоняютъ колѣна, обращаясь лицомъ къ югу, славятся терпимостію и не проповѣдуютъ вѣры своей; однакожъ принуждаютъ иногда христіанъ слѣдовать обычаямъ могольскимъ, въ доказательство чего разскажемъ случай, которому мы были свидѣтелями. Батый велѣлъ умертвить одного князя россійскаго, именемъ Андрея, будто бы за то, что онъ, вопреки ханскому запрещенію, выписывалъ для себя лошадей изъ Татаріи и продавалъ чужеземцамъ. Братъ и жена убитаго князя, пріѣхавъ къ Батыю, молили его не отнимать у нихъ княженія; онъ согласился, но принудилъ деверя къ брачному совокупленію съ невѣсткою, по обычаю моголовъ.

„Не вѣдая правилъ истинной добродѣтели, они вмѣсто законовъ имѣютъ какія-то преданія и считаютъ за грѣхъ бросить въ огонь ножикъ, опереться на хлыстъ, умертвить птенца, вылить молоко на землю, выплюнуть изо рта пищу; но убивать лю-

дей и разорять государства кажется имъ дозволенною забавою. О жизни вѣчной не умѣютъ сказать ничего яснаго, а думаютъ, что они и тамъ будутъ ѣсть, пить, заниматься скотоводствомъ и проч. Жрецы ихъ суть такъ называемые волхвы, гадатели будущаго, коихъ совѣтъ уважается ими во всякомъ дѣлѣ. (Глава ихъ, или патріархъ, живетъ обыкновенно близъ шатра ханскаго. Имѣя астрономическія свѣдѣнія, они предсказываютъ народу солнечныя и лунныя затменія.)

„Когда занеможетъ татаринъ, родные ставятъ передъ шатромъ копье, обвитое чернымъ войлокомъ; сей знакъ удаляетъ отъ больного всѣхъ постороннихъ. Умирающаго оставляютъ и родные. Кто былъ при смерти человѣка, тотъ не можетъ видѣть ни хана, ни князей до новой луны. Знатныхъ людей погребаютъ тайно, съ пищею, съ осѣдланнымъ конемъ, серебромъ и золотомъ; телѣга и ставка умершаго должны быть сожжены, и никто не смѣетъ произнести его имени до третьяго поколѣнія. Кладбище хановъ, князей, вельможъ неприступно; гдѣ бы они ни скончали жизнь свою, моголы отвозятъ ихъ тѣла въ сіе мѣсто; тамъ погребены многіе, убитые въ Венгріи. Стражи едва было не застрѣлили насъ, когда мы нечаянно приблизились къ гробамъ.

„Таковъ сей народъ, ненасытимый въ кровопролитіи. Побѣжденные обязаны давать моголамъ десятую часть всего имѣнія, рабовъ, войско и служатъ орудіемъ для истребленія другихъ народовъ. Въ наше время Гаюкъ и Батый прислали въ Россію вельможу своего съ тѣмъ, чтобы онъ бралъ вездѣ отъ двухъ сыновей третьяго; но сей человѣкъ нахваталъ множество людей безъ всякаго разбора и переписалъ всѣхъ жителей, какъ данниковъ, обложивъ каждаго изъ нихъ шкурою бѣлаго медвѣдя, бобра, куницы, хорька и черною лисьею; а неплатящіе должны быть рабами моголовъ. Сіи жестокіе завоеватели особенно стараются искоренять князей и вельможъ; требуютъ отъ нихъ дѣтей въ аманаты и никогда уже не позволяютъ имъ выѣхать изъ орды. Такъ сынъ Ярославъ и князь Ясскій живутъ въ неволѣ у хана. Начальники могольскіе въ земляхъ завоеванныхъ именуются баскатами и при малѣйшемъ неудовольствіи льютъ кровь людей безоружныхъ: такъ истребили они великое число россіянъ, обитавшихъ въ землѣ половецкой.

Однимъ словомъ татары хотятъ исполнить завѣщаніе Чингисханово и покорить всю землю; для того Гаюкъ именуетъ себя въ письмахъ государемъ міра, прибавляя: Богъ на небесахъ, я на землѣ. Онъ готовится послать въ мартѣ 1247 году одну рать въ Венгрію, а другую въ Польшу; черезъ три года перейти за Донъ и 18 лѣтъ воевать Европу. Моголы и прежде, побѣдивъ короля венгерскаго, думали идти безпрестанно далѣе и далѣе; но вне-

запная смерть хана, отравленнаго ядомъ, остановила тогда ихъ стремленіе. Гаюкъ намѣренъ еще завоевать Ливонію и Пруссію. Государи европейскіе должны соединенными силами предупредить замыслы хана или будутъ его рабами".

Провидѣніе спасло Европу, ибо Гаюкъ жилъ недолго, и преемникъ его, Мангу, озабоченный внутренними безпорядками въ своихъ азіатскихъ владѣніяхъ, не могъ исполнить Гаюкова намѣренія. Но Западъ еще долгое время страшился Востока, и святый Людовикъ, находясь въ Кипрѣ, въ 1253 году вторично отправилъ монаховъ въ Татарію съ дружелюбными письмами, услышавъ, что великій ханъ принялъ вѣру Спасителеву. Сей слухъ оказался ложнымъ: Гаюкъ и Мангу терпѣли при себѣ христіанскихъ священниковъ, позволяли имъ спорить съ идолопоклонниками и магометанами, даже обращать женъ ханскихъ; но сами держались вѣры отцовъ своихъ. Рубруквисъ, посолъ Людовиковъ, ѣхалъ изъ Тавриды или Козаріи (гдѣ жили многіе греки съ готѳами подъ властію моголовъ) чрезъ нынѣшнюю землю донскихъ казаковъ, Саратовскую, Пензенскую и Симбирскую губерніи, гдѣ въ густыхъ лѣсахъ и въ бѣдныхъ, разсѣянныхъ хижинахъ обитали мокшане и мордовскіе ихъ единоплеменники, богатые только звѣриными кожами, медомъ и соколами. Князь сего народа, принужденный воевать за Батыя, положилъ свою голову въ Венгріи, и мокшане, узнавъ тамъ нѣмцевъ, говорили о нихъ съ великою похвалою, желая, чтобы они избавили міръ отъ ненавистнаго ига татарскаго. Батый кочевалъ въ Казанской губерніи, на Волгѣ, обыкновенно проводя тамъ лѣто, а въ августѣ мѣсяцѣ начиная спускаться внизъ по ея теченію, къ странамъ южнымъ. Въ станѣ могольскомъ и въ окрестностяхъ находилось множество россіянъ, венгровъ, ясовъ, которые, заимствуя нравы своихъ побѣдителей, скитались въ степяхъ и грабили путешественниковъ. При дворѣ сына Батыева, Сартака, жилъ одинъ изъ славныхъ рыцарей храма и пользовался довѣренностью моголовъ, часто разсказывая имъ объ европейскихъ обычаяхъ и силѣ тамошнихъ государей.—Рубруквисъ отъ береговъ Волги отправился въ южную Сибирь и, пріѣхавъ къ великому хану, старался доказать ему превосходство вѣры христіанской; но Мангу равнодушно отвѣтствовалъ: „Моголы знаютъ, что есть Богъ, и любятъ Его всею душею. Сколько у тебя на рукѣ пальцевъ, столько или болѣе можно найти путей ко спасенію. Богъ далъ вамъ Библію, а намъ волхвовъ: вы не исполняете ея предписаній, а мы слушаемся своихъ наставниковъ и ни съ кѣмъ не споримъ... Хочешь ли золота? Взявъ его изъ казны моей, иди, куда тебѣ угодно". Посолъ Людовиковъ нашелъ при дворѣ ханскомъ россійскаго архитектора и діакона, венгровъ, англичанъ и весьма искуснаго золотаря париж-

скаго, именемъ Гильйома, жившаго у Мангу въ чести и въ великомъ изобиліи. Сей Гильйомъ сдѣлалъ для хана огромное серебряное дерево, утвержденное на четырехъ серебряныхъ львахъ, которые служили чанами въ пиршествахъ; кумысъ, медъ, пиво и вино подымались изъ нихъ до вершины дерева и лились сквозь отверстый зѣвъ двухъ вызолоченныхъ драконовъ на землю въ большіе сосуды; на деревѣ стоялъ крылатый ангелъ и трубилъ въ трубу, когда надлежало гостямъ пить. Моголы вообще любили художниковъ, обязанные симъ новымъ для нихъ вкусомъ мудрому правленію безсмертнаго Иличутсая, о коемъ мы выше упоминали, и который, бывъ долгое время министромъ Чингисхана и преемника его, ревностно старался образовать ихъ подданныхъ: спасъ жизнь многихъ ученыхъ китайцевъ, основалъ училища, вмѣстѣ съ математиками арабскими и персидскими сочинилъ календарь для моголовъ, самъ переводилъ книги, чертилъ географическія карты, покровительствовалъ художниковъ, и когда умеръ, то завистники сего великаго мужа, къ стыду своему, нашли у него, вмѣсто предполагаемыхъ сокровищъ, множество рукописныхъ твореній о наукѣ править государствомъ, объ астрономіи, исторіи, медицинѣ и земледѣліи.

Великій ханъ, отпуская Людовикова посла, далъ ему гордое письмо къ королю французскому, заключивъ оное сими словами: „Именемъ Бога Вседержителя повелѣваю тебѣ, королю Людовику, быть мнѣ послушнымъ и торжественно объявить, что желаешь: мира или войны? Когда воля Небесъ исполнится и весь міръ признаетъ меня своимъ властителемъ, тогда воцарится на землѣ блаженное спокойствіе, и счастливые народы увидятъ, что мы для нихъ сдѣлаемъ! Но если дерзнешь отвергнуть повелѣніе Божественное и скажешь, что земля твоя отдалена, горы твои неприступны, моря глубоки, и что насъ не боишься, то Всесильный, облегчая трудное и приближая отдаленное, покажетъ тебѣ, что можетъ сдѣлать!“ Такова была надменность моголовъ!

Рубруквисъ возвратился къ берегамъ Волги и пріѣхалъ въ Сарай, новый городъ, построенный Батыемъ въ 60 верстахъ отъ Астрахани, на берегу Ахтубы. Недалеко оттуда, на среднемъ протокѣ Волги, находился и древнѣйшій городъ Сумеркентъ, въ коемъ обитали ясы и сарацины; татары осаждали его восемь лѣтъ и едва могли взять, по словамъ нашего путешественника.—Имѣвъ случай видѣть россіянъ, сей посолъ Людовиковъ сказываетъ, что жены ихъ, украшая голову, подобно француженкамъ, опушиваютъ низъ своего платья бѣлками и горностаями, а мужчины носятъ епанчи нѣмецкія и поярковыя шапки, остроконечныя и высокія. Онъ прибавляетъ еще, что обыкновенная монета россійская состоитъ изъ кожаныхъ, пестрыхъ лоскутковъ. Чрезъ Дер-

бентъ, Ширванъ (гдѣ находилось великое число жидовъ), Шамаху, Тифлисъ (гдѣ начальствовалъ могольскій воевода Баку) Рубруквисъ прибылъ въ Арменію и благополучно достигъ Кипра.

ГЛАВА II.

Великіе князья Святославъ Всеволодовичъ, Андрей Ярославовичъ и Александръ Невскій.

(Одинъ послѣ другого.)

Г. 1247 — 1263.

Александръ въ ордѣ.—Князь Московскій убитъ литвою.—Дряхлость Батыева.—Посольство изъ Рима.—Болѣзнь Александрова.—Посольство въ Норвегію.—Бѣгство Андреево.—Благоразуміе Александра.—Вѣтренность новогородцевъ.—Смерть Батыева.—Исчисленіе жителей въ Россіи.—Казнь бояръ.—Покушеніе Даніилово свергнуть иго.—Откупщики бесерменскіе.—Кончина и добродѣтели Александровы.—Выходцы изъ чужихъ земель.—Мятежи въ ордѣ.

Узнавъ о кончинѣ отца, Александръ спѣшилъ во Владиміръ, чтобы оплакать оную вмѣстѣ съ родными и взять нужныя мѣры для государственнаго порядка. Слѣдуя обыкновенію, дядя Невскаго Святославъ наслѣдовалъ престолъ великокняжескій, утвердивъ сыновей Ярославовыхъ на ихъ частныхъ княженіяхъ.

Доселѣ Александръ не преклонялъ выи въ ордѣ, и россіяне еще съ гордостію именовали его своимъ независимымъ княземъ: даже стращали имъ моголовъ. Батый слышалъ о знаменитыхъ его достоинствахъ и велѣлъ сказать ему: „Князь Новогородскій! извѣстно ли тебѣ, что Богъ покорилъ мнѣ множество народовъ? Ты ли одинъ будешь независимымъ? Но если хочешь властвовать спокойно, то явись немедленно въ шатрѣ моемъ, да познаешь славу и величіе моголовъ". Александръ любилъ отечество болѣе своей княжеской чести: не хотѣлъ гордымъ отказомъ подвергнуть оное новымъ бѣдствіямъ и, презирая личную опасность не менѣе тщеславія, вслѣдъ за братомъ Андреемъ поѣхалъ въ станъ могольскій, гдѣ Батый, принявъ ихъ съ ласкою, объявилъ вельможамъ, что слава не увеличила достоинствъ Александровыхъ и что сей князь, дѣйствительно, есть человѣкъ необыкновенный: такое сильное впечатлѣніе сдѣлали въ немъ мужественный видъ Невскаго и разумныя слова его, одушевленныя любовію къ народу россійскому и благородствомъ сердца! Но Александръ и братъ его долженствовали, подобно Ярославу, ѣхать въ Татарію къ великому хану. Сіи путешествія были ужасны: надлежало проститься съ отечествомъ на долгое время, терпѣть голодъ и

жажду, отдыхать на снѣгу или на землѣ, раскаленчой лучами солнца; вездѣ голая печальная степь, лишенная убранства и тѣни лѣсовъ, усѣянная костями несчастныхъ странниковъ; вмѣсто городовъ и селеній представлялись взору одни кладбища народовъ кочующихъ. Можетъ быть въ самой глубокой древности ходили тамъ караваны купеческіе: скиѳы и греки сражались съ опасностію, нуждою и скукою, по крайней мѣрѣ въ надеждѣ



АНДРЕЙ II. ЯРОСЛАВИЧЪ.
Вел. Кн. Россійскій

обогатиться золотомъ; но что ожидало князей россійскихъ въ Татаріи? уничиженіе и горесть. Рабство, тягостное для народа, еще несноснѣе для государей, рожденныхъ съ правомъ властвовать. Сыновья Ярославовы, скитаясь въ сихъ мертвыхъ пустыняхъ, воспоминали плачевный конецъ отца своего и думали, что они также, можетъ быть, навѣки простились съ любезнымъ отечествомъ.

Въ отсутствіе Александра меньшій братъ его, Михаилъ Московскій, прозваніемъ Храбрый, изгналъ—какъ сказано въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ—дядю ихъ, Святослава, изъ Владиміра, но въ ту же зиму, воюя съ литвою, положилъ свою голову въ битвѣ. Тѣло его осталось на берегу Протвы; епископъ суздальскій, Кириллъ, ревностный блюститель княжеской чести, велѣлъ привезти оное въ Владиміръ и положилъ въ стѣнѣ храма соборнаго; а братья Михаиловы отмстили литовцамъ, разбивъ ихъ близъ Зубцова.

Наконецъ Александръ и братъ его благополучно возвратились отъ великаго хана, который столь былъ доволенъ ими, что поручилъ Невскому всю южную Россію и Кіевъ, гдѣ господствовали чиновники Батыевы. Андрей же сѣлъ на престолѣ владимірскомъ; а дядя ихъ, Святославъ, безъ успѣха ѣздивъ жаловаться на то въ орду, чрезъ два года скончался въ Юрьевѣ Польскомъ. Удѣльные князья Владимірскіе зависѣли тогда въ особенности отъ Сартака и часто бывали въ его станѣ—какъ-то Борисъ Ростовскій и Глѣбъ Васильковичъ Бѣлозерскій—ибо дряхлый Батый, отецъ Сартаковъ, хотя жилъ еще нѣсколько лѣтъ, но уже мало занимался дѣлами покоренной Россіи.

Въ сіе время герой Невскій, коего имя сдѣлалось извѣстно въ Европѣ, обратилъ на себя вниманіе Рима и получилъ отъ папы Иннокентія IV письмо, врученное ему, какъ сказано въ нашихъ лѣтописяхъ, двумя хитрыми кардиналами, Гальдомъ и Гемонтомъ. Иннокентій увѣрялъ Александра, что Ярославъ, отецъ его, находясь въ Татаріи у великаго хана, съ вѣдома или по совѣту какого-то боярина далъ слово монаху Карпину принять вѣру латинскую, безъ сомнѣнія, исполнилъ бы свое обѣщаніе, еслибы не скончался внезапно, уже присоединенный къ истинному стаду Христову; что сынъ обязанъ слѣдовать благому примѣру отца, если хочетъ душевнаго спасенія и мірского счастія, что въ противномъ случаѣ онъ доказалъ бы свою безразсудность, не слушаясь Бога и римскаго его намѣстника; что князь и народъ россійскій найдутъ тишину и славу подъ сѣнію Западныя церкви; что Александръ долженъ, какъ вѣрный стражъ христіанъ, немедленно увѣдомить рыцарей Ливонскаго ордена, если моголы снова пойдутъ на Европу. Папа въ заключеніи хвалитъ Невскаго за то, что онъ не призналъ надъ собою власти хана: ибо Иннокентій еще не слыхалъ тогда о путешествіи сего князя въ орду. Алесандръ, призвавъ мудрыхъ людей, совѣтовался съ ними и написалъ къ папѣ: „Мы знаемъ истинное ученіе церкви, а вашего не пріемлемъ и знать не хотимъ“. Онъ, безъ сомнѣнія, не повѣрилъ клеветѣ на память отца его: самъ Карпинъ въ описаніи своего путешествія не говоритъ ни слова о мнимомъ обращеніи Ярослава.

Новогородцы встрѣтили Невскаго съ живѣйшею радостію: также и митрополита Кирилла, который прибылъ изъ Владиміра и, къ общему удовольствію, посвятилъ ихъ архіепископа, Далмата. Внутреннее спокойствіе Новагорода было нарушено только случайнымъ недостаткомъ въ хлѣбѣ, пожарами и весьма опасною болѣзнію князя Александра, въ коей все государство принимало участіе, возлагая на него единственную свою надежду: ибо онъ, умѣвъ заслужить почтеніе моголовъ, разными средствами благотворилъ несчастнымъ согражданамъ и посылалъ въ орду множество золота для искупленія россіянъ, бывшихъ тамъ въ неволѣ. Богъ услышалъ искреннюю молитву народа, бояръ и духовенства. Александръ выздоровѣлъ и, желая оградить безопасностію сѣверную область Новогордскую, отправилъ посольство къ норвежскому королю Гакону въ Дронтгеймъ, предлагая ему, чтобы онъ запретилъ финмаркскимъ своимъ подданнымъ грабить нашу Лопь и Корелію. Посламъ россійскимъ велѣно было также узнать лично Гаконову дочь, именемъ Христину, на коей Александръ думалъ женить сына своего, Василія. Король норвежскій, согласный на то и другое, послалъ въ Новгородъ собственныхъ вельможъ, которые заключили миръ и возвратились къ Гакону съ богатыми дарами; но съ обѣихъ сторонъ желаемый бракъ не могъ тогда совершиться, ибо Александръ, свѣдавъ о новыхъ несчастіяхъ Владимірскаго княженія, отложилъ семейственное дѣло до иного, благопріятнѣйшаго времени и спѣшилъ въ орду, чтобы прекратить сіи бѣдствія.

Братъ его, Андрей, зять Даніила Галицкаго, хотя имѣлъ душу благородную, но умъ вѣтреный и неспособный отличать истинное величіе отъ ложнаго; княжа въ Владимірѣ, занимался болѣе звѣриною ловлею, нежели правленіемъ; слушался юныхъ совѣтниковъ и, видя безпорядокъ, обыкновенно происходящій въ государствѣ отъ слабости государей, винилъ въ томъ не самого себя, не любимцевъ своихъ, а единственно несчастныя обстоятельства времени. Онъ не могъ избавить Россію отъ ига: по крайней мѣрѣ, слѣдуя примѣру отца и брата, могъ бы дѣятельнымъ, мудрымъ правленіемъ и благоразумною уклончивостію въ разсужденіи моголовъ облегчить судьбу подданныхъ: въ семъ состояло тогда истинное великодушіе. Но Андрей пылкій, гордый, положилъ, что лучше отказаться отъ престола, нежели сидѣть на немъ данникомъ Батыевымъ, и тайно бѣжалъ изъ Владиміра съ женою своею и съ боярами. Неврюй, Олабуга, прозваніемъ Храбрый, и Котья, воеводы татарскіе, уже шли въ сіе время наказать его за какое-то ослушаніе: настигнувъ Андрея у Переславля, разбили княжескую дружину и едва не схватили самого князя. Обрадованные случаемъ мстить россіянамъ, какъ мятежникамъ, толпы неврюевы

разсыпались по всѣмъ областямъ Владимірскимъ; брали скотъ, людей, убили въ Переславлѣ воеводу, супругу юнаго Ярослава Ярославича, плѣнили его дѣтей и съ добычею удалились. — Несчастный Андрей искалъ убѣжища въ Новѣгородѣ, но жители не хотѣли принять его. Онъ дождался своей княгини въ Псковѣ; оставилъ ее въ Колыванѣ или Ревелѣ у датчанъ и моремъ отправился въ Швецію, куда чрезъ нѣкоторое время пріѣхала къ нему и супруга. Но добродушная ласка шведовъ не могла утѣшить его въ семъ произвольномъ изгнаніи; отечество и престолъ не замѣняются дружелюбіемъ иноземцевъ.

Александръ благоразумными представленіями смирилъ гнѣвъ Сартака на россіянъ и, признанный въ ордѣ великимъ княземъ, съ торжествомъ въѣхалъ въ Владиміръ. Митрополитъ Кириллъ, игумены, священники встрѣтили его у Золотыхъ воротъ: также всѣ граждане и бояре подъ начальствомъ тысяцскаго столицы, Романа Михайловича. Радость была общая. Александръ спѣшилъ оправдать ее неусыпнымъ попеченіемъ о народномъ благѣ, и скоро воцарилось спокойствіе въ великомъ княженіи: люди, испуганные нашествіемъ Неврюя, возвратились въ домы, земледѣльцы къ плугу и священники къ алтарямъ.—Въ сіе время татары отпустили отъ себя Рязанскаго князя, Олега Ингварича, который, долгое время страдавъ въ неволѣ, чрезъ 6 лѣтъ умеръ въ отчизнѣ монахомъ и схимникомъ. Сынъ его, Романъ, наслѣдовалъ престолъ рязанскій.

Выѣхавъ изъ Новагорода, Александръ оставилъ тамъ сына своего, Василія, который счастливо отразилъ литовцевъ. Псковъ, внезапно осажденный ливонскими рыцарями, защищался мужественно. Непріятелъ отступилъ, свѣдавъ, что идутъ новогородцы; а россіяне и корела, опустошивъ часть Ливоніи, въ окрестностяхъ Наровы разбили нѣмцевъ, такимъ образомъ наказанныхъ за нарушеніе мира и принужденныхъ согласиться на всѣ требованія побѣдителей.

Между тѣмъ какъ великій князъ радовался успѣхамъ оружія новогородскаго, онъ былъ изумленъ нечаяннымъ извѣстіемъ, что сынъ его, Василій, съ безчестіемъ изгнанъ оттуда и пріѣхалъ въ Торжекъ. За годъ до сего времени братъ Невскаго, Ярославъ, княживъ въ Твери, по какимъ-то неудовольствіямъ выѣхалъ оттуда съ боярами, сдѣлался княземъ Псковскимъ и разными хитростями преклонилъ къ себѣ новогородцевъ. Они стали жаловаться на Василія, хотѣли послать архіепископа съ челобитьемъ къ Александру и вдругъ, забывъ благодѣянія Невскаго героя, объявили Ярослава своимъ правителемъ. Великій князь, огорченный поступкомъ брата и народа, ему любезнаго, вооружился, въ надеждѣ смирить ихъ безъ кровопролитія. Ярославъ, не посмѣвъ

обнажить меча, скрылся: но граждане, призывая имя Богоматери, клялись на вѣчѣ умереть другъ за друга и стали полками на улицахъ. Впрочемъ, не всѣ дѣйствовали единодушно: многіе бояре думали единственно о личныхъ выгодахъ: они желали торговаться съ великимъ княземъ, чтобы предать ему народъ. Въ числѣ ихъ былъ нѣкто Михалко, гражданинъ властолюбивый, который, лаская посадника Ананію, тайно намѣревался заступить его мѣсто и бѣжалъ въ Георгіевскій монастырь, велѣвъ собраться тамъ своимъ многочисленнымъ единомышленникамъ. Граждане устремились за нимъ въ погоню: кричали: „онъ измѣнникъ! убьемъ злодѣя!“ Но посадникъ, не зная Михалкова умыслу, спасъ сего мнимаго друга и говорилъ имъ съ твердостію: „убейте прежде меня самого!“ Въ благодарность за такую услугу, Михалко, встрѣтивъ Александра, описалъ ему Ананію какъ перваго мятежника, и посолъ великаго князя, пріѣхавъ въ Новгородъ, объявилъ жителямъ на вѣчѣ, чтобы они выдали ему посадника, или разгнѣванный государь будетъ ихъ непріятелемъ. Народъ отправилъ къ Александру Далмата архіепископа и Клима тысячскаго. „Новгородъ любитъ тебя и не хочетъ противиться своему законному князю, — говорили ему сіи послы: — иди къ намъ съ Богомъ, но безъ гнѣва и не слушайся нашихъ измѣнниковъ. Ананія есть добрый гражданинъ“. Александръ, отвергнувъ всѣ ихъ убѣжденія, требовалъ головы посадника. Въ подобныхъ случаяхъ новогородцы стыдились казаться малодушными. „Нѣтъ, — говорилъ народъ: — если князь вѣритъ новогородскимъ клятвопреступникамъ болѣе, нежели Новугороду, то Богъ и святая Софія не оставятъ насъ. Не винимъ Александра, но будемъ тверды“. Они три дня стояли вооруженные. Наконецъ князь велѣлъ объявить имъ, что онъ удовольствуется смѣною посадника. Тогда Ананія съ радостію отказался отъ своего верховнаго сана, а коварный Михалко приялъ начальство. Александръ вступилъ въ Новгородъ, давъ слово не стѣснять правъ народныхъ, и съ честію возвратился въ столицу владимірскую.

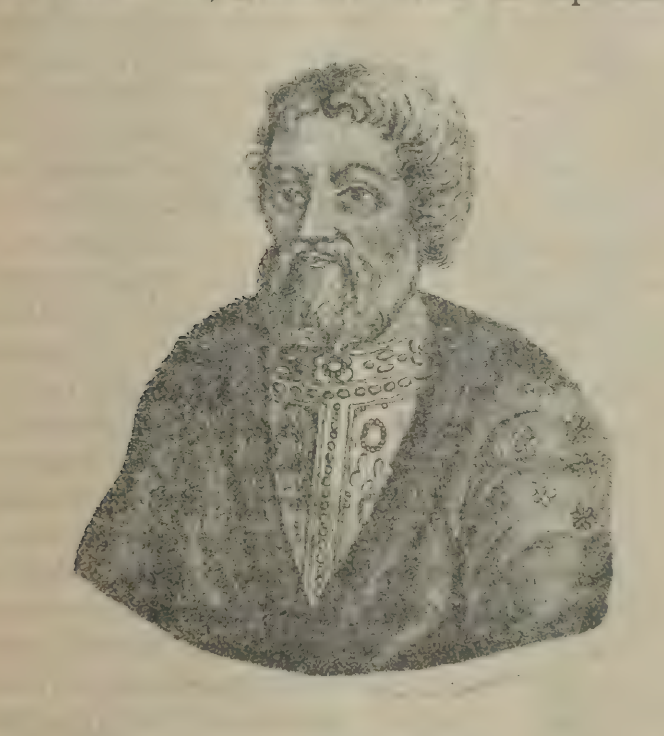
Скоро шведы, финны и нѣмцы явились на берегахъ Наровы и заложили тамъ городъ. Встревоженные новогородцы послали гонцовъ къ Александру и въ свои области для собранія людей ратныхъ. Хотя опасность миновалась—ибо шведы ушли, не устроивъ крѣпости—но великій князь, немедленно прибывъ въ Новгородъ съ митрополитомъ Кирилломъ, велѣлъ полкамъ изготовиться къ важному предпріятію, не сказывая ничего болѣе. Только у Копорья, гдѣ митрополитъ далъ Невскому благословеніе на путь, свѣдали воины, что они идутъ въ Финляндію: устрашенные дальнимъ зимнимъ походомъ, многіе новогородцы возвратились домой; прочіе сносили терпѣливо ужасныя вьюги и мятели. Погибло мно-

жество людей: однакожъ россіяне достигали своей цѣли, то-есть опустошили знатную часть Финляндіи, гдѣ, по сказанію шведскихъ историковъ, нѣкоторые жители держали нашу сторону, недовольные правленіемъ шведовъ и насильственными ихъ поступками.

Поручивъ Новгородъ сыну своему Василію, Александръ долженствовалъ снова ѣхать въ орду, гдѣ произошла тогда великая перемѣна. Батый умеръ; сынъ его—вѣроятно Сартакъ—хотѣлъ господствовать надъ татарами, но былъ жертвою властолюбиваго дяди, именемъ Берки, который, умертвивъ племянника, согласно съ волею великаго хана, объявилъ себя преемникомъ Батыевымъ и ввѣрилъ дѣла россійскія своему намѣстнику Улавчію. Сей вельможа принималъ нашихъ князей и дары ихъ: къ нему явился Александръ съ Борисомъ Васильковичемъ и братомъ Андреемъ (ибо сей послѣдній уже возвратился тогда въ отечество и жилъ въ Суздалѣ). Вѣроятно, что они, свѣдавъ намѣреніе татаръ обложить сѣверную Россію, подобно Кіевскому и Черниговскому княженію, опредѣленною данію по числу людей, желали отвратить сію тягость, но тщетно: вслѣдъ за ними пріѣхали чиновники татарскіе въ область Суздальскую, Рязанскую, Муромскую, сочли жителей и поставили надъ ними десятниковъ, сотниковъ, темниковъ для собранія налоговъ, увольняя отъ сей общей дани только церковниковъ и монаховъ. Хитрость, достойная замѣчанія. Моголы, вступивъ въ наше отечество, съ равною свирѣпостію лили кровь и мирянъ, и духовныхъ, ибо не думали жить близъ его предѣловъ и, страшась оставить за собою многочисленныхъ враговъ, хотѣли мимоходомъ истребить всѣхъ людей, но обстоятельства перемѣнились. Орда Батыева расположилась навсегда кочевать въ привольныхъ окрестностяхъ Волги и Дона: ханъ ея для своихъ выгодъ долженъ былъ въ нѣкоторомъ смыслѣ щадить подданную ему Россію, богатую естественными и для самихъ варваровъ нужными произведеніями; узнавъ же власть духовенства надъ совѣстію людей, вообще усердныхъ къ вѣрѣ, моголы старались задобрить его, чтобы оно не возбуждало россіянъ противоборствовать игу татарскому и чтобы ханъ тѣмъ спокойнѣе могъ повелѣвать нами. Изъявляя уваженіе къ духовенству, сіи завоеватели хотѣли доказать, что они не суть враги Бога русскаго, какъ думалъ народъ.—Въ одно время съ Александромъ возвратился изъ орды Глѣбъ Васильковичъ: сей князь Бѣлозерскій ѣздилъ къ великому хану и тамъ женился, безъ сомнѣнія, на какой-нибудь могольской христіанкѣ, ибо самыя жены хановъ явно исповѣдывали вѣру Спасителеву. Онъ надѣялся симъ брачнымъ союзомъ доставить нѣкоторыя выгоды своему утѣсненному отечеству.

Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ великій князь вторично ѣздилъ къ

Улавчію съ Борисомъ Ростовскимъ, съ Андреемъ Суздальскимъ и Ярославомъ Тверскимъ (который, признавъ вину свою, уже снова пользовался искреннею дружбою Александра). Намѣстникъ ханскій требовалъ, чтобы Новгородъ также платилъ дань поголовную: герой Невскій, нѣкогда ревностный поборникъ новогородской чести и вольности, долженъ былъ съ горестію взять на се-



АЛЕКСАНДРЪ I. ЯРОСЛАВИЧЪ.
Невскій
Вел. Кн. Россійскій

бя дѣло столь непріятное и склонить къ рабству народъ гордый, пылкій, который все еще славился своею исключительною независимостію. Вмѣстѣ съ татарскими чиновниками и съ князьями Андреемъ и Борисомъ, Александръ поѣхалъ въ Новгородъ, гдѣ жители, свѣдавъ о его намѣреніи, пришли въ ужасъ. Напрасно говорили нѣкоторые и посадникъ Михалко, что воля сильныхъ есть законъ для благоразумія слабыхъ и что сопротивленіе без-

полезно: народъ отвѣтствовалъ грознымъ воплемъ, умертвилъ посадника и выбралъ другого. Самъ юный князь Василій, по внушенію своихъ бояръ, уѣхалъ изъ Новагорода во Псковъ, объявивъ, что не хочетъ повиноваться отцу, везущему съ собою оковы и стыдъ для людей вольныхъ. Въ семъ расположеніи Александръ нашелъ большую часть гражданъ и не могъ ничѣмъ перемѣнить его: они рѣшительно отказались отъ дани, но отпустили могольскихъ чиновниковъ съ дарами, говоря, что желаютъ быть въ мирѣ съ ханомъ, однакожъ свободными отъ ига рабскаго.

Великій князь, негодуя на ослушнаго сына, велѣлъ схватить его во Псковѣ и подъ стражею отвезти въ суздальскую землю; а бояръ, наставниковъ Василіевыхъ, казнилъ безъ милосердія. Нѣкоторые были ослѣплены, другимъ обрѣзали носъ: казнь жестокая; но современники признавали ее справедливою и самый народъ считалъ ихъ виновными, ибо они возмутили сына противъ отца: столь власть родительская казалась священною.

Александръ остался въ Новѣгородѣ и, предвидя, что ханъ не удовольствуется дарами, ждалъ слѣдствій непріятныхъ. Въ самомъ дѣлѣ, пришло извѣстіе изъ Владиміра, что войско ханово уже готово идти къ Новугороду. Сія вѣсть, впрочемъ ложная, имѣла такое дѣйствіе въ народѣ, что онъ на все согласился, и великій князь увѣдомилъ моголовъ о его покорности. Чиновники ихъ, Беркай и Касачикъ, съ женами и со многими товарищами, явились на берегахъ Волхова для переписи людей и начали было уже собирать дань въ окрестностяхъ столицы, но столь наглымъ и для бѣдныхъ утѣснительнымъ образомъ, что граждане, свѣдавъ о томъ, вдругъ перемѣнили мысли. Сдѣлалось волненіе: чиновники могольскіе требовали стражи для своей безопасности. Александръ приставилъ къ нимъ посадникова сына и боярскихъ дѣтей, чтобы они днемъ и ночью стерегли ихъ домы. Мятежъ не утихалъ. Бояре совѣтовали народу исполнить волю княжескую, а народъ не хотѣлъ слышать о дани и собирался вокругъ софійской церкви, желая умереть за честь и свободу: ибо разнесся слухъ, что татары и сообщники ихъ намѣрены съ двухъ сторонъ ударить на городъ. Наконецъ Александръ прибѣгнулъ къ послѣднему средству: выѣхалъ изъ дворца съ могольскими чиновниками, объявивъ, что онъ предастъ мятежныхъ гражданъ гнѣву хана и несчастной судьбѣ ихъ, навсегда разстается съ ними и ѣдетъ во Владиміръ. Народъ поколебался: бояре воспользовались симъ расположеніемъ, чтобы склонить его упорную выю подъ ненавистное ему иго, дѣйствуя, какъ говоритъ лѣтописецъ, согласно съ своими личными выгодами. Дань поголовная, требуемая моголами, угнетала скудныхъ, а не богатыхъ людей, будучи для всѣхъ равная; бѣдствіе же войны отчаянной страшило послѣднихъ гораздо

болѣе, нежели первыхъ.—Итакъ, народъ покорился, съ условіемъ, кажется, не имѣть дѣла съ баскаками и доставлять опредѣленное количество серебра прямо въ орду или чрезъ великихъ князей.—Моголы ѣздили изъ улицы въ улицу, переписывая домы; безмолвіе и скорбь царствовали въ городѣ. Бояре еще могли утѣшаться своею знатностію и роскошнымъ избыткомъ: добрые, простые граждане, утративъ народную честь, лишились своего лучшаго достоянія.—Вельможи татарскіе, распорядивъ налоги, удалились. Александръ поручилъ Новгородъ сыну Димитрію и возвратился въ великое княженіе черезъ Ростовъ, гдѣ вдовствующая супруга Василькова, Марія, князь Борисъ и Глѣбъ угостили его съ любовію; но сей государь великодушный могъ ли быть счастливъ и веселъ въ тогдашнихъ обстоятельствахъ Россіи?

Отечество наше рабствовало отъ Днѣстра до Ильменя. Даніилъ Галицкій, будучи смѣлѣе Александра, тщетно думалъ по смерти Батыя избавиться отъ власти моголовъ. Дѣятельностію ума необыкновеннаго возстановивъ свое княженіе и загладивъ въ немъ слѣды татарскаго опустошенія, онъ бралъ участіе въ дѣлахъ Европы и два раза ходилъ помогать Белѣ венгескому, непріятелю императора Фридерика и короля богемскаго. (Венгры, по словамъ лѣтописца, удивлялись стройности полковъ россійскихъ, ихъ татарскому оружію и пышности самого князя, его богатой одеждѣ греческой, обшитой золотыми кружевами,—саблѣ, стрѣламъ, сѣдлу, окованнымъ драгоцѣнными металлами съ блестящею рѣзьбою). Сія вражда была за области умершаго герцога австрійскаго, Фридерика: Бела, императоръ и король богемскій хотѣли овладѣть ими. Первый объявилъ себя защитникомъ дочери Фридериковой, именемъ Гертруды, уступившей ему свои наслѣдственныя права; женилъ на ней Даніилова сына, Романа; отправилъ ихъ въ Юденбургъ и клялся Гертрудѣ отдать ей Австрію и Стирію, какъ скоро завоюетъ оныя. Тѣмъ усерднѣе Даніилъ доброжелательствовалъ королю венгерскому; несмотря на глазную болѣзнь, которая мѣшала ему видѣть, выступилъ въ поле съ краковскимъ герцогомъ, разорилъ Богемскую Силезію, взялъ Носельтъ, выжегъ окрестности Тропавскія и возвратился, довольный мыслію, что никто изъ древнихъ героевъ россійскихъ, ни св. Владиміръ, ни великій отецъ его, не воевалъ столь далеко въ землѣ нѣмецкой. Хотя Бела не исполнилъ даннаго Гертрудѣ слова и даже не защитилъ ея супруга, осажденнаго богемскимъ принцемъ въ Юденбургѣ (такъ что Романъ, оставивъ беременную жену, принужденъ былъ уйти къ отцу), но Даніилъ остался другомъ венгровъ.—Счастливыя войны съ ятвягами и съ литвою болѣе и болѣе прославляли мужество сего князя. Первые, не находя безопасности и за своими лѣсистыми болотами, согласились

платить ему дань черными куницами и серебромъ. Въ Литвѣ господствовалъ тогда славный Миндовгъ, баснословно производимый нѣкоторыми лѣтописцами отъ племени древнихъ римлянъ, а другими отъ нашихъ князей полоцкихъ. Онъ жилъ въ Керновѣ, повелѣвалъ всѣми иными князьками литовскими и, грабя сосѣдственныя земли христіянскія, искалъ пріязни одного Даніила, который женился вторымъ бракомъ на его племянницѣ. Нѣсколько времени бывъ друзьями, они сдѣлались непріятелями. Миндовгъ, опасаясь честолюбивыхъ братьевъ Даніиловой супруги, Товтивила и Эдивида, велѣлъ имъ воевать Смоленскую область, но въ то же время замышлялъ ихъ убить. Племянники свѣдали и бѣжали въ Владиміръ Волынскій. Обрадованный случаемъ унизить гордость Миндовга, Даніилъ представилъ ляхамъ и рижскимъ нѣмцамъ, что междоусобіе князей литовскихъ есть счастіе для христіанъ и что надобно онымъ воспользоваться. Нѣмцы, дѣйствительно, вооружились; россіяне также: самые ятвяги и жмудь, въ угодность имъ, возстали на литву, Даніилъ завоевалъ Гродно и другія мѣста литовскія; но скоро нѣмцы измѣнили, отчасти подкупленные Миндовгомъ, отчасти имъ обманутые: ибо сей хитрый язычникъ, видя бѣду, принялъ вѣру латинскую и заслужилъ покровительство легкомысленнаго папы, Александра IV, давшаго ему санъ королевскій. Чрезъ два года увидѣли обманъ: Миндовгъ, въ крайности уступивъ Даніилову сыну, Роману, Новогородокъ, Слонимъ, Волковискъ и выдавъ дочь свою за его меньшого брата, именемъ Шварна, отдохнувъ и собравъ силы, снова обратился къ идолослуженію и къ разбоямъ, гибельнымъ для рижскаго ордена, Мазовіи, смоленскихъ, черниговскихъ, даже новогородскихъ областей.

Въ сіе время Даніилъ, ободряемый королемъ венгерскимъ, ляхами и собственными успѣхами воинскими, дерзнулъ объявить себя врагомъ моголовъ. Они вступили въ Понизье и заняли Бакоту: юный Левъ Даніиловичъ, выгнавъ ихъ оттуда, плѣнилъ баскака ханскаго. Темникъ Батыевъ, Куремса, не могъ взять Кременца и, сильно убѣждаемый Изяславомъ Владиміровичемъ (внукомъ Игоря Сѣверскаго) идти къ Галичу, отвѣтствовалъ: „Даніилъ страшенъ!“ Вся южная Россія съ безпокойствомъ ждала слѣдствій; а мужественный Даніилъ, плѣнивъ Изяслава и пользуясь изумленіемъ татаръ, отнялъ у нихъ города между рѣками Бугомъ и Тетеревомъ, гдѣ баскаки господствовали какъ въ своихъ улусахъ. Онъ хотѣлъ даже освободить и Кіевъ, но возвратился съ пути, чтобы защитить Луцкую область, разоряемую литовцами, мнимыми его союзниками. Уже Даніилъ веселился мыслію о совершенной независимости, когда новыя безчисленныя толпы моголовъ, ведомыя свирѣпымъ Бурондаемъ, преемникомъ

слабаго Куремсы, явились на границахъ Литвы и Россіи. „Желаю знать, другъ ли ты хану или врагъ?“ сказали королю галицкому послы Бурондаевы: „если другъ, то иди съ нами воевать Литву“. Даніилъ колебался, видѣлъ превосходство силъ татарскихъ, медлилъ и, наконецъ, послалъ Василька къ Бурондаю съ дружиною и съ ласковыми словами, которыя сперва имѣли счастливое дѣйствіе. Сонмы моголовъ устремились на Литву, дотолѣ имъ неизвѣстную; одни дремучіе лѣса и вязкія болота могли спасти жителей; города и веси исчезли. Ятвяги испытали то же бѣдствіе. Хваля мужество, оказанное братомъ Даніиловымъ въ разныхъ сшибкахъ, Бурондай отпустилъ его въ Владиміръ. Прошло два года въ тишинѣ и спокойствіи для юго-западной Россіи. Даніилъ, именуя себя другомъ ханскимъ, строилъ, укрѣплялъ города и не переставалъ надѣяться, что державы сосѣдственныя рано или поздно увидятъ необходимость дѣйствовать общими силами противъ варваровъ; но Бурондай открылъ глаза и, вступивъ въ область Галицкую, далъ знать ея королю, чтобы онъ явился въ его станѣ какъ смиренный данникъ, или ждалъ казни. Даніилъ послалъ къ нему брата, сына, холмскаго епископа Іоанна и дары. „Хотите ли увѣрить насъ въ искренней покорности?“— говорилъ темникъ хановъ;—„разберите или предайте огню стѣны крѣпостей вашихъ; сравняйте ихъ окопы съ землею“. Василько и Левъ не смѣли ослушаться: города Даниловъ, Стожекъ, Кременецъ, Луцкъ, Львовъ, незадолго до того времени основанный и названный именемъ старшаго сына Даніилова, обратились въ села, бывъ лишены своихъ укрѣпленій, ненавистныхъ татарамъ. Бурондай веселился, смотря на пылающія стѣны и башни владимірскія; хвалилъ повиновеніе Василька и, въ знакъ особеннаго удовольствія, нѣсколько дней пировавъ въ его дворцѣ, пошелъ къ Холму, откуда горестный Даніилъ уѣхалъ въ Венгрію. Провидѣніе вторично спасло сей городъ хитростію Василька, который, будучи посланъ съ двумя мурзами (знавшими русскій языкъ), чтобы склонить жителей къ сдачѣ, взялъ въ руку камень и, сказавъ: „не велю вамъ обороняться“, кинулъ его на землю. Воевода холмскій угадалъ мысль князя и съ притворнымъ гнѣвомъ отвѣтствовалъ ему: „удалися; ты врагъ государя нашего“. Василько, дѣйствительно, хотѣлъ, чтобы жители сопротивлялись, имѣя лучшихъ ратниковъ, укрѣпленія надежныя и много самострѣловъ; а татары, не любя долговременныхъ, кровопролитныхъ осадъ, чрезъ нѣсколько дней отступили, чтобы воевать Польшу, гдѣ Василько и Левъ служили имъ невольнымъ орудіемъ въ злодѣйствахъ. Такъ сіи князья уговорили сендомирскаго начальника сдаться, обѣщая ему и гражданамъ безопасность; но съ горестію должны были видѣть, что моголы, въ противность условію, рѣза-

ли и топили народъ въ Вислѣ. Наконецъ, Бурондай возвратился къ берегамъ Днѣпра, съ угрозою, что области Волынская и Галицкая снова будутъ пепломъ, если ихъ князья не захотятъ мирно рабствовать и платить дани хану.

Слѣдственно важныя усилія и хитрости Даніиловы остались безполезными. Онъ не нашелъ помощи ни въ Краковѣ, ни въ Венгріи, къ единственному утѣшенію своему свѣдавъ на пути, что Василько побѣдилъ Миндовга, слабаго противъ моголовъ, но ужаснаго для сосѣдственныхъ образованныхъ государствъ. Какъ скоро Бурондай удалился, хищные литовцы опустошили Мазовію, убили ея князя Самовита и впали въ наше владѣніе близъ Камена, предводимые какимъ-то измѣнникомъ, бояриномъ рязанскимъ, Евстафіемъ. Василько, разбивъ ихъ на берегахъ озера Невельскаго, послалъ къ брату множество трофеевъ, коней осѣдланныхъ, щитовъ, шлемовъ и копій литовскихъ.

Мы описали здѣсь случаи нѣсколькихъ лѣтъ относительно къ юго-западной Россіи, которая со временъ Батыева нашествія отдѣлилась отъ сѣверной, имѣя особенную систему государственную, связанную съ дѣлами Венгріи, Польши и Нѣмецкаго ордена гораздо болѣе, нежели съ суздальскими или новогородскими. Послѣднія для насъ важнѣе: ибо тамъ рѣшилась судьба нашего отечества.

Александръ Невскій, по возвращеніи своемъ въ Владиміръ, терпѣливо сносилъ бремя жестокой зависимости, которое болѣе и болѣе отягощало народъ. Господство моголовъ въ Россіи открыло туда путь многимъ купцамъ бесерменскимъ, харазскимъ или хивинскимъ, издревле опытнымъ въ торговлѣ и хитростяхъ корыстолюбія: сіи люди откупали у татаръ дань нашихъ княженій, брали неумѣренные росты съ бѣдныхъ людей и, въ случаѣ неплатежа, объявляя должниковъ своими рабами, отводили ихъ въ неволю. Жители Владиміра, Суздаля, Ростова вышли, наконецъ, изъ терпѣнія и единодушно возстали, при звукѣ вѣчевыхъ колоколовъ, на сихъ злыхъ лихоимцевъ: нѣкоторыхъ убили, а прочихъ выгнали. То же сдѣлалось и въ другихъ городахъ сѣверной Россіи. Въ Ярославлѣ народъ умертвилъ какого-то злочестиваго отступника, именемъ Зосиму, бывшаго монаха, который, принявъ вѣру магометанскую въ Татаріи, хвалился милостію новаго великаго хана Коблая и ругался надъ святынею христіанства; тѣло его бросили псамъ на съѣденіе. Въ Устюгѣ находился тогда могольскій чиновникъ Буга: собирая дань съ жителей, онъ силою взялъ себѣ въ наложницы дочь одного гражданина, именемъ Марію, но умѣлъ снискать ея любовь и, свѣдавъ отъ нея, что устюжане хотятъ лишить его жизни, объявилъ желаніе креститься. Народъ простилъ ему свои обиды; а Буга, названный въ хри-

стіанствѣ Іоанномъ, изъ благодарности женился на Маріи. Сей человѣкъ добродродѣтелями и набожностію пріобрѣлъ всеобщую любовь и память его еще хранится въ Устюгѣ: тамъ показываютъ мѣсто, на коемъ онъ, забавляясь соколиною охотою, вздумалъ построить церковь Іоанна Предтечи, и которое донынѣ именуется Сокольею горою.

Сіи происшествія должны были имѣть слѣдствіе весьма несчастное: россіяне, наказавъ лихоимцевъ харазскихъ, озлобили татаръ, ихъ покровителей. Правительство не могло или не хотѣло удержать народа: то и другое обвиняло Александра въ глазахъ хановыхъ, и великій князь рѣшился уѣхать въ орду съ оправданіемъ и съ дарами. Лѣтописцы сказываютъ другую причину его путешествія: моголы незадолго до того времени требовали вспомогательнаго войска отъ Александра: онъ хотѣлъ избавиться отъ сей тягостной обязанности, чтобы бѣдные россіяне, по крайней мѣрѣ, не проливали крови своей за невѣрныхъ.—Уже готовый къ отъѣзду, Александръ послалъ дружину въ Новгородъ и велѣлъ Димитрію идти на ливонскихъ рыцарей. Сей юный князь взялъ приступомъ Дерптъ, укрѣпленный тремя стѣнами, истребилъ жителей и возвратился, обремененный добычею. Кромѣ многихъ новогородцевъ, съ нимъ ходили Ярославъ Тверскій, Константинъ, зять Александровъ (сынъ Ростислава Смоленскаго) и князь литовскій Товтивилъ, племянникъ Миндовговъ, который принялъ вѣру христіанскую и господствовалъ въ Полоцкѣ, или завоевавъ его, или, что—гораздо вѣроятнѣе—будучи добровольно призванъ жителями по смерти Брячислава, тестя Александрова: ибо Товтивилъ имѣлъ славу добраго князя. Съ помощію Даніила Галицкаго и ливонскихъ рыцарей онъ утвердилъ оружіемъ свою независимость отъ дяди и жилъ мирно съ россіянами.

Александръ нашелъ хана Берку въ волжскомъ городѣ Сараѣ. Сей Батыевъ преемникъ любилъ искусства и науки, ласкалъ ученыхъ, художниковъ; украсилъ новыми зданіями свою капчакскую столицу и позволилъ россіянамъ, въ ней обитавшимъ, свободно отправлять христіанское богослуженіе, такъ что митрополитъ Кириллъ (въ 1261 году) учредилъ для нихъ особенную епархію подъ именемъ сарской, съ коею соединили послѣ епископію южнаго Переяславля. Великій князь успѣлъ въ своемъ дѣлѣ, оправдавъ изгнаніе бесерменовъ изъ городовъ суздальскихъ. Ханъ согласился также не требовать отъ насъ войска, но продержалъ Невскаго въ ордѣ всю зиму и лѣто. Осенью Александръ, уже слабый здоровьемъ, возвратился въ Нижній Новгородъ и, пріѣхавъ оттуда въ Городецъ, занемогъ тяжкою болѣзнію, которая пресѣкла его жизнь 14 ноября. Истощивъ силы душевныя и тѣлесныя въ ревностномъ служеніи отечеству, предъ концомъ сво-

имъ онъ думалъ уже единственно о Богѣ: постригся, принялъ схиму и, слыша горестный плачъ вокругъ себя, тихимъ голосомъ, но еще съ изъявленіемъ нѣжной чувствительности, сказалъ добрымъ слугамъ: „удалитесь и не сокрушайте души моей жалостію!" Они всѣ готовы были лечь съ нимъ во гробъ, любивъ его всегда—по собственному выраженію одного изъ нихъ—гораздо болѣе, нежелѣ отца родного. Митрополитъ Кириллъ жилъ тогда въ Владимірѣ: свѣдавъ о кончинѣ великаго князя, онъ въ собраніи духовенства воскликнулъ: „солнце отечества закатилось!" Никто не понялъ сей рѣчи. Митрополитъ долго безмолвствовалъ, залился слезами и сказалъ: „не стало Александра!" Всѣ оцѣпенѣли отъ ужаса, ибо Невскій казался необходимымъ для государства и по лѣтамъ своимъ могъ бы жить еще долгое время. Духовенство, бояре, народъ въ глубокой скорби повторяли одно слово: „погибаемъ"... Тѣло великаго князя уже везли въ столицу; несмотря на жестокій зимній холодъ, митрополитъ, князья, всѣ жители Владиміра шли навстрѣчу ко гробу до Боголюбова; не было человѣка, который бы не плакалъ и не рыдалъ; всякому хотѣлось облобызать мертваго и сказать ему, какъ живому, чего Россія въ немъ лишилась. Что можетъ прибавить судъ историка въ похвалу Александра, къ сему простому описанію народной горести, основанному на извѣстіяхъ очевидцевъ. Добрые россіяне включили Невскаго въ ликъ своихъ ангеловъ хранителей и въ теченіе вѣковъ приписывали ему, какъ новому небесному заступнику отечества, разные благопріятные для Россіи случаи: столь потомство вѣрило мнѣнію и чувству современниковъ въ разсужденіи сего князя! Имя Святого, ему данное, гораздо выразительнѣе Великаго: ибо Великими называютъ обыкновенно счастливыхъ; Александръ же могъ добродѣтелями своими только облегчать жестокую судьбу Россіи, и подданные, ревностно славя его память, доказали, что народъ иногда справедливо цѣнитъ достоинства государей и не всегда полагаетъ ихъ во внѣшнемъ блескѣ государства. Самые легкомысленные новогородцы, неохотно уступивъ Александру нѣкоторыя права и вольности, единодушно молили Бога за усопшаго князя, говоря, что онъ много потрудился за Новгородъ и за всю землю „русскую". Тѣло Александрово было погребено въ монастырѣ Рождества Богоматери (именуемомъ тогда Великою Архимандритіею), гдѣ и покоилось до самаго XVIII вѣка, когда государь Петръ I вздумалъ перенести сіи останки безсмертнаго князя на берега Невы, какъ бы посвящая ему новую свою столицу и желая тѣмъ утвердить ея знаменитое событіе.

По кончинѣ первыя супруги, именемъ Александры, дочери Полоцкаго князя Брячислава, Невскій сочетался вторымъ бра-

комъ съ неизвѣстною для насъ княжнею Вассою, коей тѣло лежитъ въ Успенскомъ монастырѣ Владимірскомъ, въ церкви Рождества Христова, гдѣ погребена и дочь его Евдокія.

Слава Александрова, по свидѣтельству нашихъ родословныхъ книгъ, привлекла къ нему изъ чужихъ земель—особенно изъ Германіи и Пруссіи—многихъ именитыхъ людей, которыхъ потомство донынѣ существуетъ въ Россіи и служитъ государству въ первѣйшихъ должностяхъ воинскихъ или гражданскихъ.

Въ княженіе Невскаго начались въ волжской или капчакской ордѣ несогласія, бывшія предвѣстіемъ ея паденія. Ногай, одинъ изъ главныхъ воеводъ татарскихъ, надменный могуществомъ, не захотѣлъ повиноваться хану, сдѣлался въ окрестностяхъ Чернаго моря владѣтелемъ независимымъ и заключилъ союзъ съ Михаиломъ Палеологомъ, императоромъ греческимъ, который въ 1261 году, къ общему удовольствію россіянъ, взявъ Царьградъ и возстановивъ древнюю монархію Византійскую, не устыдился выдать побочную свою дочь, Евфросинію, за сего мятежника. Отъ имени Ногая произошло, какъ вѣроятно, названіе татаръ ногайскихъ, нынѣ подданныхъ Россіи.—Несмотря на внутреннее неустройство, моголы болѣе и болѣе распространяли свои завоеванія и чрезъ Казанскую Болгарію дошли до самой Перми, откуда многіе жители, ими утѣсненные, бѣжали въ Норвегію, гдѣ король Гаконъ обратилъ ихъ въ вѣру христіанскую и далъ имъ земли для поселенія.

ГЛАВА III.

Великій князь Ярославъ Ярославичъ.

Г. 1263—1272.

Древнѣйшая грамота новогородская.—Бракъ Ярославовъ.—Мятежи въ Литвѣ.—Война въ Ливоніи.—Баскаки.—Упреки великому князю.—Миръ новогородцевъ съ Ярославомъ.—Татары принимаютъ вѣру Магометову.—Кончина Ярослава.—Перемѣны въ удѣлахъ.—Князь Θеодоръ зять хановъ.—Смерть и добродѣтели короля Даніила.—Происшествія въ Западной Россіи.—Основаніе Кафы.—Городъ Крымъ.

Андрей Ярославовичъ долженъ былъ наслѣдовать престолъ владимірскій; но какъ онъ умеръ чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ по кончинѣ Невскаго, то братъ ихъ, Ярославъ Тверскій, сдѣлался великимъ княземъ. Новогородцы также признали его своимъ начальникомъ, выгнавъ юнаго Димитрія Александровича за его малолѣтство; но хотѣли, чтобы Ярославъ далъ клятву въ вѣрномъ соблюденіи условій. Мы имѣемъ подлинникъ сего торжественнаго

договора, писаннаго отъ имени архіепископа Михаила, посадника, тысячскаго Кодрата и всего Новагорода, отъ старѣйшихъ и меньшихъ. Тамъ сказано: „Князь Ярославъ! требуемъ, чтобы ты, подобно предкамъ твоимъ и родителю, утвердилъ крестнымъ цѣлованіемъ священный обѣтъ править Новымгородомъ по обыкновенію, брать одни дары съ нашихъ областей, поручать оные только новогородскимъ, а не княжескимъ чиновникамъ, не избирать



ЯРОСЛАВЪ III. ЯРОСЛАВИЧЬ.
Вел. Кн. Россійскій

ихъ безъ согласія посадника и безъ вины не смѣнять тѣхъ, которые опредѣлены братомъ твоимъ Александромъ, сыномъ его Димитріемъ и новогородцами. Въ Торжкѣ и Волокѣ будутъ княжескіе и наши тіуны (или судіи): первые въ твоей части, вторые въ Новогородской; а въ Бѣжицахъ ни тебѣ, ни княгинѣ, ни боярамъ, ни дворянамъ твоимъ селъ не имѣть, не покупать и не принимать въ даръ, равно какъ и въ другихъ владѣніяхъ Нова-

города: въ Волокѣ, Торжкѣ и проч.; также въ Вологдѣ, Заволочьѣ, Колѣ, Перми, Печерѣ, Югрѣ. Въ Русу можешь ты, князь, ѣздить осенью, не лѣтомъ, а въ Ладогу посылай своего рыбника и медовара по грамотѣ отца твоего, Ярослава. Дмитрій и новогородцы дали бѣжичанамъ и обонежцамъ на три года право судиться собственнымъ ихъ судамъ: не нарушай сего временнаго устава и не посылай къ нимъ судей. Не выводи народа въ свою землю изъ областей нашихъ, ни принужденно, ни волею. Княгиня, бояре и дворяне твои не должны брать людей въ залогъ по долгамъ, ни купцовъ, ни земледѣльцевъ. Отведемъ сѣнные покосы для тебя и бояръ твоихъ, но не требуй отнятыхъ у насъ княземъ Александромъ и вообще не подражай ему въ дѣйствіяхъ самовластія. Тіунамъ и дворянамъ княжескимъ, объѣзжающимъ волости, даются прогоны, какъ издревле установлено, и только одни ратные гонцы могутъ въ селахъ требовать лошадей отъ купцовъ. Что касается до пошлинъ, то купцы наши въ твоей и во всей землѣ суздальской обязаны платить по двѣ векши съ лодки, съ возу и съ короба льну или хмеля. Такъ бывало, князь, при отцахъ и дѣдахъ твоихъ и нашихъ. Цѣлуй же святый крестъ во увѣреніе, что исполнишь сіи условія; цѣлуй не чрезъ посредниковъ, но самъ и въ присутствіи пословъ новогородскихъ. А затѣмъ мы кланяемся тебѣ, господину князю". Сія любопытная грамота свидѣтельствуетъ, что собственный доходъ князей новогородскихъ состоялъ въ дарахъ, а дань шла въ казну общественную; что избраніе областныхъ начальниковъ, хотя и зависѣло отъ князя, но требовало согласія посадникова; что нѣкоторые волости откупали право имѣть собственныхъ судей; что новогородцы не дозволяли единоземцамъ своимъ переселяться въ другія княженія; что купцы ихъ въ областяхъ сосѣдственныхъ торговали по большей части хмелемъ и льномъ; что ладожане давали медъ и рыбу для стола княжескаго, преимущественно изобилуя оными.—Здѣсь въ первый разъ упоминается о городѣ Вологдѣ, которая, по тамошнимъ церковнымъ запискамъ, около 1147 года была торговымъ мѣстечкомъ, окруженнымъ лѣсами, а въ слѣдующія времена городомъ знатнымъ, обнесеннымъ каменною стѣною; развалины ея башенъ и воротъ донынѣ примѣтны.

Ярославъ, клятвенно утвердивъ договоръ, пріѣхалъ въ Новгородъ, гдѣ, будучи вдовъ, женился на Ксеніи, дочери какого-то Юрія Михайловича. Тамъ свѣдалъ онъ о важныхъ происшествіяхъ въ Литвѣ. Не стало Миндовга, короля литовскаго, злодѣйски убитаго ближними родственниками. Они умертвили и Товтивила Полоцкаго, коварно заманивъ его въ сѣти, и дали полочанамъ своего князя; а сынъ Товтивиловъ, спасаясь отъ сихъ убійцъ, пріѣхалъ въ Новгородъ. Россіяне съ горестію видѣли

идолопоклонника на тронѣ православнаго, нѣкогда столь знаменитаго княженія; но утѣшались междоусобіемъ и бѣдствіями литовцевъ. Миндовгъ имѣлъ сына, именемъ Воишелга, который господствовалъ въ Новогродкѣ, изгнавъ оттуда Романа Даниловича, и славился тиранствомъ, ежедневно плавая въ корови жертвъ невинныхъ. Къ радости бѣдныхъ подданныхъ, онъ еще при жизни отца сдѣлался христіаниномъ и, смягченный вѣрою Спасителя, возненавидѣлъ самую власть мірскую: уѣхалъ къ Даніилу Галицкому; крестилъ сына Львова, Юрія; отказался отъ свѣта; жилъ долго въ обители полонинскаго игумена, Григорія, извѣстнаго благочестіемъ; хотѣлъ видѣть Іерусалимъ и гору Аѳонскую; возвратился съ пути и, ка берегу Нѣмана основавъ монастырь, трудился въ ономъ нѣсколько лѣтъ, ревностно исполняя всѣ обязанности инока. Миндовгъ ни ласками, ни угрозами не могъ поколебать его усердія къ христіанству; но вѣсть о несчастной смерти отца произвела въ Воишелгѣ дѣйствіе чрезвычайное: онъ затрепеталъ отъ гнѣва, схватилъ мечъ и, свергнувъ съ себя монашескую одежду, далъ Богу обѣтъ чрезъ три года снова надѣть ее, когда отомститъ врагамъ Миндовга. Сія месть была ужасна: собравъ полки, Воишелгъ явился въ Литвѣ какъ звѣрь свирѣпый и, признанный тамъ единодушно государемъ, истребилъ множество людей, называя ихъ предателями. Триста семействъ литовскихъ искали убѣжища во Псковѣ, крестились и нашли великодушнаго заступника въ Ярославѣ: ибо новогородцы хотѣли было умертвить сихъ несчастныхъ.

Въ то же время одинъ изъ родственниковъ Миндовговыхъ, именемъ Довмонтъ, выѣхалъ изъ отечества и, къ удовольстію псковитянъ, принявъ у нихъ вѣру христіанскую, снискалъ столь великую довѣренность между ними, что они безъ согласія Ярославова объявили его своимъ княземъ и дали ему войско для опустошенія Литвы. Довмонтъ оправдалъ сію довѣренность подвигами мужества и ненавистію къ соотечественникамъ: разоривъ область литовскаго князя Герденя, плѣнилъ его жену, двухъ сыновей и на берегахъ Двины одержалъ рѣшительную надъ нимъ побѣду. Множество литовцевъ утонуло въ Двинѣ, и самъ Герденъ едва ушелъ; а псковитяне, славя храбрость Довмонта, съ восхищеніемъ видѣли въ немъ набожность христіанскую: ибо онъ смиренно приписывалъ успѣхъ своего оружія единственно заступленію святого Леонтія, побѣдивъ непріятелей въ день памяти сего мученика.

Между тѣмъ Ярославъ, досадуя на псковитянъ за самовольное избраніе князя чужеземнаго, желалъ изгнать Довмонта и привелъ для того въ Новгородъ полки суздальскіе; но долженъ былъ отпустить ихъ назадъ. Новогородцы не хотѣли слышать о сей войнѣ междоусобной и сказали ему: „другу ли святой Софіи быть

непріятелемъ Пскова?“ Ярославъ уѣхалъ въ Владиміръ, оставивъ у нихъ своего племянника, Юрія Андреевича, при коемъ знатная часть Новагорода обратилась въ пепелъ. Конецъ Неревскій исчезъ совершенно. Многіе люди сгорѣли и даже самыя купеческія суда въ пристани, нагруженныя товаромъ: Волховъ, по словамъ лѣтописца, казался пылающимъ. Богатые граждане въ нѣсколько часовъ обѣдняли, а бѣдные разбогатѣли, въ общемъ смятеніи захвативъ чужія драгоцѣнныя вещи.

Сіе бѣдствіе не мѣшало новогородцамъ заниматься дѣлами ратными: войско ихъ ходило съ Довмонтомъ и псковитянами на Литву, сдѣлало много вреда непріятелю и возвратилось безъ урона; другое осаждало Везенбергъ или Раковоръ въ Эстоніи, подвластный датчанамъ, но не могло взять его. Желая загладить сію неудачу, новогородцы сыскали искусныхъ мастеровъ и велѣли имъ на дворѣ архіепископскомъ строить большія стѣнобитныя орудія; призвали Димитрія Александровича изъ Переславля съ войскомъ, Довмонта Псковскаго и ждали самого великаго князя; но Ярославъ, вмѣсто себя, прислалъ къ нимъ двухъ сыновей, Святослава и Михаила. Въ то время, какъ войско готовилось выступить, лазутчики Нѣмецкаго ордена, называясь послами отъ Риги, Феллина и Дерпта, явились въ Новѣгородѣ, говоря нашимъ князьямъ, что рыцарство ливонское желаетъ остаться въ дружбѣ съ ними, не думаетъ помогать датчанамъ и не вмѣшивается въ ихъ дѣла съ россіянами. Нѣмцы дали клятву въ истинѣ своихъ увѣреній, и новогородскій бояринъ, отправленный епископомъ и къ чиновникамъ дворянъ Божіихъ—такъ у насъ именовали рыцарей ливонскихъ—заставилъ ихъ присягнуть въ томъ же. Считая нѣмцевъ друзьями, россіяне надѣялись легко управиться съ датчанами, шли къ Везенбергу тремя путями, разоряли селенія и, зная, что многіе жители скрываются въ одной неприступной пещерѣ съ своимъ имѣніемъ, посредствомъ какой-то искусственной машины пустили туда воду;—бѣдные эстонцы выскочили и безъ милости были изрублены въ куски; а добычу, найденную въ пещерѣ, новогородцы отдали всю князю Димитрію. Уже войско наше, приближаясь къ Раковору, стояло на берегахъ Кеголи и вдругъ, къ изумленію своему, увидѣло сильные полки нѣмецкіе, коими предводительствовалъ самъ магистръ ордена, именемъ Отто фонъ-Роденштейнъ, и епископъ дерптскій Александръ, въ противность данной клятвѣ взявшіе сторону датчанъ. Видя, что надобно развѣдаться съ ними мечомъ, новогородцы немедленно перешли за рѣку и стали противъ желѣзнаго нѣмецкаго полка; сынъ Ярославовъ, Михаилъ, на лѣвомъ крылѣ; Довмонтъ Псковскій, Димитрій и Святославъ на правомъ. Ударили смѣло и мужественно съ обѣихъ сторонъ. „Ни отцы, ни дѣды наши, — го-

ворить лѣтописецъ,—не видали такой жестокой сѣчи". Новогородцы, имѣя дѣло съ отборною нѣмецкою фалангою, падали цѣлыми рядами. Посадникъ Михаилъ и многіе чиновники были убиты; тысяцкій именемъ Кодратъ пропалъ безъ вѣсти, а князь Юрій Андреевичъ обратилъ тылъ. Псковитяне, ладожане стояли дружно. Наконецъ князь Димитрій и новогородцы сломили непріятелей и гнали ихъ семь верстъ до самаго города; но, возвратясь на мѣсто битвы, увидѣли еще другой полкъ нѣмецкій, который врѣзался въ наши обозы. Между тѣмъ наступилъ темный вечеръ. Благоразумные вожди совѣтовали подождать утра, чтобы въ ночной схваткѣ не убивать своихъ вмѣсто непріятелей, и съ трудомъ могли удержать пылкихъ воиновъ. Ожидали свѣта съ нетерпѣніемъ; но рыцари, пользуясь темнотою, ушли. Три дня стояли россіяне на костяхъ, то-есть на мѣстѣ сраженія, въ знакъ побѣды, и рѣшились идти назадъ: ибо, претерпѣвъ великій уронъ, не могли заняться осадою городовъ. Вмѣсто добычи, они принесли съ собою трупы убіенныхъ знаменитыхъ бояръ, и схоронили тѣло посадника Михаила въ Софійской церкви. Сія честь и слезы цѣлаго Новагорода были ему воздаяніемъ за его славную кончину. Избрали новаго посадника, именемъ Павшу, а мѣсто тысячскаго осталось праздно, ибо народъ еще не имѣлъ вѣсти о судьбѣ Кодратовой.—Сію кровопролитную битву долго помнили въ Новѣгородѣ и въ Ригѣ. Ливонскіе историки пишутъ, что на мѣстѣ сраженія легло 5,000 нашихъ и 1,350 нѣмцевъ; въ числѣ послѣднихъ былъ и дерптскій епископъ.

Злобствуя на россіянъ, магистръ ордена собралъ новыя силы; пришелъ на судахъ и съ конницею въ область Псковскую; сжегъ Изборскъ, осадилъ Псковъ и думалъ сравнять его съ землею, имѣя множество стѣнобитныхъ орудій и 18,000 воиновъ (число великое по тогдашнему времени). Отто грозился наказать Довмонта: ибо сей князь былъ страшенъ не только для Литвы, но и для сосѣдственныхъ нѣмцевъ, и незадолго до того времени истребилъ ихъ отрядъ на границѣ. Мужественный Довмонтъ, осмотрѣвъ силу непріятелей и готовясь къ битвѣ, привелъ всю дружину въ храмъ Святыя Троицы, положилъ мечъ свой передъ алтаремъ и молился, да будутъ удары его для враговъ смертоносны. Благословенный игуменомъ Исидоромъ (который собственною рукою препоясалъ ему мечъ), князь новыми подвигами геройства заслужилъ удивленіе и любовь псковитянъ; десять дней бился съ нѣмцами; ранилъ магистра. Между тѣмъ новогородцы съ княземъ Юріемъ Андреевичемъ приспѣли и заставили рыцарей отступить за рѣку Великую; вошли въ переговоры съ ними и согласились дать имъ миръ. Тѣ и другіе остались при немъ, потерявъ множество людей безъ всякой пользы.

Тогда великій князь Ярославъ прибылъ въ Новгородъ и, досадуя на многихъ чиновниковъ за сію войну кровопролитную, хотѣлъ ихъ смѣнить, или немедленно выѣхать изъ столицы. Граждане объявили рѣшительно, что они не согласны на первое, но молили его у нихъ остаться, ибо миръ, заключенный съ нѣмцами, казался имъ ненадежнымъ; свѣдавъ же, что великій князь дѣйствительно уѣхалъ, отправили вслѣдъ за нимъ архіепископа, который, наконецъ, уговорилъ Ярослава возвратиться изъ Бронницъ. Чиновниковъ не смѣнили, однакожъ, въ угодность князю; граждане избрали въ тысячскіе одного преданнаго ему человѣка, именемъ Ратибора, и начали готовиться къ войнѣ. Князья суздальскихъ удѣловъ и полки Ярославовы собралися въ Новгородъ, куда пріѣхалъ и великій владимірскій баскакъ, татаринъ Амраганъ. Сей чиновникъ хана, имѣя, кажется, участіе и въ нашихъ государственныхъ совѣтахъ, одобрилъ намѣреніе россіянъ идти къ Ревелю; но датчане и нѣмцы, ослабленные претерпѣннымъ ими урономъ, не захотѣли новой войны и, добровольно уступивъ намъ всѣ берега Наровы, обезоружили тѣмъ Ярослава.

Оставивъ въ покоѣ Эстонію, великій князь хотѣлъ было вести полки свои въ землю корельскую, чтобы утвердить ея жителей въ послушаніи: новогородцы просили его не тревожить сихъ бѣдныхъ людей, и князь отпустилъ войско, не предвидя для себя опасности. Увѣренный въ преданности нѣкоторыхъ чиновниковъ, а можетъ быть и въ покровительствѣ татаръ, онъ худо исполнялъ заключенный имъ договоръ съ новогородцами: дѣйствовалъ иногда какъ государь самовластный; слышалъ ропотъ и не уважалъ его. Общее неудовольствіе возрастало. Вдругъ, къ изумленію князя, ударили въ вѣчевой колоколъ: настал҄ъ грозный часъ суда народнаго, и люди со всѣхъ сторонъ бѣжали толпами къ св. Софіи рѣшить судьбу отечества, какъ они думали. Первымъ опредѣленіемъ сего шумнаго вѣча было изгнать Ярослава и казнить любимцевъ княжескихъ: главнаго изъ нихъ умертвили; другіе ушли въ церковь св. Николая и на Городище, къ Ярославу, оставивъ домы свои въ жертву народу, разломавшему оные до послѣдняго бревна. Именемъ Новгорода вручили князю грамоту обвинительную. „Для чего,—писали къ нему граждане,— завладѣлъ ты дворомъ Морткинича? Для чего взялъ серебро съ бояръ Никифора, Романа и Варѳоломея? Для чего выводишь отсюда иноземцевъ, мирно живущихъ съ нами? Для чего птицеловы твои отнимаютъ у насъ рѣку Волховъ, а звѣроловы поля? Да будетъ нынѣ конецъ твоему насилію! Иди, куда хочешь; а мы найдемъ себѣ князя". Ярославъ послалъ сына и тысячскаго своего на вѣче, съ увѣреніемъ, что онъ сдѣлаетъ все угодное народу. „Нѣтъ! — отвѣтствовали ему граждане:—„мы не хотимъ

тебя. Удались или будешь немедленно изгнанъ". Великій князь уѣхалъ; а новогородцы оправили посольство къ Димитрію Александровичу, думая, что онъ съ радостію согласится княжить у нихъ; но Димитрій отрекся и велѣлъ имъ сказать: „не хочу престола, съ коего вы согнали моего дядю".

Сей отказъ весьма огорчилъ новогородцевъ. Въ то же время они получили извѣстіе отъ Василія, меньшого Ярославова брата, что великій князь, пылая гнѣвомъ, готовится идти на нихъ съ полками моголовъ, съ Димитріемъ Переславскимъ и съ Глѣбомъ Смоленскимъ (сыномъ Ростислава Мстиславича). Но будьте спокойны, — писалъ къ нимъ Василій: — святая Софія есть моя отчина; я готовъ служить ей и вамъ". Онъ поѣхалъ въ орду, гдѣ любимецъ великаго князя, Ратиборъ, тысячскій Новогорода, вооружилъ хана противъ своихъ единоземцевъ, говоря ему: „Новогородцы враги твои; изгнали Ярослава съ безчестіемъ, разграбили наши домы и хотѣли насъ умертвить единственно за то, что мы требовали съ нихъ для тобя дани". Обманутый ханъ послалъ войско, чтобы смирить ослушниковъ, но Василій Ярославичъ вывелъ его изъ заблужденія, объяснивъ ему, что новогородцы ничѣмъ не оскорбили моголовъ, и что неудовольствія ихъ на великаго князя справедливы. Тогда ханъ велѣлъ полкамъ своимъ возвратиться; а Василій, оказавъ столь важную услугу новогородцамъ, надѣялся быть ихъ княземъ. Готовые умереть за права вольности, они укрѣпили столицу съ обѣихъ сторонъ высокимъ тыномъ, сносили имѣніе въ средину города и ждали непріятелей.

Ярославъ приближался къ самому Городищу: но, видя тамъ всѣхъ жителей вооруженныхъ, конныхъ и пѣшихъ, обратился къ Русѣ и, занявъ оную своимъ войскомъ, прислалъ оттуда боярина съ дружелюбными предложеніями въ Новгородъ. „Забываю, — говорилъ онъ, — сдѣланныя мнѣ вами обиды и всѣ князья россійскіе будутъ моими поруками въ вѣрномъ исполненіи нашихъ условій". Новогородцы отвѣтствовали ему чрезъ посла: „Князь! ты объявилъ себя врагомъ святыя Софіи: оставь же насъ въ покоѣ или мы умремъ за отечество. Не имѣемъ князя: но за насъ Богъ, правда и святая Софія; а тебя не хотимъ". Вслѣдъ за посломъ двинулось къ Русѣ ихъ войско многочисленное, въ коемъ находились ладожане, корелы, ижерцы, вожане и псковитяне. Станъ ихъ былъ на одной сторонѣ рѣки, Ярославовъ на другой: прошла недѣля въ бездѣйствіи. Тогда новогородцы получили грамоту отъ митрополита Кирилла. Сей достойный пастырь церкви именемъ отечества и вѣры заклиналъ ихъ не проливать крови; ручался за Ярослава и бралъ на себя грѣхъ, если они, въ изступленіи злобы, дали Богу клятву не мириться съ вели-

кимъ княземъ. Слова добродѣтельнаго старца тронули новогородцевъ, и послы Ярославовы, прибывъ къ нимъ въ станъ, довершили благое дѣло мира. Написали договоръ; великій князь утвердилъ оный цѣлованіемъ креста. Сія грамота также хранится въ нашемъ архивѣ и содержаніемъ подобна первой; означимъ только нѣкоторыя прибавленія. Въ ней сказано отъ имени Новагорода: „Князь Ярославъ! забудь гнѣвъ на владыку, посадника и всѣхъ мужей новогородскихъ; не мсти имъ ни судомъ, ни словомъ, ни дѣломъ. Не вѣрь клеветникамъ; не принимай доносовъ отъ раба на господина. Пословъ и купцовъ нашихъ, оставленныхъ въ Костромѣ и въ другихъ городахъ низовскихъ, выпусти съ ихъ имѣніемъ; освободи также военноплѣнныхъ и всѣхъ должниковъ новогородскихъ, задержанныхъ въ Торжкѣ княземъ Юріемъ Андреевичемъ, или твоихъ собственныхъ, или княгининыхъ, или боярскихъ (купецъ да идетъ въ свою сотню, а селянинъ въ свой погостъ). Не раздавай никому государственныхъ даней. Возврати грамоту отца твоего, которую ты у насъ отнялъ; и вмѣсто новыхъ, данныхъ тобою, да имѣютъ силу прежнія; Ярославовы и Александровы грамоты. На дворѣ нѣмецкомъ торгуй единственно черезъ нашихъ купцовъ, а двора не затворяй и не посылай туда приставовъ. Село святой Софіи останется ея неотъемлемою собственностію. Новогородцы не должны быть судимы въ землѣ суздальской. Купцы наши да торгуютъ въ ней свободно по грамотѣ ханской; бери тамъ установленныя пошлины, но въ областяхъ Новогородскихъ не заводи таможни. Судьи начинаютъ свои объѣзды съ Петрова дня“, и проч. На бѣлой сторонѣ сей хартіи, къ коей привязана свинцовая печать, написано, что послы хана татарскаго, Чевгу и Банши, прибыли съ его грамотою въ Новгородъ, возвести Ярослава на престолъ. Столь велика была зависимость князей россійскихъ.

Ярославъ жилъ потомъ нѣсколько мѣсяцевъ въ Новѣгородѣ. Не любя Довмонта, онъ далъ псковитянамъ иного князя — но только на малое время—какого-то Айгуста и зимою уѣхалъ въ Владиміръ, поручивъ Новгородъ намѣстнику, Андрею Вратиславичу. Великое княженіе Суздальское было спокойно, то-есть рабствовало въ тишинѣ, и народъ благодарилъ небо за облегченіе своей доли, которое состояло въ томъ, что преемникъ хана или царя Берки, братъ его, именемъ Мангу-Тимуръ, освободилъ россіянъ отъ насилія откупщиковъ харазскихъ. Историкъ могольскій, Абульгази, хвалитъ Тимура за его острый умъ; но умъ не смягчалъ въ немъ жестокаго сердца, и память сего хана запечатлѣна въ нашихъ лѣтописяхъ кровію добраго сына Олеговича, Романа, князя Рязанскаго, принявшаго въ ордѣ вѣнецъ мученика. Еще ханъ Берка, имѣвъ случай говорить о вѣрѣ съ

купцами бухарскими, и плѣненный ученіемъ Алкорана, объявилъ себя ревностнымъ магометаниномъ: примѣръ его служилъ закономъ для большей части моголовъ, весьма равнодушныхъ къ древнему идолопоклонству; а какъ всякая новая вѣра обыкновенно производитъ изувѣровъ или фанатиковъ, то они, вмѣсто прежней терпимости, начали славиться пламеннымъ усердіемъ ко мнимой божественности Алкорана. Можетъ быть князь Романъ неосторожно говорилъ о семъ ослѣпленіи ума; донесли Тимуру, что онъ хулитъ ихъ законъ. Тогда Романъ, принуждаемый дать отвѣтъ, не хотѣлъ измѣнить совѣсти и говорилъ такъ смѣло, что озлобленные варвары, заткнувъ ему ротъ, изрѣзали несчастнаго князя по составамъ и взоткнули голову его на копье, содравъ съ нея кожу. Россіяне проливали слезы, но утѣшались твердостію сего второго Михаила и думали, что Богъ не оставилъ той земли, гдѣ князья, презирая славу мірскую, столь великодушно умираютъ за Его святую вѣру.

Великій князь Ярославъ, слѣдуя примѣру отца и Александра Невскаго, старался всѣми способами угождать хану и, подобно имъ, кончилъ жизнь свою на возвратномъ пути изъ орды, куда онъ ѣздилъ съ братомъ Василіемъ и съ племянникомъ Димитріемъ Александровичемъ. Тѣло его было отвезено для погребенія въ Тверь. Лѣтописцы не говорятъ ни слова о характерѣ сего князя: видимъ только, что Ярославъ не умѣлъ ни довольствоваться ограниченною властію, ни утвердить самовластія смѣлою рѣшительностію; обижалъ народъ и винился какъ преступникъ; не отличался ратнымъ духомъ, ибо не хотѣлъ самъ предводительствовать войскомъ, когда оно сражалось съ нѣмцами; не могъ назваться и другомъ отечества, ибо вооружалъ моголовъ противъ Новагорода.

Опишемъ разныя особенныя происшествія Ярославова времени. При семъ государѣ сдѣлались нѣкоторыя перемѣны въ частныхъ удѣлахъ великаго княженія. Василій Всеволодовичъ, внукъ Константиновъ, умершій еще въ 1249 году, оставилъ на престолѣ Ярославской области супругу Ксенію и малолѣтную дочь Марію, которая послѣ сочеталась бракомъ съ Ѳеодоромъ Ростиславичемъ Чернымъ, внукомъ Мстислава Давидовича Смоленскаго, удѣльнымъ княземъ Можайскаго. Считая себя обиженнымъ старшими братьями, Глѣбомъ и Михаиломъ, онъ переѣхалъ въ Ярославль, наслѣдіе супруги его, и княжилъ тамъ вмѣстѣ съ тещею. Къ сему извѣстію новѣйшіе лѣтописцы прибавляютъ слѣдующую повѣсть: „Ѳеодоръ, бывъ въ ордѣ, мужественною красотою и разумомъ столь плѣнилъ царицу могольскую, что она желала выдать за него дочь свою. Въ то самое время Марія скончалась въ Ярославлѣ и народъ, объявивъ ея сына, Михаила, владѣ-

тельнымъ княземъ, уже не хотѣлъ повиноваться Ѳеодору, который, лишась супруги и престола, согласился быть зятемъ хана или царя Капчакскаго. Всѣ препятствія исчезли: ханъ позволилъ дочери креститься, и константинопольскій патріархъ торжественною грамотою подтвердилъ ея благословенное супружество; а тесть построилъ для Ѳеодора великолѣпныя палаты въ Сараѣ и далъ ему множество городовъ: Черниговъ, Херсонъ, Болгары, Казань; по смерти же юнаго Михаила Ѳеодорововича, возвелъ сего любимаго зятя на престолъ ярославскій, наказавъ его враговъ. Супруга Ѳеодорова, названная въ крещеніи Анною, построила въ Ярославлѣ храмъ Архистратига Михаила и заслужила имя добродѣтельной христіанки". Ежели сія повѣсть справедлива, то вѣроятно, что Ѳеодоръ былъ зятемъ не Мангу-Тимура, а Ногая, женатаго на христіанкѣ и не хотѣвшаго принять вѣры магометанской.

Димитрій Святославичъ, князь Юрьева Польскаго, двоюродный братъ Ярослава, умеръ въ 1269 году; и съ того времени 70 лѣтъ не упоминается въ нашей исторіи о владѣтеляхъ юрьевскихъ. Сей набожный князь принялъ схиму отъ епископа ростовскаго и, закрывая глаза навѣки, сказалъ ему: „Святый владыко! ты совершилъ трудъ свой и приготовилъ меня къ пути дальнему, какъ добраго воина Христова. Тамъ въ жизни вѣчной царствуетъ Богъ милосердія: иду служить Ему съ вѣрою и надеждою". Сіи послѣднія слова Димитріевы казались лѣтописцамъ достопамятнѣе дѣлъ его, совершенно для насъ неизвѣстныхъ.

Лѣтъ за шесть до Ярославовой смерти преставился (и погребенъ въ Холмѣ) знаменитый Даніилъ, король галицкій, славный воинскими и государственными достоинствами, а еще болѣе отмѣннымъ милосердіемъ, отъ коего не могли отвратить его ни измѣны, ни самая гнусная неблагодарность бояръ мятежныхъ: добродѣтель рѣдкая во времена жестокія и столь бурныя. Милостивый къ подданнымъ, онъ и въ другихъ отношеніяхъ исполнялъ уставы нравственности: въ юности чтилъ князей старшихъ, изъявлялъ нѣжную любовь къ матери и брату, получившему отъ него въ удѣлъ область Владимірскую; помнилъ благодѣянія, ему оказанныя; наблюдалъ правило вѣрности въ союзахъ, побѣдами и разумомъ утверждая безопасность и честь державы галицкой; нашествіемъ моголовъ разстроенный въ видахъ своей политики, не изумился; не утратилъ бодрости духа; хотя не могъ совершенно избавиться отъ свирѣпаго тиранства, но закрылъ глаза съ надеждою, что его потомки будутъ счастливѣе, слѣдуя принятой имъ системѣ держаться союза государей западныхъ, иногда обольщать варваровъ золотомъ и смиреніемъ, иногда устрашать силою, въ ожиданіи, что они, какъ гунны Аттилины, какъ обры исчезнутъ, со-

крушенные или внутреннимъ междоусобіемъ, или общимъ усиліемъ государей европейскихъ. Сія надежда не совсѣмъ обманула Даніила; его преемники рабствовали менѣе иныхъ князей россійскихъ, уважаемые ханами и сосѣдственными христіанскими державами, которыя въ теченіе цѣлаго вѣка считали княжество Галицкое вѣрнымъ для себя оплотомъ съ опасной стороны моголовъ.

Первымъ слѣдствіемъ кончины Даніиловой была война наслѣдниковъ его съ Болеславомъ польскимъ. Василько остался княземъ Владимірскимъ, Левъ Перемышльскимъ; Романъ Даніиловичъ умеръ; третій братъ ихъ, Мстиславъ, господствовалъ въ Луцкѣ и Дубнѣ: меньшій, Шварнъ—кажется любезнѣйшій отцу—въ Галичѣ, Холмѣ и Дрогичинѣ. Несмотря на миръ и союзъ, за нѣсколько лѣтъ до того времени утвержденный въ Тернавѣ между Болеславомъ и Даніиломъ, корыстолюбивые бояре Шварновы не усомнились вмѣстѣ съ Литвою грабить польскія владѣнія. Болеславъ хотѣлъ отмстить: дошло до битвы, въ коей дружина Шварнова претерпѣла великій уронъ; наконецъ, примирились, ибо общая польза обѣихъ державъ того требовала.

Хотя княжество Даніилово раздѣлилось на части, однакожъ его сыновья дѣйствовали согласно въ государственныхъ предпріятіяхъ и слушались дяди, опытнаго, благоразумнаго Василька, несмотря на то, что князь Левъ съ неудовольствіемъ видѣлъ меньшого брата властелиномъ Галича и Холма. Сія зависть еще усилилась отъ новаго происшествія, которое могло быть важно и весьма счастливо не только для южной Россіи, но и для спокойствія другихъ земель сосѣдственныхъ. Бывшій инокъ Воишелгъ, сынъ Миндовга, искренній другъ Василька и Шварна, своего зятя, съ ихъ помощію овладѣвъ большею частію Литвы, раздробленной на многія области, далъ послѣднему въ ней удѣлъ, а наконецъ уступилъ ему и престолъ; снялъ съ себя одежду княжескую и заключился въ монастырѣ Угровскомъ, исполняя произнесенный имъ обѣтъ. Россіяне надѣялись, что грабительства литовскія уже не возобновятся и что сей опасный народъ, правимый сыномъ Даніиловымъ, составитъ одну державу съ Галицкихъ княженіемъ; но Левъ, думая о пользѣ собственнаго властолюбія еще болѣе, нежели о благѣ отечества, не могъ снести равнодушно, что сильное княжество литовское досталось не ему, а юному Шварну; злобился на Воишелга и дерзнулъ на месть подлую и свирѣпую. Онъ предложилъ Воишелгу съѣхаться съ нимъ въ Владимірѣ будто бы для какого-то важнаго дѣла. Сей князь-инокъ сомнѣвался, зная коварство Льва, но, увѣренный въ безопасности словомъ добродушнаго Василька, пріѣхалъ въ Владиміръ и сталъ въ монастырѣ св. Михаила. На другой день былъ обѣдъ у знатнѣйшаго вельможи Даніилова, нѣмца Маркольта, гдѣ князья, по тогдашнему обыкнове-

нію, пили весьма неумѣренно, и гдѣ Левъ съ удивительнымъ искусствомъ притворялся нѣжнымъ другомъ Миндовгова сына. Насталъ вечеръ: Воишелгъ спокойно возвратился въ монастырь, куда вслѣдъ за нимъ прискакалъ и Левъ, желая, какъ онъ говорилъ, еще повеселить любезнаго кума. Несчастный отперъ дверь: вдругъ слуги княжескіе окружили его, и Левъ, грознымъ голосомъ исчисливъ бѣдствія, претерпѣнныя Россіею отъ Литвы, саблею разсѣкъ ему голову. Ни Василько, ни Шварнъ не участвовали въ заговорѣ: они жалѣли, что имя русское очернилось злодѣйскимъ вѣроломствомъ и съ честію погребли Воишелга въ обители св. Михаила. Пишутъ, что сей литовскій князь, отъ природы жестокосердый, будучи властителемъ, сверхъ одежды носилъ черную мантію и потому заслужилъ названіе волка въ кожѣ агнца. Но онъ имѣлъ право на благодарность россіянъ, хотѣлъ по усердію въ вѣрѣ христіанской и любви къ нимъ, чтобы кровь св. Владиміра, браками Даніила и Шварна соединенная съ кровію славнаго Миндовга, царствовала въ Литвѣ. Къ несчастію, столь важное для Россіи благодѣяніе не имѣло желаемыхъ слѣдствій: Шварнъ въ юности умеръ, и князь литовскій, именемъ Тройденъ, вѣрою язычникъ, сердцемъ Неронъ, сѣлъ на Миндовговомъ тронѣ. Скоро преставился и князь Василько, о коемъ упоминается съ честію во многихъ лѣтописяхъ иностранныхъ, особенно въ сербской исторіи по его дружеству съ королемъ Стефаномъ Драгутинымъ. Сей достойный братъ Даніиловъ, нѣкогда воинъ храбрый и неутомимый, кончилъ дни свои монахомъ и труженикомъ: повѣствуютъ, что онъ жилъ нѣсколько времени въ дикой, заросшей кустарникомъ пещерѣ, оплакивая грѣхи прежняго мірского властолюбія и ратной дѣятельности. Сынъ его, Іоаннъ-Владиміръ, женатый на Ольгѣ, дочери Романа Михайловича Брянскаго (въ 1269 году) наслѣдовалъ область родительскую, а Левъ Шварнову, то-есть Галичъ, Холмъ и Дрогичинъ, утвердивъ престолъ свой въ новомъ городѣ Львовѣ, основанномъ еще при Даніилѣ.

Ко временамъ, нами описываемымъ, историки относятъ возобновленіе древней Ѳеодосіи или основаніе нынѣшней Кафы. Можетъ быть генуэзцы уже и ранѣе купечествовали въ Тавридѣ вмѣстѣ съ венеціанами; но въ царствованіе императора Михаила Палеолога они старались исключительно пользоваться сею торговлею, и съ дозволенія моголовъ завели тамъ гостиный дворъ, амбары и лавки: сперва, выпросивъ небольшую частицу земли, обвели ее рвомъ и валомъ, а послѣ начали строить высокіе домы, присвоили себѣ гораздо болѣе отданнаго имъ мѣста и сдѣлали каменную стѣну, назвавъ сей укрѣпленный, прекрасный городъ Кафою; овладѣли Судакомъ, Балаклавою, нынѣшнимъ Азовомъ или Танаисомъ, выгнали оттуда своихъ опасныхъ совмѣстниковъ,

венеціанъ, и стѣснили древній Херсонъ, гдѣ (въ 1333 гаду) находился уже латинскій епископъ и гдѣ, въ XVI вѣкѣ, представлялись глазамъ путешественниковъ однѣ великолѣпныя развалины. Имѣя иногда ссоры и даже войну съ моголами (въ 1343 году), генуэзцы господствовали тамъ до паденія Греческой имперіи и были, наконецъ, истреблены турками. Но еще и нынѣ видимъ въ Тавридѣ памятники сихъ образованныхъ итальянцевъ, остатки ихъ зданій и надписи; въ Азовѣ же, какъ говоритъ одинъ историкъ, жили нѣкоторая генуэзскія семейства до самаго XVII столѣтія. — Близъ Кафы находился еще знаменитый могольскій городъ Крымъ (коего именемъ назвали и всю Тавриду), столь великій и пространный, что всадникъ едва могъ на хорошемъ конѣ объѣхать его въ половину дня. Главная тамошняя мечеть, украшенная мраморомъ и порфиромъ, и другія народныя зданія, особенно училища, заслуживали удивленіе путешественниковъ. Купцы ѣздили изъ Хивы въ Крымъ безъ малѣйшей опасности и, зная что имъ надлежало быть въ дорогѣ около трехъ мѣсяцевъ, не брали съ собою никакихъ съѣстныхъ припасовъ, ибо находили все нужное въ гостиницахъ: доказательство, сколь моголы любили и покровительствовали торговлю! Жители Крыма славились богатствомъ и скупостію, запирали золото въ сундуки и, не давая ничего бѣднымъ, строили великолѣпныя мечети въ знакъ своей набожности. Нынѣшнее мѣстечко Старый Крымъ (на рѣкѣ Чуруксѣ, близъ Кафы) есть бѣдный остатокъ сего древняго города.

ГЛАВА IV.

Великій князь Василій Ярославичъ.

Г. 1272—1276.

Споръ о Новогородскомъ княженіи.—Моголы идутъ на Литву.—Пруссы въ Слонимѣ и Гроднѣ.—Кончина Василія.—Соборъ.

Меньшій братъ Ярославовъ, Василій Костромскій, наслѣдовалъ престолъ великаго княженія и немедленно отправилъ пословъ въ Новгородъ, куда вмѣстѣ съ ними прибыли и Димитріевы. Тѣ и другіе остановились на дворѣ Ярослава; тѣ и другіе ходатайствовали за своего князя: ибо и Василій и Димитрій Александровичъ желали присвоить себѣ Новгородъ, избыточный, сильный и менѣе другихъ областей угнетенный игомъ татарскимъ. Димитрій надѣялся на славу мужества, изъявленнаго имъ въ битвѣ Раковорской, и еще болѣе на память отца, героя Невскаго;

а Василій на услугу, недавно оказанную имъ въ ордѣ Новугороду. Посадникъ Павша взялъ сторону перваго, и сынъ Александровъ, признанный княземъ Новогородскимъ, спѣшилъ въ сію столицу. Василій, свѣдавъ о томъ, послалъ вслѣдъ за нимъ воеводу, чтобы схватить его на пути, а самъ хотѣлъ взять Переславль, но обратился съ войскомъ къ Торжку и, занявъ сей городъ, оставилъ тамъ своего намѣстника или тіуна. Князь Тверскій,



ВАСИЛІЙ I. ЯРОСЛАВИЧЬ.

Вел. Кн. Россійскій.

Святославъ Ярославичъ, помогая дядѣ, опустошалъ между тѣмъ берега Волги, Бѣжецкъ, Волокъ. Надлежало прибѣгнуть къ мечу или къ договорамъ: новогородцы хотѣли употребить оба средства, и, собравъ войско, послали бояръ къ великому князю, чтобы укротить его гнѣвъ словами мирными, но Василій, принявъ пословъ съ отмѣнною честію, не согласился на миръ, и Димитрій съ сильными полками выступилъ къ Твери зимою. Вдругъ сдѣла-

лась перемѣна. „Дружба великаго князя для насъ необходима, — думали многіе новогородцы: — купцовъ нашихъ грабятъ теперь въ землѣ суздальской; мы лишены подвозовъ и терпимъ нужду въ хлѣбѣ. Не лучше ли, вмѣсто кровопролитія, исполнить желаніе Васильево, согласное съ народною пользою?“ Сіе мнѣніе было, наконецъ, всѣми одобрено: остановясь въ Торжкѣ, войско не хотѣло идти далѣе. Самъ Димитрій не противился общей волѣ и дружелюбно разстался съ новогородцами, которые, смѣнивъ вѣрнаго ему посадника Павшу, объявили Василія своимъ правителемъ. Такимъ образомъ великій князь достигъ цѣли; пріѣхалъ въ Новгородъ и, въ знакъ миролюбія, забывъ недоброжелательство боярина Павши, согласился, чтобы народъ возвратилъ ему санъ посадника; сей чиновникъ ушелъ было изъ Торжка къ Димитрію; но, боясь на старости лѣтъ остаться изгнанникомъ, прибѣгнулъ къ Василіеву великодушію и до кончины своей пользовался любовію согражданъ.

Черезъ два года, спокойные для Россіи, великій князь отправился къ хану Въ сіе время моголы ходили на Литву, приглашенные къ тому Львомъ Галицкимъ. Преемникъ Шварновъ, свирѣпый Тройденъ, нѣсколько лѣтъ бывъ союзникомъ Даніиловыхъ сыновей, нечаянно взялъ Дрогичинъ и безжалостно умертвилъ большую часть жителей. Левъ, озлобленный его вѣроломствомъ, обратился къ хану Мангу Тимуру, желая истреблять враговъ врагами. Глѣбъ Смоленскій и Романъ Михайловичъ Брянскій, тесть сына Василькова, Іоанна-Владиміра, соединились съ татарами, долго терпѣвъ набѣги литовцевъ, которые опустошили за Днѣпромъ самыя отдаленныя мѣста Черниговскаго княжества. Но сей походъ имѣлъ для Россіи болѣе вредныхъ слѣдствій, нежели благопріятныхъ; ибо князья поссорились между собою и, взявъ одно предмѣстіе Новогродка, не захотѣли идти далѣе въ Литву; а моголы на возвратномъ пути разорили множество нашихъ селъ, подъ именемъ друзей отнимая у земледѣльцевъ скотъ, имѣніе, одежду. Дружба съ невѣрнымъ, — говоритъ лѣтописецъ, — не лучше брани; и сей случай да будетъ примѣромъ для потомства!“

Оставленные союзниками, князья Галицкіе взяли въ Литвѣ два города, Турійскъ на берегу Нѣмена и Слонимъ (гдѣ жили пруссы, которые искали тамъ убѣжища отъ притѣсненій Нѣмецкаго ордена; Тройденъ населилъ ими и Гродно). Хотя Левъ и Владиміръ, сынъ Васильковъ, заключили было миръ съ Тройденомъ, но гордый Ногай, недовольный худымъ успѣхомъ могольскаго оружія въ литовской землѣ, прислалъ новую рать въ Галицію и велѣлъ имъ идти съ нею противъ Литвы. Они повиновались. Моголы осаждали Новогородокъ, россіяне Гродно; но тѣ и другіе взяли единственно добычу въ окрестностяхъ, потерявъ много лю-

дей. Гродневскіе пруссы въ особенности бились мужественно и въ нечаянномъ нападеніи плѣнили лучшихъ бояръ галицкихъ; однакожъ должны были освободить ихъ, когда россіяне, овладѣвъ главною башнею крѣпости, предложили честный миръ жителямъ.

Великій князь, по возвращеніи изъ орды, преставился въ Костромѣ на сороковомъ году отъ рожденія, къ горести князей и народа, чтившихъ въ немъ государя умнаго и добродушнаго.— Въ его время чиновники могольскіе сдѣлали вторично общую перепись людямъ во всѣхъ россійскихъ областяхъ для платежа дани, и народъ, уже начиная привыкать къ рабству, сносилъ терпѣливо свое уничиженіе.

Къ главнымъ достопамятностямъ Василіева княженія принадлежитъ соборъ, бывшій въ 1274 г., когда митрополотъ Кириллъ пріѣхалъ изъ Кіева въ Владиміръ, съ архимандритомъ Печерской лавры Серапіономъ, чтобы посвятить его тамъ въ епископы. Кириллъ, знаменитый миротворецъ князей и другъ отечества, свѣдавъ о многихъ безпорядкахъ въ дѣлахъ церковныхъ, ревностно желалъ исправить ихъ и созвалъ для того епископовъ въ Владиміръ: Далмата новогородскаго, Игнатія ростовскаго, Θеогноста переяславскаго или сарскаго, Симеона полоцкаго и, разсуждавъ съ ними, издалъ церковныя правила, коихъ почти современный характерный списокъ находится въ синодальной библіотекѣ. „Донынѣ,—пишетъ митрополитъ,—„уставы церковные были омрачены облакомъ еллинской мудрости; нынѣ же предлагаются ясно, и невѣдѣніе да не будетъ извиненіемъ. Уклоняяся отъ истинныхъ правилъ христіанства, какое мы видѣли слѣдствіе? Не разсѣялъ ли насъ Богъ по лицу земли? не взяты ли грады наши? не истреблены ли князи остріемъ меча? не отведены ли въ плѣнъ семейства? не опустошены ли церкви, не томимся ли ежедневно отъ ига безбожныхъ и нечестивыхъ враговъ? Се казнь за нарушеніе уставовъ церкви!“ Увѣренный, что нравственность міранъ во многомъ зависитъ отъ нравовъ духовенства, Кириллъ повелѣваетъ давать священный санъ единственно людямъ непорочнымъ, коихъ жизнь и дѣла извѣстны отъ самаго дѣтства; сосѣды и знакомые должны засвидѣтельствовать ихъ честность, трезвость, добрыя склонности. Житель иной области (слѣдственно неизвѣстный въ той епархіи), рабъ не освобожденный, гражданинъ, не платящій дани, господинъ жестокій, ротникъ или многоклянущійся, лжесвидѣтель, убійца, хотя и принужденный, мздоимецъ, безграмотный, незаконноженатый, отчуждаются отъ сего сана. Іерею надлежитъ имѣть 30 лѣтъ отъ рожденія, діакону 29. Епископамъ строго запрещается брать съ нихъ деньги за поставленіе, кромѣ опредѣленныхъ митрополитомъ семи гривенъ для крилошанъ. Всякая мзда, такъ называемая посопная и дру-

гія, отмѣнены. Далѣе сказано: „Мы свѣдали, что нѣкоторые іереи въ странахъ новогородскихъ отъ Пасхи до недѣли Всѣхъ Святыхъ празднуютъ только и веселятся, не крестятъ никого и не отправляютъ службы божественной; такіе да исправятся или да будутъ извержены! Единъ достойный пастырь лучше тысячи беззаконныхъ. Извѣстно намъ также, что многіе люди держатся древнихъ языческихъ обыкновеній, сходятся въ святые праздники на какія-то бѣсовскія игрища, крикомъ и свистомъ созываютъ подобныхъ себѣ пьяницъ и бьются дрекольемъ до самой смерти, снимая съ убитыхъ одежду; отнынѣ кто не престанетъ тѣшить діавола такими гнусными забавами, да будетъ отлученъ отъ церквей Божіихъ; да не пріемлютъ отъ него никакихъ приношеній, то-есть ни просфоръ, ни кутьи, ни свѣчъ; когда же умретъ, да не отправляютъ по немъ Божественныя службы, и тѣло его да лежитъ далеко отъ святыхъ храмовъ!“ Въ числѣ многихъ обыкновеній, противныхъ уставамъ церковнымъ, Кириллъ осуждаетъ обливаніе при крещеніи, говоря, что оно беззаконно, и что крестимый долженъ быть всегда погружаемъ въ сосудѣ особенномъ.— Такимъ бразомъ, приписывая государственное бѣдствіе разврату народа и заблужденіямъ духовенства, сей митрополитъ хотѣлъ искоренить оные мѣрами, согласными съ образомъ мыслей своего вѣка.

ГЛАВА V.

Великій князь Димитрій Александровичъ.

Г. 1276—1294.

Состояніе Россіи.—Россіяне въ Дагестанѣ.—Копорье.—Ссора князей Ростовскихъ.—Междоусобіе въ великомъ княженіи.—Бѣдствія Курской области.—Независимость Тверского княженія.—Опустошеніе Россіи.—Кончина Димитріева.—Неустройства въ Новѣгородѣ.—Дѣла съ нѣмцами и шведами.—Набѣги Литвы.—Дѣла съ Польшею.—Кончина кн. Владиміра Волынскаго.—Добродѣтели Кирилла митрополита.—Смерть Ногаева.

Послѣ страшной грозы Батыевой отечество наше какъ бы отдохнуло въ теченіе лѣтъ тридцати, будучи обязано внутреннимъ устройствомъ и тишиною умному правленію Ярослава Всеволодовича и св. Александра. Нѣкоторые частные грабежи моголовъ, нѣкоторыя маловажныя распри князей и самая утрата государственной независимости уже казались легкимъ зломъ въ сравненіи съ общими бѣдствіями минувшихъ лѣтъ, еще свѣжими въ памяти народа. Войны внѣшнія были довольно счастливы: побѣда

Невская и Раковорская свидѣтельствовали, что россіяне еще умѣютъ владѣть мечомъ; а торговля, ободряемая даже грамотами ханскими, доставляла и купцамъ, и земледѣльцамъ способъ платить дань безъ затрудненія. Въ такомъ состояніи находилось великое княженіе, когда Димитрій Александровичъ вошелъ на



ДИМИТРІЙ I. АЛЕКСАНДРОВИЧЪ.
Вел. Кн. Россiйскiй

престолъ онаго, къ несчастію подданныхъ и своему, къ стыду вѣка и крови героя Невскаго.

Новогородцы тогда же признали Димитрія своимъ княземъ, слѣдуя, во-первыхъ, древнему правилу, что глава Россіи есть и глава Новагорода, а во-вторыхъ, и для того, чтобы онъ покровительствовалъ ихъ важную торговлю въ землѣ низовской и не мѣшалъ имъ имѣть свободное сообщеніе съ Заволочьемъ.

Димитрій немедленно отправился въ Новгородъ, а другіе князья—Борисъ Ростовскій, Глѣбъ Бѣлозерскій, Θеодоръ Ярославскій

и Андрей Городецкій, сынъ Невскаго, братъ Димитріевъ—повели войско въ орду, чтобы вмѣстѣ съ ханомъ Мангу-Тимуромъ идти на кавказскихъ ясовъ или аланъ, изъ коихъ многіе не хотѣли повиноваться татарамъ и еще съ усиліемъ противоборствовали ихъ оружію. Князья наши завоевали ясскій городъ Дедяковъ (въ южномъ Дагестанѣ), сожгли его, взявъ знатную добычу, плѣнниковъ, и симъ подвигомъ заслужили отмѣнное благоволеніе хана, изъявившаго имъ оное не только великою хвалою, но и богатыми дарами. Ѳеодоръ Ярославскій и зять его, Михаилъ, сынъ Глѣбовъ, ходили и въ слѣдующій годъ помогать татарамъ, или единственно исполняя волю хана, или желая добычи, коею моголы охотно дѣлились съ россіянами, пользуясь ихъ мужествомъ. Татары воевали тогда въ Болгаріи съ однимъ славнымъ бродягою, свинопасомъ, извѣстнымъ въ греческихъ лѣтописяхъ подъ именемъ Лахана: сей человѣкъ приманилъ къ себѣ многихъ людей, увѣривъ ихъ, что небо послало его освободить отечество отъ ига могольскаго; имѣлъ сперва удачу и женился на вдовствующей супругѣ царя болгарскаго, имъ злодѣйски умерщвленнаго; но былъ, наконецъ, разбитъ татарами и лишенъ жизни въ станѣ Ногаевомъ.

Между тѣмъ великій князь Димитрій наказалъ данниковъ Новагорода, кореловъ, взявъ ихъ землю на щитъ, то есть разоривъ оную и плѣнивъ многихъ жителей за ослушаніе или явный бунтъ: въ надеждѣ можетъ быть на помощь магистра ливонскаго или короля шведскаго, они хотѣли свергнуть иго, возложенное Новымгородомъ на ихъ предковъ. Чтобы нѣмцы и шведы не могли свободно приставать къ нашимъ берегамъ Финскаго залива, Димитрій заложилъ каменную крѣпость въ Копорьѣ, гдѣ прежде находилась деревянная, въ его же время срубленная. Сія крѣпость сдѣлала раздоръ между княземъ и народомъ: первый хотѣлъ присвоить оную лично себѣ и занять своею дружиною; а граждане не позволяли князю владѣть чѣмъ-нибудь въ области Новогородской, особенно же мѣстомъ укрѣпленнымъ—и Димитрій, съ досадою уѣхавъ въ Владиміръ, началъ готовиться къ войнѣ. Тщетно посолъ, архіепископъ Климентъ, преемникъ Далматовъ, уговаривалъ его оставить гнѣвъ на людей, обыкшихъ соблюдать древнія права свои: великій князь пошелъ съ войскомъ въ область Новогородскую, началъ непріятельскія дѣйствія разореніемъ многихъ селеній и сталъ на Шаловѣ. Тамъ архіепископъ Климентъ вторичнымъ моленіемъ и дарами склонилъ его къ миру: новогородцы согласились поручить Копорье дружинѣ княжеской, но съ того времени невзлюбили Димитрія, ожидая случая отомстить ему за сіе насиліе, который скоро и представился.

Димитрій, оставивъ своего чиновника въ Новѣгородѣ, возвра-

тился въ Владимиръ, быть посредникомъ въ ссорѣ князей Ростовскихъ. Борисъ Васильковичъ еще въ 1277 году скончался въ ордѣ, гдѣ была съ нимъ и супруга его, Марія. Глѣбъ Бѣлозерскій, наслѣдовавъ Ростовъ, чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ умеръ. Сей меньшій Васильковъ сынъ отъ юности своей пользовался отмѣнною милостію хановъ и служилъ имъ на войнахъ усердно, чтобы тѣмъ лучше служить отечеству, ибо угнетаемые моголами россіяне всегда находили заступника и спасителя въ великодушномъ Глѣбѣ, вообще благотворительномъ, щедромъ, отцѣ сирыхъ и бѣдныхъ. По его кончинѣ, сыновья Борисовы, Димитрій и Константинъ, господствуя въ Ростовѣ, отняли у Глѣбова сына, Михаила, наслѣдственную Бѣлозерскую область и скоро поссорились между собою, такъ что Константинъ долженъ былъ прибѣгнуть къ великому князю, а Димитрій Борисовичъ началъ собирать полки; но великій князь отвратилъ ненавистное кровопролитіе: самъ ѣздилъ въ Ростовъ и посредствомъ тамошняго епископа Игнатія уговорилъ братьевъ жить согласно.

Въ то самое время собственный его меньшій братъ, Андрей Александровичъ, князь городца Волжскаго, дѣйствуя по совѣту злодѣя Семена Тонигліевича и другихъ недостойныхъ бояръ, вздумалъ овладѣть великимъ княженіемъ, вопреки государственному уставу или древнему обыкновенію, по коему старшій въ родѣ заступалъ мѣсто отца. Лестію и дарами задобривъ хана, Андрей получилъ отъ него грамоту и войско, подступилъ къ Мурому и велѣлъ всѣмъ удѣльнымъ князьямъ явиться къ нему въ станъ съ дружинами. Никто не смѣлъ ослушаться: Өеодоръ Ярославскій, Михаилъ Ивановичъ Стародубскій (внукъ Всеволода III) и даже Константинъ Ростовскій, облагодѣтельственный Димитріемъ, соединилисъ съ Андреемъ. Изумленный сею внезапною грозою, великій князь искалъ спасенія въ бѣгствѣ; а татары, пользуясь случаемъ, напомнили Россіи время Батыево. Муромъ, окрестности Владиміра, Суздаля, Юрьева, Ростова, Твери до самаго Торжка, были разорены ими: они жгли и грабили домы, монастыри, церкви, не оставляя ни оконъ, ни сосудовъ, ни книгъ, украшенныхъ богатымъ переплетомъ; гнали людей толпами въ плѣнъ или убивали. Юныя монахини, жены священниковъ были жертвою гнуснаго насилія. Спасая жизнь и вольность, земледѣльцы гибли въ степяхъ отъ жестокихъ морозовъ. Переяславль, удѣльный городъ Димитріевъ, хотѣлъ обороняться и былъ ужаснымъ образомъ за то наказанъ: не осталось жителя (по словамъ лѣтописи), который не оплакалъ бы смерти отца или сына, брата или друга. Сіе несчастіе случилось декабря 19: въ Рождество Христово церкви стояли пусты; вмѣсто священнаго пѣнія раздавался въ городѣ одинъ плачъ и стонъ. Андрей, злобный сынъ

отца столь великаго и любезнаго Россіи, праздновалъ одинъ съ татарами и совершивъ дѣло свое, отпустилъ ихъ съ благодарностію къ хану.

Димитрій Александровичъ бѣжалъ къ Новугороду и думалъ заключиться въ Копорьѣ. Новогородцы многочисленными полками встрѣтили его на озерѣ Ильменѣ. „Стой, князь!"—говорили они:—„мы помнимъ твои обиды. Иди, куда хочешь". Они взяли дочерей и бояръ Димитріевыхъ въ залогъ, давъ слово освободить ихъ, когда дружина княжеская добровольно выступитъ изъ Копорья, гдѣ находился тогда и славный Довмонтъ Псковскій, зять великаго князя. Доброхотствуя тестю, онъ съ горстію воиновъ вломился въ Ладогу, взялъ тамъ казну его, даже много чужого, и возвратился въ Копорье; но пользы не было: ибо новогородцы немедленно осадили сію крѣпость и, принудивъ Довмонта выйти оттуда со всѣми людьми княжескими, срыли оную до основанія. Внутренно, можетъ быть, гнушаяся злодѣяніемъ Андрея Александровича, но жертвуя совѣстію особеннымъ ихъ выгодамъ, новгородцы призвали его и возвели на престолъ св. Софіи.

Между тѣмъ, свѣдавъ, что полки ханскіе оставили Россію, Димитрій возвратился въ Переславль, гдѣ жители изъявили къ нему усердіе, и началъ собирать войско. Андрей, видя опасность, спѣшилъ въ орду. Новогородцы также не могли быть спокойны: имѣя недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ и боясь, чтобы Димитрій не занялъ хлѣбнаго Торжка, ввѣрили защиту сего для нихъ важнаго мѣста надежному боярину Семену Михайловичу; велѣли ему доставить оттуда весь излишній хлѣбъ водою въ Новгородъ, и соединились съ друзьями Андреевыми, меньшимъ его братомъ Даніиломъ Московскимъ и Святославомъ Тверскимъ. Они хотѣли изгнать великаго князя; встрѣтивъ же его готоваго къ битвѣ, въ пяти верстахъ отъ Дмитрова, остановились и заключили міръ на всей волѣ своей: то есть Димитрій отказался отъ Новагорода и далъ слово никогда не мстить его жителямъ. Но Андрей нашелъ гораздо усерднѣйшихъ помощниковъ въ моголахъ; сіи варвары, всегда алчные къ злодѣйствамъ и добычѣ, не отказались и вторично услужить ему разореніемъ великаго княженія; напали со всѣхъ сторонъ на Суздальскія области и стремились къ Переславлю, означая свой путь кровію и пожарами. Димитрій не могъ противиться: онъ бѣжалъ къ сильному Ногаю, который, бывъ прежде воеводою ханскимъ, тогда уже самовластно господствовалъ отъ степей Слободской, Украинской и Екатеринославской губерніи до береговъ Чернаго моря и Дуная.

Такимъ образомъ князья россійскіе въ самомъ источникѣ насилій искали способа защитить себя отъ оныхъ и жертвовали послѣдними остатками народной гордости выгодамъ собственнаго,

личнаго властолюбія. Димитрій не обманулся въ надеждѣ; убѣжденный его справедливостію или желая единственно доказать свое могущество, Ногай возвратилъ ему престолъ и власть, не мечомъ и не кровопролитіемъ, но одною повелительною грамотою. Андрей не дерзнулъ бытъ ослушникомъ, ибо самъ новый ханъ Туданъ-Мангу боялся Ногая. Братья примирились, хотя и не искренно; меньшій отказался отъ великаго княженія и даже не могъ защитить своихъ друзей отъ мести Димитріевой. Мы упоминали о вельможѣ Семенѣ Тонигліевичѣ, главномъ совѣтникѣ Андреевомъ, коему лѣтописцы даютъ имя коварнаго мятежника: великій князь послалъ двухъ бояръ умертвить его въ Костромѣ, гдѣ онъ жилъ спокойно, надѣясь на заключенный между братьями миръ. Бояре, тайно схвативъ сего вельможу, напрасно хотѣли свѣдать, не имѣетъ ли Андрей новыхъ опасныхъ замысловъ. Семенъ отвѣтствовалъ: „Я ничего не знаю. Братья ссорятся, братья мирятся; а мое дѣло вѣрно служить государю“. Запираясь въ томъ, чтобы Андрей по его совѣту призывалъ моголовъ и слыша угрозы, онъ равнодушно сказалъ: „и такъ великій князь не боится вѣроломства? клялся быть другомъ Андреевымъ и грозитъ казнію его боярамъ!“ Тогда исполнители Димитріева повелѣнія убили сего человѣка жестокаго, но смѣлаго и рѣшительнаго свойства, безъ коихъ злодѣи не могли бы такъ часто успѣвать въ своихъ намѣреніяхъ.

Андрей молчалъ и, не смѣя ни въ чемъ спорить съ Димитріемъ, уступилъ ему Новгородъ, хотя, будучи въ Торжкѣ, незадолго до сего времени далъ клятву новогородскимъ чиновникамъ жить или умереть съ ними. Онъ ходилъ даже вмѣстѣ съ великимъ княземъ и съ татарами смирять новогородцевъ, не захотѣвшихъ повиноватъся его брату. Чтобы не раздражить моголовъ и спасти свою область отъ разоренія, они согласились, наконецъ, зависѣть отъ Димитрія, уступивъ ему Волокъ.

Увидимъ, что Андрей, стараясь доказывать великому князю свое раскаяніе и миролюбіе, дѣйствовалъ какъ лицемѣръ; но прежде описанія его новыхъ злодѣйствъ изобразимъ тогдашнія бѣдствія области Курской, гдѣ господствовали Олегъ и Святославъ, потомки древнихъ владѣтелей черниговскихъ: первый въ Рыльскѣ и Ворголѣ, а второй—въ Липецкѣ. Баскакомъ сего княженія былъ Ахматъ хивинецъ: взявъ на откупъ дань татарскую, онъ угнеталъ народъ, не исключая ни бояръ, ни князей, и завелъ близъ Рыльска двѣ слободы, куда стекались негодяи всякаго рода, чтобы, снискавъ его покровительство, грабить окрестныя селенія. Олегъ съ согласія Святослава пожаловался на то хану Телебугѣ, который, давъ ему отрядъ моголовъ, велѣлъ разорить слободы Ахматовы: князья же, исполняя въ точности приказъ его, вывели

оттуда своихъ бѣглыхъ людей, а другихъ оковали цѣпями. Ахматъ находился тогда у Ногая, и, слыша, что сдѣлалось въ области Курской, описалъ ему Олега и Святослава разбойниками, тайными его непріятелями. Сіе обвиненіе имѣло нѣкоторую тѣнь истины: ибо легкомысленный Святославъ, еще прежде Олегова возвращенія изъ орды, тревожилъ баскаковы селенія ночными нападеніями, похожими на разбой. „Чтобы увѣриться въ справедливости моихъ словъ, — говорилъ Ахматъ Ногаю, — пошли сокольниковъ въ Олегову землю ловить лебедей и вели ему къ тебѣ пріѣхать: увидишь, что онъ не послушается“. Олегъ не считалъ себя виновнымъ, ибо исполнилъ только волю хана; но, боясь клеветы Ахматовой, не захотѣлъ ѣхать къ Ногаю, который, будучи раздраженъ его ослушаніемъ, послалъ войско наказать мнимаго непріятеля. Могъ ли князь двухъ или трехъ ничтожныхъ городковъ думать о сопротивленіи? Олегъ бѣжалъ къ хану Телебугѣ, Святославъ въ лѣса воронежскіе, а моголы, разоривъ курское владѣніе, схватили 13 бояръ, также нѣсколько странниковъ, и предали ихъ скованныхъ въ жертву злобному баскаку. Онъ злодѣйски умертвилъ первыхъ, освободилъ странниковъ и, подаривъ имъ окровавленныя одежды казненныхъ бояръ, сказалъ: „Ходите изъ земли въ землю и громогласно объявляйте: такъ будетъ всякому, кто дерзнетъ оскорбить баскака!“ Разоренныя Ахматовы слободы вновь наполнились жителями, скотомъ и другими плодами всемѣстнаго грабежа въ Курской области: люди бѣжали въ пустыни, несмотря на жестокость зимы; города и села опустѣли, такъ что слуги баскаковы, возя повсюду головы и руки убитыхъ бояръ, видѣли, что некого было стращать сими знаками его ужасной мести. Однакожъ Ахматъ боялся ушедшихъ князей, и самъ поѣхалъ къ Ногаю, оставивъ вмѣсто себя двухъ братьевъ для охраненія слободъ. Что онъ предвидѣлъ, то и случилось. Бродяги, жители баскаковыхъ деревень, скоро должны были всѣ разбѣжаться: ибо Святославъ возвратился, стерегъ ихъ на дорогахъ и нѣсколько человѣкъ умертвилъ, не заботясь о слѣдствіяхъ. Тогда же пріѣхалъ изъ орды и родственникъ его, Олегъ, собрать, успокоить народъ и съ христіанскими обрядами воздать честь погребенія убитымъ боярамъ, коихъ искаженные трупы еще висѣли на деревахъ. Желая отвратить новую бѣду отъ земли курской, сей князь торжественно объявилъ Святослава преступникомъ, говоря ему: „Мы были правы, а теперь стали виноваты. Дѣло твое есть вторичный разбой, всего болѣе ненавистный татарамъ и въ самомъ нашемъ отечествѣ нетерпимый. Надлежало требовать суда отъ хана, ты же не хотѣлъ ѣхать къ нему, укрываясь въ темнотѣ лѣсовъ какъ злодѣй. Моя совѣсть чиста. Иди, оправдайся предъ царемъ“. Но Святославъ не слу-

шалъ ни упрековъ, ни совѣтовъ его, отвѣтствуя гордо: „Я воленъ въ своихъ дѣлахъ; наказалъ враговъ моихъ, и правъ". Тогда Олегъ поѣхалъ съ жалобою къ Телебугѣ и, ревностно исполняя волю его, умертвилъ Святослава! Достойно замѣчанія, что лѣтописцы сего времени нимало не винятъ убійцы, осуждая безразсудность убитаго: столь рабство измѣняетъ понятія людей о чести и справедливости! Святославъ казался злодѣемъ, ибо, отражая насиліе насиліемъ, подвергалъ россіянъ гнѣву сильнаго тирана; а жестокій Олегъ, вонзивъ мечъ въ сердце единокровнаго князя, не заслужилъ ихъ укоризны, ибо тѣмъ спасалъ себя и подданныхъ отъ мести татарской... Но себя не спасъ: братъ Святослава, Александръ, убилъ его вмѣстѣ съ двумя сыновьями и нашелъ способъ умилостивить моголовъ. Сіи завоеватели требовали единственно повиновенія и даровъ, оставляя нашимъ князьямъ право рѣзать другъ друга и вступаясь иногда съ великою ревностію за утѣсненнаго, готовы были тогда же взять сторону противную.

Мы видѣли что Ногай защитилъ Димитрія; увидимъ его и защитникомъ Андрея. Сей князь Городецкій жилъ два года спокойно, призвалъ къ себѣ какого-то царевича изъ орды и началъ явно готовиться къ важнымъ непріятельскимъ дѣйствіямъ. Великій князь предупредилъ ихъ: соединился съ удѣльными владѣтелями, выгналъ царевича и плѣнилъ бояръ Андреевыхъ. Сіе дѣйствіе могло оскорбить хана и казалось дерзостію: ростовцы поступили еще смѣлѣе. Съ неудовольствіемъ смотря на множество татаръ, привлекаемыхъ къ нимъ корыстолюбіемъ и хотѣвшихъ быть во всемъ господами, они положили на вѣчѣ изгнать сихъ безпокойныхъ гостей, и разграбили ихъ имѣніе. Владѣтель ростовскій Димитрій Борисовичъ, сватъ великаго князя, немедленно послалъ въ орду брата своего Константина, чтобы оправдать народъ или себя, и ханъ на сей разъ не вступился за обиженныхъ татаръ: чему были причиною или дары княжескіе, или тогдашнія внутреннія неустройства въ ордѣ. Ногай болѣе и болѣе стѣснялъ власть ханскую: наконецъ умертвилъ Телебугу и возвелъ на престолъ его брата, именемъ Тохту. Къ несчастію, Россія не могла еще воспользоваться сими междоусобіями ея тирановъ, согласныхъ въ желаніи угнетать оную.

Великій князь, обязанный всѣмъ покровительству Ногая, могъ быть еще спокойнѣе прежняго, видя его располагающаго судьбою хановъ. Чтобы тѣмъ болѣе угодить ему, онъ послалъ въ орду сына юнаго Александра (который тамъ и скончался). Но Андрей хитрыми происками успѣлъ склонить на свою сторону многихъ удѣльныхъ князей, въ особенности же Ѳеодора Ярославскаго, любимца и—какъ вѣроятно—зятя Ногаева, представляя имъ Димитрія опаснымъ и готовымъ стѣснить ихъ права, хотя великій

князь совсѣмъ не думалъ о самовластіи. За нѣсколько лѣтъ до того времени оскорбленный тверскимъ владѣтелемъ Михаиломъ Ярославичемъ, юношею гордымъ, онъ ходилъ вмѣстѣ съ новогородцами воевать его области, но долженъ былъ заключить съ нимъ миръ у Кашина, не смѣвъ рѣшиться на битву и какъ бы признавъ независимость Тверского княженія. Андрей и Ѳеодоръ, вступивъ въ тѣсную связь, очернили Димитрія въ глазахъ Ногая, весьма равнодушнаго къ справедливости и довольнаго случаемъ обогатить своихъ моголовъ новымъ впаденіемъ въ Россію, гдѣ они били людей какъ птицъ и брали добычу, не подвергаясь ни малѣйшей опасности. Ногай сказалъ слово, и многочисленные полки моголовъ устремились на разрушеніе. Дюдень, братъ хана Тохты, предводительствовалъ ими: а князья Андрей и Ѳеодоръ указывали ему путь въ сердце отечества. Димитрій находился въ Переславлѣ: не имѣя отважности встрѣтить Дюдена ни съ оружіемъ, ни съ убѣдительными доказательствами своей невинности, онъ бѣжалъ черезъ Волокъ въ отдаленный Псковъ, къ вѣрному зятю Довмонту. Татары шли возвести Андрея на великое княженіе и могли бы сдѣлать то безъ всякаго кровопролитія: ибо никто не думалъ сопротивляться волѣ Ногаевой; но сей предлогъ былъ только обманомъ. Муромъ, Суздаль, Владиміръ, Юрьевъ, Переславль, Угличъ, Коломна, Москва, Дмитровъ, Можайскъ и еще нѣсколько другихъ городовъ были имъ взяты какъ непріятельскіе, люди плѣнены, жены и дѣвицы обруганы. Духовенство, свободное отъ дани ханской, не спаслося отъ всеобщаго бѣдствія: обнажая церкви, татары выломали даже мѣдный полъ собора Владимірскаго, называемый Чудеснымъ въ лѣтописяхъ.—Въ Переславлѣ они не нашли ни одного человѣка: ибо граждане удалились заблаговременно съ женами и съ дѣтьми. Даніилъ Александровичъ Московскій, братъ и союзникъ Андреевъ, дружелюбно впустивъ татаръ въ свой городъ, не могъ защитить его отъ грабежа. Ужасъ царствовалъ повсюду. Одни лѣса дремучіе, коими сія часть Россіи тогда изобиловала, служили убѣжищемъ для земледѣльцевъ и гражданъ.

Дюдень, вступивъ въ Тверскую область, думалъ взять столицу тѣмъ удобнѣе, что князь Михаилъ находился въ ордѣ. Къ счастію, бояре и народъ изъявили великодушную смѣлость: съ обрядами священными давъ клятву другъ другу обороняться до послѣдняго человѣка, они составили войско, довольно сильное числомъ: многіе люди изъ другихъ областей, спасаясь отъ моголовъ, прибѣжали въ Тверь и вооружились вмѣстѣ съ ея мужественными гражданами. Къ внезапной ихъ радости, явился и князь Михаилъ, двадцатилѣтній юноша, любимый всѣми. Не зная, что татары заняли Москву, онъ было едва не попался къ нимъ въ

руки, но одинъ сельскій священникъ въ окрестностяхъ ея далъ ему вѣсть о томъ и показалъ дорогу безопасную. Духовенство встрѣтило князя со крестами, народъ съ восхищеніемъ; думая, что онъ привезъ къ нимъ спасеніе и побѣду, самые малодушные ободрились. Мужество въ нѣкоторыхъ случаяхъ также легко сообщается, какъ и робость.—Недостойный князь Андрей, бывъ свидѣтелемъ всѣхъ злодѣйствъ татарскихъ, уже велъ Дюдена къ Твери; но свѣдавъ, что жители ея подъ начальствомъ Михаила готовы дать имъ отпоръ сильный, моголы обратились къ Новогородской области, ибо искали въ Россіи не славы побѣдъ, а только одной безопасно добываемой корысти. Разореніемъ Волока заключилось сіе губительство. Приславъ дары воеводѣ могольскому, новогородцы объявили тамъ Андрею, что они всегда желали имѣть его своимъ княземъ и что ему нѣтъ нужды идти къ нимъ съ татарами. Дюдень отступилъ и вышелъ изъ Россіи. Андрей пріѣхалъ въ Новгородъ; союзникъ же его Θеодоръ Ростиславичъ взялъ себѣ Переславль-Залѣсскій. Сей князь, по смерти братьевъ Глѣба и Михаилв Ростиславичей, господствовалъ и въ Смоленскѣ, но скоро долженъ былъ уступить оный племяннику Александру Глѣбовичу, воину мужественному, который (въ 1285 году) счастливо отразилъ отъ столицы своей князя Брянскаго, Романа Михайловича.

Великій князь ждалъ только отбытія полковъ Дюденскихъ и хотѣлъ немедленно возвратиться въ свою наслѣдственную Переславскую область, зная, что усердный къ нему народъ возьметъ его сторону. Андрей съ дружиною новогородскою перехватилъ брата на пути, близъ Торжка. Великій князь, оставивъ казну свою въ рукахъ Андреевыхъ, ушелъ въ Тверь, гдѣ юный Михаилъ принялъ его со всею должною честію, и вызвался быть миротворцемъ между ими, чтобы избавить отечество отъ дальнѣйшихъ бѣдствій. Епископъ тверскій и Святославъ (князь или вельможа) поѣхали въ Торжокъ, убѣждали, молили Андрея и, наконецъ успѣли въ благомъ дѣлѣ своемъ. Великій князь отказался отъ старѣйшинства и престола владимірскаго, довольный наслѣдственнымъ Переславскимъ удѣломъ; а новогородцы получили обратно Волокъ. Согласно съ главнымъ условіемъ мира, Θеодору Ростиславичу надлежало оставить Переславль: онъ не могъ противиться волѣ Андреевой, но, выѣзжая изъ сего города, обратилъ его въ пепелъ. Димитрій свѣдалъ о томъ уже въ послѣдніе часы своей жизни: занемогъ, постригся и близъ Волока умеръ на пути; государь, памятный одними несчастіями, претерпѣнными Россіею въ его княженіе отъ Андреева безумнаго властолюбія! Лѣтописцы прибавляютъ, что въ сіи горестныя времена были страшныя небесныя знаменія, громы, вихри и смертоносныя болѣзни.

Новогородцы при Димитріи также не пользовались ни внутреннимъ, ни внѣшнимъ миромъ. Въ 1287 году смѣненный посадникъ, Симеонъ Михайловичъ, несправедливо обвиняемый въ злоупотребленіяхъ власти, былъ осажденъ въ домѣ своемъ шумными вооруженными толпами, но архіепископъ спасъ его, проводивъ въ Софійскую церковь, куда мятежники не дерзнули вломиться. На другой день всѣми признанный невиннымъ, посадникъ умеръ съ горести, видѣвъ легковѣріе и жестокость согражданъ. Конецъ возставалъ на конецъ, улица на улицу: такъ называемая Прусская вся была выжжена за боярина Самуила Ратьшинича, убитаго ея жителями на дворѣ архіепископскомъ. Въ 1291 году крамольники опустошили богатыя лавки купеческія: народъ, вслѣдствіе торжественнаго суда, утопилъ двухъ главныхъ виновниковъ сего злодѣйства.—Нѣмцы часто тревожили новогородцевъ, разбивали ихъ суда на Ладожскомъ озерѣ и хотѣли обложить данію Корелу: мужественный посадникъ Симеонъ, въ устьѣ Невы, побѣдивъ нѣмецкаго воеводу Трунду, истребилъ большую часть его шнекъ и лойвъ или судовъ. Шведы, раздраженные нападеніемъ отряда новогородскаго на Финляндію, приходили разорять землю ижерскую и корельскую. Ихъ было 800 человѣкъ: ни одинъ не спасся; жители сихъ областей сами собою управились съ ними. Но въ слѣдующій годъ (1293), шведы заложили крѣпость на границахъ Кореліи, нынѣшній Выборгъ, и новогородцы, приступивъ къ ней съ малыми силами, возвратились безъ успѣха. Король шведскій Биргеръ желалъ утвердиться въ Кореліи для того, чтобы обуздать ея свирѣпыхъ жителей, непрестанно безпокоившихъ его сѣверо-восточныя владѣнія и грабившихъ суда купеческія на Финскомъ заливѣ, хотѣлъ такъ же укоренить въ ней латинскую вѣру и присвоить себѣ господство надъ торговлею нѣмцевъ съ Новымгородомъ: чему свидѣтельствомъ служитъ грамота, данная Биргеромъ Любеку и другимъ городамъ приморскимъ, въ коей онъ, обѣщая имъ покровительство, строго запрещаетъ ихъ купцамъ возить оружіе и всякое желѣзо въ Россію.

Набѣги литовцевъ продолжались, особенно на области Тверскую и Новогородскую. Не только жители Волока, Торжка, Зубцова, Ржева, Твери, но и москвитяне съ дмитровцами долженствовали вооружиться (въ 1285 году) и, соединенными силами поразивъ толпы сихъ хищниковъ, убили ихъ князя, именемъ Домонта.

Гораздо важнѣе и несчастнѣе для Россіи, какъ пишетъ историкъ Длугошъ, было (въ 1280 году) сраженіе Льва Даніиловича Галицкаго съ поляками. По кончинѣ добраго Болеслава, умершаго бездѣтнымъ, Левъ думалъ быть его наслѣдникомъ и государемъ всей Польши; не могъ преклонить къ тому вельможъ кра-

ковскихъ (избравшихъ Лешка, Болеславова племянника) и, желая силою овладѣть нѣкоторыми изъ ближайшихъ ея городовъ, самъ ѣздилъ въ орду къ Ногаю требовать отъ него войска. Однакожъ, не смотря на многочисленныя толпы моголовъ, данныя ему ханомъ, воеводы Лешковы одержали надъ нимъ блестящую побѣду, взявъ 2,000 плѣнниковъ, семь знаменъ и положивъ на мѣстѣ 8,000 человѣкъ. Князья благоразумные, Владиміръ-Іоаннъ и Мстиславъ Даніиловичъ, весьма неохотно участвовали въ семъ походѣ, осуждая призваніе моголовъ, которымъ слѣпое властолюбіе Льва указывало путь къ дальнѣйшимъ опустошеніямъ странъ христіанскихъ. Но Провидѣніе охраняло Западъ. Такъ, сильные вожди ханскіе, Ногай и Телебуга, въ 1285 году предпріявъ совершенно разрушить венгерскую державу и взявъ съ собою князей Галицкихъ, наполнили стремнины карпатскія трупами своихъ воиновъ. Россіяне были для нихъ худыми путеводителями: гдѣ надлежало идти три дня, тамъ моголы скитались мѣсяцъ; сдѣлался голодъ, моръ, и Телебуга возвратился пѣшъ съ одною женою и кобылою, по словамъ лѣтописца. Около ста тысячъ варваровъ погибло въ горахъ и пустыняхъ. Несмотря на то, Ногай и Телебуга, въ 1287 году, съ новыми силами явились на берегахъ Вислы: герцогъ Лешко бѣжалъ изъ Кракова; никто не мыслилъ обороняться въ Польшѣ; но, къ ея спасенію, вожди татарскіе боялись, ненавидѣли другъ друга: не захотѣли дѣйствовать совокупно и, безъ битвы плѣнивъ множество людей, удалились. Телебуга на возвратномъ пути остановился въ Галиціи, требуя гостепріимства отъ ея князей, вмѣстѣ съ нимъ неволею ходившихъ за Вислу; а въ благодарность за оное моголы грабили, убивали россіянъ и сообщили имъ язву, отъ коей умерло въ однѣхъ Львовыхъ областяхъ 12,500 человѣкъ и которая, если вѣрить сказанію Длугоша, произошла отъ того, что моголы испортили воды въ Галиціи ядомъ, будто бы извлеченнымъ ими изъ мертвыхъ тѣлъ. Сіе бѣдствіе увѣрило Льва Даніиловича, что должно не призывать, а всячески отводить моголовъ отъ покушеній на Западъ: ибо Галичъ и Волынія, служа имъ перепутьемъ, страдали въ такомъ случаѣ не менѣе тѣхъ земель, куда стремились сіи варвары.

Здѣсь подробныя сказанія волынскаго лѣтописца о происшествіяхъ его отчизны заключаются извѣстіемъ о болѣзни и кончинѣ Владиміра-Іоанна Васильковича, любителя правды, кроткаго, милостиваго, трезваго, и за особенную ученость по тогдашнему времени названнаго философомъ. Сей добрый князь Владимірскій четыре года страдалъ какъ Іовъ. Нижняя губа его начала гнить; лѣкарства не помогали; но, снося терпѣливо боль, онъ занимался дѣлами и ѣздилъ на конѣ. Недугъ усилился: вся мясная часть бороды отпала, нижніе зубы и челюсть выгнили. Предвидя смерть,

Владиміръ собралъ всѣ драгоцѣнности, золотые и серебряные поясы отцовскіе и собственные, монисты бабкины, материны, большія серебряныя блюда, золотые кубки; слилъ ихъ въ гривны и роздалъ бѣднымъ вмѣстѣ съ княжескими стадами. Не имѣя дѣтей, онъ въ духовномъ завѣщаніи объявилъ наслѣдникомъ своимъ Мстислава Даніиловича, мимо старшаго Льва и сына его Юрія (женатаго на дочери Ярослава Тверского): ибо не любилъ ихъ за лукавые происки. Такъ, Левъ, свѣдавъ о тяжкой болѣзни Владиміра, прислалъ къ нему святителя перемышльскаго, Мемнона, чтобы выпросить у него Брестъ, на свѣчу для гроба Даніилова, какъ говорилъ сей епископъ. „А что братъ нашъ Левъ далъ въ память родителя моего?—сказалъ Владиміръ: — господствуя въ трехъ княженіяхъ: Галицкомъ, Перемышльскомъ, Бельзскомъ, хочетъ взять и Брестъ; но не обманетъ меня“. Тщетно и Юрій притворно жаловался ему на отца, будто бы лишенный имъ удѣла, и надѣялся вымолить у дяди сію же область. Умирая, Владиміръ отказалъ супругѣ, именемъ Еленѣ, городъ Кобринъ; поручилъ ее наслѣднику своему, равно какъ и юную питомицу ихъ, неизвѣстную княжну Изяславу, взятую ими въ пеленахъ отъ матери — и преставился въ Любомлѣ (въ 1289 году), а погребенъ, обвитый бархатомъ съ кружевами, въ Владимірѣ, въ церкви св. Богоматери, епископомъ Евсегеніемъ. Нѣжная супруга и сестра Ольга оплакали его вмѣстѣ съ подданными и бывшими тамъ иноземцами, въ числѣ коихъ лѣтописецъ именуетъ евреевъ, сказывая далѣе, что сей князь былъ отмѣнно высокаго росту и прекрасный лицомъ, имѣлъ желтые кудреватые волосы, голосъ толстый, и стригъ бороду вопреки обыкновенію; что онъ построилъ городъ Каменецъ за Брестомъ на рѣкѣ Льстнѣ (гдѣ всѣ мѣста, по кончинѣ Романа, отца Даніилова, 80 лѣтъ пустѣли), вездѣ исправилъ, обновилъ крѣпости, украсилъ многія церкви живописью, серебромъ, финифтью и надѣлилъ священными книгами, имъ самимъ списанными; что наслѣдникъ Владиміровъ, Мстиславъ, уподоблялся ему въ добродѣтеляхъ: одною угрозою выгналъ Юрія Львовича изъ Бреста, Каменца, Бѣльска и въ наказаніе обложилъ ихъ жителей необыкновенною податію. Лѣтописецъ волынскій жилъ въ сіе время: онъ называетъ его счастливымъ. Уже татары не безпокоили западной Россіи и были довольны, получая отъ ея князей дань, собираемую съ народа. Владѣтели литовскіе, братья Вудикидъ и Буйвидъ, купили дружбу Мстислава, уступивъ ему Волковысскъ. Ятваги, отчасти присоединенные къ Литвѣ Тройденомъ, не смѣли оскорблять россіянъ, желая получать отъ нихъ хлѣбъ и представляя имъ въ обмѣнъ воскъ, бобровъ, черныхъ куницъ и даже серебро. Польша терзалась въ междоусобіяхъ: Болеславъ и Конрадъ Самовитовичи, враги Генрика Вратиславскаго, искали бла-

госклонности князей Галицкихъ. Левъ, помогая имъ, осаждалъ Краковъ: не взялъ его отъ измѣны вельможъ Болеславовыхъ, но возвратился съ великою добычею, разоривъ область Генрикову и заключивъ тѣсный союзъ съ королемъ богемскимъ. Однимъ словомъ, Галиція и Волынія отдохнули, славя мудрость и знаменитость своихъ государей. Еще родъ Святополка-Михаила господствовалъ въ Пинскѣ: послѣдній князь его, намъ извѣстный, былъ Георгій Владиміровичъ, добрый и правдивый (отъ того же, вѣроятно, колѣна произошли князья Степанскіе, упоминаемые въ лѣтописи волынской).—Теперь обратимся къ сѣверной Россіи.

Во время Димитрія Александровича возвысилось могуществомъ новое княженіе Тверское, которое, бывъ частію Суздальскаго или Владимірскаго, сдѣлалось особеннымъ при Ярославѣ Ярославичѣ, учредившемъ тамъ епископію. Первый святитель тверскій, Симеонъ, имѣлъ уже многія богатыя волости, Олешну и другія, данныя ему княземъ, а преемникъ Симеоновъ, игуменъ Андрей, былъ сынъ литовскаго князя Герденя и христіанки Евпраксіи, тетки Довмонта Псковскаго. Сего второго епископа Тверского ставилъ уже новый митрополитъ Максимъ: ибо Кириллъ (въ 1280 году) скончался въ Переславлѣ-Залѣсскомъ, бывъ главою нашей церкви 31 годъ; тѣло его отвезли для погребенія въ Кіевъ. Едва ли кто-нибудь изъ древнихъ митрополитовъ россійскихъ превосходилъ Кирилла въ добродѣтеляхъ, истинно пастырскихъ. Онъ мирилъ князей съ народомъ, просвѣщалъ духовенство, искоренялъ заблужденія, одушевленный ревностью къ вѣрѣ и къ чистотѣ евангельскаго ученія. Разскажемъ одинъ любопытный случай, который ясно представляетъ благоразуміе сего митрополита. Услышавъ, что епископъ ростовскій, Игнатій, вздумалъ судить давно умершаго добраго князя Глѣба Васильковича и, какъ недостойнаго, велѣлъ ночью перенести въ гробѣ изъ соборной церкви въ монастырь Спасскій, Кириллъ, оскорбленный такимъ злоупотребленіемъ духовной власти, отлучилъ епископа отъ службы, и наконецъ, простивъ его изъ уваженія къ ревностному предстательству князя Димитрія Борисовича Ростовскаго, сказалъ ему: „Игнатій! оплакивай во всю жизнь свое безуміе, дерзнувъ осудить мертвеца прежде суда Божія! Когда Глѣбъ былъ живъ и властвовалъ, ты искалъ въ немъ милости; бралъ отъ него дары; вкусно ѣлъ и пилъ за столомъ княжескимъ, и въ благодарность за то обругалъ тѣло покойника! Кайся въ глубинѣ сердца, да проститъ Богъ твое согрѣшеніе!“—Кириллъ посылалъ епископа сарскаго, Ѳеогноста, къ патріарху константинопольскому, Іоанну Векку, славному ученостію и краснорѣчіемъ, но измѣннику православія: ибо Іоаннъ хотѣлъ подчинить церковь Восточную Западной. Патріархъ дѣйствовалъ такъ въ угодность царю Михаилу Палеологу, а царь для безопасности своего царства и въ на-

деждѣ, что папа примиритъ его съ братомъ св. Людовика, опаснымъ Карломъ д'Анжу, который, господствуя на Средиземномъ морѣ, угрожалъ имперіи Греческой. Россійскій епископъ видѣлъ въ Константинополѣ несчастный расколъ, гоненіе и даже казнь многихъ ревностныхъ сановниковъ церкви, громогласно осуждавшихъ царя, и возвратился (въ 1279 году) къ митрополиту съ извѣстіями печальными. Духовенство россійское, по кончинѣ знаменитаго Кирилла, два года не имѣло главы, ибо не хотѣло, какъ вѣроятно, принять новаго митрополита отъ злочестиваго Іоанна Векка. Максимъ, въ 1283 году, былъ посвященъ старцемъ Іосифомъ, вторично призваннымъ на патріаршество по смерти императора Михаила, и предавшимъ анаѳемѣ уставы латинской церкви.—Въ одной лѣтописи сказано, что преемникъ Кирилловъ, грекъ Максимъ, прибывъ въ Россію, ѣздилъ въ орду и послѣ сзывалъ для чего-то всѣхъ нашихъ епископовъ въ Кіевъ; но сіе извѣствіе, не подтверждаемое другими достовѣрнѣйшими лѣтописцами, остается сомнительнымъ. Доселѣ ни митрополиты, ни епископы наши не бывали въ ордѣ, кромѣ сарскаго, жившаго въ ея столицѣ. Достойно замѣчанія, что епископъ Ѳеогностъ ѣздилъ оттуда въ Константинополь не только по церковнымъ дѣламъ, но и въ качествѣ ханскаго посла къ императору Михаилу, тестю Ногаеву. Сей славный Ногай—въ тотъ самый годъ, какъ Дюденево войско злодѣйствовало въ Россіи—былъ побѣжденъ ханомъ Тохтою и найденъ между убитыми. Кажется, что въ сіе время уже разные воеводы могольскіе присвоивали себѣ имя царей: ибо въ нашихъ лѣтописяхъ упоминается еще о какомъ-то царѣ Токтомерѣ, который (около 1293 году) пріѣзжалъ въ Тверь, утѣснялъ народъ и возвратился съ богатою корыстію въ свои улусы.

ГЛАВА VI.

Великій князь Андрей Александровичъ.

Г. 1294—1304.

Браки.—Свойства Андреевы.—Судъ князей.—Сеймы княжескіе.—Москва усиливается.—Смѣлость россіянъ. — Смерть Даніила Московскаго.—Междоусобія въ княженіяхъ. — Война съ орденомъ Ливонскимъ.—Кончина и слава Довмонтова.—Ландскрона.—Миръ съ Даніею.—Смерть Андреева.—Разныя бѣдствія.—Митрополиты въ Владимірѣ.—Кончина Льва Галицкаго.—Двинская грамота.

Наконецъ властолюбивый Андрей уже могъ назваться законнымъ великимъ княземъ Россіи; никто не спорилъ съ нимъ о семъ достоинствѣ: Константинъ Борисовичъ, по кончинѣ старша-

го брата, сѣлъ на престолѣ ростовскомъ, отдавъ Угличъ своему сыну, Александру. Великій князь и Михаилъ Тверскій женились на дочеряхъ умершаго Димитрія Борисовича, и два года протекли въ тишинѣ.

Но могъ ли Андрей, разоритель отечества, требовать любви отъ народа и почтенія отъ князей? Онъ не имѣлъ и тѣхъ свойствъ, коими злодѣи человѣчества закрашиваютъ иногда черноту свою:



АНДРЕЙ III. АЛЕКСАНДРОВИЧЪ.
Вел. Кн. Россійскій.

ни ревностнаго словолюбія, ни великодушнаго мужества; бралъ города, истреблялъ христіанъ руками моголовъ, не обнажавъ меча, не видавъ опасности, и, проливъ множество невинной крови, не купилъ даже права назваться побѣдителемъ!

Въ тогдашнихъ обстоятельствахъ Россіи великому князю надлежало бы имѣть превосходную душу Александра Невскаго, что-

бы не именемъ только, но въ самомъ дѣлѣ быть главою частныхъ владѣтелей, изъ коихъ всякій искалъ независимости. Михаилъ Тверскій и Ѳеодоръ Ярославскій пріобрѣли оную въ княженіе Димитрія, а Даніилъ Московскій и сынъ Димитрія Александровича, Іоаннъ Переславскій, хотѣли того же при Андреѣ. Открылась распря, дошедшая до вышняго судилища ханова; самъ великій князь ѣздилъ въ орду съ своею молодою супругою, чтобы снискать милости Тохты. Посолъ ханскій, избранный быть миротворцемъ, созвалъ князей въ Владиміръ. Они раздѣлились на двѣ стороны: Михаилъ Тверскій взялъ Даніилову (Іоаннъ же находился въ ордѣ; вмѣсто его говорили бояре Переславскіе): Ѳеодоръ Черный и Константинъ Борисовичъ стояли за Андрея. Татаринъ слушалъ подсудимыхъ съ важностію и съ гордымъ видомъ, но не могъ удержать ихъ въ предѣлахъ надлежащаго смиренія. Разгоряченные споромъ князья и вельможи взялись было за мечи. Епископы, владимірскій Симеонъ и сарскій Исмаилъ, ставъ посреди шумнаго сонма, не дали братьямъ рѣзаться между собою. Судъ кончился миромъ, или, лучше сказать, ничѣмъ. Посолъ хановъ взялъ дары, а великій князь, давъ слово оставить братьевъ и племянника въ покоѣ, въ то же время началъ собирать войско, чтобы смирить ихъ какъ мятежниковъ. Желая воспользоваться отсутствіемъ Іоанна, онъ хотѣлъ завладѣть Переславлемъ, но встрѣтилъ подъ Юрьевымъ сильную рать тверскую и московскую: ибо Іоаннъ, отправляясь къ хану, поручилъ свою область защитѣ Михаила Ярославича. Вторично вступили въ переговоры и вторично заключили миръ, который, сверхъ чаянія, не былъ нарушенъ до самой кончины Андреевой. Князья иногда ссорились, однакожъ не прибѣгали къ мечу и находили способъ мириться безъ кровопролитія.

Древніе сеймы княжескіе, учрежденные Мономахомъ при Святополкѣ II, тогда возобновились, въ обстоятельствахъ подобныхъ, и съ тѣмъ же добрымъ намѣреніемъ: ибо ни Святополкъ, ни Андрей не могли силою обуздывать частныхъ владѣтелей, и словесныя убѣжденія, за недостаткомъ иныхъ средствъ, казались нужными. Въ сихъ торжественныхъ собраніяхъ присутствовали и знаменитыя духовныя особы, какъ толкователи святыхъ уставовъ правды и совѣсти. Первое изъ оныхъ, по смерти Ѳеодора Ярославскаго, было въ Дмитровѣ, гдѣ Андрей съ братомъ Даніиломъ, съ племянникомъ Іоанномъ и съ Михаиломъ кончилъ всѣ дѣла дружелюбно, но гдѣ князья Тверскій и Переславскій не могли въ чемъ-то согласиться, доселѣ дѣйствовавъ единодушно. Хитрый Михаилъ привлекъ было на свою сторону и новогородцевъ, заключивъ съ ними договоръ, по коему они взаимно обязывались помогать другъ другу въ случаѣ утѣсненій отъ великаго князя

и самого хана: Новгородъ обѣщалъ правосудія всѣмъ тверскимъ истцамъ въ его области, а Михаилъ отступался отъ закабаленныхъ ему должниковъ новогородскихъ и проч. Андрей не могъ помѣшать сему оскорбительному для него союзу и, безъ сомнѣнія, былъ доволенъ размолвкою Михаила съ Іоанномъ, которая уменьшала могущество перваго. Но Іоаннъ, названный въ лѣтописяхъ тихимъ или кроткимъ, тѣмъ согласнѣе жилъ съ дядею своимъ, Даніиломъ, и въ 1302 году, умирая бездѣтенъ, отказалъ ему Переславль. Князь Московскій, въѣхавъ въ сей городъ, выгналъ оттуда бояръ Андрея, который считалъ себя истиннымъ наслѣдникомъ Іоанновымъ и, негодуя на властолюбіе меньшого брата, поѣхалъ съ жалобою къ хану. Область Переславская вмѣстѣ съ Дмитровымъ была по Ростовѣ знаменитѣйшею въ великомъ княженіи, какъ числомъ жителей, бояръ, людей военныхъ, такъ и крѣпостію ея столичнаго города, обведеннаго глубокимъ, наполненнымъ водою рвомъ, высокимъ валомъ и двойною стѣною подъ защитою двѣнадцати башенъ. Сіе важное пріобрѣтеніе еще болѣе утверждало независимость московскаго владѣтеля: Даніилъ же, за два года передъ тѣмъ, побѣдилъ и взялъ въ плѣнъ Рязанскаго князя, Константина Романовича, убивъ въ сраженіи и многихъ татаръ: смѣлость удивительная и не имѣвшая никакихъ слѣдствій. Такимъ образомъ россіяне начинали ободряться и, пользуясь дремотою хановъ, издалека острили мечи свои на конечное сокрушеніе тиранства.

Между тѣмъ, какъ Андрей искалъ суда въ ордѣ, Даніилъ внезапно скончался, однакожъ, успѣвъ принять схиму, по тогдашнему обыкновенію людей набожныхъ. Онъ первый возвеличилъ достоинство владѣтелей московскихъ и первый изъ нихъ былъ погребенъ въ семъ городѣ, въ церкви св. Михаила, оставивъ по себѣ долговременную память князя добраго, справедливаго, благоразумнаго и приготовивъ Москву заступить мѣсто Владиміра.

Свѣдавъ о кончинѣ Даніиловой, Переславцы единодушно объявили княземъ своимъ сына его, Юрія или Георгія, у нихъ бывшаго, и даже не дозволили ему ѣхать на погребеніе отца, боясь, чтобы Андрей вторично не занялъ ихъ города. Георгій, успокоивъ народъ и будучи увѣренъ или въ покровительствѣ, или въ безпечности хана, не только безъ страха ожидалъ Андрея, но хотѣлъ еще и новыми пріобрѣтеніями умножить владѣнія Московскія; соединился съ братьями, завоевалъ Можайскъ, удѣлъ Смоленскій, и привезъ плѣнникомъ тамошняго князя, Святослава Глѣбовича, Θеодорова племянника.

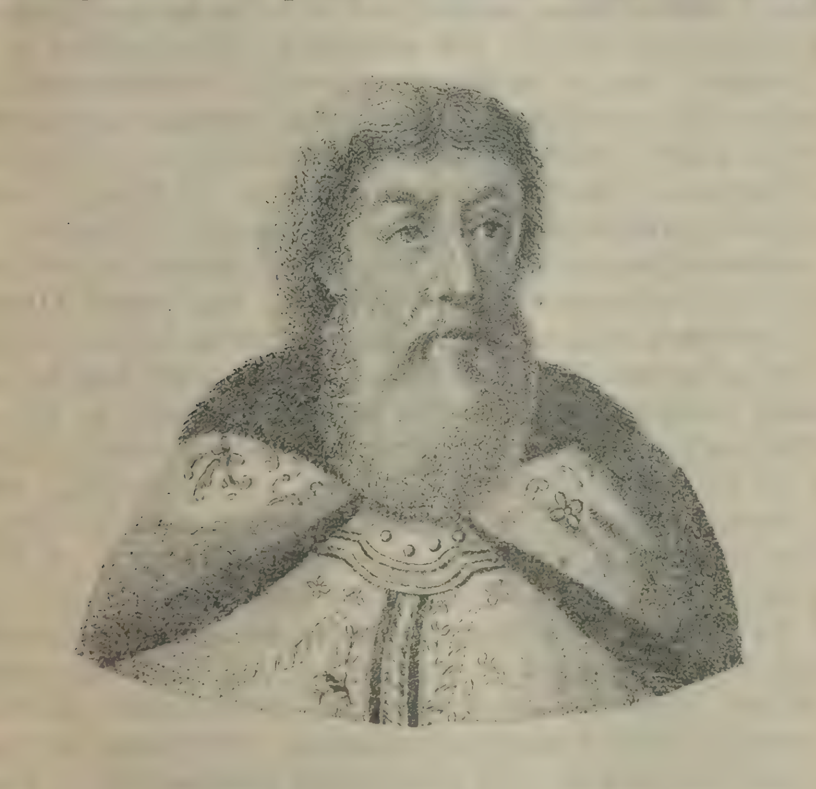
Наконецъ великій князь, бывъ цѣлый годъ въ ордѣ, возвратился съ послами Тохты. Князья съѣхались въ Переславлѣ на общій сеймъ (осенью въ 1303 году). Тамъ, въ присутствіи митро-

полита Максима, читали ярлыки или грамоты ханскія, въ коихъ сей надменный повелитель объявлялъ свою верховную волю, да наслаждается великое княженіе тишиною, да пресѣкутся распри владѣтелей, и каждый изъ нихъ да будетъ доволенъ тѣмъ, что имѣетъ. Андрей, Михаилъ и сыновья Даніиловы возобновили договоръ мира; но Георгій удержалъ за собою Переславль, и слѣдственно великій князь, хваляся, впрочемъ, милостію Тохты, не достигнулъ своей цѣли.

Въ сихъ княжескихъ съѣздахъ не участвовали ни рязанскіе, ни смоленскіе, ни другіе владѣтели. Нашествіе моголовъ уничтожило и послѣднія связи между разными частями нашего отечества: великій князь, не удержавъ господства надъ собственными удѣлами Владимірскими, могъ ли вмѣшиваться въ дѣла иныхъ областей и быть — ежели бы и хотѣлъ—душею общаго согласія, порядка, справедливости? Какъ въ великомъ, такъ и въ частныхъ княженіяхъ единокровные возставали другъ на друга. Александръ Глѣбовичъ, отразивъ (въ 1298 году) дядю своего, Ѳеодора Чернаго, отъ Смоленска, хотѣлъ (черезъ два года) взять Дорогобужъ, городъ Смоленской области, ему непослушный; отнялъ у жителей воду, но, разбитый ими съ помощію князя Вяземскаго Андрея, его родственника, отступилъ, исходя кровію отъ тяжелой раны. Романъ Глѣбовичъ, братъ Александровъ, также былъ уязвленъ стрѣлою; а юный сынъ послѣдняго палъ мертвый на мѣстѣ сраженія.

Мужество россіянъ гораздо счастливѣе ознаменовалось тогда въ битвахъ съ врагами иноплеменными... Ливонскіе рыцари (въ 1299 г.) неожиданно осадили Псковъ и, разграбивъ монастыри въ его предмѣстіи, убивали безоружныхъ монаховъ, женщинъ, младенцевъ. Князь Довмонтъ, уже старецъ лѣтами, но еще воинъ пылкій, немедленно вывелъ свою дружину малочисленную, сразился съ нѣмцами на берегу Великой, смялъ ихъ въ рѣку и, взявъ въ добычу множество оружія, брошеннаго ими въ бѣгствѣ, отправилъ плѣнниковъ, гражданъ эстонскаго Феллина, къ великому князю. Коммандоръ ордена, предводитель нѣмцевъ, былъ раненъ въ семъ несчастномъ для нихъ сраженіи, о коемъ ливонскіе историки не упоминаютъ, и которое было послѣднимъ знаменитымъ дѣломъ храбраго Довмонта. Онъ преставился чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ отъ какой-то заразительной болѣзни, смертоносной тогда для многихъ псковитянъ, и кончина его была долгое время оплакиваема народомъ, самыми женами и дѣтьми. Довмонтъ, названный въ крещеніи Тимоѳеемъ, хотя родился и провелъ юность въ землѣ варварской, ненавистной нашимъ предкамъ, но, принявъ вѣру Спасителеву, вышелъ изъ купели усерднымъ христіаниномъ и вѣрнымъ другомъ россіянъ; тридцать три года служилъ Богу истинному и второму своему отечеству добрыми дѣлами и мечемъ;

удостоенный сана княжескаго, не только прославлялъ имя русское въ битвахъ, но и судилъ народъ право, не давалъ слабыхъ въ обиду, любилъ помогать бѣднымъ. Женатый на Маріи, дочери великаго князя Димитрія, не оставлялъ сего изгнанника въ несчастіи и готовъ былъ положить за него свою голову; по смерти же Димитрія, свято наблюдалъ обязанности князя удѣльнаго и въ разсужденіи Андрея. За то граждане Пскова любили Довмонта болѣе



ДАНІИЛЪ I. АЛЕКСАНДРОВИЧЪ.

Кн. Московскій.

всѣхъ другихъ князей; воины, имъ предводимые, не боялись смерти. Обыкновеннымъ его словомъ, въ часъ опасности и кровопролитія, было: „добрые мужи-псковичи! кто изъ васъ старъ — тотъ мнѣ отецъ; кто молодъ—тотъ братъ! Помните отечество и церковь Божію!“ Онъ укрѣпилъ Псковъ новою каменною стѣною, которая до самаго XVI вѣка называлась Довмонтовою и которую

послѣ (въ 1309 году) посадникъ Борисъ довелъ отъ церкви св. Петра и Павла до рѣки Великой. Историкъ литовскій пишетъ, что Довмонтъ господствовалъ и надъ Полоцкою областію; но, въ 1307 году, литовцы купили оную у нѣмецкихъ рыцарей; ибо какой-то изъ тамошнихъ князей, обращенный въ латинскую вѣру, отказалъ сей городъ рижской церкви, не имѣя наслѣдниковъ.

Шведы, основавъ въ Кореліи Выборгъ, въ 1293 году заложили и нынѣшній Кексгольмъ: воеводою ихъ былъ витязь Сигге. Новогородцы взяли приступомъ сію крѣпость, не оставили ни одного шведа живого, срыли валъ и, чувствуя необходимость имѣть укрѣпленное мѣсто на берегу Финскаго залива, возобновили Копорье. Чрезъ пять лѣтъ сильный флотъ шведскій, состоящій изъ ста одиннадцати большихъ судовъ, вошелъ въ Неву. Самъ государственный правитель или маршалъ, Торкель Кнутсонъ, предводительствовалъ онымъ и началъ строить новый городъ въ семи верстахъ отъ нынѣшняго С.-Петербурга, при устьѣ Охты, употребивъ для того весьма искусныхъ римскихъ художниковъ и назвавъ сію крѣпость Ландскроною или вѣнцемъ земли. Лѣтописецъ нашъ говоритъ только, что великаго князя не было тогда въ Новѣгородѣ и что шведы, оставивъ въ крѣпости войско, удалились; но историки шведскіе пишутъ, что россіяне, имѣя намѣреніе сжечь ихъ флотъ, хотѣли при сильномъ вѣтрѣ пустить нѣсколько горящихъ судовъ изъ Ладожскаго озера въ Неву; но что маршалъ Торкель, увѣдомленный о семъ черезъ лазутчиковъ, велѣлъ оградить истокъ Невы потаенными сваями; что новогородцы, видя неудачу, вышли изъ лодокъ, напали на шведовъ и съ великимъ урономъ отступили; что знаменитый Матѳей Кеттильмундсонъ, бывшій послѣ опекуномъ шведскаго короля Магнуса, гнался до самой ночи за нашими всадниками, громогласно вызывая на поединокъ храбрецовъ россійскихъ, но что никто изъ нихъ не принялъ его вызова. Сіе извѣстіе можетъ быть отчасти справедливо: ибо невѣроятно, чтобы новогородцы безпрепятственно дали маршалу основать и довершить крѣпость на берегу Невы. Чувствуя важность сего мѣста, они убѣдительно звали къ себѣ великаго князя Андрея, который, долго медливъ, наконецъ весною 1301 года пришелъ съ полками низовскими. Осадили Ландскрону. Изнуренные голодомъ и болѣзнями, шведы все еще бились мужественно, подъ начальствомъ славнаго витязя Стена, храбраго, но безпечнаго или слишкомъ надменнаго; ибо онъ не хотѣлъ заблаговременно требовать вспоможенія отъ правителя Швеціи, хладнокровно отвѣтствуя другому благоразумнѣйшему витязю, именемъ Амундсону: „на что безпокоить великаго маршала?“ Россіяне огнемъ и пращами въ нѣсколько дней истребили большую часть внѣшнихъ укрѣпленій и, не слушая

никакихъ предложенiй Стеновыхъ, готовились къ рѣшительному приступу. Тогда Амундсонъ напомнилъ своему начальнику слова его: „на что безпокоить великаго маршала?“ и вмѣстѣ съ нимъ былъ изрубленъ побѣдителями. Новогородцы взяли крѣпость и сравняли ее съ землею, плѣнивъ горсть шведовъ, которые долго оборонялись въ погребѣ. Сей успѣхъ остался въ лѣтописяхъ единственнымъ достохвальнымъ дѣломъ Андреевымъ: по крайней мѣрѣ онъ участвовалъ въ ономъ, имѣя въ предметѣ безопасность отечества. Михаилъ Ярославичъ также хотѣлъ идти къ берегамъ Невы, но узналъ на пути, что страшная Ландскрона уже не существуетъ.

Успокоенные со стороны шведовъ, новогородцы отправили за море пословъ и заключили миръ (въ 1302 году) съ королемъ датскимъ Эрикомъ VI, чтобы прекратить свои частныя войны съ Эстонiею, его областiю. Впрочемъ, не надѣясь пользоваться долговременною тишиною, опасаясь и внѣшнихъ враговъ, и князей россiйскихъ, они въ тотъ же годъ заложили у себя большую каменную крѣпость; ибо вольность ихъ ограждалась дотолѣ однимъ бреннымъ деревомъ. Умноженiе опасностей требовало защиты твердѣйшей; умноженiе частныхъ и казенныхъ прибытковъ доставляло правительсту способъ воздвигнуть оную, безъ излишней тягости для гражданъ.

Великiй князь Андрей скончалъ жизнь свою схимникомъ въ 1304 году, заслуживъ ненависть современниковъ и презрѣнiе потомства. Никто изъ князей Мономахова роду не сдѣлалъ столько зла отечеству, какъ сей недостойный сынъ Невскаго, погребенный въ Волжскомъ городцѣ, далеко отъ священнаго праха родительскаго.

Ужасы естественные и всякiя несчастiя ознаменовали десятилѣтнее время его княженiя такъ же, какъ и Димитрiево. Къ числу тогдашнихъ явленiй, воздушныхъ и небесныхъ, обыкновенно страшныхъ для народа, принадлежала славная комета 1304 года, описанная китайскими астрономами и воспѣтая въ стихахъ Пахимеромъ. Были также вихри чрезвычайные, засухи, голодъ, моръ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и сильные пожары. Въ Твери сгорѣлъ дворецъ княжескiй (въ 1298) со всею казною и драгоцѣнностями; не успѣли вынести ни серебра, ни золота, ни оружiя; самъ князь Михаилъ, ночью пробужденный огнемъ, едва могъ спастися съ юною супругою отъ пламени. Въ Новѣгородѣ обратились въ пепелъ многiя улицы (въ 1299), Варяжская, Холопья и Нѣмецкiй гостиный дворъ. Изверги, пользуясь общимъ смятенiемъ, грабили имѣнiе, снесенное въ церкви; убивали сторожей: злодѣйство, о коемъ лѣтописецъ говоритъ съ праведнымъ омерзѣнiемъ.

Въ княженiе Андреево (въ 1299 году) митрополитъ Максимъ

оставилъ навсегда Кіевъ, чтобы не быть тамъ свидѣтелемъ и жертвою несноснаго тиранства моголовъ, и со всѣмъ клиросомъ переѣхалъ въ Владиміръ; даже большая часть кіевлянъ разбѣжалась по другимъ городамъ. Послѣ Ярослава и сына его Александра Невскаго, великіе князья уже не имѣли никакой власти надъ странами Днѣпровскими. Кто изъ потомковъ св. Владиміра господствовалъ въ оныхъ, неизвѣстно (въ лѣтописяхъ упоминается только о князѣ Поросьскомъ Юріи, служившемъ Мстиславу Даніиловичу). Левъ Галицкій не заботился о древней столицѣ своихъ предковъ, оставленной такимъ образомъ въ жертву варварамъ. Любимый и оплаканный подданными, онъ скончался мирно и тихо въ 1301 году, доживъ до глубокой старости и велѣвъ предать землѣ тѣло свое безъ взякихъ знаковъ пышности: монахи одѣли его въ простой саванъ и вложили ему въ руку изображеніе креста. Въ городѣ Львовѣ показываютъ двѣ харатейныя жалованныя грамоты, будто бы данныя симъ княземъ тамошнему храму св. Николая и Крылосскому (близъ Галича) Успенія Богоматери на имѣніе и на исключительное право суда епископскаго; но та и другая кажутся изобрѣтеніемъ позднѣйшихъ временъ. Слогъ обѣихъ есть новое, неискусное смѣшеніе языка русскаго съ польскимъ; въ обѣихъ именуются особенные митрополиты галицкіе, коихъ не бывало, и въ одной названъ тогдашній кіевскій митрополитъ Кипріаномъ, а Кипріанъ пасъ церковь уже во время Димитрія Донского и сына его.—Преемникомъ Льва былъ сынъ Юрій или Георгій, который, по смерти дяди, Мстислава Даніиловича, наслѣдовавъ и Владимірскую область, возобновилъ титулъ своего дѣда и, подобно Даніилу, именовался королемъ Россійскимъ, Rex Russiae, какъ изображено на печати сего князя, сохраненной въ архивѣ кенигсбергскомъ вмѣстѣ съ письмами галицкихъ владѣтелей къ великимъ магистрамъ нѣмецкаго ордена.

Послѣ несчастной для нѣмцевъ осады Пскова россіяне жили въ мирѣ и въ тишинѣ съ орденомъ Ливонскимъ. Магистръ, въ 1304 году, призывалъ въ Дерптъ всѣхъ своихъ чиновниковъ и епископовъ на сеймъ, гдѣ они единодушно положили всячески избѣгать войны съ нашими князьями, прекращать ссоры дружелюбно и не вступаться за того, кто своевольно оскорбитъ новогородцевъ или псковитянъ и тѣмъ навлечетъ на себя месть ихъ.

Въ числѣ нашихъ собственныхъ памятниковъ сего времени замѣтимъ грамоту, писанную великимъ княземъ къ посадникамъ, казначеямъ и къ старостамъ Заволочья. Тамъ сказано, что въ силу договора, заключеннаго Андреемъ съ Новымгородомъ, онъ можетъ посылать три ватаги для ловли на море, подъ начальствомъ атамана Крутицкаго; что селенія обязаны давать имъ кормъ и подводы, также и сыну атаманову, когда пошлютъ оттуда съ

морскими птицами; что ловцы новогородскіе, согласно съ уставомъ временъ Александровыхъ и Димитріевыхъ, не должны въ Заволчьѣ ходить на Тверскую сторону, и проч. Такимъ образомъ великіе князья, участвуя въ народныхъ промыслахъ, старались умножить свои доходы.

ГЛАВА VII.

Великій князь Михаилъ Ярославичъ.

Г. 1304—1319.

Споръ о великомъ княженіи.—Злодѣйство князя Московскаго.—Дѣла Новогородскія.—Узбеки.—Мужество новогородцевъ.—Георгій зять хановъ.—Умѣренность и добродушіе Михаила.—Побѣда надъ татарами.—Судъ въ ордѣ.—Пышная забава ханская.—Великодушная кончина Михаилова.—Городъ Маджары.—Разбои моголовъ.—Петръ митрополитъ.—Ярлыкъ ханскій.—Разныя бѣдствія.

Какъ жизнь, такъ и кончина Андреева была несчастіемъ для Россіи. Два князя объявили себя его наслѣдниками: Михаилъ Тверскій и Георгій Даниловичъ Московскій; но первый съ большимъ правомъ, будучи внукомъ Ярослава Всеволодовича и дядею Георгіевымъ, слѣдственно старѣйшимъ въ родѣ. Сіе право казалось вообще неоспоримымъ, и бояре великаго княженія, предавъ землѣ тѣло Андреево, спѣшили въ Тверь поздравить Михаила государемъ Владимірскимъ. Новогородцы также признали его своимъ главою, въ увѣреніи, что ханъ утвердитъ за нимъ великое княженіе. Михаилъ обязался, подобно отцу, блюсти ихъ уставы, возстановить древнія границы между Новымгородомъ и землею суздальскою; не требовать бывшихъ волостей Димитріевыхъ и Андреевыхъ; купленныя же имъ самимъ, княгинею или боярами его въ землѣ новогородской отдать на выкупъ или прежнимъ владѣльцамъ или правительству; не позволять самосуда ни себѣ, ни княжескимъ судіямъ, но рѣшать тяжбы единственно по законамъ; отправлять людей своихъ за Волокъ только изъ Новагорода въ двухъ ладіяхъ, и проч.

Добрый митрополитъ Максимъ тщетно уговаривалъ Георгія не искать великаго княженія, обѣщая ему именемъ Ксеніи, матери Михаиловой, и своимъ собственнымъ любые города въ прибавокъ къ его Московской области. Дядя и племянникъ поѣхали судиться къ хану, оставивъ Россію въ несогласіи и въ мятежѣ. Одни города стояли за князя Тверского, иные за Московскаго. Геор-

гій едва могъ спастися отъ друзей Михаиловыхъ, которые не хотѣли пускать его въ орду и думали задержать на пути въ области Суздальской; а Бориса Даніиловича, пріѣхавшаго въ Кострому, схватили и послали въ Тверь. Но вторый Георгіевъ братъ, Іоаннъ, разбилъ тверитянъ, хотѣвшихъ взять Переславль, и воевода ихъ, Акинѳъ, остался на мѣстѣ сраженія въ числѣ убитыхъ. Намѣстники Михаиловы хотѣли выѣхать въ Новгородъ; жители не впустили ихъ, сказавъ: „мы избрали Михаила съ условіемъ, да явитъ грамоту ханскую и будетъ тогда княземъ нашимъ, но не прежде!“—Въ дугихъ областяхъ господствовало безначаліе и неустройство. Граждане костромскіе, преданные Михаилу, ненавидя память Андрееву и злобствуя на бывшихъ его любимцевъ, самовольно ихъ судили и наказывали; а чернь Нижняго Новагорода, вслѣдствіе мятежнаго вѣча, умертвила многихъ бояръ, какъ мнимыхъ враговъ отечества. Князь Нижегородскій, Михаилъ, сынъ Андрея Ярославича, находился въ ордѣ: онъ тамъ женился и, возвратясь въ свой удѣлъ, казнилъ виновниковъ сего беззаконнаго вѣча, ибо чернь не имѣла власти судебной, исключительнаго права княжескаго.

Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ рѣшилась неизвѣстность: Михаилъ превозмогъ соперника и пріѣхалъ съ ханскою грамотою въ Владиміръ, гдѣ митрополитъ возвелъ его на престолъ великаго княженія. Зная неуступчивость врага своего, онъ хотѣлъ оружіемъ смирить Георгія и дважды приступалъ къ Москвѣ, однакожъ безъ успѣха; кровопролитный бой подъ ея стѣнами усилилъ только взаимную ихъ злобу, бѣдственную для обоихъ, какъ увидимъ. Современные лѣтописцы винятъ одного князя Московскаго, который, въ противность древнему обыкновенію, спорилъ съ дядею о старѣйшинствѣ. Сверхъ того, Георгій, по качествамъ черной души своей, заслуживалъ всеобщую ненависть и, едва утвердясь на престолѣ наслѣдственномъ, гнуснымъ дѣломъ изъявилъ презрѣніе къ святѣйшимъ законамъ человѣчества. Мы говорили о несчастной судьбѣ рязанскаго владѣтеля, Константина, плѣненнаго Даніиломъ: онъ шесть лѣтъ томился въ неволѣ; княженіе его, лишенное главы, зависѣло нѣкоторымъ образомъ отъ Московскаго. Георгій велѣлъ умертвить Константина, считая сіе злодѣйство нужнымъ для безпрекословнаго господства надъ Рязанью, и весьма ошибся: ибо сынъ убіеннаго, Ярославъ, подъ защитою хана, спокойно наслѣдовалъ престолъ отеческій какъ владѣтель независимый, оставивъ въ добычу Георгію изъ городовъ своихъ одну Коломну.—Самые меньшіе братья Георгіевы, дотолѣ служивъ ему вѣрно, не могли съ нимъ ужиться въ согласіи. Двое изъ нихъ, Александръ и Борисъ Даніиловичи, уѣхали въ Тверь, безъ сомнѣнія недовольные его жестокостію.

Михаилъ нѣсколько лѣтъ властвовалъ спокойно и жилъ большею частію въ Твери. Его намѣстники правили великимъ княженіемъ и Новымгородомъ, коего чиновники относились къ нему во всѣхъ дѣлахъ государственныхъ. Такъ, они письменно жаловались Михаилу на двухъ княжескихъ вельможъ, Ѳеодора и Бориса, бывшихъ начальниками въ Псковѣ и въ области Корельской: первый, свѣдавъ о нашествіи ливонскихъ рыцарей (въ 1307 году), уѣхалъ изъ города, принудивъ тѣмъ оставленныхъ безъ вождя псковитянъ заключить съ магистромъ Гертомъ фонъ-Иокке, невыгодный миръ и разорилъ многія села новогородскія; второй, утѣсняя кореловъ, заставилъ ихъ бѣжать къ шведамъ и силою бралъ, что ему не принадлежало. Новогородцы желали навсегда избавиться отъ такихъ недостойныхъ правителей, вносили деньги за села, купленныя въ ихъ областяхъ сими боярами, и предоставляли себѣ условиться изустно съ княземъ о прочемъ. Онъ ѣздилъ изъ Твери къ святой Софіи и былъ принятъ гражданами съ обыкновенными знаками усердія; однакожъ не хотѣлъ самъ предводительствовать ими, когда они, построивъ новую крѣпость на мѣстѣ нынѣшняго Кексгольма, ходили на судахъ въ Финляндію до рѣки Черной или Кумо, гдѣ сожгли городъ Ванай. Осаждали шведовъ въ замкѣ, на скалѣ неприступной, и разорили множество селеній. У бѣдныхъ жителей, по словамъ лѣтописца, не осталось ни одной рогатой скотины: ибо россіяне истребили тамъ все, чего не могли увезти съ собою.

Совершивъ благополучно сей дальній походъ, новогородцы начали ссориться съ княземъ, жалуясь, что онъ не исполняетъ договорной грамоты; но когда оскорбленный Михаилъ, занявъ войскомъ Торжекъ, не велѣлъ пускать къ нимъ хлѣба, народъ встрѣвожился и, не смотря на весеннюю распутицу, отправилъ въ Тверь своего архіепископа, Давида, чтобы обезоружить великаго князя. Миръ заключили скоро, ибо искренно желали его съ обѣихъ сторонъ: Новгородъ, опустошенный въ сіе время пожаромъ, имѣлъ необходимую нужду въ подвозахъ и, лишенный оныхъ, могъ быть жертвою голода; а Михаилъ долженствовалъ немедленно ѣхать въ орду. Ханъ Тохта умеръ; сынъ его, юный Узбекъ, воцарился, славный въ лѣтописяхъ Востока правосудіемъ и ревностію къ вѣрѣ Магометовой, возстановленной имъ во всѣхъ могольскихъ владѣніяхъ: ибо Тохта былъ, кажется, язычникомъ и не слѣдовалъ ученію Алкорана. Историкъ Абулгази пишетъ, что многіе татары, въ знакъ особенной любви къ сему царю, назвалися его именемъ, или узбеками, донынѣ извѣстными въ Хивѣ и въ земляхъ окрестныхъ.

Взявъ съ новогородцевъ 1,500 гривенъ серебра, Михаилъ возвратилъ имъ своихъ намѣстниковъ и, поѣхавъ въ орду, жилъ тамъ

цѣлые два года. Столь долговременное отсутствіе, безъ сомнѣнія невольное, имѣло вредныя слѣдствія для него и для Россіи. Шведы сожгли Ладогу; корелы, впустивъ ихъ въ Кексгольмъ, умертвили тамъ многихъ россіянъ. Хотя новогородцы отмстили тѣмъ и другимъ, подъ начальствомъ Михаилова намѣстника выгнали шведовъ и казнили измѣнниковъ корельскихъ, но винили Михаила, что онъ, пресмыкаясь въ ордѣ у ногъ хановыхъ, забываетъ



МИХАИЛЪ II. ЯРОСЛАВИЧЪ.
Вел. Кн. Россійскій

отечество. Георгій Московскій не замедлилъ воспользоваться симъ расположеніемъ: родственникъ его, князь Ѳеодоръ Ржевскій, пріѣхалъ въ Новгородъ, взялъ подъ стражу намѣстниковъ Михаиловыхъ и такъ обольстилъ легкомысленныхъ гражданъ, что они, признавъ Георгія своимъ начальникомъ, объявили даже войну великому князю. Едва не дошло до битвы: на одномъ берегу Волги стояли новогородцы, на другомъ—сынъ Михаиловъ, Ди-

митрій, съ вѣрною тверскою ратію. Къ счастію, осенніе морозы, покрывъ рѣку тонкимъ льдомъ, удалили кровопролитіе и новогородцы согласились на миръ, а князь Московскій, обѣщая имъ благоденствіе и вольность, сѣлъ на престолѣ святыя Софіи.

Скоро позвали Георгія къ хану дать отвѣтъ на справедливыя жалобы Михаиловы. Онъ поручилъ Новгородъ брату своему Аѳанасію и, взявъ съ собою богатые дары, надѣялся быть правымъ въ такомъ судилищѣ, гдѣ предсѣдательствовало алчное корыстолюбіе. Но Михаилъ уже несъ обнаженный мечъ и грамоту Узбекову. Сильные полки моголовъ окружали его и вступили въ Россію съ воеводою Тайтемеромъ. Сія грозная вѣсть поколебала, однакожъ не смирила новогородцевъ. Исчисляя въ мысляхъ всѣ одержанныя ими побѣды со временъ Рюрика до настоящаго и вспомнивъ, что самъ Михаилъ великодушною рѣшимостію спасъ Тверь отъ нашествія моголовъ, они вооружились и ждали непріятеля близъ Торжка. Прошло шесть недѣль. Наконецъ явилась сильная рать Михаилова, владимірская, тверская и могольская. Переговоровъ не было; вступили въ бой, жестокій, хотя и неравный. Никогда новогородцы не изъявили болѣе мужества; чиновники и бояре находились впереди; купцы сражались какъ герои. Множество ихъ легло на мѣстѣ, остатокъ заключился въ Торжкѣ, и Михаилъ, какъ побѣдитель, велѣлъ объявить, чтобы новогородцы выдали ему князей Аѳанасія и Ѳеодора Ржевскаго, если хотятъ мира. Слабые числомъ, обагренные кровію, своею и чуждою, они единодушно отвѣтствовали: „умремъ за святую Софію и за Аѳанасія: честь всего дороже“. Михаилъ требовалъ по крайней мѣрѣ одного Ѳеодора Ржевскаго; многіе и того не хотѣли; наконецъ уступили необходимости, и еще обязались заплатить великому князю знатное количество серебра. Нѣкоторые изъ бояръ новогородскихъ, вмѣстѣ съ княземъ Аѳанасіемъ, остались аманатами въ рукахъ побѣдителя; другіе отдали ему все, что имѣли, коней, оружіе, деньги. Написали слѣдующую грамоту: „Великій князь Михаилъ условился съ владыкою и съ Новымгородомъ не вспоминать прошедшаго. Что съ обѣихъ сторонъ захвачено въ междоусобіе, того не отыскивать. Плѣнники свободны безъ окупа. Прежняя Тверская Ѳеоктистова грамота должна имѣть всю свою силу. Новгородъ платитъ князю въ разные сроки, отъ второй недѣли Великаго поста до Вербной, 12,000 гривенъ серебра, зачитая въ сей платежъ взятое въ Торжкѣ у бояръ новогородскихъ имѣніе. Князь, принявъ сполна вышеозначенную сумму, долженъ освободить аманатовъ, изрѣзать сію грамоту и править нами согласно съ древнимъ уставомъ“.

Сей миръ, вынужденный крайностію, не могъ быть истиннымъ, и великій князь, свѣдавъ, что послы новогородскіе тайно ѣдутъ

въ орду съ жалобсю на него, велѣлъ переловить ихъ; отозвалъ намѣстниковъ княжескихъ изъ Новагорода и пошелъ туда съ войскомъ. Новогородцы укрѣпили столицу, призвали жителей Пскова, Ладоги, Руси, кореловъ, ижерцевъ и вожанъ и ревностно готовились къ битвѣ, одушевленные любовію къ вольности и ненавистію къ великому князю. Онъ имѣлъ еще друзей между ними, но робкихъ, безмолвныхъ: ибо народъ свирѣпо вопилъ на вѣчѣ и грозилъ имъ казнію; свергнулъ одного боярина съ моста за мнимую измѣну, а другого, совершенно невиннаго, умертвилъ по доносу раба, что господинъ его въ перепискѣ съ Михаиломъ.—Такое ужасное остервененіе и многочисленность собранныхъ въ Новѣгородѣ ратниковъ изумили великаго князя: онъ стоялъ нѣсколько времени близъ города, рѣшился уступить и вздумалъ, къ несчастію, идти назадъ ближайшею дорогою, сквозь лѣса дремучіе. Тамъ войско его, между озерами и болотами, тщетно искало пути удобнаго. Кони, люди падали мертвые отъ усталости и голода; воины сдирали кожу съ щитовъ своихъ, чтобы питаться ею. Надлежало бросить или сжечь обозы. Князь вышелъ, наконецъ, изъ сихъ мрачныхъ пустынь съ одною пѣхотою, изнуренною и почти безоружною.

Тогда новогородцы прислали въ Тверь архіепископа Давида, безъ всякой надменности моля великаго князя освободить ихъ аманатовъ; предлагали ему серебро, миръ и дружбу. „Дѣло сдѣлано,—говорили они: желаемъ спокойствія и тишины". Михаилъ отвергнулъ сіе предложеніе; стыдился мира безчестнаго; хотѣлъ побѣдить и даровать его.

Между тѣмъ Георгій жилъ въ ордѣ, три года кланялся, дарилъ и пріобрѣлъ, наконецъ, столь великую милость, что юный Узбекъ, давъ ему старѣйшинство между князьями Россійскими, женилъ его на своей любимой сестрѣ Кончакѣ, названной въ крещеніи Агаѳіею; дѣло не весьма согласное съ ревностію сего хана къ вѣрѣ Магометовой! Провождаемый моголами и воеводою ихъ Кавгадыемъ, Георгій возвратился въ Россію и, пылая нетерпѣніемъ сокрушить врага, хотѣлъ немедленно завоевать Тверь. Михаилъ отправилъ къ нему пословъ. „Будь великимъ княземъ, если такъ угодно царю,—сказали они Георгію именемъ своего государя:—только оставь Михаила спокойно княжить въ его наслѣдіи: иди въ Владиміръ и распусти войско". Отвѣтомъ князя Московскаго было опустошеніе тверскихъ селъ и городовъ до самыхъ береговъ Волги. Тогда Михаилъ призвалъ на совѣтъ княжескій епископа и бояръ. „Судите меня съ племянникомъ,—говорилъ онъ:—не самъ ли ханъ утвердилъ меня на великомъ княженіи? не заплатилъ ли я ему выхода или царской пошлины? Теперь отказываюсь отъ сего достоинства и не могу укротить злобы Георгія. Онъ

ищетъ головы моей; жжетъ, терзаетъ мою наслѣдственную область. Совѣсть меня не упрекаетъ; но можетъ быть ошибаюсь. Скажите ваше мнѣніе: виновенъ ли я предъ Георгіемъ?“ Епископъ и бояре, умиленные горестію и добросердечіемъ князя, единогласно отвѣчали ему: „Ты правъ, государь, предъ лицомъ Всевышняго, и когда смиреніе твое не могло тронуть ожесточеннаго врага, то возьми праведный мечъ въ десницу; иди: съ тобою Богъ и вѣрные слуги, готовые умереть за добраго князя“. „Не за меня одного (сказалъ Михаилъ), но за множество людей невинныхъ, лишаемыхъ крова отеческаго, свободы и жизни. Вспомните рѣчь евангельскую: кто положитъ душу свою за друга, той великъ наречется. Да будетъ намъ слово Господне во спасеніе!“ Великій князь, предводительствуя войскомъ мужественнымъ, встрѣтилъ полки Георгіевы, соединенные съ татарами и мордвою, въ 40 верстахъ отъ Твери, гдѣ нынѣ селеніе Бортново. Началась битва. Казалось, что Михаилъ искалъ смерти: шлемъ и латы его были всѣ изстрѣлены, обсѣчены, но князь цѣлъ и невредимъ; вездѣ отражалъ непріятелей и, наконецъ, обратилъ ихъ въ бѣгство. Сія побѣда спасла множество несчастныхъ россіянъ, жителей Тверской области, взятыхъ въ неволю татарами; смотря издали на кровопролитіе, безоружные, скованные, они помогали своему князю усердными молитвами и, видя его торжество, плакали отъ радости. Михаилу представили жену Георгіеву, брата его Бориса Даніиловича, и воеводу Узбекова Кавгадыя, вмѣстѣ съ другими плѣнниками. Великій князь запретилъ воинамъ убивать татаръ и, ласково угостивъ Кавгадыя въ Твери, съ богатыми дарами отпустилъ его къ хану. Сей лицемѣръ клялся быть ему другомъ; обвинялъ себя, Георгія и говорилъ, что они воевали Тверскую область безъ повелѣнія Узбекова.

Князь Московскій бѣжалъ къ новогородцамъ, которые еще, не знавъ объ успѣхѣ его въ ордѣ, дали Михаилу слово не вмѣшиваться въ ихъ распрю. (Въ сіе время они мстили шведамъ за разбитіе нашихъ судовъ на Ладожскомъ озерѣ: воевали приморскую часть Финляндіи; взяли городъ Финскаго князя и другой—Епископовъ, или нынѣшній Або). Узнавъ торжество Михаилово, новогороцы вступились за Георгія: собрали полки и приблизились къ Волгѣ. На другой сторонѣ ея развѣвались знамена тверскія, украшенныя знаками свѣжей побѣды; однакожъ великій князь не хотѣлъ вторичной жестокой битвы и предложилъ Георгію ѣхать съ нимъ въ орду. „Ханъ разсудитъ насъ,—говорилъ Михаилъ,—и воля его будетъ мнѣ закономъ. Возвращаю свободу супругѣ твоей, брату и всѣмъ новогородскимъ аманатамъ“. На семъ основаніи сочинили договорную грамоту, въ коей Георгій именованъ Великимъ княземъ и по коей новогородцы, въ ожиданіи суда

Узбекова, могли свободно торговать въ Тверской области, а послы ихъ—ѣздить чрезъ оную безопасно. Къ несчастію, жена Георгіева скоропостижно умерла въ Твери, и враги Михаиловы распустили слухъ, что она была отравлена ядомъ. Можетъ быть самъ Георгій вымыслилъ сію клевету: по крайней мѣрѣ охотно вѣрилъ ей, и воспользовался случаемъ очернить своего великодушнаго непріятеля въ глазахъ Узбековыхъ. Провождаемый многими князьями и боярами, онъ вмѣстѣ съ Кавгадыемъ отправился къ хану; а неосторожный Михаилъ еще медлилъ, пославъ въ орду двѣнадцатилѣтняго сына, Константина, защитника слабаго и безсловеснаго.

Между тѣмъ какъ врагъ его ревностно дѣйствовалъ въ Сараѣ и подкупалъ вельможъ могольскихъ, великій князь, имѣя чистую совѣсть и готовый всѣмъ жертвовать благу Россіи, спокойно занимался въ Твери дѣлами правленія; наконецъ, взявъ благословеніе у епископа, поѣхалъ. Великая княгиня Анна провожала его до береговъ Нерли: тамъ онъ исповѣдался съ умиленіемъ и, ввѣряя духовнику свою тайную мысль, сказалъ: „Можетъ быть, въ послѣдній разъ открываю тебѣ внутренность души моей. Я всегда любилъ отечество, но не могъ прекратить нашихъ злобныхъ междоусобій: по крайней мѣрѣ буду доволенъ, если хотя смерть моя успокоитъ его“.—Михаилъ, скрывая сіе горестное предчувствіе отъ нѣжной супруги, велѣлъ ей возвратиться. Посолъ ханскій, именемъ Ахмылъ, объявилъ ему въ Владимірѣ гнѣвъ Узбековъ. „Спѣши къ царю, — говорилъ онъ: —или полки его чрезъ мѣсяцъ вступятъ въ твою область. Кавгадый увѣряетъ, что ты не будешь повиноваться“. Устрашенные симъ извѣстіемъ, бояре совѣтовали великому князю остановиться. Добрые сыновья Михаиловы, Димитрій и Александръ, также заклинали отца не ѣздить въ орду и послать туда кого-нибудь изъ нихъ, чтобы умилостивить хана. „Нѣтъ, — отвѣчалъ Михаилъ: — царь требуетъ меня, а не васъ: подвергну ли отечество новому несчастію? Можемъ ли бороться со всею силою невѣрныхъ? За мое ослушаніе падетъ множество головъ христіанскихъ; бѣдныхъ россіянъ толпами поведутъ въ плѣнъ. Мнѣ надобно будетъ умереть и тогда: не лучше ли же нынѣ, когда могу еще своею погибелію спасти другихъ?“ Онъ написалъ завѣщаніе, распорядилъ сыновьямъ удѣлы, далъ имъ отеческое наставленіе, какъ жить добродѣтельно, и простился съ ними навѣки.

Михаилъ нашелъ Узбека на берегу моря Сурожскаго или Азовскаго, при устьѣ Дона; вручилъ дары хану, царицѣ, вельможамъ и шесть недѣль жилъ спокойно въ ордѣ, не слыша ни угрозъ, ни обвиненій. Но вдругъ, какъ бы вспомнивъ дѣло, совершенно забытое, Узбекъ сказалъ вельможамъ своимъ, чтобы они разсу-

дили Михаила съ Георгіемъ, и безъ лицепріятія рѣшили, кто изъ нихъ достоинъ казни. Начался судъ. Вельможи собрались въ особенномъ шатрѣ, подлѣ царскаго; призвали Михаила и велѣли ему отвѣчать на письменные доносы многихъ баскаковъ, обвинявшихъ его въ томъ, что онъ не платилъ хану всей опредѣленной дани. Великій князь ясно доказалъ ихъ несправедливостъ свидѣтельствами и бумагами; но злодѣй Кавгадый, главный доноситель, былъ и судіею! Во второе засѣданіе привели Михаила уже связаннаго и грозно объявили ему двѣ новыя вины его, сказывая, что онъ дерзнулъ обнажить мечъ на посла царева и ядомъ отравилъ жену Георгіеву. Великій князь отвѣчалъ: „Въ битвѣ не узнаютъ пословъ; но я спась Кавгадыя и съ честію отпустилъ его. Второе обвиненіе есть гнусная клевета: какъ христіанинъ свидѣтельствуюсь Богомъ, что у меня и на мысли не было такого злодѣянія". Судіи не слушали его, отдали подъ стражу, велѣли územковать цѣпями. Еще вѣрные бояре и слуги не отходили отъ своего злосчастнаго государя; приставы удалили ихъ, наложили ему на шею тяжелую колодку и раздѣлили между собою всѣ драгоцѣнныя одежды княжескія.

Узбекъ ѣхалъ тогда на ловлю къ берегамъ Терека со всѣмъ войскомъ, многими знаменитыми данниками и послами разныхъ народовъ. Сія любимая забава хановъ продолжалась обыкновенно мѣсяцъ или два и разительно представляла ихъ величіе: нѣсколько сотъ тысячъ людей было въ движеніи; каждый воинъ украшался лучшею своею одеждою и садился на лучшаго коня; купцы на безчисленныхъ телѣгахъ везли товары индѣйскіе и греческіе; роскошь, веселіе господствовали въ шумныхъ, необозримыхъ станахъ, и дикія степи казались улицами городовъ многолюдныхъ. Вся орда тронулась; вслѣдъ за нею повлекли и Михаила, ибо Узбекъ еще не рѣшилъ судьбы его. Несчастный князь терпѣлъ уничиженіе и муку съ великодушною твердостію. На пути изъ Владиміра къ морю Азовскому онъ нѣсколько разъ пріобщался Святыхъ Таинъ и, готовый умереть какъ должно христіанину, изъявлялъ чудесное спокойствіе. Печальные бояре снова имѣли къ нему доступъ: Михаилъ ободрялъ ихъ, и съ веселымъ лицомъ говорилъ: „Друзья! вы долго видѣли меня въ чести и славѣ: будемъ ли небладарны? Вознегодуемъ ли на Бога за уничиженіе кратковременное? Выя моя скоро освободится отъ сего древа, гнетущаго оную". Ночи проводилъ онъ въ молитвѣ и въ пѣніи утѣшительныхъ псалмовъ Давидовыхъ; отрокъ княжескій держалъ передъ нимъ книгу и перевертывалъ листы: ибо стражи всякую ночь связывали руки Михаилу. Желая мучить свою жертву, злобный Кавгадый въ одинъ день вывелъ его на торговую площадь, усыпанную людьми; поставилъ на колѣна, ругался надъ нимъ и

вдругъ, какъ бы тронутый сожалѣніемъ, сказалъ ему: „Не унывай: царь поступаетъ такъ и съ родными въ случаѣ гнѣва: но завтра, или скоро, объявятъ тебѣ милость и снова будешь въ чести“. Торжествующій злодѣй удалился. Князь, изнуренный, слабый, сѣлъ на площади, и любопытные окружили его, разсказывая другъ другу, что сей узникъ былъ великимъ государемъ въ землѣ своей. Глаза Михаиловы наполнились слезами; онъ всталъ и пошелъ въ вежу или шатеръ, читая тихимъ голосомъ изъ псалма: Вси видяще мя покиваху главами своими... Уповаю на Господа!— Нѣсколько разъ вѣрные слуги предлагали ему тайно уйти, сказывая, что кони и проводники готовы. „Я никогда не зналъ постыднаго бѣгства“, — отвѣчалъ Михаилъ: — „оно можетъ только спасти меня, а не отечество. Воля Господня да будетъ!“

Орда находилась уже далеко за Терекомъ и горами Черкесскими, близъ вратъ Желѣзныхъ или Дербента, подлѣ ясскаго города Дедякова, въ 1277 году взятаго нашими князьями для хана Мангу-Тимура. Кавгадый ежедневно приступалъ къ царю съ мнимыми доказательствами, что великій князь есть злодѣй обличенный: Узбекъ, юный, неопытный, опасался быть несправедливымъ; наконецъ, обманутый согласіемъ безсовѣстныхъ судей, единомышленниковъ Георгіевыхъ и Кавгадыевыхъ, утвердилъ ихъ приговоръ.

Михаилъ свѣдалъ и не ужаснулся; отслушавъ заутреню (ибо съ нимъ были игуменъ и два священника), благословилъ сына своего, Константина; поручилъ ему сказать матери и братьямъ, что онъ умираетъ ихъ нѣжнымъ другомъ; что они, конечно, не оставятъ вѣрныхъ бояръ и слугъ его, которые у престола и въ темницѣ изъявляли государю равное усердіе. Часъ рѣшительный наступалъ. Михаилъ, взявъ у священника псалтирь и разогнувъ оную, читалъ слова: сердце мое смятеся во мнѣ, и боязнь смерти нападе на мя. Душа его невольно содрогнулась. Игуменъ сказалъ ему: „Государь! въ семъ же псалмѣ, столь тебѣ извѣстномъ, написано: возверзи на Господа печаль твою“. Великій князь продолжалъ: кто дастъ ми крилѣ яко голубинѣ? и полещу, и почію... Умиленный симъ живымъ образомъ свободы, онъ закрылъ книгу, и въ то самое мгновеніе вбѣжалъ въ ставку одинъ изъ его отроковъ съ лицомъ блѣднымъ, сказывая дрожащимъ голосомъ, что князь Георгій Даніиловичъ, Кавгадый и множество народа приближаются къ шатру. „Вѣдаю, для чего“,—отвѣтствовалъ Михаилъ; и немедленно послалъ юнаго сына своего къ царицѣ, именемъ Баялыни, будучи увѣренъ въ ея жалости. Георгій и Кавгадый остановились близъ шатра, на площади, и сошли съ коней, отрядивъ убійцъ совершить беззаконіе. Всѣхъ людей княжескихъ разогнали: Михаилъ стоялъ одинъ и молился. Злодѣи повергли его

на землю, мучили, били пятами. Одинъ изъ нихъ, именемъ Романецъ (слѣдственно христіанской вѣры), вонзилъ ему ножъ въ ребра и вырѣзалъ сердце. Народъ вломился въ ставку для грабежа, позволеннаго у моголовъ въ такомъ случаѣ.—Георгій и Кавгадый, узнавъ о смерти святаго мученика — ибо таковымъ справедливо признаетъ его наша церковь—сѣли на коней и подъѣхали къ шатру. Тѣло Михаилово лежало нагое. Кавгадый, свирѣпо взглянувъ на Георгія, сказалъ ему: „Онъ твой дядя: оставишь ли трупъ его на поруганіе?" Слуга Георгіевъ закрылъ оный своею одеждою.

Михаилъ не обманулся въ надеждѣ на добродушіе супруги Узбековой: она съ чувствительностію приняла и старалася утѣшить юнаго Константина; защитила и бояръ его, успѣвшихъ отдать себя въ ея покровительство; другіе же, схваченные злобными врагами ихъ государя, были истерзаны и заключены въ оковы.— Георгій послалъ тѣло великаго князя въ Маджары, городъ торговый (на рѣкѣ Кумѣ, въ Кавказской губерніи), гдѣ, какъ вѣроятно, обитали нѣкогда угры, изгнанные печенѣгами изъ Лебедіи. Тамъ многіе купцы, знавъ лично Михаила, желали прикрыть оное драгоцѣнными плащаницами и внести въ церковь; но бояре Георгіевы не пустили ихъ къ окровавленному трупу и поставили его въ хлѣвѣ. Въ ясскомъ городѣ Бездежѣ они также не хотѣли остановиться у церкви христіанской; днемъ и ночью стерегли тѣло; наконецъ привезли въ Москву и погребли въ монастырѣ Спасскомъ (въ Кремлѣ, гдѣ стоитъ еще древняя церковь Преображенія).

Злодѣй Кавгадый чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ кончилъ жизнь свою внезапно: увидимъ, что Провидѣніе наказало и жестокаго Георгія; а память Михаилова была священна для современниковъ и потомства: ибо сей князь, столь великодушный въ бѣдствіи, заслужилъ славное имя отечестволюбца. Кромѣ однихъ новогородцевъ, считавшихъ его опаснымъ врагомъ народной вольности, всѣ жалѣли объ немъ искренно, но всѣхъ болѣе вѣрные, мужественные тверитяне; ибо онъ возвеличилъ сіе княженіе и любилъ ихъ, дѣйствительно, какъ отецъ. Сверхъ достоинствъ государственныхъ—ума проницательнаго, твердости, мужества—Михаилъ отличался и семейственными; нѣжною любовію къ супругѣ, къ дѣтямъ, въ особенности къ матери, умной, добродѣтельной Ксеніи, воспитавшей его въ правилахъ благочестія и скончавшей дни свои монахинею.

При семъ великомъ князѣ Ростовъ, Кострома и Брянскъ были жертвою хищныхъ татаръ. Наслѣдникъ Константина Борисовича Ростовскаго, умершаго въ ордѣ, сынъ его Василій (въ 1316 году) пріѣхалъ отъ хана въ столицу свою съ двумя могольскими вельможами, коихъ грабительство и насиліе остались въ ней надолго

памятными. Такіе разбойники назывались обыкновенно послами. Одинъ изъ нихъ (въ 1318 году) убивъ въ Костромѣ 120 человѣкъ, опустошилъ Ростовъ огнемъ и мечемъ, взялъ сокровища церковныя, плѣнилъ многихъ людей. Несчастіе Брянска произошло отъ междоусобія двухъ князей. Тамъ господствовалъ Василій, внукъ Романовъ; изгнанный дядею, Святославомъ, онъ возвратился (въ 1310 году) съ шайкою моголовъ. Святославъ, въ надеждѣ на усердіе жителей, спѣшилъ отразить ихъ, но граждане измѣнили ему: бросили знамена и побѣжали. Онъ не хотѣлъ уступить и легъ на мѣстѣ битвы со всею дружиною княжескою, оказавъ рѣдкое, но безполезное мужество. Побѣдители расхитили городъ.

Въ Брянскѣ находился тогда новый митрополитъ, преемникъ Максимовъ; онъ едва могъ, ушедши въ церковь, спастися отъ лютости татаръ По кончинѣ Максима (въ 1305 году) какой-то игуменъ Геронтій вздумалъ было своевольно занять его мѣсто, присвоивъ себѣ утварь святительскую и жезлъ пастыря; но патріархъ Аѳанасій, въ угодность князю Галицкому, отвергувъ Геронтія (въ 1308 году), посвятилъ въ митрополиты для всей Россіи Петра, волынскаго игумена, мужа столь ревностнаго въ исполненіи своихъ пастырскихъ обязанностей, что духовенство сѣверной Россіи единогласно благословило его высокую добродѣтель. Одинъ тверскій епископъ, сынъ князя Литовскаго, Герденя, легкомысленный и гордый, дерзнулъ злословить сего митрополита, но былъ торжественно обличенъ въ клеветѣ на соборѣ въ Переславлѣ-Залѣсскомъ, гдѣ присутствовали епископъ ростовскій, игумены, священники, князья, вельможи и посолъ цареградскаго патріарха. Истиною и любовію заградивъ уста клеветнику, Петръ, вмѣсто укоризнъ, сказалъ ему: Миръ ти о Христѣ, чадо! Отнынѣ блюдися лжи; мимошедшая же да отпуститъ ти Господь!.. Въ другихъ случаяхъ сей кроткій архипастырь умѣлъ быть и строгимъ: снялъ епископскій санъ съ Исмаила сарскаго, безъ сомнѣнія за важное преступленіе относительно церкви или отечества, и предалъ анаѳемѣ какого-то опаснаго еретика Сеита, обличеннаго имъ въ богопротивномъ умствованіи, но не хотѣвшаго раскаяться. Какъ достойный учитель вѣры христіанской, Петръ склонялъ князей къ миролюбію, заклиналъ несчастнаго Святослава Брянскаго не вступать въ битву съ Василіемъ и старался прекратить вражду между князьями Тверскимъ и Московскимъ; не имѣя средствъ избавить народъ отъ ига, желалъ, по крайней мѣрѣ, оградить безопасностію церкви святыя и домы ея служителей; ѣздилъ въ орду съ Михаиломъ (въ 1313 году) и выходилъ для нихъ такъ называемый ярлыкъ или грамоту льготную, въ коей Узбекъ, слѣдуя примѣру бывшихъ до него хановъ, подтвердилъ важныя права и выгоды россійскаго духовенства. Мы имѣемъ сей

ярлыкъ и многіе иные новѣйшіе, достопамятные содержаніемъ и слогомъ. Ханъ пишетъ: „Вышняго и безсмертнаго Бога волею и силою, величествомъ и милостію. Узбеково слово ко всѣмъ князьямъ великимъ, среднимъ и нижнимъ, воеводамъ, книжникамъ, баскакамъ, писцамъ, мимоѣздящимъ посламъ, сокольникамъ, пардусникамъ во всѣхъ улусахъ и странахъ, гдѣ Бога безсмертнаго силою наша власть держитъ и слово наше владѣетъ. Да никто не обидитъ въ Руси церковь соборную, Петра митрополита и людей его, архимандриговъ, игуменовъ, поповъ и проч. Ихъ грады, волости, села, земли, ловли, борти, луга, лѣса, винограды, сады, мельницы, хуторы свободны отъ всякія дани и пошлины: ибо все то есть Божіе; ибо сіи люди молитвою своею блюдутъ насъ и наше воинство укрѣпляютъ. Да будутъ они подсудны единому митрополиту, согласно съ древнимъ закономъ ихъ и грамотами прежнихъ царей ординскихъ. Да пребываетъ митрополитъ въ тихомъ и кроткомъ житіи; да правымъ сердцемъ и безъ печали молитъ Бога за насъ и дѣтей нашихъ. Кто возьметъ что-нибудь у духовныхъ, заплатитъ втрое; кто дерзнетъ порицать вѣру русскую, кто обидитъ церковь, монастырь, часовню, да умретъ! и проч. Писано Заячьяго лѣта, осенняго перваго мѣсяца, четвертаго Ветха (то есть въ четвертый день ущерба луны) на поляхъ“. Говоря о даняхъ, собираемыхъ въ Россіи, Узбекъ именуетъ поплужную, или съ каждой сохи, мостовую, береговую; увольняетъ церковниковъ отъ воинской службы, подводъ и всякой работы. Въ такомъ порабощеніи находились россіяне, всего болѣе угнетаемые ненасытнымъ сребролюбіемъ ханскихъ пошлинниковъ или откупщиковъ царской дани, между коими бывали иногда и жиды, обитатели Крыма или Тавриды.

Къ сему общему государственному злу присоединялись тогда весьма частыя естественныя бѣдствія. Лѣтописцы сказываютъ, что въ 1309 году явилось вездѣ чудесное множество мышей, которыя съѣли хлѣбъ на поляхъ, рожь, овесъ, пшеницу: отчего въ цѣлой Россіи произошли голодъ, моръ на людей и скотъ. Въ 1314 году Новгородъ терпѣлъ великій недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ; а народъ псковскій, угнетаемый дороговизною, грабилъ дома и села богатыхъ людей, такъ что правительство долженствовало употребить весьма строгія мѣры для возстановленія тишины и казнить пятьдесятъ главныхъ мятежниковъ. Зобница ржи стоила тамъ 5 гривенъ. Въ 1318 году свирѣпствовала въ Твери какая-то жестокая смертоносная болѣзнь.



ГЛАВА VIII.

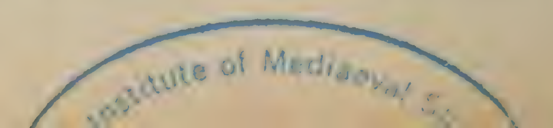
Великіе князья Георгій Даніиловичъ, Димитрій и Александръ Михайловичи.

(Одинъ послѣ другого.)

Г. 1319—1328.

Горесть тверитянъ. —Рубли. —Война съ шведами.—Дѣла съ нѣмцами ливонскими. Миръ съ шведами въ Орѣховѣ.—Князья Устюжскіе. —Убіеніе Георгія и Димитрія.—Истребленіе моголовъ въ Твери. Мщеніе ханское.— Казнь Рязанскаго князя. —Литовцы завоеватели.—Сомнительное повѣствованіе Стриковскаго. —Судьба южной и западной Россіи.— Послѣдній князь Галицкій. —Характеръ Гедимина.

Утвержденный ханомъ на великомъ княженіи и взявъ съ собою юнаго Константина Михайловича и бояръ тверскихъ въ видѣ плѣнниковъ, Георгій пріѣхалъ господствовать въ Владиміръ, а брата своего Аѳанасія послалъ намѣстникомъ въ Новгородъ. Услышавъ о томъ, нѣжная супруга Михаилова, сыновья, епископъ и вельможи изумились: они еще не знали происшедшаго въ ордѣ, но, угадывая свое несчастіе, велѣли гонцамъ спѣшить въ Москву, чтобы развѣдать тамъ о судьбѣ великаго князя. Гонцы возвратились съ подробнымъ извѣстіемъ о всѣхъ ужасныхъ обстоятельствахъ Михаиловой кончины. Горесть была общая: церковь и народъ дѣлили оную съ княжескимъ семействомъ. Чрезъ нѣсколько дней, посвященныхъ слезамъ и молитвѣ, Димитрій, какъ старшій сынъ, наслѣдовавъ власть родителя, отправилъ посольство въ Владиміръ. Меньшій братъ его, Александръ, и бояре тверскіе предстали Георгію въ одеждѣ печальной; не хотѣли укорять его: молили только отдать имъ драгоцѣнные останки князя, равно любезнаго супругѣ, дѣтямъ и народу. Георгій согласился съ условіемъ, чтобы они прислали ему на обмѣнъ тѣло жены его, Кончаки, сестры Узбековой. Вдовствующая великая княгиня Анна и Димитрій Михайловичъ съ братьями выѣхали по Волгѣ на ладіяхъ навстрѣчу ко гробу Михаилову: епископъ, духовенство, граждане ожидали его на берегу. Зрѣлище было умилительно. Народъ вопилъ, стремился къ тѣлу и громогласно звалъ Михаила, какъ бы надѣясь воскресить его. Знаменитые чиновники несли медленно раку и поставили передъ монастыремъ Архангельскимъ, гдѣ безчисленное множество людей тѣснилось лобызать оную. Снявъ крышку, съ несказанною радостію увидѣли цѣлость мощей, не поврежденныхъ ни дальнимъ путемъ отъ береговъ моря Каспійскаго, ни пятимѣсячнымъ лежаніемъ въ могилѣ. Народъ благословилъ небо за сіе чудо, и погребеніе казалось ему уже



не печальнымъ обрядомъ, но торжествомъ Михаиловой святости. —Чувствительная, набожная княгиня Анна отказалась отъ міра и кончила дни свои монахинею; а Димитрій и Александръ, отеревъ слезы, думали только о мести.

Георгій ходилъ между тѣмъ съ войскомъ къ Рязани, заставивъ тамошняго князя Іоанна Ярославича согласиться на всѣ его предложенія, готовился къ нападенію на Тверскую область, увѣ-



ГЕОРГІЙ III. ДАНИЛОВИЧЪ.
Вел. Кн. Россійскій

ренный въ справедливой ненависти къ нему сыновей Михаиловыхъ. Димитрій не боялся войны; но хотѣлъ прежде освободить брата своего Константина и бояръ Михаиловыхъ, бывшихъ аманатами въ Владимірѣ: послалъ тверского епископа Варсонофія въ Переславль и заключилъ миръ, давъ Георгію 2,000 рублей и слово не спорить съ нимъ о великомъ княженіи. (Замѣтимъ, что здѣсь въ первый разъ упоминается о рубляхъ: они были ни что иное, какъ отрубки серебра, безъ всякаго знака или клейма, вѣсомъ около двадцати двухъ золотниковъ.) Обманутый коварнымъ

миромъ, Георгій успокоился и поѣхалъ въ Новгородъ, коего чиновники звали его предводительствовать войскомъ, ибо шведы старались овладѣть Кореліею и Кексгольмомъ. Георгій приступилъ къ Выборгу и хотя имѣлъ съ собою шесть большихъ стѣнобитныхъ орудій, но осаждалъ сію крѣпость безъ успѣха отъ 12 августа до 9 сентября. Злобясь на шведовъ, россіяне вѣшали плѣнниковъ.

По возвращеніи въ Новгородъ Георгій оплакалъ кончину вѣрнаго брата Аѳанасія и свѣдалъ, что князь Іоаннъ Даніиловичъ, бывъ въ ордѣ, пріѣхалъ оттуда съ посломъ Узбековымъ Ахмыломъ, который, объявивъ намѣреніе учредить благоустройство въ областяхъ великаго княженія, лилъ кровь людей, взялъ Ярославль какъ непріятельскій городъ и съ торжествомъ отправился назадъ къ хану дать ему отчетъ въ своемъ успѣшномъ посольствѣ. Вторая вѣсть была для Георгія еще горестнѣе: Димитрій Михайловичъ нарушилъ данное ему слово, выходилъ для себя въ ордѣ достоинство великаго, и царь Узбекъ прислалъ съ грамотою вельможу Савенчъ-Буга возвести его на престолъ владимірскій. Тщетно Георгій молилъ новгородцевъ идти вмѣстѣ съ нимъ ко Владиміру: онъ долженъ былъ ѣхать туда одинъ и на пути едва не попался въ руки къ Александу Михайловичу Тверскому, отнявшему у него обозъ и казну. Георгій бѣжалъ во Псковъ, гдѣ чиновники и народъ, помня завѣщаніе Александра Невскаго, приняли его ласково, но не могли дать ему войска, готовясь дѣйствовать всѣми силами противъ нѣмцевъ. Эстонскіе рыцари, несмотря на миръ, убивали тогда купцовъ и звѣролововъ псковскихъ на Чудскомъ озерѣ и на берегахъ Наровы. Озабоченный собственною опасностію, великій князь уѣхалъ въ Новгородъ; а псковитяне разорили Эстонію до самаго Ревеля, взявъ нѣсколько тысячъ плѣнниковъ и не пощадивъ святыни церквей. Предводителемъ ихъ былъ князь литовскій Давидъ, славный въ исторіи нѣмецкаго ордена подъ именемъ Кастеллана Гарденскаго. Заслуживъ благодарность псковитянъ, онъ возвратился въ Литву и скоро имѣлъ случай оказать имъ еще важнѣйшую услугу. Нѣмцы собрали весною многочисленное войско, осадили Псковъ, придвинули стѣнобитныя орудія, и въ 18 дней разрушивъ большую часть укрѣпленій, уже готовили лѣстницы для приступа. Хотя намѣстникъ изборгскій Евстафій (родомъ князь), нечаянно ударивъ на обозы нѣмецкіе за рѣкою Великою, освободилъ бывшихъ тамъ россійскихъ плѣнниковъ, однакожъ граждане находились въ крайности и посылали гонца за гонцомъ въ Новгородъ, требуя помощи. Въ сіе время приспѣлъ мужественный Давидъ Литовскій, соединилъ дружину свою съ полками осажденныхъ, разбилъ нѣмцевъ на-голову, взялъ въ добычу станъ ихъ и всѣ снаряды. Слѣд-

ствіемъ побѣды былъ выгодный для псковитянъ осьмнадцатилѣтній миръ съ орденомъ.

Свѣдавъ, что Димитрій Михайловичъ, сверхъ покровительства Узбекова, имѣетъ сильное войско въ великомъ княженіи и что народъ, любивъ отца его, изъявляетъ усердіе и къ сыну, Георгій рѣшился на нѣкоторое время остаться въ Новѣгородѣ: ибо могъ отсутствіемъ утратить и сей важный престолъ. Новогородцы ходили съ нимъ къ берегамъ Невы, и тамъ, гдѣ она вытекаетъ изъ Лодожскаго озера, на острову Орѣховомъ, заложили крѣпость Орѣховскую или нынѣшній Шлиссельбургъ, чтобы шведы не могли свободно входить въ сіе озеро. Услышавъ о томъ и желая прекратить войну, столь часто бѣдственную для шведской Кореліи и Финляндіи, юный король Магнусъ прислалъ вельможъ въ станъ Георгіевъ съ дружелюбнымъ предложеніемъ, соотвѣтственнымъ обоюдной пользѣ. Оно было принято. Россіяне, заключивъ договоръ съ послами, въ своей новой крѣпости торжествовали миръ, коего главное условіе состояло въ возстановленіи древнихъ предѣловъ между обѣими державами въ Кореліи и въ Финляндіи.

Новогородцы дожны были въ сіе время управиться съ устюжанами, грабившими ихъ купцовъ на пути въ югорскую землю, и съ литовцами, которые злодѣйствовали въ окрестностяхъ Ловати. Разбивъ послѣднихъ, они взяли Устюгъ; но, довольные сдѣланнымъ тамъ опустошеніемъ, на берегахъ Двины заключили миръ съ князьями Устюжскими, намѣстниками Ростовскаго. Тогда Георгій, заслуживъ искреннюю признательность новогородцевъ и обнадеженный въ ихъ вѣрности, дружески простился съ ними; онъ поѣхалъ къ хану, чтобы вторично снискать его милость, низвергнуть Димитрія и вновь утвердить за собою великое княженіе. Сіе путешествіе достойно замѣчанія тѣмъ, что Георгій ѣхалъ отъ береговъ Двины чрезъ область Пермскую; сѣлъ тамъ на ладію и рѣкою Камою плылъ до нынѣшней Казанской губерніи.

Въ слѣдующій годъ отправился къ хану и Димитрій. Тамъ они увидѣли другъ друга, и нѣжный сынъ, живо представивъ себѣ окровавленную тѣнь Михаилову,—затрепетавъ отъ ужаса, отъ гнѣва,—вонзилъ мечъ въ убійцу. Георгій испустилъ духъ, а Димитрій, совершивъ месть, по его чувству справедливую и законную, спокойно ожидалъ слѣдствій... Такъ одно злодѣяніе рождаетъ въ мірѣ другое, и виновникъ перваго отвѣтствуетъ за оба, по крайней мѣрѣ въ судилищѣ Вышняго! Тѣло Георгіево привезли въ Москву, гдѣ княжилъ братъ его, Іоаннъ Даніиловичъ, и погребли въ церкви Архангела Михаила. Митрополитъ Петръ съ четырьмя епископами совершилъ сей обрядъ печальный. Князь Іоаннъ и самый народъ проливалъ искреннія слезы, умиленный

столь бѣдственною кончиною государя, хотя и не добродѣтельнаго, однакожъ знаменитаго умомъ и славными предками. Новогородцы сожалѣли о немъ: тверитяне хвалили дѣло своего князя, съ безпокойствомъ ожидая суда Узбекова.

Ханъ долго молчалъ. Друзья князя Московскаго безъ сомнѣнія представляли ему, что убійство столь наглое, совершенное предъ его глазами, требуетъ наказанія, или будетъ пятномъ для чести царской, знакомъ слабости и поводомъ къ новымъ опаснымъ своевольствамъ князей россійскихъ; что ханъ, сверхъ того, долженъ вступиться за Георгія, какъ за своего князя. Прошло десять мѣсяцевъ. Братъ Дмитріевъ, Александръ, спокойно возвратился изъ орды съ ханскими пошлинниками, надѣясь, что дѣло уже кончилось, и что Узбекъ не думаетъ о мести. Но вдругъ вышло грозное повелѣніе, и несчастнаго Димитрія убили въ ордѣ (вмѣстѣ съ княземъ Новосильскимъ, потомкомъ Михаила Черниговскаго, обвиненнымъ также въ какомъ-то преступленіи). Сія вѣсть, равнодушно принятая въ Москвѣ и Новѣгородѣ, огорчила добрыхъ тверитянъ, усердныхъ къ государямъ и видѣвшихъ въ юномъ своемъ князѣ славную жертву любви сыновней. Димитрій Михайловичъ, прозваніемъ Грозныя Очи, смѣлый, пылкій, имѣлъ только 27 лѣтъ отъ рожденія; женатый на дочери князя литовскаго, Гедимина, онъ не оставилъ дѣтей.

Несмотря на казнь Димитріеву, Узбекъ въ знакъ милости призналъ его брата великимъ княземъ россійскимъ: по крайней мѣрѣ такъ названъ Александръ Михайловичъ въ договорной грамотѣ, коею новогородцы, не имѣя тогда главы и терпя отъ внутреннихъ неустройствъ, обязались ему повиноваться какъ законному своему властителю. Сія грамота, писанная въ 1327 году, есть повтореніе Ярославовыхъ и Михаиловыхъ, съ прибавленіемъ, что новогородцы уступаютъ Александру села, имъ самимъ или боярами его купленныя, если княжескіе дворяне, господствуя въ оныхъ, не будутъ вмѣшиваться въ судныя дѣла иныхъ волостей и принимать вольныхъ жителей на свою землю. Но милость Узбекова и вѣрность новогородцевъ скоро измѣнились.

Въ концѣ лѣта явился въ Твери ханскій посолъ, Шевкалъ, сынъ Дюденевъ и двоюродный братъ Узбека, съ многочисленными толпами грабителей. Бѣдный народъ, уже привыкнувъ терпѣть насилія татарскія, искалъ облегченія въ однѣхъ безполезныхъ жалобахъ; но содрогнулся отъ ужаса, слыша, что Шевкалъ, ревностный чтитель Алкорана, намѣренъ обратить россіянъ въ магометанскую вѣру, убить князя Александра съ братьями, сѣсть на его престолъ и всѣ города наши раздать своимъ вельможамъ. Говорили, что онъ воспользуется праздникомъ Успенія, къ коему собралось въ Тверь множество усердныхъ христіанъ, и что мо-

голы умертвятъ ихъ всѣхъ до единаго. Сей слухъ могъ быть неоснователенъ: ибо Шевкалъ не имѣлъ достаточнаго войска для произведенія въ дѣйство намѣренія столь важнаго и столь несогласнаго съ политикою хановъ, хотѣвшихъ всегда быть покровителями духовенства и церкви въ набожной Россіи. Но люди угнетенные обыкновенно считаютъ своихъ тирановъ способными ко всякому злодѣйству; самая грубая клевета кажется имъ дока-



ДИМИТРІЙ II. МИХАЙЛОВИЧЪ.
Вел. Кн. Россійскій.

занною истиною. Бояре, воины, граждане, готовые на все для спасенія вѣры и православныхъ государей, окружили князя юнаго и легкомысленнаго. Забывъ примѣръ отца, великодушно умершаго для спокойствія подданныхъ, Александръ съ жаромъ представлялъ тверитянамъ, что жизнь его въ опасности; что моголы, убивъ Михаила и Димитрія, хотятъ истребить и весь родъ княжескій; что время справедливой мести настало; что не онъ, а Шевкалъ замыслилъ кровопролитіе, и что Богъ есть надежда

правыхъ. Граждане усердные, пылкіе, единодушно требовали оружія: князь на разсвѣтѣ, 15 августа, повелъ ихъ ко дворцу Михаилову, гдѣ жилъ братъ Узбековъ. Общее волненіе, шумъ и стукъ оружія пробудили татаръ: они успѣли собраться къ своему начальнику и выступили на площадь. Тверитяне устремились на нихъ съ воплемъ. Сѣча была ужасна. Отъ восхода солнечнаго до темнаго вечера рѣзались на улицахъ съ остервененіемъ необычайнымъ. Уступивъ превосходству силъ, моголы заключились во дворцѣ: Александръ обратилъ его въ пепелъ, и Шевкалъ сгорѣлъ тамъ съ остаткомъ ханской дружины. Къ свѣту не было уже ни одного татарина живого. Граждане умертвили и купцовъ ордынскихъ.

Сіе дѣло, внушенное отчаяніемъ, изумило орду. Моголы думали, что вся Россія готова возстать и сокрушить свои цѣпи; но Россія только трепетала, боясь, чтобы мщеніе хана, заслуженное тверитянами, не коснулось и другихъ ея предѣловъ. Узбекъ, пылая гнѣвомъ, клялся истребить гнѣздо мятежниковъ; однакожъ, дѣйствуя осторожно, призвалъ Іоанна Даніиловича Московскаго, обѣщалъ сдѣлать его великимъ княземъ, и давъ ему въ помощь 50,000 воиновъ, предводимыхъ пятью ханскими темниками, велѣлъ идти на Александра, чтобы казнить россіянъ россіянами. Къ сему многочисленному войску присоединились еще суздальцы, съ владѣтелемъ своимъ Александромъ Васильевичемъ, внукомъ Андрея Ярославича. Тогда князь Тверскій могъ умереть великодушно или въ славной битвѣ, или предавъ себя одного въ руки моголовъ, чтобы спасти подданныхъ; но сынъ Михаиловъ не имѣлъ добродѣтели отца. Видя грозу, онъ пекся единственно о собственной безопасности и думалъ искать убѣжища въ Новѣгородѣ. Туда ѣхали уже намѣстники московскіе: граждане не хотѣли о немъ слышать. Между тѣмъ Іоаннъ и князь Суздальскій, вѣрные слуги Узбековой мести, приближались къ Твери, несмотря на глубокіе снѣга и морозы жестокой зимы. Малодушный Александръ, оставивъ свой добрый, несчастный народъ, ушелъ во Псковъ, а братья его, Константинъ и Василій, въ Ладогу. Началось бѣдствіе. Тверь, Кашинъ, Торжекъ были взяты, опустошены со всѣми пригородами; жители истреблены огнемъ и мечомъ, другіе отведены въ неволю. Самые новогородцы едва спаслися отъ хищности моголовъ, давъ ихъ посламъ 1,000 рублей и щедро одаривъ всѣхъ воеводъ Узбековыхъ.

Ханъ съ нетерпѣніемъ ожидалъ вѣсти изъ Россіи: получивъ оную, изъявилъ удовольствіе. Дымящіяся развалины тверскихъ городовъ и селеній казались ему славнымъ памятникомъ царскаго гнѣва, достаточнымъ для обузданія строптивыхъ рабовъ. Въ то же время казнивъ рязанскаго владѣтеля, Іоанна Ярославича, онъ посадилъ

его сына, Іоанна Коротопола, на сей кровію отца обагренный престолъ и, будучи доволенъ вѣрностію князя Московскаго, далъ ему самую милостивую грамоту на великое княженіе, пріобрѣтенное бѣдствіемъ столь многихъ россіянъ.

Описавъ слѣдствія Георгіевской кончины, обратимъ вниманіе читателя на южныя области Россіи. Бывъ нѣкогда лучшимъ ея достояніемъ, съ половины XIII вѣка онѣ сдѣлались какъ бы чужды для нашего сѣвернаго отечества, коего жители брали столь мало участія въ судьбѣ кіевлянъ, волынянъ, галичанъ, что лѣтописцы суздальскіе и новогородскіе не говорятъ о ней почти ни слова; а волынскій не доходитъ до временъ наиболѣе любопытныхъ важностію происшествій, когда народъ бѣдный, дикій, плативъ нѣсколько вѣковъ дань Россіи и болѣе ста лѣтъ умѣвъ только грабить, свѣдалъ отъ насъ и нѣмцевъ дѣйствія военнаго и гражданскаго искусства, въ ополченіи выступилъ изъ темныхъ лѣсовъ на театръ міра и быстрыми завоеваніями основалъ державу именитую. Говоримъ о Литвѣ, уже сильной при Миндовьгѣ и Тройденѣ, но еще гораздо сильнѣйшей при Гедиминѣ. Сей человѣкъ, разума и мужества необыкновеннаго, былъ конюшимъ литовскаго князя Витена или, вѣроятно, Буйвида: злодѣйски умертвивъ государя своего, онъ присвоилъ себѣ господство надъ всею землею литовскою. Нѣмцы, россіяне, ляхи скоро увидѣли его властолюбіе: Гедиминъ искалъ уже не добычи, но завоеваній,—и древнее Пинское княженіе, гдѣ долго властвовали потомки Святополка-Михаила, было силою оружія присоединено къ Литвѣ. Союзы брачные служили ему также способомъ пріобрѣтать земли. Выдавая дочерей за князей россійскихъ съ однимъ благословеніемъ, онъ требовалъ богатаго вѣна отъ сватовъ: дозволилъ сыновьямъ, Ольгерду и Любарту, креститься; женилъ перваго на княжнѣ витебской, а второго—на владимірской: Ольгердъ наслѣдовалъ по смерти тестя всю его землю; а Любартъ получилъ удѣлъ на Волыни. Юрій Львовичъ Галицкій и Волынскій скончался около 1316 года: ибо въ сіе время уже господствовали тамъ Андрей и Левъ, вѣроятно сыновья его, коихъ имена извѣстны намъ единственно по ихъ сношеніямъ съ нѣмецкимъ орденомъ и которые въ грамотахъ своихъ назывались князьями всей русской земли, галицкой и владимірской. Одинъ изъ сихъ князей, какъ надобно думать, былъ и тестемъ Любартовымъ: историкъ же литовскій именуетъ его Владиміромъ, разсказывая слѣдующія обстоятельства: „Опасаясь властолюбивыхъ замысловъ Гедимина, князья россійскіе, Владиміръ и Левъ, хотѣли предупредить ихъ, и въ то время, какъ онъ воевалъ съ нѣмцами, напали на Литву. Владиміръ опустошилъ берега Виліи: Левъ взялъ Брестъ и Дрогичинъ, бывшіе тогда уже во власти Гедиминовой. Сей мужественный

витязь, въ 1319 году побѣдою окончивъ войну съ орденомъ, немедленно устремился на Владиміръ (гдѣ княжилъ тесть Любартовъ). Подъ стѣнами онаго началася битва, въ коей татары стояли за россійскаго князя противъ россіянъ: ибо Гедиминъ имѣлъ полачанъ въ своемъ войскѣ, а князь Владимірскій наемную ханскую конницу. Густыя толпы литовцевъ рѣдѣли, осыпаемыя стрѣлами татарскими; но Гедиминъ, поставивъ въ ряды пѣхоту, вооруженную пращами и копьями, обратилъ моголовъ въ бѣгство. Россіяне замѣшались. Тщетно жены и старцы, зрители битвы, съ городскихъ стѣнъ кричали имъ, что она рѣшитъ судьбу отечества; князь Владиміръ, оказавъ мужество, достойное героя, палъ въ сраженіи, и войско, лишенное бодрости, разсѣялось, городъ сдался. Гедиминъ, поручивъ его своимъ намѣстникамъ, спѣшилъ къ Луцку, откуда Левъ, устрашенный несчастіемъ Владиміра, бѣжалъ къ Брянскому князю Роману, своему зятю: граждане не оборонялись, и побѣдитель, изъявляя благоразумную кротость, увѣрилъ всѣхъ россіянъ въ безопасности и защитѣ. Утружденное войско его отдыхало цѣлую зиму. Наградивъ щедро полководцевъ, онъ жилъ въ Брестѣ и готовился къ дальнѣйшимъ подвигамъ.

„Какъ скоро весна наступила и земля покрылась травою, Гедиминъ съ новою бодростію выступилъ въ поле, взялъ Овручъ, Житомиръ, города кіевскіе и шелъ къ Днѣпру. Въ Кіевѣ властвовалъ Станиславъ, одинъ изъ потомковъ св. Владиміра: онъ имѣлъ время призвать моголовъ, соединился съ Олегомъ Переяславскимъ, съ изгнаннымъ княземъ Луцкимъ Львомъ, съ Романомъ Брянскимъ; верстахъ въ 25 отъ столицы, на берегу Ирпени, встрѣтилъ непріятеля и долго спорилъ о побѣдѣ; но отборная дружина литовская, ударивъ сбоку на россіянъ, смяла ихъ. Олегъ положилъ голову на мѣстѣ битвы; Левъ также. Станиславъ и Романъ ушли въ Рязань; а Гедиминъ, отдавъ всю добычу воинамъ, осадилъ Кіевъ. Еще жители не теряли надежды и мужественно отразили нѣсколько приступовъ; наконецъ, не видя помощи ни отъ князя Станислава, ни отъ татаръ и зная, что Гедиминъ щадитъ побѣжденныхъ, отворили ворота. Духовенство вышло со крестами, вмѣстѣ съ народомъ присягнуло быть вѣрнымъ государю Литовскому, который, избавивъ Кіевъ отъ ига моголовъ, оставилъ тамъ намѣстникомъ племянника своего Миндова, князя Голшанскаго, вѣрою христіанина, и скоро завоевалъ всю южную Россію до Путивля и Брянска“.

Сіе повѣствованіе историка, не весьма основательнаго, едва ли утверждено на какихъ-нибудь современныхъ или достовѣрныхъ свидѣтельствахъ. Оно тѣмъ сомнительнѣе, что баскаки ханскіе, какъ видно изъ нашихъ лѣтописей, до самаго 1331 года находились въ Кіевѣ, гдѣ господствовалъ тогда не Миндовъ, а князь

Россійскій. Не зная, когда именно литовцы овладѣли странами Днѣпровскими, знаемъ только, что Кіевъ при Димитріи Донскомъ уже былъ въ ихъ власти (безъ сомнѣнія Черниговская область). Такимъ образомъ наше отечество утратило, и надолго, свою древнюю столицу, мѣста славныхъ воспоминаній, гдѣ оно росло въ величіи подъ щитомъ Олеговымъ, свѣдало Бога истиннаго посредствомъ св. Владиміра, пріяло законы отъ Ярослава великаго и художества отъ грековъ!.. Что касается до княженія Владиміро-Волынскаго, то оно, въ противность ложному сказанію литовскаго историка, вмѣстѣ съ Галиціею еще нѣсколько лѣтъ хранило свою независимость и силу. Владѣтели его, Андрей и Левъ, преставились около 1324 года. О нихъ-то король польскій, Владиславъ Локетекъ, говоритъ въ письмѣ къ папѣ Іоанну XXII: „Извѣщаю Ваше Святѣйшество о кончинѣ двухъ послѣднихъ князей россійскихъ, бывшихъ для насъ твердою защитою отъ свирѣпости татаръ. Сіи жестокіе враги христіанства безъ сомнѣнія пожелаютъ нынѣ овладѣть Россіею, смежною съ нашими землями, и мы будемъ въ величайшей опасности“. Но Андрей и Левъ оставили малолѣтняго наслѣдника, именемъ Георгія, праправнука Даніилова. Въ дружескихъ Латинскихъ грамотахъ къ великимъ магистрамъ ордена Нѣмецкаго, скрѣпленныхъ печатями епископа, княжескаго пѣстуна и воеводъ бельзскаго, перемышльскаго, львовскаго, луцкаго, онъ писался природнымъ княземъ и государемъ всей Малой Россіи, обязываясь предохранять землю рыцарей отъ набѣга моголовъ; употреблялъ печать Юрія Львовича, своего дѣда, и жилъ то во Владимірѣ, то во Львовѣ. Бояре, въ малолѣтство его, управляя княжествомъ, не дерзнули остановить гибельныхъ для южной Россіи успѣховъ литовскаго оружія, довольные тѣмъ, что Гедиминъ не отнималъ собственныхъ областей у Георгія (Любартова шурина, какъ вѣроятно) и надѣясь, можетъ быть, что сей честолюбивый завоеватель, расширяя свои владѣнія къ Востоку и сближаясь съ татарскими, обратитъ на себя грозную силу хана, или погибнетъ, или счастливымъ противоборствомъ ослабитъ ее; то и другое слѣдствіе могло казаться благопріятнымъ для нашего отечества.

Но хитрый Гедиминъ умѣлъ снискать дружбу моголовъ; по крайней мѣрѣ никогда не воевалъ съ ними и не платилъ имъ дани. Властвуя надъ литвою и завоеванною частію Россіи, онъ именовалъ себя великимъ княземъ Литовскимъ и Россійскимъ; жилъ въ Вильнѣ, имъ основанной; правилъ новыми подданными благоразумно, уважая ихъ древнія гражданскія обыкновенія, покровительствуя вѣру греческую и не мѣшая народу зависѣть въ церковныхъ дѣлахъ отъ митрополита московскаго; украшалъ новую столицу свою, ловилъ звѣрей въ дремучихъ лѣсахъ и, же-

лая прекратить всегдашнюю, кровопролитную и безполезную войну съ Нѣмецкимъ орденомъ, писалъ къ папѣ Іоанну: „Одолѣвая христіанъ въ битвахъ, я не хочу истреблять вѣры ихъ, а только защищаюсь отъ враговъ, подобно всѣмъ другимъ государямъ. Монахи доминиканскіе и францисканскіе окружаютъ меня: даю имъ волю учить и крестить людей въ моемъ государствѣ; самъ вѣрую святой Троицѣ, желая повиноваться тебѣ, главѣ церкви



АЛЕКСАНДРЪ II. МИХАЙЛОВИЧЪ.
Вел. Кн. Российский

и пастырю царей: ручаюсь и за моихъ вельможъ, только усмири злобу нѣмцевъ", и проч. Іоаннъ, обрадованный столь благословеннымъ извѣстіемъ, отправилъ въ Литву епископа алетскаго Варѳоломея и Бернарда, игумена Пюйскаго; но Гедиминъ, вновь раздраженный непріятельскими дѣйствіями и вѣроломствомъ Прусскаго ордена, вдругъ перемѣнилъ мысли, встрѣтилъ пословъ Іоанновыхъ весьма немилостиво, и сказалъ имъ: „Я не знаю вашего папы и знать не желаю. Исповѣдую вѣру моихъ предковъ и

не измѣню ей до гроба“. Потупивъ глаза въ землю, они должны были удалиться; и съ того времени Гедиминъ слылъ въ Европѣ коварнымъ обманщикомъ. Впрочемъ исторія отдаетъ справедливость многимъ его достохвальнымъ дѣламъ и качествамъ. Онъ старался образовать народъ свой; дозволялъ Ганзейскимъ купцамъ торговать въ Литвѣ безъ всякой пошлины; призвалъ людей ремесленныхъ, серебрениковъ, каменщиковъ, механиковъ; на десять лѣтъ освобождалъ всѣхъ новыхъ поселенцевъ отъ дани, ручаясь имъ за безопасность личную и цѣлость собственности, которую они пріобрѣтутъ своимъ трудолюбіемъ; давалъ имъ гражданское право Риги и всевозможныя выгоды; построилъ для христіанъ церкви въ Вильнѣ и Новогородкѣ и, не терпя монаховъ, подъ видомъ набожности скрывающихъ злое корыстолюбіе и сердце развратное, любилъ иноковъ добродѣтельныхъ, не мѣшая имъ распространять вѣру Іисусову; любилъ хвалиться вѣрностію своихъ обѣщаній и ставилъ себя христіанамъ въ примѣръ честности. Сіи обстоятельства извѣстны намъ по грамотѣ, данной имъ въ 1323 году любекскимъ, ростовскимъ, штетинскимъ и другимъ нѣмцамъ, за его княжескою печатію.

Нѣтъ сомнѣнія, что древняя область Кривская или нынѣшняя Бѣлоруссія уже совершенно зависѣла отъ Гедимина; но, держась правилъ умѣренности въ своемъ властолюбіи, онъ не хотѣлъ изгнать тамошнихъ князей и, довольствуясь ихъ покорностію, оставлялъ имъ удѣлы наслѣдственные. Такъ (въ 1326 году) съ братомъ его пріѣзжали изъ Литвы въ Новгородъ для заключенія мира князь Полоцкій Василій и Минскій Ѳеодоръ Святославичъ, вѣроятно потомки св. Владиміра отъ племени Рогнѣдина сына Изяслава.

ГЛАВА IX.

Великій князь Іоаннъ Даніиловичъ, прозваніемъ Калита.

Г. 1328—1340.

Сѣверная Россія отдыхаетъ. Москва глава Россіи.—Предсказаніе митрополита.—Милость хана къ Іоанну.—Великодушіе псковитянъ. Особенный епископъ во Псковѣ.—Происшествія новогородскія.—Заказное серебро.—Политика Новагорода. Ханъ прощаетъ Александра.—Іоаннъ повелѣваетъ князьями.—Несчастіе Александра.—Миръ съ Норвегіею.—Непріязнь шведовъ.—Разбои литовскіе.—Ссора Іоаннова съ Новымгородомъ.—Походъ къ Смоленску.—Кончина и достоинства Іоанновы.—Прозваніе Калиты.—Кремникъ.—Торгъ на Мологѣ.—Завѣщаніе великаго князя.—Ярославская грамота.—Судьба Галича.

Лѣтописцы говорятъ, что съ восшествіемъ Іоанна на престолъ великаго княженія миръ и тишина воцарились въ сѣверной Рос-

сіи; что моголы перестали наконецъ опустошать ея страны и кровію бѣдныхъ жителей орошать пепелища; что христіане на сорокъ лѣтъ опочили отъ истомы и насилій долговременныхъ—то есть, Узбекъ и преемники его, довольствуясь обыкновенною данію, уже не посылали воеводъ своихъ грабить великое княженіе, занятые дѣлами Востока и внутренними безпокойствами орды, или устрашаемые примѣромъ Твери, гдѣ Шевкалъ былъ жертвою ожесточеннаго народа. Отечество наше сѣтовало въ уничиженіи: головы князей все еще падали въ ордѣ по единому мановенію хановъ: но земледѣльцы могли спокойно трудиться на поляхъ, купцы ѣздить изъ города въ городъ съ товарами, бояре наслаждаться избыткомъ; кони татарскіе уже не топтали младенцевъ, дѣвы хранили невинность, старцы не умирали на снѣгу. Первое добро государственное есть безопасность и покой; честь драгоцѣнна для народовъ благоденствующихъ: угнетенные желаютъ только облегченія, и славятъ Бога за оное. Сія дѣйствительно благословенная по тогдашнимъ обстоятельствамъ перемѣна ознаменовала возвышеніе Москвы, которая со временъ Іоанновыхъ сдѣлалась истинною главою Россіи. Мы видѣли, что и прежніе великіе князья любили свои удѣльные или наслѣдственные города болѣе Владиміра, совершая въ немъ только обрядъ восшествія на главный престолъ россійскій: Димитрій Александровичъ жилъ въ Переславлѣ-Залѣсскомъ, Михаилъ Ярославичъ въ Твери; слѣдуя той же естественной привязанности къ родинѣ, Іоаннъ Даніиловичъ не хотѣлъ выѣхать изъ Москвы, гдѣ находилась уже и каѳедра митрополіи, ибо святый Петръ, имѣвъ нѣсколько разъ случай быть въ семъ городѣ, полюбилъ его красивое мѣстоположеніе и добраго князя, оставилъ знаменитую столицу Андрея Боголюбскаго, правимую тогда уже одними намѣстниками княжескими, и переселился къ Іоанну. „Если ты,—говорилъ онъ князю въ духѣ пророчества, какъ пишетъ митрополитъ Кипріанъ въ житіи св. Петра,—если ты успокоишь мою старость и воздвигнешь здѣсь храмъ, достойный Богоматери, то будешь славнѣе всѣхъ иныхъ князей и родъ твой возвеличится; кости мои останутся въ семъ градѣ; святители захотятъ обитать въ ономъ, и руки его взыдутъ на плеща враговъ нашихъ". Іоаннъ исполнилъ желаніе старца и, въ 1326 году, 4 августа, заложилъ въ Москвѣ на площади первую церковь каменную во имя Успенія Богоматери, при великомъ стеченіи народа. Святый митрополитъ, собственными руками построивъ себѣ каменный гробъ въ ея стѣнѣ, зимою преставился; надъ прахомъ его въ слѣдующемъ году освятилъ сію церковь епископъ ростовскій, и новый митрополитъ, именемъ Ѳеогностъ, родомъ грекъ, основалъ свою каѳедру также въ Москвѣ, къ неудовольствію другихъ князей: ибо они предвидѣли, что наслѣдники Іоанновы, имѣя у себя главу духовенства, захотятъ исклю-

чительно присвоить себѣ достоинство великокняжеское. Такъ и случилось, къ счастію Россіи. Въ то время, когда она достигла высшей степени бѣдствія, видя лучшія свои области отторженныя Литвою, всѣ другія истерзанныя моголами,—въ то самое время началось ея государственное возрожденіе, и въ городкѣ, дотолѣ маловажномъ, созрѣла мысль благодѣтельнаго единодержавія, открылась мужественная воля прервать цѣпи ханскія, изготовились средства независимости и величія государственнаго. Новгородъ знаменитъ бывшею въ немъ колыбелію монархіи, Кіевъ купелію христіанства для россіянъ; но въ Москвѣ спаслися отечество и вѣра.—Сіе время великихъ подвиговъ и славныхъ усилій еще далеко: обратимся къ происшествіямъ.

Первымъ дѣломъ великаго князя было ѣхать въ орду вмѣстѣ съ меньшимъ братомъ Александра Тверского, Константиномъ Михайловичемъ, и съ чиновниками новогородскими. Узбекъ призналъ Константина Тверскимъ княземъ; изъявилъ милость Іоанну: но отпуская ихъ, требовалъ, чтобы они представили ему Александра. Вслѣдствіе того послы великаго князя и новогородскіе, архіепископъ Моисей и тысячскій Аврамъ, прибывъ во Псковъ, именемъ отечества убѣждали Александра явиться на судъ къ хану, и тѣмъ укротить его гнѣвъ, страшный для всѣхъ россіянъ. „И такъ, вмѣсто защиты—отвѣтствовалъ князь Тверскій,—я нахожу въ васъ гонителей! христіане помогаютъ невѣрнымъ, служатъ имъ и предаютъ своихъ братьевъ! Жизнь суетная и горестная не прельщаетъ меня: я готовъ жертвовать собою для общаго спокойствія.“ Но добрые псковитяне, умиленные его несчастнымъ состояніемъ, сказали ему единодушно: „Останься съ нами: клянемся, что тебя не выдадимъ; по крайней мѣрѣ умремъ съ тобою.“ Они велѣли посламъ удалиться и вооружились. Такъ народъ дѣйствуетъ иногда по внушенію чувствительности, забывая свою пользу, и стремится на опасность, плѣненный славою великодушія. Чѣмъ рѣже бываютъ сіи случаи, тѣмъ они достопамятнѣе въ лѣтописяхъ. Раздѣляя съ Новымгородомъ выгоды нѣмецкой торговли, псковитяне славились въ сіе время и богатствомъ, и воинственнымъ духомъ. Подъ защитою высокихъ стѣнъ они готовились къ мужественной оборонѣ, и построили еще новую каменную крѣпость въ Изборскѣ, на горѣ Жеравѣ.

Іоаннъ, боясь казаться хану ослушникомъ или нерадивымъ исполнителемъ его воли, пріѣхалъ въ Новгородъ съ митрополитомъ и многими князьями россійскими, въ числѣ коихъ находились и братья Александровы, Константинъ и Василій, также князь Суздальскій Александръ Васильевичъ. Ни угрозы, ни воинскія приготовленія Іоанновы не могли поколебать твердости псковитянъ: въ надеждѣ, что они одумаются, великій князь шелъ медленно къ

ихъ границамъ, и чрезъ три недѣли расположился станомъ близъ Опоки; но видя, что надобно сражаться или уступить, прибѣгнулъ къ иному способу, необыкновенному въ древней Россіи: склонилъ митрополита наложить проклятіе на Александра и на всѣхъ жителей Пскова, если они не покорятся. Сія духовная казнь, соединенная съ отлученіемъ отъ церкви, устрашила народъ. Однакожъ граждане все еще не хотѣли предать несчастнаго сына Михаила. Самъ Александръ великодушно отказался отъ ихъ помощи. „Да не будетъ проклятія на моихъ друзьяхъ и братьяхъ ради меня!—сказалъ онъ имъ со слезами:—иду изъ вашего города, освобождая васъ отъ данной мнѣ клятвы“. Александръ уѣхалъ въ Литву, поручивъ имъ свою печальную юную супругу. Горесть была общая: ибо они искренно любили его. Посадникъ ихъ, именемъ Солога, объявилъ Іоанну, что изгнанникъ удалился. Великій князь былъ доволенъ, и митрополитъ, разрѣшивъ псковитянъ, далъ имъ благословеніе. Хотя Іоаннъ въ семъ случаѣ казался только невольнымъ орудіемъ ханскаго гнѣва, но добрые россіяне не хвалили его за то, что онъ въ угодность невѣрнымъ гналъ своего родственника и заставилъ Ѳеогноста возложить церковное проклятіе на усердныхъ христіанъ, коихъ вина состояла въ великодушіи.—Новогородцы также не охотно участвовали въ семъ походѣ и спѣшили домой, чтобы смирить нѣмцевъ и князей Устюжскихъ: первые убили въ Дерптѣ ихъ посла, а вторые купцовъ и промышленниковъ на пути въ землю югорскую. Лѣтописцы не говорятъ, какимъ образомъ новогородское правительство отмстило за то и другое оскорбленіе.

Страхъ, наведенный Іоанномъ на Псковъ, не имѣлъ желаемаго дѣйствія: ибо Александръ, принятый дружелюбно Гедиминомъ литовскимъ, обнадеженный имъ въ защитѣ и влекомый сердцемъ къ добрымъ псковитянамъ, чрезъ 18 мѣсяцевъ возвратился. Они приняли его съ радостію и назвали своимъ княземъ, то-есть отложились отъ Новагорода, и, выбравъ даже особеннаго для себя епископа, именемъ Арсенія, послали его ставиться къ митрополиту, бывшему тогда въ Волыніи. Александръ Михайловичъ и самъ Гединминъ убѣждали Ѳеогноста исполнить волю псковитянъ; однакожъ митрополитъ съ твердостію отказалъ имъ, и въ то же время—съ епископами полоцкимъ, владимірскимъ, галицкимъ, перемышльскимъ, холмскимъ—посвятилъ архіепископа Василія, избраннаго новогородцами, коего епархія, согласно съ древнимъ обыкновеніемъ, долженствовала заключать въ себѣ и Псковскую область. Гедиминъ стерпѣлъ сіе непослушаніе отъ митрополита, уважая въ немъ главу духовенства, но хотѣлъ перехватить архіепископа Василія и бояръ новогородскихъ на ихъ возвратномъ пути изъ Волыніи, такъ что они едва могли спастися, избравъ иную доро-

гу, и принуждены были откупиться отъ кіевскаго неизвѣстнаго намъ князя Ѳеодора, который гнался за ними до Чернигова съ татарскимъ баскакомъ.

Между тѣмъ какъ Іоаннъ, частыми путешествіями въ орду доказывая свою преданность хану, утверждалъ спокойствіе въ областяхъ великаго княженія, Новгородъ былъ въ непрестанномъ движеніи отъ внутреннихъ раздоровъ, или отъ внѣшнихъ непріятелей, или ссорясь и мирясь съ великимъ княземъ. Зная, что новогородцы, торгуя на границахъ Сибири, доставали много серебра изъ-за Камы, Іоаннъ требовалъ онаго для себя и, получивъ отказъ, вооружился, собралъ всѣхъ князей низовскихъ, Рязанскихъ; занялъ Бѣжецкъ, Торжокъ и разорялъ окрестности. Тщетно новогородцы звали его къ себѣ, чтобы дружелюбно прекратить взаимное неудовольствіе: онъ не хотѣлъ слушать пословъ, и самъ архіепископъ Василій, ѣздивъ къ нему въ Переславль, не могъ его умилостивить. Новогородцы давали великому князю 500 рублей серебра, съ условіемъ, чтобы онъ возвратилъ села и деревни, беззаконно имъ пріобрѣтенныя въ ихъ области; но Іоаннъ не согласился, и въ гнѣвѣ уѣхалъ тогда къ хану.

Сія опасность заставила новогородцевъ примириться съ княземъ Александромъ Михайловичемъ. Уже семь лѣтъ псковитяне не видали у себя архипастыря: святитель Василій, забывъ ихъ строптивость, пріѣхалъ къ нимъ съ своимъ клиросомъ, благословилъ народъ, чиновниковъ и крестилъ сына у князя. Желая имѣть еще надежнѣйшую опору, новогородцы подружились съ Гедиминомъ, несмотря на то, что онъ въ сіе же время вступилъ въ родственный союзъ съ Іоанномъ Даніиловичемъ, выдавъ за его сына, юнаго Симеона, дочь или внуку свою Августу (названную въ крещеніи Анастасіею.) Еще въ 1331 году (какъ разсказываетъ одинъ лѣтописецъ), Гедиминъ, остановивъ архіепископа Василія и бояръ новогородскихъ, ѣхавшихъ въ Волынію, принудилъ ихъ дать ему слово, что они уступятъ Нариманту, его сыну, Ладогу съ другими мѣстами въ вѣчное и потомственное владѣніе. Обстоятельство весьма сомнительное: въ достовѣрнѣйшихъ лѣтописяхъ нѣтъ онаго; и могло ли обѣщаніе, вынужденное насиліемъ, быть дѣйствительнымъ обязательствомъ! Гораздо вѣроятнѣе, что Гедиминъ единственно изъявилъ новогородцамъ желаніе видѣть Нариманта ихъ удѣльнымъ княземъ, обѣщая имъ защиту, или они сами вздумали такимъ образомъ пріобрѣсти оную, опасаясь Іоанна столько же, сколько и внѣшнихъ враговъ; политика не весьма согласная съ общимъ благомъ государства Россійскаго; но заботясь исключительно о собственныхъ выгодахъ—думая, можетъ быть, и то, что Россія, истерзанная моголами, стѣсняемая Литвою, должна скоро погибнуть, новогородцы искали спо-

собовъ устоять въ ея паденіи съ своею гражданскою вольностію и частнымъ избыткомъ. Какъ бы то ни было, Наримантъ, дотолѣ язычникъ, извѣстилъ новогородцевъ, что онъ уже христіанинъ и желаетъ поклониться святой Софіи. Народное вѣче отправило за нимъ пословъ и, взявъ съ него клятву быть вѣрнымъ Нову-городу, отдало ему Ладогу, Орѣховъ, Кексгольмъ, всю землю Корельскую и половину Копорья въ отчину и въ дѣдину, съ правомъ наслѣдственнымъ для его сыновей и внуковъ. Сіе право состояло въ судебной и воинской власти, соединенной съ нѣкоторыми опредѣленными доходами.

Однакожъ новогородцы все еще старались утишить гнѣвъ великаго князя, и наконецъ въ томъ успѣли посредствомъ, кажется, митрополита Феогноста, съ коимъ дѣятельный архіепископъ Василій имѣлъ свиданіе въ Владимірѣ. Іоаннъ, возвратясь изъ орды въ Москву, выслушалъ милостиво ихъ пословъ и самъ пріѣхалъ въ Новгородъ. Всѣ неудовольствія были преданы забвенію. Въ знакъ благоволенія за оказанную ему почесть и привѣтливость жителей, умѣвшихъ иногда ласкать князя, Іоаннъ позвалъ въ Москву архіепископа и главныхъ ихъ чиновниковъ, чтобы за роскошное угощеніе отплатить имъ такимъ же. Въ сихъ взаимныхъ изъявленіяхъ доброжелательства онъ согласился съ новогородцами вторично изгнать Александра Михайловича изъ Россіи и смирить псковитянъ, исполняя волю татаръ или слѣдуя движенію личной на него злобы. Условились въ мѣрахъ, но отложили походъ до иного времени.

Спокойные съ одной стороны, новогородцы искали враговъ въ стѣнахъ своихъ. Еще и прежде, смѣняя посадника, народъ ограбилъ домы и села нѣкоторыхъ бояръ: въ семъ году рѣка Волховъ была какъ бы границею между двумя непріятельскими станами. Несогласіе въ дѣлахъ внутренняго правленія, основаннаго на опредѣленіяхъ вѣча или общей волѣ гражданъ, естественнымъ образомъ рождало сіи частые мятежи, бывающіе главнымъ зломъ свободы, всегда любезной народу. Половина жителей возстала на другую; мечи и копья сверкали на обоихъ берегахъ Волхова. Къ счастію, угрозы не имѣли слѣдствія кровопролитнаго, и зрѣлище ужаса скоро обратилось въ картину трогательной братской любви. Примиренные ревностію благоразумныхъ посредниковъ, граждане дружески обнялися на мосту и скромный лѣтописецъ, умалчивая о винѣ сего междоусобія, говоритъ только, что оно было доказательствомъ и гнѣва и милосердія небеснаго, ибо прекратилось столь счастливо—хотя и не надолго. Чрезъ нѣсколько времени опять упоминается въ новогородской лѣтописи о возмущеніи, въ коемъ пострадалъ одинъ архимандритъ, запертый и стрегомый народомъ въ церкви какъ въ темницѣ.

Согласіе съ великимъ княземъ было вторично нарушено походомъ его войска въ Двинскую область. Истощая казну свою частыми путешествіями въ корыстолюбивую орду, и видя, что новогородцы не расположены добровольно подѣлиться съ нимъ сокровищами сибирской торговли, онъ хотѣлъ вооруженною рукою перехватить оныя. Полки Іоанновы шли зимою: изнуренные трудностями пути и встрѣченные сильнымъ отпоромъ двинскихъ чиновниковъ, они не имѣли успѣха, и возвратились, потерявъ множество людей. Сіе непріятельское дѣйствіе заставило новогородцевъ опять искать дружбы псковитянъ чрезъ ихъ общаго духовнаго пастыря: архіепископъ Василій отправился во Псковъ; но жители, считая новогородцевъ своими врагами, уже не хотѣли союза съ ними: приняли владыку холодно и не дали ему обыкновенной, такъ называемой судной пошлины или десятой части изъ судебныхъ казенныхъ доходовъ. Напрасно Василій грозилъ чиновникамъ именемъ церкви и, слѣдуя примѣру митрополита Өеогноста, объявилъ проклятіе всему ихъ городу. Псковитяне на сей разъ выслушали оное спокойно, и разгнѣванный архіепископъ уѣхалъ, видя, что они не вѣрятъ дѣйствію клятвы, внушенной ему корыстолюбіемъ или политикою и несогласной съ духомъ христіанства.

Впрочемъ великій князь, испытавъ неудачу, оставилъ новогородцевъ въ покоѣ, встревоженный перемѣною въ судьбѣ Александра Михайловича. Живъ около десяти лѣтъ во Псковѣ, Александръ непрестанно помышлялъ о своей отчизнѣ и средствахъ возвратиться съ безопасностію въ ея нѣдра. „Если умру въ изгнаніи, — говорилъ онъ друзьямъ, — то и дѣти мои останутся безъ наслѣдія“. Псковитяне любили его, но сила не соотвѣтствовала ихъ усердію: онъ предвидѣлъ, что новогородцы не откажутся отъ древней власти надъ ними, воспользуются первымъ случаемъ смирить сихъ ослушниковъ, выгонятъ его или оставятъ тамъ изъ милости своимъ намѣстникомъ. Покровительство Гедимина не могло возвратить ему тверскаго престола, ибо сей литовскій князь избѣгалъ войны съ ханомъ. Александръ могъ бы обратиться къ великому князю, но будучи имъ издавна ненавидимъ, надѣялся скорѣе умилостивить грознаго Узбека, и послалъ къ нему юнаго сына своего, Өеодора, который (въ 1336 году) благополучно возвратился въ Россію съ посломъ могольскимъ. Привезенныя вѣсти были таковы, что Александръ рѣшился самъ ѣхать въ орду и, взявъ заочно благословеніе отъ митрополита Өеогноста, отправился туда съ боярами. Его немедленно представили Узбеку. „Царь верховный! — сказалъ онъ хану съ видомъ покорности, но безъ робости и малодушія: — я заслужилъ гнѣвъ твой и вручаю тебѣ мою судьбу. Дѣйствуй по внушенію неба и собствен-

наго сердца. Милуй или казни; въ первомъ случаѣ прославлю Бога и твою милость. Хочешь ли головы моей? она предъ тобою". Свирѣпый ханъ смягчился, взглянулъ на него милостиво и съ удовольствіемъ объявилъ вельможамъ своимъ, что „князь Александръ смиренною мудростію избавляетъ себя отъ казни". Узбекъ, осыпавъ его знаками благоволенія, возвратилъ ему достоинство князя тверского.

Александръ съ восхищеніемъ прибылъ въ свою отечественную столицу, гдѣ братья и народъ встрѣтили его съ такою же искреннею радостію. Тверь, въ 1327 году опустошенная моголами, уже возникла изъ своего пепла трудами и попеченіемъ Константина Михайловича; разсѣянные жители собралися, и церкви, вновь украшенныя ихъ ревностію къ святынѣ, сіяли въ прежнемъ велелѣпіи. Добрый Константинъ, возстановитель сего княженія, охотно сдалъ правленіе старшему брату, коего безразсудная пылкость была виною столь великаго несчастія, и желалъ, чтобы онъ превосходствомъ опытнаго ума своего возвратилъ ихъ отчизнѣ знаменитость и силу, пріобрѣтенныя во дни Михаиловы. Александръ призвалъ супругу и дѣтей изъ Пскова, велѣлъ объявить его добрымъ гражданамъ вѣчную благодарность за ихъ любовь и надѣялся жить единственно для счастія подданныхъ. Но судьба готовила ему иную долю.

Благоразумный Іоаннъ, видя, что всѣ бѣдствія Россіи произошли отъ несогласія и слабости князей, съ самаго восшествія на престолъ старался присвоить себѣ верховную власть надъ князьями древнихъ удѣловъ Владимірскихъ, и дѣйствительно въ томъ успѣлъ, особенно по кончинѣ Александра Васильевича Суздальскаго, который, будучи внукомъ старшаго сына Ярославова, имѣлъ законное право и достоинство великокняжеское, и хотя уступилъ оное Іоанну, однакожъ, господствуя въ своей частной области, управлялъ и Владиміромъ: такъ, говоритъ одинъ лѣтописецъ, сказывая, что сей князь перевезъ было оттуда и древній вѣчевой колоколъ Успенской соборной церкви въ Суздаль, но возвратилъ оный, устрашенный его глухимъ звукомъ. Когда жъ Александръ (въ 1333 году) преставился бездѣтнымъ, Іоаннъ не далъ Владиміра его меньшому брату, Константину Васильевичу, и, пользуясь благосклонностью хана, началъ смѣлѣе повелѣвать князьями: выдалъ дочь свою за Василія Даніиловича Ярославскаго, другую— за Константина Васильевича Ростовскаго и, дѣйствуя какъ глава Россіи, предписывалъ имъ законы въ собственныхъ ихъ областяхъ. Такъ московскій бояринъ или воевода, именемъ Василій Кочева, уполномоченный Іоанномъ, жилъ въ Ростовѣ и казался истиннымъ государемъ: свергнулъ тамошняго градоначальника, старѣйшаго боярина Аверкія, вмѣшивался въ суды, въ расправу,

отнималъ и давалъ имѣніе. Народъ жаловался, говоря, что слава Ростова исчезла: что князья его лишились власти и что Москва тиранствуетъ! Самые владѣтели рязанскіе долженствовали слѣдовать за Іоанномъ въ походахъ; а Тверь, сѣтуя въ развалинахъ и сиротствуя безъ Александра Михайловича, уже не смѣла помышлялъ о независимости. Но обстоятельства перемѣнились, какъ скоро сей князь возвратился, бодрый, дѣятельнный, честолюбивый. Бывъ нѣкогда самъ на престолѣ великокняжескомъ, могъ ли онъ спокойно видѣть наономъ врага своего? могъ ли не думать о мести, снова увѣренный въ милости ханской? Владѣтели удѣльные хотя и повиновались Іоанну, но съ неудовольствіемъ, и рады были взять сторону Тверского князя, чтобы ослабить страшное для нихъ могущество перваго: такъ и поступилъ Василій Ярославскій, начавъ изъявлять недоброжелательство тестю и заключивъ союзъ съ Александромъ. Боясь утратить первенство и лестное для властолюбія, и нужное для спокойствія государства, Іоаннъ рѣшился низвергнуть опаснаго совмѣстника.

Въ сіе время многіе бояре тверскіе, недовольные своимъ государемъ, переѣхали въ Москву съ семействами и слугами, что было тогда не безчестною измѣною, но дѣломъ весьма обыкновеннымъ. Произвольно вступая въ службу князя великаго или удѣльнаго, бояринъ всегда могъ оставить оную, возвративъ ему земли и села, отъ него полученныя. Вѣроятно, что Александръ, бывъ долгое время внѣ отчизны, возвратился туда съ новыми любимцами, коимъ старые вельможи завидовали: напримѣръ, мы знаемъ, что къ нему выѣхалъ изъ Курляндіи во Псковъ какой-то знаменитый нѣмецъ, именемъ Доль и сдѣлался первостепеннымъ чиновникомъ двора его. Сіе могло быть достаточнымъ побужденіемъ для тверскихъ бояръ искать службы въ Москвѣ, гдѣ они, безъ сомнѣнія, не старались успокоить великаго князя въ разсужденіи мнимыхъ или дѣйствительныхъ замысловъ несчастнаго Александра Михайловича.

Іоаннъ не хотѣлъ прибѣгнуть къ оружію, ибо имѣлъ иное безопаснѣйше средство погубить Тверского князя; отправивъ юнаго сына, Андрея, къ новогородцамъ, чтобы прекратить раздоръ съ ними, онъ спѣшилъ въ орду и взялъ съ собою двухъ старшихъ сыновей, Симеона и Іоанна; представилъ ихъ величавому Узбеку какъ будущихъ надежныхъ, ревностныхъ слугъ его рода; искуснымъ образомъ льстилъ ему, сыпалъ дары и, совершенно овладѣвъ довѣренностію хана, могъ уже смѣло приступить къ главному дѣлу, то - есть къ очерненію Тверского князя. Нѣтъ сомнѣнія, что Іоаннъ описалъ его закоснѣлымъ врагомъ моголовъ, готовымъ возмутить противъ нихъ всю Россію и новыми непріятельскими дѣйствіями изумить легковѣрное милосердіе Узбеково. Царь, устра-

шенный опасностію, послалъ звать въ орду Александра, Василія Ярославскаго и другихъ князей удѣльныхъ, коварно обѣщая каждому изъ нихъ, и въ особенности первому, отмѣнные знаки милости. Іоаннъ же, чтобы отвести отъ себя подозрѣніе, немедленно возвратился въ Москву ожидать слѣдствій.

Хотя посолъ татарскій всячески увѣрялъ Александра въ благосклонномъ къ нему расположеніи Узбековомъ, однакожъ сей князь, опасаясь злыхъ внушеній Іоанновыхъ въ ордѣ, послалъ туда напередъ сына своего, Θеодора, чтобы узнать мысли хана; но, получивъ вторичный зовъ, долженъ былъ немедленно повиноваться. Мать, братья, вельможи, граждане трепетали, воспоминая участь Михаилову и Димитріеву. Казалось, что самая природа остерегала несчастнаго князя: въ то время, какъ онъ сѣлъ въ ладію, зашумѣлъ противный вѣтеръ и гребцы едва могли одолѣть стремленіе волнъ, которыя несли оную назадъ къ берегу. Сей случай казался народу бѣдственнымъ предзнаменованіемъ. Василій Михайловичъ проводилъ брата за нѣсколько верстъ отъ города, а Константинъ лежалъ тогда въ тяжкой болѣзни: чувствительный Александръ всего болѣе жалѣлъ о томъ, что не могъ дождаться его выздоровленія. Вмѣстѣ съ Тверскимъ княземъ поѣхали въ орду Романъ Михайловичъ Бѣлозерскій и двоюродный его братъ, Василій Давыдовичъ Ярославскій. Ненавидя послѣдняго и зная, что онъ будетъ защищать Александра передъ ханомъ, великій князь тайно отправилъ 500 воиновъ схватить его на пути; но Василій отразилъ ихъ и ѣхалъ въ орду съ намѣреніемъ жаловаться Узбеку на Іоанна, своего тестя.

Юный Θеодоръ Александровичъ, встрѣтивъ родителя въ улусахъ, со слезами извѣстилъ его о гнѣвѣ хана. „Да будетъ воля Божія!“— сказалъ Александръ, и понесъ богатые дары Узбеку и всему его двору. Ихъ приняли съ мрачнымъ безмолвіемъ. Прошелъ мѣсяцъ: Александръ молился Богу и ждалъ суда. Нѣкоторые вельможи татарскіе и царица вступались за сего князя; но прибытіе въ орду сыновей Іоанновыхъ рѣшило дѣло: Узбекъ, подвигнутый ими или друзьями хитраго ихъ отца, безъ всякихъ изслѣдованій объявилъ, что мятежный, неблагодарный князь Тверскій долженъ умереть. Еще Александръ надѣялся: ждалъ вѣстей отъ царицы, и, сѣвъ на коня, спѣшилъ видѣть своихъ доброжелателей; узнавъ же, что казнь его неминуема, возвратился домой, вмѣстѣ съ сыномъ причастился Святыхъ Таинъ, обнялъ вѣрныхъ слугъ и бодро вышелъ навстрѣчу къ убійцамъ, которые, отрубивъ голову ему и юному Θеодору, розняли ихъ по составамъ! Сіи истерзанные остатки несчастныхъ князей были привезены въ Россію, отпѣты въ Владимірѣ митрополитомъ Θеогностомъ и преданы землѣ въ Тверской соборной церкви, подлѣ Михаила и Димитрія: четы-

ре жертвы Узбекова тиранства, оплаканныя современниками и отмщенныя потомствомъ! Никто изъ хановъ не умертвилъ столько россійскихъ владѣтелей, какъ сей: въ 1330 году онъ казнилъ еще князя Стародубскаго, Ѳеодора Михайловича, думая, что сіи страшныя дѣйствія гнѣва царскаго утвердятъ господство моголовъ надъ Россіею. Оказалось слѣдствіе противное и не ханъ, но ве-



ІОАННЪ І. ДАНИ-
ЛОВИЧЪ.
Калита.
Вел. Кн. Россійскій

ликій князь воспользовался бѣдственною кончиною Александра, присвоивъ себѣ верховную власть надъ Тверскимъ княженіемъ: ибо Константинъ и Василій Михайловичи уже не дерзали ни въ чемъ ослушаться Іоанна, и какъ бы въ знакъ своей зависимости должны были отослать въ Москву вещь по тогдашнему времени важную: соборный колоколъ отмѣнной величины, коимъ славились тверитяне. Узбекъ не зналъ, что слабость нашего отечества проис-

ходила отъ раздѣленія силъ онаго, и что, способствуя единовластію князя Московскаго, онъ готовитъ свободу Россіи и паденіе царства Капчакскаго.

Новогородцы, столь безжалостно отвергнувъ Александра въ несчастіи и способствовавъ его изгнанію, тужили о погибели сего князя: ибо предвидѣли, что Іоаннъ, не имѣя опаснаго соперника, будетъ менѣе уважать ихъ вольность. Между тѣмъ они старались обезпечить себя со стороны внѣшнихъ непріятелей. Миръ, въ 1323 году заключенный со шведами, продолжался около пятнадцати лѣтъ. Король Магнусъ, владѣя тогда Норвегіею, распространилъ его и на сію землю, нерѣдко тревожимую новогородцами, которые издавна господствовали въ восточной Лапландіи. Такъ они, по лѣтописямъ норвежскимъ, въ 1316 и 1323 году опустошили предѣлы Дронтгеймской области, и папа Іоаннъ XXII уступилъ Магнусу часть церковныхъ доходовъ, чтобы онъ могъ взять дѣйствительнѣйшія мѣры для защиты своихъ границъ сѣверныхъ отъ россіянъ. Вельможа сего короля, именемъ Гаквинъ, въ 1326 году, іюня 3, подписалъ въ Новѣгородѣ особенный мирный договоръ, по коему россіяне и норвежцы на десять лѣтъ обѣщались не безпокоить другъ друга набѣгами, возстановить древній рубежъ между обоюдными владѣніями, забыть прежнія обиды и взаимно покровительствовать людей торговыхъ. Но въ 1337 году шведы нарушили миръ: дали убѣжище въ Выборгѣ мятежнымъ россійскимъ кореламъ; помогли имъ умертвить купцовъ ладожскихъ, новогородскихъ и многихъ христіанъ греческой вѣры, бывшихъ въ Кореліи; грабили на берегахъ Онежскихъ, сожгли предмѣстіе Ладоги и хотѣли взять Копорье. Въ сей опасности новогородцы увидѣли худое къ нимъ усердіе Нариманта и безполезность оказаной ему чести; еще и прежде (въ 1335 году),—несмотря на его княженіе въ ихъ области и на родственный союзъ Іоанновъ съ Гедиминомъ,—шайки литовскихъ разбойниковъ злодѣйствовали въ предѣлахъ Торжка: за что великій князь приказалъ своимъ воеводамъ сжечь въ сосѣдственной Литвѣ нѣсколько городовъ: Рясну, Осѣчень и другіе, принадлежавшіе нѣкогда къ Полоцкому княженію. Хотя сіи непріятельскія дѣйствія тѣмъ и кончились, однакожъ доказывали, что дружба Гедимина съ россіянами была только мнимая. Когда же новогородцы, встревоженные нечаянною ратію шведскою, потребовали Нариманта (бывшаго тогда въ Литвѣ) предводительствовать ихъ войскомъ, онъ не хотѣлъ ѣхать къ нимъ и даже вывелъ сына своего, именемъ Александра, изъ Орѣхова, оставивъ тамъ одного намѣстника. Но шведы имѣли болѣе дерзости, нежели силы: гордо отвергнувъ благоразумныя предложенія новогородскаго посадника Ѳеодора, ушли отъ Копорья и не могли защитить самыхъ

окрестностей Выборга, гдѣ россіяне истребили все огнемъ и мечемъ. Скоро начальникъ сей крѣпости далъ знать новогородцамъ, что предмѣстникъ его самъ собою началъ войну и что король желаетъ мира. Написали договоръ, согласный съ орѣховскимъ и чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ клятвенно утвержденный въ Лундѣ, гдѣ послы россійскіе нашли Магнуса. Они требовали еще, чтобы шведы выдали имъ всѣхъ бѣглыхъ кореловъ; но Магнусъ не согласился, отвѣтствуя, что сіи люди уже приняли вѣру латинскую и что ихъ число весьма не велико. „Корелы, — сказалъ онъ, — бываютъ обыкновенно виною раздоровъ между нами; и такъ возьмемъ строгія мѣры для отвращенія сего зла: впредь казните безъ милости нашихъ бѣглецовъ; а мы будемъ казнить вашихъ, чтобы они своими злобными навѣтами не мѣшали намъ жить въ согласіи".

Окончивъ дѣло съ шведами, новогородцы отправили обыкновенную ханскую дань къ Іоанну; но великій князь, не довольный ею, требовалъ съ нихъ еще вдвое болѣе серебра, будто бы для Узбека. Они ссылались на договорныя грамоты и на древнія Ярославовы, по коимъ отечество ихъ было свободно отъ всякихъ чрезвычайныхъ налоговъ княжескихъ. „Чего не бывало отъ начала міра, того и не будетъ",— отвѣтствовалъ народъ посламъ московскимъ: „Князь, цѣловавъ святый крестъ въ соблюденіи нашихъ уставовъ, долженъ исполнить клятву". Прошло нѣсколько времени: великій князь ждалъ вѣстей изъ орды. Когда же ханъ отпустилъ его сыновей съ честію и всѣхъ другихъ князей съ грознымъ повелѣніемъ слушаться московскаго: тогда Іоаннъ объявилъ гнѣвъ Новугороду и вывелъ оттуда своихъ намѣстниковъ, думая, подобно Андрею Боголюбскому, что время унизить гордость сего величаваго народа и рѣшить вѣчную прю его вольности со властію княжескою. Къ счастію новогородцевъ, онъ долженъ былъ обратить силы свои къ иной цѣли.

Хотя мы не видимъ по лѣтописямъ, чтобы князья Смоленскіе когда-нибудь ѣздили въ орду и платили ей дань: но сему причиною то, что повѣствователи нашихъ государственныхъ дѣяній, живъ въ другихъ областяхъ, вообще рѣдко упоминаютъ о Смоленскѣ и его происшествіяхъ. Возможно ли, чтобы княженіе столь малосильное, одно въ Россіи, спаслося отъ ига, когда и Новгородъ, еще отдаленнѣйшій, долженствовалъ повиноваться царю капчакскому? въ Смоленскѣ господствовалъ тогда Іоаннъ Александровичъ, внукъ Глѣбовъ, съ коимъ Димитрій, князь Брянскій, въ 1334 году имѣлъ войну. Татары помогали Димитрію; однакожъ ни въ чемъ не успѣли, и князья, проливъ много крови, заключили миръ. Вѣроятно, что ханъ не участвовалъ въ предпріятіи Димитрія и что сему послѣднему служила за деньги одна

вольница татарская; но Іоаннъ Александровичъ ободрился счастливымъ опытомъ своего мужества и, вступивъ въ союзъ съ Гедиминомъ, захотѣлъ, кажется, совершенной независимости. По крайней мѣрѣ Узбекъ объявилъ его мятежникомъ, отрядилъ въ Россію могольскаго воеводу, именемъ Товлубія, и далъ повелѣніе всѣмъ нашимъ князьямъ идти на Смоленскъ. Владѣтель рязанскій, Коротополъ, выступилъ съ одной стороны, а съ другой сильная рать великокняжеская. Подъ знаменами московскими шли Константинъ Васильевичъ Сузадальскій, Константинъ Ростовскій, Іоаннъ Ярославичъ Юрьевскій, князь Іоаннъ Друцкій, выѣхавшій изъ Витебской области, и Өеодоръ Өоминскій, князь Смоленскаго удѣла. Не имѣя особенной склонности къ воинскимъ дѣйствіямъ, Іоаннъ Даніиловичъ остался въ столицѣ и ввѣрилъ начальство двумъ своимъ воеводамъ. Казалось, что соединенные полки моголовъ и князей россійскихъ должны были однимъ ударомъ сокрушить державу Смоленскую; но, подступивъ къ городу, они только взглянули на стѣны и, не сдѣлавъ ничего, удалились! Вѣроятно, что россіяне не имѣли большаго усердія истреблять своихъ братьевъ и что воевода Узбековъ, смягченный дарами смолянъ, взялся умилостивить хана.

Симъ заключилось достопамятное правленіе Іоанна Даніиловича: остановленный въ важныхъ его намѣреніяхъ внезапнымъ недугомъ, онъ промѣнялъ княжескую одежду на мантію схимника и кончилъ жизнь въ лѣтахъ зрѣлаго мужества, указавъ наслѣдникамъ путь къ единовластію и къ величію. Но, справедливо хваля Іоанна за сіе государственное благодѣяніе, простимъ ли ему смерть Александра Тверскаго, хотя она и могла утвердить власть великокняжескую? Правила нравственности и добродѣтели святѣе всѣхъ иныхъ и служатъ основаніемъ истинной политики. Судъ исторіи, единственный для государей—кромѣ суда Небеснаго—не извиняетъ и самаго счастливаго злодѣйства: ибо отъ человѣка зависитъ только дѣло, а слѣдствіе отъ Бога.

Несмотря на коварство, употребленное Іоанномъ къ погибели опаснаго совмѣстника, москвитяне славили его благость и, прощаясь съ нимъ во гробѣ, орошаемомъ слезами народными, единогласно дали ему имя собрателя земли русской и государя-отца: ибо сей князь не любилъ проливать крови ихъ въ войнахъ безполезныхъ, освободилъ великое княженіе отъ грабителей внѣшнихъ и внутреннихъ, возстановилъ безопасность собственности и личную, строго казнилъ татей и былъ вообще правосуденъ. Жители другихъ областей россійскихъ, отъ него независимыхъ, завидовали устройству, тишинѣ Іоанновыхъ, будучи волнуемы злодѣйствами малодушныхъ князей или гражданъ своевольныхъ: такъ въ Козельскѣ одинъ изъ потомковъ Михаила Черниговскаго,

князь Василій Пантелеймоновичъ, умертвилъ дядю родного, Андрея Мстиславича; такъ владѣтель рязанскій, Коротополъ, возвращаясь изъ орды передъ смоленскимъ походомъ, схватилъ на дорогѣ родственника своего, Александра Михайловича Пронскаго, ѣхавшаго къ хану съ данію, ограбилъ его и лишилъ жизни въ нынѣшней Рязани; такъ брянцы, вслѣдствіе мятежнаго вѣча, умертвили (въ 1340 году) князя Глѣба Святославича въ самый великій для россіянъ праздникъ, въ день св. Николая, несмотря на всѣ благоразумныя убѣжденія бывшаго тамъ митрополита Ѳеогноста.

Отмѣнная набожность, усердіе къ строенію храмовъ и милосердіе къ нищимъ не менѣе иныхъ добродѣтелей помогли Іоанну въ снисканіи любви общей. Онъ всегда носилъ съ собою мѣшокъ или калиту, наполненную деньгами для бѣдныхъ: отчего и прозванъ Калитою. Кромѣ собора Успенскаго, имъ построены еще каменный Архангельскій (гдѣ стояла его гробница и гдѣ съ того времени погребали всѣхъ князей московскихъ), церковь Іоанна Лѣствичника (на площади Кремлевской) и св. Преображенія, древнѣйшая изъ существующихъ нынѣ и бывшая тогда архимандритіею, которую основалъ еще отецъ Іоанновъ на берегу Москвы-рѣки при созданной имъ деревянной церкви св. Даніила: Іоаннъ же перевелъ сію обитель къ своему дворцу, любилъ болѣе всѣхъ иныхъ, обогатилъ доходами; кормилъ, одѣвалъ тамъ нищихъ и въ ней постригся предъ кончиною.—Украшая столицу каменными храмами, онъ окружилъ ее (1339 году) дубовыми стѣнами и возобновилъ сгорѣвшій въ его время Кремникъ, или Кремль, бывшій внутреннею крѣпостію, или, по-старинному именованію, Дѣтинцемъ. Въ княженіе Іоанна два раза горѣла Москва; были и другія несчастія; ужасное наводненіе отъ сильнаго дождя и голодъ, названный въ лѣтописяхъ рослою рожью. Но подданные, облаготворенные дѣятельнымъ, отеческимъ правленіемъ Калиты, не смѣли жаловаться на бѣдствія случайныя и славили его счастливое время.

Тишина Іоаннова княженія способствовала обогащенію Россіи сѣверной. Новгородъ, союзникъ Ганзы, отправлялъ въ Москву и другія области работу нѣмецкихъ фабрикъ. Востокъ, Греція, Италія (чрезъ Кафу и нынѣшній Азовъ) присылали намъ свои товары. Уже купцы не боялись въ окрестностяхъ Владиміра или Ярославля встрѣтиться съ шайками татарскихъ разбойниковъ: милостивыя грамоты Узбековы, данныя великому князю, служили щитомъ для путешественниковъ и жителей. Открылись новые способы мѣны, новыя торжища въ Россіи: такъ, въ Ярославской области, на устьѣ Мологи, гдѣ существовалъ Холопій городокъ, съѣзжались купцы нѣмецкіе, греческіе, итальянскіе, персидскіе,

и клала въ теченіе лѣтнихъ мѣсяцевъ собирала множество пошлиннаго серебра, какъ увѣряетъ одинъ писатель XVII вѣка: безчисленныя суда покрывали Волгу, а шатры прекрасный, необозримый лугъ Моложскій, и народъ веселился въ семидесяти питейныхъ домахъ. Сія ярмонка слыла первою въ Россіи до самаго XVI столѣтія.

Добрая слава Калиты привлекла къ нему людей знаменитыхъ: изъ орды выѣхалъ въ Москву татарскій мурза Четъ, названный въ крещеніи Захаріею, отъ коего произошелъ царь Борисъ Θеодоровичъ Годуновъ; а изъ Кіева вельможа Родіонъ Несторовичъ, предокъ Квашниныхъ, который былъ вызванъ Іоанномъ еще во время Михаила Тверскаго и привелъ съ собою 1,700 отроковъ, или дѣтей боярскихъ. Лѣтописецъ разсказываетъ, что сей Родіонъ, возведенный Московскимъ княземъ на первую степень боярства, возбудилъ зависть во всѣхъ другихъ вельможахъ; что одинъ изъ нихъ, Акинѳъ Гавриловичъ, не хотѣвъ уступить ему старшинства, бѣжалъ къ Михаилу Тверскому, съ сыновьями своими, оставивъ въ челяднѣ, или въ людской избѣ, новорожденнаго внука Михаила, прозваннаго Челяднею; что усердный Родіонъ спасъ Іоанна Даніиловича въ битвѣ съ тверитянами подъ городомъ Переславлемъ, въ 1304 году, зашедши имъ въ тылъ и собственною рукою отрубивъ голову Акинѳу, привезъ оную на копьѣ къ князю; что Іоаннъ наградилъ его половиною Волока, а Родіонъ отнялъ другую у новогородцевъ, выгнавъ ихъ намѣстника, и получилъ за то отъ великаго князя еще иную волость въ окрестностяхъ рѣки Восходни. Сіи обстоятельства прописаны также въ челобитной Квашнина, поданной царю Іоанну Васильевичу на Бутурлиныхъ, потомковъ боярина Акинѳа, во время несчастныхъ споровъ о боярскомъ старѣйшинствѣ.

Древняя русская пословица: близъ царя, близъ смерти, родилась, думаю, тогда, какъ наше отечество носило цѣпи моголовъ. Князья ѣздили въ орду какъ на страшный судъ: счастливъ, кто могъ возвратиться съ милостію царскою или, по крайней мѣрѣ, съ головою! Такъ Іоаннъ Даніиловичъ, въ началѣ своего великокняженія отправляясь къ Узбеку, написалъ завѣщаніе и распорядилъ наслѣдіе между тремя сыновьями и супругою, именемъ Еленою, которая представилась монахинею въ 1332 году. Сія древнѣйшая изъ подлинныхъ духовныхъ грамотъ княжескихъ, намъ извѣстныхъ, свидѣтельствуетъ, какіе города принадлежали тогда къ Московской области, и какъ велико было достояніе князей. Послѣ обыкновенныхъ словъ: „Во имя Отца и Сына и Святаго Духа", Іоаннъ говоритъ: „Не зная, что Всевышній готовитъ мнѣ въ ордѣ, куда ѣду, оставляю сію душевную грамоту, написанную мною добровольно въ цѣломъ умѣ и совершенномъ здравіи. При-

казываю въ случаѣ смерти, сыновьямъ моимъ городъ Москву: отдаю Симеону Можайскъ, Коломну съ волостями, Ивану Звенигородъ и Рузу; Андрею Лопастну, Серпуховъ, Перемышль; княгинѣ моей съ меньшими дѣтьми села бывшія въ ея владѣніи" (слѣдуютъ имена ихъ):.. „также оброкъ городскихъ волостей; а купеческія пошлины, въ оныхъ собираемыя, остаются доходомъ нашихъ сыновей. Ежели татары отнимутъ волость или село у кого изъ васъ, любезныя дѣти, то вы обязаны снова уравнять свои части или удѣлы. Люди численные, т.-е. вольные, окладные, платившую дань государственную—„должны быть подъ общимъ вашимъ вѣдѣніемъ, а въ раздѣлъ идутъ единственно купленные мною. Еще при жизни далъ я сыну Симеону изъ золота четыре цѣпи, три пояса, двѣ чаши, блюдо съ жемчугомъ, и два ковша, а серебромъ три блюда; Ивану изъ золота четыре цѣпи, два пояса съ жемчугомъ и каменьями, третій сердоликовый, два ковша, двѣ круглыя чаши, а серебромъ три блюда; Андрею изъ золота четыре цѣпи, поясъ фряжскій жемчужный, другой съ крюкомъ на червленомъ шелку, третій ханскій, два ковша, двѣ чарки, а серебромъ три блюда. Золото княгинино отдалъ я дочери Фетиньѣ: четырнцадцать колецъ, новый сдѣланный мною складень, ожерелье матери ея, чело и гривну; а мое собственное золото и коробочку золотую отказываю княгинѣ своей съ меньшими дѣтьми. Изъ одеждъ моихъ назначаю Симеону шубу червленую съ жемчугомъ и шапку золотую, Ивану желтую объяринную шубу съ жемчугомъ и мантію съ бармами, Андрею шубу соболью съ наплечками, низанными жемчугомъ, и портище алое съ нашитыми бармами, а двѣ новыя шубы, низанныя жемчугомъ, меньшимъ дѣтямъ, Марьѣ и Ѳедосьѣ. Серебряные поясы и другія одежды мои раздать священникамъ, а 100 рублей, оставленныхъ мною у казначея, по церквамъ. Большое серебряное блюдо о четырехъ кольцахъ отослать въ храмъ Владимірскія Богоматери. Прочее серебро и княжескія стада—кромѣ двухъ, отданныхъ мною Симеону и Ивану—раздѣлить моей супругѣ и дѣтямъ. Тебѣ, Симеонъ, какъ старшему, приказываю меньшихъ братьевъ и княгиню съ дочерьми: будь имъ по Богѣ главнымъ защитникомъ.—Грамоту писалъ дьякъ великокняжескій Кострома, при духовныхъ отцахъ моихъ, священникахъ Ефремѣ, Ѳеодосіи и Давидѣ; кто нарушитъ оную, тому Богъ судія".—Къ грамотѣ привѣшены двѣ печати: одна серебряная вызолоченная съ изображеніемъ Спасителя и св. Іоанна Предтечи и съ надписью: печать великаго князя Ивана; а другая свинцовая.—Въ семъ завѣщаніи не сказано ни слова о Владимірѣ, Костромѣ, Переславлѣ и другихъ городахъ, бывшихъ достояніемъ великокняжескаго сана: Іоаннъ, располагая

только своею отчиною, не могъ ихъ отказать сыновьямъ, ибо назначеніе его преемника зависѣло отъ хана.

Исчисляя свои села, великій князь упоминаетъ о купленныхъ или вымѣненныхъ имъ въ Новгородѣ, Владимірѣ, Костромѣ и Ростовѣ: такимъ образомъ онъ старался пріобрѣтать наслѣдственную собственность и внѣ Московской области, къ неудовольствію другихъ князей и вопреки условію, заключенному съ новогородцами. Но еще несравненнымъ важнѣйшимъ пріобрѣтеніемъ были города: Угличъ, Бѣлозерскъ и Галичъ, купленные Іоанномъ Даніиловичемъ: первые два у потомковъ Константина I, а третій у наслѣдниковъ Константина Ярославича Галицкаго, какъ сказано въ одной изъ грамотъ Димитрія Донского: чему надлежало случиться незадолго до представленія Калиты. Однакожъ сіи удѣлы до временъ Донскаго считались Великокняжескими, а не Московскими: потому не упоминается о нихъ въ завѣщаніяхъ сыновей Калитиныхъ.

Мы имѣемъ еще иную достопамятную грамоту временъ Іоанновыхъ, данную Василіемъ Давидовичемъ Ярославскимъ архимандриту Спасской обители. Сей князь пишетъ, что онъ, слѣдуя примѣру дѣда Ѳеодора Чернаго, опредѣляетъ жалованье монастырскимъ людямъ, въ годъ по два рубля; освобождаетъ ихъ отъ всѣхъ налоговъ, также отъ яма или подводъ, отъ постоя и стражи; даже говоритъ: „Судіи мои, намѣстники и тіуны, да не шлютъ дворянъ своихъ за людьми св. Спаса безъ вѣдома игумена, который одинъ судитъ ихъ, или вмѣстѣ съ моимъ судіею, буде истецъ или отвѣтчикъ не есть человѣкъ монастырскій; въ послѣднемъ случаѣ часть денежной пени, налагаемой на виновнаго, идетъ въ казну св. Спаса, а другая въ княжескую. Жители иныхъ областей, перезванные игуменомъ въ его вѣдомство, считаются людьми монастырскими; но работники ихъ, приписанные къ моимъ селеніямъ, остаются подъ судомъ княжескимъ. Чернорizцы и крылошане спасскіе, торгуя въ пользу святой обители, увольняются отъ пошлинъ: что однакожъ не уничтожаетъ древняго устава о перевозахъ и бобровыхъ рѣкахъ“. Сія харатейная грамота скрѣплена черною восковою печатію и свидѣтельствуетъ, какими гражданскими выгодами пользовались монастыри въ Россіи, согласно съ уваженіемъ нашихъ добрыхъ предковъ къ иноческому сану и въ противность намѣренію, съ коимъ были учреждены первыя христіанскія обители, основанныя единственно для трудовъ душеспасительныхъ и чуждыя міру.

Наконецъ, описавъ княженіе Іоанново, должны мы въ послѣдній разъ упомянуть о Галиціи какъ о Россійской области. Внукъ Юрія Львовича, князь Георгій, скончался около 1336 года, не

оставивъ дѣтей, и ханъ прислалъ своихъ намѣстниковъ въ Галицію; но жители, по сказанію одного современнаго историка, тайно умертвили ихъ, и съ дозволенія ханскаго поддались Болеславу, сыну Тройдена, князя Мазовскаго, и Маріи, сестры Георгіевой, зятю Гедеминову, обязавъ его клятвою не отмѣнять ихъ уставовъ, не касаться сокровищъ государственныхъ или церковныхъ, и во всѣхъ дѣлахъ важныхъ требовать согласія народнаго или боярскаго: безъ чего городъ Львовъ—гдѣ находилось сильное войско, составленное отчасти изъ моголовъ, армянъ и другихъ иностранцевъ—не хотѣлъ покориться сему князю. Но Болеславъ не сдержалъ слова. Воспитанный въ греческомъ исповѣданіи, онъ въ угодность папѣ и королю польскому, своему родственнику, сдѣлался католикомъ: ибо вѣра нашего отечества, утѣсненнаго, растерзаннаго, казалась ему уже несогласною съ мірскими выгодами. Сего мало; измѣнивъ православію, Болеславъ хотѣлъ обратить и подданныхъ въ латинскую вѣру; сверхъ того, угнеталъ ихъ налогами, окружилъ себя нѣмцами, ляхами, богемцами и, слѣдуя прихотямъ гнуснаго сластолюбія, отнималъ женъ у супруговъ, дочерей у родителей. Такія злодѣянія возмутили народъ, и Болеславъ умеръ скоропостижно, отравленный столь жестокимъ ядомъ, какъ увѣряютъ лѣтописцы, что тѣло его распалось на части. Казиміръ, своякъ Болеславовъ, умѣлъ воспользоваться симъ случаемъ и (въ 1340 году) завладѣлъ Галиціею, обѣщавъ жителямъ не тѣснить ихъ вѣры. Львовъ, Перемышль, Галичъ, Любачевъ, Санокъ, Теребовль, Кременецъ присягнули ему какъ законному государю, и сокровища древнихъ князей Галицкихъ—богатыя одежды, сѣдла, сосуды, два креста золотые съ частію Животворящаго Древа и двѣ короны, осыпанныя алмазами—были отвезены изо Львова въ Краковъ. Довольный симъ успѣхомъ, король ограничилъ на время свое властолюбіе и, заключивъ мирный договоръ съ Литвою, уступилъ Кестутію, сыну Гедиминову, Брестъ, а Любарту, женатому на княжнѣ владимірской, Холмъ, Луцкъ и Владиміръ, какъ бы законное наслѣдство его супруги. Такъ рушилось совершенно знаменитое княженіе или королевство Даніилово и древнее достояніе Россіи, пріобрѣтенное оружіемъ св. Владиміра, долго называемое городами Червенскими, а послѣ Галичемъ, было раздѣлено между иноплеменниками.

ГЛАВА X.

Великій князь Симеонъ Іоанновичъ, прозваніемъ Гордый.

Г. 1340—1353.

Корыстолюбіе моголовъ.—Твердость Симеона Гордаго. — Свойства Ольгердовы.—Сношеніе папы съ ордою.—Убіеніе Коротопола.—Дѣла псковскія и новгородскія.—Постыдное дѣло новгородцевъ.—Война съ Магнусомъ.— Псковъ, братъ Новгорода.—Хитрость Ольгердова.—Браки. — Раздѣлъ западной Россіи.—Ссора псковитянъ съ Литвою.—Ольгердъ миротворецъ.— Черная смерть.—Земный рай.—Бѣлый клобукъ.—Кончина Симеона.—Великій князь всея Руси.—Привидѣніе.—Завѣщаніе.—Св. Алексѣй.—Ссоры удѣльныхъ князей. — Обновленіе Мурома.—Начало Троицкой Лавры.—Художества въ Россіи.

Смерть Іоаннова была важнымъ происшествіемъ для князей россійскихъ: они спѣшили къ хану. Два Константина, Тверскій и Суздальскій, могли искать великаго княженія: другіе желали имъ успѣха, боясь исключительнаго первенства московскихъ владѣтелей. Но Симеонъ Іоанновичъ (во время кончины родителя бывъ въ Нижнемъ Новѣгородѣ) также поѣхалъ съ братьями въ орду; представилъ Узбеку долговременную вѣрность отца своего, обѣщалъ заслужить милость царскую и былъ объявленъ великимъ княземъ: прочіе долженствовали ему повиноваться какъ главѣ или старѣйшему. Безъ сомнѣнія, не краснорѣчіе юнаго Симеона и не дружба ханова къ его родителю произвела сіе дѣйствіе, но другая сильнѣйшая для варваровъ причина: корысть и подкупъ. Моголы, нѣкогда ужасные своею дикостію въ снѣжныхъ степяхъ Татаріи, измѣнились характеромъ на берегахъ Чернаго моря, Дона и Волги, узнавъ пріятности роскоши, доставляемыя имъ торговлею образованной Европы и Азіи; уже менѣе любили опасности битвъ и тѣмъ болѣе удовольствіе нѣги, соединенной съ грубою пышностью: обольщались золотомъ какъ главнымъ средствомъ наслажденія. Любимцы прежнихъ хановъ искали завоеваній: любимцы Узбековы требовали взятокъ и продавали его милости; а князья Московскіе, умноживъ свои доходы пріобрѣтеніемъ новыхъ областей и новыми торговыми сборами, находили ревностныхъ друзей въ ордѣ или могли удовлетворять алчному корыстолюбію ея вельможъ и, называясь смиреннымъ именемъ слугъ ханскихъ, сдѣлались могущественными государями.

Симеонъ, въ бодрой юности достигнувъ великокняжескаго сана, умѣлъ пользоваться властію, не уступалъ въ благоразуміи отцу и слѣдовалъ его правиламъ: ласкалъ хановъ до уничиженія, но

строго повелѣвалъ князьями россійскими и заслужилъ имя Гордаго. Торжественно возсѣвъ на престолъ въ соборномъ храмѣ Владимірскомъ, онъ при гробѣ отца клялся братьямъ жить съ ними въ любви, имѣть всегда однихъ друзей и враговъ; взялъ съ нихъ такую же клятву и скоро имѣлъ случай доказать твердость своего правленія. Считая себя законнымъ государемъ Новагорода, онъ послалъ намѣстниковъ въ Торжокъ для собранія дани. Недовольные симъ дѣйствіемъ самовластія, тамошніе бояре призвали новогородцевъ, которые, заключивъ намѣстниковъ княжескихъ въ цѣпи, объявили Симеону, что онъ только государь Московскій; что Новгородъ избираетъ князей и не терпитъ насилія. Симеонъ, не споря съ ними о правахъ, готовилъ войско. Новгородцы также вооружались; но чернь требовала мира, а жители Торжка взбунтовались: выгнали отъ себя новогородскихъ чиновниковъ и бояръ своихъ, убивъ одного знатнѣйшаго и разломавъ домы прочихъ; освободили намѣстниковъ Симеоновыхъ и съ усердными восклицаніями приняли великаго князя, окруженнаго полками московскими, суздальскими, ярославскими и другими. Всѣ удѣльные князья и бояре ихъ составляли его дворъ воинскій. Тутъ же былъ и митрополитъ Ѳеогностъ. Встревоженные новогородцы велѣли областнымъ жителямъ идти въ столицу для ея защиты; послали архіепископа съ боярами въ Торжокъ требовать мира; уступили Симеону всю народную дань, собираемую въ области сего пограничнаго города, или 1.000 рублей серебра, и были довольны тѣмъ, что великій князь, слѣдуя обыкновенію, грамотою обязался наблюдать ихъ древніе уставы.

Согласивъ честь княжескую съ обычаемъ народа вольнаго, Симеонъ распустилъ войско и вдругъ услышалъ, что Ольгердъ, сынъ Гедиминовъ, князь Витебскій, осадилъ Можайскъ, съ намѣреніемъ завоевать его для владѣтеля смоленскаго, союзника Литвы. Великій князь не успѣлъ сразиться съ непріятелемъ: Ольгердъ выжегъ предмѣстіе; но, видя крѣпость города и мужество защитниковъ, отступилъ, можетъ быть, и для того, что въ сіе время умеръ славный Гедиминъ, отказавъ каждому изъ семи сыновей особенный удѣлъ. Ольгердъ, второй сынъ, превосходилъ братьевъ умомъ и славолюбіемъ; велъ жизнь трезвую, дѣятельную; не пилъ ни вина, ни крѣпкаго меду, не терпѣлъ шумныхъ пиршествъ, и когда другіе тратили время въ суетныхъ забавахъ, онъ совѣтовался съ вельможами или съ самимъ собою о способахъ распространить власть свою.

Въ тотъ же годъ умеръ и знаменитый ханъ капчакскій, Узбекъ, памятный въ нашей исторіи разореніемъ Твери и бѣдствіями Михаилова рода, союзникъ и пріятель папы Венедикта XII, который надѣялся склонить его къ христіанству, и коему онъ доз-

вопъ утверждать вѣру латинскую въ странахъ черноморскихъ, особенно въ землѣ ясовъ, обращенныхъ монахомъ римскимъ Іоною Валентомъ: жена ханова и сынъ присылали дары Венедикту, и Генуэзцы, жители Кафы, ѣздили къ нему въ качествѣ пословъ татарскихъ. Но Узбекъ не думалъ измѣнить Алкорану, терпя христіанъ единственно какъ политикъ благоразумный. Сынъ его, Чанибекъ, подобно отцу ревностный служитель Магометовой вѣры, открылъ себѣ путь къ престолу убіеніемъ двухъ братьевъ, и князья Россійскіе вмѣстѣ съ митрополитомъ долженствовали немедленно ѣхать въ орду, чтобы смиренно пасть предъ окровавленнымъ ея трономъ. Съ честію и милостію отпустивъ Симеона, ханъ долго держалъ митрополита, требуя, чтобы онъ, богатый доходами, серебромъ и золотомъ, ежегодно платилъ церковную дань татарамъ; но Ѳеогностъ ссылался на льготныя грамоты хановъ, и Чанибекъ удовольствовался, наконецъ, шестью стами рублей, даромъ единовременнымъ: ибо—что достойно замѣчанія — не дерзнулъ самовольно отмѣнить устава своихъ предковъ; а Ѳеогностъ, за его твердость, былъ прославленъ нашимъ духовенствомъ. Все осталось, какъ было при Узбекѣ; одинъ князь Пронскій, Ярославъ, сынъ убіеннаго Александра, милостію новаго хана распространилъ свое владѣніе. Гнусный убійца, Іоаннъ Коротополъ, лишился престола и жизни. Провождаемый Киндякомъ, вельможею Чанибека, Ярославъ осадилъ Іоанна въ столицѣ: сей злодѣй ночью бѣжалъ, однакожъ не избавился отъ казни; его умертвили чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ. Къ сожалѣнію, татары, будучи орудіями справедливой мести, не могли дѣйствовать безкорыстно: они хотѣли добычи и плѣнили многихъ жителей Переславля Рязанскаго. Ярославъ княжилъ съ того времени въ Ростиславлѣ (нынѣ селѣ на берегу Оки) и чрезъ два года умеръ; а наслѣдники его — кажется, добровольно — уступили послѣ сіе пріобрѣтеніе сыну Коротопола, Олегу.

Въ отсутствіе Симеона псковитяне воевали съ ливонскими нѣмцами, которые убили въ Летгаліи пословъ ихъ. Во Псковѣ начальствовалъ князь Александръ Всеволодовичъ, коего родъ намъ не извѣстенъ: отмстивъ нѣмцамъ разореніемъ селъ въ юго-восточной Ливоніи, онъ уѣхалъ въ Новгородъ, и псковитяне тщетно убѣждали его возвратиться, представляя ему свою опасность; тщетно молили и новгородское правительство дать имъ намѣстника и войско. Такъ говоритъ ихъ собственный лѣтописецъ, прибавляя, что нѣмцы заложили крѣпость Нейгаузенъ въ границахъ Россіи, на берегу рѣки Пижвы, что псковитяне, взявъ предмѣстіе Ругодива или Нарвы (города, основаннаго датчанами въ 1223 году) и слыша о сильныхъ вооруженіяхъ ордена, отправили въ Витебскъ пословъ, которые сказали Ольгерду: „Братья наши,

новогородцы, въ злобѣ своей не помогаютъ намъ. Государь! вступись за утѣсненныхъ". Но лѣтописецъ новогородскій обвиняетъ псковитянъ въ вѣроломствѣ: они сами, по его извѣстію, выслали князя Александра Всеволодовича и, встрѣтивъ новогородцевъ, шедшихъ защитить ихъ отъ рыцарей, совѣтовали имъ возвратиться, увѣряя, что опасность миновалась и что нѣмцы строятъ крѣпости на своей землѣ. Сіе было въ началѣ весны: 20 іюля Ольгердъ какъ союзникъ явился во Псковѣ съ дружиною и съ братомъ Кестутіемъ. Они думали идти въ Ливонію; но рыцари, истребивъ ихъ передовой отрядъ, вдругъ осадили Изборскъ и, схвативъ племянника Гедиминова Любка, изрубили его въ куски. Огорченные смертію сего князя, Ольгердъ и Кестутій отказались дѣйствовать для спасенія осажденныхъ, и жители, не имѣя ни капли воды, долженствовали бы сдаться, если бы нѣмцы не отступили отъ города, испуганные, какъ вѣроятно, слухомъ о литовской силѣ. Хотя псковитяне не могли быть весьма довольны союзникомъ, однакожъ молили Ольгерда снова принять вѣру христіанскую, имъ отверженную, и княжить въ ихъ области, надѣясь, что въ такомъ случаѣ онъ будетъ уже вѣрнымъ ея защитникомъ. Вмѣсто себя Ольгердъ далъ имъ сына, именемъ Андрея, и позволилъ ему креститься; но какъ сей юный князь, оставивъ у нихъ намѣстника, вслѣдъ за отцомъ уѣхалъ въ Литву, то граждане для своей безопасности старались помириться съ Новымгородомъ и признали верховную власть его надъ ними.

Въ сіе время Новгородъ самъ находился въ обстоятельствахъ неблагопріятныхъ. Пожары истребили большую часть онаго: конецъ Неревскій, Людинъ и Славянскій; не уцѣлѣли ни домъ архіепископа, ни мостъ, ни богатыя церкви: Софійская, Борисо-Глѣбская и Сорока Мучениковъ. Люди бѣжали изъ домовъ и жили внѣ города, на полѣ, даже въ лодкахъ, непрестанно ожидая новыхъ пожаровъ, такъ что архіепископъ едва успокоилъ ихъ церковными ходами и молебнами. Другого рода несчастіе состояло въ дерзости и междоусобіи гражданъ. Въ началѣ Симеонова княженія толпа ихъ удальцевъ опустошила Устюжну и волости Бѣлозерскія, которыя зависѣли отъ великаго князя. Еще въ 1294 году одинъ изъ знатныхъ бояръ новогородскихъ, построивъ крѣпость близъ границъ эстонскихъ, хотѣлъ тамъ властвовать независимо: оскорбленное правительство велѣло срыть оную и сжечь его село. Сей примѣръ должнаго наказанія не могъ обуздать своевольныхъ: сынъ умершаго посадника Вароломея, именемъ Лука, набралъ шайку бродягъ и, разоривъ множество деревень въ Заволочьѣ, по Двинѣ и Вагѣ, основалъ для своей безопасности городокъ Орлецъ на рѣкѣ Емцѣ. Его умертвили жители какъ разбойника; но чернь новогородская, преданная ему, думала, что онъ убитъ

слугами посадника Θеодора, и требовала мести. Граждане раздѣлились на два вѣча: одно было у св. Софіи за Луку, другое на дворѣ Ярослава за посадника. Архіепископъ и намѣстникъ княжескій едва отвратили кровопролитіе.

Однакожъ новогородцы были готовы стоять всѣми силами за псковитянъ, которые, въ надеждѣ на ихъ дружбу, рѣшились смѣлѣе воевать Ливонію, предводимые какимъ-то княземъ Іоанномъ и Евстафіемъ Изборскимъ. Они пять дней не сходили съ коней, опустошая села вокругъ Оденпе. Магистръ Бурхардъ гнался за ними до границы и съ жаромъ началъ битву, въ коей россіяне, утомленные и гораздо слабѣйшіе числомъ, купили побѣду кровію нѣкоторыхъ лучшихъ бояръ своихъ, а нѣмцы лишились славнѣйшаго изъ ихъ витязей, Іоанна Левенвольда. Между тѣмъ въ Изборскѣ и Псковѣ народъ былъ въ ужасѣ: одинъ священникъ, прибѣжавъ съ мѣста битвы, объявилъ, что нѣмцы умертвили всѣхъ россіянъ, но отправленные гонцы псковскіе нашли рать свою уже подъ стѣнами Изборска, гдѣ князья и воины отдыхали среди плѣнниковъ и трофеевъ. Орденъ заключилъ миръ съ городомъ Псковомъ, ибо имѣлъ опасныхъ непріятелей внутри собственныхъ владѣній. Историкъ Ливоніи говоритъ, что сія земля могла тогда справедливо называться „небомъ дворянъ, раемъ духовенства, золотымъ рудникомъ иностранцевъ и адомъ утѣсненныхъ земледѣльцевъ“. Въ 1343 г. открылось всеобщее возмущеніе въ Эстоніи: народъ умертвилъ множество датчанъ и нѣмцевъ, осадилъ Ревель, взялъ крѣпость Эзельскую. Около двухъ лѣтъ продолжалась война кровопролитная: мечъ и голодъ истребили большую часть бѣдныхъ жителей, и король датскій за 19,000 марокъ серебра уступилъ нѣмецкому ордену всѣ права свои на Эстонію.

Въ Литвѣ сдѣлалась перемѣна. Сынъ Гедиминовъ Евнутій княжилъ въ Вильнѣ, Наримантъ въ Пинскѣ, Кестутій въ Трокахъ. Послѣдній вступилъ въ тѣсный союзъ съ Ольгердомъ: будучи оба властолюбивы, они условились соединить раздробленное отечество и неожидаемо взяли Вильну съ другими городами. Евнутій ушелъ въ Смоленскъ, Наримантъ къ хану татарскому. Ольгердъ же, присвоивъ себѣ господство надъ прочими братьями, сдѣлался владыкою единодержавнымъ. Устроивъ порядокъ внутри государства, сей князь обратилъ глаза на Россію: онъ слышалъ, что новогородцы явно поносятъ честь его; сверхъ того, изгнанникъ Евнутій прибѣгнулъ къ великому князю Симеону, крестился въ Москвѣ, названный христіанскимъ именемъ, и хвалился дружбою россіянъ. Ольгердъ вступилъ въ область Шелонскую: завоевалъ Опоку и берега Луги, взялъ 300 рублей дани съ Порхова и велѣлъ сказать новогородцамъ: „вашъ посадникъ Евстафій осмѣ-

лился всенародно назвать меня псомъ: обида столь наглая требуетъ мести; иду на васъ". Они вооружились, чтобы сразиться съ Литвою. Но посадникъ имѣлъ враговъ между согражданами, утверждавшихъ, что безразсудно лить кровь многихъ за нескромность одного чиновника; что лучше принести его въ жертву отечеству и тѣмъ удовольствовать раздраженнаго Ольгерда. Другіе, уже будучи въ походѣ, согласились съ ними и, возвратясь съ пути, умертвили Евстафія на вѣчѣ. Сіе дѣло, противное народной чести, противное всѣмъ законамъ, есть одно изъ постыднѣйшихъ въ исторіи новогородской, буде лѣтописцы не скрыли нѣкоторыхъ обстоятельствъ, уменьшающихъ его гнусность. Ольгердъ былъ доволенъ уничиженіемъ гордѣйшаго изъ народовъ россійскихъ и согласился на миръ, чтобы воевать съ Нѣмецкимъ орденомъ, коего великій магистръ чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ одержалъ надъ Литвою блестящую побѣду, горестную для Витебска, Полоцка и Смоленска: ибо жители сихъ городовъ сражались подъ знаменами Ольгерда.

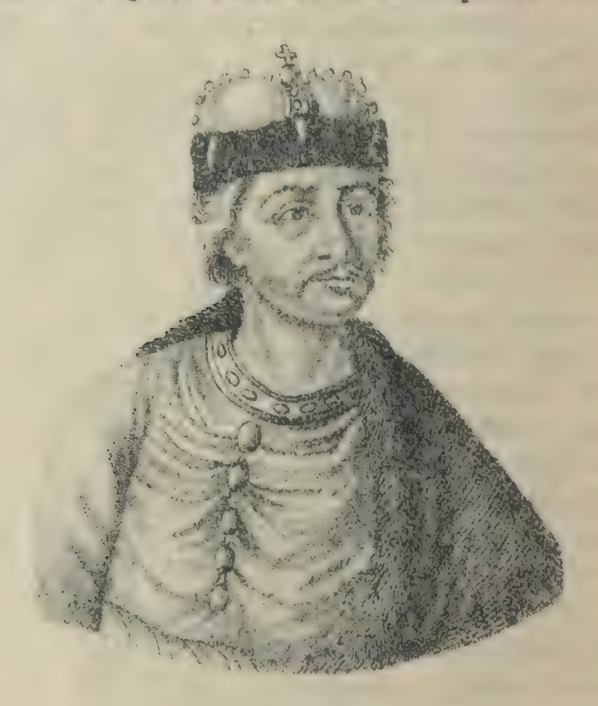
Гораздо лучше и великодушнѣе поступили новогородцы въ дѣлахъ съ Швеціею. Король Магнусъ, легкомысленный, надменный, вздумалъ загладить грѣхи своего нескромнаго сластолюбія, услужить папѣ и прославиться подвигомъ благочестивымъ; собралъ въ Стокгольмѣ государственный совѣтъ и предложилъ ему силою обратить россіянъ въ латинскую вѣру, требуя людей и денегъ. Сіе намѣреніе казалось совѣту достохвальнымъ; но Швеція, истощенная корыстолюбіемъ духовенства, могла только дать людей Магнусу. Король дерзнулъ прикоснуться къ церковнымъ сокровищамъ или доходамъ св. Петра; презрѣлъ неудовольствіе епископовъ и нанялъ многихъ нѣмецкихъ воиновъ. Въ сіе время славилась тамъ пророчествами и святостію вдовствующая супруга вельможи Гудмарсона, дочь Биргерова, именемъ Бригитта: она, какъ вдохновенная Пиѳія, заклинала Магнуса не брать съ собою развратныхъ иноземцевъ, но идти на Россію съ одними набожными шведами и готами, достойными воевать для успѣховъ истины: въ противномъ случаѣ грозила ему бѣдствіемъ. Король смѣялся надъ ея предсказаніемъ и, съ войскомъ многочисленнымъ приплывъ къ острову Березовому или Біорку, послалъ объявить новогородцамъ, чтобы они избрали русскихъ философовъ для пренія со шведскими о вѣрѣ и приняли латинскую, если она будетъ найдена лучшею, или готовились воевать съ нимъ. Архіепископъ Василій, посадникъ, всѣ чиновники и граждане, изумленные такимъ предложеніемъ, благоразумно отвѣтствовали: „Ежели король хочетъ знать, какая вѣра лучше, греческая или римская, то можетъ для состязанія отправить людей ученыхъ къ патріарху цареградскому: ибо мы приняли законъ отъ грековъ,

и не намѣрены входить въ суетные споры. Когда же Новгородъ чѣмъ-нибудь оскорбилъ шведовъ, то Магнусъ да объявитъ свои неудовольствія нашимъ посламъ". Бояринъ Козма Твердиславичъ поѣхалъ для свиданія съ королемъ; но Магнусъ сказалъ ему, что онъ, не имѣя никакихъ причинъ къ неудовольствію, желаетъ только обратить россіянъ на путь душевнаго спасенія, добровольно или оружіемъ. Война началася. Шведы приступили къ Орѣхову, предлагая окрестнымъ жителямъ на выборъ смерть или папу. Сіе безумное насиліе воспалило гнѣвъ и мужество въ новогородцахъ. Воины стекались къ нимъ изъ областей въ Ладогу. Хотя Орѣховъ (гдѣ былъ еще намѣстникъ сына Гедиминова, Нариманта) сдался Магнусу; но потерявъ 500 человѣкъ въ битвѣ на берегахъ Ижеры, имѣя недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ, видя множество больныхъ въ своемъ войскѣ, и зная, что россіяне идутъ со всѣхъ сторонъ окружить его флотъ на рѣкѣ Невѣ, сей легкомысленный король увѣрился въ истинѣ Бригиттина предсказанія, оставилъ нѣсколько полковъ въ Невской крѣпости и возвратился въ отечество съ однимъ стыдомъ и съ десятью плѣнниками, въ числѣ коихъ были Аврамъ тысячскій и Козьма Твердиславичъ, взятые въ Орѣховѣ. Шведскіе лѣтописцы говорятъ, что Магнусъ, овладѣвъ симъ городкомъ и неволею крестивъ жителей по обрядамъ Римской церкви, великодушно освободилъ ихъ; что они дали ему клятву склонить всѣхъ своихъ единоземцевъ къ принятію латинской вѣры, но коварно обманули его и дѣйствовали послѣ какъ самые злѣйшіе непріятели шведовъ и папы.

Великій князь, повидимому, мало заботился о новогородцахъ, и только однажды (въ 1347 году) жилъ у нихъ три недѣли, призванный ими чрезъ архіепископа. Слыша о нападеніи шведовъ, онъ долго медлилъ; наконецъ, выступилъ съ войскомъ, но возвратился въ Москву за какимъ-то ханскимъ дѣломъ и вмѣсто себя велѣлъ идти въ Новгородъ брату своему Іоанну съ Константиномъ Ростовскимъ; а сіи князья, свѣдавъ, что Орѣховъ завоеванъ Магнусомъ, немедленно ушли назадъ, не принявъ, какъ говоритъ лѣтописецъ, архіепископскаго благословенія, ни челобитья новогородскаго. Вѣроятно, что не робость, но хитрыя намѣренія политическія были тому причиною: Симеонъ хотѣлъ, кажется, довести сей величавый народъ до крайности и воспользоваться ею для утвержденія своей власти надъ онымъ.—„Князь оставляетъ насъ",—говорили новогородцы:—возложимъ упованіе на Бога и на святую Софію". Вспомогательная дружина псковская была въ ихъ станѣ подъ Ладогою; они хотѣли доказать свою благодарность за усердіе и торжественно объявили, что знаменитый городъ Псковъ долженъ впредь называться младшимъ братомъ Но-

вагорода. „Одна любовь и вѣра да утвердятъ искренній, вѣчный союзъ между нами!“—сказали новогородцы псковитянамъ:—„не будемъ давать вамъ посадниковъ; не будемъ требовать васъ на судъ къ св. Софіи; правьте и рядите сами; а для суда церковнаго архіепископъ изберетъ намѣстника изъ вашихъ согражданъ“. Такимъ образомъ отчизна св. Ольги пріобрѣла гражданскую независимость—и, къ сожалѣнію, запятнала себя чернымъ дѣломъ неблагодарности. Когда новогородцы въ августѣ мѣсяцѣ приступили къ Орѣхову и, видя упорство шведовъ, рѣшились зимовать въ станѣ: псковитяне, не захотѣвъ терпѣть ненастья и холода, объявили, что идутъ обратно въ землю свою, разоряемую нѣмцами. Ливонскіе рыцари, дѣйствительно, нарушивъ тогда миръ, выжгли села на границѣ въ области Изборской, Островской и самое предмѣстіе Пскова: слѣдственно, обстоятельства извиняли псковитянъ, и новогородцы, согласные на ихъ отступленіе, желали единственно, чтобы оно было ночью и чтобы непріятель не видалъ его; но чиновники псковскіе, въ досаду великодушнымъ благодѣтелямъ, вывели рать свою изъ стана въ самый полдень, затрубили въ трубы, ударили въ бубны и тѣмъ порадовали шведовъ, которые, стоя на валу, громко смѣялись. Оставленные великимъ княземъ и союзниками, новогородцы не уныли, сдѣлали приметъ къ стѣнамъ крѣпости, взяли оную 24 февраля, убивъ или плѣнивъ 800 непріятелей, и торжествовали сей успѣхъ какъ славное происшествіе для отечества и вѣры. Они положили употребить отнятое ими у шведовъ серебро на украшеніе церкви Бориса и Глѣба, отправили плѣнниковъ въ Москву къ Симеону; и, несмотря на худую вѣрнось псковитянъ, сдержали данное имъ слово, считая ихъ съ того времени уже не подданными, а совершенно вольными въ избраніи гражданскихъ правителей. Чтобы озаботить Магнуса съ другой стороны его владѣній, новогородцы изъ двинской земли ходили воевать Норвегію; разбили также шведовъ подъ Выборгомъ; наконецъ, заключивъ съ ними миръ въ Дерптѣ, размѣнялись плѣнниками, съ условіемъ, чтобы область Яскиская, Эграпская и часть Саволакса принадлежали Россіи: Систербекъ остался границею. Договоръ былъ подписанъ королемъ, графомъ Генрикомъ Голштейскимъ, вельможами Турсономъ, Гейннигомъ, священникомъ Вамундомъ и двумя готландскими купцами; также новогородскимъ посадникомъ Юріемъ, тысячскимъ Авраамомъ и другими боярами. Хотя король въ 1351 году замышлялъ новую войную противъ россіянъ и папа въ угодность ему дозволилъ его витязямъ ознаменоваться святымъ крестомъ, но внутренніе раздоры и несчастія Швеціи не допустили сего вѣтренаго монарха вторично безумствовать для мнимаго душевнаго спасенія.

Между тѣмъ великій князь былъ занятъ иными дѣлами. Узнавъ, что Ольгердъ, тѣснимый нѣмцами, прислалъ къ хану брата своего, Коріяда, требовать помощи, Симеонъ внушилъ Чанибеку, что сей коварный язычникъ есть врагъ Россіи, подвластной татарамъ, слѣдственно и самихъ татаръ; а ханъ, убѣжденный представленіями московскихъ бояръ, выдалъ имъ Коріяда съ другими по-



СИМЕОНЪ I. ІОАННОВИЧЪ.

Гордый?

Вел. Кн. Россійский

слами литовскими. Столь беззаконное дѣйствіе могло справедливо раздражить Ольгерда; но, вмѣсто злобы, онъ изъявилъ Симеону желаніе быть его другомъ: ибо тогдашнія обстоятельства Литвы не позволяли ему искать новыхъ непріятелей. Мы упоминали о мирномъ договорѣ Казимира Польскаго съ Литвою, отдавшаго Любарту и Кестутію всю западную Волынію съ городомъ Брестомъ: перемѣнивъ мысли, Казимиръ, въ 1349 году, отнялъ у нихъ сіе

владѣніе, изъ милости давъ Любарту одинъ Луцкъ, а нѣкоторыхъ частныхъ князей россійскихъ, потомковъ св. Владиміра, оставивъ господствовать въ ихъ удѣлахъ какъ своихъ присяжниковъ. Сіе происшествіе заставило Ольгерда и братьевъ его искать дружбы Симеоновой, тѣмъ естественнѣе, что король польскій, ободренный успѣхами, вздумалъ быть гонителемъ церкви греческой, тѣснилъ духовенство въ Волыніи и православныя церкви обращалъ въ латинскія. Граждане стенали: утративъ государственную независимость, они еще умѣли крѣпко стоять за вѣру отцовъ и, гнушаясь насиліемъ папистовъ, славили терпимость литовскаго правленія; а гласъ народа единокровнаго громко отзывался въ Москвѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что и митрополитъ ревностно ходатайствовалъ за князей литовскихъ—которые не мѣшали ему повелѣвать духовенствомъ въ Волыніи—особенно же за Любарта, усерднаго сына нашей церкви. Итакъ, великій князь, согласно съ общимъ желаніемъ, не только освободилъ Коріяда, взявъ за него окупъ, но вступилъ и въ тѣсную связь съ сыновьями Гедимина, утвержденную свойствомъ: Любартъ женился на ростовской княжнѣ, племянницѣ Симеона; язычникъ Ольгердъ на его своячинѣ Іуліаніи, дочери Александра Михайловича Тверскаго. Сіе второе бракосочетаніе затрудняло совѣсть великаго князя; но митрополитъ Ѳеогностъ благословилъ оное, въ надеждѣ, какъ вѣроятно, что Ольгердъ рано или поздно будетъ христіаниномъ, и съ условіемъ, чтобы его дѣти воспитывались въ истинной вѣрѣ. Изгнанникъ Евнутій, покровительствуемый Россіею, могъ безопасно возвратиться въ отечество: братья дали ему удѣлъ въ Минской области.

Въ то время, когда государь польскій веселился и торжествовалъ свои успѣхи въ Краковѣ, литовскіе князья въ тишинѣ собирали войско, имѣли тайныя сношенія съ жителями Волыніи и, желая еще болѣе усыпить Казимира, обѣщали ему принять Римскую вѣру, такъ что папа, Климентъ VI, уже готовился послать имъ знаки королевскаго сана. Но хитрость обнаружилась: увѣренные въ дружбѣ Московскаго князя и пользуясь его содѣйствіемъ для умноженія своихъ ревностныхъ доброжелателей въ юго-западной Россіи, Ольгердъ, Кестутій и Любартъ ударили на поляковъ и выгнали ихъ изъ Волыніи. Съ сего времени четыре народа спорили о древнемъ достояніи нашего отечества: о Галиціи, Подоліи и землѣ Волынской. Моголы, по сказанію флорентійскаго современнаго историка, изгнанные изъ своихъ жилищъ голодомъ, около 1351 года ворвались въ землю брацлавскую, гдѣ властвовалъ одинъ изъ Россійскихъ князей, Людовикъ; король венгерскій, его покровитель, старался вытѣснить ихъ оттуда: въ 1354 году, вмѣстѣ съ Казимиромъ Великимъ, перешелъ за

Бугъ и взялъ въ плѣнъ юнаго князя татарскаго. Однакожъ моголы еще нѣсколько лѣтъ держались въ окрестностяхъ Днѣстра. Венгрія хотѣла присвоить себѣ Галицію и, наконецъ, долженствовала уступить оную Польшѣ; а князья Литовскіе удерживали въ своемъ подданствѣ большую часть другихъ западныхъ областей Россійскихъ, до самаго XVI вѣка, когда Литва и Польша составили одно государство.

Несмотря на союзъ Гедиминовыхъ сыновей съ великимъ княземъ, псковитяне сдѣлались непріятелями Литвы: намѣстникомъ Андрея Ольгердовича былъ у нихъ вельможа княжескаго рода, именемъ Юрій Витовтовичъ, въ 1349 году убитый нѣмцами въ нечаянномъ набѣгѣ, подъ стѣнами Изборска: мужъ храбрый и благочестивый христіанинъ, оплаканный народомъ и погребенный въ соборной церкви. Его кончина прервала связь гражданъ псковскихъ съ Литвою. Взявъ крѣпость, заложенную нѣмцами на берегу Наровы, и гордясь сею удачею, они велѣли сказать князю Андрею: „ты не хотѣлъ самъ управлять нами: мы же не хотимъ теперь ни твоихъ намѣстниковъ, ни тебя». Вслѣдствіе чего Ольгердъ задержалъ купцовъ псковскихъ, отнявъ у нихъ товары; а сынъ его, Андрей, княжившій тогда въ Полоцкѣ, опустошилъ нѣсколько селъ на рѣкѣ Великой.

Но хитрый Ольгердъ пользовался дружбою Симеона. Свѣдавъ, что великій князь, недовольный смоленскимъ владѣтелемъ, союзникомъ Литвы, намѣренъ ему объявить войну, Ольгердъ желалъ быть ихъ миротворцемъ. Послы литовскіе нашли Симеона, провождаемаго братьями и другими князьями, въ Вышегородѣ, на берегу Протвы, и вручили ему богатые дары вмѣстѣ съ дружескимъ письмомъ отъ своего государя. Великій князь уважилъ его ходатайство, но шелъ далѣе къ рѣкѣ Угрѣ: тамъ, встрѣтивъ пословъ смоленскихъ, онъ заключилъ миръ и возвратился въ Москву быть свидѣтелемъ и, какъ вѣроятно, жертвою ужаснаго гнѣва Небеснаго.

Еще въ 1346 году былъ моръ въ странахъ Каспійскихъ, Черноморскихъ, въ Арменіи, въ землѣ Абазинской, Ясской и Черкесской, въ Орнѣ при устьяхъ Дона, въ Бездежѣ, въ Астрахани и въ Сараѣ. Пишутъ, что сія жестокая язва, извѣстная въ лѣтописяхъ подъ именемъ черной смерти, началась въ Китаѣ, истребила тамъ около тринадцати милліоновъ людей и достигла Греціи, Сиріи, Египта. Генуэзскіе корабли привезли оную въ Италію, гдѣ равно, какъ и во Франціи, въ Англіи, въ Германіи, цѣлые города опустѣли. Въ Лондонѣ на одномъ кладбищѣ было схоронено 50,000 человѣкъ. Въ Парижѣ отчаянный народъ требовалъ казни всѣхъ жидовъ, думая, что они сыплютъ ядъ въ колодези. Въ 1349 году началась зараза и въ Скандинавіи; отту-

да или изъ нѣмецкой земли перешла она въ Псковъ и Новгородъ: въ первомъ открылась весною 1352 года и свирѣпствовала до зимы съ такою силою, что едва осталась треть жителей. Болѣзнь обнаруживалась железами въ мягкихъ впадинахъ тѣла; человѣкъ харкалъ кровію и на другой или на третій день издыхалъ. Нельзя, говорятъ лѣтописцы, вообразить зрѣлища столь ужаснаго: юноши и старцы, супруги, дѣти лежали въ гробахъ другъ подлѣ друга; въ одинъ день исчезали семейства многочисленныя. Каждый іерей по утру находилъ въ своей церкви 30 усопшихъ и болѣе; отпѣвали всѣхъ вмѣстѣ, и на кладбищахъ уже не было мѣста для новыхъ могилъ; погребали за городомъ, въ лѣсахъ. Сперва люди корыстолюбивые охотно служили умирающимъ, въ надеждѣ пользоваться ихъ наслѣдствомъ; когда же увидѣли, что язва сообщается прикосновеніемъ и что въ самомъ имуществѣ зараженныхъ таится жало смерти, тогда и богачи напрасно искали помощи: сынъ убѣгалъ отца, братъ брата. Напротивъ того, нѣкоторые изъявляли великодушіе: не только своихъ, но и чужихъ мертвецовъ носили въ церковь; служили панихиды и съ усердіемъ молились среди гробовъ. Другіе спѣшили оставить міръ, заключились въ монастыряхъ, или отказывали церквамъ свое богатство: села, рыбныя ловли, питали, одѣвали нищихъ и благодѣяніями готовились къ вѣчной жизни. Однимъ словомъ, думали, что всѣмъ умереть должно. Въ сихъ обстоятельствахъ несчастные псковитяне звали къ себѣ архіепископа Василія благословить ихъ и вмѣстѣ съ ними принести жертву моленія Всевышнему: какъ достойный пастырь церкви, онъ спѣшилъ ихъ утѣшить, презирая опасность. Встрѣченный народомъ съ изъявленіями живѣйшей благодарности, Василій облачился въ ризы святительскія: взялъ крестъ и, провождаемый духовенствомъ, всѣми гражданами, самыми младенцами, обошелъ вокругъ города. Іереи пѣли божественныя пѣсни; иноки несли мощи; народъ молился громогласно, и не было такого каменнаго сердца, по словамъ лѣтописи, которое не изливалось бы въ слезахъ предъ Всевидящимъ Окомъ. Еще смерть не насытилась жертвами; но архіепископъ успокоилъ души, и псковитяне, вкусивъ сладость христіанскаго умиленія, терпѣливѣе ожидали конца своему бѣдствію: оно прекратилось въ началѣ зимы.

Василій, безъ сомнѣнія, зараженный язвою, на возвратномъ пути скончался, къ великому сожалѣнію новогородцевъ и примиренныхъ съ нимъ псковитянъ. Сей архіепископъ былъ отмѣнно любимъ первыми: бралъ всегда ревностное участіе въ дѣлахъ правленія; строилъ не только храмы, но и мосты, нужные для удобнаго сообщенія людей, и собственными руками заложилъ новую городскую стѣну на другой сторонѣ Волхова; украсилъ Со-

фійскую церковь мѣдными, вызолоченными вратами и живописью греческою; славился также разумомъ: былъ учителемъ крестнаго сына своего, Михаила Александровича Тверскаго, и въ образецъ тогдашнихъ богословскихъ понятій оставилъ намъ письмо къ епископу тверскому Өеодору, доказывая въ ономъ, что рай и адъ дѣйствительно существуютъ на землѣ, вопреки мнѣнію новыхъ еретиковъ, которые признаютъ ихъ мысленными или духовными. Уважая гражданскія и пастырскія достоинства Василія, великодушно умершаго для облегченія страждущихъ псковитянъ, осудимъ ли сего знаменитаго мужа за то, что онъ искалъ рая на Бѣломъ морѣ и вѣрилъ, что нѣкоторые путешественники новогородскіе видѣли оный издали? Василій первый изъ архіепископовъ получилъ отъ митрополита крещатыя ризы въ знакъ отличія и бѣлый клобукъ, какъ пишутъ, отъ патріарха цареградскаго, донынѣ хранимый въ новогородской софійской ризницѣ и прежде носимый въ Греціи тѣми святителями, которые бывали поставляемы изъ бѣлаго духовенства.

Скоро язва посѣтила и Новгородъ, гдѣ отъ 15 августа до Пасхи умерло множество людей. То же было и въ другихъ областяхъ россійскихъ: въ Кіевѣ, Черниговѣ, Смоленскѣ, Суздалѣ. Въ Глуховѣ и Бѣлозерскѣ не осталось ни одного жителя. Такимъ образомъ отъ Пекина до береговъ Евфрата и Ладоги нѣдра земныя наполнились милліонами труповъ, и государства опустѣли. Иностранные историки сего бѣдствія сообщаютъ намъ два примѣчанія: 1) вездѣ гибло болѣе молодыхъ людей, нежели старыхъ; 2) вездѣ, когда зараза миновалась, родъ человѣческій необыкновенно размножался: столь чудесно природа, всегда готовая замѣнять убыль въ ея царствахъ новою дѣятельностію плодотворной силы!

Лѣтописцы наши сказываютъ, что вся Россія испытала тогда гнѣвъ Небесный: слѣдственно и Москва, хотя они не упоминаютъ объ ней въ особенности. Сіе тѣмъ вѣроятнѣе, что въ короткое время скончались тамъ митрополитъ Өеогностъ, великій князь, два сына его и братъ Андрей Іоанновичъ. Симеонъ имѣлъ не болѣе тридцати-шести лѣтъ отъ рожденія. Сей государь, хитрый, благоразумный, пять разъ ѣздилъ въ орду, чтобы соблюсти тишину въ государствѣ; пользуясь отмѣнною благосклонностію хана, исходатайствовалъ для разореннаго Тверского княженія свободу не платить дани моголамъ, и первый, кажется, именовалъ себя великимъ княземъ всея Руси, какъ то вырѣзано на его печати. Видя внезапную смерть предъ собою, онъ постригся (названный именемъ Созонта) и духовнымъ завѣщаніемъ распорядилъ свое достояніе. По кончинѣ первой супруги въ 1345 году Симеонъ сочетался бракомъ съ Евпраксіею, дочерію одного изъ Смолен-

скихъ князей, Ѳеодора Святославича, управлявшаго Волокомъ въ санѣ намѣстника; но чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ отослалъ ее къ отцу, будто бы для того, что „она на свадьбѣ была испорчена и всякую ночь казалась супругу мертвецомъ“. Къ общему неудовольствію и соблазну правовѣрныхъ, Евпраксія вышла за князя Ѳоминскаго, Ѳеодора Краснаго, а Симеонъ женился въ третій разъ на княжнѣ Тверской, Маріи Александровнѣ, прижилъ съ нею четырехъ сыновей, умершихъ въ дѣтствѣ, и въ знакъ любви отказалъ ей наслѣдственныя и купленныя имъ волости: Можайскъ, Коломну, всѣ сокровища, золото, жемчугъ и пятьдесятъ верховыхъ коней. „Кто изъ бояръ“—пишетъ великій князь—„захочетъ служить моей княгинѣ, тотъ, владѣя нашими селами, обязанъ давать ей половину дохода. Всѣмъ людямъ купленнымъ или за вину взятымъ мною въ рабство: сельскимъ тіунамъ (приказчикамъ), старостамъ, ключникамъ или женатымъ на ихъ дочеряхъ объявляю вѣчную свободу.—Вамъ, любезные братья“ (ибо Андрей жилъ еще около шести недѣль), поручаю супругу и бояръ моихъ и приказываю то же, что намъ отецъ приказывалъ: живите согласно, не перемѣняйте уставленнаго мною въ дѣлахъ государственныхъ или судныхъ; не внимайте клеветникамъ и ссорщикамъ; слушайтесь добрыхъ, старыхъ бояръ и нашего владыки Алексія“. Сей знаменитый святитель былъ крестникъ Іоанна Даніиловича, сынъ черниговскаго боярина, Ѳеодора Бяконта, служившаго еще отцу его, и назывался мірскимъ именемъ Елевѳерія: въ самой цвѣтущей юности возненавидѣлъ свѣтъ; къ огорченію родителей, онъ постригся въ московской обители св. Богоявленія, за добродѣтель свою получилъ санъ митрополитова намѣстника и жилъ въ одномъ домѣ съ Ѳеогностомъ, 12 лѣтъ управляя всѣми дѣлами церковными, между тѣмъ, какъ митрополитъ ѣздилъ въ Царьградъ, въ орду и въ отдаленныя епархіи россійскія. Сіи путешествія иногда не дѣлали чести Ѳеогносту: епископы обязывались щедро дарить его, сверхъ угощенія, весьма для нихъ тягостнаго. Но Алексій не думалъ о造 мздѣ и съ неутомимою дѣятельностію занимался только общимъ церковнымъ благоустройствомъ. Поставленный епископомъ Владиміру, онъ гласомъ народа и двора княжескаго былъ назначенъ заступить мѣсто Ѳеогноста, который, готовясь къ смерти, писалъ о томъ къ патріарху, а Симеонъ къ императору Іоанну Кантакузину. Митрополитъ отправилъ послами въ Царьградъ Артемія Воробьина и Михаила Грека, Симеонъ Дементія Давидовича и Юрія Воробьина: они возвратились уже по кончинѣ великаго князя, съ благопріятнымъ отвѣтомъ, чтобы Алексій ѣхалъ въ столицу имперіи для поставленія. Еще при жизни Ѳеогноста терновскій патріархъ самовольно объявилъ митрополитомъ Россіи какого-то инока Ѳеодорита и прислалъ его

въ Кіевъ съ грамотою; но тамошнее духовенство не хотѣло имѣть никакого дѣла съ симъ новымъ патріархомъ и единодушно отвергнуло Θеодорита, какъ самозванца.

Хотя Симеонъ умѣлъ быть дѣйствительно главою князей удѣльныхъ, однакожъ власть его не могла отвратить нѣкоторыхъ раздоровъ между ими. Константинъ Тверскій ссорился съ невѣсткою Анастасіею, вдовствующею супругою Александра Михайловича, и сыномъ ея, Всеволодомъ Холмскимъ, насильственно захватывая ихъ бояръ и доходы. Огорченный Всеволодъ поѣхалъ съ жалобами къ великому князю въ орду, вслѣдъ за дядею, который тамъ и скончался. Ханъ — согласно, можетъ быть, съ волею Симеона,— отдалъ Всеволоду Тверское княженіе, а Василій Михайловичъ Кашинскій, братъ Константиновъ, взявъ дань съ Холма, спѣшилъ къ моголамъ съ богатыми дарами. Дядя и племянникъ встрѣтились въ городѣ Бездежѣ какъ непріятели: второй ограбилъ перваго и, зная, что никто съ пустыми руками не бываетъ правъ въ ордѣ, покойно сѣлъ на престолѣ Тверского княженія; но тамошній епископъ Θеодоръ убѣдилъ его примириться съ дядею, уступить ему Тверь и довольствоваться Холмомъ. Тишина возстановилась: Симеонъ равно покровительствовалъ того и другого князя, будучи зятемъ Всеволода и тестемъ Михаила, сына Василіева; однакожъ Василій не могъ забыть своей обиды, изъявлялъ ненависть къ племяннику и тѣснилъ его владѣніе.

Въ государствованіе Симеона князь Юрій Ярославичъ Муромскій обновилъ древній Муромъ, издавна запустѣвшій, какъ сказываютъ лѣтописцы: то-есть онъ перенесъ сей городъ на его древнее мѣсто (въ 1351 году), построивъ тамъ дворецъ и многія церкви; бояре, купцы начали селиться вокругъ дворца и народъ слѣдовалъ ихъ примѣру. Сей Юрій, по святомъ Глѣбѣ, есть достопамятнѣйшій изъ Муромскихъ князей, о коихъ наша исторія говоритъ мало: ибо они жили тихо отъ недостатка въ силахъ и со временъ Андрея Боголюбскаго зависѣли болѣе отъ великихъ князей Владимірскихъ, нежели Рязанскихъ, хотя ихъ удѣлъ издревле былъ областію Рязани.

Къ церковнымъ достопамятностямъ сего времени принадлежитъ начало Троицкой лавры, столь знаменитой и по важнымъ государственнымъ дѣяніямъ, коихъ она была θеатромъ. Одинъ изъ бояръ ростовскихъ, Кириллъ, съ неудовольствіемъ видя уничиженіе своего князя и самовольство московскихъ чиновниковъ въ его землѣ при Калитѣ, не хотѣлъ быть свидѣтелемъ онаго и переѣхалъ въ городокъ Радонежъ, удѣлъ меньшаго брата Симеонова, Андрея. Тамъ охотно селились люди неизбыточные; ибо намѣстникъ княжескій давалъ имъ льготу и выгоды. Кириллъ же, нѣкогда богатый, отъ разныхъ несчастій оскудѣлъ. Двое изъ юныхъ сыновей его, Сте-

фанъ и Варѳоломей (названный въ монашествѣ Сергіемъ), искали убѣжища отъ мірскихъ печалей въ трудахъ святости: первый сдѣлался игуменомъ Богоявленской обители въ Москвѣ, а второй, живъ долго пустынникомъ въ лѣсахъ дремучихъ, среди безмолвнаго уединенія и дикихъ звѣрей, близъ деревянной церкви св. Троицы, имъ созданной, основалъ нынѣшнюю лавру: ибо слава о добродѣтели его привлекла къ нему многихъ иноковъ. Строгая набожность и христіанское смиреніе возвеличили св. Сергія между современниками: митрополитъ, князья, бояре изъявляли къ нему отмѣнное уваженіе, и мы увидимъ сего благочестиваго мужа исполнителемъ трудныхъ государственныхъ порученій.

Чѣмъ рѣже находимъ въ лѣтописяхъ извѣстія о состояніи художествъ въ древней Россіи, тѣмъ оныя любопытнѣе для историка. Въ княженіе Симеоново были расписаны въ Москвѣ три церкви: соборъ Успенскій, Архангельскій и храмъ Преображенія; первый греческими живописцами Ѳеогноста митрополита, второй россійскими придворными, Захаріею, Іосифомъ и Николаемъ съ товарищами, а третій иностранцемъ Гойтаномъ. Въ сіе же время отличался въ литейномъ искусствѣ россіянинъ Борисъ: онъ лилъ колокола въ Москвѣ и Новѣгородѣ для церквей соборныхъ. Греція все еще имѣла тѣсную связь съ Россіею, присылая намъ не только митрополитовъ, но и художниковъ, которые учили русскихъ. Образованная Германія могла также способствовать успѣху гражданскихъ искусствъ въ нашемъ отечествѣ. Замѣтимъ, что при Симеонѣ начали употреблять въ Россіи бумагу, на коей писанъ договоръ его съ братьями и духовное завѣщаніе. Вѣроятно, что она шла къ намъ изъ нѣмецкой земли чрезъ Новгородъ.

ГЛАВА XI.

Великій князь Іоаннъ II Іоанновичъ.

Г. 1353—1359.

Характеръ великаго князя. — Жестокость Олегова.—Властолюбіе Ольгерда.— Междоусобія. — Дѣйствія духовной власти въ Новѣгородѣ. — Убійство въ Москвѣ. — Дѣла церковныя. — Добродѣтели св. Алексія. Слова юнаго Димитрія.—Смерть и завѣщаніе великаго князя. — Начало княжества Молдавскаго и Волошскаго.

Всѣ князья Россійскіе поѣхали къ орду узнать, кто будетъ ихъ главою, а новогородцы особенно послали туда боярина своего Судокова просить хана, чтобы онъ удостоилъ сей чести Кон-

стантина Суздальскаго, благоразумнаго и твердаго. Вопреки имъ, Чанибекъ избралъ Іоанна Іоанновича Московскаго, тихаго, миролюбиваго и слабаго.

Еще новый государь не возвратился изъ орды, когда юный Олегъ Рязанскій, сынъ Коротопола, овладѣвъ всѣмъ княженіемъ своего отца, дерзнулъ возстать на Московское. Онъ хотѣлъ быть совершенно независимымъ; хотѣлъ также отмстить за убіеніе въ Москвѣ предка его, Константина, и снова присоединить къ Рязани берега Лопасни, гдѣ уже давно и безспорно господствовали Калитины наслѣдники. Сей предлогъ войны могъ казаться отчасти справедливымъ; но юноша Олегъ, преждевременно зрѣлый въ порокахъ жестокаго сердца, дѣйствовалъ какъ будущій достойный союзникъ Мамаевъ: жегъ, грабилъ и, плѣнивъ лопаснинскаго намѣстника Іоаннова, не устыдился мучить его тѣлесно: наконецъ далъ ему свободу, взявъ окупъ, и, заслуживъ ненависть москвитянъ, хвалился любовію рязанцевъ, которые, примѣтивъ въ немъ смѣлость и рѣшительность, въ самомъ дѣлѣ ожидали отъ него геройскихъ подвиговъ.

Кроткій Іоаннъ уклонился отъ войны съ Олегомъ, довольный освобожденіемъ своего намѣстника, и терпѣливо сносилъ ослушаніе новогородцевъ, не хотѣвшихъ быть ему подчиненными, до самаго того времени, какъ Суздальскій князь, Константинъ Васильевичъ, ими любимый, скончался: тогда, уже не видя достойнаго соперника для великаго князя, они приняли намѣстниковъ Іоанновыхъ, а Чанибекъ утвердилъ Нижній Городецъ и Суздаль за сыномъ Константиновымъ, Андреемъ; ибо самое ближайшее право наслѣдственное для владѣтелей россійскихъ не имѣло силы безъ ханскаго согласія. Такъ Іоаннъ Ѳеодоровичъ Стародубскій, по кончинѣ старшаго брата, Димитрія, ждалъ цѣлый годъ грамоты Чанибековой, безъ коей онъ не могъ назваться княземъ сего удѣла.

Время государей тихихъ рѣдко бываетъ спокойно; ибо мягкосердечіе ихъ имѣетъ видъ слабости, благопріятной для внѣшнихъ враговъ и мятежниковъ внутреннихъ. Ольгердъ, выдавъ дочь свою за Бориса Константиновича Суздальскаго, брата Андреева, и женивъ племянника Димитрія Коріядовича на дочери великаго князя, старался, несмотря на то, болѣе и болѣе стѣснять Россію. Смоленскъ и Брянскъ уже давно зависѣли нѣкоторымъ образомъ отъ Литовскаго княженія, какъ союзникъ слабый обыкновенно зависитъ отъ сильнаго: еще недовольный симъ правомъ, Ольгердъ хотѣлъ совершенно овладѣть ими и взялъ въ плѣнъ юнаго князя Іоанна Васильевича, коего отецъ получилъ тогда отъ хана грамоту на удѣлъ Брянскій. Василій скоро умеръ, и сей несчастный городъ, бывъ долгое время жертвою мятежнаго

безначалія, наконецъ (въ 1356 году) поддался Литвѣ. Чтобы открыть себѣ путь къ Тверскому и Московскому княженію, Ольгердъ занялъ было своимъ войскомъ и городокъ Ржевъ; но тверитяне и жители Можайска, встревоженные столь опаснымъ намѣреніемъ, спѣшили вооружиться и выгнали оттуда литовцевъ. Съ другой стороны Андрей Ольгердовичъ, князь Полоцкій, все еще злобствовалъ на Псковитянъ, называя ихъ вѣроломными из-



ІОАННЪ II. ІОАННОВИЧЪ.
Вел. Кн. Россійскій

мѣнниками: они также мстили ему за разбой разбоями въ его области, предводимые мужественнымъ Евстафіемъ Изборскимъ.

Внутри Россіи Муромъ, Тверь и Новгородъ страдали отъ междоусобія. Мы упоминали о князѣ Юріи Ярославичѣ Муромскомъ: родственникъ его Ѳеодоръ Глѣбовичъ, собравъ многочисленную толпу людей (въ 1355 году), изгналъ Юрія, обольстилъ бояръ и вмѣстѣ съ знатнѣйшими изъ нихъ поѣхалъ искать милости ханской. Князь Юрій черезъ недѣлю возвратился въ Муромъ, взялъ остальныхъ бояръ и также отправился къ Чанибеку. Въ ордѣ былъ торжественный судъ между ими. Ѳеодоръ превозмогъ: ханъ

отдалъ ему не только княженіе, но и самого Юрія, скоро умершаго въ несчастіи. Симъ первымъ и послѣднимъ раздоромъ князей муромскихъ заключилась ихъ краткая исторія; родъ оныхъ исчезъ и столица, какъ увидимъ, присоединилась къ великому княженію.

Вражда между Василіемъ Михайловичемъ Тверскимъ и племянникомъ его Всеволодомъ Александровичемъ Холмскимъ не могла быть прекращена ни великимъ княземъ, ни митрополитомъ Алексіемъ, желавшимъ усовѣстить ихъ въ Владимірѣ, гдѣ они для того съѣзжались (въ 1357 году). Василій, особенно покровительствуемый Іоанномъ, угнеталъ Всеволода, къ огорченію добраго тверского епископа Ѳеодора, хотѣвшаго даже оставить свою епархію, чтобы не быть свидѣтелемъ сей несправедливости. Дядя требовалъ суда въ ордѣ, узнавъ, что племянникъ, остановленный на пути великокняжескими намѣстниками, проѣхалъ туда черезъ Литву—и ханъ (въ 1358 году) безъ всякаго изслѣдованія выдалъ бѣднаго Всеволода посламъ Василія, который уже обходился съ нимъ, какъ съ невольникомъ, отнималъ имѣніе у бояръ холмскихъ и налагалъ тяжкія дани на чернь.

Въ Новѣгородѣ былъ великій мятежъ по случаю смѣны посадника. Мы видѣли, что и Симеонъ мало входилъ въ дѣла тамошняго внутренняго правленія: Іоаннъ еще менѣе, и народъ тѣмъ болѣе самовластвовалъ, не уважая намѣстниковъ княжескихъ. Граждане конца Славянскаго, изъ всѣхъ пяти знаменитѣйшаго, вопреки общей волѣ отставили посадника Андреяна; пришли въ доспѣхахъ на дворъ Ярославовъ, разогнали другихъ гражданъ невооруженныхъ, даже умертвили нѣкоторыхъ бояръ и выбрали Сильвестра на мѣсто Андреяново. Софійская сторона хотѣла отмстить Славянской: обѣ готовились къ войнѣ. Въ такихъ случаяхъ одна духовная власть еще не теряла правъ своихъ и могла смягчать сердца, ожесточенныя злобою. Владыко Моисей, схимникъ, просьбою народа изведенный изъ двадцатилѣтняго уединенія, чтобы вторично править церковію, и за болѣзнію принужденный возвратиться въ оное; новый архіепископъ Алексій, по жребію избранный изъ ключниковъ софійскихъ; архимандритъ юрьевскій, игумены явились среди шумнаго стана воинскаго: ибо таковымъ казался весь городъ. Старецъ Моисей, опасностію отечества какъ бы вызванный уже изъ гроба, благословлялъ народъ, именуя всѣхъ своими любезными дѣтьми духовными, и молилъ ихъ не проливать крови братьевъ. Мятежъ утихъ; самые неистовые съ умиленіемъ внимали гласу святаго отшельника, стоявшаго на прагѣ смерти, и не дерзнули быть ослушными. Но справедливость требовала наказать виновниковъ дѣйствія насильственнаго и беззаконнаго: села честолюбиваго Сильвестра и другихъ

вельможъ Славянскаго конца были взяты на щитъ, то есть, разорены по опредѣленію вѣча. Пострадали и невинные: ибо осторожная разсмотрительность несвойственна мятежному суду народному. На мѣсто Сильвестра избрали новаго посадника, и городъ успокоился.

Въ самой тихой Москвѣ, незнакомой съ бурями гражданскаго своевольства, открылось дерзкое злодѣяніе и дремлющее правительство оставило виновниковъ подъ завѣсою тайны. Тысячскій столицы, именемъ Алексій Петровичъ, важнѣйшій изъ чиновниковъ и подобно князю окруженный благородною, многочисленною дружиною, былъ въ часъ заутрени найденъ мертвый среди городской площади со всѣми признаками убіеннаго—кѣмъ? неизвѣстно. Говорили явно, что онъ имѣлъ участь Андрея Боголюбскаго и что ближніе бояре, подобно Кучковичамъ, умертвили его вслѣдствіе заговора. Народъ встревожился: угадывали злодѣевъ; именовали ихъ и требовали суда. Въ самое то время нѣкоторые изъ московскихъ вельможъ—опасаясь, какъ вѣроятно, торжественнаго обвиненія—уѣхали съ семействами въ Рязань къ Олегу, врагу ихъ государя, и слабый Іоаннъ, давъ время умолкнуть общему негодованію, снова перезвалъ оныхъ къ себѣ въ службу.

Даже и церковь россійская въ Іоанново время представляла зрѣлище неустройства и соблазна для христіанъ вѣрныхъ. Въ годъ Симеоновой кончины архіепископъ новогородскій Моисей отправилъ посольство къ греческому царю и къ патріарху жаловаться на беззаконное самовластіе митрополита: вѣроятно, что дѣло шло о церковныхъ сборахъ, коими наши митрополиты отягчали духовенство, называя оные учтивымъ именемъ даровъ. Послы, принятые весьма благосклонно, возвратились съ дружественными грамотами отъ императора Іоанна Кантакузина и патріарха Филоѳея, украшенными золотою печатію, какъ сказано въ лѣтописи. Содержаніе грамотъ намъ неизвѣстно; но кажется, что Филоѳей, какъ хитрый грекъ, отдѣлался только ласковыми словами: ибо не хотѣлъ ссориться съ россійскими митрополитами, которые никогда не ѣздили въ Царьградъ безъ даровъ богатыхъ. Въ знакъ особеннаго уваженія къ святителю Моисею онъ прислалъ ему крещатыя ризы или полиставріонъ.

Сія жалоба новогородскаго духовенства на главу церкви—вынужденная сребролюбіемъ предмѣстника Алексіева Ѳеогноста—оскорбляла достоинство митрополитовъ. Другое происшествіе сдѣлало еще болѣе соблазна. Патріархъ Филоѳей, вмѣсто одного законнаго митрополита для Россіи, поставилъ въ Константинополѣ двухъ: Св. Алексія, избраннаго великимъ княземъ, и какого-то Романа (вѣроятно, грека). Сія новость изумила наше духовенство; оно не знало, кому повиноваться, ибо митрополиты были не согласны между собою; Романъ же, обязанный святительствомъ

дѣйствію корысти, всего болѣе думалъ о своихъ доходахъ и требовалъ серебра отъ епископовъ. Св. Алексій—не искавъ чести, по словамъ лѣтописи, но отъ чести взысканный—вторично отправился въ Константинополь съ жалобами на безпорядокъ дѣлъ церковныхъ, и Филоѳей, желая примирить совмѣстниковъ, объявилъ его митрополитомъ кіевскимъ и владимірскимъ, а Романа литовскимъ и волынскимъ. Несмотря на то, сей послѣдній безъ дозволенія Алексіева жилъ нѣсколько времени въ Твери и вмѣшивался въ дѣла епархіи, призванный, кажется, Всеволодомъ холмскимъ, который самъ ѣздилъ тогда въ Литву. Романъ заслужилъ его благодарность, убѣдивъ (въ 1360 году) князя Василія Михайловича отдать племянникамъ третью часть Тверского княженія; былъ осыпанъ почестями и дарами при дворѣ, но не могъ склонить на свою сторону епископа Ѳеодора, не хотѣвшаго имѣть съ нимъ никакого сношенія.

Алексій же, болѣе и болѣе славясь добродѣтелями, имѣлъ случай оказать важную услугу отечеству. Жена Чанибекова, Тайдула, страдая въ тяжкой болѣзни, требовала его помощи. Ханъ писалъ къ великому князю: „мы слышали, что небо ни въ чемъ не отказываетъ молитвѣ главнаго попа вашего; да испроситъ же онъ здравія моей супругѣ!“ Св. Алексій поѣхалъ въ орду съ надеждою на Бога и не обманулся: Тайдула выздоровѣла и старалась всячески изъявить свою благодарность. Въ сіе время ханскій посолъ Кошакъ обременялъ россійскихъ князей беззаконными налогами: милость царицы прекратила зло: но добрый Чанибекъ,—какъ называютъ его наши лѣтописцы,—жилъ недолго. Завоевавъ въ Персіи городъ Таврисъ (основанный любимою супругою славнаго калифа Гарунъ-аль-Рашида, Зебеидою) и навьючивъ 400 верблюдовъ взятыми въ добычу драгоцѣнностями, сей ханъ былъ (въ 1357 году) злодѣски убитъ сыномъ Бердибекомъ, который, слѣдуя внушеніямъ вельможи Товлубія, умертвилъ и 12 братьевъ. Митрополитъ, очевидецъ столь ужаснаго происшествія, едва успѣлъ возвратиться въ Москву, когда Бердибекъ прислалъ вельможу Иткара съ угрозами и съ насильственными требованіями ко всѣмъ князьямъ россійскимъ. Они трепетали, слыша о жестокомъ нравѣ его: св. Алексій взялъ на себя укротить сего тигра: снова поѣхалъ въ столицу Капчакскую и посредствомъ матери Бердибековой, Тайдулы, исходатайствовалъ милость для государства и церкви. Великій князь, его семейство, бояре, народъ, встрѣтили добродѣтельнаго митрополита, какъ утѣшителя небеснаго, и—что было всего трогательнѣе — осмилѣтній сынъ Іоанновъ, Димитрій, въ коемъ расцвѣтала надежда отечества, умиленный знаками всеобщей любви къ Алексію, проливая слезы, говорилъ ему съ необыкновенною для своего нѣжнаго возраста силою: „о, Вла-

дыко! ты даровалъ намъ житіе мирное: чѣмъ изъявимъ тебѣ свою признательность?“ Столь рано открылась въ Димитріи чувствительность къ заслугамъ и благодѣяніямъ государственнымъ! — Успокоивъ Россію, митрополитъ жилъ два года въ Кіевѣ, оставленномъ его предмѣстниками, среди развалинъ и печальныхъ слѣдовъ долговременнаго запустѣнія, стараясь обновить церковное устройство и велелѣпіе храмовъ.

Іоаннъ надѣялся княжить мирно; но скоро царевичъ татарскій, Мамать-Хожа, пріѣхалъ въ Рязань и велѣлъ объявить ему, что время утвердить законный рубежъ между княженіемъ Олеговымъ и Московскимъ: то-есть корыстолюбивый царевичъ, уже славный злодѣяніями насилія, хотѣлъ грабить въ обѣихъ земляхъ подъ видомъ размежеванія оныхъ. Великій князь, ссылаясь на грамоты ханскія, отвѣтствовалъ, что онъ не впуститъ посла въ Московскія области, коихъ границы извѣстны и несомнительны. Отвѣтъ смѣлый; но Іоаннъ зналъ, что Мамать-Хожа дѣйствуетъ самовольно, безъ особеннаго ханскаго повелѣнія; зналъ, можетъ быть, и то, что Бердибекъ уже недоволенъ симъ вельможею, который скоро долженствовалъ возвратиться въ орду и заплатить тамъ жизнію за убіеніе какого-то любимца царева.

Княживъ 6 лѣтъ, Іоаннъ скончался монахомъ на тридцать-третьемъ году отъ рожденія, оставивъ по себѣ имя Кроткого, не всегда достохвальное для государей, если оно не соединено съ иными правами на общее уваженіе.—Подобно отцу и брату, онъ написалъ духовную, въ коей приказываетъ Москву двумъ юнымъ сыновьямъ, Димитрію и Іоанну, уступая треть ея доходовъ шестилѣтнему племяннику Владиміру Андреевичу и веля имъ вообще блюсти, судить и рядить земледѣльцевъ свободныхъ или численыхъ людей; отдаетъ супругѣ Александрѣ разныя волости и часть московскихъ доходовъ, а Димитрію Можайскъ и Коломну съ селами, Іоанну Звенигородъ и Рузу; утверждаетъ за Владиміромъ Андреевичемъ удѣлъ отца его, за вдовствующею княгинею Симеона и Андреевою, именемъ Іуліаніею, данныя имъ отъ супруговъ волости, съ тѣмъ, чтобы послѣ Іуліаніи наслѣдовали сыновья великаго князя и Владиміръ Андреевичъ, а послѣ Маріи одинъ Димитрій. Изъ драгоцѣнностей оставляетъ Димитрію икону св. Александра, золотую шапку, бармы, жемчужную серьгу, коробку сердоликовую, саблю и шишакъ золотые; Іоанну также саблю и шишакъ, жемчужную серьгу, стаканъ цареградскій, а двумъ будущимъ зятьямъ по золотой цѣпи и поясу; отказываетъ, вмѣсто руги, нѣкоторую долю княжескихъ прибытковъ церквамъ Богоматери на Крутицахъ, Успенской и Архангельской въ Москвѣ; даетъ волю казначеямъ своимъ, сельскимъ тіунамъ, дьякамъ, всѣмъ купленнымъ людямъ и проч.

Достопамятнымъ случаемъ Іоанновыхъ временъ, связаннымъ съ нашею исторіею, было происхожденіе нынѣшней Молдавской области, гдѣ въ теченіе семи вѣковъ, отъ третьяго до десятаго, толпились полудикіе народы Азіи и Европы, изгоняя другъ друга и стремясь грабить имперію Греческую.

Несторъ говоритъ, что славяне россійскіе, лутичи и тивирцы, издавна жили по Днѣстру до самаго моря и Дуная, имѣя селенія и города. Князья Галицкіе въ XII вѣкѣ безъ сомнѣнія владѣли частію Бессарабіи и Молдавіи, гдѣ обитали тогда, подъ именемъ волоховъ, остатки древнихъ готовъ, смѣшанныхъ съ римскими поселенцами перваго столѣтія, также нѣкоторые печенѣги и половцы. Замѣтимъ еще, что въ россійской географіи XIV вѣка именованы Бѣлгородъ (или Акерманъ), Романовъ, Сучава, Серетъ, Хотинъ въ числѣ нашихъ старинныхъ городовъ. Паденіе Галицкаго княженія оставило Молдавію въ жертву татарамъ, и сія земля, граждански образованная россіянами, снова обратилась въ печальную степь: города и селенія опустѣли. Когда же моголы, устрашенные счастливымъ оружіемъ Людовика Венгерскаго, около половины XIV вѣка удалились отъ Дуная: тогда волохи, предводимые Богданомъ или Драгошемъ, живъ прежде въ Венгріи, въ Мармаросскомъ графствѣ, явились на берегахъ Прута, нашли тамъ еще многихъ россіянъ и поселились между ими на рѣкѣ Молдавѣ; сперва угождали имъ и сообразовались съ ихъ гражданскими обычаями, для своей безопасности; наконецъ же сіи гости такъ размножились, что вытѣснили хозяевъ и, возобновивъ древніе наши города, составили особенную независимую державу, названную Молдавіею, коею управляли наслѣдники Богдановы подъ именемъ воеводъ и гдѣ языкъ нашъ до самаго XVII вѣка былъ не только церковнымъ, но и судебнымъ, какъ-то свидѣтельствуютъ подлинныя грамоты молдавскихъ господарей. Такимъ же образомъ произошло и княженіе Волошское, но еще ранѣе: Нигеръ, если вѣрить преданію, въ XII или XIII столѣтіи вышедши изъ Трансильваніи со многими своими единоземцами, волохами, основалъ Терговисто, Бухарестъ и властвовалъ тамъ до конца жизни; преемниками его были другіе избираемые народомъ воеводы, которые зависѣли иногда отъ сильныхъ государей венгерскихъ.

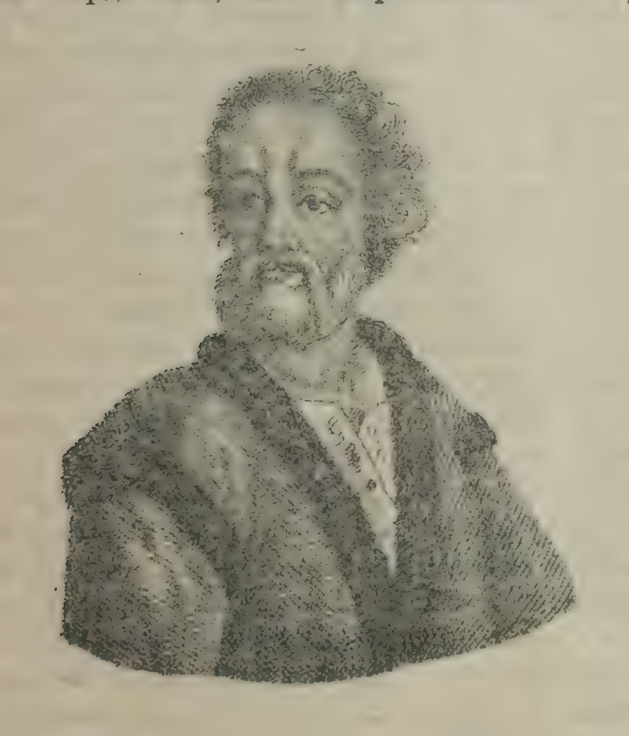
ГЛАВА XII.

Великій князь Димитрій Константиновичъ.

Г. 1359—1362.

Царевичи могольскіе христіанской вѣры.—Наслѣдственное право.—Пріобрѣтенія Ольгердовы.—Мятежи въ ордѣ.—Судъ князей съ болгарами.—Москва удерживаетъ право великаго княженія.—Отрокъ Димитрій.

Въ одно время съ великимъ княземъ Іоанномъ Іоанновичемъ умеръ и ханъ Бердибекъ, бывъ жертвою своего гнуснаго распут-



ДИМИТРІЙ III. КОНСТАНТИНОВИЧЪ.
Вел. Кн. Россійскій

ства, и Кульпа, родственникъ его, воцарился, имѣя двухъ сыновей христіанской вѣры, Іоанна и Михаила, обращенныхъ, можетъ быть, римскими миссіонаріями или нашимъ епископомъ Сарай-

скимъ. Сіе важное обстоятельство казалось весьма благопріятнымъ для христіанъ; но Кульпа властвовалъ толькъ 5 мѣсяцевъ и погибъ вмѣстѣ съ сыновьями, убитый Наврусомъ, однимъ изъ потомковъ Чингисова сына, Туши-хана. Князья Россіи явились въ ордѣ съ дарами, и новый царь далъ великое княженіе Димитрію Суздальскому, меньшому брату Андрея Константиновича: ибо Андрей, какъ сказано въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ, не захотѣлъ сей чести. Современники удивились такой несправедливости, разсуждая, что сынъ, и еще меньшій, не можетъ требовать достоинства, коего не имѣли ни отецъ, ни дѣдъ его, и что оно принадлежитъ роду князей московскихъ: мнѣніе, основанное единственно на обычаѣ; въ самомъ же дѣлѣ Андрей и Димитрій Константиновичи были колѣномъ ближе къ Ярославу II, нежели внуки Калитины, и малолѣтство послѣднихъ также удаляло ихъ отъ главнаго престола россійскаго, окруженнаго опасностями и заботами.

Избранный ханомъ великій князь въѣхалъ въ Владиміръ, къ удовольствію жителей обѣщая снова возвысить достоинство сей падшей столицы. Онъ надѣялся, какъ вѣроятно, перезвать туда и митрополита; но Алексій, благословивъ его на княженіе, возвратился въ Москву, чтобы исполнить обѣтъ святителя Петра и жить близъ его чудотворнаго гроба.—Новгородъ, не любя и боясь самовластія князей Московскихъ, охотно принялъ намѣстниковъ Димитрія Константиновича; а Димитрій, желая только пользоваться княжескими доходами, согласился на всѣ предложенныя ему тамъ условія.—Въ сіе время новогородцы не имѣли войны: однакожъ старались болѣе и болѣе укрѣплять столицу: взяли казну софійскую, собранную архіепископомъ Моисеемъ, и поправили каменныя городскія стѣны. Духовенство не роптало на такое употребленіе церковнаго серебра, разсуждая благоразумно, что отечество и святая Софія нераздѣльны, и что безопасность перваго утверждаетъ благосостояніе Церкви. Нѣмцы и шведы не тревожили Новагорода; но хищный Ольгердъ устрашалъ его и всю Россію, непрестанно думая о завоеваніяхъ. По кончинѣ Іоанна Александровича Смоленскаго онъ взялъ городъ Мстиславль и Ржевъ; овладѣлъ еще прежде Бѣлымъ, осаждалъ даже въ Смоленскѣ Іоаннова сына князя Святослава и безпокоилъ Тверскую область. Россія, съ тайнымъ удовольствіемъ видя междоусобіе моголовъ, въ то же время опасалась быть жертвою литовскаго завоевателя.

Царство Капчакское явно клонилось къ паденію: смятеніе, измѣны, убійства изнуряли его внутреннія силы. Одинъ изъ полководцевъ, именемъ Хидырь, кочевавъ за рѣкою Ураломъ, пришелъ на берегъ Волги, обольстилъ вельможъ Ординскихъ, убилъ Навруса, царицу Тайдулу, и сдѣлался великимъ ханомъ. Еще князья

наши рабски повиновались симъ хищникамъ: Константинъ Ростовскій выходилъ въ ордѣ грамоту на всю наслѣдственную область свою, а Димитрій Іоанновичъ, внукъ Давида Галицкаго, на Галичъ, хотя сей удѣлъ былъ купленъ Іоанномъ Даніиловичемъ Калитою. Великій князь, братъ его Андрей Нижегородскій и Константинъ Ростовскій долженствовали предъ ханскимъ посломъ судиться въ Костромѣ съ болгарами, ограбленными шайкою нашихъ разбойниковъ: князья, отыскавъ виновныхъ, выдали ихъ и сами поѣхали въ орду съ данію. Но Хидырь уже плавалъ въ крови своей, убіенный сыномъ Темиръ-Хожею. Сей злодѣй царствовалъ спокойно только шесть дней; въ седьмой открылся бунтъ: Темникъ Мамай, сильный и грозный, возмутилъ орду, умертвилъ Темиръ-Хожу, перешелъ съ луговой на правую сторону Волги и назвалъ ханомъ какого-то Авдула. Явились и другіе цари: Кальдибекъ, мнимый сынъ Чанибековъ, хотѣлъ заступить мѣсто отца, но скоро погибъ; многіе вельможи заключились въ Сараѣ съ ханомъ Мурутомъ, братомъ Хидыревымъ; князь Булакъ-Темиръ овладѣлъ землею болгарскою; а Тагай Бездежскій Мордовскою (гдѣ нынѣ городъ Наровчатъ). Они рѣзались между собою въ ужасномъ остервененіи; тысячи падали въ битвахъ или гибли въ степяхъ отъ голода.—Князья наши не знали, кто останется повелителемъ или тираномъ Россіи, и спѣшили удалиться отъ театра убійствъ; нѣкоторые были ограблены въ столицѣ ханской, другіе на возвратномъ пути, и едва спасли жизнь свою.

Юный Димитрій Іоанновичъ Московскій также находился въ ордѣ, но успѣлъ выѣхать оттуда еще до Хидыревой смерти и мятежа. Мать, вдовствующая княгиня Александра, митрополитъ Алексій и вѣрные бояре пеклися о благѣ отечества и государя: дѣйствуя по ихъ внушеніямъ, сей отрокъ объявилъ себя тогда соперникомъ Димитрія Суздальскаго въ достоинствѣ великокняжескомъ, и звалъ его на ханскій судъ, чтобы рѣшить дѣло безъ кровопролитія. Царство Капчакское уже раздѣлилось; но кто господствовалъ въ Сараѣ, тотъ казался еще законнымъ ханомъ орды, и бояре московскіе вмѣстѣ съ суздальскими отправились къ Муруту. Вѣроятно, что сія честь удивила его: угрожаемый со всѣхъ сторонъ опасностями, тѣснимый свирѣпымъ Мамаемъ и будучи на тронѣ Батыевомъ только призракомъ могущества, имѣлъ ли онъ право располагать иными державами? Однакожъ, представляя лицо древнихъ хановъ, Мурутъ судилъ пословъ и призналъ малолѣтняго Димитрія Іоанновича главою князей Россійскихъ, для того, какъ вѣроятно, что, соединя знаменитую московскую державу съ областями великаго княженія, надѣялся воспользоваться его силами для утвержденія собственнаго престола.

Но какъ сей ханъ могъ послать только грамоту, а не войско въ Россію, то князь Суздальскій не уважилъ его суда и не хотѣлъ выѣхать ни изъ Владиміра, ни изъ Переславля-Залѣсскаго. Надлежало прибѣгнуть къ оружію. Всѣ бояре московскіе, одушевленные ревностію, сѣли на коней и выступили подъ начальствомъ трехъ юныхъ князей, Димитрія Іоанновича, меньшого брата его и Владиміра Андреевича. Бывшій великій князь не ожидалъ того: по крайней мѣрѣ не дерзнулъ обнажить меча, и бѣжалъ въ Суздаль; а Димитрій Московскій занялъ Переславль, съ обыкновенными обрядами сѣлъ на тронъ Андрея Боголюбскаго въ Владимірѣ, жилъ тамъ нѣсколько дней и, возвратясь въ Москву, распустилъ войско: ибо не думалъ гнать своего предмѣстника въ удѣлѣ наслѣдственномъ.

Такимъ образомъ слабая рука двѣнадцатилѣтняго отрока взяла кормило государства раздробленнаго, тѣснимаго извнѣ, возмущаемаго междоусобіемъ внутри. Іоаннъ Калита и Симеонъ Гордый начали спасительное дѣло единодержавія,—Іоаннъ Іоанновичъ и Димитрій Суздальскій остановили успѣхи онаго, и снова дали частнымъ владѣтелямъ надежду быть независимыми отъ престола великокняжескаго. Надлежало поправить разстроенное сими двумя князьями и дѣйствовать съ тѣмъ осторожнымъ благоразуміемъ, съ тою смѣлою рѣшительностію, коими не многіе государи славятся въ исторіи. Природа одарила внука Калитина важными достоинствами; но требовалось немало времени для приведенія ихъ въ зрѣлость и государство успѣло бы между тѣмъ погибнуть, если бы Провидѣніе не даровало Димитрію пѣстуновъ и совѣтниковъ мудрыхъ, воспитавшихъ и юнаго князя, и величіе Россіи.

КОНЕЦЪ IV ТОМА.

Изданіе А. А. ПЕТРОВИЧА.

ИСТОРІЯ
ГОСУДАРСТВА РОССІЙСКАГО.

СОЧИНЕНІЕ

Н. М. Карамзина.

ТОМЪ V.



МОСКВА.
Типо-литогр. Товарищества И. Н. Кушнеревъ и К°.
Пименовская ул., соб. домъ.
1903.

Дозволено цензурою. Москва, 4 апрѣля 1903 г.

ГЛАВА I.

Великій князь Димитрій Іоанновичъ, прозваніемъ Донскій.

Г. 1363—1389.

Гнѣвъ ханскій. — Стѣсненіе князей удѣльныхъ.—Договоръ.—Усмиреніе князя Нижегородскаго.—Язва.—Великій пожаръ. — Каменный Кремль.—Частныя побѣды надъ моголами.—Разбой новгородской вольницы.—Междоусобія Тверскихъ князей.—Запустѣніе Херсона.—Нашествіе Литвы.—Война съ Орденомъ.—Сила Мамая.—Вторичное нашествіе Ольгерда.—Благоразуміе Михаила Тверского.—Любовь народная къ Димитрію.—Знаменія. — Возвращеніе великаго князя изъ Орды.—Война съ Олегомъ.—Новое нападеніе Литвы.—Междоусобіе.—Третье нашествіе Ольгерда. — Избіеніе татаръ въ Нижнемъ. — Послѣдній тысячскій въ Москвѣ.—Война съ Тверскимъ княземъ.—Первая смертная казнь въ Москвѣ.—Походъ въ Болгарію. — Начало Казани.—Нашествіе моголовъ. — Пословица.—Побѣда надъ моголами. — Успѣхи въ войнѣ съ Литвою. — Дѣла церковныя.—Нашествіе Мамаево. — Измѣна Олегова. — Славная битва Куликовская.—Тамерланъ.—Нашествіе Тохтамыша.—Мужественный князь Остей.—Приступъ къ столицѣ. — Вѣроломство Тохтамыша.—Взятіе и разрушеніе Москвы.—Скорбь Димитрія.—Изгнаніе Олега.—Возстановленіе Москвы.—Изгнаніе митрополита.—Ненависть князя Тверского къ Димитрію.—Сынъ Димитріевъ въ Ордѣ. – Тяжкая дань. — Миръ съ Олегомъ.—Ссора и миръ съ Новымгородомъ – Крещеніе Литвы.—Жестокость князя Смоленскаго. — Бѣгство сына Димитріева изъ Орды.—Смерть князя Нижегородскаго. — Вражда между великимъ княземъ и Владиміромъ. – Ихъ примиреніе.—Новый порядокъ наслѣдства.—Кончина великаго князя.—Свойства Димитріевы.—Строеніе городовъ и монастырей.—Дѣла церковныя.— Ересь стригольниковъ.—Крещеніе Перми.—Сношеніе съ Греціею.—Путешествіе Пимена.—Итальянцы въ нашей службѣ.—Деньги вмѣсто купъ.—Огнестрѣльное искусство въ Россіи.—Кометы.—Зима до 20 апрѣля.

Калита и Симеонъ готовили свободу нашу болѣе умомъ, нежели силою: настало время обнажить мечъ. Увидимъ битвы кровопролитныя, горестныя для человѣчества, но благословенныя геніемъ Россіи: ибо громъ ихъ пробудилъ ея спящую славу и народу уничиженному возвратилъ благородство духа. Сіе важное дѣло не могло совершиться вдругъ и съ непрерывными успѣхами: судьба испытываетъ людей и государство многими неудачами на

пути къ великой цѣли, и мы заслуживаемъ счастіе мужественною твердостію въ противностяхъ онаго.

Димитрій Іоанновичъ, удостоенный великокняжескаго сана Мурутомъ, желая господствовать безопаснѣе, искалъ благосклонности и въ другомъ царѣ, Авдулѣ, сильномъ Мамаевою Ордою: посолъ сего хана явился съ милостивою грамотою, и Димитрій долженствовалъ вторично ѣхать въ Владиміръ, чтобы принять оную согласно съ древними обрядами. Хитрость безполезная: угождая обоимъ ханамъ, великій князь оскорблялъ того и другого; по крайней мѣрѣ утратилъ милость Сарайскаго и, возвратясь въ Москву, свѣдалъ, что Димитрій Константиновичъ опять занялъ Владиміръ: ибо Мурутъ прислалъ ему съ сыномъ бывшаго владѣтеля бѣлозерскаго, Іоанномъ Ѳеодоровичемъ, и съ тридцатью слугами ханскими,—ярлыкъ на великое княженіе. Но гнѣвъ царскій уже не казался гнѣвомъ Небеснымъ: юный внукъ Калитинъ осмѣлился презрѣть оный, выступилъ съ полками, чрезъ недѣлю изгналъ Димитрія Константиновича изъ Владиміра, осадилъ его въ Суздалѣ и, въ доказательство великодушія, позволилъ ему тамъ властвовать какъ своему присяжнику.

Мысль великаго князя или умныхъ бояръ его мало-по-малу искоренить систему удѣловъ оказалась ясно: онъ выслалъ князей Стародубскаго и Галицкаго изъ ихъ наслѣдственныхъ городовъ, обязавъ Константина Ростовскаго быть въ точной и совершенной зависимости отъ главы Россіи. Изумленные рѣшительною волею отрока господствовать единодержавно, вопреки обыкновенію древнему и закону отцовъ ихъ, они жаловались, но повиновались: первые отъѣхали къ князю Андрею Нижегородскому, а Константинъ въ Устюгъ.

Въ сіе время Димитрій Іоанновичъ лишился брата и матери. Тогда онъ съ двоюроднымъ братомъ своимъ, Владиміромъ Андреевичемъ, заключилъ договоръ, выгодный для обоихъ. Митрополитъ Алексій былъ свидѣтелемъ и держалъ въ рукахъ святый крестъ: юные князья, окруженные боярами, приложились къ оному, давъ клятву вѣрно исполнять условія, которыя состояли въ слѣдующемъ: „Мы клянемся жить подобно нашимъ родителямъ: мнѣ, князю Владиміру, уважать тебя, великаго князя, какъ отца, и повиноваться твоей верховной власти; а мнѣ, Димитрію, не обижать тебя и любить, какъ меньшого брата. Каждый изъ насъ да владѣетъ своею отчиною безспорно: я, Димитрій, частію моего родителя и Симеоновою; ты — удѣломъ своего отца. Пріятели и враги да будутъ у насъ общіе. Узнаемъ ли какое злоумышленіе— объявимъ его немедленно другъ другу. Бояре наши могутъ свободно переходить: мои къ тебѣ, твои ко мнѣ, возвративъ жалованье, имъ данное. Ни мнѣ въ твоемъ, ни тебѣ въ моихъ удѣ-

лахъ не покупать селъ, не брать людей въ кабалу, не судить и не требовать дани. Но я, Владиміръ, обязанъ доставлять тебѣ, великому князю, съ удѣла моего извѣстную дань ханскую. Сборы въ волостяхъ княгини Іуліаніи принадлежатъ намъ обоимъ. Людей черныхъ, записанныхъ въ сотни, мы не должны принимать къ себѣ въ службу, ни свободныхъ земледѣльцевъ, мнѣ и тебѣ вообще подвѣдомыхъ. Выходцамъ ординскимъ отправлять свою службу, какъ въ старину бывало" (симъ именемъ означались татары, коимъ наши князья дозволяли селиться въ россійскихъ городахъ). „Если буду чего искать на твоемъ бояринѣ или ты на моемъ, то судить его моему и твоему чиновнику вмѣстѣ; а въ случаѣ несогласія между ими рѣшить тяжбу судомъ третейскимъ. Ты, меньшій братъ, участвуй въ моихъ походахъ воинскихъ, имѣя подъ княжескими знаменами всѣхъ бояръ и слугъ своихъ: за что во время службы твоей будешь получать отъ меня жалованье".—Отнимая удѣлы свойственниковъ дальнихъ, великій князь не хотѣлъ поступить такъ съ ближнимъ, и княженіе Московское оставалось еще раздробленнымъ.

Между тѣмъ въ Сараѣ одинъ ханъ смѣнялъ другого: преемникъ Мурутовъ, Азисъ, думалъ также низвергнуть Калитина внука, и Димитрій Константиновичъ снова получилъ ханскую грамоту на великое княженіе, привезенную къ нему изъ Орды весною сыномъ его, Василіемъ, и татарскимъ вельможею Урусмандомъ; но сей князь, видя слабость свою, далъ знать Димитрію Московскому, что онъ предпочитаетъ его дружбу милости Азиса и навѣки отказывается отъ достоинства великокняжескаго. Умѣренность, вынужденная обстоятельствами, не есть добродѣтель, однакожъ Димитрій Іоанновичъ изъявилъ ему за то благодарность. Андрей Константиновичъ преставился въ Нижнемъ: желая наслѣдовать сію область и свѣдавъ, что она уже занята меньшимъ братомъ его, Борисомъ, князь Суздальскій прибѣгнулъ къ Московскому. Древнее обыкновеніе употреблять людей духовныхъ въ важныхъ дѣлахъ государственныхъ еще не перемѣнилось: св. Сергій, игуменъ пустынной Троицкой обители, былъ вызванъ изъ глубины лѣсовъ и посланъ объявить владѣтелю нижегородскому, чтобы онъ ѣхалъ судиться съ братомъ къ Димитрію Іоанновичу. Борисъ, утвержденный между тѣмъ на престолѣ ханскою грамотою, отвѣтствовалъ, что князей судитъ Богъ. Исполняя данное ему отъ митрополита повелѣніе, Сергій затворилъ всѣ церкви въ Нижнемъ; но и сія духовная казнь не имѣла дѣйствія. Надлежало привести въ движеніе сильную рать московскую: Димитрій Суздальскій предводительствовалъ ею. Тогда Борисъ увидѣлъ необходимость повиноваться: выѣхалъ навстрѣчу къ брату, уступилъ ему Нижній и согласился взять одинъ Городецъ; а великій князь, благодѣяніемъ

привязавъ къ себѣ Димитрія Константиновича, женился послѣ на его дочери, Евдокіи: свадьбу праздновали въ Коломнѣ со всѣми пышными обрядами тогдашняго времени.

Сіе происшествіе случилось въ годъ, ужасный для Москвы. Язва, описанная нами въ княженіе Симеоново, вторично посѣтила Россію. Во Псковѣ она возобновилась черезъ 8 лѣтъ (и князь Изборскій, Евстафій, съ двумя сыновьями, былъ ея жертвою); а въ 1364 г. купцы и путешественники завезли оную изъ Бездежа въ Нижній-Новгородъ, въ Коломну, въ Переславль, гдѣ умирало въ день отъ 20 до 100 человѣкъ. Лѣтописцы говорятъ о свойствѣ и признакахъ болѣзни такимъ образомъ: „Вдругъ ударитъ какъ ножомъ въ сердце, въ лопатку или между плечами; огонь пылаетъ внутри; кровь течетъ горломъ; выступаетъ сильный потъ и начинается дрожь. У другихъ дѣлаются железы на шеѣ, бедрѣ, подъ скулою, пазухою или за лопаткою. Слѣдствіе одно: смерть неизбѣжная, скорая, но мучительная. Не успѣвали хоронить тѣлъ; едва десять здоровыхъ приходилось на сто больныхъ; несчастные издыхали безъ всякой помощи. Въ одну могилу зарывали семь, восемь и болѣе труповъ. Многіе домы совсѣмъ опустѣли; въ иныхъ осталось по одному младенцу“. Въ 1365 году зараза открылась въ Ростовѣ, Твери, Торжкѣ: въ первомъ городѣ скончались въ одно время князь Константинъ Васильевичъ, его супруга, епископъ Петръ, а во второмъ вдовствующая княгиня Александра Михайловича съ тремя сыновьями, Всеволодомъ Холмскимъ, Андреемъ, Владиміромъ,—ихъ жены, также супруга и сынъ Константина Михайловича, Симеонъ, множество вельможъ и купцовъ. Въ 1366 году и Москва испытала то же бѣдствіе. Сія жестокая язва нѣсколько разъ проходила и возвращалась. Въ Смоленскѣ она свирѣпствовала три раза: наконецъ (въ 1387 году) осталось въ немъ только пять человѣкъ, которые, по словамъ лѣтописи, вышли и затворили городъ, наполненный трупами.

Москва, незадолго до язвы, претерпѣла и другое несчастіе: пожаръ, какого еще не бывало и который слыветъ въ лѣтописяхъ великимъ пожаромъ Всесвятскимъ, ибо начался церковію Всѣхъ Святыхъ. Сей городъ раздѣлялся тогда на Кремль, Посадъ, Загородье и Зарѣчье: въ два часа или менѣе огонь, развѣваемый ужасною бурею, истребилъ ихъ совершенно. Многіе бояре и купцы не спасли ничего изъ своего имѣнія.—Видя, сколь деревянныя укрѣпленія ненадежны, великій князь въ общемъ совѣтѣ съ братомъ Владиміромъ Андреевичемъ и съ боярами рѣшился построить каменный Кремль, и заложилъ его весною въ 1367 году. Надлежало, не упуская времени, брать мѣры для безопасности отечества и столицы, когда Россія уже явно дѣйствовала противъ своихъ тирановъ: могли ли они добровольно отказаться отъ го-

сподства надъ нею и простить ей великодушную смѣлость? Мурза ординскій, Тагай, властвуя въ землѣ Мордовской или въ окрестностяхъ Наровчата, выжегъ нынѣшнюю Рязань: Олегъ соединился съ Владиміромъ Димитріевичемъ Пронскимъ и съ княземъ Титомъ Козельскимъ (однимъ изъ потомковъ св. Михаила Черниговскаго), настигъ и разбилъ Тагая въ сраженіи кровопролитномъ. Столь же счастливо Димитрій Нижегородскій съ братомъ своимъ Борисомъ наказалъ другого сильнаго могольскаго хищника, Булатъ-Темира. Сей мурза, овладѣвъ теченіемъ Волги, разорилъ Борисовы села въ ея окрестностяхъ, но бѣжалъ отъ нашихъ князей за рѣку Пьяну; многіе татары утонули въ ней или были истреблены россіянами; а самъ Булатъ-Темиръ ушелъ въ орду, гдѣ ханъ Азисъ велѣлъ его умертвить. Сіи ратныя дѣйствія предвѣщали важнѣйшія.

Великій князь, готовясь къ рѣшительной борьбѣ съ Ордою многоглавою, старался утвердить порядокъ внутри отечества. Своевольство новогородцевъ возбудило его негодованіе: многіе изъ нихъ, подъ названіемъ охотниковъ, составляли тогда цѣлые полки и, безъ всякаго сношенія съ правительствомъ, ѣздили на добычу въ мѣста отдаленныя. Такъ они (въ 1364 году) ходили по рѣкѣ Оби до самаго моря съ молодымъ вождемъ Александромъ Обакуновичемъ и сражались не только съ иноплеменными сибирскими народами, но и съ своими двинянами. Сей же Александръ и другіе смѣльчаки отправились внизъ по Волгѣ на 150 лодкахъ; умертвили въ Нижнемъ великое число татаръ, армянъ, хивинцевъ, бухарцевъ; взяли ихъ имѣніе, женъ, дѣтей; вошли въ Каму, ограбили многія селенія въ Болгаріи и возвратились въ отчизну, хвалясь успѣхомъ и добычею. Узнавъ о томъ, великій князь объявилъ гнѣвъ новогородцамъ; велѣлъ захватить ихъ чиновника въ Вологдѣ, ѣхавшаго изъ Двинской области, и сказать имъ, что они поступаютъ какъ разбойники, и что купцы иноземные находятся въ Россіи подъ защитою государя. Правительство, извиняясь невѣдѣніемъ, нашло способъ умилостивить Димитрія.

Самая язва не прекратила междоусобія Тверскихъ князей. Василій Михайловичъ Кашинскій, долговременный непріятель Всеволода Холмскаго, ссорился и съ братомъ его, Михаиломъ Александровичемъ (княжившимъ прежде въ Микулинѣ) за область умершаго Симеона Константиновича. Дядя хотѣлъ быть главою княженія; а племянникъ доказывалъ, что онъ, будучи сыномъ брата старшаго, есть наслѣдникъ его правъ и властелинъ всѣхъ частныхъ удѣловъ. Они хотѣли рѣшить тяжбу судомъ духовнымъ: уполномоченный для того митрополитомъ, тверскій епископъ обвинилъ дядю, но долженствовалъ самъ ѣхать въ Москву для отвѣта: ибо Василій и братъ Симеоновъ, Іеремій Константиновичъ,

жаловались на его несправедливость святому Алексію. Сіе дѣло казалось неважнымъ: открылись слѣдствія несчастныя для Твери и Москвы. Юноша Михаилъ имѣлъ достоинства, властолюбіе и сильнаго покровителя въ знаменитомъ Ольгердѣ Литовскомъ, женатомъ на его сестрѣ. Зная, что великій князь и митрополитъ держатъ сторону Василіеву, зная также намѣреніе перваго господствовать самодержавно надъ всею Россіею, Михаилъ уѣхалъ въ Литву. Пользуясь его отсутствіемъ, Василій и Іеремій гнали усердныхъ къ нему бояръ и, предводительствуя данною имъ отъ Димитрія московскою ратію, опустошили Михаилову область, въ надеждѣ, что онъ не дерзнетъ возвратиться. Но Михаилъ спѣшилъ отмстить дядѣ и брату, ведя съ собою войско литовское; взялъ Тверь, плѣнилъ свою тетку и думалъ осадить Кашинъ, гдѣ заключился Василій; однако жъ епископъ примирилъ ихъ, съ условіемъ, что дядя уступитъ старѣйшинство племяннику и будетъ довольствоваться областію Кашинскою.

Князь Московскій участвовалъ въ семъ мирѣ и подтвердилъ его. Но прозорливые совѣтники Димитріевы, боясь замысловъ Михаила, который назвался великимъ княземъ Тверскимъ и хотѣлъ возстановить независимость своей области — употребили хитрость: ими, какъ вѣроятно, наученный, Іеремій Константиновичъ пріѣхалъ къ Димитрію съ новыми жалобами, требуя, чтобы онъ взялъ на себя распорядить удѣлы въ Твери. Михаила позвали въ Москву дружелюбно и ласково: самъ св. Алексій обнадежилъ его въ безопасности, увѣряя, что судъ великаго князя навсегда утвердитъ тишину въ Тверскихъ владѣніяхъ. Слово митрополита и святость гостепріимства не дозволяли страшиться обмана. Михаилъ желалъ видѣть столицу Димитрія (уже славную тогда въ Россіи), узнать его лично, бесѣдовать съ благоразумными вельможами московскими: онъ въѣхалъ гостемъ, но сдѣлался невольникомъ. Нарядили третейскій судъ; хотѣли предписывать законы Михаилу; удалили отъ него бояръ тверскихъ, содержали ихъ какъ плѣнниковъ въ разныхъ домахъ съ княземъ. Обманъ недостойный правителей мудрыхъ! и виновники не воспользовались онымъ. Лѣтописцы говорятъ, что прибытіе ханскаго вельможи, Карача, заставило совѣтниковъ Димитріевыхъ освободить утѣсненнаго князя: сей мурза, какъ вѣроятно, вступился за него; вѣроятно и то, что св. Алексій, невольно вовлеченный въ дѣло противное совѣсти, удержалъ ихъ отъ дальнѣйшаго насилія. Михаилъ спѣшилъ удалиться, громогласно обвиняя Димитрія и митрополита, хотя они клятвою обязали его быть довольнымъ и не жаловаться! Онъ уступилъ, безъ сомнѣнія, также невольно, Городокъ или область Симеона Константиновича, князю Іеремію, съ коимъ отправился туда чиновникъ московскій.

Надлежало довершить оружіемъ, что начали коварствомъ. Василій Кашинскій умеръ: великій князь, какъ бы желая только защитить сына его, Михаила, отъ притѣсненій, послалъ войско въ Тверь; а Михаилъ Александровичъ ушелъ къ Ольгерду. Сей литовскій государь, болѣе двадцати лѣтъ воюя непрестанно съ Нѣмецкимъ Орденомъ, съ поляками, россіянами, купилъ славу героя кровію безчисленнаго множества людей и пепломъ городовъ: равнодушно смотрѣлъ на изнуреніе своихъ подданныхъ и, бодрый въ лѣтахъ старости, все еще искалъ новыхъ пріобрѣтеній. Въ 1363 году онъ ходилъ съ войскомъ къ Синимъ водамъ, или въ Подолію, и къ устью Днѣпра, гдѣ кочевали три орды могольскія; разбивъ ихъ, гнался за ними до самой Тавриды; опустошилъ Херсонъ, умертвилъ большую часть его жителей и похитилъ церковныя сокровища: съ того времени, какъ вѣроятно, опустѣлъ сей древній городъ, и татары заднѣпровскіе находились въ нѣкоторой зависимости отъ Литвы. Походъ къ берегамъ Чернаго моря не препятствовалъ Ольгерду безпокоить Россію: военачальники его взяли Ржевъ, а сынъ, Андрей Полоцкій (въ 1368 году), старался овладѣть другими пограничными мѣстами нашими. Россіяне также дѣйствовали наступательно, и юный князь Владиміръ Андреевичъ ознаменовалъ свое мужество счастливымъ успѣхомъ, изгнавъ литву изъ города Ржева. Въ сихъ обстоятельствахъ Ольгердъ долженъ былъ ревностно вступиться за шурина, который предлагалъ ему идти прямо къ Москвѣ и смирить дерзкаго юношу, уже столь рѣшительнаго въ замыслахъ самовластія. Собравъ многочисленные полки, онъ выступилъ къ предѣламъ Россіи съ братомъ Кестутіемъ, также посѣдѣвшимъ въ битвахъ, и съ сыномъ его, отрокомъ Витовтомъ, будущимъ героемъ, грознымъ для всѣхъ народовъ сосѣдственныхъ. Лѣтописцы разсказываютъ, что Кестутій, возвращаясь однажды съ войскомъ изъ Пруссіи, увидѣлъ въ Полонгѣ красавицу, именемъ Бириту, и влюбился въ нее: давъ идоламъ своимъ обѣтъ вѣчно сохранить дѣвство и за то слывя богинею въ народѣ, она не хотѣла быть женою храбраго князя; но Кестутій насильно сочетался съ нею бракомъ. Отъ сей Бириты родился знаменитый Витовтъ.

Князь Смоленскій, добровольно или принужденно, соединилъ дружину свою съ полками литовскими, которые шли, не зная куда: ибо Ольгердъ умѣлъ хранить тайну въ важныхъ предпріятіяхъ, чтобы нападать внезапно, и любилъ побѣждать хитростію еще болѣе, нежели силою. Онъ былъ окруженъ россіянами и купцами иноземными; но цѣль его похода оставалась неизвѣстною въ Москвѣ до самаго того времени, какъ сей завоеватель приблизился къ нашимъ границамъ. Изумленный великій князь от-

правилъ гонцовъ во всѣ области для собранія войска и, желая остановить стремленіе непріятеля, велѣлъ боярину Димитрію Минину идти впередъ съ одними полками московскими, коломенскими и дмитровскими. Вторымъ начальникомъ былъ воевода князя Владиміра Андреевича, именемъ Іакинѳъ Шуба. Уже Ольгердъ какъ левъ свирѣпствовалъ въ россійскихъ владѣніяхъ: не уступая моголамъ въ жестокости, хваталъ безоружныхъ въ плѣнъ, жегъ города; убилъ князя Стародубскаго, Симеона Димитріевича Кропиву, а въ Оболенскѣ князя Константина Юрьевича, происшедшаго отъ св. Михаила Черниговскаго, и близъ Тростенскаго озера ударилъ всѣми силами на воеводу Минина. Многіе наши князья, бояре легли на мѣстѣ, и полки московскіе были истреблены совершенно. Ольгердъ, истязая плѣнниковъ, спрашивалъ: гдѣ великій князь? и есть ли у него войско? Всѣ отвѣтствовали единогласно, что Димитрій въ столицѣ и еще не успѣлъ соединить силъ своихъ. Побѣдитель спѣшилъ къ Москвѣ, гдѣ великій князь съ братомъ, Владиміромъ Александровичемъ, съ митрополитомъ Алексіемъ, со всѣми знаменитѣйшими людьми затворился въ Кремлѣ, велѣвъ обратить въ пепелъ окрестныя зданія. Три дня Ольгердъ стоялъ подъ стѣнами, грабилъ церкви, монастыри, не приступая къ городу: каменныя стѣны и башни устрашали его; а зимніе морозы не позволили ему заняться трудною осадой. Довольный корыстію и множествомъ плѣнниковъ, онъ удалился, гоня передъ собою стада и табуны, отнятые у земледѣльцевъ и городскихъ жителей; вышелъ изъ Россіи и хвалился тѣмъ, что она долго не забудетъ сдѣланныхъ имъ въ ней опустошеній. Въ самомъ дѣлѣ, великое княжество не видало подобныхъ ужасовъ въ теченіе сорока лѣтъ, или со временъ Калиты, и свѣдало, что не одни татары могутъ разрушать государства.

Какъ скоро сія буря миновалась, великій князь отправилъ брата, Владиміра Андреевича, защитить псковитянъ отъ нѣмцевъ. Оскорбленные убіеніемъ нѣкоторыхъ россіянъ на границахъ Ливоніи въ мирное время, псковитяне (въ 1362 году) остановили у себя гостей нѣмецкихъ, а жители Дерпта—новогородскихъ. Были съѣзды и переговоры. Новгородъ посылалъ бояръ своихъ въ Дерптъ: наконецъ, съ обѣихъ сторонъ, задержаннымъ купцамъ дали свободу; однако жъ псковитяне взяли съ нѣмцевъ не мало серебра за ихъ вѣроломство, и не могли долго ужиться съ ними въ мирѣ. Открылась новая ссора за границы: посолъ отъ великаго князя ѣздилъ въ Дерптъ, и не успѣлъ ни въ чемъ. Вслѣдъ за нимъ явилось войско нѣмецкое, предводимое магистромъ Вильгельмомъ Фреймерзеномъ, архіепископомъ Фромгольдомъ и многими командорами; выжгло окрестности Пскова, стояло сутки подъ его стѣнами и ночью ушло. „Къ несчастію (гово-

ритъ тамошній лѣтописецъ) — князь Александръ и главные чиновники наши были въ разъѣздѣ по селамъ, а мы ссорились съ Новымгородомъ". Прибытіе князя Владиміра Александровича возстановило согласіе между ими; съ того времени новогородцы дѣйствовали заодно съ своими братьями, псковитянами; принудили нѣмцевъ бѣжать отъ Изборска и, вторично, отъ Пскова; но сами тщетно осаждали Нейгаузенъ и (въ 1371 году) заключили съ Орденомъ миръ.

Потрясенная нашествіемъ Литвы, Москва имѣла нужду въ отдохновеніи: великій князь возвратилъ Михаилу спорную область Симсона Константиновича, но не замедлилъ снова объявить ему войну: принудилъ его вторично бѣжать въ Литву, взялъ Зубцевъ, Микулинъ и плѣнилъ множество людей, чтобы ослабить державу опаснаго противника. Раздраженный бѣдствіемъ своего невиннаго народа, Михаилъ вздумалъ свергнуть Димитрія посредствомъ татаръ. Уже Мамай силою и хитростію соединилъ такъ называемую Золотую или Сарайскую Орду, гдѣ царствовалъ Азисъ, и свою волжскую; объявилъ ханомъ Мамантъ-салтана и господствовалъ подъ его именемъ. Вѣроятно, что онъ былъ недоволенъ Димитріемъ, или, находясь въ дружелюбномъ сношеніи съ Ольгердомъ, хотѣлъ угодить ему; по крайней мѣрѣ, выслушавъ благосклонно Михаила, далъ ему грамоту на санъ великаго князя: посолъ ханскій долженствовалъ ѣхать съ нимъ въ Владиміръ. Но времена безмолвнаго повиновенія миновались: конные отряды московскіе спѣшили занять всѣ пути, чтобы схватить Тверского князя, и Михаилъ, ими гонимый изъ мѣста въ мѣсто, едва могъ пробраться въ Вильну.

Одержавъ побѣду надъ крестоносцами нѣмецкими, сѣдый Ольгердъ наслаждался или скучалъ тогда миромъ. Жена его, сестра Михаилова, усердно ходатайствовала за брата; а Димитрій сдѣлалъ Литвѣ новую, чувствительную досаду, посылавъ воеводъ московскихъ осаждать Брянскъ и тревожить владѣнія союзника ея, князя Смоленскаго. Ольгердъ рѣшился вторично идти къ Москвѣ, какъ скоро болота и рѣки замерзли отъ перваго холода зимняго. Нѣсколько тысячъ земледѣльцевъ шли впереди, прокладывая прямыя дороги. Войско не останавливалось почти ни днемъ, ни почью; не смѣло ни грабить, ни жечь селеній, чтобы не тратить времени, и въ исходѣ ноября приступило къ Волоку Ламскому, гдѣ начальствовалъ храбрый, опытный мужъ, Василій Ивановичъ Березуйскій, одинъ изъ князей Смоленскихъ, вѣрный слуга Димитріевъ. Три дни бились подъ стѣнами, и рать многочисленная не могла одолѣть упорства осажденныхъ, такъ что Ольгердъ, потерявъ терпѣніе, съ досадою удалился отъ ничтожной деревянной крѣпости: ибо время казалось ему дорого. Но

россіяне оплакивали своего знаменитаго начальника: непріятельскій воинъ скрылся во рву и, видя князя Березуйскаго, стоящаго передъ городскими воротами, ударилъ его, сквозь мостъ, копіемъ. Сей вѣрный сынъ отечества, довольный спасеніемъ города, посвятилъ небу послѣднія минуты жизни: онъ скончался монахомъ.

6 декабря Ольгердъ и правая рука его, мужественный Кестутій, расположились станомъ близъ Москвы; съ ними былъ и князь Смоленскій Святославъ. Они 8 дней разоряли окрестности, сожгли загородье, часть посада и вторично не дерзнули приступить къ Кремлю, гдѣ самъ Димитрій начальствовалъ; митрополитъ Алексій находился тогда въ Нижнемъ-Новѣгородѣ, къ сожалѣнію народа, всегда ободряемаго въ опасностяхъ присутствіемъ святителя. Но великій князь и бояре, предвидя слѣдствіе взятыхъ ими мѣръ, спокойно ожидали онаго. Братъ Димитріевъ, Владиміръ Андреевичъ, стоялъ въ Перемышлѣ съ сильными полками, готовый ударить на литовцевъ съ тылу; а князь Владиміръ Димитріевичъ Пронскій велъ къ Москвѣ рязанское войско. Ольгердъ устрашился и требовалъ мира; увѣрялъ, что, не любя кровопролитія, желаетъ быть вѣчно нашимъ другомъ, и въ залогъ искренности вызвался отдать дочь свою, Елену, за князя Владиміра Андреевича. Великій князь охотно заключилъ съ нимъ перемиріе до іюля мѣсяца. Несмотря на то, сей коварный старецъ шелъ назадъ съ величайшею осторожностію, боясь тайныхъ засадъ и погони: столь мало вѣрилъ онъ святости государственныхъ договоровъ и чести народа, имѣвшаго причину ненавидѣть его, какъ жестокаго злодѣя Россіи!

Не только страхъ быть окруженнымъ полками россійскими, но и другія обстоятельства вселяли въ Ольгерда сіе нетерпѣливое желаніе мира, а именно новые непріятельскіе замыслы Нѣмецкаго Ордена, о коихъ слегка упоминается въ нашихъ лѣтописяхъ, и самая необыкновенная зима тогдашняя, которая наступила весьма рано и не дала земледѣльцамъ убрать хлѣба; въ декабрѣ и генварѣ было удивительно тепло; въ началѣ же февраля поля открылись совершенно, и крестьяне сжали хлѣбъ, осенью засыпанный снѣгомъ. Сія оттепель, испорченныя дороги, разлитіе рѣкъ и трудность доставать съѣстные припасы могли имѣть гибельныя слѣдствія для войска въ землѣ непріятельской. Однимъ словомъ, Ольгердъ, думая только о себѣ, забылъ пользу своего шурина и не включилъ его въ договоръ мирный.

Оставленный зятемъ, Михаилъ вторично обратился къ Мамаю и выѣхалъ изъ Орды съ новымъ ярлыкомъ на великое княженіе Владимірское. Ханъ предлагалъ ему даже войско; но сей князь не хотѣлъ онаго, боясь подвергнуть Россію бѣдствіямъ опусто-

шенія и заслужить справедливую ненависть народа: онъ взялъ только ханскаго посла, именемъ Сарыхожу, съ собою. Узнавъ о томъ, Димитрій во всѣхъ городахъ великаго княжества обязалъ бояръ и чернь клятвою быть ему вѣрными и вступилъ съ войскомъ въ Переславль Залѣскій. Тщетно врагъ его надѣялся преклонить къ себѣ гражданъ владимірскихъ; они единодушно сказали ему: „у насъ есть государь законный; иного не вѣдаемъ". Тщетно Сарыхожа звалъ Димитрія въ Владиміръ слушать грамоту хана; великій князь отвѣтствовалъ: „къ ярлыку не ѣду, Михаила въ столицу не впускаю, а тебѣ, послу, даю путь свободный". Наконецъ, сей вельможа татарскій, вручивъ ярлыкъ Михаилу, уѣхалъ въ Москву, гдѣ, осыпанный дарами и честію, пируя съ князьями, съ боярами, славилъ Димитріево благонравіе. Михаилъ же, видя свое безсиліе, возвратился съ Мологи въ Тверь и разорилъ часть сосѣдственныхъ областей великокняжескихъ.

Между тѣмъ грамота ханская оставалась еще въ его рукахъ; сильный Мамай не могъ простить Димитрію двукратное ослушаніе, имѣя тогда войско, готовое ко впаденію въ Россію, къ убійствамъ и грабежу. Великій князь долго совѣтовался съ боярами и съ митрополитомъ; надлежало или немедленно возстать на татаръ, или прибѣгнуть къ старинному уничиженію, къ дарамъ и лести. Успѣхъ великодушной смѣлости казался еще сомнительнымъ: избрали второе средство, и Димитрій—безъ сомнѣнія, зная расположеніе Мамаево — рѣшился ѣхать въ Орду, утвержденный въ семъ намѣреніи моголомъ Сарыхожею, который взялся предупредить хана въ его пользу. Народъ ужаснулся, воображая, что сей юный, любимый государь будетъ имѣть въ Ордѣ участь Михаила Ярославича Тверского, и что коварный Сарыхожа, подобно злодѣю Кавгадыю, готовитъ ему вѣрную гибель. По крайней мѣрѣ никто не могъ безъ умиленія видѣть, сколь Димитрій предпочитаетъ безопасность народную своей собственной, и любовь общая къ нему удвоилась въ сердцахъ благодарныхъ. Митрополитъ Алексій провожалъ его до береговъ Оки: тамъ усердно молился Всевышнему, благословилъ Димитрія, бояръ, воиновъ, всѣхъ княжескихъ спутниковъ и торжественно поручилъ имъ блюсти драгоцѣнную жизнь государя добраго; онъ самъ желалъ раздѣлить съ нимъ опасности: но присутствіе его было нужно въ Москвѣ, гдѣ оставался совѣтъ боярскій, который уже по отбытіи Димитрія заключилъ миръ съ литовскими послами, вслѣдствіе торжественнаго обрученія Елены, Ольгердовой дочери, за князя Владиміра Андреевича: свадьба совершилась чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ.

Съ нетерпѣніемъ ожидали вѣстей изъ Орды; суевѣріе, устрашенное необыкновенными явленіями естественными, предвѣщало

народу государственное бѣдствіе. Въ солнцѣ видны были черныя мѣста, подобныя гвоздямъ, и долговременная засуха произвела туманы, столь густые, что днемъ въ двухъ саженяхъ нельзя было разглядѣть лица человѣческаго; птицы, не смѣя летать, станицами ходили по землѣ. Сія тьма продолжалась около двухъ мѣсяцевъ. Луга и поля совершенно изсохли; скотъ умиралъ; бѣдные люди не могли за дороговизною купить хлѣба. Печальное уныніе царствовало въ областяхъ великокняжескихъ; думая воспользоваться онымъ, Михаилъ Тверской хотѣлъ завоевать Кострому; однакожъ взялъ одну Мологу, обративъ въ пепелъ Угличъ и Бѣжецкъ.

Въ исходѣ осени усердные москвитяне были обрадованы счастливымъ возвращеніемъ своего князя: ханъ, царицы, вельможи ординскіе и въ особенности Темникъ Мамай, не предвидя въ немъ будущаго грознаго сопротивника, приняли Димитрія съ ласкою; утвердили его на великомъ княженіи, согласились брать съ онаго дань гораздо умѣреннѣйшую прежней и велѣли сказать Михалу: „Мы хотѣли силою оружія возвести тебя на престолъ Владимірскій, но ты отвергнулъ наше предложеніе, въ надеждѣ на собственное могущество: ищи же покровителей гдѣ хочешь!“ Милость удивительная; но варвары уже чувствовали силу князей Московскихъ и тѣмъ дороже цѣнили покорность Димитрія. Въ Ордѣ находился сынъ Михаиловъ, Іоаннъ, удержанный тамъ за 10,000 рублей, коими Михаилъ былъ долженъ царю. Димитрій, желая имѣть столь важный залогъ въ рукахъ своихъ, выкупилъ Іоанна и привезъ съ собою въ Москву, гдѣ сей юный князь жилъ нѣсколько времени въ домѣ у митрополита; но, согласно съ правилами чести, былъ освобожденъ, какъ скоро отецъ заплатилъ Димитрію означенное количество серебра; Михаилъ же оставался непріятелемъ великаго князя: воеводы московскіе, убивъ въ Бѣжецкѣ намѣстника Михаилова, опустошили границы тверскія.

Тогда явился новый непріятель, который хотя и не думалъ свергнуть Димитрія съ престола владимірскаго, однакожъ всѣми силами противоборствовалъ его системѣ единовластія, ненавистной для удѣльныхъ князей: то былъ смѣлый Олегъ Рязанскій, который еще въ государствованіе Іоанна Іоанновича показалъ себя врагомъ Москвы. Озабоченный иными дѣлами, Димитрій таилъ свое намѣреніе — унизить гордость сего князя и жилъ съ нимъ мирно: мы видѣли, что рязанцы даже ходили помогать Москвѣ, тѣснимой Ольгердомъ. Не опасаясь уже ни Литвы, ни татаръ, великій князь скоро нашелъ причину объявить войну Олегу, неуступчивому сосѣду, всегда готовому спорить о неясныхъ границахъ между ихъ владѣніями. Воевода Димитрій Михайловичъ Волынскій съ сильною ратію московскою вступилъ въ Олегову

землю и встрѣтился съ полками сего князя, не менѣе многочисленными и столь увѣренными въ побѣдѣ, что они съ презрѣніемъ смотрѣли на своихъ противниковъ. „Друзья! — говорили рязанцы между собою: — намъ нужны не щиты и не копья, а только однѣ веревки, чтобы вязать плѣнниковъ слабыхъ, боязливыхъ москвитянъ“. Рязанцы, прибавляетъ лѣтописецъ, бывали искони горды и суровы: суровость не есть мужество, и смиренные, набожные москвитяне, устроенные вождемъ искуснымъ, побили ихъ на голову. Олегъ едва ушелъ. Великій князь отдалъ Рязань Владиміру Димитріевичу Пронскому, согласному зависѣть отъ его верховной власти. Но симъ не кончилась исторія Олегова: любимый народомъ, онъ скоро изгналъ Владиміра и снова завоевалъ всѣ свои области; а Димитрій, встревоженный иными, опаснѣйшими врагами, примирился съ нимъ до времени.

Михаилъ, все еще имѣя тѣсную связь съ Литвою, всячески убѣждалъ Ольгерда дѣйствовать съ нимъ заодно противъ великаго князя, безъ сомнѣнія, представляя ему, что время укрѣпитъ Димитрія въ мужествѣ и властолюбіи; что сей государь, столь еще юный, рано или поздно, отмститъ ему за двукратную осаду Москвы и захочетъ возвратить отечеству прекрасныя земли, отторженныя Литвою отъ Россіи; что надобно низвергнуть опаснаго непріятеля, или, по крайней мѣрѣ, частыми нападеніями ослаблять его силу. Вѣчный миръ, клятвенно утвержденный въ Москвѣ литовскими послами, и новый брачный союзъ съ домомъ ея князей произвели единственно то, что Ольгердъ не захотѣлъ самъ предводительствовать войскомъ, а послалъ Кестутія, Витовта, Андрея, сына своего, и князя Димитрія Друцкаго разорять наше отечество. Не уступая брату ни въ скорости, ни въ тайнѣ воинскихъ замысловъ, Кестутій весною осадилъ Переславль столь внезапно, что схватилъ многихъ земледѣльцевъ на поляхъ и бояръ, выѣхавшихъ въ села для хозяйственныхъ распоряженій. Въ такое время, когда едва сошелъ снѣгъ и глубокія рѣки находились въ полномъ разливѣ, никто не ожидалъ непріятеля внутри Россіи. Впрочемъ, сіе литовское впаденіе было однимъ быстрымъ набѣгомъ: Кестутій выжегъ предмѣстье, но снялъ осаду и соединился съ войскомъ Михаила, который опустошилъ села вокругъ Дмитрова, взявъ окупъ съ города. Обѣ рати двинулись къ Кашину; истребили селенія вокругъ его и также взяли дань съ гражданъ, а князя Михаила Васильевича, преданнаго Димитрію, обязали клятвою быть подвластнымъ Тверскому. На возвратномъ пути литовцы злодѣйствовали и въ самыхъ владѣніяхъ ихъ союзника; Михаилъ же, оставивъ намѣстниковъ въ Торжкѣ, величалъ себя побѣдителемъ.

Но побѣда еще ожидала его. Не зная, кто останется главою

Россія. Михаилъ или Дмитрій, новогородцы (въ 1370 г.) дали на себя грамоту первому, обѣщая ему повиноваться какъ своему законному властителю, если ханъ утвердитъ его въ великокняжескомъ достоинствѣ. Когда же Димитрій возвратился изъ Орды съ царскою милостію, тогда они заключили съ нимъ договоръ— противиться общими силами Михаилу, Литвѣ и рижскимъ нѣмцамъ; великій князь обязывался самолично предводительствовать войскомъ или прислать къ нимъ брата, Владиміра Андреевича. Свѣдавъ, что Михаилъ занялъ Торжокъ, новогородцы спѣшили выгнать оттуда его намѣстниковъ, ограбили всѣхъ купцовъ тверскихъ и взяли съ жителей клятву быть вѣрными ихъ древнему правительству. Немедленно обступивъ Торжокъ, Михаилъ требовалъ, чтобы виновники сего насилія и грабежа были ему выданы, и чтобы жители снова приняли къ себѣ тверского намѣстника. Бояре новогородскіе отвѣтствовали надменно: сѣли на коней и выѣхали въ поле съ гражданами. Мужество и число тверитянъ рѣшили битву: смѣлый воевода новогородскій, Александръ Абакумовичъ, побѣдитель сибирскихъ народовъ, и знаменитые товарищи его пали мертвые въ первой схваткѣ; другіе бѣжали и не спаслися, конница Михаилова топтала ихъ трупы, и князь, озлобленный жителями, велѣлъ зажечь городъ съ конца по вѣтру. Въ нѣсколько часовъ всѣ зданія обратились въ пепелъ, монастыри и церкви, кромѣ трехъ каменныхъ; множество людей сгорѣло или утонуло въ Тверцѣ, и побѣдители не знали мѣры въ свирѣпости: обдирали до нага женъ, дѣвицъ, монахинь; не оставили на образахъ ни одного золотого, ни серебрянаго оклада, и съ толпами плѣнныхъ удалились отъ горестнаго пепелища, наполнивъ 5 скудельницъ мертвыми тѣлами. Лѣтописцы говорятъ, что злодѣйства Батыевы въ Торжкѣ не были такъ памятны, какъ Михаиловы.

Совершивъ сей подвигъ, Тверской князь готовился къ важнѣйшему. Набѣгъ Кестутіевъ, прервавъ мирную связь между Литвою и Россіею, долженствовалъ имѣть слѣдствіе, и старецъ Ольгердъ хотѣлъ предупредить Димитрія: зная твердо путь къ его столицѣ, со многочисленнымъ войскомъ устремился къ оной; шелъ, по своему обыкновенію, безъ отдыха: и, соединясь съ Михаиломъ близъ Калуги, думалъ, что москвитяне увидятъ его только на Поклонной горѣ. Но знамена великаго князя уже развѣвались въ полѣ: передовой отрядъ московскій, быстро ударивъ на Ольгердовъ, гналъ бѣгущихъ до самаго ихъ главнаго войска. Россійское стало противъ литовскаго, готовое къ бою; числомъ одно не уступало другому: надлежало одолѣть искусствомъ или храбростію. Между двумя станами находился крутой оврагъ и глубокая дебрь: ни тѣ, ни другіе не хотѣли сойти внизъ, чтобы начать битву, и нѣсколько дней миновало въ бездѣйствіи, коимъ воспользовался

Ольгердъ для предложенія мира. Съ обѣихъ сторонъ желали онаго: если бы россіяне одержали верхъ, то литовцы, удаленные отъ своихъ границъ, могли быть истреблены совершенно; если бы Ольгердъ побѣдилъ, то Димитрій предалъ бы ему Россію въ жертву. Первый имѣлъ выгоду опытности, но самая сія опытность не позволяла ему вѣрить слѣпому случаю, отъ коего нерѣдко зависитъ успѣхъ или бѣдствіе на войнѣ. Зная же, что такъ называемый вѣчный миръ есть пустое слово, они заключили единственно перемиріе отъ 1 августа до 26 октября, и вельможи литовскіе именемъ Ольгерда, Кестутія и союзника ихъ Святослава Смоленскаго, а бояре россійскіе именемъ великаго князя и брата его, Владиміра Андреевича, написали договоръ, включивъ въ него съ одной стороны князей Тверского и Брянскаго, съ другой же— Рязанскихъ, названныхъ Великими. Главныя условія были таковы: „Нѣтъ войны между нами. Путь нашимъ посламъ и купцамъ вездѣ свободенъ. Князь Михаилъ долженъ возвратить все похищенное имъ въ областяхъ великаго княженія во время трехъ бывшихъ перемирій и вывести оттуда своихъ намѣстниковъ; а буде они не выѣдутъ, то Димитрій можетъ ихъ взять подъ стражу и самъ управиться съ Михаиломъ въ случаѣ новыхъ его насилій: Ольгерду же въ такомъ случаѣ не вступаться за шурина. Когда люди московскіе, посланные въ Орду жаловаться на князя Тверскаго, успѣютъ въ своемъ дѣлѣ, то Димитрій поступитъ, какъ угодно Богу и царю: чего Ольгердъ не долженъ ставить ему въ вину. Михаилу нѣтъ дѣла до великаго княженія, а Димитрію— до Твери; они вѣдаются только чрезъ пословъ.—Князь Литовскій обязанъ возвратить Димитрію сію договорную грамоту, буде вздумаетъ, по истеченіи срока, возобновить непріятельскія дѣйствія".

Такимъ образомъ старецъ Ольгердъ заключилъ свои впаденія въ Россію, которыя могли бы имѣть гораздо вреднѣйшее слѣдствіе для ея цѣлости, если бы онъ нашелъ въ Димитріи менѣе бодрости и неустрашимости. Историкъ литовскій, вмѣсто трехъ походовъ, описываетъ только одинъ, разсказывая слѣдующія обстоятельства, несогласныя съ извѣстіями нашихъ современныхъ лѣтописцевъ: „Димитрій, надменный успѣхами своего оружія, хотѣлъ отнять у Литвы Витебскъ, Полоцкъ и Кіевъ; прислалъ Ольгерду кремень, огниву, саблю и велѣлъ объявить, что россіяне намѣрены въ Свѣтлую недѣлю похристосоваться съ нимъ въ Вильнѣ огнемъ и желѣзомъ. Ольгердъ немедленно выступилъ съ войскомъ въ срединѣ Великаго поста и велъ съ собою пословъ Димитріевыхъ до Можайска; тамъ отпустилъ ихъ и, давъ имъ зажженный фитиль, сказалъ: Отвезите его къ вашему князю. Ему не нужно искать меня въ Вильнѣ, я буду въ Москвѣ съ краснымъ яйцомъ прежде, нежели этотъ фитиль угаснетъ. Истин-

ный воинъ не любитъ откладывать: вздумалъ и сдѣлалъ. Послы спѣшили увѣдомить Димитрія о предстоящей опасности и нашли его въ день Пасхи идущаго къ заутренѣ; а восходящее солнце озарило на Поклонной горѣ станъ литовскій. Изумленный великій князь требовалъ мира: Ольгердъ благоразумно согласился на оный, взявъ съ россіянъ много серебра и всѣ ихъ владѣнія до рѣки Угры. Онъ вошелъ съ боярами литовскими въ Кремль, ударилъ копьемъ въ стѣну на память Москвѣ, и вручилъ красное яйцо Димитрію". — Не говоря о хронологическихъ ошибкахъ сего историка, замѣтимъ только, что Угра не могла быть границею между Ольгердовымъ государствомъ и Россіею, пока Смоленскъ оставался еще княжествомъ особеннымъ или неприсоединеннымъ въ Литвѣ.

Ольгердъ не разсудилъ за благо нарушить перемиріе, и года два не безпокоилъ Россіи. Иныя опасности явились медленно, но грозно восходила туча надъ великимъ княженіемъ отъ береговъ Волги. Еще Димитрій соглашался быть данникомъ моголовъ, однакожъ не хотѣлъ терпѣть насилія съ ихъ стороны. Вопреки, можетъ быть, слову, данному ханомъ, послы Мамаевы, пріѣхавъ въ Нижній съ воинскою дружиною, нагло оскорбили тамошняго князя, Димитрія Константиновича, и гражданъ; сей князь, исполняя, какъ вѣроятно, предписаніе Московскаго, велѣлъ или дозволилъ народу умертвить пословъ, съ коими находилось болѣе тысячи Мамаевыхъ воиновъ: главнаго изъ нихъ, мурзу Сарайку, заключили въ крѣпости съ его особенною дружиною. Прошло около года: объявили Сарайкѣ, что онъ долженъ проститься съ товарищами и что ихъ будутъ содержать въ разныхъ домахъ. Испуганный сею вѣстію, мурза ушелъ отъ приставовъ, вбѣжалъ въ домъ епископскій, зажегъ оный и съ помощію слугъ своихъ оборонялся: они пустили нѣсколько стрѣлъ и едва не ранили самого суздальскаго епископа Діонисія; но скоро были всѣ жертвою народной злобы. Неизвѣстно, старался ли Димитрій Константиновичъ или великій князь оправдать сіе дѣло предъ судилищемъ ханскимъ: по крайней мѣрѣ гордый Мамай не стерпѣлъ такой явной дерзости и послалъ войско опустошить предѣлы нижегородскіе, берега Киши и Пьявы, гдѣ начальствовалъ бояринъ Паросній и гдѣ черезъ нѣсколько дней не осталось ничего, кромѣ пепла и труповъ.

Сія месть не могла удовлетворить гнѣву Мамаеву: онъ клялся погубить Димитрія, и россійскіе мятежники взялись ему въ томъ способствовать. Мы упоминали о знаменитости московскихъ чиновниковъ, называемыхъ тысячскими, которые, подобно князьямъ, имѣли особенную благородную дружину и были, кажется, избираемы гражданами согласно съ древнимъ обычаемъ, чтобы предводительствовать ихъ людьми военными. Димитрій уничтожилъ сей

важный санъ, непріятный для самовластія государей и для бояръ, обязанныхъ уступать первенство чиновнику народному. Послѣдній московскій тысячскій, Василій Васильевичъ Вельяминовъ, умершій схимникомъ, оставилъ сына, именемъ Ивана, хотѣвшаго, можетъ быть, заступить мѣсто отца: недовольный великимъ княземъ, онъ вмѣстѣ съ богатымъ купцомъ Некоматомъ ушелъ къ Михаилу Тверскому и представилъ ему случай воспользоваться злобою Мамая на Димитрія, чтобы отнять Владиміръ у Московскаго князя. Отправивъ коварнаго Вельяминова и Некомата къ хану, Михаилъ самъ ѣздилъ въ Литву и, возвратясь въ Тверь, получилъ изъ Орды грамоту на великое княженіе. Мамай обѣщалъ ему войско: Ольгердъ также. Не давъ имъ времени исполнить столь нужное обѣщаніе, легкомысленный князь Тверской объявилъ войну Димитрію, послалъ своихъ намѣстниковъ въ Торжокъ и сильный отрядъ къ Угличу.

Великій князь оказалъ дѣятельность необыкновенную, превидя, что онъ въ одно время можетъ имѣть дѣло и съ тверитянами, и съ литвою, и съ моголами: гонцы его скакали изъ области въ область; полки вслѣдъ за ними выступали. Собиралось войско, многочисленное, прекрасное, на равнинахъ Волока.—Всѣ князья удѣльные, или служащіе Московскому, находились подъ его знаменами: Владимиръ Андреевичъ, внукъ Калитинъ; Димитрій Константиновичъ Суздальскій съ двумя братьями и сыномъ; князья Ростовскіе, Василій и Александръ Константиновичи, съ двоюроднымъ ихъ братомъ, Андреемъ Ѳеодоровичемъ; Іоаннъ Смоленскій, Василій Ярославскій, Ѳеодоръ Михайловичъ Моложскій, Ѳеодоръ Романовичъ Бѣлозерскій, Василій Михайловичъ Кашинскій (сынъ умершаго Михаила Васильевича), Андрей Стародубскій, Романъ Михайловичъ Брянскій, Романъ Симеоновичъ Новосильскій, Семеонъ Константиновичъ Оболенскій и братъ его, Іоаннъ Торусскій. Нѣкоторые изъ сихъ князей, напримѣръ, Смоленскій и Брянскій, не были владѣтельными: ибо въ Смоленскѣ господствовалъ Святославъ, дядя сего Іоанна, а въ Брянскѣ сынъ Ольгердовъ. Въ Стародубѣ и Бѣлозерскѣ уже властвовали намѣстники московскіе. Оболенскъ, Торусса и Новосиль, древніе удѣлы Черниговскіе въ землѣ вятичей, подобно Ярославлю, Мологѣ и Ростову, зависѣли тогда отъ великаго княженія; однакожъ имѣли своихъ особенныхъ владѣтелей, потомковъ св. Михаила Черниговскаго.

Димтрій, взявъ Микулинъ, 5 августа осадилъ Тверь. Онъ велѣлъ сдѣлать два моста чрезъ Волгу и весь городъ окружить тыномъ. Начались приступы кровопролитные. Вѣрные тверитяне никогда не измѣняли князьямъ своимъ: говѣли, пѣли молебны и бились съ утра до вечера; гасили огонь, коимъ непріятель хотѣлъ обратить ихъ стѣны въ пепелъ, и разрушили множество туровъ,

защиту осаждающихъ. Всѣ Михаиловы области были разорены московскими воеводами, города взяты, люди отведены въ плѣнъ, скотъ истребленъ, хлѣбъ потоптанъ; ни церкви, ни монастыри не уцѣлѣли; но тверитяне мужественно умирали на стѣнахъ, повинуясь князю и надѣясь на Бога. Осада продолжалась три недѣли: Димитрій съ нетерпѣніемъ ждалъ новогородцевъ, которые явились, наконецъ, въ его станѣ, пылая ревностію отплатить Михаилу за бѣдствіе Торжка. Еще сей князь, видя изнеможеніе своихъ воиновъ отъ ранъ и голода, ободрялъ себя мыслію, что Ольгердъ и Кестутій избавятъ его въ крайности: литовцы, дѣйствительно, шли къ нему въ помощь; но узнавъ о силѣ Димитріевой, возвратились съ пути. Тогда оставалось Михаилу умереть или смириться: онъ избралъ послѣднее средство, и владыка Евфимій, со всѣми знатнѣйшими тверскими боярами, пришелъ въ станъ къ Димитрію, требуя милости и спасенія.

Великій князь показалъ достохвальную умѣренность, предписалъ Михаилу условія не тягостныя, согласныя съ благоразумною политикою. Главныя изъ оныхъ были слѣдующія; „По благословенію отца нашего Алексія, митрополита всея Руси, ты, князь Тверскій, дай клятву за себя и за наслѣдниковъ своихъ признавать меня старѣйшимъ братомъ, никогда не искать великаго княженія Владимірскаго, нашея отчины, и не принимать онаго отъ хановъ, также и Новагорода Великаго; а мы обѣщаемся не отнимать у тебя наслѣдственной Тверской области. Не вступайся въ Кашинъ, отчину князя Василія Михайловича; отпусти захваченныхъ бояръ его и слугъ, также и всѣхъ нашихъ съ ихъ достояніемъ. Возврати колокола, книги, церковные оклады и сосуды, взятые въ Торжкѣ вмѣстѣ съ имѣніемъ гражданъ, нынѣ свободныхъ отъ данной ими тебѣ присяги; да будутъ свободны и тѣ, кого ты закабалилъ изъ нихъ грамотами. Предаемъ забвенію всѣ дѣйствія нынѣшней тверской осады: ни тебѣ, ни мнѣ не требовать возмездія за убытки, понесенные нами въ сей мѣсяцъ. Князья Ростовскіе и Ярославскіе со мною одинъ человѣкъ: не обижай ихъ, или мы за нихъ вступимся. — Откажись отъ союза съ Ольгердомъ; когда Литва объявитъ войну Смоленскому“ — тогда уже союзнику Димитріеву, — „или другимъ князьямъ, нашимъ братьямъ, мы обязаны защитить ихъ, равно какъ и тебя. — Въ разсужденіи татаръ поступай согласно съ нами: рѣшимся ли воевать, и ты врагъ ихъ; рѣшимся ли платить имъ дань, и ты плати оную. — Когда я и братъ мой, князь Владиміръ Андреевичъ, сядемъ на коней, будь намъ товарищъ въ полѣ; когда пошлемъ воеводъ, да соединятся съ ними и твои“.

Въ другихъ статьяхъ сей договорной грамоты сказано, что Михаилъ, въ исполненіе прежнихъ условій, освободитъ всѣхъ людей

великокняжескихъ, задержанныхъ въ Твери имъ или его боярами по долгамъ, искамъ и ручательству, что бояре вольны отъѣхать для службы отъ Московскаго князя къ Тверскому, или отъ Тверского къ Московскому, но лишаются въ такомъ случаѣ своихъ жалованныхъ помѣстьевъ; что села измѣнниковъ Ивана Вельяминова и Некомата принадлежатъ Димитрію; что земли и воды новогородцевъ, изъ чести служащихъ Михаилу, остаются подъ вѣдѣніемъ Новагорода; что тамошніе купцы могутъ безопасно ѣздить чрезъ области Тверскія; что гражданинъ свободный обязанъ платить дань князю той области, гдѣ живетъ: хотя бы и находился въ службѣ другого, но подсуденъ единственно своему государю; что въ дѣлахъ спорныхъ бояре московскіе и тверскіе съѣзжаются для суда на границѣ, а въ случаѣ несогласія избираютъ князя Олега Рязанскаго въ посредники; что бѣглые рабы, воры и душегубцы должны быть выдаваемы руками; что торговые московскіе люди не платятъ въ Твери ничего, кромѣ законныхъ, издавна уставленныхъ пошлинъ; что всякій насильственный переводъ жителей изъ одной земли въ другую воспрещается, и проч. Довольный смиреніемъ гордаго соперника, Димитрій оставилъ ему всѣ права князя независимаго и названіе Великаго, подобно Смоленскимъ и Рязанскимъ князьямъ. Новгородцы же заключили особенный договоръ съ Михаиломъ, который обязался дать свободу ихъ плѣнникамъ, житымъ (или нарочитымъ), и простымъ людямъ; возвратить товары, отнятые у купцовъ новогородскихъ, возстановить древнія границы между обѣими землями, наблюдать правила добраго сосѣдства, не стоять за бѣглыхъ рабовъ, должниковъ и проч.—Сія междоусобная война, счастливая для великаго князя, была долгое время оплакиваема въ Тверскихъ областяхъ, разоренныхъ безъ милосердія; ибо воевать значило тогда свирѣпствовать, жечь и грабить. Димитрій, руководствуясь обычаемъ какъ уставомъ народнымъ, не заслужилъ упрековъ отъ современниковъ, которые, напротивъ того, славили его великодушіе: ибо онъ не захотѣлъ совершенно истребить Твери и свергнуть Михаила съ наслѣдственнаго престола. Лѣтописцы тѣмъ болѣе клянутъ истинныхъ виновниковъ сего бѣдствія, Ивана Вельяминова и Некомата, которые, дерзнувъ черезъ нѣсколько лѣтъ возвратиться въ великое княженіе, были казнены всенародно, ко устрашенію подобныхъ имъ злодѣевъ. Народъ московскій, долго уважавъ и любивъ отца Иванова, чиновника столь знаменитаго, съ горестію смотрѣлъ на казнь сего несчастнаго сына, прекраснаго лицомъ, благороднаго видомъ; она совершилась на древнемъ Кучковѣ полѣ, гдѣ нынѣ монастырь Срѣтенскій.

Великій князь, распустивъ часть войска, послалъ другую на болгаровъ съ воеводою княземъ Димитріемъ Михайловичемъ Во-

лынскимъ, женатымъ на его сестрѣ, Аннѣ. Сей князь — одинъ изъ потомковъ Святополка II, какъ вѣроятно, или Романа Галицкаго, выѣхавъ изъ Волыніи служить государю Московскому, усердствовалъ отличиться подвигами мужества. Казанская Болгарія, еще прежде Россіи покоренная Батыемъ, съ того времени зависѣла отъ хановъ, и жители смѣшались съ монголами. Мурза Булактемиръ, какъ мы упоминали, овладѣлъ сю въ 1361 году; послѣ властвовалъ тамъ Осанъ, непріятель Димитрія Константиновича Суздальскаго, сверженный имъ въ 1370 году. Взявъ съ собою посла ханскаго, — слѣдственно дѣйствуя съ согласія Мамаева, — сынъ Димитріевъ, Василій, и братъ, князь Городецкій, ходили съ войскомъ въ Болгарію: приняли дары отъ Осана, но возвели на его мѣсто другого князя. Новый походъ россіянъ въ сію землю имѣлъ важнѣйшую цѣль: великій князь, уже явный врагъ моголовъ, хотѣлъ подчинить себѣ Болгарію. Сыновья Димитрія Суздальскаго соединились съ полками московскими и приближались къ Казани, городу славному въ нашей исторіи: сообщимъ любопытное преданіе о началѣ его. „Сынъ Батыевъ,—такъ говоритъ одинъ лѣтописецъ XVI вѣка, бывшій любимымъ слугою царя казанскаго,—сынъ Батыевъ, именемъ Саинъ, шелъ воевать Россію, но обезоруженный смиреніемъ и дарами ея князей, остановился: тутъ онъ вздумалъ завести селеніе, гдѣ бы чиновники татарскіе, посылаемые для собранія дани въ наше отечество, могли имѣть отдохновеніе. Мѣсто было изобильно, пчелисто и пажитно; но страшные зміи обитали въ ономъ: сыскался волхвъ, который обратилъ ихъ въ пепелъ. Ханъ основалъ городъ Казань (что значитъ котелъ или золотое дно) и населилъ его болгарами, черемисами, вотяками, мордвою, ушедшими изъ областей Ростовскихъ во время крещенія земли русской; любилъ сіе мѣсто, гдѣ сближаются ея предѣлы съ Болгаріею, Вяткою, Пермію и часто самъ пріѣзжалъ туда изъ Сарая: оно долгое время называлось еще Саиновымъ Юртомъ“. Сей ханъ Саинъ былъ или Сартакъ, единственный Батыевъ сынъ, извѣстный по лѣтописямъ, или самъ Батый, коего историкъ татарскій, Абульгази, обыкновенно именуетъ Сагиномъ.

Казанцы встрѣтили россіянъ въ полѣ: многіе изъ нихъ выѣхали на верблюдахъ, думая видомъ и голосомъ сихъ животныхъ испугать нашихъ коней; другіе надѣялись произвести то же дѣйствіе стукомъ и громомъ, но видя неустрашимость россіянъ, побѣжали назадъ. Войско россійское, истребивъ огнемъ села ихъ, зимовища, суда, заставило двухъ болгарскихъ владѣтелей, Осана и Махматъ-салтана, покориться великому князю. Они дали ему и Димитрію Суздальскому 2,000, а на воиновъ 3,000 рублей, и приняли въ свой городъ московскаго чиновника или таможенника: слѣдственно

обязались быть данниками Россіи. Ободренная симъ успѣхомъ, она готовилась къ дальнѣйшимъ подвигамъ.

Еще Мамай отлагалъ до удобнѣйшаго времени дѣйствовать всѣми силами противъ великаго князя (ибо въ Ордѣ снова свирѣпствовала тогда язва), однакожъ не упускалъ случая вредить россіянамъ. Сосѣды Нижегородской области, мордва, взялись указать моголамъ безопасный путь въ ея предѣлы, и царевичъ, именемъ Арапша, съ береговъ Синяго или Аральскаго моря пришедши служить Мамаю, выступилъ съ ханскими полками. Димитрій Суздальскій извѣстилъ о томъ великаго князя, который немедленно собралъ войско защитить тестя, но долго ждалъ моголовъ и, надѣясь, что они раздумали идти къ Нижнему, послалъ воеводъ своихъ гнаться за ними, а самъ возвратился въ столицу. Сіе ополченіе состояло изъ ратниковъ переславскихъ, юрьевскихъ, муромскихъ и ярославскихъ: князь Димитрій Константиновичъ присоединилъ къ нимъ суздальцевъ подъ начальствомъ сына Іоанна, и другого князя, Симеона Михайловича. Къ несчастію, умъ предводителей не соотвѣтствовалъ числу воиновъ. Повѣривъ слухамъ, что Арапша далеко, они вздумали за рѣкою Пьяною, на пути Перевозской, тѣшиться ловлей звѣрей, какъ дома въ мирное время. Воины слѣдовали сему примѣру безпечности: утомленные зноемъ, сняли съ себя латы и нагрузили ими телѣги; спустивъ одежду съ плечъ, искали прохлады; другіе разсѣялись по окрестнымъ селеніямъ, чтобы пить крѣпкій медъ или пиво. Знамена стояли уединенно; копья, щиты лежали грудами на травѣ. Однимъ словомъ, вездѣ представлялась глазамъ веселая картина охоты, пиршества, гульбища; скоро преставилась иная. Князья Мордовскіе тайно подвели Арапшу, о коемъ говорятъ лѣтописцы, что онъ былъ карла станомъ, но великанъ мужествомъ, хитръ на войнѣ и свирѣпъ до крайности. Арапша съ пяти сторонъ ударилъ на россіянъ, столь внезапно и быстро, что они не могли ни изготовиться, ни соединиться, и въ общемъ смятеніи бѣжали къ рѣкѣ Пьянѣ, устилая путь своими трупами и неся непріятеля на плечахъ. Погибло множество воиновъ и бояръ; князь Симеонъ Михайловичъ былъ изрубленъ, князь Іоаннъ Димитріевичъ утонулъ въ рѣкѣ, которая прославилась симъ несчастіемъ (обсуждая безразсудность воеводъ Димитріевыхъ, древніе россіяне говорили въ пословицу: за Пьяною и люди пьяны). — Татары, одержавъ совершенную побѣду, оставили за собою плѣнниковъ съ добычею и на третій день явились подъ стѣнами Нижняго Новгорода, гдѣ царствовалъ ужасъ: никто не думалъ обороняться. Князь Димитрій Константиновичъ ушелъ въ Суздаль, а жители спасались въ лодкахъ по Волгѣ. Непріятель умертвилъ всѣхъ, кого могъ захватить; сжегъ городъ и, такимъ образомъ наказавъ

его за убіеніе пословъ Мамаевыхъ, удалился, обремененный корыстію. Сынъ Димитрія Константиновича, чрезъ нѣсколько дней пріѣхавъ на сіе горестное пепелище, старался прежде всего возобновить обгорѣлую каменную церковь св. Спаса, чтобы схоронить въ ней тѣло своего несчастнаго брата, Іоанна, утонувшаго въ рѣкѣ.

Въ то же время моголы взяли нынѣшнюю Рязань: князь Олегъ, изстрѣленный, обагренный кровію, едва могъ спастися. Впрочемъ, они желали единственно грабить и жечь: мгновенно приходили, мгновенно и скрывались. Области Рязанская, Нижегородская были усыпаны пепломъ, въ особенности берега Суры, гдѣ Арапша не оставилъ въ цѣлости ни одного селенія. Многіе бояре и купцы лишились всего имѣнія; въ томъ числѣ лѣтописцы именуютъ одного знаменитаго гостя, Тараса Петрова; моголы разорили шесть его цвѣтущихъ, многолюдныхъ селъ, купленныхъ имъ у князя за рѣкою Кудимою; видя, что собственность въ сихъ мѣстахъ ненадежна, онъ навсегда переѣхалъ въ Москву.—Чтобы довершить бѣдствіе Нижняго Новгорода, мордовскіе хищники по слѣдамъ татаръ разсѣялись злодѣйствовать въ его уѣздѣ; но князь Борисъ Константиновичъ настигъ ихъ, когда они уже возвращались съ добычею, и потопилъ къ рѣкѣ Пьянѣ, гдѣ еще плавали трупы россіянъ. Сей князь Городецкій вмѣстѣ съ племянникомъ, Симеономъ Димитріевичемъ, и съ воеводою великаго князя Ѳедоромъ Свибломъ, въ слѣдующую зиму опустошилъ безъ битвы всю землю мордовскую, истребляя жилища и жителей. Онъ взялъ въ плѣнъ женъ и дѣтей, также нѣкоторыхъ людей чиновныхъ, казненныхъ послѣ въ Нижнемъ. Народъ въ злобномъ остервенѣніи влачилъ ихъ по льду рѣки Волги и травилъ псами.

Сія безчеловѣчная месть вновь возбудила гнѣвъ Мамаевъ на россіянъ: ибо земля мордовская находилась подъ властію хана. Нижній Новгородъ, едва возникнувъ изъ пепла, вторично былъ взятъ татарами: жители бѣжали за Волгу.—Князь Димитрій Константиновичъ, будучи тогда въ Городцѣ, прислалъ объявить Мамаевымъ воеводамъ, чтобы они удовольствовались окупомъ и не дѣлали зла его княженію. Но, исполняя въ точности данное имъ повелѣніе, они хотѣли крови и развалинъ; сожгли городъ, опустошили уѣздъ и, выходя изъ нашихъ предѣловъ, соединились еще съ сильнѣйшимъ войскомъ, посланнымъ отъ Мамая на самого великаго князя.

Димитрій Іоанновичъ, свѣдавъ заблаговременно о замыслахъ непріятеля, имѣлъ время собрать полки и встрѣтилъ татаръ въ области Рязанской, на берегахъ Вожи. Мурза Бегичъ предводительствовалъ ими. Они сами начали битву: перешли за рѣку и съ воплемъ поскакали на россіянъ; видя же ихъ твердость, удер-

жали своихъ коней: пускали стрѣлы, ѣхали впередъ легкой рысью. Великій князь стоялъ въ срединѣ, поручивъ одно крыло князю Даніилу Пронскому, а другое—окольничему, или ближнему княжескому чиновнику, Тимоѳею. По данному знаку все наше войско устремилось противъ непріятеля и дружнымъ, быстрымъ нападеніемъ рѣшило дѣло: моголы обратили тылъ; бросая копья, бѣжали за рѣку. Россіяне кололи, рубили и топили ихъ въ Вожѣ цѣлыми тысячами. Нѣсколько именитыхъ мурзъ находились въ числѣ убитыхъ. Ночь и густая мгла слѣдующаго утра спасла остатокъ Мамаевыхъ полковъ. На другой день великій князь уже тщетно искалъ бѣгущаго непріятеля: нашелъ только разбросанные въ степяхъ шатры, юрты, кибитки и телѣги, наполненныя всякими товарами. Довольный столь блестящимъ успѣхомъ, онъ возвратился въ Москву. Сія побѣда достопамятна тѣмъ, что была первою, одержанною россіянами надъ татарами съ 1224 года, и не стоила имъ ничего, кромѣ труда убивать людей: столь измѣнился воинственный характеръ Чингисханова потомства! Юный герой Димитрій, торжествуя оную вмѣстѣ съ своими добрыми подданными, могъ сказать имъ словами Библіи: Отступило время отъ нихъ, Господь же съ нами!

Мамай—истинный властелинъ Орды, во всемъ повелѣвая ханомъ—затрепеталъ отъ гнѣва, услышавъ о гибели своего войска; собралъ новое и столь быстро двинулся къ Рязани, что тамошній князь, Олегъ, не имѣлъ времени ни ждать вспоможенія отъ великаго князя, ни приготовиться къ отпору; бѣжалъ изъ столицы за Оку и предалъ отечество въ жертву варварамъ. Но Мамай, кровопролитіемъ и разрушеніями удовлетворивъ первому порыву мести, не хотѣлъ идти далѣе Рязани и возвратился къ берегамъ Волги, отложивъ рѣшительный ударъ до иного времени.

Димитрій успѣлъ между тѣмъ смирить Литву. Славный Ольгердъ умеръ, въ 1337 году, не только христіаниномъ, но и схимникомъ, по убѣжденію его супруги Іуліаніи и печерскаго архимандрита Давида, принявъ въ крещеніи имя Александра, а въ монашествѣ Алексія, чтобы загладить свое прежнее отступленіе отъ вѣры Іисусовой. Нѣкоторые лѣтописцы повѣствуютъ, что онъ гналъ христіанъ и замучилъ въ Вильнѣ трехъ усердныхъ исповѣдниковъ Спасителя, включенныхъ нашею церковью въ ликъ святыхъ; но литовскій историкъ славитъ его терпимость, сказывая, что Ольгердъ казнилъ 500 виленскихъ гражданъ за насильственное убіеніе семи французскихъ монаховъ и торжественно объявилъ свободу вѣры. Смерть сего опаснаго властолюбца обѣщала спокойствіе нашимъ юго-западнымъ границамъ, тѣмъ болѣе, что она произвела въ Литвѣ междоусобіе. Любимый сынъ и преемникъ Ольгердовъ, Ягайло, злодѣйски умертвивъ старца Кесту-

тія, принудилъ сына его, молодого Витовта, искать убѣжища въ Пруссіи.

Андрей Ольгердовичъ Полоцкій, державъ сторону дяди, ушелъ во Псковъ, далъ клятву быть вѣрнымъ другомъ россіянъ и пріѣхалъ въ Москву служить великому князю. Перемиріе, заключенное съ Литвою въ 1373 году, было давно нарушено: ибо москвитяне еще при жизни Ольгерда ходили осаждать Ржевъ. Пользуясь раздоромъ его сыновей, Димитрій въ началѣ зимы отрядилъ своего брата, Владиміра Андреевича, князей Волынскаго и Полоцкаго, Андрея Ольгердовича, съ сильнымъ войскомъ къ Стародубу и Трубчевску, чтобы сію древнюю собственность нашего отечества снова присоединить къ Россіи. Оба города сдалися; но полководцы Димитріевы, какъ бы уже не признавая тамошнихъ обитателей единокровными братьями, дозволяли воинамъ плѣнять и грабить. Въ Трубчевскѣ княжилъ братъ Андреевъ, Димитрій Ольгердовичъ: ненавидя Ягайла, онъ не хотѣлъ обнажить меча на россіянъ, дружелюбно встрѣтилъ ихъ съ женою, съ дѣтьми, со всѣми боярами и предложилъ свои услуги великому князю, который, въ благодарность за то, отдалъ ему Переславль-Залѣсскій съ судомъ и съ пошлиною.—Такимъ образомъ Димитрій могъ надѣяться въ одно время и свергнуть иго татаръ, и возвратить отечеству прекрасныя земли, отнятыя у насъ Литвою. Сія великая мысль занимала его благородную душу, когда онъ свѣдалъ о новыхъ грозныхъ движеніяхъ Орды, и долженствовалъ остановить успѣхи своего оружія въ Литвѣ, чтобы противоборствовать Мамаю.

Но прежде описанія знаменитѣйшаго изъ воинскихъ подвиговъ древней Россіи предложимъ читателю церковныя дѣла сего времени, коими Димитрій, несмотря на величайшую государственную опасность, занимался съ особенною ревностію.

Еще въ 1376 году патріархъ Филоѳей самъ собою поставилъ Кипріана, ученаго сербина, въ митрополиты для Россіи; но великій князь, негодуя на то, объявилъ, что церковь наша, пока живъ св. Алексій, не можетъ имѣть другого пастыря. Кипріанъ хотѣлъ преклонить къ себѣ новогородцевъ и сообщилъ имъ избирательную грамоту Филоѳееву; архіепископъ и народъ отвѣтствовали, что воля государя московскаго въ семъ случаѣ должна быть для нихъ закономъ. Отверженный россіянами, Кипріанъ жилъ въ Кіевѣ и повелѣвалъ литовскимъ духовенствомъ, въ надеждѣ скоро заступить мѣсто св. Алексія: ибо сей добродѣтельный старецъ уже стоялъ на прагѣ смерти. Но великій князь въ мысляхъ своихъ назначилъ ему иного преемника.

Между всѣми московскими іереями отличался тогда священникъ села Коломенскаго, Митяй, умомъ, знаніями, краснорѣчіемъ,

острою памятью, пріятнымъ голосомъ, красотою лица, величественною наружностію и благородными поступками, такъ что Димитрій избралъ его себѣ въ отцы духовные и въ печатники, то-есть ввѣрилъ ему храненіе великокняжеской печати: санъ важный по тогдашнему обычаю! Со дня на день возрастала милость государева къ сему человѣку, наставнику, духовнику всѣхъ бояръ, равно свѣдущему въ дѣлахъ мірскихъ и церковныхъ. Онъ величался какъ царь, по словамъ лѣтописцевъ, жилъ пышно, носилъ одежды драгоцѣнныя, имѣлъ множество слугъ и отроковъ. Прошло нѣсколько лѣтъ: Димитрій, желая возвести его на степень еще знаменитѣйшую, предложилъ ему заступить мѣсто спасскаго архимандрита Іоанна, который въ глубокой старости посвятилъ себя тишинѣ безмолвія. Хитрый Митяй не соглашался и былъ силою введенъ въ монастырь, гдѣ надѣли на него клобукъ инока вмѣстѣ съ мантіею архимандрита, къ удивленію народа, особенно къ неудовольствію духовныхъ. „Быть до обѣда бѣльцемъ“ — говорили они—„а послѣ обѣда старѣйшиною монаховъ есть дѣло безпримѣрное“.

Сей новый санъ открывалъ путь къ важнѣйшему. Великій князь, предвидя близкую кончину св. Алексія, хотѣлъ, чтобы онъ благословилъ Митяя на митрополію. Алексій, искренній другъ смиренія, давно мыслилъ вручить пастырскій жезлъ свой кроткому игумену Сергію, основателю Троицкой лавры: хотя Сергій, думая единственно о постѣ и молитвѣ, рѣшительно отвѣтствовалъ, что никогда не оставитъ своего мирнаго уединенія, но святый старецъ, или въ надеждѣ склонить его къ тому, или не любя гордаго Митяя (названнаго въ иночествѣ Михаиломъ) отрекся исполнить волю Дмитріеву, доказывая, что сей архимандритъ еще новоукъ въ монашествѣ. Великій князь просилъ, убѣждалъ митрополита: посылалъ къ нему бояръ и князя Владиміра Андреевича; наконецъ, успѣлъ столько, что Алексій благословилъ Митяя, какъ своего намѣстника, прибавивъ: если Богъ, патріархъ и Вселенскій соборъ удостоятъ его править россійскою церковію“.

Св. Алексій въ 1378 году скончался, и Митяй, къ изумленію духовенства, самовольно возложилъ на себя бѣлый клобукъ; надѣлъ мантію съ источниками и скрижалями; взялъ посохъ, печать, казну, ризницу митрополита; въѣхалъ въ его домъ и началъ судить дѣла церковныя самовластно. Бояре, отроки служили ему (ибо митрополиты имѣли тогда своихъ особенныхъ свѣтскихъ чиновниковъ), а священники присылали въ его казну извѣстные оброки и дани. Онъ медленно готовился къ путешествію въ Царьградъ, желая, чтобы Димитрій велѣлъ прежде святителямъ россійскимъ поставить его въ епископы, согласно съ уставомъ апо-

стольскимъ или номоканономъ. Великій князь призвалъ для того всѣхъ архіереевъ въ Москву: никто изъ нихъ не смѣлъ ослушаться, кромѣ Діонисія Суздальскаго, съ твердостію объявившаго, что въ Россіи одинъ митрополитъ законно ставитъ епископовъ. Великій князь спорилъ и, наконецъ, уступилъ, къ досадѣ Митяя.

Скоро обнаружилась явная ссора между симъ нареченнымъ митрополитомъ и Діонисіемъ, ибо они имѣли наушниковъ, которые старались усилить ихъ вражду. „Для чего, — сказалъ первый архіерею суздальскому, — ты до сего времени не былъ у меня и не принялъ моего благословенія?“ Діонисій отвѣтствовалъ: „Я епископъ, а ты попъ: итакъ, можешь ли благословлять меня?“ Митяй затрепеталъ отъ гнѣва; грозилъ, что не оставитъ Діонисія и попомъ, когда возвратится изъ Цареграда, и что собственными руками споретъ скрижали съ его мантіи. Епископъ суздальскій хотѣлъ предупредить врага своего и ѣхать къ патріарху; но великій князь приставилъ къ нему стражу. Тогда Діонисій рѣшился на безчестный обманъ: далъ клятву не думать о путешествіи въ Константинополь и представилъ за себя порукою мужа славнаго добродѣтелію, троицкаго игумена Сергія; получивъ же свободу, тайно уѣхалъ въ Грецію и ввелъ невиннаго Сергія въ стыдъ. Сей случай ускорилъ отъѣздъ Митяя, который уже 18 мѣсяцевъ управлялъ церковію, именуясь намѣстникомъ. Въ знакъ особенной довѣренности великій князь далъ ему нѣсколько бѣлыхъ хартій, запечатанныхъ его печатію, дабы онъ воспользовался ими въ Константинополѣ сообразно съ обстоятельствами, или для написанія грамотъ отъ имени Димитріева, или для нужнаго займа денегъ. Самъ государь, всѣ бояре старѣйшіе, епископы проводили Митяя до Оки; въ Грецію же отправились съ нимъ три архимандрита, московскій протопопъ Александръ, нѣсколько игуменовъ, шесть бояръ митрополитскихъ, два переводчика и цѣлый полкъ, какъ говорятъ лѣтописцы, всякаго рода людей, подъ главнымъ начальствомъ Большого великокняжескаго боярина, Юрья Васильевича Кочевина-Олешинскаго, собственнаго посла Димитріева. Казну и ризницу везли на телѣгахъ.

За предѣлами рязанскими, въ степяхъ половецкихъ, Митяй былъ остановленъ татарами, и не испугался, зная уваженіе ихъ къ сану духовному. Приведенный къ Мамаю, онъ умѣлъ хитрою лестію снискать его благоволеніе, получилъ отъ новаго тогдашняго хана Тюлюбека, Мамаева племянника, милостивый ярлыкъ,— достигъ Тавриды и въ Генуэзской Кафѣ сѣлъ на корабль. Уже Царьградъ открылся глазамъ россійскихъ плавателей; но Митяй, какъ второй Моисей (по выраженію лѣтописца), долженствовалъ только издали видѣть цѣль своего путешествія и честолюбія: за-

немогъ и внезапно умеръ, можетъ быть, весьма естественно; но въ такихъ случаяхъ обыкновенно рождается подозрѣніе: онъ былъ окруженъ тайными непріятелями; ибо, увѣренный въ особенной любви великаго князя, излишнею своею гордостію оскорблялъ и духовныхъ и свѣтскихъ чиновниковъ. Тѣло его свезли на берегъ и погребли въ Галатѣ.



ДИМИТРІЙ IV. ІОАННОВИЧЪ.
Донской
Вел. Кн. Россійскій

Вмѣсто того, чтобы увѣдомить великаго князя о происшедшемъ и ждать отъ него новой грамоты, спутники Митяевы вздумали самовольно посвятить въ митрополиты кого-нибудь изъ бывшихъ съ ними духовныхъ: одни хотѣли Іоанна, архимандрита петровскаго, который первый учредилъ въ Москвѣ общее житіе братское; а другіе Пимена, архимандрита переславскаго. Долго спорили: наконецъ, бояре избрали Пимена и, будучи озлоблены укоризнами Іоанна, грозившаго обличить ихъ несправедливость

предъ великимъ княземъ, дерзнули оковать сего старца. Честолюбивый Пименъ торжествовалъ и, нашедши въ ризницѣ Митяевой бѣлую хартію Димитрія, написалъ на оной письмо отъ государя московскаго къ императору и патріарху такого содержанія: „Посылая къ вамъ архимандрита Пимена, молю, да удостоите его быть митрополитомъ россійскимъ: ибо не знаю лучшаго“. Царь и патріархъ Нилъ изъявили сомнѣніе. „Для чего (говорили они) князь вашъ требуетъ новаго митрополита, имѣя Кипріана, поставленнаго Филоѳеемъ?“ Но Пименъ и бояре достигли своей цѣли щедрыми дарами, посредствомъ другихъ бѣлыхъ хартій Димитріевыхъ занявъ у купцовъ итальянскихъ и восточныхъ столь великое количество серебра, что сей государь долго не могъ выплатить онаго. Смягченный корыстію, патріархъ сказалъ: „не знаю, вѣрить ли посламъ россійскимъ; но совѣсть наша чиста“— и посвятилъ Пимена въ Софійскомъ храмѣ.

Оскорбленный вѣстію о кончинѣ Митяевой, великій князь едва вѣрилъ самовольству пословъ своихъ; объявилъ Пимена наглымъ хищникомъ святительства и, призвавъ въ Москву Кипріана заступить мѣсто св. Алексія, встрѣтилъ его съ великими почестями, съ колокольнымъ звономъ, со всѣми знаками искренняго удовольствія; а Пимена велѣлъ остановить на возвратномъ пути, въ Коломнѣ, и за крѣпкою стражею отвезти въ Чухлому. Съ него торжественно сняли бѣлый клобукъ: столь власть княжеская первенствовала у насъ въ дѣлахъ церковныхъ! Главный бояринъ, Юрій Олешинскій, и всѣ сообщники Пименовы были наказаны заточеніемъ. Сіе случилось уже въ 1381 году, то-есть послѣ славной Донской битвы, которую мы теперь должны описывать.

Мамай пылалъ яростію и нетерпѣніемъ отмстить Димитрію за разбитіе ханскихъ полковъ на берегахъ Вожи; но видя, что россіяне уже не трепещутъ имени могольскаго и великодушно рѣшились противоборствовать силѣ силою, онъ долго медлилъ, набирая войско изъ татаръ, половцевъ, харазскихъ турковъ, черкесовъ, ясовъ, буртановъ или жидовъ кавказскихъ, армянъ и самыхъ крымскихъ генуэзцевъ: одни служили ему какъ подданные, другіе какъ наемники. Наконецъ, ободренный многочисленностію своей рати, Мамай призвалъ на совѣтъ всѣхъ князей Ординскихъ и торжественно объявилъ имъ, что идетъ, по древнимъ слѣдамъ Батыя, истребить государство россійское. „Казнимъ рабовъ строптивыхъ!—сказалъ онъ въ гнѣвѣ:—да будутъ пепломъ грады ихъ, веси и церкви христіанскія! Обогатимся русскимъ золотомъ!“ Желая еще болѣе обнадежить себя въ успѣхѣ, Мамай вступилъ въ тѣсный союзъ съ Ягайломъ Литовскимъ, который условился дѣйствовать съ нимъ заодно. Къ симъ двумъ

главнымъ утѣснителямъ и врагамъ нашего отечества присоединился внутренній измѣнникъ, менѣе опасный могуществомъ, но зловреднѣйшій коварствомъ: Олегъ Рязанскій, воспитанный въ ненависти къ Московскимъ князьямъ, жестокосердый въ юности и зрѣлымъ умомъ мужескихъ лѣтъ наученный лукавству. Испытавъ въ полѣ превосходную силу Димитрія, онъ началъ искать его благоволенія; будучи хитръ, уменъ, велерѣчивъ, сдѣлался ему другомъ, совѣтникомъ въ общихъ дѣлахъ государственныхъ и посредникомъ—какъ мы видѣли—въ гражданскихъ дѣлахъ великаго княженія съ Тверскимъ. Думая, что грозное ополченіе Мамаево, усиленное Ягайловымъ, должно необходимо сокрушить Россію—страшась быть первою жертвою онаго и надѣясь хитрымъ предательствомъ не только спасти свое княжество, но и распространить его владѣнія паденіемъ Московскаго, Олегъ вошелъ въ переговоры съ моголами и съ Литвою чрезъ боярина рязанскаго Епифана Кореева; заключилъ съ ними союзъ и тайно условился ждать ихъ въ началѣ сентября мѣсяца на берегахъ Оки. Мамай обѣщалъ ему и Ягайду всѣ будущія завоеванія въ великомъ княженіи, съ тѣмъ, чтобы они, получивъ сію награду, были вѣрными данниками ханскими.

Димитрій въ исходѣ лѣта свѣдалъ о походѣ Мамаевомъ, и самъ Олегъ, желая скрыть свою измѣну, далъ ему знать, что надобно готовиться къ войнѣ. Мамай со всѣмъ царствомъ идетъ въ землю рязанскую противъ меня и тебя, писалъ онъ къ великому князю: „Ягайла также; но еще рука наша высока: бодрствуй и мужайся!“ Въ обстоятельствахъ столь важныхъ, рѣшительныхъ, первою мыслію Димитрія было спѣшить въ храмъ Богоматери и молить Всевышняго о заступленіи. Облегчивъ сердце изліяніемъ набожныхъ чувствъ, онъ разослалъ гонцевъ по всѣмъ областямъ великаго княженія, чтобы собирать войско и немедленно вести оное въ Москву. Повелѣніе его было исполнено съ рѣдкимъ усердіемъ: цѣлые города вооружились въ нѣсколько дней; ратники тысячами стремились отовсюду къ столицѣ. Князья Ростовскіе, Бѣлозерскіе, Дмитровскіе, Ярославскіе, съ своими слугами, — бояре владимірскіе, суздальскіе, переславскіе, костромскіе, муромскіе, можайскіе, звенигородскіе, углицкіе, серпуховскіе съ дѣтьми боярскими или съ воинскими дружинами составили полки многочисленные, которые одни за другими вступали въ ворота Кремлевскія. Стукъ оружія не умолкалъ въ городѣ, и народъ съ умиленіемъ смотрѣлъ на бодрыхъ воиновъ, готовыхъ умереть за отечество и вѣру. Казалось, что россіяне пробудились отъ глубокаго сна: долговременный ужасъ имени татарскаго, какъ бы отъ дѣйствія сверхъестественной силы, исчезъ въ ихъ сердцѣ. Они напоминали другъ другу славную побѣду Вожскую; исчисляли всѣ бѣдствія, претер-

пѣнныя ими отъ варваровъ въ теченіе ста пятидесяти лѣтъ, и дивились постыдному терпѣнію своихъ отцовъ. Князья, бояре, граждане, земледѣльцы были воспламенены равнымъ усердіемъ, ибо тиранство хановъ равно всѣхъ угнетало, отъ престола до хижины. Какая война была праведнѣе сей? Счастливъ государь, обнажая мечъ по движенію столь добродѣтельному и столь единодушному! Народъ, до временъ Калиты и Симеона оглушаемый непрестанными ударами моголовъ, въ бѣдности, въ отчаяніи, не смѣлъ и думать о свободѣ: отдохнувъ подъ умнымъ правленіемъ князей Московскихъ, онъ вспомнилъ древнюю независимость россіянъ и, менѣе страдая отъ ига иноплеменниковъ, тѣмъ болѣе хотѣлъ свергнуть оное совершенно. Облегченіе цѣпей не миритъ насъ съ рабствомъ, но усиливаетъ желаніе прервать оныя.

Каждый ревновалъ служить отечеству: одни мечомъ, другіе молитвою и дѣлами христіанскими. Между тѣмъ какъ юноши и мужи блистали оружіемъ на стогнахъ Москвы, жены и старцы преклоняли колѣна въ святыхъ храмахъ; богатые раздавали милостыню, особенно великая княгиня, супруга нѣжная и чувствительная, а Димитрій, устроивъ полки къ выступленію, желалъ съ братомъ Владиміромъ Андреевичемъ, со всѣми князьями и воеводами принять благословеніе Сергія, игумена уединенной Троицкой обители, уже знаменитой добродѣтелями своего основателя. Сей святый старецъ, отвергнувъ міръ, еще любилъ Россію, ея славу и благоденствіе: лѣтописцы говорятъ, что онъ предсказалъ Димитрію кровопролитіе ужасное, но побѣду—смерть многихъ героевъ православныхъ, но спасеніе великаго князя; упросилъ его обѣдать въ монастырѣ, окропилъ святою водою всѣхъ бывшихъ съ нимъ военачальниковъ и далъ ему двухъ иноковъ въ сподвижники, именемъ Александра Пересвѣта и Ослябю, изъ коихъ первый былъ нѣкогда бояриномъ брянскимъ и витяземъ мужественнымъ. Сергій вручилъ имъ знаменіе креста на схимахъ и сказалъ: „вотъ оружіе нетлѣнное! да служитъ оно вамъ вмѣсто шлемовъ!“ Димитрій выѣхалъ изъ обители съ новою и еще сильнѣйшею надеждою на помощь небесную.

Въ тотъ часъ, когда полки съ распущенными знаменами уже шли изъ Кремля въ ворота Флоровскія, Никольскія и Константино-Еленскія, будучи провождаемы духовенствомъ съ крестами и чудотворными иконами, великій князь молился надъ прахомъ своихъ предмѣстниковъ, государей московскихъ, въ церкви Михаила Архангела, воспоминая ихъ подвиги и добродѣтели. Онъ нѣжно обнялъ горестную супругу, но удержалъ слезы, окруженный свидѣтелями, и сказавъ ей: „Богъ нашъ заступникъ!“ сѣлъ на коня. Однѣ жены плакали. Народъ стремился вслѣдъ за воинствомъ, громогласно желая ему побѣды. Утро было ясное и ти-

хое: оно казалось счастливымъ предзнаменованіемъ.—Въ Москвѣ остался воеводою Ѳеодоръ Андреевичъ блюсти столицу и семейсво княжеское.

Въ Коломнѣ соединились съ Димитріемъ вѣрные ему сыновья Ольгердовы, Андрей и Димитрій, предводительствуя сильною дружиною полоцкою и брянскою. Великій князь хотѣлъ осмотрѣть все войско; никогда еще Россія не имѣла подобнаго, даже въ самыя счастливыя времена ея независимости и цѣлости: болѣе ста пятидесяти тысячъ всадниковъ и пѣшихъ стало въ ряды, и Димитрій, выѣхавъ на обширное поле Дѣвичье, съ душевною радостію видѣлъ ополченіе столь многочисленное, собранное его монаршимъ словомъ въ городахъ одного древняго Суздальскаго княженія, нѣкогда презираемаго князьями и народомъ южной Россіи. Скоро пришла вѣсть, что Мамай, совокупивъ всю Орду, уже три недѣли стоитъ за Дономъ и ждетъ Ягайла Литовскаго. Въ то же время явился въ Коломнѣ посолъ ханскій, требуя, чтобы Димитрій заплатилъ моголамъ ту самую дань, какую бралъ съ его предковъ царь Чанибекъ. Еще не довѣряя силамъ своимъ и боясь излишнею надменностію погубить отечество, Димитрій отвѣтствовалъ, что онъ желаетъ мира и не отказывается отъ дани умѣренной, согласно съ прежними условіями, заключенными между имъ и Мамаемъ; но не хочетъ разорить земли своей налогами тягостными въ удовлетвореніе корыстолюбивому тиранству. Сей отвѣтъ казался Мамаю дерзкимъ и коварнымъ. Съ обѣихъ сторонъ видѣли необходимость рѣшить дѣло мечомъ.

Димитрій свѣдалъ тогда измѣну Олега Рязанскаго и тайныя сношенія его съ моголами и съ Литвою; не ужаснулся, но съ видомъ горести сказалъ: „Олегъ хочетъ быть новымъ Святополкомъ!“ и, принявъ благословеніе отъ коломенскаго епископа Герасима, 20 августа выступилъ къ устью рѣки Лопасни. Тамъ настигъ его князь Владиміръ Андреевичъ, внукъ Калитинъ, и великій воевода Тимоѳей Васильевичъ, со всѣми остальными полками московскими. 26 августа войско переправилось за Оку, въ землю Рязанскую, а на другой день самъ Димитрій и дворъ княжескій, къ изумленію Олега, увѣрившаго своихъ союзниковъ, что великій князь не дерзнетъ имъ противободрствовать и захочетъ спастися бѣгствомъ въ Новгородъ или въ пустыни Двинскія. Слыша о силахъ Димитрія, равно боясь его и Мамая, князь Рязанскій не зналъ, что ему дѣлать; скакалъ изъ мѣста въ мѣсто; отправлялъ гонцовъ къ татарамъ, къ Ягайлу, уже стоявшему близъ Одоева; трепеталъ будущаго и раскаивался въ своей измѣнѣ; чувствуя, сколь ужасенъ страхъ въ злодѣйствѣ, онъ завидовалъ опасностямъ Димитрія, ободряемаго чистою совѣстію, вѣрою и любовію всѣхъ добрыхъ россіянъ.

6 сентября войско наше приблизилось къ Дону, и князья разсуждали съ боярами, тамъ ли ожидать моголовъ, или идти далѣе? Мысли были несогласны. Ольгердовичи, князья Литовскіе, говорили, что надобно оставить рѣку за собою, дабы удержать робкихъ отъ бѣгства: что Ярославъ Великій такимъ образомъ побѣдилъ Святополка и Александръ Невскій шведовъ. Еще и другое, важнѣйшее обстоятельство было опорою сего мнѣнія: надлежало предупредить соединеніе Ягайла съ Мамаемъ. Великій князь рѣшился—и, къ ободренію своему, получилъ отъ св. Сергія письмо, въ коемъ онъ благословлялъ его на битву, совѣтуя ему не терять времени. Тогда же пришла вѣсть, что Мамай идетъ къ Дону, ежечасно ожидая Ягайла. Уже легкіе наши отряды встрѣчались съ татарскими и гнали ихъ. Димитрій собралъ воеводъ и сказалъ имъ: „часъ суда Божія наступаетъ". 7 сентября велѣлъ искать въ рѣкѣ удобнаго броду для конницы и наводить мосты для пѣхоты. Въ слѣдующее утро былъ густой туманъ, но скоро разсѣялся: войско перешло Донъ и стало на берегахъ Непрядвы, гдѣ Димитрій устроилъ всѣ полки къ битвѣ. Въ срединѣ находились князья Литовскіе, Андрей и Димитрій Ольгердовичи, Өедоръ Романовичъ Бѣлозерскій и бояринъ Николай Васильевичъ; въ собственномъ же полку великокняжескомъ бояре Іоаннъ Родіоновичъ Квашня, Михаилъ Брянокъ, князь Іоаннъ Васильевичъ Смоленскій; на правомъ крылѣ князь Андрей Өеодоровичъ Ростовскій, князь Стародубскій того же имени и бояринъ Өеодоръ Грунка; на лѣвомъ князь Василій Васильевичъ Ярославскій, Өеодоръ Михайловичъ Моложскій и бояринъ Левъ Морозовъ; въ сторожевомъ полку бояринъ Михаилъ Іоанновичъ, внукъ Акинѳовъ, князь Симеонъ Константиновичъ Оболенскій, братъ его князь Іоаннъ Торусскій и Андрей Серкизъ; а въ засадѣ князь Владиміръ Андреевичъ, внукъ Калитинъ, Димитрій Михайловичъ Волынскій, побѣдитель Олега и болгаровъ, мужъ славный доблестію и разумомъ; Романъ Михайловичъ Брянскій, Василій Михайловичъ Кашинскій и сынъ Романа Новосильскаго. Димитрій, стоя на высокомъ холмѣ и видя стройные, необозримые ряды войска, безчисленныя знамена, развѣваемыя легкимъ вѣтромъ, блескъ оружія и доспѣховъ, озаряемыхъ яркимъ осеннимъ солнцемъ,—слыша всеобщія громогласныя восклицанія: „Боже! даруй побѣду государю нашему!" и вообразивъ, что многія тысячи сихъ бодрыхъ витязей падутъ чрезъ нѣсколько часовъ, какъ усердныя жертвы любви къ отечеству, Димитрій въ умиленіи преклонилъ колѣна и, простирая руки къ златому образу Спасителя, сіявшему вдали на черномъ знамени великокняжескомъ, молился въ послѣдній разъ за христіанъ и Россію; сѣлъ на коня, объѣхалъ всѣ полки и говорилъ рѣчь къ каждому, называя воиновъ своими вѣрными товарищами и милыми

братьями, утверждая ихъ въ мужествѣ и каждому изъ нихъ обѣщая славную память въ мірѣ, съ вѣнцомъ мученическимъ за гробомъ.

Войско тронулось, и въ шестомъ часу дня увидѣло непріятеля среди обширнаго поля Куликова. Съ обѣихъ сторонъ вожди наблюдали другъ друга и шли впередъ медленно, измѣряя глазами силу противниковъ: сила татаръ еще превосходила нашу. Димитрій, пылая ревностію служить для всѣхъ примѣромъ, хотѣлъ сражаться въ передовомъ полку: усердные бояре молили его остаться за густыми рядами главнаго войска, въ мѣстѣ безопаснѣйшеймъ. „Долгъ князя, — говорили они, — смотрѣть на битву, видѣть подвиги воеводъ и награждать достойныхъ. Мы всѣ готовы на смерть; а ты, государь любимый, живи и предай нашу память временамъ будущимъ. Безъ тебя нѣтъ побѣды“. Но Димитрій отвѣтствовалъ: „Гдѣ вы, тамъ и я. Скрываясь назади, могу ли сказать вамъ: братья! умремъ за отечество? Слово мое да будетъ дѣломъ! Я вождь и начальникъ, стану впереди и хочу положить свою голову въ примѣръ другимъ“. Онъ не измѣнилъ себѣ и великодушію; громогласно читая псаломъ: „Богъ намъ прибѣжище и сила“, первый ударилъ на враговъ и бился мужественно какъ рядовый воинъ; наконецъ отъѣхалъ въ средину полковъ, когда битва сдѣлалась общею.

На пространствѣ десяти верстъ лилася кровь христіанъ и невѣрныхъ. Ряды смѣшались: индѣ россіяне тѣснили моголовъ, индѣ моголы россіянъ: съ обѣихъ сторонъ храбрые падали на мѣстѣ, а малодушные бѣжали: такъ нѣкоторые московскіе неопытные юноши—думая, что все погибло—обратили тылъ. Непріятель открылъ себѣ путь къ большимъ или княжескимъ знаменамъ, и едва не овладѣлъ ими: вѣрная дружина отстояла ихъ съ напряженіемъ всѣхъ силъ. Еще князь Владиміръ Андреевичъ, находясь въ засадѣ, былъ только зрителемъ битвы и скучалъ своимъ бездѣйствіемъ, удерживаемый опытнымъ Димитріемъ Волынскимъ. Насталъ девятый часъ дня: сей Димитрій, съ величайшимъ вниманіемъ примѣчая всѣ движенія обѣихъ ратей, вдругъ извлекъ мечъ и сказалъ Владиміру: „теперь наше время“. Тогда засадный полкъ выступилъ изъ дубравы, скрывавшей его отъ глазъ непріятеля, и быстро устремился на моголовъ. Сей внезапный ударъ рѣшилъ судьбу битвы: враги, изумленные, разсѣянные, не могли противиться новому строю войска свѣжаго, бодраго, и Мамай, съ высокаго кургана смотря на кровопролитіе, увидѣлъ общее бѣгство своихъ; терзаемый гнѣвомъ, тоскою, воскликнулъ: „великъ Богъ христіанскій!“ и бѣжалъ вслѣдъ за другими. Полки россійскіе гнали ихъ до самой рѣки Мечи, убивали, топили, взявъ станъ непріятельскій и несмѣтную добычу, множество телѣгъ, коней, верблюдовъ, навьюченныхъ всякими драгоцѣностями.

Мужественный князь Владиміръ, герой сего незабвеннаго для Россіи дня, довершивъ побѣду, сталъ на костяхъ или на полѣ битвы, подъ чернымъ знаменемъ княжескимъ, и велѣлъ трубить въ воинскія трубы: со всѣхъ сторонъ съѣзжались къ нему князья и полководцы; но Димитрія не было. Изумленный Владиміръ спрашивалъ: „гдѣ братъ мой и первоначальникъ нашей славы?“ Никто не могъ дать о немъ вѣсти. Въ безпокойствѣ, въ ужасѣ воеводы разсѣялись искать его, живого или мертваго; долго не находили; наконецъ, два воина увидѣли великаго князя, лежащаго подъ срубленнымъ деревомъ. Оглушенный въ битвѣ сильнымъ ударомъ, онъ упалъ съ коня, обезпамятѣлъ и казался мертвымъ; но скоро открылъ глаза. Тогда Владиміръ, князья, чиновники, преклонивъ колѣна, воскликнули единогласно: „Государь! ты побѣдилъ враговъ!“ Димитрій всталъ: видя брата, видя радостныя лица окружающихъ его и знамена христіанскія надъ трупами моголовъ, въ восторгѣ сердца изъявилъ благодарность небу; обнялъ Владиміра, чиновниковъ, цѣловалъ самыхъ простыхъ воиновъ и сѣлъ на коня, здравый веселіемъ духа и не чувствуя изнуренія силъ.—Шлемъ и латы его были изсѣчены, но обагрены единственно кровію невѣрныхъ: Богъ чудеснымъ образомъ спасъ сего князя среди безчисленныхъ опасностей, коимъ онъ съ излишнею пылкостію подвергался, сражаясь въ толпѣ непріятелей и часто оставляя за собою дружину свою. Димитрій, провождаемый князьями и боярами, объѣхалъ поле Куликово, гдѣ легло множество россіянъ, но вчетверо болѣе непріятелей, такъ что, по сказанію нѣкоторыхъ историковъ, число всѣхъ убитыхъ простиралось до двухъ сотъ тысячъ. Князья Бѣлозерскіе, Ѳеодоръ и сынъ его Іоаннъ, Торусскій Ѳеодоръ и Мстиславъ, Дорогобужскій Димитрій Монастыревъ, первостепенные бояре Симеонъ Михайловичъ, сынъ тысячскаго Николай Васильевичъ, внукъ Акинѳовъ Михаилъ, Андрей Серкизъ, Волуй, Бренко, Левъ Морозовъ и многіе другіе положили головы за отечество, а въ числѣ ихъ и Сергіевъ инокъ Александръ Пересвѣтъ, о коемъ пишутъ, что онъ еще до начала битвы палъ въ единоборствѣ съ печенѣгомъ, богатыремъ Мамаевымъ, сразивъ его съ коня и вмѣстѣ съ нимъ испустивъ духъ; кости сего и другого Сергіева священновитязя, Осляби, покоятся донынѣ близъ монастыря Симонова. Останавливаясь надъ трупами мужей знаменитѣйшихъ, великій князь платилъ имъ дань слезами умиленія и хвалою; наконецъ, окруженный воеводами, торжественно благодарилъ ихъ за оказанное мужество, обѣщая наградить каждаго по достоинству, и велѣлъ хоронить тѣла россіянъ. Послѣ, въ знакъ признательности къ добрымъ сподвижникамъ, тамъ убіеннымъ, онъ уставилъ праздновать вѣчно ихъ память въ субботу Дмитровскую, доколѣ существуетъ Россія.

Ягайло въ день битвы находился не болѣе какъ въ 30 или 40 верстахъ отъ Мамая: узнавъ ея слѣдствіе, онъ пришелъ въ ужасъ и думалъ только о скоромъ бѣгствѣ, такъ что легкіе наши отряды нигдѣ не могли его настигнуть. Со всѣхъ сторонъ счастливый Димитрій, однимъ ударомъ освободивъ Россію отъ двухъ грозныхъ непріятелей, послалъ гонцовъ въ Москву, въ Переславль, Кострому, Владиміръ, Ростовъ и другіе города, гдѣ народъ, свѣдавъ о переходѣ войска за Оку, денно и нощно молился въ храмахъ. Извѣстіе о побѣдѣ, столь рѣшительной, произвело восхищеніе неописанное. Казалось, что независимость, слава и благоденствіе нашего отечества утверждены ею навѣки; что Орда пала и не возстанетъ; что кровь христіанъ, обагрившая берега Дона, была послѣднею жертвою для Россіи и совершенно умилостивила небо. Всѣ поздравляли другъ друга, радуясь, что дожили до временъ, столь счастливыхъ, и славили Димитрія какъ второго Ярослава Великаго и новаго Александра, единогласно назвавъ его Донскимъ, а Владиміра Андреевича Храбрымъ, и ставя Мамаево побоище выше Алтскаго и Невскаго. Увидимъ, что оно, къ сожалѣнію, не имѣло тѣхъ важныхъ, прямыхъ слѣдствій, какихъ Димитрій и народъ его ожидали; но считалось знаменитѣйшимъ въ преданіяхъ нашей исторіи до самыхъ временъ Петра Великаго, или до битвы Полтавской: еще не прекратило бѣдствій Россіи, но доказало возрожденіе силъ ея, и въ несомнительной связи дѣйствій съ причинами отдаленными служило основаніемъ успѣховъ Іоанна III, коему судьба назначила совершить дѣло предковъ, менѣе счастливыхъ, но равно великихъ.

Для чего Димитрій не хотѣлъ воспользоваться побѣдою, гнать Мамая до береговъ Ахтубы и разрушить гнѣздо тиранства? Не будемъ обвинять великаго князя въ оплошности. Татары бѣжали, однакожъ все еще сильные числомъ и могли въ волжскихъ улусахъ собрать полки новые; надлежало идти вслѣдъ за ними съ войскомъ многолюднымъ: какимъ образомъ продовольствовать оное въ степяхъ и пустыняхъ? Народу кочующему нужна только паства для скота его, а россіяне долженствовали бы везти хлѣбъ съ собою, видя впереди глубокую осень и зиму, имѣя лошадей, не пріученныхъ питаться одною изсохшею травою. Множество раненыхъ требовало призрѣнія, и побѣдители чувствовали нужду въ отдохновеніи. Думая, что Мамай никогда уже не дерзнетъ возстать на Россію, Димитрій не хотѣлъ безъ крайней необходимости подвергать судьбу государства дальнѣйшимъ опасностямъ войны и, въ надеждѣ заслужить счастіе умѣренностію, возвратился въ столицу. Шествіе его отъ поля Куликова до вратъ кремлевскихъ было торжествомъ непрерывнымъ. Вездѣ народъ встрѣчалъ побѣдителя съ веселіемъ, любовію и благодарностію; вездѣ

гремѣла хвала Богу и государю. Народъ смотрѣлъ на Димитрія какъ на ангела-хранителя, ознаменованнаго печатію небеснаго благоволенія. Сіе блаженное время казалось истиннымъ очарованіемъ для добрыхъ россіянъ: оно не продолжилось!

Уже зная всю черноту души Олеговой и свѣдавъ еще, что сей измѣнникъ старался вредить московскимъ полкамъ на возвратномъ ихъ пути чрезъ области Рязанскія, истреблялъ мосты, даже захватывалъ и грабилъ слугъ великокняжескихъ, Димитрій готовился наказать его. Тогда именитѣйшіе бояре рязанскіе пріѣхали въ Москву объявить, что князь ихъ ушелъ съ своимъ семействомъ и дворомъ въ Литву; что Рязань поддается герою донскому и молитъ его о милосердіи. Димитрій отправилъ туда московскихъ намѣстниковъ; но хитрый Олегъ, бывъ нѣсколько мѣсяцевъ изгнанникомъ, умѣлъ тронуть его чувствительность знаками раскаянія и возвратился на престолъ съ обѣщаніемъ отказаться отъ Ягайловой дружбы, считать великаго князя старшимъ братомъ и быть съ нимъ заодно въ случаѣ войны или мира съ Литвою и татарами. Въ семъ письменномъ договорѣ сказано, что Ока и Цна служатъ границею между княженіями Московскимъ и Рязанскимъ; что мѣста, отнятыя у татаръ, безспорно принадлежатъ тому, кто ихъ отнялъ; что городъ Тула, названный именемъ царицы Тайдулы, жены Чанибековой, и нѣкогда управляемый ея басками, остается собственностію Димитрія, равно какъ и бывшая Мордовская область, Мещера, купленная имъ у тамошняго крещенаго князя, именемъ Александра Уковича. Великодушіе дѣйствуетъ только на великодушныхъ: суровый Олегъ могъ помнить обиды, а не благотворенія; скоро забылъ милость Димитрія и воспользовался первымъ случаемъ нанести ему вредъ.

Уничиженный, поруганный Мамай, достигнувъ своихъ улусовъ въ видѣ робкаго бѣглеца, скрежеталъ зубами и хотѣлъ еще отвѣдать силъ противъ Димитрія; но судьба послала ему иного непріятеля. Тохтамышъ, одинъ изъ потомковъ Чингисхановыхъ, изгнанный изъ орды Капчакской ханомъ Урусомъ, снискалъ дружбу славнаго Тамерлана, который, смирно называясь эмиромъ или княземъ моголовъ чагатайскихъ, уже властвовалъ надъ обѣими Бухаріями. Съ помощію сего второго Чингиса, Тохтамышъ, объявивъ себя наслѣдникомъ Батыева престола, шелъ къ морю Азовскому. Мамай встрѣтилъ его близъ нынѣшняго Маріуполя, и на томъ мѣстѣ, гдѣ моголы, въ 1224 году, истребили войско нашихъ соединенныхъ князей, былъ разбитъ на-голову; оставленный невѣрными мурзами, бѣжалъ въ Кафу и тамъ кончилъ жизнь свою; генуэзцы обѣщали ему безопасность, но коварно умертвили его, чтобы угодить побѣдителю или завладѣть Мамаевою казною. Тохтамышъ воцарился въ Ордѣ и дружелюбно далъ знать всѣмъ

князьямъ россійскимъ, что онъ побѣдилъ ихъ врага общаго. Димитрій принялъ ханскихъ пословъ съ ласкою, отпустилъ съ честію, и вслѣдъ за ними отправилъ собственныхъ съ богатыми дарами для хана; то же сдѣлали и другіе князья. Но дары не дань, и ласки не рабство: надменный, честолюбивый Тохтамышъ не могъ удовольствоваться привѣтствіями: онъ хотѣлъ властвовать какъ Батый или Узбекъ надъ Россіею.

Въ слѣдующее лѣто ханъ послалъ къ Димитрію царевича Акхозю и съ нимъ 700 воиновъ, требовать, чтобы всѣ князья наши, какъ древніе подданные моголовъ, немедленно явились въ Ордѣ. Россіяне содрогнулись. „Давно ли,—говорили они,—мы одержали побѣду на берегахъ Дона? неужели кровь христіанская лилась тщетно?“ Государь думалъ согласно съ народомъ, и царевичу въ Нижнемъ-Новѣгородѣ сказали, что великій князь не отвѣтствуетъ за его безопасть, если онъ пріѣдетъ въ столицу съ воинскою дружиною. Акхозя возвратился къ хану, отправивъ въ Москву нѣкоторыхъ изъ своихъ товарищей. Даже и сіи люди, устрашенные знаками народной ненависти россіянъ къ моголамъ, не посмѣли туда ѣхать; а Димитрій, излишно надѣясь на слабость Орды, спокойно занимался дѣлами внутренняго правленія.

Прошло около года, ханъ молчалъ, но въ тишинѣ готовился дѣйствовать. Вдругъ услышали въ Москвѣ, что татары захватили всѣхъ нашихъ купцовъ въ землѣ болгарской и взяли у нихъ суда для перевоза войска ханскаго чрезъ Волгу; что Тохтамышъ идетъ на Россію; что вѣроломный Олегъ встрѣтилъ его близъ границы и служитъ ему путеводителемъ, указывая ему на Окѣ безопасные броды. Сія вѣсть, привезенная изъ улусовъ нѣкоторыми искренними доброхотами россіянъ, изумила народъ: еще великодушная рѣшимость правителей могла бы воспламенить его ревность, и герой Донской съ мужественнымъ братомъ своимъ, Владиміромъ Андреевичемъ, спѣшили выступить въ поле, но другіе князья измѣнили чести и славѣ. Самъ тесть великаго князя, Димитрій Нижегородскій, свѣдавъ о быстромъ стремленіи непріятеля, послалъ къ хану двухъ сыновей съ дарами. Одни увеличивали силу Тохтамышеву; иные говорили, что отъ важнаго урона, претерпѣннаго россіянами въ битвѣ Донской, столь кровопролитной, хотя и счастливой, города оскудѣли людьми военными; наконецъ совѣтники Димитріевы только спорили о лучшихъ мѣрахъ для спасенія отечества, и великій князь, потерявъ бодрость духа, вздумалъ, что лучше обороняться въ крѣпостяхъ, нежели искать гибели въ полѣ. Онъ удалился въ Кострому съ супругой и съ дѣтьми, желая собрать тамъ болѣе войска и надѣясь, что бояре, оставленные имъ въ столицѣ, могутъ долго противиться непріятелю.

Тохтамышъ взялъ Серпуховъ и шелъ прямо къ Москвѣ, гдѣ

господствовало мятежное безначаліе. Народъ не слушался ни бояръ, ни митрополита и при звукѣ колоколовъ стекался на вѣче, вспомнивъ древнее право гражданъ россійскихъ въ важныхъ случаяхъ рѣшать судьбу свою большинствомъ голосовъ. Смѣлые хотѣли умереть въ осадѣ, робкіе спасаться бѣгствомъ; первые стали на стѣнахъ, на башняхъ и бросали камнями въ тѣхъ, которые думали уйти изъ города; другіе, вооруженные мечами и копьями, никого не пускали къ городскимъ воротамъ; наконецъ, убѣжденные представленіями людей благоразумныхъ, что въ Москвѣ останется еще не мало воиновъ отважныхъ и что въ долговременной осадѣ всего страшнѣе голодъ, позволили многимъ удалиться, но въ наказаніе отняли у нихъ все имущество. Самъ митрополитъ Кипріанъ выѣхалъ изъ столицы въ Тверь, предпочитая собственную безопасность долгу церковнаго пастыря: онъ былъ иноплеменникъ. Волненіе продолжалось: народъ, оставленный государемъ и митрополитомъ, тратилъ время въ шумныхъ спорахъ и не имѣлъ довѣренности къ боярамъ.

Въ сіе время явился достойный воевода, юный князь литовскій, именемъ Остей, внукъ Ольгердовъ, посланный, какъ вѣроятно, Димитріемъ. Умомъ своимъ и великодушіемъ, столь сильно дѣйствующимъ въ опасностяхъ, онъ возстановилъ порядокъ, успокоилъ сердца, ободрилъ слабыхъ. Купцы, земледѣльцы окрестныхъ селеній, пришедшіе въ Москву съ дѣтьми и съ драгоцѣннѣйшею собственностію,—иноки, священники требовали оружія. Немедленно образовались полки; каждый занялъ свое мѣсто, въ тишинѣ и благоустройствѣ. Дымъ и пламя вдали означали приближеніе моголовъ которые, слѣдуя обыкновенію, жгли на пути всѣ деревни, и 23 августа обступили городъ. Нѣкоторые ихъ чиновники подъѣхали къ стѣнѣ и, зная русскій языкъ, спрашивали, гдѣ великій князь Димитрій? Имъ отвѣтствовали, что его нѣтъ въ Москвѣ. Татары, не пустивъ ни одной стрѣлы, ѣздили вокругъ Кремля, осматривали глубину рвовъ, башни, всѣ укрѣпленія, и выбирали мѣста для приступовъ; а москвитяне, въ ожиданіи битвы, молились въ церквахъ; другіе же, менѣе набожные, веселились на улицахъ; выносили изъ домовъ чаши крѣпкаго меду и пили съ друзьями, разсуждая: „Можемъ ли бояться нашествія поганыхъ, имѣя городъ твердый и стѣны каменныя съ желѣзными воротами? Непріятели скроются, когда испытаютъ нашу бодрость, и свѣдаютъ, что великій князь съ сильными полками заходитъ имъ въ тылъ“. Сіи храбрецы, восходя на стѣну и видя малое число татаръ, смѣялись надъ ними; а татары издали грозили имъ обнаженными саблями, и ввечеру, къ преждевременной радости москвитянъ, удалились отъ города.

Сіе войско было только легкимъ отрядомъ: въ слѣдующій день

явилась главная рать, столь многочисленная, что осажденные ужаснулись. Самъ Тохтамышъ предводительствовалъ ею. Онъ велѣлъ немедленно начать приступъ. Москвитяне, пустивъ нѣсколько стрѣлъ, были осыпаны непріятельскими. Татары стрѣляли съ удивительною мѣткостію, пѣшіе и конные, стоя неподвижно или на всемъ скаку, въ обѣ стороны, взадъ и впередъ. Они приставили къ стѣнѣ лѣстницы; но россіяне обливали ихъ кипящею водою, били камнями, толстыми бревнами, и къ вечеру отразили. Три дни продолжалась битва; осажденные теряли многихъ людей, а непріятель еще болѣе: ибо, не имѣя стѣнобитныхъ орудій, онъ упорствовалъ взять городъ силою. И воины и граждане московскіе, одушевляемые примѣромъ князя Остея, старались отличить себя мужествомъ. Въ числѣ героевъ лѣтописцы называютъ одного суконника, именемъ Адама, который съ воротъ Флоровскихъ застрѣлилъ любимаго мурзу ханскаго. Видя неудачу, Тохтамышъ употребилъ коварство, достойное варвара.

Въ четвертый день осады непріятель изъявилъ желаніе вступить въ мирные переговоры. Знаменитые чиновники Тохтамышевы, подъѣхавъ къ стѣнамъ, сказали москвитянамъ, что ханъ любитъ ихъ какъ своихъ добрыхъ подданныхъ и не хочетъ воевать съ ними, будучи только личнымъ врагомъ великаго князя; что онъ немедленно удалится отъ Москвы, буде жители выдутъ къ нему съ дарами и впустятъ его въ сію столицу осмотрѣть ея достопамятности. Такое предложеніе не могло обольстить людей благоразумныхъ; но съ послами находились два сына Димитрія Нижегородскаго, Василій и Симеонъ: обманутые увѣреніями Тохтамыша, или единственно исполняя волю его, они, какъ россіяне и христіане, дали клятву, что ханъ сдержитъ слово и не сдѣлаетъ ни малѣйшаго зла москвитянамъ. Храбрый Остей совѣтовался съ боярами, съ духовенствомъ и народомъ: всѣ думали, что ручательство нижегородскихъ князей надежно; что излишняя недовѣрчивость можетъ быть пагубна въ семъ случаѣ, и что безразсудно подвергать столицу дальнѣйшимъ бѣдствіямъ осады, когда есть способъ прекратить ихъ. Отворили ворота: князь литовскій вышелъ первый изъ города и несъ дары; за нимъ духовенство съ крестами, бояре и граждане. Остея повели въ станъ ханскій— и тамъ умертвили. Сіе злодѣйство было началомъ ужаса: по данному знаку, обнаживъ мечи, тысячи моголовъ въ одно мгновеніе обагрились кровію россіянъ безоружныхъ, напрасно хотѣвшихъ спастися бѣгствомъ въ Кремль: варвары захватили путь и вломились въ ворота; другіе, приставивъ лѣстницы, взошли на стѣну. Еще довольно ратниковъ оставалось въ городѣ, но безъ вождей и безъ всякаго устройства: люди бѣгали толпами по улицамъ, вопили какъ слабыя жены и терзали на себѣ волосы, не думая

обороняться. Непріятель въ остервенѣніи своемъ убивалъ всѣхъ безъ разбора, граждань и монаховъ, женъ и священниковъ, юныхъ дѣвицъ и дряхлыхъ старцевъ; опускалъ мечъ единственно для отдохновенія и снова начиналъ кровопролитіе. Многіе укрывались въ церквахъ каменныхъ: татары отбивали двери и вездѣ находили сокровища, свезенныя въ Москву изъ другихъ, менѣе укрѣпленныхъ городовъ. Кромѣ богатыхъ иконъ и сосудовъ, они взяли, по сказанію лѣтописцевъ, несмѣтное количество золота и серебра въ казнѣ великокняжеской, у бояръ старѣйшихъ, у купцовъ знаменитыхъ, наслѣдіе ихъ отцовъ и дѣдовъ, плодъ бережливости и трудовъ долговременныхъ. Къ вѣчному сожалѣнію потомства, сіи грабители, обнаживъ церкви и домы, предали огню множество древнихъ книгъ и рукописей, тамъ хранимыхъ, и лишили нашу исторію, можетъ быть, весьма любопытныхъ памятниковъ.

Не будемъ подробно описывать всѣхъ ужасовъ сего несчастнаго для Россіи дня: легко представить себѣ оные. И въ наше время, когда непріятель, раздраженный упорствомъ осажденныхъ, силою входитъ въ городъ, что можетъ превзойти бѣдствіе жителей? ни язва, ни землетрясеніе. А татары со временъ Батыевыхъ не смягчились сердцемъ и, въ своей азовской роскоши утративъ отчасти прежнюю неустрашимость, сохранили всю дикую свирѣпость народа степного. Обремененные добычею, утружденные злодѣйствами, наполнивъ трупами городъ, они зажгли его и вышли отдыхать въ поле, гоня передъ собою толпы юныхъ россіянъ, избранныхъ ими въ невольники.—Какими словами,—говорятъ лѣтописцы,—изобразимъ тогдашній видъ Москвы? Сія многолюдная столица кипѣла прежде богатствомъ и славою: въ одинъ день погибла ея красота; остались только дымъ, пепелъ, земля окровавленная, трупы и пустыя, обгорѣлыя церкви. Ужасное безмолвіе смерти прерывалось однимъ глухимъ стономъ нѣкоторыхъ страдальцевъ, изсѣченныхъ саблями татаръ, но еще не лишенныхъ жизни и чувства.

Войско Тохтамышево разсыпалось по всему великому княженію. Владиміръ, Звенигородъ, Юрьевъ, Можайскъ, Дмитровъ имѣли участь Москвы. Жители Переславля бросились въ лодки, отплыли на средину озера и тѣмъ спаслися отъ погибели; а городъ былъ сожженъ. Близъ Волока стоялъ съ дружиною смѣлый братъ Димитріевъ, князь Владиміръ Андреевичъ: отпустивъ мать и супругу въ Торжокъ, онъ внезапно ударилъ на сильный отрядъ моголовъ и разбилъ его совершенно. Извѣщенный о томъ бѣглецами, ханъ началъ отступать отъ Москвы; взялъ еще Коломну и перешелъ за Оку. Тутъ вѣроломный князь Рязанскій увидѣлъ, сколь милость татаръ, купленная гнусною измѣною, ненадежна; они по-

ступали въ его землѣ какъ въ непріятельской: жгли, убивали, плѣняли жителей и заставили самого Олега скрыться. Тохтамышъ оставилъ, наконецъ, Россію, отправивъ шурина своего, именемъ Шихомата, посломъ къ князю Суздальскому.

Съ какою скорбію Димитрій и князь Владиміръ Андреевичъ пріѣхали съ своими боярами въ Москву, увидѣли ея хладное пепелище и свѣдали всѣ бѣдствія, претерпѣнныя отечествомъ и столь неожидаемыя послѣ счастливой Донской битвы! Отцы наши,—говорили они, проливая слезы,—не побѣждали татаръ, но были менѣе насъ злополучны!“ Дѣйствительно, менѣе со временъ Калиты, памятныхъ началомъ устройства, безопасности, и малодошные могли винить Димитрія въ томъ, что онъ не слѣдовалъ правиламъ Іоанна I и Симеона, которые искали милости въ ханахъ для пользы государственной; но великій князь, чистый въ совѣсти предъ Богомъ и народомъ, не боялся ни жалобы современниковъ, ни суда потомковъ; хотя скорбѣлъ, однакожъ не терялъ бодрости и надѣялся умилостивить Небо своимъ великодушіемъ въ несчастіи.

Онъ велѣлъ немедленно погребать мертвыхъ и давалъ гробокопателямъ по рублю за 80 тѣлъ, что составило 300 рублей, слѣдственно въ Москвѣ погибло тогда 24,000 человѣкъ, кромѣ сгорѣвшихъ и потонувшихъ: ибо многіе, чтобы спастись отъ убійцъ, бросались въ рѣку. Еще не успѣли совершить сего печальнаго обряда, когда Димитрій послалъ воеводъ московскихъ наказать Олега, приписывая ему успѣхъ Тохтамышевъ и бѣдствіе великаго княженія. Подданные должны были отвѣтствовать за своего князя: онъ ушелъ, предавъ ихъ въ жертву мстителямъ, и войско Димитріево, остервенѣнное злобою, въ конецъ опустошило Рязань, считая оную гнѣздомъ измѣны и ставя жителямъ въ вину усердіе ихъ къ Олегу.—Вторымъ попеченіемъ Димитрія было возобновленіе Москвы; стѣны и башни кремлевскія стояли въ цѣлости: ханъ не имѣлъ времени разрушить оныя. Скоро кучи пепла исчезли, и новыя зданія явились на ихъ мѣстѣ; но прежнее многолюдство въ столицѣ и въ другихъ взятыхъ татарами городахъ уменьшилось надолго.

Въ то время, когда надлежало дать церкви новыхъ іереевъ вмѣсто убіенныхъ моголами, святить оскверненные злодѣйствами храмы, утѣшать, ободрять народъ пастырскими наставленіями, митрополитъ Кипріанъ спокойно жилъ въ Твери. Великій князь послалъ за нимъ бояръ своихъ, но объявилъ его, какъ малодушнаго бѣглеца, недостойнымъ управлять церковію и, возвративъ изъ ссылки Пимена, поручилъ ему россійскую митрополію; а Кипріанъ съ горестію и стыдомъ уѣхалъ въ Кіевъ, гдѣ господствовалъ сынъ Ольгердовъ, Владиміръ, христіанинъ греческой вѣры.

Столь рѣшительно поступалъ Димитрій въ дѣлахъ церковныхъ, живо чувствуя достоинство государя, любя отечество и желая, чтобы духовенство служило примѣромъ сей любви для гражданъ! Онъ могъ досадовать на Кипріана и за дружескую связь его съ Михаиломъ Александровичемъ Тверскимъ, который, вопреки торжественному обѣту и письменному договору 1375 года, не хотѣлъ участвовать ни въ славѣ, ни въ бѣдствіяхъ Московскаго княженія, и тѣмъ изъявилъ холодность къ общей пользѣ россіянъ. Скоро обнаружилась и личная давнишняя ненависть его къ Димитрію: какъ бы обрадованный несчастіемъ Москвы и въ надеждѣ воспользоваться злобою Тохтамыша на великаго князя, онъ съ сыномъ своимъ Александромъ уѣхалъ въ Орду, чтобы снискать себѣ милость хана и съ помощію моголовъ свергнуть Донского съ престола.

Не время было презирать Тохтамыша и думать о битвахъ: разоренное великое княженіе требовало мирнаго спокойствія, и народъ унылъ. Великодушный Димитрій, скрѣпивъ сердце, съ честію принялъ въ Москвѣ ханскаго мурзу, Карача, объявившаго ему, что Тохтамышъ, страшный во гнѣвѣ, умѣетъ и миловать преступниковъ въ раскаяніи. Сынъ великаго князя, Василій, со многими боярами поѣхавъ Волгою на судахъ въ Орду, знаками смиренія столь угодилъ хану, что Михаилъ Тверской не могъ успѣть въ своихъ проискахъ и съ досадою возвратился въ Россію. Но милость Тохтамышева дорого стоила великому княженію: кровопійцы ординскіе, называемые послами, начали снова являться въ его предѣлахъ и возложили на оное весьма тягостную дань, въ особенности для земледѣльцевъ: всякая деревня, состоящая изъ двухъ и трехъ дворовъ, обязывалась платить полтину серебромъ, города давали и золото. Сверхъ того, къ огорченію государя и народа, ханъ въ залогъ вѣрности и осьми тысячъ рублей долгу удержалъ при себѣ юнаго князя Василія Димитріевича, вмѣстѣ съ сыновьями князей Нижегородскаго и Тверского. Однимъ словомъ, казалось, что россіяне долженствовали проститься съ мыслью о государственной независимости какъ съ мечтою; но Димитрій надѣялся вмѣстѣ съ народомъ, что сіе рабство будетъ недолговременно; что паденіе мятежной Орды неминуемо, и что онъ воспользуется первымъ случаемъ освободить себя отъ ея тиранства.

Для того великій князь хотѣлъ мира и благоустройства внутри отечества; не мстилъ князю Тверскому за его вражду и предлагалъ свою дружбу самому вѣроломному Олегу. Сей послѣдній неожиданно разграбилъ Коломну, плѣнивъ тамошняго намѣстника, Александра Остея, со многими боярами: Димитрій послалъ туда войско подъ начальствомъ князя Владиміра Андреевича, по же-

лалъ усовѣстить Олега, зная, что сей князь любимъ рязанцами и могъ быть своимъ умомъ полезенъ отечеству. Мужъ, знаменитый святостію, игуменъ Сергій, взялъ на себя дѣло миротворца: ѣздилъ къ Олегу, говорилъ ему именемъ вѣры, земли русской, и смягчилъ его сердце, такъ что онъ заключилъ съ Димитріемъ искренній, вѣчный союзъ, утвержденный послѣ семейственнымъ: Ѳеодоръ, сынъ Олеговъ (въ 1387 году), женился на княжнѣ московской, Софіи Димитріевнѣ. Великій князь долженствовалъ еще усмирить новогородцевъ. Они (въ 1384 году) дали князю литовскому, Патрикію Наримантовичу, бывшій удѣлъ отца его: Орѣховъ, Кегскольмъ и половину Копорья; но тамошніе жители изъявили негодованіе. Сдѣлался мятежъ въ Новѣгородѣ: славянскій конецъ, обольщенный дарами Патрикія, стоялъ за сего князя на вѣчѣ двора Ярославова; другіе концы взяли противную сторону на вѣчѣ софійскомъ. Вооружились; шумѣли, писали разныя грамоты или опредѣленія и наконецъ согласились, вмѣсто упомянутыхъ городовъ, отдать Патрикію Ладогу, Русу и берегъ Наровскій, не считая нужнымъ требовать на то великокняжескаго соизволенія. Сіе дѣло могло оскорбить Димитрія; онъ имѣлъ еще важнѣйшія причины быть недовольнымъ. Въ теченіе десяти лѣтъ оставляемые въ покоѣ сосѣдями, новогородцы, какъ бы скучая тишиною и мирною торговлею, полюбили разбои, украшая оные именемъ молодечества, и многочисленными толпами ѣздили грабить купцовъ, селенія и города по Волгѣ, Камѣ, Вяткѣ. Въ 1371 году они завоевали Кострому и Ярославль, а въ 1375 вторично явились подъ стѣнами первой, гдѣ начальствовалъ воевода Плещей: ихъ было 2,000, а вооруженныхъ костромскихъ гражданъ 5,000; но малодушный Плещей, съ двухъ сторонъ обойденный непріятелемъ, бѣжалъ: разбойники взяли городъ и цѣлую недѣлю въ немъ злодѣйствовали: плѣняли людей, опустошали домы, купеческія лавки и, бросивъ въ Волгу, чего не могли увезти съ собою, отправились къ Нижнему; захватили и тамъ многихъ россіянъ и продали ихъ какъ невольниковъ восточнымъ купцамъ въ Болгарахъ. Еще недовольные богатою добычею, сіи храбрецы, предводительствуемые какимъ-то Прокопіемъ и другимъ смоленскимъ атаманомъ, пустились далѣе внизъ по Волгѣ, къ Сараю, и грабили безъ сопротивленія до самаго Хазитораканя или Астрахани, древняго города козаровъ; наконецъ, обманутые лестію тамошняго князя могольскаго, именемъ Сальчея, были всѣ побиты; а вятчане (въ 1379 году) истребили другую шайку такихъ разбойниковъ близъ Казани. Занятый опасностями и войнами, Димитрій терпѣлъ сію дерзость новогородцевъ и видѣлъ, что она возрастала; правительство ихъ захватывало даже его собственность, или доходы великокняжескіе, и (въ 1385 году) отложилось

отъ церковнаго суда Московской митрополіи: посадникъ, бояре, житые (именитые) и черные люди всѣхъ пяти концовъ торжественно присягнули на вѣчѣ, чтобы ни въ какихъ тяжбахъ, подсудныхъ церкви, не относиться къ митрополиту, но рѣшить оныя самому архіепископу новогородскому по греческому номоканону и кормчей книгѣ, вмѣстѣ съ посадникомъ, тысячскимъ и четырьмя посредниками, избираемыми съ обѣихъ сторонъ изъ бояръ и людей житыхъ. Испытавъ безполезность дружелюбныхъ представленій и самыхъ угрозъ, огорчаемый строптивостію новогородцевъ и явнымъ ихъ намѣреніемъ быть независимыми отъ великаго княженія, Димитрій прибѣгнулъ къ оружію, чтобы утвердить власть свою надъ сею знаменитою областію и современемъ воспользоваться ея силами для общаго блага или освобожденія Россіи.

Двадцать шесть областей соединили своихъ ратниковъ подъ знаменами великокняжескими: Москва, Коломна, Звенигородъ, Можайскъ, Волокъ Ламскій, Ржевъ, Серпуховъ, Боровскъ, Дмитровъ, Переславль, Владиміръ, Юрьевъ, Муромъ, Мещера, Стародубъ, Суздаль, Городецъ, Нижній, Кострома, Угличъ, Ростовъ, Ярославль, Мологa, Галичъ, Бѣлозерскъ, Устюгъ. Самые подданные Новагорода, жители Вологды, Бѣжецка, Торжка (кромѣ знатнѣйшихъ бояръ сего послѣдняго) взяли сторону Димитрія. Зимою, передъ самымъ Рождествомъ Христовымъ, онъ съ братомъ Владиміромъ Андреевичемъ и другими князьями выступилъ изъ Москвы; не хотѣлъ слушать пословъ новогородскихъ и въ день Богоявленія расположился станомъ въ тридцати верстахъ отъ береговъ Волхова, обративъ въ пепелъ множество селеній. Тамъ встрѣтилъ его архіепископъ, старецъ Алексій, съ убѣдительнымъ моленіемъ простить вину новогородцевъ, готовыхъ заплатить ему 8,000 рублей. Великій князь не согласился, и новогородцы, извѣщенные о томъ, готовились къ сильному отпору подъ начальствомъ Патрикія и другихъ князей, намъ неизвѣстныхъ, оградили валъ тыномъ, сожгли предмѣстія, двадцать четыре монастыря въ окрестностяхъ и всѣ домы за рвомъ въ трехъ концахъ города, въ Плотинскомъ, въ Людинѣ и въ Неревскомъ; два раза выходили въ поле для битвы, ожидая непріятеля, и возвращались, не находя его. Имѣя войско довольно многочисленное, готовое сразиться усердно, и не пожалѣвъ ни домовъ, ни церквей для лучшей защиты города, они еще хотѣли отвратить кровопролитіе и послали двухъ архимандритовъ, 7 іереевъ и 5 гражданъ, отъ имени пяти концовъ, чтобы склонить Димитрія къ миру. Съ одной стороны знаки раскаянія и смиренія, съ другой, твердость, но соединенная съ умѣренностію, произвели, наконецъ, желаемое дѣйствіе. Великій князь подписалъ мирную грамоту съ условіемъ,

чтобы Новгородъ всегда повиновался ему, какъ государю верховному, платилъ ежегодно такъ называемый черный боръ, или дань, собираемую съ чернаго народа, и внесъ въ казну княжескую 8,000 рублей за долговременныя наглости своихъ разбойниковъ. Новогородцы тогда же вынули изъ софійскаго сокровища и прислали къ Димитрію 3,000 рублей, отправивъ чиновниковъ въ Двинскую землю для собранія остальныхъ пяти тысячъ: ибо двиняне, имѣвъ также участіе въ разбояхъ волжскихъ, долженствовали участвовать и въ наказаніи за оные. Димитрій возвратился въ Москву съ честію и безъ всякаго урона, оставивъ въ областяхъ Новогородскихъ глубокіе слѣды ратныхъ бѣдствій. Многіе купцы, земледѣльцы, самые иноки лишились своего достоянія, а нѣкоторые люди и вольности (ибо москвитяне, по заключенію мира, освободили не всѣхъ плѣнниковъ); другіе, обнаженные хищными воинами, умерли отъ холода на степи и въ лѣсахъ. — Къ несчастію, новогородцы не пріобрѣли и внутренняго спокойствія: ибо великій князь, довольный ихъ покорностью, не отнялъ у нихъ древняго права избирать главныхъ чиновниковъ и рѣшать дѣла государственныя приговоромъ вѣча. Такъ (въ 1388 году) три конца Софійской стороны возстали на посадника Іосифа и, злобствуя на Торговую, гдѣ сей чиновникъ нашелъ друзей и защитниковъ, болѣе двухъ недѣль не имѣли съ нею никакого сообщенія. Исполняя, кажется, волю Димитріеву, новогородцы отняли Русу и Ладогу у Патрикія Наримантовича; а чрезъ два года отдали ихъ другому князю литовскому, Лугвенію-Симеону Ольгердовичу, желая на случай войны съ шведами или нѣмцами имѣть въ немъ полководца и жить съ его братьями въ союзѣ.

Въ сіе время Литва была уже въ числѣ державъ христіанскихъ. Ягайло (въ 1386 году) съ согласія вельможъ польскихъ женился на Ядвигѣ, дочери и единственной наслѣдницѣ ихъ умершаго короля Людовика, принялъ вѣру латинскую въ Краковѣ вмѣстѣ съ достоинствомъ государя польскаго и крестилъ свой народъ волею и неволею. Чтобы сократить обрядъ, литовцевъ ставили въ ряды цѣлыми полками: священники кропили ихъ святою водою и давали имена христіанскія: въ одномъ полку называли всѣхъ людей Петрами, въ другомъ—Павлами, въ третьемъ—Іоаннами, и такъ далѣе; а Ягайло ѣздилъ изъ мѣста въ мѣсто толковать на своемъ отечественномъ языкѣ Символъ вѣры. Древній огнь Перкуновъ угасъ навѣки въ городѣ Вильнѣ; святыя рощи были срублены или обращены въ пепелъ, и новые христіане славили милость государя, дарившаго имъ бѣлые суконные кафтаны: „ибо сей народъ (говоритъ Стриковскій) одѣвался до того времени однѣми кожами звѣрей и полотномъ“. Происшествіе столь благословенное для Рима, имѣло весьма огорчительныя слѣдствія

для россіянъ: Ягайло, дотолѣ покровитель греческой вѣры, сдѣлался ея гонителемъ; стѣснялъ ихъ права гражданскія, запретилъ брачные союзы между ими и католиками, и даже мучительски казнилъ двухъ вельможъ своихъ, не хотѣвшихъ измѣнить православію въ угодность королю. Къ счастію, многіе князья литовскіе—Владиміръ Ольгердовичъ Кіевскій, братья его Скиригайло и Димитрій, Өеодоръ Волынскій, сынъ умершаго Любарта и другіе — остались еще христіанами нашей церкви и заступниками единовѣрныхъ.

Впрочемъ, несмотря на разномысліе въ духовномъ законѣ, Ягайловы родственники служили королю усердно, кромѣ одного Андрея Ольгердовича Полоцкаго, друга Димитріева и москвитянъ. Между тѣмъ какъ сей князь дѣлилъ съ Димитріемъ опасности и славу на полѣ Куликовѣ, Скиригайло господствовалъ въ Полоцкой области; но скоро изгнанный жителями (которые, посадивъ его на кобылу, съ безчестіемъ и насмѣшками вывезли изъ города), онъ прибѣгнулъ къ магистру ливонскому, Конраду Роденштейну, и вмѣстѣ съ нимъ 3 мѣсяца держалъ (въ 1382 году) Полоцкъ въ осадѣ. Напрасно жители молили новогородцевъ какъ братьевъ; напрасно предлагали магистру быть данниками ордена, если онъ избавитъ ихъ отъ Скиригайла: новогородцы отправили только мирное посольство къ Ягайлу, а Конрадъ Роденштейнъ отвѣтствовалъ: „для кого осѣдлалъ я коня своего и вынулъ мечъ изъ ноженъ, тому не измѣню во вѣки". Мужество осажденныхъ заставило непріятеля отступить, и любимый ими Андрей съ радостію къ нимъ возвратился; но Скиригайло, въ 1386 году, предводительствуя войскомъ литовскимъ, взялъ сей городъ, казнилъ въ немъ многихъ людей знатныхъ и, плѣнивъ самого Андрея, отослалъ его въ Польшу, гдѣ онъ три года сидѣлъ въ тяжкомъ заключеніи.

Сей несчастный сынъ Ольгердовъ имѣлъ вѣрнаго союзника въ Святославѣ Іоанновичѣ, Смоленскомъ князѣ: желая отмстить за него, Святославъ вступилъ въ нынѣшнюю Могилевскую губернію и началъ свирѣпствовать какъ Батый въ землѣ, населенной россіянами, не только убивая людей, но и вымышляя адскія для нихъ муки: жегъ, давилъ, сажалъ на колъ младенцевъ и женъ, веселяся отчаяніемъ сихъ жертвъ невинныхъ. Сколь вообще ни ужасны были тогда законы войны, но лѣтописцы говорятъ о сихъ злодѣйствахъ Святослава съ живѣйшимъ омерзѣніемъ: онъ получилъ возмездіе. Войско его, осаждая Мстиславль, бывшій городъ смоленскій, отнятый Литвою, увидѣло въ полѣ знамена непріятельскія; Скиригайло Ольгердовичъ и юный герой Витовтъ, сынъ Кестутіевъ, примирившійся съ Ягайломъ, шли спасти осажденныхъ. Святославъ мужественно сразился на берегахъ Вехри, и

жители мстиславскіе смотрѣли съ городскихъ стѣнъ на битву, упорную и кровопролитную. Она рѣшилась въ пользу литовцевъ: Святославъ палъ, уязвленный копіемъ навылетъ, и чрезъ нѣсколько минутъ испустилъ духъ. Племянникъ его, князь Іоаннъ Васильевичъ, также положилъ свою голову; а сыновья, Глѣбъ и Юрій, были взяты въ плѣнъ со многими боярами. Побѣдители гнались за россіянами до Смоленска: взяли окупъ съ жителей сего города, выдали имъ тѣла убитыхъ князей и, посадивъ Юрія, какъ данника Литвы, на престолѣ отца его, вышли изъ владѣнія Смоленскаго. Глѣбъ Святославичъ остался въ ихъ рукахъ аманатомъ.

Сіи происшествія долженствовали быть крайне оскорбительны для великаго князя; ибо Святославъ, отставъ отъ союза съ Литвою, усердно искалъ Димитріевой дружбы и вмѣстѣ съ Андреемъ Ольгердовичемъ служилъ щитомъ для московскихъ границъ на Западѣ. Но Димитрій, опасаясь Литвы, еще болѣе опасался моголовъ и, готовясь тогда къ новому разрыву съ Ордою, имѣлъ нужду въ пріязни Ягайловой. Сынъ великаго князя Василій, три года живъ невольникомъ при дворѣ ханскомъ, тайно ушелъ въ Молдавію, къ тамошнему воеводѣ Петру, нашему единовѣрцу, и могъ возвратиться въ Россію только чрезъ владѣнія польскія и Литву. Димитрій отправилъ навстрѣчу къ нему бояръ, поручивъ имъ, для личной безопасности Василіевой, склонить Ягайла къ дружелюбію. Они успѣли въ дѣлѣ своемъ: Василій Димитріевичъ прибылъ благополучно въ Москву, сопровождаемый многими панами польскими.

Вѣроятно, что бѣгство его изъ Орды было слѣдствіемъ намѣренія Димитріева свергнуть иго Тохтамышево; другіе случаи также доказываютъ сіе намѣреніе. Тесть Донского, Димитрій Константиновичъ, преставился схимникомъ въ 1383 году, памятный сооруженіемъ каменныхъ стѣнъ въ Нижнемъ-Новѣгородѣ и любовію къ отечественной исторіи (ибо мы ему обязаны древнѣйшимъ харатейнымъ спискомъ Нестора). Сыновья его и дядя ихъ, Борисъ Городецкій, находились тогда въ Ордѣ, споря о наслѣдствѣ: ханъ отдалъ Нижегородскую область дядѣ, а племянникамъ Симеону и Василію Суздаль, удержавъ послѣдняго аманатомъ въ Сараѣ. Скучавъ долго неволею и праздностію — тщетно хотѣвъ, подобно сыну Донского, бѣжать въ Россію—Василій умилостивилъ наконецъ Тохтамыша и пріѣхалъ съ его жалованною грамотою княжить въ Городцѣ. Но сія милость ханская казалась ему неудовлетворительною: съ помощію великаго князя онъ и братъ его Симеонъ Суздальскій (въ 1388 году) отняли Нижній у дяди и, презрѣвъ грамоты ханскія, обязались во всякомъ случаѣ вѣрно служить Димитрію: Борисъ же остался княземъ Горо-

децкимъ, въ зависимости отъ Московскаго, который, дѣйствуя такимъ образомъ противъ воли Тохтамыша, явно показывалъ худое къ нему уваженіе.

Въ то время, какъ россіяне великаго княженія съ надеждою или страхомъ могли готовиться ко второй Донской битвѣ, они были изумлены враждою своихъ двухъ главныхъ защитниковъ. Димитрій и князь Владиміръ Андреевичъ, братья и друзья, казались дотолѣ однимъ человѣкомъ, имѣя равную любовь къ отечеству и ко славѣ, испытанную общими опасностями, успѣхами и противностями рока. Вдругъ Димитрій, огорченный, какъ надобно думать, старѣйшими боярами Владиміра и его къ нимъ пристрастіемъ, велѣлъ ихъ взять подъ стражу, заточить, развести по разнымъ городамъ. Сей поступокъ, доказывая власть великокняжескую, могъ быть согласенъ съ законами справедливости, но крайне огорчилъ народъ, тѣмъ болѣе, что татары начинали уже дѣйствовать противъ Россіи, взявъ нечаянно Переславль Рязанскій: единодушіе первыхъ ея героевъ было нужнѣе для безопасности государства. Явивъ примѣръ строгости, Димитрій спѣшилъ удовлетворить желанію народа и собственнаго сердца: черезъ мѣсяцъ, въ день Благовѣщенія, обнялъ брата какъ друга и новою договорною грамотою утвердилъ искренній съ нимъ союзъ. Въ ней сказано, что Владиміръ признаетъ Димитрія отцомъ, сына его Василія братомъ старшимъ, Георгія Димитріевича равнымъ, а меньшихъ сыновей великаго князя младшими братьями; что они будутъ жить въ любви неразрывной, подобно какъ ихъ отцы жили съ Симеономъ Гордымъ, и должны взаимно объявлять другъ другу навѣты злыхъ людей, желающихъ поселить въ нихъ вражду; что ни Димитрію, ни Владиміру, безъ общаго согласія, не заключать договоровъ съ иными владѣтелями; что первому не мѣшаться въ дѣла братнихъ городовъ, второму въ дѣла великаго княженія, но судить тяжбы москвитянъ обоимъ вмѣстѣ, чрезъ намѣстниковъ, а въ случаѣ ихъ несогласія прибѣгать къ суду митрополита или третейскому, коего рѣшеніе остается закономъ и для князей; что великому князю, ни боярамъ его, не покупать селъ въ удѣлѣ Владиміровомъ, ни Владиміру въ областяхъ, ему не принадлежащихъ; что если Димитрій, удовлетворяя нуждамъ государственнымъ, обложитъ данію своихъ бояръ помѣстныхъ, то и Владиміровы обязаны внести такую же въ казну великокняжескую; что гости, суконники и городскіе люди свободны отъ службы, и проч. Далѣе сказано, что Владиміръ, если Богу не угодно будетъ избавить Россію отъ моголовъ, участвуетъ во всѣхъ ея тягостяхъ и даетъ ханамъ триста двадцать рублей въ число пяти тысячъ Димитріевыхъ, по сей же соразмѣрности платя и долги государственные.

Сія грамота наиболѣе достопамятна тѣмъ, что она утверждаетъ новый порядокъ наслѣдства въ великокняжескомъ достоинствѣ, отмѣняя древній, по коему племянники долженствовали уступать оное дядѣ. Владиміръ именно признаетъ Василія и братьевъ его, въ случаѣ Димитріевой смерти, законными наслѣдниками великаго княженія.

Примиреніе державныхъ братьевъ казалось истиннымъ торжествомъ государственнымъ. Народъ веселися, не предвидя несчастія, коему надлежало случиться толь скоро и толь внезапно. Димитрію едва исполнилось сорокъ лѣтъ: необыкновенная его взрачность, дородство, густые черные волосы и борода, глаза свѣтлые, огенные, изображая внутреннюю крѣпость сложенія, ручались за долголѣтіе. Вдругъ, къ общему ужасу, разнеслась вѣсть о тяжкой болѣзни великаго князя: къ успокоенію народа сказали, что опасность ея миновалась; но Димитрій, не обольщая себя надеждою, призвалъ игуменовъ Сергія и Севастіана, вмѣстѣ съ девятью главными боярами, и велѣлъ писать духовное завѣщаніе. Объявивъ Василія Димитріевича наслѣдникомъ великокняжескаго достоинства, онъ каждому изъ пяти сыновей далъ особенные удѣлы: Василію — Коломну съ волостями, Юрію—Звенигородъ и Рузу, Андрею — Можайскъ, Верею и Калугу, Петру—Дмитровъ, Іоанну—нѣсколько селъ, а великой княгинѣ Евдокіи—разныя помѣстья и знатную часть московскихъ доходовъ. Сверхъ областей наслѣдственныхъ, Димитрій отказалъ второму сыну—Галичъ, третьему — Бѣлозерскъ, четвертому — Угличъ, купленные Калитою у тамошнихъ князей удѣльныхъ: сіи города дотолѣ не были еще совершенно присоединены къ московскому княженію.

Нѣсколько дней бояре и граждане утѣшались мнимымъ выздоровленіемъ любимаго ихъ государя. Въ сіе время супруга его родила шестого сына, именемъ Константина, окрещеннаго старшимъ братомъ, Василіемъ Димитріевичемъ и Маріею, вдовою послѣдняго тысяческаго. Но скоро болѣзнь вновь усилилась, и великій князь, чувствуя свой конецъ, желалъ видѣть супругу, еще слабую отъ слѣдствія родовъ; изъявляя удивительную твердость, долго говорилъ съ нею и съ дѣтьми; приказывалъ имъ быть во всемъ ей послушными и дѣйствовать единодушно, любить отечество и вѣрныхъ слугъ его. Бояре въ безмолвной горести стояли вдали: онъ велѣлъ имъ приблизиться и сказалъ: „Вамъ, свидѣтелямъ моего рожденія и младенчества, извѣстна внутренность души моей. Съ вами я царствовалъ и побѣждалъ враговъ для счастія Россіи; съ вами веселился въ благоденствіи и скорбѣлъ въ злополучіяхъ; любилъ васъ искренно и награждалъ по достоинству; не касался ни чести, ни собственности вашей, боясь досадить вамъ однимъ грубымъ словомъ: вы были не боярами, но князьями земли русской.

Теперь вспомните, что мнѣ всегда говорили: умремъ за тебя и дѣтей твоихъ. Служите вѣрно моей супругѣ и юнымъ сыновьямъ: дѣлите съ ними радость и бѣдствія". Представивъ имъ семнадцатилѣтняго Василія Димитріевича, какъ будущаго ихъ государя, онъ благословилъ его; избралъ ему девять совѣтниковъ изъ вельможъ опытныхъ; обнялъ Евдокію, каждаго изъ сыновей и бояръ; сказалъ: Богъ мира да будетъ съ вами! сложилъ руки на груди и скончался. На другой день погребли Димитрія въ церкви Архангела Михаила. Трапезунтскій митрополитъ Ѳеогностъ, пріѣхавшій на то время гостемъ въ Москву, совершилъ сей печальный обрядъ вмѣстѣ съ нѣкоторыми епископами и святымъ игуменомъ Сергіемъ.

Нельзя, по сказанію лѣтописцевъ, изобразить глубокой душевной скорби россіянъ въ семъ случаѣ: долго стенаніе и вопль не умолкали при дворѣ и на стогнахъ; ибо никто изъ потомковъ Ярослава Великаго, кромѣ Мономаха и Александра Невскаго, не былъ столь любимъ народомъ и боярами, какъ Димитрій, за его великодушіе, любовь ко славѣ отечества, справедливость, добросердечіе. Воспитанный среди опасностей и шума воинскаго, онъ не имѣлъ знаній, почерпаемыхъ въ книгахъ, но зналъ Россію и науку правленія; силою одного разума и характера заслужилъ отъ современниковъ имя орла высокопарнаго въ дѣлахъ государственныхъ, словами и примѣромъ вливалъ мужество въ сердца воиновъ и, будучи младенцемъ незлобіемъ, умѣлъ съ твердостію казнить злодѣевъ. Современники особенно удивлялись его смиренію въ счастіи. Какая побѣда въ древнія и новыя времена была славнѣе Донской, гдѣ каждый россіянинъ сражался за отечество и ближнихъ? но Димитрій, осыпаемый хвалами признательнаго народа, опускалъ глаза внизъ и возносился сердцемъ единственно къ Богу всетворящему. — Цѣломудренный въ удовольствіяхъ законной любви супружеской, онъ до конца жизни хранилъ дѣвическую стыдливость, и ревностный во благочестіи, подобно Мономаху, ежедневно ходилъ въ церковь, всякую недѣлю въ великій постъ пріобщался Святыхъ Таинъ и носилъ власяницу на голомъ тѣлѣ; однакожъ не хотѣлъ слѣдовать обыкновенію предковъ, умиравшихъ всегда иноками: ибо думалъ, что нѣсколько дней или часовъ монашества передъ кончиною не спасутъ души, и что государю пристойнѣе умереть на тронѣ, нежели въ кельѣ.

Такимъ образомъ лѣтописцы изображаютъ намъ добрыя свойства сего князя и, славя его какъ перваго побѣдителя татаръ, не ставятъ ему въ вину, что онъ далъ Тохтамышу разорить великое княженіе, не успѣвъ собрать войска сильнаго, и тѣмъ продлилъ рабство отечества до временъ своего правнука.

Димитрій сдѣлалъ, кажется, и другую ошибку: имѣвъ случай присоединить Рязань и Тверь къ Москвѣ, не воспользовался

онымъ: желая ли изъявить великодушное безкорыстіе? но добродѣтели государя, противныя силѣ, безопасности, спокойствію государства, не суть добродѣтели. Можетъ быть, онъ не хотѣлъ изгнаніемъ Михаила Тверскаго, шурина Ольгердова, раздражить Литвы и думалъ, что Олегъ, хитрый, дѣятельный, любимый подданными, лучше московскихъ намѣстниковъ сохранитъ безопасность юго-восточныхъ предѣловъ Россіи, если искренно съ нимъ примириться для блага отечества. —Димитрій прибавилъ къ Московскимъ владѣніямъ одну купленную имъ Мещеру, и, подчинивъ себѣ князей Ярославскихъ, не хотѣлъ отнять у нихъ наслѣдственнаго удѣла, довольный правомъ предписывать имъ законы.

Въ княженіе Донского были основаны города Курмышъ и Серпуховъ: первый (въ 1372 году) Борисомъ Константиновичемъ Городецкимъ, а второй (въ 1374) княземъ Владиміромъ Андреевичемъ, которой, чтобы принимать туда людей, далъ жителямъ многія выгоды и льготу, оградилъ его дубовыми стѣнами и сдѣлалъ въ немъ намѣстникомъ своего окольничаго, Якова Юрьевича Новосильца. Новогородцы, въ 1384 году, начавъ строить каменную крѣпость Яму на берегу Луги (нынѣ Ямбургъ), совершили оную въ 33 дни; а въ 1387 обвели Порховъ также кирпичными стѣнами вмѣсто прежнихъ деревянныхъ.—Знаменитые монастыри, Чудовъ, Андроньевъ, Симоновскій въ Москвѣ, Высоцкій близъ Серпухова и другіе, остались также памятниками временъ Донского. Первые два основаны митрополитомъ Алексіемъ (который, обогативъ Чудовскую обитель драгоцѣнными золотыми сосудами, селами, рыбными ловлями, завѣщалъ погребсти себя въ оной), послѣдніе святымъ Сергіемъ Радонежскимъ. Игуменъ Симонова монастыря, Θеодоръ, племянникъ Сергіевъ и духовникъ великаго князя, отличаясь умомъ и знаніями, нѣсколько разъ ѣздилъ въ Константинополь: поставленный тамъ въ архимандриты, онъ исходатайствовалъ у патріарха Нила, чтобы его обитель называлась патріаршею и ни въ чемъ не зависѣла отъ митрополита россійскаго. Исполняя волю князя Владиміра Андреевича, своего друга, св. Сергій избралъ прекрасное мѣсто въ двухъ верстахъ отъ новаго города Серпухова и, собственными руками заложивъ монастырь Высоцкій, оставилъ въ немъ игуменовать любимаго ученика, именемъ Аθанасія, который послѣ выѣхалъ навсегда изъ отечества, недовольный изгнаніемъ митрополита Кипріана, и преставился въ Царѣградѣ.

Церковныя дѣла, важныя по тогдашнему времени, заботили великаго князя не менѣе государственныхъ. Онъ простилъ митрополита Пимена единственно въ досаду Кипріану, но не могъ имѣть къ нему ни любви, ни уваженія и желалъ дать церкви иного, достойнѣйшаго пастыря. Мы говорили о епископѣ Діонисіи, врагѣ

Митяя: обманомъ уѣхавъ въ Константинополь, онъ нашелъ милость въ патріархѣ и возвратился оттуда съ саномъ архіепископа суздальскаго, нижегородскаго и городецкаго. Будучи хитръ, ласковъ, благотворителенъ, Діонисій умѣлъ оправдать себя въ глазахъ Димитрія и заслужилъ его доброе мнѣніе достохвальнымъ подвигомъ христіанскаго учителя. Еще во время Алексія митрополита открылась въ Новѣгородѣ ересь стригольниковъ, названныхъ такъ отъ имени Карпа Стригольника, человѣка простого, но ревностнаго суевѣра, утверждавшаго, что іереи россійскіе, будучи поставляемы за деньги, суть хищники сего важнаго сана, и что истинные христіане должны отъ нихъ удаляться. Многіе люди, думая согласно съ нимъ, перестали ходить въ церковь, и народъ, озлобленный ихъ нескромными, дерзкими рѣчами, утопилъ въ Волховѣ трехъ главныхъ виновниковъ раскола, Карпа и діакона Никиту съ товарищемъ. Сія излишняя строгость, какъ обыкновенно бываетъ, не уменьшила, но втайнѣ умножила число еретиковъ: архіепископъ новогородскій Алексій писалъ о томъ къ патріарху Нилу, который уполномочилъ Діонисія искорнить зло средствами благоразумнаго убѣжденія. Діонисій отправился въ Новгородъ, во Псковъ, гдѣ стригольники имѣли также своихъ учениковъ; доказывалъ имъ, что плата, опредѣленная закономъ, не есть лихоимство, и, наконецъ, примирилъ ихъ съ церковію, къ удовольствію всѣхъ правовѣрныхъ. Отдавая справедливость сей заслугѣ, великій князь желалъ видѣть Діонисія на мѣстѣ Пимена, и велѣлъ ему ѣхать въ Константинополь для поставленія, будучи увѣренъ въ согласіи патріарха. Воля Димитріева, дѣйствительно, исполнилась, но Владиміръ Ольгердовичъ Кіевскій остановилъ новаго митрополита на возвратномъ пути изъ Греціи въ Москву, объявивъ, что Кипріанъ есть глава всей россійской церкви—и честолюбивый Діонисій умеръ въ Кіевѣ подъ стражею. Такимъ образомъ великій князь два раза не имѣлъ успѣха въ избраніи митрополитовъ и, какъ бы обезоруженный неблагопріятностію судьбы, хотѣлъ, по крайней мѣрѣ, чтобы древняя столица св. Владиміра и Москва имѣли одного пастыря духовнаго. Начался судъ между Пименомъ и Кипріаномъ въ Царѣградѣ, куда великій князь, вслѣдъ за первымъ, отправилъ симоновскаго архимандрита Ѳеодора съ грамотами и дарами. Прошло около трехъ лѣтъ, и дѣло рѣшилось ничѣмъ: Кипріанъ остался митрополитомъ кіевскимъ, а Пименъ, возвратясь въ Москву, черезъ годъ уѣхалъ опять въ Грецію, тайно отъ великаго князя, расположеннаго къ нему весьма немилостиво: что случилось за мѣсяцъ до кончины Димитріевой.

Важнѣйшимъ происшествіемъ для церковной исторіи сего времени было обращеніе пермянъ въ христіанскую вѣру. Вся обширная страна отъ рѣки Двины до хребта горъ уральскихъ издревле

платила дань россіянамъ; но, довольные серебромъ и мѣхами, тамъ собираемыми, они не принуждали жителей къ перемѣнѣ закона. Юный монахъ, сынъ одного устюжскаго церковника, именемъ Стефанъ, воспламенился ревностію быть апостоломъ сихъ идолопоклонниковъ; выучился языку пермскому, изобрѣлъ для него новыя особенныя буквы, числомъ 24, и перевелъ на оный главныя церковныя книги съ славянскаго; хотѣлъ также узнать языкъ греческій и долго жилъ въ ростовскомъ монастырѣ св. Григорія Богослова, чтобы пользоваться тамошнею славною библіотекою. Изготовивъ себя ко званію народнаго учителя, онъ взялъ благословеніе отъ коломенскаго епископа Герасима, намѣстника митрополіи, и великокняжескія грамоты для своей безопасности; отправился въ Пермь и началъ проповѣдывать Бога истиннаго людямъ грубымъ, невѣждамъ, но добродушнымъ. Они слушали его съ изумленіемъ; нѣкоторые крестились охотно; другіе, въ особенности жрецы или кудесники пермскіе, встревоженные сею новостію, говорили: „Какъ вѣрить человѣку изъ Москвы пришедшему? Не россіяне ли издревле угнетаютъ Пермь тяжкими данями? Отъ нихъ ли ждать намъ истины и добра? Служа многимъ богамъ отечественнымъ, извѣданнымъ благодѣяніями долговременными, безумно промѣнять ихъ на одного, чуждаго и неизвѣстнаго. Они посылаютъ намъ соболей, куницъ и рысей, коими вельможи русскіе украшаются; торгуютъ и дарятъ хановъ, грековъ и нѣмцевъ. Народъ! твои учители суть опытные старцы; а сей иноплеменникъ юнъ лѣтами, слѣдственно и разумомъ“. Но Стефанъ, подъ защитою княжескихъ грамотъ, Неба и своей кротости болѣе и болѣе успѣвалъ въ душеспасительномъ дѣлѣ; умноживъ число новыхъ христіанъ до тысячи, онъ построилъ церковь близъ устья рѣки Выми и славилъ Творца Вселенныя на языкѣ пермскомъ; а жители, самые упорные въ язычествѣ, съ любопытствомъ смотрѣли на обряды христіанскаго богослуженія, дивясь красотѣ храма. Наконецъ, желая доказать имъ безсиліе идоловъ, Стефанъ обратилъ въ пепелъ одну изъ ихъ знаменитѣйшихъ кумирницъ. Народъ видѣлъ и безмолствовалъ въ ужасѣ, кудесники вопили, святый мужъ проповѣдывалъ. Тщетно главный волхвъ, именемъ Пама, хотѣлъ защитить свою вѣру: кумиры, разрушенные пламенемъ, свидѣтельствовали ихъ ничтожность. Онъ вызвался пройти невредимъ сквозь огонь и воду, требуя, чтобы Стефанъ сдѣлалъ то же. „Я не повелѣваю стихіями, отвѣтствовалъ смиренный инокъ: но Богъ христіанскій великъ: иду съ тобою“. Пама думалъ только устрашить его: видя же смѣлость противника, отказался отъ испытанія и тѣмъ довершилъ торжество истинной вѣры. Убѣжденные мудрымъ ученіемъ Стефана, жители цѣлыми толпами крестились и вмѣстѣ съ нимъ сокрушали идоловъ въ домахъ, на

улицахъ, дорогахъ и въ рощахъ, бросая въ огонь драгоцѣнныя кожи звѣрей, приносимыя въ даръ симъ деревяннымъ богамъ, и полотняныя тонкія пелены, коими ихъ обвивали. Пишутъ, что главными идолами народа пермскаго и обдорскаго были Воипель и такъ называемая Золотая Баба, или каменное изображеніе старухи съ двумя младенцами; что суевѣрные, убивая лучшихъ своихъ оленей въ честь ея, кровію оныхъ мазали ротъ и глаза истукану, отвѣчавшему на вопросы любопытныхъ о тайнахъ судьбы; что близъ того мѣста, въ горахъ, часто раздавался звукъ, подобный трубному, и проч. Создавъ еще двѣ церкви, Стефанъ завелъ при оныхъ училища, чтобы образовать молодыхъ людей для сана іерейскаго, и поѣхалъ въ Москву требовать учрежденія особенной епископіи пермской. Великій князь лично зналъ и любилъ его; митрополитъ Пименъ также. Они нашли Стефана достойнымъ епископскаго сана, и сей новый святитель, возвратясь въ землю, имъ просвѣщенную, заслужилъ имя отца пермянъ: училъ, благодѣтельствовалъ; во время голода доставлялъ имъ хлѣбъ изъ Вологды и ѣздилъ въ Новгородъ ходатайствовать за нихъ у правительства. Однимъ словомъ, введеніе христіанства, въ сихъ мѣстахъ утвержденнаго одною апостольскою проповѣдію и силою добродѣтели, было счастливою эпохою для обитателей и въ самомъ ихъ гражданскомъ состояніи: народъ, благодарный донынѣ, съ любовію говоритъ тамъ о дѣлахъ своего перваго наставника, описанныхъ инокомъ Епиѳаніемъ, ученикомъ св. Сергія. Употребивъ всю жизнь на благотвореніе, Стефанъ хотѣлъ закрыть глаза въ Москвѣ, гдѣ и преставился въ княженіе Василія Димитріевича (въ 1396 году) съ названіемъ Святого; тѣло погребено въ Кремлѣ, въ церкви Преображенія.

Между достопамятностями Димитріева времени должно замѣтить частыя путешествія греческихъ духовныхъ сановниковъ, особенно изъ Палестины въ Москву для собранія милостыни. Знаменитѣйшій изъ нихъ былъ іерусалимскій архимандритъ Нифонтъ, который посредствомъ золота, вывезеннаго имъ изъ Россіи, достигъ патріаршества. Утѣсняемые невѣрными, греки пользовались усердіемъ нашихъ предковъ къ святымъ мѣстамъ и, требуя денегъ для возстановленія храмовъ разоренныхъ, употребляли оныя болѣе на мірскія, нежели на церковныя нужды.—Вообще Греція, приближаясь къ своему конечному паденію и недоброжелательствомъ Рима какъ бы исключенная изъ системы державъ христіанскихъ, была въ самой тѣсной связи съ единовѣрною Россіею, которая начинала воскресать въ Москвѣ, и хотя не могла защитить Константинополя, но удѣляла ему часть своего избытка, посылая дары императору и патріарху. Житель цареградскій, во глубинѣ нашего сѣвера, какъ прежде въ Кіевѣ, находилъ для себя второе отечество, гдѣ люди

ученые столько любили языкъ его, что Алексій митрополитъ даже въ русскихъ грамотахъ подписывалъ имя свое по-гречески. Въ Константинополѣ обитало всегда множество россіянъ, привлекаемыхъ купечествомъ или набожностію, и жившихъ тамъ обыкновенно въ монастырѣ св. Іоанна Предтечи! Чтобы дать читателю ясное понятіе о тогдашнемъ пути отъ Москвы до Царьграда, приведемъ здѣсь нѣкоторыя мѣста изъ записокъ одного россійскаго духовнаго сановника, бывшаго въ Греціи вмѣстѣ съ митрополитомъ Пименомъ.

„Мы выѣхали изъ Москвы,—пишетъ онъ,—13 апрѣля въ 1389 году, во вторникъ Страстныя недѣли, и митрополитъ велѣлъ епископу смоленскому Михаилу, вмѣстѣ съ архимандритомъ спасскимъ Сергіемъ, записывать всѣ достопамятности сего путешествія. Пробывъ Великую субботу въ Коломнѣ, отправились мы Окою въ день Пасхи къ Рязани, гдѣ, за нѣсколько верстъ отъ Переславля, встрѣтили насъ сыновья Олеговы; наконецъ и самъ князь со всѣми боярами и со крестами. Дружелюбно угостивъ Пимена, онъ проводилъ его изъ города въ Ѳомино Воскресеніе; а воевода княжескій, Станиславъ, долженствовалъ охранять насъ въ пути до рѣки Дона: ибо въ сихъ мѣстахъ бываютъ частые разбои. За нами везли на колесахъ три струга съ большою лодкою, и въ четвертокъ спустили ихъ на рѣку Донъ. Въ пятницу мы пріѣхали къ урочищу Киръ-Михаилову, гдѣ прежде находился городъ. Тутъ откланялись митрополиту бояре Олеговы и епископы Ермій рязанскій, Ѳеодоръ ростовскій, Евфросимъ суздальскій, Даніилъ звенигородскій. Исаакій же черниговскій и Михаилъ смоленскій, въ воскресенье, сѣли съ Пименомъ на суда и поплыли внизъ рѣкою Дономъ.

„Нельзя вообразить ничего унылѣе сего путешествія. Вездѣ голыя, необозримыя пустыни; нѣтъ ни селенія, ни людей; одни дикіе звѣри, козы, лоси, медвѣди, волки, выдры, бобры, смотрятъ съ берега на странниковъ, какъ на рѣдкое явленіе въ сей странѣ; лебеди, орлы, гуси и журавли непрестанно парили надъ нами. Тамъ существовали нѣкогда города знаменитые; нынѣ едва примѣтны слѣды ихъ.

„Въ понедѣльникъ миновали мы рѣку Мечу и Сосну, во вторникъ—Острую Луку, въ среду—Кривый Боръ, а въ шестый день плаванія устье Воронежа. 9 мая встрѣтилъ насъ князь Юрій Елецкій (потомокъ Михаила Черниговскаго) съ своими боярами и со множествомъ людей. Исполняя данное ему Олегомъ повелѣніе, онъ изъявилъ митрополиту искреннее дружелюбіе и снабдилъ его всѣмъ нужнымъ.

„Оттуда приплыли мы къ Тихой Соснѣ и на ея берегахъ увидѣли рядъ бѣлыхъ каменныхъ столповъ, подобныхъ малымъ стогамъ: работа и видъ прекрасны!

„Оставивъ за собою рѣки Червленный Яръ, Битюгъ и Хоперъ, въ пятое воскресеніе послѣ Свѣтлаго миновали мы устье Медвѣдицы и другихъ рѣкъ, а во вторникъ Серклію (Саркелъ?), городъ древній, а нынѣ только развалины. Тутъ въ первый разъ на обѣихъ сторонахъ Дона показались татары Сарыхозина улуса и безчисленное множество ихъ скота: овецъ, козъ, воловъ, вельбюдовъ, коней. Мысль, что мы уже вступили въ землю сихъ варваровъ, приводила насъ въ трепетъ; но они не сдѣлали никому обиды, а только спрашивали вездѣ, куда ѣдемъ, и давали намъ молока. Такимъ образомъ проплывъ еще мимо улуса Вулатова и Акбугина, мы наканунѣ Вознесенія достигли Азова, города фряжскаго и нѣмецкаго; а въ недѣлю святыхъ Отцовъ перегрузились въ корабль на устьѣ Дона“. Тутъ путешественникъ разсказываетъ, что генуэзцы, у коихъ Пименъ (въ 1380 году) занималъ деньги въ Греціи на имя великаго князя, схватили его, какъ неисправнаго должника, и хотѣли заключить въ темницу; однакожъ митрополитъ откупился серебромъ и благополучно отправился въ свой путь Азовскимъ и Чернымъ моремъ.

Осыпая въ Москвѣ единовѣрныхъ грековъ благодѣяніями, Димитрій привлекалъ въ Россію и другихъ европейцевъ. Между его грамотами находимъ одну, данную Андрею Фрязину (вѣроятно, генуэзцу) на область Печерскую, бывшую прежде за дядею сего Андрея, Матоеемъ Фрязиномъ. Въ грамотѣ сказано, чтобы жители ему повиновались и что онъ, слѣдуя древнимъ уставамъ, долженъ блюсти тамъ общее спокойствіе. Димитрій, глава новгородцевъ, имѣлъ, какъ видно, право давать намѣстника печерянамъ, ихъ подданнымъ. Такимъ образомъ Москва и въ XIV вѣкѣ не чуждалась иностранцевъ, которые могли быть нужны для ея гражданскаго образованія, и мнѣніе, что до временъ Іоанна III она не имѣла никакого сношенія съ Западомъ Европы,—есть ложное. Азовскіе и таврическіе генуэзцы служили посредниками между Италіею и нашимъ сѣверомъ.

Въ государствованіе Донского россіяне великаго княженія оставили куны, замѣнивъ оныя мелкою серебряною монетою, для коей служила образцомъ татарская. Моголы въ древнемъ своемъ отечествѣ и въ Китаѣ вмѣсто денегъ употребляли древесную кору и лоскутки кожаные съ клеймомъ ханскимъ; но въ Бухаріи и въ Капчакѣ имѣли собственную серебряную и мѣдную монету; первая называлась тангою, вторая—пулою. Россіяне симъ именемъ назвали и свою, то-есть серебряную—деньгами, а мѣдную—пулами. Послѣднія уже ходили и при отцѣ Донского; а древнѣйшія изъ серебряныхъ, донынѣ намъ извѣстныхъ, биты въ княженіе Димитрія, вѣсомъ $^1/_4$ золотника, съ изображеніемъ всадника. Въ мирномъ условіи Тверского князя съ Димитріемъ, заключен-

номъ въ 1375 году, еще упоминается о рѣзняхъ или мелкихъ кунахъ, но въ позднѣйшихъ договорахъ цѣны вещей опредѣляются только алтынами и деньгами (коихъ считалось 6 въ алтынѣ).

Послѣдній годъ Димитріева княженія особенно достопамятенъ началомъ огнестрѣльнаго искусства въ Россіи. Пишутъ, что монахъ францисканскій Константинъ Ангклиценъ или Бартольдъ Шварцъ изобрѣлъ порохъ около половины XIV вѣка и сообщилъ сіе важное открытіе венеціанамъ, воевавшимъ тогда съ генуэзцами. Французы, въ 1338 году, уже знали оное, и король англійскій, Эдуардъ III, въ славной битвѣ при Креси (въ 1346), разилъ непріятелей пушками. Вѣроятно, что аравитяне еще гораздо ранѣе употребляли порохъ. Восточные историки XIII столѣтія описываютъ его дѣйствіе, и гренадскій владѣтель, Абалвалидъ-Исмаилъ-Бенъ-Ассеръ, въ 1312 году имѣлъ снарядъ огнестрѣльный. Нѣтъ сомнѣнія, что и монахъ Рогеръ Баконъ за 100 лѣтъ до Бартольда Шварца умѣлъ составлять порохъ: ибо ясно говоритъ, въ своемъ твореніи de nullitate Magiae, о свойствѣ и силѣ онаго. Сказаніе нашего собственнаго лѣтописца, что въ 1185 году князь половецкій, Кончакъ, возилъ съ собою харазскаго турка, стрѣлявшаго живымъ огнемъ, также заставляетъ думать, что оружіе сего человѣка могло быть огнестрѣльное. Но въ Россіи оно не употреблялось до 1389 года, когда, по извѣстію одной лѣтописи, вывезли къ намъ изъ земли нѣмецкой арматы и стрѣльбу огненную, съ того времени свѣданную россіянами. Хотя еще въ описаніи московской осады 1382 года упоминается о пушкахъ; но такъ назывались у насъ прежде не нынѣшнія воинскія орудія сего имени, а большіе самострѣлы или махины, коими осажденные бросали камни въ осаждающихъ.—При сынѣ Донского, Василіи, уже дѣлали въ Москвѣ и порохъ.

Наконецъ, описавъ исторію временъ Димитрія, прибавимъ, что лѣтописцы наши, согласно съ другими, говорятъ о явленіи кометъ зимою въ 1368 и весною въ 1382 годахъ; вторая, по ихъ мнѣнію, предвѣстила грозное Тохтамышево нашествіе. Достойно замѣчанія, что въ слѣдующій годъ около Москвы снѣгъ лежалъ цѣлый мѣсяцъ послѣ Святой Пасхи и люди ѣздили на саняхъ до 20 апрѣля. Разныя небесныя знаменія, чудесныя для невѣжества, также засухи и великіе пожары были весьма обыкновенны въ государствованіе Димитрія.

ГЛАВА II.

Великій Князь Василій Димитріевичъ.

г. 1389—1425.

Великое княженіе сдѣлалось наслѣдіемъ владѣтелей московскихъ.—Характеръ аристократіи.—Договоръ.— Политика Василіева.— Бракъ.— Великій князь въ Ордѣ.—Разореніе Вятки.—Нижній Новгородъ и Суздаль присоединены къ Москвѣ. — Дѣла съ Новымгородомъ. — Нашествіе Тамерлана. — Славная икона владимірская.—Бѣдствіе Азова.— Дѣла литовскія.— Взятіе Смоленска.— Свиданіе великаго князя съ Витовтомъ. — Россія литовская. — Дѣла новогородскія.—Происшествія въ Ордѣ.—Замыслы Витовта.—Наши завоеванія въ Болгаріи.— Война Витовта съ моголами.— Эдигей.—Кончина князя Тверского.— Временная независимость великаго княженія.— Удача и неблагоразуміе князя Смоленскаго.—Политика Витовта.—Неудовольствія новогородцевъ.— Злодѣйство князя Смоленскаго. — Разрывъ съ Литвою. — Свидригайло. — Войны съ Ливоніей.— Нашествіе Эдигея.— Письмо Эдигеево.— Кончина Владиміра Храбраго.— Происшествія въ Ордѣ.— Дѣла новогородскія.— Язва. — Голодъ. — Мысль о преставленіи свѣта.— Кончина и характеръ Василія.—Завѣщаніе.— Договоръ съ рязанскимъ княземъ.—Дары, посланные въ Грецію.—Дочь Василіева за императоромъ.—Дѣла церковныя.—Судная грамота.—Разныя извѣстія.—Добродѣтель супруги Донского.

Димитрій оставилъ Россію, готовую снова противоборствовать насилію хановъ: юный сынъ его Василій отложилъ до времени мысль о независимости и былъ возведенъ на престолъ въ Владимірѣ посломъ царскимъ, Шахматомъ. Такимъ образомъ достоинство великокняжеское сдѣлалось наслѣдіемъ владѣтелей московскихъ. Уже никто не спорилъ съ ними о сей чести. Хотя Борисъ Городецкій, старѣйшій изъ потомковъ Ярослава II, немедленно по кончинѣ Донского отправился въ Сарай, но цѣлію его исканій былъ единственно Нижній-Новгородъ, отнятый у него племянникомъ. Тохтамышъ, неблагодарно предпріявъ воевать сильную имперію Тамерланову, велѣлъ ему ѣхать за собою къ границамъ Персіи; наконецъ дозволилъ остаться въ Сараѣ и, разоривъ многіе города бывшаго своего заступника, по возвращеніи въ улусы, отпустилъ Бориса въ Россію съ новою жалованною грамотою на область Нижегородскую.

Великій князь, едва вступивъ въ лѣта юношества, могъ править государствомъ только съ помощію совѣта; окруженный усердными боярами и сподвижниками Донского, онъ заимствовалъ отъ нихъ сію осторожность въ дѣлахъ государственныхъ, которая ознаменовала его тридцатишестилѣтнее княженіе, и которая бываетъ свойствомъ аристократіи, движимой болѣе заботливыми предвидѣніями ума, нежели смѣлыми внушеніями великодушія,

равно удаленной отъ слабости и пылкихъ страстей. Опасаясь правъ дяди Василіева, князя Владиміра Андреевича, основанныхъ на старѣйшинствѣ и на славѣ воинскихъ подвиговъ, господствующіе бояре стѣснили, кажется, его власть и не хотѣли дать ему надлежащаго участія въ правленіи: Владиміръ, ни въ чемъ не нарушивъ договора, заключеннаго съ Донскимъ, — бывъ всегда ревностнымъ стражемъ отечества и довольный жребіемъ князя второстепеннаго — оскорбился неблагодарностію племянника и со всѣми ближними уѣхалъ въ Серпуховъ, свой удѣльный городъ, а изъ Серпухова въ Торжокъ. Сія несчастная ссора, какъ и бывшая съ отцомъ Василія, скоро прекратилась возобновленіемъ дружественной грамоты 1388 года. Владиміръ, сверхъ его прежняго удѣла и трети московскихъ доходовъ, получилъ Волокъ и Ржевъ: за то обѣщалъ повиноваться юному Василію, какъ старшему, ходить на войну съ нимъ или съ полками великокняжескими, сидѣть въ осадѣ, гдѣ онъ велитъ, и проч., а съ Волока платить ханамъ 170 рублей въ число пяти тысячъ Василіевыхъ.

Обстоятельство, что Владиміръ Андреевичъ во время раздора съ племянникомъ жилъ въ области Новогородской, достойно замѣчанія. Владѣтели московскіе, присвоивъ себѣ исключительное право на санъ великокняжескій, считали и Новгородъ наслѣдственнымъ ихъ достояніемъ, вопреки его древней, основанной на грамотахъ Ярославовыхъ свободѣ избирать князей. Оттого сыновья Калитины, Симеонъ, Іоаннъ, при восшествіи на престолъ, были въ раздорѣ съ симъ гордымъ народомъ: Василій также; и новогородцы охотно дали убѣжище недовольному Владиміру, чтобы имѣть въ немъ опору на всякій случай; но видя искреннее примиреніе дяди съ племянникомъ, желали и сами участвовать въ ономъ. Дѣло шло единственно о чести или обрядѣ. „Мы рады повиноваться князю Московскому — говорили они: — только прежде напишемъ условія, какъ люди вольные“. Сіи условія, по обыкновенію, состояли въ опредѣленіи извѣстныхъ правъ княжескихъ и народныхъ. Василій не захотѣлъ спорить и въ присутствіи бояръ новогородскихъ, въ Москвѣ, утвердивъ печатію договорную грамоту, отправилъ къ нимъ въ намѣстники вельможу московскаго, Евстафія Сыту. — Замѣтимъ, что со временъ Калиты новогородцы уже не имѣли собственныхъ, особенныхъ князей, повинуясь Великимъ или Московскимъ, которые управляли ими чрезъ намѣстниковъ: ибо Наримантъ, Патрикій, Лугвеній и другіе князья, литовскіе и россійскіе, съ того времени находились у нихъ единственно въ качествѣ воеводъ, или частныхъ властителей.

Три предмета долженствовали быть главными для политики государя московскаго: надлежало прервать или облегчить цѣпи,

возложенныя ханами на Россію, удержать стремленіе Литвы на ея владѣнія, усилить великое княженіе присоединеніемъ къ оному удѣловъ независимыхъ. Въ сихъ трехъ отношеніяхъ Василій Димитріевичъ дѣйствовалъ съ неусыпнымъ попеченіемъ, но держась правилъ умѣренности, боясь излишней торопливости и добровольно оставляя своимъ преемникамъ дальнѣйшіе успѣхи въ славномъ дѣлѣ государственнаго могущества.

На семнадцатомъ году жизни онъ сочетался бракомъ съ юною Софіею, дочерью Витовта, сына Кестутіева. Изгнанный Ягайломъ изъ отечества, сей витязь жилъ въ Пруссіи у нѣмцевъ. Въ одной изъ лѣтописей сказано, что Василій, въ 1386 году, бѣжавъ изъ Орды въ Молдавію, на пути въ Россію былъ задержанъ Витовтомъ въ какомъ-то нѣмецкомъ городѣ и, наконецъ, освобожденный съ условіемъ жениться на его дочери, чрезъ пять лѣтъ исполнилъ сіе обѣщаніе, согласно съ честію и пользою государственною. Уже Витовтъ славился разумомъ и мужествомъ; имѣлъ также многихъ друзей въ Литвѣ и, по всѣмъ вѣроятностямъ, не могъ долго быть изгнанникомъ. Василій надѣялся пріобрѣсти въ немъ или сильнаго сподвижника противъ Ягайла, или посредника для мира съ Литвою. Бояре московскіе, Александръ Поле, Белевутъ, Селиванъ, ѣздили за невѣстою въ Пруссію и возвратились чрезъ Новгородъ. Князь Литовскій Иванъ Олгимонтовичъ проводилъ ее до Москвы, гдѣ совершилось брачное торжество къ общему удовольствію народа.

Скоро великій князь отправился къ хану. За нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ царевичъ Беткутъ, посланный Тохтамышемъ отъ береговъ Волги и Казанки сквозь дремучіе лѣса къ сѣверу, разорилъ Вятку, гдѣ со временъ Андрея Боголюбскаго обитали новогородскіе выходцы въ свободѣ и независимости, торгуя или сражаясь съ Чудскими сосѣдственными народами. Слухъ о благосостояніи сей маленькой республики вселилъ въ моголовъ желаніе искать тамъ добычи и жертвъ корыстолюбія.

Изумленные внезапнымъ ихъ нашествіемъ, жители не могли отстоять городовъ, основанныхъ среди пустынь и болотъ въ теченіе двухсотъ лѣтъ: одни погибли отъ меча, другіе навѣки лишились вольности, уведенные въ плѣнъ Беткутомъ; многіе спаслися въ густотѣ лѣсовъ и предпріяли отмстить татарамъ. Новогородцы, устюжане соединились съ ними и, на большихъ лодкахъ рѣкою Вяткою доплывъ до Волги, разорили Жукотинъ, Казань, болгарскіе, принадлежащіе ханамъ, города, и пограбили всѣхъ купцовъ, ими встрѣченныхъ. Однакожъ не сіи случаи заставили великаго князя ѣхать въ Орду: намѣреніе его обнаружилось въ слѣдствіяхъ, составившихъ достопамятную эпоху въ постепенномъ возвышеніи московскаго княженія. Онъ былъ принятъ въ

Ордѣ съ удивительною ласкою. Еще никто изъ владѣтелей россійскихъ не видалъ тамъ подобной чести. Казалось, что не данникъ, а другъ и союзникъ посѣтилъ хана. Утвердивъ Нижегородскую область за княземъ Борисомъ Городецкимъ, Тохтамышъ, согласно съ мыслями вельможъ своихъ, не усумнился признать Василія наслѣдственнымъ ея государемъ. Великій князь хотѣлъ еще болѣе, и получилъ все по желанію: Городецъ, Мещеру, Торусу, Муромъ.

Послѣднія двѣ области были древнимъ удѣломъ Черниговскихъ князей и никогда не принадлежали роду Мономахову. Столь особенная благосклонность изъясняется обстоятельствами времени. Тохтамышъ, начавъ гибельную для себя войну съ грознымъ Тамерланомъ, боялся, чтобы россіяне не пристали къ сему завоевателю, который, желая наказать неблагодарнаго повелителя Золотой Орды, шелъ отъ моря Аральскаго и Каспійскаго къ пустынямъ Сѣверной Азіи. Хотя лѣтописцы не говорятъ того, однакожъ, вѣроятно, что Василій, требуя милостей хана, обѣщалъ ему не только вѣрность, но и сильное вспоможеніе: какъ глава князей россійскихъ, онъ могъ ручаться за другихъ, и тѣмъ обольстить или успокоить преемника Мамаева; корыстолюбіе вельможъ ординскихъ и богатые дары Василіевы рѣшили всякое сомнѣніе. Уже Тохтамышъ двинулся съ полками навстрѣчу къ непріятелю за Волгу и Яикъ: великій князь спѣшилъ удалиться отъ кровопролитія; а посолъ ханскій, царевичъ Уланъ, долженствовалъ возвести его на престолъ Нижегородскій.

Три мѣсяца Василій былъ въ отсутствіи: народъ московскій праздновалъ возвращеніе юнаго государя, какъ особенную милость небесную. Еще не доѣхавъ до столицы, великій князь изъ Коломны отправилъ бояръ своихъ съ ханскою грамотою и съ посломъ царевымъ въ Нижній, гдѣ князь Борисъ, недоумѣвая, что ему дѣлать, собралъ вельможъ на совѣтъ. Но знатнѣйшій изъ нихъ, именемъ Румянецъ, оказался предателемъ. Князь хотѣлъ затворить ворота городскія. „Посолъ царевъ“ (сказалъ Румянецъ) „и бояре московскіе ѣдутъ сюда единственно для утвержденія любви и мира съ тобою: впусти ихъ и не оскорбляй ложнымъ подозрѣніемъ. Окруженный нами, вѣрными защитниками, чего можешь страшиться?“ Князь согласился, и поздно увидѣлъ измѣну. Бояре московскіе, въѣхавъ въ городъ, ударили въ колокола, собрали жителей, объявили Василія ихъ государемъ. Тщетно Борисъ звалъ къ себѣ дружину свою. Коварный Румянецъ отвѣтствовалъ: мы уже не твои — и съ другими единомышленниками предалъ Бориса слугамъ великокняжескимъ. Самъ Василій съ боярами старѣйшими прибылъ въ Нижній, гдѣ, учредивъ новое правленіе, поручилъ сію область намѣстнику Димитрію Але-

ксандровичу Всеволожу. Такъ рушилось, съ своими удѣлами, особенное княжество Суздальское, коего именемъ долго называлась сильная держава, основанная Андреемъ Боголюбскимъ, или всѣ области сѣверо-восточной Россіи между предѣлами новогородскими, смоленскими, черниговскими и рязанскими. — Борисъ черезъ два года умеръ. Его племянники, Василій, прозванный Кирдяпа, и Симеонъ, бѣжавъ въ Орду, напрасно искали въ ней помощи. Хотя царевичъ Эйтякъ вмѣстѣ съ Симеономъ (въ 1399 году) приступалъ къ Нижнему и взялъ городъ обманомъ; но, имѣя у себя едва тысячу воиновъ, не могъ удержать онаго. Супруга Симеонова, бывъ долго подъ стражею въ Россіи, нашла способъ уйти въ землю Мордовскую, подвластную татарамъ, и жила въ какомъ-то селеніи у христіанской церкви, сооруженной хивинскимъ туркомъ Хазибабою. Бояре великаго князя, посланные съ отрядомъ войска, взяли сію несчастную княгиню и привезли въ Москву. Между тѣмъ ея горестный супругъ, лишенный отечества, друзей, казны, восемь лѣтъ скитался съ моголами по дикимъ степямъ, служилъ въ разныя времена четыремъ ханамъ и наконецъ прибѣгнулъ къ милости великаго князя, который возвратилъ ему семейство и позволилъ избрать убѣжище въ Россіи. Симеонъ, изнуренный печалями, добровольно удалился въ независимую область Вятскую, гдѣ и скончался чрезъ пять мѣсяцевъ (въ 1402 году), бывъ жертвою общей пользы государственной. Старшій братъ Симеоновъ, Василій Кирдяпа, умеръ также въ изгнаніи. Сыновья Василіевы и Борисовы то служили при дворѣ Московскомъ, то уходили въ Орду; а внукъ Кирдяпинъ, Александръ Ивановичъ Брюхатый, женился послѣ на дочери великаго князя, именемъ Василисѣ.

Руководствуясь правилами государственнаго блага, Василій и въ другихъ случаяхъ не боялся казаться ни излишно властолюбивымъ, ни жестокимъ. Такъ, вслѣдствіе вторичнаго несогласія съ новогородцами, не хотѣвшими платить ему черной или народной дани, изъявилъ онъ строгость необыкновенную, хитро соединивъ выгоды казны своей съ честію главы духовенства. Митрополитъ Кипріанъ, безспорно заступивъ мѣсто умершаго въ Царѣградѣ Пимена, ѣздилъ (въ 1392 году) изъ Москвы въ Новгородъ; съ пышными обрядами служилъ литургію въ Софійскомъ храмѣ; велегласно училъ народъ съ амвона, и двѣ недѣли пировалъ у тамошняго архіепископа, Іоанна, вмѣстѣ съ знаменитѣйшими чиновниками, которые, въ знакъ особеннаго уваженія, отъ имени всего города подарили ему нѣсколько дворовъ. Но сіе дружелюбіе измѣнилось, когда митрополитъ въ собраніи гражданъ объявилъ, чтобы они, слѣдуя древнему обыкновенію, относились къ нему въ дѣлахъ судныхъ. Посадникъ, тысяцкій и всѣ отвѣт-

ствовали единодушно: мы клялися, что не будемъ зависѣть отъ суда митрополитовъ, и написали грамоту. Дайте мнѣ опую, сказалъ Кипріанъ: я сорву печать и сниму съ васъ клятву. Народъ не хотѣлъ, и Кипріанъ уѣхалъ съ великою досадою. Зная, сколь митрополиты пребываніемъ своимъ въ Москвѣ способствовали знаменитости ея князей и нужны для ихъ дальнѣйшихъ успѣховъ въ единовластіи, Василій съ жаромъ вступился за пастыря церкви. Посолъ великокняжескій представилъ новогородцамъ, что они, съ 1386 года платилъ Донскому народную дань, обязаны платить ее и сыну его; обязаны также признать митрополита судіею въ дѣлахъ гражданскихъ, или испытаютъ гнѣвъ государевъ. Новогородцы отвѣчали, что народная дань издревле шла обыкновенно въ общественную казну, а князь довольствовался одними пошлинами и дарами; что второе требованіе Василія, касательно митрополита, противно ихъ совѣсти. Сей отвѣтъ былъ принятъ за объявленіе войны. Полки московскіе, коломенскіе, звенигородскіе, дмитровскіе, предводимые дядею великаго князя, Владиміромъ Андреевичемъ Храбрымъ, и сыномъ Донского Юріемъ, взяли Торжокъ и множество плѣнниковъ въ областяхъ Новагорода, куда сельскіе жители съ имѣніемъ, съ дѣтьми бѣжали отъ меча и неволи. Уже рать московская, совершивъ месть, возвратилась, когда Василій узналъ, что Торжокъ, оставленный безъ войска, бунтуетъ и что ревностный доброхотъ великокняжескій, именемъ Максимъ, убитъ друзьями новогородскаго правительства. Тутъ онъ рѣшился неслыханною у насъ дотолѣ казнію устрашить мятежниковъ: велѣлъ боярамъ снова идти съ полками въ Торжокъ, изыскать виновниковъ убійства и представить въ Москву. Привели семьдесятъ человѣкъ. Народъ собрался на площади и былъ свидѣтелемъ зрѣлища ужаснаго. Осужденные на смерть, сіи преступники исходили кровію въ мукахъ: имъ медленно отсѣкали руки, ноги, и твердили, что такъ гибнутъ враги государя московскаго!.. Василій еще не имѣлъ и двадцати лѣтъ отъ рожденія: дѣйствуя въ семъ случаѣ, равно какъ и въ другихъ, по совѣту бояръ, онъ хотѣлъ страхомъ возвысить достоинство великокняжеское, которое упало вмѣстѣ съ государствомъ отъ разновластія. — Новогородцы съ своей стороны искали себѣ удовлетворенія въ разбояхъ: взяли Кличенъ, Устюжну; сожгли Устюгъ, Бѣлозерскъ, не щадя и святыхъ храмовъ, обдирая иконы и книги церковныя; пытали богатыхъ людей, чтобы узнать, гдѣ скрыты ихъ сокровища; плѣняли гражданъ, земледѣльцевъ и наполнивъ добычею множество лодокъ, отправили все внизъ по Двинѣ. Два князя предводительствовали сими хищниками: Романъ Литовскій и Константинъ Іоанновичъ Бѣлозерскій, коего отецъ и дѣдъ пали въ славной Донской битвѣ. Сей юный князь, не захотѣвъ быть под-

ручникомъ государя московскаго, вступилъ въ службу Новагорода, его непріятеля. Но война не продолжилась: ибо новогородцы, извѣдавъ твердый характеръ Василія, разочли, что лучше уступить ему требуемую имъ дань, нежели отказаться отъ купеческихъ связей съ московскими владѣніями и подвергать опасностямъ свою торговлю двинскую, которой онъ, господствуя надъ Устюгомъ и Бѣлымозеромъ, легко могъ препятствовать: обстоятельство всегда рѣшительное въ ихъ ссорахъ съ великими князьями. Надлежало удовольствовать и митрополита, тѣмъ необходимѣе, что патріархъ константинопольскій Антоній взялъ его сторону и велѣлъ имъ сказать: повинуйтеся во всемъ главѣ церкви россійской. И такъ они прислали знатнѣйшихъ людей въ Москву умилостивить государя смиренными извиненіями и вручить Кипріяну судную грамоту. Митрополитъ благословилъ ихъ, а великій князь отправилъ бояръ въ Новгородъ для утвержденія мира. Съ ними ѣздилъ и посолъ митрополитовъ, коему чиновники и народъ дали тамъ 350 рублей въ знакъ дружелюбія.

Въ то время, когда юный Василій, пріобрѣтеніями и строгостію утверждая свое могущество, съ радостію взиралъ издали на внѣшнія и внутреннія опасности Капчакской ненавистной Орды,—въ то самое время онъ увидѣлъ новую тучу варваровъ, готовую истребить счастливое твореніе Іоанна Калиты, героя Донского и его собственное, то-есть, вторично обратить Россію въ кровавое пепелище. Мы упоминали о Тамерланѣ, Тимурѣ или Темиръ-Аксакѣ: будучи сыномъ одного ничтожнаго князька въ имперіи чагатайскихъ моголовъ и рожденный во дни ея паденія, когда безначалія, раздоры, властолюбіе эмировъ предали оную въ жертву хану кашгарскому и гетамъ или калмыкамъ, онъ въ первомъ цвѣтѣ юности замыслилъ избавить отечество отъ неволи,—возстановить величіе онаго, наконецъ покорить вселенную и громомъ славы жить въ памяти вѣковъ. Вздумалъ и совершилъ. Явленіе сихъ исполиновъ въ мірѣ, безжалостно убивающихъ милліоны, ненасытимыхъ истребленіемъ и разрушающихъ древнія зданія гражданскихъ обществъ для основанія новыхъ, ничѣмъ не лучшихъ, есть тайна Провидѣнія. Движимые внутреннимъ безпокойствомъ духа, они стремятся отъ труднаго къ труднѣйшему, губятъ людей и въ награду отъ нихъ требуютъ себѣ названія великихъ. Первые подвиги Тамерлановы были достохвальны: подъ защитою горъ и пустынь собирая вѣрныхъ товарищей, пріучая ихъ и себя къ воинской доблести, неутомимо тревожа гетовъ, онъ безчисленными успѣхами купилъ славу героя. Враги побѣжденные удалились; держава чагатайская возвратила свою независимость. Но ему надлежало еще смирить враговъ внутреннихъ, эмировъ властолюбивыхъ, и самого быв-

шаго друга и главнаго сподвижника, Гуссеина: они погибли, и народный сеймъ единодушно возгласилъ Тимура, на тридцать-пятомъ году его жизни, монархомъ чагатайской державы и сагебъ-керемомъ или владыкою міра. Сидя въ златомъ вѣнцѣ на престолѣ сына Чингисханова, опоясанный царскимъ поясомъ, осыпанный, по восточному обыкновенію, золотомъ и каменьями драгоцѣнными, Тимуръ клялся эмирамъ, стоящимъ предъ нимъ на колѣнахъ, оправдать дѣлами свое новое достоинство и побѣдить всѣхъ царей земли. Боясь казаться народу хищникомъ, сей лукавый властолюбецъ жаловалъ потомковъ Чингисовыхъ въ великіе ханы, держалъ ихъ при себѣ и повелѣвалъ будто бы только именемъ сихъ законныхъ государей могольскихъ. Война слѣдовала за войною, и каждая была завоеваніемъ. Въ 1352 году, за семь лѣтъ до его восшествія на престолъ чагатайскій, укрываясь въ пустыняхъ отъ непріятелей, онъ не имѣлъ въ мірѣ ничего, кромѣ одного тощаго коня и дряхлаго верблюда: а черезъ нѣсколько лѣтъ сдѣлался монархомъ двадцати шести державъ въ трехъ частяхъ міра. Овладѣвъ восточными берегами моря Каспійскаго, устремился на Персію или древній Иранъ, гдѣ между рѣками Оксомъ и Тигромъ долго царствовалъ родъ Чингисовъ, но тогда, вмѣсто монарха, господствовали многіе князья слабые: одни смиренно облобызали коверъ Тимурова престола; другіе сражались и гибли. Богатый Ормусъ заплатилъ ему дань золотомъ; Багдадъ, нѣкогда столица великихъ калифовъ, покорился. Уже вся Азія, отъ моря Аральскаго до Персидскаго залива, отъ Тифлиса до Евфрата и пустынной Аравіи, признавала Тимура своимъ повелителемъ, когда онъ, собравъ эмировъ, сказалъ имъ: — „Друзья и сподвижники!—счастіе, благопріятствуя мнѣ, зоветъ васъ къ новымъ побѣдамъ. Имя мое привело въ ужасъ вселенную; движеніемъ перста потрясаю землю. Царства Индіи намъ отверсты: сокрушу, что дерзнетъ противиться, и буду владыкою оныхъ“. Эмиры изумились: цѣпи горъ высокихъ, глубокія рѣки, пустыни, огромные слоны и милліоны воинственныхъ жителей устрашали ихъ воображеніе. Но Тимуръ, увѣренный въ своемъ счастіи, шелъ смѣло по слѣдамъ героя македонскаго въ сію цвѣтущую страну міра, гдѣ исторія полагаетъ колыбель человѣческаго рода и куда искони стремились завоеватели, отъ Вакха до Семирамиды, отъ Сезостриса до Александра Великаго; въ страну славнѣйшую древностію преданій, но менѣе другихъ извѣстную по лѣтописямъ. Тимуръ перешелъ Индъ, взялъ Дели (гдѣ уже болѣе трехъ вѣковъ властвовали султаны магометанской вѣры) и на берегахъ Гангеса, истребивъ множество гебровъ-огнепоклонниковъ, остановился у той славной скалы, которая, имѣя видъ телицы, извергаетъ изъ нѣдръ своихъ сію знамени-

тую въ баснословіи Востока рѣку. Тамъ свѣдалъ онъ о бунтѣ христіанъ грузинскихъ, о блестящихъ успѣхахъ Баязетова оружія, и возвратился; смирилъ первыхъ, невзирая на ихъ неприступныя горы, и, не терпя равнаго себѣ въ воинской славѣ, хотѣлъ, чтобы султанъ турецкій удержалъ быстрое стремленіе своихъ завоеваній, которыя въ окрестностяхъ Евфрата сближались съ могольскими. „Знай, писалъ онъ къ Баязету,—что мои воинства покрываютъ землю отъ одного моря до другого; что цари служатъ мнѣ тѣлохранителями и стоятъ рядами предъ шатромъ моимъ; что судьба у меня въ рукахъ и счастіе всегда со мною. Кто ты? муравей туркоманскій: дерзнешь ли возстать на слона? Если ты въ лѣсахъ Анатоліи одержалъ нѣсколько побѣдъ ничтожныхъ; если робкіе европейцы обратили тылъ предъ тобою: славь Магомета, а не храбрость свою. Внемли совѣту благоразумія: останься въ предѣлахъ отеческихъ, какъ они ни тѣсны; не выступай изъ оныхъ, или погибнешь". Гордый Баязетъ отвѣтствовалъ равнодушно: „Давно желаю воевать съ тобою. Хвала Всевышнему: ты идешь на мечъ мой!" Баязетъ имѣлъ время изготовиться къ сей войнѣ; ибо врагъ его, раздраженный тогда султаномъ египетскимъ, устремился къ Средиземному морю. Сирія, Египетъ, украшаемые древнею славою и развалинами, казались Тимуру завоеваніемъ лестнымъ. Разбивъ мамелюковъ подъ стѣнами Алепа, въ тотъ самый часъ, когда свирѣпые моголы лили кровь единовѣрцевъ въ семъ городѣ, Тимуръ спокойно бесѣдовалъ съ учеными мужами алепскими и краснорѣчиво доказывалъ имъ, что онъ другъ Божій; что одни упрямые враги его будутъ отвѣтствовать Небу за претерпѣваемыя ими бѣдствія. Сей хитрый лицемѣръ дѣйствительно при всякомъ случаѣ изъявлялъ набожность, предъ битвами обыкновенно совершалъ молитву на колѣнахъ, за побѣды торжественно благодарилъ Всевышняго, и на пути къ Дамаску, гдѣ надлежало ему сразиться съ войскомъ египетскимъ, остановилъ многочисленные полки свои, чтобы въ глазахъ ихъ смиренно поклониться мнимому гробу Ноеву, священному для мусульманъ. Султанъ египетскій Фаручъ заключилъ въ темницу пословъ могольскихъ. Тимуръ писалъ къ нему:—„Великіе завоеватели собираютъ воинства, ищутъ опасностей и битвъ единственно для чести и памяти безсмертной. Сей грозный шумъ ополченій, гдѣ милліоны людей бываютъ въ движеніи, производимъ любовію ко славѣ, а не къ стяжанію: ибо человѣкъ можетъ насытиться въ день одною половиною хлѣба. Ты дерзнулъ оскорбить меня: если бы камни говорить могли, они научили бы тебя осторожности". Побѣдивъ Фаруча, онъ съ ласкою угостилъ въ шатрѣ своемъ ученаго кади Валледина, присланнаго жителями Дамаска умилостивить его; говорилъ съ нимъ

объ исторіи народовъ (ибо всѣ происшествія міра, Востока и Запада, по словамъ современнаго арабскаго писателя, были ему извѣстны); хвалилъ государей милосердыхъ, и такъ мало заботился о снисканіи сей добродѣтели, что оставилъ въ Дамаскѣ однѣ кучи пепла. Нигдѣ татары не находили столько богатства, золота и всякихъ драгоцѣнностей, какъ въ семъ городѣ, гдѣ шесть вѣковъ цвѣла торговля. — Скоро рѣшилась и судьба Баязетова. Страшные янычары уступили превосходному числу, мужеству или счастію моголовъ. Плѣнивъ Баязета, Тимуръ обнялъ его, посадилъ на коврѣ царскомъ рядомъ съ собою и старался утѣшить разсужденіями о тлѣнности мірского величія: отнявъ у него корону, подарилъ ему одежду драгоцѣнную, и хвастовствомъ великодушія еще болѣе, нежели своею побѣдою, унизилъ сего бывшаго знаменитаго монарха. — Обложивъ данію султана мамелюковъ, османовъ, императора греческаго; властвуя отъ моря Каспійскаго и Средиземнаго до Нила и Гангеса, Тимуръ жилъ въ Самаркандѣ и называлъ себя главою лучшей половины міра. Въ сію столицу возвращался онъ послѣ всякаго завоеванія наслаждаться кратковременнымъ отдохновеніемъ; украшалъ великолѣпно мечети, разводилъ сады и, желая слыть благотворителемъ людей, соединялъ каналами рѣки, строилъ новые города, въ надеждѣ, что слабые умы, ослѣпляемые призраками лицемѣрныхъ государственныхъ добродѣтелей, простятъ ему множество разрушенныхъ имъ городовъ древнихъ, убіеніе милліоновъ и высокія пирамиды головъ человѣческихъ, коими его моголы знаменовали свои побѣды на мѣстѣ кровопролитія: на пепелищахъ Дели, Багдада, Дамаска, Смирны.

Еще Тимуръ не совершилъ всѣхъ описанныхъ нами завоеваній, когда, оскорбленный неблагодарностію Тохтамыша, онъ въ первый разъ приближался къ границамъ Россіи. Войско его шло отъ Самарканда и рѣки Сигона черезъ Ташкентъ, Яссы или Туркестанъ, за коимъ уже начиналось владѣніе Капчакской Орды, въ нынѣшнихъ степяхъ киргизскихъ. Стоя на высокомъ холмѣ, Тимуръ долго съ удивленіемъ смотрѣлъ на ихъ необозримыя, гладкія равнины, подобныя морю, и велѣлъ тутъ, въ память вѣкамъ, соорудить высокую каменную пирамиду съ означеніемъ эгиры и дня, когда онъ вступилъ въ сіи ужасныя пустыни. Четыре мѣсяца шли татары къ сѣверу, питаясь наиболѣе мясомъ дикихъ козъ, сайгаковъ, птичьими яйцами и травою. Звѣриная ловля представляла въ сихъ пустыняхъ зрѣлище шумной войны. Разсыпаяся на великомъ пространствѣ, моголы составляли кругъ и гнали звѣрей прямо къ ставкѣ императорской при звукѣ оружія и трубъ. Тимуръ выѣзжалъ на конѣ и, встрѣчая цѣлыя стада всякаго рода животныхъ, стрѣлялъ любыхъ; наконецъ,

утомленный охотою, входилъ въ шатеръ свой обѣдать. Тогда воины бросались на звѣрей, убивали всѣхъ безъ остатка, разводили безчисленные огни и садились пировать до вечера. Скудный ручей или мутное озеро бывали для нихъ въ сихъ безводныхъ мѣстахъ самымъ счастливѣйшимъ открытiемъ.—Достигнувъ пятидесятаго градуса широты, между рѣками Эмбою и Тоболомъ, войско остановилось. Тимуръ, въ богатой одеждѣ и въ царскомъ вѣнцѣ, сѣлъ на коня; имѣя въ рукѣ златую державу, объѣхалъ всѣ полки и, довольный ихъ исправностiю, вооруженiемъ, бодрымъ духомъ, велѣлъ идти далѣе, къ берегамъ Урала. Тамъ показалась многочисленная рать Тохтамышева. Сей ханъ презрѣлъ совѣтъ умныхъ вельможъ, которые говорили ему, что страшно быть врагомъ счастливаго: ненавидя въ Тимурѣ хищника власти, принадлежащей потомкамъ Чингисхановымъ, онъ грозился свергнуть его съ трона. Ежедневныя ошибки передовыхъ отрядовъ заключились кровопролитнымъ сраженiемъ въ степяхъ Астраханской губернiи: разбитый Тохтамышъ бѣжалъ за Волгу, а Тимуръ на ея берегахъ великолѣпно праздновалъ свою побѣду среди обширнаго луга, гдѣ прекрасныя невольницы разносили явства въ золотыхъ и серебряныхъ чашахъ; окруженный своими женами, онъ сидѣлъ на престолѣ капчакскомъ и съ удовольствiемъ внималъ пѣснямъ, коими стихотворцы могольскiе славили сей блестящiй успѣхъ его оружiя, и которыя были названы Фатенамей Капчакъ или торжествомъ Капчакскимъ; двадцать шесть дней эмиры и воины пировали, наслаждаясь всѣми утѣхами роскоши. Но Тимуръ не хотѣлъ быть долѣе въ сей завоеванной имъ странѣ, и тѣмъ же путемъ, чрезъ 11 мѣсяцевъ, возвратился въ Самаркандъ.

Прошло около трехъ лѣтъ. Тохтамышъ, оставленный въ покоѣ непрiятелемъ, снова господствовалъ надъ ордою Капчакскою и снова послалъ войско разорять сѣверную Персiю. „Во имя всемогущаго Бога“,—писалъ къ нему Тамерланъ, — спрашиваю, съ какимъ намѣренiемъ ты, ханъ капчакскiй, управляемый демономъ гордости, выступаешь изъ своихъ предѣловъ? Развѣ забылъ ты послѣднюю войну, когда рука моя обратила въ прахъ твои силы, богатства и владѣнiя? Неблагодарный! вспомни, сколь нѣкогда оказалъ я тебѣ милостей! Еще можешь раскаяться. Хочешь ли мира? хочешь ли войны? избирай; мнѣ все едино. Но самая глубина морская не скроетъ врага отъ нашей мести“. Тохтамышъ хотѣлъ войны и расположился станомъ на берегу Терека: ибо монархъ чагатайскiй былъ уже въ Дербентѣ. Между Терекомъ и Курою, близъ нынѣшняго Екатеринодара, произошло славное въ восточныхъ лѣтописяхъ кровопролитiе. Потомки Чингисхановы сражались между собою въ ужасномъ остервенѣнiи злобы и гибли

тьмами. Правое крыло и средина войска Тамерланова замѣшалась; но сей свирѣпый герой, рожденный быть счастливцемъ, умѣлъ твердостію исторгнуть побѣду изъ рукъ Тохтамышевыхъ: окруженный врагами, изломавъ копье свое, уже не имѣя ни одной стрѣлы въ колчанѣ, хладнокровно давалъ вождямъ повелѣніе сломить густыя толпы непріятельскія. Стрѣлки его, чтобы остаться неподвижными, цѣлыми рядами бросались на колѣна и лѣвое крыло шло впередъ. Еще ханъ Золотой Орды могъ бы новымъ усиліемъ рѣшить битву въ свою пользу; но, прежде времени ослабѣвъ духомъ, бѣжалъ. Тамерланъ гнался за нимъ до Волги, гдѣ, объявивъ Койричака-Аглена, сына Урусова, властителемъ Орды Капчакской, надѣлъ на него вѣнецъ царскій.

Сіи удары, нанесенные моголами моголамъ, изнурили силы волжскихъ и долженствовали веселить россіянъ мыслію о близкой счастливой свободѣ отечества. Надѣялись, что Тамерланъ, сокрушивъ непріятеля, вторично отступитъ къ границамъ своей имперіи и что внутреннія междоусобія орды Капчакской довершатъ ея гибель. Но грозный завоеватель Востока вслѣдъ за бѣгущимъ Тохтамышемъ устремился къ сѣверу; перешелъ Волгу, степи Саратовскія и, вступивъ въ наши юго-восточные предѣлы, взялъ Елецъ, гдѣ господствовалъ князь Ѳеодоръ, отрасль Карачевскихъ владѣтелей и данникъ Олега Рязанскаго. Вѣсть о нашествіи сего новаго Батыя привела въ ужасъ всю Россію. Ожидали такого же общаго разрушенія, какое за 160 лѣтъ передъ тѣмъ было жребіемъ государства нашего; разсказывали другъ другу о чудесныхъ завоеваніяхъ, о свирѣпости и несмѣтныхъ полкахъ Тамерлановыхъ; молились въ церквахъ и готовились къ христіанской смерти—безъ надежды отразить силу силою. Но великій князь бодрствовалъ въ совѣтѣ бояръ мудрыхъ, и въ сіе рѣшительное время явилъ себя достойнымъ сыномъ Димитрія: не устрашился ни славы Тамерлана, ни четырехсотъ тысячъ моголовъ, которые, по слуху, шли подъ его знаменами; велѣлъ немедленно собираться войску и самъ принялъ начальство, въ первый разъ украсивъ юношеское чело свое шлемомъ браннымъ и напомнивъ москвитянамъ тѣ незабвенные дни, когда герой Донской ополчался на Мамая. Уже многіе изъ воеводъ Димитріевыхъ скончали жизнь; другіе, служивъ отцу, хотѣли служить и сыну; старцы сѣли на коней и явились предъ полками въ доспѣхахъ, обагренныхъ кровью татарскою на Куликовѣ полѣ. Народъ ободрился: войско шло охотно, тѣмъ же путемъ, которымъ велъ оное Донской противъ Мамая, и великій князь, поручивъ Москву дядѣ своему Владиміру Андреевичу, сталъ за Коломною на берегу Оки, ежедневно готовый встрѣтить непріятеля.

Между тѣмъ всѣ церкви московскія были отверсты съ утра

до глубокой ночи. Народъ лилъ слезы предъ алтарями и постился. Митрополитъ училъ его и вельможъ христіанскимъ добродѣтелямъ, торжествующимъ въ бѣдствіяхъ. Но слабые трепетали. Желая успокоить гражданъ любезной ему столицы, великій князь писалъ къ митрополиту изъ Коломны, чтобы онъ послалъ во Владиміръ за иконою Дѣвы Маріи, съ коею Андрей Боголюбскій переѣхалъ туда изъ Вышегорода и побѣдилъ болгаровъ. Сіе достопамятное перенесеніе славнаго въ Россіи образа изъ древней въ ея новую столицу было зрѣлищемъ умилительнымъ: безчисленное множество людей на обѣихъ сторонахъ дороги преклоняло колѣна, съ усердіемъ и слезами взывая: Матерь Божія! спаси землю русскую! Жители владимірскіе провождали икону съ горестію: московскіе приняли съ восхищеніемъ, какъ залогъ мира и благоденствія. Митрополитъ Кипріанъ, епископы и все духовенство въ ризахъ служебныхъ, съ крестами и кадилами; за ними Владиміръ Андреевичъ Храбрый, семейство великокняжеское, бояре и народъ встрѣтили святыню внѣ града на Кучковѣ полѣ, гдѣ нынѣ монастырь Срѣтенскій; увидѣвъ оную вдали, пали ницъ и въ радостномъ предчувствіи уже благодарили Небо. Поставили образъ въ соборномъ храмѣ Успенія и спокойнѣе ждали вѣстей отъ великаго князя.

Тамерланъ, плѣнивъ владѣтеля елецкаго со всѣми его боярами, двинулся къ верховью Дона и шелъ берегами сей рѣки, опустошая селенія. Знаменитый персидскій историкъ сего времени, Шерефеддинъ, любя хвалить добродѣтели своего героя, признается, что Тамерланъ, подобно Батыю, усыпалъ трупами поля въ Россіи, убивая не воиновъ, а только людей безоружныхъ. Казалось, что онъ хотѣлъ идти къ Москвѣ; но вдругъ остановился и, цѣлыя двѣ недѣли бывъ неподвиженъ, обратилъ свои знамена къ югу и вышелъ изъ россійскихъ владѣній. Безъ сомнѣнія, не одно смѣлое, великодушное ополченіе князя московскаго произвело сіе удивительное для современниковъ дѣйствіе: надлежитъ искать и другихъ причинъ вѣроятныхъ. Хотя историки восточные повѣствуютъ, что моголы чагатайскіе обогатились у насъ несмѣтною добычею и навьючили вельблюдовъ слитками золота, серебра, мѣхами драгоцѣнными, кусками тонкаго полотна антіохійскаго и русскаго; однакожъ вѣроятнѣе, что сокровища, найденныя ими въ Ельцѣ и въ нѣкоторыхъ городкахъ рязанскихъ, не удовлетворяли ихъ корыстолюбію и не могли наградить за труды похода въ землѣ сѣверной, большею частію лѣсистой, скудной паствами и въ особенности тѣми изящными произведеніями человѣческаго ремесла, коихъ употребленіе и цѣну свѣдали татары въ образованныхъ странахъ Азіи. Наступала дождливая осень: съ людьми, обыкшими кочевать въ мѣстахъ плодоносныхъ и теп-

лыхъ, благоразумно ли было идти далѣе къ сѣверу, чтобы встрѣтить зиму со всѣми ея жестокостями? И путь къ Москвѣ надлежало еще открыть битвою съ войскомъ довольно многочисленнымъ, которое умѣло побѣдить Мамая. Завоеваніе Индіи, Сиріи, Египта, богатыхъ природою и торговлею, славныхъ въ исторіи міра, плѣняло воображеніе Тамерлана: Россія, къ счастію, не имѣла для него сей прелести. Онъ спѣшилъ удалиться отъ непогодъ осеннихъ, и по теченію Дона спустился къ его устью.

Сія вѣсть радостно изумила наше войско. Никто не думалъ гнаться за врагомъ, который, еще не видавъ знаменъ великаго князя, не слыхавъ звука воинскихъ трубъ его, какъ бы въ смятеніи бѣжалъ къ Азову. Юный государь могъ бы приписать спасеніе отечества великодушной своей твердости, но вмѣстѣ съ народомъ приписалъ оное силѣ сверхъестественной и, возвратясь въ Москву, соорудилъ каменный храмъ Богоматери съ монастыремъ на древнемъ Кучковѣ полѣ: ибо, какъ пишутъ современники, Тамерланъ отступилъ въ самый тотъ день и часъ, когда жители московскіе на семъ мѣстѣ встрѣтили Владимірскую икону. Оттолѣ церковь наша торжествуетъ праздникъ Срѣтенія Богоматери 26 августа въ память вѣкамъ, что единственно особенная милость небесная спасла тогда Россію отъ ужаснѣйшаго изъ всѣхъ завоевателей.

Что Тамерланъ готовилъ Москвѣ, то испыталъ несчастный Азовъ, богатый товарами Востока и Запада. Многочисленное посольство, составленное изъ купцовъ египетскихъ, венеціанскихъ, генуэзскихъ, каталонскихъ и бискайскихъ, встрѣтило монарха чагатайскаго на берегу Дона съ дарами и ласками. Онъ успокоилъ ихъ на словахъ, и въ то же время, велѣвъ одному изъ эмировъ осмотрѣть городскія укрѣпленія, внезапно приступилъ къ онымъ. Азовъ и богатства его исчезли. Ограбивъ лавки и домы, умертвивъ или оковавъ цѣпями всѣхъ тамошнихъ христіанъ, которые не успѣли спастися бѣгствомъ на суда, моголы обратили городъ въ пепелъ.—Завоевавъ землю черкесскую и ясскую, взявъ самыя неприступныя крѣпости въ Грузіи, Тамерланъ у подошвы Кавказа далъ праздникъ войску. Въ огромномъ шатрѣ, окруженномъ блестящими столпами, среди вельможъ и полководцевъ, онъ сидѣлъ на золотомъ тронѣ, украшенномъ драгоцѣнными каменьями, и при звукѣ шумныхъ мусикійскихъ орудій пилъ грузинское вино, желая здоровія и дальнѣйшихъ побѣдъ своимъ неутомимымъ сподвижникамъ. Увѣдомленный о непокорствѣ жителей астраханскихъ, Тамерланъ, презирая холодъ зимній и глубокій снѣгъ, пошелъ къ сему городу, укрѣпленному, сверхъ каменныхъ, ледяными стѣнами; срылъ его до основанія; разрушилъ огнемъ и столицу ханскую, Сарай; наконецъ удалился къ границамъ своей имперіи,

предавъ, какъ онъ сказалъ, державу Батыеву губительному вѣтру истребленія. Орда Капчакская находилась тогда въ жалостномъ состояніи: утративъ безчисленное множество людей въ битвахъ съ моголами чагатайскими, она была еще театромъ кровопролитныхъ междоусобій. Три хана спорили о господствѣ надъ нею: Тохтамышъ, Койричакъ и Тимуръ Кутлукъ. Сей послѣдній, будучи также рода Батыева и служивъ Тамерлану, въ противность его волѣ остался въ степяхъ Капчакскихъ, набиралъ войско и величалъ себя истиннымъ царемъ ординскимъ.

Сіи происшествія, благопріятныя для Россіи, успокоивъ великаго князя въ разсужденіи моголовъ, позволили ему обратить вниманіе на Литву, которою нѣсколько лѣтъ управлялъ Скиригайло, намѣстникъ своего брата, короля польскаго. Но съ 1392 г. тамъ уже властвовалъ независимо тесть Василіевъ, Витовтъ Александръ, вслѣдстіе мира и договора съ королемъ Ягайломъ, уступившимъ ему и Волынію съ Брестомъ. Одаренный отъ природы умомъ хитрымъ, Витовтъ пылалъ властолюбіемъ и, принявъ отъ нѣмцевъ вѣру христіанскую, сохранилъ въ душѣ всю жестокость язычника; не только, подобно другимъ завоевателямъ, равнодушно жертвовалъ въ битвахъ безчисленнымъ множествомъ людей для пріобрѣтенія новыхъ земель, но смѣло нарушалъ и всѣ святѣйшіе уставы нравственности: игралъ клятвами, измѣнялъ; безжалостно лилъ кровь своихъ ближнихъ; умертвилъ трехъ сыновей Ольгердовыхъ: Вигунта Кревскаго отравилъ ядомъ; Нариманта повѣсилъ на деревѣ и разстрѣлялъ; Коригайлу отсѣкъ голову. Въ Новгородѣ-Сѣверскомъ господствовалъ ихъ братъ, Корибутъ: Витовтъ плѣнилъ его и, выгнавъ Владиміра Ольгердовича изъ Кіева, отдалъ нашу древнюю столицу Скиригайлу, который, подобно Владиміру, исповѣдывалъ вѣру греческую, былъ щедръ къ народу, но свирѣпъ нравомъ, любилъ вино до крайности и жилъ недолго. Единственно ли по личной ненависти, или чтобы угодить коварному Витовту, желавшему взять себѣ Кіевъ, архимандритъ монастыря Печерскаго зазвалъ Скиригайла въ гости, напоилъ и далъ ему отраву, столь явно, что весь городъ зналъ причину его смерти. Народъ жалѣлъ о немъ: слѣдственно не имѣлъ участія въ злодѣйствѣ; а Витовтъ, приславъ туда князя Іоанна Ольшанскаго въ качествѣ своего намѣстника, не думалъ о наказаніи сего злодѣйства, и тѣмъ какъ бы объявилъ себя тайнымъ совиновникомъ онаго. Скоро присоединилъ онъ къ литовской державѣ и всю Подолію, гдѣ княжилъ внукъ Ѳеодора Коріатовича, именемъ также Ѳеодоръ, присяжникъ Ягайловъ. Слабый король польскій не дерзалъ ни въ чемъ противиться мужественному, рѣшительному сыну Кестутіеву, и даже предавалъ ему единокровныхъ братьевъ. Вдовствующая супруга Ольгердова Іуліа-

нія скончала дни свои въ Витибскѣ, и меньшій сынъ ея, Свидригайло, занявъ сей городъ силою, велѣлъ тамошняго намѣстника королевскаго сбросить съ высокой стѣны: оскорбленный тѣмъ, Ягайло молилъ Витовта о мести. Она совершилась, но только въ пользу государя литовскаго, который завоевавъ Друцкъ, Оршу и Витебскъ съ помощію огнестрѣльнаго снаряда, отправилъ къ королю плѣненнаго имъ Свидригайла, а владѣніе его взялъ себѣ. Кромѣ Литвы, господствуя въ лучшихъ областяхъ древней Россіи, Витовтъ хотѣлъ похитить и самый остатокъ ея достоянія.

Князь Смоленскій Юрій Святославичъ, шуринъ сего князя, служилъ ему при осадѣ Витебска, какъ данникъ Литвы, но Витовтъ, желая совершенно покорить сіе княженіе, собралъ войско многочисленное и, распустивъ слухъ, что идетъ на Тамерлана, вдругъ явился подъ стѣнами Смоленска, гдѣ Юріевы братья ссорились другъ съ другомъ объ удѣлахъ; самъ Юрій находился тогда въ Рязани у тестя своего Олега. Глѣбъ Святославичъ, старшій изъ братьевъ, пріѣхалъ съ боярами въ станъ литовскій: Витовтъ, обласкавъ его, какъ друга, сказалъ, что, слыша о раздорѣ князей Смоленскихъ, желаетъ быть посредникомъ между ими и за каждымъ утвердить наслѣдственную собственность. Легковѣрные Святославичи спѣшили къ нему съ дарами, провождаемые всѣми знатнѣйшими боярами, такъ что въ крѣпости не оставалось ни одного воеводы, ни стражи. Ворота городскія были отворены; народъ, вслѣдъ за князьями, стремился толпами видѣть героя литовскаго, готоваго бороться съ великимъ Тамерланомъ. Но какъ скоро несчастные князья вступили въ шатеръ Витовтовъ, сей коварный объявилъ ихъ своими плѣнниками, велѣлъ зажечь предмѣстіе и въ ту же минуту устремился на городъ. Никто не противился: литовцы грабили, плѣнили жителей и, взявъ крѣпость, провозгласили Витовта государемъ сей области россійской. Народъ былъ въ изумленіи. Отправивъ князей Смоленскихъ въ Литву, а Глѣбу Святославичу давъ въ удѣлъ мѣстечко Полонное, Витовтъ старался утвердить за собою столь важное пріобрѣтеніе: жилъ нѣсколько мѣсяцевъ въ Смоленскѣ; поручилъ его намѣстнику, князю литовскому Ямонту, и чиновнику Василью Борейкову; тревожилъ легкими отрядами землю рязанскую и дружески пересылался съ великимъ княземъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что Василій Дмитріевичъ съ прискорбіемъ видѣлъ сіе новое похищеніе россійскаго достоянія и не могъ быть ослѣпленъ ласками тестя, но ему казалось благоразумнѣе соблюсти до времени пріязнь его и цѣлость хотя московскаго княжества, нежели подвергнуть гибели сію единственную надежду отечества войною съ государемъ сильнымъ, мужественнымъ, алчнымъ ко славѣ и къ пріобрѣтеніямъ. Василій, осто-

рожный, разсмотрительный, имѣлъ отважность, но только въ случаѣ необходимости, когда слабость и нерѣшительность ведутъ къ явному бѣдствію; онъ сразился бы съ Тамерланомъ, сокрушителемъ имперіи: но съ Витовтомъ еще можно было хитрить, и великій князь самъ поѣхалъ къ нему въ Смоленскъ, гдѣ, среди веселыхъ пировъ наружнаго дружелюбія, они утвердили границы своихъ владѣній. Въ сіе время уже почти вся древняя земля вятичей (нынѣшняя Орловская губернія съ частію Калужской и Тульской) принадлежала Литвѣ: Карачевъ, Мценскъ, Бѣлевъ съ другими удѣльными городами князей Черниговскихъ, потомковъ святого Михаила, которые волею и неволею поддалися Витовту. Захвативъ Ржевъ и Великія Луки, властвуя отъ границъ Псковскихъ съ одной стороны до Галиціи и Молдавіи, а съ другой стороны до береговъ Оки, до Курска, Сулы и Днѣпра, сынъ Кестутіевъ былъ монархомъ всей южной Россіи, оставляя Василію бѣдный сѣверъ, такъ что Можайскъ, Боровскъ, Калуга, Алексинъ уже граничили съ литовскимъ владѣніемъ.—Дѣла ординскія были также предметомъ совѣщанія сихъ двухъ государей, изъ коихъ одинъ мыслилъ только избавиться отъ ига, а другой возложить оное на самихъ хановъ, или столь обезсилить ихъ, чтобы они ни въ какомъ случаѣ не могли быть опасны для его областей полуденныхъ.—Вмѣстѣ съ великимъ княземъ находился въ Смоленскѣ митрополитъ Кипріанъ, ходатайствуя за пользу нашей церкви или собственную. Давъ слово не притѣснять вѣры греческой, Витовтъ оставилъ Кипріана главою духовенства въ подвластной ему Россіи, и митрополитъ, поѣхавъ въ Кіевъ, жилъ тамъ 18 мѣсяцевъ.

Вѣроятно, что великій князь взялъ обѣщаніе съ тестя своего не безпокоить и предѣловъ рязанскихъ; по крайней мѣрѣ, свѣдавъ, что Олегъ самъ вошелъ въ литовскія границы и началъ осаду Люботска (близъ Калуги), Василій послалъ туда боярина, представить ему, сколь безразсудно оскорблять сильнаго. Олегъ возвратился; но Витовтъ уже хотѣлъ мести: вступилъ въ его землю, истребилъ множество людей,—заставивъ Олега укрыться въ лѣсахъ, вышелъ съ добычею и плѣномъ. Сіе дѣйствіе не нарушило добраго согласія между имъ и Василіемъ Димитріевичемъ. Обагренный кровію бѣдныхъ рязанцевъ, онъ заѣхалъ въ Коломну видѣться съ великимъ княземъ и весело праздновалъ тамъ нѣсколько дней, осыпаемый ласками и дарами.

Непосредственнымъ, явнымъ слѣдствіемъ сего вторичнаго свиданія было общее ихъ посольство къ новогородцамъ съ требованіемъ, чтобы они прервали дружескую связь съ нѣмцами, врагами Литвы. Витовтъ съ неудовольствіемъ видѣлъ также, что сынъ у итаго имъ Наримянта Ольгердовича Патрикій и князь Смолен-

скій Василій Іоанновичъ нашли въ Новѣгородѣ убѣжище отъ его насилія; а великій князь могъ досадовать на чиновниковъ новогородскихъ за то, что они, въ противность договору, опять не хотѣли зависѣть въ судныхъ дѣлахъ отъ митрополита. Кипріанъ, вторично бывъ у нихъ въ 1395 году вмѣстѣ съ посломъ константинопольскаго патріарха, безполезно доказывалъ имъ, сколь такое нарушеніе обѣта несогласно съ доброю совѣстію и честію. Впрочемъ, смягченный дарами жителей, выѣхалъ оттуда мирно, благословивъ архіепископа и народъ. Имѣлъ ли Василій Дмитріевичъ какую-нибудь досаду на ливонскихъ нѣмцевъ, требуя отъ Новагорода разрыва съ ними, или желалъ сего единственно въ угодность тестю,—неизвѣстно; вѣроятнѣе, что онъ только искалъ предлога для исполненія своихъ замысловъ, которые обнаружились впослѣдствіи. Новогородцы съ удивленіемъ выслушали посольство московское и Витовтово. Бывъ семь лѣтъ во враждѣ съ нѣмцами по дѣламъ купеческимъ, они, въ 1391 году, примирились торжественно на общемъ съѣздѣ въ Изборскѣ, гдѣ находились депутаты Любека, Готландіи, Риги, Дерпта, Ревеля; обоюдно чувствуя нужду въ свободной торговлѣ, условились предать вѣчному забвенію взаимныя обиды, и нѣмцы, пріѣхавъ въ Новгородъ, возстановили тамъ свою контору, церковь и дворы. Сія торговля процвѣтала тогда болѣе, нежели когда нибудь; изъ самыхъ отдаленныхъ мѣстъ Германіи купцы ежегодно являлись на берегахъ Волхова со всѣми ремесленными произведеніями Европы; и новогородцы, нимало не расположенные исполнить волю государя московскаго, еще менѣе Витовтову, отвѣтствовали: „Господинъ князь великій! у насъ съ тобою миръ, съ Витовтомъ миръ и съ нѣмцами миръ“,—не хотѣли слушать угрозъ, но съ честію отпустили пословъ назадъ.

Великій князь—чаятельно предвидѣвъ сей отказъ—немедленно объявилъ гнѣвъ, то-есть войну Новугороду, и спѣшилъ воспользоваться ея правомъ. Земля Двинская издавна имѣла богатую торговлю, получая такъ называемое серебро Закамское и лучшіе мѣха съ границъ Сибири; славилась и другими выгодными промыслами, въ особенности птицеловствомъ, для коего великіе князья, въ силу договоровъ съ Новымгородомъ, ежегодно отправляли туда сокольниковъ, предписывая въ грамотахъ земскому начальству давать имъ подводы и кормъ. Еще Іоаннъ Калита замышлялъ овладѣть совершенно Двинскою землею: правнукъ его желалъ исполнить сіе намѣреніе, и сдѣлалъ то безъ всякаго кровопролитія. Нерѣдко утѣсняемые новогородскимъ корыстолюбивымъ правительствомъ, двиняне дружелюбно встрѣтили рать московскую, охотно поддалися Василію Димитріевичу и приняли отъ него намѣстника, князя Ѳеодора Ростовскаго. Самые воево-

ды новогородскіе, тамъ бывшіе, вслѣдствіе тайныхъ сношеній съ Москвою, объявили себя вѣрными слугами великаго князя, который въ сіе время занялъ Торжокъ, Волокъ Ламскій, Бѣжецкій Верхъ и Вологду. Новогородцы ужаснулись: вмѣстѣ съ Заволочьемъ они лишались способа не только имѣть изъ первыхъ рукъ важныя произведенія климатовъ сибирскихъ, но и выгодно торговать съ нѣмцами, которые всего болѣе искали у нихъ мѣховъ драгоцѣнныхъ. Архіепископъ новогородскій Іоаннъ, посадникъ Богданъ и знаменитѣйшіе чиновники спѣшили въ Москву; но великій князь, лично оказавъ имъ ласку, не хотѣлъ слышать о возвращеніи Двинской земли.

Тогда отчаяніе пробудило воинственный духъ въ новогородцахъ. Они собралися на вѣче и требовали благословенія отъ архіепископа, сказавъ ему: „когда великій князь измѣною и насиліемъ беретъ достоянія святыя Софіи и великаго Новагорода, мы готовы умереть за правду и за нашего Господина, за Великій Новгородъ“. Архіепископъ благословилъ ихъ, и всѣ граждане дали клятву быть единодушными. Посадникъ Тимоѳей Юрьевичъ, предводительствуя осьмью тысячами воиновъ, обратилъ въ пепелъ старый Бѣлозерскъ, а жители новаго откупились шестьюдесятью рублями. Князья Бѣлозерскіе и воеводы московскіе, тамъ бывшіе, пріѣхали въ станъ новгородскій съ изъявленіемъ покорности. Разоривъ богатыя волости кубенскія близъ Вологды, новогородцы три недѣли безъ успѣха осаждали Гледенъ, сожгли посады Устюга, даже соборную въ немъ церковь и, взявъ тамъ славную чудотворную икону Богоматери, въ насмѣшку именовали ее своею плѣнницею. Войско ихъ раздѣлилось: 3.000 пошли къ Галичу грабить и плѣнять людей; 5.000, вступивъ въ двинскую землю, осадили крѣпость Орлецъ, гдѣ заключился намѣстникъ великокняжескій съ двинскими новогородскими воеводами, которые передались къ государю московскому. Нападали и оборонялись съ равнымъ усиліемъ близъ мѣсяца; наконецъ, осажденные принуждены были сдаться: чѣмъ рѣшилась судьба всѣхъ двинскихъ областей. Посадникъ Тимоѳей Юрьевичъ въ одной рукѣ держалъ мечъ казни для измѣнниковъ, въ другой—милостивую грамоту для жителей, готовыхъ раскаяться въ винѣ своей: толпами стекаясь къ его знаменамъ, они смиренно били челомъ, въ надеждѣ на милосердіе Великаго Новагорода. Посадникъ оковалъ цѣпями главнаго двинскаго воеводу, новогородскаго боярина Іоанна, съ братьями Айфаломъ, Герасимомъ и Родіономъ; великокняжескаго намѣстника, Ѳеодора Ростовскаго, отнявъ у него казну, отпустилъ къ государю со всѣми людьми воинскими; обложилъ московскихъ купцовъ тремя стами рублей, а двинскихъ жителей двумя тысячами; взялъ у нихъ еще 3.000 коней и воз-

вратился съ торжествомъ въ Новгородъ. Окованные измѣнники были представлены народу: Іоанна скинули съ моста въ Волховъ; братья его, Герасимъ и Родіонъ, постриглись въ монахи, съ дозволенія архіепископа и гражданъ; Айфалъ ушелъ съ дороги.—Зная мѣру силъ своихъ и нимало не ослѣпленные удачею мести, новогородцы предложили миръ великому князю. Посадникъ Іосифъ и тысячскій явились во дворцѣ его съ дарами и съ видомъ хитраго смиренія; не могли обольстить государя проницательнаго, но успѣли во всемъ: ибо Василій зналъ, что новогородцы въ то же время имѣли сношенія съ Витовтомъ, предлагая ему на нѣкоторыхъ условіяхъ быть ихъ главою и покровителемъ. Великій князь не сомнѣвался, что они могли, дѣйствительно, въ случаѣ крайности, приступить къ Литвѣ и, скрывъ внутреннюю досаду, отказался отъ двинской земли, Вологды и другихъ владѣній новогородскихъ; далъ имъ миръ и послалъ брата своего Андрея для исполненія всѣхъ условій онаго. Тогда Витовтъ, считая себя осмѣяннымъ, немедленно отослалъ къ новогородцамъ мирный договоръ, заключенный съ ними въ самый первый годъ восшествія его на престолъ литовскій. Они также возвратили ему дружественную грамоту, что было объявленіемъ войны и называлось посылкою размѣтныхъ грамотъ. Но Витовтъ отсрочилъ сію войну, занимаясь приготовленіями къ другой, важнѣйшей.

Тохтамышъ, по отшествіи Тамерлана, собралъ новыя силы; еще большая часть Орды признавала его своимъ ханомъ. Онъ вступилъ въ Сарай, отправилъ посольства къ державамъ сосѣдственнымъ и называлъ себя единственнымъ повелителемъ Батыевыхъ улусовъ. Но Тимуръ-Кутлукъ—или, по нашимъ лѣтописямъ, Темиръ-Кутлуй—напалъ на него внезапно, побѣдилъ и взялъ Сарай. Тохтамышъ съ своими царицами, съ двумя сыновьями, съ казною и съ дворомъ многочисленнымъ бѣжалъ въ Кіевъ искать защиты сильнаго Витовта, который съ удовольствіемъ объявилъ себя покровителемъ столь знаменитаго изгнанника, гордо обѣщая возвратить ему царство. Уже Витовтъ отвѣдалъ счастія противъ моголовъ и, въ окрестностяхъ Азова плѣнилъ цѣлый улусъ, населилъ ими разныя деревни близъ Вильны, гдѣ потомство ихъ живетъ и донынѣ. Онъ утѣшался мыслію слыть побѣдителемъ народа, коего ужасались Азія и Европа, располагать трономъ Батыевымъ, открыть себѣ путь на Востокъ и сокрушить самого Тамерлана. Готовя ударъ рѣшительный, герой литовскій желалъ, какъ вѣроятно, склонить и великаго князя къ содѣйствію: по крайней мѣрѣ, въ сіе время пріѣзжалъ отъ него посолъ въ Москву, князь Ямонтъ, намѣстникъ смоленскій. Ничто не могло быть для Россіи благопріятнѣе войны между двумя народами, ей равно ненавистными: надлежало ли способствовать перевѣсу того или

другого? Ханы ординскіе требовали отъ насъ дани: литовцы совершеннаго подданства. Великое княжество Московское, отсылая серебро въ улусы, еще гордилось независимостію въ сравненіи съ бывшими княжествами днѣпровскими, и благоразумный Василій Димитріевичъ, несмотря на мнимую дружбу тестя, зналъ, что онъ, захвативъ Смоленскую область, готовъ взять и Москву. Итакъ, вмѣсто полковъ, великій князь отправилъ въ Смоленскъ, гдѣ находился Витовтъ, супругу свою съ боярами и привѣтливыми словами. Лукавый отецъ ея не уступалъ въ ласкахъ зятю; великолѣпно угостилъ дочь, нашихъ бояръ и, въ знакъ родительской нѣжности, далъ ей множество иконъ съ памятниками страстей Господнихъ, выписанными изъ Греціи однимъ княземъ Смоленскимъ.

Не хотѣвъ участвовать въ замышляемой борьбѣ Литвы съ моголами, Василій въ то же время не устрашился самъ поднять на нихъ мечъ, чтобы отмстить имъ за разореніе Нижняго Новагорода, о коемъ мы выше упоминали. Онъ послалъ брата своего, князя Юрія Димитріевича, въ казанскую Болгарію съ сильнымъ войскомъ, которое взяло ея столицу (и нынѣ извѣстную подъ именемъ Болгаровъ), Жукотинъ, Казань, Кременчугъ, три мѣсяца опустошало сію торговую землю и возвратилось съ богатою добычею. Лѣтописцы говорятъ, что никогда еще полки россійскіе не ходили столь далеко въ ханскія владѣнія, и Василій Димитріевичъ слылъ съ того времени завоевателемъ Болгаріи; но время истинныхъ прочныхъ завоеваній для Россіи еще не наступило.

Можетъ быть, хитрый великій князь въ дружелюбныхъ сношеніяхъ съ Витовтомъ представлялъ ему сей счастливый походъ какъ дѣйствіе союза, заключеннаго ими противъ моголовъ; но государь литовскій, не менѣе хитрый, видѣлъ въ зятѣ тайнаго, опаснаго врага, который только до случая оставлялъ его спокойно владѣть наслѣдіемъ Ярославова потомства. Безопасность литовскихъ пріобрѣтеній въ Россіи требовала гибели княженія Московскаго, уже сильнаго; и Витовтъ, обѣщаясь возстановить власть Тохтамыша надъ Золотою ордою, Заяицкою, Болгаріею, Тавридою и Азовомъ, именно поставилъ въ условіе, какъ увѣряютъ наши лѣтописцы, чтобы сей ханъ отдалъ Москву Литвѣ.

Долго Витовтъ готовился къ важному походу, собирая войско въ Кіевѣ. Тщетно польская королева Ядвига, хваляся проницаніемъ будущаго, предсказывала ему бѣдствіе: слабый Ягайло далъ брату знатнѣйшихъ воеводъ своихъ: Спитка краковскаго, Сандивогія остророгскаго, Доброгостія самотульскаго, Іоанна мазовскаго и другихъ съ отборными ратниками. Знамена литовскія развѣвались предъ самыми стѣнами Кіева, украшенныя трофеями

побѣдъ Гедимина, Ольгерда и Кестутія. Дружины нашихъ князей, данниковъ Витовта, стояли въ рядахъ съ литовцами, жмудью, волохами, а моголы Тохтамышевы полкомъ особеннымъ ровно какъ и 500 богатовооруженныхъ нѣмцевъ, присланныхъ великимъ магистромъ Прусскаго Ордена. Пятьдесятъ князей россійскихъ и литовскихъ, подъ верховнымъ начальствомъ Витовта, предводительствовали ратію, многочисленною и доброю.

Въ сіе время явился посолъ Тимура-Кутлука. Именемъ своего хана онъ говорилъ князю литовскому: „Выдай мнѣ Тохтамыша, врага моего, нѣкогда царя великаго, нынѣ бѣглеца презрѣннаго: такъ непостоянна судьба жизни!“ Витовтъ сказалъ: „иду видѣться съ Тимуромъ“ — и пошелъ къ югу тѣмъ самымъ путемъ, коимъ нѣкогда ходилъ Мономахъ разить дикихъ половцецъ. За рѣками Сулою и Хоролемъ, на берегахъ Ворсклы стоялъ Тимуръ-Кутлукъ съ моголами, болѣе желая мира, нежели битвы. „Почто идешь на меня?— велѣлъ онъ сказать Витовту: — я не вступалъ никогда въ землю твою съ оружіемъ“. Князь Литовскій отвѣтствовалъ: „Богъ готовитъ мнѣ владычество надъ всѣми землями. Будь моимъ сыномъ и данникомъ, или будешь рабомъ“. Тимуръ неотступно предлагагалъ миръ, признавалъ Витовта старѣйшимъ; соглашался даже, по словамъ нашихъ лѣтописцевъ, платить ему ежегодно нѣкоторое количество серебра. Гордый князь литовскій, подражая хвастовству восточному, хотѣлъ еще, чтобы моголы изображали на своихъ деньгахъ знаменіе или печать его: въ такомъ случаѣ обѣщалъ не помогать Тохтамышу. Ханъ требовалъ срока на три дня, и между тѣмъ дарилъ, чествовалъ, ласкалъ Витовта посольствами. Сіе удивительное смиреніе было, кажется, одною хитростію, чтобы продлить время и соединиться съ остальнымы полками татарскими.

Все перемѣнилось, когда пришелъ въ станъ къ моголамъ сѣдой князь Эдигей, славный умомъ и мужествомъ. Онъ былъ вторымъ Мамаемъ въ ордѣ и повелѣвалъ ханомъ; нѣкогда служилъ Тамерлану и носилъ на себѣ знаки его милостей. Свѣдавъ отъ Тимура о мирныхъ условіяхъ, предложенныхъ Витовтомъ, Эдигей сказалъ:—лучше умереть,—и требовалъ свиданія съ княземъ Литовскимъ. Они съѣхались на берегу Ворсклы. „Князь храбрый!“ — говорилъ вождь татарскій:—Царь нашъ справедливо могъ признать тебя отцомъ: ты его старѣе лѣтами, но моложе меня: итакъ изъяви мнѣ покорность, плати дань и на деньгахъ литовскихъ изобрази меня“. Сія насмѣшка привела Витовта въ ярость: онъ громогласно возвѣстилъ битву и привелъ полки въ движеніе. Благоразумнѣйшій изъ воеводъ его, Спитко Краковскій, видя множество татаръ, еще совѣтовалъ искать мира на условіяхъ честныхъ для обѣихъ сторонъ; но юные витязи литовскіе кри-

чали: „сокрушимъ невѣрныхъ!“ и знаменитый панъ Щуковскій, гордый сердцемъ, дерзкій языкомъ, сказалъ ему: если по любви къ женѣ прекрасной и къ наслажденіямъ роскоши ты боишься смерти, то не охлаждай другихъ, готовыхъ отдать жизнь за славу. Великодушный Спитко отвѣтствовалъ: „Несчастный, я паду въ битвѣ, а ты обратишь тылъ“. Войско литовское перешло за Ворсклу и сразилось.

Рать ханская была многочисленнѣе. Витовтъ надѣялся на свои пушки и пищали; но сіи орудія, какъ говорятъ лѣтописцы, дѣйствовали слабо въ открытомъ полѣ, гдѣ татары, разсыпаясь, могли нападать на ряды литовскіе съ боку: скажемъ лучше, что искусство огнестрѣльное находилось тогда во младенчествѣ; не умѣли заряжать скоро, ни съ легкостію обращать пушку во всѣ стороны. Однако жъ литовцы привели въ смятеніе толпы Эдигеевы и считали себя уже побѣдителями, когда Тимуръ-Кутлукъ, ученикъ Тамерлановъ, зашелъ имъ въ тылъ и стремительнымъ ударомъ сломилъ полки ихъ. Тохтамышъ прежде всѣхъ оставилъ мѣсто сраженія; за нимъ Витовтъ и надменный панъ Щуковскій; а великодушный Спитко умеръ героемъ. Ужасное кровопролитіе продолжалось до самой глубокой ночи: моголы рѣзали, топтали непріятелей, или брали въ плѣнъ, кого хотѣли. Ни Чингисханъ, ни Батый не одерживали побѣды совершеннѣйшей. Едва ли третія часть войска литовскаго спаслась. Множество князей легло на мѣстѣ, и въ томъ числѣ Глѣбъ Святославичъ Смоленскій, Михаилъ и Димитрій Даниловичи Волынскіе, потомки славнаго Даніила, короля галицкаго—сподвижникъ Димитрія Донского, Андрей Ольгердовичъ, который, бѣжавъ отъ Ягайла, нѣсколько времени жилъ во Псковѣ, и возвратился служить Витовту—Димитрій Брянскій, также сынъ Ольгердовъ и также вѣрный союзникъ Донского—князь Михайло Евнутіевичъ, внукъ Гедеминовъ—Іоаннъ Борисовичъ Кіевскій—Ямонтъ, намѣстникъ смоленскій, и другіе. Ханъ Тимуръ-Кутлукъ гналъ остатки непріятельскаго войска къ Днѣпру, взялъ съ Кіева 3.000 рублей серебра литовскаго въ окупъ, а съ монастыры Печерскаго особенно 30 рублей; оставилъ тамъ своихъ баскаковъ и, погромивъ Витовтовы области до самаго Луцка, возвратился въ улусы.—Такъ литовскій герой, хотѣвъ удивить міръ великимъ подвигомъ, снискалъ одинъ стыдъ, лишился войска, открылъ моголамъ путь въ свои владѣнія и долженъ былъ опасаться еще дальнѣйшихъ худыхъ слѣдствій.

Вѣсть о несчастіи его произвела въ Москвѣ, въ Новѣгородѣ, въ Рязани дѣйствіе двоякое: жалѣли о многихъ россіянахъ, падшихъ подъ знаменами литовскими; съ изумленіемъ видѣли, сколь могущество Орды еще велико; боялись новой гордости, новаго тиранства хановъ, и вмѣстѣ утѣшились мыслію, что силы опасной

Литвы ослабѣли. Но Витовтъ имѣлъ въ Россіи истиннаго друга, который огорчился бы его бѣдствіемъ, если бы успѣлъ свѣдать оное. Сей другъ, князь Михаилъ Тверскій, преставился почти въ самое то время, когда ханъ разбилъ литовцевъ. Безполезно истощивъ всѣ способы вредить Донскому, Михаилъ Александровичъ жилъ наконецъ мирно, ибо видѣлъ, что правленіе юнаго Василія не уступаетъ Димитріеву ни въ силѣ, ни въ мудрости; оставивъ намѣреніе лишить владѣтелей московскихъ великокняжескаго сана и вообще противиться успѣхамъ могущества, онъ заключилъ даже оборонительный союзъ съ Василіемъ на случай впаденія въ Россію моголовъ, нѣмцевъ, ляховъ, литвы, но тайно держался Витовта, какъ естественнаго недоброжелателя или завистника Москвы, и (въ 1397 году) посылалъ къ нему сына Іоанна, женатаго на Маріи, сестрѣ Витовтовой, безъ сомнѣнія, не столько для родственнаго свиданія, сколько для важныхъ государственныхъ переговоровъ.

Хотя Василій не изъявлялъ никакихъ враждебныхъ намѣреній въ разсужденіи Твери, однакожъ князь ея съ безпокойствомъ видѣлъ, что онъ весьма ласково принялъ его племянника, Іоанна Всеволодовича Холмскаго, который, не хотѣвъ зависѣть отъ дяди, уѣхалъ въ Москву, сочетался бракомъ съ Анастасіею, сестрою великаго князя, и былъ намѣстникомъ въ Торжкѣ. Имѣя 66 лѣтъ отъ рожденія, Михаилъ еще бодрствовалъ духомъ и тѣломъ; но вдругъ занемогъ столь жестоко, что въ нѣсколько дней всѣ его силы исчезли. Онъ написалъ духовную грамоту: отдалъ старшему сыну Іоанну Тверь, Новый Городокъ, Ржевъ, Зубцевъ, Радиловъ, Вобрынъ, Опоки, Вертязинъ; другому сыну, Василію, и внуку Іоанну Борисовичу—Кашинъ съ Коснятинымъ; а меньшему, Ѳеодору, два городка Микулина, повелѣвая имъ жить въ любви и слушаться брата старшаго. Обстоятельства кончины его достопамятны. Къ нему возвратились тогда послы изъ Константинополя, тверскій протопопъ Даніилъ и церковники, которые ѣздили съ милостынею въ Грецію и привезли отъ патріарха въ даръ князю икону Страшнаго Суда. Забывъ болѣзнь и слабость, онъ всталъ съ ложа, встрѣтилъ сію икону на дворѣ, цѣловалъ оную съ великимъ усердіемъ и пригласилъ къ себѣ на пиръ знатнѣйшее духовенство вмѣстѣ съ нищими, слѣпыми и хромыми; братски обѣдалъ съ ними и, водимый слугами, каждому изъ гостей поднесъ такъ называемую прощальную чашу вина, моля ихъ, чтобы они благословили его. Никто не могъ удержаться отъ слезъ. Облобызавъ дѣтей, бояръ, слугъ, Михаилъ пошелъ въ соборную церковь, поклонился гробу отца и дѣда, указалъ мѣсто для своей могилы и сталъ на паперти, гдѣ собралося множество людей, которые смотрѣли на него съ горест-

нымъ умиленіемъ. Сей нѣкогда величественный князь, бывъ необыкновенно высокъ и дороденъ, казался уже тѣнію; блѣдный, слабый, едва передвигалъ ноги. Народъ плакалъ и безмолвствовалъ; но когда Михаилъ, смиренно преклонивъ голову,—сказалъ:— „иду отъ людей къ Богу: братья! отпустите меня съ искреннимъ благословеніемъ!“ тогда всѣ зарыдали, единодушно восклицая:— „Господь благословитъ тебя, князь добрый!“ Онъ сошелъ съ ступеней. Сыновья и бояре хотѣли вести его во дворецъ: но Михаилъ, къ изумленію ихъ, указалъ рукою на лавру св. Аѳанасія. Приведенный въ сей монастырь, былъ тамъ постриженъ епископомъ Арсеніемъ, названъ Матѳеемъ, и въ седьмый день скончался, съ именемъ князя умнаго, милостиваго и грознаго въ похвальномъ смыслѣ: ибо онъ, какъ сказано въ лѣтописи, не потакалъ боярамъ, любя правосудіе; истребилъ въ своемъ княженіи разбои, воровство, ябеду; уничтожилъ злые налоги торговые; утвердилъ города, успокоилъ села, такъ что жители другихъ областей тысячами переселялись въ тверскую.—Съ жизнію Михаила исчезло и благоденствіе сего княженія: начались боярскія смуты и раздоры между его сыновьями. Іоаннъ, узнавъ о торжествѣ хана и несчастіи своего шурина, отправилъ посольство къ первому, смиренно моля, чтобы онъ далъ ему жалованную грамоту на всю землю Тверскую. Послы уже не застали Тимура-Кутлука: онъ умеръ; но сынъ Шадибекъ исполнилъ желаніе Іоанна, который, пользуясь милостивыми ярлыками ханскими, вопреки совѣтамъ матери, сталъ утѣснять братьевъ и племянника. Они искали защиты въ Москвѣ. Великій князь безкорыстно старался мирить ихъ, хотя и не надолго. Два раза Іоаннъ приступалъ къ Кашину и держалъ брата Василія Михайловича, какъ плѣнника, въ Твери; освободилъ его, но послалъ въ Кашинъ своихъ намѣстниковъ. Въ семъ междоусобіи лѣтописцы обвиняютъ наиболѣе невѣстку Іоаннову, вдовствующую супругу Бориса Михайловича, родомъ смолянку; впрочемъ, онъ гналъ и сына ея, желая быть единовластнымъ. Въ угодность, можетъ быть, государю московскому, Іоаннъ примирился съ зятемъ его, княземъ Холмскимъ, и не мѣшалъ ему спокойно жить въ удѣлѣ отцовскомъ; но сей князь, скоро умершій схимникомъ и бездѣтнымъ, долженъ былъ отказать свою наслѣдственную область сыну Іоаннову Александру. Однимъ словомъ, удѣльная система вообще клонилась тогда въ Россіи къ паденію.

Несмотря на ослабленіе литовскихъ силъ, князь тверскій желалъ остаться другомъ Витовта и возобновилъ съ нимъ прежній союзъ, одобренный и, согласно съ ихъ волею, утвержденный государемъ Василіемъ Дмитріевичемъ, который не думалъ объявить себя врагомъ тестя (уважая льва, хотя и раненаго), осо-

бенно потому, что имѣлъ причину опасаться Орды: ибо со времени нашествія Тамерланова прервалъ всѣ сношенія съ нею, какъ бы не зная, кого признавать ея главою: Тохтамыша, или Шадибека, или Койричака. Одни внутренніе раздоры моголовъ, не утишенные и славною ихъ побѣдою надъ Литвою, не дозволяли имъ обратить вниманія на Москву.—Витовтъ, съ своей стороны, болѣе нежели когда-нибудь искалъ дружбы великаго князя, чтобы удалить его отъ союза съ Олегомъ и съ изгнанникомъ смоленскимъ Юріемъ Святославичемъ, который выдалъ дочь свой Анастасію за Василіева брата, Юрія; тогда же сынъ Владимира Храбраго, Іоаннъ, женился на внучкѣ Олеговой. Легко было предвидѣть, что князь Смоленскій захочетъ воспользоваться несчастіемъ Литвы; въ самомъ дѣлѣ, онъ неотступно убѣждалъ тестя возвратить ему престолъ, чего желалъ тайно и Василій Димитріевичъ, однакожъ не согласился помогать имъ. Увѣренные по крайней мѣрѣ въ его искреннемъ доброхотствѣ, Олегъ и Юрій, собравъ войско, внезапно осадили Смоленскъ, гдѣ жители, ненавидя литовское правленіе, отворили ворота и съ восхищеніемъ приняли своего законнаго князя. Къ сожалѣнію, день народнаго торжества и веселія обратился въ день лютаго кровопролитія: Юрій Святославичъ, ослѣпленный местію, умертвилъ Витовтова намѣстника, князя Романа Михайловича Брянскаго, происшедшаго отъ св. Михаила Черниговскаго, и множество бояръ смоленскихъ, которые держали сторону Литвы. Онъ не зналъ, что милость въ такихъ случаяхъ благопріятствуетъ не только человѣколюбію, но и собственнымъ выгодамъ государя. Головы отцовъ и мужей пали; жены, дѣти и друзья убіенныхъ остались, возбуждали въ народѣ ненависть къ свирѣпому князю и могли говорить: „иноплеменный Витовтъ здѣсь властвовалъ мирно: князь россійскій возвратился лить нашу кровь“. Одна жестокость рождаетъ часто необходимость другой. Когда Витовтъ, узнавъ о взятіи Смоленска, явился предъ стѣнами онаго съ войскомъ, съ пушками, многіе изъ гражданъ хотѣли сдаться Литвѣ. Умыселъ ихъ открылся: Юрій казнилъ всѣхъ безъ пощады и, на сей разъ отразивъ непріятеля, заключилъ съ нимъ перемиріе.

Ободренный своимъ успѣхомъ и неудачами Литвы, князь Рязанскій послалъ сына, именемъ Родслава, воевать Брянскъ, имѣя намѣреніе, если можно, освободить и сей древній черниговскій удѣлъ отъ власти иноплеменниковъ. Но Витовтъ успѣлъ взять мѣры. Однимъ изъ лучшихъ его полководцевъ былъ Лугвеній-Симеонъ Ольгердовичъ: еще въ 1392 году онъ возвратился въ Литву изъ Новагорода и женился на сестрѣ Василія Димитріевича, Маріи (которая, живъ съ нимъ пять лѣтъ, преставилась въ Мстиславлѣ, откуда тѣло ея привезли въ Москву). Лугвеній,

отряженный Витовтомъ, соединился съ Александромъ Патрикіевичемъ Стародубскимъ, встрѣтилъ рязанцевъ у Любутска и, побивъ ихъ на голову, плѣнилъ самого Родслава. Сей успѣхъ въ тогдашнихъ обстоятельствахъ былъ весьма важенъ для Витовта; ободрилъ Литву, устрашилъ россіянъ. Ненавидя Олега, Витовтъ мстилъ ему жестокимъ заключеніемъ сына его въ оковы и въ темницу, въ которой онъ томился три года и, наконецъ, за 2.000 рублей получилъ свободу. Старецъ Олегъ не могъ пережить сего несчастія и скончался инокомъ: князь ума рѣдкаго и славнѣйшій изъ всѣхъ рязанскихъ владѣтелей; долговременный, лукавый врагъ Донского и Москвы, но любимый своимъ народомъ и достохвальный въ его послѣднихъ усиліяхъ возвратить отечеству литовскія завоеванія. Имѣвъ христіанское имя Іакова, онъ названъ въ монашествѣ Іоакимомъ и погребенъ въ обители Солотчинской, имъ основанной близъ Рязани. Сынъ его Θеодоръ сѣлъ на престолѣ отца, утвержденный въ семъ наслѣдствѣ грамотою хана Шадибека. (Чрезъ нѣкоторое время онъ былъ изгнанъ княземъ Пронскимъ, Іоанномъ Владимировичемъ; а послѣ, заключивъ съ нимъ миръ, княжилъ спокойно, будучи въ тѣсной связи съ шуриномъ своимъ, государемъ московскимъ).

Витовтъ еще нѣсколько времени оставлялъ Юрія Смоленскаго въ покоѣ. Собравъ силы, онъ послалъ Лугвенія на Вязьму, зная мужество сего Ольгердова сына и довѣренность къ нему россіянъ, которые любили его, какъ единовѣрнаго. Лугвеній овладѣлъ Вязьмою безъ кровопролитія, плѣнивъ ея князя, Іоанна Святославича. Тогда Витовтъ со всѣми полками двинулся къ Смоленску: цѣлыя семь недѣль осаждалъ его съ величайшимъ усиліемъ, ежедневно стрѣляя изъ пушекъ, но отступилъ безъ малѣйшаго успѣха: столь крѣпокъ былъ городъ и столь упорно защищаемъ Юріемъ. Потерпѣли однѣ волости смоленскія, разоренныя Литвою. Юрій, опасаясь новаго нападенія, желалъ видѣться съ великимъ княземъ; оставилъ въ Смоленскѣ супругу, бояръ и, давъ имъ слово возвратиться немедленно, спѣшилъ въ Москву. Василій Димитріевичъ принялъ его дружелюбно. „Будь моимъ великодушнымъ покровителемъ,—говорилъ Юрій.—Витовтъ тебя уважаетъ: примири насъ или защити меня, если онъ презритъ твое ходатайство. Когда же не хочешь того, будь государемъ моимъ и смоленскимъ. Желаю лучше служить тебѣ, нежели видѣть иноплеменника на престолѣ Мономахова потомства“. Предложеніе казалось лестнымъ. Но зная твердое намѣреніе Витовта снова покорить Смоленскъ, чего бы то ни стоило; зная, что присоединить сіе княженіе къ Москвѣ есть объявить ему войну, великій князь не соглашался быть ни ходатаемъ, ни защитникомъ, ни государемъ Смоленска, слѣдуя правилу жить въ мирѣ съ Ли-

твою, пока Витовтъ не касался собственныхъ московскихъ владѣній. Такъ говорятъ лѣтописцы; однакожъ долговременное пребываніе Юрія въ Москвѣ свидѣтельствуетъ, по крайней мѣрѣ, что онъ не терялъ надежды успѣть въ своемъ исканіи: измѣнники предупредили его.

Будучи врагомъ опасной Литвы, сей князь, къ несчастію, имѣлъ враговъ еще опаснѣйшихъ между смоленскими боярами, озлобленными казнію ихъ ближнихъ; пользуясь его отсутствіемъ, они тайно призвали Витовта и сдали ему городъ. Полки литовскіе безъ малѣйшаго сопротивленія вступили въ крѣпость, обезоружили воиновъ, взяли нѣкоторыхъ вѣрныхъ бояръ подъ стражу, впрочемъ, не дѣлая жителямъ никакого вреда, соблюдая тишину, благоустройство. Супруга Юріева была отправлена въ Литву, и Витовтъ, занявъ всю Смоленскую область, вездѣ опредѣлилъ своихъ чиновниковъ, къ неудовольствію измѣнниковъ россійскихъ,



ВАСИЛІЙ II. ДИМИТРІЕВИЧЪ.
Вел. Кн. Россійскій

которые надѣялись управлять ею; но гражданамъ и сельскимъ жителямъ даровалъ особенную льготу, желая отвратить народъ отъ Юрія и привязать къ себѣ, въ чемъ успѣлъ совершенно, и чрезъ нѣсколько лѣтъ въ кровопролитной съ нѣмцами битвѣ, гдѣ болѣе 60.000 человѣкъ легло на мѣстѣ, одержалъ побѣду единственно храбростію вѣрныхъ ему смоленскихъ воиновъ.—Такимъ образомъ взявъ древній городъ россійскій въ первый разъ обманомъ, вторично измѣною, Витовтъ благоразумною политикою утвердилъ его за Литвою на 110 лѣтъ, и тѣмъ заключилъ ея важныя присвоенія въ Россіи. Время счастливыхъ возвратовъ было для насъ уже недалеко.

Нечаянная вѣсть о взятіи Смоленска поразила Юрія Святославича; изумила и великаго князя, такъ что онъ вообразилъ себя обманутымъ и, призвавъ Юрія, осыпалъ его укоризнами, говоря: — „Ты хотѣлъ единственно обольстить меня лукавыми предложеніями: Смоленскъ не могъ сдаться Литвѣ безъ твоего повелѣнія“. Напрасно сей несчастный князь увѣрялъ, что виною тому измѣна бояръ: Василій остался въ подозрѣніи, и Юрій, не находя въ Москвѣ ни защиты, ни самой личной для себя безопасности, рѣшился искать той и другой въ вольномъ Новѣгородѣ.

Государствованіе Василія Димитріевича было для новогородцевъ временемъ безпокойнымъ: они никакъ не могли долго жить съ нимъ въ мирѣ, видя его непрестанныя покушенія на ихъ свободу и достояніе. Такъ, онъ (въ 1401 году) велѣлъ митрополиту задержать въ Москвѣ новогородскаго архіепископа Іоанна, который ревностно ходатайствовалъ за гражданскія права своей духовной паствы. Такъ, чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ, воины великокняжескіе схватили въ Торжкѣ двухъ знаменитыхъ бояръ, непріятныхъ государю, и взяли все ихъ имѣніе. Такъ, рать московская безъ объявленія войны вступила въ Двинскую землю, будучи предводима новогородскими измѣнниками, Айфаломъ и братомъ его Герасимомъ Разстригою, ушедшимъ изъ монастыря: они плѣнили двинскаго посадника, многихъ бояръ и вездѣ грабили безъ милосердія; но, разбитые въ Колмогорахъ, оставили плѣнниковъ и бѣжали (сей мятежникъ Айфалъ, не успѣвъ въ замыслахъ противъ отечества, разбойничалъ послѣ на Камѣ и Волгѣ, имѣя у себя до 250 судовъ; былъ въ плѣну у татаръ и наконецъ убитъ на Вяткѣ Михайломъ Разсохинымъ, подобнымъ ему бѣглецомъ новогородскимъ).—Хотя великій князь освободилъ взятыхъ въ Торжкѣ бояръ и архіепископа Іоанна, болѣе трехъ лѣтъ сидѣвшаго въ кельѣ Николаевскаго монастыря, однакожъ Новгородъ ждалъ и впредь съ его стороны такихъ же утѣсненій, будучи готовъ противиться онымъ.

Юрій Святославичъ, съ сыномъ Өеодоромъ, братомъ Владиміромъ и княземъ Симеономъ Мстиславичемъ Вяземскимъ, явился тамъ среди народа и смиренно просилъ убѣжища. Новогородцы любили казаться великодушными въ такихъ случаяхъ. Мысль быть покровителями одного изъ знаменитѣйшихъ князей россійскихъ, гонимаго Витовтомъ, отверженнаго великимъ княземъ, льстила ихъ гордости. Они приняли изгнанника съ ласкою и сдѣлали еще болѣе: дали ему 13 городовъ въ управленіе: Русу, Ладогу и другіе, съ условіемъ, чтобы онъ, какъ воинъ мужественный, ревностно блюлъ цѣлость ихъ владѣній, не щадя ни трудовъ, ни жизни. Взаимныя клятвы утвердили сей договоръ, равно непріятный Витовту и Василію Димитріевичу. Первый, будучи тогда уже въ мирѣ съ Новымгородомъ, жаловался, что его злодѣй снискалъ тамъ дружбу и довѣренность; а великій князь съ неудовольствіемъ видѣлъ, что сей народъ въ случаѣ столь важномъ дѣйствуетъ самовластно, безъ всякаго сношенія съ Москвою. Впрочемъ, Юрій не долго жилъ въ области Новогородской: привыкнувъ господствовать неограниченно, онъ скучалъ своею зависимостію отъ народнаго вѣча, и возвратился въ Москву съ новою надеждою на покровительство Василія Димитріевича, который, начиная тогда ссориться съ Витовтомъ за впаденіе Литвы въ границы Пскова, принялъ Юрія весьма дружелюбно и сдѣлалъ намѣстникомъ въ Торжкѣ. Но сей несчастный изгнанникъ скоро лишился и милости великаго князя и сожалѣнія людей, въ глазахъ цѣлой Россіи возложивъ на себя знаменіе гнуснаго преступника.

Князь Симеонъ Мстиславичъ Вяземскій раздѣлялъ съ нимъ бѣдствіе изгнанія, какъ другъ и знаменитый слуга его. Онъ имѣлъ прекрасную, добродѣтельную супругу, именемъ Іуліанію. Равно жестокій и сластолюбивый, Юрій пылалъ вожделѣніемъ осквернить ложе Симеоново; не успѣлъ въ томъ ни соблазномъ, ни коварными хитростями, и дерзнулъ на явное злодѣяніе: въ своемъ домѣ, среди веселаго пира, убилъ князя Вяземскаго, и думалъ воспользоваться ужасомъ несчастной супруги. Но, любя непорочность болѣе всего въ мірѣ, она схватила ножъ и, хотѣвъ ударить имъ насильника въ горло, уязвила въ руку. Одно чувство уступило мѣсто другому: любострастіе гнѣву. Юрій, обнаживъ мечъ, догналъ Іуліанію на дворѣ, изрубилъ ее въ куски и велѣлъ бросить въ рѣку. Такая гнусность могла постыдить вѣкъ: впечатлѣніе, произведенное оною въ сердцахъ современниковъ, оправдало его. Юрій, подобно Каину ознаменованный печатію злодѣйства, гонимый всеобщимъ презрѣніемъ, не смѣя показаться ни князьямъ, ни народу, уѣхалъ въ Орду, скитался въ степяхъ нѣсколько мѣсяцевъ и кончилъ жизнь въ одномъ пустынномъ мо-

настырѣ области Рязанской. Онъ былъ послѣднимъ изъ владѣтельныхъ князей Смоленскихъ, происшедшихъ отъ внука Мономахова, Ростислава Мстиславича.

Наконецъ пришло время явной вражды между государемъ московскимъ и Литвою. Псковъ, освобожденный новогородцами отъ всѣхъ обязанностей подданства, былъ управляемъ собственными законами; принималъ намѣстниковъ отъ Василія Димитріевича, но избиралъ себѣ чиновниковъ и князей или воеводъ, иногда чужеземныхъ: такъ Андрей Ольгердовичъ и сынъ его Іоаннъ нѣсколько времени начальствовали въ ономъ. Сія вольность не даровала благоденствія псковитянамъ: угрожаемые съ одной стороны Ливонскимъ Орденомъ, съ другой — Витовтомъ, напрасно требовали они защиты отъ своихъ братьевъ, новогородцевъ, которые завидовали успѣхамъ ихъ счастливой торговли и не только отказывались помогать имъ, не только въ мирныхъ договорахъ съ нѣмцами, съ Литвою умалчивали о Псковѣ, но даже сами тѣснили и приходили осаждать его; не имѣя успѣха въ сихъ нападеніяхъ, мирились, и всегда неискренно. Сверхъ того онъ вторично былъ жертвою язвы, которая нѣсколько разъ возобновлялась. Чтобы воспользоваться его несчастіемъ, коварный Витовтъ, будто бы честно объявляя войну, послалъ разметную псковскую грамоту къ новогородцамъ, напалъ неожидаемо на владѣнія псковитянъ, взялъ городъ Коложе и плѣнилъ 11.000 россіянъ. Въ то же время магистръ ливонскій опустошилъ селенія вокругъ Изборска, Острова, Котельна. Еще не теряя бодрости, псковитяне немедленно отмстили Витовту разореніемъ Великихъ Лукъ и Новоржева, ему подвластныхъ, отняли у Литвы коложское знамя и разбили нѣмцевъ близъ Киремпе: но, вѣдая мѣру силъ своихъ, прибѣгнули къ государю московскому. Хотя они, подобно Новугороду, имѣли свою особенную систему политическую и въ самомъ дѣлѣ мало зависѣли отъ великаго князя: однакожъ Василій, называясь ихъ государемъ, рѣшился доказать истину сего названія; отправилъ къ нимъ брата Константина Димитріевича и, требуя удовлетворенія отъ Витовта, началъ собирать полки. Его система осторожности не перемѣнилась: онъ хотѣлъ мира, но хотѣлъ доказать и готовность къ войнѣ въ случаѣ необходимости, чтобы удержать хищность Литвы и спасти остатокъ независимой Россіи.

Витовтъ отвѣтствовалъ гордо. Призвавъ въ союзъ къ себѣ Іоанна Михайловича Тверского, великій князь послалъ воеводъ на литовскіе города: Серпейскъ, Козельскъ и Вязьму. Воеводы возвратились безъ успѣха: огорченный симъ худымъ началомъ и думая, что Витовтъ со всѣми силами устремится на Москву, Василій Димитріевичъ рѣшился возобновить дружелюбную связь съ

Ордою, вопреки мнѣнію старыхъ бояръ требовалъ вспоможенія отъ Шадибека и представлялъ, что Литва есть общій ихъ врагъ. Не было слова о дани и зависимости: Василій искалъ только союза татаръ, и юный Шадибекъ, управляемый доброхотами государя московскаго, дѣйствительно прислалъ ему нѣсколько полковъ. Выступивъ въ поле, великій князь сошелся съ Витовтомъ близъ Крапивны (въ Тульской губерніи). Вмѣсто битвы начались переговоры: ибо ни съ которой стороны не хотѣли отважиться на случай рѣшительный, и герой литовскій, помня претерпѣнное имъ бѣдствіе на берегахъ Ворсклы, уже научился не вѣрить счастію. Заключили перемиріе и разошлися.

Мира не было. Литовцы чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ сожгли и присоединили къ своимъ владѣніямъ Одоевъ, гдѣ княжили потомки св. Михаила Черниговскаго, бывъ въ нѣкоторой зависимости отъ сильнѣйшихъ владѣтелей рязанскихъ; а великій князь взялъ Дмитровецъ, но снова заключилъ перемиріе съ тестемъ подъ Вязьмою, и также ненадолго. Еще за годъ до сего времени выѣхалъ въ Москву изъ Литвы сынъ князя Іоанна Ольгимонтовича, Александръ Нелюбъ, со многими единоземцами: вступивъ въ нашу службу, онъ получилъ себѣ во владѣніе городъ Переславль Залѣсскій. Вслѣдъ за нимъ прибылъ въ Москву Свидригайло Ольгердовичъ, который, будучи недоволенъ даннымъ ему отъ Витовта удѣломъ Сѣверскимъ, Брянскимъ, Стародубскимъ и замышляя господствовать надъ всею Литвою, вздумалъ предложить услуги свои великому князю. Ему сопутствовали епископъ черниговскій Исакій, князья Звенигородскіе, Александръ и Патрикій, Ѳеодоръ Александровичъ Путивльскій, Симеонъ Перемышльскій, Михайло Хотетовскій, Урустай Минскій и цѣлый полкъ бояръ черниговскихъ, сѣверскихъ, брянскихъ, стародубскихъ, любутскихъ, рославскихъ, такъ что дворецъ московскій весь наполнился ими, когда они пришли къ государю. Москвитяне съ любопытствомъ смотрѣли на своихъ единоплеменниковъ, уже принявшихъ обычаи иноземные; а бояре южной Россіи дивились величію Москвы (за сто лѣтъ едва извѣстной по имени), красотѣ ея церквей, святыхъ обителей и пышности двора Василіева, напомнившей имъ древнія преданія о блестящемъ дворѣ Ярослава Великаго. Всего же болѣе дивились они въ ней благоустройству гражданскому, необыкновенному въ ихъ странахъ, гдѣ троны Владимирова потомства стояли пусты и гдѣ паны литовскіе, искажая языкъ славянскій, давали чуждые законы народу. Великій князь осыпалъ пришельцевъ милостями и, къ общему удивленію, отдалъ Свидригайлу въ удѣлъ не только Переяславль, Юрьевъ, Волокъ, Ржевъ и половину Коломны, но даже столицу Владимирскую съ селами, доходами и людьми,

какъ сказано въ лѣтописи: столь выгодною казалась ему дружба сего Ольгердова сына. Легкомысленный, надменный Свидригайло увѣрительно говорилъ о тайныхъ связяхъ своихъ съ вельможами литовскими; хвалился завоевать съ помощію москвитянъ въ нѣсколько мѣсяцевъ всю землю Витовтову; обѣщалъ Василію Новгородъ Сѣверскій и склонилъ его къ возобновленію непріятельскихъ дѣйствій противъ тестя. Великій князь не былъ легковѣренъ, но могъ надѣяться, что, имѣя съ собою Ягайлова брата, или подлинно найдетъ друзей въ Литвѣ, или пріобрѣтетъ миръ выгодный. Въ послѣднемъ отчасти и не обманулся. Витовтъ встрѣтилъ зятя на берегахъ Угры. Многочисленное войско его состояло, кромѣ Литвы, изъ полковъ кіевскихъ (предводимыхъ Олелькомъ Владимировичемъ, внукомъ Ольгердовымъ), смоленскихъ и даже изъ нѣмцевъ, присланныхъ къ нему великимъ магистромъ прусскимъ. Тщетно Свидригайло искалъ измѣнниковъ въ станѣ литовскомъ: самые россіяне, служа Витовту, готовы были мужественно ударить на полки великокняжескіе. Но зять и тесть наблюдали равную осторожность; съ обѣихъ сторонъ дѣйствовали только легкими отрядами, избѣгая главнаго сраженія; наконецъ, вслѣдствіе многихъ переговоровъ, согласились въ мирныхъ условіяхъ, назначивъ Угру предѣломъ между Литвою и московскими владѣніями, въ нынѣшней Калужской губерніи. Города Козельскъ, Перемышль, Любутскъ возвратились къ Россіи и были съ того времени удѣломъ Владимира Андреевича Храбраго. Сохраняя честь свою, великій князь не хотѣлъ выдать Свидригайла Витовту и, кажется, обязалъ тестя не безпокоить впредь области псковитянъ, которые послѣ заключили съ Литвою миръ особенный.

Впрочемъ, покровительство Василія Димитріевича не доставило Пскову безопасности. Братъ его, Константинъ, взявъ за Нарвою нѣмецкій городокъ Порхъ, уѣхалъ назадъ въ Москву, а магистръ ливонскій, Конрадъ Фитингофъ, соединясь съ курляндцами, разбилъ псковитянъ: три посадника и 700 лучшихъ гражданъ легло на мѣстѣ. Еще два раза входилъ онъ въ ихъ владѣнія, жегъ села, плѣнялъ людей, не щадя и новгородцевъ, которые, злобствуя на псковитянъ, отказались и тогда дѣйствовать съ ними заодно противъ общихъ непріятелей. Сіи частыя войны съ Ливоніею обыкновенно не имѣли никакихъ важныхъ слѣдствій. Хотя нѣмцы мыслили присоединить Псковъ къ своимъ владѣніямъ съ согласія Витовта и Свидригайла (какъ то видно изъ договора, заключеннаго между ими въ 1402 году); но, имѣя болѣе властолюбія, нежели силы, они только грабили, убивали нѣсколько сотъ человѣкъ и чувствовали нужду въ мирѣ для выгодъ торговли. Народное право съ обѣихъ сторонъ такъ мало

уважалось, что иногда умерщвляли пословъ: въ Нейгаузенѣ (въ 1414 году) изрубили псковскаго, во Псковѣ — дерптскаго. Сія вражда прекратилась въ 1417 году мирнымъ договоромъ на 10 лѣтъ, и великій князь участвовалъ въономъ какъ посредникъ. Но псковитяне, честно соблюдая миръ съ нѣмцами, снова возбудили на себя гнѣвъ Витовта, который принуждалъ ихъ объявить войну Ливоніи. Напрасно старались они вторично снискать его дружбу посольствами въ Литву и въ Москву. Витовтъ грозилъ имъ непрестанно; однакожъ не сдѣлалъ ничего болѣе, вѣроятно, изъ уваженія къ зятю, коего псковитяне всегда признавали своимъ верховнымъ государемъ, и который давалъ имъ князей или намѣстниковъ. Три раза начальствовалъ тамъ Константинъ, братъ Василіевъ; послѣ князья Ростовскіе, Андрей и Ѳеодоръ Александровичи, сынъ послѣдняго Александръ и Ѳеодоръ Патрикіевичъ Литовскій.

Доселѣ государствованіе Василія было славно и счастливо: онъ усилилъ великое княженіе знаменитыми пріобрѣтеніями безъ всякаго кровопролитія; видѣлъ спокойствіе, благоустройство, избытокъ гражданъ въ областяхъ своихъ; обогатилъ казну доходами; уже не дѣлился ими съ Ордою и могъ считать себя независимымъ. Хотя послы ханскіе отъ времени до времени являлись въ Москвѣ (царевичъ Эйтякъ, въ 1403 году, и мирза, казначей Шадибековъ, въ 1405), но, вмѣсто дани, получали единственно маловажные дары и возвращались съ отвѣтомъ, что великое княженіе Московское будто бы оскудѣло и не въ силахъ платить серебра ханамъ. Напрасно Тимуръ Кутлукъ и Шадибекъ звали къ себѣ Василія: онъ не хотѣлъ посылать къ нимъ никого изъ своихъ братьевъ или бояръ старѣйшихъ, ожидая, чѣмъ кончатся междоусобія ординскія. Еще Тохтамышъ, отверженный Витовтомъ, скитался по отдаленнымъ улусамъ, искалъ друзей и надѣялся возвратить себѣ царство; когда же, настигнутый въ пустыняхъ близъ Тюменя отрядомъ войска Шадибекова, онъ палъ въ сраженіи, великій князь, съ намѣреніемъ питать мятежъ въ Ордѣ, далъ въ Россіи убѣжище сыновьямъ его. Слабый ханъ молчалъ, а знаменитый Эдигей, сподвижникъ Тамерлановъ, побѣдитель Витовта, князь всемогущій въ улусахъ, находился въ дружескихъ сношеніяхъ съ Василіемъ, давалъ ему ласковое имя сына и коварный совѣтъ воевать Литву, въ то же время совѣтуя Витовту искоренить московское княженіе. Такъ моголы, нѣкогда страшные одною силою, уже начали хитрить въ слабости, стараясь производить вражду между государями, для нихъ опасными. Въ 1407 году, когда князь Тверскій, Іоаннъ Михайловичъ, пріѣхалъ Волгою на судахъ въ ханскую столицу (чтобы судиться тамъ съ Юріемъ Всеволодовичемъ, братомъ умершаго Іоанна

Холмскаго, желавшимъ присвоить себѣ тверское княженіе), сдѣлалась въ Ордѣ перемѣна: Булатъ-Салтанъ изгналъ Шадибека, зятя Эдигеева, и сѣлъ на царство, но еще болѣе своихъ предшественниковъ зависѣлъ отъ Эдигея. Сей хитрый старецъ, видя, что государь московскій и Витовтъ никакъ не хотятъ отважиться на рѣшительную войну между собою, предпріялъ, наконецъ, оружіемъ смирить перваго; готовя рать многочисленную, все еще увѣрялъ его въ своей ревностной дружбѣ и писалъ къ нему, выступивъ въ походъ: „Се идетъ царь Булатъ съ великою Ордою наказать литовскаго врага твоего за содѣянное имъ зло Россіи. Спѣши изъявить царю благодарность: если не лично, то пришли хотя сына или брата, или вельможу“. Съ сею грамотою пріѣхалъ въ Москву одинъ изъ чиновниковъ татарскихъ. Василій имѣлъ друзей въ Ордѣ и зналъ о ратныхъ ея движеніяхъ, но по всѣмъ извѣстіямъ думалъ, что моголы, дѣйствительно, хотятъ воевать Литву; ибо Эдигей умѣлъ скрыть свою истинную цѣль отъ самыхъ вельможъ ханскихъ. Никто не безпокоился въ Москвѣ, гдѣ, по сказанію одного лѣтописца, уже мало оставалось бояръ старыхъ и гдѣ юные совѣтники великокняжескіе мечтали въ гордости, что они могутъ легко обманывать старца Эдигея и располагать въ нашу пользу силами моголовъ. Однакожъ Василій Димитріевичъ былъ изумленъ скорымъ походомъ ханскаго войска и немедленно отправилъ боярина Юрія въ станъ онаго, чтобы имѣть вѣрнѣйшее свѣдѣніе о намѣреніи татарскаго полководца; велѣлъ даже собирать войско въ городахъ на всякой случай. Но Эдигей, задержавъ Юрія, шелъ впередъ съ великою поспѣшностію,—и чрезъ нѣсколько дней услышали въ Москвѣ, что полки ханскіе стремятся прямо къ ней.

Сія вѣсть поколебала твердость великокняжескаго совѣта: Василій не дерзнулъ на битву въ полѣ и сдѣлалъ то же, что его родитель въ подобныхъ обстоятельствахъ: уѣхалъ съ супругою и съ дѣтьми въ Кострому, оставивъ защитниками столицы дядю, Владимира Андреевича Храбраго, братьевъ Андрея и Петра со множествомъ бояръ и духовныхъ сановниковъ (митрополитъ Кипріанъ уже скончался). Великій князь надѣялся на крѣпость стѣнъ московскихъ, на дѣйствіе своихъ пушекъ и на жестокую тогдашнюю зиму, неблагопріятную для осады долговременной. Не одна робость, какъ вѣроятно, заставила его удалиться. Онъ могъ скорѣе боярина или намѣстника подвинуть сѣверные города россійскіе къ единодушному возстанію противъ непріятеля для избавленія столицы, и татары не могли спокойно осаждать ее, зная, что великій князь собираетъ тамъ войско. Но граждане московскіе судили иначе и роптали, что государь предаетъ ихъ врагу, спасая только себя и дѣтей. Напрасно князь Влади-

миръ, украшенный сѣдиною честной старости и славною памятію Донской битвы, ободрялъ народъ своимъ величественнымъ спокойствіемъ въ опасности: слабые унывали. Чтобы татары не могли сдѣлать примета къ стѣнамъ кремлевскимъ, сей князь велѣлъ зажечь вокругъ посады. Нѣсколько тысячъ домовъ, гдѣ обитали мирныя семейства трудолюбивыхъ гражданъ, запылали въ одно время. Жители не думали спасать имѣнія и толпами бѣжали къ городскимъ воротамъ. Отцы, матери, лишенные крова, ведя за руку или неся дѣтей, молили единственно о томъ, чтобы ихъ впустили въ оныя: необходимость предписывала жестокій отказъ, ибо отъ излишняго многолюдства опасались голода въ крѣпости. Зрѣлище было страшно: вездѣ огненныя рѣки и дымъ облаками, смятеніе, вопль, отчаяніе. Къ довершенію ужаса, многіе злодѣи грабили въ домахъ, еще не объятыхъ пламенемъ, и радовались общему бѣдствію.

Ноября 30, въ вечеру, татары показались, но вдали, опасаясь дѣйствія огнестрѣльныхъ городскихъ орудій. Декабря 1 пришелъ самъ Эдигей съ четырьмя царевичами и многими князьями, сталъ въ Коломенскомъ, отрядилъ 30,000 вслѣдъ за Василіемъ къ Костромѣ и послалъ одного изъ царевичей, именемъ Булата, сказать Іоанну Михайловичу Тверскому, чтобы онъ немедленно шелъ къ нему со всею его ратію, самострѣлами и пушками. Между тѣмъ полки татарскіе разсыпались по областямъ великаго княженія: взяли Переславль Залѣсскій, Ростовъ, Дмитровъ, Серпуховъ, Нижній-Новгородъ, Городецъ, то-есть сожгли ихъ, плѣнивъ жителей, ограбивъ церкви и монастыри. Счастливъ, кто могъ спастися бѣгствомъ! Не было ни малѣйшаго сопротивленія. Россіяне казались стадомъ овецъ, терзаемыхъ хищными волками. Граждане, земледѣльцы падали ницъ предъ варварами; ждали рѣшенія судьбы своей, и моголы отсѣкали имъ головы или разстрѣливали ихъ въ забаву; избирали любыхъ въ невольники, другихъ только обнажали; но сіи несчастные, оставляемые безъ крова, безъ одежды среди глубокихъ снѣговъ въ жертву страшному холоду и мятелямъ, большею частію умирали. Плѣнниковъ связывали и вели какъ псовъ на смычкахъ: иногда одинъ татаринъ гналъ передъ собою человѣкъ сорокъ. Тогда открылось, сколь защитники иноплеменные ненадежны: гордый Свидригайло, начальствуя въ Владимирѣ и въ пяти другихъ городахъ, имѣя воинскую многочисленную дружину, обязанный милостію великаго князя, которая не измѣнилась и со времени неудачнаго похода литовскаго, бѣжалъ и скрылся въ лѣсахъ отъ моголовъ. (Сей мнимый герой обличилъ свое малодушіе, скоро выѣхалъ изъ Россіи съ великимъ богатствомъ и стыдомъ, ограбивъ на пути наши села и пригороды).

Эдигей, обложивъ Москву, нетерпѣливо ждалъ къ себѣ князя Тверского съ орудіями стѣнобитными и не предпринималъ ничего противъ города; но Іоаннъ Михайловичъ поступилъ въ семъ случаѣ какъ истинный россіянинъ и другъ отечества: онъ гнушался мыслію способствовать гибели московскаго княженія, хотя и весьма опаснаго для независимости тверского; поѣхалъ къ Эдигею одинъ съ немногими боярами и возвратился изъ Клина, будто бы отъ нездоровья. Сіе великодушіе могло стоить ему дорого; къ счастію, судьба спасла и Тверь, и Москву.

Полки ханскіе, которые гнались за великимъ княземъ, не могли настигнуть его и, къ досадѣ Эдигея, пришли назадъ. Несмотря на ослушаніе Іоанна Тверского и недостатокъ въ нужныхъ для осады снарядахъ, сей вождь ординскій упорствовалъ взять Москву, если не приступомъ, то голодомъ, и хотѣлъ зимовать въ Коломенскомъ. Но вѣсти, полученныя имъ отъ хана, разстроили его намѣреніе. Уже прошелъ тотъ вѣкъ, когда наслѣдники Батыевы исчисляли рать свою не тысячами, а тмами, и могли въ одно время громить Востокъ и Западъ: внутреннія несогласія, кровопролитія, язва, герой Донскій и Тамерланъ столь уменьшили многолюдство въ улусахъ, что Булатъ, отправивъ войско въ Россію, остался беззащитнымъ и едва не былъ плѣненъ какимъ-то мятежнымъ ординскимъ царевичемъ, хотѣвшимъ овладѣть его столицею. Ханъ заклиналъ полководца своего возвратиться немедленно. Обстоятельства, дѣйствительно, были таковы, что Эдигей не могъ терять времени, съ одной стороны, опасаясь великаго князя, собиравшаго въ Костромѣ войско, а съ другой—еще страшнѣйшихъ враговъ въ Ордѣ; призвалъ вельможъ на совѣтъ и положилъ чрезъ нѣсколько часовъ отступить отъ нашей столицы; но, желая казаться побѣдителемъ, а не бѣгущимъ, сколько для чести, столько и для самой безопасности, послалъ объявить московскимъ начальникамъ, что соглашается не брать ихъ города, если они дадутъ ему окупъ.

Москва представляла зрѣлище и ратной дѣятельности, и ревностныхъ подвиговъ благочестія; съ утра до ночи воины стояли на стѣнахъ,- священники въ отверстыхъ храмахъ пѣли молебны, народъ постился. „Богатые“,—говоритъ лѣтописецъ,—„обѣщали небу наградить бѣдныхъ, сильные—не тѣснить слабыхъ, судіи—быть правосудными,—и солгали предъ Богомъ“! Владиміръ Анреевичъ, князья, бояре цѣлыя три недѣли тщетно ждали приступа и, не имѣя запасовъ хлѣбныхъ, страшились голода. Удивленные предложеніемъ Эдигея и не зная, что сдѣлало его миролюбивымъ, они съ радостію дали ему 3,000 рублей и прославили милость Божію, когда сей князь, отправивъ впередъ добычу съ обозомъ, 21 декабря выступилъ изъ Коломенскаго; взялъ еще

на возвратномъ пути Рязань и скоро удалился отъ предѣловъ россійскихъ. Но слѣды сего ужаснаго нашествія остались надолго неизгладимы въ оныхъ. „Вся Россія",—пишутъ современники,—„отъ рѣки Дона до Бѣлаозера и Галича была потрясена сею грозою. Цѣлыя волости опустѣли. Кто избавился отъ смерти и неволи, тотъ оплакивалъ ближнихъ или утрату имѣнія. Вездѣ туга и скорбь, предсказанная нѣкоторыми книжниками года за три или за четыре. Многія удивительныя знаменія также возвѣстили гнѣвъ Божій: со многихъ святыхъ иконъ текло миро или капала кровь", и проч. Суевѣріе всегдашнее въ такихъ случаяхъ: люди слабые, пораженные внезапнымъ ударомъ, обыкновенно ищутъ сверхъестественныхъ предзнаменованій его въ минувшемъ времени, какъ бы надѣясь впредь лучшимъ вниманіемъ къ таинственнымъ указаніямъ судьбы отвращать подобныя бѣдствія.

Впрочемъ, Эдигей, кромѣ добычи и плѣнниковъ, не пріобрѣлъ ничего важнаго симъ подвигомъ, къ коему онъ нѣсколько лѣтъ готовился, и грозное письмо, отправленное имъ съ пути къ великому князю, не имѣло никакихъ слѣдствій. Оно достопамятно; предлагаемъ его содержаніе.

„Отъ Эдигея поклонъ къ Василію. По думѣ съ царевичами и князьями,—великій ханъ послалъ меня на тебя съ войскомъ, узнавъ, что дѣти Тохтамышевы нашли убѣжище въ землѣ твоей. Вѣдаемъ также происходящее въ областяхъ Московскаго княженія: вы ругаетесь не только надъ купцами нашими, не только всячески тѣсните ихъ, но и самыхъ пословъ царскихъ осмѣиваете. Такъ ли водилось прежде? Спроси у старцевъ: земля русская была нашимъ вѣрнымъ улусомъ; держала страхъ, платила дань, чтила пословъ и гостей ординскихъ. Ты не хочешь знать того— и что же дѣлаешь? Когда Тимуръ сѣлъ на царство, ты не видалъ его въ глаза, не присылалъ къ нему ни князя, ни боярина. Минуло царство Тимурово; Шадибекъ 8 лѣтъ властвовалъ: ты не былъ у него! Нынѣ царствуетъ Булатъ уже третій годъ: ты, старѣйшій князь въ улусѣ русскомъ, не являешься въ Ордѣ! Всѣ дѣла твои не добры. Были у васъ нравы и дѣла добрые, когда жилъ бояринъ Ѳеодоръ Кошка и напоминалъ тебѣ о ханскихъ благотвореніяхъ. Нынѣ сынъ его недостойный, Іоаннъ, казначей и другъ твой, что скажетъ, тому вѣришь, а думы старцевъ земскихъ не слушаешь. Что вышло? разореніе твоему улусу. Хочешь ли княжить мирно? привози въ совѣтъ бояръ старѣйшихъ: Илію Іоанновича, Петра Константиновича, Іоанна Никитича и другихъ, съ ними согласныхъ въ доброй думѣ; пришли къ намъ одного изъ нихъ съ древними оброками, какіе вы платили царю Чанибеку, да не погибнетъ въ конецъ держава твоя. Все, писанное тобою къ ханамъ о бѣдности народа русскаго, есть ложь: мы нынѣ сами

видѣли улусъ твой и свѣдали, что ты собираешь въ немъ по рублю съ двухъ сохъ: куда жъ идетъ серебро? Земля христіанская осталась бы цѣла и невредима, когда бы ты исправно платилъ ханскую дань; а нынѣ бѣгаешь какъ рабъ! Размысли и научися!"—Но великій князь не хотѣлъ слушаться ни приказаній, ни совѣтовъ его, свѣдавъ о новомъ мятежѣ въ Ордѣ; возвратился въ столицу и съ любовію обнялъ дядю своего Владимира Андреевича, довольный, по крайней мѣрѣ, тѣмъ, что онъ, не имѣвъ способа защитить другіе города, сдалъ ему Москву въ цѣлости.

Сей знаменитый внукъ Калитинъ жилъ недолго и преставился съ доброю славою князя мужественнаго, любившаго пользу отечества болѣе власти. Онъ первый отказался отъ древнихъ правъ семейственнаго старѣйшинства и былъ изъ князей россійскихъ первымъ дядею, служившимъ племяннику. Кратковременныя ссоры его съ Донскимъ и Василіемъ происходили не отъ желанія присвоить себѣ великокняжескій санъ, а только отъ смутъ боярскихъ. Сія великодушная жертва возвысила въ Владимирѣ предъ судилищемъ потомства достоинство героя, который счастливымъ ударомъ рѣшилъ судьбу битвы Куликовской, а можетъ быть и Россіи. Въ архивѣ нашихъ древностей хранятся договоры сего князя съ Василіемъ и завѣщаніе. Онъ возвратилъ племяннику города Волокъ и Ржевъ, взявъ отъ него въ замѣну Угличъ, Городецъ на Волгѣ, Козельскъ, Алексинъ не въ удѣлъ временный, а въ наслѣдственное владѣніе или въ отчину, съ обязательствомъ, въ случаѣ смерти Василіевой, повиноваться его сыну какъ государю верховному, ходить съ нимъ самимъ на войну и посылать дѣтей своихъ съ полками московскими. Въ духовной записи Владимиръ Андреевичъ поручаетъ супругу и дѣтей великому князю; отказываетъ свою треть Москвы всѣмъ пяти сыновьямъ вмѣстѣ, такъ чтобы они вѣдали ее погодно; старшему сыну, Іоанну, даетъ Серпуховъ, Алексинъ, Козельскъ (а буде сей городъ снова отойдетъ къ Литвѣ, то Любутскъ), Симеону—Боровскъ и половину Городца, другую половину Ярославу, вмѣстѣ съ Малоярославцемъ (названнымъ такъ отъ имени сего Владимирова сына), Андрею—Радонежъ, Василію—Перемышль и Угличъ, супругѣ Еленѣ Ольгердовнѣ множество селъ (въ томъ числѣ Коломенское, Тайнинское и славную мельницу на устьѣ Яузы); ей же съ меньшими дѣтьми большой дворъ московскій (другимъ сыновьямъ особенные домы и сады). Свидѣтелями духовной были игуменъ Никонъ Радонежскій, Савва Спасскій и 5 бояръ Владимировыхъ. Какъ сія, такъ и договорныя, выше упомянутыя грамоты свидѣтельствуютъ, что великій князь и Владимиръ, надѣясь избавиться отъ ига моголовъ, еще не были въ томъ увѣрены: ибо послѣдній обязы-

вается дѣлить съ первымъ ординскія тягости и платить ему за Угличъ 105 рублей на семь тысячъ рублей ханской дани, а за Городецъ 160 руб. на 1,500 руб.

Въ самомъ дѣлѣ, великій князь, при новой перемѣнѣ въ Ордѣ, еще на время отказался отъ государственной независимости. Темиръ, неизвѣстный по лѣтописямъ восточнымъ, свергнулъ Булата и, прогнавъ Эдигея къ берегамъ Чернаго моря, долженъ былъ уступить престолъ Канчака Зелени-Салтану, сыну Тохтамышеву, другу Витовтову, нашему недоброжелателю, который прислалъ въ Россію грозныхъ пословъ, и въ досаду Василію Дмитріевичу хотѣлъ возстановить княженіе Нижегородское, объявивъ сыновей Бориса Константиновича и Кирдяпы законными его наслѣдниками, чего они искали въ Ордѣ, и смѣлѣйшій изъ нихъ, Даніилъ Борисовичъ, за годъ до того времени съ дружиною князей болгарскихъ разбилъ въ Лысковѣ брата Василіева, Петра Димитріевича, а воевода Даніиловъ съ казанскимъ царевичемъ Талычемъ ограбилъ Владиміръ, имѣя у себя не болѣе пятисотъ моголовъ и россіянъ: столь унизилась знаменитая столица Боголюбскаго! Лѣтописцы, въ объясненіе сего случая, сказываютъ, что она тогда не имѣла стѣнъ; что ея намѣстникъ, Юрій Васильевичъ Щека, былъ въ отсутствіи, и что непріятели тайно пришли лѣсомъ изъза рѣки Клязьмы въ самый полдень, когда всѣ граждане спали! Самъ митрополитъ, преемникъ Кипріановъ, Фотій, будучи въ сіе время близъ Владиміра, на Святомъ озерѣ, едва могъ спастися отъ татаръ бѣгствомъ въ непроходимыя пустыни Сенежскія. Впрочемъ, ни Лысковская побѣда, ни опустошеніе домовъ и церквей Владимирскихъ, не могли возвратить Даніилу родительскаго престола: союзники его, казанскіе моголы, немедленно ушли назадъ съ добычею. Но ярлыкъ хана въ рукахъ князей Нижегородскихъ, дружба Зелени-Салтана съ Витовтомъ, новый тѣсный союзъ Іоанна Михайловича Тверского съ государемъ литовскимъ, у коего сынъ его, Александръ, гостилъ въ Кіевѣ, и намѣреніе Іоанново ѣхать въ Орду—казались Василію Димитріевичу столь опасными, что онъ рѣшился самъ искать благосклонности хана и, провождаемый всѣми знатнѣйшими вельможами, съ богатыми дарами отправился въ столицу Капчакскую.

Но Зелени-Салтана уже не стало: другой сынъ Тохтамышевъ, Керимбердей, застрѣлилъ сего недруга россіянъ и воцарился. Сей новый ханъ, какъ вѣроятно, по смерти отца имѣлъ съ другими братьями убѣжище въ областяхъ московскихъ и, слѣдственно, основанное на признательности благорасположеніе къ Василію: по крайней мѣрѣ великій князь, имъ обласканный, достигъ своей цѣли, то-есть возвратился съ увѣреніемъ, что бывшіе владѣтели суздальскіе не найдутъ въ немъ (ханѣ) покровителя, а Витовтъ—

друга, особенно ко вреду Россіи. Іоаннъ Михайловичъ Тверскій, также милостиво принятый Керимбердеемъ, съ его согласія удержалъ за собою Кашинъ, несмотря на всѣ исканія брата, Василія Михайловича. Сей бѣдный князь, взятый подъ стражу намѣстниками тверскими, ушелъ изъ заключенія, скитался по лѣсамъ, былъ въ Москвѣ, у хана и не могъ нигдѣ найти защиты. Василій Димитріевичъ, хотя привезъ его съ собою изъ Орды, однакожъ не хотѣлъ въ угодность изгнаннику ссориться съ Іоанномъ, который изъявилъ столько великодушія въ бѣдственное для Москвы время и въ личномъ съ нимъ знакомствѣ, при дворѣ хана, доказалъ ему искренними объясненіями, что не имѣетъ никакихъ вредныхъ для великаго княженія замысловъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что Василій, будучи въ ханской столицѣ, снова обязался платить дань моголамъ: онъ платилъ ее, кажется, до самаго конца жизни своей, несмотря на внутренніе безпорядки, на частыя перемѣны въ Ордѣ. Керимбердей, другъ россіянъ, былъ непріятелемъ Витовта, который, желая свергнуть его съ престола, объявилъ царемъ капчакскимъ князя могольскаго, именемъ Бетсабулу, и въ Вильнѣ торжественно возложилъ на него знаки царскаго достоинства: богатую шапку и шубу, покрытую сукномъ багрянымъ. Керимбердей, побѣдивъ сего Витовтова хана, отсѣкъ ему голову; но скоро погибъ отъ руки своего брата, Геремфердена, бывшаго усерднымъ союзникомъ государя литовскаго. Кромѣ сего главнаго хана, непрестанно являлись въ улусахъ иные цари, воевали между собою или грабили наши предѣлы: такъ (въ 1415 году) одинъ изъ нихъ, взявъ Елецъ, убилъ тамошняго князя; такъ царь Баракъ, сынъ Койричака, побѣдивъ другого, именемъ Куйдадата, приступалъ (въ 1422 году) къ Одоеву и плѣнилъ множество людей, но долженъ былъ оставить ихъ, настиженный въ степяхъ княземъ Юріемъ Романовичемъ Одоевскимъ и мценскимъ воеводою, Григоріемъ Протасьевичемъ, которые послѣ, соединясь съ Друцкими князьями, разбили и Куйдадата. Сей царь тревожилъ набѣгами и литовскія и россійскія области; почему Витовтъ, свѣдавъ о приближеніи его къ Одоеву, требовалъ содѣйствія отъ великаго князя; и хотя москвитяне не успѣли взять участія въ битвѣ, однакожъ Витовтовы полководцы, плѣнивъ двухъ женъ Куйдадатовыхъ, одну отправили къ своему государю, а другую въ Москву.—Между тѣмъ и старецъ Эдигей, уступивъ Орду Капчакскую или Волжскую сыновьямъ Тохтамышевымъ, властвовалъ какъ государь независимый въ улусахъ черноморскихъ. Будучи врагомъ Витовта, онъ (въ 1416 году) разорилъ многія литовскія области; не могъ взять укрѣпленнаго кіевскаго замка, но ограбилъ и сжегъ всѣ тамошнія церкви вмѣстѣ съ Печерскою лаврой, плѣнивъ нѣсколько тысячъ гражданъ,

такъ что съ сего времени, по словамъ историка Длугоша, Кіевъ опустѣлъ совершенно. Наконецъ Эдигей, желая спокойствія, прислалъ въ даръ Витовту трехъ верблюдовъ, покрытыхъ краснымъ сукномъ, и 27 коней, съ слѣдующею грамотою: „Князь знаменитый! въ трудахъ и подвигахъ честолюбія застигла насъ обоихъ унылая старость: посвятимъ миру остатокъ жизни. Кровь, пролiянная нами въ битвахъ взаимной ненависти, уже поглощена землею; слова бранныя, коими мы другъ друга огорчали, развѣяны вѣтромъ; пламя войны очистило сердца наши отъ злобы: вода угасила пламя“. Они заключили миръ.

Имѣя долговременную рать съ Прусскимъ Орденомъ, Витовтъ жилъ мирно съ Василіемъ Димитріевичемъ, который даже не отказался помогать ему войскомъ. Въ 1422 году, при осадѣ Голуба или Кульма, были у Витовта союзныя дружины, московская и тверская или великіе россіяне, какъ сказано въ тогдашней перепискѣ Ордена. Увѣряя зятя въ своей пріязни, Витовтъ въ то же время грозилъ новогородцамъ, какъ державѣ особенной. Желая быть въ дружбѣ и съ литовскимъ государемъ, и съ московскимъ, они вторично приняли къ себѣ Ольгердона сына Лугвенія, начальствовать въ ихъ областныхъ городахъ, а брата Василіева Константина Димитріевича намѣстникомъ великокняжескимъ въ столицу; но сія политика не имѣла совершеннаго успѣха. Примирясь съ нѣмцами, Витовтъ и король Ягайло велѣли Лугвенію ѣхать въ Литву, и всѣ трое вмѣстѣ возвратили мирныя грамоты новогородцамъ. Лугвеній писалъ, что онъ, бывъ у нихъ только на жалованьѣ, разрываетъ сію связь, непріятную его братьямъ, которые составляютъ съ нимъ одного человѣка. „Да будетъ война между нами!“—сказали вѣчу послы королевскіе и Витовтовы именемъ двухъ государей: „вы обѣщали и не хотѣли дѣйствовать съ нами противъ нѣмцевъ; вы торжественно злословите насъ и называете погаными; вы благотворите сыну врага нашего Юрія Святославича“. Θеодоръ Юрьевичъ Смоленскій дѣйствительно жилъ тамъ и пользовался великодушною защитой правительства: сей юный князь спѣшилъ объявить своимъ покровителямъ, что не хочетъ быть для нихъ виною опасной вражды; онъ немедленно удалился въ нѣмецкую землю. Новогородцы могли бы обратиться къ великому князю; но, не имѣя къ нему довѣренности, старались сами обезоружить Витовта, и ссора кончилась миромъ (въ 1414 году) на старыхъ условіяхъ, какъ сказано въ лѣтописи: ибо государь литовскій не думалъ прямо воевать съ ними, а только искушалъ ихъ твердость угрозами, въ надеждѣ, что сія народная держава согласится имѣть одну политическую систему съ Литвою, однихъ друзей и непріятелей, то-есть давать ему или войско, или серебро въ случаѣ войны съ нѣмцами. Властолюбіе

его тогда не простиралось далѣе: ибо Василій Димитріевичъ, уступивъ тестю Смоленскъ безъ кровопролитія, не уступилъ бы Новогорода, который издревле считался областію великокняжескою. Однакожъ новогородцы поставили на своемъ, удержавъ право мириться и воевать по собственной волѣ, а не въ угодность государю литовскому.

Во все княженіе Василія Димитріевича они не имѣли никакой важной рати съ непріятелями внѣшними. Толпы шведовъ грабили иногда въ окрестностяхъ городка Ямы (нынѣ Ямбурга) въ Кореліи и на берегахъ Невы, но уходили немедленно: россіяне въ наказаніе за то сожгли предмѣстіе Выборга и нѣсколько селъ въ окрестностяхъ. Двинскій посадникъ Яковъ Стефановичъ ходилъ съ малочисленною дружиной воевать предѣлы Норвегіи; а мурмане или норвежцы, числомъ до пятисотъ, приплывъ въ лодкахъ къ тому мѣсту, гдѣ нынѣ Архангельскъ, обратили въ пепелъ три церкви и злодѣйски умертвили иноковъ монастырей Николаевскаго и Михайловскаго. — Съ ливонскими нѣмцами (въ 1420 году) былъ у новогородцевъ дружелюбный съѣздъ на берегу Наровы: именемъ первыхъ самъ магистръ Сифертъ, ландмаршалъ Вильрабе, ревельскій командоръ Дидрихъ и фогтъ венденскій Іоаннъ, отъ россіянъ же намѣстникъ московскій князь Ѳеодоръ Патрикіевичъ, два посадника и три боярина утвердили вѣчный миръ на древнихъ условіяхъ временъ Александра Невскаго касательно границъ и торговли. Госвинъ, феллинскій командоръ, и ругодивскій или нарвскій фогтъ Германъ пріѣзжали для того въ Новгородъ.

Сія вольная держава долѣе обыкновеннаго наслаждалась тогда и внутреннимъ гражданскимъ спокойствіемъ. Только одинъ случай возмутилъ оное. Разскажемъ его въ доказательство, какія маловажныя причины могутъ иногда волновать общество народное. Нѣкто людинъ или простой гражданинъ, именемъ Стефанъ, злобствуя на боярина Данила Божина, схватилъ его на улицѣ, крича: — „добрые люди!—помогите мнѣ управиться съ злодѣемъ“. Народъ взялъ сторону людина и безъ всякаго изслѣдованія сбросилъ Данила съ мосту. Одинъ добродушный рыболовъ не далъ утонуть невинному боярину, а народъ въ неистовствѣ разграбилъ домъ сего человѣка. Дѣло могло бы тѣмъ кончиться; но Данило, желая мести, посадилъ своего обидчика въ темницу: о чемъ узнавъ, всѣ граждане Торговой стороны взволновались, ударили въ вѣчевой колоколъ, надѣли доспѣхи, взяли знамя и пришли въ Кузмодемьянскую улицу, гдѣ жилъ бояринъ Данило: въ нѣсколько минутъ домъ его сравненъ съ землею, и Стефанъ освобожденъ. Завидуя избытку бояръ и приписывая имъ дороговизну хлѣба, они разграбили множество дворовъ и монастырь

св. Николая, утверждая, что въ немъ боярскія житницы. Сторона Софійская, гдѣ обитали граждане знатнѣйшіе, противилась ихъ злодѣяніямъ и также вооружилась. Звонили въ колокола, бѣгали, вопили и, стараясь занять Большой мостъ, стрѣляли другъ въ друга. Однимъ словомъ, казалось, что свирѣпый непріятель вошелъ въ городъ и что жители, по ихъ древнему любимому выраженію, умираютъ за Святую Софію. Въ сіе самое время сдѣлалась ужасная гроза: отъ непрестанной молніи небо казалось пылающимъ; но мятежъ народа былъ еще ужаснѣе грозы. Тогда архіепископъ новогородскій Симеонъ, возведенный на сію степень по жребію изъ простыхъ иноковъ (не будучи даже ни священникомъ, ни діакономъ), мужъ рѣдкихъ добродѣтелей, собралъ все духовенство въ храмѣ Софійскомъ, облачился въ ризы святительскія и, провождаемый клиромъ, вышелъ къ народу, сталъ посреди мосту и, взявъ въ руки животворящій крестъ, началъ благословлять обѣ стороны. Въ одно мгновеніе шумъ и волненіе утихли; толпы сдѣлались неподвижны; оружіе и шлемы упали на землю, и вмѣсто ярости изобразилось на лицахъ умиленіе. „Идите въ домы свои съ Богомъ и съ миромъ!“—вѣщалъ добродѣтельный пастырь—и граждане въ безмолвіи, въ тишинѣ, въ духѣ смиренія и братства разошлися. Сей достопамятный случай прославилъ архіепископа Симеона.

Съ великимъ княземъ жили новогородцы въ мирѣ болѣе притворномъ, нежели искреннемъ: они не переставали ни опасаться Василія, ни досаждать ему. Въ 1417 году измѣнники, бѣглецы новогородскіе, Симеонъ Жадовскій и Михайло Разсохинъ, собравъ толпы бродягъ на Вяткѣ, въ Устюгѣ, вмѣстѣ съ бояриномъ брата Василіева, Юрія Димитріевича, изъ областей великокняжескихъ нападали на двинскую землю и сожгли Колмогоры; зато бояре новогородскіе, выгнавъ сихъ разбойниковъ, сами ограбили Устюгъ будто бы безъ вѣдома правительства, такъ же, какъ Разсохинъ и Жадовскій дѣйствовали будто бы безъ всякаго сношенія съ Москвою. Ссора Василія Димитріевича съ братомъ Константиномъ, въ 1420 году, подала новогородцамъ случай сдѣлать не малую досаду первому. Слѣдуя новому уставу въ правахъ наслѣдственныхъ, великій князь требовалъ отъ братьевъ, чтобы они клятвенно уступили старѣйшинство пятилѣтнему сыну его, именемъ Василію. Константинъ не хотѣлъ сдѣлать того и лишился удѣла; бояръ его взяли подъ стражу; имѣніе ихъ описали. Злобствуя на великаго князя, онъ уѣхалъ въ Новгородъ, гдѣ правительство, ни мало не боясь Василіева гнѣва, съ отмѣнными ласками приняло Константина Димитріевича, дало ему въ удѣлъ всѣ города, бывшіе за Лугвеніемъ, и какой-то особенный денежный сборъ, именуемый коробейщиною. Великій князь

долженъ былъ оскорбиться; но скрылъ гнѣвъ и примирился съ братомъ, огорчаемый тогда ужасными естественными бѣдами отечества.

Язва, которая со временъ Симеона Гордаго нѣсколько разъ посѣщала Россію, ужаснѣе прежняго открылась въ княженіе Василія Димитріевича: во Псковѣ и въ Новгородѣ была четыре раза, и дважды въ областяхъ московскихъ, тверскихъ, смоленскихъ, рязанскихъ. Признаки и слѣдствія оказывались тѣ же: а именно, железа, кровохарканіе, познобъ, жаръ,—и смерть неминуемая.

Иногда приходила сія гибельная чума во Псковъ изъ ливонскаго Дерпта, иногда изъ другихъ мѣстъ или возобновлялась отъ употребленія вещей зараженныхъ. Опустошивъ Азію, Африку, Европу, она нигдѣ не свирѣпствовала такъ долго, какъ въ нашемъ отечествѣ, гдѣ отъ 1352 года до 1427 въ разныя времена безчисленное множество людей было ея жертвою: въ одномъ Новѣгородѣ, по извѣстію нѣмецкаго историка Кранца, умерло 80,000 человѣкъ въ 6 мѣсяцевъ: люди (говоритъ онъ), ходя, падали на улицахъ и въ одну минуту испускали духъ; здоровые шли погребать усопшихъ и, внезапно лишаясь жизни, въ той же могилѣ были сами погребаемы.

Ни посты, ни чинъ ангельскій не спасали: алчная смерть, въ городахъ и селахъ наполняя скудельницы трупами, искала добычи и въ святыхъ обителяхъ душевнаго міра. Строили церкви; отказывали имѣніе монастырямъ: иныхъ средствъ не употребляли. Суевѣрные псковитяне, желая смягчить Небо, сожгли 12 мнимыхъ вѣдьмъ и, зная по преданію, что древнѣйшая церковь христіанская, въ ихъ городѣ созданная, была посвящена св. Власію, возобновили оную на старомъ мѣстѣ, въ надеждѣ, что Господь скорѣе услышитъ тамъ ихъ моленіе о концѣ сего бѣдствія. Еще не довольно: въ 1419 г. выпалъ глубокій снѣгъ 15 сентября, когда еще хлѣбъ не былъ убранъ; сдѣлался общій голодъ и продолжался около трехъ лѣтъ во всей Россіи; люди питались кониною, мясомъ собакъ, кротовъ, даже трупами человѣческими; умирали тысячами въ домахъ и гибли на дорогахъ отъ зимняго необыкновеннаго холода въ 1422 году. Сперва продавался оковъ ржи (или 8 осьминъ) по рублю, въ Костромѣ по два, въ Нижнемъ по шести рублей (что составляло фунтъ съ 1/4 серебра); наконецъ негдѣ было купить осьмины. Зная, что во Псковѣ находилось много ржи запасной, жители новогородскіе, тверскіе, московскіе, чудь, корела толпами устремились въ сію область, богатые покупать и вывозить хлѣбъ, а скудные кормиться милостыніею. Скоро цѣна тамъ возвысилась, и четверть ржи стоила уже около двухъ рублей. Псковитяне, запретивъ вывозъ хлѣба, изгнали всѣхъ пришельцевъ, и сіи бѣдные съ женами, съ дѣтьми

умирали на большой дорогѣ. Кромѣ того, Москва и Новгородъ были приводимы въ ужасъ частыми пожарами. Въ 1421 г. необыкновенное наводненіе затопило большую часть Новагорода и 19 монастырей; люди жили на кровляхъ; множество домовъ и церквей обрушилось. Къ симъ страшнымъ явленіямъ надлежитъ еще прибавить зимы безъ снѣга, бури неслыханныя, дожди каменные и славную комету 1402 года, для суевѣровъ Италіи предвѣстницу смерти миланскаго герцога Іоанна Галеаса. Однимъ словомъ россіяне ждали конца міру, и сію мысль имѣли самые просвѣщеннѣйшіе люди тогдашняго времени. „Іисусъ Христосъ“,— говорили они —„сказалъ, что въ послѣдніе дни будутъ великія знаменія небесныя, гладъ, язвы, брани и неустройства; возстанетъ языкъ на языкъ, царство на царство: все видимъ нынѣ: татары, турки, фряги, нѣмцы, ляхи, Литва воюютъ вселенную. Что дѣлается въ нашемъ православномъ отечествѣ? Князь возстаетъ на князя, братъ остритъ мечъ на брата, племянникъ куетъ копіе на дядю“. Въ самыхъ дѣлахъ государственныхъ о томъ упоминалось. Когда псковитяне (въ 1397 году) заключали миръ съ новогородцами, архіепископъ Іоаннъ, будучи между ими посредникомъ, склонилъ ихъ къ дружелюбію словами: „дѣти! видите уже послѣднее время“!

Среди общаго унынія и слезъ, какъ говорятъ лѣтописцы, Василій Димитріевичъ преставился на 53 году отъ рожденія, княживъ 36 лѣтъ, съ именемъ властителя благоразумнаго, не имѣвъ любезныхъ свойствъ отца своего, добросердечія, мягкости во нравѣ, ни пылкаго воинскаго мужества, ни великодушія геройскаго, но украшенный многими государственными достоинствами, чтимый князьями, народомъ, уважаемый друзьями и непріятелями. Присвоивъ себѣ Нижній-Новгородъ, Суздаль, Муромъ,—вмѣстѣ съ нѣкоторыми изъ бывшихъ удѣловъ Черниговскихъ въ древней землѣ вятичей, Торусу, Новосиль, Козельскъ, Перемышль, равно какъ и цѣлыя области Великаго Новагорода: Бѣжецкій Верхъ, Вологду и проч., сей государь утвердилъ въ своемъ подданствѣ Ростовъ, коего владѣтели, со временъ Іоанна Даніиловича зависѣвъ отъ Москвы, сдѣлались уже дѣйствительными слугами Василія, посылаемые имъ въ качествѣ намѣстниковъ управлять другими городами. Въ хлыновской лѣтописи сказано, что онъ посылалъ войско на Вятку съ княземъ Симеономъ Ряполовскимъ, но не могъ овладѣть ею: современныя же грамоты доказываютъ, что Василій, дѣйствительно, присоединилъ ее къ московскимъ областямъ и что братъ его Юрій, князь Галицкій, господствовалъ надъ оною. Впрочемъ, сія народная держава еще сохраняла свои древніе уставы гражданской вольности. Не хотѣвъ мечомъ покорять ни Рязани, ни Твери, Василій имѣлъ рѣшительное большин-

ство надъ князьями ихъ и слѣдственно приближался къ единовластію въ Россіи; усиливъ державу московскую пріобрѣтеніями важными, сохранилъ ея цѣлость отъ хищности литовской и менѣе всѣхъ своихъ предшественниковъ платилъ дань моголамъ. Можетъ быть, онъ сдѣлалъ ошибку въ политикѣ, давъ отдохнуть Витовту, разбитому ханомъ; можетъ быть, ему надлежало бы возобновить тогда дружелюбную связь съ Ордою и вмѣстѣ съ Олегомъ Рязанскимъ ударить на Литву, чтобы соединить южную Россію съ сѣверною, а послѣ тѣмъ удобнѣе свергнуть иго ханское. Но всѣ ли обстоятелства намъ извѣстны? Успѣхъ предпіятія столь великаго и смѣлаго былъ ли дѣйствительно вѣроятенъ? Князь Московскій, государь шести или семи нынѣшнихъ губерній въ сѣверной Россіи, имѣлъ ли способъ сокрушить Витовта, который, властвуя надъ ея лучшею, многолюднѣйшею половиною и надъ всею Литвою, располагая также силами Польши, легко могъ, утративъ одно войско на берегахъ Ворсклы, собрать другое? Великій князь, безъ сомнѣнія, не думалъ щадить тестя и не жертвовалъ отечествомъ какой-нибудь семейственной слабости (бывъ нѣсколько разъ готовъ сразиться съ Витовтомъ въ полѣ): но дѣйствовалъ такъ по лучшему своему государственному разумѣнію. Смѣлость оправдывается только успѣхомъ; безвременная, неудачная губитъ державы — и часто благодарность отечества принадлежитъ тому, кто безъ крайности не дерзалъ на опасность и не искалъ имени великаго.

Довольно, что Василій умѣлъ обуздывать тестя и не далъ ему проглотить остальныхъ владѣній независимой Россіи. Съ 1408 года они жили въ непрерывномъ согласіи, и года за два до кончины великаго князя супруга его ѣздила къ отцу въ Смоленскъ, можетъ быть, не только для свиданія, но и для важныхъ государственныхъ переговоровъ. Василій, кажется, чувствовалъ себя близкимъ къ смерти, хотѣлъ заблаговременно взять мѣры къ утвержденію сына на престолѣ великокняжескомъ, и въ завѣщаніи своемъ говоритъ, что онъ поручаетъ его, вмѣстѣ съ матерію, дружескому заступленію тестя и брата, государя литовскаго, который именемъ Божіимъ ему въ томъ обязался. Вѣроятно, что княгиня Софія въ семъ важномъ дѣлѣ была посредницею между отцомъ и супругомъ. Василій оставлялъ сына младенцемъ; зналъ честолюбіе братьевъ, въ особенности Юрія и Константина; предвидѣлъ, что они могутъ воспротивиться новому уставу наслѣдства, подчинявшему дядей племяннику, и надѣялся, что сильный и не менѣе гордый Витовтъ, признательный къ лестной его довѣренности, захочетъ оправдать ее ревностію къ пользѣ юнаго внука, согласно съ нашею государственною: ибо древній, многосложный, неясный законъ родового старѣйшинства болѣе всего

питалъ междоусобіе въ Россіи. Могъ ли великій князь дѣйствительно ожидать безкорыстныхъ услугъ отъ тестя, посѣдѣвшаго въ козняхъ властолюбія? Но сія довѣренность кажется болѣе хитростію, нежели слабодушнымъ легковѣріемъ: она состояла только въ словахъ и, возлагая на Витовта обязанность защитить сына Василіева въ случаѣ насилія со стороны дядей, не давала Литвѣ никакихъ способовъ поработить Москву: ибо совѣтъ великокняжескихъ бояръ, пѣстуновъ государя-отрока, зналъ, чего требовать отъ иноплеменнаго покровителя и до чего не допускать его.

Въ семъ завѣщаніи Василій, благословляя сына великимъ княземъ и поручая матери, отказываетъ ему все родительское наслѣдіе и собственный примыслъ (Нижній-Новгородъ, Муромъ), треть Москвы (ибо другія двѣ части принадлежали сыновьямъ Донского и Владимира Андреевича), Коломну и села въ разныхъ областяхъ; сверхъ того большой лугъ за Москвою рѣкою, Ходынскую мельницу, дворъ Ѳоминскій у Боровицкихъ воротъ и загородный у св. Владимира; а изъ вещей драгоцѣнныхъ золотую шапку, бармы, крестъ патріарха Филоѳея, каменный сосудъ Витовтовъ, хрустальный кубокъ, даръ короля Ягайла, и проч.; всѣ иныя вещи отдаетъ супругѣ, также и многія волости, прибавляя: „тамъ княгиня моя господствуетъ и судитъ до кончины своей; но должно оставить ихъ въ наслѣдство сыну: села же, ею купленныя, вольна отдать, кому хочетъ. Дочерямъ отказываю каждой по пяти семей изъ рабовъ моихъ, княгинины холопи остаются служить ей; прочихъ освобождаю“. Грамота скрѣплена восковыми печатями, четырьмя боярскими и пятою великокняжескою съ изображеніемъ всадника; а внизу подписана митрополитомъ Фотіемъ (греческими словами). Замѣтимъ, что Василій Димитріевичъ уже именно объявляетъ здѣсь сына преемникомъ своимъ въ достоинствѣ великняжескомъ; но при жизни старшаго сына, Іоанна, умершаго отрокомъ, написавъ подобное же завѣщаніе, говоритъ въономъ: „а дасть Богъ князю Ивану векикое княженіе держати“: слѣдственно еще предполагаетъ необходимость ханскаго на то согласія. Сія первая духовная сочинена около 1407 года и скрѣплена одною серебряною, вызолоченною печатію съ изображеніемъ св. Василія Великаго и съ надписью: князя великаго Василія Димитріевича всея Руси.

Въ числѣ грамотъ сего времени сохранился также договоръ великаго князя съ Ѳеодоромъ Ольговичемъ Рязанскимъ, писанный въ 1403 году. Ѳеодоръ, обязываясь чтить Василія старѣйшимъ братомъ, называетъ Владимира Андреевича и Юрія Димитріевича равными себѣ, а другихъ сыновей Донского меньшими братьями; даетъ слово не имѣть никакихъ сношеній съ ханами и съ Литвою безъ вѣдома Василіева, увѣдомлять его о всѣхъ

движеніяхъ или намѣреніяхъ Орды, жить въ любви съ князьями Торусскими и Новосильскими, слугами великаго князя; признаетъ Оку границею своихъ и Московскихъ владѣній, и проч. Василій же, уступивъ ему Тулу, обѣщаетъ не подчинять себѣ ни земли Рязанской, ни ея князей; именуетъ Өеодора великимъ княземъ, но вообще говоритъ языкомъ верховнаго, хотя и снисходительнаго, или умѣреннаго въ властолюбіи повелителя.

Къ блестящимъ для Россіи дѣяніямъ Василіева государствованія принадлежитъ услуга, оказанная симъ великимъ княземъ императору греческому Мануилу. Уже славное царство Константина Великаго находилось при послѣднемъ издыханіи. Уступивъ всю Малую Азію, Өракію и другія владѣнія османскимъ туркамъ, которые осаждали и Царьградъ, спасенный единственно Тамерланомъ, счастливымъ врагомъ Баязетовымъ; утративъ почти все, кромѣ столицы, Мануилъ находился въ крайности и, не имѣя казны, не могъ имѣть и войска, нужнаго для своей защиты. Свѣдавъ о семъ жалостномъ оскудѣніи монарха единовѣрнаго, Василій Димитріевичъ не только самъ отправилъ къ нему (въ 1398 году) знатное количество серебра съ монахомъ Ослѣбею, бывшимъ любутскимъ боляричемъ, но уговорилъ и другихъ князей россійскихъ сдѣлать то же. Сіи дары были приняты въ Константинополѣ съ живѣйшею благодарностію: царь, патріархъ, народъ прославили великодушіе россіянъ; и Мануилъ, чтобы еще болѣе утвердить дружелюбную связь съ Москвою, женилъ (въ 1414 году) сына своего, Іоанна, на дочери Василія Димитріевича, Аннѣ. Итакъ, брачные союзы между государями Восточной имперіи и россійскими начались и заключились невѣстами одного имени. Бракъ первой Анны, супруги Владимира Святого, имѣлъ счастливыя дѣйствія для Греціи: но внука Донского видѣла тамъ одни бѣдствія и чрезъ три года скончалась отъ моровового повѣтрія. Супругъ ея царствовалъ подъ именемъ Іоанна Палеолога и не оставилъ дѣтей.

Церковныя дѣла сего времени особенно достопамятны въ нашей исторіи. Мы видѣли, что при Димитріи Россія имѣла двухъ митрополитовъ: сѣверная Пимена, южная Кипріана. Кончина перваго соединила обѣ митрополіи, и Кипріанъ, бывъ для того въ Царѣградѣ, выѣхалъ оттуда съ великою пышностію, провождаемый двумя греческими митрополитами, адріанопольскимъ и гаанскимъ, тремя архіепископами (Өеодоромъ ростовскимъ, Евфросиномъ суздальскимъ, Исаакіемъ черниговскимъ), епископомъ Михаиломъ смоленскимъ, грекомъ Іереміею рязанскимъ и Өеодосіемъ туровскимъ. Великій князь, бояре и народъ съ великою честію встрѣтили Кипріана въ Котлахъ, радуясь, что глава всего духовенства россійскаго снова будетъ обитать въ московской

столицѣ, и зная уже личныя его достоинства. Въ самомъ дѣлѣ, сей митрополитъ имѣлъ жаркое усердіе къ вѣрѣ и нравственность непорочную, строго судилъ неправды епископовъ и не дозволялъ имъ противиться власти княжеской. Такъ онъ справедливо наказалъ епископа тверского, Евфимія Вислева, обвиняемаго княземъ, духовенствомъ и народомъ въ разныхъ беззаконіяхъ; свелъ его съ епископіи и велѣлъ ему жить въ кельѣ Чудова монастыря; а епископа туровскаго, Антонія, въ угодность Витовту, лишивъ и сана святительскаго, отнявъ у него бѣлый клобукъ, ризницу, источники и скрижали, заключилъ въ Симоновской обители. Другой епископъ литовской Россіи, Савва луцкій (въ 1401 г.), призванный на соборъ девяти архіереевъ въ Москвѣ, долженствовалъ отказаться отъ своей епархіи: вѣроятно, также имѣвъ несчастіе заслужить гнѣвъ Витовтовъ. Мы говорили о судьбѣ архіепископа новогородскаго Іоанна, около трехъ лѣтъ сидѣвшаго въ монастырѣ Николаевскомъ единственно по негодованію великаго князя на сего ревностнаго ходатая правъ новогородскихъ. Дѣйствуя всегда согласно съ пользою или волею государственныхъ властителей, Кипріанъ сохранилъ подъ своимъ начальствомъ епархіи южной Россіи и былъ отмѣнно любимъ Василіемъ Димитріевичемъ. Мы должны упомянуть здѣсь о грамотѣ, будто бы данной Кипріану симъ государемъ на суды церковные и внесенной въ нѣкоторыя новѣйшія лѣтописи, съ прибавленіемъ, что она выписана изъ стараго московскаго Номоканона. Въ ней сказано: „Се азъ князь великій Василій Димитріевичъ, размысливъ съ отцомъ своимъ, митрополитомъ Кипріаномъ, возобновляю древніе уставы церковные прадѣда моего св. Владимира, и сына его, Ярослава, согласно съ греческимъ Номоканономъ... Въ лѣто 6911“ (1403). Сіи два устава, мнимый Владимировъ и Ярославовъ, суть явно подложные: могъ ли благоразумный Василій Димитріевичъ вѣрить ихъ истинѣ? могъ ли самъ митрополитъ предложить государю законы столь нелѣпые, по которымъ надлежало платить за бранное слово, сказанное женщинѣ, во сто разъ болѣе, нежели за гнуснѣйшія преступленія и злодѣйства? Кипріанъ славился не только благочестіемъ, но и дарованіями разума. Уважаемый константинопольскимъ духовенствомъ, онъ былъ призванъ имъ на соборъ, чтобы торжественно низвергнуть беззаконнаго патріарха Макарія, и вмѣстѣ съ знаменитѣйшими греческими святителями подписалъ имя свое на свиткѣ Макаріева осужденія. Любя уединеніе, онъ жилъ большею частію внѣ Москвы, въ селѣ Голенищевѣ, между Воробьевыми горами и Поклонною, гдѣ, наслаждаясь пріятными видами и тишиною, переводилъ книги съ греческаго и сочинилъ житіе св. Петра митрополита, въ коемъ,

говоря о себѣ весьма скромно, описываетъ видѣнные имъ мятежи и бѣдствія въ Греціи. Какъ ревностный учитель вѣры, онъ имѣлъ удовольствіе обратить трехъ знаменитыхъ вельможъ ханскихъ: Бахтыя, Хидыря и Мамата, которые выѣхали изъ Орды въ Москву и, просвѣщенные его бесѣдами, захотѣли креститься. Сей торжественный обрядъ совершился на берегу Москвы рѣки, въ присутствіи великаго князя и всего двора, при колокольномъ звонѣ и радостныхъ восклицаніяхъ безчисленнаго народа. Москвитяне плакали отъ умиленія, видя древнихъ гордыхъ враговъ своихъ, смиренно внимающихъ гласу митрополита, и веселились мыслію, что торжество нашей вѣры предзнаменуетъ и близкое торжество нашего отечества. Названные именами трехъ святыхъ отроковъ, Ананіи, Азаріи и Мисаила, сіи новокрещенные ходили вмѣстѣ по городу, дружелюбно кланялись народу и были имъ привѣтствуемы какъ братья.—Уважаемый и любимый, Кипріанъ скончался въ маститой старости, за нѣсколько дней до смерти (въ 1406 году) написавъ грамоту къ Василію Димитріевичу, ко всѣмъ князьямъ россійскимъ, боярамъ, духовенству, мірянамъ, благословляя ихъ и требуя христіанскаго прощенія. Архіепископъ ростовскій, Григорій, читая оную вслухъ надъ гробомъ его въ Успенскомъ соборѣ, произвелъ общее рыданіе. Съ того времени всѣ новѣйшіе митрополиты московскіе списывали сію грамоту и приказывали читать ее на своемъ погребеніи.

Преемникомъ Кипріановымъ былъ (въ 1409 г.) Фотій, морейскій грекъ, который зналъ хорошо языкъ славянскій, хотя обыкновенно писалъ имя свое по-гречески, мужъ разумный и добродѣтельный, какъ говорятъ лѣтописцы, но весьма несчастливый въ своемъ церковномъ правленіи. Пріѣхавъ въ сѣверную Россію, опустошенную тогда Эдигеемъ, онъ съ великою ревностію старался о возстановленіи митрополитскаго достоянія, расхищеннаго и непріятелемъ и корыстолюбцами. Стяжанія церковныя были захвачены мірянами; села, земли, воды, пошлины отняты: надлежало отыскивать ихъ и тягаться съ людьми сильными, съ князьями, съ боярами: чѣмъ Фотій возбудилъ на себя досаду многихъ; говорили, что онъ печется болѣе о мірскомъ, нежели о духовномъ; винили его въ излишнемъ корыстолюбіи, можетъ быть, отчасти и справедливо; по крайней мѣрѣ, самъ великій князь ему недоброхотствовалъ и, не любя митрополита, смотрѣлъ, повидимому, равнодушно и на вредъ, скоро претерпѣнный митрополіею.

Хитрый Витовтъ, безъ сомнѣнія, издавна видѣлъ съ неудовольствіемъ свои россійскія земли подъ духовною властію святителя инодержавнаго. Митрополиты наши именовались кіевскими, но жили въ Москвѣ, усердствовали ея государямъ и, повелѣвая

совѣстію людей, питали духъ братства между южною и сѣверною Россіею, опасный для правленія литовскаго; сверхъ того, собирая знатные доходы въ первой, истощали ея богатства и переводили оное въ Московское великое княженіе. Благоразумная политика Кипріанова удаляла исполненіе Витовтова замысла: сей пастырь, выѣхавъ изъ литовскихъ владѣній въ Москву, какъ въ столицу государя правовѣрнаго, слѣдственно и митрополіи, не оставлялъ Кіева; посѣтивъ его въ 1396 году, жилъ тамъ около осьмнадцати мѣсяцевъ; ѣздилъ и въ другія южныя епархіи; вообще угождалъ Витовту. Фотій, монахъ отъ юности, мало свѣдущій въ дѣлахъ государственныхъ и воспитанный въ ненависти къ латинской церкви, не искалъ милости въ Витовтѣ, усердномъ католикѣ; не хотѣлъ даже быть въ областяхъ его и требовалъ единственно доходовъ оттуда. Тогда Витовтъ, созвавъ епископовъ южной Россіи, предложилъ имъ избрать особеннаго митрополита, и велѣлъ подать себѣ жалобу на Фотія, какъ на пастыря нерадиваго. Тщетно Фотій хотѣлъ отвратить ударъ: онъ спѣшилъ въ Кіевъ, чтобы примириться съ Витовтомъ или ѣхать въ Константинополь къ патріарху; но, ограбленный въ Литвѣ, долженствовалъ возвратиться въ Москву. Намѣстники его были высланы изъ южной Россіи, волости и села митрополитскія описаны на государя и розданы вельможамъ литовскимъ. Согласно съ желаніемъ духовенства, Витовтъ послалъ въ Константинополь ученаго болгарина, именемъ Григорія Цамблака, ласковыми письмами убѣждая императора и патріарха поставить сего достойнаго мужа въ митрополиты кіевскіе. Когда же, доброхотствуя Фотію, патріархъ не исполнилъ его воли, всѣ епископы южной Россіи съѣхались въ Новогродокъ и сами собою, въ угодность государю, посвятили Цамблака въ митрополиты, написавъ во всенародное извѣстіе слѣдующую достопамятную грамоту.

„Всякое даяніе благо и всякъ даръ совершенъ, свыше исходяй отъ Отца свѣтовъ. И мы пріяли сей даръ Небесный; и мы утѣшились онымъ, епископы странъ Россійскихъ, друзья и братья по Духу Святому, смиренный архіепископъ полоцкій и литовскій, Θеодосій, епископъ Исаакій черниговскій, Діонисій луцкій, Герасимъ владимирскій, Севастіанъ смоленскій, Харитонъ хельмскій, Евфимій туровскій. Видя запустѣніе церкви кіевской, главной въ Руси, имѣя пастыря только именемъ, а не дѣломъ, мы скорбѣли душою: ибо митрополитъ Фотій презиралъ наше духовное стадо; не хотѣлъ ни править онымъ, ни видѣть его; корыстовался единственно нашими церковными доходами и переносилъ въ Москву древнюю утварь кіевскихъ храмовъ. Богъ милосердый подвигнулъ сердце великаго князя Александра Витовта, литовскаго и многихъ русскихъ земель господаря: онъ изгналъ Фотія и просилъ инаго

митрополита отъ царя и патріарха; но, ослѣпленные неправедною мздою, они не вняли моленію праведному. Тогда великій князь собралъ насъ, епископовъ, всѣхъ князей литовскихъ, русскихъ и другихъ подвластныхъ ему, бояръ, вельможъ, архимандритовъ, игуменовъ, священниковъ — и мы въ новомъ градѣ литовскомъ, въ храмѣ Богоматери, по благодати Святаго Духа и преданію апостольскому, посвятили кіевской церкви митрополита, именемъ Григорія, и свергнули Фотія, представивъ его вины патріарху, да не рекутъ люди сторонніе: Государь Витовтъ иной вѣры; онъ не печется о кіевской церкви, которая есть мать русскимъ, ибо Кіевъ есть мать всѣмъ городамъ нашимъ. Епископы издревле имѣли власть ставить митрополитовъ, и при великомъ князѣ Изяславѣ посвятили Климента. Такъ и болгары, древнѣйшіе насъ въ христіанствѣ, имѣютъ собственнаго первосвятителя; такъ и сербы, коихъ земля не можетъ равняться ни величествомъ, ни множествомъ народа съ областями Александра Витовта. По что говорить о болгарахъ и сербахъ! Мы послѣдовали уставу апостоловъ, которые предали намъ, ученикамъ своимъ, благодать Св. Духа, равно дѣйствующую на всѣхъ епископовъ. Собираяся во имя Господне, святители вездѣ могутъ избирать достойнаго учителя и пастыря, Самимъ Богомъ избираемаго. Да не скажутъ легкомысленные: отлучимся отъ нихъ, когда они удалились отъ церкви греческой! Нѣтъ, мы хранимъ преданія святыхъ отцовъ, клянемъ ереси, чтимъ патріарха константиноградскаго и другихъ; имѣемъ одну вѣру съ ними, но отвергаемъ только беззаконную въ церковныхъ дѣлахъ власть, присвоенную царями греческими: ибо не патріархъ, но царь даетъ нынѣ митрополитовъ, торгуя важнымъ первосвятительскимъ саномъ. Такъ Мануилъ, любя не славу церкви, а корысть свою, въ одно время прислалъ намъ трехъ митрополитовъ: Кипріана, Пимена и Діонисія. Сіе было виною многихъ долговъ, убытковъ, мятежа, убійства, и—что всего хуже — безчестія для нашей митрополіи. Разсудивъ же, что не подобаетъ царю-міpянину ставить митрополитовъ за деньги, мы избрали достойнаго первосвятителя... Въ лѣто 6924 индикта, ноября 15[и] (въ 1415 году).

Тщетно Фотій писалъ грамоты къ вельможамъ и народу южной Россіи, опровергая незаконное посвященіе Григорія, какъ дѣло одной мірской власти или иновѣрнаго учителя, врага истинной церкви: древняя единственная митрополія наша раздѣлилась оттолѣ на двѣ, и московскіе первосвятители оставались только по имени кіевскими. Григорій Цамблакъ, мужъ ученый и книжный, замышляя для славы своей соединить церковь греческую съ латинскою, ѣздилъ для того съ литовскими панами въ Римъ и въ Констан-

тинополь, но возвратился безъ успѣха и скончался въ 1419 году, хвалимый въ южной Россіи за свое усердіе къ вѣрѣ и проклинаемый въ московской соборной церкви, какъ отступникъ. Онъ уставилъ торжествовать память св. Параскевы Тарновской и написалъ ея житіе вмѣстѣ со многими христіанскими поученіями. Преемникомъ его въ кіевской митрополіи былъ Герасимъ, смоленскій епископъ, поставленный константинопольскимъ патріархомъ въ 1433 году.

Отвергая мнимую Василіеву грамоту о судѣ церковномъ, между памятниками его княженія нашли мы другую, гораздо несомнительнѣйшую, о судѣ гражданскомъ. Она тѣмъ любопытнѣе, что со временъ Ярослава Великаго до XV вѣка не встрѣчалось намъ ни въ лѣтописяхъ, ни въ архивахъ ничего относительнаго къ древнему россійскому законодательству. Сія судная грамота писана къ двинскимъ жителямъ, когда они, въ 1397 г., признали себя подданными государя московскаго, и содержитъ слѣдующее:

„Буде я, великій князь, опредѣлю къ вамъ въ намѣстники своего боярина, или двинскаго, то они должны поступать согласно съ симъ предписаніемъ.

„Ежели сдѣлается убійство, то сыскать убійцу; ежели не найдутъ его, то волость платитъ намѣстнику 10 рублей; за рану кровавую 30 бѣлокъ, за синюю 15 бѣлокъ; а преступникъ наказывается особенно.

„Кто обезчеститъ боярина словами или ударитъ, съ того взыскиваютъ намѣстники пеню по чину или роду обиженнаго.

„Буде драка случится въ пиршествѣ, и тамъ же прекратится миромъ, то намѣстникамъ и дворянамъ нѣтъ дѣла; а буде миръ сдѣлается уже послѣ, то намѣстникъ беретъ куницу шерстью.

„Перепахавъ или перекосивъ межу на одномъ полѣ или на одномъ лугу, виновный даетъ барана, за перепаханную межу сельскую 30 бѣлокъ, за княжескую 120 бѣлокъ; но его не вязать.—Вообще всѣ судимые, дающіе порукъ, остаются свободны. Съ человѣка скованнаго дворянамъ судейскимъ не просить ничего: всякое обѣщаніе въ такомъ случаѣ недѣйствительно.

„У кого найдется краденое, но кто сведетъ съ себя татьбу и доищется вора, тому нѣтъ наказанія. Воръ же платитъ первый разъ цѣну украденнаго; за преступленіе вторичное наказывается тяжкою денежною пенею, а въ третій разъ висѣлицею. Тать во всякомъ случаѣ долженъ быть заклейменъ.

„Уличенный въ самосудѣ платитъ 4 рубля; а самосудъ есть то, когда гражданинъ или земледѣлецъ, схвативъ татя, отпуститъ его за деньги, а намѣстники о семъ узнаютъ.

„Кто, будучи вызываемъ къ суду, не явится, на того намѣстники даютъ грамоту правую безсудную или обвинительную.

„Господинъ, ударивъ холопа своего и нечаянно убивъ до смерти, не отвѣтствуетъ за то намѣстникамъ.

„Въ тяжбахъ со всякаго рубля намѣстнику полтина.

„Обиженные намѣстникомъ приносятъ жалобу мнѣ, великому князю. Я потребую его къ отвѣту; и буде въ срокъ не явится, то велю приставу княжескому поступить съ нимъ какъ съ виновнымъ.

„Двинскіе купцы не должны быть судимы ни въ Устюгѣ, ни въ Вологдѣ, ни въ Костромѣ. Если будутъ обличены въ татьбѣ, то представить ихъ ко мнѣ, великому князю, и ждать моего суда, или жаловаться на нихъ двинскимъ моимъ намѣстникамъ.

„Двиняне торгуютъ безъ пошлины во всѣхъ областяхъ великаго княженія, платя единственно устюжскимъ и вологодскимъ намѣстникамъ двѣ мѣры соли съ ладіи, а съ воза двѣ бѣлки" и проч. Далѣе опредѣляется платежъ дворянамъ или судейскимъ отрокамъ (какъ они въ древней Русской Правдѣ именуются) за трудъ и переѣзды.

Сіи законы уже не сходствуютъ съ Уставомъ Ярослава Великаго, опредѣляя смертную казнь за воровство, наказываемое у насъ въ старину одною денежною пенею.—Подъ именемъ бѣлокъ, упоминаемыхъ здѣсь въ означеніи цѣнъ, должно разумѣть не древнія векши, или кожаную монету, а дѣйствительныя бѣльи шкуры, такъ же, какъ въ другомъ мѣстѣ сей грамоты сказано, что намѣстникъ за драку беретъ куницу шерстью, слѣдственно кунью шкуру. Нѣтъ вѣроятности, чтобы виновный за кровавую рану и за перепаханіе межи платилъ только 30 векшей, сумму ничтожную по цѣнѣ древнихъ кожаныхъ денегъ. Впрочемъ, сіи деньги, или куны, тогда еще ходили въ Двинской землѣ: ибо новогородское правительство отмѣнило ихъ уже въ 1410 году, замѣнивъ оныя мѣдными грошами литовскими и шведскими ортугами, а въ 1420 году серебряною монетою, подобною московской и другимъ россійскимъ, продавъ мѣдную нѣмцамъ. То же сдѣлали и псковитяне; и съ сего времени во всей Россіи начала ходить собственная монета серебряная. Куны, наконецъ, столь унизились въ цѣнѣ, что въ 1407 году псковитяне давали ими 15 гривенъ за полтину серебра.

Въ прибавленіе къ исторіи Василія Димитріевича сообщимъ слѣдующія извѣстія:

Въ его княженіе россіяне начали счислять годы міроздания съ сентября мѣсяца, оставивъ древнее лѣтосчисленіе съ марта. Вѣ-

роятно, что митрополитъ Кипріанъ первый ввелъ сію новость, подражая тогдашнимъ грекамъ.

Уже при Димитріи Донскомъ нѣкоторые знаменитые граждане именовались по родамъ или фамиліямъ, вмѣсто прозвищъ, коими различались прежде люди одного имени и отчества: при Василіи сіе обыкновеніе утвердилось, и древнія славянскія имена вышли изъ употребленія.

Въ сіе время Москва славилась иконописцами, Симеономъ Чернымъ, старцемъ Прохоромъ, городецкимъ жителемъ Даніиломъ и монахомъ Андреемъ Рублевымъ, столь знаменитымъ, что иконы его въ теченіе ста-пятидесяти лѣтъ служили образцомъ для всѣхъ иныхъ живописцевъ. Въ 1405 году онъ расписалъ церковь св. Благовѣщенія на дворѣ великокняжескомъ, а въ 1408 соборную св. Богоматери въ Владимирѣ, первую вмѣстѣ съ грекомъ Ѳеофаномъ и съ Прохоромъ, а вторую съ Даніиломъ.—И въ литейномъ художествѣ Москва имѣла искусныхъ мастеровъ: одинъ изъ нихъ (въ 1420 году) научилъ псковскаго гражданина Ѳеодора лить свинцовыя доски для кровли церковной: за то псковитяне дали ему 46 рублей. Дерптскіе нѣмцы, скрывая отъ россіянъ всѣ успѣхи полезныхъ художествъ, никакъ не хотѣли присылать къ нимъ своихъ мастеровъ.

Въ 1404 году монахъ Аѳонской горы, именемъ Лазарь, родомъ сербинъ, сдѣлалъ въ Москвѣ первые боевые часы, которые были поставлены на великокняжескомъ дворѣ за церковію Благовѣщенія и стоили болѣе полутораста рублей, то есть около тридцати фунтовъ серебра. Народъ удивлялся сему произведенію искусства, какъ чуду.

Въ 1394 году великій князь, желая болѣе укрѣпить столицу, велѣлъ копать ровъ отъ Кучкова поля, или нынѣшнихъ Срѣтенскихъ воротъ, до Москвы-рѣки, глубиною въ человѣка, а шириною въ сажень. Для сего, къ неудовольствію гражданъ, надлежало разметать многіе домы: ибо ровъ шелъ сквозь улицы и дворы. Слѣдственно, Москва была тогда уже обширнѣе нынѣшняго Бѣлаго города.

Въ 1390 году знатный юноша, именемъ Осей, сынъ великокняжескаго пѣстуна, былъ смертельно уязвленъ оружіемъ въ Коломнѣ на игрушкѣ, какъ сказано въ лѣтописи; сіе извѣстіе служитъ доказательствомъ, что предки наши, подобно другимъ европейцамъ, имѣли рыцарскія игры, столь благопріятныя для мужества и славолюбія юныхъ витязей.

Въ посланіи митрополита Фотія, писанномъ въ 1410 году къ новогородскому архіепископу Іоанну, находимъ нѣкоторыя достопамятныя черты относительно къ тогдашнимъ понятіямъ, обыкно-

веніямъ и правамъ. Фотій велитъ наказывать эпитиміею мужа и жену, которые совокупились бракомъ безъ церковнаго, іерейскаго благословенія, и вѣнчать свадьбы послѣ обѣдни, а не въ полдень, не ночью; дозволяетъ третій бракъ единственно молодымъ людямъ, не имѣющимъ дѣтей, и съ условіемъ не входить въ церковь пять лѣтъ, или заслужить прощеніе искреннимъ, ревностнымъ покаяніемъ, слезами и сокрушеніемъ сердца; возбраняетъ дѣвицамъ замужество прежде двѣнадцати лѣтъ; всѣхъ, дерзающихъ пить вино до обѣда лишаетъ причащенія; строго осуждаетъ непристойную брань именемъ отца или матери; запрещаетъ духовенству торговать и лихоимствовать, инокамъ и черницамъ жить въ одномъ монастырѣ, вдовымъ іереямъ быть въ женскихъ обителяхъ; людямъ легковѣрнымъ слушать басни и принимать лихихъ бабъ съ узлами, съ ворожбою и съ зеліемъ. Сей митрополитъ изъявлялъ отмѣнное усердіе къ истинному христіанскому просвѣщенію и писалъ многія поучительныя посланія къ духовенству, князьямъ и народу.

Василій Димитріевичъ за 18 лѣтъ до кончины своей оплакалъ смерть матери, Евдокіи, славной умомъ, а еще болѣе христіанскими добродѣтелями, и сравниваемой лѣтописцами съ Маріею, супругою внука Мономахова, Всеволода Великаго, въ ревности къ украшенію церквей. Она построила Вознесенскій дѣвическій монастырь въ Кремлѣ, церковь Рождества Богоматери и другія, расписанныя грекомъ Өеофаномъ и Симеономъ Чернымъ. Сія княгиня набожная сколь любила добродѣтель, столь ненавидѣла ея личину; изнуряя тѣло свое постами, хотѣла казаться тучною; носила на себѣ нѣсколько одеждъ; украшалась бисеромъ, являлась вездѣ съ лицомъ веселымъ и радовалась, слыша, что злословіе представляетъ ея цѣломудріе сомнительнымъ. Говорили, что Евдокія желаетъ нравиться, и даже имѣетъ любовниковъ. Сія молва оскорбила сыновей, особенно Юрія Димитріевича, который не могъ скрыть своего безпокойства отъ матери. Евдокія призвала ихъ и свергнула съ себя часть одежды: сыновья ужаснулись, видя худобу ея тѣла и кожу, совершенно изсохшую отъ неумѣреннаго воздержанія. „Вѣрьте,—сказала она, — что ваша мать цѣломудренна; но видѣнное вами да будетъ тайною для міра. Кто любитъ Христа, долженъ сносить клевету и благодарить Бога за оную“. Но злословіе скоро умолкло: Евдокія, незадолго до кончины оставивъ міръ и названная въ монашествѣ Евфросиніею, преставилась съ именемъ святой угодницы Божіей.

ГЛАВА III.

Великій князь Василій Васильевичъ Темный.

Г. 1425—1462.

Чудо.—Междоусобіе.—Язва.—Нашествіе Литвы.—Съѣздъ въ Литвѣ. — Характеръ Витовта.—Происшествія литовскія.—Набѣги татаръ. — Судъ въ Ордѣ.—Междоусобія.—Злодѣйство. — Распри съ Новымгородомъ. — Рожденіе Іоанна Великаго.—Дань ордынская. — Изгнанный ханъ въ Бѣлевѣ. — Царство казанское.—Смерть Димитрія Краснаго.—Соборъ Флорентійскій.—Новая вражда.—Дѣла новогородскія.—Войны.—Храбрость Мустафы.—Нашествіе царя казанскаго.—Плѣнъ великаго князя. — Ужасъ и бѣдствіе Москвы. — Разбой князя Тверского.—Освобожденіе Василія.—Землетрясеніе.—Злодѣйство Шемякино.—Ослѣпленіе великаго князя.—Безразсудность Шемяки.—Пословица.—Вѣроломство.—Смиреніе Василія. — Обрученіе юнаго Іоанна. — Изгнаніе Шемяки. — Клятва.—Благоразумное правленіе Василіево.—Булла папы. — Іоаннъ соправитель.—Договоры.—Достопамятное посланіе. — Послѣдняя изъ знаменитыхъ битвъ княжескаго междоусобія.—Нашествіе татаръ.—Смерть Шемяки.—Успѣхи единовластія.—Усмиреніе Новагорода.—Рязанскій князь воспитывается въ Москвѣ.—Неблагодарность Василіева.—Покореніе Вятки.—Дѣла псковскія.—Набѣги татаръ. — Кончина и свойства Василіевы. — Жестокость тогдашнихъ нравовъ.—Суевѣріе.—Перемѣна монеты въ Новѣгородѣ. — Дѣла церковныя.—Взятіе Константинополя турками.—Начало Крымской Орды.

Новый великій князь имѣлъ не болѣе десяти лѣтъ отъ рожденія. Подобно отцу и дѣду въ началѣ ихъ государствованія, онъ зависѣлъ отъ совѣта боярскаго, но не могъ равняться съ ними ни въ счастіи, ни въ душевныхъ способностяхъ. Не бывъ еще никогда жертвою внутренняго междоусобія, великое княженіе Московское при Василіи Темномъ долженствовало испытать сіе зло и видѣть уничиженіе своего вѣнценосца, имъ заслуженное. Только Провидѣніе, обстоятельства и вѣрность народная, какъ бы вопреки худымъ совѣтникамъ престола, спасли знаменитость Москвы и Россію.

Сей князь еще въ колыбели именовался Великимъ по слѣдующему происшествію, коего истину утверждаютъ лѣтописцы. Мать его не скоро разрѣшилась отъ бремени и терпѣла ужасныя муки. Безпокойный отецъ просилъ одного святого инока Іоанновской обители молиться о княгинѣ Софіи. „Не тревожься!—отвѣтствовалъ старецъ, — Богъ даруетъ тебѣ сына и наслѣдника всей Россіи". Между тѣмъ духовникъ великокняжескій, священникъ Спасскаго Кремлевскаго монастыря, сидѣлъ въ своей кельѣ и вдругъ услышалъ голосъ:—„иди и дай имя великому князю Василію". Священникъ отворилъ дверь и, не видя никого, удивился; спѣшилъ во дворецъ и свѣдалъ, что Софія, дѣйствительно,

въ самую ту минуту родила сына. Невидимаго вѣстника, приходившаго къ духовнику, сочли ангеломъ; младенца назвали Василіемъ, и народъ съ сего времени видѣлъ въ немъ своего будущаго государя, ожидая отъ него, какъ вѣроятно, чего-нибудь необыкновеннаго. Надежда осталась безъ исполненія, но могла быть причиною особеннаго усердія москвитянъ къ сему внуку Донского.

Василій Димитріевичъ преставился ночью: митрополитъ Фотій въ тотъ же часъ послалъ своего боярина, Іакиноа Слебяшева, въ Звенигородъ къ князю Юрію Димитріевичу, съ требованіемъ, чтобы онъ, вмѣстѣ съ меньшими братьями, признать племянника великимъ княземъ. Но Юрій, всегда имѣвъ надежду, въ противность новому уставу, быть преемникомъ старшаго брата, не захотѣлъ ѣхать въ Москву, удалился въ Галичъ и, свѣдавъ о торжественномъ восшествіи юнаго Василія на великокняжескій престолъ, отправилъ къ нему посла съ угрозами. Ни дядя, ни племянникъ не думалъ уступить старѣйшинства; и хотя заключили перемиріе до Петрова дня, однакожъ Юрій, не теряя времени, собиралъ войско въ городахъ своего удѣла. Великій князь предупредилъ его и вмѣстѣ съ другими дядями выступилъ къ Костромѣ. Юрій ушелъ въ Новгородъ Нижній; наконецъ за рѣку Суру, откуда Константинъ Димитріевичъ, отправленный вслѣдъ за нимъ съ полками великокняжескими, возвратился въ Москву безъ всякой битвы. Юрій требовалъ новаго перемирія на годъ; а Василій, по совѣту матери, дядей и самого Витовта Литовскаго, послалъ къ нему въ Галичъ митрополита Фотія, который, бывъ встрѣченъ за городомъ всѣмъ княжескимъ семействомъ, съ изумленіемъ увидѣлъ тамъ множество собраннаго изъ разныхъ областей народа. Юрій думалъ похвалиться безчисленностью своихъ людей, и густыми толпами ихъ усыпалъ всю гору при въѣздѣ въ Галичъ съ московской стороны; но митрополитъ, отгадавъ его мысль, съ насмѣшкою далъ ему чувствовать, что крестьяне не воины и сермяги не латы. Начали говорить о мірѣ: Юрій не хотѣлъ онаго, требуя единственно перемирія, и столь разгнѣвалъ Фотія, что сей первосвятитель, не благословивъ ни князя, ни города, немедленно уѣхалъ. Въ лѣтописи сказано, что въ самый день митрополитова отбытія сдѣлался моръ въ Галичѣ; что Юрій, приведенный тѣмъ въ ужасъ, верхомъ поскакалъ вслѣдъ за Фотіемъ и, догнавъ его за озеромъ, въ селѣ Пасынковѣ, слезами и раскаяніемъ убѣдилъ возвратиться; что благословеніе пастыря, данное народу, прекратило болѣзнь, и князь послалъ въ Москву двухъ вельможъ заключить миръ, обѣщавъ не искать великаго княженія, пока царь ординскій рѣшитъ, кому принадлежитъ оное.

Смутное начало Васильева княженія предвѣщало бѣдствія государственныя Россіи, еще опустошаемой тою язвою, которую мы описали въ исторіи отца его и которая съ Троицына дня возобновилась въ Москвѣ, завезенная туда изъ Ливоніи черезъ Псковъ, Новгородъ и Тверь, гдѣ въ одинъ годъ скончались Іоаннъ Михайловичъ, сынъ Іоанновъ, Александръ, и внукъ Юрій Александровичъ, княживъ мѣсяцъ. Братъ Юріевъ, Борисъ, сѣлъ на тверскомъ престолѣ, отдавъ племяннику, Іоанну Юрьевичу, городъ Зубцевъ и взявъ подъ стражу дядю своего, Василія Михайловича Кашинскаго. Въ Москвѣ преставились дядя великаго князя Петръ Димитріевичъ и три сына Владиміра Храбраго, Андрей, Ярославъ и Василій. Въ Торжкѣ, Волокѣ, Дмитровѣ и въ другихъ городахъ умерло множество людей. Отличнымъ знакомъ сей новой язвы былъ синій или багровый пузырь на тѣлѣ: синій предзнаменовалъ неизбѣжную смерть въ третій день, а багровый выгнивалъ, и недужные оставались живы.

Лѣтописецъ говоритъ, что съ сего времени, какъ нѣкогда съ Ноева потопа, вѣкъ человѣческій сократился въ Россіи и предки наши сдѣлались тщедушнѣе, слабѣе; что въ разныхъ мѣстахъ были страшныя явленія; что отъ великой засухи (въ 1430 году) воды истощились; земля, боры горѣли: люди среди густыхъ облаковъ дыма не могли видѣть другъ друга; звѣри, птицы и рыбы въ рѣкахъ умирали; вездѣ голодъ и болѣзни свирѣпствовали. Однимъ словомъ, послѣдніе годы Василія Димитріевича и первые сына его составляютъ печальнѣйшую эпоху нашей исторіи въ XV вѣкѣ. Язва возобновлялась еще во Псковѣ и въ Москвѣ около 1442 и 1448 года.

Непріятели внѣшніе также безпокоили Россію. Корыстолюбивый Витовтъ, не боясь малолѣтняго Василія (въ 1426 году), приступилъ къ Опочкѣ, городу псковскому, съ войскомъ многочисленнымъ, въ коемъ были даже богемцы, волохи и дружина хана татарскаго, Махмета. Жители употребили хитрость: сдѣлали тонкій мостъ передъ городскими воротами, укрѣпивъ его однѣми веревками и набивъ подъ нимъ, въ глубокомъ рвѣ, множество острыхъ кольевъ; а сами укрылись за стѣнами. Непріятели, не видя никого, вообразили, что крѣпость пуста, и толпами бросились на мостъ: тогда граждане подрѣзали веревки. Литовцы, падая на колья, умирали въ мукахъ; другіе же, взятые въ плѣнъ, терпѣли еще лютѣйшія: граждане сдирали съ нихъ кожу въ глазахъ Витовта и всего осаждающаго войска. Сіе варварство имѣло счастливый успѣхъ: ибо князь Литовскій, увѣренный, что россіяне будутъ обороняться до послѣдняго издыханія, отступилъ къ Ворончу. Тутъ сдѣлалась страшная буря съ грозою, столь необыкновенная, что литовцы ожидали преставленія свѣта, и самъ Витовтъ, обхва-

тивъ руками шатерный столбъ, въ ужасѣ вопилъ: Господи помилуй! Сіе худое начало расположило его къ миру. Псковитяне, тревожимые нѣмцами, оставленные новогородцами, обманутые надеждою и на посредничество великаго князя, коего посолъ не могъ ничего для нихъ сдѣлать, обязались заплатить Витовту 1,450 рублей серебра. Черезъ два года онъ посѣтилъ и богатыхъ новогородцевъ, которые спорили съ нимъ о границахъ и дерзнули назвать его измѣнникомъ. Современный историкъ польскій описываетъ ихъ людьми мирными, преданными сластолюбію и роскоши: въ надеждѣ на свои непроходимыя болота, они смѣялись надъ угрозами Витовта и велѣли ему сказать, что варятъ медъ для его прибытія; но сей старецъ, еще бодрый и дѣятельный, со многочисленнымъ войскомъ открылъ себѣ путь сквозь опасныя зыби такъ называемаго Чернаго лѣса. Десять тысячъ работниковъ шли впередъ, устилая дорогу срубленными деревьями, которыя служили мостомъ для пѣхоты, конницы и снаряда огнестрѣльнаго, пищалей, тюфяковъ и пушекъ. Витовтъ осадилъ Порховъ. Лѣтописцы разсказываютъ, что самая огромная изъ его пушекъ, сдѣланная нѣмецкимъ мастеромъ Николаемъ, называемая галкою и привезенная на 40 лошадяхъ, однимъ выстрѣловъ сразила каменную городскую башню и стѣну въ церкви св. Николая; но разлетѣлась на части и своими обломками умертвила множество литовцевъ, въ томъ числѣ и самого мастера вмѣстѣ съ воеводою полоцкимъ. Въ городѣ начальствовалъ посадникъ Григорій и знаменитый мужъ Исаакъ Борецкій; не имѣя ни малой надежды отстоять крѣпость, они выѣхали къ непріятелю и предложили ему 5,000 рублей; а новогородцы, приславъ архіепископа Евфимія съ чиновниками въ станъ литовскій, также старались купить миръ серебромъ. Витовтъ могъ бы, безъ сомнѣнія, осадить и Новгородъ; однакожъ, разсуждая, что вѣрное лучше невѣрнаго, взялъ 10,000 рублей, за плѣнниковъ же особенную тысячу, и сказавъ: „впредь не смѣйте называть меня ни измѣнникомъ, ни бражникомъ“, возвратился въ Литву. Сія дань, составляя не менѣе пятидесяти-пяти пудовъ серебра, была тягостна для новогородцевъ, которые собирали ее по всѣмъ ихъ областямъ и въ Заволочьѣ; каждые десять человѣкъ вносили въ казну рубль; слѣдовательно въ новогородской землѣ находилось не болѣе ста-десяти тысячъ людей или владѣльцевъ, платившихъ государственныя подати.

Несмотря на сіи непріятельскія дѣйствія Витовта въ сѣверозападной Россіи, онъ жилъ мирно съ юнымъ внукомъ своимъ, великимъ княземъ; обязалъ его даже клятвою не вступаться ни въ новогородскія, ни въ псковскія дѣла, и въ 1430 году дружески пригласилъ къ себѣ въ гости. Съ Василіемъ отправился въ Литву и митрополитъ Фотій. Въ Трокахъ нашли они сѣдого осьми-

десятилѣтняго Витовта, окруженнаго сонмомъ вельможъ литовскихъ. Скоро съѣхались къ нему многіе гости знаменитые: князья Борисъ Тверскій, Рязанскій, Одоевскій, Мазовскій, ханъ перекопскій, изгнанный господарь волошскій Илія, послы императора греческаго, великій магистръ прусскій, ландмаршалъ ливонскій со своими сановниками и король Ягайло. Лѣтописцы говорятъ, что сей торжественный съѣздъ вѣнценосцевъ и князей представлялъ зрѣлище рѣдкое; что гости старались удивить хозяина великолѣпіемъ своихъ одеждъ и многочисленностью слугъ, а хозяинъ удивлялъ гостей пирами роскошными, какихъ не бывало въ Европѣ, и для коихъ ежедневно изъ погребовъ княжескихъ отпускалось 700 бочекъ меду, кромѣ вина, романеи, пива, а на кухню привозили 700 быковъ и яловицъ, 1.400 барановъ, 100 зубровъ, столько же лосей и кабановъ. Праздновали около семи недѣль въ Трокахъ и въ Вильнѣ; но занимались и важнымъ: оно состояло въ томъ, что Витовтъ, по совѣту цесаря Сигизмунда (имѣвшаго съ нимъ, въ генварѣ 1429 года, свиданіе въ Луцкѣ), хотѣлъ назваться королемъ литовскимъ и принять вѣнецъ отъ руки посла римскаго. Къ досадѣ сего величаваго старца, вельможи польскіе воспротивились его намѣренію, боясь, чтобы Литва, сдѣлавшись особеннымъ королевствомъ, не отдѣлилась отъ Польши, къ ихъ вреду обоюдному, чего, дѣйствительно, тайно желалъ хитрый цесарь. Тщетно грозилъ Витовтъ: самъ папа, взявъ сторону ягайловыхъ вельможъ, запретилъ ему думать о вѣнцѣ королевскомъ, и веселые пиры заключились болѣзнію огорченнаго хозяина. Всѣ разъѣхались; одинъ Фотій жилъ еще нѣсколько дней въ Вильнѣ, стараясь, какъ вѣроятно, о присоединеніи кіевской митрополіи къ московской; наконецъ, отпущенный съ ласкою, свѣдалъ въ Новогродкѣ о смерти Витовта. Сей князь, тогда славнѣйшій изъ государей сѣверной Европы, былъ для нашего отечества ужаснѣе Гедимина и Ольгерда, своими завоеваніями стѣснивъ предѣлы Россіи на югѣ и западѣ; въ тѣлѣ маломъ вмѣщалъ душу великую; умѣлъ пользоваться случаемъ и временемъ, повелѣвать народомъ и князьями, награждать и наказывать; за столомъ, въ дорогѣ, на охотѣ занимался дѣлами; обогащая казну войною и торговлею, собирая несмѣтное множество серебра, золота, расточалъ оныя щедро, но всегда съ пользою для себя; человѣколюбія не вѣдалъ; смѣялся надъ правилами государственнаго нравоученія; нынѣ давалъ, завтра отнималъ безъ вины; не искалъ любви, довольствуясь страхомъ; въ пирахъ отличался трезвостію и, подобно Ольгерду, не пилъ ни вина, ни крѣпкаго меда, но любилъ женъ, и нерѣдко, оставляя рать въ полѣ, обращалъ коня къ дому, чтобы летѣть въ объятія юной супруги. Съ нимъ, по словамъ историка польскаго, возсіяла и затмилась слава народа

литовскаго, къ счастію Россіи, которая, безъ сомнѣнія, погибла бы навѣки, если бы Витовтовы преемники имѣли его умъ и славолюбіе: но Свидригайло, братъ Ягайловъ, и Сигизмундъ, сынъ Кестутіевъ, одинъ послѣ другого властвовавъ надъ Литвою, изнуряли только ея силы междоусобіемъ, войнами съ Польшею, тиранствомъ и грабительствомъ. Свидригайло, зять князя Тверскаго, Бориса, всегда омраченный парами вина, служилъ примѣромъ вѣтренности и неистовства, однакожъ былъ любимъ россіянами за его благоволеніе къ вѣрѣ греческой. Братъ Витовтовъ, Сигизмундъ, изгнавъ Свидригайло—бывшаго потомъ нѣсколько лѣтъ пастухомъ въ Молдавіи — господствовалъ, какъ ужаснѣйшій изъ тирановъ, и, палимый страстію златолюбія, губилъ вельможъ, купцовъ, богатыхъ гражданъ, чтобы овладѣть ихъ достояніемъ; не вѣря людямъ, вмѣсто стражи держалъ при себѣ дикихъ звѣрей и не могъ спастися отъ ножа убійцъ: князья Іоаннъ и Александръ Черторижскіе, внуки Ольгердовы, умертвили сего изверга, коего преемникомъ былъ (въ 1440 году) сынъ Ягайловъ, Казимиръ, а добродушный сынъ Сигизмундовъ, Михаилъ, умеръ изгнанникомъ въ Россіи, отравленный какимъ-то злодѣемъ по наущенію вельможъ литовскихъ, какъ думали. Новогородцы въ 1431 году заключили мирный договоръ съ Свидригайломъ, а въ 1436 съ Сигизмундомъ.

Что въ сіе время происходило въ Ордѣ, о томъ не имѣемъ никакого свѣдѣнія. Въ 1426 году татары плѣнили нѣсколько человѣкъ въ Украйнѣ Рязанской; другая многочисленная толпа ихъ, предводительствуемая царевичемъ и княземъ, черезъ три года опустошила Галичъ, Кострому, Плесо и Лугъ. Единственною цѣлію сихъ впаденій былъ грабежъ. Настигнувъ хищниковъ, рязанцы отняли отъ нихъ и добычу, и плѣнныхъ; а дяди князя великаго, Андрей и Константинъ Димитріевичи, ходили вслѣдъ за царевичемъ до Нижняго. Они не могли догнать непріятеля; но князь Стародубскій-Пестрый и Ѳеодоръ Константиновичъ Добрынскій, недовольные ихъ медленностію, тайно отдѣлились отъ московскаго войска съ своими дружинами и на голову побили задній отрядъ татарскій. Осенью, въ 1430 году, князь ординскій, Айдаръ, воевалъ Литовскую Россію и приступилъ къ Мценску; отраженный тамошнимъ храбрымъ начальникомъ, Григорьемъ Протасьевымъ, употребилъ обманъ: давъ ему клятву въ дружествѣ, вызвалъ его изъ города и взялъ въ плѣнъ. Золотая Орда повиновалась тогда хану Махмету, который, уважая народное право, осыпалъ Айдара укоризнами, а мужественнаго воеводу Григорія ласками и возвратилъ ему свободу: примѣръ чести, весьма рѣдкій между варварами! Въ томъ же году, весною, великій князь посылалъ воеводу своего, князя Ѳеодора Давидовича

Пестраго, на Волжскую и Камскую Болгарію, гдѣ россіяне взяли не мало плѣнниковъ.

Миновало около шести лѣтъ послѣ заключеннаго юнымъ Василіемъ мира съ дядею его Юріемъ: условіе рѣшить споръ о великомъ княженіи судомъ ханскимъ оставалось безъ исполненія: для того ли, что цари непрестанно мѣнялись въ мятежной Ордѣ, или Василій хотѣлъ уклониться отъ сего постыднаго для нашихъ князей суда, въ надеждѣ смирить дядю? Они, дѣйствительно, въ 1428 году клятвою утвердили договоръ, чтобы каждому остаться при своемъ, но Юрій, года три живъ спокойно, объявилъ войну племяннику. Тогда великій князь предложилъ дядѣ ѣхать къ царю Махмету: согласились, и Василій, раздавъ по церквамъ богатую милостыню, съ горестнымъ сердцемъ оставилъ Москву; въ прекрасный лѣтній день, августа 15, обѣдалъ на лугу близъ Симонова монастыря и не могъ безъ слезъ смотрѣть на блестящія главы его храмовъ. Никто изъ князей Московскихъ не погибалъ въ Ордѣ: бояре утѣшали юнаго Василія разсказами о чести и ласкахъ, оказанныхъ тамъ его родителю; но мысль отдать себя въ руки невѣрнымъ и съ престола знаменитаго пасть къ ногамъ варвара омрачала скорбію душу сего слабаго юноши. За нимъ отправился и Юрій. Они вмѣстѣ прибыли въ улусъ баскака московскаго Булата, друга Василіева и непріятеля Юріева. Но сей послѣдній имѣлъ заступника въ сильномъ мурзѣ Тегинѣ, который увезъ его съ собою зимовать въ Тавриду и далъ слово исходатайствовать ему великокняжеское достоинство. Къ счастію Василія, былъ у него бояринъ хитрый, искательный, велерѣчивый, именемъ Іоаннъ Димитріевичъ: онъ умѣлъ склонить всѣхъ ханскихъ вельможъ въ пользу своего юнаго князя, представляя, что имъ всѣмъ будетъ стыдно, если Тегиня одинъ доставитъ Юрію санъ великокняжескій; что сей мурза необходимо присвоитъ себѣ власть и надъ Россіею и надъ Литвою, гдѣ господствуетъ другъ Юріевъ, Свидригайло; что самъ царь Ординскій уже не посмѣетъ ни въ чемъ ослушаться вельможи столь сильнаго, и что всѣ другіе сдѣлаются рабами Тегини. Такія слова уязвили, какъ стрѣла, по выраженію лѣтописца, сердце вельможъ ханскихъ, въ особенности Булата и Айдара; они усердно начали ходатайствовать у царя за Василія и чернить Тегиню, такъ что легковѣрный Махметъ наконецъ обѣщалъ имъ казнить смертію сего мурзу, буде онъ дерзнетъ вступиться за Юрія. Весною дядя Василіевъ пріѣхалъ изъ Тавриды въ Орду; а съ нимъ и Тегиня, который, свѣдавъ о расположеніи царя, уже не смѣлъ ему противорѣчить. Махметъ нарядилъ судъ, чтобы рѣшить споръ дяди съ племянникомъ, и самъ предсѣдательствовалъ въ ономъ. Василій доказывалъ свое право на престолъ новымъ уставомъ государей мо-

сковскихъ, по коему сынъ послѣ отца, а не братъ послѣ брата долженствовалъ наслѣдовать великое княженіе. Дядя, опровергая сей уставъ, ссылался на лѣтописи и на завѣщаніе Димитрія Донского, гдѣ онъ (Юрій), въ случаѣ кончины Василія Димитріевича, названъ его преемникомъ. Тутъ бояринъ московскій, Іоаннъ, сталъ предъ Махметомъ и сказалъ: „Царь верховный, молю, да позволишь мнѣ, смиренному холопу, говорить за моего юнаго князя. Юрій ищетъ великаго княженія по древнимъ правамъ россійскимъ, а государь нашъ—по твоей милости, вѣдая, что оно есть твой улусъ; отдашь его, кому хочешь. Одинъ требуетъ, другой—молитъ. Что значатъ лѣтописи и мертвыя грамоты, гдѣ все зависитъ отъ воли царской? Не она ли утвердила завѣщаніе Василія Димитріевича, отдавшаго Московское княженіе сыну? Шесть лѣтъ Василій Василіевичъ на престолѣ: ты не свергнулъ его, слѣдственно самъ признавалъ государемъ законнымъ". Сія, дѣйствительно, хитрая рѣчь имѣла успѣхъ совершенный; Махметъ объявилъ Василія великимъ княземъ и велѣлъ Юрію вести подъ нимъ коня: древній обрядъ азіатскій, коимъ означалась власть государя верховнаго надъ его подручниками или зависимыми князьями. Но Василій, уважая дядю, не хотѣлъ его уничиженія; а какъ въ сіе время возсталъ на Махмета другой царь могольскій, Кичимъ-Ахметъ, то мурза Тегиня, пользуясь смятеніемъ хана, выпросилъ у него для Юрія городъ Дмитровъ, область умершаго князя Петра Димитріевича. Племянникъ и дядя благополучно возвратились въ Россію, и вельможа татарскій, Уланъ царевичъ, торжественно посадилъ Василія на тронъ великокняжескій въ Москвѣ, въ храмѣ Богоматери у златыхъ дверей. Съ сего времени Владиміръ утратилъ право города столичнаго, хотя въ титулѣ великихъ князей все еще именовался прежде Москвы.

Судъ ханскій не погасилъ вражды между дядею и племянникомъ. Опасаясь Василія, Юрій выѣхалъ изъ Дмитрова, куда великій князь немедленно прислалъ своихъ намѣстниковъ, изгнавъ Юріевыхъ. Скоро началась и явная война отъ слѣдующихъ двухъ причинъ. Московскій вельможа Іоаннъ, оказавъ столь важную услугу государю, въ награду за то хотѣлъ чести выдать за него дочь свою. Или невѣста не нравилась жениху, или великій князь вмѣстѣ съ матерію находилъ сей бракъ неприличнымъ: Іоаннъ получилъ отказъ, и Василій женился на Маріи, дочери Ярослава, внукѣ Владиміра Андреевича Храбраго. Надменный бояринъ оскорбился. „Неблагодарный юноша обязанъ мнѣ великимъ княженіемъ и не устыдился меня обезчестить"—говорилъ онъ въ злобѣ, и выѣхалъ изъ Москвы, сперва въ Угличъ къ дядѣ Василіеву, Константину Димитріевичу, потомъ въ Тверь и, наконецъ, въ Галичъ къ Юрію. Обоюдная ненависть къ государю московскому

служила для нихъ союзомъ: забыли прошедшее и вымышляли способъ мести. Бояринъ Іоаннъ не сомнѣвался въ успѣхѣ войны: положили начать оную какъ можно скорѣе. Между тѣмъ сыновья Юріевы, Василій Косой и Димитрій Шемяка, дружески пируя въ Москвѣ на свадьбѣ великаго князя, сдѣлались ему непріятелями отъ страннаго случая, который на долгое время остался памятнымъ для москвитянъ. Князь Димитрій Константиновичъ Суздальскій нѣкогда подарилъ нареченному зятю своему, Донскому, золотой поясъ съ цѣпями, осыпанный драгоцѣнными каменьями; тысячскій Василій, въ 1367 году, во время свадьбы Донского, тайно обмѣнялъ его на другой, гораздо меньшей цѣны, и далъ сыну Николаю, женатому на Маріи, старшей дочери князя Суздальскаго. Переходя изъ рукъ въ руки, сей поясъ достался Василію Юріевичу Косому и былъ на немъ въ часъ свадебнаго великокняжескаго пиршества. Намѣстникъ Ростовскій, Петръ Константиновичъ узналъ оный и сказалъ о томъ матери Василія, Софіи, которая обрадовалась драгоцѣнной находкѣ и, забывъ пристойность, торжественно сняла поясъ съ Юріевича. Произошла ссора: Косой и Шемяка, пылая гнѣвомъ, бѣжали изъ дворца, клялись отомстить за свою обиду и немедленно, исполняя повелѣніе отца, уѣхали изъ Москвы въ Галичъ.

Прежде они хотѣли, кажется, быть миротворцами между Юріемъ и великимъ княземъ; тогда же, вмѣстѣ съ бояриномъ Іоанномъ, старались утвердить родителя въ злобѣ на государя московскаго. Не теряя времени, они выступили съ полкомъ многочисленнымъ; а юный Василій Василіевичъ ничего не вѣдалъ до самаго того времени, какъ намѣстникъ ростовскій прискакалъ къ нему съ извѣстіемъ, что Юрій въ Переславлѣ. Уже совѣтъ великокняжескій не походилъ на совѣтъ Донского или сына его: безпечность и малодушіе господствовали въ ономъ. Вмѣсто войска, отправили посольство навстрѣчу къ Галицкому князю съ ласковыми словами. Юрій стоялъ подъ стѣнами Троицкаго монастыря; онъ не хотѣлъ слышать о мирѣ: вельможа Іоаннъ и другіе бояре его ругали московскихъ и съ безчестіемъ указали имъ возвратный путь. Тогда великій князь собралъ нѣсколько пьяныхъ воиновъ и купцовъ: въ двадцати верстахъ отъ столицы, на Клязьмѣ, сошелся съ непріятелемъ и, видя силу онаго, бѣжалъ назадъ; взялъ мать, жену, уѣхалъ въ Тверь, а изъ Твери въ Кострому, чтобы отдаться въ руки побѣдителю: ибо Юрій, вступивъ въ Москву и всенародно объявивъ себя великимъ княземъ, пошелъ туда и плѣнилъ Василія, который искалъ защиты въ слезахъ. Бояринъ Іоаннъ, думая согласно съ сыновьями Галицкаго князя, считалъ всякое снисхожденіе неблагоразуміемъ. Юрій также не славился мягкимъ сердцемъ, но имѣлъ слабость къ одному изъ

вельможъ своихъ, Семеону Морозову, и, принявъ его совѣтъ, далъ въ удѣлъ племяннику Коломну. Они дружески обнялися. Дядя праздновалъ сей миръ веселымъ пиршествомъ и съ дарами отпустилъ Василія въ его удѣльный городъ.

Открылось, что Морозовъ или обманулъ своего князя, или самъ обманулся. Пріѣхавъ въ Коломну, Василій началъ отовсюду сзывать къ себѣ народъ, бояръ, князей: всѣ шли къ нему охотно, ибо признавали его законнымъ государемъ, а Юрія хищникомъ, согласно съ новою системою наслѣдства, благопріятнѣйшею для общаго спокойствія. Сынъ, восходя на тронъ послѣ отца, оставлялъ все, какъ было, окруженный тѣми же боярами, которые служили прежнему государю: напротивъ чего братъ, княжившій дотолѣ въ какомъ-нибудь особенномъ удѣлѣ, имѣлъ своихъ вельможъ, которые, переѣзжая съ нимъ въ наслѣдованную, по кончинѣ брата, землю, обыкновенно удаляли тамошнихъ бояръ отъ правленія и вводили новости, часто вредныя. Столь явныя выгоды и невыгоды вооружили всѣхъ противъ старой мятежной системы наслѣдственной и противъ Юрія. Въ нѣсколько дней Москва опустѣла: граждане не пожалѣли ни жилищъ, ни садовъ своихъ и съ драгоцѣннѣйшимъ имуществомъ выѣхали въ Коломну, гдѣ недоставало мѣста въ домахъ для людей, а на улицахъ—для обозовъ. Однимъ словомъ, сей городъ сдѣлался истинною столицею великаго княженія, многолюдною и шумною... Въ Москвѣ же царствовали уныніе и безмолвіе: человѣкъ рѣдко встрѣчался съ человѣкомъ, и самые послѣдніе жители готовились къ переселенію. Случай единственный въ нашей исторіи и произведенный не столько любовію къ особѣ Василія, сколько усердіемъ къ правилу, что сынъ долженъ быть преемникомъ отца въ великокняжескомъ санѣ!

Юрій укорялъ своего любимца, Морозова, неблагоразумнымъ совѣтомъ, а сыновья его, Косой и Шемяка, будучи нрава жестокаго, не удовольствовались словами: пришли къ сему боярину въ набережныя сѣни и, сказавъ: „ты погубилъ нашего отца!“— собственною рукою умертвили его. Боясь гнѣва родительскаго, они выѣхали въ Кострому. Князь же Юрій, видя невозможность остаться въ Москвѣ, самъ отправился въ Галичъ, велѣвъ объявить племяннику, что уступаетъ ему столицу, гдѣ Василій скоро явился съ торжествомъ и славою, имъ не заслуженною, провождаемый боярами, толпами народа и радостнымъ ихъ кликомъ. Зрѣлище было необыкновенное: вся дорога отъ Коломны до Москвы представлялась улицею многолюднаго города, гдѣ пѣшіе и конные обгоняли другъ друга, стремясь вслѣдъ за государемъ, какъ пчелы за маткою, по старому, любимому выраженію нашихъ лѣтописцевъ.

Но бѣдствія Василіева княженія только что начинались. Хотя

Юрій заключилъ миръ, возвратилъ племяннику Дмитровъ, взявъ за то Бѣжецкій Верхъ съ разными волостями, и далъ слово навсегда отступиться отъ большихъ сыновей, признавъ ихъ въ договорной грамотѣ врагами общаго спокойствія, однакожъ скоро нарушилъ обѣщаніе, пославъ къ дѣтямъ свою галицкую дружину, съ которою они разбили московское войско на рѣкѣ Куси. Великій князь разорилъ Галичъ. Юрій ушелъ къ Бѣлуозеру: собравъ же силы и призвавъ вятчанъ, вмѣстѣ съ тремя сыновьями, Косымъ, Шемякою, Димитріемъ Краснымъ, одержалъ въ ростовскихъ предѣлахъ столь рѣшительную побѣду надъ Василіемъ, что сей слабодушный князь, не смѣвъ возвратиться въ столицу, бѣжалъ въ Новгородъ, оттуда на Мологу, въ Кострому, въ Нижній; а Юрій, осадивъ Москву, черезъ недѣлю вступилъ въ Кремль, плѣнилъ мать и супругу Василіеву. Народъ былъ въ горести. „Не измѣняй мнѣ въ злосчастіи",—писалъ великій князь къ двоюродному брату Іоанну, сыну умершаго Андрея Можайскаго. Іоаннъ отвѣтствовалъ ему: „Государь! я не измѣняю тебѣ въ душѣ; но у меня есть городъ и мать: я долженъ мыслить объ ихъ безопасности; и такъ ѣду къ Юрію". Уже Шемяка и Димитрій Красный стояли съ войскомъ въ Владимирѣ, готовясь идти къ Нижнему: Василій трепеталъ и думалъ бѣжать въ Орду; на сей разъ счастіе услужило ему лучше москвитянъ.

Юрій, снова объявивъ себя великимъ княземъ, договорными грамотами утвердилъ союзъ съ племянниками своими, Іоанномъ и Михаиломъ Андреевичами, владѣтелями Можайска, Бѣлаозера, Калуги и съ княземъ Іоанномъ Ѳеодоровичемъ Рязанскимъ, требуя, чтобы они не имѣли никакого сношенія съ изгнанникомъ Василіемъ. Достойно замѣчанія, что сіи грамоты начинаются словами: Божіею Милостію, которыя прежде не употреблялись въ государственныхъ постановленіяхъ... Въ грамотѣ рязанской сказано, что Тула принадлежитъ Іоанну и что онъ не долженъ принимать къ себѣ Мещерскихъ князей въ случаѣ ихъ невѣрности или бѣгства: сіи князья, подданные государя московскаго, происходили, какъ вѣроятно, отъ Александра Уковича, у коего Димитрій Донской купилъ Мещеру.—Юрію было около шестидесяти лѣтъ отъ рожденія: не имѣя ни ума проницательнаго, ни души твердой, онъ любилъ власть единственно по тщеславію и, безъ сомнѣнія, не возвысилъ бы великокняжескаго сана въ народномъ уваженіи, если бы и могъ удержаться на престолѣ московскомъ. Но Юрій внезапно скончался, оставивъ духовную, писанную, кажется, еще задолго до его смерти: дѣля между сыновьями только свои наслѣдственные города, онъ велитъ имъ платить великому князю съ Галича и Звенигорода 1026 рублей въ счетъ ординской семитысячной дани: слѣдственно или Василій тогда еще не

былъ изгнанъ, или Юрій мыслилъ возвратить ему великое княженіе (что менѣе вѣроятно). Сынъ Юріевъ, Косой, немедленно принялъ на себя имя государя московскаго и далъ знать о томъ своимъ братьямъ; они же, не любя и презирая его, отвѣтствовали: „Когда Богъ не захотѣлъ видѣть отца нашего на престолѣ великокняжескомъ, то мы не хотимъ видѣть на ономъ и тебя“,— примирились съ Василіемъ и выгнали Косого изъ столицы. Въ знакъ благодарности великій князь, возвратясь на московскій престолъ, отдалъ Шемякѣ Угличъ со Ржевомъ, наслѣдственную область умершаго дяди ихъ, Константина Димитріевича, а Красному—Бѣжецкій Верхъ, удержавъ за собою Звенигородъ, удѣлъ Косого, и Вятку. Мы имѣемъ ихъ договорную грамоту, наполненную дружескими съ обѣихъ сторонъ увѣреніями. Шемяка, слѣдуя обыкновенію, именуетъ въ оной Василія старѣйшимъ братомъ, отдаетъ себя въ его покровительство, обязывается служить ему на войнѣ и платить часть ханской дани, съ условіемъ, чтобы великій князь одинъ сносился съ Ордою, не допуская удѣльныхъ владѣтелей ни до какихъ хлопотъ.

Сіе дружество между князьями, равно малодушными и жестокосердыми, не могло быть истиннымъ. Мы уже видѣли характеръ Шемяки, который не устыдился обагрить собственныхъ рукъ кровію вельможи Морозова: увидимъ и Василіевъ въ дѣлѣ гнусномъ, достойномъ азіатскаго варвара.

Но братъ Шемякинъ, Косой, еще превосходилъ ихъ въ свирѣпости: имѣя товарища въ бѣгствѣ своемъ, какого-то князя Романа, онъ велѣлъ отрубить ему руку и ногу за то, что сей несчастный хотѣлъ тайно оставить его! Напрасно искавъ заступниковъ въ Новѣгородѣ, ограбивъ берега Мсты, Бѣжецкую и Двинскую область, Косой съ толпами бродягъ вступилъ на сѣверные предѣлы великаго княженія; разбитый близъ Ярославля, ушелъ въ Вологду, плѣнилъ тамъ чиновниковъ московскихъ и съ новымъ войскомъ явился на берегахъ Костромы, гдѣ великій князь заключилъ съ нимъ миръ, отдавъ ему городъ Дмитровъ. Они недолго жили въ согласіи: чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ Косой выѣхалъ изъ Дмитрова въ Галичъ, призвалъ вятчанъ и, взявъ Устюгъ на договоръ, вѣроломно убилъ Василіева намѣстника, князя Оболенскаго, вмѣстѣ со многими жителями. Въ сіе время Шемяка пріѣхалъ въ Москву звать великаго князя на свадьбу, помолвивъ жениться на дочери Димитрія Заозерскаго: злобясь на его брата, Василій оковалъ Шемяку цѣпями и сослалъ въ Коломну. Дѣйствіе, столь противное чести, не могло быть оправдано подозрѣніемъ въ тайныхъ враждебныхъ умыслахъ сего Юріева сына, еще не доказанныхъ и весьма сомнительныхъ. Наконецъ въ Ростовской области встрѣтились непріятели: Косой

предводительствовалъ вятчанами и дружиною Шемяки; съ Василіемъ меньшій братъ Юрьевичей, Димитрій Красный, Іоаннъ Можайскій и князь Іоаннъ Баба, одинъ изъ друцкихъ владѣтелей, пришедшій къ нему съ полкомъ литовскихъ копейщиковъ. Готовились къ битвѣ, но Косой, считая обманъ дозволенною хитростью, требовалъ перемирія. Неосторожный Василій заключилъ оное и распустилъ воиновъ для собранія съѣсныхъ припасовъ. Вдругъ сдѣлалась тревога: полки вятскіе во всю прыть устремились къ московскому стану, въ надеждѣ плѣнить великаго князя, оставленнаго ратниками. Тутъ Василій оказалъ смѣлую рѣшительность: увѣдомленный о быстромъ движеніи непріятеля, схватилъ трубу воинскую и, подавъ голосъ своимъ, не тронулся съ мѣста. Въ нѣсколько минутъ станъ наполнился людьми: непріятель, вмѣсто оплошности, вмѣсто изумленія, увидѣлъ предъ собою блескъ оружія и стройные ряды воиновъ, которые однимъ ударомъ смяли его, погнали, разсѣяли. Несчастный Юрьевичъ, готовивъ плѣнъ Василію, самъ попался къ нему въ руки: воевода Борисъ Тоболинъ и князь Іоаннъ Баба настигли Косого въ постыдномъ бѣгствѣ. Совершилось злодѣйство, о коемъ не слыхали въ Россіи со второго-надесять вѣка: Василій далъ повелѣніе ослѣпить сего брата двоюроднаго. Чтобѣ успокоить совѣсть, онъ возвратилъ Шемякѣ свободу и города удѣльные. Въ договорной грамотѣ, тогда написанной, Шемяка именуетъ старшаго брата недругомъ великаго князя, обязываясь выдать все его имѣніе, въ особенности святыя иконы и кресты, еще отцомъ ихъ изъ Москвы увезенные; отказывается отъ Звенигорода, предоставляя себѣ полюбовно раздѣлить съ меньшимъ бразомъ, Димитріемъ Краснымъ, другія области наслѣдственныя и данныя ему великимъ князем въ Угличѣ и Ржевѣ. Несчастный слѣпецъ жилъ послѣ того 12 лѣтъ въ уединеніи, какъ бы забвенный всѣми и самыми единокровными братьями. Великій князь будетъ наказанъ за свою жестокость, лишенный права жаловаться на подобнаго ему варвара.

Спокойный внутри московскаго владѣнія, сей юный государь имѣлъ тогда распрю съ новогородцами, которые въ самомъ началѣ его княженія посылали войско наказать устюжанъ за ихъ грабительство въ Двинской землѣ и взяли съ сего города въ окупъ 50,000 бѣлокъ, шесть сороковъ соболей, къ досадѣ Василія. Но онъ, не желая явной войны съ ними, вызвался отдать имъ всѣ родителемъ его захваченныя новогородскія земли въ уѣздахъ Бѣжецкаго Верха, Волока-Ламскаго, Вологды, съ условіемъ, чтобы и бояре ихъ возвратили ему собственность княжескую; однако жъ не исполнялъ обѣщанія и не присылалъ дворянъ своихъ для развода земель, пока новогородцы не уступили

ему черной дани, собираемой въ Торжкѣ. Въ договорной грамотѣ, написанной по сему случаю, именно сказано, что великій князь беретъ по новой гривнѣ съ четырехъ земледѣльцевъ, или съ сохи, въ которую впрягаются двѣ лошади, а третья на подмогу; что плугъ и ладья считаются за двѣ сохи: неводъ, лавка, кузница и чанъ кожевный за одну; что земледѣльцы, работающіе изъ половины, платятъ только за полсохи; что наемники мѣсячные, лавочники и старосты новогородскіе свободны отъ всякой дани; что если кто оставитъ свой дворъ, уйдетъ въ господскій или утаитъ соху, то платитъ за вину вдвое, и проч. Сей договоръ заключенъ былъ единственно на годъ, послѣ чего новогородцы опять ссорились съ Василіемъ, смѣясь надъ мнѣніемъ тѣхъ людей, которые совѣтовали имъ не раздражать государей московскихъ. Лѣтописцы повѣствуютъ, что внезапное паденіе тамошней великолѣпной церкви св. Іоанна наполнило сердца ужасомъ, предвѣстивъ близкое паденіе Новагорода: горазло благоразумнѣе можно было искать сего предвѣстія въ его нетвердой системѣ политической, особенно же въ возрастающей силѣ великихъ князей, которые болѣе и болѣе увѣрялись, что онъ, подъ личиною гордости, основанной на древнихъ воспоминаніяхъ, скрываетъ свою настоящую слабость. Однѣ непрестанныя опасности государства Московскаго со стороны моголовъ и литвы не дозволяли преемникамъ Іоанна Калиты заняться мыслію совершеннаго покоренія сей народной державы, которую они старались только обирать, зная богатство ея купцовъ. Такъ поступилъ и Василій: зимою, въ концѣ 1440 года, двинулся съ войскомъ къ Новугороду и на пути заключилъ съ нимъ миръ, взявъ 8,000 рублей. Между тѣмъ псковитяне, служа великому князю, успѣли разорить нѣсколько селеній въ областяхъ Новогородскихъ, а заволочане въ Московской. Въ сей самый годъ (1440), января 22, родился у Василія сынъ, Тимоѳей-Іоаннъ, коему Провидѣніе, сверхъ многихъ великихъ дѣлъ, назначило сокрушить Новгородъ. Могла ли, по тогдашнему образу мыслей, будущая судьба государя, столь чрезвычайнаго, утаиться отъ мудрыхъ гадателей? Пишутъ, что новогородскій добродѣтельный старецъ, именемъ Мисаилъ, въ часъ Іоаннова рожденія пришелъ къ архіепископу Евфимію и сказалъ: „Днесь великій князь торжествуетъ: Господь даровалъ ему наслѣдника. Зрю младенца, ознаменованнаго величіемъ: се игуменъ Троицкой обители, Зиновій, креститъ его, именуя Іоанномъ! Слава Москвѣ: Іоаннъ побѣдитъ князей и народы. Но горе нашей отчизнѣ: Новгородъ падетъ къ ногамъ Іоанновымъ и не возстанетъ!“ Лѣтописцы не сомнѣвались въ истинѣ сего чудеснаго сказанія, изобрѣтеннаго уже въ то время, когда сынъ Василіевъ совершилъ безсмертные свои подвиги.

Василій старался жить дружно съ ханомъ и, по вѣрному свидѣтельству грамотъ, платилъ его обыкновенную дань вопреки нѣкоторымъ лѣтописцамъ, сказывающимъ, что царь Махметъ, любя его, освободилъ Россію отъ всѣхъ налоговъ. Впаденія татаръ въ Рязанскія области не тревожили москвитянъ; но перемѣна, случившаяся въ Ордѣ, нарушила спокойствіе великаго княженія. Махметъ (въ 1437 году) былъ изгнанъ изъ улусовъ братомъ своимъ, Кичимомъ, искалъ убѣжища въ Россіи и занялъ Бѣлевъ, городъ литовскій. Оказавъ нѣкогда благодѣяніе Василію, онъ надѣялся на его дружбу и крайне изумился, услышавъ, что великій князь приказываетъ ему немедленно удалиться отъ предѣловъ россійскихъ. Сей ханъ, въ самомъ изгнаніи гордый, не хотѣлъ повиноваться, имѣя у себя около трехъ тысячъ воиновъ. Надлежало прибѣгнуть къ оружію. Василій послалъ туда многочисленную рать, ввѣривъ оную братьямъ, Шемякѣ и Димитрію Красному, вождямъ столь недостойнымъ, что они казались народу атаманами разбойниковъ, отъ Москвы до Бѣлева не оставивъ ни одного селенія въ цѣлости: вездѣ грабили, отнимали скотъ, имѣніе и нагружали возы добычею. Конецъ отвѣтствовалъ началу. Приступивъ къ Бѣлеву, московскіе воеводы отвергнули всѣ мирныя предложенія Махмета, устрашеннаго ихъ силою, и вогнали татаръ въ крѣпость, убивъ зятя царева. На другой день ханъ выслалъ трехъ князей для переговоровъ. „Отдаю въ залогъ вамъ моего сына, Мамутека, — велѣлъ онъ сказать нашимъ полководцамъ: — сдѣлаю все, чего требуете. Когда же Богъ возвратитъ мнѣ царство, обязываюсь блюсти землю русскую и не брать съ васъ никакой дани“. Воеводы московскіе не хотѣли ничего слушать. „И такъ, смотрите!“—сказали князья Махметовы, возвысивъ голосъ и перстомъ показывая имъ на россійскихъ воиновъ, которые въ сію минуту толпами бѣжали отъ городскихъ стѣнъ, гонимые какимъ-то внезапнымъ ужасомъ. Вся рать московская дрогнула и съ воплемъ устремилась въ бѣгство: Шемяка и другіе князья также. Моголы едва вѣрили глазамъ своимъ; наконецъ поскакали за россіянами, сѣкли ихъ, топтали и возвратились къ хану съ вѣстію, что многочисленное войско великокняжеское исчезло какъ дымъ. Успѣхъ, столь блестящій, не ослѣпилъ Махмета: сей благоразумный ханъ предвидѣлъ, что ему, отрѣзанному отъ улусовъ, нельзя удержаться въ Россіи и бороться съ Василіемъ; онъ выступилъ изъ Бѣлева и чрезъ землю мордвы прошелъ въ Болгарію, къ тому мѣсту, гдѣ находился древній Саиновъ Юртъ, или Казань, въ 1399 году опустошенная россіянами. Около сорока лѣтъ сей городъ состоялъ единственно изъ развалинъ и хижинъ, гдѣ укрывались нѣсколько бѣдныхъ семействъ. Махметъ, выбравъ новое, лучшее мѣсто, близъ ста-

рой крѣпости, построилъ новую, деревянную, и предоставилъ оную въ убѣжище болгарамъ, черемисамъ, моголамъ, которые жили тамъ въ непрестанной тревогѣ, ужасаемые частыми набѣгами россіянъ. Въ нѣсколько мѣсяцевъ Казань наполнилась людьми. Изъ самой Золотой Орды, Астрахани, Азова и Тавриды стекались туда жители, признавъ Махмета царемъ и защитникомъ. Такимъ образомъ сей изгнанникъ капчакскій сдѣлался возобновителемъ или истиннымъ первоначальникомъ царства Казанскаго, основаннаго на развалинахъ древней Болгаріи, государства образованнаго и торговаго. Моголы смѣшались въ ономъ съ болгарами и составили одинъ народъ, коего остатки именуются нынѣ татарами казанскими и коего имя около ста лѣтъ приводило въ трепетъ сосѣдственныя области россійскія. Уже въ слѣдующій годъ Махметъ съ легкимъ войскомъ явился подъ стѣнами Москвы, откуда Василій, боязливый, малодушный, бѣжалъ за Волгу, оставивъ въ столицѣ начальникомъ князя Юрія Патрикеевича Литовскаго. Къ счастію, татары не имѣли способа овладѣть оною: удовольствовались грабежомъ, сожгли Коломну и возвратились съ добычею.—Между тѣмъ въ Большой и Золотой Ордѣ господствовалъ братъ Махметовъ, Кичимъ, среди опасностей, мятежей и внутреннихъ непріятелей. Моголы, ослѣпленные безразсудною злобою, терзали другъ друга, упиваясь собственною кровію. Первѣйшій изъ князей ординскихъ, именемъ Мансупъ, погибъ тогда отъ руки хана Кичима.

Послѣ несчастнаго приступа къ Бѣлеву Василій не могъ имѣть довѣренности ни къ усердію, ни къ чести сыновей Юріевыхъ, Шемяки и Димитрія Краснаго: однакожъ (въ 1440 году) возобновилъ дружественный союзъ съ ними на прежнихъ условіяхъ; то-есть оставилъ ихъ мирно господствовать въ отцовскомъ удѣлѣ и пользоваться частію московскихъ доходовъ. Меньшій братъ, Димитрій, скоро умеръ въ Галичѣ, достопамятный единственно наружною красотою и странными обстоятельствами своей кончины. Онъ лишился слуха, вкуса и сна; хотѣлъ причаститься Святыхъ Таинъ и долго не могъ, ибо кровь непрестанно лила у него изъ носу. Ему заткнули ноздри, чтобы дать причастіе. Димитрій успокоился, требовалъ пищи, вина; заснулъ—и казался мертвымъ. Бояре оплакали князя, закрыли одѣяломъ, выпили по нѣскольку стакановъ крѣпкаго меду и сами легли спать на лавкахъ въ той же горницѣ. Вдругъ мнимый мертвецъ скинулъ съ себя одѣяло и, не открывая глазъ, началъ пѣть стихиры. Всѣ оцѣпенѣли отъ ужаса. Разнесся слухъ о семъ чудѣ: дворецъ наполнился любопытными. Цѣлые три дня князь пѣлъ и говорилъ о душеспасительныхъ предметахъ, узнавалъ людей, но не слыхалъ ничего; наконецъ, дѣйствительно, умеръ съ именемъ свя-

того: ибо—какъ сказываютъ лѣтописцы—тѣло его, чрезъ 23 дня открытое для погребенія въ московскомъ соборѣ Архангела Михаила, казалось живымъ, безъ всякихъ знаковъ тлѣнія и безъ синевы.—Шемяка наслѣдовалъ удѣлъ Краснаго и еще нѣсколько времени жилъ мирно и съ великимъ княземъ.

Въ сіи два года внутренняго спокойствія москвитяне и вся Россія были тревожимы соблазномъ въ важномъ дѣлѣ церковномъ, о коемъ лѣтописцы говорятъ весьма обстоятельно и которое, минутно польстивъ властолюбію Рима, утвердило отцовъ нашихъ въ ненависти къ папамъ. Митрополитъ Фотій преставился въ 1431 году, написавъ умилительную грамоту къ великому князю и ко всему народу: онъ весьма краснорѣчиво изображаетъ въ ней претерпѣнныя имъ въ святительствѣ печали; жалѣетъ о дняхъ своей мирной, уединенной юности; оплакиваетъ раздѣленіе митрополіи, безвременную кончину Василія Дмитріевича, бѣдствія и междоусобія великаго княженія. Шесть лѣтъ по смерти Фотія церковь наша сиротствовала безъ главы отъ внутреннихъ смятеній государства Московскаго.

Сими обстоятельствами думалъ воспользоваться митрополитъ литовскій, Герасимъ, и старался подчинить себѣ епископовъ Россіи, но безъ успѣха: онъ посвятилъ въ Смоленскѣ только новогородскаго архіепископа, Евфимія; другіе не хотѣли имѣть съ нимъ никакого дѣла. Наконецъ Василій созвалъ святителей и велѣлъ имъ назначить митрополита: всѣ единодушно выбрали знаменитаго Іону, архіерея рязанскаго. „Такимъ образомъ, — говорятъ лѣтописцы, —'исполнилось достопамятное слово блаженнаго Фотія, который, посѣтивъ однажды Симоновскую обитель и видя тамъ юнаго инока, мирно спящаго, съ удивленіемъ смотрѣлъ на его кроткое, величественное лицо; долго разспрашивалъ о немъ архимандрита и сказалъ, что сей юноша будетъ первымъ святителемъ въ землѣ Русской: то былъ Іона". Но предсказаніе исполнилось уже послѣ: ибо константинопольскій патріархъ, еще до прибытія Іоны въ Царьградъ, посвятилъ намъ въ митрополиты грека Исидора, родомъ изъ Ѳессалоники, славнѣйшаго богослова, равно искуснаго въ языкѣ греческомъ и латинскомъ, хитраго, гибкаго, краснорѣчиваго. Исидоръ незадолго до сего времени былъ въ Италіи и снискалъ любовь папы: вѣроятно даже, что онъ, по согласію съ нимъ, домогался власти надъ россійской церковію, дабы тѣмъ лучше способствовать важнымъ намѣреніямъ Рима, о коихъ теперь говорить будемъ.

Супругъ княжны московской Анны, Іоаннъ Палеологъ, царствовалъ въ Константинополѣ, непрестанно угрожаемомъ силою турецкою; лишенный едва не всѣхъ областей славной державы своихъ предковъ, стѣсненный въ столицѣ и на берегахъ самаго

Воспора, видя знамена Амуратовы,—сей государь искалъ покровителя въ римскомъ первосвященникѣ, коего воля хотя уже не была закономъ для государей Европы, однако жъ могла еще дѣйствовать на ихъ совѣты. Старецъ умный и честолюбивый, Евгеній IV, сидѣлъ тогда на апостольскомъ престолѣ: онъ именемъ св. Петра обѣщалъ императору Іоанну воздвигнуть всю Европу на турковъ, если греки мирно, безпристрастно разсмотрѣвъ догматы обѣихъ церквей, согласятся во мнѣніяхъ съ латинскою, чтобы навѣки успокоить совѣсть христіанъ и быть единымъ стадомъ подъ началомъ единаго пастыря. Евгеній требовалъ не безмолвной покорности, но торжественнаго пренія: истина, объясненная противорѣчіями, долженствовала быть общимъ уставомъ христіанства. Императоръ совѣтовался съ патріархами. Еще древнія предубѣжденія сильно отвращали ихъ отъ духовнаго союза съ надменнымъ Римомъ; но Амуратъ II уже измѣрялъ окомъ Царьградъ, какъ свою добычу: предубѣжденія умолкли. Положили, да будетъ осмый соборъ Вселенскій въ Италіи. Тамъ, кромѣ царя и знатнѣйшаго духовенства обѣихъ церквей, надлежало собраться всѣмъ государямъ Европы въ духѣ любви христіанской; тамъ Іоаннъ Палеологъ, вступивъ съ ними въ братскій союзъ единовѣрія, долженствовалъ убѣдительно представить имъ опасности своей державы и церкви православной, гремя въ ихъ слухъ именемъ Христа и Константина Великаго: успѣхъ могъ ли оказаться сомнительнымъ? Евгеній ручался за оный и сдѣлалъ еще болѣе: взялъ на себя всѣ расходы, коихъ требовало путешествіе императора и духовенства греческаго въ Италію: ибо Византія, нѣкогда гордая и столь богатая, уже не стыдилась тогда жить милостынею иноплеменниковъ! Вооруженныя суда Евгеніевы явились въ пристани Царяграда: императоръ съ братомъ своимъ, Димитріемъ Деспотомъ, съ константинопольскимъ патріархомъ Іосифомъ и съ семьюстами первѣйшихъ сановниковъ греческой церкви, славныхъ ученостію или разумомъ, сѣли на оныя (24 ноября 1437 года) въ присутствіи безчисленнаго множества людей, которые громогласно желали имъ, чтобы они возвратились съ миромъ церковнымъ и съ воинствомъ крестоносцевъ для отраженія невѣрныхъ.

Между тѣмъ Іона возвратился въ свою рязанскую епархію, хотя безполезно съѣздивъ въ Грецію, но обласканный царемъ и патріархомъ, которые, отпуская его съ честію, сказали ему: „Жалѣемъ, что мы ускорили поставить Исидора и торжественно обѣщаемъ тебѣ россійскую митрополію, когда она вновь упразднится“. За нимъ прибылъ въ Москву и новый митрополитъ, не только именемъ, но и дѣломъ іерархъ всей Россіи: ибо Герасима смоленскаго уже не было (Свидригайло, господствуя надъ Литвою,

въ 1435 году, сжегъ его на кострѣ въ Витебскѣ, узнавъ, что онъ находился въ тайныхъ сношеніяхъ съ Сигизмундомъ Кестутіевичемъ, врагомъ сего неистоваго сына Ольгердова). Задобренный ласковыми письмами царя и патріарха, Василій встрѣтилъ Исидора со всѣми знаками любви, дарилъ, угощалъ въ Кремлевскомъ дворцѣ; но изумился, свѣдавъ, что митрополитъ намѣренъ ѣхать въ Италію. Сладкорѣчивый Исидоръ доказывалъ важность будущаго осьмого собора и необходимость для Россіи участвовать въ ономъ. Пышныя выраженія не ослѣпили Василія. Напрасно ученый грекъ описывалъ ему величіе сонма, гдѣ Востокъ и Западъ, устами своихъ царей и первосвятителей, изрекутъ неизмѣняемыя правила вѣры. Василій отвѣтствовалъ: „Отцы и дѣды наши не хотѣли слышать о соединеніи законовъ греческаго и римскаго; я самъ не желаю сего. Но если мыслишь иначе, то иди; не запрещаю тебѣ. Помни только чистоту вѣры нашей и принеси оную съ собою!“ Исидоръ клялся не измѣнять православію, и въ 1437 году, сентября 8, выѣхалъ изъ Москвы съ епископомъ суздальскимъ Аврааміемъ, со многими духовными и свѣтскими особами, коихъ число простиралось до ста. Сіе первое путешествіе россіянъ въ Италію описано однимъ изъ нихъ съ великою подробностію: сообщимъ здѣсь нѣкоторыя обстоятельства онаго.

Новогородскій архіепископъ Евфимій, бывъ тогда въ Москвѣ, проводилъ Исидора до своей епархіи; а князь Тверскій, Борисъ, послалъ съ нимъ въ Италію вельможу Ѳому. Митрополитъ отъ Вышняго-Волочка плылъ рѣкою Мстою до Новагорода, гдѣ, равно какъ и во Псковѣ, духовенство и гражданство изъявило усердную къ нему любовь дарами и пиршествами. Доселѣ онъ казался ревностнымъ наблюдателемъ всѣхъ обрядовъ православія; но, выѣхавъ изъ Россіи, немедленно обнаружилъ соблазнительную наклонность къ латинству. Встрѣченный изъ Ливоніи дерптскимъ епископомъ и нашими священниками (ибо въ семъ городѣ находились двѣ русскія церкви), Исидоръ съ благоговѣніемъ приложился къ крестамъ духовенства католическаго и потомъ уже къ образамъ греческимъ; сопутники его ужаснулись и съ того времени не имѣли къ нему довѣренности. Архіепископъ, чиновники рижскіе также осыпали митрополита ласками: веселили музыкою и пирами. Тамъ онъ получилъ письмо отъ великаго магистра нѣмецкаго, учтивое, ласковое: сей знаменитый властитель предлагалъ ему свои услуги и совѣты для безопаснаго путешествія чрезъ орденскія владѣнія. Но Исидоръ сѣлъ въ Ригѣ на корабль, отправивъ болѣе двухсотъ лошадей сухимъ путемъ, и (19 мая 1438 года) присталъ къ берегу въ Любекѣ, откуда чрезъ Люнебургъ, Брауншвейгъ, Лейпцигъ, Эрфуртъ, Бамбергъ, Нюренбергъ,

Аугсбургъ и Тироль проѣхалъ въ Италію, вездѣ находя гостепріимство, дружелюбіе, почести и вездѣ осматривая съ любопытствомъ не только монастыри, церкви, но и плоды трудолюбія, искусствъ, ума гражданскаго. Съ какимъ удивленіемъ россіяне, дотолѣ не выѣзжавъ изъ отечества, загрубѣвшаго подъ игомъ варваровъ, видѣли въ нѣмецкой землѣ города цвѣтущіе, зданія прочныя, удобныя и красивыя, обширные сады, каменные водопады, или, по ихъ словамъ, рукою человѣка пускаемыя рѣки! Достойно замѣчанія, что Эрфуртъ показался имъ самымъ богатѣйшимъ въ Германіи городомъ, наполненнымъ всякими товарами и хитрыми произведеніями рукодѣлія. Горы тирольскія изумили нашихъ путешественниковъ своими снѣжными громадами, современными рожденію оныхъ (какъ говоритъ авторъ) и превышающими теченіе облаковъ; зрѣлище, въ самомъ дѣлѣ, разительное для жителей плоской земли, въ особенности непонятное для нихъ смѣшеніемъ климатовъ: ибо россіяне въ одно время видѣли тамъ и вѣчное царство зимы, на вершинахъ горъ, и плодоносное лѣто со всѣми его красотами, неизвѣстными въ нашемъ сѣверномъ отечествѣ: лимоны, померанцы, каштаны, миндаль и гранаты, растущіе на отлогостяхъ тирольскихъ горъ, среди цвѣтниковъ естественныхъ.—Августа 18 Исидоръ прибылъ въ Феррару.

Въ семъ городѣ уже нѣсколько мѣсяцевъ ожидали его императоръ и папа, какъ главу россійской знаменитой церкви, мужа ученѣйшаго и друга Евгеніева. Кромѣ духовныхъ сановниковъ, кардиналовъ, митрополитовъ, епископовъ, тамъ находились послы трапезундскіе, иверскіе, арменскіе, волошскіе, но, къ удивленію Іоанна Палеолога, не было ни императора нѣмецкаго, ни другихъ вѣнценосцевъ западныхъ. Латинская церковь представляла тогда жалостное зрѣлище раздора; уже семь лѣтъ славный въ исторіи соборъ Базельскій, дѣйствуя независимо и въ противность Евгенію, смѣялся надъ его буллами, давалъ законы въ дѣлахъ вѣры, обѣщалъ искоренить злоупотребленія духовной власти и преклонилъ къ себѣ почти всѣхъ государей европейскихъ, которые для того отказались участвовать въ Итальянскомъ соборѣ. Однакожъ засѣданія начались съ великою торжественностію въ Феррарѣ, въ церкви св. Георгія, послѣ долговременнаго спора между императоромъ Іоанномъ и папою о мѣстахъ: Евгеній желалъ сидѣть среди храма, какъ глава вѣры; Іоаннъ же хотѣлъ самъ предсѣдательствовать, подобно царю Константину во время собора Никейскаго. Рѣшили тѣмъ, чтобы въ срединѣ церкви, противъ алтаря, лежало Евангеліе; чтобы на правой сторонѣ папа занималъ первое возвышенное мѣсто между католиками, а ниже его — стоялъ тронъ для отсутствующаго императора нѣмецкаго; чтобы царь Іоаннъ сидѣлъ на лѣвой, также на тронѣ, но далѣе

папы отъ алтаря. Надлежало согласиться въ четырехъ мнѣніяхъ: 1) объ исхожденіи Св. Духа; 2) о чистилищѣ; 3) о квасныхъ просфорахъ, 4) о первенствѣ папы. Съ обѣихъ сторонъ выбрали ораторовъ: римляне кардиналовъ Альбергати, Іуліана, епископа родосскаго, и другихъ; греки — трехъ святителей, Марка Ефесскаго (мужа ревностнаго, велерѣчиваго), Исидора россійскаго и юнаго Виссаріона Никейскаго, славнаго ученостію и разумомъ, но излишне уклоннаго въ разсужденіи догматовъ вѣры. Пятнадцать разъ сходились для пренія о Св. Духѣ: наши единовѣрцы утверждали, что онъ исходитъ единственно отъ Отца; а римляне — прибавляли: и Сына, ставя въ доказательство нѣкоторыя древнія рукописи святыхъ отцовъ, отвергаемыя греками какъ подложныя. Умствовали, истощали всѣ хитрости богословской діалектики и не могли согласиться въ сей части Символа: выраженіе Filioque оставалось камнемъ претыканія. Уже Марко Ефесскій гремѣлъ противъ латинской ереси, и вмѣсто духовнаго братства ежедневно усиливался духъ раздора. Греки скучали въ отдаленіи отъ домовъ своихъ и жаловались на худое содержаніе: Евгеній также, не видя успѣха, скучалъ безполезными издержками, и въ концѣ зимы уговорилъ императора переѣхать во Флоренцію, будто бы опасаясь язвы въ Феррарѣ, но, въ самомъ дѣлѣ, для того, что флорентійцы дали ему не малую сумму денегъ за честь видѣть соборъ въ ихъ городѣ.

Нельзя безъ умиленія читать въ исторіи о послѣднихъ тайныхъ бесѣдахъ Іоанна Палеолога, въ коихъ сей несчастный государь изливалъ всю душу свою предъ святителями греческими и вельможами, изображая съ одной стороны любовь къ правовѣрію, а съ другой — бѣдствія имперіи и надежду спасти ее посредствомъ соединенія церквей. „Думаю только о благѣ отечества и христіанства“, — говорилъ онъ: — „послѣ долговременнаго отсутствія возвратимся ли безъ успѣха, съ единымъ стыдомъ и горестію? Не мыслю о своихъ личныхъ выгодахъ: жизнь кратковременна, а дѣтей не имѣю; но безопасность государства и миръ церкви для меня любезны“. Митрополитъ россійскій осуждалъ упрямство Марка Ефесскаго и другихъ святителей, говоря: „лучше соединиться съ римлянами душою и сердцемъ, нежели безъ всякой пользы уѣхать отсюда; и куда поѣдемъ?“ Виссаріонъ еще убѣдительнѣе представлялъ жалостное состояніе имперіи. Наконецъ, во многихъ преніяхъ, греки уступили и согласились: 1) что Св. Духъ исходитъ отъ Отца и Сына; 2) что опрѣсноки и квасный хлѣбъ могутъ быть равно употребляемы въ священнодѣйствіи; 3) что души праведныя блаженствуютъ на небесахъ, грѣшныя— страдаютъ, а среднія — между тѣми и другими — очищаются, или палимыя огнемъ, или угнетаемыя густымъ мракомъ, или волну-

емыя бурею, или терзаемыя инымъ способомъ; что всѣ люди тѣлесно воскреснутъ въ день суда и явятся предъ судилищемъ Христовымъ дать отчетъ въ дѣлахъ своихъ; 4) что папа есть намѣстникъ Іисуса Христа и глава церкви; что патріархъ константинопольскій занимаетъ вторую степень, и такъ далѣе. 6 іюля (1439 года) было послѣднее засѣданіе собора въ каѳедральномъ храмѣ Флорентійскомъ, гдѣ обѣ церкви совокупили торжественность и великолѣпіе своихъ обрядовъ, чтобы тѣмъ сильнѣе дѣйствовать на сердца людей. Въ присутствіи безчисленнаго народа, между двумя рядами папскихъ тѣлохранителей, вооруженныхъ палицами, одѣтыхъ въ латы серебряныя и держащихъ въ одной рукѣ пылающія свѣчи, Евгеній служилъ обѣдню; гремѣла музыка императорская; пѣли славу Вседержителя на языкѣ греческомъ и латинскомъ. Папа, воздѣвъ руки на небо, проливалъ слезы радости и, величественно благословивъ царя, князей, епископовъ, чиновниковъ республики Флорентійской, велѣлъ кардиналу Іуліану и архіепископу Виссаріону читать съ амвона хартію соединенія, написанную слѣдующимъ образомъ: „Да веселятся небеса и земля! Разрушилось средостѣніе между Восточною и Западною церковію; миръ возвратился на краеугольный камень Христа: два народа уже составляютъ единый; мрачное облако скорби и раздора исчезло; тихій свѣтъ вожделѣннаго согласія сіяетъ паки. Да ликуетъ мать наша, церковь, видя чадъ своихъ, послѣ долговременнаго разлученія, вновь совокупленныхъ любовію; да благодаритъ Всемогущаго, Который осушилъ ея горькія объ нихъ слезы. А вы, вѣрные сыны міра христіанскаго, благодарите мать вашу, церковь каѳолическую, за то, что отцы Востока и Запада не устрашились опасностей пути дальняго и великодушно сносили труды, дабы присутствовать на семъ Святомъ соборѣ и воскресить любовь, коея уже не было между христіанами“. Слѣдуютъ упомянутыя статьи примиренія и согласія въ догматахъ вѣры, подписанныя Евгеніемъ, осмью кардиналами, двумя патріархами латинскими (іерусалимскимъ и градскимъ), осмью архіепископами, пятидесятью епископами и другими сановниками; а отъ имени грековъ императоромъ, тремя мѣстоблюстителями престоловъ патріаршихъ (ибо Іосифъ, патріархъ константинопольскій, скончался за нѣсколько дней до того во Флоренціи), семнадцатью митрополитами, архіепископами и всѣми бывшими тамъ святителями, кромѣ одного Марка Ефесскаго, неумолимаго старца, презрителя угрозъ и корысти. Свѣдавъ, что сей твердый мужъ не подписалъ хартіи, папа гнѣвно воскликнулъ: „и такъ, мы ничего не сдѣлали!“ и требовалъ, чтобы императоръ или принудилъ его къ согласію, или наказалъ какъ ослушника; но Марко тайнымъ отъѣздомъ спасся отъ гоненія.

Выгоды, пріобрѣтенныя уступчивостью грековъ, состояли для нихъ въ томъ, что Евгеній далъ имъ нѣсколько тысячъ флориновъ, обязался прислать въ Константинополь 300 воиновъ съ двумя галерами для охраненія сей столицы, и въ случаѣ нужды обѣщалъ Іоанну именемъ государей европейскихъ гораздо сильнѣйшее вспоможеніе. Греки хотѣли еще, чтобы толпы богомольцевъ, ежегодно отправляясь изъ Европы моремъ въ Палестину, всегда приставали въ Царѣградѣ для выгоды тамошнихъ жителей: папа включилъ и сію статью въ договоръ; наконецъ съ великою честію отпустилъ императора, который, бывъ два года въ отсутствіи, возвратился въ Грецію оплакать безвременную кончину своей юной супруги, Маріи, и видѣть общій мятежъ духовенства. Узнавъ происшедшее на Флорентійскомъ соборѣ, оно раздѣлилось во мнѣніяхъ: нѣкоторые хотѣли держаться его постановленій; другіе, и большая часть, вопили, что истинная церковь гибнетъ, и что не пастыри вѣрные, но измѣнники, ослѣпленные златомъ римскимъ, заключили столь беззаконный, столь унизительный для грековъ союзъ съ папою; что одинъ Марко Ефесскій явилъ себя достойнымъ служителемъ Христовымъ, и проч. Сіи послѣдніе одержали верхъ. Вопреки императору и новому патріарху Митрофану, ревностному защитнику соединенія, народъ бѣжалъ изъ храмовъ, гдѣ священнодѣйствовали ихъ единомышленники, оглашенные еретиками, отступниками, такъ что, несмотря на усилія папы Евгенія и преемника его, несмотря на явную, неминуемую гибель своего отечества, греки захотѣли лучше умереть, нежели согласиться на исхожденіе Св. Духа отъ Сына, на опрѣсноки и чистилище. Достопамятный примѣръ твердости въ богословскихъ мнѣніяхъ! Впрочемъ, сомнительно, чтобы папа могъ тогда спасти имперію, если бы Восточная церковь и покорилась его духовной власти. Вѣка крестовыхъ ополченій миновали; ревностный духъ христіанскаго братства уступилъ мѣсто малодушной политикѣ въ Европѣ: каждый изъ вѣнценосцевъ имѣлъ свою особенную государственную систему, искалъ пользу во вредѣ другихъ и не довѣрялъ имъ. Нѣмецкая земля была театромъ жестокой войны, произведенной расколомъ Іоанна Гусса, болѣе и болѣе слабѣла въ долговременное, ничтожное царствованіе Фридерика III. Англія и Франція съ величайшихъ усиліемъ боролись между собою. Испанія, еще раздѣленная, не простирала мыслей своихъ далѣе собственныхъ ея предѣловъ. Португалія занималась единственно мореплаваніемъ и новыми открытіями въ Африкѣ; Италія церковными дѣлами, торговлею и внутренними распрями; Данія и Швеція, бѣдныя людьми и деньгами, соединялись на краткое время ко вреду обоюдному и, непрестанно опасаясь другъ друга, не мѣшались въ дѣла иныхъ державъ евро-

пейскихъ. Только Венгрія и Польша нѣсколько времени бодрствовали на берегахъ Дуная, изъявляя ревность противиться успѣхамъ Амуратова оружія; но Варнская битва, столь несчастная для короля Владислава, надолго отвратила ихъ отъ войны съ мужественными турками. Еще духовная власть сильно дѣйствовала надъ умами и въ совѣтахъ государственныхъ; но уже не имѣла прежняго единства. Мнимая божественность папъ исчезла: соборы, Костницкій и Базельскій, судили и низвергали ихъ. Сіи шумные сонмы церковной аристократіи издали готовили паденіе духовной и совершенную независимость мірской власти. Іерархи разныхъ земель уже разнствовали и въ мысляхъ, во многихъ отношеніяхъ предпочитая особенныя выгоды своихъ государствъ папинымъ. Въ сихъ обстоятельствахъ Европы могъ ли Евгеній ручаться за единодушіе вѣнценосцевъ ея, чтобы сокрушить Оттоманскую державу, или погибнуть на берегахъ Воспора для спасенія Византіи? Устрашенные побѣдами Амурата и Магомета II, государи западные трепетали въ бездѣйствіи. Тщетно герой Албаніи, знаменитый Скандербегъ, давалъ имъ примѣръ великодушія, одинъ, съ горстію людей отражая многочисленное воинство султанское; нимало не способные подражать ему, они не стыдились вовлекать его въ ихъ собственныя междоусобія къ удовольствію невѣрныхъ.—Однимъ словомъ, Іоаннъ Палеологъ не только не успѣлъ, но, по всѣмъ вѣроятностямъ, не могъ успѣть въ своемъ намѣреніи, чтобы соединеніемъ двухъ церквей отвратить конечную гибель имперіи Греческой.

Главныя орудія сего мнимаго соединенія, архіепископъ Виссаріонъ и митрополитъ Исидоръ, были награждены отъ папы кардинальскими шапками: первый остался въ Италіи, вторый, съ именемъ легата апостольскаго для всѣхъ земель сѣверныхъ, отправился изъ Флоренціи 6 сентября; сѣлъ на корабль въ Венеціи, переѣхалъ Адріатическое море и чрезъ Далмацію и Кроатскую землю прибылъ въ столицу Венгріи, въ Будинъ, откуда написалъ грамоты во всѣ подвѣдомыя ему епархіи литовскія, россійскія, ливонскую, изъясняясь такимъ образомъ: „Исидоръ, милостію Божіею преосвященный митрополитъ кіевскій и всея Руси, легатъ отъ ребра (a latere) апостольскаго, всѣмъ и всякому христіанину вѣчное спасеніе, миръ и благодать. Возвеселитеся нынѣ о Господѣ: церковь Восточная и Римская навѣки совокупилися въ древнее мирное единоначаліе. Вы, добрые христіане церкви константинопольской, русь, сербы, волохи, и всѣ вѣрующіе во Христа! пріимите сіе святое соединеніе съ духовною радостію и честію. Будьте истинными братьями христіанъ римскихъ. Единъ Богъ, едина вѣра: любовь и миръ да обитаютъ между вами! А вы, племена латинскія, также не уклоняйтеся отъ греческихъ, признанныхъ въ

Римѣ истинными христіанами: молитеся въ ихъ храмахъ, какъ они въ вашихъ будутъ молиться. Исповѣдуйте грѣхи свои тѣмъ и другимъ священникамъ безъ различія, отъ тѣхъ и другихъ принимайте тѣло Христово, равно святое и въ прѣсномъ, и въ кисломъ хлѣбѣ. Такъ уставила общая мать ваша, церковь каѳолическая", и проч.

Исидоръ спѣшилъ въ Кіевъ, гдѣ духовенство встрѣтило его какъ единственнаго митрополита всѣхъ россійскихъ епархій, и весною 1440 года прибылъ въ Москву съ грамотою отъ папы къ великому князю. Евгеній извѣщалъ его „о благословенномъ успѣхѣ Флорентійскаго собора, славномъ въ особенности для Россіи: ибо архипастырь ея болѣе другихъ способствовалъ оному". Письмо отъ начала до конца было ласково и скромно. Папа молилъ Василія быть милостивымъ къ Исидору и давать ему тѣ церковные оброки, коими издревле пользовались наши митрополиты. Духовенство и народъ съ нетерпѣніемъ ожидали своего первосвятителя въ кремлевскомъ храмѣ Богоматери. Исидоръ явился окруженный многими сановниками: предъ нимъ несли крестъ латинскій и три серебряныя палицы. Россіяне удивплись сей новости, и еще болѣе, когда митрополитъ въ литургіи помянулъ Евгенія папу, вмѣсто вселенскихъ патріарховъ. Когда же, по окончаніи службы, діаконъ Исидоровъ, въ стихарѣ и съ ораріемъ ставъ на амвонѣ, велегласно прочиталъ грамоту Флорентійскаго осьмого собора, столь несогласную съ древнимъ ученіемъ нашей церкви, тогда всѣ, духовные и міряне, въ изумленіи смотрѣли другъ на друга, не зная, что мыслить о слышанномъ. Имя собора Вселенскаго, царя Іоанна, и согласіе знатнѣйшихъ православныхъ іерарховъ Греціи, искони нашихъ учителей, заграждали уста; безмолствовали епископы и вельможи.

Въ семъ общемъ глубокомъ молчаніи раздался только одинъ голосъ—князя великаго. Съ юныхъ лѣтъ зная твердо уставы церкви и мнѣнія святыхъ отцовъ о Символѣ Вѣры, Василій увидѣлъ отступленіе грековъ отъ ея правилъ, воспылалъ ревностію обличить беззаконіе, вступилъ въ преніе съ Исидоромъ и торжественно наименовалъ его лжепастыремъ, губителемъ душъ, еретикомъ; призвалъ на совѣтъ епископовъ, бояръ, искусныхъ въ книжномъ ученіи, и велѣлъ имъ основательно разсмотрѣть флорентійскую соборную грамоту. Всѣ прославили умъ великаго князя. Святители и вельможи сказали ему: „Государь! мы дремали; ты единъ за всѣхъ бодрствовалъ, открылъ истину, спасъ вѣру: митрополитъ отдалъ ее на златѣ римскому папѣ и возвратился къ намъ съ ересью". Исидоръ силился доказывать противное, но безъ успѣха: Василій посадилъ его за стражу въ Чудовѣ монастырѣ, требуя, чтобы онъ раскаялся, отвергнувъ соединеніе съ

латинскою церковію. Такимъ образомъ хитрость, рѣдкій даръ слова и великій умъ сего честолюбиваго грека, имѣвъ столь много дѣйствія на Флорентійскомъ соборѣ, гдѣ ученѣйшая Греція состязалась съ Римомъ, оказались безсильными въ Москвѣ, бывъ побѣждены здравымъ смысломъ великаго князя, увѣреннаго, что перемѣны въ законѣ охлаждаютъ сердечное усердіе къ оному, и что неизмѣняемые догматы отцовъ лучше всякихъ новыхъ мудрованій. Узнавъ же, что Исидоръ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ тайно ушелъ изъ монастыря, благоразумный Василій не велѣлъ гнаться за нимъ, ибо не хотѣлъ употребить никакихъ жестокихъ мѣръ противъ сего сверженнаго имъ митрополита, который, въѣхавъ въ Россію гордо, пышно и величаво, бѣжалъ изъ нея какъ преступникъ, въ страхѣ, чтобы москвитяне не сожгли его подъ именемъ еретика на кострѣ.

Исидоръ благополучно достигъ Рима съ печальнымъ извѣстіемъ о нашемъ упрямствѣ, и въ награду за свой ревностный подвигъ занялъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ думѣ кардиналовъ, еще именуясь россійскимъ; а великій князь, съ согласія всѣхъ епископовъ, вторично избравъ Іону въ митрополиты (въ 1443 г.), отправилъ боярина Полуехта въ Константинополь съ грамотою къ царю и патріарху, въ коей описываетъ всю исторію нашего христіанства со временъ Владимира и говоритъ далѣе: „По кончинѣ блаженнаго Фотія, земля русская нѣсколько лѣтъ оставалась безъ духовнаго пастыря, волнуемая нашествіемъ варваровъ и внутреннимъ междоусобіемъ; наконецъ мы послали къ вамъ епископа рязанскаго, Іону, мужа отъ юныхъ лѣтъ благочестиваго и добродѣтельнаго, желая, да поставите его въ митрополиты; но вы, или отъ замедленія нашего, или, слѣдуя единственно прихоти самовластія, дали намъ Исидора. Богу извѣстно, что я долго колебался и мыслилъ отвергнуть его; но ласковая грамота патріархова, моленіе посла вашего и сладкорѣчивое смиреніе Исидорово тронули мое сердце... Когда же онъ, вопреки своей клятвѣ, измѣнилъ православію, то мы созвали боголюбивыхъ святителей нашей земли, да изберуть новаго достойнѣйшаго митрополита, какъ и прежде, въ чрезвычайныхъ случаяхъ, у насъ бывало. Но хотимъ соблюсти обрядъ древній: требуемъ твоего царскаго согласія и патріаршаго благословенія, увѣряя васъ, что никогда произвольно не отлучимся отъ церкви греческой, доколѣ стоитъ держава русская. Итакъ, ожидаемъ, что вы исполните мое прошеніе и не замедлите увѣдомить насъ о вашемъ здравіи, да возвеселимся духомъ нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь". Сей посолъ не доѣхалъ до Константинополя: ибо Василій приказалъ ему возвратиться, свѣдавъ тогда, какъ говоритъ лѣтописецъ, совершенное отступленіе императора греческаго отъ истинной вѣры.

Съ того времени Іона первенствовалъ, кажется, въ дѣлахъ нашей церкви, хотя еще и не былъ торжественно признанъ ея главою, а епископы южной Россіи снова имѣли особеннаго митрополита, посвященнаго въ Римѣ, именемъ Григорія болгарина, ученика Исидорова, вмѣстѣ съ нимъ ушедшаго изъ Москвы. Они держались Флорентійскаго соединенія, которое въ Литвѣ и въ Польшѣ доставило имъ всѣ выгоды и преимущества духовенства латинскаго, подтвержденныя въ 1443 году указомъ Владислава III. Преемникъ Владиславовъ, Казимиръ, даже уговаривалъ великаго князя признать кіевскаго іерарха главою и московскихъ епископовъ, представляя, какъ вѣроятно, что духовное единоначаліе утвердитъ благословенный союзъ между сѣверною и южною Россіею; но святители наши предали Григорія анаѳемѣ. Московская митрополія осталась независимою, а кіевская—подвластною Риму, будучи составлена изъ епархіи брянской, смоленской, перемышльской, туровской, луцкой, владимирской, полоцкой, хельмской и галицкой.

Такія слѣдствія имѣлъ славный соборъ Флорентійскій. Еще нѣсколько лѣтъ защитники и противники его писали, спорили, опровергали другъ друга; наконецъ бѣдствіе, постигшее Константинополь, пресѣкло и споры, и долговременныя усилія властолюбиваго Рима для подчиненія себѣ Византійской церкви. Духовенство же московское, отвергнувъ соблазнъ, тѣмъ болѣе укрѣпилось въ догматахъ православія.

Россіяне имѣли нужду въ мирѣ церковномъ, чтобы великодушнѣе сносить несчастія государственныя, коими Небо скоро посѣтило наше отечество.

Уже осенью, въ 1441 году, открылась новая вражда между великимъ княземъ и Димитріемъ Шемякою, который, свѣдавъ о приближеніи московскаго войска къ Угличу, бѣжалъ въ Новгородскую область и, собравъ нѣсколько тысячъ бродягъ, вмѣстѣ съ княземъ Александромъ Черторижскимъ, выѣхавшимъ къ нему изъ Литвы, внезапно подступилъ къ Москвѣ; хотя игуменъ троицкій, Зиновій, примирилъ ихъ; но Шемяка, боясь Василія, далъ знать новогородцамъ, что желаетъ навсегда къ нимъ переселиться. Они гордо сказали: „Да будетъ, князь, твоя воля! Если хочешь къ намъ, мы тебѣ ради; если не хочешь, какъ тебѣ угодно“. Сей отвѣтъ или не полюбился ему, или тогдашнія обстоятельства Новагорода отвратили его отъ намѣренія искать тамъ убѣжище: Шемяка остался въ своемъ удѣлѣ.

Новгородъ, волнуемый внутри, угрожаемый извнѣ, не имѣлъ ни твердаго правленія, ни ясной политической системы. Въ 1442 году народъ, безъ всякаго доказательства обвиняя многихъ людей въ зажигательствѣ, жегъ ихъ на кострахъ, топилъ въ Волховѣ, побивалъ каменьемъ. Худые урожаи и десятилѣтняя дороговизна

приводили граждан въ отчаяніе. „Вопль и стенаніе (говоритъ лѣтописецъ) раздавались на площадяхъ и на улицахъ; бѣдные шатались какъ тѣни, падали, умирали, дѣти передъ родителями, отцы и матери передъ дѣтьми; одни бѣжали отъ голода въ Литву, или въ землю нѣмецкую, или во Псковъ; другіе изъ хлѣба шли въ рабство къ купцамъ магометанской и жидовской вѣры. Не было правды ни въ судахъ, ни во градѣ. Возстали ябедники, лжесвидѣтели, грабители; наши старѣйшины утратили честь свою, и мы сдѣлались поруганіемъ для сосѣдовъ". Къ симъ народнымъ бѣдствіямъ присоединились внѣшнія опасности. Слабая держава можетъ существовать только союзомъ съ сильными: ослѣпленный Новгородъ досаждалъ всѣмъ и не имѣлъ друзей. Одинъ изъ князей Суздальскихъ, Василій Юрьевичъ, внукъ Киртяпинъ и наслѣдственный врагъ Москвы, былъ ласково принятъ новгородцами и начальствовалъ у нихъ въ Ямѣ. Къ неудовольствію же великаго князя они вызвали изъ Литвы внука Ольгердова, Іоанна Взадимировича, и дали ему свои пригороды въ угодность Казимиру; между тѣмъ не угодили и послѣднему. Казимиръ хотѣлъ, чтобы они взяли отъ него намѣстниковъ въ свою столицу и явно отложились отъ Василія Васильевича, говоря: „для васъ единственно я не заключилъ съ нимъ мира; поддайтесь мнѣ и вы будете со всѣхъ сторонъ безопасны". Новгородцы, еще не расположенные измѣнить русскому отечеству, посмѣялись надъ властолюбіемъ Казимира: отпустили Іоанна въ Литву и вторично приняли къ себѣ Лугвеніева сына Юрія, бывшаго въ Москвѣ. Тщетно псковитяне искали дружбы и давали имъ примѣръ благоразумія, стараясь быть въ тѣсной связи съ Москвою, которая долженствовала рано или поздно спасти сѣверозападную Россію отъ хищности иноплеменниковъ. Князья—иногда россійскіе, иногда литовскіе—начальствовали во Псковѣ, но всегда именемъ великаго князя, съ его согласія, и присягали въ вѣрности сперва ему, а потомъ народу. Слѣдуя инымъ правиламъ, новгородцы видѣли въ гражданахъ сей области уже не братьевъ, а слугъ московскихъ, и своихъ совмѣстниковъ въ выгодахъ нѣмецкой торговли. Тѣ и другіе воевали, мирились, заключали договоры, особенно съ державами иноземными, не думая о благѣ общемъ. Новогородцы, въ 1442 году, взяли всѣхъ нѣмецкихъ купцовъ подъ стражу; псковитяне дружелюбно торговали съ Ганзою. Въ Шведской Финляндіи властвовалъ тогда государственный маршалъ Карлъ Кнутсонъ, получивъ ее въ удѣлъ отъ Верховнаго Совѣта и короля: онъ жилъ въ Выборгѣ и, стараясь ничѣмъ не оскорблять новогородцевъ, злобился на псковитянъ, которые повѣсили нѣсколько чухонцевъ за воровство въ землѣ своей; мстилъ имъ безъ объявленія войны; бралъ людей въ плѣнъ и требовалъ оку-

па. Въ 1443 году магистръ Ливонскаго Ордена Финке фонъ-Обербергенъ возобновилъ миръ съ областію Псковскою на 10 лѣтъ и былъ непріятелемъ новгородцевъ: сжегъ предмѣстіе Ямы и велѣлъ сказать имъ, какъ бы въ насмѣшку, что не онъ, а герцогъ Клевскій изъ заморья воюетъ Россію.

Такъ сказано въ нашей лѣтописи: бумаги Нѣмецкаго Ордена, хранящіяся въ древнемъ Кенигсбергскомъ архивѣ, объясняютъ для насъ сей предлогъ войны съ ея достопамятными обстоятельствами. Еще въ 1438 году великій магистръ нѣмецкій писалъ къ новогородскому князю Юрію, чтобы онъ благосклонно принялъ юнаго принца Клевскаго Эбергарда, ѣдущаго въ Палестину черезъ Россію, и доставилъ ему всѣ способы для пути безопаснаго; но Эбергардъ возвратился въ Ригу съ жалобами на претерпѣнныя имъ въ новогородской землѣ оскарбленія. Рыцари за него вступились и собрали войско, которое будто бы само собою, безъ ихъ вѣдома, начало непріятельскія дѣйствія. Финке увѣрялъ, что Орденъ желаетъ единственно удовлетворенія за обиду принца Клевскаго и за многія другія, сдѣланныя нѣмцамъ безпокойными, наглыми россіянами, любящими отнимать чужое и жаловаться. Великій герцогъ литовскій Казимиръ былъ между ними посредникомъ, величаясь именемъ государя новогородцевъ, единственно потому, что они со временъ Гедиминовыхъ принимали къ себѣ литовскихъ князей въ областные начальники; но Финке, благосклонно встрѣтивъ Казимировыхъ пословъ, не устыдился взять подъ стражу новогородскаго, даже ограбилъ его и выслалъ нагого изъ Ливоніи.—Раздраженные новогородцы опустошили ливонскія селенія за Наровою; нѣмцы—земли Водскую, берега Ижоры и Невы; опять приступили къ Ямѣ и хотѣли пушками разрушить ея стѣны, но черезъ пять дней сняли осаду. Нѣмецкіе лѣтописцы прибавляютъ, что россіяне заманили магистра въ какое-то ущелье и побили у него множество воиновъ; что онъ, желая отмстить имъ новымъ впаденіемъ въ ихъ предѣлы, возвратился съ новою неудачею и стыдомъ. Несмотря на то, гордый Финке вторично отвергнулъ мирныя предложенія новогородцевъ, сказавъ ихъ посламъ въ Ригѣ, что не заключитъ мира, если они не уступятъ ему всей рѣки Наровы съ островомъ. Досслѣ дѣйствовавъ только собственными силами, ливонцы предпріяли, наконецъ, вооружить на россіянъ знатную часть Европы, посредствомъ великаго магистра прусскаго, бывшаго въ тѣсной связи съ Римомъ и съ государями сѣверными; хотѣли уже не грабежа, не маловажныхъ ошибокъ, но рѣшительнаго удара. Въ 1447 году Орденъ заключилъ договоръ съ королемъ Даніи, Норвегіи и Швеціи Христофоромъ, чтобы совокупными силами воевать землю новогородскую: нѣмцамъ взять Копорье и Нейшлотъ, шведамъ Орѣховъ, Ланд-

скрону, и проч. Великій магистръ прусскій убѣждалъ папу содѣйствовать молитвою и деньгами къ усмиренію невѣрныхъ россіянъ; писалъ къ императору, къ курфирстамъ и вызывалъ изъ Германіи всѣхъ православныхъ витязей служить Богу и Его Матери, казнить отступниковъ злочестивыхъ на берегахъ Волхова; писалъ также ко всѣмъ городамъ ганзейскимъ, къ Любеку, Висмару, Ростоку, Грейфсвальдену, чтобы они запретили купцамъ своимъ возить хлѣбъ въ Новгородъ. Вооруженныя ливонскія суда заняли Неву и брали въ добычу всякій нагруженный съѣстными припасами корабль, идущій въ Ладожское озеро, не исключая ни союзныхъ шведскихъ, ни прусскихъ. Войско Нѣмецкаго Ордена отправилось моремъ изъ Данцига и сухимъ путемъ изъ Мемеля на Нарвѣ: пѣхота, конница и пушкари, съ рыцаремъ Генрихомъ, искуснымъ въ употребленіи огнестрѣльнаго снаряда. Въ Бранденбургѣ, Эльбингѣ, Кенигсбергѣ и во всѣхъ городахъ прусскихъ народъ торжественно молился о счастливомъ успѣхѣ христіанскаго оружія противъ язычниковъ (contra poganos) новогородскихъ и союзниковъ ихъ, москвитянъ, волоховъ и татаръ: латинскія обѣдни и церковные ходы долженствовали склонить Небо къ совершенному истребленію сей россійской народной державы, болѣе именемъ, нежели силами великой, опустошенной тогда голодомъ и болѣзнями.

Какія были слѣдствія мѣръ столь важныхъ и грозныхъ? Въ нашихъ лѣтописяхъ сказано единственно, что ливонскіе рыцари, король шведскій и прусскій (то-есть великій магистръ Нѣмецкаго Ордена), въ 1448 году имѣвъ битву съ новогородцами на берегахъ Наровы, ушли назадъ; а двиняне близъ Неноксы разбили шведовъ, которые приходили туда моремъ изъ Лапландіи.—Ни татары, ни волохи, ни москвитяне не помогали Новугороду. „Я даю ему князей, но безъ войска“, писалъ Казимиръ къ нѣмцамъ. Въ бумагахъ орденскихъ упоминается только о какомъ-то знаменитомъ человѣкѣ, который, въ 1447 году, ѣхалъ изъ Моравіи съ шестьюстами всадниковъ на помощь къ новогородскому князю Юрію, сыну Лугвеніеву.

Въ сіе время новогородцы имѣли еще двухъ непріятелей: князь Борисъ Тверскій безжалостно грабилъ ихъ землю, и народъ югорскій, угнетаемый ими, объявилъ себя независимымъ. Воеводы двинскіе Василій Шенкурскій и Михайло Яковлевъ пришли къ нимъ съ тремя тысячами воиновъ. Жители употребили хитрость. „Дайте намъ время собрать дань, — говорили они, — сдѣлавъ расчетъ между собою, мы покажемъ вамъ урочища и станы“; но, усыпивъ россіянъ обѣщаніями и ласками, побили ихъ наголову. Новогородцы оружіемъ усмирили сихъ бунтующихъ данниковъ, а князя Тверского старались усовѣстить словами дружелюбными;

заключили, наконецъ, союзъ съ добрыми псковитянами и перемиріе съ нѣмцами на 25 лѣтъ.

Гораздо важнѣйшія происшествія ожидаютъ насъ въ Московскомъ великомъ княженіи. Смерть Витовта, дѣда, опекуна Василіева, уничтоживъ связь притворнаго дружества между Литвою и нашимъ государствомъ, возобновила ихъ естественную, взаимную ненависть другъ ко другу, еще усиленную раздоромъ церковнымъ. Непріятели Казимировы искали убѣжища въ Москвѣ: сынъ Лугвеніевъ, князь Юрій, выѣхавъ изъ Новагорода и занявъ вооруженною рукою Смоленскъ, Полоцкъ, Витебскъ, но будучи не въ силахъ противиться Казимиру, бѣжалъ къ великому князю. Однакожъ войны не было до 1444 года: въ сіе время, зимою, Василій послалъ двухъ служащихъ ему царевичей могольскихъ на Брянскъ и Вязьму. Нечаянность ихъ впаденія благопріятствовала успѣху, если можно назвать успѣхомъ грабежъ и кровопролитіе безполезное: татары и москвитяне опустошили села и города почти до Смоленска. Явились мстители: 7,000 литовцевъ, предводимыхъ семью панами, разорили беззащитныя окрестности Козельска, Калуги, Можайска, Вереи. Собралось нѣсколько сотъ россіянъ подъ начальствомъ воеводъ можайскаго, верейскаго и боровскаго; презирая многочисленность непріятеля, они смѣло ударили на Казимировыхъ пановъ въ Суходровѣ, и были разбиты. Впрочемъ, литовцы, не взявъ ни одного города, удалились съ плѣнниками.

Великій князь не могъ отразить ихъ для того, что имѣлъ дѣло съ другимь непріятелемъ. Царевичъ Золотой Орды, именемъ Мустафа, желая добычи, вступилъ въ рязанскую область, плѣнилъ множество безоружныхъ людей и, взявъ за нихъ окупъ, ушелъ; но скоро опять возвратился къ Переславлю, требуя уже не денегъ, а только убѣжища. Настала зима необыкновенно холодная, съ глубокими снѣгами, жестокими морозами и вьюгами: татары не могли достигнуть улусовъ, лишились коней и сами умирали въ полѣ. Граждане переславскіе, не смѣя отказать имъ, впустили ихъ въ свои жилища; однакожъ ненадолго: ибо Василій послалъ князя Оболенскаго съ московскою дружиною и съ мордвою выгнать царевича изъ нашихъ предѣловъ. Мустафа, равно опасаясь и жителей, и рати великокняжеской, по требованію первыхъ вышелъ изъ города, сталъ на берегахъ рѣчки Листани и спокойно ожидалъ непріятелей. Съ одной стороны наступили на него воеводы московскіе съ конницею и пѣхотою, вооруженною ослопами или палицами, топорами и рогатинами; съ другой—рязанскіе казаки и мордва на лыжахъ, съ сулицами, копьями и саблями. Татары, цѣпенѣя отъ сильнаго холода, не могли стрѣлять изъ луковъ и, несмотря на свою малочисленность, смѣло пустились

въ ручной бой. Они, конечно, не имѣли средства спастися бѣгствомъ; но отъ нихъ зависѣло отдаться въ плѣнъ безъ кровопролитія: Мустафа не хотѣлъ слышать о такомъ стыдѣ и бился до изнуренія послѣднихъ силъ. Никогда татары не изъявляли превосходнѣйшаго мужества: одушевленные словами и примѣромъ начальника, рѣзались какъ изступленные и бросались грудью на копья. Мустафа палъ героемъ, доказавъ, что кровь Чингисова и Тамерланова еще не совсѣмъ застыла въ сердцѣ моголовъ; другіе также легли на мѣстѣ, плѣнниками были одни раненые, и побѣдители, къ чести своей, завидовали славѣ побѣжденныхъ.—Чрезъ нѣсколько времени татары Золотой Орды—желая, какъ вѣроятно, отмстить за Мустафу,—воевали области Рязанскія и Мордовскія; но не сдѣлали ничего важнаго.

Непріятель опаснѣйшій явился съ другой стороны, царь казанскій Улу-Махметъ; взялъ Старый Новгородъ Нижній,—оставленный безъ защиты, и шелъ къ Мурому. Великій князь собралъ войско; Шемяка, Іоаннъ Андреевичъ Можайскій, братъ его Михаилъ Верейскій и Василій Ярославовичъ Боровскій, внукъ Владимира Храбраго, находились подъ московскими знаменами. Махметъ отступилъ: передовой отрядъ нашъ разбилъ татаръ близъ Мурома, Гороховца и въ другихъ мѣстахъ. Не желая во время тогдашнихъ зимнихъ холодовъ гнаться за царемъ, великій князь возвратился въ столицу. Весною пришла вѣсть, что Махметъ осадилъ Нижній-Новгородъ, послалъ двухъ сыновей, Мамутека и Ягуба, къ Суздалю. Уже полки были распущены; надлежало вновь собирать ихъ. Василій Васильевичъ съ одною московскою ратію пришелъ въ Юрьевъ, гдѣ встрѣтили его воеводы нижегородскіе; долго терпѣвъ недостатокъ въ хлѣбѣ, они зажгли крѣпость и ночью бѣжали оттуда. Черезъ нѣсколько дней присоединились къ москвитянамъ князья Можайскій, Верейскій и Боровскій, но съ малымъ числомъ ратниковъ. Шемяка обманулъ Василія: самъ не поѣхалъ и не далъ ему ни одного воина; а царевичъ Бердата, другъ и слуга россіянъ, еще оставался назади. Великій князь расположился станомъ близъ Суздаля, на рѣкѣ Каменкѣ; слыша, что непріятель идетъ, воины одѣлись въ латы и, поднявъ знамена, изготовились къ битвѣ; но, долго ждавъ моголовъ, возвратились въ станъ. Василій ужиналъ и пилъ съ князьями до полуночи; а въ слѣдующій день, по восхожденіи солнца, отслушавъ заутреню, снова легъ спать. Тутъ узнали о переправѣ непріятеля черезъ рѣку Нерль: сдѣлалась общая тревога. Великій князь, схвативъ оружіе, выскочилъ изъ шатра и, въ нѣсколько минутъ устроивъ рать, бодро повелъ оную впередъ, при звукѣ трубъ, съ распущенными хоругвями. Но сіе шумное ополченіе, предводимое внуками Донского и Владимира Храбраго, состояла не болѣе какъ изъ

1,500 россіянъ, если вѣрить лѣтописцу; силы государства Московскаго не уменьшились; только Василій не умѣлъ подражать дѣду и словомъ творить многочисленныя воинства; земля оскудѣла не людьми, но умомъ правителей.

Впрочемъ, сія горсть людей казалась сонмомъ героевъ, текущихъ къ вѣрной побѣдѣ. Князья и воины не уважали татаръ; видѣли ихъ превосходную силу и, вопреки благоразумію, схвати-



ВАСИЛІЙ II. ВАСИ-
ЛЬЕВИЧЪ.
Темный
Вел. Кн. Россійскій

лись съ ними на чистомъ полѣ, близъ монастыря Евфиміева. Непріятель былъ вдвое многочисленнѣе; однакожъ россіяне первымъ ударомъ обратили его въ бѣгство, можетъ быть, притворное: онъ хотѣлъ, кажется, чтобы наше войско растроилось. По крайней мѣрѣ такъ случилось; москвитяне, видя тылъ непріятельской рати, устремились за нею безъ всякаго порядка; всякій хотѣлъ единственно добычи: кто обдиралъ мертвыхъ, кто безъ

памяти скакалъ впередъ, чтобы догнать обозъ царевичей или плѣнниковъ. Татары вдругъ остановились, поворотили коней и со всѣхъ сторонъ окружили мнимыхъ побѣдителей, разсѣянныхъ, изумленныхъ. Еще князья наши старались возстановить битву: сражались толпы съ толпами, воинъ съ воиномъ, долго, упорно; вездѣ число одолѣло, и россіяне, положивъ на мѣстѣ 500 моголовъ, были истреблены. Самъ великій князь, личнымъ мужествомъ заслуживъ похвалу—имѣя прострѣленную руку, нѣсколько пальцевъ отсѣченныхъ, тринадцать язвъ на головѣ, плеча и грудь синія отъ ударовъ — отдался въ плѣнъ вмѣстѣ съ Михаиломъ Верейскимъ и знатнѣйшими боярами. Іоаннъ Можайскій, оглушенный сильнымъ ударомъ, лежалъ на землѣ: оруженосцы посадили его на другого коня и спасли. Василій Ярославичъ Боровскій также ушелъ, но весьма немногіе имѣли сіе счастіе. Смерть или неволя были жребіемъ остальныхъ. Царевичи выжгли еще нѣсколько селъ, два дни отдыхали въ монастырѣ Евфиміевѣ и, снявъ тамъ съ несчастнаго Василія златые кресты, послали оные въ Москву, къ его матери и къ супругѣ въ знакъ своей побѣды.

Столица наша затрепетала отъ сей вѣсти. Дворъ и народъ вопили. Москва видала ея государей въ злосчастіи и въ бѣгствѣ, но никогда не видала въ плѣну. Ужасъ господствовалъ повсюду. Жители окрестныхъ селеній и пригородовъ, оставляя домы, искали убѣжища въ стѣнахъ кремлевскихъ: ибо ежечастно ждали нашествія варваровъ, обманутые слухомъ о силѣ царевичей. Новое бѣдствіе довершило жалостную судьбу москвитянъ и пришельцевъ: ночью сдѣлался пожаръ внутри Кремля, столь жестокій, что не осталось ни одного деревяннаго зданія въ цѣлости: самыя каменныя церкви и стѣны въ разныхъ мѣстахъ упали; сгорѣло около трехъ тысячъ человѣкъ и множество всякаго имѣнія. Мать и супруга великаго князя съ боярами спѣшили удалиться отъ сего ужаснаго пепелища: онѣ уѣхали въ Ростовъ, предавъ народъ отчаянію въ жертву. Не было ни государя, ни правленія, ни столицы. Кто могъ—бѣжалъ; но многіе не знали, гдѣ найти пристанище, и не хотѣли пускать другихъ. Чернь въ шумномъ совѣтѣ положила укрѣпить городъ: избрали властителей; запретили бѣгство; ослушниковъ наказывали и вязали; починили городскія ворота и стѣны; начали строить и жилища. Однимъ словомъ, народъ самъ собою возстановилъ и порядокъ изъ безначалія и Москву изъ пепла, надѣясь, что Богъ возвратитъ ей и государя.— Между тѣмъ, пользуясь ея сиротствомъ и несчастіемъ, князь Борисъ Александровичъ Тверскій прислалъ воеводъ своихъ разграбить въ Торжкѣ все имѣніе купцовъ московскихъ.

Несмотря на пороки или недостатки Василія, россіяне великаго княженія видѣли въ немъ единственнаго законнаго властителя и

хотѣли быть ему вѣрными: плѣнъ его казался имъ тогда главнымъ бѣдствіемъ. Царевичи, хотя и побѣдители, вмѣсто намѣренія идти къ Москвѣ — чего она въ безразсудномъ страхѣ ожидала—мыслили единственно какъ можно скорѣе удалиться съ добычею и съ важнымъ плѣнникомъ, имѣя столь мало войска. Отъ Суздаля они пришли къ Владимиру; но, только погрозивъ жителямъ, черезъ Муромъ возвратились къ отцу въ Нижній. Самъ Махметъ опасался россіянъ и не разсудилъ за благо остаться въ нашихъ предѣлахъ: зная расположеніе Шемяки, отправилъ къ нему посла, именемъ Бигича, съ дружескими увѣреніями, а самъ отступилъ къ Курмышу, взявъ съ собою великаго князя и Михаила Верейскаго.

Шемяка радовался бѣдствію Василія, которое удовлетворяло его властолюбію и ненависти къ сему злосчастному плѣннику. Онъ принялъ царскаго мурзу съ величайшею лаской: угостилъ и послалъ съ нимъ къ Махмету дьяку Ѳедора Дубенскаго для окончанія договоровъ. Дѣло шло о томъ, чтобы Василію быть въ вѣчной неволѣ, а Шемякѣ великимъ княземъ подъ верховною властію царя Казанскаго. Но Махметъ, долго не имѣвъ вѣсти о Бигичѣ, вообразилъ или повѣрилъ слуху, что Шемяка убилъ его и хочетъ господствовать въ Россіи независимо. Еще и другое обстоятельство могло способствовать счастливой перемѣнѣ въ судьбѣ Василія. Одинъ изъ князей болгарскихъ или могольскихъ, именемъ Либей, завладѣлъ тогда Казанью (послѣ онъ былъ умерщвленъ сыномъ ханскимъ Мамутекомъ). Желая скорѣе возвратиться въ Болгарію, царь совѣтовался съ ближними, призвалъ великаго князя и съ ласкою объявилъ ему свободу, требуя отъ него единственно умѣреннаго окупа и благодарности. Василій, прославилъ милость Неба и царскую, выѣхалъ изъ Курмыша съ княземъ Михаиломъ, съ боярами и со многими послами татарскими, коимъ надлежало проводить его до столицы; отправилъ гонца въ Москву къ великимъ княгинямъ и самъ вслѣдъ за нимъ спѣшилъ въ любезное отечество. Между тѣмъ дьякъ Шемякинъ и мурза Бигичъ плыли Окою отъ Мурома къ Нижнему; услышавъ о свободѣ великаго князя, они возвратились отъ Дудина монастыря въ Муромъ, гдѣ намѣстникъ, князь Оболенскій, взялъ Бигича подъ стражу.

Въ тотъ самый день, когда царь отпустилъ Василія въ Россію — 1 октября — Москва испытала одинъ изъ главныхъ естественныхъ ужасовъ, весьма необыкновенный для странъ сѣверныхъ — землетрясеніе. Въ шестомъ часу ночи поколебался весь городъ, Кремль и посадъ, домы и церкви; но движеніе было тихо и непродолжительно: многіе спали и не чувствовали онаго; другіе обезпамятѣли отъ страха, думая, что земля отверзаетъ нѣдра

свои для поглощенія Москвы. Нѣсколько дней ни о чемъ иномъ не говорили въ домахъ и на Красной площади: считали сей феноменъ предтечею какихъ-нибудь новыхъ государевыхъ бѣдствій, и тѣмъ болѣе обрадовались нечаянному извѣстію о прибытіи великаго князя. Не только въ столицѣ, но и во всѣхъ городахъ, въ самыхъ хижинахъ сельскихъ добрые подданные веселились какъ въ день Свѣтлаго праздника и спѣшили издалека видѣть государя. Въ Переславлѣ нашелъ Василій мать, супругу, сыновей своихъ, многихъ князей, бояръ, дѣтей боярскихъ и вообще столько ратныхъ людей, что могъ бы смѣло идти съ ними на сильнѣйшаго изъ враговъ Россіи. Сія усердная, великолѣпная встрѣча напомнила величіе героя Димитрія, привѣтствуемаго народомъ послѣ Донской битвы: дѣдъ плѣнялъ россіянъ славою, внукъ трогалъ сердца своимъ несчастіемъ и неожидаемымъ спасеніемъ.—Но Василій (17 ноября) съ горестію въѣхалъ въ столицу, медленно возникающую изъ пепла; вмѣсто улицъ и зданій видѣлъ пустыри; самъ не имѣлъ дворца и, живъ нѣсколько времени за городомъ въ домѣ своей матери, на Ваганьковѣ, занялъ въ Кремлѣ дворъ князя Литовскаго, Юрія Патрикеевича.

Еще мѣра золъ, предназначенныхъ судьбою сему великому князю, не исполнилась: ему надлежало испытать лютѣйшее, въ доказательство, что и на самой землѣ бываетъ возмездіе по дѣламъ каждаго. Опасаясь Василія, Дмитрій Шемяка бѣжалъ въ Угличъ, но съ намѣреніемъ погубить неосторожнаго врага своего, который, еще не вѣдая тогда всей его злобы и повѣривъ ложному смиренію, новою договорною грамотой утвердилъ съ нимъ миръ. Димитрій вступилъ въ тайную связь съ Іоанномъ Можайскимъ, княземъ слабымъ, жестокосердымъ, легкомысленнымъ, и безъ труда увѣрилъ его, что Василій будто бы клятвенно обѣщалъ все государство Московское царю Махмету, а самъ намѣренъ властвовать въ Твери. Скоро присталъ къ нимъ и Борисъ Тверскій, обманутый симъ вымысломъ и страшась лишиться княженія. Главными ихъ наушниками и подстрекателями были мятежные бояре умершаго Константина Димитріевича, завистники бояръ великокняжескихъ; сыскались измѣнники и въ Москвѣ, которые взяли сторону Шемяки, вообще нелюбимаго: въ числѣ ихъ находились бояринъ Иванъ Старковъ, нѣсколько купцовъ, дворянъ, даже иноковъ. Умыслили не войну, а предательство; положили нечаянно овладѣть столицею и схватить великаго князя; наблюдали всѣ его движенія и ждали удобнаго случая.

Василій, слѣдуя обычаю отца и дѣда, поѣхалъ молиться въ Троицкую обитель, славную добродѣтелями и мощами св. Сергія, взявъ съ собою двухъ сыновей съ малымъ числомъ придворныхъ. Заговорщики немедленно дали о томъ вѣсть Шемякѣ и князю

Можайскому и Іоанну, которые были въ Рузѣ, имѣя въ готовности цѣлый полкъ вооруженныхъ людей. Февраля 12, ночью, они пришли къ Кремлю, гдѣ царствовала глубокая тишина; никто не мыслилъ о непріятелѣ, всѣ спали; бодрствовали только измѣнники и безъ шума отворили имъ ворота. Князья вступили въ городъ, вломились во дворецъ, захватили мать, супругу, казну Василіеву, многихъ вѣрныхъ бояръ, опустошивъ ихъ домы; однимъ словомъ, взяли Москву. Въ ту же самую ночь Шемяка послалъ Іоанна Можайскаго съ воинами къ Троицкой лаврѣ.

Великій князь, ничего не зная, слушалъ обѣдню у гроба св. Сергія. Вдругъ вбѣгаетъ въ церковь одинъ дворянинъ, именемъ Бунко, и сказываетъ о происшедшемъ. Василій не вѣритъ. Сей дворянинъ служилъ прежде ему, а послѣ отъѣхалъ къ Шемякѣ, и тѣмъ болѣе казался вѣстникомъ ненадежнымъ. „Вы только мутите насъ,—отвѣтствовалъ Василій:—я въ мирѣ съ братьями"— и выгналъ Бунка изъ монастыря; но одумался и послалъ нѣсколько человѣкъ занять гору на московской дорогѣ. Передовые воины Іоанновы, увидѣвъ сихъ людей, извѣстили о томъ своего князя: онъ велѣлъ закрыть 40 или 50 саней цыновками и, спрятавъ подъ ними ратниковъ, отправилъ ихъ къ горѣ. Стражи Василіевы дремали, не вѣря слуху о непріятелѣ, и спокойно глядѣли на мнимый обозъ, который, тихо взъѣхавъ на гору, остановился: цыновки слетѣли съ саней; явились воины и схватили оплошную стражу. Тогда — увѣренные, что жертва въ ихъ рукахъ — они сѣли на коней и пустились во всю прыть къ селу Клементьевскому. Уже Василій не могъ сомнѣваться въ опасности, собственными глазами видя скачущихъ всадниковъ: бѣжитъ на конюшенный дворъ, требуетъ лошадей и не находитъ ничего готоваго; всѣ люди въ изумленіи отъ ужаса; не знаютъ, что говорятъ и дѣлаютъ. Уже всадники предъ вратами монастырскими. Великій князь ищетъ убѣжища въ церкви: пономарь, впустивъ его, запираетъ двери. Чрезъ нѣсколько минутъ монастырь наполнился людьми вооруженными: самъ Іоаннъ Можайскій подъѣхалъ на конѣ къ церкви и спрашивалъ, гдѣ великій князь? Услышавъ его голосъ, Василій громко закричалъ:—„Братъ любезный! — помилуй! Не лишай меня святого мѣста: никогда не выду отсюда: здѣсь постригуся; здѣсь умру". Взявъ съ гроба Сергіева икону Богоматери, онъ немедленно отперъ южныя двери церковныя, встрѣтилъ Іоанна,—и сказалъ ему:—„Братъ и другъ мой! животворящимъ крестомъ и сею иконою, въ сей церкви, надъ симъ гробомъ преподобнаго Сергія клялись мы въ любви и вѣрности взаимной; а что теперь дѣлается надо мною—не понимаю". Іоаннъ отвѣтствовалъ:—„Государь!—если захотимъ тебѣ зла, да будетъ и намъ зло. Нѣтъ, желаемъ единственно добра

христіанству и поступаемъ такъ съ намѣреніемъ устрашить Махметовыхъ слугъ, пришедшихъ съ тобою, чтобы они уменьшили твой окупъ". Великій князь поставилъ икону на ея мѣсто, палъ ницъ предъ ракою св. Сергія и началъ молиться громогласно, съ такимъ умиленіемъ, съ такимъ жаромъ, что самые злодѣи его не могли отъ слезъ удержаться; а князь Іоаннъ, кивнувъ головою предъ образами, спѣшилъ выйти изъ церкви, и тихо сказалъ боярину Шемякину, Никитѣ: — „возьми его!" Василій всталъ и спросилъ: — „гдѣ братъ мой, Іоаннъ?" — „Ты плѣнникъ великаго князя, Димитрія Юрьевича",—отвѣчалъ Никита, схвативъ его за руку.— „Да будетъ воля Божія!" — сказалъ Василій.—Жестокій вельможа посадилъ несчастнаго князя въ голыя сани вмѣстѣ съ какимъ-то монахомъ и повезъ въ столицу; а московскихъ бояръ всѣхъ оковали цѣпями; другихъ же слугъ великокняжескихъ ограбили и пустили нагихъ.

На другой день привезли Василія въ Москву прямо на дворъ къ Шемякѣ, который жилъ въ иномъ домѣ; на четвертый день, ночью, ослѣпили великаго князя, отъ имени Димитрія Юрьевича, Іоанна Можайскаго и Бориса Тверского, которые велѣли ему сказать: — „для чего любишь татаръ и даешь имъ русскіе города въ кормленіе? для чего серебромъ и золотомъ христіанскимъ осыпаешь невѣрныхъ? для чего изнуряешь народъ податями? для чего ослѣпилъ ты брата нашего, Василія Косого". Вмѣстѣ съ супругою отправили великаго князя въ Угличъ, а мать его, Софію, въ Чухлому. Сыновья же Василіевы, Іоаннъ и Юрій, подъ защитою своей невинности спаслися отъ гонителей: пѣстуны сокрыли ихъ въ монастырѣ и ночью уѣхали съ ними къ князю Ряполовскому, Ивану, въ село Боярово, недалеко отъ Юрьева. Сей вѣрный князь съ двумя братьями, Симеономъ и Димитріемъ, вооружился, собралъ людей, сколько могъ, и повезъ младенцевъ, надежду Россіи, въ Муромъ, укрѣпленный и безопаснѣйшій другихъ городовъ.

Ужасъ господствовалъ въ великомъ княженіи. Оплакивали судьбу Василія, гнушались Шемякою. Князь Боровскій Василій Ярославичъ, братъ великой княгини Маріи, не хотѣвъ остаться въ Россіи послѣ такого злодѣянія, отъѣхалъ въ Литовскую землю, гдѣ Казимиръ далъ ему въ удѣлъ Брянскъ, Гомель, Стародубъ и Мстиславль. Но дворяне московскіе, хотя и съ печальнымъ сердцемъ, присягнули Димитрію Шемякѣ, всѣ, кромѣ одного, именемъ Ѳедора Басенка, торжественно объявившаго, что не будетъ служить варвару и хищнику. Димитрій велѣлъ оковать его: Басенокъ ушелъ изъ темницы въ Литву со многими единомышленниками къ Василію Ярославичу, который сдѣлалъ его и князя Симеона Ивановича Оболенскаго начальниками въ Брянскѣ. Ше-

мяка, принявъ на себя имя великаго князя, отдалъ Суздаль презрительному сподвижнику своему Іоанну Можайскому; но скоро взялъ у него назадъ сію область и вслѣдствіе письменнаго договора уступилъ, вмѣстѣ съ Нижнимъ, съ Городцемъ и даже съ Вяткою, какъ законную наслѣдственную собственность, внукамъ Кирдяпинымъ, Василію и Ѳеодору Юрьевичамъ; то-есть безсмысленно хотѣлъ уничтожить полезное дѣло Василія I, присоединившаго древнее Суздальское княженіе къ Москвѣ. Въ договорной грамотѣ Шемяка, предоставивъ себѣ единственно честь старѣйшинства, соглашается, что Юрьевичи, подобно ихъ прадѣду Димитрію Константиновичу, тестю Донского, господствовали независимо и сами управлялись съ Ордою; обѣ стороны равно обязываются не входить ни въ какіе особенные переговоры съ несчастнымъ слѣпцомъ Василіемъ; села и земли, купленныя московскими боярами вокругъ Суздаля, Городца, Нижняго, долженствовали безденежно возвратиться къ прежнимъ владѣльцамъ, и проч. Что заставило Шемяку быть столь благосклоннымъ къ двумъ изгнанникамъ, которые, не хотѣвъ служить Василію Темному, скитались по Россіи изъ мѣста въ мѣсто? Онъ боялся народной ненависти и малодушно искалъ опоры въ сихъ братьяхъ, изъ коихъ старшій, служа Новугороду, отличился въ битвѣ съ нѣмцами и славился храбростію. Не имѣя ни совѣсти, ни правилъ, ни чести, ни благоразумной системы государственной, Шемяка въ краткое время своего владычества усилилъ привязанность москвитянъ къ Василію и, въ самыхъ гражданскихъ дѣлахъ попирая ногами справедливость, древніе уставы, здравый смыслъ, оставилъ навѣки память своихъ беззаконій въ народной пословицѣ о судѣ Шемякинѣ, донынѣ употребительной.

Онъ не умертвилъ великаго князя единственно для того, что не имѣлъ дерзости Святополка I; лишивъ его зрѣнія, оправдывался закономъ мести и собственнымъ примѣромъ Василія, который ослѣпилъ Шемякина брата. Но москвитяне—соглашаясь, что несчастіе Василіево было явнымъ попущеніемъ Божіимъ—усердно молили Небо избавить ихъ отъ властителя недостойнаго; вспоминали добрыя качества слѣпца: его ревность въ правовѣріи, судъ безъ лицепріятія, милость къ князьямъ удѣльнымъ, къ народу, къ самому Шемякѣ. Лазутчики Димитрія въ столицѣ, на площади, въ домахъ бояръ и гражданъ видѣли печаль, слышали укоризны; даже многіе города не поддавались ему. Въ сихъ обстоятельствахъ надлежало Шемякѣ показать смѣлую рѣшительность: къ счастію, злодѣи не всегда имѣютъ оную; устрашаются крайности и не достигаютъ цѣли. Онъ боялся младенцевъ великокняжескихъ, хранимыхъ въ Муромѣ князьями Ряполовскими, вѣрными боярами и малочисленною воинскою дружиною; но не хотѣлъ употребить на-

силія: призвалъ въ Москву рязанскаго епископа Іону и сказалъ ему: „Мужъ святый! обѣщаю доставить тебѣ санъ митрополита; но прошу твоей услуги. Иди въ свою епископію, въ городъ Муромъ; возьми дѣтей великаго князя на свою епитрахиль и привези ко мнѣ; я готовъ на всякую милость: выпущу отца ихъ; дамъ имъ удѣлъ богатый, да господствуютъ въ ономъ и живутъ въ изобиліи". Іона, не сомнѣваясь въ его искренности, отправился въ Муромъ и ревностно старался успѣть въ Димитріевомъ порученіи. Бояре колебались. „Если не послушаемъ святителя",— думали они,—„то Димитрій силою возьметъ Муромъ и дѣтей великокняжескихъ: что будетъ съ ними, съ несчастнымъ ихъ родителемъ и съ нами?" Бояре требовали клятвы отъ Іоны и привели младенцевъ въ храмъ Богоматери, гдѣ епископъ, отпѣвъ молебенъ, торжественно принялъ ихъ съ церковной плены на свою епитрахиль, въ удостовѣреніе, что Димитрій не сдѣлаетъ имъ ни малѣйшаго зла. Князья Ряполовскіе и друзья ихъ, успокоенные обрядомъ священнымъ, сами поѣхали съ драгоцѣннымъ залогомъ къ Шемякѣ, бывшему тогда въ Переславлѣ. Сей лицемѣръ плакалъ будто бы отъ умиленія: ласкалъ, цѣловалъ юныхъ невинныхъ племянниковъ; угостилъ обѣдомъ и дарами, а на третій день отправилъ съ тѣмъ же Іоною къ отцу въ Угличъ. Іона возвратился въ Москву и занялъ домъ митрополитскій; но Василій и семейство его остались подъ стражею. Шемяка не исполнилъ обѣта.

Сіе вѣроломство изумило бояръ: добрые князья Ряполовскіе были въ отчаяніи. „Не дадимъ веселиться злобѣ", сказали они и рѣшились низвергнуть Димитрія. Къ нимъ пристали князь Иванъ Стрига Оболенскій, вельможа Ощера и многія дѣти боярскія; условились съ разныхъ сторонъ идти къ Угличу; въ одинъ день и часъ явиться подъ его стѣнами, овладѣть городомъ, освободить Василія. Заговоръ не имѣлъ совершеннаго успѣха; однакожъ произвелъ счастливое дѣйствіе. Узнавъ намѣреніе Ряполовскихъ, тайно выѣхавшихъ изъ Москвы, Димитрій отправилъ воеводу своего вдогонъ за ними; но сіи мужественные витязи разбили дружину Шемякину и, видя, что умыселъ ихъ открылся, поѣхали въ Литву къ Василію Ярославичу Боровскому, чтобы вмѣстѣ съ нимъ взять мѣры въ пользу великаго князя. Они проложили туда путь всѣмъ ихъ многочисленнымъ единомышленникамъ: изъ столицы и другихъ городовъ люди бѣжали въ Малороссію, проклиная Шемяку, который трепеталъ въ московскомъ дворцѣ, ежедневно получая вѣсти о всеобщемъ негодованіи народа. Призвавъ епископовъ, онъ совѣтовался съ ними и съ княземъ Іоанномъ Можайскимъ, освободить ли Василія, чего неотступно требовалъ Іона, говоря ему: „Ты нарушилъ уставъ правды;

ввелъ меня въ грѣхъ, постыдилъ мою старость. Богъ накажетъ тебя, если не выпустишь великаго князя съ семействомъ и не дашь имъ обѣщаннаго удѣла. Можешь ли опасаться слѣпца и невинныхъ младенцевъ? Возьми клятву съ Василія, а насъ, епископовъ, во свидѣтели, что онъ никогда не будетъ врагомъ твоимъ". Шемяка долго размышлялъ; наконецъ согласился.

Должны ли вѣроломные надѣяться на вѣрность обманутыхъ ими? Но злодѣи, освобождая себя отъ узъ нравственности, мыслятъ, что не всѣмъ дана сила попирать ногами святыню, и сами бываютъ жертвою легковѣрія. Димитрій хотѣлъ, по тогдашнему выраженію, связать душу Василіеву крестомъ и евангеліемъ, такъ, чтобы не оставить ему на выборъ ничего, кромѣ рабскаго смиренія или ада; пріѣхалъ въ Угличъ со всѣмъ дворомъ, съ князьями, боярами, епископами, архимандритами; велѣлъ позвать Василія, обнялъ его дружески, винился, изъявлялъ раскаяніе, требовалъ прощенія великодушнаго. „Нѣтъ"! отвѣтствовалъ великій князь съ сердечнымъ умиленіемъ:—„я одинъ во всемъ виновенъ; пострадалъ за грѣхи мои и беззаконія; излишно любилъ славу міра и преступалъ клятвы; гналъ васъ, моихъ братьевъ; губилъ христіанъ и мыслилъ еще изгубить многихъ; однимъ словомъ, заслуживалъ казнь смертную. Но ты, государь, явилъ милосердіе надо мною и далъ мнѣ средство къ покаянію". Слова лились рѣкою вмѣстѣ съ слезами; видъ, голосъ подтверждали ихъ искренность. Шемяка былъ совершенно доволенъ, всѣ другіе плакали, славя ангельское смиреніе души Василіевой. Можетъ быть, великій князь, дѣйствительно, говорилъ и чувствовалъ одно въ порывѣ христіанской набожности, которая питается уничиженіемъ земной гордости. Обрядъ крестнаго цѣлованія заключился великолѣпною трапезою у Шемяки: Василій обѣдалъ у него съ супругою, съ дѣтьми, со всѣми вельможами и епископами; принялъ богатые дары и Вологду въ удѣлъ; пожелалъ Димитрію благополучно властвовать надъ Московскимъ государствомъ и съ своими домашними отправился къ берегамъ Кубенскаго озера.

Скоро увидѣлъ Шемяка свою ошибку. Василій, пробывъ нѣсколько дней въ Вологдѣ, какъ въ печальной ссылкѣ, поѣхалъ на богомолье въ бѣлозерскій Кирилловъ монастырь, гдѣ умный игуменъ Трифонъ, согласно съ его желаніемъ, объявилъ ему, что клятва, данная имъ въ Угличѣ, не есть законная, бывъ дѣйствіемъ неволи и страха. „Родитель оставилъ тебѣ въ наслѣдіе Москву",—говорилъ Трифонъ:—„да будетъ грѣхъ клятвопреступленія на мнѣ и на моей братіи! Иди съ Богомъ и правдою на свою отчину; а мы за тебя, государя, молимъ Бога". Игуменъ и всѣ іеромонахи благословили Василія на великое княженіе. Онъ

успокоился въ совѣсти. Ежедневно приходило къ нему множество людей изъ разныхъ городовъ, требуя чести служить вѣрою и правдою истинному государю Россіи; въ томъ числѣ находились знатнѣйшіе бояре и дѣти боярскія. Василій уже не хотѣлъ ѣхать назадъ въ Вологду, но прибылъ въ Тверь, гдѣ князь Борисъ Александровичъ, оставивъ прежнюю злобу, вызвался помогать ему, съ условіемъ, чтобы онъ женилъ сына своего, семилѣтняго Іоанна, на его дочери Маріи. Торжественное обрученіе дѣтей утвердило союзъ между отцами, и тверская дружина усилила великокняжескую. Василій рѣшился идти къ Москвѣ.

Съ другой стороны спѣшили туда князья Боровскій, Ряполовскіе, Иванъ Стрига Оболенскій, Ѳедоръ Басенокъ, собравъ войско въ Литвѣ. На пути они нечаянно встрѣтили татаръ и готовились къ битвѣ съ ними; но открылось, что сіи мнимые непріятели шли на помощь къ Василію, предводимые царевичами Касимомъ и Ягупомъ, сыновьями царя Улу-Махмета. „Мы изъ земли черкасской и друзья великаго князя“, говорили татары: — „знаемъ, что сдѣлали съ нимъ братья недостойные; помнимъ любовь и хлѣбъ его; желаемъ теперь доказать ему нашу благодарность“. Князья россійскіе дружески обнялись съ царевичами и пошли вмѣстѣ.

Шемяка, свѣдавъ о намѣреніи Василія и желая не допустить его до Москвы, расположился станомъ у Волока Ламскаго; но великій князь, увѣренный въ доброхотствѣ ея гражданъ, тайно отправилъ къ нимъ боярина Плещеева съ малочисленною дружиною. Сей бояринъ умѣлъ обойти рать Шемякину, и ночью, наканунѣ Рождества, былъ уже подъ стѣнами кремлевскими. Въ церквахъ звонили къ заутренѣ; одна изъ княгинь ѣхала въ соборъ: для нея отворили Никольскія ворота, и дружина великокняжеская, пользуясь симъ случаемъ, вошла въ городъ. Тутъ раздался стукъ оружія: намѣстникъ Шемякинъ убѣжалъ изъ церкви; намѣстникъ Іоанна Можайскаго попался въ руки къ Василіевымъ воеводамъ, которые въ полчаса овладѣли Кремлемъ. Бояръ непріятельскихъ оковали цѣпями; а граждане съ радостію вновь присягнули Василію.

Димитрій Шемяка услышалъ въ одно время, что Москва взята и что отъ Твери идетъ на него великій князь, а съ другой стороны Василій Ярославичъ Боровскій съ татарами: не имѣя довѣренности ни къ своему войску, ни къ собственному мужеству, Димитрій и Можайскій ушли въ Галичъ, оттуда въ Чухлому и въ Каргополь, взявъ съ собою мать Василіеву, Софію. Великій же князь соединился близъ Углича съ Василіемъ Боровскимъ и завоевалъ сей городъ; подъ коимъ убили одного изъ храбрѣйшихъ его воеводъ, литвина Юрія Драницу; въ Ярославлѣ нашелъ

царевичей Касима съ Ягупомъ и, при восклицаніяхъ усерднаго народа, вступилъ въ Москву, пославъ боярина Кутузова сказать Шемякѣ: „Братъ Димитрій! какая тебѣ честь и хвала держать въ неволѣ мать мою, а свою тетку? Ищи другой, славнѣйшей мести, буде хочешь: я сижу на престолѣ великокняжескомъ“! Димитрій совѣтовался съ боярами. Видя изнеможеніе своихъ людей, утомленныхъ бѣгствомъ,—желая смягчить великаго князя и чувствуя въ самомъ дѣлѣ безполезность сего залога, онъ велѣлъ знатному боярину своему, Михаилу Сабурову, проводить великую княгиню до Москвы. Василій встрѣтилъ мать въ Троицкой лаврѣ; а бояринъ Сабуровъ, имъ обласканный, вступилъ къ нему въ службу.

Князья Шемяка и Можайскій искали мира посредствомъ Василія Ярославича Боровскаго и Михаила Андреевича, брата Іоаннова: винились, давали обѣты вѣрности. Шемяка отказывался отъ Звенигорода, Вятки, Углича, Ржева: Іоаннъ отъ Козельска и разныхъ волостей; тотъ и другой обязывались возвратить все похищенное ими въ Москвѣ: казну, богатые кресты, иконы, имѣніе княгинь и вельможъ, древнія грамоты, ярлыки ханскіе, требуя единственно, чтобы Василій оставилъ ихъ обоихъ мирно господствовать въ удѣлахъ наслѣдственныхъ и не призывалъ къ себѣ до избранія митрополита, который одинъ могъ надежно ручаться за личную для нихъ безопасность въ столицѣ. Великій князь простилъ Іоанна и далъ ему Бѣжецкій Верхъ изъ уваженія къ его брату Михаилу Андреевичу и сестрѣ Анастасіи, супругѣ Бориса Тверского; но еще не хотѣлъ примириться съ Шемякою. Полки московскіе шли къ Галичу. Наконецъ, убѣжденный ходатайствомъ ихъ общихъ родственниковъ, Василій простилъ и Шемяку, который обязался страшными клятвами быть ему искреннимъ другомъ, славить милость его до послѣдняго издыханія и никогда не мыслить о великомъ княженіи. Крестная или клятвенная грамота Димитріева, тогда написанная, заключалась сими словами: „Ежели преступлю обѣты свои, то лишуся милости Божіей и молитвы святыхъ угодниковъ земли нашея, Леонтія ростовскаго, Сергія, Кирилла и другихъ; не буди на мнѣ благословенія епископовъ русскихъ“, и проч.—Великій князь съ торжествомъ возвратился изъ Костромы въ Москву, отпраздновавъ миръ и Пасху въ Ростовѣ, у епископа Ефрема.

Своимъ послѣднимъ несчастіемъ какъ бы примиренный съ судьбою и въ слѣпотѣ оказывая болѣе государственной прозорливости, нежели доселѣ, Василій началъ утверждать власть свою и силу Московскаго княженія. Возстановивъ спокойствіе внутри онаго, онъ прежде всего далъ митрополита Россіи, коего мы восемь лѣтъ не имѣли отъ раздоровъ константинопольскаго духовенства

и отъ собственныхъ нашихъ смятеній. Епископы Ефремъ ростовскій, Авраамій суздальскій, Варлаамъ коломенскій, Питиримъ пермскій съѣхались въ Москву; а новогородскій и тверскій прислали грамоты, изъявляя свое единомысліе съ ними. Они, въ угодность государю, посвятили Іону въ митрополиты, ссылаясь будто бы, какъ сказано въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ, на данное ему (въ 1437 году) патріархомъ благословеніе; но Іона въ грамотахъ своихъ, написанныхъ имъ тогда же ко всѣмъ епископамъ Литовской Россіи, говоритъ, что онъ избранъ по уставу апостоловъ россійскими святителями и строго укоряетъ грековъ Флорентійскимъ соборомъ. По крайней мѣрѣ съ того времени мы сдѣлались уже совершенно независимы отъ Константинополя по дѣламъ церковнымъ, что служитъ къ чести Василія. Духовная опека грековъ стоила намъ весьма дорого. Въ теченіе пяти вѣковъ, отъ св. Владимира до Темнаго находимъ только шесть митрополитовъ россіянъ; кромѣ даровъ, посылаемыхъ царямъ и патріархамъ, иноземные первосвятители, всегда готовые оставить наше отечество, брали, какъ вѣроятно, мѣры на сей случай, копили сокровища и заблаговременно пересылали ихъ въ Грецію. Они не могли имѣть и жаркаго усердія къ государственнымъ пользамъ Россіи; не могли и столько уважать ея государей, какъ наши иноземцы. Сіи истины очевидны, но страхъ коснуться вѣры и перемѣною въ древнихъ обычаяхъ соблазнить народъ не дозволялъ великимъ князьямъ освободиться отъ узъ духовной греческой власти; не согласія же константинопольскаго духовенства по случаю Флорентійскаго собора представили Василію удобность сдѣлать то, чего многіе изъ его предшественниковъ хотѣли, но опасались.—Избраніе митрополита было тогда важнымъ государственнымъ дѣломъ: онъ служилъ великому князю главнымъ орудіемъ въ обузданіи другихъ князей. Іона старался подчинить себѣ и литовскія епархіи, доказывалъ тамошнимъ епископамъ, что преемникъ Исидоровъ, Григорій, есть латинскій еретикъ и лжепастырь; однакожъ не достигъ своей цѣли и возбудилъ только гнѣвъ папы Пія II, который нескромною булавою (въ 1458 году) объявилъ Іону злочестивымъ сыномъ, отступникомъ и проч.

Вторымъ попеченіемъ Василія было утвердить наслѣдственное право юнаго сына: онъ назвалъ десятилѣтняго Іоанна соправителемъ и великимъ княземъ, чтобы россіяне заблаговременно привыкли видѣть въ немъ будущаго государя: такъ именуется Іоаннъ въ договорахъ сего времени, заключенныхъ съ Новымгородомъ и съ разными князьями. Во время несчастія Василіева новогородцы признали Шемяку своимъ княземъ и заставили его клятвенно утвердить всѣ древнія права ихъ: Василій, желая тогда отдохновенія и мира, также далъ имъ крестный обѣтъ не нару-

шать сихъ правъ, довольствоваться старинными княжескими пошлинами и не требовать народной или черной дани. Знатнѣйшіе сановники Новагорода пріѣзжали въ Москву и написали договоръ, во всемъ подобный тѣмъ, какіе они заключали съ Ярославомъ Ярославичемъ и другими великими князьями XIII вѣка.— Столь же снисходительно поступилъ Василій и со внуками Кирдяпы: оставилъ ихъ господствовать въ Нижнемъ, въ Городцѣ, въ Суздалѣ, съ условіемъ, чтобы они признали его своимъ верховнымъ повелителемъ, отдали ему древніе ярлыки ханскіе на сей удѣлъ, не брали новыхъ и вообще не имѣли сношенія съ Ордою.—Князь Рязанскій, Іоаннъ Ѳеодоровичъ, обязался грамотою не приставать ни къ Литвѣ, ни къ татарамъ; быть вездѣ заодно съ Василіемъ и судиться у него въ случаѣ раздоровъ съ княземъ Пронскимъ; а великій князь обѣщалъ уважать ихъ независимость, возвративъ Іоанну многія древнія мѣста рязанскія по берегамъ Оки; Бориса же Тверского называетъ въ грамотѣ равнымъ себѣ братомъ, увѣряя, что ни онъ, Василій, ни сынъ его не будетъ мыслить о присоединеніи Твери къ Московскимъ владѣніямъ, хотя бы татары и предложили ему взять оную. Изъ благодарности къ вѣрнымъ своимъ друзьямъ и сподвижникамъ, Василію Ярославичу Боровскому и Михаилу Андреевичу, брату Іоанна Можайскаго, великій князь утвердилъ за первымъ Боровскъ, Серпуховъ, Лужу, Хотунь, Радонежъ, Перемышль, а за вторымъ Верею, Бѣлоозеро, Вышегородъ, оставивъ имъ обоимъ часть въ московскихъ сборахъ и даже освободивъ нѣкоторыя области Михаилова удѣла на нѣсколько лѣтъ отъ ханской дани, то-есть взявъ ее на себя. Сіи грамоты были всѣ подписаны митрополитомъ Іоною, который способствовалъ и доброму согласію Василіеву съ Казимиромъ. Посолъ литовскій, Гарманъ, былъ тогда въ Москвѣ съ письмами и съ дарами; а великій князь посылалъ въ Литву дьяка своего Стефана. Іона, называясь отцомъ обоихъ государей, увѣрялъ Казимира, что Василій искренно хочетъ жить съ нимъ въ любви братской.

Новое вѣроломство Шемяки нарушило спокойствіе великаго княженія. Еще въ концѣ 1447 года епископы россійскіе отъ имени всего духовенства писали къ нему, что онъ не исполняетъ договора: не отдалъ увезенной имъ московской казны и драгоцѣнной святыни; грабитъ бояръ, которые перешли отъ него въ службу къ Василію; сманиваетъ къ себѣ людей великокняжескихъ; тайно сносится съ Новымгородомъ, съ Іоанномъ Можайскимъ, съ Вяткою, съ Казанью. Надъ Синею или Ногайскою Ордою, разсѣянною въ степяхъ между Бузулукомъ и Сейимъ или Аральскимъ моремъ, отчасти же между Чернымъ и рѣкою Кубою, господствовалъ Седи-Ахметъ, коего послы пріѣзжали къ великому

князю: Шемяка не хотѣлъ участвовать въ издержкахъ для ихъ угощенія, ни въ дарахъ ханскихъ, отвѣтствуя Василію, что Седи-Ахметъ не есть истинный царь. „Ты вѣдаешь, — писали святители къ Дмитрію, — сколько трудился отецъ твой, чтобы присвоить себѣ великое княженіе, вопреки воли Божіей и законамъ человѣческимъ: лилъ кровь россіянъ, сѣлъ на престолѣ и долженъ былъ оставить его; выѣхалъ изъ Москвы только съ пятью слугами, и самъ звалъ Василія на государство; снова похитилъ оное—и долго ли пожилъ? Едва достигъ желаемаго, и се въ могилѣ, осужденный людьми и Богомъ. Что случилось и съ братомъ твоимъ? Въ гордости и высокоуміи онъ рѣзалъ христіанъ, иноковъ, священниковъ: благоденствуетъ ли нынѣ? Вспомни и собственныя дѣла свои. Когда безбожный царь Махметъ стоялъ у Москвы, ты не хотѣлъ помогать государю и былъ виною христіанской гибели: сколько истреблено людей, сожжено храмовъ, поругано дѣвицъ и монахинь? Ты, ты будешь отвѣтствовать Всевышнему. Напалъ варваръ Мамутекъ: великій князь сорокъ разъ посылалъ къ тебѣ, молилъ идти съ нимъ на врага; но тщетно! Пали вѣрные воины въ битвѣ крѣпкой: имъ вѣчная память, а на тебѣ кровь ихъ! Господь избавилъ Василія отъ неволи: ослѣпленный властолюбіемъ и презирая святость крестныхъ обѣтовъ, ты, вторый Каинъ и Святополкъ въ братоубійствѣ, разбоемъ схватилъ, злодѣйски истерзалъ его: на добро ли себѣ и людямъ? Долго ли господствовалъ? и въ тишинѣ ли? Не безпрестанно ли волнуемый, порываемый страхомъ, спѣшилъ изъ мѣста въ мѣсто, томимый въ день заботами, въ нощи сновидѣніями и мечтами? Хотѣлъ большаго, но изгубилъ свое меньшее. Великій князь снова на престолѣ и въ новой славѣ: ибо даннаго Богомъ человѣкъ не отнимаетъ. Одно милосердіе Василіево спасло тебя. Государь еще повѣрилъ клятвѣ твоей и паки видитъ измѣну. Плѣняемый честію великокняжескаго имени, суетною, если она не Богомъ дарована; или движимый златолюбіемъ, или уловленный прелестію женскою, ты дерзаешь быть вѣроломнымъ, не исполняя клятвенныхъ условій мира: именуешь себя великимъ княземъ и требуешь войска отъ новогородцевъ, будто бы для изгнанія татаръ, призванныхъ Василіемъ и доселѣ имъ не отсылаемыхъ. Но ты виною сего: татары немедленно будутъ высланы изъ Россіи, когда истинно докажешь свое миролюбіе государю. Онъ знаетъ всѣ твои происки. Тобою наущенный, казанскій царевичъ Мамутекъ оковалъ цѣпями посла московскаго. Седи-Ахмета не признаешь царемъ; но развѣ не въ сихъ же улусахъ отецъ твой судился съ великимъ княземъ? Не тѣ ли же царевичи и князья служатъ нынѣ Седи-Ахмету? Уже миновало шесть мѣсяцевъ за срокъ, а ты не возвратилъ ни святыхъ крестовъ, ни иконъ, ни

сокровищъ великокняжескихъ. Итакъ, мы, служители алтарей, по своему долгу молимъ тебя, господинъ князь Димитрій, очистить совѣсть, удовлетворить всѣмъ праведнымъ требованіямъ великаго князя, готоваго простить и жаловать тебя изъ уваженія къ нашему ходатайству, если обратишься къ раскаянію. Когда же въ безумной гордости посмѣешься надъ клятвами, то не мы, но самъ возложишь на себя тягость духовную: будешь чуждъ Богу, церкви, вѣрѣ и проклятъ навѣки со всѣми своими единомышленниками и клевретами".—Сіе посланіе не могло тронуть души, ожесточенной злобою. Прошло два года безъ кровопролитія, съ одной стороны въ убѣжденіяхъ миролюбія, съ другой—въ тайныхъ и явныхъ козняхъ. Наконецъ Димитрій рѣшился воевать. Онъ хотѣлъ нечаянно взять Кострому; но князь Стрига и мужественный Ѳеодоръ Басенокъ отразили приступъ. Узнавъ о томъ, Василій собралъ и полки, и епископовъ, свидѣтелей клятвы Шемякиной, чтобы побѣдить или устыдить его. Самъ митрополитъ провождалъ войско къ Галичу. Какъ усердный пастырь душъ, онъ еще старался обезоружить враговъ: успѣлъ въ томъ, но ненадолго. Шемяка не переставалъ коварствовать и замышлять мести. Тогда—видя, что одинъ гробъ можетъ примирить ихъ,—Василій уже хотѣлъ дѣйствовать рѣшительно; призвалъ многихъ князей, воеводъ изъ другихъ городовъ и составилъ ополченіе сильное. Шемяка, думая сперва уклониться отъ битвы, пошелъ къ Вологдѣ; но, вдругъ перемѣнивъ мысли, расположился станомъ близъ Галича: укрѣплялъ городъ, ободрялъ жителей и всего болѣе надѣялся на свои пушки. Василій, лишенный зрѣнія, не могъ самъ начальствовать въ битвѣ: князь Оболенскій предводительствовалъ московскими полками и союзными татарами. Оставивъ государя за собою, подъ щитами вѣрной стражи, они стройно и бодро приближались къ Галичу. Шемяка стоялъ на крутой горѣ, за глубокими оврагами; приступъ былъ труденъ. То и другое войско готовилось къ жестокому кровопролитію съ равнымъ мужествомъ. Москвитяне пылали ревностію сокрушить врага ненавистнаго, гнуснаго злодѣяніемъ и вѣроломствомъ, а Шемяка обѣщалъ своимъ первенство въ великомъ княженіи со всѣми богатствами московскими. Полки Василіевы имѣли превосходство въ силахъ, Димитріевы—выгоду мѣста. Князь Оболенскій и царевичи ожидали засады въ дебряхъ; но Шемяка не подумалъ о томъ, воображая, что москвитяне выйдутъ изъ овраговъ утомленные, разстроенные и легко будутъ смяты его войскомъ свѣжимъ: онъ стоялъ неподвижно и смотрѣлъ, какъ непріятель отъ береговъ озера шелъ медленно по тѣснымъ мѣстамъ. Наконецъ, москвитяне достигли горы и устремились на ея высоту: задніе ряды ихъ служили твердою опорою для перед-

нихъ, встрѣченныхъ сильнымъ ударомъ полковъ галицкихъ. Схватка была ужасна: давно россіяне не губили другъ друга съ такимъ остервенѣніемъ. Сія битва особенно достопамятна, какъ послѣднее кровопролитное дѣйствіе княжескихъ междоусобій... Москвитяне одолѣли: истребили почти всю пѣхоту Шемякину и плѣнили его бояръ; самъ князь едва могъ спастися: бѣжалъ въ Новгородъ. Василій, услышавъ о побѣдѣ, благодарилъ Небо съ радостными слезами; далъ галичанамъ миръ и своихъ намѣстниковъ; присоединилъ сей удѣлъ къ Москвѣ и возвратился съ веселіемъ въ столицу.

Новогородцы не усомнились принять Димитрія Шемяку, величаясь достоинствомъ покровителей знаменитаго изгнанника и надѣясь черезъ то имѣть болѣе средствъ къ обузданію Василія въ замыслахъ его самовластія; не хотѣли помогать Димитрію, однакожъ не мѣшали ему явно готовиться къ непріятельскимъ дѣйствіямъ противъ великаго князя и собирать воиновъ, съ коими онъ чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ взялъ Устюгъ. Шемяка мыслилъ завоевать сѣверный край московскихъ владѣній, хотѣлъ пріобрѣсти любовь жителей, и для того не касался собственности частныхъ людей, довольствуясь единственно ихъ присягою; но тѣ, которые не соглашались измѣнить великому князю, были осуждены на смерть: безчеловѣчный Шемяка навязывалъ имъ камни на шею и топилъ сихъ добродѣтельныхъ гражданъ въ Сухонѣ. Не теряя времени, онъ пошелъ къ Вологдѣ, чтобы открыть себѣ путь въ Галицкую землю; но не могъ завладѣть ни однимъ городомъ и возвратился въ Устюгъ, гдѣ великій князь около двухъ лѣтъ оставлялъ его въ покоѣ.

Въ сіе время татары занимали Василія. Казань уже начала быть опасною для московскихъ владѣній: въ ней царствовалъ Мамутекъ, сынъ Махметовъ, злодѣйски умертвивъ отца и брата. Въ 1446 году 700 татаръ Мамутековой дружины осаждали Устюгъ и взяли окупъ съ города мѣхами, но, возвращаясь, потонули въ рѣкѣ Ветлугѣ. Отрокъ великокняжескій, десятилѣтній Іоаннъ Васильевичъ, чрезъ два года ходилъ съ полками для отраженія казанцевъ отъ муромскихъ и владимирскихъ предѣловъ. Другія шайки хищниковъ ординскихъ грабили близъ Ельца и даже въ Московской области: царевичъ Касимъ, вѣрный другъ Василіевъ, разбилъ ихъ въ окрестностяхъ Похры и Битюга. Гораздо болѣе страха и вреда претерпѣла наша столица отъ царевича Мазовши: отецъ его Седи-Ахметъ, ханъ Синей или Ногайской Орды, требовалъ дани отъ Василія, и хотѣлъ принудить его къ тому орудіемъ. Великій князь шелъ встрѣтить царевича въ полѣ; но, свѣдавъ, что татары уже близко и весьма многочисленны, возвратился въ столицу, приказавъ князю Звенигород-

скому не пускать ихъ чрезъ Оку. Сей малодушный воевода, объятый страхомъ, бѣжалъ со всѣми полками и далъ непріятелю путь свободный; а Василій, ввѣривъ защиту Москвы Іонѣ митрополиту, матери своей Софіи, сыну Юрію и боярамъ—супругу же съ меньшими дѣтьми отпустивъ въ Угличъ—разсудилъ за благо удалиться къ берегамъ Волги, чтобы ждать тамъ городскихъ воеводъ съ дружинами.

Скоро явились татары, зажгли посады и начали приступъ. Время было сухое, жаркое; вѣтеръ несъ густыя облака дыма прямо на Кремль, гдѣ воины, осыпаемые искрами, пылающими головнями, задыхались и не могли ничего видѣть до самаго того времени, какъ посады обратились въ пепелъ, огонь угасъ и воздухъ прояснился. Тогда москвитяне сдѣлали вылазку; бились съ татарами до ночи и принудили ихъ отступить. Несмотря на усталость, никто не мыслилъ отдыхать въ Кремлѣ: ждали новаго приступа; готовили на стѣнахъ пушки, самострѣлы, пищали. Разсвѣтало; восходитъ солнце, и москвитяне не видятъ непріятеля: все тихо и спокойно. Посылаютъ лазутчиковъ къ стану Мазовшину—и тамъ нѣтъ никого; стоятъ однѣ телѣги, наполненныя желѣзными и мѣдными вещами; поле усѣяно оружіемъ и разбросанными товарами. Непріятель ушелъ ночью, взявъ съ собою единственно легкія повозки, а все тяжелое оставивъ въ добычу осажденнымъ. Татары, по сказанію лѣтописцевъ, услышавъ вдали необыкновенный шумъ, вообразили, что великій князь идетъ на нихъ съ сильнымъ войскомъ и безъ памяти устремились въ бѣгство. Сія вѣсть радостно изумила москвитянъ. Великая княгиня Софія отправила гонца къ Василію, который уже перевозился за Волгу, близъ устья Дубны. Онъ спѣшилъ въ столицу, прямо въ Храмъ Богоматери, къ ея славной Владимирской иконѣ; съ умиленіемъ славилъ Небо и сію заступницу Москвы: облобызавъ гробъ чудотворца Петра и принявъ благословеніе отъ митрополита Іоны, нѣжно обнялъ мать, сына, бояръ; велѣлъ вести себя на пепелище, утѣшалъ граждань, лишенныхъ крова; говорилъ имъ: „Богъ наказалъ васъ за мои грѣхи: не унывайте. Да исчезнутъ слѣды опустошенія! Новыя жилища да явятся на мѣстѣ пепла! Буду вашимъ отцомъ; даю вамъ льготу; не пожалѣю казны для бѣдныхъ“. Народъ, утѣшенный сожалѣніемъ и милостію государя, почилъ (какъ сказано въ лѣтописи) отъ минувшаго зла; и гдѣ за день господствовалъ неописанный ужасъ, тамъ представилось зрѣлище веселаго праздника. Василій обѣдалъ съ своимъ семействомъ, митрополитомъ, людьми знатнѣйшими; граждане, не имѣя домовъ, угощали другъ друга на стогнахъ и на кучахъ обгорѣлаго лѣса.

Видя снова миръ и тишину въ великомъ княженіи, Василій не хотѣлъ долѣе терпѣть Шемякина господства въ Устюгѣ: не мало

времени готовился къ походу; наконецъ выступилъ изъ Москвы: самъ остановился въ Галичѣ, а сына своего Іоанна, съ князьями Боровскимъ, Оболенскимъ, Ѳеодоромъ Басенкомъ и съ царевичемъ Ягупомъ (братомъ Касимовымъ), послалъ разными путями къ берегамъ Сухоны. Шемяка, повидимому, не ожидалъ сего нападенія: не дерзнулъ противиться, оставилъ въ Устюгѣ намѣстника и бѣжалъ далѣе, въ сѣверные предѣлы Двины; но и тамъ, гонимый отрядами великокняжескими, не нашелъ безопасности: бѣгалъ изъ мѣста въ мѣсто и едва могъ пробраться въ Новгородъ. Воеводы московскіе не щадили нигдѣ друзей сего князя: лишали ихъ имѣнія, вольности и, посадивъ намѣстниковъ Василіевыхъ въ области Устюжской, возвратились къ государю съ добычею. Но еще Шемяка былъ живъ и въ непримиримой злобѣ своей искалъ новыхъ способовъ мести: смерть его казалась нужною для государственной безопасности: ему дали яду, отъ коего онъ скоропостижно умеръ. Виновникъ дѣла, столь противнаго вѣрѣ и законамъ нравственности, остался неизвѣстнымъ. Новогородцы погребли Шемяку съ честію въ монастырѣ Юрьевскомъ. Подьячій, именемъ Бѣда, прискакалъ въ Москву съ вѣстію о кончинѣ сего жестокаго Василіева недруга и былъ пожалованъ въ дьяки. Великій князь изъявилъ нескромную радость.

Какъ бы ободренный смертію опаснаго злодѣя, онъ началъ дѣйствовать гораздо смѣлѣе и рѣшительнѣе въ пользу единовластія. Іоаннъ Можайскій не хотѣлъ вмѣстѣ съ нимъ идти на татаръ: великій князь объявилъ ему войну и заставилъ его бѣжать со всѣмъ семействомъ въ Литву, куда ушелъ изъ Новагорода и сынъ Шемякинъ. Жители Можайска требовали милосердія. „Даю вамъ миръ вѣчный,—сказалъ великій князь:—отнынѣ навсегда вы мои подданные“. Намѣстники Василіевы остались тамъ управлять народомъ.

Новогородцы давали убѣжище непріятелямъ Темнаго, говоря, что Святая Софія никогда не отвергала несчастныхъ изгнанниковъ. Кромѣ Шемяки, они приняли къ себѣ одного изъ князей Суздальскихъ, Василія Гребенку, не хотѣвшаго зависѣть отъ Москвы. Великій князь имѣлъ и другія причины къ неудовольствію: новогородцы уклонялись отъ его суда, утаивали княжескія пошлины и называли приговоры вѣча вышнимъ законодательствомъ, не слушаясь московскихъ намѣстниковъ и слѣдуя правилу, что уступчивость благоразумна единственно въ случаѣ крайности. Сей случай представился. Они знали, что Василій готовится къ походу; слышали угрозы; получили, наконецъ, разметныя грамоты въ знакъ объявленія войны—и все еще думали быть непреклонными. Великій князь, провождаемый дворомъ, прибылъ въ Волокъ, куда, несмотря на жестокую зиму, полки шли за пол-

ками, такъ что въ нѣсколько дней составилась рать сильная. Тутъ новогородцы встревожились, и посадникъ ихъ явился съ челобитьемъ въ великокняжескомъ станѣ: Василій не хотѣлъ слушать. Князь Оболенскій-Стрига и славный Ѳеодоръ Басенокъ, герой сего времени, были посланы къ Русѣ, городу торговому, богатому, гдѣ никто не ожидалъ нападенія непріятельскаго: москвитяне взяли ее безъ кровопролитія и нашли въ ней столько богатства, что сами удивились. Войску надлежало немедленно возвратиться къ великому князю: оно шло съ плѣнниками; за ними везли добычу. Воеводы остались назади, имѣя при себѣ не болѣе двухсотъ боярскихъ дѣтей и ратниковъ; вдругъ показалось 5,000 конныхъ новогородцевъ, предводимыхъ княземъ Суздальскимъ. Москвитяне дрогнули; но Стрига и Ѳеодоръ Басенокъ сказали дружинѣ, что великій князь ждетъ побѣдителей, а не бѣглецовъ; что гнѣвъ его страшнѣе толпы измѣнниковъ и малодушныхъ; что надобно умереть за правду и за государя. Новогородцы хотѣли растоптать непріятеля: глубокій снѣгъ и плетень остановили ихъ. Видя, что они съ головы до ногъ покрыты желѣзными доспѣхами, воеводы московскіе велѣли стрѣлять не по людямъ, а по лошадямъ, которыя начали бѣситься отъ ранъ и свергать всадниковъ. Новогородцы падали на землю; вооруженные длинными копьями, не умѣли владѣть ими; передніе смѣшались, задніе обратили тылъ, и москвитяне, убивъ нѣсколько человѣкъ, привели къ Василію знатнѣйшаго новогородскаго посадника, именемъ Михаила Тучу, взятаго ими въ плѣнъ на мѣстѣ сей битвы.

Извѣстіе о томъ привело Новгородъ въ страхъ несказанный. Ударили въ вѣчевый колоколъ; народъ бѣжалъ на Дворъ Ярославовъ; чиновники совѣтовались между собою, не зная, что дѣлать; шумъ и вопль не умолкалъ съ утра до вечера. Граждан было много, но мало воиновъ смѣлыхъ; не надѣялись другъ на друга; рѣдкіе надѣялись и на собственную храбрость; кричали, что не время воинствовать и лучше вступить въ переговоры. Отправили архіепископа Евфимія, трехъ посадниковъ, двухъ тысячскихъ и 5 выборныхъ отъ людей житыхъ; велѣли имъ не жалѣть ласковыхъ словъ, ни самыхъ денегъ въ случаѣ необходимости. Сіе посольство имѣло желаемое дѣйствіе. Архіепископъ нашелъ Василія въ Яжелбицахъ; обходилъ всѣхъ князей и бояръ, склоняя ихъ быть миротворцами; молилъ самого великаго князя не губить народа легкомысленнаго, но полезнаго для Россіи своимъ купечествомъ и готоваго загладить впредь вину свою искреннею вѣрностію. Обѣщанія не могли удовлетворить Василія: онъ требовалъ серебра и разныхъ выгодъ. Новогородцы дали великому князю 8,500 рублей и договорною грамотою обязались платить ему черную или народную дань, виры или судныя пени; отмѣнили

такъ называемыя вѣчевыя грамоты, коими народъ стѣснялъ власть княжескую; клялися не принимать къ себѣ Іоанна Можайскаго, ни сына Шемякина, ни матери, ни зятя его и никого изъ лиходѣевъ Василіевыхъ; отступились отъ земель, купленныхъ ихъ согражданами въ областяхъ Ростовской и Бѣлозерской; обѣщали употреблять въ государственныхъ дѣлахъ одну печать великокняжескую, и проч.; а Василій въ знакъ милости уступилъ имъ Торжокъ. Въ семъ мирѣ участвовали и псковитяне, которые, забывъ долговременную злобу новогородцевъ, давали имъ тогда помощь и находились въ раздорѣ съ Василіемъ. Такимъ образомъ великій князь, смиривъ Новгородъ, предоставилъ сыну своему довершить легкое покореніе онаго.

Въ то время умеръ въ монашествѣ князь Рязанскій Іоаннъ Ѳеодоровичъ, внукъ славнаго Олега, поручивъ осьмилѣтняго сына, именемъ Василія, и дочь Ѳеодосію великому князю. Сія довѣренность была весьма опасна для независимости Рязанскаго княженія: Василій Темный, желая будто бы лучше воспитать дѣтей Іоанновыхъ, взялъ ихъ къ себѣ въ Москву, но, пославъ собственныхъ намѣстниковъ управлять Рязанью, властвовалъ тамъ какъ истинный государь.

Властолюбіе его, кажется, болѣе и болѣе возрастало, заглушая въ немъ святѣйшія нравственныя чувства. Внукъ славнаго Владимира Храбраго, Василій Ярославичъ Боровскій, шуринъ, вѣрный сподвижникъ Темнаго, жертвовалъ ему своимъ владѣніемъ, отечествомъ; гнушаясь злодѣйствомъ Шемяки, не хотѣлъ имѣть съ нимъ никакихъ сношеній; осудилъ себя на горькую участь изгнанника, искалъ убѣжища въ землѣ чуждой и непрестанно мыслилъ о средствахъ возвратить несчастному слѣпцу свободу съ престоломъ. Какая вина могла изгладить память такой добродѣтельной заслуги? И вѣроятно ли, чтобы Ярославичъ, усердный другъ Василія, сверженнаго съ престола, заключеннаго въ темницѣ, измѣнилъ ему въ счастіи, когда сей государь уже не имѣлъ совмѣстниковъ и властвовалъ въ мирномъ величіи? Доселѣ князь Боровскій не изъявлялъ излишняго честолюбія, довольный наслѣдственнымъ удѣломъ и частію Московскихъ пошлинъ; охотно уступилъ Василію области дѣда своего: Угличъ, Городецъ, Козельскъ, Алексинъ, взявъ за то Бѣжецкій Верхъ съ Звенигородомъ, и новыми грамотами обязался признавать его сыновей наслѣдниками великаго княженія. Вѣроятнѣе, что Василій, желая сдѣлаться единовластнымъ, искалъ предлога снять съ себя личину благодарности, тягостной для малодушныхъ: клеветники могли услужить тѣмъ государю, расположенному быть легковѣрнымъ—и великій князь, безъ всякихъ околичностей взявъ шурина подъ стражу, сослалъ его въ Угличъ. Удѣлъ сего мнимаго преступника былъ объявленъ ве-

ликокняжескимъ достояніемъ; а сынъ Ярославича Іоаннъ ушелъ съ мачехою въ Литву и вмѣстѣ съ другимъ изгнанникомъ, Іоанномъ Андреевичемъ Можайскимъ, вымышлялъ средства отмстить ихъ гонителю. Они заключили тѣсный союзъ между собою, написавъ слѣдующую грамоту (отъ имени юнаго князя Боровскаго): „Ты, князь Иванъ Андреевичъ, будешь мнѣ старшимъ братомъ. Великій князь вѣроломно изгналъ тебя изъ наслѣдственной области, а моего отца безвинно держитъ въ неволѣ. Пойдемъ искать управы: ты владѣнія, я—родителя и владѣнія. Будемъ однимъ человѣкомъ. Безъ меня не принимай никакихъ условій отъ Василія. Если онъ уморитъ отца моего въ темницѣ, клянися мстить; если освободитъ его, но съ тобою не примирится, клянуся помогать тебѣ. Если Богъ даруетъ намъ счастіе побѣдить или выгнать Василія, будь великимъ княземъ: возврати моему отцу города его, а мнѣ дай Дмитровъ и Суздаль. Не вѣрь клеветникамъ и не осуждай меня по злословію; что услышишь, скажи мнѣ и не сомнѣвайся въ истинѣ моихъ крестныхъ оправданій. Что завоюемъ вмѣстѣ, городовъ или казны, изъ того мнѣ треть; а буде по грѣхамъ не сдѣлаемъ своего добраго дѣла, то остаемся въ изгнаніи неразлучными: въ какой землѣ найдешь себѣ мѣсто, тамъ и я съ тобою“, и проч. Сбылося только послѣднее ихъ чаяніе: они долженствовали умереть изгнанниками. Враги государя Московскаго имѣли убѣжище въ Литвѣ, но не находили тамъ ни сподвижниковъ, ни денегъ. Казимиръ отправлялъ дружелюбныя посольства къ Василію, думая единственно о безопасности своихъ россійскихъ владѣній.—Напрасно также вѣрные слуги Ярославича, съ горестью видя нѣсколько лѣтъ заточеніе своего князя, мыслили освободить его; взаимно обязались въ томъ клятвою, условились тайно ѣхать въ Угличъ, вывести князя изъ темницы и бѣжать съ нимъ за границу. Умыселъ открылся. Сіи люди исполняли долгъ усердія къ законному ихъ властителю, несправедливо утѣсненному; но великій князь наказалъ ихъ какъ злодѣевъ, и притомъ съ жестокостію необыкновенною: велѣлъ нѣкоторымъ отсѣчь руки и голову, другимъ отрѣзать носъ, иныхъ бить кнутомъ. Они погибли безъ стыда, съ совѣстію чистою. Народъ жалѣлъ о нихъ.

Присвоивъ себѣ удѣлъ Галицкій, Можайскій и Боровскій, Василій оставилъ только Михаила Верейскаго княземъ владѣтельнымъ; другихъ не было: внуки Кирдяпины, нѣсколько лѣтъ правивъ древнею Суздальскою областію въ качествѣ московскихъ присяжниковъ, волею или неволею выѣхали оттуда. Уже всѣ доходы московскіе шли въ казну великаго князя; всѣ города управлялись намѣстниками. Одна Вятка, бывъ частію Галицкой области, не хотѣла повиноваться Василію: жители ея, какъ мы ви-

дѣли, помогали Юрію, Шемякѣ, Косому, и за нѣсколько лѣтъ до того времени сами собою выжгли устюжскую крѣпость Гледень. Князь Ряполовскій, посланный смиритъ вятчанъ, долго стоялъ у Хлынова и возвратился безъ успѣха; ибо они задобрили воеводъ московскихъ дарами. Въ слѣдующій годъ пошло туда новое сильное войско съ великокняжескою дружиною, со многими князьями, боярами, дѣтьми боярскими; присоединивъ къ себѣ устюжанъ, взяло городки Котельничъ, Орловъ и покорило вятчанъ государю Московскому. Однакожъ духъ вольности не могъ вдругъ исчезнуть въ сей народной державѣ, основанной на законахъ новогородскихъ. Василій удовольствовался данію и правомъ располагаться воинскими силами.

Любя умножать власть свою, онъ еще не дерзалъ коснуться Твери, гдѣ князь Борисъ Александровичъ, сватъ его, скончался независимымъ (въ 1461 году), оставивъ престолъ сыну, именемъ Михаилу.—Василій не тѣснилъ болѣе и новогородцевъ, и дружелюбно гостилъ у нихъ (въ 1460 году) около двухъ мѣсяцевъ, изъявляя милость къ нимъ и псковитянамъ, которые прислали ему въ даръ 50 рублей, жаловались на нѣмцевъ и требовали, чтобы онъ позволилъ князю Александру Черторижскому остаться у нихъ намѣстникомъ. Василій согласился; но Черторижскій самъ не захотѣлъ того и немедленно уѣхалъ въ Литву. Псковитяне желали имѣть у себя Василіева сына, Юрія: отпущенный родителемъ изъ Новагорода, сей юноша былъ встрѣченъ ими съ искреннею радостію и возведенъ на престолъ въ храмѣ Троицы; ему вручили славный мечъ Довмонта: Юрій взялъ его и клялся оградить имъ безопасность знаменитаго Ольгина отечества. Надлежало отмстить ливонскимъ нѣмцамъ, которые, утвердивъ миръ съ россіянами на 25 лѣтъ, сожгли ихъ церковъ на границѣ. Но дѣло обошлось безъ войны: Орденъ требовалъ перемирія, заключеннаго потомъ съ согласія великокняжескаго на пять лѣтъ въ Новѣгородѣ, куда пріѣзжали для того послы архіепископа рижскаго и дерптскіе; а князь Юрій вслѣдъ за родителемъ возвратился въ Москву, получивъ въ даръ отъ псковитянъ 100 рублей и вмѣсто себя оставивъ у нихъ намѣстникомъ Іоанна Оболенскаго-Стригу.

Нѣтъ сомнѣнія, что Василій въ послѣдніе годы жизни своей или совсѣмъ не платилъ дани моголамъ, или худо удовлетворялъ ихъ корыстолюбію: ибо они, несмотря на собственныя внутреннія междоусобія, часто тревожили Россію, и приходили не шайками, но цѣлыми полками. Два раза войско Седи-Ахметовой Орды вступало въ наши предѣлы: воевода московскій, князь Иванъ Юрьевичъ, побѣдилъ татаръ на сей сторонѣ Оки, ниже Коломны; а сынъ великаго князя, Іоаннъ, мужественно отразилъ ихъ отъ

береговъ ея: послѣ чего Ахматъ, ханъ Большой Орды, сынъ Кичимовъ, осаждалъ Переславль Рязянскій, но съ великою потерею и стыдомъ удалился, виня главнаго полководца своего Казата Улана въ тайномъ доброхотствѣ къ россіянамъ.—Царь казанскій также былъ непріятелемъ москвитянъ: великій князь хотѣлъ самъ идти на Казань; но, встрѣченный его послами во Владимирѣ, заключилъ съ ними миръ.

Василій еще не достигъ старости: несчастія и душевныя огорченія, имъ претерпѣнныя, изнурили въ немъ тѣлесныя силы. Онъ явно изнемогалъ, худѣлъ и, думая, что у него сухотка, прибѣгнулъ ко мнимому цѣлебному средству, тогда обывновенно употребляемому въ оной: жегъ себѣ тѣло горящимъ трупомъ; сдѣлались раны, начали гнить, и больной, видя опаснось, хотѣлъ умереть монахомъ: ему отговорили. Василій написалъ духовную: утвердилъ великое княженіе за старшимъ сыномъ, Іоанномъ, вмѣстѣ съ третію московскихъ доходовъ (другія же двѣ отказалъ меньшимъ сыновьямъ); Юрію отдалъ Дмитровъ, Можайскъ, Серпуховъ и все имѣніе матери своей, Софіи (которая преставилась инокинею въ 1453 году); третьему сыну, Андрею Большому, Угличъ, Бѣжецкій Верхъ, Звенигородъ; четвертому, именемъ Борису, Волокъ Ламскій, Ржевъ, Рузу и села прабабы его, Маріи Голтяевой, по ея завѣщанію; Андрею меньшому Вологду, Кубену и Заозерье, а матери ихъ Ростовъ (съ условіемъ не касаться собственности тамошнихъ князей), городокъ Романовъ, казну свою, удѣльныя волости, которыя бывали прежде за великими княгинями, и всѣ, имъ купленныя или отнятыя у знатныхъ измѣнниковъ (что составляло великое богатство); сверхъ того клятвою обязалъ сыновей слушаться родительницы не только въ дѣлахъ семейственныхъ, но и въ государственныхъ. Такимъ образомъ онъ снова возстановилъ удѣлы, довольный тѣмъ, что государство Московское (за исключеніемъ Вереи) остается подвластнымъ одному дому его, и не заботясь о дальнѣйшихъ слѣдствіяхъ: ибо думалъ болѣе о временной пользѣ своихъ дѣтей, нежели о вѣчномъ государственномъ благѣ; отнималъ города у другихъ князей только для выгодъ собственнаго личнаго властолюбія; слѣдовалъ древнему обыкновенію, не имѣвъ твердости быть навѣки основателемъ новой лучшей системы правленія, или единовластія. Всего страннѣе то, что Василій въ духовномъ завѣщаніи приказываетъ супругу и дѣтей своихъ королю польскому Казимиру, называя его братомъ. Оно подписано митрополитомъ Ѳеодосіемъ, который за годъ до того времени былъ поставленъ нашими святителями изъ архіепископовъ ростовскихъ на мѣсто скончавшагося Іоны.—Василій преставился на сорокъ седьмомъ году жизни, хотя несправедливо именуемый первымъ самодержцемъ россійскимъ

со времени Владиміра Мономаха, однакожъ, дѣйствительно приготовивъ многое для успѣховъ своего преемника, началъ худо; не умѣлъ повелѣвать, какъ отецъ и дѣдъ его повелѣвали; терялъ честь и державу, но оставилъ государство Московское сильнѣйшимъ прежняго: ибо рука Божія, какъ бы вопреки малодушному князю, явно влекла оное къ величію, благословивъ доброе начало Калиты и Донского.

Кромѣ междоусобія, государствованіе Темнаго ознаменовалось разными злодѣйствами, доказывающими свирѣпость тогдашнихъ нравовъ. Два князя ослѣплены, два князя отравлены ядомъ. Не только чернь въ остервенѣніи своемъ безъ взякаго суда топила и жгла людей, обвиняемыхъ въ преступленіяхъ; не только россіяне гнуснымъ образомъ терзали военноплѣнныхъ, даже законныя казни изъявляли жестокость варварскую. Іоаннъ Можайскій, осудивъ на смерть боярина Андрея Димитріевича, всенародно сжегъ его на кострѣ вмѣстѣ съ женою за мнимое волшебство. Москва въ первый разъ увидѣла такъ называемую торговую казнь, неизвѣстную нашимъ благороднымъ предкамъ: самыхъ именитыхъ людей, обвиняемыхъ въ государственныхъ преступленіяхъ, начали всенародно бить кнутомъ. Сіе унизительное для человѣчества обыкновеніе заимствовали мы отъ моголовъ.

Суевѣріе и нелѣпыя понятія о случаяхъ естественныхъ господствовали въ думахъ, и лѣтописи сего времени наполнены извѣстіями о чудесныхъ явленіяхъ: то небо пылало въ огняхъ разноцвѣтныхъ, то вода обращалась въ кровь; образа слезили; звѣри перемѣняли свой видъ обыкновенный. Въ 1446 году января 3, по баснословному сказанію новогородскаго лѣтописца, шелъ сильный дождь и сыпались изъ тучи на землю рожь, пшеница, ячмень, такъ что все пространство между рѣкою Мстою и Волховцемъ, верстъ на пятнадцать покрылось хлѣбомъ, собраннымъ крестьянами и принесеннымъ въ Новгородъ, къ радостному изумленію его жителей, угнетаемыхъ дороговизною въ съѣстныхъ припасахъ.

Сей же лѣтописецъ, изображая тогдашнія несгодья своей отчизны, причисляетъ къ онымъ и перемѣну въ деньгахъ. Посадникъ, тысячскій и знатные граждане, избравъ пять мастеровъ, велѣли имъ перелить старую серебряную монету, вычитать за трудъ по деньгѣ съ двухъ гривенъ; а скоро отмѣнили и старые рубли, или куски серебра, къ великому огорченію народа, который долго волновался и кричалъ, что правительство, подкупленное монетчиками, старается единственно дать имъ работу, не думая объ его убыткѣ. Нѣсколько человѣкъ, оговоренныхъ въ дѣланіи подложной монеты, утопили въ Волховѣ; другихъ ограбили.

Мы описали святые подвиги Стефана Пермскаго, который водворилъ христіанство на берегахъ сѣверной Камы: преемниками его

въ епископствѣ сей еще мало-извѣстной страны были Исаакій и Питиримъ, ревностные наставники и благотворители тамошнихъ обитателей. Дикіе народы сосѣдственные, омраченные тьмою идолопоклонства, возненавидѣли новыхъ христіанъ пермскихъ и тревожили ихъ своими набѣгами: такъ князь вогуличей, именемъ Асыка, съ сыномъ Юмшаномъ приходилъ (въ 1455 году) воевать берега Вычегды и, вмѣстѣ съ другими плѣнниками, захвативъ самого епископа Питирима, злодѣйски умертвилъ сего добродѣтельнаго святителя.—Здѣсь въ первый разъ упоминается о вогуличахъ въ дѣяніяхъ нашей исторіи.

Въ сіе время былъ основанъ знаменитый монастырь Соловецкій, на дикомъ островѣ Бѣлаго моря, среди лѣсовъ и болотъ. Еще въ 1429 году благочестивый инокъ Савватій водрузилъ тамъ крестъ и поставилъ уединенную келію; а св. Зосима, чрезъ нѣсколько лѣтъ, создалъ церковь Преображенія, устроилъ общежительство и выходилъ въ Новѣгородѣ жалованную грамоту на весь островъ, данную ему отъ архіепископа Іоны и тамошняго правительства за осмью свинцовыми печатями. Какъ въ иныхъ земляхъ алчная любовь къ корысти, такъ у насъ христіанская любовь къ тихой, безмолвной жизни расширяла предѣлы обитаемые, знаменуя крестомъ ужасныя дотолѣ пустыни, неприступныя для страстей человѣческихъ.

Россіяне при Василіи Темномъ были поражены несчастіемъ Греціи, какъ ихъ собственнымъ. Народъ, именуемый въ восточныхъ лѣтописяхъ гоцами, въ византійскихъ огузами или узами, единоплеменный съ торками, которые долго скитались въ степяхъ Астраханскихъ, служили Владиміру Святому, обитали послѣ близъ Кіева и до самаго нашествія татаръ составляли часть россійскаго коннаго войска—сей народъ мужественный способствовалъ въ Азіи основанію и гибели разныхъ державъ (гасневидской, сельчукской, харазской), наконецъ подъ именемъ турковъ османскихъ основалъ сильнѣйшую монархію, ужасную для трехъ частей міра, и еще донынѣ знаменитую. Османъ или Отоманъ, эмиръ султана иконійскаго, воспользовался паденіемъ его державы, разрушенной моголами: сдѣлался независимымъ; захватилъ около 1292 г. нѣкоторыя мѣста въ Виѳаніи, въ Пафлагоніи, въ Архипелагѣ, и далъ наслѣдникамъ своимъ примѣръ счастливаго властолюбія, коими они столь удачно воспользовались, что въ концѣ XIV вѣка уже господствовали надъ всею Малою Азіею и Ѳракіею, обложивъ данью Константинополь. Тамерланъ и междоусобіе сыновей Баязетовыхъ могли только на время удержать быстрое стремленіе Османскихъ завоеваній: оно возобновилось при Амуратѣ и, наконецъ, при Магометѣ II увѣнчалось паденіемъ Византіи, которое не было внезапностію: Европа долго ожидала его съ безпокой-

ствомъ; но побѣды, одержанныя турками надъ королями венгерскими, Сигизмундомъ и Владиславомъ, вселяли ужасъ въ государей европейскихъ, нечувствительныхъ къ воплю грековъ, надъ коими восходила туча разрушенія. Самые греки—когда Магометъ явно готовился осадить ихъ столицу, распоряжалъ полки, строилъ крѣпости на берегахъ Воспора—въ безумномъ отчаяніи проклинали другъ друга за богословскія мнѣнія! Славный кардиналъ Исидоръ, бывшій митрополитъ россійскій, находился тогда въ стѣнахъ Византіи и предлагалъ царю Константину именемъ папы сильное вспоможеніе, съ условіемъ, чтобы духовенство греческое утвердило постановленіе Флорентійскаго собора. Царь, вельможи, іерархи согласились: народъ не хотѣлъ о томъ слышать, ревностные иноки, монахини восклицали на стогнахъ: „горе латинской ереси! образъ Богоматери спасетъ насъ!“ Но знамя султанское уже развѣвалось предъ вратами св. Романа. Магометъ съ двумя стами тысячами воиновъ и тремя стами судовъ приступилъ къ Царюграду, гдѣ считалось 100.000 жителей, а вооружилось только пять тысячъ, гражданъ и монаховъ, для его защиты: другіе единственно плакали, молились въ церквахъ и звонили въ колокола, чтобы менѣе трепетать отъ грома Магометовыхъ пушекъ! Сія горсть людей, усиленная двумя тысячами иноземцевъ подъ начальствомъ храбраго генуэзскаго витязя Джустиніани, представляла все могущество Восточной имперіи! Греки ожидали чуда для ихъ спасенія; но случилось, чему необходимо надлежало случиться: Магометъ, разрушивъ стѣны, по трупамъ янычаровъ вошелъ въ городъ, и славная смерть великодушнаго царя Константина достойно заключила бытіе имперіи: онъ палъ среди непріятелей, сказавъ: „для чего не могу умереть отъ руки христіанина?..“ Вѣроятно, что нѣкоторые изъ нашихъ единоземцевъ были очевидными тому свидѣтелями: по крайней мѣрѣ лѣтописецъ московскій разсказываетъ весьма подробно о всѣхъ обстоятельствахъ осады и взятія константинопольскаго, съ ужасомъ прибавляя, что храмъ Святыя Софіи, гдѣ послы Владимировы въ десятомъ вѣкѣ плѣнились величіемъ и красотою истиннаго богослуженія, обратился въ мечеть лжепророка. Греція была для насъ какъ бы вторымъ отечествомъ: россіяне всегда съ благодарностію воспоминали, что она сообщила имъ и христіанство, и первыя художества, и многія пріятности общежитія. Въ Москвѣ говорили о Царѣградѣ такъ, какъ въ новѣйшей Европѣ со времени Людовика XIV говорили о Парижѣ: не было иного образца для великолѣпія церковнаго и мірского, для вкуса, для понятія о вещахъ. Однако жъ, соболѣзнуя о грекахъ, лѣтописцы наши безпристрастно судятъ ихъ и турковъ, изъясняясь слѣдующимъ образомъ: „Царство безъ грозы есть конь безъ узды. Кон-

стантинъ и предки его давали вельможамъ утѣснять народъ; не было въ судахъ правды, ни въ сердцахъ мужества; судіи богатѣли отъ слезъ и крови невинныхъ, а полки греческіе величались только цвѣтною одеждою; гражданинъ не стыдился вѣроломства, а воинъ бѣгства, и Господь казнилъ властителей недостойныхъ, умудривъ царя Магомета, коего воины играютъ смертію въ бояхъ и судіи не дерзаютъ измѣнять совѣсти. Уже не осталось теперь ни единаго царства православнаго, кромѣ русскаго. Такъ исполнилось предсказаніе св. Меѳодія и Льва Мудраго, что измаильтяне овладѣютъ Византіею; исполнится, можетъ быть, и другое, что россіяне побѣдятъ измаильтянъ и на седьми холмахъ ея воцарятся". О семъ древнемъ пророчествѣ мы упоминали въ исторіи Ярослава Великаго: оно служило тогда утѣшеніемъ для россіянъ. Другіе народы европейскіе, не имѣя тѣсныхъ связей съ Греціею, оставались почти равнодушными къ ея бѣдствію; а папа Николай V хвалился, что онъ предсказалъ ей гибель за нарушеніе Флорентійскаго договора. Хотя кардиналъ Исидоръ, плѣненный въ Царѣградѣ турками, но ушедшій изъ неволи, по возвращеніи въ Италію писалъ ко всѣмъ государямъ западнымъ, что они должны возстать на Магомета, предтечу антихристова и чадо сатаны; однако жъ сіе краснорѣчивое посланіе (внесенное въ лѣтописи латинской церкви) осталось безъ дѣйствія. Награжденный за свое усердіе и страданіе милостію папы, Исидоръ умеръ въ Римѣ съ именемъ константинопольскаго патріарха и былъ погребенъ въ церкви св. Петра, до конца жизни сѣтовалъ о паденіи Греческой имперіи, любезнаго ему отечества, коего спасенію хотѣлъ онъ пожертвовать чистою вѣрою своихъ предковъ.

Впрочемъ, россіяне, жалѣя о Греціи, ни мало не думали, чтобы могущество новой Турецкой имперіи было и для нихъ опасно. Тогдашняя политика наша не славилась прозорливостію, и за ближайшими опасностями не видала отдаленныхъ: улусы и Литва ограничивали кругъ ея дѣятельности; ливонскіе нѣмцы и шведы занимали единственно новогородцевъ и псковитянъ; все прочее составляло для насъ міръ, чуждый, предметъ одного любопытства, а не государственнаго вниманія.

Съ Василіева времени сдѣлалась извѣстною Крымская Орда, составленная Эдигеемъ изъ улусовъ черноморскихъ. Повѣствуютъ, что сей знаменитый князь, готовясь умереть, заклиналъ многочисленныхъ сыновей своихъ не дѣлиться, но они раздѣлились и всѣ погибли въ междоусобіи. Тогда моголы черноморскіе избрали себѣ въ ханы осьмнадцатилѣтняго юношу, одного изъ потомковъ Чингисовыхъ (какъ увѣряютъ), именемъ Ази, спасеннаго отъ смерти и воспитаннаго какимъ-то земледѣльцемъ въ тишинѣ сельской. Сей юноша, изъ благодарности къ своему благотворителю

принявъ его имя, назвался Ази-Гирей, въ память чего и всѣ ханы крымскіе до сихъ позднѣйшихъ временъ назывались Гиреями. Другіе же историки пишутъ, что Ази-Гирей, сынъ или внукъ Тохтамышевъ, родился въ литовскомъ городѣ Трокахъ, и что Витовтъ доставилъ ему господство въ Тавридѣ; по крайней мѣрѣ сей ханъ былъ всегда усерднымъ другомъ Литвы и не тревожилъ ея владѣній, которыя простирались до самаго устья рѣкъ Днѣпра и Днѣстра. Покоривъ многіе улусы въ окрестностяхъ Чернаго моря, Ази-Гирей основалъ новую независимую Орду Крымскую, обложилъ данью города генуэзскіе въ Тавридѣ, имѣлъ сношеніе съ папою и, желая наказать татаръ волжскихъ за частыя ихъ впаденія въ области Казиміровы, разбилъ врага нашего, хана Седи-Ахмета, который, спасаясь отъ него бѣгствомъ, искалъ пристанища въ Литвѣ и былъ тамъ заключенъ въ темницу: „дѣло весьма несогласное съ государственнымъ благоразуміемъ,—пишетъ историкъ польскій:—способствуя уничтоженію Волжской Орды, мы готовили себѣ опасныхъ непріятелей въ россіянахъ, дотолѣ слабыхъ подъ ея игомъ“. — Сіе новое гнѣздо хищниковъ, славныхъ подъ именемъ татаръ крымскихъ, до самыхъ позднѣйшихъ временъ безпокоило наше отечество.

ГЛАВА IV.

Состояніе Россіи отъ нашествія татаръ до Іоанна III.

Сравненіе Россіи съ другими державами. — Слѣдствіе нашего ига. — Введеніе смертной казни и тѣлесныхъ наказаній.—Благое дѣйствіе вѣры. — Измѣненіе гражданскаго порядка.—Начало самодержавія. — Медленные успѣхи единодержавія.—Постепенная знаменитость Москвы.—Зло имѣетъ и добрыя слѣдствія. — Выгоды духовенства: характеръ нашего. — Мы не приняли обычаевъ татарскихъ. — Правосудіе.— Искусство ратное.—Происхожденіе казаковъ.— Купечество. — Изобрѣтенія. — Художество. — Словесность. — Пословицы. — Пѣсни.— Языкъ.

Наконецъ мы видимъ предъ собою цѣль долговременныхъ усилій Москвы: сверженіе ига, свободу отечества. Предложимъ читателю нѣкоторыя мысли о тогдашнемъ состояніи Россіи, слѣдствіи ея двухвѣкового порабощенія.

Было время, когда она, рожденная, возвеличенная единовластіемъ, не уступала въ силѣ и въ гражданскомъ образованіи первѣйшимъ европейскимъ державамъ, основаннымъ на развалинахъ Западной имперіи народами германскими; имѣя тотъ же харак-

теръ, тѣ же законы, обычаи, уставы государственные, сообщенные намъ варяжскими или нѣмецкими князьями, явилась въ новой политической системѣ Европы съ существенными правами на знаменитость и съ важною выгодою быть подъ вліяніемъ Греціи, единственной державы, не исповерженной варварами. Правленіе Ярослава Великаго есть, безъ сомнѣнія, сіе счастливое для Россіи время: утвержденная и въ христіанствѣ и въ порядкѣ государственномъ, она имѣла наставниковъ совѣсти, училища, законы, торговлю, многочисленное войско, флотъ, единодержавіе и свободу гражданскую. Что въ началѣ XI вѣка была Европа? театромъ помѣстнаго (феодальнаго) тиранства, слабости вѣнценосцевъ, дерзости бароновъ, рабства народнаго, суевѣрія, невѣжества. Умъ Альфреда и Карла Великаго блеснулъ во мракѣ, но ненадолго; осталась ихъ память: благодѣтельныя учрежденія и замыслы исчезли вмѣстѣ съ ними.

Но раздѣленіе нашего отечества и междоусобныя войны, истощивъ его силы, задержали россіянъ и въ успѣхахъ гражданскаго образованія: мы стояли или двигались медленно, когда Европа стремилась къ просвѣщенію. Крестовые походы сообщили ей свѣдѣнія и художества Востока; оживили, распространили ея торговлю. Селенія и города откупались отъ утѣснительной власти бароновъ; государи по собственному движенію давали гражданамъ права и выгоды, благопріятныя для общей пользы, для промышленности и для самыхъ нравовъ; лучшая исправа (полиція) земская начинала обуздывать силу, ограждать безопасностію пути, жизнь и собственность. Обрѣтеніе Іустиніанова кодекса въ Амальфи было счастливою эпохою для европейскаго правосудія: понятія людей о семъ важномъ предметѣ гражданства сдѣлались яснѣе, основательнѣе. Всеобщее употребленіе языка латинскаго доставляло способъ и духовнымъ, и мірянамъ черпать мысли и познанія въ твореніяхъ древнихъ, уцѣлѣвшихъ въ наводненіи варварства. Однимъ словомъ, съ половины XI вѣка состояніе Европы явно перемѣнялось въ лучшее; а Россія со временъ Ярослава до самаго Батыя орошалась кровію и слезами народа. Порядокъ, спокойствіе, столь нужное для успѣховъ гражданскаго общества, непрестанно нарушались мечомъ и пламенемъ княжескихъ междоусобій, такъ что въ XIII вѣкѣ мы уже отставали отъ державъ западныхъ въ государственномъ образованіи.

Нашествіе Батыево испровергло Россію. Могла угаснуть и послѣдняя искра жизни, къ счастію, не угасла: имя, бытіе сохранилось; открылся только новый порядокъ вещей, горестный для человѣчества, особенно при первомъ взорѣ: дальнѣйшее наблюденіе открываетъ и въ самомъ злѣ причину блага, и въ самомъ разрушеніи пользу цѣлости.

Сѣнь варварства, омрачивъ горизонтъ Россіи, сокрыла отъ насъ Европу въ то самое время, когда благодѣтельные свѣдѣнія и навыки болѣе въ ней размножались, народъ освобождался отъ рабства, города входили въ тѣсную связь между собою для взаимной защиты въ утѣсненіяхъ; изобрѣтеніе компаса распространило мореплаваніе и торговлю; ремесленники, художники, ученые ободрялись правительствами; возникали университеты для высшихъ наукъ: разумъ пріучался къ созерцанію, къ правильности мыслей; нравы смягчались; войны утратили свою прежнюю свирѣпость; дворянство уже стыдилось разбоевъ, и благородные витязи славились милосердіемъ къ слабымъ, великодушіемъ, честію; обходительность, людскость, учтивость сдѣлались извѣстны и любимы. Въ сіе же время Россія, терзаемая моголами, напрягала силы свои единственно для того, чтобы не исчезнуть: намъ было не до просвѣщенія!

Если бы моголы сдѣлали у насъ то же, что въ Китаѣ, въ Индіи, или что турки въ Греціи; если бы, оставивъ степь и кочеваніе, переселились въ наши города, то могли бы существовать и донынѣ въ видѣ государства. Къ счастію, суровый климатъ Россіи удалилъ отъ нихъ сію мысль. Ханы желали единственно быть нашими господами издали, не вмѣшивались въ дѣла гражданскія, требовали только серебра и повиновенія отъ князей. Но такъ называемые послы ординскіе и баскаки, представляя въ Россіи лицо хана, дѣлали, что хотѣли; самые купцы, самые бродяги могольскіе обходились съ нами какъ съ слугами презрительными. Что долженствовало быть слѣдствіемъ? нравственное униженіе людей. Забывъ гордость народную, мы выучились низкимъ хитростямъ рабства, замѣняющимъ силу въ слабыхъ; обманывая татаръ, болѣе обманывали другъ друга; откупаясь деньгами отъ насилія варваровъ, стали корыстолюбивѣе и безчувственнѣе къ обидамъ, къ стыду, подверженные наглостямъ иноплеменныхъ тирановъ. Отъ временъ Василія Ярославича до Іоанна Калиты (періодъ самый несчастнѣйшій!) отечество наше походило болѣе на темный лѣсъ, нежели на государство: сила казалась правомъ, кто могъ, грабилъ — не только чужіе, но и свои — не было безопасности ни въ пути, ни дома; татьба сдѣлалась общею язвою собственности. Когда же сія ужасная тьма неустройства начала проясняться, оцѣпенѣніе миновало, и законъ, душа гражданскихъ обществъ, воспрянулъ отъ мертваго сна, тогда надлежало прибѣгнуть къ строгости, неизвѣстной древнимъ россіянамъ. Нѣтъ сомнѣнія, что жестокія судныя казни означаютъ ожесточеніе сердецъ и бываютъ слѣдствіемъ частныхъ злодѣяній. Добросердечный Мономахъ говорилъ дѣтямъ: „не убивайте виновнаго; жизнь христіанина священна“; не менѣе добросердечный побѣ-

дитель, Мамаевъ Димитрій, уставилъ торжественную смертную казнь, ибо не видалъ иного способа устрашать преступниковъ. Легкія денежныя пени могли нѣкогда удерживать нашихъ предковъ отъ воровства; но въ XIV столѣтіи уже вѣшали татей. Россіянинъ Ярославова вѣка зналъ побои единственно въ дракѣ; иго татарское ввело тѣлесныя наказанія: за первую кражу клеймили, за вины государственныя сѣкли кнутомъ. Былъ ли дѣйствителенъ стыдъ гражданскій тамъ, гдѣ человѣкъ съ клеймомъ вора оставался въ обществѣ?—Мы видѣли злодѣянія и въ нашей древней исторіи: но сіи времена представляютъ намъ черты гораздо ужаснѣйшаго свирѣпства въ изступленіяхъ княжеской и народной злобы; чувство угнетенія, страхъ, ненависть, господствуя въ душахъ, обыкновенно производятъ мрачную суровость во нравахъ. Свойства народа изъясняются всегда обстоятельствами; однакожъ дѣйствіе часто бываетъ долговременнѣе причины: внуки имѣютъ нѣкоторые добродѣтели и пороки своихъ дѣдовъ, хотя живутъ и въ другихъ обстоятельствахъ. Можетъ быть, самый нынѣшній характеръ россіянъ еще являетъ пятна, возложенныя на него варварствомъ моголовъ.

Нѣкоторые думали, что суевѣріе обезоруживало насъ противъ сихъ тирановъ; что россіяне видѣли въ нихъ бичъ гнѣва небеснаго и не дерзали возстать на исполнителей вышней мести, подобно какъ чернь донынѣ мыслитъ, что нельзя обыкновенными средствами угасить пожара, произведеннаго молніею. Исторія не доказываетъ того: россіяне неоднократно изъявляли самую безразсудную дерзость въ усиліяхъ свергнуть иго; недоставало согласія и твердости. Но замѣтимъ, что вмѣстѣ съ иными благородными чувствами ослабѣла въ насъ тогда и храбрость, питаемая народнымъ честолюбіемъ. Прежде князья дѣйствовали мечомъ: въ сіе время низкими хитростями, жалобами въ Ордѣ. Древніе полководцы наши, воспаляя мужество въ воинахъ, говорили имъ о стыдѣ и славѣ: герой Донской битвы о вѣнцахъ мученическихъ. Если мы въ два столѣтія, ознаменованыя духомъ рабства, еще не лишились всей нравственности, любви къ добродѣтели, къ отечеству, то прославимъ дѣйствіе вѣры: она удержала насъ на степени людей и гражданъ, не дала окаменѣть сердцамъ, ни умолкнуть совѣсти; въ уничиженіи имени русскаго мы возвышали себя именемъ христіанъ и любили отечество какъ страну православія.

Внутренній государственный порядокъ измѣнился: все, что имѣло видъ свободы и древнихъ гражданскихъ правъ стѣснилось, изчезло. Князья, смиренно пресмыкаясь въ Ордѣ, возвращались оттуда грозными властелинами: ибо повелѣвали именемъ царя верховнаго. Совершилось при моголахъ легко и тихо, чего не сдѣлалъ ни

Ярославъ Великій, ни Андрей Боголюбскій, ни Всеволодъ III: въ Владимирѣ и вездѣ, кромѣ Новагорода и Пскова, умолкъ вѣчевой колоколъ, гласъ вышняго народнаго законодательства, столь часто мятежный, но любезный потомству славяно-россовъ. Сіе отличіе и право городовъ древнихъ уже не было достояніемъ новыхъ: ни Москвы, ни Твери, коихъ знаменитость возникла при моголахъ. Только однажды упоминается въ лѣтописяхъ о вѣчѣ московскомъ, какъ дѣйствіи чрезвычайномъ, когда столица, угрожаемая свирѣпымъ непріятелемъ, оставленная государемъ, видѣла себя въ крайности безъ начальства. Города лишились права избирать тысячскихъ, которые важностію и блескомъ своего народнаго сана возбуждали зависть не только въ княжескихъ чиновникахъ, но и въ князьяхъ.

Происхожденіе нашихъ бояръ теряется въ самой глубокой древности: сіе достоинство могло быть еще старѣе княжескаго, означая витязей и гражданъ знатнѣйшихъ, которые въ славянскихъ республикахъ предводительствовали войсками, судили и рядили землю. Хотя оно не было, кажется, никогда наслѣдственнымъ, а только личнымъ; хотя въ Россіи давалось послѣ государемъ, но каждый изъ древнихъ городовъ имѣлъ своихъ особенныхъ бояръ, какъ знатнѣйшихъ чиновниковъ народныхъ, и самые княжескіе бояре пользовались какимъ-то правомъ независимости: такъ въ договорныхъ грамотахъ XIV и XV вѣка обыкновенно подтверждалась законная свобода бояръ переходить изъ службы одного князя къ другому; недовольный въ Черниговѣ, бояринъ съ своею многочисленною дружиною ѣхалъ въ Кіевъ, въ Галичъ, въ Владимиръ, гдѣ находилъ новыя помѣстья и знаки всеобщаго уваженія. Однимъ словомъ, сіи государственные сановники издревле казались народу мужами верховными и, занимая вездѣ первыя мѣста вокругъ престоловъ, составляли у насъ нѣкоторую аристократію. Но когда южная Россія обратилась въ Литву; когда Москва начала усиливаться, присоединяя къ себѣ города и земли; когда число владѣтельныхъ князей уменьшилось, а власть государева сдѣлалась неограниченнѣе въ отношеніи къ народу,—тогда и достоинство боярское утратило свою древнюю важность. Гдѣ бояринъ Василія Темнаго, имъ оскорбленный, могъ искать иной службы въ отечествѣ? Уже и слабая Тверь готовилась зависѣть отъ Москвы. — Власть народная также благопріятствовала силѣ бояръ, которые, дѣйствуя черезъ князя на гражданъ, могли и чрезъ послѣднихъ дѣйствовать на перваго: сія опора исчезла. Надлежало или повиноваться государю, или быть измѣнникомъ, бунтовщикомъ: не оставалось середины и никакого законнаго способа противиться князю.—Однимъ словомъ, рождалось самодержавіе.

Сія перемѣна, безъ сомнѣнія, непріятная для тогдашнихъ гражданъ и бояръ, оказалась величайшимъ благодѣяніемъ судьбы для Россіи. Удержавъ нѣкоторыя обыкновенія свободы, естественной только въ малыхъ областяхъ, предки наши не могли обуздывать ими воли государя единодержавнаго, каковъ былъ Владиміръ Святый или Ярославъ Великій, но пользовались оными во время раздробленія государства, и бореніе двухъ властей, княжеской съ народною, еще болѣе ослабляло силу его. Если Римъ спасался диктаторомъ въ случаѣ великихъ опасностей, то Россія, обширный трупъ послѣ нашествія Батыева, могла ли инымъ способомъ оживиться и воскреснуть въ величіи? Требовалось единой и тайной мысли для намѣренія, единой руки для исполненія: ни шумные сонмы народные, ни медленныя думы аристократіи не произвели бы сего дѣйствія. Народъ и въ самомъ униженіи ободряется и совершаетъ великое, но служа только орудіемъ, движимый, одушевляемый силою правителей. Власть боярская производила у насъ боярскія смуты. Совѣтъ вельможъ иногда внушаетъ мудрость государю, но часто волнуется и страстями. Бояре нерѣдко питали междоусобіе князей россійскихъ; нерѣдко даже судились съ ними въ Ордѣ, обнося ихъ предъ ханами. Самодержавіе, искоренивъ сіи злоупотребленія, устранило важныя препятствія на пути Россіи къ независимости, и такимъ образомъ возникало вмѣстѣ съ единодержавіемъ до временъ Іоанна III, которому надлежало совершить то и другое.

Исторія свидѣтельствуетъ, что есть время для заблужденій и для истины: сколько вѣковъ россіяне не могли живо увѣриться въ томъ, что соединеніе княженій необходимо для ихъ государственнаго благоденствія? Нѣкоторые вѣнценосцы начинали сіе дѣло, но слабо, безъ ревности достойной онаго; а преемники ихъ опять все разрушали. Даже и Москва, болѣе Кіева и Владиміра наученная опытами, какъ медленно и недружно двигалась къ государственной цѣлости! Уставилось лучшее право наслѣдственное: древніе удѣлы возвращались къ великому княженію, но оно, снова раздробляясь на части между сыновьями, внуками, правнуками Іоанна Калиты, въ истинномъ смыслѣ все еще не было единымъ государствомъ; даже судное право, пошлины, доходы московскіе принадлежали имъ совокупно. Такъ называемое братское старѣйшинство великаго князя состояло въ томъ, что удѣльные владѣтели, имѣя свои собственные гражданскіе уставы, законы, войска, монету, обязывались имѣть съ нимъ одну политическую систему, давать ему войско и серебро для хановъ. Но сіе обязательство было условное: если онъ нарушалъ договоръ, всегда обоюдный; если утѣснялъ ихъ, то они могли, возвративъ крестныя грамоты, законно искать управы мечомъ. Народъ, гра-

ждане, бояре удѣльные знали только своего князя, не присягали государю Московскому, и въ случаѣ междоусобной войны лили кровь его подданныхъ, не заслуживая имени бунтовщиковъ. Такъ было еще и при Василіи Темномъ. Однакожъ великій князь имѣлъ уже столько перевѣса въ силахъ, что могъ легко сдѣлаться единовластнымъ: все зависѣло отъ рѣшительной воли и твердаго характера; все изготовилось къ счастливой перемѣнѣ: теперь означимъ или напомнимъ читателю, какими средствами?

Москва, будучи однимъ изъ бѣднѣйшихъ удѣловъ Владимірскихъ, ступила первый шагъ къ знаменитости при Даніилѣ, которому внукъ Невскаго, Іоаннъ Димитріевичъ, отказалъ Переславль Залѣсскій, и который, побѣдивъ Рязанскаго князя, отнялъ у него многія земли. Сынъ Даніиловъ, Георгій, зять хана Узбека, присоединилъ къ своей области Коломну, завоевалъ Можайскъ и выходилъ себѣ въ Ордѣ великое княженіе Владимірское; а братъ Георгіевъ, Іоаннъ Калита, погубивъ Александра Тверского, сдѣлался истиннымъ главою всѣхъ иныхъ князей, обязанный тѣмъ не силѣ оружія, но единственно милости Узбековой, которую снискалъ онъ умною лестію и богатыми дарами.

Предложимъ замѣчаніе любопытное: иго татаръ обогатило казну великокняжескую, исчисленіемъ людей, установленіемъ поголовной дани и разными налогами, дотолѣ неизвѣстными, собираемыми будто бы для хана, но хитростію князей обращенными въ ихъ собственный доходъ: баскаки, сперва тираны, а послѣ мздоимные друзья нашихъ владѣтелей, легко могли быть обманываемы въ затруднительныхъ счетахъ. Народъ жаловался, однакожъ платилъ; страхъ всего лишиться изыскивалъ новые способы пріобрѣтенія, чтобы удовлетворять корыстолюбію варваровъ. Такимъ образомъ мы понимаемъ удивительный избытокъ Іоанна Даніиловича, купившаго не только множество селъ въ разныхъ земляхъ, но и цѣлыя области, гдѣ малосильные князья, подверженные наглости моголовъ и тѣснимые его собственнымъ властолюбіемъ, волею или неволею уступали ему свои наслѣдственныя права, чтобы имѣть въ немъ защитника для себя и народа. Сіи такъ называемые окупные князьки остались между тѣмъ въ своихъ проданныхъ владѣніяхъ, пользуясь нѣкоторыми доходами и выгодами. Угличъ, Бѣлозеро, Галичъ, Ростовъ, Ярославль сдѣлались снова городами великокняжескими, какъ было при Всеволодѣ III.

Такъ возвеличилъ Москву Іоаннъ Калита, и внукъ его, Димитрій, дерзнулъ на битву съ ханомъ... Сей герой не пріобрѣлъ почти ничего, кромѣ славы; но слава умножаетъ силы, и наслѣдникъ Димитріевъ, ласкаемый, честимый въ Ордѣ, возвратился оттуда съ милостивымъ ярлыкомъ или съ жалованною грамотою на Суздаль, Городецъ, Нижній; возстановилъ такимъ образомъ древ-

нее Суздальское великокняженіе Боголюбскаго во всей полнотѣ онаго и мирнымъ присвоеніемъ бывшихъ удѣловъ Черниговскихъ— Мурома, Торусы, Новосиля, Козельска, Перемышля—распространилъ Московскую державу, которая, съ прибавленіемъ Вятки, составляла уже знатную часть древней единовластной Россіи Ярослава Великаго, будучи сверхъ того усилена внутри твердѣйшимъ началомъ самодержавія. Рюрикъ, Святославъ, Владимиръ брали землю мечомъ: князья Московскіе поклонами въ Ордѣ — дѣйствіе оскорбительное для нашей гордости, но спасительное для бытія и могущества Россіи! Ярославъ обуздывалъ народъ и бояръ своимъ величіемъ: смиренные тиранствомъ хановъ, они уже не спорили о правахъ съ государемъ Московскимъ, требуя отъ него единственно покоя и безопасности со стороны моголовъ; видѣли прежнихъ владѣтельныхъ князей слугами Донского, Василія Димитріевича, Темнаго, и менѣе жалѣли о своей древней вольности.

Исторія не терпитъ оптимизма и не должна въ происшествіяхъ искать доказательствъ, что все дѣлается къ лучшему: ибо сіе мудрованіе несвойственно обыкновенному здравому смыслу человѣческому, для коего она пишется. Нашествіе Батыево, куча пепла и труповъ, неволя, рабство столь долговременное—составляютъ, конечно, одно изъ величайшихъ бѣдствій, извѣстныхъ намъ по лѣтописямъ государствъ; однакожъ и благотворныя слѣдствія онаго несомнительны. Лучше если бы кто-нибудь изъ потомковъ Ярославовыхъ отвратилъ сіе несчастіе возстановленіемъ единовластія въ Россіи и правилами самодержавія, ей свойственнаго, оградилъ ея внѣшнюю безопасность и внутреннюю тишину; но въ два вѣка не случилось того. Могло пройти еще сто лѣтъ и болѣе въ княжескихъ междоусобіяхъ: чѣмъ заключились бы оныя? вѣроятно, погибелью нашего отечества: Литва, Польша, Венгрія, Швеція могли бы раздѣлить оное; тогда мы утратили бы и государственное бытіе, и вѣру, которыя спаслися Москвою; Москва же обязана своимъ величіемъ ханамъ.

Однимъ изъ достопамятныхъ слѣдствій татарскаго господства надъ Россіею было еще возвышеніе нашего духовенства, размноженіе монаховъ и церковныхъ имѣній. Политика хановъ, утѣсняя народъ и князей, покровительствовала церковь и ея служителей; изъявляла особенное къ нимъ благоволеніе; ласкала митрополитовъ и епископовъ; снисходительно внимала ихъ смиреннымъ моленіямъ и часто, изъ уваженія къ пастырямъ, прелагала гнѣвъ на милость къ паствѣ. Мы видѣли, какъ св. Алексій митрополитъ успокоивалъ отечество своимъ ходатайствомъ въ Ордѣ. Знатнѣйшіе люди, отвращаемые отъ мира всеобщимъ государственнымъ бѣдствіемъ, искали мира душевнаго въ святыхъ обителяхъ и, мѣняя одежду княжескую, боярскую, на мантію инока, способство-

вали тѣмъ знаменитости духовнаго сана, въ коемъ даже и государи обыкновенно заключали жизнь. Ханы подъ смертною казнію запрещали своимъ подданнымъ грабить, тревожить монастыри, обогащаемые вкладами, имѣніемъ движимымъ и недвижимымъ. Всякій, готовясь умереть, что-нибудь отказывалъ церкви, особенно во время язвы, которая столь долго опустошала Россію. Владѣнія церковныя, свободныя отъ налоговъ ординскихъ и княжескихъ, благоденствовали; сверхъ украшенія храмовъ и продовольствія епископовъ, монаховъ, оставалося еще не мало доходовъ на покупку новыхъ имуществъ. Новогородскіе святители употребляли софійскую казну въ пользу государственную; но митрополиты не слѣдовали сему достохвальному примѣру. Народъ жаловался на скудость: иноки богатѣли. Они занимались и торговлею, увольняемые отъ купеческихъ пошлинъ. — Кромѣ тогдашней набожности, соединенной съ высокимъ понятіемъ о достоинствѣ монашеской жизни, одни мірскія преимущества влекли людей толпами изъ селъ и городовъ въ тихія безопасныя обители, гдѣ слава благочестія награждалась не только уваженіемъ, но и состояніемъ; гдѣ гражданинъ укрывался отъ насилія и бѣдности, не сѣялъ и пожиналъ! Весьма немногіе изъ нынѣшнихъ монастырей россійскихъ были основаны прежде или послѣ татаръ: всѣ другіе остались памятникомъ сего времени.

Однакожъ, несмотря на свою знаменитость и важность, духовенство наше не оказывало излишняго властолюбія, свойственнаго духовенству западной церкви и, служа великимъ князьямъ въ государственныхъ дѣлахъ полезнымъ орудіемъ, не спорило съ ними о мірской власти. Въ раздорахъ княжескихъ митрополиты бывали посредниками, но избираемыми единственно съ обоюднаго согласія, безъ всякаго дѣйствительнаго права; ручались въ истинѣ и святости обѣтовъ, но могли только убѣждать совѣсть, не касаясь меча мірского, сей обыкновенной угрозы папъ для ослушниковъ ихъ воли; отступая же иногда отъ правилъ христіанской любви и кротости, дѣйствовали такъ въ угодность государямъ, отъ коихъ они совершенно зависѣли, ими назначаемые и свергаемые. Однимъ словомъ, церковь наша вообще не измѣнялась въ своемъ главномъ, первобытномъ характерѣ, смягчая жестокіе нравы, умѣряя неистовыя страсти, проповѣдуя и христіанскія, и государственныя добродѣтели Милости ханскія не могли ни задобрить, ни усыпить ея пастырей: они въ Батыево время благословляли россіянъ на смерть великодушную, при Димитріи Донскомъ на битвы и побѣду. Когда Василій Темный ушелъ изъ осажденной Москвы, старецъ, митрополитъ Іона взялъ на себя отстоять Кремль или погибнуть съ народомъ и, наконецъ, буде вѣрить лѣтописямъ, въ восторгѣ духа предвѣстилъ Василію близ-

кую независимость Россіи.—Исторія подтверждаетъ истину, предлагаемую всѣми политиками-философами, и только для однихъ легкихъ умовъ сомнительную, что вѣра есть особенная сила государственная. Въ западныхъ странахъ европейскихъ духовная власть присвоила себѣ мірскую оттого, что имѣла дѣло съ народами полудикими — готѳами, лонгобардами, франками, которые, овладѣвъ ими и принявъ христіанство, долго не умѣли согласить онаго съ своими гражданскими законами, ни утвердить естественныхъ границъ между сими двумя властями, а греческая церковь возсіяла въ державѣ благоустроенной, и духовенство не могло столь легко захватить чуждыхъ ему правъ. Къ счастію, святый Владимиръ предпочелъ Константинополь Риму.

Такимъ образомъ, имѣвъ вредныя слѣдствія для нравственности россіянъ, но благопріятствовавъ власти государей и выгодамъ духовенства, господство моголовъ оставило ли какіе иные слѣды въ народныхъ обычаяхъ, въ гражданскомъ законодательствѣ, въ домашней жизни, въ языкѣ россіянъ? Слабые обыкновенно заимствуютъ отъ сильныхъ. Князья, бояре, купцы, ремесленники наши живали въ улусахъ, а вельможи и купцы ординскіе въ Москвѣ и въ другихъ городахъ. Но татары были сперва идолопоклонники, послѣ магометане: мы называли ихъ обычаи погаными; и чѣмъ удобнѣе принимали византійскіе, освященные для насъ христіанствомъ, тѣмъ болѣе гнушались татарскими, соединяя ихъ въ нашемъ понятіи съ ненавистнымъ зловѣріемъ. Къ тому же, несмотря на униженіе рабства, мы чувствовали свое гражданское превосходство въ отношеніи къ народу кочующему. Слѣдствіемъ было, что россіяне вышли изъ-подъ ига болѣе съ европейскимъ, нежели азіатскимъ характеромъ. Европа насъ не узнавала: но для того, что она въ сіи 150 лѣтъ измѣнилась, а мы остались какъ были. Ея путешественники XIII вѣка не находили даже никакого различія въ одеждѣ нашей и западныхъ народовъ: то же, безъ сомнѣнія, могли бы сказать и въ разсужденіи другихъ обычаевъ. Какъ въ Италіи, Франціи, Англіи съ паденія Рима, такъ у насъ съ призванія князей варяжскихъ все въ главныхъ чертахъ сдѣлалось нѣмецкимъ, смѣшаннымъ съ остатками первобытныхъ обычаевъ славянскихъ, къ чему послѣ присоединилось занятое нами отъ грековъ. Древній характеръ славянъ являлъ въ себѣ нѣчто азіатское, являетъ и донынѣ: ибо они, вѣроятно, послѣ другихъ европейцевъ удалились отъ Востока, коренного отечества народовъ. Не татары выучили нашихъ предковъ стѣснять женскую свободу и человѣчество въ холопскомъ состояніи, торговать людьми, брать законныя взятки въ судахъ (что нѣкоторые называютъ азіатскимъ обыкновеніемъ): мы все то видѣли у славянъ и россіянъ гораздо прежде. Въ языкѣ нашемъ довольно словъ

восточныхъ; но ихъ находимъ и въ другихъ славянскихъ нарѣчіяхъ, а нѣкоторыя особенныя могли быть заимствованы нами отъ козаровъ, печенѣговъ, яровъ, половцевъ, даже отъ сарматовъ и скиѳовъ; напрасно считаютъ оныя татарскими, коихъ едва ли отыщется 40 или 50 въ словарѣ россійскомъ. Новыя понятія, новыя вещи требуютъ новыхъ словъ; что народъ гражданскій могъ узнать отъ кочующаго?

Татары не вступали въ наши судныя дѣла гражданскія. Во всѣхъ московскихъ владѣніяхъ государь давалъ законы и судилъ чрезъ своихъ намѣстниковъ и дворянъ: недовольные ими жаловались ему, ни въ лѣтописяхъ, ни въ грамотахъ сего времени не упоминается о приказахъ. Отъ намѣстника зависѣли дворскіе и сотники: первые судили холопей, вторые—поселянъ; такъ было и въ удѣлахъ. Тяжбы между подданными двухъ разныхъ княженій рѣшались боярами, съ обѣихъ сторонъ избираемыми; въ случаѣ ихъ несогласія, назначался посредникъ, или третейскій судъ, коего рѣшеніе уже всегда исполнялось. Правосудіе тогдашнее не имѣло, повидимому, твердаго основанія и большею частію зависѣло отъ произвола судящихъ. Русская Правда лишилась достоинства и силы общаго народнаго уложенія, вмѣсто коего давали судьямъ наказы или грамоты княжескія, весьма краткія, неопредѣлительныя. Кромѣ двинской судной грамоты Василія Димитріевича, мы имѣемъ еще двѣ пятаго-на-десять вѣка: псковскую и новогородскую. Въ обѣихъ говорится о законныхъ поединкахъ въ случаѣ доноса сомнительнаго. Такое странное обыкновеніе господствовало въ цѣлой Европѣ нѣсколько вѣковъ, заступивъ мѣсто искушеній посредствомъ огня и воды. Въ Русской Правдѣ нѣтъ еще ни слова о сихъ поединкахъ, но въ 1228 году они уже были въ Россіи способомъ доказывать свою невинность предъ судіями, и назывались полемъ. Искусство и сила казались дѣйствіемъ суда Небеснаго: одолѣть въ бою значило оправдаться. Тщетно духовенство противилось столь несогласному съ христіанскою вѣрою уставу; митрополитъ Фотій (въ 1410 году) писалъ къ новогородскому архіепископу Іоанну, что поединщики не должны вкушать тѣла и крови Христовой; что всякій, кто умертвитъ человѣка въ бою, отлучается отъ церкви на 18 лѣтъ, и что іереи не могутъ отпѣвать убитыхъ; но древній обычай былъ сильнѣе убѣжденій духовенства, церковной казни и разсудка. Въ грамотѣ псковской опредѣлены нѣкоторыя судныя пени, напримѣръ, за вырваніе бороды надлежало платить 2 рубля. Далѣе назначаются разныя денежныя взысканія: напримѣръ, за барана хозяину 6 денегъ, за овцу десять, а судьѣ три; объявляются недѣйствительными купля, продажа и мѣна, совершаемыя въ пьянствѣ; запрещается княжескимъ людямъ держать корчмы и продавать медъ,

а женщинамъ нанимать за себя судныхъ поединщиковъ, и проч. Сія грамота есть только отрывокъ или прибавленіе къ инымъ уставамъ, новогородская же именно ссылается на другія, намъ неизвѣстныя грамоты, и содержитъ въ себѣ единственно особенныя постановленія, изъ коихъ явствуетъ, что архіепископъ въ судахъ церковныхъ руководствовался Номоканономъ, а посадникъ и намѣстники великокняжескіе старыми уставами новогородскими; что они брали пошлину съ дѣлъ; что тысячскій имѣлъ свою особенную управу; что судьи ѣздили по городамъ, обязанные рѣшить всякое дѣло въ опредѣленный срокъ или заплатить пеню; что вмѣстѣ съ судьями и докладчиками засѣдали присяжные, знаменитые граждане, бояре и житые люди; что дѣло предлагалось такъ называемыми разсказчиками или стряпчими, а записывалось дьякомъ или секретаремъ съ приложеніемъ ихъ печатей; что мужья отвѣтствовали въ судахъ за женъ, а за вдовъ сыновья; что жены боярскія и людей житыхъ присягали дома; что холопи могли свидѣтельствовать только на холопей, а псковитяне никогда; что прежде законнаго осужденія никто не могъ быть лишаемъ свободы, и всякому обвиняемому давался срокъ; что истецъ и отвѣтчикъ подвергались тяжкому взысканію, если беззаконно обносили другъ друга или судей; что уличенный въ насильственномъ владѣніи платилъ пеню великому князю и Новугороду, бояринъ 50 рублей, житый двадцать, а младшій гражданинъ десять; слѣдственно наказаніе умножалось по мѣрѣ знатности или богатства преступниковъ. Къ суду святительскому относились, кромѣ церковныхъ преступленій, всѣ дѣла іереевъ, иноковъ, людей монастырскихъ и проч.; а буде они имѣли дѣло съ мірянами, то намѣстники и судьи епископскіе рѣшили оное вмѣстѣ съ княжескими или городскими чиновниками. Въ Новѣгородѣ святительскія денежныя пени были гораздо тягостнѣе иныхъ; напримѣръ, отъ суднаго рубля получалъ владыка, намѣстникъ или ключникъ его за печать гривну, а посадникъ, тысячскіе и судьи ихъ только семь денегъ. Такъ ли было и въ другихъ княженіяхъ Россійскихъ, мы не знаемъ; но видимъ, что духовенство наше вездѣ старалось умножить свои права судебныя, доказывая ихъ древности мнимыми церковными уставами св. Владимира и Ярослава Великаго. Послѣднимъ рѣшителемъ въ судахъ церковныхъ былъ митрополитъ: новогородцы, въ 1385 году, отняли у него сіе доходное право, уставивъ, чтобы архіепископъ и главные ихъ чиновники вершили всѣ дѣла независимо или безъ отчета.

Вообще съ XI вѣка мы не подвинулись впередъ въ гражданскомъ законодательствѣ; но, кажется, отступили назадъ къ первобытному невѣжеству народовъ въ сей важной части государственнаго благоустройства, чему виною были замѣшательства и непо-

стоянство въ правленіи внутреннемъ. Князья, не увѣренные въ твердости своихъ престоловъ, судя народъ по необходимости и для собственнаго прибытка, старались уменьшать для себя затрудненія: совѣсть, присяга, здравый умъ естественный казались самымъ простѣйшимъ способомъ рѣшить тяжбы, согласно съ древними обыкновеніями и безъ всякихъ письменныхъ, общихъ правилъ. Законодатель опредѣлялъ единственно родъ наказаній и денежныя пени для главныхъ преступленій: смертоубійства, воровства и проч. Судъ духовный, основанный на Кормчей Книгѣ или Номоканонѣ, былъ не лучше гражданскаго: ибо сіи законы греческіе во многомъ не шли къ Россіи и долженствовали часто уступать мѣсто произволу судей. Въ такомъ состояніи находилось правосудіе и въ другихъ земляхъ европейскихъ около десятаго вѣка; но въ пятомъ-на-десять, имѣя училища законовѣдѣнія и римское право, Европа въ семъ отношеніи уже далеко насъ опередила.

Не менѣе отстали мы въ искусствѣ ратномъ: крестовые походы, духъ рыцарства, долговременныя войны и, наконецъ, образованіе строевыхъ, всегдашнихъ войскъ произвели великіе успѣхи онаго во Франціи и въ другихъ земляхъ, а мы, кромѣ пороха, въ теченіе сихъ вѣковъ не узнали и не пріобрѣли ничего новаго. Составъ нашей рати мало измѣнился. Всѣ главные чиновники государственные: бояре старшіе, большіе, путные (или помѣстные, коимъ давались земли, доходы казенные, путевые и другіе), окольничіе, или ближніе къ государю люди, и дворяне были истиннымъ сердцемъ, лучшею, благороднѣйшею частію войска, и собственно именовались Дворомъ Великокняжескимъ. Второй многочисленнѣйшій родъ записныхъ людей воинскихъ называли дѣтьми боярскими: въ нихъ узнаемъ прежнихъ боярскихъ отроковъ; а княжескіе обратились въ дворянъ. Всякій древній, областный городъ, имѣя своихъ бояръ, имѣлъ и дѣтей боярскихъ, которые составляли воинскую дружину первыхъ. Купцы и граждане безъ крайности не вооружались, а земледѣльцы никогда. Герой Донскій умѣлъ вывести въ поле 150.000 ратниковъ; но для сего требовалось усилій необыкновенныхъ. Часто войско не успѣвало собраться, когда непріятель уже стоялъ подъ Москвою. Древніе обычаи не скоро уступаютъ мѣсто лучшимъ. Чтобы имѣть всегда полки готовые и не распускать ихъ, надлежало бы опредѣлить имъ жалованье: государи наши скупились или не могли сдѣлать того безъ отягощенія подданныхъ налогами.

Иностранные писатели говорятъ, что россіяне сего времени сражались подобно моголамъ: „не стоя на мѣстѣ, а на скаку дѣйствуя стрѣлами и копьями, то нападая, то вдругъ отступая“.

Но лѣтописцы наши доказываютъ противное: хотя главное

и лучшее войско состояло всегда изъ конницы, однакожъ мы имѣли и пѣхоту: становились въ ряды сомкнутые; отдѣляли часть войска впередъ, чтобы открыть или удерживать непріятеля, а другую скрывали въ засадѣ; одни полки начинали битву, другіе ждали времени и случая ударить на врага; въ срединѣ находились обыкновенно такъ называемыя большія или княжескія знамена подъ защитою дворянъ. Мы умѣли пользоваться мѣстомъ; располагались станомъ за оврагами и дебрями. Полководцы наши изъявляли иногда смѣлую рѣшительность великаго ума воинскаго, какъ герой Донскій, быстрымъ движеніемъ предупредивъ соединеніе Мамая съ Ягайломъ. Куликовская битва достопамятна не только храбростію, но и самымъ искусствомъ. Александръ Невскій также показалъ оное въ сраженіи со шведами и съ ливонскими меченосцами. Лѣтописцы отмѣнно славятъ ратный умъ Димитрія Волынскаго, побѣдителя болгаровъ, Олегова и Мамаева, чѣмъ въ государствованіе Темнаго отличались князь Василій Оболенскій и московскій дворянинъ Ѳеодоръ Басенокъ. — Однакожъ россіяне XIV и XV вѣка вообще не могли равняться съ предками своими въ опытности воинской, когда частыя битвы съ непріятелями внѣшними и междоусобныя не давали засыхать крови на ихъ мечахъ, и когда они, такъ сказать, жили на полѣ сраженія. Кровь лилася и во время ига ханскаго, но рѣдко въ битвахъ; видимъ много убійствъ, но гораздо менѣе ратныхъ подвиговъ.

Замѣтимъ, что лѣтописи временъ Василія Темнаго въ 1444 году упоминаютъ о казакахъ рязанскихъ, особенномъ легкомъ войскѣ, славномъ въ новѣйшія времена. Итакъ, казаки были не въ одной Украйнѣ, гдѣ имя ихъ сдѣлалось извѣстно по исторіи около 1517 года; но, вѣроятно, что оно въ Россіи древнѣе Батыева нашествія и принадлежало торкамъ и берендѣямъ, которые обитали на берегахъ Днѣпра, ниже Кіева. Тамъ находимъ и первое жилище малороссійскихъ казаковъ. Торки и берендѣи назывались черкасами, казаки также. Вспомнимъ касоговъ, обитавшихъ, по нашимъ лѣтописямъ, между Каспійскимъ и Чернымъ моремъ; вспомнимъ и страну Казахію, полагаемую императоромъ Константиномъ Багрянороднымъ въ сихъ же мѣстахъ; прибавимъ, что осетинцы и нынѣ именуютъ черкесовъ касахами; столько обстоятельствъ вмѣстѣ заставляютъ думать, что торки и берендѣи, называясь черкасами, назывались и казаками; что нѣкоторые изъ нихъ, не хотѣвъ покориться ни моголамъ, ни Литвѣ, жили какъ вольные люди на островахъ Днѣпра, огражденныхъ скалами, непроходимымъ тростникомъ и болотами; приманили къ себѣ многихъ россіянъ, бѣжавшихъ отъ угнетенія; смѣшались съ ними, и подъ именемъ казаковъ составили одинъ народъ, который сдѣлался совершенно русскимъ, тѣмъ легче, что предки ихъ, съ десятаго

вѣка обитавъ въ области Кіевской, уже сами были почти русскими. Болѣе и болѣе размножаясь числомъ, питая духъ независимости и братства, казаки образовали воинскую христіанскую республику въ южныхъ странахъ Днѣпра, начали строить селенія, крѣпости въ сихъ опустошенныхъ татарами мѣстахъ; казаки взялись быть защитниками литовскихъ владѣній со стороны крымцевъ, турковъ и снискали особое покровительство Сигизмунда I, давшаго имъ многія гражданскія вольности вмѣстѣ съ землями выше Днѣпровскихъ пороговъ, гдѣ городъ Черкасы названъ ихъ именемъ. Они раздѣлились на сотни и полки, коихъ глава, или гетманъ, въ знакъ уваженія, получилъ отъ государя польскаго, Стефана Батори, знамя королевское, бунчукъ, булаву и печать. Сіи-то природные воины, усердные къ свободѣ и къ вѣрѣ греческой, долженствовали въ половинѣ XVII вѣка избавить Малороссію отъ власти иноплеменниковъ и возвратить нашему отечеству древнее достояніе онаго.—Собственно такъ называемые казаки запорожскіе были частію малороссійскихъ; сѣча ихъ, или земляная крѣпость ниже Днѣпровскихъ пороговъ, служила сперва сборнымъ мѣстомъ, а послѣ сдѣлалась жилищемъ холостыхъ казаковъ, не имѣвшихъ никакого промысла, кромѣ войны и грабежа. Вѣроятно, что примѣръ украинскихъ козаковъ, всегда вооруженныхъ и готовыхъ встрѣтить непріятеля, далъ мысль и сѣвернымъ городамъ нашимъ составить подобное земское войско. Область Рязанская, наиболѣе подверженная нападенію ординскихъ хищниковъ, имѣла и болѣе нужды въ такихъ защитникахъ. Люди молодые, бездомовные, записывались въ казаки, побуждаемые къ тому или нѣкоторыми особенными гражданскими выгодами — можетъ быть, освобожденіемъ отъ всякихъ податей—или прелестію добычи воинской. Въ исторіи слѣдующихъ временъ увидимъ казаковъ ординскихъ, азовскихъ, ногайскихъ и другихъ: сіе имя означало тогда вольницу наѣздниковъ, удальцовъ, но не разбойниковъ, какъ нѣкоторые утверждаютъ, ссылаясь на лексиконъ турецкій: оно безъ сомнѣнія, не бранное, когда витязи мужественные, умирая за вольность, отечество и вѣру, добровольно такъ назвалися.

Россія, несмотря на всѣ бѣдствія, нанесенныя ей моголами, въ XIV вѣкѣ имѣла знатное купечество. Древній славный путь греческій для насъ закрылся: открылись новые пути торговли съ Востокомъ чрезъ Орду, съ Константинополемъ и съ Западомъ чрезъ Азовъ посредствомъ рѣки Дона. Купцы, торгующіе шелковыми тканями, назывались въ Москвѣ сурожанами, по имени Сурожскаго или Азовскаго моря: ибо онѣ привозились къ намъ изъ Азова. Сіи купцы были главными, вмѣстѣ съ суконниками, которые продавали нѣмецкія сукна, получая оныя изъ Новагорода, гдѣ цвѣла торговля ганзейская. За сіи иностранныя произведенія

мы платили мѣхами. Россія была тогда привольемъ звѣрей, птицъ и ловцовъ. Еще непроходимые дремучіе лѣса осѣняли большую часть земли: тишина, царствуя въ глубокомъ уединеніи пустынь, благопріятствовала размноженію всякаго рода животныхъ. Какъ въ XI столѣтіи дикіе кони, буйволы, вепри, олени стадами гуляли въ лѣсахъ южной Россіи, такъ въ сѣверной около пятагона-десять вѣка бобры, козы, лоси витали на свободѣ; лебеди стаями плавали на рѣкахъ и озерахъ. Россія, скудная людьми—отъ недавности своего населенія, отъ меча, отъ плѣненія, отъ частыхъ голодовъ и язвы—тѣмъ болѣе изобиловала дикими сокровищами природы, коихъ источники всегда изсякаютъ отъ возрастающаго многолюдства. Ординскіе купцы живали въ Москвѣ, въ Твери, въ Ростовѣ; они доставляли намъ товары ремесленной Азіи и лошадей, а брали въ обмѣнъ (сверхъ драгоцѣнныхъ мѣховъ, нашихъ собственныхъ и пермскихъ) множество ловчихъ птицъ, соколовъ, кречетовъ, привозимыхъ въ великое княженіе изъ Двинской земли. Вѣроятно, что россіяне передавали моголамъ и нѣмецкія сукна такъ же, какъ нѣмцамъ плоды азіатскаго ремесла. Казань заступила мѣсто древняго царства Болгарскаго: купцы московскіе и другіе торговали въ ней съ Востокомъ.—Ханы для своихъ выгодъ покровительствовали у насъ торговлю, чтобы мы, обогощаясь ею, тѣмъ исправнѣе платили ординскую дань. Славный венеціанскій путешественникъ, Марко Пауло, бывъ около 1270 года въ Великой Татаріи, въ Персіи и на берегахъ Каспійскаго моря, говоритъ о хладной Россіи, сказывая, что ея жители бѣлы, вообще хороши лицомъ и что она богата собственными серебряными рудниками; мы не имѣли ихъ, но, дѣйствительно, могли хвалиться знатнымъ количествомъ серебра, получаемаго нами отъ нѣмецкихъ купцовъ и черезъ Югру изъ Сибири. Новгородцы обѣщали Михаилу Тверскому 6,000 фунтовъ серебра, а Витовту дѣйствительно заплатили около шестидесяти пудовъ, что прежде открытія Америки было весьма много. Не знаемъ заподлинно, сколько мы давали ханамъ ежегодно; однакожъ извѣстно, что въ 1384 году съ каждой деревни собиралось для нихъ около 12 золотниковъ серебра; а деревня состояла тогда обыкновенно ихъ двухъ или трехъ дворовъ. Города платили иногда и золотомъ. Кромѣ сего, земледѣльцы вносили въ казну великокняжескую по гривнѣ съ сохи; кузнецы, рыбаки, лавочники также по гривнѣ (что составляло болѣе двухъ золотниковъ серебра). Дань ханская отчасти возвращалась къ намъ изъ Орды торговлею. Наконецъ, мы столько имѣли серебра, что могли отмѣнить мордки или куны, древнія наши ассигнаціи, бывшія не менѣе пятисотъ лѣтъ въ обращеніи и весьма полезныя для успѣховъ промышленности за недостаткомъ въ металлахъ. Казна, соблюдая умѣренность въ выпускѣ

сихъ кожаныхъ знаковъ, умѣла держать ихъ въ цѣнѣ до самаго нашествія Батыева; тогда упали куны, ибо моголы не брали ихъ вмѣсто серебра; онѣ ходили еще нѣсколько времени въ Новѣгородѣ и Псковѣ, не имѣвшихъ тѣсной связи съ Ордою; но скоро и тамъ исчезли отъ затрудненія въ торговыхъ счетахъ съ другими россіянами, которые уже не признавали достоинство мордокъ: что прежде называлось кунами, стало называться деньгами—и древняя кожаная гривна, оцѣненная на серебро, обратилась въ десятую часть рубля. Нѣтъ сомнѣнія, что сія перемѣна имѣла вредныя слѣдствія для внутренней торговли, вдругъ уменьшивъ въ Россіи количество денегъ. Города купеческіе имѣли серебро; но другіе, менѣе торговые, долженствовали нуждаться въ знакахъ для оцѣнки вещей; такъ въ землѣ Двинской, по уничтоженіи кожаныхъ лоскутковъ, называемыхъ кунами и векшами, опять ходили дѣйствительныя шкуры куницъ и бѣлокъ вмѣсто денегъ, какъ было у насъ въ самую глубокую древность, то-есть возобновилась непосредственная мѣна вещей, обыкновенная въ состояніи полудикихъ народовъ.

Касательно нашей внутренней торговли замѣтимъ, что ея свобода и выгоды обыкновенно входили въ условія государственныхъ постановленій. Владѣтельные князья, опредѣляя легкія законныя пошлины съ купеческихъ возовъ и лодокъ, прибавляли въ договорныхъ грамотахъ: „а купцамъ торговать безъ рубежа или безъ зацѣпокъ". Кромѣ перевоза иностранныхъ вещей изъ мѣста въ мѣсто, жители нѣкоторыхъ областей промышляли своими особенными произведеніями: новогородскіе хмелемъ и льномъ, новоторжскіе кожами, галичане и двиняне солью. Соль галицкая уже славилась при Донскомъ. Псковитяне, въ 1364 году, также завели было соляныя варницы, но скоро оставили. Хлѣбъ и рыба составляли знатнѣйшій изъ торговъ внутреннихъ. Частые неурожаи, бѣдственные для народа, обогащали купцовъ прозорливыхъ.

Хотя моголы какъ бы заградили насъ отъ Европы; хотя уже вѣнценосцы ея не вступали съ нашими въ брачные союзы и, кромѣ Иннокентіева посольства къ Александру Невскому, кромѣ Исидорова путешествія въ Италію, не было у насъ никакихъ государственныхъ сношеній съ Западомъ; хотя, вообще, иностранныя лѣтописи сего времени почти не упоминаютъ о Россіи; однакожъ, черезъ торговыя связи Новагорода съ Германіею, москвитяне довольно скоро узнавали важнѣйшія европейскія открытія, какъ-то изобрѣтеніе бумаги и пороха. Въ XV вѣкѣ мы уже перестали употреблять хартію или пергаментъ, замѣнивъ его гораздо дешевѣйшею тряпичною бумагою, покупаемою у нѣмцевъ, которые доставляли намъ и снарядъ огнестрѣльный.

Москва и Галичъ оборонялись пушками; но въ описаніи полевыхъ битвъ говорится только о стрѣлахъ, мечахъ и копьяхъ; кажется, что пушки и пищали употреблялись единственно для защиты городовъ. Къ художествамъ русскимъ прибавилось одно новое: монетное, по крайней мѣрѣ со временъ Ярослава или съ XII вѣка мы, кажется, не имѣли онаго. Монетчики назывались денежниками.—Памятниками тогдашняго зодчества остались нѣкоторыя довольно красивыя церкви, въ Москвѣ и въ другихъ мѣстахъ. По лѣтописямъ извѣстно, что св. Ольга жила въ каменномъ дворцѣ; въ Москвѣ же, кромѣ церквей и городскихъ стѣнъ, не было ни одного каменнаго зданія до XV вѣка: ибо князья и вельможи предпочитали деревянные дома, какъ благопріятнѣйшіе для здоровья. Сверхъ того, частые мятежи и государственныя неустройства отвращали самыхъ богатыхъ людей отъ мысли строить долговременно и прочно; гдѣ нѣтъ твердаго порядка гражданскаго, тамъ рѣдко бываютъ и твердыя зданія. Новогородскій архіепископъ Евфимій, въ 1433 году, поставилъ у себя на дворѣ каменную съ тридцатью дверями палату, украшенную живописью и боевыми часами, а митрополитъ Іона такую же въ 1449 году, съ домовымъ храмомъ Положенія ризъ; первую строили нѣмецкіе архитекторы. — Среди нынѣшней Москвы находилось еще не мало рощъ и луговъ. Князья, бояре имѣли свои мельницы, разные сады и домы загородные. Роскошь состояла во множествѣ слугъ, въ богатой одеждѣ, въ высокомъ домѣ, въ глубокихъ погребахъ, наполненныхъ бочками крѣпкаго меда; а всего болѣе въ созиданіи храмовъ и въ драгоцѣнныхъ окладахъ иконъ. Упомянувъ о слугахъ, замѣтимъ, что великіе князья, умирая, обыкновенно давали своимъ холопьямъ волю: такъ поступали и другіе знатные люди.

Нѣтъ сомнѣнія, что древній Кіевъ, украшенный памятниками византійскихъ художествъ, оживляемый стеченіемъ купцовъ иностранныхъ, грековъ, нѣмцевъ, итальянцевъ, превосходилъ Москву пятаго-на-десять вѣка во многихъ отношеніяхъ. Мы загрубѣли, однакожъ не столько, чтобы умъ лишился всей животворной силы своей и не оказывалъ ни въ чемъ успѣховъ. Греція до самаго ея паденія не переставала дѣйствовать на Россію: брала отъ насъ серебро, но давала намъ вмѣстѣ съ мощами и книги. Основаніемъ московской патріаршей библіотеки, извѣстной въ ученой Европѣ, была митрополитская, заведенная во время господства ханскаго надъ Россіею и богатая не только церковными рукописями, но и древнѣйшими твореніями греческой словесности. Знаніе эллинскаго языка составляло ученость, почти необходимую для знатнѣйшаго духовенства, которое находилось въ непрестанныхъ сношеніяхъ съ Царемъ-градомъ. Такимъ обра-

зомъ церковная наша зависимость, вредная въ смыслѣ политики, благопріятствовала у насъ просвѣщенію; то-есть не давала ему совершенно угаснуть, по крайней мѣрѣ въ духовенствѣ. Любопытные міряне искали свѣдѣній въ монастыряхъ: вопрошали иноковъ о предметахъ христіанства и нравственности, о самыхъ государственныхъ дѣяніяхъ временъ минувшихъ, ибо тамъ жила исторія, какъ и прежде; тамъ, усерднымъ перомъ чорноризцевъ, она изображала плачевную судьбу отечества, мѣшая повѣствованіе съ наставленіями. Волынскій лѣтописецъ приводитъ мѣста изъ Гомера; московскій упоминаетъ о Пиѳагорѣ и Платонѣ. Кромѣ церковныхъ или душеспасительныхъ книгъ, мы имѣли отъ грековъ всемірныя лѣтописи и разныя историческія, нравственныя, баснословныя повѣсти; напримѣръ: о храбрости Александра Македонскаго, переводъ Арріана; о Синагрипѣ, царѣ Адоровъ; о витязяхъ древности и богатствахъ Индіи, и проч. Вторая изъ сихъ повѣстей есть арабская (изданная на французскомъ языкѣ въ продолженіе Тысячи одной ночи); вѣроятно, что она въ XIII или въ XIV вѣкѣ была переведена на русскій съ греческаго. Между тогдашними произведеніями собственной нашей словесности достопамятны піитическое изображеніе Куликовской битвы и похвала Димитрію Донскому. Первое, сочиненное рязанскимъ іереемъ Софроніемъ, многими чертами напоминаетъ Слово о полку Игоревѣ, хотя и менѣе стихотворно. Напримѣръ: „Князь Владимиръ такъ говоритъ Димитрію: — Воеводы наши крѣпки, витязи русскіе славны, кони ихъ борзы, доспѣхи тверды, щиты червленные, копья злаченыя, сабли булатныя, курды ляцкія, колчаны фряжскіе, сулицы нѣмецкія; всѣ пути знакомы имъ, берега Оки свѣдомы. Хотятъ витязи положить свои головы за вѣру христіанскую и за обиду великаго князя Димитрія“... Великая княгиня Евдокія съ женами воеводскими сидитъ печально въ златоверхомъ теремѣ, подъ окнами южными, смотритъ вслѣдъ супругу милому, льетъ слезы ручьями и, приложивъ руки къ персямъ, такъ вѣщаетъ: „Боже великій!—умоляю Тебя смиренно:—сподоби меня еще видѣть моего друга, славнаго между людьми, князя Димитрія! Помоги ему на враговъ рукою крѣпкою! Да не падутъ христіане отъ Мамая невѣрнаго, какъ пали нѣкогда отъ злого Батыя! Да спасется остатокъ ихъ и да славитъ имя Твое святое! Уныла земля Русская: только на Тебя уповаемъ, Око Всевидящее! Имѣю двухъ младенцевъ беззащитныхъ, кому закрыть ихъ отъ вѣтра бурнаго, отъ зноя палящаго? Возврати имъ отца, да царствуютъ во вѣки!“

„Славный волынецъ, мужъ, исполненный ратной мудрости, наканунѣ битвы, въ глубокую ночь, зоветъ великаго князя въ чистое поле, да узнаетъ тамъ судьбу отечества. Впереди станъ

Мамаевъ, за ними россійскій. Внимай,—сказалъ волынецъ... и Димитрій, обращаясь къ Мамаеву стану, слышитъ стукъ и кличъ, подобный шуму многолюднаго торжища или созидаемаго града, или звуку трубъ безчисленныхъ. Далѣе грозно воютъ звѣри и кричатъ вороны; гуси и лебеди плещутъ крылами по рѣкѣ Непрядвѣ и предвѣщаютъ грозу необычайную. Обратися къ стану русскому!—говоритъ волынецъ,—что слышишь?..—Все тихо,—отвѣтствуетъ Димитрій: вижу только сліяніе огней небесныхъ съ блестящими зарями... Волынецъ сходитъ съ коня, ухомъ приникаетъ къ землѣ, слушаетъ долго, встаетъ и безмолвствуетъ. Великій князь требуетъ отповѣди. Добро и зло ожидаетъ насъ, говоритъ ему сей мудрый витязь: плачутъ обѣ страны, единая какъ вдовица, другая какъ дѣва жалобнымъ гласомъ свирѣли. Ты побѣдишь, Димитрій, но много, много падетъ нашихъ! Димитрій пролилъ слезы...

„Сходятся рати подъ густою мглою. Знамена христіанскія воспрянулись; кони подъ всадниками присмирѣли; звучатъ трубы наши громко, татарскіе глухо. Стонетъ земля на Востокъ до моря, на Западъ до рѣки Дуная. Поле отъ тягости перегибается; воды изъ береговъ выступаютъ... Часъ насталъ. Каждый воинъ, ударивъ по коню, воскликнулъ: Господи! помози христіанамъ! и быстро впередъ устремился. Сразились, не только оружіемъ, но и сами о себя избивая другъ друга; умирали подъ ногами конскими, задыхались отъ тѣсноты на полѣ Куликовѣ. Зори кровавыя блистаютъ отъ сіянія мечей; лѣсъ копій трещитъ и ломается. Удалые витязи наши, какъ величественная дубрава, склонялись на землю. О чудо! разверзлось небо надъ полками Димитрія, видимъ свѣтлое облако, исполненное рукъ человѣческихъ, которыя держатъ лучезарные вѣнцы для побѣдителей... И се воины князя Владиміра рвутся изъ засады на Мамая, какъ соколы на стадо гусиное, какъ гости на пиръ брачный; ударили, и врагъ бѣжитъ, восклицая: увы тебѣ, Мамай! вознесся до небесъ, и въ адъ нисходишь!“ и проч.

Въ похвальномъ словѣ Димитрію есть сила и нѣжность. Описывая добродѣтели сего великаго князя, сочинитель говоритъ: „Нѣкоторые люди заслуживаютъ похвалу въ юношествѣ, другіе въ лѣта среднія, или въ старости; Димитрій всю жизнь совершилъ во благѣ. Принявъ власть отъ Бога, онъ съ Богомъ возвеличилъ землю Русскую, которая во дни его княженія воскипѣла славою; былъ для отечества стѣною и твердію, а для враговъ огнемъ и мечомъ; кроткоповелителенъ съ князьями, тихъ, увѣтливъ съ боярами; имѣлъ умъ высокій, сердце смиренное, взоръ красный, душу чистую, мало говорилъ, разумѣлъ много; когда же говорилъ, тогда философамъ заграждалъ уста; благо-

творя всѣмъ, могъ назваться окомъ слѣпыхъ, ногою хромыхъ, трубою спящихъ въ опасности... Когда же великій царь земли Русскія, Димитрій, заснулъ сномъ вѣчнымъ, тогда аэръ возмутился, земля потряслася, люди ужаснулись. О, день скорби и туги, день мрака и бѣдствія, вопля и захлипанія! Народъ вѣщалъ: о горе намъ, братіе! Князь князей преставился; звѣзда, сіяющая міру, склонилась къ западу!" О супружеской взаимной любви Димитрія и великой княгини Евдокіи сказано такъ: „Оба жили единою душою въ двухъ тѣлахъ, оба жили единою добродѣтелью, какъ златоперистый голубь и сладкоглаголивая ластовица, съ умиленіемъ смотрясь въ чистое зерцало совѣсти... Видя же его мертваго на одрѣ, княгиня горько восплакала, проливая слезы огненныя; гласъ ея какъ утреннее щептаніе ластовицы, какъ органы сладкозвучные. Такъ вѣщаетъ горестная: Зашелъ свѣтъ очей моихъ, погибло сокровище моей жизни! Гдѣ ты, безцѣнный? Почто не отвѣтствуешь супругѣ... Цвѣтъ прекрасный, для чего увядаешь столь рано? виноградъ многоплодный! уже ты не дашь плода моему сердцу, ни сладости душѣ моей!.. Воззри, воззри на меня; обратися ко мнѣ на одрѣ своемъ: промолви слово! Неужели забылъ меня? Се жена и дѣти твои!.. Кому супругу приказываешь? на кого сиротъ оставляешь?.. Царь мой милый! какъ обниму тебя? какъ послужу тебѣ?.. Гдѣ честь твоя и слава? Былъ государемъ всей земли Русской, нынѣ мертвъ и ничѣмъ не владѣешь! Побѣдитель народовъ побѣжденъ смертію! Измѣнилась твоя слава вмѣстѣ съ лицомъ твоимъ!.. О, жизнь души моей! не знаю, какъ ласкать, какъ миловать тебя!.. Багряницу многоцѣнную промѣнялъ ты на сіи ризы бѣдныя! Не моего наряда одежду на себя возлагаешь!.. Отвергнувъ княжескій вѣнецъ, худымъ платомъ главу покрываешь! Изъ палаты красной въ сей гробъ переселяешься!.. Ахъ! если бы Господь услышалъ молитву мою!.. Молися и ты за свою княгиню, да умру съ тобою, бывъ неразлучна съ тобою въ жизни!.. Еще юность насъ не оставила; еще старость насъ не постигла! Ахъ! недолго я радовалась моимъ другомъ! За веселіе пришли слезы, за утѣхи—скорбь несносная!.. Почто я родилася? или почто не умерла прежде тебя? Тогда я не видѣла бы твоей кончины, а своей погибели!.. Не слышишь жалкихъ рѣчей моихъ, не умиляешься моими слезами горькими! Крѣпко уснулъ, царь мой; не могу разбудить тебя. Съ какой войны пришелъ ты, любезный? Отчего столь утомился? Звѣри земные идутъ на ложе свое, а птицы небесныя летятъ ко гнѣздамъ; ты же, любезный, отходишь навѣки отъ своего дому!.. Кому уподоблю, какъ назову себя? Вдовою ли, ахъ! не знаю сего имени! Женою ли? но царь оставилъ меня!.. Вдовы старыя! утѣшайте меня! Вдовы юныя! плачьте со мною! Горесть вдовья жалостнѣе

всѣхъ горестей... Боже Великій! Царь Царей! Ты единъ буди мнѣ истиннымъ утѣшителемъ!" Сіи приведенныя нами мѣста суть, кажется, лучшіе памятники тогдашняго краснорѣчія. Люди всегда находили сильныя черты для описанія воинскихъ ужасовъ и горестей любви: воображеніе и сердце дѣйствуютъ и въ то время, когда умъ дремлетъ.

Сверхъ церковнаго наставленія и мудрыхъ изреченій Св. Писанія, которыя врѣзывались въ память людей, Россія имѣла особенную систему нравоученія въ своихъ народныхъ пословицахъ. Многія изъ оныхъ несомнительно относятся къ сему времени, напримѣръ: гдѣ царь, тамъ и Орда; или: такали, такали новогородцы, да и протакали. Нынѣ умники пишутъ: въ старину только говорили; опыты, наблюденія, достопамятныя мысли въ вѣкъ малограмотный сообщались изустно. Нынѣ живутъ мертвые въ книгахъ, тогда жили въ пословицахъ. Все хорошо придуманное, сильно сказанное передавалось изъ рода въ родъ. Мы легко забываемъ читанное, зная, что въ случаѣ нужды можемъ опять развернуть книгу, но предки наши помнили слышанное, ибо забвеніемъ могли навсегда утратить счастливую мысль или свѣдѣніе любопытное. Добрый купецъ, бояринъ, рѣдко грамотный, любилъ внучатамъ своимъ твердить умное слово дѣда его, которое обращалось въ семейную пословицу. Такъ разумъ человѣческій въ самомъ величайшемъ стѣсненіи находитъ какой-нибудь способъ дѣйствовать, подобно какъ рѣка, запертая скалою, ищетъ тока хотя подъ землею, или сквозь камни сочится мелкими ручейками.—Вѣроятно, что и нѣкоторыя народныя пѣсни русскія, въ особенности историческія, о благословенныхъ временахъ Владимира Святого, были сочинены въ вѣки нашего рабства государственнаго, когда воображеніе, унывая подъ игомъ невѣрныхъ, любило ободряться воспоминаніемъ прошедшей славы отечества. Русскій поетъ въ веселіи и въ печали.—Вообще языкъ нашъ отъ XIII до XV вѣка пріобрѣлъ болѣе чистоты и правильности. Оставляя употребленіе собственнаго русскаго, необразованнаго нарѣчія, писатели тщательнѣе держались грамматики церковныхъ книгъ или древняго сербскаго языка, коего памятникъ есть наша библія и коему слѣдовали они не только въ склоненіяхъ и въ спряженіяхъ, но и въ выговорѣ или въ изображеніи словъ; однакожъ, подобно лѣтописцу Нестору, сшибались иногда и на употребленіе, отчего въ слогѣ нашемъ закоренѣла пестрота, освященная древностію, такъ что мы и нынѣ въ одной книгѣ, на одной страницѣ пишемъ злато и золото, гладъ и голодъ, младость и молодость, пію и пью. Еще не время было для россіянъ дать языку ту силу, гибкость, пріятность, тонкость, которыя соединяются съ выспренными успѣхами разума, въ мирномъ благо-

действія гражданскихъ обществъ, съ богатствомъ мыслей и знаній, съ образованіемъ вкуса или чувства изящности; по крайней мѣрѣ видимъ, что предки наши трудились надъ яснѣйшимъ выраженіемъ своихъ мыслей, смягчали грубые звуки словъ, наблюдали въ ихъ теченіи какую-то плавность. Наконецъ, не ослѣпляясь народнымъ самолюбіемъ, скажемъ, что россіяне сихъ вѣковъ въ сравненіи съ другими европейцами могли по справедливости казаться невѣждами; однакожъ не утратили всѣхъ признаковъ гражданскаго образованія и доказали, сколь оно живуще подъ самыми сильными ударами варварства!

Человѣкъ, преодолѣвъ жестокую болѣзнь, увѣряется въ дѣятельности своихъ жизненныхъ силъ и тѣмъ болѣе надѣется на долголѣтіе: Россія, угнетенная, подавленная всякими бѣдствіями, уцѣлѣла и возстала въ новомъ величіи, такъ что исторія едва ли представляетъ намъ два примѣра въ семъ родѣ. Вѣря Провидѣнію, можемъ ласкать себя мыслію, что Оно назначило Россіи быть долговѣчною.

КОНЕЦЪ V ТОМА.

Изданіе А. А. ПЕТРОВИЧА.

ИСТОРІЯ ГОСУДАРСТВА РОССІЙСКАГО.

сочиненіе

Н. М. Карамзина.

ТОМЪ VI.





МОСКВА.
Типо-литогр. Товарищества И. Н. Кушнеревъ и К°.
Пименовская ул., соб. домъ.
1903.

Дозволено цензурою. Москва, 5 мая 1903 года.

ГЛАВА I.

Государь державный великій князь Іоаннъ III Васильевичъ.

Г. 1462—1472.

Вступленіе.—Князь Рязанскій отпущенъ въ свою столицу.—Договоръ съ князьями Тверскимъ и Верейскимъ.—Дѣла псковскія.—Ахматъ возстаетъ на Россію.—Всеобщая мысль о скоромъ преставленіи свѣта.—Кончина супруги Іоанновой.—Избраніе новаго митрополита.—Походы на Казань.—Война съ Новымгородомъ.—Явленіе кометъ.—Завоеваніе Перми.—Нашествіе Ахмата на Россію.—Смерть Юрія, Іоаннова брата.

Отселѣ исторія наша пріемлетъ достоинство истинно государственной, описывая уже не безсмысленныя драки княжескія, но дѣянія царства, пріобрѣтающаго независимость и величіе. Разновластіе исчезаетъ вмѣстѣ съ нашимъ подданствомъ; образуется держава сильная, какъ бы новая для Европы и Азіи, которыя, видя оную съ удивленіемъ, предлагаютъ ей знаменитое мѣсто въ ихъ системѣ политической. Уже союзы и войны наши имѣютъ важную цѣль: каждое особенное предпріятіе есть слѣдствіе главной мысли, устремленной ко благу отечества. Народъ еще коснѣетъ въ невѣжествѣ, въ грубости; но правительство уже дѣйствуетъ по законамъ ума просвѣщеннаго. Устрояются лучшія воинства, призываются искусства, нужнѣйшія для успѣховъ ратныхъ и гражданскихъ; посольства великокняжескія спѣшатъ ко всѣмъ дворамъ знаменитымъ; посольства иноземныя одно за другимъ являются въ нашей столицѣ; императоръ, папа, короли, республики, цари азіатскіе привѣтствуютъ монарха россійскаго, славнаго побѣдами и завоеваніями, отъ предѣловъ Литвы и Новгорода до Сибири. Издыхающая Греція отказываетъ намъ остатки своего древняго величія; Италія даетъ первые плоды рождающихся въ ней художествъ. Москва украшается великолѣпными зданіями. Земля открываетъ свои нѣдры, и мы собственными руками извлекаемъ изъ оныхъ металлы драгоцѣнные. Вотъ содер-

жаніе блестящей исторіи Іоанна III, который имѣлъ рѣдкое счастіе властвовать сорокъ три года, и былъ достоинъ онаго, властвуя для величія и славы россіянъ.

Іоаннъ на двѣнадцатомъ году жизни сочетался бракомъ съ Маріею, тверскою княжною; на осьмнадцатомъ уже имѣлъ сына, именемъ также Іоанна, прозваніемъ Младого, а на двадцать второмъ сдѣлался государемъ. Но въ лѣта пылкаго юношества онъ изъявлялъ осторожность, свойственную умамъ зрѣлымъ, опытнымъ, а ему природную: ни въ началѣ, ни послѣ не любилъ дѣтской отважности; ждалъ случая, избиралъ время; не быстро устремлялся къ цѣли, но двигался къ ней размѣренными шагами, опасаясь равно и легкомысленной горячности и несправедливости, уважая общее мнѣніе и правила вѣка. Назначенный судьбою возстановить единодержавіе въ Россіи, онъ не вдругъ предпріялъ сіе великое дѣло и не считалъ всѣхъ средствъ дозволенными. Московскіе намѣстники управляли Рязанью; малолѣтній князь ея, Василій, воспитывался въ нашей столицѣ; Іоаннъ однимъ словомъ могъ бы присоединить его землю къ великому княженію, но не хотѣлъ того и послалъ шестнадцатилѣтняго Василія господствовать въ Рязани, выдавъ за него меньшую сестру свою Анну. Призналъ также независимость Твери, заключивъ договоръ съ шуриномъ Михайломъ Борисовичемъ, какъ съ братомъ и равнымъ ему великимъ княземъ; не требовалъ для себя никакого старѣйшинства; далъ слово не вступаться въ Домъ Святого Спаса, не принимать ни Твери, ни Кашина отъ хана; утвердилъ границы ихъ владѣній, какъ онѣ были при Михаилѣ Ярославичѣ. Зять и шуринъ условились дѣйствовать за-одно противъ татаръ, Литвы, Польши и нѣмцевъ: второй обязывался не имѣть никакого сношенія съ врагами перваго, съ сыновьями Шемяки, Василія Ярославича Боровскаго и съ Можайскимъ; а великій князь обѣщалъ не покравительствовать враговъ Тверского. Михаилъ Андреевичъ Верейскій, по договорамъ грамотъ, уступилъ Іоанну нѣкоторыя мѣста изъ своего удѣла и призналъ себя младшимъ въ отношеніи къ самымъ меньшимъ его братьямъ; впрочемъ удержалъ всѣ старинныя права князя владѣтельнаго.

Псковитяне оскорбили Іоанна. Василій Темный незадолго до кончины своей далъ имъ въ намѣстники, безъ ихъ воли, князя Владиміра Андреевича; они приняли его, но не любили и скоро выгнали, даже обругали и столкнули съ крыльца на вѣчѣ. Владиміръ поѣхалъ жаловаться въ Москву, куда вслѣдъ за нимъ прибыли и бояре псковскіе. Три дня великій князь не хотѣлъ ихъ видѣть; на четвертый выслушалъ извиненія, простилъ и милостиво дозволилъ имъ выбрать себѣ князя. Псковитяне избрали князя Звенигородскаго, Ивана Александровича; Іоаннъ утвердилъ

его въ семъ достоинствѣ и сдѣлалъ еще болѣе: прислалъ къ нимъ войско, чтобы наказать нѣмцевъ за нарушеніе мира: ибо жители Дерпта посадили тогда нашихъ купцовъ въ темницу. Сія война, какъ обыкновенно, не имѣла важныхъ слѣдствій. Нѣмцы съ великимъ стыдомъ бѣжали отъ передового отряда россійскаго, а псковитяне, имѣя у себя нѣсколько пушекъ, осадили Нейгаузенъ, и посредствомъ магистра ливонскаго скоро заключили перемиріе на девять лѣтъ, съ условіемъ, чтобы епископъ дерптскій, по древнимъ грамотамъ, заплатилъ какую-то дань великому князю, не утѣсняя въ семъ городѣ ни жителей Русской слободы, ни церквей нашихъ. Воевода Іоанновъ, князь Ѳедоръ Юрьевичъ, возвратился въ Москву, осыпанный благодарностью псковитянъ и дарами, которые состояли въ тридцати рубляхъ для него и въ пятидесяти для всѣхъ бывшихъ съ нимъ бояръ ратныхъ.

Новгородцы не взяли участія въ сей войнѣ и даже явно доброжелательствовали Ордену; въ досаду имъ, псковитяне отложились отъ ихъ архіепископа, хотѣли имѣть своего собственнаго святителя и просили о томъ великаго князя. Еще Новгородъ находился въ дружелюбныхъ сношеніяхъ съ Москвою и слушался ея государя; благоразумный Іоаннъ отвѣтствовалъ псковитянамъ: „Въ дѣлѣ столь важномъ я долженъ узнать мнѣніе митрополита и всѣхъ русскихъ епископовъ. Вы и старшіе братья ваши, новгородцы, моя отчина, жалуетесь другъ на друга; они требовали отъ меня воеводы, чтобы смирить васъ оружіемъ, я не велѣлъ имъ мыслить о семъ междоусобіи, ни задерживать вашихъ пословъ на пути ко мнѣ; хочу тишины и мира; буду праведнымъ судіею между вами“. Сказавъ, совершилъ дѣла миротворца. Псковитяне возвратили церковныя земли архіепископу Іонѣ и взаимными клятвами подтвердили древній союзъ братскій съ новгородцами. Чрезъ нѣсколько лѣтъ духовенство псковское, будучи весьма недовольно правленіемъ Іоны, обвиняемаго въ безпечности и корыстолюбіи, хотѣло безъ его вѣдѣнія рѣшить всѣ церковныя дѣла по Номоканону и, съ согласія гражданскихъ чиновниковъ, написало судную для себя грамоту; но великій князь вторично вступился за древнія права архіепископа: грамоту уничтожили, и все осталось какъ было.

Три года Іоаннъ властвовалъ мирно и спокойно, не сложивъ съ себя имени данника ординскаго, но уже не требуя милостивыхъ ярлыковъ отъ хана на достоинство великокняжеское и, какъ вѣроятно, не платя дани, такъ что царь Ахматъ, повелитель волжскихъ улусовъ, рѣшился прибѣгнуть къ оружію, соединилъ всѣ силы и хотѣлъ идти къ Москвѣ. По счастіе, благопріятствуя Іоанну, воздвигло Орду на Орду; ханъ крымскій, Ази-Гирей, встрѣтилъ Ахмата на берегахъ Дона; началася кровопролитная война

между ими, и Россія осталась въ тишинѣ, готовясь къ важнымъ подвигамъ.

Кромѣ внѣшнихъ опасностей и непріятелей, юный Іоаннъ долженъ былъ внутри государства преодолѣть общее уныніе сердецъ, какое-то разслабленіе, дремоту силъ душевныхъ. Истекала седьмая тысяча лѣтъ отъ сотворенія міра по греческимъ хронологамъ: суевѣріе съ концомъ ея ждало и конца міру. Сія несчастная мысль, владычествуя въ умахъ, вселяла въ людей равнодушіе ко славѣ и благу отечества; менѣе стыдились государственнаго ига, менѣе плѣнялись мыслею независимости, думая, что все ненадолго. Но печальное тѣмъ сильнѣе дѣйствовало на сердце и воображеніе. Затменія, мнимыя чудеса ужасали простолюдиновъ болѣе, нежели когда-нибудь. Увѣряли, что Ростовское озеро цѣлыя двѣ недѣли страшно выло всякую ночь и не давало спать окрестнымъ жителямъ. Были и важныя, дѣйствительныя бѣдствія: отъ чрезвычайнаго холода и морозовъ пропадалъ хлѣбъ въ поляхъ; два года съ ряду выпадалъ глубокій снѣгъ въ маѣ мѣсяцѣ. Язва, называемая въ лѣтописяхъ железою, еще искала жертвъ въ Россіи, особенно въ новгородскихъ и псковскихъ владѣніяхъ, гдѣ, если вѣрить исчисленію одного лѣтописца, въ два года умерло 250,652 человѣка, въ одномъ Новгородѣ 48,402, въ монастыряхъ около 8,000. Въ Москвѣ, въ другихъ городахъ, въ селахъ и на дорогахъ также погибло множество людей отъ сей заразы.

Огорчаясь вмѣстѣ съ народомъ, великій князь сверхъ того имѣлъ несчастіе оплакивать преждевременную смерть юной, нѣжной супруги, Маріи. Она скончалась внезапно: Іоаннъ находился тогда въ Коломнѣ; мать его и митрополитъ погребли ее въ кремлевской церкви Вознесенія (гдѣ со временъ Василія Дмитріевича начали хоронить княгинь). Сію неожиданную кончину приписывали дѣйствію яда. единственно потому, что тѣло умершей вдругъ отекло необыкновеннымъ образомъ. Подозрѣвали жену дворянина Алексѣя Полуевктова, Наталью, которая, служа Маріи, однажды посылала ея поясъ къ какой-то ворожеѣ. Доказательства, столь невѣрныя, не убѣдили великаго князя въ истинѣ предполагаемаго злодѣйства; однакожъ Алексѣй Полуевктовъ шесть лѣтъ не смѣлъ показываться ему на глаза.

Къ горестнымъ случаямъ сего времени лѣтописцы причисляютъ и то, что первосвятитель Ѳеодосій, добродѣтельный, ревностный, оставилъ митрополію. Причина достопамятна. Набожность, питаемая мыслію о скоромъ преставленіи свѣта, способствовала неумѣренному размноженію храмовъ и священнослужителей: всякій богатый человѣкъ хотѣлъ имѣть свою церковь. Празднолюбцы шли въ діаконы и въ попы, соблазняя народъ не только грубымъ

невѣжествомъ, но и развратною жизнію. Митрополитъ думалъ пресѣчь зло: еженедѣльно собиралъ ихъ, училъ, вдовыхъ постригалъ въ монахи, распутныхъ лишалъ сана и наказывалъ безъ милосердія. Слѣдствіемъ было, что многія церкви опустѣли безъ священниковъ. Сдѣлался ропотъ на Ѳеодосія, и сей пастырь строгій, но не весьма твердый въ душѣ, съ горести отказался отъ правленія: великій князь призвалъ въ Москву своихъ братьевъ, всѣхъ епископовъ, духовныхъ сановниковъ, которые единодушно избрали суздальскаго святителя Филиппа въ митрополиты; а Ѳеодосій заключился въ Чудовомъ монастырѣ и, взявъ въ келію къ себѣ одного прокаженнаго, ходилъ за нимъ до конца жизни, самъ омывая его струпы. Россіяне жалѣли о пастырѣ столь благочестивомъ и страшились, чтобы небо не казнило ихъ за оскорбленіе святого мужа.

Наконецъ Іоаннъ предпринялъ воинскими дѣйствіями разсѣять свою печаль и возбудить въ россіянахъ духъ бодрости. Царевичъ Касимъ, бывъ вѣрнымъ слугою Василія Темнаго, получилъ отъ него въ удѣлъ на берегу Оки Мещерскій городокъ, названный съ того времени Касимовымъ, жилъ тамъ въ изобиліи и спокойствіи; имѣлъ сношенія съ вельможами казанскими, и тайно приглашенный ими свергнуть ихъ новаго царя, Ибрагима, его пасынка, требовалъ войска отъ Іоанна, который съ удовольствіемъ видѣлъ случай присвоить себѣ власть надъ опасною Казанью, чтобы успокоить наши восточныя границы, подверженныя впаденіямъ ея хищнаго, воинскаго народа. Князь Иванъ Юрьевичъ Патрикѣевъ и Стрига-Оболенскій выступили изъ Москвы съ полками; Касимъ указывалъ имъ путь и думалъ внезапно явиться подъ стѣнами Ибрагимовой столицы; но многочисленная рать казанская, предводимая царемъ, уже стояла на берегу Волги и принудила воеводъ идти назадъ. Въ семъ неудачномъ осеннемъ походѣ россіяне весьма много претерпѣли отъ ненастья и дождей, тонули въ грязи, бросали доспѣхи, уморили своихъ коней и сами, не имѣя хлѣба, ѣли въ постъ мясо (что могло случиться тогда единственно въ ужасной крайности). Однакожъ возвратились всѣ живы и здоровы. Царь не смѣлъ гнаться за ними, а послалъ отрядъ къ Галичу, гдѣ татары не могли сдѣлать важнаго вреда: ибо великій князь успѣлъ взять мѣры, занять воинскими дружинами всѣ города пограничные: Нижній, Муромъ, Кострому, Галичъ.

Немедленно другая рать московская съ княземъ Симеономъ Романовичемъ пошла изъ Галича въ Черемисскую землю (въ нынѣшнюю Вятскую и Казанскую губерніи) сквозь дремучіе лѣса, уже наполненные снѣгомъ, и въ самые жестокіе морозы. Повелѣніе государя и надежда обогатиться добычею дали воинамъ

силу преодолѣть всѣ трудности. Болѣе мѣсяца шли они по лѣснымъ пустынямъ, не видя ни селеній, ни пути передъ собою; не люди, но звѣри жили еще на дикихъ берегахъ Ветлуги, Уржи, Кумы. Вступивъ въ землю Черноморскую, изобильную хлѣбомъ и скотомъ—управляемую собственными князьями, но подвластную царю Казанскому—россіяне истребили все, чего не могли взять въ добычу; рѣзали скотъ и людей; жгли не только селенія, но и бѣдныхъ жителей, избирая любыхъ въ плѣнники. Наше право войны было еще древнее, варварское, всякое злодѣйство въ непріятельской странѣ считалось законнымъ.—Князь Симеонъ доходилъ почти до самой Казани и, безъ битвы проливъ множество крови, возвратился съ именемъ побѣдителя.—Князь Иванъ Стрига-Оболенскій выгналъ казанскихъ разбойниковъ изъ Костромской области. Князь Даніилъ Холмскій побилъ другую шайку ихъ близъ Мурома: только немногіе спаслися бѣгствомъ въ дремучіе лѣса, оставивъ своихъ коней. Муромцы, нижегородцы опустошили берега Волги въ предѣлахъ Ибрагимова царства.

Іоаннъ еще хотѣлъ подвига важнѣйшаго, чтобы загладить первую неудачу и смирить Ибрагима; собралъ всѣхъ князей, бояръ и самъ повелъ войско къ границѣ, оставивъ въ Москвѣ меньшого брата Андрея. По древнему обыкновенію нашихъ князей, онъ взялъ съ собою и десятилѣтняго сына своего, чтобы заблаговременно пріучить его къ ратному дѣлу. Но сей походъ не совершился. Узнавъ о прибытіи литовскаго Казимірова посла, Якова писаря, то-есть секретаря государственнаго, Іоаннъ повелѣлъ ему быть къ себѣ въ Переславль и ѣхать назадъ къ королю съ отвѣтомъ; а самъ, неизвѣстно для чего, возвратился въ Москву, пославъ изъ Владиміра только малый отрядъ на Кичменгу, гдѣ казанскіе татары жгли и грабили села. Оставивъ намѣреніе лично предводительствовать ратію, Іоаннъ далъ повелѣніе воеводамъ идти къ берегамъ Камы изъ Москвы, Галича, Вологды, Устюга и Кичменги съ дѣтьми боярскими и казаками. Главными начальниками были Руно Московскій и князь Иванъ Звенецъ Устюжскій. Всѣ соединились въ землѣ Вятской, подъ Котельничемъ, и шли берегомъ рѣки Вятки, землею Черемисскою, до Камы, Тамлуги и Перевоза Татарскаго, откуда воротили Камою къ Бѣлой Воложкѣ, разрушая все огнемъ и мечомъ, убивая, плѣняя беззащитныхъ. Настигнувъ въ одномъ мѣстѣ 200 вооруженныхъ казанцевъ, полководцы московскіе устыдились дѣйствовать противъ нихъ всѣми силами и выбрали охотниковъ, которые истребили сію толпу, взявъ въ плѣнъ двухъ ея начальниковъ. Иныхъ битвъ не было; татары, привычные ко впаденіямъ въ чужія земли, не умѣли оборонять своихъ. Перехвативъ на Камѣ множество богатыхъ купеческихъ судовъ, россіяне съ знатною добычею возвратились че-

резъ Великую Пермь къ Устюгу и въ Москву.—Съ другой стороны ходилъ на казанцевъ воевода нижегородскій, князь Θедоръ Хрипунъ Ряполовскій съ московскою дружиною и, встрѣтивъ на Волгѣ отрядъ царскихъ тѣлохранителей, побилъ его на-голову. Въ числѣ плѣнниковъ, отосланныхъ къ Іоанну въ Москву, находился знаменитый князь татарскій Хозюмъ Бердей.

Но казанцы между тѣмъ присвоили себѣ господство надъ Вяткою: сильное войско ихъ, вступивъ въ ея предѣлы, такъ устрашило жителей, что они, не имѣя большого усердія къ государямъ московскимъ, безъ сопротивленія объявили себя подданными царя Ибрагима. Сіе легкое завоеваніе было не прочно, Казань не могла бороться съ Москвою.

Въ слѣдующую весну Іоаннъ предпріялъ нанести важнѣйшій ударъ сему царству. Не только дворъ Великокняжескій съ боярскими дѣтьми всѣхъ городовъ и всѣхъ удѣловъ, но и московскіе купцы вмѣстѣ съ другими жителями столицы вооружились подъ особеннымъ начальствомъ князя Петра Васильевича Оболенскаго-Нагого. Главнымъ предводителемъ былъ назначенъ князь Константинъ Александровичъ Беззубцевъ, а мѣстомъ соединенія Нижній-Новгородъ. Полки сѣли на суда въ Москвѣ, въ Коломнѣ, въ Владимірѣ, Суздали, Муромѣ. Дмитровцы, можайцы, угличане, ростовцы, ярославцы, костромичи плыли Волгою; другіе Окою, и въ одно время сошлися при устьѣ сихъ двухъ величественныхъ рѣкъ. Такое знаменитое судовое ополченіе было зрѣлищемъ любопытнымъ для сѣверной Россіи, которая еще не видала подобныхъ.

Уже главный воевода, князь Константинъ, сдѣлавъ общія распоряженія, готовился идти далѣе; но Іоаннъ, вдругъ перемѣнивъ мысли, написалъ къ нему, чтобы онъ до времени остался въ Нижнемъ-Новгородѣ, и только легкими отрядами, составленными изъ охотниковъ, тревожилъ непріятельскую землю на обѣихъ сторонахъ Волги. Лѣтописцы не сказываютъ, что побудило къ тому Іоанна; но причина кажется ясною. Царевичъ Касимъ, виновникъ сей войны, умеръ; жена его, мать Ибрагимова, взялась склонить сына къ дружбѣ съ Россіею, и великій князь надѣялся безъ важныхъ усилій воинскихъ достигнуть своей цѣли и смирить Казань. Случилось не такъ.

Воевода объявилъ князьямъ и чиновникамъ волю государеву; они единогласно отвѣтствовали: „мы всѣ хотимъ казнить невѣрныхъ", и съ его дозволеніемъ немедленно отправились, по тогдашнему выраженію, искать ратной чести, имѣя болѣе ревности, нежели благоразумія; подняли паруса, снялись съ якоря, и пристань скоро опустѣла. Воевода остался въ Нижнемъ почти безъ войска, и даже не избралъ для нихъ главнаго начальника. Они

сами увидѣли необходимость сего: приплывъ къ мѣсту Стараго Нижняго-Новгорода, отпѣли тамъ молебенъ въ церкви Преображенія, роздали милостыню, и въ общемъ совѣтѣ выбрали Ивана Руна въ предводители. Имъ не велѣно было ходить къ Казани; но Руно сдѣлалъ по своему: не теряя времени спѣшилъ къ царской столицѣ и, передъ разсвѣтомъ вышедши изъ судовъ, стремительно ударилъ на ея посадъ съ крикомъ и трубнымъ звукомъ. Утренняя заря едва освѣтила небо; казанцы еще спали. Россіяне безъ сопротивленія вошли въ улицы: грабили, рѣзали, освободили бывшихъ тамъ плѣнниковъ московскихъ, рязанскихъ, литовскихъ, вятскихъ, устюжскихъ, пермскихъ, и зажгли предмѣстіе со всѣхъ сторонъ. Татары съ драгоцѣнѣйшимъ своимъ имѣніемъ, съ женами и дѣтьми запираясь въ домахъ, были жертвою пламени. Обративъ въ пепелъ все, что могло сгорѣть, россіяне, усталые, обремененные добычею, отступили, сѣли на суда и пошли къ Коровничьему острову, гдѣ стояли цѣлую недѣлю безъ всякаго дѣла: чѣмъ Руно навлекъ на себя подозрѣніе въ измѣнѣ. Многіе думали, что онъ, пользуясь ужасомъ татаръ, сквозь пламя и дымъ предмѣстья могъ бы войти въ городъ, но силою отвелъ полки отъ приступа, чтобы тайно взять окупъ съ царя. По крайней мѣрѣ никто не понималъ, для чего сей воевода, имѣя славу разума необыкновеннаго, тратитъ время; для чего не дѣйствуетъ или не удаляется съ добычею и плѣнниками.

Легко было предвидѣть, что царь не будетъ дремать въ своей кругомъ обожженной столицѣ: наконецъ русскій плѣнникъ, выбѣжавъ изъ Казани, принесъ вѣсть къ нашимъ, что Ибрагимъ соединилъ всѣ полки камскіе, сыплинскіе, костяцкіе, бѣловолжскіе, вотяцкіе, башкирскіе, и готовится въ слѣдующее утро наступить на россіянъ конною и судовою ратію. Воеводы московскіе спѣшили взять мѣры; отобрали молодыхъ людей и послали ихъ съ большими судами къ Ирихову острову, не велѣвъ имъ ходить на узкое мѣсто Волги; а сами остались на берегу, чтобы удерживать непріятеля, который, дѣйствительно, вышелъ изъ города. Хотя молодые люди не послушались воеводъ и стали какъ бы нарочно въ узкомъ протокѣ, гдѣ непріятельская конница могла стрѣлять въ нихъ, однакожъ мужественно отбили ее. Воеводы столь же удачно имѣли бой съ лодками казанскими и, прогнавъ оныя къ городу, соединились съ своими большими судами у Ирихова острова, славя побѣду и государя.

Тутъ прибылъ къ нимъ главный воевода, князь Константинъ Беззубцевъ, изъ Нижняго-Новгорода, свѣдавъ, что они, въ противность Іоаннову намѣренію, подступили къ Казани. Доселѣ успѣхъ служилъ имъ оправданіемъ; Константинъ хотѣлъ еще важнѣйшаго: отправилъ гонцовъ въ Москву съ вѣстію о проис-

шедшемъ, и въ Вятку, съ повелѣніемъ, чтобы ея жители немедленно шли къ нему подъ Казань. Онъ еще не зналъ ихъ коварства. Іоаннъ, пославъ весною главную рать въ Нижній, въ то же время приказалъ князю Даніилу Ярославскому съ отрядомъ дѣтей боярскихъ и съ полкомъ устюжанъ, а другому воеводѣ, Сабурову, съ вологжанами плыть на судахъ къ Вяткѣ, взять тамъ всѣхъ людей годныхъ къ ратному дѣлу и съ ними идти на царя казанскаго. Но правители вятскихъ городовъ, мечтая о своей древней независимости, отвѣтствовали Даніилу Ярославскому: „Мы сказали царю, что не будемъ помогать ни великому князю противъ него, ни ему противъ великаго князя; хотимъ сдержать слово, и останемся дома". У нихъ былъ тогда посолъ Ибрагимовъ, который немедленно далъ знать въ Казань, что россіяне изъ Устюга и Вологды идутъ къ ея предѣламъ съ малыми силами. Отказавъ въ помощи князю Ярославскому, вятчане отказали и Беззубцеву, но придумали только иной предлогъ, говоря: „Когда братья великаго князя пойдутъ на царя, тогда и мы пойдемъ". Около мѣсяца тщетно ждавъ полковъ вятскихъ, не имѣя вѣсти отъ князя Ярославскаго и начиная терпѣть недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ, воевода Беззубцевъ пошелъ назадъ къ Нижнему.

На пути встрѣтилась ему вдовствующая царица казанская, мать Ибрагимова, и сказала, что великій князь отпустилъ ее съ честію и съ милостію; что война прекратится, и что Ибрагимъ удовлетворитъ всѣмъ требованіямъ Іоанновымъ. Успокоенные ея словами, воеводы наши расположились на берегу праздновать воскресный день, служить обѣдню и пировать. Но вдругъ показалась рать казанская, судовая и конная; россіяне едва успѣли изготовиться. Сражались до самой ночи: казанскія суда отступили къ противному берегу, гдѣ стояла конница, пуская стрѣлы въ нашихъ, которые не захотѣли биться на сухомъ пути, и ночевали на другой сторонѣ Волги. Въ слѣдующее утро ни тѣ, ни другіе не думали возобновить битвы, и князь Беззубцевъ благополучно доплылъ до Нижняго.

Не столь счастливъ былъ князь Ярославскій. Видя непослушаніе вятчанъ, онъ рѣшился идти безъ нихъ, чтобы въ окрестностяхъ Казани соединиться съ московскою ратію. Увѣдомленный о походѣ его, Ибрагимъ заградилъ Волгу судами и поставилъ на берегу конницу. Произошла битва, достопамятная мужествомъ обоюднымъ: хватались за руки, сѣклись мечами. Главные изъ вождей московскихъ пали мертвые; другіе были ранены или взяты въ плѣнъ; но князь Василій Ухтомскій одолѣвалъ многочисленность храбростію: сцѣпился съ Ибрагимовыми судами, разилъ непріятеля ослопомъ, и топилъ ихъ въ рѣкѣ. Устюжане, вмѣстѣ

съ нимъ оказавъ рѣдкую неустрашимость, пробились сквозь казанцевъ, достигли Новагорода Нижняго и дали знать о томъ Іоанну, который, въ знакъ особеннаго благоволенія, прислалъ имъ двѣ золотыя деньги и нѣсколько кафтановъ. Устюжане отдали деньги своему іерею, сказавъ ему: молись Богу за государя и православное воинство, а мы готовы и впредь такъ сражаться“.

Обманутый льстивыми обѣщаніями Ибрагимовой матери, недовольный и нашими воеводами, Іоаннъ предпринялъ новый походъ въ ту же осень, вручивъ предводительство своимъ братьямъ, Юрію и Андрею. Весь дворъ Великокняжескій и всѣ князья служивые находились съ ними. Въ числѣ знатнѣйшихъ воеводъ лѣтописцы именуютъ князя Ивана Юрьевича Патрикѣева. Даніилъ Холмскій велъ передовой полкъ; многочисленная рать шла сухимъ путемъ, другая плыла Волгою; обѣ подступили къ Казани, разбили татаръ въ вылазкѣ; отняли воду у города и принудили Ибрагима заключить миръ на всей волѣ государя Московскаго, то-есть исполнить всѣ его требованія. Онъ возвратилъ свободу нашимъ плѣнникамъ, взятымъ въ теченіе сорока лѣтъ.

Сей подвигъ былъ первымъ изъ знаменитыхъ успѣховъ государствованія Іоаннова; второй имѣлъ еще благопріятнѣйшія слѣдствія для могущества великокняжескаго внутри Россіи. Василій Темный возвратилъ новгородцамъ Торжекъ; но другія земли, отнятыя у нихъ сыномъ Донского, Василіемъ Дмитріевичемъ, оставались за Москвою; еще не увѣренные въ твердости Іоаннова характера, и даже сомнѣваясь въ ней по первымъ дѣйствіямъ сего князя, ознаменованнымъ умѣренностію, миролюбіемъ, они вздумали быть смѣлыми, въ надеждѣ показаться ему страшными, унизить гордость Москвы, возстановить древнія права своей вольности, утраченныя излишнею уступчивостію ихъ отцовъ и дѣдовъ. Съ симъ намѣреніемъ приступили къ дѣлу: захватили многіе доходы, земли и воды княжескія; взяли съ жителей присягу только именемъ Новагорода; презирали Іоанновыхъ намѣстниковъ и пословъ; властію вѣча брали знатныхъ людей подъ стражу на Городищѣ, — мѣстѣ, не подлежащемъ народной управѣ; дѣлали обиды москвитянамъ. Государь нѣсколько разъ требовалъ отъ нихъ удовлетворенія; они молчали. Наконецъ пріѣхалъ въ Москву новгородскій посадникъ, Василій Ананьинъ, съ обыкновенными дѣлами земскими; но не было слова въ отвѣтъ на жалобы Іоанновы. „Я ничего не знаю“,—говорилъ посадникъ боярамъ московскимъ:—„Великій Новгородъ не далъ мнѣ никакихъ о томъ повелѣній“. Іоаннъ отпустилъ сего чиновника съ такими словами: „Скажи новгородцамъ, моей отчинѣ, чтобы они, признавъ вину свою, исправились; въ земли и воды мои не вступалися, имя мое

держали честно и грозно по старинѣ, исполняя обѣтъ крестный, если хотятъ отъ меня покровительства и милости; скажи, что терпѣнію бываетъ конецъ и что мое не продолжится".

Великій князь въ то же время написалъ къ вѣрнымъ ему псковитянамъ, чтобы они, въ случаѣ дальнѣйшей строптивости новгородцевъ, готовились вмѣстѣ съ нимъ дѣйствовать противъ сихъ ослушниковъ. Намѣстникомъ его въ Псковѣ былъ тогда князь Ѳеодоръ Юрьевичъ, знаменитый воевода, который съ московскою дружиною защищалъ сію область въ послѣднюю войну съ нѣмцами; изъ отмѣннаго уваженія къ его особѣ псковитяне дали ему судное право во всѣхъ двѣнадцати своихъ пригородахъ, а дотолѣ князья судили и рядили только въ семи: прочіе зависѣли отъ народной власти. Бояринъ московскій, Селиванъ, вручилъ псковитянамъ грамоту Іоаннову. Они сами имѣли разныя досады отъ новгородцевъ; однакожъ, слѣдуя внушеніямъ благоразумія, отправили къ нимъ посольство съ предложеніемъ быть миротворцами между ними и великимъ княземъ. „Не хотимъ кланяться Іоанну и не просимъ вашего ходатайства",—отвѣтствовали тамошніе правители:—„но если вы добросовѣстны и намъ друзья, то вооружитесь за насъ противъ самовластія московскаго". Псковитяне сказали: „увидимъ"—и дали знать великому князю, что они готовы помогать ему всѣми силами.

Между тѣмъ, по сказанію лѣтописцевъ, были страшныя знаменія въ Новгородѣ: сильная буря сломила крестъ Софійской церкви; древніе херсонскіе колокола въ монастырѣ на Хутинѣ сами собой издавали печальный звукъ; кровь являлась на гробахъ, и проч. Люди тихіе, миролюбивые, трепетали и молились Богу; другіе смѣялись надъ ними и мнимыми чудесами. Легкомысленный народъ болѣе нежели когда-нибудь мечталъ о прелестяхъ свободы; хотѣлъ тѣснаго союза съ Казимиромъ и принялъ отъ него воеводу, князя Михаила Олельковича, коего братъ, Симеонъ, господствовалъ тогда въ Кіевѣ съ честію и славою, подобно древнимъ князьямъ Владимірова племени, какъ говорятъ лѣтописцы. Множество пановъ и витязей литовскихъ пріѣхало съ Михаиломъ въ Новгородъ.

Въ сіе время скончался новгородскій владыка Іона: народъ избралъ въ архіепископы протодіакона Ѳеофила, коему нельзя было ѣхать въ Москву для постановленія безъ согласія Іоаннова: новгородцы чрезъ боярина своего, Никиту, просили о томъ великаго князя, мать его и митрополита. Іоаннъ далъ опасную грамоту для пріѣзда Ѳеофилова въ столицу и, мирно отпуская посла, сказалъ ему: „Ѳеофилъ, вами избранный, будетъ принятъ съ честію и поставленъ въ архіепископы; не нарушу ни въ чемъ древнихъ обыкновеній и готовъ васъ жаловать, какъ мою отчину,

если вы искренно признаете вину свою, не забывая, что мои предки именовались великими князьями Владимірскими, Новагорода и всея Руси". Посолъ, возвратясь въ Новгородъ, объявилъ народу о милостивомъ расположеніи Іоанновомъ. Многіе граждане, знатнѣйшіе чиновники и нареченный архіепископъ Өеофилъ хотѣли воспользоваться симъ случаемъ, чтобы прекратить опасную распрю съ великимъ княземъ; но скоро открылся мятежъ, какого давно не бывало въ сей народной державѣ.

Вопреки древнимъ обыкновеніямъ и правамъ славянскимъ, которые удаляли женскій полъ отъ всякаго участія въ дѣлахъ гражданства, жена гордая, честолюбивая, вдова бывшаго посадника Исаака Борецкаго, мать двухъ сыновей, уже взрослыхъ, именемъ Марөа, предпріяла рѣшить судьбу отечества. Хитрость, велерѣчіе, знатность, богатство и роскошь доставили ей способъ дѣйствовать на правительство. Народные чиновники сходились въ ея великолѣпномъ или, по тогдашнему, чудномъ домѣ пировать и совѣтоваться о дѣлахъ важнѣйшихъ. Такъ, св. Зосима, игуменъ монастыря Соловецкаго, жалуясь въ Новѣгородѣ на обиды двинскихъ жителей, въ особенности тамошнихъ приказчиковъ боярскихъ, долженъ былъ искать покровительства Марөы, которая имѣла въ Двинской землѣ богатыя села. Сперва, обманутая клеветниками, она не хотѣла видѣть его; но послѣ, узнавъ истину, осыпала Зосиму ласками, пригласила къ себѣ на обѣдъ вмѣстѣ съ людьми знатнѣйшими и дала Соловецкому монастырю земли. Еще недовольныя всеобщимъ уваженіемъ и тѣмъ, что великій князь, въ знакъ собственной милости, пожаловалъ ея сына, Димитрія, въ знатный чинъ боярина московскаго, сія гордая жена хотѣла освободить Новгородъ отъ власти Іоанновой, и, по увѣренію лѣтописцевъ, выйти замужъ за какого-то вельможу литовскаго, чтобы вмѣстѣ съ нимъ господствовать, именемъ Казимировымъ, надъ своимъ отечествомъ. Князь Михаилъ Олельковичъ, служивъ ей нѣсколько времени орудіемъ, утратилъ ея благосклонность и съ досадою уѣхалъ назадъ въ Кіевъ, ограбивъ Русу. Сей случай доказывалъ, что Новгородъ не могъ ожидать ни усердія, ни вѣрности отъ князей литовскихъ; но Борецкая, открывъ домъ свой для шумныхъ сонмищъ, съ утра до вечера славила Казимира, убѣждая гражданъ въ необходимости искать его защиты противъ утѣсненій Іоанновыхъ. Въ числѣ ревностныхъ друзей посадницы былъ монахъ Пименъ, архіепископскій ключникъ; онъ надѣялся заступить мѣсто Іоны и сыпалъ въ народъ деньги изъ казны святительской, имъ расхищенной. Правительство свѣдало о томъ и, заключивъ сего коварнаго инока въ темницу, взыскало съ него 1,000 рублей пени. Волнуемый честолюбіемъ и злобою, Пименъ клеветалъ на избраннаго владыку Өеофила, на ми-

трополита Филиппа; желалъ присоединенія новгородской епархіи къ Литвѣ и, лаская себя мыслію получить санъ архіепископа отъ Григорія кіевскаго, Исидорова ученика, помогалъ Мареѣ совѣтомъ, кознями, деньгами.

Видя, что посольство боярина Никиты сдѣлало въ народѣ впечатлѣніе, противное ея намѣренію, и расположило многихъ гражданъ къ дружелюбному сближенію съ государемъ Московскимъ, Мареа предпріяла дѣйствовать рѣшительно. Ея сыновья, ласкатели, единомышленники, окруженные многочисленнымъ сонмомъ людей подкупленныхъ, явились на вѣчѣ и торжественно сказали, что настало время управиться съ Іоанномъ; что онъ не государь, а злодѣй ихъ; что Великій Новгородъ есть самъ себѣ властелинъ; что жители его суть вольные люди и не отчина князей московскихъ; что имъ нуженъ только покровитель; что симъ покровителемъ будетъ Казимиръ, и что не московскій, а кіевскій митрополитъ долженъ дать архіепископа святой Софіи. Громогласное восклицаніе: „не хотимъ Іоанна! да здравствуетъ Казимиръ!“ служило заключеніемъ ихъ рѣчи. Народъ восколебался. Многіе взяли сторону Борецкихъ и кричали: „да исчезнетъ Москва!“ Благоразумнѣйшіе сановники, старые посадники, тысяцкіе, житые люди хотѣли образумить легкомысленныхъ согражданъ и говорили: „Братья! что замышляете? измѣнить Руси и православію? поддаться королю иноплеменному и требовать святителя отъ еретика латинскаго? Вспомните, что предки наши, славяне, добровольно вызвали Рюрика изъ земли Варяжской; что болѣе шести сотъ лѣтъ его потомки законно княжили на престолѣ новгородскомъ; что мы обязаны истинною вѣрою святому Владиміру, отъ коего происходитъ великій князь Іоаннъ, и что латинство донынѣ было для насъ ненавистно“. Единомышленники Мареины не давали имъ говорить; а слуги и наемники ея бросали въ нихъ каменьями, звонили въ вѣчевые колокола, бѣгали по улицамъ и кричали: „хотимъ за короля!“ Другіе: „хотимъ къ Москвѣ православной, къ великому князю Іоанну и къ отцу его, митрополиту Филиппу!“ Нѣсколько дней городъ представлялъ картину ужаснаго волненія. Нареченный владыка Ѳеофилъ ревностно противоборствовалъ усиліямъ Мареиныхъ друзей и говорилъ имъ: „или не измѣняйте православію, или не буду никогда пастыремъ отступниковъ: иду назадъ въ смиренную келію, откуда вы извлекли меня на позорище мятежа“. Но Борецкіе превозмогли, овладѣли правленіемъ и погубили отечество, какъ жертву ихъ страстей личныхъ. Совершилось, чего издавна желали завоеватели литовскіе и чѣмъ Новгородъ страшалъ иногда государей московскихъ: онъ поддался Казимиру добровольно и торжественно. Дѣйствіе беззаконное: хотя сія область имѣла особенные уставы и воль-

ности, данныя ей, какъ извѣстно, Ярославомъ Великимъ, однакожъ составляла всегда часть Россіи и не могла перейти къ иноплеменникамъ безъ измѣны или безъ нарушенія коренныхъ государственныхъ законовъ, основанныхъ на естественномъ правѣ. Многочисленное посольство отправилось въ Литву съ богатыми дарами и съ предложеніемъ, чтобы Казимиръ былъ главою новгородской державы на основаніи древнихъ уставовъ ея гражданской свободы. Онъ принялъ всѣ условія, и написали грамоту слѣдующаго содержанія:

„Честный король польскій и князь великій литовскій заключилъ дружественный союзъ съ нареченнымъ владыкою Ѳеофиломъ, съ посадниками, тысячскими новгородскими, съ боярами, людьми житыми, купцами и со всѣмъ Великимъ Новгородомъ; а для договора были въ Литвѣ посадникъ Аѳанасій Евстафіевичъ, посадникъ Дмитрій Исаковичъ (Борецкій)... отъ людей житыхъ Панфилъ Селифонтовичъ, Кириллъ Ивановичъ... Вѣдать тебѣ, честному королю, Великій Новгородъ по сей крестной грамотѣ и держать на Городищѣ своего намѣстника греческой вѣры, вмѣстѣ съ дворецкимъ и тіуномъ, коимъ имѣть при себѣ не болѣе пятидесяти человѣкъ. Намѣстнику судить съ посадникомъ на дворѣ архіепископскомъ, какъ бояръ, житыхъ людей, младшихъ гражданъ, такъ и сельскихъ жителей, согласно съ правдою, и не требовать ничего, кромѣ судной законной пошлины; но въ судъ тысячскаго, владыки и монастырей ему не вступаться. Дворецкому жить на Городищѣ во дворцѣ и собирать доходы твои вмѣстѣ съ посадникомъ; а тіуну вершить дѣло съ нашими приставами. Если государь московскій пойдетъ войною на Великій Новгородъ, то тебѣ, господину, честному королю, или въ твое отсутствіе радѣ литовской дать намъ скорую помощь. — Ржева, Великіе Луки и Холмскій погостъ остаются землями новгородскими; но платятъ дань тебѣ, честному королю. — Новогородецъ судится въ Литвѣ по вашимъ, литвинъ въ Новѣгородѣ по нашимъ законамъ безъ всякаго притѣсненія... Въ Русѣ будешь имѣть десять соляныхъ варницъ; а за судъ получаешь тамъ и въ другихъ мѣстахъ, что изревле установлено. Тебѣ, честному королю, не выводить отъ насъ людей, не купить ни селъ, ни рабовъ, и не принимать ихъ въ даръ, ни королевѣ, ни панамъ литовскимъ; а намъ не таить законныхъ пошлинъ. Посламъ, намѣстникамъ и людямъ твоимъ не брать подводъ въ землѣ новогородской и волости ея могутъ быть управляемы только нашими собственными чиновниками.—Въ Лукахъ будетъ твой и нашъ тіунъ: Торопецкому не судить въ новогородскихъ владѣніяхъ. Въ Торжкѣ и Волокѣ имѣй тіуна; съ нашей стороны будетъ тамъ посадникъ.—Купцы литовскіе торгуютъ съ нѣмцами единственно

чрезъ новгородскихъ. Дворъ нѣмецкій тебѣ не подвластенъ: не можешь затворить его.—Ты, честный король, не долженъ касаться нашей православной вѣры: гдѣ захотимъ, тамъ и поставимъ нашего владыку (въ Москвѣ или въ Кіевѣ); а римскихъ церквей не ставить нигдѣ въ землѣ новгородской.—Если примиришь насъ съ великимъ княземъ московскимъ, то изъ благодарности уступимъ тебѣ всю народную дань, собираемую ежегодно въ новогородскихъ областяхъ; но въ другіе годы не требуй оной.—Въ утвержденіе договора цѣлуй крестъ къ Великому Новугороду за все свое княжество и за всю раду литовскую въ правду, безъ извѣта; а послы наши цѣловали крестъ новогородскою душою къ честному королю за Великій Новгородъ".

И такъ, сей народъ легкомысленный еще желалъ мира съ Москвою, думая, что Іоаннъ устрашится Литвы, не захочетъ кровопролитія и малодушно отступится отъ древнѣйшаго княжества россійскаго. Хотя намѣстники московскіе, бывъ свидѣтелями торжества Марѳиныхъ поборниковъ, уже не имѣли никакого участія въ тамошнемъ правленіи, однакожъ спокойно жили на Городищѣ, увѣдомляя великаго князя о всѣхъ происшествіяхъ. Несмотря на свое явное отступленіе отъ Россіи, новгородцы хотѣли казаться умѣренными и справедливыми: твердили, что отъ Іоанна зависитъ остаться другомъ святой Софіи, изъявляли учтивость его боярамъ, но послали суздальскаго князя Василья Шуйскаго-Гребенку начальствовать въ Двинской землѣ, опасаясь, чтобы рать московская не овладѣла сею важною для нихъ страною.

Еще желая употребить послѣднее миролюбивое средство, великій князь отправилъ въ Новгородъ благоразумнаго чиновника, Ивана Ѳедоровича Товаркова, съ такимъ увѣщаніемъ: „Люди новогородскіе! Рюрикъ, св. Владиміръ и великій Всеволодъ Юрьевичъ, мои предки, повелѣвали вами, я наслѣдовалъ сіе право, жалую васъ, храню, но могу и казнить за дерзкое ослушаніе. Когда вы бывали подданными Литвы? Нынѣ же раболѣпствуете иновѣрнымъ, преступая священные обѣты. Я ничѣмъ не отяготилъ васъ и требовалъ единственно древней законной дани. Вы измѣнили мнѣ: казнь Божія надъ вами! Но еще медлю, не любя кровопролитія, и готовъ миловать, если съ раскаяніемъ возвратитесь подъ сѣнь отечества". Въ то же время митрополитъ Филиппъ писалъ къ нимъ: „Слышу о мятежѣ и расколѣ вашемъ. Бѣдственно и единому человѣку уклониться отъ пути праваго: еще ужаснѣе цѣлому народу. Трепещите, да страшный серпъ Божій, видѣнный пророкомъ Захаріею, не снидетъ на главу сыновъ ослушныхъ. Вспомните реченное въ Писаніи: бѣги грѣха яко ратника; бѣги отъ прелести, яко отъ лица зміина. Сія прелесть есть латинская: она уловляетъ васъ. Развѣ примѣръ Константино-

поля не доказалъ ея гибельнаго дѣйствія? Греки царствовали, греки славились въ благочестіи: соединились съ Римомъ и служатъ нынѣ туркамъ. Доселѣ вы были цѣлы подъ крѣпкою рукою Іоанна: не уклоняйтеся отъ святой великой старины и не забывайте словъ апостола: Бога бойтесь, а князя чтите.—Смиритеся, и Богъ мира да будетъ съ вами!“ — Сіи увѣщанія оставались безполезны; Марѳа съ друзьями своими дѣлала, что хотѣла, въ Новѣгородѣ. Устрашаемыя ихъ дерзостію, люди благоразумные тужили въ домахъ и безмолствовали на вѣчѣ, гдѣ клевреты или наемники Борецкихъ вопили: „Новгородъ—государь намъ, а король покровитель!“ Однимъ словомъ, лѣтописцы сравниваютъ тогдашнее состояніе сей народной державы съ древнимъ Іерусалимомъ, когда Богъ готовился предать его въ руки Титовы. Страсти господствовали надъ умомъ, и совѣтъ правителей казался сонмомъ заговорщиковъ.

Посолъ московскій возвратился къ государю съ увѣреніемъ, что не слова и не письма, но одинъ мечъ можетъ смирить новгородцевъ. Великій князь изъявилъ горесть: еще размышлялъ, совѣтовался съ матерью, съ митрополитомъ и призвалъ въ столицу братьевъ, всѣхъ епископовъ, князей, бояръ и воеводъ. Въ назначенный день и часъ они собиралися во дворцѣ. Іоаннъ вышелъ къ нимъ съ лицомъ печальнымъ: открылъ Государственную Думу и предложилъ ей на судъ измѣну новгородцевъ. Не только бояре и воеводы, но и святители отвѣтствовали единогласно: „Государь! возьми оружіе въ руки!“ Тогда Іоаннъ произнесъ рѣшительное слово: „да будетъ война!“ и еще хотѣлъ слышать мнѣніе совѣта о времени, благопріятнѣйшемъ для ея начала, сказавъ: „весна уже наступила: Новгородъ окруженъ водою, рѣками, озерами и болотами непроходимыми. Великіе князья, мои предки, страшились ходить туда съ войскомъ въ лѣтнее время, и когда ходили, то теряли множество людей“. Съ другой стороны поспѣшность обѣщала выгоды: новгородцы не изготовились къ войнѣ, и Казимиръ не могъ скоро дать имъ помощь. Рѣшились не медлить, въ надеждѣ на милость Божію, на счастіе и мудрость Іоаннову. Уже сей государь пользовался общею довѣренностію: москвитяне гордились имъ, хвалили его правосудіе, твердость, прозорливость; называли любимцемъ Неба, Властителемъ Богоизбраннымъ; и какое-то новое чувство государственнаго величія вселилось въ ихъ душу.

Іоаннъ послалъ складную грамоту къ новогородцамъ, объявляя имъ войну съ исчисленіемъ всѣхъ ихъ дерзостей, и въ нѣсколько дней устроилъ ополченіе: убѣдилъ Михаила Тверского дѣйствовать съ нимъ за одно, и велѣлъ псковитянамъ идти къ Новугороду съ московскимъ воеводою, княземъ Ѳеодоромъ Юрьевичемъ

Шуйскимъ; устюжанамъ и вятчанамъ въ Двинскую землю подъ начальствомъ двухъ воеводъ, Василія Θеодоровича Образца и Бориса Слѣпого Тютчева; князю Даніилу Холмскому съ дѣтьми боярскими изъ Москвы къ Русѣ, а князю Василью Ивановичу Оболенскому-Стригѣ съ татарскою конницей къ берегамъ Мсты.

Сіи отряды были только передовыми. Іоаннъ, слѣдуя обыкновенію, раздавалъ милостыню и молился надъ гробами святыхъ угодниковъ и предковъ своихъ; наконецъ, принявъ благословеніе отъ митрополита и епископовъ, сѣлъ на коня и повелъ главное войско изъ столицы. Съ нимъ находились всѣ князья, бояре, дворяне московскіе и татарскій царевичъ Даніяръ, сынъ Касимовъ. Сынъ и братъ великаго князя, Андрей Меньшій, остались въ Москвѣ: другіе братья, князья Юрій, Андрей, Борисъ Васильевичи и Михаилъ Верейскій, предводительствуя своими дружинами, шли разными путями къ новгородскимъ границамъ; а воеводы тверскіе, князь Юрій Андреевичъ Дорогобужскій и Иванъ Жито соединились съ Іоанномъ въ Торжкѣ. Началося страшное опустошеніе. Съ одной стороны воевода холмскій и рать великокняжеская, съ другой—псковитяне, вступивъ въ землю Новгородскую, истребляли все огнемъ и мечомъ. Дымъ, пламя, кровавыя рѣки, стонъ и вопль отъ востока и запада неслися къ берегамъ Ильменя. Москвитяне изъявляли остервенѣніе неописанное: новогородцы измѣнники казались имъ хуже татаръ. Не было пощады ни бѣднымъ земледѣльцамъ, ни женщинамъ. Лѣтописцы замѣчаютъ, что небо, благопріятствуя Іоанну, изсушило тогда всѣ болота; что отъ мая до сентября мѣсяца ни одной капли дождя не упало на землю: зыби отвердѣли; войско съ обозами вездѣ имѣло путь свободный и гнало скотъ по лѣсамъ, дотолѣ непроходимымъ.

Псковитяне взяли Вышегородъ. Холмскій обратилъ въ пепелъ Русу. Не ожидавъ войны лѣтомъ и нападенія столь дружнаго, сильнаго, новгородцы послали сказать великому князю, что они желаютъ вступить съ нимъ въ переговоры и требуютъ отъ него опасной грамоты для своихъ чиновниковъ, которые готовы ѣхать къ нему въ станъ. Но въ то же время Марθа и единомышленники ея старались увѣрить согражданъ, что одна счастливая битва можетъ спасти ихъ свободу. Спѣшили вооружить всѣхъ людей, волею и неволею; ремесленниковъ, гончаровъ, плотниковъ одѣли въ доспѣхи и посадили на коней, другихъ на суда. Пѣхотѣ велѣли плыть озеромъ Ильменемъ къ Русѣ, а конницѣ, гораздо многочисленнѣйшей, идти туда берегомъ. Холмскій стоялъ между Ильменемъ и Руссою, на Коростынѣ; пѣхота новгородская приближалась тайно къ его стану, вышла изъ судовъ и, не дожидаясь коннаго войска, стремительно ударила на оплошныхъ

москвитянъ. Но Холмскій и товарищъ его, бояринъ Феодоръ Давидовичъ, храбростію загладили свою неосторожность: положили на мѣстѣ 500 непріятелей, разсѣяли остальныхъ и съ жестокосердіемъ, свойственнымъ тогдашнему вѣку, приказавъ отрѣзать плѣнникамъ носы, губы, послали искаженныхъ въ Новгородъ. Москвитяне бросили въ воду всѣ латы, шлемы, щиты непріятельскіе, взятые въ добычу ими, говоря, что войско великаго князя богато собственными доспѣхами и не имѣетъ нужды въ измѣнническихъ.

Новгородцы приписали сіе несчастіе тому, что конное ихъ войско не соединилось съ пѣхотнымъ, и что особенный полкъ архіепископскій отрекся отъ битвы, сказавъ: „Владыка Ѳеофилъ запретилъ намъ поднимать руку на великаго князя, а велѣлъ только сражаться съ невѣрными псковитянами“. Желая обмануть Іоанна, новгородскіе чиновники отправили къ нему второго посла, съ увѣреніемъ, что они готовы на миръ и что войско ихъ еще не дѣйствовало противъ московскаго. Но великій князь уже имѣлъ извѣстіе о побѣдѣ Холмскаго и ставъ на берегу озера Коломны, приказалъ сему воеводѣ идти за Шелонь навстрѣчу псковитянамъ и вмѣстѣ съ ними къ Новугороду: Михайлу же Верейскому осадить городокъ Демонъ. Въ самое то время, когда Холмскій думалъ переправляться на другую сторону рѣки, онъ увидѣлъ непріятеля столь многочисленнаго, что москвитяне изумились. Ихъ было 5.000, а новгородцевъ отъ 30.000 до 40.000: ибо друзья Борецкихъ еще успѣли набрать и выслать еще нѣсколько полковъ, чтобы усилить свою конную рать. Но воеводы Іоанновы, сказавъ дружинѣ: „настало время послужить государю; не убоимся ни трехъ сотъ тысячъ мятежниковъ; за насъ правда и Господь Вседержитель“, бросились на коняхъ въ Шелонь, съ крутого берега и въ глубокомъ мѣстѣ; однакожъ никто изъ москвитянъ не усомнился слѣдовать ихъ примѣру, никто не утонулъ, и всѣ, благополучно переѣхавъ на другую сторону, устремились въ бой съ восклицаніемъ: Москва! Новгородскій лѣтописецъ говоритъ, что соотечественники его бились мужественно и принудили москвитянъ отступить, но что конница татарская, бывъ въ засадѣ, нечаяннымъ нападеніемъ разстроила первыхъ и рѣшила дѣло. Но по другимъ извѣстіямъ новогородцы не стояли ни часу: лошади ихъ, язвимыя стрѣлами, начали сбивать съ себя всадниковъ; ужасъ объялъ воеводъ малодушныхъ и войско неопытное; обратили тылъ; скакали безъ памяти и топтали другъ друга, гонимые, истребляемые побѣдителемъ; утомивъ коней, бросались въ воду, въ тину болотную; не находили себѣ пути въ лѣсахъ своихъ, тонули или умирали отъ ранъ; иные же проскакали мимо Новгорода, думая, что онъ уже взятъ Іоанномъ. Въ безуміи страха имъ вездѣ казался непріятель, вездѣ слышался крикъ: Москва!

Москва! На пространствѣ двѣнадцати верстъ полки великокняжескіе гнали ихъ, убили 12.000 человѣкъ, взяли 1.700 плѣнниковъ, и въ томъ числѣ двухъ знатнѣйшихъ посадниковъ, Василія-Казимира съ Дмитріемъ Исаковымъ Борецкимъ; наконецъ утомленные возвратились на мѣсто битвы. Холмскій и бояринъ Өедоръ Давидовичъ, трубнымъ звукомъ возвѣстивъ побѣду, сошли съ коней, приложились къ образамъ подъ знаменами и прославили милость неба. Боярскій сынъ, Иванъ Замятня, спѣшилъ извѣстить государя, бывшаго тогда въ Яжелбицахъ, что одинъ передовой отрядъ его войска рѣшилъ судьбу Новагорода; что непріятель истребленъ, а рать московская цѣла. Сей вѣстникъ вручилъ Іоанну договорную грамоту новогородцевъ съ Казимиромъ, найденную въ ихъ обозѣ между другими бумагами, и даже представилъ ему человѣка, который писалъ оную. Съ какою радостію великій князъ слушалъ вѣсть о побѣдѣ, съ какимъ негодованіемъ читалъ сію законопреступную хартію, памятникъ новогородской измѣны.

Холмскій уже нигдѣ не видалъ непріятельской рати и могъ свободно опустошать села до самой Наровы или нѣмецкихъ предѣловъ. Городокъ Демонъ сдался Михайлу Верейскому. Тогда великій князь послалъ опасную грамоту къ новогородцамъ съ бояриномъ ихъ Лукою, соглашаясь вступить съ ними въ договоры; прибылъ въ Русу и явилъ примѣръ строгости: велѣлъ отрубить головы знатнѣйшимъ плѣнникамъ, боярамъ Дмитрію Исакову, Марөину сыну, Василью Селезневу-Губѣ, Кипріяну Арбузееву и Іеремію Сухощоку, архіепископскому чашнику, ревностнымъ благопріятелямъ Литвы; Василія-Казимира, Матвѣя Селезнева и другихъ послалъ въ Коломну, окованныхъ цѣпями; нѣкоторыхъ въ темницы московскія; а прочихъ безъ всякаго наказанія отпустилъ въ Новгородъ, соединяя милосердіе съ грозою мести, отличая главныхъ дѣятельныхъ враговъ Москвы отъ людей слабыхъ, которые служили имъ только орудіемъ. Рѣшивъ такимъ образомъ участь плѣнниковъ, онъ расположился станомъ на устьѣ Шелони.

Въ сей самый день новая побѣда увѣнчала оружіе великокняжеское въ отдаленныхъ предѣлахъ Заволочья. Московскіе воеводы, Образецъ и Борисъ Слѣпый, предводительствуя устюжанами и вятчанами, на берегахъ Двины сразились съ княземъ Василіемъ Шуйскимъ, вѣрнымъ слугою новгородской слободы. Рать его состояла изъ двѣнадцати тысячъ двинскихъ и печерскихъ жителей: Іоаннова только изъ четырехъ. Битва продолжалась цѣлый день съ великимъ остервененіемъ. Убивъ трехъ двинскихъ знаменоносцевъ, москвитяне взяли хоругвь новгородскую и къ вечеру одолѣли врага. Князь Шуйскій, раненый, едва могъ спастись въ лодкѣ, бѣжалъ въ Холмогоры, оттуда въ Новгородъ; а воеводы Іоанновы,

овладѣвъ всею Двинскою землею, привели жителей въ подданство Москвы.

Миновало около двухъ недѣль послѣ Шелонской битвы, которая произвела въ новгородцахъ неописанный ужасъ. Они надѣялись на Казимира и съ нетерпѣніемъ ждали вѣстей отъ своего посла, отправленнаго къ нему черезъ Ливонію съ усильнымъ требованіемъ, чтобы король спѣшилъ защитить ихъ; но сей посолъ возвратился и съ горестію объявилъ, что магистръ Ордена не пустилъ его въ Литву. Уже не было времени имѣть помощи, ни силъ противиться Іоанну. Открылась еще внутренняя измѣна. Нѣкто, именемъ Упадышъ, тайно доброхотствуя великому князю, съ единомышленниками своими въ одну ночь заколотилъ 55 пушекъ въ Новѣгородѣ: правители казнили сего человѣка; несмотря на всѣ несчастія хотѣли обороняться; выжгли посады, не жалѣя ни церквей, ни монастырей; учредили безсмѣнную стражу: день и ночь вооруженные люди ходили по городу, чтобы обуздывать народъ; другіе стояли на стѣнахъ и башняхъ, готовые къ бою съ москвитянами. Однакожъ миролюбивые начали изъявлять болѣе смѣлости, доказывая, что сопротивленіе безполезно; явно обвиняли друзей Мареы въ приверженности къ Литвѣ, и говорили: „Іоаннъ передъ нами, а гдѣ вашъ Казимиръ?“ Городъ, стѣсненный великокняжескими отрядами и наполненный множествомъ пришельцевъ, которые искали тамъ убѣжища отъ москвитянъ, терпѣлъ недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ; дороговизна возростала; ржи совсѣмъ не было на торгу: богатые питались пшеницею, а бѣдные вопили, что правители ихъ безумно раздражили Іоанна и начали войну, не подумавъ о слѣдствіяхъ. Вѣсть о казни Димитрія Борецкаго и товарищей его сдѣлала глубокое впечатлѣніе какъ въ народѣ, такъ и въ чиновникахъ: доселѣ никто изъ великихъ князей не дерзалъ торжественно казнить первостепенныхъ гордыхъ бояръ новогородскихъ. Народъ разсуждалъ, что времена перемѣнились; что небо покровительствуетъ Іоанну и даетъ ему смѣлость вмѣстѣ съ счастіемъ: что сей государь правосуденъ: караетъ и милуетъ; что лучше спастися смиреніемъ, нежели погибнуть отъ упрямства. Знатные сановники видѣли мечъ надъ своею головою: въ такомъ случаѣ рѣдкіе жертвуютъ личною безопасностію правилу или образу мыслей. Самые усердные изъ друзей Мареиныхъ, тѣ, которые ненавидѣли Москву по ревностной любви къ вольности отечества, молчаніемъ или языкомъ умѣренности хотѣли заслужить прощеніе Іоанново. Еще Мареа силилась дѣйствовать на умы и сердца, возбуждая ихъ противъ великаго князя: народъ видѣлъ въ ней главную виновницу сей бѣдственной войны; онъ требовалъ хлѣба и мира.

Холмскій, псковитяне и самъ Іоаннъ готовились съ разныхъ

сторонъ обступить Новгородъ, чтобы совершить послѣдній ударъ: немного времени оставалось для размышленія. Сановники, граждане единодушно предложили нареченному архіепископу Θеофилу быть ходатаемъ мира. Сей разумный инокъ, со многими посадниками, тысячскими и людьми житыми всѣхъ пяти Концовъ отправился на судахъ озеромъ Ильменемъ къ устью Шелони, въ станъ московскій. Не смѣя вдругъ явиться государю, они пошли къ его вельможамъ и просили ихъ заступленія: вельможи просили Іоанновыхъ братьевъ, а братья самого Іоанна. Чрезъ нѣсколько дней онъ дозволилъ посламъ стать предъ лицомъ своимъ. Θеофилъ вмѣстѣ со многими духовными особами и знатнѣйшіе чиновники новогородскіе, вступивъ въ шатеръ великокняжескій, пали ницъ, безмолствовали, проливали слезы. Іоаннъ, окруженный сонмомъ бояръ, имѣлъ видъ грозный и суровый. „Господинъ, князь великій!—сказалъ Θеофилъ: — утоли гнѣвъ свой, утиши ярость; пощади насъ преступниковъ, не для моленія нашего, но для своего милосердія! Угаси огнь, палящій страну новогородскую; удержи мечъ, ліющій кровь ея жителей!“ Іоаннъ взялъ съ собою изъ Москвы одного ученаго въ лѣтописяхъ дьяка, именемъ Стефана Бородатаго, коему надлежало исчислить передъ новогородскими послами всѣ древнія ихъ измѣны; но послы не хотѣли оправдываться, и требовали единственно милосердія. Тутъ братья и воеводы Іоанновы ударили челомъ за народъ виновный; молили долго, неотступно. Наконецъ государь изрекъ слово великодушнаго прощенія, слѣдуя, какъ увѣряютъ лѣтописцы, внушеніямъ христіанскаго человѣколюбія и совѣту митрополита Филиппа помиловать новогородцевъ, если они раскаются; но мы видимъ здѣсь дѣйствіе личнаго характера, осторожной политики, умѣренности сего властителя, коего правиломъ было: не отвергать хорошаго для лучшаго, не совсѣмъ вѣрнаго.

Новогородцы за вину свою обѣщали внести въ казну великокняжескую 15,500 рублей или около осьмидесяти пудовъ серебра, въ разные сроки отъ 8 сентября до Пасхи; возвратили Іоанну прилежащія къ Вологдѣ земли, берега Пинеги, Мезены, Немьюги, Выи, Поганой Суры, Пильи горы,—мѣста уступленныя Василью Темному, но послѣ отнятыя ими; обязались въ назначенныя времена платить государямъ московскимъ черную или народную дань, также и митрополиту судную пошлину; клялися ставить своихъ архіепископовъ только въ Москвѣ, у гроба св. Петра чудотворца, въ дому Богаматери; не имѣть никакого сношенія съ королемъ польскимъ, ни съ Литвою; не принимать къ себѣ тамошнихъ князей и враговъ Іоанновыхъ: князя Можайскаго, сыновей Шемяки и Василія Ярославича Боровскаго; отмѣнили называемыя вѣчевыя грамоты; признали верховную судебную власть

государя московскаго, въ случаѣ несогласія его намѣстниковъ съ новогородскими сановниками; обѣщались не издавать впредь судныхъ грамотъ безъ утвержденія и печати великаго князя, и проч. Возвращая имъ Торжокъ и новыя свои завоеванія въ Двинской землѣ, Іоаннъ по обычаю цѣловалъ крестъ, въ увѣреніе, что будетъ править Новымгородомъ согласно съ древними уставами онаго безъ всякаго насилія. Сіи взаимныя условія или обязательства изображены въ шести, тогда написанныхъ грамотахъ, отъ 9 и 11 августа, въ коихъ юный сынъ Іоаннъ именуется такъ же, подобно отцу, великимъ княземъ всей Россіи. Помиривъ еще Новгородъ съ псковитянами, Іоаннъ увѣдомилъ своихъ полководцевъ, что война прекратилась; ласково угостилъ Феофила и всѣхъ пословъ; отпустилъ ихъ съ милостію, и вслѣдъ за ними велѣлъ ѣхать боярину Θеодору Давидовичу, взять присягу съ новогородцевъ на вѣчѣ. Давъ слово забыть прошедшее, великій князь оставилъ въ покоѣ и самую Марѳу Борецкую и не хотѣлъ упомянуть объ ней въ договорѣ, какъ бы изъ презрѣнія къ слабой женѣ. Исполнивъ свое намѣреніе, наказавъ мятежниковъ, свергнувъ тѣнь Казимирову съ древняго престола Рюрикова, онъ съ честію, славою и богатою добычею возвратился въ Москву. Сынъ, братъ, вельможи, воины и купцы встрѣтили его за 20 верстъ отъ столицы, народъ за семь, митрополитъ съ духовенствомъ передъ Кремлемъ на площади. Всѣ привѣтствовали государя какъ побѣдителя, изъявляя радость.

Еще Новгородъ остался державою народною; но свобода его уже была единственно милостію самодержца. Нѣтъ свободы, когда нѣтъ силы защитить ее. Всѣ области новогородскія, кромѣ столицы, являли отъ предѣловъ восточныхъ до моря зрѣлище опустошенія, произведеннаго не только ратію великокняжескою, но и шайками вольницы: граждане и жители сельскіе въ теченіе двухъ мѣсяцевъ ходили туда вооруженными толпами изъ московскихъ владѣній грабить и наживаться. Погибло множество людей. Къ довершенію бѣдствіая, 9,000 человѣкъ, призванныхъ въ Новгородъ изъ уѣздовъ для защиты онаго, возвращаясь осенью въ свои домы на 180 судахъ, утонули въ бурномъ Ильменѣ. Зимою священноинокъ Θеофилъ съ духовными и мірскими сановниками пріѣхалъ въ Москву и былъ поставленъ въ архіепископы. Когда сей торжественный обрядъ совершился, Θеофилъ на амвонѣ смиренно преклонилъ выю предъ Іоанномъ и молилъ его умилосердиться надъ знатными новогородскими плѣнниками, Василіемъ-Казимиромъ и другими, которые еще сидѣли въ московскихъ темницахъ: великій князь даровалъ имъ свободу, и Новгородъ принялъ ихъ съ дружелюбіемъ, а владыку своего съ благодарностію, легкомысленно надѣясь, что время, торговля, мудрость вѣча и прави-

ла благоразумнѣйшей политики исцѣлять глубокія язвы отечества.

Въ исходѣ сего года явилась комета, въ началѣ слѣдующаго другая; народъ трепеталъ, ожидая чего-нибудь ужаснаго. Іоаннъ же, не участвуя въ страхѣ суевѣрныхъ, спокойно мыслилъ о важномъ завоеваніи. Древняя славная Біармія или Пермь уже въ XI вѣкѣ платила дань россіянамъ, въ гражданскихъ отношеніяхъ зависѣла отъ Новагорода, въ церковныхъ—отъ нашего митрополита, но всегда имѣла собственныхъ властителей и торговала съ москвитянами какъ держава свободная. Присвоивъ Вологду, великіе князья желали овладѣть и Пермію, однакожъ дотолѣ не могли: ибо новогородцы крѣпко стояли за оную, обогащаясь тамъ мѣною нѣмецкихъ суконъ на мѣха драгоцѣнные и на серебро, которое именовалось закамское и столь прельщало хитраго Іоанна Калиту. Въ самомъ Шелонскомъ договорѣ новогородцы включили Пермь въ число ихъ законныхъ владѣній, но Іоаннъ III, подобно Калитѣ дальновидный и гораздо его сильнѣйшій, воспользовался первымъ случаемъ исполнить намѣреніе своего пращура безъ явной несправедливости. Въ Перми обидѣли нѣкоторыхъ москвитянъ; сего было довольно для Іоанна: онъ послалъ туда князя Ѳеодора Пестраго съ войскомъ, чтобы доставить имъ законную управу.

Полки выступили изъ Москвы зимою, на Ѳоминой недѣлѣ пришли къ рѣчкѣ Черной, спустились на плотахъ до мѣстечка Айфаловскаго; сѣли на коней и близъ городка Искора встрѣтились съ пермскою ратію. Побѣда не могла быть сомнительною; князь Ѳеодоръ разсѣялъ непріятелей, плѣнилъ ихъ воеводъ, Кача, Бурмата, Мичкина, Зырана; взялъ Искоръ съ иными городками, сжегъ ихъ и на устьѣ Почки, впадающей въ Колву, заложилъ крѣпость; а другой воевода, Гаврило Нелидовъ, имъ отряженный, овладѣлъ Уросомъ и Чердынью, схвативъ тамошняго князя христіанской вѣры, именемъ Михаила. Вся земля Пермская покорилась Іоанну, и князь Ѳеодоръ прислалъ къ нему, вмѣстѣ съ плѣнными, 16 сороковъ черныхъ соболей, драгоцѣнную шубу соболью, 29 поставовъ нѣмецкаго сукна, 3 панцыря, шлемъ и двѣ сабли булатныя. Сіе завоеваніе, коимъ владѣнія Московскія прислонились къ хребту горъ Уральскихъ, обрадовало государя и народъ, обѣщая важныя торговыя выгоды и напомнивъ Россіи счастливую старину, когда Олегъ, Святославъ, Владиміръ, брали мечомъ чуждыя земли, не теряя собственныхъ.— Вѣроятно, что Пермскій князь, Михаилъ, возвратился въ свое отечество, гдѣ послѣ господствовалъ и сынъ его Матоей, какъ присяжникъ Іоанновъ. Первымъ Россійскимъ намѣстникомъ Великой Перми былъ, въ 1505 году, князь Василій Андреевичъ Коверъ.

Доселѣ великій князь еще не имѣлъ дѣла съ главнымъ врагомъ нашей независимости, съ царемъ Большой или Золотой Орды, Ахматомъ, коего толпы, въ 1468 году, нападали единственно на Рязанскую землю, не дерзнувъ идти далѣе: ибо въ упорной битвѣ съ тамошними воеводами потеряли много людей. Благоразумный Іоаннъ, готовый къ войнѣ, хотѣлъ удалить ее: время усиливало Россію, ослабляя могущество хановъ. Но другой естественный врагъ Москвы, Казимиръ Литовскій, употреблялъ всѣ способы подвигнуть Ахмата на великаго князя. Дѣдъ Іоанновъ, Василій Димитріевичъ, купилъ въ Литвѣ одного татарина, именемъ Мисюря, Витовтова плѣнника, котораго внукъ Кирей, рожденный въ холопствѣ, бѣжалъ отъ Іоанна въ Польшу и снискалъ особенную милость Казимирову. Сей государь хотѣлъ употребить его въ орудіе своей ненависти къ Россіи, послалъ въ Золотую Орду съ ласковыми грамотами, съ богатыми дарами и предлагалъ Ахмату тѣсный союзъ, чтобы вмѣстѣ воевать наше отечество. Кирей имѣлъ умъ хитрый, зналъ хорошо и татаръ, и Москву: доказывалъ хану необходимость предупредить Іоанна, замышляющаго быть самовластителемъ независимымъ; подкупалъ вельможъ ординскихъ и легко склонилъ ихъ на свою сторону: ибо они недоброжелательствовали великому князю за его къ нимъ презрѣніе или скупость. Уже Москва не удовлетворяла ихъ алчному корыстолюбію; уже послы наши не пресмыкались въ улусахъ съ мѣшками серебра и золота. Главный изъ вельможъ ханскихъ, именемъ Темиръ, всѣхъ ревностнѣе помогалъ Кирею; но цѣлый годъ миновалъ въ однихъ переговорахъ. Междоусобія татаръ не дозволяли Ахмату удалиться отъ береговъ Волги, и въ то время, когда посолъ литовскій твердилъ ему о древнемъ величіи хановъ, знаменитая ихъ столица, городъ Сарай, основанный Батыемъ, не могъ защитить себя отъ набѣга смѣлыхъ вятчанъ: приплывъ Волгою и слыша, что ханъ кочуетъ верстахъ въ пятидесяти оттуда, они врасплохъ взяли сей городъ, захватили всѣ товары, нѣсколько плѣнниковъ и съ добычею ушли назадъ, сквозь множество татарскихъ судовъ, которыя хотѣли преградить имъ путь. Наконецъ Ахматъ, взявъ мѣры для безопасности улусовъ, отправилъ съ Киреемъ собственнаго посла къ Казимиру, обѣщалъ немедленно начать войну и чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ, дѣйствительно, вступилъ въ Россію съ знатными силами, удержавъ при себѣ московскаго чиновника, который былъ присланъ къ нему отъ государя съ мирными предложеніями.

Великій князь, узнавъ о томъ, отрядилъ боярина Ѳеодора Давидовича съ коломенскою дружиною къ берегамъ Оки; за нимъ Даніила Холмскаго, князя Оболенскаго-Стригу и братьевъ своихъ съ иными полками; услышавъ о приближеніи хана къ Алексину,

и самъ немедленно выѣхалъ изъ столицы въ Коломну, чтобы оттуда управлять движеніями войска. При немъ находился и сынъ Касимовъ, царевичъ Даніяръ, съ своею дружиною; такимъ оброзомъ политика великихъ князей вооружила моголовъ противъ моголовъ. Но еще сильно дѣйствовалъ ужасъ ханскаго имени: не смотря на 180,000 воиновъ, которые стали между непріятелемъ и Москвою, занявъ пространство ста-пятидесяти верстъ; несмотря на общую довѣренность къ мудрости и счастію государя, Москва страшилась, и мать великаго князя съ его сыномъ для безопасности уѣхала въ Ростовъ.

Ахматъ приступилъ къ Алексину, гдѣ не было ни пушекъ, ни пищалей, ни самострѣловъ; однакожъ граждане побили множество непріятелей. На другой день татары сожгли городъ вмѣстѣ съ жителями; бѣгущихъ взяли въ плѣнъ и бросились цѣлыми полками въ Оку, чтобы ударить на малочисленный отрядъ москвитянъ, которые стояли на другомъ берегу рѣки. Начальники сего отряда, Петръ Ѳедоровичъ и Семенъ Беклемишевъ, долго имѣвъ перестрѣлку, хотѣли уже отступить, когда сынъ Михаила Верейскаго, князь Василій, прозваніемъ Удалый, подоспѣлъ къ нимъ съ своею дружиною, а скоро и братъ Іоанновъ, Юрій. Москвитяне прогнали татаръ за Оку и стали рядами на лѣвой сторонѣ ея, готовые къ битвѣ рѣшительной: новые полки непрестанно къ нимъ подходили съ трубнымъ звукомъ, съ распущенными знаменами. Ханъ Ахматъ внимательно смотрѣлъ на нихъ съ другого берега, удивляясь многочисленности, стройности оныхъ, блеску оружія и доспѣховъ. „Ополченіе наше — говорятъ лѣтописцы, — колебалось подобно величественному морю, ярко освѣщенному солнцемъ". Татары начали отступать, сперва тихо, медленно; а ночью побѣжали, гонимые однимъ страхомъ: ибо никого изъ москвитянъ не было за Окою. Сіе нечаянное бѣгство произошло, какъ сказывали, отъ жестокой заразительной болѣзни, которая открылась тогда въ Ахматовомъ войскѣ. — Великій князь послалъ воеводъ своихъ вслѣдъ за непріятелемъ; но татары въ шесть дней достигли до своихъ катуновъ или улусовъ, откуда прежде шли къ Алексину шесть недѣль: россіяне не могли или не хотѣли нагнать ихъ, взявъ нѣсколько плѣнниковъ и часть обоза непріятельскаго, а великій князь распустилъ войско, удостовѣренный, что ханъ не скоро осмѣлится предпріять новое впаденіе въ Россію. Между тѣмъ Казимиръ, союзникъ моголовъ, не сдѣлалъ ни малѣйшаго движенія въ ихъ пользу: имѣя важную распрю съ государемъ венгерскимъ и занятый дѣлами Богеміи, сей слабодушный король предалъ Ахмата такъ же, какъ и новогородцевъ. Іоаннъ возвратился въ Москву съ торжествомъ побѣдителя.

Скоро послѣ того онъ и всѣ москвитяне были огорчены прежде-

временною кончиною князя Юрія Васильевича. Меньшіе братья его и самъ великій князь находились въ Ростовѣ, у матери, тогда нездоровой. Митрополитъ Филиппъ не смѣлъ безъ повелѣнія Іоаннова хоронить тѣла Юріева, которое, въ противность обыкновенію, четыре дня стояло въ церкви Архангела Михаила. Великій князь пріѣхалъ оросить слезами гробъ достойнаго брата, не только имъ, но и всѣми искренно любимаго за его добрыя свойства и за ратное мужество, коимъ онъ славился. — Юрій скончался холостымъ на тридцать второмъ году жизни и въ духовномъ завѣщаніи отказалъ свое имѣніе матери, братьямъ, сестрѣ, княгинѣ рязанской, поручивъ имъ выкупить разныя заложенныя имъ вещи, серебряныя, золотыя и даже сукна нѣмецкія: ибо на немъ осталось болѣе семи-сотъ рублей долгу. О городахъ своихъ—Дмитровѣ, Можайскѣ, Серпуховѣ—онъ не упоминаетъ въ духовной. Іоаннъ, присоединивъ ихъ къ великому княженію, досадилъ завистливымъ братьямъ; но мать благоразумными увѣщаніями прекратила ссору, отдавъ Андрею Васильевичу мѣстечко Романовъ; великій князь уступилъ Борису Вышегородъ, а меньшему Андрею Торусу, утвердивъ грамотами наслѣдственные удѣлы за ними и за дѣтьми ихъ.

ГЛАВА II.

Продолженіе государствованія Іоаннова.

Г. 1472—1477.

Бракъ Іоанновъ съ греческою царевною.—Посольства изъ Рима и въ Римъ.—Заключеніе Ивана Фрязина и Тревизана, посла венеціанскаго.—Преніе легата папскаго о вѣрѣ.—Слѣдствія Іоаннова брака для Россіи.—Выѣзжіе греки.—Братья Софіины. — Посольства въ Венецію. — Зодчій Аристотель строитъ въ Москвѣ храмъ Успенія.—Строеніе другихъ церквей, палатъ и стѣнъ кремлевскихъ.—Льютъ пушки, чеканятъ монету.—Дѣла съ Ливоніею, съ Литвою, съ Крымомъ, съ Большою Ордою, съ Персіею.—Посолъ венеціанскій Контарини въ Москвѣ.

Въ сіе время судьба Іоаннова ознаменовалась новымъ величіемъ посредствомъ брака, важнаго и счастливаго для Россіи: ибо слѣдствіемъ онаго было то, что Европа съ любопытствомъ и съ почтеніемъ обратила взоръ на Москву, дотолѣ едва извѣстную; что государи и народы просвѣщеннѣйшіе захотѣли нашего дружества; что мы, вступивъ въ непосредственныя сношенія съ ними, узнали много новаго, полезнаго какъ для внѣшней силы государственной, такъ и для внутренняго гражданскаго благоденствія.

Послѣдній императоръ греческій, Константинъ Палеологъ, имѣлъ двухъ братьевъ, Димитрія и Ѳому, которые, подъ именемъ деспотовъ господствуя въ Пелопоннесѣ или въ Мореѣ, ненавидѣли другъ друга, воевали между собою и тѣмъ довершили торжество Магомета II: турки овладѣли Пелопоннесомъ. Димитрій искалъ милости въ султанѣ, отдалъ ему дочь свою въ сераль и получилъ отъ него въ удѣлъ городъ Энъ во Ѳракіи; но Ѳома, гнушаясь невѣрными, съ женою, съ дѣтьми, съ знатнѣйшими греками ушелъ изъ Корфу въ Римъ, гдѣ папа, Пій II, и кардиналы, уважая въ немъ остатокъ древнѣйшихъ государей христіанскихъ, и въ благодарность за сокровище, имъ привезенное: за главу апостола Андрея (съ того времени хранимую въ церкви св. Петра), назначили сему знаменитому изгнаннику 300 золотыхъ ефимковъ ежемѣсячнаго жалованья. Ѳома умеръ въ Римѣ. Сыновья его, Андрей и Мануилъ, жили благодѣяніями новаго папы, Павла II, не заслуживая оныхъ своимъ поведеніемъ, весьма легкомысленнымъ и соблазнительнымъ, но юная сестра ихъ, дѣвица, именемъ Софія, одаренная красотою и разумомъ, была предметомъ общаго доброжелательства. Папа искалъ ей достойнаго жениха и, замышляя тогда воздвигнуть всѣхъ государей европейскихъ на опаснаго для самой Италіи Магомета II, хотѣлъ симъ бракомъ содѣйствовать видамъ своей политики. Къ удивленію многихъ, Павелъ обратилъ взоръ на великаго князя Іоанна, по совѣту, можетъ быть, славнаго кардинала Виссаріона: сей ученый грекъ издавна зналъ единовѣрную Москву и возрастающую силу ея государей, извѣстныхъ и Риму по дѣламъ ихъ съ Литвою, съ Нѣмецкимъ Орденомъ и въ особенности по Флорентійскому собору, гдѣ митрополитъ нашъ Исидоръ представлялъ столь важное лицо въ церковныхъ преніяхъ. Отдаленность, благопріятствуя баснословію, рождала слухи о несмѣтномъ богатствѣ и многочисленности россіянъ. Папа надѣялся, во-первыхъ, чрезъ царевну Софію, воспитанную въ правилахъ Флорентійскаго соединенія, убѣдить Іоанна къ принятію оныхъ и тѣмъ подчинить себѣ нашу церковь; во-вторыхъ, лестнымъ для его честолюбія свойствомъ съ Палеологами возбудить въ немъ ревность къ освобожденію Греціи отъ ига Магометова. Вслѣдствіе сего намѣренія кардиналъ Виссаріонъ, въ качествѣ нашего единовѣрца, отправилъ грека, именемъ Юрія, съ письмомъ къ великому князю (въ 1469 году), предлагая ему руку Софіи, знаменитой дочери деспота Морейскаго, которая будто бы отказала двумъ женихамъ, королю французскому и герцогу Медіоланскому, не желая быть супругою государя латинской вѣры. Вмѣстѣ съ Юріемъ пріѣхали въ Москву два венеціанина, Карлъ и Антонъ, братъ и племянникъ Ивана Фрязина, денежника или монетчика, который уже давно находился въ службѣ великаго князя, пере-

селясь къ намъ, какъ вѣроятно, изъ Тавриды и принявъ вѣру греческую.

Сіе важное посольство весьма обрадовало Іоанна; но, слѣдуя правиламъ своего обыкновеннаго, хладнокровнаго благоразумія, онъ требовалъ совѣта отъ матери, митрополита Филиппа, знатнѣйшихъ бояръ: всѣ думали согласно съ нимъ, что самъ Богъ посылаетъ ему столь знаменитую невѣсту, отрасль царственнаго древа, коего сѣнь покоила нѣкогда все христіанство православное, нераздѣленное; что сей благословенный союзъ, напоминая Владиміровъ, сдѣлаетъ Москву какъ бы новою Византіею, и дастъ монархамъ нашимъ права императоровъ греческихъ. Великій князь желалъ чрезъ собственнаго посла удостовѣриться въ личныхъ достоинствахъ Софіи и велѣлъ для того Ивану Фрязину ѣхать въ Римъ, имѣя довѣренность къ сему венеціанскому уроженцу, знакомому съ обычаями Италіи. Посолъ возвратился благополучно, осыпанный ласками Павла II и Виссаріона; увѣрилъ Іоанна въ красотѣ Софіи и вручилъ ему живописный образъ ея, вмѣстѣ съ листами отъ папы для свободнаго проѣзда нашихъ пословъ въ Италію за невѣстою: о чемъ Павелъ особенно писалъ къ королю польскому, именуя Іоанна любезнѣйшимъ сыномъ, государемъ Московіи, Новагорода, Пскова и другихъ земель.— Между тѣмъ сей папа умеръ и слухъ пришелъ въ Москву, что мѣсто его заступилъ Калистъ: великій князь въ 1472 году, генваря 17, отправилъ того же Ивана Фрязина со многими людьми въ Римъ, чтобы привести оттуда царевну Софію, и далъ ему письмо къ новому папѣ. Но дорогою узнали послы, что преемникъ Павловъ называется Сикстомъ: они не хотѣли возвратиться для переписанія грамоты; вычистивъ въ ней имя Калиста, написали Сикстово, и въ маѣ прибыли въ Римъ.

Папа, Виссаріонъ и братья Софіины приняли ихъ съ отмѣнными почестями. 22 мая, въ торжественномъ собраніи кардиналовъ, Сикстъ IV объявилъ имъ о посольствѣ и сватовствѣ Іоанна, великаго князя Бѣлой Россіи. Нѣкоторые изъ нихъ сомнѣвались въ православіи сего монарха и народа его; но папа отвѣтствовалъ, что россіяне участвовали въ Флорентійскомъ соборѣ и приняли архіепископа или митрополита отъ латинской церкви; что они желаютъ нынѣ имѣть у себя легата римскаго, который могъ бы изслѣдовать на мѣстѣ обряды вѣры ихъ и заблуждающимся указать путь истинный; что ласкою, кротостію, снисхожденіемъ надобно обращать сыновъ ослѣпленныхъ къ нѣжной матери, т.-е, къ Церкви; что законъ не противится бракосочетанію царевны Софіи съ Іоанномъ.

25 мая послы Іоанновы были введены въ тайный совѣтъ папскій, вручили Сиксту великокняжескую, писанную на русскомъ

языкѣ грамоту съ золотою печатію и поднесли въ даръ шестьдесятъ соболей. Въ грамотѣ сказано было единственно такъ: „Сиксту, первосвятителю римскому, Іоаннъ, великій князь Бѣлой Руси, кланяется и проситъ вѣрить его посламъ“. Именемъ государя они привѣтствовали папу, который въ отвѣтѣ своемъ хвалилъ Іоанна за то, что онъ, какъ добрый христіанинъ, не отвергаетъ собора Флорентійскаго и не принимаетъ митрополитовъ отъ патріарховъ константинопольскихъ, избираемыхъ турками; что хочетъ совокупиться бракомъ съ христіанкою, воспитанною въ столицѣ Апостольской, и что изъявляетъ приверженность къ главѣ церкви. Въ заключеніе святый отецъ благодарилъ великаго князя за дары.—Тутъ находились послы неаполитанскіе, венеціанскіе, медіоланскіе, флорентійскіе и феррарскіе. Іюня 1 Софія въ церкви св. Петра была обручена государю московскому, коего лицо представлялъ главный изъ повѣренныхъ, Иванъ Фрязинъ.

Іюня 12 собрались кардиналы для дальнѣйшихъ переговоровъ съ россійскими послами, которые увѣряли папу о ревности ихъ монарха къ благословенному соединенію церквей. Сикстъ IV такъ же, какъ и Павелъ II, имѣя надежду изгнать Магомета изъ Царьграда, хотѣлъ, чтобы государь московскій склонилъ хана Золотой Орды воевать Турцію. Послы Іоанновы отвѣтствовали, что Россіи легко воздвигнуть татаръ на султана; что они своимъ несмѣтнымъ числомъ могутъ еще подавить Европу и Азію; что для сего нужно только послать въ Орду тысячъ десять золотыхъ ефимковъ и богатые, особенные дары хану, коему удобно сдѣлать впаденіе въ султанскія области чрезъ Паннонію; но что король венгерскій едва ли согласится пропустить столь многочисленное войско чрезъ свою державу; что сіи вѣроломные наемники, въ случаѣ неисправнаго платежа, бываютъ злѣйшими врагами того, кто ихъ нанялъ; что побѣда татаръ оказалась бы равно бѣдственною и для турковъ, и для христіанъ. Однимъ словомъ, послы московскіе старались доказать, что неблагоразумно искать помощи въ Ордѣ, и папа удовольствовался надеждою на собственныя силы Іоанна, единовѣрца грековъ и естественнаго непріятеля ихъ утѣснителей.

Такъ говорятъ церковныя лѣтописи римскія о посольствѣ московскомъ. Дѣйствительно ли великій князь манилъ папу обѣщаніями принять уставъ Флорентійскаго собора, или Иванъ Фрязинъ клеветалъ на государя, употребляя во зло его довѣренность? или католики, обманывая самихъ себя, не то слышали и писали, что говорилъ посолъ нашъ? сіе остается неяснымъ.—Папа далъ Софіи богатое вѣно и послалъ съ нею въ Россію легата, именемъ Антонія, провождаемаго многими римлянами; а царевичи Андрей и Мануилъ отправили посломъ къ Іоанну грека Димитрія. Невѣста имѣла свой особенный дворъ, чиновниковъ и служителей: къ нимъ

присоединились и другіе греки, которые надѣялись обрѣсти въ единовѣрной Москвѣ второе для себя отечество. Папа взялъ нужныя мѣры для безопасности Софіи на пути и велѣлъ, чтобы во всѣхъ городахъ встрѣчали царевну съ надлежащею честію, давали ей съѣстные припасы, лошадей, проводниковъ, въ Италіи и въ Германіи, до самыхъ областей московскихъ. 24 іюня она выѣхала изъ Рима, сентября 1 прибыла въ Любекъ, откуда 10 числа отправилась на лучшемъ кораблѣ въ Ревель; 21 сентября вышла тамъ на берегъ и жила десять дней, пышно угощаемая на иждивеніе Ордена. Гонецъ Ивана Фрязина спѣшилъ изъ Ревеля черезъ Псковъ и Новгородъ въ Москву съ извѣстіемъ, что Софія благополучно переѣхала море. Посолъ московскій встрѣтилъ ее въ Дерптѣ, привѣтствуя именемъ государя и Россіи.

Между тѣмъ вся область Псковская была въ движеніи: правители готовили дары, запасъ, медъ и вина для царевны; разсылали всюду гонцовъ; украшали суда, лодки, и 11 октября выѣхали на Чудское озеро, къ устью Эмбаха встрѣтить Софію, которая, со всѣми ея многочисленными спутниками, тихо подъѣзжала къ берегу. Посадники, бояре, вышедши изъ судовъ и наливъ виномъ кубки, ударили челомъ своей будущей великой княгинѣ. Достигнувъ, наконецъ, земли русской, гдѣ Провидѣніе судило ей жить и царствовать, видя знаки любви, слыша усердныя привѣтствія россіянъ, она не хотѣла медлить ни часу на берегу ливонскомъ: степенный посадникъ принялъ ее и всѣхъ бывшихъ съ нею на суда. Два дня плыли озеромъ; ночевали у св. Николая въ Устьяхъ, 13 октября остановились въ монастырѣ Богоматери: тамъ игуменъ съ братіею отпѣлъ за Софію молебенъ; она одѣлась въ царскія ризы и, встрѣченная псковскимъ духовенствомъ у городскихъ воротъ, пошла въ соборную церковь, гдѣ народъ съ любопытствомъ смотрѣлъ на папскаго легата, Антонія и на его червленную одежду, высокую епископскую шапку, перчатки, и на серебряное, литое распятіе, которое несли передъ нимъ. Къ соблазну нашихъ христіанъ правовѣрныхъ, сей легатъ, вступивъ въ церковь, не поклонился святымъ иконамъ; но Софія велѣла ему приложиться къ образу Богоматери, замѣтивъ общее негодованіе. Тѣмъ болѣе народъ плѣнился царевною, которая съ живѣйшимъ усердіемъ молилась Богу, наблюдая всѣ обряды греческаго закона. Изъ церкви повели ее въ великокняжескій дворецъ. По тогдашнему обыкновенію, гостепріимство изъявлялось дарами: бояре и купцы поднесли Софіи пятьдесятъ рублей деньгами, а Ивану Фрязину десять рублей. Признательная къ усердію псковитянъ, она, чрезъ пять дней выѣзжая оттуда, сказала имъ съ ласкою: „Спѣшу къ моему и вашему государю; благодарю чиновниковъ, бояръ и весь Великій Псковъ за угощеніе, и рада при

всякомъ случаѣ ходатайствовать въ Москвѣ по дѣламъ вашимъ". — Въ Новгородѣ была ей такая же встрѣча отъ архіепископа, посадниковъ, тысячскихъ, бояръ и купцовъ, но царевна спѣшила въ Москву, гдѣ Іоаннъ ожидалъ ее съ нетерпѣніемъ.

Уже Софія находилась въ пятнадцати верстахъ отъ столицы, когда великій князь призвалъ бояръ на совѣтъ, чтобы рѣшить свое недоумѣніе. Легатъ папскій, желая имѣть болѣе важности въ глазахъ россіянъ, во всю дорогу ѣхалъ съ латинскимъ крыжемъ: то-есть предъ нимъ въ особенныхъ саняхъ везли серебряное распятіе, о коемъ мы выше упоминали. Великій князь не хотѣлъ оскорбить легата, но опасался, чтобы москвитяне, увидѣвъ сей торжественный обрядъ иновѣрія, не соблазнились, и желалъ знать мнѣніе бояръ. Нѣкоторые думали, согласно съ нашимъ посломъ Иваномъ Фрязинымъ, что не должно запретить того изъ уваженія къ папѣ: другіе, что доселѣ въ землѣ русской не оказывалось почестей латинской вѣрѣ; что примѣръ и гибель Исидора еще въ свѣжей памяти. Іоаннъ отнесся къ митрополиту Филиппу, и сей старецъ съ жаромъ отвѣтствовалъ: „Буде ты позволишь въ благовѣрной Москвѣ нести крестъ передъ латинскимъ епископомъ, то онъ внидетъ въ единыя врата, а я, отецъ твой, изыду другими вонъ изъ града. Чтить вѣру чуждую — есть унижать собственную". Великій князь немедленно послалъ боярина Ѳеодора Давидовича взять крестъ у легата и спрятать въ сани. Легатъ повиновался, хотя и съ неудовольствіемъ: тѣмъ болѣе спорилъ Иванъ Фрязинъ, осуждая митрополита. „Въ Италіи,—говорилъ онъ, — честили пословъ великокняжескихъ: слѣдственно въ Москвѣ надобно честить папскаго". Сей Фрязинъ, будучи въ Римѣ, таилъ перемѣну вѣры своей, сказывался католикомъ и въ самомъ дѣлѣ, принявъ греческій законъ въ Россіи только для мірскихъ выгодъ, внутренно исповѣдывалъ латинскій, считая насъ суевѣрами. Но бояринъ Ѳеодоръ Даниловичъ исполнилъ повелѣніе государя.

Царевна въѣхала въ Москву 12-го ноября, рано по утру, при стеченіи любопытнаго народа. Митрополитъ встрѣтилъ ее въ церкви: принявъ его благословеніе, она пошла къ матери Іоанновой, гдѣ увидѣлась съ женихомъ. Тутъ совершилось обрученіе: послѣ чего слушали обѣдню въ деревянной соборной церкви Успенія (ибо старая каменная была разрушена, а новая недостроена). Митрополитъ служилъ со всѣмъ знатнѣйшимъ духовенствомъ и великолѣпіемъ греческихъ обрядовъ; наконецъ, обвѣнчалъ Іоанна съ Софіею, въ присутствіи его матери, сына, братьевъ, множества князей и бояръ, легата Антонія, грековъ и римлянъ. На другой день легатъ и посолъ Софіиныхъ братьевъ, торжественно представленные великому князю, вручили ему письма и дары.

Въ то время, когда дворъ и народъ въ Москвѣ праздновали свадьбу государя, главный пособникъ сего счастливаго брака, Иванъ Фрязинъ, вмѣсто чаемой награды, заслужилъ оковы. Возвращаясь въ первый разъ изъ Рима чрезъ Венецію и называясь великимъ бояриномъ московскимъ, онъ былъ обласканъ дожемъ, Николаемъ Троно, который, узнавъ отъ него о тѣсныхъ связяхъ россіянъ съ моголами Золотой Орды, вздумалъ отправить туда посла чрезъ Москву, чтобы склонить хана къ нападенію на Турцію. Сей посолъ, именемъ Иванъ Батистъ Тревизанъ, дѣйствительно пріѣхалъ въ нашу столицу съ грамотою отъ дожа къ великому князю и съ просьбою, чтобы онъ велѣлъ проводить его къ хану Ахмату; но Иванъ Фрязинъ уговорилъ Тревизана не отдавать государю ни письма, ни обыкновенныхъ даровъ; обѣщалъ и безъ того доставить все нужное для путешествія въ Орду и, пришедши съ нимъ къ великому князю, назвалъ сего посла купцомъ венеціанскимъ, своимъ племянникомъ. Ложь ихъ открылась прибытіемъ Софіи: легатъ папскій и другіе изъ ея спутниковъ, зная лично Тревизана, зная также, съ чѣмъ онъ посланъ въ Москву, сказали о томъ государю. Іоаннъ, взыскательный, строгій до суровости, въ гнѣвѣ своемъ за дерзкій обманъ велѣлъ Фрязина оковать цѣпями, сослать въ Коломну, домъ разорить, жену и дѣтей взять подъ стражу, а Тревизана казнить смертію. Едва легатъ папскій и греки могли спасти жизнь сего послѣдняго усерднымъ за него ходатайствомъ, умоливъ государя, чтобы онъ прежде обослался съ сенатомъ и дожемъ венеціанскимъ.

Ласкаемый въ Москвѣ, посолъ римскій, согласно съ даннымъ ему отъ папы наставленіемъ, домогался, чтобы Россія приняла уставъ флорентійскаго собора. Можетъ быть, Іоаннъ, во время сватовства, искавъ благосклонности папы, давалъ сію надежду словами двусмысленными; но, будучи уже супругомъ Софіи, не хотѣлъ о томъ слышать. Лѣтописецъ говоритъ, что легатъ Антоній имѣлъ преніе съ нашимъ митрополитомъ Филиппомъ, но безъ малѣйшаго успѣха; что митрополитъ, опираясь на особенную мудрость какъ-то Никиты, московскаго книжника, ясно доказалъ истину греческаго исповѣданія, и что Антоній, не находя сильныхъ возраженій, самъ прекратилъ споръ, сказавъ: „нѣтъ книгъ со мною".—Пробывъ одиннадцать недѣль въ Москвѣ, легатъ и посолъ Софіиныхъ братьевъ отправились назадъ въ Италію съ богатыми дарами для папы и царевичей отъ великаго князя, сына его и Софіи, которая, по извѣстію нѣмецкихъ историковъ, обѣщавъ Сиксту IV наблюдать внушенныя ей правила Западной церкви, обманула его и сдѣлалась въ Москвѣ ревностною христіанкою вѣры греческой.

Главнымъ дѣйствіемъ сего брака, какъ мы уже замѣтили, было

то, что Россія стала извѣстнѣе въ Европѣ, которая чтила въ Софіи племя древнихъ императоровъ византійскихъ, и, такъ сказать, провождала ее глазами до предѣловъ нашего отечества; начались государственныя сношенія, пересылки; увидѣли москвитянъ дома и въ чужихъ земляхъ; говорили объ ихъ странныхъ обычаяхъ, но угадывали и могущество. Сверхъ того, многіе греки, пріѣхавшіе къ намъ съ царевною, сдѣлались полезны въ Россіи своими знаніями въ художествахъ и въ языкахъ, особенно въ латинскомъ, необходимомъ тогда для внѣшнихъ дѣлъ государственныхъ; обогатили спасенными отъ турецкаго варварства книгами московскія церковныя библіотеки и способствовали велелѣпію нашего двора сообщеніемъ ему пышныхъ обрядовъ византійскаго, такъ что съ сего времени столица Іоаннова могла дѣйствительно именоваться новымъ Царемградомъ, подобно древнему Кіеву. Слѣдственно паденіе Греціи, содѣйствовавъ возрожденію наукъ въ Италіи, имѣло счастливое вліяніе и на Россію.—Нѣкоторые знатные греки выѣхали къ намъ послѣ изъ самаго Константинополя: напримѣръ, въ 1485 году, Іоаннъ Палеологъ Рало, съ женою и съ дѣтьми, а въ 1495 г. бояринъ Ѳеодоръ Ласкиръ съ сыномъ Димитріемъ. Софія звала къ себѣ и братьевъ; но Мануилъ предпочелъ дворъ Магомета II, уѣхалъ въ Царьградъ, и тамъ, осыпанный благодѣяніями султана, провелъ остатокъ жизни въ изобиліи. Андрей же, совокупившись бракомъ съ одною распутною гречанкою, два раза (въ 1480 и 1490 году) пріѣзжалъ въ Москву и выдалъ дочь свою, Марію, за князя Василія Михайловича Верейскаго; однакожъ, возвратился въ Римъ (гдѣ лежатъ кости его подлѣ отцовскихъ въ храмѣ св. Петра). Кажется, что онъ былъ недоволенъ великимъ княземъ: ибо въ духовномъ завѣщаніи отказалъ свои права на Восточную имперію не ему, а иновѣрнымъ государямъ Кастиліи, Фердинанду и Елисаветѣ, хотя Іоаннъ, по свойству съ царями греческими, принялъ и гербъ ихъ, орла двухглаваго, соединивъ его на своей печати съ московскимъ; то-есть на одной сторонѣ изображался орелъ, а на другой — всадникъ, попирающій дракона, съ надписью: „Великій князь Божіею милостію господарь всея Руси“.

Вслѣдъ за легатомъ римскимъ великій князь послалъ въ Венецію Антона Фрязина съ жалобою на Тревизана, повелѣвъ сказать дожу: „кто шлетъ посла чрезъ мою землю тайно, обманомъ, не испросивъ дозволенія, тотъ нарушаетъ уставы чести“. Дожъ и сенатъ, услышавъ, что бѣдный Тревизанъ сидитъ въ Москвѣ подъ стражею, окованный цѣпями, прибѣгнули къ ласковымъ убѣжденіямъ, прося, чтобы великій князь освободилъ его для общаго блага христіанъ и отправилъ къ хану, снабдивъ всѣмъ нужнымъ для сего путешествія, изъ дружбы къ республикѣ, которая съ

благодарностію заплатить сей долгъ. Іоаннъ умилостивился, освободилъ Тревизана, далъ ему семьдесятъ рублей и, вмѣстѣ съ нимъ пославъ въ орду дьяка своего возбуждать хана противъ Магомета II, увѣдомилъ о томъ венеціанскаго дожа. Сіе новое посольство въ Италію особенно любопытно тѣмъ, что главою онаго былъ уже не иноземецъ, но россіянинъ, именемъ Семенъ Толбузинъ, который взялъ съ собою Антона Фрязина въ качествѣ переводчика, и сверхъ государственнаго дѣла имѣлъ порученіе вывезти оттуда искуснаго зодчаго.

Здѣсь въ первый разъ видимъ Іоанна пекущагося о введеніи художествъ въ Россію: ознаменованный величіемъ духа, истинно царскимъ, онъ хотѣлъ не только ея свободы, могущества, внутренняго благоустройства, но и внѣшняго велелѣпія, которое сильно дѣйствуетъ на воображеніе людей и принадлежитъ къ успѣхамъ ихъ гражданскаго состоянія. Владиміръ Святый и Ярославъ Великій украсили древній Кіевъ памятниками византійскихъ искусствъ: Андрей Боголюбскій призывалъ оныя и на берега Клязьмы, гдѣ владимірская церковь Богоматери еще служила предметомъ удивленія для сѣверныхъ россіянъ; но Москва, возникшая въ вѣки слезъ и бѣдствій, не могла еще похвалиться ни однимъ истинно величественнымъ зданіемъ. Соборный храмъ Успенія, основанный св. митрополитомъ Петромъ, уже нѣсколько лѣтъ грозилъ паденіемъ, и митрополитъ Филиппъ желалъ воздвигнуть новый по образцу владимірскаго. Долго готовились; вызывали отовсюду строителей; заложили церковь съ торжественными обрядами, съ колокольнымъ звономъ, въ присутствіи всего двора; перенесли въ оную изъ старой гробы князя Георгія Даніиловича и всѣхъ митрополитовъ (самъ государь, сынъ его, братья, знатнѣйшіе люди несли мощи св. чудотворца Петра, особеннаго покровителя Москвы). Сей храмъ еще не былъ достроенъ, когда Филиппъ митрополитъ, скоро послѣ Іоаннова бракосочетанія, преставился, испуганный пожаромъ, который обратилъ въ пепелъ его кремлевскій домъ: обливаясь слезами надъ гробомъ св. Петра и съ любовію утѣшаемый великимъ княземъ, Филиппъ почувствовалъ слабость въ рукѣ отъ паралича; велѣлъ отвезти себя въ монастырь Богоявленскій и жилъ только одинъ день, до послѣдней минуты говоривъ Іоанну о совершеніи новой церкви. Преемникъ его Геронтій (бывшій коломенскій епископъ, избранный въ митрополиты соборомъ нашихъ святителей) также ревностно пекся объ ея строеніи; но едва складенная до сводовъ, она съ ужаснымъ трескомъ упала, къ великому огорченію государя и народа. Видя необходимость имѣть лучшихъ художниковъ, чтобы воздвигнуть храмъ, достойный быть первымъ въ Россійской державѣ, Іоаннъ послалъ во Псковъ за тамошними каменщиками,

учениками нѣмцевъ, и велѣлъ Толбузину, чего бы то ни стоило, сыскать въ Италіи архитектора опытнаго для сооруженія Успенской каѳедральной церкви. Вѣроятно даже, что сіе дѣло было главною виною его посольства. Уже Италія, пробужденная зарею наукъ, умѣла цѣнить памятники древней римской изящной архитектуры, презирая готическую, столь несоразмѣрную, неправильную, тяжелую, и арабскую, расточительную въ мелочныхъ украшеніяхъ. Образовался новый, лучшій вкусъ въ зданіяхъ, хотя еще и несовершенный, но итальянскіе архитекторы уже могли назваться превосходнѣйшими въ Европѣ.

Принятый въ Венеціи благосклонно отъ новаго дожа, Марчелла и взявъ съ республики семь сотъ рублей за все, чѣмъ снабдили Тревизана въ Москвѣ изъ казны великокняжеской, Толбузинъ нашелъ тамъ зодчаго, болонскаго уроженца, именемъ Фіоравенти-Аристотеля, котораго Магометъ II звалъ тогда въ Царьградъ для строенія султанскихъ палатъ, но который захотѣлъ лучше ѣхать въ Россію, съ условіемъ, чтобы ему давали ежемѣсячно по десяти рублей жалованья, или около двухъ фунтовъ серебра. Онъ уже славился своимъ искусствомъ, построивъ въ Венеціи большую церковь и ворота, отмѣнно красивыя, такъ что правительство съ трудомъ отпустило его, въ угожденіе государю московскому. Прибывъ въ столицу нашу, сей художникъ осмотрѣлъ развалины новой кремлевской церкви: хвалилъ гладкость работы, но сказалъ, что известь наша не имѣетъ достаточной вязкости, а камень не твердъ, и что лучше дѣлать своды изъ плиты. Онъ ѣздилъ въ Владиміръ, видѣлъ тамъ древнюю соборную церковь и дивился въ ней произведенію великаго искусства; далъ мѣру кирпича; указалъ, какъ надобно обжигать его, какъ растворять известь; нашелъ лучшую глину за Андроньевымъ монастыремъ; махиною, неизвѣстною тогдашнимъ москвитянамъ и называемою бараномъ, разрушилъ до основанія стѣны кремлевской церкви, которыя уцѣлѣли въ ея паденіи; выкопалъ новые рвы: и наконецъ заложилъ великолѣпный храмъ Успенія, донынѣ стоящій предъ нами, какъ знаменитый памятникъ греко-итальянской архитектуры XV вѣка, чудесный для современниковъ, достойный хвалы и самыхъ новѣйшихъ знатоковъ искусства, своимъ твердымъ основаніемъ, расположеніемъ, соразмѣрностію, величіемъ. Построенная въ четыре года, сія церковь была освящена въ 1479 году, августа 12, митрополитомъ Геронтіемъ съ епископами.

Чтобы представить читателямъ въ одномъ мѣстѣ все сдѣланное Іоанномъ для украшенія столицы, опишемъ здѣсь и другія зданія его времени. Довольный столь счастливымъ опытомъ Аристотелева искусства, онъ разными посольствами старался призывать къ себѣ художниковъ изъ Италіи: создалъ новую церковь Благо-

вѣщенія на своемъ дворѣ, а за нею — на площади, гдѣ стоялъ теремъ — огромную палату, основанную Маркомъ Фрязиномъ въ 1487 году и совершенную имъ въ 1491 съ помощію другого итальянскаго архитектора, Петра Антонія. Она долженствовала быть мѣстомъ торжественныхъ собраній двора, особенно въ случаѣ посольствъ иноземныхъ, когда государь хотѣлъ являться въ величіи и блескѣ, слѣдуя обычаю монарховъ византійскихъ. Сія палата есть такъ называемая Грановитая, которая въ теченіе трехсотъ двадцати лѣтъ сохранила всю цѣлость и красоту свою: тамъ видимъ и нынѣ тронъ вѣнценосцевъ россійскихъ, съ коего они въ первые дни ихъ царствованія изливаютъ милости на вельможъ и народъ.—Дотолѣ великіе князья обитали въ деревянныхъ зданіяхъ: Іоаннъ (въ 1492 году) велѣлъ разобрать ветхій дворецъ и поставить новый на Ярославскомъ мѣстѣ, за церковію Архангела Михаила; но не долго жилъ въ ономъ: сильный пожаръ (въ 1493 году) обратилъ весь городъ въ пепелъ, отъ св. Николая на Пескахъ до поля за Москвою рѣкою и за Срѣтенскою улицею: Арбать, Неглинную, Кремль, гдѣ сгорѣли дворы великаго князя и митрополитовъ со всѣми житницами на Подолѣ, обрушилась церковь Іоанна Предтечи у Боровицкихъ воротъ (подъ коею хранилась казна великой княгини Софіи), и вообще не осталось ни одного цѣлаго зданія, кромѣ новой палаты и соборовъ (въ Успенскомъ обгорѣлъ алтарь, крытый нѣмецкимъ желѣзомъ). Государь переѣхалъ въ какой-то большой домъ на Яузу, къ церкви св. Николая Подкопаева, и рѣшился соорудить дворецъ каменный, заложенный въ маѣ 1499 года медіоланскимъ архитекторомъ Алевизомъ, на старомъ мѣстѣ, у Благовѣщенія; глубокіе погребы и ледники служили основаніемъ сего великолѣпнаго зданія, совершеннаго черезъ девять лѣтъ и нынѣ именуемаго дворцомъ теремнымъ. Между тѣмъ Іоаннъ жилъ на своемъ Кремлевскомъ дворѣ въ деревянныхъ хоромахъ, а иногда на Воронцовѣ полѣ. Угождая государю, знатные люди также начали строить себѣ каменные дома; въ лѣтописяхъ упоминается о палатахъ митрополита Василія Өедоровича Образца и головы московскаго Дмитрія Владиміровича Ховрина.

Величественныя кремлевскія стѣны и башни равномѣрно воздвигнуты Іоанномъ: ибо древнѣйшія, сдѣланныя въ княженіе Димитрія Донского, разрушились, и столица наша уже не имѣла каменной ограды. Антонъ Фрязинъ, въ 1485 году, іюля 19, заложилъ на Москвѣ-рѣкѣ стрѣльницу, а въ 1488 другую, Свибловскую, съ тайниками или подземельнымъ ходомъ; италіянецъ Марко построилъ Беклемишевскую; Петръ Антоній Фрязинъ двѣ надъ Боровицкими и Константино-Еленскими воротами, и третію Фроловскую; башня надъ рѣчкою Неглинною совершена въ 1492 году

неизвѣстнымъ архитекторомъ. Окружили всю крѣпость высокою, твердою, широкою стѣною, и великій князь приказалъ сломать вокругъ не только всѣ дворы, но и церкви, уставивъ, чтобы между ею и городскимъ строеніемъ было не менѣе ста девяти саженей. Такимъ образомъ Іоаннъ украсилъ, укрѣпилъ Москву, оставивъ Кремль долговѣчнымъ памятникомъ своего царствованія, едва ли не превосходнѣйшимъ въ сравненіи со всѣми иными европейскими зданіями пятаго-надесять вѣка.—Послѣднимъ дѣломъ италіянскаго зодчества при семъ государѣ было основаніе новаго Архангельскаго собора, куда перенесли гробы древнихъ князей Московскихъ изъ ветхой церкви св. Михаила, построенной Іоанномъ Калитою, и тогда разобранной.—Кромѣ зодчихъ, великій князь выписывалъ изъ Италіи мастеровъ пушечныхъ и серебренниковъ. Фрязинъ, Павелъ Дебосисъ, въ 1488 году слилъ въ Москвѣ огромную Царь-пушку. Въ 1494 году выѣхалъ къ намъ изъ Медіолана другой художникъ огнестрѣльнаго дѣла, именемъ Петръ. Италіянскіе серебреники начали искусно чеканить русскую монету, вырѣзывали на оной свое имя: такъ на многихъ деньгахъ Іоанна Васильевича видимъ надпись: Aristoteles, ибо сей знаменитый архитекторъ славился и монетнымъ художествомъ (сверхъ того лилъ пушки и колокола).—Однимъ словомъ, Іоаннъ, чувствуя превосходство другихъ европейцевъ въ гражданскихъ искусствахъ, ревностно желалъ заимствовать отъ нихъ все полезное, кромѣ обычаевъ, усердно держась русскихъ; оставлялъ вѣрѣ и духовенству образовать умъ и нравственность людей; не думалъ въ философическомъ смыслѣ просвѣщать народа, но хотѣлъ доставить ему плоды наукъ, нужнѣйшіе для величія Россіи.—Теперь обратимся къ государственнымъ происшествіямъ.

Западъ Россіи, нѣмцы и Литва были предметомъ Іоаннова вниманія. Князь Θеодоръ Юрьевичъ Шуйскій, нѣсколько лѣтъ властвовавъ во Псковѣ какъ государевъ намѣстникъ и, свѣдавъ, что тамошніе граждане, не любя его, послали къ великому князю требовать себѣ иного правителя, уѣхалъ въ Москву. Псковитяне желали вторично имѣть своимъ княземъ Ивана Стригу, или Бабича, или Стригина брата, князя Ярослава: государь далъ имъ послѣдняго, сказавъ, что первые нужны ему самому для ратнаго дѣла. Въ то же время псковитяне извѣстили Іоанна о непріятельскомъ расположеніи Ливонскаго Ордена. Еще не минулъ срокъ перемирія, заключеннаго ими съ магистромъ въ 1463 году на девять лѣтъ, когда нѣмцы, подведенные русскими лазутчиками, сожгли нѣсколько деревень на берегахъ Синяго озера: псковитяне, казнивъ своихъ измѣнниковъ, удовольствовались жалобами на вѣроломство Ордена. Въ 1471 году магистръ прислалъ брата своего сказать имъ, что онъ намѣренъ переселиться изъ Риги

въ Феллинъ, и желаетъ соблюсти дружбу съ ними, требуя, чтобы они не вступались въ землю и воды за Краснымъ городкомъ. Псковитяне отвѣтствовали, что магистръ воленъ жить, гдѣ ему угодно, что миръ съ ихъ стороны не будетъ нарушенъ, но что упомянутыя мѣста издревле суть достояніе великихъ князей. Условились рѣшить споръ на общемъ съѣздѣ, и назначили время. Уже Іоаннъ, замышляя быть истиннымъ государемъ всей Россіи, не считалъ дѣлъ псковскихъ или новогородскихъ какъ бы чуждыми для Москвы: онъ послалъ своего боярина выслушать требованія Ордена, но переговоры, бывшіе въ Нарвѣ и въ Новѣгородѣ, не имѣли успѣха: нѣмецкіе послы уѣхали назадъ съ досадою, и великій князь, исполняя желаніе псковитянъ, отправилъ къ нимъ войско, составленное изъ городскихъ полковъ и дѣтей боярскихъ, коими предводительствовалъ славный мужъ, князь Даніилъ Холмскій, имѣя подъ своимъ начальствомъ болѣе двадцати князей. Чиновники псковскіе, встрѣтивъ сію знатную рать съ хлѣбомъ и съ медомъ, удивились ея многочисленности, такъ что она едва могла помѣститься въ городѣ, за рѣкою Великою. Холмскій нетерпѣливо желалъ вступить въ Ливонію: къ несчастію, сдѣлалась оттепель въ декабрѣ мѣсяцѣ; рѣки вскрылись; не было ни зимняго, ни лѣтняго пути; воины скучали праздностію, а граждане убыткомъ, ибо должны были безденежно кормить и людей, и коней. Съ москвитянами пришло нѣсколько сотъ татаръ: сіи наемники силою отнимали у жителей скотъ и разные запасы, пока Холмскій строгостію не унялъ ихъ, опредѣливъ, что городъ обязанъ ежедневно давать на содержаніе полковъ.

Но сей убытокъ былъ вознагражденъ счастливыми слѣдствіями. Слухъ о прибытіи московской рати столь испугалъ магистра и епископа дерптскаго, что они немедленно прислали своихъ чиновниковъ для возобновленія мира: первый на двадцать пять, а второй на тридцать лѣтъ, съ условіемъ, чтобы нѣмцамъ не вступаться въ земли псковитянъ, давать вездѣ свободный путь ихъ купцамъ и не пропускать въ Россію изъ Ливоніи ни меда, ни пива. Въ семъ договорѣ участвовали и новогородцы, коихъ войско также готовилось дѣйствовать противъ Ордена вмѣстѣ въ великокняжескимъ. Такъ Іоаннъ вводилъ единство въ систему внѣшней политики россійской, къ крайнему безпокойству нашихъ западныхъ сосѣдовъ, видѣвшихъ, что Новгородъ, Псковъ и Москва дѣлаются одною державою, управляемою государемъ благоразумнымъ, миролюбивымъ, но рѣшительнымъ въ намѣреніяхъ и сильнымъ въ исполненія. Получивъ извѣстіе, что магистръ и правительство дерптское клятвою утвердили мирныя условія, князь Холмскій возвратился въ Москву съ честію и съ даромъ двухъ сотъ рублей отъ признательныхъ псковитянъ, которые особенною

грамотою, отправленною съ гонцемъ, изъявили благодарность Іоанну за его милостивое вспоможеніе.

Но великій князь не былъ доволенъ ни ими, ни Холмскимъ: ими за то, что они дерзнули, вмѣсто знатныхъ людей, прислать къ нему гонца; а князь Холмскій заслужилъ гнѣвъ Іоанновъ какою-то виною, вѣроятно не умышленною: ибо сей государь, строгій по нраву и правиламъ, скоро простилъ ему оную, взявъ съ него клятвенную грамоту слѣдующаго содержанія: „Я, князь Данило Дмитріевичъ Холмскій, билъ челомъ государю за мою вину посредствомъ господина Геронтія митрополита и епископовъ, во уваженіе чего онъ простилъ меня, слугу своего; а мнѣ, князю Данилу, быть ему вѣрнымъ до конца жизни и не искать службы въ иныхъ земляхъ. Когда же преступлю клятву, да лишуся милости Божіей и благословенія пастырскаго въ сей вѣкъ и въ будущій, государь же и дѣти его вольны казнить меня“, и проч. Сверхъ того вельможи дали восемь поручныхъ грамотъ за Холмскаго, обязываясь, въ случаѣ его измѣны, внести въ казну двѣ тысячи рублей. Іоаннъ же, въ знакъ искренняго прощенія, пожаловалъ князя Даніила бояриномъ.

Псковитяне, услышавъ о гнѣвѣ государя, немедленно отправили къ нему князя Ярослава Васильевича съ тремя посадниками и многими боярами: Іоаннъ не пустилъ ихъ къ себѣ на глаза, даже въ городъ, такъ что они, простоявъ пять дней въ шатрахъ на полѣ, должны были ѣхать обратно; наконецъ, смягченный ихъ скорбію и новымъ торжественнымъ посольствомъ, сей хитрый государь принялъ отъ нихъ даръ сто пятьдесятъ рублей и милостиво объявилъ, что будетъ править своею псковскою отчиною согласно съ древними грамотами великихъ князей: то-есть онъ хотѣлъ, наблюдая во всемъ достоинство монарха, пріучить и вельможъ, и гражданъ къ благоговѣнію передъ его священнымъ саномъ и, грозя внѣшнимъ непріятелямъ, умножалъ внутреннюю силу Россіи строгимъ дѣйствіемъ самодержавной власти.

Доселѣ Іоаннъ не имѣлъ никакихъ извѣстныхъ дѣлъ, ни сношеній съ Литвою, сильнымъ ударомъ меча исхитивъ изъ ея рукъ Новгородъ и до времени оставляя Казимира тщетно злобиться на Россію. Одни псковитяне пересылались съ симъ королемъ, желая дружелюбно утвердить границы между его и своими владѣніями. Съ обѣихъ сторонъ честили и дарили пословъ, съѣзжались сановники на рубежѣ и не могли согласиться въ преніяхъ. Самъ Казимиръ былъ въ Полоцкѣ, обѣщался собственными глазами осмотрѣть всѣ спорныя мѣста, но не сдержалъ слова. Лаская псковитянъ, онъ давалъ имъ чувствовать, что признаетъ ихъ народомъ вольнымъ, независимымъ отъ Москвы, и готовъ всегда жить въ дружбѣ съ ними. Осенью въ 1473 году открылись но-

пріятельскія дѣйствія между москвитянами и Литвою. Первые, ограбивъ городъ Любушекъ, ушли назадъ съ добычею и съ плѣнниками; а любчане напали на князя Симеона Одоевскаго, россійскаго подданнаго, убили его въ сраженіи, но не могли ничего завоевать въ нашихъ предѣлахъ. Вѣроятно, что сей случай заставилъ Казимира отправить въ Москву посла, именемъ Богдана, или съ жалобами, или съ дружественными предложеніями, на которыя Іоаннъ отвѣтствовалъ ему чрезъ своего посла, Василія Китая: слѣдствіемъ было то, что сіи государи остались только внутренно непріятелями, не объявляя войны другъ другу.

Хитрая политика Іоаннова еще яснѣе видна въ дѣлахъ ординскихъ сего времени. Царь Казанскій жилъ тогда спокойно и не тревожилъ Россіи, однакожъ былъ опаснымъ для насъ сосѣдомъ: чтобы имѣть въ рукахъ своихъ орудіе противъ Казани, великій князь подговорилъ одного изъ ея царевичей, Муртозу, сына Мустафы, къ себѣ на службу и далъ ему Новгородокъ Рязанскій съ волостями.

Ханъ таврическій или крымскій, знаменитый Ази-Гирей, умеръ около 1467 года, оставивъ шесть сыновей: Нордоулата, Айдара Усмемаря, Менгли-Гирея, Ямгурчея и Милкомана, изъ коихъ старшій, Нордоулатъ, заступилъ мѣсто отца, но сверженный братомъ, Менгли-Гиреемъ, искалъ убѣжища въ Польшѣ. Сіе обстоятельство и союзъ Казимировъ съ непріятелемъ Таврической Орды, ханомъ волжскимъ, Ахматомъ, возбудивъ въ Менгли-Гиреѣ недовѣріе къ королю польскому, дали мысль прозорливому Іоанну искать дружбы новаго царя Крымскаго, посредствомъ одного богатаго жида, именемъ Хози Кокоса, жившаго въ Кафѣ, гдѣ купцы наши часто бывали для торговли съ генуэзцами. Зная по слуху новое могущество Россіи и личныя достоинства государя ея, Менгли-Гирей столь обрадовался предложенію Іоаннову, что немедленно написалъ къ нему ласковую грамоту, привезенную въ Москву Исупомъ, шуриномъ Хози Кокоса. Такъ началася дружелюбная связь между сими двумя государями, непрерывная до конца ихъ жизни, выгодная для обоихъ, и еще полезнѣйшая для насъ: ибо она, ускоривъ гибель Большой или Золотой Орды и развлекая силы Польши, явно способствовала величію Россіи.

Іоаннъ послалъ въ Крымъ толмача своего Иванчу, желая заключить съ ханомъ торжественный союзъ; а Менгли Гирей, въ 1473 году, прислалъ въ Москву чиновника Ази-Бабу, который именемъ его клятвенно утвердилъ предварительный мирный договоръ между Крымомъ и Россіею, состоящій въ томъ, чтобы царю Менгли-Гирею, уланамъ и князьямъ его быть съ Іоанномъ въ братской дружбѣ и любви, противъ недруговъ стоять за-одно, не воевать государства Московскаго, разбойниковъ же и хищниковъ

казнить, плѣнныхъ выдавать безъ окупа, все насиліемъ отнятое возвращать сполна, и съ обѣихъ сторонъ ѣздить посламъ свободно безъ платежа купеческихъ пошлинъ. Вмѣстѣ съ Ази-Бабою отправился въ Крымъ посломъ бояринъ Никита Беклемишевъ, коему, сверхъ упомянутаго мирнаго договора, даны были еще прибавленія; первое въ такихъ словахъ: ты, великій князь, обязанъ слать ко мнѣ, царю, поминки или дары ежегодные. Государь велѣлъ Беклемишеву согласиться на сіе единственно въ случаѣ неотступнаго ханскаго требованія. Во второмъ прибавленіи Іоаннъ обѣщался дѣйствовать съ Менгли-Гиреемъ совокупно противъ хана Золотой Орды, Ахмата, если онъ (Менгли-Гирей) самъ будетъ помогать Россіи противъ короля польскаго. Никита Беклемишевъ долженъ былъ увѣриться въ пріязни ближнихъ князей царевыхъ, одарить ихъ соболями, заѣхать въ Кафу, изъявить благодарность Хозѣ Кокосу за оказанную имъ услугу въ сношеніяхъ съ крымскимъ царемъ и требовать отъ тамошняго консула, чтобы генуэзцы выдали россійскимъ купцамъ отнятые у нихъ товары на двѣ тысячи рублей, и впредь не дѣлали подобнаго насилія, вреднаго для успѣховъ взаимной торговли.

Беклемишевъ возвратился въ Москву съ крымскимъ посломъ, Довлетекомъ Мурзою, и съ клятвенною ханскою грамотою, на коей Іоаннъ, въ присутствіи сего мурзы, цѣловалъ крестъ въ увѣреніе, что будетъ точно исполнять всѣ условія союза. Довлетекъ жилъ въ Москвѣ четыре мѣсяца и поѣхалъ назадъ въ Тавриду съ великокняжескимъ чиновникомъ, Алексѣемъ Ивановымъ Старковымъ, коего наказъ состоялъ въ слѣдующемъ: „Сказать хану: князь великій, Іоаннъ, челомъ бьетъ. Ты пожаловалъ меня себѣ братомъ и другомъ, чтобы намъ имѣть общихъ пріятелей и враговъ: благодарствую за твое жалованье. Ты хочешь, чтобы я принялъ къ себѣ Зенебека царевича: въ минувшее лѣто онъ просился въ мою службу; но я отказалъ ему, считая его твоимъ недругомъ: нынѣ послалъ за нимъ въ Орду, чтобы сдѣлать тебѣ угодное. Мы взаимно обязались крѣпкимъ словомъ любви по нашей вѣрѣ: не преступай клятвы; я исполню свою". Но въ семъ заключенномъ между Россіею и Крымомъ договорѣ не упоминалось именно ни объ Ахматѣ, ни о Казимирѣ: Іоаннъ не обязывался воевать съ первымъ, ибо Менгли-Гирей не далъ клятвы дѣйствовать вмѣстѣ съ Россіею противъ послѣдняго. Старковъ долженствовалъ объявить хану, что одно не можетъ быть безъ другого. Сверхъ того ему велѣно было жаловаться на кафинскихъ генуэзцевъ, ограбившихъ какого-то россійскаго посла и нашихъ купцовъ: въ случаѣ неудовлетворенія Іоаннъ грозилъ силою управиться съ сими разбойниками. Наконецъ посолъ московскій имѣлъ приказаніе вручить дары Манкупскому князю

Исайку (изъ благодарности за дружелюбное принятіе Никиты Беклемишева) и развѣдать чрезъ Хозю Кокоса, сколько тысячъ золотыхъ готовитъ сей владѣтель въ приданое за своею дочерью, которую онъ предлагалъ въ невѣсты сыну великаго князя, Іоанну Іоанновичу. Извѣстно, что Манкупъ (нынѣ мѣстечко въ Тавридѣ, на высокой неприступной горѣ), былъ прежде знаменитою крѣпостію и назывался городомъ Готскимъ: ибо тамъ съ третьяго вѣка обитали готы тетракситы, христіане греческой вѣры, данники козаровъ, половцевъ, моголовъ, генуэзцевъ, но управляемые собственными властителями, изъ коихъ послѣдній былъ сей Исайко, пріятель Іоанновъ по единовѣрію.

Старковъ не могъ исполнить данныхъ ему повелѣній: ибо все перемѣнилось въ Тавридѣ. Братъ ханскій Айдаръ, собравъ многочисленную толпу преданныхъ ему людей, изгналъ неосторожнаго Менгли-Гирея, бѣжавшаго въ Кафу къ генуэзцамъ. Скоро явился на Черномъ морѣ сильный турецкій флотъ подъ начальствомъ визиря Магометова, Ахмета паши; сей искусный вождь, приставъ къ берегамъ Тавриды, въ шесть дней овладѣлъ Кафою, гдѣ въ первый разъ кровь русская пролилася отъ меча оттомановъ: тамъ находилось множество нашихъ купцовъ: нѣкоторые изъ нихъ лишились жизни, другіе имѣнія и вольности. Генуэзцы ушли въ Манкупъ, какъ въ неприступное мѣсто; но визирь осадилъ и сію крѣпость. Пишутъ, что ея начальникъ, выѣхавъ на охоту, былъ взятъ въ плѣнъ турками, и что осажденные, потерявъ бодрость, искали спасенія въ бѣгствѣ, гонимые, убиваемые непріятелемъ. Истребивъ до основанія державу генуэзскую въ Тавридѣ, болѣе двухъ вѣковъ существовавшую, и покоривъ весь Крымъ султану, Ахметъ-паша возвратился въ Константинополь съ великимъ богатствомъ и съ плѣнниками, въ числѣ коихъ былъ и Менгли-Гирей съ двумя братьями. Султанъ обласкалъ сего хана, назвалъ законнымъ властителемъ Крыма и, велѣвъ изобразить его имя на монетѣ, отправилъ господствовать надъ симъ полуостровомъ въ качествѣ своего присяжника. Но Менгли-Гирей, еще не успѣвъ возстановить въ Тавридѣ порядка, разрушеннаго турецкимъ завоеваніемъ, былъ вторично изгнанъ оттуда Ахматомъ, царемъ Золотой Орды, котораго сынъ, предводительствуя сильнымъ войскомъ, овладѣлъ всѣми городами крымскими.

Іоаннъ, огорченный новымъ бѣдствіемъ Менгли-Гирея, въ то же время свѣдалъ, что Ахматъ, добровольно или принужденно, уступилъ Тавриду царевичу Зенебеку, который прежде искалъ службы въ Россіи. Зенебекъ, ставъ ханомъ крымскимъ, не ослѣпился своимъ временнымъ счастіемъ, предвидѣлъ опасности и прислалъ въ Москву чиновника, именемъ Яфара Бердѣя, узнать, можетъ ли онъ, въ случаѣ изгнанія, найти у насъ безопасное

убѣжище. Великій князь отвѣтствовалъ ему чрезъ гонца: „Еще не имѣя ни силы, ни власти и будучи единственно казакомъ, ты спрашивалъ у меня, найдешь ли отдохновеніе въ землѣ моей, если конь твой утрудится въ полѣ? Я обѣщалъ тебѣ безопасность и спокойствіе. Нынѣ радуюсь твоему благополучію; но если обстоятельства перемѣнятся, то считай мою землю вѣрнымъ для себя пристанищемъ". Сей гонецъ долженъ былъ изъясниться съ Зенебекомъ наединѣ и предложить ему возобновленіе союза, заключеннаго между Россіею и Менгли-Гиреемъ.

Въ семъ сношеніи не было слова о царѣ Большой Орды, Ахматѣ, который, несмотря на свое неудачное покушеніе смирить Іоанна оружіемъ, еще именовался нашимъ верховнымъ властителемъ и требовалъ дани. Пишутъ, что великая княгиня Софія, жена хитрая, честолюбивая, не преставала возбуждать супруга къ сверженію ига, говоря ему ежедневно: „долго ли быть мнѣ рабынею ханскою"? Въ Кремлѣ находился особенный для татаръ домъ, гдѣ жили послы, чиновники и купцы ихъ, наблюдая за всѣми поступками великихъ князей, чтобы извѣщать о томъ хана: Софія не хотѣла терпѣть столь опасныхъ лазутчиковъ; послала дары женѣ Ахматовой и писала къ ней, что она, имѣвъ какое-то видѣніе, желаетъ создать храмъ на Ордынскомъ подворьѣ (гдѣ нынѣ церковь Николы Гостунскаго): проситъ его себѣ, и даетъ вмѣсто онаго другое. Царица согласилась; домъ разломали, и татары, выѣхавъ изъ него, остались безъ пристанища: ихъ уже не впускали въ Кремль. Пишутъ еще, что Софія убѣдила Іоанна не встрѣчать пословъ ординскихъ, которые обыкновенно привозили съ собою басму, образъ или болванъ хана; что древніе князья Московскіе всегда выходили пѣшіе изъ города, кланялись имъ, подносили кубокъ съ молокомъ кобыльимъ, и для слушанія царскихъ грамотъ, подстилая мѣхъ соболій подъ ноги чтецу, преклоняли колѣна. На мѣстѣ, гдѣ бывала сія встрѣча, создали въ Іоанново время церковь, именуемую донынѣ Спасомъ на Болвановкѣ.—Однакожъ, въ надеждѣ скоро видѣть гибель Орды, какъ необходимое слѣдствіе внутреннихъ ея междоусобій, великій князь уклонялся отъ войны съ Ахматомъ, и манилъ его обѣщаніями; платилъ ему, кажется, и нѣкоторую дань: ибо въ грамотахъ, тогда писанныхъ, все еще упоминается о выходѣ ординскомъ. Въ 1474 году былъ въ улусахъ нашъ посолъ Никифоръ Басенковъ, а въ Москвѣ ханскій, именемъ Карачукъ: съ послѣднимъ находилось 600 служителей и 3,200 торговыхъ людей, которые привели 40,000 азіатскихъ лошадей для продажи въ Россіи. Въ 1475 году дьякъ Іоанновъ, Лазаревъ, возвратился изъ Большой Орды съ извѣстіемъ, что ханъ отпустилъ венеціанскаго посла Тревизана въ Италію моремъ, не изъявивъ желанія

воевать съ турками. Изгнавъ Менгли-Гирея изъ Крыма, Ахматъ, ободренный симъ успѣхомъ, велѣлъ гордо сказать Іоанну чрезъ мурзу, именемъ Бочюка, чтобы онъ вспомнилъ древнюю обязанность россійскихъ князей и немедленно самъ ѣхалъ въ Орду поклониться царю своему: великій князь дружелюбно угостилъ Бочюка, послалъ съ нимъ въ улусы Тимоѳея Бестужева, вѣроятно и дары, но не думалъ исполнить требованія Ахматова.

Въ сіе время мы имѣли сношеніе и съ Персіею, гдѣ царствовалъ славный Узунъ-Гассанъ, князь племени туркоманскаго, овладѣвшій всѣми странами Азіи отъ Инда и Окса до Евфрата. Слыша о знаменитыхъ успѣхахъ его оружія, дѣятельная республика Венеціанская отправила къ нему посла, именемъ Контарини, съ предложеніемъ дѣйствовать общими силами противъ Магомета II. Контарини ѣхалъ туда черезъ Польшу, Кіевъ, Кафу, Мингрелію, Грузію и встрѣтилъ въ Экбатанѣ чиновника великокняжескаго, Марка Руфа, итальянскаго или греческаго уроженца, который имѣлъ переговоры съ царемъ Узуномъ. Великій князь, безъ сомнѣнія, искалъ дружбы персидскаго завоевателя, съ намѣреніемъ угрожать ею хану Большой Орды Ахмату: сіе тѣмъ вѣроятнѣе, что Узунъ-Гассанъ, семидесятилѣтній, но бодрый старецъ, вообще ненавидѣлъ моголовъ, зависѣвъ нѣкогда отъ Тамерлановыхъ слабыхъ наслѣдниковъ, и, владѣя южными берегами Каспійскаго моря, былъ въ сосѣдствѣ съ Ахматовыми улусами. Посолъ московскій отправился назадъ въ Россію вмѣстѣ съ персидскимъ; въ числѣ ихъ спутниковъ находился и Контарини: ибо—свѣдавъ, что Кафа завоевана турками—онъ уже не хотѣлъ прежнимъ путемъ возвратиться въ Италію и ввѣрилъ судьбу свою Марку-Руфу, который взялъ съ собою его и монаха французскаго Людовика, называвшагося патріархомъ антіохійскимъ и посломъ герцога Бургундскаго. Мы имѣемъ описаніе ихъ любопытнаго путешествія. Они ѣхали изъ Тифлиса черезъ Кирополь или Шамаху, — богатую шелкомъ, Дербентъ и Астрахань, гдѣ господствовали три брата, племянники Ахматовы. Городъ сей состоялъ изъ землянокъ, обнесенныхъ худою стѣною; а жители хвалились древнею торговою знаменитостію онаго, сказывая, что ароматы, привозимые нѣкогда въ Венецію, шли отъ нихъ Волгою и Дономъ. Тамошніе купцы доставляли въ Москву шелковыя ткани, покупая въ Россіи мѣха и сѣдла. Имя великаго князя было особенно уважаемо въ Астрахани за его щедрость и пріязнь къ ея ханамъ, которые ежегодно отправляли къ нему посольства. Марко Руфъ и Контарини съ величайшею осторожностію ѣхали по степямъ донскимъ и воронежскимъ, боясь хищныхъ татаръ; не видали ничего, кромѣ неба и земли; часто имѣли недостатокъ въ водѣ; не находили ни вѣрныхъ до-

рогъ, ни мостовъ; сами дѣлали плоты, гдѣ надлежало переправляться черезъ рѣки, и восхвалили милость Божію, когда достигли благополучно до Рязанской области, лѣсной, мало населенной, но обильной хлѣбомъ, мясомъ, медомъ и совершенно безопасной для путешественниковъ. Выѣхавъ изъ Астрахани 10 августа, они прибыли въ Москву 26 сентября въ 1476 году, видѣвъ только два города на пути, Рязань и Коломну. Немедленно представленный государю и три раза обѣдавъ за его столомъ вмѣстѣ со многими боярами, Контарини хвалитъ величественную Іоаннову наружность, осанку, привѣтливость, умное любопытство. „Когда я,—пишетъ онъ,—говоря съ нимъ, изъ почтенія отступалъ назадъ, сей монархъ всегда самъ приближался ко мнѣ, съ отмѣннымъ вниманіемъ слушалъ мои слова; весьма строго осуждалъ поступокъ нашего единоземца, Ивана Баптиста Тревизана, но увѣрялъ меня въ своемъ особенномъ дружествѣ къ Венеціанской республикѣ; дозволилъ мнѣ видѣть и великую княгиню Софію, которая обошлась со мною весьма ласково, приказавъ, чтобы я кланялся отъ нея нашему дожу и сенату“. Контарини жилъ въ домѣ итальянскаго зодчаго, Аристотеля; но ему велѣно было переѣхать въ другой. Не имѣя денегъ для пути, онъ ждалъ ихъ съ нетерпѣніемъ изъ Венеціи. Между тѣмъ великій князь ѣздилъ осматривать границы юговосточныхъ областей своихъ, подверженныхъ набѣгамъ степныхъ татаръ: когда же возвратился, то немедленно приказалъ, изъ уваженія къ Венеціанской республикѣ, ссудить его изъ казны нужною суммою денегъ. Сверхъ того Контарини получилъ въ даръ тысячу червонцевъ и шубу. Передъ отъѣздомъ обѣдая во дворцѣ, онъ долженъ былъ выпить серебряную стопу крѣпкаго меда и взять ее себѣ въ знакъ особенной государевой благосклонности. Іоаннъ дозволилъ ему не пить, сказавъ, что иноземцы могутъ не слѣдовать русскимъ обычаямъ, и, прощаясь съ нимъ (въ генварѣ 1477 года) весьма милостиво, желалъ, чтобы республика Венеціанская осталась навсегда другомъ Москвы. Въ то же время великій князь отпустилъ и монаха французскаго Людовика, который, называя себя патріархомъ антіохійскимъ, но исповѣдуя вѣру латинскую, былъ задержанъ въ Москвѣ какъ обманщикъ: ходатайство Контариніево и Марка Руфа возвратило ему свободу. — Однимъ словомъ, Контарини, строго осуждая тогдашніе нравы россіянъ, ихъ нетрезвость, грубость, любовь къ праздности, говоритъ о личныхъ свойствахъ и разумѣ Іоанна съ великою похвалою.

ГЛАВА III.

Продолженіе государствованія Іоаннова.

Г. 1475—1481.

Совершенное покореніе Новгорода.—Обозрѣніе исторіи его отъ начала до конца.—Рожденіе Іоаннова сына, Василія-Гавріила.—Посольство въ Крымъ.—Сверженіе ига ханскаго.—Ссора великаго князя съ братьями.—Походъ Ахмата на Россію.—Краснорѣчивое посланіе архіепископа Вассіана къ великому князю.—Раззореніе Большой Орды и смерть Ахмата.—Кончина Андрея Меньшого, брата Іоаннова.—Посольство въ Крымъ.

Такимъ образомъ до Тибра, моря Адріатическаго, Чернаго и предѣловъ Индіи, обнимая умомъ государственную систему державъ, сей монархъ готовилъ знаменитость внѣшней своей политики утвержденіемъ внутренняго состава Россіи.—Ударилъ послѣдній часъ новгородской вольности! Сіе важное происшествіе въ нашей исторіи достойно описанія подробнаго. Нѣтъ сомнѣнія, что Іоаннъ возсѣлъ на престолъ съ мыслію оправдать титулъ великихъ князей, которые со временъ Симеона Гордаго именовались государями всея Руси; желалъ ввести совершенное единовластіе, истребить удѣлы, отнять у князей и гражданъ права несогласныя съ онымъ, но только въ удобное время, пристойнымъ образомъ, безъ явнаго нарушенія торжественныхъ условій, безъ насилія дерзкаго и опаснаго, вѣрно и прочно: однимъ словомъ, съ наблюденіемъ всей свойственной ему осторожности. Новгородъ измѣнялъ Россіи, приставъ къ Литвѣ; войско его было разсѣяно, гражданство въ ужасѣ: великій князь могъ бы тогда покорить сію область; но мыслилъ, что народъ, вѣками пріученный къ выгодамъ свободы, не отказался бы вдругъ отъ ея прелестныхъ мечтаній; что внутренніе бунты и мятежи развлекли бы силы государства Московскаго, нужныя для внѣшней безопасности; что должно старые навыки ослаблять новыми и стѣснять вольность прежде уничтоженія оной, дабы граждане, уступая право за правомъ, ознакомились съ чувствомъ своего безсилія, слишкомъ дорого платили за остатки свободы, и наконецъ, утомленные страхомъ будущихъ утѣсненій, склонились предпочесть ей мирное спокойствіе неограниченной государевой власти. Іоаннъ простилъ новгородцевъ, обогативъ казну свою ихъ серебромъ, утвердивъ верховную власть княжескую въ дѣлахъ судныхъ и политикѣ но, такъ сказать, не спускалъ глазъ съ сей народной державы, старался умножать въ ней число преданныхъ ему людей, питалъ несогласіе между боярами и народомъ, являлся въ правосудіи

защитникомъ невинности, дѣлалъ много добра, обѣщалъ болѣе. Если намѣстники его не удовлетворяли всѣмъ справедливымъ жалобамъ истцовъ, то онъ винилъ недостатокъ древнихъ законовъ новогородскихъ, хотѣлъ самъ быть тамъ, изслѣдовать на мѣстѣ причину главныхъ неудовольствій народныхъ, обуздать утѣснителей, и (въ 1475 году), дѣйствительно, призываемый младшими гражданами, отправился къ берегамъ Волхова, поручивъ Москву сыну. Сіе путешествіе Іоанново—безъ войска, съ одною избранною, благородною дружиною — имѣло видъ мирнаго, но торжественнаго величія: государь объявилъ, что идетъ утвердить спокойствіе Новагорода, коего знатнѣйшіе сановники и граждане ежедневно выѣзжали къ нему, отъ рѣки Цны до Ильменя, на встрѣчу съ привѣтствіями и съ дарами, съ жалобами и съ оправданіемъ: старые посадники, тысячскіе, люди житые, намѣстникъ и дворецкій великокняжескіе, игумены, чиновники архіепископскіе. За 90 верстъ отъ города ожидали Іоанна владыка Ѳеофилъ, князь Василій Васильевичъ Шуйскій-Гребенка, посадникъ и тысячскій степенные, архимандритъ Юріева монастыря и другіе первостепенные люди, коихъ дары состояли въ бочкахъ вина, бѣлаго и краснаго. Они имѣли честь обѣдать съ государемъ. За ними являлись старосты улицъ новогородскихъ; послѣ бояре и всѣ жители Городища, съ виномъ, съ яблоками, винными ягодами. Безчисленныя толпы народныя встрѣтили Іоанна передъ Городищемъ, гдѣ онъ служилъ литургію и ночевалъ; а на другой день угостилъ обѣдомъ владыку, князя Шуйскаго, посадниковъ, бояръ, и 23 ноября въѣхалъ въ Новгородъ. Тамъ, у вратъ Московскихъ, архіепископъ Ѳеофилъ, исполняя государево повелѣніе, со всѣмъ клиросомъ, съ иконами, крестами и въ богатомъ святительскомъ облаченіи принялъ его, благословилъ и ввелъ въ храмъ Софіи, въ коемъ Іоаннъ поклонился гробамъ древнихъ князей: Владиміра Ярославича, Мстислава Храбраго—и, привѣтствуемый всѣмъ народомъ, изъявилъ ему за любовь благодарность; обѣдалъ у Ѳеофила, и веселился, говорилъ только слова милостивыя и, взявъ отъ хозяина въ даръ 3 постава ипрскихъ суконъ, сто корабельниковъ (нобилей или двойныхъ червонцевъ), рыбій зубъ и двѣ бочки вина, возвратился въ свой дворецъ на Городище.

За днемъ пиршества слѣдовали дни суда. Съ утра до вечера дворецъ великокняжескій не затворялся для народа. Одни желали только видѣть лицо сего монарха и въ знакъ усердія поднести ему дары; другіе искали правосудія. Паденіе державъ народныхъ обыкновенно предвѣщается наглыми злоупотребленіями силы, неисполненіемъ законовъ; такъ было и въ Новѣгородѣ. Правители не имѣли ни любви, ни довѣренности гражданъ; пеклись только о собственныхъ выгодахъ; торговали властію, тѣснили непріятелей

личныхъ, похлѣбствовали роднымъ и друзьямъ; окружали себя толпами прислужниковъ, чтобы ихъ воплемъ заглушать на вѣчѣ жалобы утѣсняемыхъ. Цѣлыя улицы, чрезъ своихъ повѣренныхъ, требовали государевой защиты, обвиняя первѣйшихъ сановниковъ.—„Они не судьи, а хищники“,—говорили челобитчики, и доносили, что степенный посадникъ, Василій Ананьинъ, съ товарищами пріѣзжалъ разбоемъ въ улицу Славкову и Никитину, отнялъ у жителей на тысячу рублей товара, многихъ убилъ до смерти. Другіе жаловались на грабежъ старостъ. Іоаннъ, еще слѣдуя древнему обычаю новогородскому, далъ знать вѣчу, чтобы оно приставило стражу къ обвиняемымъ; велѣлъ имъ явиться на судъ и, самъ выслушавъ ихъ оправданія, рѣшилъ — въ присутствіи архіепископа, знатнѣйшихъ чиновниковъ, бояръ—что жалобы справедливы; что вина доказана; что преступники лишаются вольности; что строгая казнь будетъ имъ возмездіемъ, а для другихъ примѣромъ. Обративъ въ ту же минуту глаза на двухъ бояръ новогородскихъ, Ивана Аѳанасьева и сына его, Елевѳерія, онъ сказалъ гнѣвно: „Изыдите! вы хотѣли предать отечество Литвѣ“. Воины Іоанновы оковали ихъ цѣпями, также посадника Ананьина и бояръ, Ѳедора Исакова (Мароина сына), Ивана Лотинскаго и Богдана. Сіе дѣйствіе самовластія поразило новогородцевъ; но всѣ, потупивъ взоръ, молчали.

На другой день владыка Ѳеофилъ и многіе посадники явились въ великокняжскомъ дворцѣ, съ видомъ глубокой скорби моля Іоанна, чтобы онъ приказалъ отдать заключенныхъ бояръ на поруки, возвративъ имъ свободу. „Нѣтъ,—отвѣтствовалъ государь Ѳеофилу. — Тебѣ, богомольцу нашему, и всему Новугороду извѣстно, что сіи люди сдѣлали много зла отечеству и нынѣ волнуютъ его своими кознями“. Онъ послалъ главныхъ преступниковъ окованныхъ въ Москву; но, изъ уваженія къ ходатайству архіепископа и вѣча, освободилъ нѣкоторыхъ менѣе виновныхъ, приказавъ взыскать съ нихъ денежную пеню: чѣмъ и заключился грозный судъ великокняжескій. Снова начались пиры для государя и продолжались около шести недѣль. Всѣ знатнѣйшіе люди угощали его роскошными обѣдами; архіепископъ трижды, другіе по одному разу, и дарили деньгами, драгоцѣнными сосудами, шелковыми тканями, сукнами, ловчими птицами, бочками вина, рыбьими зубами, и проч. Напримѣръ, князь Василій Шуйскій подарилъ три половинки сукна, три камки, тридцать корабельниковъ, два кречета и сокола; владыка—двѣсти корабельниковъ, пять поставовъ сукна, жеребца, а на проводы,—бочку вина и двѣ меда; въ другой же разъ—триста корабельниковъ, золотой ковшъ съ жемчугомъ (вѣсомъ въ фунтъ), два рога, окованные серебромъ, серебряную мису (вѣсомъ въ шесть фунтовъ), пять сороковъ соболей и де-

сять поставовъ сукна; Василій Казимиръ—золотой ковшъ (вѣсомъ въ фунтъ), сто корабельниковъ и два кречета; Яковъ Коробъ—двѣсти корабельниковъ, два кречета, рыбій зубъ и поставъ рудожелтагое сукна; знатная вдова, Настасья Иванова,—30 корабельниковъ, досять поставовъ сукна, два сорока соболей и два зуба. Сверхъ тгго степенный посадникъ, Ѳома, избранный на мѣсто сверженна о Василія Ананьина, и тысячскій Есиповъ поднесли великому князю отъ имени всего Новагорода тысячу рублей. Въ день рождества Іоаннъ далъ у себя обѣдъ архіепископу и первымъ чиновникамъ, которые пировали во дворцѣ до глубокой ночи. Еще многіе знатные чиновники готовили пиршества; но великій князь объявилъ, что ему время ѣхать въ Москву, и только принялъ отъ нихъ назначенные для него дары. Лѣтописецъ говоритъ, что не осталось въ городѣ ни одного зажиточнаго человѣка, который бы не поднесъ чего-нибудь Іоанну, и самъ не былъ отдаренъ милостиво, или одеждою драгоцѣнною, или камкою, или серебрянымъ кубкомъ, соболями, конемъ и проч. — Никогда новогородцы не изъявляли такого усердія къ великимъ князьямъ, хотя оно происходило не отъ любви, но отъ страха: Іоаннъ ласкалъ ихъ, какъ государь можетъ ласкать подданныхъ, съ видомъ милости и привѣтливаго снисхожденія.

Великій князь, пируя, занимался и дѣлами государственными. Правитель Швеціи, Стенъ Стуръ, прислалъ къ нему своего племянника, Орбана, съ предложеніемъ возобновить миръ, нарушенный впаденіемъ россіянъ въ Финляндію. Іоаннъ угостилъ Орбана, принялъ отъ него въ даръ статнаго жеребца и велѣлъ архіепископу именемъ Новагорода утвердить на нѣсколько лѣтъ перемиріе съ Швеціею по древнему обыкновенію. — Послы псковскіе, вручивъ Іоанну дары, молили его, чтобы онъ не дѣлалъ никакихъ перемѣнъ въ древнихъ уставахъ ихъ отечества; а князь Ярославъ, тамошній намѣстникъ, пріѣхавъ самъ въ Новгородъ, жаловался, что посадники и граждане не даютъ ему всѣхъ законныхъ доходовъ. Великій князь отправилъ туда бояръ, Василія Китая и Морозова, сказать псковитянамъ, чтобы они въ пять дней удовлетворили требованіямъ намѣстника, или будутъ имѣть дѣло съ государемъ раздраженнымъ. Ярославъ получилъ все желаемое. — Бывъ девять недѣль въ Новѣгородѣ, Іоаннъ выѣхалъ оттуда со множествомъ серебра и золота, какъ сказано въ лѣтописи. Воинская дружина его стояла по монастырямъ вокругъ города и плавала въ изобиліи; брала что хотѣла: никто не смѣлъ жаловаться. Архіепископъ Ѳеофилъ и знатнѣйшіе чиновники проводили государя до перваго стана, гдѣ онъ съ ними обѣдалъ, казался веселъ, доволенъ. Но судьба сей народной державы уже была рѣшена въ умѣ его.

Заточеніе шести бояръ новогородскихъ, сосланныхъ въ Муромъ и въ Коломну, оставило горестное впечатлѣніе въ ихъ многочисленныхъ друзьяхъ: они жаловались на самовластіе великокняжеское, противное древнему уставу, по коему новогородецъ могъ быть наказываемъ только въ своемъ отечествѣ. Народъ молчалъ, изъявляя равнодушіе; но знатнѣйшіе граждане взяли ихъ стороны и нарядили посольство къ великому князю; самъ архіепископъ, три посадника и нѣсколько житыхъ людей пріѣхали въ Москву бить челомъ за своихъ несчастныхъ бояръ. Два раза владыка Ѳеофилъ обѣдалъ во дворцѣ, однакожъ не могъ умолить Іоанна, и съ горестію уѣхалъ на Страстной недѣлѣ, не хотѣвъ праздновать Пасхи съ государемъ и съ митрополитомъ.

Между тѣмъ рѣшительный судъ великокняжескій полюбился многимъ новогородцамъ, такъ что въ слѣдующій годъ нѣкоторые изъ нихъ отправились съ жалобами въ Москву: вслѣдъ за ними и отвѣтчики, знатные и простые граждане, отъ посадниковъ до землевладѣльцевъ: вдовы, сироты, монахини. Другихъ же послалъ самъ государь: никто не дерзнулъ ослушаться. „Отъ временъ Рюрика (говорятъ лѣтописцы) не бывало подобнаго случая: ни въ Кіевъ, ни въ Владиміръ не ѣздили судиться новогородцы: Іоаннъ умѣлъ довести ихъ до сего уничиженія“. Еще онъ не сдѣлалъ всего: пришло время довершить начатое.

Умное правосудіе Іоанново плѣняло сердца тѣхъ, которые искали правды и любили оную: утѣсненная слабость, оклеветанная невинность находили въ немъ защитника, спасителя, то есть истиннаго монарха, или судію, непричастнаго низкимъ побужденіямъ личности: они желали видѣть судную власть въ однѣхъ рукахъ его. Другіе, или завидуя силѣ первостепенныхъ согражданъ, или ласкаемые Іоанномъ, внутренно благопріятствовали самодержавію. Сіи многочисленные друзья великаго князя, можетъ быть сами собою, а можетъ быть и по согласію съ нимъ замыслили слѣдующую хитрость. Двое изъ оныхъ, чиновникъ Назарій и дьякъ вѣча, Захарія, въ видѣ пословъ отъ архіепископа и всѣхъ соотечественниковъ, явились предъ Іоанномъ (въ 1477 году) и торжественно наименовали его государемъ Новагорода, вмѣсто господина, какъ прежде именовались великіе князья въ отношеніи къ сей народной державѣ. Вслѣдствіе того Іоаннъ отправилъ къ новогородцамъ боярина, Ѳеодора Давидовича, спросить, что они разумѣютъ подъ названіемъ государя? хотятъ ли присягнуть ему какъ полному властителю, единственному законодателю и судіи? соглашаются ли не имѣть у себя тіуновъ, кромѣ княжескихъ, и отдать ему Дворъ Ярославовъ, древнее мѣсто вѣча? Изумленные граждане отвѣтствовали: „мы не посылали съ тѣмъ къ великому князю; это ложь“. Сдѣлалось общее волненіе. Они

терпѣли оказанное Іоанномъ самовластіе въ дѣлахъ судныхъ какъ чрезвычайность, но ужаснулись мысли, что сія чрезвычайность будетъ уже закономъ; что древняя пословица: Новгородъ судится своимъ судомъ, утратитъ навсегда смыслъ, и что московскіе тіуны будутъ рѣшить судьбу ихъ. Древнее вѣче уже не могло становить себя выше князя, но по крайней мѣрѣ существовало именемъ и видомъ: Дворъ Ярославовъ былъ святилищемъ народныхъ правъ: отдать его Іоанну значило торжественно и навѣки отвергнуться оныхъ. Сіи мысли возмутили даже и самыхъ мирныхъ гражданъ, расположенныхъ повиноваться великому князю, но въ угодность собственному, внутреннему чувству блага, не слѣпо, не подъ остріемъ меча, готоваго казнить всякаго по мановенію самовластителя. Забвенные единомышленники Марѳины воспрянули какъ бы отъ глубокаго сна, и говорили народу, что они лучше его предвидѣли будущее; что друзья или слуги московскаго князя суть измѣнники, коихъ торжество есть гробъ отечества. Народъ остервенился, искалъ предателей, требовалъ мести, Схватили одного знаменитаго мужа, Василія Никифорова, и привели на вѣче, обвиняя его въ томъ, что онъ былъ у великаго князя и далъ клятву служить ему противъ отечества, „Нѣтъ,—отвѣтствовалъ Василій: — я клялся Іоанну единственно въ вѣрности, въ доброжелательствѣ, но безъ измѣны моему истинному государю, Великому Новугороду; безъ измѣны вамъ моимъ господамъ и братьямъ“. Сего несчастнаго изрубили въ куски топорами; умертвили еще посадника, Захарію Овина, который ѣздилъ судиться въ Москву и самъ доносилъ гражданамъ на Василія Никифорова; казнили и брата его, Козьму, па дворѣ архіепископскомъ; многихъ иныхъ ограбили, посадили въ темницу, называя ихъ совѣтниками Іоанновыми: другіе разбѣжались. Между тѣмъ народъ не сдѣлалъ ни малѣйшаго зла послу московскому и многочисленной дружинѣ его: сановники чествили ихъ, держали около шести недѣль и, наконецъ, отпустили именемъ вѣча съ такою грамотою къ Іоанну: „Кланяемся тебѣ, господину нашему, великому князю; а государемъ не зовемъ. Судъ твоимъ намѣстникамъ будетъ на Городищѣ по старинѣ; но твоего суда, ни твоихъ тіуновъ у насъ не будетъ. Дворища Ярославля не даемъ. Хотимъ жить по договору, клятвенно утвержденному на Коростынѣ тобою и нами (въ 1471 году). Кто же предлагалъ тебѣ быть государемъ новогородскимъ, тѣхъ самъ знаешь и казни за обманъ; мы здѣсь также казнимъ сихъ лживыхъ предателей. А тебѣ, господинъ, челомъ бьемъ, чтобы ты держалъ насъ въ старинѣ, по крестному цѣлованію“. Такъ писали они, и еще сильнѣе говорили на вѣчѣ, не скрывая мысли снова поддаться Литвѣ, буде великій князь не откажется отъ своихъ требованій.

Но Іоаннъ не любилъ уступать, и безъ сомнѣнія предвидѣлъ отказъ новогородцевъ, желая только имѣть видъ справедливости въ семъ раздорѣ. Получивъ ихъ смѣлый отвѣтъ, онъ съ печалью объявилъ митрополиту Геронтію, матери, боярамъ, что Новгородъ, произвольно давъ ему имя государя, запирается въ томъ, дѣлаетъ его лжецомъ предъ глазами всей земли русской, казнитъ людей, вѣрныхъ своему законному монарху, какъ злодѣевъ, и грозится вторично измѣнить святѣйшимъ клятвамъ, православію, отечеству. Митрополитъ, Дворъ и вся Москва думали согласно, что сіи мятежники должны почувствовать всю тягость государева гнѣва. Началось молебствіе въ церквахъ; раздавали милостыню по монастырямъ и богадѣльнямъ; отправили гонца въ Новгородъ съ грамотою складною или съ объявленіемъ войны, и полки собралися подъ стѣнами Москвы. Медленный въ замыслахъ важныхъ, но скорый въ исполненіи, Іоаннъ или не дѣйствовалъ, или дѣйствовалъ рѣшительно, всѣми силами: не осталось ни одного мѣстечка, которое не прислало бы ратниковъ на службу великокняжескую. Въ числѣ ихъ находились и жители областей Кашинской, Бѣжецкой, Новоторжской: ибо Іоаннъ присоединилъ къ Москвѣ часть сихъ Тверскихъ и Новогородскихъ земель.

Поручивъ столицу юному великому князю, сыну своему, онъ самъ выступилъ съ войскомъ 9 октября, презирая трудности и неудобства осенняго похода въ мѣстахъ болотистыхъ. Хотя новогородцы и взяли нѣкоторыя мѣры для обороны, но знали слабость свою и прислали требовать опасныхъ грамотъ отъ великаго князя для архіепископа Ѳеофила и посадниковъ, коимъ надлежало ѣхать къ нему для мирныхъ переговоровъ. Іоаннъ велѣлъ остановить сего посланнаго въ Торжкѣ, также и другого; обѣдалъ въ Волокѣ у брата, Бориса Васильевича, и былъ встрѣченъ именитымъ тверскимъ вельможею, княземъ Микулинскимъ, съ учтивымъ приглашеніемъ заѣхать въ Тверь, отвѣдать хлѣба - соли у государя его, Михаила. Іоаннъ вмѣсто угощенія требовалъ полковъ, и Михаилъ не смѣлъ ослушаться, заготовивъ, сверхъ того, всѣ нужные съѣстные припасы для войска московскаго. Самъ великій князь шелъ съ отборными полками между Яжелбицкою дорогою и Мстою; царевичъ Даніяръ и Василій Образецъ по Замстѣ; Даніилъ Холмскій предъ Іоанномъ, съ дѣтьми боярскими, владимірцами, переславцами и костромитянами; за нимъ два боярина съ дмитровцами и кашинцами; на правой сторонѣ князь Симеонъ Ряполовскій съ суздальцами и юрьевцами; на лѣвой братъ великаго князя, Андрей Меньшій, и Василій Сабуровъ съ ростовцами, ярославцами, угличанами и бѣжичанами; съ ними также воевода матери Іоанновой, Семенъ Пѣшекъ, съ ея Дворомъ; между дорогами Яжелбицкою и Демонскою князья Александръ Васильевичъ и Борисъ

Михайловичъ Оболенскіе; первый—съ калужанами, алексинцами, серпуховцами, хотуничами, москвитянами, радонежцами, новоторжцами; второй—съ можайцами, волочанами, звенигородцами и ружанами; по дорогѣ Яжелбицкой—бояринъ Ѳеодоръ Давидовичъ съ дѣтьми боярскими двора великокняжескаго и коломенцами, также князь Иванъ Васильевичъ Оболенскій со всѣми его братьями и многими дѣтьми боярскими. 4 ноября присоединились къ войску Іоаннову полки тверскіе, предводимые княземъ Михайломъ Ѳеодоровичемъ Микулинскимъ.

Въ Еглинѣ, ноября 8, великій князь потребовалъ къ себѣ задержанныхъ новогородскихъ опасчиковъ (то-есть присланныхъ за опасными грамотами): старосту Даниславской улицы Ѳедора Калитина и гражданина житаго Ивана Маркова. Они смиренно ударили ему челомъ, именуя его государемъ. Іоаннъ велѣлъ имъ дать пропускъ для пословъ новогородскихъ.—Между тѣмъ многіе знатные новогородцы прибыли въ московскій станъ и вступили въ службу къ великому князю, или предвидя неминуемую гибель своего отечества, или спасаясь отъ злобы тамошняго народа, который гналъ всѣхъ бояръ, подозрѣваемыхъ въ тайныхъ связяхъ съ Москвою.

Ноября 19, въ Палинѣ, Іоаннъ вновь устроилъ войско для начатія непріятельскихъ дѣйствій: ввѣрилъ передовый отрядъ брату своему Андрею Меньшему и тремъ храбрѣйшимъ воеводамъ: Холмскому съ костромитянами, Ѳеодору Давидовичу съ коломенцами, князю Ивану Оболенскому - Стригѣ съ владимірцами; въ правой рукѣ велѣлъ быть брату Андрею Большему съ тверскимъ воеводою княземъ Микулинскимъ, съ Григоріемъ Никитичемъ, съ Иваномъ Житомъ, съ дмитровцами и кашинцами; въ лѣвой — брату князю Борису Васильевичу, съ княземъ Васильемъ Михайловичемъ Верейскимъ и съ воеводою матери своей Семеномъ Пѣшкомъ; а въ собственномъ полку великокняжескомъ знатнѣйшему боярину Ивану Юрьевичу Патрикѣеву, Василію Образцу съ боровичами, Симеону Ряполовскому, князю Александру Васильевичу, Борису Михайловичу Оболенскому и Сабурову съ ихъ дружинами, также всѣмъ переславцамъ и муромцамъ. Передовой отрядъ долженъ былъ занять Бронницы.

Еще недовольный многочисленностію своей рати, государь ждалъ псковитянъ. Тамошній князь Ярославъ, ненавидимый народомъ, но долго покровительствуемый Іоанномъ — бывъ даже въ явной войнѣ съ гражданами, не смѣвшими выгнать его, и пьяный имѣвъ съ ними битву среди города — наконецъ по указу государеву выѣхалъ оттуда. Псковитяне желали себѣ въ намѣстники князя Василія Васильевича Шуйскаго: Іоаннъ отправилъ его къ нимъ изъ Торжка, и велѣлъ, чтобы они немедленно вооружились про-

тивъ Новагорода. Обыкновенное ихъ благоразумie не измѣнилось и въ семъ случаѣ: псковитяне предложили новогородцамъ быть за нихъ ходатаями у великаго князя; но получили въ отвѣтъ: „или заключите съ нами особенный тѣсный союзъ какъ люди вольные, или обойдемся безъ вашего ходатайства“. Когда же псковитяне, исполняя Іоанново приказанie, грамотою объявили имъ войну, новогородцы одумались и хотѣли, чтобы они вмѣстѣ съ ними послали чиновниковъ къ великому князю; но дьякъ московскій Григорій Волнинъ прiѣхалъ во Псковъ отъ государя, нудилъ ихъ немедленно сѣсть на коней и выступить въ поле. Между тѣмъ сдѣлался тамъ пожаръ; граждане письменно извѣстили Іоанна о своей бѣдѣ, называли его царемъ Русскимъ и давали ему разумѣть, что не время воевать людямъ, которые льютъ слезы на пеплѣ своихъ жилищъ; однимъ словомъ всячески уклонялись отъ похода, предвидя, что въ паденiи Новагорода можетъ не устоять и Псковъ. Отговорки были тщетны: Іоаннъ велѣлъ, и князь Шуйскій, взявъ осадныя орудiя—пушки, пищали, самострѣлы—съ семью посадниками вывелъ рать псковскую, которой надлежало стать на берегахъ Ильменя, при устьѣ Шелони.

Ноября 23 великій князь находился въ Сытинѣ, когда донесли ему о прибытiи архiепископа Ѳеофила и знатнѣйшихъ сановниковъ новогородскихъ. Они явились. Ѳеофилъ сказалъ: „Государь князь великій! я, богомолецъ твой, архимандриты, игумены и священники всѣхъ семи соборовъ бьемъ тебѣ челомъ. Ты возложилъ гнѣвъ на свою отчину, на Великій Новгородъ; огнь и мечъ твой ходятъ по землѣ нашей; кровь христiанская льется. Государь! смилуйся: молимъ тебѣ со слезами; дай намъ миръ и освободи бояръ новогородскихъ, заточенныхъ въ Москвѣ!“ А посадники и житые люди говорили такъ: „Государь князь великій! Степенный посадникъ Ѳома Андреевъ и старые посадники, степенный тысячскій Василій Максимовъ и старые тысячскie, бояре, житые, купцы, черные люди и весь Великій Новгородъ, твоя отчина, мужи вольные, бьютъ тебѣ челомъ и молятъ о мирѣ и свободѣ нашихъ бояръ заключенныхъ“. Посадникъ Лука Ѳедоровъ промолвилъ: „Государь! челобитье Великаго Новагорода предъ тобою: повели намъ говорить съ твоими боярами“. Іоаннъ не отвѣтствовалъ ни слова, но пригласилъ ихъ обѣдать за столомъ своимъ.

На другой день послы новгородскie были съ дарами у брата Іоаннова Андрея Меньшого, требуя его заступленiя. Іоаннъ приказалъ говорить съ ними боярину князю Ивану Юрьевичу. Посадникъ Яковъ Коробъ сказалъ: „Желаемъ, чтобы государь принялъ въ милость Великій Новгородъ, мужей вольныхъ и мечъ свой унялъ“. — Ѳеофилактъ посадникъ: „желаемъ освобожденiя бояръ новгородскихъ“.—Лука посадникъ: „желаемъ, чтобы госу-

дарь всякіе четыре года ѣздилъ въ свою отчину, Великій Новгородъ, и бралъ съ насъ по тысячѣ рублей; чтобы намѣстникъ его судилъ съ посадникомъ въ городѣ, а чего они не управятъ, то рѣшитъ самъ великій князь, пріѣхавъ къ намъ на четвертый годъ, но въ Москву да не зоветъ судящихся!"—Яковъ Ѳедоровъ: „Да не велитъ государь вступаться своему намѣстнику въ особенные суды архіепископа и посадника!"—Житые люди сказали, что подданные великокняжескіе зовутъ ихъ на судъ къ намѣстнику и посаднику въ Новѣгородѣ, а сами хотятъ судиться единственно на Городищѣ; что сіе несправедливо, и что они просятъ великаго князя подчинить тѣхъ и другихъ суду новгородскому.—Посадникъ Яковъ Коробъ заключилъ сими словами: „Челобитье наше предъ государемъ: да сдѣлаетъ, что ему Богъ положитъ на сердце!"

Іоаннъ въ тотъ же день велѣлъ Холмскому, боярину Ѳеодору Давидовичу, князю Оболенскому-Стригѣ и другимъ воеводамъ, подъ главнымъ начальствомъ брата его Андрея Меньшого, идти изъ Бронницъ къ Городищу и занять монастыри, чтобы новгородцы не выжгли оныхъ. Воеводы перешли озеро Ильмень по льду, и въ одну ночь заняли всѣ окрестности новгородскія.

25 ноября бояре великокняжескіе, Иванъ Юрьевичъ, Василій и Иванъ Борисовичи, дали отвѣтъ посламъ. Первый сказалъ: „Князь великій Іоаннъ Васильевичъ всея Руси тебѣ, своему богомольцу владыкѣ, посадникамъ и житымъ людямъ такъ отвѣтствуетъ на ваше челобитье". — Бояринъ Василій Борисовичъ продолжалъ: „Вѣдаете сами, что вы предлагали намъ, мнѣ и сыну моему, чрезъ сановника Назарія и дьяка вѣчевого, Захарію, быть вашими государями; а мы послали бояръ своихъ въ Новгородъ узнать, что разумѣете подъ симъ именемъ? Но вы заперлися, укоряя насъ, великихъ князей, насиліемъ и ложью, сверхъ того дѣлали намъ и многія иныя досады. Мы терпѣли, ожидая вашего исправленія, но вы болѣе и болѣе лукавствовали, и мы обнажили мечъ, по слову Господню: аще согрѣшитъ къ тебѣ братъ твой, обличи его наединѣ; аще не послушаетъ, поими съ собою два или три свидѣтеля, аще ли и тѣхъ не послушаетъ, повѣждь церкви; аще ли и о церкви нерадѣте начнетъ, будете яко же язычникъ и мытарь. Мы посылали къ вамъ и говорили: уймитесь, и будемъ васъ жаловать; но вы не захотѣли того и сдѣлалися намъ какъ бы чужды. Итакъ, возложивъ упованіе на Бога и на молитву нашихъ предковъ, великихъ князей русскихъ, идемъ наказать дерзость". — Бояринъ Иванъ Борисовичъ говорилъ далѣе именемъ великаго князя: „Вы хотите свободы бояръ вашихъ, мною осужденныхъ, но вѣдаете, что весь Новгородъ жаловался мнѣ на ихъ беззаконія, грабежи, убійства: ты самъ, Лука Исаковъ, находился въ числѣ истцовъ; и ты, Григорій Кипріяновъ, отъ имени Никитиной ули-

цы; и ты, владыка, и вы, посадники, были свидѣтелями ихъ уличенія. Я мыслилъ казнить преступниковъ, но даровалъ имъ жизнь, ибо вы молили меня о томъ. Пристойно ли вамъ нынѣ упоминуть о сихъ людяхъ?"—Князь Иванъ Юрьевичъ заключилъ сими словами отвѣтъ государевъ: „буде Новгородъ, дѣйствительно, желаетъ нашей милости, то ему извѣстны условія".

Архіепископъ и посадники отправились назадъ съ великокняжескимъ приставомъ для ихъ безопасности.—27 ноября Іоаннъ, подступивъ къ Новугороду съ братомъ Андреемъ Меньшимъ и съ юнымъ Верейскимъ княземъ, Василіемъ Михайловичемъ, расположился у Троицы Паозерской на берегу Волохва, въ трехъ верстахъ отъ города, въ селѣ Лошинскаго, гдѣ былъ нѣкогда домъ Ярослава Великаго, именуемый Ракомлею; велѣлъ брату стать въ монастырѣ Благовѣщенія, князю Ивану Юрьевичу—въ Юрьевѣ, Холмскому—въ Аркадьевскомъ, Сабурову—у св. Пантелеймона, Александру Оболенскому—у Николы на Мостищахъ, Борису Оболенскому— на Соковѣ у Богоявленія, Ряполовскому—на Пидьбѣ, князю Василію Верейскому — на Лисьей Горкѣ, а боярину Θеодору Давидовичу и князю Ивану-Стригѣ—на Городищѣ. 29 ноября пришелъ съ полкомъ братъ Іоанновъ князь Борисъ Васильевичъ и сталъ на берегу Волхова въ Кречневѣ, селѣ архіепископа.—30 ноября государь велѣлъ воеводамъ отпускать половину людей для собранія съѣсныхъ припасовъ до 11 декабря, а 11 числа быть всѣмъ на лицо, каждому на своемъ мѣстѣ; и въ тотъ же день послалъ гонца сказать намѣстнику псковскому, князю Василію Шуйскому, чтобы онъ спѣшилъ къ Новугороду съ огнестрѣльнымъ снарядомъ.

Новгородцы хотѣли сперва изъявлять неустрашимость; дозволили всѣмъ; купцамъ иноземнымъ выѣхать во Псковъ съ товарами; укрѣпились деревянною стѣною по обѣимъ сторонамъ Волхова; заградили сію рѣку судами; избрали князя Василія Шуйскаго-Гребенку въ военачальники и, не имѣя друзей, ни союзниковъ, не ожидая ни откуда помощи, обязались между собою клятвенною грамотою быть единодушными, показывая, что надѣются въ крайности на самое отчаяніе и готовы отразить приступъ, какъ нѣкогда предки ихъ отразили сильную рать Андрея Боголюбскаго. Но Іоаннъ не хотѣлъ кровопролитія, въ надеждѣ, что они покорятся, и взялъ мѣры для доставленія всего нужнаго многочисленной рати своей. Исполняя его повелѣніе, богатые псковитяне отправили къ нему обозъ съ хлѣбомъ, пшеничною мукою, калачами, рыбою, медомъ и разными товарами для вольной продажи; прислали также и мостниковъ. Великокняжескій станъ имѣлъ видъ шумнаго торжища, изобилія; а Новгородъ, окруженный полками московскими, былъ лишенъ всякаго сообщенія. Окрестности

также представляли жалкое зрѣлище: воины Іоаннозы нещадили бѣдныхъ жителей, которые въ 1471 г. безопасно скрывались отъ нихъ въ лѣсахъ и болотахъ, но въ сіе время умирали тамъ отъ морозовъ и голода.

Декабря 4, вторично прибылъ къ государю архіепископъ Ѳеофилъ съ тѣми же чиновниками и молилъ его только о мирѣ, не упоминая ни о чемъ иномъ. Бояре московскіе, князь Иванъ Юрьевичъ, Ѳеодоръ Давидовичъ и князь Иванъ-Стрига отпустили ихъ съ прежнимъ отвѣтомъ, что новгородцы знаютъ, какъ надобно бить челомъ великому князю. — Въ сей день пришли къ городу царевичъ Даніяръ съ воеводою, Василіемъ Образцомъ, и братъ великаго князя Андрей Старшій, съ тверскимъ воеводою; они расположились въ монастыряхъ Кирилловѣ, Андреевѣ, Ковалевскомъ, Волотовѣ, на Деревенницѣ и у св. Николы на Островкѣ.

Видя умноженіе силъ и непреклонность великаго князя—не имѣя ни смѣлости отважиться на рѣшительную битву, ни запасовъ для выдержанія осады долговременной — угрожаемые и мечомъ и голодомъ, новгородцы чувствовали необходимость уступить, желали единственно длить время и безъ надежды спасти вольность, надѣялись переговорами сохранить хотя нѣкоторыя изъ ея правъ. Декабря 5 владыка Ѳеофилъ съ посадниками и съ людьми житыми, ударивъ челомъ великому князю въ присутствіи его трехъ братьевъ, именемъ Новагорода: сказалъ: „Государь! мы, виновные, ожидаемъ твоей милости: признаемъ истину посольства Назаріева и дьяка Захаріи; но какую власть желаешь имѣть надъ нами?“ Іоаннъ отвѣтствовалъ имъ чрезъ бояръ: „Я доволенъ, что вы признаете вину свою и сами на себя свидѣтельствуете. Хочу властвовать въ Новѣгородѣ, какъ властвую въ Москвѣ“. — Архіепископъ и посадники требовали времени для размышленія. Онъ отпустилъ ихъ съ повелѣніемъ дать рѣшительный отвѣтъ въ третій день. — Между тѣмъ пришло войско псковское, и великій князь, расположивъ его въ Бискупицахъ, въ селѣ Ѳедотинѣ, въ монастырѣ Троицкомъ на Варяжи, приказалъ знаменитому своему художнику Аристотелю строить мостъ подъ Городищемъ, какъ бы для приступа. Сей мостъ, съ удивительною скоростію сдѣланный на судахъ черезъ рѣку Волховъ, своею твердостію и красотою заслуживалъ похвалу Іоаннову.

7 декабря Ѳеофилъ возвратился въ станъ великокняжескій съ посадниками и съ выборными отъ пяти концовъ новгородскихъ. Іоаннъ выслалъ къ нимъ бояръ. Архіепископъ молчалъ; говорили только посадники. Яковъ Коробъ сказалъ: „желаемъ, чтобы государь велѣлъ намѣстнику своему судить вмѣстѣ съ нашимъ степеннымъ посадникомъ“. — Ѳеофилактъ: „Предлагаемъ государю ежегодную дань со всѣхъ волостей новогородскихъ, съ двухъ

сотъ гривну".—Лука: „Пусть государь держитъ намѣстниковъ въ нашихъ пригородахъ; но судъ да будетъ по старинѣ". — Яковъ Өедоровъ билъ челомъ, чтобы великій князь не выводилъ людей изъ владѣній новогородскихъ, не вступался въ отчины и земли боярскія, не звалъ никого на судъ въ Москву. Наконецъ всѣ просили, чтобы государь не требовалъ новгородцевъ къ себѣ на службу и поручилъ имъ единственно оберегать сѣверо-западные предѣлы Россіи.

Бояре донесли о томъ великому князю и вышли отъ него съ слѣдующимъ отвѣтомъ: „Ты, богомолецъ нашъ, и весь Новгородъ признали меня государемъ, а теперь хотите мнѣ указывать, какъ править вами? — Өеофилъ и посадники били челомъ и сказали: „Не смѣемъ указывать; но только желаемъ вѣдать, какъ государь намѣренъ властвовать въ своей новогородской отчинѣ: ибо московскихъ обыкновеній не знаемъ". Великій князь велѣлъ своему боярину, Ивану Юрьевичу, отвѣтствовать такъ: „Знайте же, что въ Новѣгородѣ не быть ни вѣчевому колоколу, ни посаднику, а будетъ одна власть государева; что какъ въ странѣ московской, такъ и здѣсь хочу имѣть волости и села; что древнія земли великокняжескія, вами отнятыя, суть отнынѣ моя собственность. Но, снисходя на ваше моленіе, обѣщаю не выводить людей изъ Новагорода, не вступаться въ отчины бояръ и судъ оставить по старинѣ".

Прошла цѣлая недѣля: Новгородъ не присылалъ отвѣта Іоанну. Декабря 14 явился Өеофилъ съ чиновниками и сказалъ боярамъ великокняжескимъ: „Соглашаемся не имѣть ни вѣча, ни посадника; молимъ только, чтобы государь утолилъ на вѣки гнѣвъ свой и простилъ насъ искренно, съ условіемъ не выводить новогородцевъ въ Низовскую землю, не касаться собственности боярской, не судить насъ въ Москвѣ и не звать туда на службу". Великій князь далъ слово. Они требовали присяги. Іоаннъ отвѣтствовалъ, что государь не присягаетъ, „Удовольствуемся клятвою бояръ великокняжескихъ или его будущаго намѣстника новогородскаго", сказалъ Өеофилъ и посадники; — но и въ томъ получили отказъ; просили опасной грамоты: и той имъ не дали. Бояре московскіе объявили, что переговоры кончились.

Тутъ любовь къ древней свободѣ въ послѣдній разъ сильно обнаружилась на вѣчѣ. Новогородцы думали, что великій князь хочетъ обмануть ихъ, и для того не даетъ клятвы въ вѣрномъ исполненіи его слова. Сія мысль поколебала въ особенности бояръ, которые не стояли ни за вѣчевой колоколъ, ни за посадника, но стояли за свои отчины. „Требуемъ битвы!" — восклицали тысячи: — „умремъ за вольность и святую Софію!" Но сей порывъ великодушія не произвелъ ничего, кромѣ шума, и дол-

женъ былъ уступить хладнокровію разсудка. Нѣсколько дней народъ слушалъ преніе между друзьями свободы и мирнаго подданства: первые могли обѣщать ему одну славную гибель среди ужасовъ голода и тщетнаго кровопролитія; другіе жизнь, безопасность спокойствіе, цѣлость имѣнія и сіи наконецъ превозмогли. Тогда князь Василій Васильевичъ Шуйскій-Гребенка, доселѣ вѣрный защитникъ свободныхъ новгородцевъ, торжественно сложилъ съ себя чинъ ихъ воеводы и перешелъ въ службу къ великому князю, который принялъ его съ особенною милостію.

29 декабря послы вѣча, архіепископъ Ѳеофилъ и знатнѣйшіе граждане снова прибыли въ великокняжескій станъ, хотя и не имѣли опаса; изъявили смиреніе и молили, чтобы государь, отложивъ гнѣвъ, сказалъ имъ изустно, чѣмъ жалуетъ свою новогородскую отчину. Іоаннъ приказалъ впустить ихъ и говорилъ такъ: „Милость моя не измѣнилась; что обѣщалъ, то обѣщаю и нынѣ: забвеніе прошедшаго, судъ по старинѣ, цѣлость собственности частной, увольненіе отъ низовской службы; не буду звать васъ въ Москву; не буду выводить людей изъ страны новогородской“. Послы ударили челомъ и вышли; а бояре великокняжескіе напомнили имъ, что государь требуетъ волостей и селъ въ землѣ ихъ. Новогородцы предложили ему Луки Великіе и Ржеву Пустую; онъ не взялъ. Предложили еще десять волостей архіепископскихъ и монастырскихъ:—не взялъ и тѣхъ. „Избери же, что тебѣ самому угодно“,—сказала они:—„полагаемся во всемъ на Бога и на тебя“. Великій князь хотѣлъ половины всѣхъ волостей архіепископскихъ и монастырскихъ: новогородцы согласились, но убѣдили его не отнимать земель у нѣкоторыхъ бѣдныхъ монастырей. Іоаннъ требовалъ вѣрной описи волостей, и въ знакъ милости взялъ изъ Ѳеофиловыхъ только десять; что, вмѣстѣ съ монастырскими составляло около 2,700 обежъ или тяголъ, кромѣ земель новогородскихъ, также ему отданныхъ. — Прошло шесть дней въ переговорахъ.

Января 8 владыка Ѳеофилъ, посадники и житые людй молили великаго князя снять осаду: ибо тѣснота и недостатокъ въ хлѣбѣ произвели болѣзни въ городѣ, такъ что многіе умирали. Іоаннъ велѣлъ боярамъ своимъ условиться съ ними о дани и хотѣлъ брать по семи денегъ съ каждаго земледѣльца; но согласился уменьшить сію дань втрое. „Желаемъ еще другой милости!— сказалъ Ѳеофилъ:—молимъ, чтобы великій князь не посылалъ къ намъ своихъ писцовъ и даньщиковъ, которые обыкновенно тѣснятъ народъ; но да вѣритъ онъ совѣсти новогородской: сами исчислимъ людей и вручимъ деньги, кому прикажетъ; а кто утаитъ хотя единую душу, да будетъ казненъ“. Іоаннъ обѣщалъ.

Января 10 бояре московскіе требовалъ отъ Ѳеофила и посад-

никовъ, чтобы дворъ Ярославовъ былъ немедленно очищенъ для великаго князя, и чтобы народъ далъ ему клятву въ вѣрности. Новогородцы хотѣли слышать присягу; государь послалъ ее къ нимъ въ архіепископскую палату съ своимъ подъячимъ. На третій день владыка и сановники ихъ сказали боярамъ Іоанновымъ: дворъ Ярославовъ есть наслѣдіе государей, великихъ князей; когда имъ угодно взять его, и съ площадью, да будетъ ихъ воля. Народъ слышалъ присягу и готовъ цѣловать крестъ, ожидая всего отъ государей, какъ Богъ положитъ имъ на сердце, и не имѣя уже иного упованія". Дьякъ новогородскій списалъ сію клятвенную грамоту, а владыка и пять концовъ утвердили оную своими печатями. Января 13 многіе бояре новогородскіе, житые люди и купцы присягнули въ станѣ Іоанновомъ. Тутъ государь велѣлъ сказать имъ, что пригороды ихъ, заволчане и двиняне будутъ оттолѣ цѣловать крестъ на имя великихъ князей, упоминая о Новѣгородѣ; чтобы они не дерзали мстить своимъ единоземцамъ, находящимся у него въ службѣ, ни псковитянамъ, и въ случаѣ споровъ о земляхъ ждали рѣшенія отъ намѣстниковъ, не присваивая себѣ никакой своевольной управы. Новогородцы обѣщались, и вмѣстѣ съ Ѳеофиломъ просили, чтобы государь благоволилъ изустно и громко объявить имъ свое милосердіе. Іоаннъ, возвысивъ голосъ, сказалъ: „Прощаю, и буду отнынѣ жаловать тебя, своего богомольца и нашу отчину, Великій Новгородъ".

Января 15 рушилось древнее вѣче, которое до сего дня еще собиралось на дворѣ Ярослава. Вельможи московсковскіе, князь Иванъ Юрьевичъ, Ѳеодоръ Давидовичъ и Стрига-Оболенскій, вступивъ въ палату архіепископскую, сказали, что государь, внявъ моленію Ѳеофила, всего священнаго собора, бояръ и гражданъ, навѣки забываетъ вины ихъ, въ особенноси изъ уваженія къ ходатайству своихъ братьевъ, съ условіемъ, чтобы Новгородъ, давъ искренній обѣтъ вѣрности, не измѣнялъ ему ни дѣломъ, ни мыслію. Всѣ знатнѣйшіе граждане, бояре, житые люди, купцы цѣловали крестъ въ архіепископскомъ домѣ, а дьяки и воинскіе чиновники Іоанновы взяли присягу съ народа, съ боярскихъ слугъ и женъ въ пяти концахъ. Новогородцы выдали Іоанну ту грамоту, коею они условились стоять противъ него единодушно и которая скрѣплена была пятидесятью-осмью печатями.

Января 18 всѣ бояре новогородскіе, дѣти боярскіе и житые люди били челомъ Іоанну, чтобы онъ принялъ ихъ въ свою службу. Имъ объявили, что сія служба, сверхъ иныхъ обязанностей, повелѣваетъ каждому изъ нихъ извѣщать великаго князя о всякихъ злыхъ противъ него умыслахъ, не исключая ни брата, ни друга, и требуетъ скромности въ тайнахъ государевыхъ. Они

обѣщали то и другое.—Въ сей день Іоаннъ позволилъ городу имѣть свободное сообщеніе съ окрестностями; января 20 отправилъ гонца въ Москву къ матери своей (которая безъ него постриглась въ инокини), къ митрополиту и къ сыну съ извѣстіемъ, что онъ привелъ Великій Новгордъ во всю волю свою; на другой день допустилъ къ себѣ тамошнихъ бояръ, житыхъ людей и купцовъ съ дарами, и послалъ своихъ намѣстниковъ, князя Ивана Стригу и брата его Ярослава занять дворъ Ярославовъ; а самъ не ѣхалъ въ городъ, ибо тамъ свирѣпствовали болѣзни.

Наконецъ, 29 января, въ четвертокъ масляной недѣли, онъ съ тремя братьями и съ княземъ Василіемъ Верейскимъ прибылъ въ церковь Софійскую, отслушалъ литургію, возвратился на Паозерье и пригласилъ къ себѣ на обѣдъ всѣхъ знатнѣйшихъ новогородцевъ. Архіепископъ предъ столомъ поднесъ ему въ даръ панагію, обложенную золотомъ и жемчугами, страусово яйцо, окованное серебромъ въ видѣ кубка, чарку сердоликовую, хрустальную бочку, серебряную мису въ 6 фунтовъ и 200 корабельниковъ или 400 червонцевъ. Гости пили, ѣли и бесѣдовали съ Іоанномъ.

Февраля 1 онъ велѣлъ взять подъ стражу купеческаго старосту Марка Панфиліева, февраля 2 славную Мароу Борецкую съ ея внукомъ Василіемъ Өедоровымъ (коего отецъ умеръ въ Муромской темницѣ), а послѣ изъ житыхъ людей Григорія Купріанова, Ивана Кузмина, Акимөа съ сыномъ Романомъ и Юрія Репехова, отвезти въ Москву и все ихъ имѣніе описать въ казну. Сіи люди были единственною жертвою грознаго Московскаго самодержавія, или какъ явные непримиримые враги его, или какъ извѣстные друзья Литвы. Никто не смѣлъ за нихъ вступиться. Февраля 3 намѣстникъ великокняжескій Иванъ Оболенскій-Стрига отыскалъ всѣ письменные договоры, заключенные новгородцами съ Литвою, и вручилъ ихъ Іоанну.—Все было спокойно; но великій князь прислалъ въ городъ еще двухъ иныхъ намѣстниковъ, Василія Китая и боярина Ивана Зиновьева, для соблюденія тишины, велѣвъ имъ занять домъ архіепископскій.

Февраля 8 Іоаннъ вторично слушалъ литургію въ Софійской церкви и обѣдалъ у себя въ станѣ съ братомъ Андреемъ Меньшимъ, съ архіепископомъ и знатнѣйшими новгородцами. Февраля 12 владыка Өеофилъ предъ обѣднею вручилъ государю дары: цѣпь, двѣ чары и ковшъ золотые, вѣсомъ около девяти фунтовъ; вызолоченную кружку, два кубка, мису и поясъ серебряные, вѣсомъ въ тридцать одинъ фунтъ съ половиною, и 200 корабельниковъ.—Февраля 17, рано поутру, великій князь отправился въ Москву; на первомъ станѣ, въ Ямпахъ, угостилъ обѣдомъ архіепископа,

бояръ и житыхъ людей новогородскихъ; принялъ отъ нихъ нѣсколько бочекъ вина и меда; самъ отдарилъ всѣхъ, отпустилъ съ милостію въ Новгородъ, и пріѣхалъ въ столицу 5 марта. Вслѣдъ за нимъ привезли въ Москву славный вѣчевый колоколъ новогородскій и повѣсили его на колокольнѣ Успенскаго собора, на площади. — Если вѣрить сказанію современнаго историка, Длугоша, то Іоаннъ пріобрѣлъ несмѣтное богатство въ Новѣгородѣ и нагрузилъ 300 возовъ серебромъ, золотомъ, каменьями драгоцѣнными, найденными имъ въ древней казнѣ епископской, или у бояръ, коихъ имѣніе было описано, сверхъ безчисленнаго множества шелковыхъ тканей, суконъ, мѣховъ и проч. Другіе цѣнятъ сію добычу въ 14,000,000 флориновъ, что, безъ сомнѣнія, увеличено.

Такъ Новгородъ покорился Іоанну, болѣе шести вѣковъ слывъ въ Россіи и въ Европѣ державою народною или республикою и дѣйствительно имѣвъ образъ демократіи; ибо вѣче гражданское присвоивало себѣ не только законадательную, но и вышнюю исполнительную власть: избирало, смѣняло не только посадниковъ, тысячкихъ, но и князей, ссылаясь на жалованную грамоту Ярослава Великаго; довало имъ власть, но подчиняло ее своей верховной; принимало жалобы, судило и наказывало въ случаяхъ важныхъ; даже съ московскими государями, даже и съ Іоанномъ заключало условія, взаимною клятвою утверждаемыя, и въ нарушеніи оныхъ имѣя право мести или войны; однимъ словомъ, владычествовало какъ собраніе народа аѳинскаго или франковъ на полѣ Марсовомъ, представляя лицо Новагорода, который именовался государемъ. Не въ правленіи вольныхъ городовъ нѣмецкихъ — какъ думали нѣкоторые писатели — но въ первобытномъ составѣ всѣхъ державъ народныхъ, отъ Аѳинъ и Спарты до Унтервальдена или Глариса, надлежитъ искать образцовъ новогородской политической системы, напоминающей ту глубокую древность народовъ, когда они, избирая сановниковъ вмѣстѣ для войны и суда, оставляли себѣ право наблюдать за ними, свергать въ случаѣ неспособности, казнить въ случаѣ измѣны или несправедливости, и рѣшить все важное или чрезвычайное въ общихъ совѣтахъ. Мы видѣли, что князья, посадники, тысячкіе въ Новѣгородѣ судили тяжбы и предводительствовали войскомъ; такъ древніе славяне, такъ нѣкогда и всѣ иные народы не знали различія между воинскою и судебною властію. Сердцемъ или главнымъ составомъ сей державы были огнищане или житые люди, то-есть домовитые или владѣльцы: они же и первые воины, какъ естественные защитники отечества; изъ нихъ выходили бояре или граждане, знаменитые заслугами. Торговля произвела купцовъ: они какъ, менѣе способные къ ратному дѣлу, занимали вторую

степень; а третью - свободные, но бѣднѣйшіе люди, названные черными. Граждане младшіе явились въ новѣйшія времена, и стали между купцами и черными людьми. Каждая степень, безъ сомнѣнія, имѣла свои права: вѣроятно, что посадники и тысячскіе избирались только изъ бояръ; а другіе сановники изъ житыхъ купцовъ и младшихъ гражданъ, но не изъ черныхъ людей, хотя и послѣдніе участвовали въ приговорахъ вѣча. Бывшіе посадники, въ отличіе отъ степныхъ или настоящихъ именуясь старыми, преимущественно уважались до конца жизни. — Умъ, сила и властолюбіе нѣкоторыхъ князей, Мономаха, Всеволода III, Александра Невскаго, Калиты, Донского, сына и внука его, обуздывали свободу новогородскую, однакожъ не перемѣнили ея главныхъ уставовъ, коими она столько вѣковъ держалась, стѣсняемая временно, но никогда не отказываясь отъ своихъ правъ.

Исторія Новагорода составляетъ любопытнѣйшую часть древней россійской. Въ самыхъ дикихъ мѣстахъ, въ климатѣ суровомъ основанный, можетъ быть, толпою славянскихъ рыбарей, которые въ водахъ Ильменя наполняли свои мрежи изобильнымъ ловомъ, онъ умѣлъ возвыситься до степени державы знаменитой. Окруженный слабыми мирными племенами финскими, рано научился господствовать въ сосѣдствѣ; покоренный смѣлыми варягами, заимствовалъ отъ нихъ духъ купечества, предпріимчивость и мореплаваніе; изгналъ сихъ завоевателей и, будучи жертвою внутренняго безпорядка, замыслилъ монархію, въ надеждѣ доставить себѣ тишину для успѣховъ гражданскаго общежитія и силу для отраженія внѣшнихъ непріятелей; рѣшивъ тѣмъ судьбу цѣлой Европы сѣверной, и давъ бытіе, давъ государей нашему отечеству, успокоенный ихъ властью, усиленный толпами мужественныхъ пришельцевъ варяжскихъ, захотѣлъ опять древней вольности; сдѣлался собственнымъ законодателемъ и судіею, ограничивъ власть княжескую; воевалъ и купечествовалъ; еще въ X вѣкѣ торговалъ съ Царемградомъ, еще въ XII посылалъ корабли въ Любекъ; сквозь дремучіе лѣса открылъ себѣ путь до Сибири и, горстію людей покоривъ обширныя земли между Ладогою, морями Бѣлымъ и Карскимъ, рѣкою Обію и нынѣшнею Уфою, насадилъ тамъ первыя сѣмена гражданственности и вѣры христіанской; передавалъ Европѣ товары азіатскіе и византійскіе, сверхъ драгоцѣнныхъ произведеній дикой натуры; сообщалъ Россіи первые плоды ремесла европейскаго, первыя открытія искусствъ благодѣтельныхъ; славясь хитростію въ торговлѣ, славился и мужествомъ въ битвахъ, съ гордостію указывая на свои стѣны, подъ коими легло многочисленное войско Андрея Боголюбскаго; на Альту, гдѣ Ярославъ Великій съ вѣрными новгородцами побѣдилъ злочестиваго Святополка; на Липицу, гдѣ Мстиславъ Храбрый съ ихъ

дружиною сокрушилъ ополченіе князей Суздальскихъ; на берега Невы, гдѣ Александръ смирилъ надменность Биргера, и на поля Ливонскія, гдѣ Орденъ Меченосцевъ столь часто уклонялъ знамена предъ святою Софіею, обращаясь въ бѣгство. Такія воспоминанія, питая народное честолюбіе, произвели извѣстную пословицу: кто противъ Бога и Великаго Новагорода? Жители его хвалились и тѣмъ, что они не были рабами моголовъ, какъ иные россіяне, хотя платили дань ординскую, но великимъ князьямъ, не зная баскаковъ и не бывъ никогда подвержены ихъ тиранству.

Лѣтописи республикъ обыкновенно представляютъ намъ сильное дѣйствіе страстей человѣческихъ, порывы великодушія и нерѣдко умилительное торжество добродѣтели среди мятежей и безпорядка, свойственныхъ народному правленію; такъ и лѣтописи Новагорода въ неискусственной простотѣ своей являютъ черты плѣнительныя для воображенія. Тамъ народъ, подвигнутый омерзѣніемъ къ злодѣйствамъ Святополка, забываетъ жестокость Ярослава I, хотящаго удалиться къ варягамъ, разсѣкаетъ ладіи, приготовленныя для его бѣгства, и говоритъ ему: „ты умертвилъ нашихъ братьевъ, но мы идемъ съ тобою на Святополка и Болеслава; у тебя нѣтъ казны: возьми все, что имѣемъ“. Здѣсь посадникъ Твердиславъ, несправедливо гонимый, слышитъ вопль убійцъ, посланныхъ вонзить ему мечъ въ сердце, и велитъ нести себя больного на городскую площадь, да умретъ предъ глазами народа, если виновенъ, или будетъ спасенъ его защитою, если невиновенъ; торжествуетъ, и навѣки заключается въ монастырь, жертвуя спокойствію согражданъ всѣми пріятностями честолюбія и самой жизни. Тутъ достойный архіепископъ, держа въ рукѣ крестъ, является среди ужасовъ междоусобной брани, возноситъ руку благословляющую, именуетъ новогородцевъ дѣтьми своими, и стукъ оружія умолкаетъ: они смиряются и братски обнимаютъ другъ друга. Въ битвахъ съ врагами иноплеменными посадники, тысячскіе умирали впереди за святую Софію. Святители новогородскіе, избираемые гласомъ народа, по всеобщему уваженію къ ихъ личнымъ свойствамъ, превосходили иныхъ достоинствами пастырскими и гражданскими; истощали казну свою для общаго блага; строили стѣны, башни, мосты и даже посылали на войну особенный полкъ, который назывался владычнимъ; будучи главными блюстителями правосудія, внутренняго благоустройства, мира, ревностно стояли за Новгородъ и не боялись ни гнѣва митрополитовъ, ни мести государей московскихъ.—Видимъ также нѣкоторыя постоянныя правила великодушія въ дѣйствіяхъ сего, часто легкомысленнаго, народа: таковымъ было—не превозноситься въ успѣхахъ, изъявлять умѣренность въ счастіи, твердость въ бѣдствіяхъ, давать пристанище изгнан-

никамъ, вѣрно исполнять договоры, и слово: новогородская честь, новогородская душа, служило иногда вмѣсто клятвы.—Республика держится добродѣтелію, и безъ нея упадаетъ.

Паденіе Новагорода ознаменовалось утратою воинскаго мужества, которое уменьшается въ державахъ торговыхъ съ умноженіемъ богатства, располагающаго людей къ наслажденіямъ мирнымъ. Сей народъ считался нѣкогда самымъ воинственнымъ въ Россіи, и гдѣ сражался, тамъ побѣждалъ въ войнахъ междоусобныхъ; такъ было до XIV столѣтія. Счастіемъ спасенный отъ Батыя и почти свободный отъ ига моголовъ, онъ болѣе и болѣе успѣвалъ въ купечествѣ, но слабѣлъ доблестію: сія вторая эпоха, цвѣтущая для торговли, бѣдственная для гражданской свободы, начинается со временъ Іоанна Калиты. Богатые новогородцы стали откупаться серебромъ отъ князей московскихъ и Литвы; но вольность спасается не серебромъ, а готовностію умереть за нее: кто откупается, тотъ признаетъ свое безсиліе, и манитъ къ себѣ властелина. Ополченія новогородскія въ XV вѣкѣ уже не представляютъ намъ ни пылкаго духа, ни искусства, ни успѣховъ блестящихъ. Что, кромѣ неустройства и малодушнаго бѣгства, видимъ въ послѣднихъ рѣшительныхъ битвахъ за свободу? Она принадлежитъ льву, не агнцу, и Новгородъ могъ только избирать одного изъ двухъ государей, литовскаго или московскаго: къ счастію, наслѣдники Витовтовы не наслѣдовали его души, и Богъ даровалъ Россіи Іоанна.

Хотя сердцу человѣческому свойственно доброжелательствовать республикамъ, основаннымъ на коренныхъ правахъ вольности, ему любезной; хотя самыя опасности и безпокойства ея, питая великодушіе, плѣняютъ умъ, въ особенности юный, малоопытный; хотя новогородцы, имѣя правленіе народное, общій духъ торговли и связь съ образованнѣйшими нѣмцами, безъ сомнѣнія, отличались благородными качествами отъ другихъ россіянъ, униженныхъ тиранствомъ моголовъ: однакожъ, исторія должна прославить въ семъ случаѣ умъ Іоанна, ибо государственная мудрость предписывала ему усилить Россію твердымъ соединеніемъ частей въ цѣлое, чтобы она достигла независимости и величія, то есть чтобы не погибла отъ ударовъ новаго Батыя или Витовта; тогда не уцѣлѣлъ бы и Новгородъ: взявъ его владѣнія, государь московскій поставилъ одну грань своего царства на берегу Наровы, въ угрозу нѣмцамъ и шведамъ, а другую за Каменнымъ Поясомъ или хребтомъ Уральскимъ, гдѣ баснословная древность воображала источники богатства, и гдѣ они дѣйствительно находились, во глубинѣ земли, обильной металлами, и во тьмѣ лѣсовъ, наполненныхъ соболями.—Императоръ Гальба сказалъ: „Я былъ бы достоинъ возстановить свободу Рима, если бы Римъ могъ пользоваться ею„.

Историкъ русскій, любя и человѣческія, и государственныя добродѣтели, можетъ сказать: „Іоаннъ былъ достоинъ сокрушить утлую вольность новогородскую, ибо хотѣлъ твердаго блага всей Россіи“.

Здѣсь умолкаетъ особенная исторія Новагорода. Прибавимъ къ ней остальныя извѣстія о судьбѣ его въ государствованіе Іоанна. Въ 1479 году великій князь ѣздилъ туда, смѣнилъ архіепископа Ѳеофила, будто бы за тайную связь съ Литвою, и прислалъ въ Москву, гдѣ онъ черезъ 6 лѣтъ умеръ въ обители Чудовской, какъ послѣдній изъ знаменитыхъ народныхъ владыкъ; преемникомъ его былъ іеромонахъ Троицкій, именемъ Сергій, избранный по жребію изъ трехъ духовныхъ особъ: чѣмъ великій князь хотѣлъ изъявить уваженіе къ древнему обычаю новогородцевъ, отнявъ у нихъ право имѣть собственныхъ святителей. Сей архіепископъ, не любимый гражданами, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ возвратился въ Троицкую обитель за болѣзнію. Мѣсто его заступилъ чудовскій архимандритъ Геннадій.—Не могъ вдругъ исчезнуть духъ свободы въ народѣ, который пользовался ею столько вѣковъ, и хотя не было общаго мятежа, однакожъ Іоаннъ видѣлъ неудовольствіе и слышалъ тайныя жалобы новогородцевъ: надежда, что вольность можетъ воскреснуть, еще жила въ ихъ сердцѣ; нерѣдко обнаруживалась природная имъ строптивость; открывались и злые умыслы. Чтобы искоренить сей опасный духъ, онъ прибѣгнулъ къ средству рѣшительному; въ 1481 году велѣлъ взять тамъ подъ стражу знатныхъ людей: Василія-Казимира съ братомъ Яковомъ Коробомъ, Михаила Берденева и Луку Ѳедорова, а скоро и всѣхъ главныхъ бояръ, коихъ имущество, движимое и недвижимое, описали на государя. Нѣкоторыхъ, обвиняемыхъ въ измѣнѣ, пытали: они сами доносили другъ на друга; но приговоренные къ смерти, объявили, что взаимные доносы ихъ были клеветою, вынужденною муками: Іоаннъ велѣлъ разослать ихъ по темницамъ; другимъ, явно невиннымъ, далъ помѣстья въ областяхъ московскихъ. Въ числѣ богатѣйшихъ гражданъ, тогда заточенныхъ, лѣтописецъ именуетъ славную жену Анастасію и боярина Ивана Козмина: у первой въ 1476 году пировалъ великій князь съ дворомъ своимъ; а вторый уходилъ въ Литву съ тридцатью слугами, но, будучи недоволенъ Казимиромъ, возвратился въ отчизну и думалъ, по крайней мѣрѣ, умереть тамъ спокойно.—Въ 1487 году перевели изъ Новагорода во Владиміръ 50 лучшихъ семействъ купеческихъ. Въ 1488 году намѣстникъ новогородскій, Яковъ Захарьевичъ, казнилъ и повѣсилъ многихъ житыхъ людей, которые хотѣли убить его, и прислалъ въ Москву болѣе осьми тысячъ бояръ, именитыхъ гражданъ и купцовъ, получившихъ земли во Владимірѣ, Муромѣ, Нижнемъ, Переславлѣ, Юрьевѣ, Ростовѣ, Костромѣ; а на ихъ земли, въ Новгородъ, послали москвитянъ, людей служивыхъ и

гостей. Симъ переселенiемъ былъ навѣки усмиренъ Новгородъ. Остался трупъ: душа исчезла; иные жители, иные обычаи и нравы, свойственные самодержавiю. Іоаннъ, въ 1500 году, съ согласiя митрополитова, роздалъ всѣ новгородскiя церковныя имѣнiя въ помѣстье дѣтямъ боярскимъ.

Одинъ Псковъ еще сохранилъ древнее гражданское образованiе, вѣче и народныхъ сановниковъ, обязанный тѣмъ своему послушанiю. Великiй князь, довольный его содѣйствiемъ въ походѣ новгородскомъ, прислалъ ему въ даръ кубокъ и милостиво обѣщалъ не перемѣнять старины; а свѣдавъ, что послы великокняжескiе дѣлаютъ тамъ наглыя обиды жителямъ, съ гордостiю отвергаютъ дары вѣча, но своевольно берутъ у гражданъ и поселянъ, что имъ вздумается, онъ строго запретилъ имъ всякiя насилiя. Въ семъ случаѣ, какъ и въ другихъ, видимъ Іоанново правило соглашать вводимое имъ единовластiе съ уставомъ естественной справедливости, и не отнимать ничего безъ вины. Псковъ удержалъ до времени свои законы гражданскiе, ибо не оспаривалъ государевой власти отмѣнить ихъ.

Довольный славнымъ успѣхомъ новгородскаго похода, Іоаннъ скоро насладился и живѣйшею семейственною радостiю. Софiя была уже матерiю трехъ дочерей: Елены, Ѳеодосiи и второй Елены; хотѣла сына, и вмѣстѣ съ супругомъ печалилась, что Богъ не исполняетъ ихъ желанiя. Для сего ходила она пѣшкомъ молиться въ обитель Троицкую, гдѣ, какъ пишутъ, явился ей св. Сергiй, держа на рукахъ своихъ благовиднаго младенца, приблизился къ великой княгинѣ и ввергнулъ его въ ея нѣдра: Софiя затрепетала отъ видѣнiя столь удивительнаго; съ усердiемъ облобызала мощи святого, и чрезъ девять мѣсяцевъ родила сына, Василiя-Гаврiила. Сiю повѣсть разсказывалъ самъ Василiй (уже будучи государемъ) митрополиту Іоасафу. Послѣ того Софiя имѣла четырехъ сыновей: Георгiя, Димитрiя, Симеона, Андрея, дочерей: Ѳеодосiю и Евдокiю.

Покоренiе Новагорода есть важная эпоха сего славнаго княженiя; слѣдуетъ другая, еще важнѣйшая: торжественное возстановленiе нашей государственной независимости, соединенное съ конечнымъ паденiемъ Большой или Золотой Орды. Тутъ ясно открылась мудрость Іоанновой политики, которая неусыпно искала дружбы хановъ таврическихъ, чтобы силою ихъ обуздывать Ахмата и Литву. Недолго Зенебекъ господствовалъ въ Тавридѣ; Менгли-Гирей изгналъ его, воцарился снова и прислалъ извѣстить о томъ Іоанна, который немедленно отправилъ къ нему гонца съ поздравленiемъ, а скоро (въ 1480 году) и боярина, князя Ивана Звенца. Сей посолъ долженъ былъ сказать хану, что великiй князь, изъ особенной къ нему дружбы, принялъ къ себѣ не только изгнаннаго царя Зенебека, но и двухъ братьевъ Менгли-Гиреевыхъ, Нордоулита

и Айдара, жившихъ прежде въ Литвѣ, дабы отнять у нихъ способъ вредить ему; что государь согласенъ дѣйствовать съ Менгли-Гиреемъ противъ Ахмата, если онъ будетъ ему поборникомъ противъ Казимира Литовскаго. На сихъ условіяхъ надлежало послу заключить союзъ съ ханомъ: для чего и дали ему шертную или клятвенную грамоту съ повелѣніемъ изъяснить вельможамъ крымскимъ, сколь усердно государь доброжелательствуетъ ихъ царю. Сверхъ того, бояринъ Звенецъ имѣлъ порученіе отдать хану наединѣ тайную грамоту, утвержденную крестнымъ цѣлованіемъ и золотою печатію: сею грамотою, по желанію Менгли-Гирея написанною, великій князь обязывался дружески принять его въ Россіи, буде онъ въ третій разъ лишится престола; не только обходиться съ нимъ какъ съ государемъ вольнымъ, независимымъ, но и способствовать ему всѣми силами къ возвращенію царства. Испытавъ непостоянство судьбы, умный, добрый Менгли-Гирей хотѣлъ взять мѣры на случай ея новыхъ превратностей и заблаговременно изготовить себѣ убѣжище: сія печальная мысль расположила его къ самому вѣрному дружеству съ Іоанномъ: бояринъ Звенецъ успѣлъ совершенно въ дѣлѣ своемъ: заключили союзъ, искренностію и политикою утвержденный, условились вмѣстѣ воевать или мириться; наблюдать всѣ движенія Ахмата и Литвы; тайно или явно мѣшать ихъ замысламъ, вреднымъ для той или другой стороны; наконецъ, обѣимъ державамъ, Москвѣ и Крыму, дѣйствовать какъ единой во всѣхъ случаяхъ.

Увѣренный въ дружбѣ Менгли-Гирея и въ собственныхъ силахъ, Іоаннъ, по извѣстію нѣкоторыхъ лѣтописцевъ, рѣшился вывести Ахмата изъ заблужденія и торжественно объявить свободу Россіи слѣдующимъ образомъ. Сей ханъ отправилъ въ Москву новыхъ пословъ требовать дани. Ихъ представили Іоанну: онъ взялъ басму (или образъ царя), изломалъ ее, бросилъ на землю, растопталъ ногами; велѣлъ умертвить пословъ, кромѣ одного, и сказалъ ему: „спѣши объявить царю видѣнное тобою; что сдѣлалось съ его басмою и послами, то будетъ и съ нимъ, если онъ не оставитъ меня въ покоѣ“. Ахматъ вскипѣлъ яростію. „Такъ поступаетъ рабъ нашъ, князь московскій!“ говорилъ онъ своимъ вельможамъ, и началъ собирать войско. Другіе лѣтописцы, согласнѣе съ характеромъ Іоанновой осторожности и съ послѣдствіями, приписываютъ ополченіе ханское единственно наущеніямъ Казимировымъ. Съ ужасомъ видя возрастающее величіе Россіи, сей государь послалъ одного служащаго ему князя татарскаго, именемъ Акирея Муратовича, въ Золотую Орду склонять Ахмата къ сильному впаденію въ Россію, обѣщая съ своей стороны сдѣлать то же. Время казалось благопріятнымъ: Орда была спокойна; племянникъ Ахматовъ, именемъ Касыда, долго споривъ съ дядею о царствѣ, наконецъ

съ нимъ примирился. Злобствуя на великаго князя за его ослушаніе и недовольный умѣренностію даровъ его, ханъ условился съ королемъ, чтобы татарамъ идти изъ волжскихъ улусовъ къ Окѣ, а литовцамъ къ берегамъ Угры, и съ двухъ сторонъ въ одно время вступить въ Россію. Первый сдержалъ слово, и лѣтомъ (въ 1480 г.) двинулся къ предѣламъ московскимъ со всею Ордою, съ племянникомъ Касыдою, съ шестью сыновьями и множествомъ князей татарскихъ. Къ ободренію враговъ нашихъ служила тогда и несчастная распря Іоаннова съ братьями: обстоятельства ея достойны замѣчанія.

Государь, смѣнивъ намѣстника, бывшаго въ Великихъ Лукахъ, князя Ивана Оболенскаго-Лыка, велѣлъ ему заплатить большое количество серебра тамошнимъ гражданамъ, которые приносили на него жалобы, отчасти несправедливыя. Князь Лыко въ досадѣ уѣхалъ къ брату Іоаннову, Борису, въ Волокъ-Ламскій, пользуясь древнимъ правомъ боярскимъ переходить изъ службы государя московскаго къ князьямъ удѣльнымъ. Іоаннъ требовалъ сего бѣглеца отъ брата; но Борисъ отвѣтствовалъ: „не выдаю; а если онъ виновенъ, то нарядимъ судъ“. Вмѣсто суда великій князь приказалъ намѣстнику Боровскому тайно схватить Лыка, гдѣ бы то ни было, и скованнаго представить въ Москву: это онъ и сдѣлалъ. Князь Борисъ Васильевичъ оскорбился; писалъ къ брату, Андрею Суздальскому, о семъ беззаконномъ насиліи, и говорилъ, что Іоаннъ тиранствуетъ, презираетъ святые древніе уставы и единоутробныхъ, не далъ имъ части ни изъ удѣла Юріева, ни изъ областей новгородскихъ, завоевавъ ихъ вмѣстѣ съ ними; что терпѣнію долженъ быть конецъ, и что они не могутъ послѣ того жить въ государствѣ московскомъ. Андрей былъ такого же мнѣнія: собравъ многочисленную дружину, оба съ женами и дѣтьми выѣхали изъ своихъ удѣловъ; не хотѣли слушать боярина Іоаннова, посланнаго уговорить ихъ; спѣшили къ Литовской границѣ, злодѣйствуя на пути огнемъ и мечемъ, какъ въ землѣ непріятельской: остановились въ Великихъ-Лукахъ и требовали отъ Казимира, чтобы онъ за нихъ вступился. Король, обрадованный симъ случаемъ, далъ городъ Витебскъ на содержаніе ихъ семействъ, къ крайнему безпокойству всѣхъ россіянъ, устрашенныхъ вѣроятностію междоусобной войны. Между тѣмъ, великій князь подозрѣвалъ мать свою въ тайномъ согласіи съ его братьями, зная отмѣнную любовь ея къ Андрею и хотѣлъ быть великодушнымъ: послалъ къ нимъ ростовскаго святителя Вассіана, съ бояриномъ Василіемъ Ѳедоровичемъ Образцемъ, и предлагалъ миръ искренній, обѣщая Андрею, сверхъ наслѣдственнаго удѣла, Алексинъ и Калугу. Но братья съ гордостію отвергнули всѣ убѣжденія Вассіановы и милость Іоаннову.

Тогда услышали въ Москвѣ о походѣ Ахмата, который шелъ медленно, ожидая вѣстей отъ Казимира. Іоаннъ все предвидѣлъ: какъ скоро Золотая Орда двинулась, Менгли-Гирей, вѣрный его союзникъ, по условію съ нимъ напалъ на Литовскую Подолію и тѣмъ отвлекъ Казимира отъ содѣйствія съ Ахматомъ. Зная же, что сей послѣдній оставилъ въ своихъ улусахъ только женъ, дѣтей и старцевъ, Іоаннъ велѣлъ крымскому царевичу Нордоулату и воеводѣ Звенигородскому князю Василью Ноздроватому съ небольшимъ отрядомъ сѣсть на суда и плыть туда Волгою, чтобы разгромить беззащитную Орду или, по крайней мѣрѣ, устрашить хана. Москва въ нѣсколько дней наполнилась ратниками. Передовое войско уже стояло на берегу Оки. Сынъ великаго князя, младый Іоаннъ, выступилъ со всѣми полками изъ столицы въ Серпуховъ 8 іюня; а дядя его, Андрей Меньшій, изъ своего удѣла. Самъ государь еще оставался въ Москвѣ недѣль шесть; наконецъ, свѣдавъ о приближеніи Ахмата къ Дону, 23 іюля отправился въ Коломну, поручивъ храненіе столицы дядѣ своему Михаилу Андреевичу Верейскому и боярину князю Ивану Юрьевичу, духовенству, купцамъ и народу. Кромѣ митрополита, находился тамъ архіепископъ ростовскій, Вассіанъ, старецъ ревностный ко славѣ отечества. Супруга Іоаннова выѣхала съ дворомъ своимъ въ Дмитровъ, откуда на судахъ удалилась къ предѣламъ Бѣлоозера; а мать его, инокиня Мароа, внявъ убѣжденіямъ духовенства, къ утѣшенію народа, осталась въ Москвѣ.

Великій князь принялъ самъ начальство надъ войскомъ, прекраснымъ и многочисленнымъ, которое стояло на берегахъ Оки рѣки, готовое къ битвѣ. Вся Россія съ надеждою и страхомъ ожидала слѣдствій. Іоаннъ былъ въ положеніи Димитрія Донского, шедшаго сразиться съ Мамаемъ: имѣлъ полки лучше устроенные, воеводъ опытнѣйшихъ, болѣе славы и величія; но зрѣлостію лѣтъ, природнымъ хладнокровіемъ, осторожностію располагаемый не вѣрить слѣпому счастію, которое иногда бываетъ сильнѣе доблести въ битвахъ, онъ не могъ спокойно думать, что одинъ часъ рѣшитъ судьбу Россіи; что всѣ его великодушные замыслы, всѣ успѣхи медленные, постепенные, могутъ кончиться гибелію нашего войска, развалинами Москвы, новою тягчайшею неволею отечества, и единственно отъ нетерпѣнія: ибо Золотая Орда нынѣ или завтра долженствовала исчезнуть по ея собственнымъ внутреннимъ причинамъ разрушенія. Димитрій побѣдилъ Мамая, чтобы видѣть пепелъ Москвы и платить дань Тохтамышу; гордый Витовтъ, презирая остатки Кипчакскаго ханства, хотѣлъ однимъ ударомъ сокрушить ихъ, и погубилъ рать свою на берегахъ Ворсклы. Іоаннъ имѣлъ славолюбіе не воина, но государя; а слава послѣдняго состоитъ въ цѣлости государства, не въ личномъ

мужествѣ: цѣлость, сохраненная осмотрительною уклончивостію, славнѣе гордой отважности, которая подвергаетъ народъ бѣдствію. Сіи мысли казались благоразуміемъ великому князю и нѣкоторымъ изъ бояръ, такъ что онъ желалъ, если можно, удалить рѣшительную битву.

Ахматъ, слыша, что берега Оки къ рязанскимъ предѣламъ вездѣ заняты Іоанновымъ войскомъ, пошелъ отъ Дона мимо Мценска, Одоева и Любутска къ Игрѣ, въ надеждѣ соединиться тамъ съ королевскими полками, или вступить въ Россію съ той стороны, откуда его не ожидали. Великій князь, давъ повелѣніе сыну и брату идти къ Калугѣ и стать на лѣвомъ берегу Угры, самъ пріѣхалъ въ Москву, гдѣ жители посадовъ перебиралися въ Кремль съ своимъ драгоцѣннѣйшимъ имѣніемъ и, видя Іоанна, вообразили, что онъ бѣжитъ отъ хана. Многіе кричали въ ужасѣ: „Государь выдаетъ насъ татарамъ! отягощалъ землю налогами, и не платилъ дани ординской! разгнѣвилъ царя, и не стоитъ за отечество!“ Сіе неудовольствіе народное, по словамъ одного лѣтописца, столь огорчило великаго князя, что онъ не въѣхалъ въ Кремль, но остановился въ Красномъ Селѣ, объявивъ, что прибылъ въ Москву для совѣта съ матерію, духовенствомъ и боярами. „Иди же смѣло на врага!“ сказали ему единодушно всѣ духовные и мірскіе сановники. Архіепископъ Вассіанъ, сѣдый, ветхій старецъ, въ великодушномъ порывѣ ревностной любви къ отечеству воскликнулъ: „Смертнымъ ли бояться смерти? Рокъ неизбѣженъ. Я старъ и слабъ; но не убоюся меча татарскаго, не отвращу лица моего отъ его блеска“.—Іоаннъ желалъ видѣть сына, и велѣлъ ему быть въ столицу съ Даніиломъ Холмскимъ: сей пылкій юноша не поѣхалъ, отвѣтствуя родителю: „ждемъ татаръ“; а Холмскому: „лучше мнѣ умереть здѣсь, нежели удалиться отъ войска“. Великій князь уступилъ общему мнѣнію, и далъ слово крѣпко противоборствовать хану. Въ сіе время онъ помирился съ братьями, коихъ послы находились въ Москвѣ; обѣщалъ жить съ ними дружно, надѣлить ихъ новыми волостями, требуя единственно, чтобы они спѣшили къ нему съ своею воинскою дружиною для спасенія отечества. Мать, митрополитъ, архіепископъ Вассіанъ, добрые совѣтники, а всего болѣе опасность Россіи, къ чести обѣихъ сторонъ, прекратили вражду единокровныхъ.—Іоаннъ взялъ мѣры для защиты городовъ; отрядилъ дмитровцевъ въ Переяславль, москвитянъ въ Дмитровъ; велѣлъ сжечь посады вокругъ столицы, и 3 октября, принявъ благословеніе отъ митрополита, поѣхалъ къ войску. Никто ревностнѣе духовенства не ходатайствовалъ тогда за свободу отечества и за необходимость утвердить оную мечомъ. Первосвятитель Геронтій, знаменуя государя крестомъ, съ умиленіемъ

сказалъ: „Богъ да сохранитъ твое царство и дастъ тебѣ побѣду, якоже древле Давиду и Константину! Мужайся и крѣпися, о сынъ духовный! какъ истинный воинъ Христовъ. Добрый пастырь полагаетъ душу свою за овцы: ты не наемникъ! Избави врученное тебѣ Богомъ словесное стадо отъ грядущаго нынѣ звѣря. Господь намъ поборникъ!“ Всѣ духовные промолвили: „Аминь! буди тако!“ и молили великаго князя не слушать мнимыхъ друзей мира, коварныхъ или малодушныхъ.

Іоаннъ пріѣхалъ въ Кременецъ, городокъ на берегу Лужи, и далъ знать воеводамъ, что будетъ оттуда управлять ихъ движеніями. Полки наши, расположенные на шестидесяти верстахъ, ждали непріятеля, отразивъ легкій передовой отрядъ его, который искалъ переправы черезъ Угру. 8 октября, на восходѣ солнца, вся сила ханская подступила къ сей рѣкѣ. Сынъ и братъ великаго князя стояли на противномъ берегу. Съ обѣихъ сторонъ пускали стрѣлы: россіяне дѣйствовали и пищалями. Ночь прекратила битву. На другой, третій и четвертый день опять сражались издали. Видя, что наши не бѣгутъ и стрѣляютъ мѣтко, въ особенности изъ пищалей, Ахматъ удалился за двѣ версты отъ рѣки, сталъ на обширныхъ лугахъ и распустилъ войско по литовской землѣ для собранія съѣстныхъ припасовъ. Между тѣмъ многіе татары выѣзжали изъ стана на берегъ и кричали нашимъ: „Дайте путь царю, или онъ силою дойдетъ до великаго князя, а вамъ будетъ худо“.

Миновало нѣсколько дней. Іоаннъ совѣтовался съ воеводами: всѣ изъявляли бодрость, хотя и говорили, что силы непріятельскія велики. Но онъ имѣлъ двухъ любимцевъ, боярина Ощеру и Григорія Мамона, коего мать была сожжена княземъ Іоанномъ Можайскимъ за мнимое волшебство: сіи, какъ сказано въ лѣтописи, тучные вельможи любили свое имѣніе, женъ и дѣтей гораздо болѣе отечества, и не переставали шептать государю, что лучше искать мира. Они смѣялись надъ геройствомъ нашего духовенства, которое, не имѣя понятія о случайностяхъ войны, хочетъ кровопролитія и битвы; напоминали великому князю о судьбѣ его родителя, Василія Темнаго, плѣненнаго татарами; не устыдились думать, что государи московскіе, издревле обязывая себя клятвою не поднимать руки на хановъ, не могутъ безъ вѣроломства воевать съ ними. Сіи внушенія дѣйствовали тѣмъ сильнѣе, что были согласны съ правилами собственнаго опасливаго ума Іоаннова. Любимцы его жалѣли своего богатства: онъ жалѣлъ своего величія, снисканнаго трудами осьмнадцати лѣтъ, и не увѣренный въ побѣдѣ, мыслилъ сохранить оное дарами, учтивостями, обѣщаніями. Однимъ словомъ, государь послалъ боярина, Ивана Ѳедоровича Товаркова, съ мирными предложеніями къ Ахмату и

князю ординскому Темиру. Но царь не хотѣлъ слушать ихъ, отвергнулъ дары и сказалъ боярину: „я пришелъ сюда наказать Ивана за его неправду, за то, что онъ не ѣдетъ ко мнѣ, не бьетъ челомъ и уже девять лѣтъ не платилъ дани. Пусть самъ явится предо мною: тогда князья наши будутъ за него ходатайствовать, и я могу оказать ему милость“. Темиръ также не взялъ даровъ, отвѣтствуя, что Ахматъ гнѣвенъ, и что Іоаннъ долженъ у царскаго стремени вымолить себѣ прощеніе. Великій князь не могъ унизиться до такой степени раболѣпства. Получивъ отказъ. Ахматъ сдѣлался снисходительнѣе, и велѣлъ объявить Іоанну, чтобы онъ прислалъ сына или брата, или хотя вельможу Никифора Басенка, угодника ординскаго. Государь и на то не согласился. Переговоры кончились.

Свѣдавъ о нихъ, митрополитъ Геронтій, архіепископъ Вассіанъ и Паисій, игуменъ троицкій, убѣдительными грамотами напоминали великому князю обѣтъ его стоять крѣпко за отечество и вѣру. Старецъ Вассіанъ писалъ такъ:

„Наше дѣло говорить царямъ истину: что я прежде изустно сказалъ тебѣ, славнѣйшему изъ владыкъ земныхъ, о томъ нынѣ пишу, ревностно желая утвердить твою душу и державу. Когда ты, внявъ моленію и доброй думѣ митрополита, своей родительницы, благовѣрныхъ князей и бояръ, поѣхалъ изъ Москвы къ воинству съ намѣреніемъ ударить на врага христіанскаго, мы, усердные твои богомольцы, денно и нощно припадали къ алтарямъ Всевышняго, да увѣнчаетъ тебя Господь побѣдою. Что же слышимъ? Ахматъ приближается, губитъ христіанство, грозитъ тебѣ и отечеству: ты же предъ нимъ уклоняешься, молишь о мирѣ и шлешь къ нему пословъ; а нечестивый дышитъ гнѣвомъ и презираетъ твое моленіе!... Государь! какимъ совѣтамъ внимаешь? людей недостойныхъ имени христіанскаго. И что совѣтуютъ? повергнуть ли щиты, обратиться ли въ бѣгство? По мысли, отъ какой славы и въ какое уничиженіе низводятъ они твое величество! Предать землю Русскую огню и мечу, церкви разоренію, тьмы людей погибели! Чье сердце каменное не изліется въ слезахъ отъ единыя мысли? О государь! кровь паствы вопіетъ на небо, обвиняя пастыря. И куда бѣжать? гдѣ воцаришься, погубивъ данное тебѣ Богомъ стадо? Взыграеши ли яко орелъ, и посреди ли звѣздъ гнѣздо себѣ устроишь? свергнетъ тебя Господь и оттуду... Нѣтъ, нѣтъ! уповаемъ на Вседержителя. Нѣтъ, ты не оставишь насъ, не явишься бѣглецомъ, и не будешь именоваться предателемъ отечества!... Отложи страхъ и возмогай о Господѣ въ державѣ крѣпости Его! Единъ поженетъ тысящу, и два двигнутъ тьму, по слову мужа святаго: не суть боги ихъ яко Богъ нашъ! Господь мертвитъ и живитъ: Онъ дастъ силу тво-

имъ воинамъ. Язычникъ, философъ Демокритъ, въ числѣ главныхъ царскихъ добродѣтелей ставитъ прозорливость въ мірскихъ случаяхъ, твердость и мужество. Поревнуй предкамъ своимъ: они не только землю русскую хранили, но и многія иныя страны покоряли; вспомни Игоря, Святослава, Владиміра, коихъ данники были цари греческіе, и Владиміра Мономаха, ужаснаго для половцевъ; а прадѣдъ твой великій, хвалы достойный Димитрій, не сихъ ли невѣрныхъ татаръ побѣдилъ за Дономъ? Презирая опасность, сражался впереди; не думалъ: имѣю жену, дѣтей и богатство; когда возьмутъ землю мою, вселюся индѣ—но сталъ въ лице Мамаю и Богъ осѣнилъ славу его въ день брани. Неужели скажешь, что ты обязанъ клятвою своихъ предковъ не поднимать руки на хановъ? Но Димитрій поднялъ оную. Клятва принужденная разрѣшается митрополитомъ и нами: мы всѣ благословляемъ тебя на Ахмата, не царя, но разбойника и богоборца. Лучше солгать и спасти государство, нежели истинствовать и погубить его. По какому святому закону ты, государь православный, обязанъ уважать сего злочестиваго самозванца, который силою поработилъ нашихъ отцовъ за ихъ малодушіе и воцарился, не будучи ни царемъ, ни племени царскаго? То было дѣйствіемъ гнѣва небеснаго; но Богъ есть отецъ чадолюбивый: наказуетъ и милуетъ; древле потопилъ фараона и спасъ Израиля: спасетъ и народъ твой, и тебя, когда покаяніемъ очистишь свое сердце: ибо ты человѣкъ и грѣшенъ. Покаяніе государя есть искренній обѣтъ блюсти правду въ судахъ, любить народъ, не употреблять насилія, оказывать милость и виновнымъ... Тогда Богъ возставитъ намъ тебя, государя, яко древле Моисея, Іисуса и другихъ, освободившихъ Израиля, да и новый Израиль, земля Русская, освободится тобою отъ нечестиваго Ахмата, новаго фараона: ангелы снидутъ съ небесъ въ помощь твою, Господь пошлетъ тебѣ отъ Сіона жезлъ силы, и одолѣеши враговъ, и смятутся, и погибнутъ. Тако глаголетъ Господь: Азъ воздвигохъ тя, царя правды, и пріяхъ тя за руку десную, и укрѣпихъ тя, да послушаютъ тебе языцы, крѣпость царей разрушиши; и Азъ предъ тобою иду, и горы сравняю, и двери мѣдныя сокрушу и затворы желѣзные сломлю... и даруетъ тебѣ Всевышній царство славно и сынамъ сыновъ твоихъ въ родъ и родъ вовѣки. А мы соборами святительскими день и нощь молимъ Его, да разсыплются племена нечестивыя, хотящія брани, да будутъ омрачены молніею небесною и яко псы гладные да лижутъ землю языками своими! Радуемся и веселимся, слыша о доблести твоей и Богомъ даннаго тебѣ сына: уже вы поразили невѣрныхъ; но не забуди слова евангельскаго: претерпѣвый до конца, той спасенъ будетъ. Наконецъ прошу тебя, государь, не осудить моего худоумія; пи-

сано бо есть: дай мудрому вину и будетъ мудрѣе. Да будеть тако! Благословеніе нашего смиренія на тебѣ, на твоемъ сынѣ, на всѣхъ боярахъ и воеводахъ, на всемъ Христолюбивомъ воинствѣ... Аминь.

Прочитавъ сіе песьмо, достойное великой души безсмертнаго мужа, Іоаннъ, какъ сказано въ лѣтописи, исполнился веселія, мужества и крѣпости; не мыслилъ болѣе о средствахъ мира, но мыслилъ единственно о средствахъ побѣды, и готовился къ битвѣ. Скоро прибыли къ нему братья его, Андрей и Борисъ, съ ихъ многочисленною дружиною: не было ни упрековъ, ни извиненій, ни условій; единокровные обнялися съ видомъ искренней любви, чтобы вмѣстѣ служить отечеству и христіанству.

Прошло около двухъ недѣль въ бездѣйствіи: россіяне и татары смотрѣли другъ на друга чрезъ Угру, которую первые называли поясомъ Богоматери, охраняющимъ московскія владѣнія. Ахматъ послалъ лучшую свою конницу къ Городищу Опакову и велѣлъ ей украдкою переплыть Оку: воеводы Іоанновы не пустили татаръ на свой берегъ. Ахматъ злобился; грозилъ, что морозы откроютъ ему путь черезъ рѣки; ждалъ литовцевъ и зимы. О литовцахъ не было слуха; но въ исходѣ октября настали сильные морозы: Угра покрывалась льдомъ и великій князь приказалъ всѣмъ нашимъ воеводамъ отступить къ Кременцу, чтобы сразиться съ ханомъ на поляхъ Боровскихъ, удобнѣйшихъ для битвы.

Такъ говорилъ онъ; такъ, вѣроятно, и мыслилъ. Но бояре и князья изумились, а воины оробѣли, думая, что Іоаннъ страшится и не хочетъ битвы. Полки не отступали, но бѣжали отъ непріятеля, который могъ ударить на нихъ съ тылу. Сдѣлалось чудо, по словамъ лѣтописцевъ: татары, видя лѣвый берегъ Угры оставленный россіянами, вообразили, что они манятъ ихъ въ сѣти, и вызываютъ на бой, приготовивъ засады: объятый страннымъ ужасомъ, ханъ спѣшилъ удалиться. Представилось зрѣлище удивительное: два воинства бѣжали другъ отъ друга, никѣмъ не гонимыя! Россіяне наконецъ остановились; но Ахматъ ушелъ во-свояси, разоривъ въ Литвѣ двѣнадцать городовъ за то, что Казимиръ не далъ ему помощи. Такъ кончилось сіе послѣднее нашествіе ханское на Россію: царь не могъ ворваться въ ея предѣлы, не вывелъ ни одного плѣнника московскаго. Только сынъ его, Амуртоза, на возвратномъ пути захватилъ часть нашей Украйны; но былъ немедленно изгнанъ оттуда братьями великаго князя, посланными съ войскомъ вслѣдъ за непріятелемъ. Одинъ лѣтописецъ казанскій удовлетворительно изъясняетъ сіе бѣгство Ахматово, сказывая, что крымскій царевичъ, Нор-

доулатъ, и князь Василій Поздреватый счастливо исполнили повелѣніе Іоанново: достигли Орды, взяли Юртъ Батыевъ (вѣроятно Сарай), множество плѣнниковъ, добычи, и могли бы въ конецъ истребить сіе гнѣздо нашихъ злодѣевъ, если бы уланъ Нордоулатовъ, именемъ Обуязъ, не помѣшалъ тому своими представленіями. „Что дѣлаешь?“ — сказалъ онъ своему царевичу: — „вспомни, что сія древняя Орда есть наша общая мать; всѣ мы отъ нея родились. Ты исполнилъ долгъ чести и службы московской: нанесъ ударъ Ахмату: довольно; не губи остатковъ!“ Нордоулатъ удалился; а ханъ, свѣдавъ о разореніи улусовъ, оставилъ Россію, чтобы защитить свою собственную землю. Сіе обстоятельство служитъ къ чести Іоаннова ума: заблаговременно взявъ мѣры отвлечь Ахмата отъ Россіи, великій князь ждалъ ихъ дѣйствія, и для того не хотѣлъ битвы. Но всѣ другіе лѣтописцы славятъ единственно милость Божію, и говорятъ: „Да не похвалятся легкомысленные страхомъ ихъ оружія! Нѣтъ, не оружіе и не мудрость человѣческая, но Господь спасъ нынѣ Россію!“ Іоаннъ, распустивъ войско, съ сыномъ и братьями пріѣхалъ въ Москву славословить Всевышняго за побѣду, данную ему безъ кровопролитія. Онъ не увѣнчалъ себя лаврами, какъ побѣдитель Мамаевъ, но утвердилъ вѣнецъ на главѣ своей и независимость государства. Народъ веселился; а митрополитъ уставилъ особенный ежегодный праздникъ Богоматери и крестный ходъ іюня 23 въ память освобожденія Россіи отъ ига моголовъ: ибо здѣсь конецъ нашему рабству.

Ахматъ имѣлъ участь Мамая. Онъ вышелъ изъ Литвы съ богатою добычею: князь шибанскихъ или тюменскихъ улусовъ Ивакъ, желая отнять ее, съ нагайскими мурзами Ямгурчеемъ, Мусою и съ шестнадцатью тысячами казаковъ гнался за нимъ отъ береговъ Волги до Малаго Донца, гдѣ сей ханъ, близъ Азова, остановился зимовать, распустивъ своихъ улановъ. Ивакъ приблизился ночью, окружилъ на разсвѣтѣ царскую бѣлую вежу, собственною рукою умертвилъ спящаго Ахмата, безъ сраженія взялъ Орду, его женъ, дочерей, богатство, множество литовскихъ плѣнниковъ, скота; возвратился въ Тюмень и прислалъ объявить великому князю, что злодѣй Россіи лежитъ въ могилѣ. Еще такъ называемая Большая Орда не совсѣмъ исчезла, и сыновья Ахматовы удержали въ степяхъ Волжскихъ имя царей; но Россія уже не поклонялась имъ, и знаменитая столица Батыева, гдѣ наши князья болѣе двухъ вѣковъ раболѣпствовали ханамъ, обратилась въ развалины, донынѣ видимыя на берегу Ахтубы: тамъ среди обломковъ гнѣздятся змѣи и ехидны.—Отселѣ татары шибанскіе и ногайскіе, коихъ улусы находились между рѣкою Бу-

зулукомъ и моремъ Аральскимъ, являются дѣйствующими въ нашей исторіи и въ сношеніяхъ съ Москвою, нерѣдко служа орудіемъ ея политикѣ. Князь Ивакъ тюменскій хвалился происхожденіемъ своимъ отъ Чингиса и правомъ на тронъ Батыевъ, называя Ахмата, его братьевъ и сыновей дѣтьми Темиръ-Кутлуя, а себя истиннымъ царемъ бесерменскимъ; искалъ дружбы Іоанновой и величался именемъ равнаго ему государя, уже не дерзая требовать съ насъ дани и мыслить, чтобы россіяне были природными подданными всякаго хана татарскаго.

Замѣтимъ тогдашнее расположеніе умовъ. Несмотря на благоразумныя мѣры, взятыя Іоанномъ для избавленія государства отъ злобы Ахматовой; несмотря на бѣгство непріятеля, на цѣлость войска и державы,—москвитяне, веселяся и торжествуя, не были совершенно довольны государемъ: ибо думали, что онъ не явилъ въ семъ случаѣ свойственнаго великимъ душамъ мужества и пламенной ревности жертвовать собою за честь, за славу отечества. Осуждалъ, что Іоаннъ, готовясь къ войнѣ, послалъ супругу въ отдаленныя сѣверныя земли, думая о личной ея безопасности болѣе, нежели о столицѣ, гдѣ надлежало ободрить народъ присутствіемъ великокняжескаго семейства. Строго осуждали и Софію, что она безъ всякой явной опасности бѣгала съ знатнѣйшими женами боярскими изъ мѣста въ мѣсто, не хотѣла даже остаться и въ Бѣлозерскѣ, уѣхала далѣе къ морю, и на пути позволяла многочисленнымъ слугамъ своимъ грабить жителей какъ непріятелей. И такъ славнѣйшее дѣло Іоанново для потомства, конечное сверженіе ханскаго ига, въ глазахъ современниковъ не имѣло полной, чистой славы, обнаруживъ въ немъ, по ихъ мнѣнію, боязливость или нерѣшительность, хотя сія мнимая слабость происходитъ иногда отъ самой глубокой мудрости человѣческой, которая не есть Божественная и, предвидя многое, знаетъ, что не предвидитъ всего.

Тѣмъ болѣе народъ славилъ твердость нашего духовенства, и въ особенности Вассіана, коего посланіе къ великому князю ревностные друзья отечества читали и переписывали съ слезами умиленія. Сей добродѣтельный старецъ едва имѣлъ время благословить начало государственной независимости въ Россіи: занемогъ и скончался, оплакиваемый всѣми добрыми согражданами. Славная память его осталась навѣки неразлучною съ памятью нашей свободы.—Тогда же преставился и братъ великаго князя, Андрей меньшій, любимый народомъ за вѣрность и бодрую дѣятельность, оказанную имъ противъ Ахмата. Въ духовномъ завѣщаніи онъ признаетъ себя должникомъ Іоанна, получивъ отъ него 30,000 рублей для платежа въ Орды, въ Казань и царе-

вичу Даніяру; велитъ выкупить разныя вещи, отданныя имъ въ залогъ Ивану Фрязину и другимъ; не оставивъ ни дѣтей, ни жены, отказываетъ государю удѣлъ свой, его сыновьямъ иконы, кресты, поясы и цѣпи золотыя, братьямъ Андрею и Борису нѣкоторыя волости, Троицкому монастырю 40 деревень на Вологдѣ и проч. Такимъ образомъ, дѣлая себя единственнымъ наслѣдникомъ своихъ ближнихъ, умирающихъ бездѣтными, великій князь новыми договорными грамотами утвердилъ за Андреемъ старшимъ, за Борисомъ и за дѣтьми ихъ, удѣлы родительскіе съ частію московскихъ пошлинъ; далъ еще первому городъ Можайскъ, а второму нѣсколько селъ, съ условіемъ, чтобы они не вступались въ его пріобрѣтенія, настоящія и будущія. Въ сихъ грамотахъ упоминается объ издержкахъ ординскихъ: хотя великій князь уже не мыслилъ быть данникомъ, но предвидѣлъ необходимость подкупать татаръ, чтобы располагать ихъ остальными силами въ нашу пользу. Содержаніе царевича Даніяра и братьевъ Менгли-Гиреевыхъ, Нордоулата и Айдара, сосланнаго за что-то въ Вологду; наконецъ дары, посылаемые въ Тавриду, въ Казань, въ ногайскіе улусы, требовали не малыхъ расходовъ, въ коихъ Андрей и Борисъ Васильевичи обязывались участвовать.

Благополучно отразивъ Ахмата, свѣдавъ о гибели его и миромъ съ братьями успокоивъ какъ Россію, такъ и собственное сердце, Іоаннъ послалъ къ Менгли-Гирею боярина Тимофея Игнатьевича Скрябу съ извѣстіемъ о своемъ успѣхѣ и съ напоминаніемъ, чтобы сей ханъ не забывалъ ихъ договора дѣйствовать всегда общими силами противъ Волжской Орды и Казимира, въ случаѣ, если преемники Ахматовы или король замыслятъ опять воевать Россію. Бояринъ Тимофей долженъ былъ говорить въ особенности съ княземъ крымскимъ Именекомъ, нашимъ доброжелателемъ, и вручить его сыну Довлетеку опасную грамоту съ золотою печатію для свободнаго пребыванія во всѣхъ московскихъ владѣніяхъ: ибо Довлетекъ, не вѣря спокойствію мятежной Тавриды, просилъ о томъ Іоанна. Странное дѣйствіе судьбы: Россія, столь долго губимая татарами, сдѣлалась ихъ покровительницею и вѣрнымъ убѣжищемъ въ несчастіяхъ!

ГЛАВА IV.

Продолженіе государствованія Іоаннова.

Война съ Ливонскимъ Орденомъ. — Литовскія дѣла. — Ханъ крымскій опустошаетъ Кіевъ.— Сыновья Ахматовы воюютъ съ крымскимъ ханомъ. — Король венгерскій Матѳей въ дружбѣ съ Іоанномъ.—Бракъ сына Іоаннова съ Еленою, дочерью Стефана, господаря молдавскаго.—Завоеваніе Твери.—Присоединеніе удѣла Верейскаго къ Москвѣ.—Князья Ростовскіе, Ярославскіе лишены правъ владѣтельныхъ.— Происшествія рязанскія.—Покореніе Казани.—Сношенія съ ханомъ крымскимъ. — Посольство Муртозы, сына Ахматова, въ Москву. — Посольство ногайское. — Покореніе Вятки.—Завоеваніе земли Арской.— Кончина Іоанна Младого. — Казнь врача. — Соборъ на еретиковъ жидовскихъ. — Сверженіе митрополита; избраніе новаго.

Г. 1480—1490.

Въ сіе время Іоаннъ предпріялъ нанести ударъ ливонскимъ нѣмцамъ. Еще въ 1478 году, покоряя Новгородъ, московская рать входила въ ихъ Нарвскіе предѣлы и возвратилась оттуда съ добычею. Скоро послѣ того купцы псковскіе были задержаны въ Ригѣ и въ Дерптѣ: у нѣкоторыхъ отняли товары, другихъ заключили въ темницу. Псковитяне сдѣлали то же и съ купцами дерптскими; но не хотѣли войны и, считая себя въ мирѣ съ нѣмцами, удивились, когда рыцари заняли Вышегородокъ. Сіе извѣстіе пришло во Псковъ ночью: ударили въ вѣчевой колоколъ; граждане собралися, и на разсвѣтѣ выступили противъ непріятеля. Оставивъ Вышегородокъ, нѣмцы явились подъ Гдовомъ. Съ помощью великаго князя и съ его воеводою княземъ Андреемъ Никитичемъ Ногтемъ, присланнымъ изъ Новагорода, псковитяне заставили ихъ бѣжать, сожгли костеръ на рѣкѣ Эмбахѣ, взяли тамъ нѣсколько пушекъ, осаждали Дерптъ и возвратились, обремененные добычею. Сіе впаденіе россіянъ въ дерптскую землю описано самимъ магистромъ ливонскимъ Бернгардомъ, въ донесеніи его къ главѣ Прусскаго Ордена: нѣтъ лютости, въ которой бы онъ не обвинялъ ихъ, убіеніе людей безоружныхъ было легчайшимъ изъ злодѣйствъ, ими будто бы совершонныхъ. Напомнимъ читателю сказаніе византійскихъ историковъ о свирѣпости древнихъ славянъ или повѣствованіе нашихъ лѣтописцевъ о набѣгахъ татарскихъ: россіяне, по словамъ Бернгарда, едва ли превзошли тогда сихъ варваровъ. Магистръ готовилъ месть: свѣдавъ, что воевода московскій, недовольный псковитянами, ушелъ отъ нихъ съ своею дружиною и что Іоаннъ занятъ войною съ Ахматомъ, Бернгардъ требовалъ помощи, людей и денегъ отъ Прусскаго Ордена; желая дѣйствовать всѣми силами, но боясь упустить

время, приступилъ къ Изборску: не могъ взять его и выжегъ только окрестности. Псковитяне, видя огонь и дымъ, жаловались на своего князя Василія Шуйскаго, что онъ пьетъ и грабитъ ихъ, а защитить не умѣетъ. Нѣмцы обратили въ пепелъ городокъ Кобылій, умертвивъ до четырехъ тысячъ жителей, и наконецъ (въ 1480 году, августа 20) осадили Псковъ. Войско ихъ, какъ пишутъ, состояло изъ 100.000 человѣкъ, большею частію крестьянъ, худо вооруженныхъ и совсѣмъ неспособныхъ къ ратнымъ дѣйствіямъ, такъ что необозримый станъ его за рѣкою Великою походилъ на цыганскій: шумъ и безпорядокъ господствовали въ ономъ. Но псковитяне ужаснулись. Многіе бѣжали, и самъ князь Шуйскій уже садился на коня, чтобы слѣдовать примѣру малодушныхъ: граждане остановили его; дѣлали мирныя предложенія магистру, съ обрядами священными носили вокругъ стѣнъ одежду своего незабвеннаго героя Довмонта и, наконецъ, исполнились мужества. Бернгардъ, имѣя 13 дерптскихъ судовъ съ пушками, старался зажечь городъ. Нѣмцы пристали къ берегу: тутъ россіяне, вооруженные сѣкирами, мечами, камнями, устремились въ бой и смяли ихъ въ рѣку. Нѣмцы тонули, бросаясь на суда; а ночью, снявъ осаду, ушли. „Мы тщетно предлагали россіянамъ битву въ полѣ,—говоритъ Бернгардъ въ письмѣ къ начальнику Прусскаго Ордена:—рѣка Великая не допустила насъ до города“. Ожидая новаго нападенія, псковитяне требовали защиты отъ братьевъ Іоанновыхъ, Андрея и Бориса, которые ѣхали тогда изъ Великихъ Лукъ въ Москву съ сильною дружиною; но сіи князья отвѣтствовали, что имъ не время думать о нѣмцахъ, и мимоѣздомъ ограбили нѣсколько деревень, за то, какъ сказано въ одной лѣтописи, что псковитяне, опасаясь Іоаннова гнѣва, не хотѣли принять къ себѣ ихъ княгинь, бывшихъ въ Литвѣ.

Магистръ, испытавъ неудачу, распустилъ войско: сія оплошность дорого стоила бѣдной землѣ его. Свѣдавъ о непріятельскихъ дѣйствіяхъ Ордена и не имѣя уже другихъ враговъ, Іоаннъ послалъ воеводъ князей Ивана Булгака и Ярослава Оболенскаго съ двадцатью тысячами на Ливонію, кромѣ особенныхъ полковъ новогородскихъ, предводимыхъ намѣстниками, княземъ Василіемъ Ѳедоровичемъ и бояриномъ Иваномъ Зиновьевичемъ. Псковъ былъ мѣстомъ соединенія россійскихъ силъ, достаточныхъ для завоеванія всей Ливоніи: но умѣренный Іоаннъ не хотѣлъ онаго, имѣя въ виду иныя, существеннѣйшія пріобрѣтенія: желалъ единственно вселить ужасъ въ нѣмцевъ и тѣмъ надолго успокоить наши сѣверо-западные предѣлы. Въ исходѣ февраля 1481 года, рать великокняжеская, конница и пѣхота вступила въ орденскія владѣнія и раздѣлилась на три части: одна пошла къ Маріенбургу, другая

къ Дерпту, третья къ Вальку. Непріятель нигдѣ не смѣлъ явиться въ полѣ: россіяне цѣлый мѣсяцъ дѣлали, что хотѣли, въ землѣ его; жгли, грабили; взяли Феллинъ, Тарвастъ, множество людей, лошадей, колоколовъ, серебра, золота; захватили обозъ магистра: едва и самъ Бернгардъ не попался имъ въ руки, бѣжавъ изъ Феллина за день до ихъ прихода. Нѣкоторые города откупались: лѣтописецъ обвиняетъ корыстолюбіе князей Булгака и Ярослава, тайно бравшихъ съ нихъ деньги. Всѣхъ болѣе потерпѣли священники: москвитяне ругались надъ ними, сѣкли ихъ и жгли, какъ сказано въ бумагахъ орденскихъ: дворянъ, купцовъ, земледѣльцевъ, женъ, дѣтей отправляли тысячами въ Россію и тяжелые обозы съ добычею. Весенняя распутица освободила наконецъ Ливонію: полки наши возвратились во Псковъ; а Бернгардъ, оплакивая судьбу Ордена, винилъ во всемъ великаго магистра прусскаго, не давшаго ему помощи; другіе же обвиняли епископа дерптскаго, который, имѣя свое особенное войско, не хотѣлъ дѣйствовать совокупно съ рыцарями. Но обстоятельства перемѣнились: Орденъ три вѣка боролся съ новогородцами и псковитянами, часто несогласными между собою: единовластіе давало Россіи такую силу, что бытіе Ливоніи уже находилось въ опасности.— Въ 1483 году послы Іоанновы заключили въ Нарвѣ перемиріе съ нѣмцами на 20 лѣтъ.

Съ Литвою не было ни войны, ни мира. Іоаннъ предлагалъ миръ, но требовалъ нашихъ городовъ и земель, коими завладѣлъ Витовтъ, а король требовалъ Великихъ Лукъ и даже Новагорода. Съ обѣихъ сторонъ недоброжелательствовали другъ другу, стараясь вредить тайно и явно. Россія имѣла друзей въ Литвѣ между князьями единовѣрными: трое изъ нихъ, Ольшанскій Михаилъ Олельковичъ и Ѳедоръ Бѣльскій, правнуки славнаго Ольгерда, будучи недовольны Казимиромъ, замыслили поддаться Іоанну съ ихъ удѣлами въ землѣ Сѣверской. Сіе намѣреніе открылось: король велѣлъ схватить двухъ первыхъ; а Бѣльскій (въ 1482 году) ушелъ въ Москву, оставивъ въ Литвѣ юную супругу на другой день своей женитьбы. Такъ сказано о семъ происшествіи въ нашихъ лѣтописяхъ. Историкъ польскій говоритъ слѣдующее: князья Сѣверскіе, пріѣхавъ въ Вильну, хотѣли видѣть короля; но стражъ не позволилъ имъ войти во дворецъ, и дверью прихлопнулъ одному изъ нихъ ногу: Казимиръ осудилъ сего воина на смерть, однакожъ не могъ укротить тѣмъ злобы князей: считая себя несносно обиженными и давно имѣя разныя досады на правительство литовское, къ нимъ неблагосклонное за иновѣріе, они поддалися государю московскому". Іоаннъ, въ надеждѣ воспользоваться услугами Бѣльскаго, принялъ его съ отмѣнною милостію и далъ ему въ отчину городокъ Демонъ.

Казимиръ поставилъ 10.000 ратниковъ въ Смоленскѣ, однакожъ не смѣлъ начать войны; ласково угостилъ въ Гроднѣ чиновниковъ Пскова и снисходительно удовлетворилъ всѣмъ ихъ требованіямъ въ спорныхъ дѣлахъ съ Литвою, между тѣмъ совѣтовалъ Ахматовымъ сыновьямъ, Сеидъ-Ахмату и Муртозѣ, тревожить Россію и старался отвлечь хана Менгли-Гирея отъ нашего союза: въ чемъ едва было и не успѣлъ, подкупивъ вельможу крымскаго Именека, который склонилъ государя своего заключить (въ 1482 году) миръ съ Литвою. Но Іоаннъ разрушилъ сей замыслъ: послы великокняжескіе Юрій Шестакъ и Михайло Кутузовъ сильными представленіями заставили Менгли-Гирея снова объявить себя непріятелемъ Казимировымъ, такъ что онъ, въ 1482 году, осенью, со многочисленными конными толпами явился на берегахъ Днѣпра, взялъ Кіевъ, плѣнилъ тамошняго воеводу Ивана Хотковича, опустошилъ городъ, сжегъ монастырь Печерскій и прислалъ къ великому князю дискосъ и потиръ Софійскаго храма, вылитые изъ золота. Сей случай оскорбилъ православныхъ москвитянъ, которые видѣли съ сожалѣніемъ, что Россія насылаетъ варваровъ на единовѣрныхъ, жечь и грабить святыя церкви, древнѣйшіе памятники нашего христіанства; но великій князь, думая единственно о выгодахъ государственныхъ, изъявилъ благодарность хану, убѣждая его и впредь ревностно исполнять условія ихъ союза. „Я съ своей стороны, — приказывалъ къ нему Іоаннъ, — не упускаю ни единаго случая дѣлать тебѣ угодное: содержу твоихъ братьевъ въ Россіи, Нордоулата и Айдара, съ немалымъ убыткомъ для казны моей“. Великій князь въ самомъ дѣлѣ поступалъ какъ истинный, усердный другъ Менгли-Гиреевъ. Взаимная ненависть хановъ Крымской и Золотой Орды не прекратилась смертію Ахмата, несмотря на то, что султанъ турецкій, правомъ верховнаго мусульманскаго властителя, запретилъ имъ воевать между собою. Скитаясь въ Донскихъ степяхъ съ особеннымъ своимъ улусомъ, царь Муртоза, при наступленіи жестокой зимы (въ 1485 году), искалъ убѣжища отъ голода въ окрестностяхъ Тавриды: Менгли-Гирей вооружился, плѣнилъ его, отослалъ въ Кафу и разбилъ еще улусъ князя Золотой Орды Темира; но сей князь въ слѣдующее лѣто, соединясь съ другимъ Ахматовымъ сыномъ, нечаянно напалъ на Тавриду — когда жители и воины ея занимались хлѣбопашествомъ — едва не схватилъ самого Менгли-Гирея, освободилъ Муртозу и съ добычею удалился въ степи. Великій князь, свѣдавъ о томъ, немедленно отрядилъ войско на улусы Ахматовыхъ сыновей и прислалъ къ Менгли-Гирею многихъ крымскихъ плѣнниковъ, выручённыхъ россіянами.

Въ Венгріи царствовалъ Матоей Корвинъ, сынъ славнаго Гу-

ніада, знаменитый остроуміемъ и мужествомъ: будучи непріятелемъ Казимира, онъ искалъ дружбы государя московскаго, и въ 1482 году прислалъ къ нему чиновника, именемъ Яна; а великій князь, принявъ его благосклонно, вмѣстѣ съ нимъ отправилъ къ королю дьяка Ѳедора Курицына, чтобы утвердить договоръ, заключенный въ Москвѣ между сими двумя государствами, и размѣняться грамотами. Обѣ державы условились вмѣстѣ воевать королевство Польское въ удобное для того время. — Венгрія, бывъ нѣкогда въ частыхъ сношеніяхъ съ южною Россіею, уже около двухъ сотъ лѣтъ какъ бы не существовала для нашей исторіи: Іоаннъ возобновилъ сію древнюю связь, которая могла распространить славу его имени въ Европѣ и способствовать нашему гражданскому образованію. Великій князь требовалъ отъ Матѳея, чтобы онъ доставилъ ему: 1) художниковъ, умѣющихъ лить пушки и стрѣлять изъ оныхъ; 2) размысловъ или инженеровъ; 3) серебряниковъ для дѣланія большихъ и малыхъ сосудовъ; 4) зодчихъ для строенія церквей, палатъ и городовъ; 5) горныхъ мастеровъ, искусныхъ въ добываніи руды золотой и серебряной, также въ отдѣленіи металла отъ земли „У насъ есть серебро и золото,— велѣлъ онъ сказать королю:—но мы не умѣемъ чистить руды. Услужи намъ, и тебѣ услужимъ всѣмъ, что находится въ моемъ государствѣ"—Дьякъ Курицынъ, возвращаясь въ Москву, былъ задержанъ турками въ Бѣлгородѣ, но освобожденъ стараніемъ короля и Менгли-Гирея. Новыя взаимныя посольства, ласковыя письма и дары утверждали сію пріязнь. Іоаннъ (въ 1488 году) подарилъ Матѳею черпаго соболя съ коваными золотыми ноготками, обсаженными крупнымъ новогородскимъ жемчугомъ; въ знакъ особеннаго уваженія допускалъ къ себѣ пословъ венгерскихъ, изустно говорилъ съ ними, дозволялъ имъ садиться и самъ подавалъ кубокъ вина. Зная, что дружество государя бываетъ основано на политикѣ, онъ внимательно наблюдалъ Матѳеву и предписывалъ своимъ посламъ развѣдывать о всѣхъ его сношеніяхъ съ Турціею, римскимъ императоромъ, съ Богеміею и съ Казимиромъ.

Въ сіе время явилась новая знаменитая держава въ сосѣдствѣ съ Литвою и сдѣлалась предметомъ Іоанновой политики. Мы говорили о началѣ Молдавскаго княжества, управляемаго воеводами, коихъ имена намъ едва извѣстны до самаго Стефана IV или Великаго, дерзнувшаго обнажить мечъ на ужаснаго Магомета II, и славными побѣдами, одержанными имъ надъ многочисленными турецкими воинствами, вписавшаго имя свое въ исторію рѣдкихъ героевъ: мужественный въ опасностяхъ, твердый въ бѣдствіяхъ, скромный въ счастіи, приписывая его только Богу, покровителю добродѣтели, онъ былъ удивленіемъ государей и народовъ, съ

малыми средствами творя великое. Вѣра греческая, сходство въ обычаяхъ, употребленіе одного языка въ церковномъ служеніи и въ дѣлахъ государственныхъ, необыкновенный умъ обоихъ властителей, россійскаго и молдавскаго, согласіе ихъ выгодъ и правилъ служили естественною связію между ними. Стефанъ, кромѣ турковъ, опасался честолюбиваго Казимира и Менгли-Гирея: первый хотѣлъ, чтобы Молдавія зависѣла отъ королевства Польскаго; второй, будучи присяжникомъ султана, угрожалъ ей нападеніемъ. Іоаннъ могъ содѣйствовать ея независимости и безопасности, обуздывая короля страхомъ войны, а Менгли-Гирея дружественными представленіями, съ условіемъ, чтобы и Стефанъ, въ случаѣ нужды, помогалъ Россіи усердно. Сей воевода и господарь—такъ называетъ онъ себя въ своихъ грамотахъ—противоборствуя насиліямъ султановъ, утѣснителей Греціи, имѣлъ еще особенное право на дружество зятя Палеологовъ, который принялъ гербъ ихъ и съ нимъ обязательство быть врагомъ Магометовыхъ наслѣдниковъ.

Такимъ образомъ расположенные къ искреннему союзу, Іоаннъ и Стефанъ утвердили оный семейственнымъ: второй предложилъ выдать дочь свою, Елену, за старшаго сына Іоаннова, избравъ въ посредницы мать великаго князя. Бояринъ Михайло Плещеевъ съ знатною дружиною въ 1482 году отправился за невѣстою въ Молдавію, гдѣ и совершилось обрученіе. Стефанъ отпустилъ дочь въ Россію съ своими боярами: Ланкомъ, Синкомъ, Герасимомъ и съ женами ихъ. Она ѣхала черезъ Литву: Казимиръ не только далъ ей свободный путь, но и прислалъ дары въ знакъ учтивости. Прибывъ въ Москву послѣ Филиппова заговѣнья, Елена жила въ Вознесенскомъ монастырѣ у матери великаго князя, и до свадьбы имѣла время познакомиться съ женихомъ. Ихъ обвѣнчали въ самый праздникъ Крещенія. Увидимъ, что судьба не благословила сего союза.

Хитрою внѣшнею политикою утверждая безопасность государства, Іоаннъ возвеличилъ его внутри новымъ успѣхомъ единовластія. Онъ уже покорилъ Новгородъ, взялъ двинскую землю, завоевалъ Пермь отдаленную; но въ осмидесяти верстахъ отъ Москвы видѣлъ Россійское особенное княжество, державу равнаго себѣ государя, по крайней мѣрѣ именемъ и правами. Со всѣхъ сторонъ окруженная московскими владѣніями, Тверь еще возвышала независимую главу свою, какъ малый островъ среди моря, ежечасно угрожаемый потопленіемъ. Князь Михаилъ Борисовичь, шуринъ Іоанновъ, зналъ опасность и не вѣрилъ ни свойству, ни грамотамъ договорнымъ, коими сей государь утвердилъ его независимость: надлежало по первому слову смиренно оставить тронъ или защитить себя иноземнымъ союзомъ. Одна Литва могла слу-

жить ему опорою, хотя и весьма слабою, какъ то свидѣтельствовалъ жребій Новагорода; но личная ненависть Казимирова къ великому князю, примѣръ бывшихъ тверскихъ владѣтелей, искони друзей Литвы, и легковѣріе надежды, вселяемое страхомъ въ малодушныхъ, обратили Михаила къ королю: будучи вдовцомъ, онъ вздумалъ жениться на его внукѣ, и вступилъ съ нимъ въ тѣсную связь. Дотолѣ Іоаннъ, въ нужныхъ случаяхъ располагая тверскимъ войскомъ, оставлялъ шурина въ покоѣ: узнавъ же о семъ тайномъ союзѣ и, какъ вѣроятно, обрадованный справедливымъ поводомъ къ разрыву, немедленно объявилъ Михаилу войну (въ 1485 году). Сей князь, затрепетавъ, спѣшилъ умилостивить Іоанна жертвами: отказался отъ имени равнаго ему брата, призналъ себя младшимъ, уступилъ Москвѣ нѣкоторыя земли, обязался всюду ходить съ нимъ на войну. Тверскій епископъ былъ посредникомъ, и великій князь, желая обыкновенно казаться умѣреннымъ, долготерпѣливымъ, отсрочилъ гибель сей державы. Въ мирной договорной грамотѣ, тогда написанной, сказано, что Михаилъ разрываетъ союзъ съ королемъ и безъ вѣдома Іоаннова не долженъ имѣть съ нимъ никакихъ сношеній, ни съ сыновьями Шемяки, князя Можайскаго, Боровскаго, ни съ другими россійскими бѣглецами; что онъ клянется за себя и за дѣтей своихъ во вѣки не поддаваться Литвѣ; что великій князь обѣщаетъ не вступаться въ Тверь, и проч. Но сей договоръ былъ послѣднимъ дѣйствіемъ тверской независимости: Іоаннъ въ умѣ своемъ рѣшилъ ея судьбу, какъ прежде новогородскую; началъ тѣснить землю и подданныхъ Михаиловыхъ: если они чѣмъ-нибудь досаждали москвитянамъ, то онъ грозилъ и требовалъ ихъ казни; а если москвитяне отнимали у нихъ собственность и дѣлали имъ самыя несносныя обиды, то не было ни суда, ни управы. Михаилъ писалъ и жаловался; его не слушали. Тверитяне, видя, что уже не имѣютъ защитника въ своемъ государѣ, искали его въ московскомъ: князья Микулинскій и Дорогобужскій вступили въ службу великаго князя, который далъ первому въ помѣстье Дмитровъ, а второму Ярославль. Вслѣдъ за ними пріѣхали и многіе бояре тверскіе. Что оставалось Михаилу? готовить себѣ убѣжище въ Литвѣ. Онъ послалъ туда вѣрнаго человѣка: его задержали, и представили Іоанну письмо Михайлово къ королю, достаточное свидѣтельство измѣны и вѣроломства: ибо князь тверскій обѣщался не сноситься съ Литвою, а въ семъ письмѣ еще возбуждалъ Казимира противъ Іоанна. Несчастный Михаилъ отправилъ въ Москву епископа и князя Холмскаго съ извиненіями: ихъ не приняли. Іоаннъ велѣлъ намѣстнику новогородскому, боярину Якову Захарьевичу, идти со всѣми силами къ Твери, а самъ, провождаемый сыномъ и братьями, выступилъ изъ Москвы 21 авгу-

ста со многочисленнымъ войскомъ и съ огнестрѣльнымъ снарядомъ (ввѣреннымъ искусному Аристотелю); сентября 8 осадилъ Михаилову столицу и зажегъ предмѣстіе. Чрезъ два дня явились къ нему всѣ тайные его доброжелатели тверскіе, князья и бояре, оставивъ государя своего въ несчастіи. Михаилъ видѣлъ необходимость или спасаться бѣгствомъ, или отдаться въ руки Іоанну; рѣшился на первое, и ночью ушелъ въ Литву. Тогда епископъ, князь Михаилъ Холмскій съ другими князьями, и боярами земскими людьми, сохранивъ до конца вѣрность къ ихъ законному властителю, отворили городъ Іоанну, вышли и поклонились ему какъ общему монарху Россіи. Великій князь послалъ бояръ своихъ и дьяковъ взять присягу съ жителей; запретилъ воинамъ грабить; 15 сентября въѣхалъ въ Тверь, слушалъ литургію въ храмѣ Преображенія, и торжественно объявилъ, что даруетъ сіе княжество сыну, Іоанну Іоанновичу; оставилъ его тамъ, и возвратился въ Москву. Чрезъ нѣкоторое время онъ послалъ бояръ своихъ въ Тверь, въ Старицу, Зубцовъ, Опоки, Клинъ, Холмъ, Новогородокъ, описать всѣ тамошнія земли и раздѣлить ихъ на сохи для платежа казенныхъ податей.

Столь легко исчезло бытіе тверской знаменитой державы, которая отъ временъ святого Михаила Ярославича именовалась великимъ княженіемъ и долго спорила съ Москвою о первенствѣ. Ея народъ, уступая другимъ россіянамъ въ промышленности, славился мужествомъ и вѣрностію къ государямъ. Князья Тверскіе имѣли до 40.000 коннаго войска; но будучи врагами московскихъ, не хотѣли участвовать въ великомъ подвигѣ нашего освобожденія и тѣмъ лишились права на общее сожалѣніе въ ихъ бѣдствіи. Михаилъ Борисовичъ кончилъ дни свои изгнанникомъ въ Литвѣ, не оставивъ сыновей.

Іоаннъ извѣстилъ Матоея, короля Венгерскаго, о покореніи Твери, и велѣлъ сказать ему: „Я уже началъ воевать съ Казиміромъ, ибо князь тверскій его союзникъ. Намѣстники мои заняли разныя мѣста въ литовскихъ предѣлахъ, и ханъ Менгли-Гирей, исполняя мою волю, огнемъ и мечомъ опустошаетъ Казимировы владѣнія. Итакъ, помогай мнѣ, какъ мы условились. Но Матоей, отнявъ тогда у императора знатную часть Австріи и Вѣну, хотѣлъ отдохновенія въ старости. „Душевно радаюсь,—писалъ онъ къ великому князю, — успѣхамъ твоего единовластія въ Россіи. Я готовъ исполнить договоръ и вступить въ землю общаго врага нашего, когда узнаю, что ты всѣми силами противъ него дѣйствуешь. Ожидаю сей вѣсти“. Между тѣмъ, возбуждая другъ друга къ войнѣ польской, они не начинали ее и занимались иными дѣлами.

Взявъ Тверь мечомъ, Іоаннъ грамотою присвоилъ себѣ удѣлъ

Верейскій. Единственный сынъ и наслѣдникъ князя Михаила Андреевича, Василій, женатый на гречанкѣ Маріи, Софіиной племянницѣ, долженъ былъ еще при жизни родителя выѣхать изъ отечества, бывъ виною раздора въ семействѣ великокняжескомъ, какъ сказываетъ лѣтописецъ. Іоаннъ, въ концѣ 1483 года, обрадованный рожденіемъ внука, именемъ Димитрія, хотѣлъ подарить невѣсткѣ, Еленѣ, драгоцѣнное узорочье первой княгини своей: узнавъ же, что Софія отдала его Маріи или мужу ея, Василію Михайловичу Верейскому, такъ разгнѣвался, что велѣлъ отнять у него все женино приданое и грозилъ ему темницею. Василій въ досадѣ и страхѣ бѣжалъ съ супругою въ Литву; а великій князь, объявивъ его навѣки лишеннымъ отцовскаго наслѣдія, клятвенною грамотою обязалъ Михаила Андреевича не имѣть никакого сообщенія съ сыномъ измѣнникомъ, и города: Ярославецъ, Бѣлоозеро и Верею, по кончинѣ своей уступить ему, государю московскому, въ потомственное владѣніе. Михаилъ Андреевичъ умеръ весною въ 1485 году, сдѣлавъ великаго князя наслѣдникомъ и душеприказчикомъ, не смѣвъ въ духовной ничего отказать сыну въ знакъ благословенія, ни иконы, ни креста, и моля единственно о томъ чтобы государь не пересуживалъ его судовъ.

Присоединяя удѣлы къ великому княженію, Іоаннъ искоренялъ и всѣ остатки сей несчастной для государства системы. Ярославль уже давно зависѣлъ отъ Москвы, но его князья еще имѣли особенныя наслѣдственныя права, несогласныя съ единовластіемъ: они добровольно уступили ихъ государю. Половина Ростова еще называлась отчиною тамошнихъ князей, Владиміра Андреевича, Ивана Ивановича, дѣтей ихъ и племянниковъ: они продали ее великому князю.—Симъ возстановилась цѣлость сѣверной россійской державы, какъ была оная при Андреѣ Боголюбскомъ или Всеволодѣ III. Усиленное сверхъ того подданствомъ Новагорода и всѣхъ обширныхъ владѣній, также удѣловъ Муромскаго и нѣкоторыхъ Черниговскихъ, великое княженіе Московское было уже достойно имени государства.—Но Рязань еще сохраняла видъ державы особенной: любя сестру свою, княгиню Анну, Іоаннъ позволялъ супругу и сыновьямъ ея господствовать тамъ независимо. Зять его, Василій Ивановичъ, преставился въ 1483 году, отказавъ большему сыну, Ивану, великое княженіе Рязанское, съ городами Переславлемъ, Ростиславлемъ и Пронскомъ, а Ѳеодору меньшему Перевитескъ и Старую Рязань съ третію доходовъ переславскихъ. Сіи два брата жили мирно, слушаясь родительницы, которая брала себѣ четвертую часть изъ всѣхъ казенныхъ пошлинъ, и въ 1486 году заключили между собою договоръ, чтобы одному наслѣдовать послѣ другого, если не будетъ у нихъ дѣтей, и чтобы никакимъ образомъ не отдавать своего княжества въ

иной родъ. Они боялись, кажется, чтобъ государь Московскій не объявилъ себя ихъ наслѣдникомъ.

Новый блестящій успѣхъ прославилъ оружіе Іоанново. Еще въ 1478 году царь Казанскій, нарушивъ клятвенные обѣты, воевалъ зимою область Вятскую, приступалъ къ ея городамъ, опустошилъ села и вывелъ оттуда многихъ плѣнниковъ, будучи обманутъ ложною вѣстію, что Іоаннъ разбитъ новгородцами и самъ четвертъ ушелъ раненный въ Москву. Великій князь отмстилъ ему весною: устюжане и вятчане выжгли селенія въ окрестностяхъ Камы; а воевода московскій, Василій Образецъ, на берегахъ Волги: онъ доходилъ изъ Нижняго до самой Казани и приступилъ къ городу; но страшная буря заставила его удалиться. Царь Ибрагимъ просилъ мира, заключилъ его и скоро умеръ, оставивъ многихъ дѣтей отъ разныхъ женъ. Казань сдѣлалась театромъ несогласія и мятежа чиновниковъ: одни хотѣли имѣть царемъ Магмета-Аминя, меньшого Ибрагимова сына, коего мать, именемъ Нурсалтанъ, дочь Темирова, сочеталась вторымъ бракомъ съ ханомъ таврическимъ Менгли-Гиреемъ; другіе держали сторону Алегама, старшаго сына, и съ помощью ногаевъ возвели его на престолъ, къ неудовольствію Іоанна, который доброжелательствовалъ пасынку своего друга Менгли-Гирея, зналъ ненависть Алегамову къ Россіи и сверхъ того опасался тѣснаго союза Казани съ ногаями. Юный Магметъ-Аминь пріѣхалъ въ Москву: великій князь далъ ему въ помѣстье Каширу и наблюдалъ всѣ движенія Алегамовы. Воеводы московскіе стояли на границахъ; вступали иногда и въ Казанскую землю. Царь мирился; нелюбимый подданными, обѣщалъ быть намъ другомъ, обманывалъ и злодѣйствовалъ. Наконецъ Іоаннъ, видя непримиримую его злобу, въ апрѣлѣ 1487 года послалъ Магметъ-Аминя и славнаго Даніила Холмскаго съ сильною ратію къ Казани. Мая 18 Холмскій осадилъ ее: іюля 9 взялъ городъ и царя. Сію радостную вѣсть привезъ въ Москву князь Ѳедоръ Ряполовскій: Іоаннъ велѣлъ пѣть молебны, звонить въ колокола, и съ умиленіемъ благодарилъ небо, что оно предало ему въ руки Мамутеково царство, гдѣ отецъ его, Василій Темный, лилъ слезы въ неволѣ. Но мысль совершенно овладѣть симъ древнимъ Болгарскимъ царствомъ и присоединить оное къ Россіи еще не представлялась ему или казалась неблагоразумною: народъ вѣры Магометовой, духа ратнаго, безпокойнаго, не легко могъ быть обузданъ властію государя христіанскаго, и мы еще не имѣли всегдашняго, непремѣннаго войска, коему надлежало бы хранить страну завоеванную, обширную и многолюдную. Іоаннъ только назвался государемъ Болгаріи, но далъ ей собственнаго царя: Холмскій его именемъ возвелъ Магметъ-Аминя на престолъ, казнилъ нѣкоторыхъ знатныхъулановъ

или князей и прислалъ Алегама въ Москву, гдѣ народъ едва вѣрилъ глазамъ своимъ, видя царя татарскаго плѣнникомъ въ нашей столицѣ. Алегамъ съ двумя женами былъ сосланъ въ Вологду; а мать, братья и сестры его въ Карголомъ на Бѣлѣозерѣ.

Іоаннъ немедленно увѣдомилъ о семъ счастливомъ происшествіи Менгли-Гирея, и въ особенности царицу Нурсалтанъ, умную, честолюбивую, желая, чтобы она, изъ благодарности за ея сына, имъ возвеличеннаго, способствовала твердости союза между Россіею и Крымомъ. Сія искренняя, взаимная пріязнь не измѣнялась. Великій князь увѣдомлялъ Менгли-Гирея о замыслахъ хановъ ординскихъ, о частыхъ ихъ сношеніяхъ съ Казимиромъ; и свѣдавъ, что они двинулись къ Тавридѣ, отрядилъ казаковъ съ Нордоулатомъ, бывшимъ царемъ крымскимъ, на улусы Золотой Орды; велѣлъ и Магметъ-Аминю тревожить его нападеніями; совѣтовалъ также Менгли-Гирею возбудить ногаевъ противъ сыновей Ахматовыхъ. Сообщеніе между Тавридою и Россіею подвергалось крайнимъ затрудненіямъ, ибо волжскіе татары хватали въ степяхъ кого встрѣчали, на берегахъ Оскола и Мирли: для того Іоаннъ предлагахъ хану уставить новый путь черезъ Азовъ, съ условіемъ, чтобы турки освобождали россіянъ отъ всякой пошлины. Сія безопасность пути нужна была не только для государственныхъ сношеній и купцовъ, но и для иноземныхъ художниковъ, вызываемыхъ великимъ княземъ изъ Италіи и ѣздившихъ въ Москву черезъ Кафу. Кромѣ обыкновенныхъ гонцовъ, отправлялись въ Тавриду и именитые послы: въ 1486 году Семенъ Борисовичъ, а въ 1487 году бояринъ Дмитрій Васильевичъ Шеинъ, съ ласковыми грамотами и дарами, весьма умѣренными: напримѣръ, въ 1486 году Іоаннъ послалъ царю три шубы—рысью, кунью и бѣличью, три соболя и корабельникъ, женѣ его и брату, Калгѣ Ямгурчею — по корабельнику, а дѣтямъ по червонцу. За то и самъ хотѣлъ даровъ: узнавъ, что царица Нурсалтанъ достала славную тохтамышеву жемчужину (которую, можетъ быть, сей ханъ похитилъ въ Москвѣ при Димитріи Донскомъ), онъ неотступно требовалъ ее въ письмахъ и, наконецъ, получилъ ее отъ царицы. Какъ истинный другъ Менгли-Гирея, Іоаннъ способствовалъ его союзу съ королемъ венгерскимъ и не далъ ему сдѣлать важной политической ошибки. Сей случай достопамятенъ, показывая умъ великаго князя и простосердечіе хана. Братья Менгли-Гиреевы, Айдеръ и Нордоулатъ, добровольно пріѣхавъ въ Россію, уже не имѣли свободы выѣхать оттуда. Ханъ Золотой Орды, Муртоза, желалъ переманить Нордоулата къ себѣ и (въ 1487 году) прислалъ своего чиновника въ Москву съ письмами къ нему и къ великому князю, говоря первому: „Братъ и другъ мой, сердцемъ праведный, величествомъ знаменитый, опора Бесер-

менскаго царства! ты вѣдаешь, что мы дѣти единаго отца; предки наши, омраченные властолюбіемъ, возстали другъ на друга: не мало было зла и кровопролитія; но раздоры утихли: слѣды крови омылися млекомъ и пламень вражды погасъ отъ воды любовной. Братъ твой, Менгли-Гирей, снова возбудилъ междоусобіе: за что Господь наказалъ его столь многими бѣдствіями. Ты, краса отечества, живешь среди невѣрныхъ: сего мы не можемъ видѣть спокойно и шлемъ твоему величеству тяжелый поклонъ съ легкимъ даромъ чрезъ слугу Шихъ-Баглула; открой ему тайныя свои мысли. Хочешь ли оставить страну злочестія? Мы пишемъ о томъ къ Ивану. Гдѣ ни будешь; будь здравъ и люби наше братство". Письмо къ великому князю содержало въ себѣ слѣдующее: „Муртозино слово Ивану. Знай, что царь Нордоулатъ всегда любилъ меня; отпусти его, да возведу на царство, свергнувъ моего злодѣя, Менгли-Гирея. Удержи въ залогъ жену и дѣтей Нордоулатовыхъ; когда онъ сядетъ на престолъ, тогда возьметъ ихъ у тебя добромъ и любовію". Великій князь посмѣялся надъ гордостію Муртозы; задержавъ его посла, извѣстилъ о томъ Менгли-Гирея и прибавилъ, что король польскій тайно зоветъ къ себѣ другого брата ханскаго, Айдара. Но Менгли-Гирей, не весьма прозорливый, скучая множествомъ заботъ, самъ желалъ уступить Нордоулату половину трона, чтобы онъ, вмѣстѣ съ нимъ царствуя, своимъ умомъ и мужествомъ облегчилъ ему тягость власти. „Отправь его ко мнѣ,—писалъ Менгли-Гирей къ Іоанну:— мы забудемъ прошедшее. Айдара же не боюсь: пусть идетъ куда хочетъ". Великій князь отвѣтствовалъ, что не можетъ исполнить требованія столь неблагоразумнаго; что властолюбіе не знаетъ ни братства, ни благодарности; что Нордоулатъ, бывъ самъ царемъ въ Тавридѣ, не удовольствуется частію власти, имѣя дарованія и многихъ единомышленниковъ; что долгъ пріязни есть остерегать пріятеля и не соглашаться на то, что ему вредно. Сіи представленія образумили и, можетъ быть, спасли Менгли-Гирея.

Несчастная судьба Алегама оскорбила шибанскихъ и ногайскихъ владѣтелей, связанныхъ съ нимъ родствомъ; царь Ивакъ, мурзы Алачъ, Муса, Ямгурчей и жена его прислали въ Москву грамоты, убѣждая въ нихъ Іоанна освободить сего плѣнника. Ивакъ писалъ къ великому князю: „Ты мнѣ братъ, я государь бесерменскій, а ты христіанскій. Хочешь ли быть въ любви со мною? Отпусти моего брата Алегама. Какая тебѣ польза держать его въ неволѣ? Вспомни, что ты, заключая съ нимъ договоры, обѣщалъ ему доброжелательство и пріязнь". Мурзы изъявляли въ своихъ письмахъ болѣе смиренія, говоря, что они шлютъ великому князю тяжелые поклоны съ легкимъ даромъ и ждутъ отъ него милости; что отцы ихъ жили всегда въ любви съ госуда-

рями московскими; что обстоятельства удаляли юртъ Иваковъ отъ предѣловъ Россіи, но что сей царь, побѣдивъ недруговъ, снова къ ней приблизился и хочетъ Іоанновой дружбы. Послы ногайскіе желали еще, чтобы купцы ихъ могли свободно пріѣзжать къ намъ и торговать вездѣ безъ пошлинъ. Государь велѣлъ объявить имъ слѣдующій отвѣтъ: „Алегама, обманщика и клятвопреступника, мною сверженнаго, не отпускаю; а другомъ вашимъ быть соглашаюсь, если царь Ивакъ казнитъ разбойниковъ, людей Алегамовыхъ, которые у него живутъ, грабятъ землю мою и сына моего Магметъ-Аминя, если возвратитъ все похищенное ими и не будетъ впредь терпѣть подобныхъ злодѣйствъ“. Въ ожиданіи сего требуемаго удовлетворенія, Іоаннъ задержалъ въ Москвѣ одного изъ пословъ, отпустилъ другихъ и велѣлъ, чтобы ногайцы ѣздили въ Россію всегда черезъ Казань и Нижній, а не мордовскою землею, какъ они пріѣхали. Сіи сношенія продолжались и въ слѣдующіе годы, представляя мало достопамятнаго для исторіи. Видимъ только, что Орда Ногайская, кочуя на берегахъ Яика и близъ Тюменя, имѣла разныхъ царей и сильныхъ мурзъ или князей владѣтельныхъ; называясь ихъ другомъ, Іоаннъ говорилъ съ ними языкомъ повелителя; дозволилъ князю Мусѣ, внуку Эдигееву и племяннику Темирову, выдать дочь свою за Магметъ-Аминя, но не велѣлъ послѣднему выдавать сестры за сына мурзы ногайскаго Ямгурчея, коего люди, вмѣстѣ съ жителями астраханскими, грабили нашихъ рыболововъ на Волгѣ; несмотря на всѣ убѣдительныя просьбы ногайскихъ владѣтелей, держалъ Алегама въ неволѣ, отвѣтствуя: „изъ уваженія къ вамъ даю ему всякую льготу“; посылалъ къ нимъ гонцовъ и дары, ипрскія сукна, кречетовъ, рыбьи зубы, не забывая и женъ ихъ, которыя въ своихъ припискахъ именовались его сестрами; но строго наблюдая пристойность въ дворскихъ обрядахъ и различая пословъ, великій князь изъяснялся съ ногайскими единственно черезъ второстепенныхъ сановниковъ, казначеевъ и дьяковъ. Главною цѣлію Іоанновой политики въ разсужденіи сего кочевого народа было возбуждать его противъ Ахматовыхъ сыновей и не допускать до впаденія въ землю Казанскую, гдѣ Магметъ-Аминь царствовалъ какъ присяжникъ и данникъ Россіи: ибо въ тогдашнихъ бумагахъ находимъ жалобу Магметъ-Аминя на чиновника московскаго Өедора Киселева, который, сверхъ обыкновенныхъ пошлинъ, взялъ у жителей Цывильской области нѣсколько кадокъ меда, лошадей, куницъ, бобровъ, лисьихъ шкуръ и проч.

Подчинивъ себѣ Казань, государь утвердилъ власть свою надъ Вяткою. Въ то время, когда Холмскій дѣйствовалъ противъ Алегама, безпокойный ея народъ, не менѣе своихъ братьевъ-новгородцевъ привязанный къ древнимъ уставамъ вольности, изъявилъ

непослушаніе и выгналъ намѣстника великокняжескаго. Несмотря на многочисленность войска, бывшаго въ казанскомъ походѣ, Іоаннъ имѣлъ еще иное въ готовности и послалъ воеводу Юрія Шестака-Кутузова смирить мятежниковъ; но вятчане умѣли обольстить Кутузова: принявъ оправданіе, онъ возвратился съ миромъ. Великій князь назначилъ другихъ полководцевъ, князя Даніила Щеню и Григорья Морозова, которые съ 60.000 воиновъ приступили къ Хлынову. Жители обѣщались повиноваться, платить дань и служить службы великому князю, но не хотѣли выдать главныхъ виновниковъ бунта: Аникіева, Лазарева и Богодайщикова. Воеводы грозили огнемъ: велѣли окружить городъ плетнями, а плетни берестомъ и смолою. Оставалось нѣсколько минутъ на размышленіе: вятчане представили Аникіева съ товарищами, коихъ немедленно послали окованныхъ къ государю. Народъ присягнулъ въ вѣрности. Ему дали новый уставъ гражданскій, согласный съ самодержавіемъ, и вывели оттуда всѣхъ нарочитыхъ земскихъ людей, гражданъ, купцовъ съ женами и дѣтьми въ Москву. Іоаннъ поселилъ земскихъ людей въ Боровскѣ и въ Кременцѣ, купцовъ въ Дмитровѣ, а трехъ виновнѣйшихъ мятежниковъ казнилъ, чѣмъ и пресѣклось бытіе сей достопамятной народной державы, основанной выходцами новогородскими въ исходѣ второгонадесять вѣка, среди пустынь и лѣсовъ, гдѣ, въ тишинѣ и неизвѣстности, обитали вотяки съ черемисами. Долго исторія молчала о Вяткѣ: малочисленный ея народъ, управляемый законами демократіи, строилъ жилища и крѣпости, пахалъ землю, ловилъ звѣрей, отражалъ нападенія вотяковъ и, мало-по-малу усиливаясь размноженіемъ людей, болѣе и болѣе успѣвая въ гражданскомъ хозяйствѣ, вытѣснилъ первобытныхъ жителей изъ мѣстъ привольныхъ, загналъ ихъ во глубину болотистыхъ лѣсовъ, овладѣлъ всею землею между Камою и Югомъ, устьемъ Вятки и Сысолою; началъ торговать съ пермяками, казанскими болгарами, съ восточными новогородскими и великокняжескими областями; но еще недовольный выгодами купечества, благопріятствуемаго рѣками судоходными, сдѣлался ужасенъ своими дерзкими разбоями, не щадя и самыхъ единоплеменниковъ. Вологда, Устюгъ, Двинская земля опасались сихъ русскихъ нормановъ столько же, какъ и Болгарія: легкія вооруженныя суда ихъ непрестанно носились по Камѣ и Волгѣ. Въ исходѣ XIV вѣка уже часто упоминается въ лѣтописяхъ о Вяткѣ. Полководецъ Тохтамыша выжегъ ея города, — сынъ Донского присвоилъ себѣ власть надъ оною, внукъ стѣснялъ тамъ вольность народную, правнукъ уничтожилъ навѣки. Воеводы Іоанновы вмѣстѣ съ Вяткою покорили и Арскую землю (гдѣ нынѣ городъ Арскъ); сія область древней Болгаріи имѣла своихъ князей, взятыхъ тогда въ плѣнъ и при-

веденныхъ въ Москву; государь отпустилъ ихъ назадъ, обязавъ клятвою подданства.

Среди блестящихъ дѣяній государственныхъ, ознаменованныхъ мудростію и счастіемъ вѣнценосца, онъ былъ пораженъ несчастіемъ семейственнымъ. Достойный наслѣдникъ великаго князя, Іоаннъ Младый, любимый отцомъ и народомъ; пылкій, мужественный въ опасностяхъ войны, въ 1490 году занемогъ ломотою въ ногахъ (что называли тогда камчугою). За нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ сыновья Рала Палеолога, бывъ въ Италіи, привезли съ собою изъ Венеціи, вмѣстѣ съ разными художниками, лѣкаря, именемъ мистра Леона, родомъ жидовина; онъ взялся вылѣчить больного, сказавъ государю, что ручается за то своею головою. Іоаннъ повѣрилъ, и велѣлъ ему лѣчить сына. Сей медикъ, болѣе смѣлый, нежели искусный, жегъ больному ноги стеклянными сосудами, наполненными горячею водою, и давалъ пить какое-то зеліе. Недугъ усилился: юный князь долго страдалъ, и къ неописанной скорби отца и подданныхъ скончался, имѣвъ отъ рожденія 32 года. Іоаннъ немедленно приказалъ заключить мистра Леона въ темницу и черезъ шесть недѣль казнилъ всенародно на Болвановѣ за Москвою-рѣкою. Въ семъ для насъ жестокомъ дѣлѣ народъ видѣлъ одну справедливость: ибо Леонъ обманулъ государя и самъ себя обрекъ на казнь. Такую же участь имѣлъ въ 1485 году и другой врачъ, нѣмецъ Антонъ, лѣкарствами уморивъ князя татарскаго, сына Даніярова: онъ былъ выданъ роднымъ головою и зарѣзанъ ножомъ подъ Москворѣцкимъ мостомъ, къ ужасу всѣхъ иноземцевъ, такъ что и славный Аристотель хотѣлъ немедленно уѣхать изъ Россіи; Іоаннъ разгнѣвался и велѣлъ заключить его въ домѣ, но скоро простилъ.

Строгій въ наказаніи бѣдныхъ неискусныхъ врачей, сей государь въ то же время изъявилъ похвальную умѣренность въ случаѣ важномъ для вѣры, въ расколѣ столь бѣдственномъ, по выраженію современника, св. Іосифа Волоцкаго, что благочестивая земля русская не видала подобнаго соблазна отъ вѣка Ольгина и Владимірова. Разскажемъ обстоятельства. Былъ въ Кіевѣ жидъ, именемъ Схарія, умомъ хитрый, языкомъ острый; въ 1470 году, пріѣхавъ въ Новгородъ съ княземъ Михайломъ Олельковичемъ, онъ умѣлъ обольстить тамъ двухъ священниковъ, Діонисія и Алексія; увѣрилъ ихъ, что законъ Моисеевъ есть единый божественный; что исторія Спасителя выдумана; что Христосъ еще не родился; что не должно поклоняться иконамъ и проч. Завелась жидовская ересь. Попъ Алексій назвалъ себя Авраамомъ, жену свою Саррою и развратилъ, вмѣстѣ съ Діонисіемъ, многихъ духовныхъ и мірянъ, между коими находился протоіерей Софійской церкви Гавріилъ и сынъ знатнаго боярина Григорій Михай-

ловичъ Тучинъ. Но трудно понять, чтобы Схарія могъ столь легко размножить число своихъ учениковъ новогородскихъ, если бы мудрость его состояла единственно въ отверженіи христіанства и въ прославленіи жидовства; св. Іосифъ Волоцкій даетъ ему имя астролога и чернокнижника; и такъ вѣроятно, что Схарія обольщалъ россіянъ іудейскою каббалою, наукою плѣнительною для невѣждъ любопытныхъ и славною въ XV вѣкѣ, когда многіе изъ самыхъ ученыхъ людей (напримѣръ Іоаннъ Пикъ Мирандольскій) искали въ ней разрѣшенія всѣхъ важнѣйшихъ загадокъ для ума человѣческаго. Каббалисты хвалились древними преданіями, будто бы дошедшими до нихъ отъ Моисея; многіе увѣряли даже, что имѣютъ книгу, полученную Адамомъ отъ Бога, и главный источникъ Соломоновой мудрости; что они знаютъ всѣ тайны природы, могутъ изъяснять сновидѣнія, угадывать будущее, повелѣвать духами; что сею наукою Моисей восторжествовалъ надъ египетскими волхвами, Илія повелѣвалъ огнемъ небеснымъ, Даніилъ смыкалъ челюсти львамъ; что Ветхій Завѣтъ исполненъ хитрыхъ иносказаній, объясняемыхъ каббалою; что она творитъ чудеса посредствомъ нѣкоторыхъ словъ Библіи, и пр. Не удивительно, если сіи внушенія произвели сильное дѣйствіе въ умахъ слабыхъ, и хитрый жидъ, овладѣвъ ими, увѣрилъ ихъ и въ томъ, что Мессія еще не являлся въ мірѣ.—Внутренно отвергая святыню христіанства, новогородскіе еретики соблюдали наружную пристойность, казались смиренными постниками, ревностными въ исполненіи всѣхъ обязанностей благочестія, такъ что великій князь въ 1480 году взялъ поповъ Алексія и Діонисія въ Москву, какъ пастырей отличныхъ достоинствами: первый сдѣлался протоіереемъ храма Успенскаго, а вторый Архангельскаго. Съ ними перешелъ туда и расколъ, оставивъ корень въ Новѣгородѣ. Алексій снискалъ особенную милость государя, имѣлъ къ нему свободный доступъ и тайнымъ своимъ ученіемъ прельстилъ архимандрита Симоновскаго, Зосиму, инока Захарію, дьяка великокняжескаго Өедора Курицына и другихъ. Самъ государь, не подозрѣвая ереси, слыхалъ отъ него рѣчи двусмысленныя, таинственныя, въ чемъ послѣ каялся наединѣ святому Іосифу, говоря, что и невѣстка его, княгиня Елена, была вовлечена въ сей жидовскій расколъ однимъ изъ учениковъ Алексіевыхъ, Иваномъ Максимовымъ. Между тѣмъ Алексій до конца жизни пользовался довѣренностію государя и, всегда хваля ему Зосиму, своего единомышленника, былъ главною виною того, что Іоаннъ, по смерти митрополита Геронтія, возвелъ сего архимандрита Симоновскаго (въ 1490 году) на степень первосвятителя. „Мы увидѣли — пишетъ Іосифъ, — чадо сатаны на престолѣ угодниковъ Божіихъ Петра и Алексія; увидѣли хищнаго волка въ одеждѣ мирнаго

пастыря". Тайный жидовинъ еще скрывался подъ личиною христіанскихъ добродѣтелей.

Наконецъ архіепископъ Геннадій открылъ ересь въ Новѣгородѣ: собравъ всѣ объ ней извѣстія и доказательства, прислалъ дѣло на судъ государю и митрополиту вмѣстѣ съ виновными, большею частію попами и діаконами; онъ наименовалъ и московскихъ ихъ единомышленниковъ, кромѣ Зосимы и дьяка Ѳедора Курицына. Государь призвалъ епископовъ, Тихона ростовскаго, Нифонта суздальскаго, Симеона рязанскаго, Вассіана тверского, Прохора сарскаго, Филофея пермскаго, также многихъ архимандритовъ, игуменовъ, священниковъ и велѣлъ соборомъ изслѣдовать ересь. Митрополитъ предсѣдательствовалъ. Съ ужасомъ слушали Геннадіеву обвинительную грамоту: самъ Зосима казался изумленнымъ. Архіепископъ новогородскій доносилъ, что сіи отступники злословятъ Христа и Богоматерь, плюютъ на кресты, называютъ иконы болванами, грызутъ оныя зубами, повергаютъ въ мѣста нечистыя, не вѣрятъ ни царству Небесному, ни Воскресенію мертвыхъ и, безмолвствуя при усердныхъ христіанахъ,дерзостно развращаютъ слабыхъ! Призвали обвиняемыхъ: инока Захарію, новгородскаго протопопа Гавріила, священника Діонисія и другихъ (глава ихъ, Алексій, умеръ года за два до сего времени). Они во всемъ заперлися; но свидѣтельства, новогородскія и московскія, были не сомнительны. Нѣкоторые думали, что уличенныхъ надобно пытать и казнить; великій князь не захотѣлъ того, и соборъ, дѣйствуя согласно съ его волею, проклялъ ересь, а безумныхъ еретиковъ осудилъ на заточеніе. Такое наказаніе, по суровости вѣка и по важности разврата, было весьма человѣколюбиво. Многіе изъ осужденныхъ были посланы въ Новгородъ; архіепископъ Геннадій велѣлъ посадить ихъ на коней, лицомъ къ хвосту, въ одеждѣ вывороченной, въ шлемахъ берестовыхъ, острыхъ, какіе изображаются на бѣсахъ, съ мочальными кистями, съ вѣнцомъ соломеннымъ и надписью: се есть сатанино воинство! Такимъ образомъ возили сихъ несчастныхъ изъ улицы въ улицу; народъ плевалъ имъ въ глаза, восклицая: се враги Христовы! и въ заключеніе сжегъ у нихъ на головѣ шлемы. Тѣ, которые хвалили сіе дѣйствіе какъ достойное ревности христіанской, безъ сомнѣнія, осуждали умѣренность великаго князя, не хотѣвшаго употребить ни меча, ни огня для истребленія ереси. Онъ думалъ, что клятва церковная достаточна для отвращенія людей слабыхъ отъ подобныхъ заблужденій.

Но Зосима, не дерзнувъ на соборѣ покровительствовать своихъ обличенныхъ тайныхъ друзей, остался въ душѣ еретикомъ; соблюдая наружную пристойность, скрытно вредилъ христіанству, то изъясняя ложно Св. Писаніе, то будто бы съ удивленіемъ на-

ходя въ немъ противорѣчія; иногда же, въ порывѣ искренности, совершенно отвергая ученіе Евангельское, апостольское, святыхъ отцовъ, говорилъ пріятелямъ: „что такое Царство Небесное? что второе пришествіе и воскресеніе мертвыхъ? кто умеръ, того нѣтъ и не будетъ". Придворный дьякъ Θедоръ Курицынъ и многіе его сообщники также дѣйствовали во мракѣ; имѣли учениковъ; толковали имъ астрологію, іудейскую мудрость, ослабляя въ сердцахъ вѣру истинную. Духъ суетнаго любопытства и сомнѣнія въ важнѣйшихъ истинахъ христіанства обнаруживался въ домахъ и на торжищахъ: иноки и свѣтскіе люди спорили о естествѣ Спасителя, о Троицѣ, о святости иконъ, и проч. Всѣ зараженные ересію составляли между собою нѣкоторый родъ тайнаго общества, коего гнѣздо находилось въ палатахъ митрополитовыхъ: тамъ они сходились умствовать и пировать.—Ревностные враги ихъ заблужденій были предметомъ гоненія: Зосима удалилъ отъ церкви многихъ священниковъ и діаконовъ, которые отличались усердіемъ къ православію и ненавистію къ жидовскому расколу. „Не должно (говорилъ онъ) злобиться и на еретиковъ: пастыри духовные да проповѣдуютъ только миръ".

Такъ повѣствуетъ св. Іосифъ, основатель и начальникъ монастыря Волоколамскаго, историкъ, можетъ быть, не совсѣмъ безпристрастный; по крайней мѣрѣ смѣлый, неустрашимый противникъ ереси: ибо онъ еще во время Зосимина первосвятительства дерзалъ обличать ее, какъ то видимъ изъ письма его къ суздальскому епископу Нифонту. „Сокрылись отъ насъ, — пишетъ Іосифъ, — отлетѣли ко Христу древніе орлы вѣры, святители добродѣтельные, коихъ гласъ возвѣщалъ истину въ саду Церкви, и которые истерзали бы когтями всякое око, не право зрящее на божественность Спасителя. Нынѣ шипитъ тамо змій пагубный, изрыгая хулу на Господа и на Его Матерь". Онъ заклинаетъ Нифонта очистить Церковь отъ неслыханнаго дотолѣ соблазна, открыть глаза государю, свергнуть Зосиму: что и совершилось. Увѣрился ли великій князь въ расколѣ митрополита, — неизвѣстно; но въ 1494 году, безъ суда и безъ шума, велѣлъ ему какъ бы добровольно удалиться въ Симоновъ, а оттуда въ Троицкій монастырь, за то, какъ сказано въ лѣтописи, что сей первосвятитель нерадѣлъ о церкви и любилъ вино. Благоразумный Іоаннъ не хотѣлъ, можетъ быть, соблазнить россіянъ всенароднымъ осужденіемъ архипастыря, имъ избраннаго, и для того не огласилъ его дѣйствительной вины.

Преемникъ Зосимы въ митрополіи былъ игуменъ троицкій, Симонъ. Здѣсь лѣтописцы сообщаютъ намъ нѣкоторыя весьма любопытныя обстоятельства. Когда владыки россійскіе въ великокняжеской думѣ нарекли Симона достойнымъ первосвятительства,

государь пошелъ съ ними изъ дворца въ церковь Успенія, провождаемый сыновьями, внукомъ, епископами, всѣми боярами и дьяками. Поклонились иконамъ и гробамъ святительскимъ; пѣли, читали молитвы и тропари. Іоаннъ взялъ будущаго архипастыря за руку и, выходя изъ церкви, въ западныхъ дверяхъ предалъ епископамъ, которые отвели его въ домъ митрополитовъ. Тамъ, отпустивъ ихъ съ благословеніемъ, сей скромный мужъ обѣдалъ съ иноками Троицкаго монастыря, съ своими боярами и дѣтьми боярскими. Въ день посвященія онъ ѣхалъ на осляти, коего велъ знатный сановникъ Михайло Русалка. Совершились обряды, и новый митрополитъ долженъ былъ идти на свое мѣсто. Вдругъ священнодѣйствіе остановилось; пѣніе умолкло; взоры духовенства и вельможъ устремились на Іоанна. Государь выступилъ и громогласно сказалъ митрополиту: „Всемогущая и Животворящая Святая Троица, дарующая намъ государство всея Руси, подаетъ тебѣ сей великій престолъ архіерейства руковозложеніемъ архіепископовъ и епископовъ нашего царства. Воспріими жезлъ пастырства; взыди на сѣдалище старѣйшинства во имя Господа Іисуса; моли Бога о насъ—и да подастъ тебѣ Господь здравіе со многоденствомъ". Тутъ хоръ пѣвчихъ возгласилъ Исполлаэти Деспота. Митрополитъ отвѣтствовалъ: „Всемогущая и вседержащая десница Вышняго да сохранитъ мирно твое Богопоставленное царство, самодержавный владыко! да будетъ оно многолѣтно и побѣдительно со всѣми повинующимися тебѣ Христолюбивыми воинствами и народами! Во вся дни живота твоего буди здравъ, творя добро, о государь самодержавный!" Пѣвчіе возгласили Іоанну многолѣтіе.—Великіе князья всегда располагали митрополіею, и нѣтъ примѣра въ нашей исторіи, чтобы власть духовная спорила съ ними о семъ важномъ правѣ; но Іоаннъ хотѣлъ утвердить оное священнымъ обрядомъ: самъ указалъ митрополиту престолъ и торжественно дѣйствовалъ въ храмѣ, чего мы доселѣ не видали.

Къ успокоенію правовѣрныхъ, новый митрополитъ ревностно старался искоренить жидовскую ересь; еще ревностнѣе Іосифъ Волоцкій, который, имѣя доступъ къ государю требовалъ, отъ него, чтобы онъ велѣлъ по всѣмъ городамъ искать и казнить еретиковъ. Великій князь говорилъ, что надобно истреблять развратъ, но безъ казни, противной духу христіанства; иногда выводимый изъ терпѣнія, приказывалъ Іосифу умолкнуть; иногда обѣщалъ ему подумать и не могъ рѣшиться на жестокія средства, такъ что многіе дѣйствительные или мнимые еретики умерли спокойно, а знатный дьякъ Ѳедоръ Курицынъ еще долго пользовался довѣренностію государя и былъ употребляемъ въ дѣлахъ посольскихъ.

ГЛАВА V.

Продолженіе государствованія Іоаннова.

Заключеніе Андрея, Іоаннова брата. — Смерть его и Бориса Васильевича.— Посольства императора римскаго и наши къ нему.—Открытіе печерскихъ рудниковъ. — Посольство датское, чагатайское, иверское. — Первое дружелюбное сношеніе съ султаномъ. — Посольства въ Крымъ. — Литовскія дѣла. — Смерть Казимира: сынъ его Александръ на тронѣ литовскомъ. — Непріятельскія дѣйствія противъ Литвы. — Переговоры о мирѣ и сватовствѣ. — Злоумышленіе на жизнь Іоаннову.—Посольство князя Мазовецкаго въ Москву.—Миръ съ Литвою.—Іоаннъ отдаетъ дочь свою Елену за Александра.—Новыя неудовольствія между Россіею и Литвою.

Г. 1491—1496.

Обратимся къ государственнымъ происшествіямъ. — Великій князь жилъ мирно съ братьями до кончины матери, инокини Мареы: она преставилась въ 1484 году, и съ того времени началось взаимное подозрѣніе между ними. Андрей и Борисъ не могли привыкнуть къ новому порядку вещей и досадовали на властолюбіе Іоанна, который, непрестанно усиливая государство Московское, не давалъ имъ части въ своихъ пріобрѣтеніяхъ. Лишенные защиты и посредничества любимой, уважаемой родительницы, они боялись, чтобы великій князь не отнялъ у нихъ и наслѣдственныхъ удѣловъ. Іоаннъ также зная сіе внутреннее расположеніе братьевъ, помня ихъ бѣгство въ Литву и наглыя злодѣйства въ предѣлахъ россійскихъ, не имѣлъ къ нимъ ни довѣренности, ни любви; но соблюдалъ пристойность, не хотѣлъ быть явнымъ утѣснителемъ, и въ 1486 году обязался новою договорною грамотою,—не присваивать себѣ ни Андреевыхъ, ни Борисовыхъ городовъ, требуя, чтобы сіи князья не входили въ переговоры съ Казимиромъ, съ тверскимъ изгнанникомъ Михаиломъ, съ литовскими панами, новогородцами, псковитянами и немедленно сообщали ему всѣ ихъ письма. Слѣдственно Іоаннъ опасался тайной связи между братьями, Литвою и тѣми россіянами, которые не любили самодержавія: можетъ быть и зналъ объ ней, желая прервать оную или въ противномъ случаѣ не оставить братьямъ уже никакого извиненія. Еще они съ обѣихъ сторонъ удерживались отъ явныхъ знаковъ взаимнаго недоброжелательства, когда Андрею Васильевичу сказали, что великій князь намѣренъ взять его подъ стражу: Андрей хотѣлъ бѣжать; одумался и велѣлъ московскому боярину, Ивану Юрьевичу, спросить у государя, чѣмъ онъ заслужилъ гнѣвъ его? Бояринъ не дерзнулъ вмѣшаться въ дѣло, столь опасное. Андрей самъ пришелъ къ брату и хотѣлъ знать вину свою. Великій князь

изумился: ставилъ небо въ свидѣтели, что не думалъ сдѣлать ему ни малѣйшаго зла, и требовалъ, чтобы онъ наименовалъ клеветника. Андрей сослался на своего боярина Образца, Образецъ на слугу Іоаннова, Мунша Татищева; а послѣдній признался, что сказалъ то единственно въ шутку. Государь, успокоивъ брата, далъ повелѣніе отрѣзать Татищеву языкъ! Ходатайство митрополитово спасло несчастнаго отъ сей казни; однакожъ его высѣкли кнутомъ. Въ 1491 году великій князь посылалъ войско противъ ординскихъ царей Сеидъ Ахмута и Шигъ-Ахмета, которые хотѣли идти на Тавриду, но удалились отъ ея границъ, свѣдавъ, что московская рать уже стоитъ на берегахъ Донца. Полководцы Іоанновы, царевичъ Салтаганъ, сынъ Нордоулатовъ, и князья Оболенскіе, Петръ Никитичъ и Рѣпня, возвратились, не сдѣлавъ ничего важнаго. Въ семъ походѣ долженствовали участвовать и братья великаго князя; но Андрей не прислалъ вспомогательной дружины къ Салтагану. Іоаннъ скрылъ свою досаду. Осенью, сентабря 19, пріѣхавъ изъ Углича въ Москву, Андрей былъ цѣлый вечеръ во дворцѣ у великаго князя. Они казались совершенными друзьями: бесѣдовали искренно и весело. На другой день Іоаннъ черезъ дворецкаго, князя Петра Шастунова, звалъ брата къ себѣ на обѣдъ, встрѣтилъ ласково, поговорилъ съ нимъ и вышелъ въ другую комнату, отославъ Андреевыхъ бояръ въ столовую гридню, гдѣ ихъ всѣхъ немедленно взяли подъ стражу. Въ то же время князь Симеонъ Ивановичъ Ряполовскій со многими иными вельможами явился передъ Андреемъ, хотѣлъ говорить и не могъ ясно произнести ни одного слова, заливаясь слезами; наконецъ дрожащимъ голосомъ сказалъ: „Государь князь Андрей Васильевичъ! пойманъ еси Богомъ, да государемъ великимъ княземъ Иваномъ Васильевичемъ, всея Руси, братомъ твоимъ старѣйшимъ“. Андрей всталъ и съ твердостію отвѣтствовалъ: „Воленъ Богъ, да государь братъ мой; а Всевышній разсудитъ насъ въ томъ, что лишаюсь свободы безвинно“. Андрея свели на казенный дворъ, оковали цѣпями и приставили къ нему многочисленную стражу, состоящую изъ князей и бояръ; двухъ его сыновей, Ивана и Димитрія, заключили въ Переславлѣ; дочерей оставили на свободѣ, удѣлъ же ихъ родителя присоединили къ великому княженію. Чтобы оправдать себя, Іоаннъ объявилъ Андрея измѣнникомъ: ибо сей князь, нарушивъ клятвенный обѣтъ, замышлялъ возстать на государя съ братьями Юріемъ, Борисомъ и съ Андреемъ меньшимъ; переписывался съ Казимиромъ и съ Ахматомъ, наводя ихъ на Россію; вмѣстѣ съ Борисомъ уѣзжалъ въ Литву; наконецъ ослушался великаго князя и не посылалъ воеводъ своихъ противъ Сеидъ-Ахмута. Только послѣдняя вина имѣла видъ справедливости: другія, какъ старыя, были заглажены миромъ въ

1479 году; или надлежало уличить Андрея, что уже послѣ того писалъ къ Казимиру. Однимъ словомъ, Іоаннъ въ семъ случаѣ поступилъ жестоко, оправдываясь, какъ вѣроятно, въ собственныхъ глазахъ извѣстною строптивостію Андрея, государственною пользою, требующею безпрекословнаго единовластія, и примѣромъ Ярослава I, который также заключилъ брата. — Государь тогда же потребовалъ къ себѣ и Бориса Василіевича, сей князь съ ужасомъ и трепетомъ явился въ московскомъ дворцѣ, но черезъ три дня былъ съ милостію отпущенъ назадъ въ Волокъ. Андрей въ 1493 году умеръ въ темницѣ, къ горести великаго князя, по увѣренію лѣтописцевъ. Разсказываютъ что онъ (въ 1498 году), призвавъ митрополита и епископовъ во дворецъ, встрѣтилъ ихъ съ лицомъ печальнымъ, безмолвствовалъ, заплакалъ и началъ смиренно каяться въ своей жестокости, бывъ виною жалостной, безвременной кончины брата. Митрополитъ и епископы сидѣли: государь стоялъ передъ ними и требовалъ прощенія. Они успокоили его совѣсть: отпустили ему грѣхъ, но съ пастырскимъ душеспасительнымъ увѣщаніемъ.—Борисъ Василіевичъ также скоро преставился. Сыновья его, Ѳеодоръ и Иванъ, наслѣдовали достояніе родителя. Въ 1497 году они уступили великому князю Коломенскія и другія села, взявъ за нихъ Тверскія. Иванъ Борисовичъ, умирая въ 1503 году, отказалъ государю Рузу и половину Ржева, вмѣстѣ съ его воинскою рухлядью, доспѣхами и конями. Такъ въ государствѣ Московскомъ исчезали всѣ особенныя наслѣдственныя власти, уступая великокняжеской.

Между тѣмъ и внѣшнія политическія отношенія Россіи болѣе и болѣе возвышали достоинство ея монарха. Послы Ольгины находились въ Германіи, при Оттонѣ I, а нѣмецкіе въ Кіевѣ, около 1075 года; Изяславъ I и Владиміръ Галицкій искали покровительства римскихъ императоровъ: Генрихъ IV былъ женатъ на княжнѣ россійской, и Фридерикъ Барбарусса уважалъ Всеволода III; но съ того времени мы не имѣли сообщенія съ Имперіею до 1486 года, когда знатный рыцарь, именемъ Николай Поппель, пріѣхалъ въ Москву съ письмомъ Фридерика III безъ всякаго особеннаго порученія, единственно изъ любопытства. „Я видѣлъ,— говорилъ онъ,—всѣ земли христіанскія и всѣхъ королей; желаю узнать Россію и великаго князя“. Бояре ему не вѣрили и думали, что сей иноземецъ съ какимъ-нибудь злымъ намѣреніемъ подосланъ Казимиромъ Литовскимъ; однакожъ Поппель, удовлетворивъ своему любопытству, благополучно выѣхалъ изъ Россіи и чрезъ два года возвратился въ качествѣ посла императорскаго съ новою грамотою отъ Фридерика и сына его, короля римскаго Максимиліана, писанною въ Ульмѣ 26 декабря 1488 года. Принятый ласково, онъ въ первомъ свиданіи съ московскими боярами, княземъ Ива-

номъ Юрьевичемъ, Даніиломъ Холмскимъ и Яковомъ Захарьевичемъ, говорилъ слѣдующее: „Выѣхавъ изъ Россіи, я нашелъ императора и князей германскихъ въ Нюренбергѣ; бесѣдовалъ съ ними о странѣ вашей, о великомъ князѣ и вывелъ ихъ изъ заблужденія: они думали, что Іоаннъ есть данникъ Казимировъ. „Нѣтъ“,— сказалъ я: — государь московскій сильнѣе и богатѣе польскаго; держава его неизмѣрима, народы многочисленны, мудрость знаменита“. Однимъ словомъ, самый усерднѣйшій изъ слугъ Іоанновыхъ не могъ бы говорить объ немъ иначе, ревностнѣе и справедливѣе. Меня слушали съ удивленіемъ, особенно императоръ, въ часъ обѣда ежедневно разговаривая со мною. Наконецъ сей монархъ, желая быть союзникомъ Россіи, велѣлъ мнѣ ѣхать къ вамъ посломъ со многочисленною дружиною. Еще ли не вѣрите истинѣ моего званія? За два года я казался здѣсь обманщикомъ, ибо имѣлъ съ собою только двухъ служителей. Пусть великій князь пошлетъ собственнаго чиновника къ моему государю, тогда не останется ни малѣйшаго сомнѣнія“. Но Іоаннъ уже вѣрилъ послу, который именемъ Фридериковымъ предложилъ ему выдать его дочь, Елену или Θеодосію, за Албрехта, маркграфа баденскаго, племянника императорова, и желалъ видѣть невѣсту. Великій князь отвѣтствовалъ ему черезъ дьяка Θедора Курицына, что вмѣстѣ съ нимъ отправится въ Германію посолъ россійскій, коему велѣно будетъ изъясниться о семъ съ императоромъ, и что обычаи наши не дозволяютъ прежде времени показывать юныхъ дѣвицъ женихамъ или сватамъ.—Второе предложеніе Поппелево состояло въ томъ, чтобы Іоаннъ запретилъ псковитянамъ вступаться въ земли ливонскихъ нѣмцевъ, подданныхъ имперіи. Государь велѣлъ отвѣтствовать, что псковитяне владѣютъ только собственными ихъ землями и не вступаются въ чужія.

Весьма достопамятна третья аудіенція, данная послу Фридерикову въ набережныхъ сѣняхъ, гдѣ самъ великій князь слушалъ его, отступивъ нѣсколько шаговъ отъ своихъ бояръ. „Молю о скромности и тайнѣ,—сказалъ Поппель:—ежели непріятели твои, ляхи и богемцы, узнаютъ, о чемъ я говорить намѣренъ, то жизнь моя будетъ въ опасности. Мы слышали, что ты, государь, требовалъ себѣ отъ папы королевскаго достоинства; но знай, что не папа, а только императоръ жалуетъ въ короли, въ принцы и въ рыцари. Если желаешь быть королемъ, то предлагаю тебѣ свои услуги. Надлежитъ единственно скрыть сіе дѣло отъ монарха польскаго, который боится, чтобы ты, сдѣлавшись ему равнымъ государемъ, не отнялъ у него древнихъ земель Россійскихъ“. Отвѣтъ Іоанновъ изображаетъ благородную, истинно царскую гордость. Бояре сказали послу такъ:—„Государь, великій князь, Божіею милостію наслѣдовалъ державу русскую отъ

своихъ предковъ и поставленіе имѣетъ отъ Бога, и молитъ Бога, да сохранитъ оную ему и дѣтямъ его вовѣки, а поставленія отъ иной власти никогда не хотѣлъ и не хочетъ". Поппель не смѣлъ болѣе говорить о томъ и вторично обратился къ сватовству. „Великій князь,—сказалъ онъ,—имѣетъ двухъ дочерей; если не благоволитъ выдать ни которой за маркграфа баденскаго, то императоръ представляетъ ему въ женихи одного изъ саксонскихъ знаменитыхъ принцевъ, сыновей его племянника (курфирста Фридерика); а другая княжна россійская можетъ быть супругою Сигизмунда, маркграфа бранденбургскаго, коего старшій братъ есть зять короля польскаго". На сіе не было отвѣта, и Поппель скоро отправился изъ Москвы въ Данію чрезъ Швецію для какого-то особеннаго императорскаго дѣла; государь же послалъ въ нѣмецкую землю грека, именемъ Юрія Траханіота или Траханита, выѣхавшаго къ намъ съ великою княгинею Софіею, давъ ему слѣдующее наставленіе:

I. „Явить императору и сыну его, римскому королю Максимиліану, вѣрющую посольскую грамоту. Увѣрить ихъ въ искренней пріязни Іоанновой.—II. Условиться о взаимныхъ дружественныхъ посольствахъ и свободномъ сообщеніи обѣихъ державъ.—III. Ежели спросятъ, намѣренъ ли великій князь выдать свою дочь за маркграфа баденскаго? то отвѣтствовать, что сей союзъ не пристоенъ для знаменитости и силы государя Россійскаго, брата древнихъ царей греческихъ, которые, переселясь въ Византію, уступили Римъ папамъ. Но буде императоръ пожелаетъ сватать нашу княжну за сына своего, короля Максимиліана, то ему не отказывать и дать надежду.—IV. Искать въ Германіи и принять въ службу россійскую полезныхъ художниковъ, горныхъ мастеровъ, архитекторовъ и проч. На издержки дано было ему 80 соболей и 3.000 бѣлокъ. Іоаннъ написалъ съ нимъ дружественныя грамоты къ бургомистрамъ нарвскому, ревельскому и любекскому.

Траханіотъ поѣхалъ (22 марта) изъ Москвы въ Ревель, оттуда въ Любекъ и Франкфуртъ, гдѣ былъ представленъ римскому королю Максимиліану, говорилъ ему рѣчь на языкѣ ломбардскомъ и вручилъ дары великокняжескіе, 40 соболей, шубы горностаевую и бѣличью. Докторъ Георгъ Торнъ именемъ Максимиліана отвѣчалъ послу на томъ же языкѣ, изъявляя благодарность и пріязнь сего вѣнценосца къ государю московскому. Посла осыпали въ Германіи ласками и привѣтствіями. Король римскій, встрѣчая его, сходилъ обыкновенно съ трона и сажалъ подлѣ себя; то же дѣлалъ и самъ императоръ. Они, стоя, подавали ему руку въ знакъ уваженія къ великому князю. Болѣе ничего не знаемъ о переговорахъ Траханіота, который возвратился въ Москву 16 іюля 1490 года съ новымъ посломъ Максиміліано-

вымъ Георгомъ Делаторомъ. Незадолго до того времени умеръ славный король Матөей и паны венгерскіе соглашались избрать на его мѣсто Казимирова сына Владислава, государя богемскаго, въ досаду Максимиліану, считавшему себя законнымъ наслѣдникомъ Матөеевымъ. Сіе обстоятельство соединяло австрійскую политику съ нашею: Максимиліанъ хотѣлъ завоевать Венгрію, Іоаннъ— южную Литовскую Россію; они признавали Казимира общимъ врагомъ, и Делаторъ, чтобы тѣмъ вѣрнѣе успѣть въ государственномъ дѣлѣ, объявилъ желаніе римскаго короля (тогда вдоваго) быть Іоанну зятемъ; хотѣлъ видѣть юную княжну и спрашивалъ о цѣнѣ ея приданаго. Отвѣтъ состоялъ въ учтивомъ отказѣ: послу изъяснили наши обычаи. Какой стыдъ для отца и невѣсты, если бы сватъ отвергнулъ ее! Могъ ли знаменитый государь съ безпокойствомъ и страхомъ ждать, что слуга иноземнаго властителя скажетъ объ его дочери? Изъяснили также Делатору, что вѣнценосцамъ неприлично торговаться въ приданомъ; что великій князь, безъ сомнѣнія, назначитъ его по достоинству жениха и невѣсты, но уже послѣ брака; что надобно согласиться прежде въ дѣлѣ важнѣйшемъ, а именно въ томъ, чтобы княжна россійская, если будетъ супругою Максимиліана, не перемѣняла вѣры, имѣла у себя церковь греческую и священниковъ. Для послѣднихъ великій князь требовалъ увѣрительной записи; но Делаторъ сказалъ, что онъ для сего не уполномоченъ. Итакъ перестали говорить о бракѣ.

Однакожъ союзъ государственный заключился и написали договоръ слѣдующаго содержанія:

„По волѣ Божіей и нашей любви, мы, Іоаннъ, Божіею милостію государь всея Руси, Владимірскій, Московскій, Новгородскій, Псковскій, Югорскій, Вятскій, Пермскій, Болгарскій" (то-есть Казанскій) и проч. условились съ своимъ братомъ Максиміліаномъ, королемъ римскимъ и княземъ австрійскимъ, бургонскимъ, лотарингскимъ, стирскимъ, каринтійскимъ и проч., быть въ вѣчной любви и согласіи, чтобы помогать другъ другу во всѣхъ случаяхъ. Если король польскій и дѣти его будутъ воевать съ тобою, братомъ моимъ, за Венгрію, твою отчину, то извѣсти насъ и поможемъ тебѣ усердно, безъ обмана. Если же и мы начнемъ добывать великаго княженія Кіевскаго и другихъ земель русскихъ, коими владѣетъ Литва, то увѣдомимъ тебя и поможешь намъ усердно, безъ обмана. Если и не успѣемъ обослаться, но узнаемъ, что война началася съ твоей или моей стороны, то обязываемся немедленно идти другъ ко другу на помощь. — Послы и купцы наши да ѣздятъ свободно изъ одной земли въ другую. На семъ цѣлую крестъ къ тебѣ, моему брату... Въ Москвѣ, въ лѣто 6998 (1490), августа 16".

Сей первый договоръ съ Австріею, написанный на хартіи, былъ скрѣпленъ золотою великокняжескою печатію. Делаторъ, видѣвъ супругу Іоаннову, Софію, поднесъ ей въ даръ отъ Максимиліана сѣрое сукно и попугая; а государь, пожаловавъ его въ золотоносцы, далъ ему золотую цѣпь съ крестомъ, горностаеву шубу и серебряныя остроги или шпоры, какъ бы въ знакъ рыцарскаго достоинства. Делаторъ выѣхалъ изъ Москвы августа 19 вмѣстѣ съ нашими послами Траханіотомъ и дьякомъ Василіемъ Кулешинымъ. Наказъ, имъ данный, состоялъ въ слѣдующемъ: 1) „Вручить Максимиліану договорную Іоаннову грамоту и присягнуть въ вѣрномъ исполненіи условій. 2) Взять съ него такую же, писанную языкомъ славянскимъ; а буде напишутъ оную по-нѣмецки или по-латыни, то изъяснить, что обязательство великаго князя не имѣетъ силы, ежели въ грамотѣ будутъ отмѣны противъ русской (ибо Траханіотъ и Кулешинъ не знали сихъ двухъ языковъ). 3) Максимиліанъ долженъ утвердить союзъ цѣлованіемъ креста передъ нашими послами. 4) Объявить королю согласіе Іоанново выдать за него дочь, съ условіемъ, чтобы она не перемѣняла закона. 5) Сказать ему, что посламъ его и московскимъ лучше ѣздить впредь чрезъ Данію и Швецію для избѣжанія непріятностей, какія могутъ имъ встрѣтиться въ польскихъ владѣніяхъ. 6) Требовать, чтобы онъ далъ великому князю лѣкаря искуснаго въ цѣленіи внутреннихъ болѣзней и ранъ. 7) Привѣтствовать единственно короля римскаго, а не императора, ибо Делаторъ, будучи въ Москвѣ, не сказалъ великому князю ни слова отъ Фридерика“. Не смотря на государственную важность заключаемаго съ Австріею союза, Іоаннъ, какъ видимъ, строго наблюдалъ достоинство россійскаго монарха, и въ сіе же время отослалъ изъ Москвы безъ отвѣта слугу Поппелева, который пріѣзжалъ въ Россію за живыми лосями для императора, но съ письмомъ, недовольно учтивымъ, отъ господина своего. Не взявъ даровъ Поппелевыхъ, богатаго мониста съ ожерельемъ, великій князь милостиво принялъ отъ его слуги двѣ объяри и далъ ему за то 120 соболей, цѣною въ 30 червонцевъ.

Траханіотъ и Кулешинъ писали къ государю изъ Любека, что король датскій и князья нѣмецкіе, свѣдавъ объ ихъ прибытіи въ Германію и желая добра Казимиру, замышляли сдѣлать имъ остановку въ пути; что посолъ Максимиліановъ ѣдетъ вмѣстѣ съ ними и возьметъ мѣры для ихъ безопасности; что римскій король уже завоевалъ многія мѣста въ Венгріи. Они наѣхали Максимиліана въ Нюренбергѣ, вручили ему дары отъ Іоанна и великой княгини (80 соболей, камку и птицу кречета); явили письменный договоръ, имъ одобренный и клятвенно утвержденный, но не упоминали о сватовствѣ, ибо слышали, что Максимиліанъ, долго не имѣвъ от-

вѣта отъ великаго князя, въ угожденіе своему отцу помолвилъ на княжнѣ Бретанской. Пробывъ тамъ отъ 22 марта до 23 іюня (1491 года), послы Іоанновы возвратились въ Москву августа 30 съ Максимиліановою союзною грамотою, которую великій князь приказалъ отдать въ хранилище государственное.

Вслѣдъ за ними король римскій вторично прислалъ Делатора, чтобы онъ былъ свидѣтелемъ клятвеннаго Іоаннова обѣта исполнять заключенный договоръ. Государь сдѣлалъ то же, что Максимиліанъ; цѣловалъ крестъ передъ его посломъ. Изъявивъ совершенно удовольствіе и благодарность короля, Делаторъ молилъ великаго князя не досадовать за помолвку его на принцессѣ бретанской и разсказалъ длинную исторію въ оправданіе сего поступка. „Король римскій,—говорилъ онъ,—весьма желалъ чести быть зятемъ великаго князя; но Богъ не захотѣлъ того. Разнесся въ Германіи слухъ, что я и послы московскіе, въ 1490 году отплывъ на двадцати четырехъ корабляхъ изъ Любека, утонули въ морѣ. Государь нашъ думалъ, что Іоаннъ не свѣдалъ о его намѣреніи вступить въ бракъ съ княжною россійскою. Дальнее разстояніе не дозволяло отправить новаго посольства и согласіе великаго князя было еще не вѣрно. Между тѣмъ время текло. Князья нѣмецкіе требовали отъ императора, чтобы онъ женилъ сына, и предложили въ невѣсту Анну Бретанскую. Фридерикъ убѣдилъ Максимиліана принять ея руку. Когда же государь нашъ узналъ, что мы живы и что княжна россійская могла быть его супругою, то искренно огорчился и донынѣ жалѣетъ о невѣстѣ столь знаменитой“. Сія справедливая или выдуманная повѣсть удовлетворила Іоанновой чести: онъ не изъявилъ ни малѣйшей досады и не отвѣчалъ послу ни слова. Делаторъ, какъ бы въ знакъ особенной, неограниченной къ нему довѣренности Максимиліановой, извѣстилъ великаго князя о тайныхъ видахъ австрійской политики. Долговременная война Нѣмецкаго Ордена съ Польшею рѣшилась (въ 1466 году) совершенною зависимостію перваго отъ Казимира, такъ что великій магистръ Лудвигъ назвалъ себя его присяжникомъ, и рыцарство, нѣкогда державное, стенало подъ игомъ чужеземной власти. Максимиліанъ тайно возбуждалъ Орденъ свергнуть сіе иго и снова прибѣгнуть къ оружію, но магистръ нѣмецкій и ливонскій требовали отъ него, чтобы онъ прежде доставилъ имъ важное покровительство монарха россійскаго, сильнаго и грознаго. Делаторъ убѣждалъ великаго князя послать московскаго чиновника въ Ливонію для переговоровъ, дать ея рыцарямъ вѣчный миръ; не тѣснить ихъ и взять Орденъ въ его милостивое соблюденіе.—Столь же усердно ходатайствовалъ посолъ за Швецію. Государственный ея правитель, Стенъ-Стуръ, находился въ дружественной связи съ Максимиліаномъ и жало-

вался ему на обиды россіянъ, которые въ 1490 году ужаснымъ образомъ свирѣпствовали въ Остерботнѣ: жгли, рѣзали, мучили жителей, присвоивали себѣ господство надъ Финляндіею. Делаторъ молилъ Іоанна оставить сію несчастную землю въ покоѣ. Наконецъ предлагалъ, чтобы московскіе послы ѣздили въ имперію чрезъ Мекленбургъ и Любекъ, а не чрезъ Данію, гдѣ въ разсужденіи ихъ не соблюдаются уставы чести и гостепріимства: ибо король держитъ сторону Казимирову. — Замѣтимъ, что посолъ Максимиліановъ въ своихъ аудіенціяхъ именовалъ великаго князя царемъ; такъ и наши послы называли Іоанна въ Германіи; нѣмцы же въ переводѣ дипломатическихъ бумагъ употребляли имя Kayser, Imperator, вмѣсто царя.

Отвѣтъ великаго князя, сообщенный послу казначеемъ Димитріемъ Владиміровичемъ и дьякомъ Өедоромъ Курицынымъ, былъ такой: „Я заключилъ искренній союзъ съ моимъ братомъ Максимиліаномъ; хотѣлъ помогать ему всѣми силами въ завоеваніи Венгріи и готовился самъ сѣсть на коня; но слышу, что Владиславъ, сынъ Казимировъ, объявленъ тамъ королемъ, и что Максимиліанъ съ нимъ примирился; слѣдственно мнѣ теперь нечего дѣлать. Однакожъ вмѣстѣ съ тобою отправлю къ нему пословъ. Не измѣню клятвѣ. Если братъ мой рѣшился воевать, то иду немедленно на Казимира и сыновей его, Владислава и Албрехта. Въ угодность Максимиліану буду посредникомъ его союза съ господаремъ молдавскимъ Стефаномъ. Что касается до магистровъ прусскаго и ливонскаго, то я готовъ взять ихъ въ мое храненіе. Послѣдній желаетъ условиться о мирѣ съ моими особенными послами и вмѣсто челобитья писать въ договорахъ моленіе; но да будетъ все по старому. Прежде онъ билъ челомъ вольному Новугороду, нынѣ да имѣетъ дѣло съ тамошними моими намѣстниками, людьми знатными“.—О Швеціи не было слова въ отвѣтѣ.

Делаторъ выѣхалъ изъ Москвы 12 апрѣля 1492 года съ великокняжескимъ приставомъ, коему надлежало довольствовать его всѣмъ нужнымъ до самой границы. Такъ обыкновенно бывало: приставы встрѣчали и провожали пословъ. Мая 6 снова отправился Траханіотъ съ дьякомъ Михаиломъ Яропкинымъ въ Германію. Ему велѣно было именемъ Іоанновымъ спросить Максимиліана о здравіи, но не править поклона: ибо Делаторъ въ первой аудіенціи не кланялся ни великому князю, ни супругѣ его отъ своего короля, а спрашивалъ только о здравіи. Наказъ сего посольства былъ слѣдующій:

„Объявить Максимиліану, что великій князь, вступивъ съ нимъ въ союзъ, желалъ вѣрно исполнять условія и для того не хотѣлъ говорить о мирѣ съ посломъ литовскимъ, бывшимъ въ Москвѣ; слѣдственно и король римскій не долженъ мириться съ Бо-

геміею и Польшею безъ Іоанна, который готовъ, въ случаѣ его вѣрности, дѣйствовать съ нимъ за одно всѣми силами, ему Богомъ данными.—Если онъ заключилъ миръ съ Владиславомъ, то развѣдать о тайныхъ причинахъ онаго. Узнать всѣ обстоятельства и виды австрійской политики: имѣетъ ли Максиміліанъ сильныхъ доброжелателей въ Венгріи и кого именно? не для того ли уступаетъ оную Владиславу, чтобы воевать съ государемъ французскимъ, который, по слуху, отнимаетъ у него невѣсту Анну Бретанскую?—Ежели бракъ римскаго короля не состоялся, то искуснымъ образомъ внушить ему, что великій князь можетъ быть не отринетъ его вторичнаго сватовства, когда императоръ и Максиміліанъ пришлютъ къ нему убѣдительную грамоту съ человѣкомъ добрымъ (то-есть знатнымъ). Въ такомъ случаѣ изъясниться о вѣрѣ греческой, о церкви и священникахъ. А буде король женится на принцесѣ Бретанской, то говорить о сынѣ его Филиппѣ или о саксонскомъ курфирстѣ Фридерикѣ. Навѣдаться также о пристойныхъ невѣстахъ для сына государева, Василія, изъ дочерей королевскихъ, и проч.; но соблюдать благоразумную осторожность, чтобы не повредить государевой чести. Заѣхать къ саксонскому курфирсту, поднести ему въ даръ 40 соболей и сказать: великій князь благодаритъ тебя за охраненіе его пословъ въ землѣ твоей, и впредь охраняй ихъ, равномѣрно и тѣхъ, которые ѣздятъ къ намъ изъ странъ италійскихъ. Дозволяй художникамъ, твоимъ подданнымъ, переселяться въ Россію, за что великій князь готовъ служить тебѣ всѣмъ, чѣмъ изобилуетъ земля его“.

Послы наши имѣли письма къ герцогу Мекленбургскому, къ бургомистрамъ и ратманамъ городовъ нѣмецкихъ о свободномъ ихъ пропускѣ; въ Нарвѣ и въ Ревелѣ они должны были вручить сіи грамоты сидя.—Донесенія, писанныя ими къ государю въ пути, любопытны своею подробностію, вмѣщая въ себѣ извѣстія не только о главныхъ дѣлахъ европейской политики, но и купеческія; напримѣръ, о дороговизнѣ хлѣба во Фландріи, гдѣ ластъ ржи стоилъ 100 червонцевъ. Описывая войну Максиміліана съ королемъ французскимъ, Траханіотъ и Яропкинъ говорятъ о союзѣ перваго съ Англіею, Шотландіею, Испаніею, Португаліею и со всѣми князьями нѣмецкими; о мирѣ его съ Владиславомъ, который обязался ему заплатить за Венгрію 100,000 червонцевъ, объявивъ Максиміліана послѣ себя наслѣдникомъ; увѣдомляютъ также о походѣ султанскаго войска въ Сербію; однимъ словомъ, представляютъ всѣ движенія Европы очамъ любопытнаго Іоанна, который хотѣлъ быть самъ однимъ изъ ея великихъ монарховъ.

Приплывъ на кораблѣ изъ Ревеля въ Германію, Траханіотъ и Яропкинъ жили нѣсколько мѣсяцевъ въ Любекѣ—не зная, куда

ѣхать къ Максимиліану, занятому тогда французскою войною— и для перевода нѣмецкихъ бумагъ, ими получаемыхъ, приняли въ государеву службу тамошняго славнаго книгопечатника Варѳоломея, который далъ имъ клятву таить содержаніе оныхъ. Они нашли Максимиліана въ Кольмарѣ, гдѣ и были отъ 15 января до 25-го марта. Политика его уже перемѣнилась: сей государь, довольный условіями заключеннаго съ Владиславомъ мира, не думалъ болѣе о сѣверномъ союзѣ, употребляя всѣ усилія противъ Франціи. Послы наши—не сдѣлавъ, кажется, ничего—возвратились въ Москву въ іюлѣ 1493 года.

Такимъ образомъ превратились на сей разъ сношенія великокняжескаго двора съ имперіею, хотя и не имѣвъ важныхъ государственныхъ слѣдствій, однакожъ удовлетворивъ честолюбію Іоанна, который поставилъ себя въ оныхъ наравнѣ съ первымъ монархомъ Европы. Связь съ Германіею доставила намъ и другую существенную выгоду. Новое велелѣпіе Двора московскаго, новыя кремлевскія зданія, сильныя ополченія, посольства, дары—требовали издержекъ, которыя истощали казну болѣе, нежели прежняя дань ханская. Доселѣ мы пользовались единственно чужими драгоцѣнными металлами, добываемыми внѣшнею торговлею и мѣною съ сибирскими народами черезъ Югру; сей послѣдній источникъ, какъ вѣроятно, оскудѣлъ или совсѣмъ закрылся: ибо въ лѣтописяхъ и въ договорахъ XV вѣка уже нѣтъ ни слова о серебрѣ закамскомъ. Но издавна былъ у насъ слухъ, что страны полунощныя, близъ Каменнаго Пояса, изобилуютъ металлами; присоединивъ къ московской державѣ Пермь, Двинскую землю, Вятку, Іоаннъ желалъ имѣть людей свѣдущихъ въ горномъ искусствѣ. Мы видѣли, что онъ писалъ о томъ къ королю венгерскому; но Траханіотъ, кажется, первый вывезъ ихъ изъ Германіи. Въ 1491 году два нѣмца, Ибанъ и Викторъ, съ Андреемъ Петровичемъ и Василіемъ Болтинымъ отправились изъ Москвы искать серебряной руды въ окрестностяхъ Печеры. Чрезъ семь мѣсяцевъ они возвратились съ извѣстіемъ, что нашли оную вмѣстѣ съ мѣдною, на рѣкѣ Цыльмѣ, верстахъ въ двадцати отъ Космы, въ трехстахъ отъ Печеры и въ 3,500 отъ Москвы на пространствѣ десяти верстъ. Сіе важное открытіе сдѣлало государю величайшее удовольствіе и съ того времени мы начали сами добывать, плавить металлы и чеканить монету изъ своего серебра; имѣли и золотыя деньги или медали россійскія. Въ собраніи нашихъ древностей хранится снимокъ золотой медали 1497 году съ изображеніемъ св. Николая; въ надписи сказано, что великій государь вылилъ сей единый талеръ изъ золота для княгини (княжны) своей Ѳеодосіи. На серебряныхъ деньгахъ Іоаннова времени обыкновенно представлялся всадникъ съ мечомъ.

Можетъ быть слухъ о новыхъ, въ сѣверной Россіи открытыхъ, богатыхъ рудникахъ скоро дошелъ до Германіи и возбудилъ тамъ любопытство увѣриться въ справедливости онаго (Европа еще не знала Америки и, нуждаясь въ драгоцѣнныхъ металлахъ, долженствовала брать живѣйшее участіе въ такомъ открытіи); по крайней мѣрѣ въ 1492 году пріѣхалъ въ Москву нѣмецъ Михаилъ Снупсъ съ письмомъ къ великому князю отъ Максимиліана и дяди его, австрійскаго эрцгерцога Зигмунда, княжившаго въ Инспрукѣ; они дружески просили Іоанна, чтобъ онъ дозволилъ сему путешественнику осмотрѣть все любопытное въ нашемъ отечествѣ, учиться языку русскому, видѣть обычаи народа и пріобрѣсти знанія, нужныя для успѣховъ общей исторіи и географіи. Снупсъ, обласканный великимъ княземъ, немедленно изъявилъ желаніе ѣхать въ дальнѣйшія страны полунощныя и на Востокъ, къ берегамъ Оби. Іоаннъ усомнился и, наконецъ, рѣшительно отказалъ ему. Проживъ нѣсколько мѣсяцевъ въ Москвѣ, Снупсъ отправился назадъ въ Германію прежнимъ путемъ, чрезъ Ливонію, съ слѣдующимъ письмомъ отъ великаго князя къ Максимиліану и Зигмунду: „Изъ дружбы къ вамъ мы ласково приняли вашего человѣка, но не пустили его въ страны отдаленныя, гдѣ течетъ рѣка Обь, за неудобностію пути: ибо самые люди наши, ѣздящіе туда для собранія дани, подвергаются не малымъ трудамъ и бѣдствіямъ. Мы не дозволяли ему также возвратиться къ вамъ черезъ владѣнія польскія или турецкія: ибо не можемъ отвѣтствовать за безопасность сего пути. Богъ да блюдетъ ваше здравіе“. Вѣроятно, что Іоаннъ опасался сего нѣмца какъ лазутчика и не хотѣлъ, чтобы онъ видѣлъ наши сѣверо-восточныя земли, гдѣ открылся новый источникъ богатства для Россіи.

Вторымъ достопамятнымъ посольствомъ описываемыхъ нами временъ было датское. Если не Данія, то, по крайней мѣрѣ, Норвегія издревле имѣла сношенія съ Новымгородомъ, по сосѣдству съ его сѣверными областями. Дворъ Ярослава Великаго служилъ убѣжищемъ для ея знаменитыхъ изгнанниковъ; Александръ Невскій хотѣлъ женить сына на дочери Гаконовой; мы упоминали также о договорѣ Норвегіи съ правительствомъ новогородскимъ въ 1326 году, но отдаленная Москва скрывалась во мракѣ неизвѣстности для трехъ сѣверныхъ королевствъ до того времени, какъ великій князь сдѣлался самодержцемъ всей Россіи отъ береговъ Волги до Лапландіи. Пріязнь, бывшая между тогдашнимъ королемъ датскимъ Іоанномъ, сыномъ Христіановымъ, и Казимиромъ заставила перваго нарушить долгъ гостепріимства въ разсужденіи пословъ московскихъ, когда они ѣхали въ Любекъ чрезъ его землю: ибо Траханіотъ и Ярошкинъ жаловались на претерпѣнныя ими въ ней обиды; но существенныя выгоды государствен-

ныя перемѣнили образъ мыслей сего монарха: будучи врагомъ шведскаго правителя, онъ увидѣлъ пользу быть другомъ великаго князя, чтобы страхомъ нашего оружія обуздывать шведовъ, и посолъ датскій (въ 1493 году) заключилъ въ Москвѣ союзъ любви и братства съ Россіею. Грекъ Дмитрій Ралевъ и дьякъ Зайцовъ отправились въ Данію для размѣна договорныхъ грамотъ.

Упомянемъ также о двухъ посольствахъ азіатскихъ. Неизмѣримая держава, основанная завоеваніями дикаго героя Тамерлана, хотя не могла по его смерти устоять въ своемъ величіи и раздѣлилась, однакожъ имя царства Чагатайскаго, составленнаго изъ Бухаріи и Хорасана, еще гремѣло въ Азіи: султанъ Абусаидъ, внукъ Тамерланова сына Мирана, господствовалъ отъ береговъ моря Каспійскаго до Мультана въ Индіи, и въ 1468 году, убитый персидскимъ царемъ Гассаномъ, оставилъ сію обширную страну въ наслѣдіе сыновьямъ, коихъ междоусобіе предвѣстило ихъ общую гибель. Гуссейнъ мирза, правнукъ второго Тамерланова сына, Омара, завладѣлъ Хорасаномъ; прославился многими побѣдами, одержанными имъ надъ татарами-узбеками; любилъ добродѣтель, науки, слышалъ о величіи государя россійскаго и, желая его дружбы, въ 1489 году прислалъ въ Москву какого-то богатыря Уруса для заключенія союза съ Іоанномъ. Можетъ быть онъ хотѣлъ, чтобы великій князь, имѣя связь съ ногаями, возбудилъ ихъ противъ узбековъ. Но царство Чагатайское отжило вѣкъ свой: ханъ узбекскій Шай-Бегъ въ началѣ XVI вѣка изгналъ Гуссейновыхъ сыновей изъ Хорасана, овладѣвъ и Бухаріею, откуда послѣдній султанъ Тамерланова рода Баборъ ушелъ въ Индостанъ, гдѣ судьбз опредѣлила ему быть основателемъ имперіи такъ называемаго Великаго Могола.

Иверія, или нынѣшняя Грузія, искони славилась воинскою доблестію своего народа, такъ что ни персидское, ни македонское оружіе не могло поработить его; славилась также богатствомъ (древніе Аргонавты искали златого руна въ сосѣдственной съ нею Мингреліи). Завоеванная Помпеемъ, она дѣлается съ того времени извѣстною въ римской исторіи, которая именуетъ намъ ея разныхъ царей, данниковъ Рима. Одинъ изъ нихъ, Фарасманъ II, вѣрный другъ императора Адріана, удостоился чести приносить богамъ жертву въ Капитоліи и видѣть свой изваянный образъ въ храмѣ Беллоны на берегу Тибра. Но далѣе не находимъ уже никакихъ извѣстій о сей странѣ до раздѣленія имперіи; знаемъ только, что христіанская вѣра начала тамъ утверждаться еще со временемъ Константина Великаго; что св. Симеонъ Столпникъ способствовалъ успѣхамъ ея; что Иверія, имѣя всегда собственныхъ царей или князей, зависѣла то отъ монарховъ персидскихъ, то отъ императоровъ греческихъ, была поко-

рена моголами и въ 1476 году подвластна царю персидскому Узунъ-Гассану. Нѣтъ сомнѣнія, что Россія издревле находилась въ связи съ единовѣрною Грузіею: Изяславъ I, какъ извѣстно, былъ женатъ на княжнѣ Абассинской, а сынъ Андрея Боголюбскаго—супругомъ славной грузинской Царицы Тамары. Сія связь, прерванная нашествіемъ Батыевымъ, возобновилась: послы князя иверскаго Александра, именемъ Нариманъ и Хоземарумъ въ 1492 году пріѣхали къ Іоанну требовать его покровительства. Уважаемый въ Персіи и въ странахъ окрестныхъ, великій князь могъ, дѣйствительно, быть заступникомъ своихъ утѣсненныхъ единовѣрцевъ, которые оплакивали паденіе Греціи и, подъ игомъ варваровъ закоснѣвъ въ невѣжествѣ, имѣли нужду въ совѣтахъ нашего духовенства для христіанскаго просвѣщенія. Александръ въ грамотѣ своей смиренно именуетъ себя холопомъ Іоанна, его же называетъ великимъ царемъ, свѣтомъ зеленаго неба, звѣздою темныхъ, надеждою христіанъ, подпорою бѣдныхъ, закономъ, истинною управою всѣхъ государей, тишиною земли и ревностнымъ обѣтникомъ св. Николая.

Занимаясь дѣлами Европы и Азіи, могъ ли Іоаннъ оставить безъ примѣчанія державу Оттоманскую, которая уже столь сильно дѣйствовала на судьбу трехъ частей міра? Какъ зять Палеологовъ и сынъ греческой церкви, утѣсняемой турками, онъ долженствовалъ быть врагомъ султановъ, но не хотѣлъ себя обманывать; видѣлъ, что еще не пришло время для Россіи бороться съ ними; что здравая политика велитъ ей употреблять свои юныя силы на иные предметы, ближайшіе къ истинному благу ея: для того, заключая союзы съ Венгріею и Молдавіею, не касался дѣлъ турецкихъ, имѣя въ виду одну Литву, нашего врага естественнаго. Выгодная торговля купцовъ московскихъ въ Азовѣ и Кафѣ, управляемой константинопольскими пашами, зависимость Менгли-Гирея (важнѣйшаго союзника Россіи) отъ султановъ и надежда вредить Казимиру чрезъ Оттоманскую Порту, склоняли Іоанна къ дружбѣ съ нею: онъ ждалъ только пристойнаго случая и тѣмъ болѣе обрадовался, узнавъ, что султанскіе паши, говоря въ Бѣлѣгородѣ съ дьякомъ его Ѳедоромъ Курицынымъ, объявили ему желаніе ихъ государя искать Іоанновой пріязни. Великій князь поручилъ Менгли-Гирею основательно развѣдать о семъ предложеніи, и султанъ Баязетъ II отвѣтствовалъ: „ежели государь Московскій тебѣ, Менгли-Гирею, братъ, то будетъ и мнѣ братъ“. Слѣдующее происшествіе служило поводомъ къ первому государственному сношенію между нами и Портою. Купцовъ россійскихъ обижали въ Азовѣ и въ Кафѣ, такъ что они перестали, наконецъ, ѣздить въ султанскія владѣнія. Паша кафинскій жаловался на то Баязету, слагая вину на Менгли Гирея,

будто бы отвратившаго россіянъ отъ торговли съ симъ городомъ; а Менгли-Гирей хотѣлъ, чтобы Іоаннъ оправдалъ его въ глазахъ султана. Удовлетворяя требованію оклеветаннаго друга и какъ бы единственно изъ снисхожденія, великій князь написалъ такую грамоту къ Баязету:

„Султану вольному царю государей турскихъ и азямскихъ, земли и моря, Баязету, Іоаннъ Божіею милостію единый правый, наслѣдственный государь всея Руси и многихъ иныхъ земель отъ Сѣвера до Востока. Се наше слово къ твоему величеству. Мы не посылали людей другъ ко другу спрашивать о здравіи; но купцы мои ѣздили въ страну твою и торговали съ выгодою для обѣихъ державъ. Они уже нѣсколько разъ жаловались мнѣ на твоихъ чиновниковъ, я молчалъ. Наконецъ, въ теченіе минувшаго лѣта азовскій паша принудилъ ихъ копать ровъ и носить каменья для городского строенія. Сего мало: въ Азовѣ и въ Кафѣ отнимаютъ у нашихъ купцовъ товары за полцѣны; въ случаѣ болѣзни одного изъ нихъ кладутъ печать на имѣніе всѣхъ; если умираетъ, то все остается въ казнѣ; если выздоравливаетъ, отдаютъ назадъ только половину. Духовныя завѣщанія не уважаемы: турецкіе чиновники не признаютъ наслѣдниковъ, кромѣ самихъ себя, въ русскомъ достояніи. Узнавъ о сихъ обидахъ, я не велѣлъ купцамъ ѣздить въ твою землю. Прежде они платили единственно законную пошлину и торговали свободно: отчего же родилось насиліе? знаешь или не знаешь онаго?.. Еще одно слово: отецъ твой (Магометъ II) былъ государь великій и славный: онъ хотѣлъ, какъ сказываютъ, отправить къ намъ пословъ съ дружескимъ привѣтствіемъ; но его намѣреніе, по волѣ Божіей, не исполнилось. Для чего же не быть тому нынѣ? Ожидаемъ отвѣта. Писано въ Москвѣ, 31 августа“ (въ 1492 году).— Менгли-Гирей долженъ былъ доставить сію грамоту Баязету; увидимъ слѣдствіе.

Тѣсная связь Іоаннова съ ханомъ таврическимъ не ослабѣвала, утверждаемая частыми посольствами и дарами. Въ 1490 году ѣздилъ въ Тавриду князь Василій Ромодановскій съ увѣреніемъ, что войско наше готово всегда тревожить Золотую Орду. Сія тѣнь Батыева царства скиталась изъ мѣста въ мѣсто; иногда переходила за Днѣпръ, иногда удалялась къ предѣламъ страны Черкесской, къ берегамъ Кумы. Тщетно сыновья Ахматовы вмѣстѣ съ царемъ астраханскимъ, Абдылъ-Керимомъ, замышляли впаденіе въ Тавриду, оберегаемую съ одной стороны россіянами, Магметъ-Аминемъ казанскимъ и ногаями, а съ другой—султаномъ, который далъ Менгли-Гирею 2,000 воиновъ для его защиты. Крымцы отгоняли стада у волжскихъ татаръ и въ одной кровопролитной сшибкѣ убили сына Ахматова, Едигея.—

Въ 1492 году новый посолъ Іоанновъ, Лобанъ Колычевъ, убѣждалъ Менгли-Гирея воевать литовскія владѣнія, представляя, что ординскіе цари злодѣйствуютъ ему единственно по внушеніямъ Казимировымъ. Ханъ отвѣтствовалъ: „Я съ братомъ моимъ, великимъ княземъ, всегда одинъ человѣкъ, и строю теперь при устьѣ Днѣпра, на старомъ городищѣ, новую крѣпость, чтобы оттуда вредить Польшѣ“. Сія крѣпость была Очаковъ, основанный на какихъ-то древнихъ развалинахъ. Братъ ханскій, Усмемиръ, и племянникъ Довлетъ жили у Казимира; великій князь, для безопасности Менгли-Гирея, старался переманить ихъ въ Россію, но не могъ; въ угодность ему также принялъ меньшого пасынка его, Абдыль-Летифа, и съ честію отправилъ къ царю казанскому Магметъ-Аминю. Менгли-Гирей желалъ еще, чтобы онъ далъ Коширу въ помѣстьѣ царевичу Мамытеку, сыну Мустафы; сіе требованіе не было уважено, равно какъ и другое, чтобы Іоаннъ заплатилъ 33,000 алтынъ, взятыхъ ханомъ въ долгъ у жителей кафинскихъ для строенія Очакова. „Не строеніемъ безполезныхъ крѣпостей, отдаленныхъ отъ Литвы“,—приказывалъ великій князь къ своему другу, — „но частыми впаденіями въ ея земли долженъ ты безпокоить общихъ враговъ нашихъ“. Ханъ любилъ дары; просилъ кречетовъ и соболей для турецкаго султана; государь давалъ, однакожь не безкорыстно, и (въ 1491 году), походомъ воеводъ московскихъ на улусы Золотой Орды оказавъ услугу Менгли-Гирею, хотѣлъ, чтобы онъ въ знакъ благодарности прислалъ къ нему свой большой красный лалъ. Замѣтимъ еще, что ханъ крымскій, опасаясь Іоаннова подозрѣнія, сносился съ царемъ казанскимъ только чрезъ Москву: всякую грамоту ихъ переводили и читали государю, который думалъ, что осторожность не мѣшаетъ дружбѣ.

Такъ было до 1492 года, когда важная перемѣна случилась въ Литвѣ и перемѣнила систему Россіи. Несмотря на взаимную ненависть между сими двумя державами, ни которая не хотѣла явной войны. Казимиръ, уже старый и всегда малодушный, боялся твердаго, хитраго, дѣятельнаго и счастливаго Іоанна, увѣнчаннаго славою побѣдъ; а великій князь отлагалъ войну по внушенію государственной мудрости; чѣмъ болѣе медлилъ, тѣмъ болѣе усиливался и вѣрнѣе могъ обѣщать себѣ успѣхи; неусыпно стараясь вредить Литвѣ, казался готовымъ къ миру и не отвергалъ случаевъ объясняться съ королемъ въ ихъ взаимныхъ неудовольствіяхъ. Съ 1487 до 1492 года литовскіе послы, князь Тимофей Мосальскій, смоленскій бояринъ Плюсковъ, Стромиловъ, Хребтовичъ и намѣстникъ утенскій Клочко пріѣзжали въ Москву съ разными жалобами. Со времени Витовта удѣльные князья

древней земли Черниговской, въ нынѣшнихъ губерніяхъ Тульской, Калужской, Орловской, были подданными Литвы; видя, наконецъ, возрастающую силу Іоанна, склоняемые къ нему единовѣріемъ и любезнымъ ихъ сердцу именемъ русскихъ, они начали переходить къ намъ съ своими отчинами, и для успокоенія совѣсти давали только знать Казимиру, что слагаютъ съ себя обязанность его присяжниковъ. Уже нѣкоторые Одоевскіе, Воротынскіе, Бѣлевскіе, Перемышльскіе князья служили московскому государю и вели непрестанную войну съ своими родственниками, которые еще оставались въ Литвѣ. Такъ Василій Кривый, князь Воротынскій, опустошилъ нѣсколько мѣстъ въ землѣ королевской. Сыновья князя Симеона Одоевскаго взяли городъ ихъ дяди Ѳеодора, Одоевъ; расхитили казну, плѣнили мать его. Дружина князя Дмитрія Воротынскаго обратила въ пепелъ многія брянскія села. Князь Иванъ Бѣлевскій силою принудилъ брата Андрея отложиться отъ короля. Казимиръ жаловался, что Іоаннъ принимаетъ измѣнниковъ и терпитъ ихъ разбои; что многія литовскія мѣста отошли къ намъ; что Великіе Луки и Ржева не хотятъ платить ему дани, и проч. Іоаннъ отвѣтствовалъ ему на словахъ и чрезъ собственныхъ пословъ, что сіи жалобы большею частію несправедливы; что Великіе Луки и Ржева суть искони новогородскія области; что Казимировы подданные сами обижаютъ россіянъ, что ссорныя дѣла должны быть рѣшены на мѣстѣ общими судіями; что князья племени Владимірова, добровольно служивъ Литвѣ, имѣютъ право съ наслѣдственнымъ своимъ достояніемъ возвратиться подъ сѣнь ихъ древняго отечества. Государь требовалъ, чтобы Казимиръ отпустилъ въ Россію жену князя Бѣльскаго, не обременялъ нашихъ купцовъ налогами и возвратилъ отнятое у нихъ насиліемъ въ его землѣ, казнилъ обидчиковъ, дозволилъ посламъ великокняжескимъ свободно ѣздить чрезъ Литву въ Молдавію, и проч. „Государь вашъ“,—сказалъ король чиновнику Іоаннову, Ярошкину,—„любитъ требовать, а не удовлетворять; я долженъ слѣдовать его примѣру“. Однакожъ взаимно соблюдалась учтивость: литовскіе послы обѣдали у государя; не только онъ, но и юный сынъ его, Василій Іоанновичъ, приказывалъ съ ними дружескіе поклоны къ Казимиру; въ знакъ пріязни великій князь освободилъ даже многихъ поляковъ, которые находились плѣнниками въ Ордѣ. Въ маѣ 1492 года былъ отправленъ въ Варшаву Иванъ Никитичъ Беклемишевъ съ предложеніемъ, чтобы король отдалъ намъ городки Хлепенъ, Рогачевъ и другія мѣста, издревле россійскія, и чтобы съ обѣихъ сторонъ выслать бояръ на границу для изслѣдованія взаимныхъ обидъ. Но Беклеми-

шевъ возвратился съ извѣстіемъ, что Казимиръ умеръ 25 іюня; что старшій его сынъ Альбертъ сдѣлался королемъ польскимъ, а меньшій Александръ—великимъ княземъ Литовскимъ.

Сей случай казался благопріятнымъ для Россіи: Литва, избравъ себѣ иного властителя, уже не могла располагать силами Польши, которая не имѣла вражды съ ними и долженствовала слѣдовать особенной государственной системѣ. Іоаннъ немедленно послалъ Константина Заболоцкаго къ Менгли-Гирею убѣдить его, чтобы онъ воспользовался смертію короля и шелъ на Литовскую землю, не отлагая похода до весны; что Волжская Орда кочуетъ въ отдаленныхъ восточныхъ предѣлахъ и не опасна для Тавриды; что ему никогда не будетъ лучшаго времени отмстить Казимировымъ сыновьямъ за всѣ злыя козни отца ихъ.—Другой великокняжескій чиновникъ, Иванъ Плещеевъ, отправился къ Стефану Молдавскоу, вѣроятно, съ такими же представленіями. Начались и непріятельскія дѣйствія съ нашей стороны: князь Ѳеодоръ Телепня-Оболенскій вступилъ съ полкомъ въ Литву, разорилъ Мценскъ и Любутскъ; князья Перемышльскіе и Одоевскіе, служащіе Іоанну, плѣнили въ Мосальскѣ многихъ жителей, намѣстниковъ и князей съ ихъ семействами; другой отрядъ завоевалъ Хлепенъ и Рогачевъ.

Между тѣмъ новый государь литовскій Александръ всего болѣе желалъ мира съ Россіею, отъ юныхъ лѣтъ слышавъ непрестанно о величіи и побѣдахъ ея самодержца. Вѣрнѣйшимъ средствомъ снискать Іоаннову пріязнь казалось ему супружество съ одною изъ его дочерей, и намѣстникъ полоцкій Янъ писалъ о томъ къ первому воеводѣ московскому, князю Ивану Юрьевичу, представляя, что Россія и Литва наслаждались счастливымъ миромъ, когда дѣдъ Іоанновъ, Василій Димитріевичъ, совокупился бракомъ съ дочерію Витовта. Скоро явилось въ Москвѣ и торжественное посольство литовское. Панъ Станиславъ Глѣбовичъ, вручивъ вѣрющую грамоту, объявилъ Іоанну о смерти Казимира, о восшествіи Александра на престолъ и требовалъ удовлетворенія за разореніе Мценска и другихъ городовъ. Ему отвѣтствовали, что мы должны были отмстить Литвѣ за грабежи ея подданныхъ; что плѣнники будутъ освобождены, когда Александръ удовольствуетъ всѣхъ обиженныхъ россіянъ и проч. Станиславъ, пируя у воеводы московскаго, князя Ивана Юрьевича, въ веселомъ разговорѣ упомянулъ о сватовствѣ: онъ былъ не трезвъ, и для того не получилъ отвѣта; а на другой день сказалъ, что литовскіе сенаторы желаютъ сего брака, но что ему велѣно тайно развѣдать о мысляхъ великаго князя. Дѣло столь важное требовало осторожности; не входя ни въ какія изъясненія, послу дали чувствовать, что надобно утвердить искренній, вѣчный миръ прежде, нежели

говорить о сватовствѣ; что миръ легко можетъ быть заключенъ, если правительство литовское удержится отъ лишнихъ рѣчей и требованій неосновательныхъ. То же написалъ и князь Иванъ Юрьевичъ къ намѣстнику полоцкому.

Станиславъ уѣхалъ изъ Москвы, и непріятельскія дѣйствія продолжались. Князья Воротынскіе, Симеонъ Ѳедоровичъ съ племянникомъ, Иваномъ Михайловичемъ, вступивъ въ нашу службу, засѣли въ города литовскіе, Серпейскъ и Мещовскъ; воевода смоленскій, панъ Юрій и князь Симеонъ Можайскій выгнали ихъ оттуда; но государь послалъ сильное войско, московское и рязанское, которое взяло приступомъ Серпейскъ и городокъ Опаковъ; а Мещовскъ сдался. Въ числѣ плѣнниковъ находились многіе знатные смоляне и паны двора Александрова. Другое наше войско покорило Вязьму: ея князья, присягнувъ государю, остались въ наслѣдственномъ владѣніи; также и князь Мезецкій, выдавъ Іоанну своихъ двухъ братьевъ, сосланныхъ въ Ярославль за ихъ усердіе къ Литвѣ. Князья Воротынскіе завоевали Мосальскъ.

Въ сіе время открылось въ Москвѣ гнусное злоумышленіе, коего истинный виновникъ уже тлѣлъ во гробѣ, но которое едва не исполнилось и не пресѣкло славнаго теченія Іоанновой жизни. Никогда выгода государственная не можетъ оправдать злодѣянія; нравственность существуетъ не только для частныхъ людей, но и для государей: они должны поступать такъ, чтобы правила ихъ дѣяній могли быть общими законами. Кто же уставитъ, что вѣнценосецъ имѣетъ право тайно убить другого, находя его опаснымъ для своей державы: тотъ разрушитъ связь между гражданскими обществами, уставитъ вѣчную войну, безпорядокъ, ненависть, страхъ, подозрѣніе между ими, совершенно противное ихъ цѣли, которая есть безопасность, спокойствіе, миръ. Не такъ разсуждалъ отецъ Александровъ Казиміръ: онъ подослалъ къ Іоанну князя Ивана Лукомскаго, племени Владимірова, съ тѣмъ, чтобы злодѣйски убить или отравить его. Лукомскій клялся исполнить сіе адское порученіе, привезъ съ собою въ Москву ядъ, составленный въ Варшавѣ, и, будучи милостиво обласканъ государемъ, вступилъ въ нашу службу; но какою-то счастливою нескромностію обнаружилъ свой умыселъ: его взяли подъ стражу; нашли и ядъ, коимъ онъ хотѣлъ умертвить государя, чтобы сдержать данное Казиміру слово. Злодѣйство, столь необыкновенное, требовало и наказанія чрезвычайнаго: Лукомскаго и единомышленника его, латинскаго толмача поляка Матіаса, сожгли въ клѣткѣ на берегу Москвы-рѣки. Князь Ѳеодоръ Бѣльскій также впалъ въ подозрѣніе и былъ сосланъ въ Галичъ: ибо Лукомскій доказывалъ, что сей легкомысленный родственникъ Казиміровъ хотѣлъ тайно уѣхать отъ насъ въ Литву. Открылись и другіе преступники, два

брата Алексѣй и Богданъ Селевины, граждане смоленскіе; будучи плѣнниками въ Москвѣ, они жили на свободѣ, употребляли во зло довѣренность государеву къ ихъ честности, имѣли связь съ Литвою и посылали вѣсти къ Александру литовскому. Богдана засѣкли кнутомъ до смерти; Алексѣю отрубили голову.

Такое происшествіе не могло расположить Іоанна къ миру: онъ непрестанно побуждалъ Менгли-Гирея воевать Литву. Посолъ Александра, князь Глинскій, находился тогда въ Крыму и требовалъ, чтобы ханъ снесъ городъ Очаковъ, построенный имъ на литовской землѣ. Въ угодность великому князю, Менгли-Гирей задержалъ Глинскаго, зимою подступилъ къ Кіеву и выжегъ окрестности Чернигова, но за разлитіемъ Днѣпра возвратился въ Перекопъ. Между тѣмъ воевода черкасскій Богданъ разорилъ Очаковъ, къ великой досадѣ хана, истратившаго 150.000 алтынъ на строеніе онаго. „Мы ничего важнаго не сдѣлаемъ врагамъ своимъ, если не будемъ имѣть крѣпости при устьѣ Днѣпра",—писалъ Менгли-Гирей къ великому князю, увѣдомляя, что Александръ посредствомъ султана турецкаго предлагалъ ему миръ и 13.500 червонцевъ за литовскихъ плѣнниковъ, но что онъ, какъ вѣрный союзникъ Іоанновъ, не хотѣлъ о томъ слышать; что сей новый государь литовскій, слѣдуя политикѣ отца, возбуждаетъ Ахматовыхъ сыновей противъ Тавриды и Россіи; что царь ординскій Шигъ-Ахметъ, женатый на дочери ногайскаго князя Мусы и за то сверженный съ престола, опять царствуетъ вмѣстѣ съ братомъ Сеидъ-Махмутомъ; что войско крымское всегда готово идти на нихъ и на Литву, и проч. Въ самомъ дѣлѣ, Менгли-Гирей не переставалъ тревожить Александровыхъ владѣній набѣгами и грабежомъ.

Новый союзникъ представился Іоанну; владѣтельный князь Мазовецкій Конрадъ, племени древнихъ вѣнценосцевъ польскихъ. Будучи тогда врагомъ сыновей Казимировыхъ, онъ желалъ вступить въ тѣсную связь съ Россіею и прислалъ въ Москву варшавскаго намѣстника Ивана Подосю сватать за него одну изъ дочерей великаго князя. Сей бракъ казался пристойнымъ и выгоднымъ для нашей политики; но государь не хотѣлъ вдругъ изъявить согласія и самъ отправилъ пословъ въ Мазовію для заключенія предварительнаго договора съ ея княземъ: 1) о вспоможеніи, которое онъ дастъ Россіи противъ сыновей Казимировыхъ; 2) о назначеніи вѣна для будущей супруги его: то-есть Іоаннъ требовалъ, чтобы она имѣла въ собственномъ владѣніи нѣкоторые города и волости въ Мазовіи.—Не знаемъ, съ какимъ отвѣтомъ возвратились послы, но сіе сватовство не имѣло дальнѣйшихъ слѣдствій, вѣроятно отъ перемѣны обстоятельствъ.

Если и Казимиръ, государь Литвы и Польши, опасался войны

съ Іоанномъ, то Александръ, властвуя единственно надъ первою и не увѣренный въ усердной помощи брата, могъ ли безъ крайности отважиться на кровопролитіе? Менгли-Гирей опустошалъ, Стефанъ Молдавскій грозилъ, заключивъ тѣсный союзъ между собою посредствомъ Іоанна и слѣдуя его указаніямъ. Но всего опаснѣе былъ самъ великій князь, именемъ отечества и единовѣрія призывая къ себѣ всѣхъ древнихъ россіянъ, которые составляли большую часть Александровыхъ подданныхъ. Уже Москва расширила свои предѣлы до Жиздры и самаго Днѣпра, дѣйствуя не столько мечомъ, сколько примапомъ. Въ городахъ, въ селахъ и въ битвахъ страшились измѣны.—И такъ, Александръ рѣшительно хотѣлъ искренняго, вѣчнаго мира.

Не столь легко изъяснить обстоятельствами миролюбіе Іоанна; все ему благопріятствовало: онъ имѣлъ сильное, опытное войско, друзей въ Литвѣ и счастіе, важное въ дѣлахъ человѣческихъ; видѣлъ ея боязнь и слабость; могъ обѣщать себѣ рѣдкую славу и даже христіанскую заслугу, то-есть возвратить отечеству лучшую его половину, а церкви шесть или семь знаменитыхъ епархій, насиліемъ латинскимъ отторженныхъ отъ ея истиннаго, общаго пастырства. Но мы знаемъ характеръ Іоанновъ, для коего умѣренность была закономъ въ самомъ счастіи; знаемъ умъ его, который не любилъ отважности, кромѣ необходимой. Властвовавъ уже болѣе тридцати лѣтъ въ непрестанной и часто безпокойной дѣятельности, онъ хотѣлъ тишины, согласной съ достоинствомъ великаго монарха и благомъ державы. Вообще люди на шестомъ десятилѣтіи жизни рѣдко предпринимаютъ трудное и менѣе обольщаются успѣхами отдаленными. Покушеніе завоевать всю древнюю южную Россію возбудило бы противъ насъ не только Польшу, но и Венгрію, и Богемію, гдѣ царствовалъ братъ Александровъ Владиславъ; надлежало бы воевать долго и не распускать полковъ, что казалось тогда невозможностію. Союзъ хана крымскаго и Стефана великаго, полезный для усмиренія Литвы, не могъ быть весьма надеженъ въ усиленномъ бореніи съ сими тремя государствами. Менгли-Гирей зависѣлъ отъ султана, готоваго иногда оказывать услуги Венгріи и Польшѣ: хотя не измѣнялъ Іоанну, однакожъ не во всемъ удовлетворялъ ему; напримѣръ, безъ его вѣдома освободилъ Глинскаго, ссылался съ Александромъ и дѣйствовалъ противъ Литвы слабо, недружно. Стефанъ же имѣлъ болѣе ума и мужества, нежели силъ, истощаемыхъ имъ въ войнахъ съ турками.—Замѣтимъ наконецъ, что время уже пріучило сѣверную Россію смотрѣть на литовскую какъ на чуждую землю; въ обычаяхъ и нравахъ сдѣлалась перемѣна и связь единородства ослабѣла. Іоаннъ, отнявъ у Литвы нѣкоторыя области, былъ доволенъ симъ знакомъ превосходства силъ, и лучше хотѣлъ

миромъ утвердить пріобрѣтенное, нежели войною искать новыхъ пріобрѣтеній.

Вслѣдъ за литовскими послами, бывшими въ Москвѣ, великій князь отправилъ дворянина Загряжскаго къ Александру съ объявленіемъ, что отчины князей Воротынскихъ, Бѣлевскихъ, Мезецкихъ и Вяземскихъ, служащихъ государю, будутъ впредь частію Россіи, и что литовское правительство не должно вступаться въ оныя. Въ вѣрющей грамотѣ, данной Загряжскому, Іоаннъ, по своему обыкновенію, назвалъ себя государемъ всей Россіи. Посолъ имѣлъ также письмо отъ юнаго сына Іоаннова Василія къ изгнаннику, князю Василію Михайловичу Верейскому, коему дозволялось возвратиться въ Москву: ибо великая княгиня Софія исходатайствовала ему прощеніе. Въ Вильнѣ отвѣчали Загряжскому, что новые послы Александровы будутъ въ Москву: они, дѣйствительно, пріѣхали въ исходѣ іюня съ требованіемъ, чтобы Іоаннъ не только отдалъ ихъ государю всѣ захваченныя россіянами литовскія области, но и казнилъ виновниковъ сего насилія; сверхъ того изъявили негодованіе, что великій князь употребляетъ въ грамотахъ титулъ новый и высокій, именуясь государемъ всей Россіи и многихъ земель; а въ заключеніе сказали воеводѣ московскому Ивану Юрьевичу, что Александръ, по желанію сенаторовъ литовскихъ, готовъ начать переговоры о вѣчномъ мирѣ. Отвѣтъ Іоанновыхъ бояръ состоялъ въ слѣдующемъ: „Князья Воротынскіе и другіе искони были слугами нашихъ государей. Пользуясь невзгодою Россіи, Литва завладѣла ихъ странами: теперь иныя времена.—Великій князь не пишетъ въ грамотахъ своихъ ничего высокаго, а называется властителемъ земель, данныхъ ему Богомъ“.

Въ генварѣ 1494 году великіе послы литовскіе, воевода Троицкій, Петръ Яновичъ Бѣлой и Станиславъ Гастольдъ, староста жмудскій, прибыли въ Москву для заключенія мира. Они хотѣли возобновить договоръ Казимировъ съ Василіемъ Темнымъ, а наши бояре древнѣйшій Ольгердовъ съ Симеономъ Гордымъ и отцомъ Донского. Первые уступали Іоанну Новгородъ, Псковъ и Тверь въ вѣчное потомственное владѣніе, но требовали всѣхъ иныхъ городовъ, коими завладѣли россіяне въ новѣйшія времена. „Вы уступаете намъ не свое, а наше“, сказали бояре. Спорили долго, хитрили и нѣсколько разъ прерывали сношенія; наконецъ согласились, чтобы Вязьма, Алексинъ, Тѣшиловъ, Рославль, Веневъ, Мстиславль, Торуса, Оболенскъ, Козельскъ, Серенскъ, Новосиль, Одоевъ, Воротынскъ, Перемышль, Бѣлевъ, Мещера, остались за Россіею; а Смоленскъ, Любутскъ, Мценскъ, Брянскъ, Серпейскъ, Лучинъ, Мосальскъ, Дмитровъ, Лужинъ, и нѣкоторыя иныя мѣста по Угру за Литвою. Князьямъ Мезецкимъ или

Мещовскимъ дали волю служить, кому они хотятъ. Александръ обѣщалъ признать великаго князя государемъ всей Россіи съ тѣмъ, чтобы онъ не требовалъ Кіева. Тогда послы литовскіе, вторично представленные Іоанну, начали дѣло сватовства, и государь изъявилъ согласіе выдать дочь свою Елену за Александра, взявъ слово, что онъ не будетъ нудить ее къ перемѣнѣ вѣры. На другой день, февраля 6, въ комнатахъ у великой княгини Софіи они увидѣли невѣсту, которая чрезъ окольничаго спросила у нихъ о здоровьѣ будущаго супруга. Тутъ, въ присутствіи всѣхъ бояръ, совершилось обрученіе. Станиславъ Гастольдъ заступалъ мѣсто жениха, ибо старшему послу, воеводѣ Петру, имѣвшему вторую жену, не дозволили быть дѣйствующимъ въ семъ обрядѣ. Іереи читали молитвы. Обмѣнялись перстнями и крестами, висящими на золотыхъ цѣпяхъ.

Февраля 7 послы именемъ Александра присягнули въ вѣрномъ соблюденіи мира; а великій князь цѣловалъ крестъ въ томъ же. Главныя условія договора, написаннаго на хартіи съ золотою печатію, были слѣдующія: 1) „Жить обоимъ государямъ и дѣтямъ ихъ въ вѣчной любви и помогать другъ другу во всякомъ случаѣ; 2) владѣть каждому своими землями по древнимъ рубежамъ; 3) Александру не принимать къ себѣ князей Вяземскихъ, Новосильскихъ, Одоевскихъ, Воротынскихъ, Перемышльскихъ, Бѣлевскихъ, Мещерскихъ, Говдыревскихъ, ни великихъ князей рязанскихъ, остающихся на сторонѣ государя московскаго, коему и рѣшить ихъ спорныя дѣла съ Литвою; 4) двухъ князей Мезецкихъ, сосланныхъ въ Ярославль, освободить; 5) въ случаѣ обидъ выслать общихъ судей на границу; 6) измѣнниковъ россійскихъ, Михаила Тверского, сыновей князя Можайскаго, Шемякина, Боровскаго, Верейскаго, никуда не отпускать изъ Литвы; буде же уйдутъ, то вновь не принимать ихъ; 7) посламъ и купцамъ ѣздить свободно изъ земли въ землю", и проч.—Сверхъ того послы дали слово, что Александръ обяжется грамотою не безпокоить супруги въ разсужденіи вѣры. Они три раза обѣдали у государя и получили въ даръ богатыя шубы съ серебряными ковшами. Отпуская ихъ, великій князь сказалъ изустно: „Петръ и Станиславъ! милостію Божіею мы утвердили дружбу съ зятемъ и братомъ Александромъ; что обѣщали, то исполнимъ. Послы мои будутъ свидѣтелями его клятвы".

Для сего князья Василій и Семенъ Ряполовскіе, Михайло Ропкинъ и дьякъ Θеодоръ Курицынъ были посланы въ Вильну. Александръ, присягнувъ, размѣнялся мирными договорами; написалъ также грамоту о законѣ будущей супруги, но вмѣстилъ слова: „если же великая княгиня Елена сама захочетъ принять римскую вѣру, то ея воля". Сіе дополненіе едва не остановило брака:

Іоаннъ гнѣвно велѣлъ сказать Александру, что онъ, повидимому, не хочетъ быть его зятемъ. Бумагу переписали и чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ явилось въ нашей столицѣ великое посольство литовское. Воевода виленскій, князь Александръ Юрьевичъ, князь Янъ Заберезинскій, намѣстникъ бряславскій, и множество знатнѣйшихъ дворянъ пріѣхали за невѣстою, блистая великолѣпіемъ въ одеждѣ, въ услугѣ и въ украшеніи коней своихъ. Въ вѣрющей грамотѣ Александръ именовалъ великаго князя отцомъ и тестемъ. Выслушавъ рѣчь посольскую, Іоаннъ сказалъ: „Государь вашъ, братъ и зять мой, восхотѣлъ прочной любви и дружбы съ нами: да будетъ! Отдаемъ за него дочь свою.—Онъ долженъ помнить условіе, скрѣпленное его печатію, чтобы дочь наша не перемѣняла закона ни въ какомъ случаѣ, ни принужденно, ни собственною волею.—Скажите ему отъ насъ, чтобы онъ дозволилъ ей имѣть придворную церковь греческую. Скажите, да любитъ жену, какъ законъ божественный повелѣваетъ, и да веселится сердце родителя счастіемъ супруговъ!—Скажите отъ насъ епископу и панамъ вашей думы государственной, чтобы они утверждали великаго князя Александра въ любви къ его супругѣ и въ дружбѣ съ нами. Всевышній да благословитъ сей союзъ!“.

Генваря 13 Іоаннъ, отслушавъ литургію въ Успенскомъ храмѣ со всѣмъ великокняжескимъ семействомъ и съ боярами, призвалъ литовскихъ вельможъ къ церковнымъ дверямъ, вручилъ имъ невѣсту и проводилъ до саней. Въ Дорогомиловѣ Елена остановилась и жила два дня: братъ ея Василій угостилъ тамъ пановъ роскошнымъ обѣдомъ; мать почевала съ нею, а великій князь два раза пріѣзжалъ обнять любезную ему дочь, съ которою разставался навѣки. Онъ далъ ей слѣдующую записку: „Память великой княжнѣ Еленѣ. Въ божницу латинскую не ходить, а ходить въ греческую церковь; изъ любопытства можешь видѣть первую или монастырь латинскій, но только однажды или два раза. Если свекровь твоя будетъ въ Вильнѣ и прикажетъ тебѣ идти съ собою въ божницу, то проводи ее до дверей и скажи учтиво, что идешь въ свою церковь“. Невѣсту провожали князь Симсонъ Ряполовскій, бояринъ Михайло Яковлевичъ Русалка и Прокофій Зиновьевичъ съ женами, дворецкій Дмитрій Пѣшковъ, дьякъ и казначей Василій Кулешинъ, нѣсколько окольничьихъ, стольниковъ, конюшихъ и болѣе сорока знатныхъ дѣтей боярскихъ. Въ тайномъ наказѣ, данномъ Ряполовскому, велѣно было требовать, чтобы Елена вѣнчалась въ греческой церкви, въ русской одеждѣ и при совершеніи брачнаго обряда на вопросъ епископа о любви ея къ Александру отвѣтствовала: любъ ми, и не оставити ми его до живота никоея ради болѣзни, кромѣ закона; держать мнѣ греческій, а ему не нудить меня къ римскому.

Іоаннъ не забылъ ничего въ своихъ предписаніяхъ, назначая даже, какъ Еленѣ одѣваться въ пути, гдѣ и въ какихъ церквахъ пѣть молебны, кого видѣть, съ кѣмъ обѣдать, и проч.

Ея путешествіе отъ предѣловъ Россіи и до Вильны было веселымъ торжествомъ для народа литовскаго, который видѣлъ въ ней залогъ долговременнаго, счастливаго мира. Въ Смоленскѣ, Витебскѣ, Полоцкѣ, вельможи и духовенство встрѣчали ее съ дарами и съ любовію, радуясь, что кровь св. Владиміра соединяется съ Гедиминовою; что церковь православная, сирая, безгласная въ Литвѣ, найдетъ ревностную покровительницу на тронѣ, что симъ брачнымъ союзомъ возобновляется древняя связь между единоплеменными народами. Александръ выслалъ знатнѣйшихъ чиновниковъ привѣтствовать Елену на пути и самъ встрѣтилъ ее за три версты отъ Вильны, окруженный Дворомъ и всѣми думными панами. Невѣста и женихъ, ступивъ на разостланное алое сукно и золотую камку, подали руку другъ другу, сказали нѣсколько ласковыхъ словъ, и вмѣстѣ въѣхали въ столицу, онъ на конѣ, она—въ саняхъ, богато украшенныхъ. Невѣста въ греческой церкви св. Богоматери отслушала молебенъ; боярыни московскія расплели ей косу, надѣли на голову кику съ покрываломъ, осыпали ее хмѣлемъ и повели къ жениду въ церковь св. Станислава, гдѣ вѣнчалъ ихъ, на бархатѣ и на соболялъ, латинскій епископъ и нашъ священникъ Ѳома. Тутъ былъ и виленскій архимандритъ Макарій, намѣстникъ кіевскаго митрополита; но не смѣлъ читать молитвъ. Княгиня Ряполовская держала надъ Еленою вѣнецъ, а дьякъ Кулешинъ скляницу съ виномъ. — По совершеніи обрядовъ, Александръ торжественно принялъ бояръ Іоанновыхъ; начались веселые пиры; открылись и взаимныя неудовольствія.

Давно замѣчено историками, что рѣдко брачные союзы между государями способствуютъ благу государствъ; каждый вѣнценосецъ желаетъ употребить свойство себѣ въ пользу; вмѣсто уступчивости, рождаются новыя требованія, и тѣмъ чувствительнѣе бываютъ отказы. Кажется, что Іоаннъ и Александръ въ семъ случаѣ не хотѣли обмануть другъ друга, но сами обманулись: по крайней мѣрѣ первый дѣйствовалъ откровеннѣе, великодушнѣе, какъ должно сильнѣйшему; не уступалъ, однакожъ и не мыслилъ коварствовать, съ прискорбіемъ видя, что надежда обѣихъ державъ не исполнилась, и что свойство не принесло ему мира надежнаго.

Еще во время сватовства Александръ съ досадою писалъ въ Москву о новыхъ обидахъ, дѣлаемыхъ россіянами Литвѣ; Іоаннъ обѣщалъ управу; но самъ былъ недоволенъ тѣмъ, что Александръ именовалъ его въ грамотахъ только великимъ княземъ, а не го-

сударемъ всей Россіи. Весною пріѣхалъ изъ Литвы маршалокъ Станиславъ съ брачными дарами; вручивъ ихъ государю и семейству его, онъ жаловался ему на молдавскаго воеводу Стефана, разорившаго городъ Брясдавль, и на пословъ московскихъ, князя Ряполовскаго и Михайла Русалку, которые, ѣдучи изъ Вильны въ Москву, будто бы грабили жителей; требовалъ еще, чтобы всѣ россійскіе чиновники, служащіе Еленѣ, были отозваны назадъ: „ибо она имѣетъ довольно своихъ подданныхъ для услуги“. Іоаннъ обѣщалъ примирить Стефана съ зятемъ; но досадовалъ, что Александръ не позволилъ ни православному епископу, ни архимандриту Макарію вѣнчать Елены, не соглашается построить ей домовую церковь греческаго закона, удалилъ отъ нея почти всѣхъ россіянъ и весьма худо содержитъ остальныхъ. Жалоба на московскихъ пословъ была клеветою: напротивъ того, они дорогою терпѣли во всемъ недостатокъ.—Отпустивъ Станислава, великій князь послалъ гонца въ Вильну навѣдаться о здоровьѣ Елены и далъ ему два письма: одно съ обыкновенными привѣтствіями, а другое съ тайными наставленіями, желая, чтобы она не имѣла при себѣ чиновниковъ, ни слугъ латинской вѣры и никакъ не отпускала нашихъ бояръ, изъ коихъ главнымъ былъ тогда князь Василій Ромодановскій, присланный въ Вильну съ женою. Для переписки съ родителемъ Елена употребляла московскаго подьячаго и должна была скрывать оную отъ супруга: положеніе весьма опасное и непріятное! Юная великая княгиня, одаренная здравымъ смысломъ и нѣжнымъ сердцемъ, вела себя съ удивительнымъ благоразуміемъ и, сохраняя долгъ покорной дочери, не измѣняла мужу, ни государственнымъ выгодамъ ея новаго отечества; никогда не жаловалась родителю на свои домашнія неудовольствія и старалась утвердить его въ союзѣ съ Александромъ. Въ сіе время разнесся слухъ въ Вильнѣ, что ханъ Менгли-Гирей идетъ на Литву: Елена вмѣстѣ съ супругомъ писала къ Іоанну, чтобы онъ, исполняя договоръ, защитилъ ихъ; о томъ же писала и къ матери въ выраженіяхъ убѣдительныхъ и ласковыхъ.

Великій князь находился въ обстоятельствахъ затруднительныхъ: безъ вѣдома и безъ участія Менгли Гиреева вступивъ въ тѣсный союзъ съ Александромъ, ихъ бывшимъ непріятелемъ, онъ извѣстилъ хана таврическаго о семъ важномъ происшествіи, увѣряя его въ неизмѣнной дружбѣ своей и предлагая ему также помириться съ Литвою. Отвѣтъ Менгли-Гиреевъ, сильный искренностію и прямодушіемъ, содержалъ въ себѣ упреки, отчасти справедливые. „Съ удивленіемъ читаю твою грамоту“,—писалъ ханъ къ государю:—„ты вѣдаешь, измѣнялъ ли я тебѣ въ дружбѣ, предпочиталъ ли ей мои особенныя выгоды, усердно ли помогалъ

тебѣ на враговъ твоихъ! Другъ и братъ великое дѣло; не скоро добудешь его: такъ я мыслилъ, и жегъ Литву, громилъ улусы Ахматовыхъ сыновей, не слушалъ ихъ предложеній, ни Казимировыхъ, ни Александровыхъ; что жъ моя награда? Ты сталъ другомъ нашихъ злодѣевъ, а меня оставилъ имъ въ жертву!.. Сказалъ ли намъ хотя единое слово о своемъ намѣреніи? Не разсудилъ и подумать съ твоимъ братомъ!“ Однакожъ Менгли-Гирей все еще держался великаго князя и даже снова клялся умереть его вѣрнымъ союзникомъ; не отвергалъ и мира съ Литвою, требуя единственно, чтобы Александръ удовлетворилъ ему за понесенные имъ въ войнѣ убытки.

Итакъ, Іоаннъ могъ бы легко примирить зятя съ ханомъ; но прежде надлежало удостовѣриться въ искренней дружбѣ перваго: отвѣтствуя ему, что договоръ съ нашей стороны будетъ исполненъ и что войско россійское готово защитить Литву, если Менгли-Гирей не согласится на миръ, Іоаннъ послалъ въ Вильну боярина Кутузова съ требованіемъ, чтобы Александръ непремѣнно позволилъ супругѣ своей имѣть домовую церковь: не принуждалъ ее носить польскую одежду, не давалъ ей слугъ римскаго исповѣданія, писалъ въ грамотахъ весь титулъ государя согласно съ условіемъ; не запрещалъ вывозить серебра изъ Литвы въ Россію, и чтобы, наконецъ, отпустилъ въ Москву жену князя Бѣльскаго. Въ угодность зятю, великій князь отозвалъ изъ Вильны бояръ московскихъ, коихъ Александръ считалъ опасными доносителями и ссорщиками: остались при Еленѣ только священникъ Ѳома съ двумя крестовыми дьяками и нѣсколько русскихъ поваровъ. Несмотря на то, зять не хотѣлъ исполнить ни одного изъ требованій Іоанновыхъ, отвѣтствуя на первое, что уставъ предковъ его запрещаетъ строить вновь церкви нашего исповѣданія, и что Елена можетъ ходить въ приходскую, которая недалеко отъ дворца. „Какое мнѣ дѣло до вашихъ уставовъ?—возразилъ государь:—у тебя супруга православной вѣры, и ты обѣщалъ ей свободу въ богослуженіи“. Но Александръ упрямился, не отпустилъ даже и княгини Бѣльской, говоря, что она сама не ѣдетъ въ Россію.

Къ симъ досадамъ онъ присовокупилъ новую. Султанъ турецкій Баязетъ, получивъ грамоту великаго князя и строго запретивъ утѣснять купцовъ нашихъ, торгующихъ въ Кафѣ и Азовѣ, немедленно отправилъ въ Москву посла съ дружественными увѣреніями: Александръ велѣлъ ему и бывшимъ съ нимъ константинопольскимъ гостямъ возвратиться изъ Кіева въ Турцію, приказавъ къ Іоанну, что никогда султанскіе послы не ѣзжали въ Россію чрезъ Литву и что они могутъ быть лазутчиками.

Однакожъ великій князь еще изъявлялъ доброхотство зятю и далъ ему знать, что Стефанъ Молдавскій и Менгли-Гирей согла-

шаются жить въ мирѣ съ Литвою. Сего недовольно: услышавъ, что Александръ, по совѣту думныхъ пановъ, готовъ отдать въ удѣлъ меньшему брату Сигизмунду Кіевскую область, Іоаннъ писалъ къ Еленѣ, чтобы она всячески старалась отвратить мужа отъ намѣренія столь вреднаго. Повторимъ собственныя слова его: „Я слыхалъ о неустройствахъ, какія были въ Литвѣ отъ удѣльнаго правленія. И ты слыхала о нашихъ собственныхъ бѣдствіяхъ, произведенныхъ разновластіемъ въ княженіе отца моего; помнишь, что и самъ я терпѣлъ отъ братьевъ. Чему быть доброму, когда Сигизмундъ сдѣлается у васъ особеннымъ государемъ? Совѣтую, ибо люблю тебя, милую дочь свою; не хочу вашего зла. Если будешь говорить мужу, то говори единственно отъ себя". Въ семъ случаѣ Іоаннъ явилъ образъ мыслей, достойный монарха сильнаго и великодушнаго: имѣлъ досаду на зятя, но какъ искренній другъ предостерегалъ его отъ гибельной погрѣшности, несмотря на то, что Россія могла бы воспользоваться ею.

Сіе великодушіе, повидимому, не тронуло Александра: онъ съ грубостію отвѣтствовалъ, что не видитъ расположенія къ миру въ нашихъ союзникахъ: Менгли-Гиреѣ и Стефанѣ, непрестанно враждующихъ Литвѣ; что тесть указываетъ ему въ его дѣлахъ и не даетъ никакой управы. Огорченный великій князь, жалуясь Еленѣ на мужа ея, спрашивалъ, для чего онъ не хочетъ жить съ нимъ въ любви и братствѣ? „Для того, — писалъ Александръ къ тестю, — что ты завладѣлъ многими городами и волостями, издавна литовскими; что пересылаешься съ нашими недругами, султаномъ турецкимъ, господаремъ молдавскимъ и ханомъ крымскимъ, а доселѣ не помирилъ меня съ ними, вопреки нашему условію имѣть однихъ друзей и непріятелей; что россіяне, не взирая на миръ, всегда обижаютъ литовцевъ. Если дѣйствительно желаешь братства между нами, то возврати мое и съ убытками, запрети обиды и докажи тѣмъ свою искренность: союзники твои, увидѣвъ оную, престанутъ мнѣ злодѣйствовать". Елена въ сей грамотѣ приписала только поклонъ родителю.

Всѣ неудовольствія Александровы происходили, кажется, оттого, что онъ жалѣлъ о городахъ, уступленныхъ имъ Россіи, и съ прискорбіемъ оставлялъ Елену греческою христіанкою. Іоаннъ не отнялъ ничего новаго у Литвы послѣ заключеннаго договора: видя же упрямство, несправедливость и грубости зятя, бралъ свои мѣры. Бояринъ князь Звенецъ поѣхалъ къ Менгли-Гирею: извиняясь, что за худою зимнею дорогою не увѣдомилъ его во-время о сватовствѣ Александровомъ, Іоаннъ убѣждалъ хана забыть прошедшее. „Не требую, — говорилъ онъ, — но соглашаюсь, чтобы ты жилъ въ мирѣ съ Литвою; а если зять мой будетъ опять тебѣ или мнѣ врагомъ, то мы возстанемъ на него общими силами".

Вѣроятно, что Іоаннъ такимъ же образомъ писалъ и къ Стефану Молдавскому: по крайней мѣрѣ сіи два союзника Россіи не спѣшили мириться съ Александромъ, и великій князь, въ случаѣ войны, могъ надѣяться на ихъ усердную помощь.

ГЛАВА VI.

Продолженіе государствованія Іоаннова.

Заложенъ Ивангородъ.—Гнѣвъ великаго князя на ливонскихъ нѣмцевъ и заключеніе всѣхъ купцовъ ганзейскихъ въ Россіи.—Союзъ съ Даніею. — Война съ шведами.—Іоаннъ въ Новѣгородѣ. — Походъ на Гамскую землю или Финляндію.—Дѣла казанскія.—Первое наше посольство въ Константинополь.—Рязанская княгиня въ Москвѣ и выдаетъ дочь за Бѣльскаго. — Гнѣвъ Іоанновъ на супругу и сына Василія. — Великій князь торжественно вѣнчаетъ на царство внука своего юнаго, Димитрія Іоанновича; мирится съ супругою, казнитъ бояръ и называетъ Василія великимъ княземъ Новагорода и Пскова. — Посолъ изъ Шамахи.—Посольство въ Венецію и въ Константинополь.—Завоеваніе земли Югорской или сѣверо-западной Сибири.—Посланъ воевода въ Казань.—Разрывъ съ Литвою.—Князья Черниговскій и Рыльскій поддаются Іоанну.—Завоеваніе Мценска, Серпейска, Брянска, Путивля, Дорогобужа. — Князья Трубчевскіе добровольно покоряются. —Мѣстничество нашихъ воеводъ.—Битва на берегахъ Ведроши.—Ханъ крымскій опустошаетъ Литву и Польшу.—Союзъ Александра съ Ливонскимъ Орденомъ.—Переговоры о мирѣ.—Александръ избранъ въ польскіе короли.—Новая побѣда надъ Литвою близъ Мстиславля.—Война съ Орденомъ.—Сраженіе близъ Изборска.—Болѣзнь въ ливонской рати.—Россіяне опустошаютъ Ливонію.—Царь большой Орды Шихъ-Ахметъ помогаетъ Литвѣ.—Ханъ крымскій совершенно истребляетъ сіи остатки Бытыева царства.—Александръ вѣроломно заключаетъ Шихъ-Ахмета. — Досада хана крымскаго на великаго князя. — Іоаннъ, заключивъ невѣстку и внука, объявляетъ Василія наслѣдникомъ.—Разрывъ съ Стефаномъ Молдавскимъ.—Смерть Стефанова.—Осада Смоленска. — Битва съ магистромъ ливонскимъ близъ Пскова. — Папа старается о мирѣ.—Перемиріе съ Литвою и съ Орденомъ.—Хитрость великаго князя.—Александръ безразсудно досаждаетъ ему.

Г. 1495—1503.

Имѣя Литву главнымъ предметомъ своей политики, государь съ тою же дѣятельностью занимался и другими внѣшними дѣлами, важными для чести и безопасности Россіи. Онъ велѣлъ, въ 1492 году, заложить каменную крѣпость противъ Нарвы, на Дѣвичьей горѣ, съ высокими башнями, и назвалъ ее, по своему имени, Ивангородъ, къ великому безпокойству ливонскихъ нѣмцевъ, которые однакожъ не могли ему въ томъ воспрепятствовать, и въ 1493 году продолжили миръ съ Россіею на десять лѣтъ. Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ—такъ пишетъ нѣмецкій историкъ — „всена-

родно сожгли въ Ревелѣ одного россіянина, уличеннаго въ гнусномъ преступленіи, и легкомысленные изъ тамошнихъ граждавъ сказали его единоземцамъ: мы сожгли бы и вашего князя, если бы онъ сдѣлалъ у насъ то же. Сіи безразсудныя слова, пересказанныя государю московскому, возбудили въ немъ столь великій гнѣвъ, что онъ изломалъ трость свою, бросилъ на землю и, взглянувъ на небо, грозно произнесъ: „Богъ суди мое дѣло и казни дерзость“. А нашъ лѣтописецъ говоритъ, что ревельцы обижали купцовъ новогородскихъ, грабили ихъ на морѣ, безъ обсылки съ Іоанномъ и безъ изслѣдованія варили его подданныхъ въ котлахъ, дѣлая несносныя грубости посламъ московскимъ, которые ѣздили въ Италію и въ нѣмецкую землю. Раздраженный государь требовалъ, чтобы ливонское правительство выдало ему магистратъ ревельскій и, получивъ отказъ, велѣлъ схватить ганзейскихъ купцовъ въ Новѣгородѣ: ихъ было тамъ 49 человѣкъ, изъ Любека, Гамбурга, Грейсфальда, Люнебурга, Мюнстера, Дордтмунда, Билефельда, Унны, Дуизбурга, Эймбека, Дудерштата, Ревеля и Дерпта. Запечатали нѣмецкіе гостиные дворы, лавки и божницу; отняли и послали въ Москву всѣ товары, цѣною на милліонъ гульденовъ; заключили несчастныхъ въ тяжкія оковы и въ душныя темницы. Вѣсть о семъ бѣдственномъ случаѣ произвела тревогу во всей Германіи. Давно не бывало подобнаго: Новгородъ въ самыхъ пылкихъ ссорахъ съ Ливонскимъ Орденомъ щадилъ купцовъ ганзейскихъ, имѣя нужду во многихъ вещахъ, ими доставляемыхъ Россіи, ибо они привозили къ намъ не только фламандскія сукна и другія нѣмецкія рукодѣлія, но и соль, медъ, пшеницу. Ганза находилась тогда на высшей степени ея силы и богатства. Новогородская контора сего достопамятнаго купеческаго союза издавна считалась матерію другихъ: ударъ столь жестокій произвелъ всеобщее замѣшательство въ дѣлахъ онаго. Послы великаго магистра, семидесяти городовъ нѣмецкихъ и зятя Іоаннова Александра пріѣхали въ Москву ходатайствовать за Ганзу и требовать освобожденія купцовъ, предлагая съ обѣихъ сторонъ выслать судей на островъ рѣки Наровы для разбора всѣхъ неудовольствій. Миновало болѣе года: заключенные томились въ темницахъ. Наконецъ, государь умилостивился и велѣлъ отпустить ихъ: нѣкоторые умерли въ оковахъ, другіе потонули въ морѣ на пути изъ Ревеля въ Любекъ; немногіе возвратились въ отечество и всѣ лишились имѣнія: ибо имъ не отдали товаровъ. Симъ пресѣклась торговля ганзейская въ Новѣгородѣ, бывъ для него источникомъ богатства и самаго гражданскаго просвѣщенія въ то время, когда Россія, омраченная густыми тѣнями варварства могольскаго, симъ однимъ путемъ сообщалась съ Европою. Іоаннъ, безъ сомнѣнія, сдѣлалъ ошибку, послѣдовавъ движенію гнѣва; хотѣлъ исправить

оную и не могъ; нѣмецкіе купцы уже страшились ввѣрять судьбу свою такой землѣ, гдѣ единое мановеніе грознаго самовластителя лишало ихъ вольности, имѣнія и жизни, не отличая виновныхъ отъ невинныхъ. Любекъ, Гамбургъ и другіе союзные города, пострадавъ за Ревель, имѣли причину жаловаться на жестокость Іоанна, который думалъ только явить гнѣвъ и милость въ надеждѣ, что нѣмцы, смиренные наказаніемъ, съ благодарностію возвратятся на свое древнее торжище: чего однакожъ не случилось. Люди охотнѣе подвергаются морскимъ волнамъ и бурямъ, нежели беззаконному насилію правительствъ. Дворы, божница, лавки нѣмецкія опустѣли въ Новѣгородѣ; торговля перешла оттуда въ Ригу, Деритъ и Ревель, а послѣ въ Нарву, гдѣ россіяне мѣнялись своими произведеніями съ чужестранными купцами.

Такъ великій князь въ порывѣ досады разрушилъ благое дѣло вѣковъ, къ обоюдному вреду Ганзы и Россіи, въ противность собственному его всегдашнему старанію быть въ связи съ образованною Европою. Нѣкоторые историки умствуютъ, что Іоаннъ видѣлъ въ ганзейскихъ купцахъ проповѣдниковъ народной вольности, питающихъ духъ мятежа въ Новѣгородѣ, и для того гналъ ихъ; но сія мысль не имѣетъ никакого историческаго основанія и не согласна ни съ духомъ времени, ни съ характеромъ Ганзы, которая думала единственно о своихъ торговыхъ выгодахъ, не вмѣшиваясь въ политическія отношенія гражданъ къ правительству и, несмотря на покореніе Новагорода, еще нѣсколько лѣтъ купечествовала тамъ свободно. Другіе пишутъ, что великій князь сдѣлалъ то въ угожденіе королю датскому, ея непріятелю; что они условились вмѣстѣ воевать Швецію; что король уступалъ Іоанну знатную часть Финляндіи, требуя уничтоженія ганзейской конторы въ Новѣгородѣ. Сіи два монарха, дѣйствительно, заключили между собою тѣсный союзъ. Наши послы возвратились изъ Копенгагена съ новымъ посломъ датскимъ и скоро воеводы россійскіе князь Щеня, бояринъ Яковъ Захарьевичъ, князь Василій Ѳедоровичъ Шуйскій осадили Выборгъ. Приготовленія и силы наши были велики. Желая изъявить особенное усердіе, псковитяне съ каждыхъ десяти сохъ поставили вооруженнаго всадника и на шумномъ вѣчѣ обезчестили многихъ іереевъ, которые доказывали Номоканономъ, что жители церковныхъ селъ не должны участвовать въ земскихъ ополченіяхъ. Но россіяне около трехъ мѣсяцевъ стояли подъ Выборгомъ и не могли взять его. Увѣряютъ, что тамошній начальникъ, храбрый витязь Кнутъ Поссе, видя ихъ уже на стѣнѣ крѣпости, зажегъ башню, гдѣ лежалъ порохъ: она съ ужаснымъ трескомъ взлетѣла на воздухъ, а съ нею и множество россіянъ; другіе, оглушенные обломками, пали на землю, остальные бѣжали, гонимые страхомъ и мечомъ оса-

жденныхъ. Сей случай, едва ли не баснословный, долго жилъ въ памяти финновъ подъ именемъ Выборгскаго треска и прославилъ мнимое волшебное искусство Кнута Поссе. Воеводы наши удовольствовались только опустошенiемъ селъ на пространствѣ тридцати или сорока миль.

Желая распорядить на мѣстѣ военныя дѣйствiя, Iоаннъ самъ ѣздилъ въ Новгородъ со внукомъ Димитрiемъ и сыномъ Юрiемъ, оставивъ старшаго сына Василiя въ Москвѣ. Уже сей городъ не имѣлъ ни прежняго многолюдства, ни величавыхъ бояръ, ни купцовъ именитыхъ; но архiепископъ Геннадiй и намѣстники старались пышною встрѣчею удовлетворить вкусу Iоаннову ко всему торжественному: святитель, духовенство, чиновники и народъ ждали государя на московской дорогѣ; радостныя восклицанiя провождали его до Софiйской церкви: онъ обѣдалъ у Геннадiя со дворомъ своимъ, который состоялъ изъ осьми бояръ московскихъ, четырехъ тверскихъ, трехъ окольничихъ, великаго дворецкаго, постельничаго, спальничаго, трехъ дьяковъ, пятидесяти князей и многихъ дѣтей боярскихъ.

Воеводы: князь Василiй Косой, Андрей Өедоровичъ Челядинъ, Александръ Владимiровичъ Ростовскiй и Дмитрiй Васильевичъ Шеинъ, посланные на Гамскую землю, Ямь или Финляндiю, разбили 7.000 шведовъ. Самъ государственный правитель Стенъ Стуръ находился въ Або, имѣя сорокъ тысячъ воиновъ, и хотѣлъ встрѣтить россiянъ въ полѣ; но далъ имъ время уйти назадъ съ добычею и плѣнниками. Iоаннъ возвратился въ Москву, приказавъ двумъ братьямъ, князьямъ Ивану и Петру Ушатымъ, собрать войско въ области Устюжской, Двинской, Онѣжской, Вагской и весною идти на Каянiю или Десять рѣкъ. Сей походъ имѣлъ важнѣйшее слѣдствiе: князья Ушатые не только разорили всю землю отъ Корелiи до Лапландiи, но и присоединили къ россiйскимъ владѣнiямъ берега Лименги, коихъ жители отправили посольство къ великому князю въ Москву и дали клятву быть его вѣрноподданными. За то шведскiй чиновникъ Свантъ Стуръ, съ двумя тысячами воиновъ и съ огнестрѣльнымъ снарядомъ приплывъ на семидесяти легкихъ судахъ изъ Стокгольма въ рѣку Нарову, взялъ Ивангородъ. Тамошнiй начальникъ князь Юрiй Бабичъ первый ушелъ изъ крѣпости; а воеводы князья Иванъ Брюхо и Гундоровъ стояли недалеко оттуда съ полкомъ многочисленнымъ, видѣли приступъ шведовъ и не дали никакой помощи гражданамъ. Зная, что ему нельзя удержать сего мѣста, Свантъ уступалъ оное ливонскому рыцарству; но магистръ отказался отъ прiобрѣтенiя столь опаснаго. Шведы разорили часть крѣпости и спѣшили удалиться съ тремя стами плѣнниковъ.

Война кончилась тѣмъ, что король датскiй, другъ Iоанновъ,

сдѣлался государемъ Швеціи, согласно съ желаніемъ ея сената и духовенства. Онъ старался всячески соблюсти пріязнь великаго князя и, можетъ быть, отдалъ ему нѣкоторыя мѣста въ Финляндіи. Два раза (въ 1500 и въ 1501 году) послы его были въ Москвѣ, а наши въ Даніи, вѣроятно для утвержденія безспорныхъ границъ между обѣими державами. Финляндія, наконецъ, отдохнула, претерпѣвъ ужасныя бѣдствія отъ нашихъ частыхъ впаденій, такъ что шведскій государственный совѣтъ, обвиняя бывшаго правителя Стена во многихъ жестокостяхъ, сказалъ въ манифестѣ: „онъ злодѣйствовалъ въ Швеціи, какъ россіяне въ Финляндіи!“ Главною причиною сей войны было, кажется, упрямство Стена, который никакъ не хотѣлъ относиться къ новгородскимъ намѣстникамъ, требуя, чтобы самъ великій князь договаривался съ нимъ о мирѣ: Іоаннъ досадовалъ на такую гордость и желалъ смирить оную.

Доселѣ царь казанскій вѣрно исполнялъ обязанность нашего присяжника; но, угождая Іоанну, тѣснилъ подданныхъ и былъ ненавидимъ вельможами, которые тайно предлагали владѣтелю шибанскому Мамуку избавить ихъ отъ тирана. Магметъ-Аминь, узнавъ о томъ, требовалъ защиты въ Москвѣ, и государь прислалъ къ нему воеводу князя Ряполовскаго съ сильною ратію. Измѣнники бѣжали: Мамукъ удалился отъ предѣловъ казанскихъ; все было тихо и спокойно. Магметъ-Аминь отпустилъ Ряполовскаго, но чрезъ мѣсяцъ самъ явился въ Москвѣ, съ вѣстію, что Мамукъ, внезапно изгнавъ его, царствуетъ въ Казани. Сей новый царь умѣлъ только грабить: жадный къ богатству, отнималъ у купцовъ товары, у вельможъ сокровища и посадилъ въ темницу главныхъ своихъ доброжелателей, которые предали ему Казань, измѣнивъ Магметъ-Аминю. Онъ хотѣлъ завоевать городокъ Арскій: не взялъ его и не могъ уже возвратиться въ Казань, гдѣ граждане стояли на стѣнахъ съ оружіемъ, велѣвъ сказать ему, что имъ не надобенъ царь-разбойникъ. Мамукъ ушелъ во-свояси; а вельможи казанскіе отправили посольство къ Іоанну, смиренно извиняясь передъ нимъ, но виня и Магметъ-Аминя въ несносныхъ для народа утѣсненіяхъ. „Хотимъ имѣть иного царя отъ руки твоей,—говорили они:—дай намъ второго Ибрагимова сына Абдылъ-Летифа“. Іоаннъ согласился и послалъ сего меньшого пасынка Менгли-Гиреева въ Казань, гдѣ князья Симеонъ Даниловичъ Холмскій и Ѳедоръ Палецкій возвели его на царство, заставивъ народъ присягнуть въ вѣрности россійскому монарху. Чтобы удовольствовать и Магметъ-Аминя, великій князь далъ ему въ помѣстье Каширу, Серпуховъ и Хотунь, къ бѣдствію жителей, коимъ онъ сдѣлался ненавистенъ своимъ алчнымъ корыстолюбіемъ и злобнымъ нравомъ.

Сіе происшествіе могло обезпокоить Нурсалтанъ, жену Менгли-Гирееву: Іоаннъ далъ ей знать о томъ въ самыхъ ласковыхъ выраженіяхъ, увѣряя, что Казань всегда будетъ собственностію ея рода. Благодаря великаго князя, она увѣдомляла его о своемъ возвращеніи изъ Мекки и намѣреніи ѣхать въ Россію для свиданія съ сыновьями. Менгли-Гирей прислалъ Іоанну въ даръ яхонтовый перстень Магомета II и старался утвердить султана Баязета въ благосклонномъ къ намъ расположеніи. Хотя посолъ турецкій и не доѣхалъ до Москвы, однакожъ Іоаннъ рѣшился тогда отправить своего въ Константинополь, чтобы изъявить признательность султану за его доброе намѣреніе, и поручилъ сіе дѣло Михайлу Андреевичу Плещееву. Ханъ крымскій далъ ему письма и вожатыхъ. Цѣлію посольства было доставить нашимъ купцамъ безопасность и свободу въ торговлѣ съ областями султанскими: по крайней мѣрѣ въ бумагахъ онаго не упоминается ни о чемъ иномъ; сказано только, чтобы Плещеевъ въ изъявленіяхъ Іоаннова дружества къ Баязету и къ юному сыну его Магмету-Шихзодѣ, кафинскому султану, строго наблюдалъ достоинство великаго князя; чтобы правилъ имъ поклонъ стоя, не на колѣняхъ, и никому изъ другихъ пословъ не уступалъ мѣста; чтобы говорилъ рѣчь единственно султану, а не пашамъ и проч. Плещеевъ, исполняя въ точности наказъ государевъ, своею гордостію удивилъ дворъ Баязетовъ. Обласканный пашами въ Константинополѣ и слыша, что его на другой день представятъ султану, онъ не хотѣлъ ѣхать къ нимъ на обѣдъ, не взялъ ихъ даровъ, которые состояли въ драгоцѣнной одеждѣ, ни десяти тысячъ оттоманскихъ денегъ, назначенныхъ ему на содержаніе, и сказалъ присланному отъ нихъ чиновнику: „Мнѣ съ пашами нѣтъ рѣчи; ихъ платья не надѣну; денегъ не хочу; буду говорить только съ султаномъ". Однакожъ Баязетъ отпустилъ Плещеева съ ласковою отвѣтною грамотою и сдѣлалъ все, чего требовалъ Іоаннъ въ разсужденіи нашихъ купцовъ. „Государь россійскій,—писалъ онъ къ Менгли-Гирею,—съ коимъ искренно желаю быть въ любви, прислалъ ко мнѣ какого-то невѣжду: для сего не посылаю съ нимъ моихъ людей въ Россію, опасаясь, чтобы ихъ тамъ не оскорбили. Уважаемый отъ Востока до Запада, не хочу подвергнуть себя такому стыду. Пусть сынъ мой, правитель Кафы, сносится съ Іоанномъ". Но, соблюдая учтивость, Баязетъ не жаловался самому великому князю на его посла и писалъ къ нему слѣдующее. „Ты отъ чистаго сердца прислалъ добраго мужа къ моему порогу: онъ видѣлъ меня и вручилъ мнѣ твою грамоту, которую я приложилъ къ своему сердцу, видя, что желаешь быть намъ другомъ. Послы и гости твои да ѣздятъ часто въ мою землю: они увидятъ и скажутъ тебѣ нашу правду, равно какъ и сей, ѣдущій назадъ въ

свое отечество. Дай Богъ, чтобы онъ благополучно возвратился съ нашимъ великимъ поклономъ къ тебѣ и ко всѣмъ друзьямъ твоимъ: ибо кого ты любишь, того и мы любимъ". Столь мирно и дружелюбно началось государственное сношеніе съ Оттоманскою державою! Ни та, ни другая не могла предвидѣть, что судьба готовитъ ихъ къ ужасному взаимному противоборству, коему надлежало рѣшить паденіе магометанскихъ царствъ въ мірѣ и первенство христіанскаго оружія!

Плещеевъ возвратился въ Москву тогда, какъ дворъ, вельможи и народъ были ужаснымъ образомъ волнуемы происшествіями, горестными для Іоаннова сердца. Мы видѣли, что съ XV вѣка установилось новое право наслѣдственное въ Россіи, по коему уже не братья, а сыновья были преемниками великокняжескаго достоинства; но кончина старшаго Іоаннова сына произвела вопросъ: кому быть наслѣдникомъ государства; внуку ли Димитрію или Василію Іоанновичу? Великій князь колебался; бояре думали разно, одни доброхотствуя Еленѣ и юному сыну ея, другіе Софіи и Василію; первыхъ было гораздо болѣе, отчасти по любви, которую всѣ имѣли къ великодушному отцу Димитріеву, отчасти и потому, что мать его окружали только россіяне; Софію же многіе греки, непріятные нашимъ вельможамъ. Друзья Еленины утверждали, что Димитрій естественнымъ образомъ наслѣдовалъ право на великое княженіе; а Софіины доброжелатели отвѣтствовали, что внукъ не можетъ быть предпочтенъ сыну—и какому? происшедшему отъ крови императоровъ греческихъ. Софія и Елена, обѣ хитрыя, честолюбивыя, ненавидѣли другъ друга, но соблюдали наружную пристойность. Великая княгиня рязанская Анна гостила тогда въ Москвѣ у брата, равно ласкаемая его супругою и невѣсткою: онъ могъ еще наслаждаться семейственными удовольствіями; продержалъ сестру нѣсколько мѣсяцевъ, склонилъ ее выдать дочь за князя Ѳедора Ивановича Бѣльскаго и съ любовію отпустилъ въ Рязань, гдѣ надлежало быть свадьбѣ.

Скоро по отъѣздѣ Анны донесли государю о важномъ заговорѣ. Дьякъ Ѳедоръ Стромиловъ увѣрилъ юнаго Василія, что родитель его хочетъ объявить внука наслѣдникомъ: сей дьякъ и нѣкоторые безразсудные молодые люди предлагали Василію погубить Димитрія, уйти въ Вологду и захватить тамъ казну государеву. Они втайнѣ умножали число своихъ единомышленниковъ и клятвою обязались усердно служить сыну противъ отца и государя. Іоаннъ, узнавъ о семъ, воспылалъ гнѣвомъ. Обвиняемыхъ взяли въ допросъ, пытали и, вынудивъ отъ нихъ признаніе, казнили на Москвѣ-рѣкѣ: дьякамъ Стромилову и Гусеву, князю Ивану Палецкому и Скрябину отсѣкли голову: Аѳанасію Яропкину и Поярку руки, ноги и голову; многихъ иныхъ дѣтей бояр-

скихъ посадили въ темницу и къ самому Василію приставили во дворцѣ стражу. Гнѣвъ Іоанновъ палъ и на Софію: ему сказали, что къ ней ходятъ мнимыя колдуньи съ зеліемъ: ихъ схватили, обыскали, и ночью утопили въ Москвѣ-рѣкѣ. Съ того времени государь не хотѣлъ видѣть супруги, подозрѣвая, кажется, что она мыслила отравить ядомъ невѣстку Елену и Димитрія. Въ семъ случаѣ намѣстникъ московскій, князь Иванъ Юрьевичъ и воевода Симеонъ Ряполовскій дѣйствовали явно какъ ревностные друзья Іоаннова внука и недоброжелатели Софіины.

Елена торжествовала: великій князь немедленно назвалъ ея сына своимъ преемникомъ и возложилъ на него вѣнецъ Мономаховъ. Искони духовные россійскіе пастыри благословляли государей при восшествіи ихъ на престолъ, и сей обрядъ совершался въ церкви; но древніе лѣтописцы не сказываютъ ничего болѣе: здѣсь въ первый разъ видимъ царское вѣнчаніе, описанное со всѣми любопытными обстоятельствами. Въ назначенный день государь, провождаемый всѣмъ Дворомъ, боярами и чиновниками, ввелъ юнаго, пятнадцатилѣтняго Димитрія въ соборную церковь Успенія, гдѣ митрополитъ съ пятью епископами, многими архимандритами, игуменами, пѣлъ молебенъ Богоматери и Чудотворцу Петру. Среди церкви возвышался амвонъ съ тремя сѣдалищами: для государя, Димитрія и митрополита. Близъ сего мѣста лежали на столѣ вѣнецъ и бармы Мономаховы. Послѣ молебна Іоаннъ и митрополитъ сѣли: Димитрій стоялъ предъ ними на вышней степени амвона. Іоаннъ сказалъ: „Отче митрополитъ! издревле государи, предки наши, давали великое княжество первымъ сынамъ своимъ: я также благословилъ онымъ моего перворднаго, Іоанна. Но по волѣ Божіей его не стало, благословляю нынѣ внука Димитрія, его сына, при себѣ и послѣ сего великимъ княжествомъ Владимірскимъ, Московскимъ, Новогородскимъ: и ты, отче, дай ему благословеніе“. Митрополитъ велѣлъ юному князю ступить на амвонъ, всталъ, благословилъ Димитрія крестомъ и, положивъ руку на главу его, громко молился, да Господь, Царь Царей, отъ святого жилища Своего благоволитъ воззрѣть съ любовію на Димитрія; да сподобитъ его помазатися елеемъ радости, пріять силу свыше, вѣнецъ и скипетръ царствія; да возсядетъ юноша на престолъ правды, оградится всеоружіемъ Святаго духа, и твердою мышцею покоритъ народы варварскіе; да живетъ въ сердцѣ его добродѣтель, вѣра чистая и правосудіе. Тутъ два архимандрита подали бармы: митрополитъ, ознаменовавъ Димитрія крестомъ, вручилъ ихъ Іоанну, который возложилъ оныя на внука. Митрополитъ тихо произнесъ слѣдующее: „Господи Вседержителю и Царю вѣковъ! се земный человѣкъ, Тобою Царемъ сотворенный, преклоняетъ главу въ молеоіи къ Тебѣ, Владыкѣ

міра. Храни его подъ кровомъ Своимъ: правда и миръ сіяютъ во дни его; да живемъ съ нимъ тихо и покойно въ чистотѣ душевной!"... Архимандриты подали вѣнецъ: Іоаннъ взялъ его изъ рукъ первосвятителя и возложилъ на внука. Митрополитъ сказалъ: „во имя Отца и Сына и Святаго Духа!"

Читали ектенію и молитву Богоматери. Великій князь и митрополитъ сѣли на своихъ мѣстахъ. Архидіаконъ съ амвона возгласилъ многолѣтіе обоимъ государямъ: за нимъ ликъ священниковъ и діаконовъ. Митрополитъ всталъ и вмѣстѣ съ епископами поздравилъ дѣда и внука: также сыновья государевы, бояре и всѣ знатные сановники. Въ заключеніе Іоаннъ сказалъ юному князю: „Внукъ Димитрій! я пожаловалъ и благословилъ тебя великимъ княжествомъ; а ты имѣй страхъ Божій въ сердцѣ, люби правду, милость, и пекись о всемъ христіанствѣ".—Великіе князья сошли съ амвона. Послѣ обѣдни Іоаннъ возвратился въ свой дворецъ, а Димитрій, въ вѣнцѣ и въ бармахъ, провождаемый всѣми дѣтьми государевыми (кромѣ Василія) и боярами, ходилъ въ соборъ Архангела Михаила и Благовѣщенія, гдѣ сынъ Іоановъ Юрій осыпалъ его въ дверяхъ золотыми и серебряными деньгами.—Въ тотъ же день былъ великолѣпный пиръ у государя для всѣхъ духовныхъ и свѣтскихъ сановниковъ. Лаская юнаго Димитрія, онъ подарилъ ему крестъ съ золотою цѣпью, поясъ, осыпанный драгоцѣнными каменьями, и сердоликовую крабію Августа Цесаря.

Не смотря на сіи знаки любви ко внуку, грозное чело Іоанново изъявляло мучительное смятеніе его души, такъ что самые усердные доброжелатели Елены—самые тѣ, которые своими доносами и внушеніями возбудили гнѣвъ государевъ на Софію и Василія—не смѣли радоваться, опасаясь перемѣны. Страхъ ихъ былъ весьма основателенъ. Іоаннъ любилъ супругу, по крайней мѣрѣ чтилъ въ ней отрасль знаменитаго императорскаго дома, двадцать лѣтъ благоденствовалъ съ нею, пользовался ея совѣтами и могъ, по суевѣрію, свойственному и великимъ людямъ, приписывать счастію Софіи успѣхи своихъ важнѣйшихъ предпріятій. Она имѣла тонкую греческую хитрость и друзей при Дворѣ. Василій, коего рожденіе, прославленное чудомъ, было столь вожделенно для отца, не могъ лишиться всѣхъ правъ на любовь его. Вина сего юнаго князя—если и не сомнительная—находила извиненіе въ незрѣлости ума и въ легкомысліи молодыхъ лѣтъ. Но миновалъ годъ: Россія уже привыкла къ мысли, что Димитрій, любезный, непорочный сынъ отца, памятнаго благороднымъ мужествомъ, и внукъ двухъ великихъ государей, будетъ ей монархомъ. Открылось, что дѣдъ украсилъ вѣнцомъ сего юношу какъ жертву, обреченную на погибель.

Къ сожалѣнію, лѣтописцы не объясняютъ всѣхъ обстоятельствъ

сего любопытнаго происшествія, сказывая только, что Іоаннъ возвратилъ, наконецъ, свою нѣжность супругѣ и сыну велѣлъ снова изслѣдовать бывшіе на нихъ доносы, узналъ козни друзей Елениныхъ и, считая себя обманутымъ, явилъ ужасный примѣръ строгости надъ знатнѣйшими вельможами княземъ Иваномъ Юрьевичемъ Патрикѣевымъ, двумя его сыновьями и зятемъ княземъ Симеономъ Ряполовскимъ, обличенными въ крамолѣ: осудилъ ихъ на смертную казнь, не взирая на то, что Иванъ Юрьевичъ, праправнукъ славнаго Ольгерда, былъ родной племянникъ Темнаго, сынъ дочери великаго князя Василія Димитріевича, Маріи и тридцать шесть лѣтъ вѣрно служилъ государю какъ первый бояринъ въ дѣлахъ войны и мира: отецъ же Ряполовскаго, одинъ изъ потомковъ Всеволода Великаго, спасалъ Іоанна въ юности отъ злобы Шемякиной. Государь, повидимому, увѣрился, что они, усердствуя Еленѣ, оклеветали предъ нимъ и Софію, и Василія; не знаемъ точной истины; но Іоаннъ во всякомъ случаѣ былъ обманутъ кознями той или другой стороны: жалостная участь монарховъ, коихъ легковѣріе стоитъ чести или жизни невиннымъ! Князю Ряполовскому отсѣкли голову на Москвѣ-рѣкѣ, но митрополитъ Симонъ, архіепископъ ростовскій и другіе святители ревностнымъ ходатайствомъ спасли Патрикѣевыхъ отъ казни: Иванъ Юрьевичъ и старшій его сынъ бояринъ Василій Косой постриглись въ монахи: первый въ обители св. Сергія, а второй—св. Кирилла Бѣлозерскаго: меньшій сынъ Юрьевича, Иванъ Мынинда, остался подъ стражею въ домѣ. Сія первая знаменитая боярская опала изумила вельможъ, доказавъ, что гнѣвъ самодержца не щадитъ ни сана, ни заслугъ долговременныхъ.

Черезъ шесть недѣль Іоаннъ назвалъ Василія государемъ, великимъ княземъ Новагорода и Пскова; изъявлялъ холодность къ невѣсткѣ и ко внуку; однакожъ долго медлилъ и совѣстился отнять старѣйшинство у послѣдняго, данное ему предъ лицомъ всей Россіи и съ обрядами священными. Еще Димитрій именовался великимъ княземъ Владимірскимъ и Московскимъ; но дворъ благоговѣлъ предъ Софіею, удаляясь отъ Елены и сына ея: ибо предвидѣли будущее. Могъ ли Іоаннъ, столь счастливо основавъ единовластіе въ Россіи, предать его по своей кончинѣ въ жертву новому, вѣроятному междоусобію двухъ князей великихъ, сына и внука? Могла ли и Софія быть спокойною, не свергнувъ Димитрія? Однимъ словомъ, его паденіе казалось уже необходимымъ.—Псковитяне, съ удивленіемъ и неудовольствіемъ свѣдавъ, что Іоаннъ далъ имъ государя особеннаго, послали къ нему знатнѣйшихъ чиновниковъ, жаловались на такую новость и молили, чтобы Димитрій, какъ будущій наслѣдникъ Россійской державы, остался и главою земли ихъ. Великій князь съ гнѣвомъ отвѣт-

ствовалъ: „Развѣ я не воленъ въ своемъ сынѣ и внукѣ? Кому хочу, тому и дамъ Россію. Служите Василію". Пословъ заключили въ башню, но скоро освободили.

Сіе время безъ сомнѣнія было самымъ печальнѣйшимъ Іоанновой жизни: однакожъ монархъ являлъ и тогда непрестанную дѣятельность въ отношеніяхъ государственныхъ. Въ Шамахѣ господствовалъ султанъ Махмутъ, внукъ Ширванъ-шаха, данника Тамерланова и сыновей его. Слабость и бѣдствія ихъ преемниковъ, смерть завоевателя персидскаго Узунъ-Гассана и малодушіе его наслѣдниковъ возвратили независимость сей странѣ Каспійской. Махмутъ, величаясь достоинствомъ монарха, желалъ имѣть любовь и дружбу съ государями знаменитыми, каковъ былъ Іоаннъ. Онъ прислалъ въ Москву вельможу своего Шебеддина съ учтивыми и ласковыми словами, на которыя отвѣтствовали ему такими же; но государь не счелъ за нужное отправить собственнаго посла въ Шамаху, свѣдавъ, можетъ быть, о завоеваніяхъ Измаила Софи, мнимаго потомка Аліева, который около сего времени назвался шахомъ, овладѣлъ Ираномъ, Багдадомъ, южными окрестностями моря Каспійскаго и сдѣлался основателемъ сильной державы персидскихъ Софіевъ, во дни отцовъ нашихъ уничтоженной Тахмасомъ-Кулы-ханомъ.

Тогда же Іоаннъ посылалъ въ Венецію грека Дмитрія, Ралева сына, съ Митрофаномъ Карачаровымъ и къ султану Баязету Алексѣя Голохвастова, съ коимъ отправились многіе наши купцы въ Азовъ рѣкою Дономъ (они грузились на Мечѣ у Каменнаго Коня). Голохвастовъ, имѣя учтивыя письмы къ Баязету и къ сыну его Магмету Шихзодѣ, долженъ былъ исходатайствовать разныя выгоды московскимъ торговымъ людямъ въ Баязетовыхъ владѣніяхъ и сказать пашамъ султанскимъ слѣдующія слова: „Великій князь не вѣдаетъ, чѣмъ вы обвиняете бывшаго у васъ россійскаго посла Михаила Плещеева; но знайте, что многіе государи шлютъ пословъ къ нашему, чтущему и жалующему ихъ ради своего имени: султанъ можетъ въ томъ удостовѣритвся опытомъ". Голохвастовъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ возвратился съ отвѣтными грамотами отъ Баязета и Шихзоды; послѣдній присылалъ изъ Кафы въ Москву и собственнаго чиновника, который обѣдалъ у великаго князя. Но дѣло шло, какъ и прежде, единственно о безопасной и свободной торговлѣ.

Въ сей годъ Іоаннъ утвердилъ власть свою надъ сѣверо-западною Сибирью, которая издревле платила дань Новугороду. Еще въ 1465 году—по извѣстію одного лѣтописца—устюжанинъ, именемъ Василій Скряба, съ толпою вольницы ходилъ за Уральскія горы воевать Югру и привелъ въ Москву двухъ тамошнихъ князей Калпака и Течика; взявъ съ нихъ присягу въ вѣрности,

Іоаннъ отпустилъ сихъ князей въ отечество, обложилъ Югру данью и милостиво наградилъ Скрябу. Сіе завоеваніе оказалось недѣйствительнымъ или мнимымъ; подчинивъ себѣ Новгородъ, Іоаннъ (въ маѣ 1483 году) долженъ былъ отрядить воеводъ князя Θедора Курбскаго Чернаго и Салтыка-Травина съ полками устюжскими и пермскими, на вогуличей и юргу. Близъ устья рѣки Пелыни разбивъ князя Вогульскаго Юмшана, воеводы московскіе шли внизъ по рѣкѣ Тавдѣ, мимо Тюменя до Сибири, оттуда же берегомъ Иртыша до Великой Оби въ землю Югорскую, плѣнили ея князя Молдана и съ богатою добычею возвратились чрезъ пять мѣсяцевъ въ Устюгъ. Владѣтели югорскіе или кодскіе требовали мира, коего посредникомъ былъ епископъ пермскій Филоθей; присягнули въ вѣрности къ Россіи и пили воду съ золота предъ нашими чиновниками, близъ устья Выми; а Юмшанъ Вогульскій съ епископомъ Филоθеемъ самъ пріѣзжалъ въ Москву и, милостиво обласканный великимъ княземъ, началъ платить ему дань, бывъ дотолѣ, равно какъ и отецъ его Асыка, ужасомъ Пермской области. Но конечное покореніе сихъ отдаленныхъ земель совершилось уже въ 1499 году: князья Симеонъ Курбскій, Петръ Ушатовъ и Заболоцкій-Бражникъ, предводительствуя пятью тысячами устюжанъ, двинянъ, вятчанъ, плыли разными рѣками до Печоры, заложили на ея берегу крѣпость и 21 ноября отправились на лыжахъ къ Каменному Поясу. Сражаясь съ усиліемъ вѣтровъ и засыпаемые снѣгомъ, странствующіе полки великокняжескіе съ неописаннымъ трудомъ всходили на сіи во многихъ мѣстахъ неприступныя горы, гдѣ въ лѣтніе мѣсяцы не является глазамъ ничего кромѣ ужасныхъ пустынь, голыхъ утесовъ, стремнинъ, печальныхъ кедровъ и хищныхъ бѣлыхъ кречетовъ, но гдѣ подъ мшистыми гранитами скрываются богатыя жилы металловъ и цвѣтные камни драгоцѣнные. Тамъ встрѣтили россіяне толпу мирныхъ самоѣдовъ, убили 50 человѣкъ и взяли въ добычу 200 оленей; наконецъ, спустились въ равнины и достигнувъ городка Ляпина (нынѣ Рогульскаго мѣстечка въ Березовскомъ уѣздѣ), исчислили, что они прошли уже 4,650 верстъ. За Ляпинымъ съѣхались къ нимъ владѣтели югорскіе, земли Обдорской, предлагая миръ и вѣчное подданство государю московскому. Каждый изъ сихъ князьковъ сидѣлъ на длинныхъ саняхъ, запряженныхъ оленями. Воеводы Іоанновы ѣхали также на оленяхъ, а воины на собакахъ, держа въ рукахъ огнь и мечъ для истребленія бѣдныхъ жителей. Курбскій и Петръ Ушатовъ взяли 32 города, Заболоцкій 8 городовъ (то-есть мѣстъ укрѣпленныхъ острогомъ), болѣе тысячи плѣнниковъ и пятьдесятъ князей; обязали всѣхъ жителей (вогуличей, югорцевъ или, какъ вѣроятно, остяковъ и самоѣдовъ) клятвою вѣрности и благополучно возвратились въ Москву къ

Пасхѣ. Сподвижники ихъ разсказывали любопытнымъ о трудахъ, ими перенесенныхъ: о высотѣ Уральскихъ горъ, коихъ хребты скрываются въ облакахъ и которыя, по мнѣнію географовъ, назывались въ древности Рифейскими или Гиперборейскими; о звѣряхъ и птицахъ, неизвѣстныхъ въ нашемъ климатѣ; о видѣ и странныхъ обыкновеніяхъ жителей сибирскихъ; сіи разсказы, повторяемые съ прибавленіемъ, служили источникомъ баснословія о чудовищахъ и нѣмыхъ людяхъ, будто бы обитающихъ на сѣверо-востокѣ: о другихъ, которые по смерти снова оживаютъ и проч.—Съ того времени государи наши всегда именовались князьями Югорскими; а въ Европѣ разнесся слухъ, что мы завоевали древнее отечество угровъ или венгерцевъ: сами россіяне хвалились тѣмъ, основываясь на сходствѣ именъ и на преданіи, что единоплеменникъ Аттилинъ, славный маджарскій воевода Альмъ, вышелъ изъ глубины Азіи сѣверной или Скиѳіи, гдѣ много соболей и драгоцѣнныхъ металловъ; Югорія же, какъ извѣстно, доставляла издревле серебро и соболей Новугороду. Даже и новѣйшіе ученые хотѣли доказывать истину сего мнѣнія сходствомъ между языкомъ вогуличей и маджарскимъ или венгерскимъ.

Іоаннъ посылалъ еще войско въ Казань съ княземъ Ѳедоромъ Бѣльскимъ, узнавъ, что Шибанскій царевичъ Агалакъ, братъ Мамуковъ, ополчился на Абдылъ-Летифа; Агалакъ ушелъ назадъ въ свои улусы и Бѣльскій возвратился; а для защиты царя остались тамъ воеводы князь Михайло Курбскій и Лобанъ Ряполовскій, которые чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ отразили ногайскихъ мурзъ Ямгурчея и Мусу, хотѣвшихъ изгнать Абдылъ-Летифа.

Но дѣла литовскія всего болѣе заботили тогда Іоанна: взаимныя неудовольствія тестя и зятя произвели, наконецъ, разрывъ явный и войну, которая осталась навѣки памятною въ лѣтописяхъ обѣихъ державъ, имѣвъ столь важныя для оныхъ слѣдствія.

Александръ могъ двумя способами исполнить обязанность монарха благоразумнаго: или, стараясь искреннею пріязнію заслужить Іоаннову для цѣлости и безопасности державы своей, или, въ тишинѣ изготовляя средства, съ успѣхомъ противоборствовать великому князю, умножая свои ратныя силы, отвлекая отъ него союзниковъ, пріобрѣтая ихъ для себя: вмѣсто чего онъ досаждалъ тестю по упрямству, по зависти, по слѣпому усердію къ латинской вѣрѣ; приближалъ войну и не готовился къ оной; не умѣлъ расторгнуть опасной для него связи Іоанновой съ Менгли-Гиреемъ, ни съ Стефаномъ Молдавскимъ, искавъ только безполезной дружбы бывшаго шведскаго правителя Стена и слабыхъ царей ординскихъ; однимъ словомъ, не умѣлъ быть ни пріятелемъ, ни врагомъ сильной Москвы. Великій князь еще нѣсколько вре-

мени показывалъ миролюбіе: освобождая купцовъ ганзейскихъ, говорилъ, что дѣлаетъ то изъ уваженія къ ходатайству зятя; не отвергалъ его посредничества въ дѣлахъ съ Швеціею; объяснилъ несправедливость частыхъ литовскихъ жалобъ на обиды россіянъ. Въ 1497 году войско султанское перешло Дунай, угрожая Литвѣ и Польшѣ: Іоаннъ велѣлъ сказать зятю, что россіяне въ силу мирнаго довогора, готовы помогать ему, когда турки, дѣйствительно, вступятъ въ Литву. Но сіе обѣщаніе не было искреннимъ: султанъ успѣлъ бы взять Вильну прежде, нежели россіяне тронулись бы съ мѣста. Къ счастію Александра, турки удалились. Досадуя на Стефана за разореніе Бряславля, онъ хотѣлъ воевать Молдавію: великій князь просилъ его не тревожить союзника Москвы. „Я всегда надѣялся,—отвѣтствовалъ Александръ,— что зять тебѣ дороже свата: вижу иное“. Въ 1499 году пріѣхалъ въ Москву литовскій посолъ маршалокъ Станиславъ Глѣбовичъ и, представленный Іоанну, говорилъ такъ именемъ своего князя: „Въ угодность тебѣ, нашему брату, я заключилъ, наконецъ, союзъ любви и дружбы съ воеводою молдавскимъ Стефаномъ. Нынѣ слышимъ, что Баязетъ султанъ ополчается на него всѣми силами, дабы овладѣть Молдавіею: братья мои, короли венгерскіе, богемскіе, польскіе, хотятъ вмѣстѣ со мною защитить оную. Будь и ты нашимъ сподвижникомъ противъ общаго злодѣя, уже владѣющаго многими великими государствами христіанскими. Держава Стефанова есть ограда для всѣхъ нашихъ: когда султанъ покоритъ ее, будетъ равно опасно и намъ и тебѣ... Ты желаешь, чтобы я въ своихъ грамотахъ именовалъ тебя государемъ всей Россіи, по мирному договору нашему,—не отрицаюсь, но съ условіемъ, чтобы ты письменно и навѣки утвердилъ за мною городъ Кіевъ... Къ изумленію и прискорбію моему, свѣдалъ я, что ты, вопреки клятвенному обѣту искренняго доброжелательства, умышляешь противъ меня зло въ своихъ тайныхъ сношеніяхъ съ Менгли-Гиреемъ. Братъ и тесть! вспомяни душу и вѣру“. Сей упрекъ имѣлъ видъ справедливости: Іоаннъ (въ 1498 г.) послалъ въ Тавриду князя Ромодановскаго будто бы для того, чтобъ прекратить вражду Менгли-Гирея съ Александромъ, велѣлъ на-единѣ сказать хану: „Мирись, если хочешь; а я всегда буду за-одно съ тобою на литовскаго князя и на Ахматовыхъ сыновей“. Александръ—неизвѣстно, какимъ образомъ, имѣлъ въ своихъ рукахъ выписку изъ тайныхъ бумагъ Ромодановскаго и прислалъ оную въ Москву для улики. Казначей и дьяки великокняжескіе отвѣтствовали послу, что Іоаннъ, будучи сватомъ и другомъ Стефану, не откажется дать ему войска, когда онъ самъ того потребуетъ; что государь никогда не утвердитъ Кіева за Литвою и что сіе предложеніе есть нелѣпость; что Ромодановскій,

дѣйствительно, говорилъ Менгли-Гирею вышеприведенныя слова, но что виною тому самъ Александръ, будучи въ дружбѣ съ непріятелями Россіи, сыновьями Ахматовыми.

Зная трудныя обстоятельства воеводы молдавскаго, Іоаннъ не препятствовалъ ему мириться съ Литвою; но тѣмъ пріятнѣе было великому князю, что Менгли-Гирей изъявлялъ постоянную ненависть къ наслѣдникамъ Казимировымъ, отвергая всѣ Александровы мирныя предложенія, или требуя отъ него Кіева, Канева и другихъ городовъ, завоеванныхъ нѣкогда Батыемъ, то-есть невозможнаго. Онъ убѣждалъ Іоанна немедленно идти на Литву войною, обѣщая ему даже помощь Баязетову; но въ то же время самъ не вѣрилъ султану и писалъ откровенно къ великому князю, что мыслитъ на всякій случай о безопасномъ для себя убѣжищѣ внѣ Тавриды. Вотъ собственныя слова его: „Султаны не прямые люди; говорятъ то,—дѣлаютъ другое. Прежде кафинскіе намѣстники зависѣли отъ моей воли; а нынѣ тамъ сынъ Баязетовъ; теперь еще молодъ и меня слушается: но за будущее нельзя ручаться. У стариковъ есть пословица, что двѣ бараньи головы въ одинъ котелъ не лѣзутъ. Если начнемъ ссориться, то будетъ худо, а гдѣ худо, оттуда бѣгутъ люди. Ты можешь достать себѣ Кіевъ и городокъ Черкаскъ; я съ радостію переселюсь на берегъ Днѣпра; наши люди будутъ твои, а твои—наши. „Когда же ни добромъ, ни лихомъ не возьмемъ Кіева, ни Черкаска, то нельзя ли хотя вымѣнить ихъ на другія мѣста? что утѣшитъ мое сердце и прославитъ имя твое". Іоаннъ отвѣчалъ: „Ревностно молю Бога о возвращеніи намъ древней отчины, Кіева и мысль о ближнемъ сосѣдствѣ съ тобою, моимъ братомъ, весьма для меня пріятна". Онъ ласкалъ Менгли-Гирея во всѣхъ письмахъ какъ друга, желая располагать его силами противъ Литвы, въ случаѣ явнаго съ нею разрыва.

Но Александръ столь мало надѣялся на успѣхъ своего оружія и великій князь столь любилъ умѣренность въ счастіи, столь былъ доволенъ послѣднимъ миромъ съ Литвою, что несмотря на безпрестанныя взаимныя досады, жалобы, упреки, война едва ли могла бы открыться между ими, если бы въ распрю ихъ не замѣшалась вѣра. Іоаннъ долго сносилъ грубости зятя; но терпѣніе его исчезло, когда надлежало защитить православіе отъ латинскихъ фанатиковъ. Какъ ни скромно вела себя Елена, какъ ни таилась въ своихъ домашнихъ прискорбіяхъ, увѣряя родителя, что она любима мужемъ, свободна въ исполненіи обрядовъ греческой вѣры и всѣмъ довольна; однакожъ Іоаннъ не переставалъ безпокоиться, посылалъ ей душеспасительныя книги, твердилъ о законѣ и, свѣдавъ, что духовникъ ея священникъ Ѳома высланъ изъ Вильны, съ удивленіемъ спрашивалъ о винѣ его. „Онъ мнѣ

неугоденъ,—сказала Елена:—буду искать другого". Наконецъ (въ 1499 году) увѣдомили великаго князя, что въ Литвѣ открылось гоненіе на восточную церковь; что смоленскій епископъ Іосифъ взялся обратить всѣхъ единовѣрцевъ нашихъ въ латинство; что Александръ нудитъ къ тому и супругу, желая угодить папѣ и въ лѣтописяхъ римской церкви заслужить имя святого. Можетъ быть онъ хотѣлъ и государственнаго блага, думая, что единовѣріе подданныхъ утверждаетъ основаніе державы: сіе неоспоримо, но предпріятіе опасно; должно знать свойство народа, приготовить умы, избрать время и дѣйствовать болѣе хитростію, нежели явною силою, или вмѣсто желаемаго добра произведешь бѣдствія: для того язычникъ Гедиминъ, католикъ Витовтъ и отецъ Александровъ, впрочемъ суевѣрный, никогда не касались совѣсти людей въ дѣлахъ закона. Встревоженный извѣстіемъ, Іоаннъ немедленно отправилъ въ Вильну боярскаго сына Мамонова узнать подробно всѣ обстоятельства и велѣлъ ему наединѣ сказать Еленѣ, чтобы она, презирая льстивыя слова и даже муки, сохранила чистоту вѣры своей. Такъ и поступила сія юная, добродѣтельная княгиня: ни ласки, ни гнѣвъ мужа, ни хитрыя убѣжденія коварнаго отступника, смоленскаго владыки, не могли поколебать ея твердости въ законѣ: она всегда гнушалась латинскимъ, какъ пишутъ историки польскіе.

Между тѣмъ гоненіе на греческую вѣру въ Литвѣ продолжалось. Кіевскаго митрополита Макарія (въ 1497 году) злодѣйски умертвили перекопскіе татары близъ Мозыря: Александръ обѣщалъ первосвятительство Іосифу смоленскому. Въ угодность ему сей честолюбивый владыка, епископъ виленскій Альбертъ Таборъ и монахи бернардинскіе ѣздили изъ города въ городъ склонять духовенство, князей, бояръ и народъ къ соединенію съ римской церковію: ибо по смерти кіевскаго митрополита Григорія, святители Литовской Россіи, отвергнувъ уставъ Флорентійскаго сбора, не хотѣли зависѣть отъ папы и снова принимали митрополитовъ отъ патріарховъ константинопольскихъ. Іосифъ доказывалъ, что римскій первосвятитель есть дѣйствительно глава христіанства, виленскій епископъ и бернардины вопили: „да будетъ едино стадо и единъ пастырь!" Александръ грозилъ насиліемъ, папа въ краснорѣчивой буллѣ изъявлялъ свою радость, что еретики озаряются свѣтомъ истины, и прислалъ въ Литву мощи святыхъ. Но ревностные въ православіи христіане гнушались латинскимъ соблазномъ, и многіе выѣхали въ Россію. Знатный князь Симеонъ Бѣльскій первый поддался государю Московскому съ своею отчиною: за нимъ князья Мосальскіе и Хотетовскій, бояре мценскіе и серпейскіе; другіе готовились къ тому же, и вся Литва находилась въ волненіи. Принимая къ себѣ литовскихъ князей съ ихъ

помѣстьями, Іоаннъ нарушалъ мирный договоръ; но оправдывался необходимостью быть покровителемъ единовѣрцевъ, у коихъ отнимаютъ миръ совѣсти и душевное спасеніе.

Видя опасность своего положенія, Александръ прислалъ въ Москву намѣстника смоленскаго Станислава, написавъ въ вѣрющей грамотѣ весь государевъ титулъ и требуя, чтобы Іоаннъ взаимно исполнилъ договоръ, удовлетворилъ всѣмъ жалобамъ литовскихъ подданныхъ и выдалъ ему князя Симеона Бѣльскаго вмѣстѣ съ другими бѣглецами, коихъ онъ будто бы никогда не мыслилъ гнать завѣру и которые безстыднымъ образомъ на него клевещутъ. „Поздно братъ и зять мой исполняетъ условія“,— отвѣтствовалъ великій князь: — „именуетъ меня, наконецъ, государемъ всей Россіи; но дочь моя еще не имѣетъ придворной церкви и слышитъ хулы на свою вѣру отъ виленскаго епископа и нашего отступника Іосифа. Что дѣлается въ Литвѣ? строятъ латинскія божницы въ городахъ русскихъ; отнимаютъ женъ отъ мужей, дѣтей у родителей и силою крестятъ въ законъ римскій. То ли называется не гнать за вѣру? и могу ли видѣть равнодушно утѣсняемое православіе? Однимъ славомъ, я ни въ чемъ не преступилъ условій мира, а зять мой не исполняетъ оныхъ“.

Новыя измѣны устрашили Александра. Князь Иванъ Андреевичъ Можайскій и сынъ Шемякинъ Иванъ Димитріевичъ, непримиримые враги государя московскаго, пользовались въ Литвѣ отмѣнною милостію Казимира, такъ что онъ далъ имъ въ наслѣдственное владѣніе цѣлыя области въ южной Россіи: первому Черниговъ, Стародубъ, Гомель, Любечъ; второму Рыльскъ и Новгородъ Сѣверскій, гдѣ, по смерти сихъ двухъ князей, господствовали ихъ дѣти: сынъ Можайскаго Симеонъ и внукъ Шемякинъ Василій, вѣрные присяжники Александра до самаго того времени, какъ онъ вздумалъ обращать князей и народъ въ латинство. Сіе безразсудное дѣло рушило узы любви и вѣрности, соедивявшіе государя съ подданными. Слѣдуя примѣру Бѣльскаго, Симеонъ и Василій Ивановичи, забывъ наслѣдственную вражду, предложили великому князю избавить ихъ и подвластные имъ города отъ литовскаго ига. Тогда Іоаннъ рѣшился дѣйствовать силою противъ зятя: послалъ чиновника, именемъ Телешева, объявить ему, чтобы онъ не вступался въ отчину Симеона Черниговскаго, ни Василія Рыльскаго, которые добровольно присоединяются къ Московской державѣ и будутъ охраняемы ея войскомъ. Телешевъ долженъ былъ вручить Александру и складную грамоту, то есть Іоаннъ, сложивъ съ себя крестное цѣлованіе, объявлялъ войну Литвѣ за принужденіе княгини Елены и всѣхъ нашихъ единовѣрцевъ къ латинству. Грамота оканчивалась словами: „хочу стоять за христіанство, сколько мнѣ Богъ поможетъ“.

Тщетно Александръ желалъ отклонить войну, увѣряя, что онъ всякому даетъ полную свободу въ вѣрѣ, и немедленно отправитъ пословъ въ Москву: государь дозволилъ имъ пріѣхать, но уже бралъ города въ Литвѣ. Войскомъ нашимъ предводительствовалъ бывшій царь казанскій Магметъ-Аминь, но дѣйствовалъ и всѣмъ управлялъ бояринъ Яковъ Захарьевичъ. Мценскъ, Серпейскъ сдалися добровольно. Брянскъ не могъ сопротивляться долго: тамошній епископъ и намѣстникъ Станиславъ Бардашевичъ были отосланы въ Москву. Князь Симеонъ Черниговскій и внукъ Шемякинъ, встрѣтивъ москвитянъ на берегу Кондовы, съ радостію присягнули Іоанну; то же сдѣлали и князья Трубчевскіе (или Трубецкіе), потомки Ольгердовы. Усиленный ихъ дружинами, воевода Яковъ Захарьевичъ овладѣлъ Путивлемъ, плѣнилъ князя Богдана Глинскаго съ его женою и занялъ безъ кровопролитія всю Литовскую Россію отъ нынѣшней Калужской и Тульской губерніи до Кіевской.—Другая московская рать, предводимая бояриномъ Юріемъ Захарьевичемъ (прапрадѣдомъ царя Михаила Ѳеодоровича), вступила въ Смоленскую область и взяла Дорогобужъ.

Необходимость защитить свою державу вооружила, наконецъ, Александра. Обнаживъ мечъ съ трепетомъ и чувствуя себя неспособнымъ къ ратному дѣлу, онъ искалъ полководца между своими вельможами. Незадолго до того времени гетманъ литовскій, Петръ Бѣлый, старецъ, уважаемый Дворомъ и любимый народомъ, будучи на смертномъ одрѣ, сказалъ горестному Александру: „Князь Острожскій Константинъ можетъ замѣнить меня отечеству, будучи украшенъ достоинствами рѣдкими. Таковъ, дѣйствительно, былъ сей мужъ, одинъ изъ потомковъ славнаго Романа Галицкаго, имѣя весьма скромную наружность, малый ростъ, но великую душу. Еще не многіе вѣдали его доблесть, которая оказалась послѣ въ тридцати битвахъ, счастливыхъ для оружія литовскаго; но всѣ отдавали ему справедливость въ добродѣтеляхъ государственныхъ, гражданскихъ и семейственныхъ: „дома благочестивый Нума“ (писалъ о немъ легатъ римскій къ папѣ) „въ сраженіяхъ Ромулъ: къ сожалѣнію, онъ раскольникъ, ослѣпленъ излишнимъ усердіемъ къ греческой вѣрѣ и не хочетъ отступить ни на волосъ отъ ея догматовъ“. Несмотря на то, Александръ возвелъ Константина на степень гетмана литовскаго и—что еще важнѣе—вручилъ ему главное воеводство противъ россіянъ, его братьевъ и единовѣрцевъ: такую довѣренность имѣлъ къ чести и присягѣ! Въ самомъ дѣлѣ, никто не служилъ Литвѣ и Польшѣ усерднѣе Острожскаго, брата россіянъ въ церкви, но страшнаго врага ихъ въ полѣ. Смѣлый, бодрый, славолюбивый, сей вождь одушевилъ слабые полки литовскіе:

знатнѣйшіе паны и рядовые воины шли съ нимъ охотно на битву. Самъ Александръ остался въ Борисовѣ; Константинъ выступилъ изъ Смоленска.

Между тѣмъ Іоаннъ прислалъ въ Дорогобужъ князя Даніила Щеню съ тверскою силою, велѣвъ ему предводительствовать большимъ или главнымъ полкомъ, а Юрію Захарьевичу сторожевымъ или оберегательнымъ, къ досадѣ сего честолюбиваго боярина, не хотѣвшаго зависѣть отъ князя Даніила; но государь далъ знать Юрію, чтобы онъ не смѣлъ противиться волѣ самодержца; что всякое мѣсто хорошо, гдѣ служишь отечеству и монарху; что предводитель сторожевого полку есть товарищъ главнаго воеводы и не долженъ обижаться своимъ саномъ. Здѣсь видимъ древнѣйшій примѣръ такъ называемаго мѣстничества, столь вреднаго впослѣдствіи для россійскихъ воинствъ.

Близъ Дорогобужа, среди обширнаго Митькова поля, на берегахъ рѣки Ведроши стояли Іоанновы полководцы Даніилъ Щеня и Юрій, готовые къ бою. Князь Острожскій зналъ отъ плѣнниковъ о числѣ россіянъ, надѣялся легко управиться съ ними и смѣло шелъ сквозь болотистыя, лѣсистыя ущелья къ нашему стану. Передовой московскій полкъ отступилъ, чтобы заманить литовцевъ на другой берегъ рѣки. Тутъ началась кровопролитная битва. Долго и мужество и силы казались равными: съ обѣихъ сторонъ сражалось тысячъ восемьдесятъ или болѣе; но воеводы Іоанновы имѣли тайную засаду, которая внезапнымъ ударомъ смяла непріятеля. Литовцы искали спасенія въ бѣгствѣ: ихъ легло на мѣстѣ тысячъ восемь; множество утонуло въ рѣкѣ: ибо наша пѣхота зашла имъ въ тылъ и подрубила мостъ. Военачальникъ Константинъ, намѣстникъ смоленскій Станиславъ, маршалки Григорій Остюковичъ и Литаворъ Хребтовичъ, князья Друцкіе, Мосальскіе, паны и чиновники были взяты въ плѣнъ; весь обозъ и снарядъ огнестрѣльный достался въ руки побѣдителю. Съ сею счастливою для насъ вѣстію прискакакъ въ Москву дворянинъ Михайло Плещеевъ. Государь, бояре, народъ изъявили радость необыкновенную. Никогда еще россіяне не одерживали такой побѣды надъ Литвою, ужасною для нихъ почти не менѣе монголовъ въ теченіе ста пятидесяти лѣтъ. Слыхавъ отъ своихъ дѣдовъ, какъ знамена Ольгердовы развѣвались передъ стѣнами кремлевскими, какъ Витовтъ похищалъ цѣлыя княжества Россіи и съ какимъ трудомъ благоразумный сынъ Донского, Василій Димитріевичъ, спасъ ея послѣднее достояніе, ликующіе москвитяне дивились Іоанновой и собственной ихъ славѣ! — Князя Острожскаго, вмѣстѣ съ другими знатными плѣнниками, привезли въ Москву окованнаго цѣпями, по сказанію литовскаго историка; но Іоаннъ чтилъ его и склонялъ его вступить въ нашу службу.

Константинъ долго не соглашался; наконецъ, угрожаемый темницею, присягнулъ въ вѣрности россійскому монарху весьма неискренно; ему дали чинъ воеводы и земли; но онъ, литвинъ душою, не могъ простить своихъ побѣдителей, желалъ мести и совершилъ оную черезъ нѣсколько лѣтъ, какъ увидимъ.

Довольный искусствомъ и мужествомъ нашихъ полководцевъ, Іоаннъ, въ знакъ чрезвычайной милости, послалъ къ нимъ знатнаго чиновника спросать о ихъ здравіи и велѣлъ ему сказать первое слово князю Даніилу Щенѣ, а второе—князю Іосифу Дорогобужскому, который отличился въ семъ дѣлѣ.—Скоро также пришла вѣсть, что соединенные полки новогородскіе, псковскіе и великолуцкіе, разбивъ непріятеля близъ Ловати, взяли Торопецъ. Въ семъ войскѣ были племянники государевы, князья Иванъ и Ѳеодоръ, сыновья брата его Бориса· они начальствовали только именемъ, подобно царю Магметъ-Аминю; новогородскій намѣстникъ, Андрей Ѳедоровичъ Челяднинъ, велъ большой полкъ, имѣлъ знамя великокняжеское, избиралъ честныхъ предводителей и давалъ всѣ повелѣнія.—Государь хотѣлъ увѣнчать свои успѣхи взятіемъ Смоленска; но дождливая осень, недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ и зима, отмѣнно снѣжная, заставили его отложить сіе предпріятіе.

Въ самомъ началѣ войны онъ спѣшилъ извѣстить Менгли-Гирея, что пришло для нихъ время ударить съ обѣихъ сторонъ на Литву. Сообщеніе между Россіей и Крымомъ было весьма невѣрно: азовскіе казаки разбойничали въ степяхъ воронежскихъ, ограбили нашего посла князя Кубенскаго, принужденнаго бросить свои бумаги въ воду, а другого, князя Ѳедора Ромодановскаго, плѣнили. Несмотря на то, Менгли-Гирей, какъ усердный нашъ союзникъ, уже въ августѣ мѣсяцѣ громилъ Литву. Сыновья его, предводительствуя пятнадцатью тысячами конницы, выжгли Хмѣльникъ, Кременецъ, Брестъ, Владиміръ, Луцкъ, Бряславль, нѣсколько городовъ въ Польской Галиціи и вывели оттуда множество плѣнниковъ.—Желая довершить бѣдствіе зятя, великій князь старался воздвигнуть на него и Стефана Молдавского, обязаннаго договорами помогать Россіи въ случаѣ войны съ Литвою.

Въ сихъ несчастныхъ обстоятельствахъ Александръ дѣлалъ, что могъ, для спасенія державы своей: укрѣпилъ Витебскъ, Полоцкъ, Оршу, Смоленскъ; писалъ къ Стефану, что ему будетъ стыдно нарушить мирный договоръ, заключенный между ими, и служить орудіемъ сильному къ утѣсненію слабаго; предлагалъ свою дружбу Менгли-Гирею, убѣждая его слѣдовать примѣру отца, постояннаго союзника Казимирова, и называя государя Московскаго вѣроломнымъ, хищникомъ, лютымъ братоубійцею; въ

то же время отправилъ посла въ Золотую Орду склонять хана, Шигъ-Ахмета, къ нападенію на Тавриду; въ Польшѣ, въ Богеміи, въ Венгріи, въ Германіи нанималъ войско, не жалѣя казны, и заключилъ тѣсный союзъ съ Ливоніею. Хотя силы Ордена никакъ не могли равняться съ нашими: но тогдашній магистръ онаго, Вальтеръ фонъ-Плеттенбургъ, былъ мужъ необыкновенныхъ достоинствъ, благоразумный правитель и военачальникъ искусный: такіе люди умѣютъ съ малыми средствами дѣлать великое и бываютъ опасными непріятелями. Воспитанный въ ненависти къ россіянамъ, иногда безпокойнымъ и всегда не уступчивымъ сосѣдамъ, досадуя на великаго князя за бѣдствіе претерпѣнное нѣмецкими купцами въ Новѣгородѣ и за другія новѣйшія обиды, Плеттенбергъ требовалъ помощи отъ имперскаго сейма въ Ландау, въ Вормсѣ, также отъ богатыхъ городовъ ганзейскихъ и, думая, что война литовская не позволитъ Іоанну дѣйствовать противъ Ордена большими силами, обязался быть вѣрнымъ сподвижникомъ Александровымъ. Написали договоръ въ Венденѣ, утвержденный епископомъ рижскимъ, дерптскимъ, эзельскимъ, курляндскимъ, ревельскимъ и всѣми чиновниками Ливоніи; условились вмѣстѣ ополчиться на Россію, дѣлить между собою завоеванія и въ теченіе десяти лѣтъ одному не мириться безъ другого.

Но князь литовскій въ самомъ дѣлѣ не мыслилъ о завоеваніяхъ; извѣдавъ опытомъ могущество Іоанново, утративъ и войско, и знатную часть своей державы, не хотѣлъ безъ крайности искать новыхъ ратныхъ опасностей и бѣдствій. Въ началѣ 1501 года пріѣхали въ Москву послы отъ королей, его братьевъ, Владислава Венгерскаго и Альбрехта Польскаго, а за ними и чиновникъ Александровъ, Станиславъ Нарбутъ. Именуя великаго князя братомъ и сватомъ, короли желали знать, за что онъ вооружился на зятя; предлагали ему миръ; обѣщали удовлетвореніе; хотѣли, чтобы Іоаннъ освободилъ литовскихъ плѣнниковъ и возвратилъ завоеванныя имъ области. Посолъ Александровъ предлагалъ то же и говорилъ: „Ты открылъ лютую войну и пустилъ огонь въ нашу землю; засѣлъ многія области Александровы и прислалъ грамоту складную поздно; взялъ въ плѣнъ гетмана и пановъ, высланныхъ единственно для обереженія границы. Уйми кровопролитіе. Большіе послы литовскіе готовы ѣхать къ тебѣ для мирныхъ переговоровъ“. Казначей и дьяки великокняжескіе именемъ Іоанна отвѣтствовали, что зять его навлекъ на себя войну неисполненіемъ условій; что государь, обнаживъ мечъ за вѣру, не отвергаетъ мира пристойнаго, но не любитъ даромъ освобождать плѣнныхъ и возвращать завоеванія; что онъ ждетъ большихъ пословъ литовскихъ и согласенъ сдѣлать перемиріе.—

Послы обѣдали во дворцѣ; но, отпуская ихъ, государь не подалъ имъ ни вина, ни руки.

Прошло нѣсколько времени: Александръ молчалъ и нѣмецкіе воины, имъ нанятые, грабя жителей въ собственной его землѣ, имѣли сшибки съ нашими отрядами. Великій князь рѣшился продолжать войну, несмотря на то, что его зять, по смерти Альбрехта, сдѣлался королемъ польскимъ, слѣдственно могъ располагать силами двухъ державъ. Сынъ Іоанновъ Василій, съ намѣстникомъ, княземъ Симеономъ Романовичемъ, долженъ былъ изъ Новагорода итти къ сѣвернымъ предѣламъ Литвы; а другое войско, подъ начальствомъ князей Симеона Черниговскаго или Стародубскаго, Василія Шемякина, Александра Ростовскаго и боярина Воронцова, близъ Мстиславля одержало знаменитую побѣду надъ княземъ Михаиломъ Ижеславскимъ и воеводою Евстафіемъ Дашковичемъ: положивъ на мѣстѣ около семи тысячъ непріятелей, оно взяло множество плѣнниковъ и всѣ знамена; впрочемъ удовольствовалось только разореніемъ Мстиславскихъ окрестностей и возвратилось въ Москву.

Уже магистръ фонъ-Плеттенбергъ дѣйствовалъ какъ ревностный союзникъ Литвы и врагъ Іоанновъ. Купцы наши спокойно жили и торговали въ Дерптѣ: ихъ всѣхъ (числомъ болѣе двухъ сотъ) нечаянно схватили, ограбили, заключили въ темницы. Началась война, славная для мужества рыцарей, еще славнѣйшая для магистра, но безполезная для Ордена, бѣдственная для несчастной Ливоніи. Исполняя договоръ и думая, что король Александръ также исполнитъ его, то-есть всѣми силами съ другой стороны нападетъ на Россію, Плеттенбергъ собралъ 4,000 всадниковъ, нѣсколько тысячъ пѣхоты и вооруженныхъ земледѣльцевъ: вступилъ въ область Псковскую; жегъ, истреблялъ все огнемъ и мечомъ. Воеводы, намѣстникъ князь Василій Шуйскій съ новогородцами, а князь Пенко Ярославскій съ тверитянами и московскою дружиною пришли защитить Псковъ, но долго не хотѣли отважиться на битву; ждали особеннаго указа государева, получили его и сразились съ непріятелемъ, 27 августа, въ девяти верстахъ отъ Изборска. Ливонскій историкъ пишетъ, что Россіянъ было 40,000; сіе превосходство силъ оказалось ничтожнымъ въ сравненіи съ искуснымъ дѣйствіемъ огнестрѣльнаго снаряда нѣмецкаго. Приведенные въ ужасъ пушечнымъ громомъ, омраченные густыми облаками дыма и пыли, псковитяне бѣжали; за ними и дружина московская съ великимъ стыдомъ, хотя и безъ важнаго урона. Въ числѣ убитыхъ находился воевода Иванъ Бороздинъ, застрѣленный изъ пушки.—Бѣглецы кидали свои вещи и самое оружіе; но побѣдители не гнались за сею добычею, взятою жителями изборскими, которые, раздѣливъ ее между собою,

зажгли предмѣстіе, изготовились къ битвѣ и на другой день мужественно отразили нѣмцевъ.

Псковъ трепеталъ; всѣ граждане вооружились; отъ двухъ третьему надлежало итти съ копьемъ и мечомъ противъ гордаго магистра, который безжалостно опустошалъ села на берегу Великой, и 7 сентября сжегъ Островъ, гдѣ погибло 4,000 людей въ пламени, отъ меча или въ глубинѣ рѣки, между тѣмъ какъ наши воеводы стояли неподвижно въ трехъ верстахъ, а литовцы приступали къ Опочкѣ, чтобы, взявъ сію крѣпость, вмѣстѣ съ нѣмцами осадить Псковъ. Къ счастію россіянъ, открылась тогда жестокая болѣзнь въ войскѣ Плеттенберга: отъ худой пищи и недостатка въ соли сдѣлался кровавый поносъ; всякій день умирало множество людей. Не время было думать о геройскихъ подвигахъ. Нѣмцы спѣшили во-свояси: литовцы также удалились. Самъ магистръ занемогъ, съ трудомъ достигнулъ своего замка и распустилъ войско, желая единственно отдохновенія.

Но Іоаннъ желалъ мести и поручилъ оную храброму князю Даніилу Щенѣ побѣдителю Константина Острожскаго. Въ глубокую осень, несмотря на дожди, чрезвычайное разлитіе водъ и худыя дороги, сей московскій воевода вмѣстѣ съ княземъ Пенкомъ опустошилъ всѣ мѣста вокругъ Дерпта, Нейгаузена, Маріенбурга, умертвивъ или взявъ въ плѣнъ около 40,000 человѣкъ. Рыцари долго сидѣли въ крѣпостяхъ; наконецъ, въ темную ночь, близъ Гельмета ударили на станъ россіянъ; стрѣляли изъ пушекъ: сѣклися мечами, во тьмѣ и безпорядкѣ. Воевода нашей передовой дружины, князь Александръ Оболенскій, палъ въ сей кровопролитной битвѣ. Но рыцари не могли одолѣть и бѣжали. Полкъ епископа дерптскаго былъ истребленъ совершенно. „Не осталось ни одного человѣка для вѣсти“,—говоритъ лѣтописецъ псковскій,—„москвитяне и татары не саблями свѣтлыми рубили поганыхъ, а били ихъ какъ вепрей шестоперами“.—Щеня и Пенко доходили почти до Ревеля и зимою возвратились, причинивъ неописанный вредъ Ливоніи. Нѣмцы отплатили намъ разореніемъ предмѣстія Ивангородскаго, умертвивъ тамошняго воеводу Лобана Колычева и множество земледѣльцевъ въ окрестностяхъ Краснаго.

Какъ мужественный Плеттенбергъ отвлекъ знатную часть Іоанновыхъ силъ отъ Литвы, такъ Шигъ-Ахметъ, непримиримый злодѣй Менгли-Гиреевъ, обуздывалъ крымцевъ. Онъ съ двадцатью тысячами своихъ улусниковъ, конныхъ и пѣшихъ, расположился близъ устья Тихой Сосны, подъ Дѣвичьями Горами; на другомъ берегу Дона стоялъ ханъ крымскій съ двадцатью пятью тысячами въ укрѣпленіи, ожидая россіянъ. „Люди твои,—писалъ онъ къ великому князю,—входятъ въ судахъ рѣкою Дономъ; пришли съ ними нѣсколько пушекъ для одной славы; врагъ уйдетъ“.

Какъ ни занятъ былъ Іоаннъ войною литовскою и нѣмецкою, однакожъ немедленно выслалъ помощь союзнику; Магметъ-Аминь велъ нашихъ служилыхъ татаръ, а князь Василій Ноздроватый москвитянъ и рязанцевъ; за ними отправлялись пушки водою. Но Менгли-Гирей не дождался ихъ, отступилъ, извиняясь голодомъ, и ручался Іоанну за скорую гибель Золотой Орды. Съ того времени крымцы, дѣйствительно, не давали ей покоя ни лѣтомъ, ни зимою и зажигали степи, въ коихъ она скиталась. Напрасно Шигъ-Ахметъ звалъ къ себѣ литовцевъ: подходилъ къ Рыльску и не видалъ ихъ знаменъ; видѣлъ только наши и войско Іоанново, готовое къ бою; жаловался, винилъ Александра, говоря ему чрезъ своихъ пословъ: „Для тебя мы ополчились, сносили труды и нужду въ пустыняхъ ужасныхъ: а ты оставляешь насъ безъ помощи въ жертву гладу и Менгли-Гирею". Новый король посылалъ хану дары, обѣщалъ и войско, но обманывалъ или медлилъ, занимаясь тогда празднествами въ Краковѣ. Между тѣмъ князья, уланы бѣжали толпами отъ Шигъ-Ахмета. Оставленный и самою любимою женою, которая ушла въ Тавриду; будучи въ ссорѣ съ братомъ, Сеитъ-Махмутомъ, желавшимъ тогда имѣть пристанище въ Россіи; досадуя на короля польскаго и зная худые успѣхи его оружія, Шигъ-Ахметъ рѣшился искать дружбы Іоанновой и въ концѣ 1501 года прислалъ въ Москву вельможу Хаза, предлагая союзъ великому князю съ условіемъ воевать Литву, ежели онъ ни въ какомъ случаѣ не будетъ вступаться за Менгли-Гирея. Политика не злопамятна: Іоаннъ охотно соглашался быть другомъ Шигъ-Ахмета, чтобы отвратить его отъ Литвы; только не могъ пожертвовать ему важнѣйшимъ союзникомъ Россіи: для того послалъ въ Орду собственнаго чиновника съ ласковыми привѣтствіями, но съ объявленіемъ, что враги Менгли-Гиреевы не будутъ никогда нашими друзьями. Ослѣпленный личною ненавистію, Шигъ-Ахметъ лучше хотѣлъ зависѣть отъ милости своего бывшаго данника, государя московскаго, нежели примириться съ единовѣрнымъ братомъ ханомъ таврическимъ и погубилъ остатки Батыева царства: весною въ 1502 году Менгли-Гирей внезапнымъ нападеніемъ сокрушилъ оные: разсыпалъ, истребилъ или взялъ въ плѣнъ изнуренныя голодомъ толпы, которыя еще скитались съ Шигъ-Ахметомъ; прогналъ его въ отдаленныя степи Ногайскія и торжественно извѣстилъ Іоанна, что древняя Большая Орда уже не существуетъ. „Улусы злодѣя нашего въ рукѣ моей, — говорилъ онъ,—а ты, братъ любезный, слыша столь добрыя вѣсти, ликуй и радуйся!"

Замѣтимъ, что лѣтописцы наши едва упоминаютъ о семъ происшествіи: ибо россіяне уже презирали слабую Орду, еще недав-

не трепетавъ Ахматова могущества. Поздравляя Менгли-Гирея съ отолѣніемъ ихъ общаго врага, Іоаннъ писалъ къ нему, чтобы онъ не забывалъ гораздо важнѣйшаго, то-есть короля польскаго, и, навсегда безопасный отъ злобы Ахматовыхъ сыновей, довершилъ побѣду надъ Литвою. Имѣя единственно сію цѣль, великій князь мыслилъ даже возставить Шигъ-Ахмета: пересылаясь съ нимъ, обѣщалъ ему Астрахань съ условіемъ, чтобы сей изгнанникъ клятвенно обязался быть врагомъ Литвы и доброжелателемъ хана крымскаго. Такимъ образомъ Шигъ-Ахметъ могъ еще остаться царемъ по милости государя, коему болѣе всѣхъ иныхъ надлежало бы ненавидѣть племя Батыево! Но увлеченный судьбою, онъ съ двумя братьями Козякомъ и Халекомъ поѣхалъ въ Царьградъ къ султану Баязету. Ихъ остановили. Султанъ велѣлъ имъ сказать, что для враговъ Менгли-Гиреевыхъ нѣтъ пути въ Турецкую имперію. Гонимые царевичами крымскими, они бѣжали въ Кіевъ и вмѣсто помощи нашли тамъ неволю: Шигъ-Ахмета, братьевъ, слугъ его взяли подъ стражу: ибо государь литовскій, не имѣя нужды въ союзѣ бѣглеца, думалъ, что сей несчастный можетъ быть для него залогомъ мира съ Тавридою. „Враги твои въ моихъ рукахъ, — приказывалъ онъ къ Менгли-Гирею; — отъ меня зависитъ на зло тебѣ освободить Ахматовыхъ сыновей, если не примиришься со мною. Но Іоаннъ убѣждалъ хана не вѣрить ему и писалъ: „Въ противность всѣмъ уставамъ литовцы заключили своего союзника, который долгое время служилъ имъ орудіемъ; такъ нѣкогда поступили и съ Сеидъ-Ахматомъ; такъ и сія новая жертва ихъ вѣроломства погибнетъ въ темницѣ. Будь спокоенъ: они уже не освободятъ твоего злодѣя, ибо должны опасаться его мести“. Предсказаніе великаго князя исполнилось: бывъ еще нѣсколько лѣтъ игралищемъ литовской политики—то съ уваженіемъ честимый во дворцѣ, какъ знаменитый властитель, то осуждаемый на самую тяжкую неволею, какъ преступникъ— Шигъ-Ахметъ изъявлялъ великодушіе въ бѣдствіи и, представленный на сеймъ Радомскій, торжественно обвинялъ короля, сказавъ: „Ты льстивыми обѣщаніями вызвалъ меня изъ дальнихъ странъ Скиѳіи и передалъ Менгли-Гирею. Утративъ мое войско и все царское достояніе, я искалъ убѣжища въ землѣ друга, а другъ встрѣтилъ меня какъ непріятеля и ввергнулъ въ темницу. Но есть Богъ (промолвилъ онъ, воздѣвъ руки на небо); предъ Нимъ будемъ судиться, и вѣроломство твое не останется безъ наказанія“.—Ни краснорѣчіе, ни истина сихъ упрековъ не тронули Александра, коего вельможи отвѣтствовали, что Шигъ-Ахметъ долженъ винить самого себя; что его воины грабили въ окрестностяхъ Кіева; что король совѣтовалъ ему

удалиться къ границахъ россійскимъ, къ Стародубу, и тамъ искать добычи; что онъ упрямился, не хотѣлъ того сдѣлать, держался въ сосѣдствѣ съ опасною для него Тавридою, погубилъ свою рать и думалъ тайно уѣхать къ султану, безъ сомнѣнія съ какимъ-нибудь вреднымъ для Польши и Литвы намѣреніемъ. Однимъ словомъ, сей именемъ послѣдній царь Золотой Орды умеръ невольникомъ въ Ковно, не доставивъ заключеніемъ своимъ ни малѣйшей выгоды Литвѣ. Самая жестокосердая политика: хваляся иногда злодѣйствами счастливыми, признаетъ безполезныя ошибками. Іоаннъ лучше своего зятя умѣлъ соглашать ея законы съ правилами великодушія: въ то время, когда сыновья Ахматовы кляли вѣроломство литовское, племянники сего врага нашего, царевичи астраханскіе Исупъ и Шигавліяръ, хвалились милостію великаго князя, вступивъ къ нему въ службу.

Не слушая никакихъ льстивыхъ предложеній Александровыхъ, Менгли-Гирей едва было не размолвился съ Іоанномъ по другой причинѣ. Свѣдавъ о многихъ несправедливостяхъ царя казанскаго Абдылъ-Летифа, государь велѣлъ князю Василью Ноздроватому взять его, привезти въ Москву и заточилъ на Бѣлоозеро, а въ Казань послалъ господствовать вторично Магметъ-Аминя, отдавъ ему жену бывшаго царя Алегама. Менгли-Гирей оскорбился и просилъ, чтобы Іоаннъ, извинивъ безразсудную молодость Летифа, или отпустилъ его, или наградилъ помѣстьемъ. Ханъ писалъ: „Если не исполнишь сего, то уничтожится нашъ союзъ, весьма для тебя полезный: ибо счастливымъ дѣйствіемъ онаго враги твои исчезли и государство твое распространилось. Старые, умные люди твердятъ, что лучше умереть съ добрымъ именемъ, нежели благоденствовать съ худымъ, а можешь ли сохранить первое, нарушивъ святую клятву братства между нами?.. Посылаю тебѣ перстень изъ рога кагерденева индѣйскаго звѣря, коего тайная сила мѣшаетъ дѣйствію всякаго яда; носи его на рукѣ и помни мою дружбу, а свою докажешь мнѣ, когда сдѣлаешь то, о чемъ молю тебя неотступно“. Но великій князь опасался выпустить Летифа изъ Россіи и, давъ ему пристойное содержаніе, удовольствовалъ Менгли-Гирея, такъ что сей ханъ не преставалъ вмѣстѣ съ нимъ усердно дѣйствовать противъ Литвы. Войско крымское, состоящее изъ 90,000 человѣкъ и предводимое сыновьями ханскими, въ августѣ 1502 года опустошило всѣ мѣста вокругъ Луцка, Турова, Львова, Бряславля, Люблина, Вишневца, Бельза, Кракова.

Тогда же Стефанъ Молдавскій, пользуясь обстоятельствами, завоевалъ на Днѣстрѣ Колымью, Галичъ, Снятинъ, Красное и тѣмъ ослабилъ могущество Польши, хотя уже и не думалъ въ сіе время содѣйствовать нашимъ выгодамъ, ибо имѣлъ важную

причину къ неудовольствію на Іоанна. Около трехъ лѣтъ дочь его, вдовствующая княгиня Елена, среди Двора московскаго находилась съ юнымъ сыномъ Димитріемъ какъ бы въ изгнаніи, оставленная прежними друзьями, угрожаемая немилостію великаго князя и ненавистію Софіи. Можетъ быть, открылись новые недозволенные происки честолюбивой Елены или нескромныя слова, внушенныя ей досадою, оскорбили ея свекра, или клевета представила ему невѣстку въ видѣ опасной заговорщицы—не знаемъ; но Іоаннъ вдругъ разгнѣвался на Елену и на Димитрія, приставилъ къ нимъ стражу, запретилъ внуку именоваться великимъ княземъ и даже поминать ихъ въ церковныхъ молитвахъ; а чрезъ два дня объявилъ сына Василія государемъ, наслѣдникомъ престола всероссійскаго. Димитрію едва исполнилось 18 лѣтъ; въ такой юности онъ не могъ быть важнымъ соумышленникомъ матери, если и дѣйствительно виновной. Народъ жалѣлъ о немъ, хотя ни духовенство, ни вельможи не смѣли осуждать приговора, изреченнаго самодержцемъ. Но Россія утратила Стефанову дружбу: сѣдой герой молдавскій, оскорбленный бѣдствіемъ своей дочери и внука, возненавидѣлъ Іоанна, и старанія благоразумнаго Менгли-Гирея не могли примирить ихъ. Великій князь любилъ исполнять только собственную волю; не терпѣлъ гордыхъ требованій и въ отвѣтъ хану крымскому на вопросъ: „Для чего Димитрій лишенъ отцовскаго наслѣдія?“—сказалъ:—„Милость моя возвела внука на степень государя, а немилость свергнула; ибо онъ и мать его досадили мнѣ. Жалуютъ того, кто служитъ или угождаетъ; грубящихъ за что жаловать?“ Елена отъ горести и тоски скончалась въ генварѣ 1505 года; а несчастный ея сынъ, бывшій наслѣдникъ россійской монархіи, остался подъ стражею, какъ государственный преступникъ: никто не имѣлъ къ нему доступа, кромѣ малаго числа слугъ и надзирателей.

Впрочемъ, сей разрывъ между Стефаномъ и великимъ княземъ не имѣлъ никакихъ важныхъ слѣдствій, кромѣ того, что первый задержалъ нашихъ пословъ и художниковъ итальянскихъ, которые ѣхали изъ Рима въ Москву, о чемъ Іоаннъ писалъ не только къ Менгли-Гирею, но и къ султану кафинскому, Баязетову сыну, убѣждая ихъ вступиться за такое нарушеніе права народнаго. Стефанъ отпустилъ пословъ. Тщетно король Александръ склонялъ его быть дѣятельнымъ врагомъ Россіи и союзникомъ Польши: Стефанъ не хотѣлъ возвратить ему завоеванной имъ Днѣстровской области до самой своей кончины. Сей великій мужъ умеръ въ 1504 году; готовый закрыть глаза навѣки, онъ далъ совѣтъ сыну Богдану и вельможамъ покориться Оттоманской имперіи, сказавъ: „Знаю, какъ трудно было мнѣ удерживать

право независимаго властителя. Вы не въ силахъ бороться съ Баязетомъ и только бы разорили отечество. Лучше добровольно уступить то, чего сохранить не можете". Богданъ призналъ надъ собою верховную власть султана, и слава Молдавіи исчезла съ господаремъ Стефаномъ, бывъ искусственнымъ творенiемъ его души великой.

Іоаннъ не терялъ времени въ бездѣйствіи и, желая увѣнчать свои побѣды новымъ важнымъ пріобрѣтеніемъ, въ іюлѣ 1502 года отправилъ сына Димитрія съ многочисленною ратію на Литву. Съ нимъ находились племянники государевы Ѳеодоръ Волоцкій, Иванъ Торусскій; Бѣльскій, зять сестры его Анны; удѣльный князь рязанскій Ѳеодоръ; князь Симеонъ Стародубскій и внукъ Шемякинъ Василій Рыльскій; бояре Василій Холмскій, Яковъ Захарьевичъ Шеинъ, князья Александръ Ростовскій, Михайло Корамышъ-Курбскій, Теляшевскій, Рѣпня и Телепень-Оболенскіе, Константинъ Ярославскій, Стрига-Ряполовскій. Цѣлію столь знаменитаго ополченія былъ нашъ древній, столичный городъ Смоленскъ, укрѣпленный природою и каменными стѣнами. Осада требовала искусства и большихъ усилій. Димитрій послалъ отряды къ Березинѣ и Двинѣ. Россіяне взяли Оршу, выжгли предмѣстіе витебское, всѣ деревни до Плоцка, Мстиславля; плѣнили нѣсколько тысячъ людей, но должны были за недостаткомъ въ продовольствіи удалиться отъ Смоленска, гдѣ начальствовали воеводы королевскіе, Станиславъ Кишка и намѣстникъ его Сологубъ, прославленные историкомъ литовскимъ за оказанное ими мужество.—Въ декабрѣ того же года князья сѣверскіе Симеонъ Стародубскій и внукъ Шемякинъ Василій съ московскими и рязанскими воеводами опять ходили на Литву; не завоевали городовъ, но вездѣ распространили ужасъ жестокими опустошеніями.

Вѣрный союзникъ Александровъ, Вальтеръ Плеттенбергъ, снова хотѣлъ отвѣдать счастія въ поляхъ россійскихъ и съ 15,000 воиновъ приступилъ къ Изборску: разбилъ пушками стѣны, но, боясь терять время, спѣшилъ осадить Псковъ. Онъ ждалъ короля, давшаго ему слово встрѣтить его на берегахъ Великой. Сего не сдѣлалось: литовцы остались въ своихъ предѣлахъ; однакожъ магистръ съ жаромъ началъ осаду: стрѣлялъ изъ пушекъ и пищалей; старался разрушить крѣпость. Къ счастію жителей, воеводы Іоанновы, Даніилъ Щеня и князь Василій Шуйскій, уже были недалеко съ полками сильными. Нѣмцы отступили: воеводы отъ Изборска зашли имъ въ тылъ. Они увидѣли другъ друга на берегахъ озера Смолина. Плеттенбергъ, ободривъ своихъ великодушною рѣчью, употребилъ хитрость: двинулся съ войскомъ въ сторону, какъ бы имѣя намѣреніе спасаться бѣгствомъ. Россіяне

кинулись на обозъ нѣмецкій; другіе устремились за войскомъ и въ безпорядкѣ наскакали на стройные ряды непріятеля: смѣшанные дѣйствіемъ его огнестрѣльнаго снаряда, хотѣли мужествомъ исправить свою ошибку; сразились, но большею частію легли на мѣстѣ; остальные бѣжали. Магистръ не гнался за ними. Россіяне ободрились, устроились и снова напали. Если вѣрить ливонскимъ историкамъ, то нашихъ было 90,000. Нѣмцы бились отчаянно; пѣхота ихъ заслужила въ сей день славное названіе желѣзной. Оказавъ неустрашимость, хладнокровіе, искусство, Плеттенбергъ могъ бы одержать побѣду, если бы не случилась измѣна. Пишутъ, что орденскій знаменосецъ Шварцъ, будучи смертельно уязвленъ стрѣлою, закричалъ своимъ: „кто изъ васъ достоинъ принять отъ меня знамя?“ Одинъ изъ рыцарей, именемъ Гаммерштетъ, хотѣлъ взять его, получилъ отказъ и въ досадѣ отсѣкъ руку Шварцу, который, схвативъ знамя въ другую, зубами изорвалъ оное; а Гаммерштетъ бѣжалъ къ россіянамъ и помогъ имъ истребить знатную часть нѣмецкой пѣхоты. Однакожъ Плеттенбергъ устоялъ на мѣстѣ. Сраженіе кончилось: тѣ и другіе имѣли нужду въ отдыхѣ. Прошло два дня: магистръ въ порядкѣ удалился къ границѣ и навѣки уставилъ торжествовать 13 сентября или день Псковской битвы, знаменитой въ лѣтописяхъ Ордена, который долгое время гордился подвигами сей войны, какъ славнѣйшими для своего оружія. Замѣтимъ, что полководцы Іоанновы гнушались измѣною Гаммерштета: недовольный холодностію россіянъ, онъ уѣхалъ въ Данію, искалъ службы въ Швеціи, наконецъ возвратился въ Москву уже при великомъ князѣ Василіи, гдѣ послы императора Максимиліана видѣли его въ богатой одеждѣ среди многочисленныхъ царедворцевъ.

Несмотря на ревностное содѣйствіе и славу Плеттенберга, король польскій не имѣлъ надежды одолѣть Россію, сильную многочисленностію войска и великимъ умомъ ея государя. Литва истощалась, слабѣла: Польша неохотно участвовала въ сей войнѣ разорительной. Самъ римскій первосвященникъ Александръ VI взялся быть посредникомъ мира, и въ 1503 году чиновникъ короля венгерскаго, Сигизмундъ Сантай, пріѣхалъ въ Москву съ грамотами отъ папы и кардинала Регнуса. Оба писали къ великому князю, что все христіанство приведено въ ужасъ завоеваніями Оттоманской имперіи; что султанъ взялъ два города венеціанской республики, Модонъ и Коронъ, угрожая Италіи; что папа отправилъ кардинала Регнуса ко всѣмъ европейскимъ государямъ склонять ихъ на изгнаніе турокъ изъ Греціи; что короли польскій и венгерскій не могутъ участвовать въ семъ славномъ подвигѣ, имѣя врага въ Іоаннѣ; что святый отецъ, какъ глава

церкви, для общей пользы христіанства молитъ великаго князя заключить миръ съ ними и вмѣстѣ съ другими государями воевать Порту. Посолъ вручилъ ему и письмо отъ Владислава такого же содержанія, требуя, чтобы Іоаннъ далъ опасную грамоту для проѣзда вельможъ литовскихъ въ Москву. Бояре наши отвѣтствовали, что великій князь радъ стоять за христіанъ противъ невѣрныхъ; что онъ, умѣя наказывать враговъ, готовъ всегда и къ миру справедливому; что Александръ, изъявивъ желаніе прекратить войну, обманулъ его: навелъ на Россію ливонскихъ нѣмцевъ и хана ординскаго; что государь дозволяетъ посламъ королевскимъ пріѣхать въ Москву.

Послы явились, шесть знатнѣйшихъ сановниковъ королевскихъ, изъ коихъ главнымъ былъ воевода Петръ Мишковскій. Они предлагали вѣчный міръ съ условіемъ, чтобы Іоаннъ возвратилъ королю всю его отчину, то-есть всѣ завоеванные россіянами города въ Литвѣ; освободилъ плѣнниковъ, примирился съ Ливонскимъ Орденомъ и съ Швеціею (гдѣ властолюбивый Стуръ, изгнавъ датчанъ, снова былъ правителемъ государственнымъ). Великій князь хладнокровно выслушалъ и рѣшительно отвергнулъ столь неумѣренныя требованія. „Отчина королевская,— сказалъ онъ, — есть земля Польская и Литовская, а Русская наша. Что мы съ Божіею помощію у него взяли, того не отдадимъ. Еще Кіевъ, Смоленскъ и многіе иные города принадлежатъ Россіи: мы и тѣ добывать намѣрены“. Возраженія пословъ остались безъ дѣйствія; Іоаннъ былъ непоколебимъ. Наконецъ, вмѣсто вѣчнаго мира условились въ перемиріи на шесть лѣтъ, и только изъ особеннаго уваженія къ зятю государь возвратилъ Литвѣ нѣкоторыя волости: Рудью, Ветлицы, Щучью, Святыя Озерища; велѣлъ намѣстникамъ новогородскому и псковскому заключить такое же перемиріе съ Орденомъ, а съ правителемъ шведскимъ не хотѣлъ имѣть никакихъ договоровъ. Тогда находились въ Москвѣ и послы ливонскіе: они въ письмахъ своихъ къ магистру жаловались на грубость Іоаннову, бояръ нашихъ, а еще болѣе на пословъ литовскихъ, которые не оказали имъ ни малѣйшаго вспоможенія, ни доброжелательства. Епископъ дерптскій обязался, за ручательствомъ магистровымъ, платить намъ какую-то старинную поголовную дань; ибо земля и городъ его, основанный Ярославомъ Великимъ, считались древнею собственностью Россіи. При обнародованіи сего условія, въ Псковѣ стрѣляли изъ пушекъ и звонили въ колокола. Непріятельскія дѣйствія прекратились, ибо самая Россія, истощенная поборами многолюдныхъ ополченій, желала на время успокоиться, —но вражда существовала въ прежней силѣ, ибо Александръ не могъ навсегда уступить намъ Витовтовыхъ завоеваній;

великій же князь, столь счастливо возвративъ оныя Россіи, надѣялся современемъ отнять у него и всѣ прочія наши земли. Потому Іоаннъ, извѣстивъ Менгли-Гирея о заключенномъ договорѣ, предлагалъ ему для вида также примириться съ Александромъ на 6 лѣтъ; но тайно внушалъ, что лучше продолжать войну; что Россія никогда не будетъ въ истинномъ, вѣчномъ мирѣ съ королемъ и время перемирія употребитъ единственно на утвержденіе за собою городовъ литовскихъ, откуда всѣ худо расположенные къ намъ жители переводятся въ иныя мѣста, и гдѣ нужно сдѣлать укрѣпленія; что союзъ ея съ ханомъ противъ Литвы остается неизмѣннымъ.

Великій князь дѣйствовалъ, по крайней мѣрѣ, согласно съ выгодами своей державы: напротивъ чего Александръ, внутренно недовольный условіями перемирія, хотя и весьма нужнаго для его земли, слѣдовалъ единственно движеніямъ малодушной досады на врага сильнаго, счастливаго: онъ задержалъ въ Литвѣ нашихъ бояръ и великихъ пословъ Заболоцкаго и Плещеева, коимъ надлежало взять съ него присягу въ соблюденіи договора и требовать увѣрительной грамоты, за печатію епископовъ краковскаго и виленскаго, въ томъ, что въ случаѣ смерти Александра наслѣдники его не будутъ принуждать королевы Елены къ римскому закону. Іоаннъ, удивленный симъ нарушеніемъ общихъ государственныхъ уставовъ, желалъ знать предлогъ онаго: король писалъ, что послы остановлены за обиды, дѣлаемыя россіянами смоленскимъ боярамъ; но скоро одумался, утвердилъ перемиріе и съ честію отпустилъ ихъ въ Москву. Тогда же схватили въ Литвѣ гонца нашего, посланнаго въ Молдавію: Александръ не хотѣлъ освободить его до рѣшительнаго мира съ Россіею; не хотѣлъ еще, чтобы королева Елена исполнила волю родителя въ дѣлѣ семейственномъ; Іоаннъ велѣлъ ей искать невѣсты для брата Василія между нѣмецкими принцессами; но Елена отвѣчала, что не можетъ думать о сватовствѣ, пока великій князь не утвердитъ истинной дружбы съ Литвою.

Таковыми ничтожными способами могъ ли король достигнуть желаемаго мира? скорѣе возобновилъ бы кровопролитіе, если бы Іоаннъ для государственной пользы не умѣлъ презирать маловажныхъ, безразсудныхъ оскорбленій: желая временнаго спокойствія, онъ терпѣлъ ихъ хладнокровно и готовилъ средства къ дальнѣйшимъ успѣхамъ нашего величія.

ГЛАВА VII.

Продолженіе государствованія Іоаннова.

Кончина Софіи и болѣзнь Іоаннова.—Завѣщаніе.—Судъ и казнь еретиковъ.—Посольство литовское. — Сношеніе съ императоромъ. — Василій женится на Соломоніи. — Измѣна царя казанскаго. — Впаденіе его въ Россію. — Кончина великаго князя.—Тогдашнее состояніе Европы.— Іоаннъ творецъ величія Россіи.— Устроилъ лучшее войско. — Утвердилъ единовластіе. — Имя Грознаго.—Жестокость его характера. — Мнимая нерѣшительность есть осторожность. — Названіе Великаго, приписанное ему иностранцами.—Сходство съ Петромъ I.—Титулъ царскій. — Бѣлая Россія. — Умноженіе доходовъ. — Законы Іоанновы.— Городская и земская полиція.—Соборы.— Постановленіе кесарійскаго митрополита въ Москвѣ.—Россійскій монастырь на Аѳонской горѣ.—Капланъ Августинскаго ордена принимаетъ греческую вѣру.—Нѣкоторыя бѣдствія Іоаннова вѣка.—Древнѣйшее описаніе княжеской свадьбы.—Путешествіе въ Индію.

Г. 1503—1505.

Сей монархъ не слабѣлъ ни въ проницаніи, ни въ бодрости, ни въ усердіи ко благу ввѣренной ему Небомъ державы, вопреки своимъ уже преклоннымъ лѣтамъ и сердечнымъ горестямъ, необходимымъ въ жизни смертнаго. Онъ лишился тогда супруги: хотя, можетъ быть, и не имѣлъ особенной къ ней горячности, но умъ Софіи въ самыхъ важныхъ дѣлахъ государственныхъ, ея полезные совѣты и, наконецъ, долговременная свычка между ими сдѣлала для него сію потерю столь чувствительною, что здоровье Іоанново, дотолѣ крѣпкое, разстроилось. Вѣря болѣе дѣйствію усердной молитвы, нежели искусству врачеванія, государь поѣхалъ въ лавру св. Сергія, въ Переславль, въ Ростовъ и въ Ярославль, гдѣ находились знаменитыя святостію обители. Тамъ, сопровождаемый всѣми дѣтьми, но безъ всякаго мірского великолѣпія, въ видѣ простого смертнаго, умилялся предъ Богомъ, ожидая отъ Него исцѣленія или мирной кончины; но, вкусивъ сладость христіанской набожности, спѣшилъ возвратиться на престолъ, чтобы устроить будущую судьбу Россіи.

Онъ написалъ завѣщаніе, въ присутствіе знатнѣйшихъ бояръ, князей Василія Холмскаго, Даніила Щени, Якова Захарьевича, казначея Димитрія Владиміровича и духовника, архимандрита Андрониковскаго, именемъ Митрофана, объявивъ старшаго сына Василія Іоанновича преемникомъ монархіи, государемъ всей Россіи и меньшихъ его братьевъ. Тутъ, въ исчисленіи всѣхъ областей Васильевыхъ, въ первый разъ упоминается о дикой Лапландіи; далѣе сказано, что Старая Рязань и Перевитескъ составляютъ уже достояніе государя московскаго, бывъ отказаны Іоанну умершимъ

его племянникомъ, сыномъ великой княгини Анны, Ѳеодоромъ; именуются также и всѣ города, отнятые у Литвы: Мценскъ, Бѣлевъ, Новосиль, Одоевъ, кромѣ Чернигова, Стародуба, Новагорода Сѣверскаго, Рыльска: ибо тамошніе князья, хотя поддалися государю московскому, но удержали право владѣтельныхъ. Другимъ сыновьямъ Іоаннъ далъ богатыя отчины: Юрію—Дмитровъ, Звенигородъ, Кашинъ, Рузу, Брянскъ, Серпейскъ; Димитрію—Угличъ, Хлепень, Рогачевъ, Зубцовъ, Опоки, Мещовскъ, Опаковъ, Мологу; Симеону—Бѣжецкій Верхъ, Калугу, Козельскъ; Андрею—Верею, Вышегородъ, Алексинъ, Любутскъ, Старицу, Холмъ, Новый Городокъ. Имѣя особенныхъ придворныхъ и воинскихъ чиновниковъ, пользуясь всѣми доходами своихъ городовъ и волостей, братья Василіевы не могли въ оныхъ судить душегубства, ни дѣлать монеты и не участвовали въ выгодѣ откуповъ государственныхъ; однакожъ Василій обязывался удѣлять имъ часть нѣкоторыхъ московскихъ сборовъ и не покупать земель въ ихъ отчинахъ, которыя оставались наслѣдственными для ихъ сыновей и внуковъ. То-есть меньшіе сыновья Іоанновы долженствовали имѣть права только частныхъ владѣльцевъ, а не князей владѣтельныхъ. Одна Рязань еще представляла тѣнь вольной державы: князь ея Іоаннъ умеръ въ 1500 году, оставивъ пятилѣтняго сына, именемъ также Іоанна, подъ опекою матери Агриппины и бабки его, любимой сестры великаго князя, Анны, которая преставилась въ 1501 г., утвердивъ внука въ достоинствѣ независимаго владѣтеля, но только именемъ: ибо государь московскій былъ въ самомъ дѣлѣ верховнымъ повелителемъ Рязани, ея войска и народа.—Исполняя желаніе отца, Василій и братья его обязались между собою грамотами жить въ согласіи, по родительскому завѣщанію.

Іоаннъ хотѣлъ утвердить и спокойствіе нашей православной церкви. Въ сіе время возобновилось дѣло жидовской ереси, нами описанной. Еще она не пресѣклась, хотя и скрывалась. Іосифъ Волоцкій въ Москвѣ, архіепископъ Геннадій въ Новѣгородѣ неутомимо старались истребить сіе несчастное заблужденіе ума: первый только говорилъ и писалъ, второй дѣйствовалъ въ своей епархіи, откуда многіе изъ гонимыхъ еретиковъ бѣжали въ нѣмецкую землю и въ Литву. Убѣжденный, наконецъ, представленіями духовенства, или самъ видя упрямство отступниковъ, не исправленныхъ средствами умѣренности, ни клятвою церковною, ни заточеніемъ, великій князь рѣшился быть строгимъ, опасаясь казаться излишне снисходительнымъ или безпечнымъ въ дѣлѣ душевнаго спасенія. Созвавъ епископовъ, онъ вмѣстѣ съ ними и съ митрополитомъ снова выслушалъ доносы. Іосифъ Волоцкій засѣдалъ съ судіями, гремѣлъ краснорѣчіемъ, обличалъ еретиковъ и требовалъ для нихъ мірской казни. Главными изъ обвиняемыхъ

были дьякъ Волкъ, Иванъ Курицынъ, посыланный къ императору Максимиліану съ Юріемъ Траханіотомъ,—Дмитрій Коноплевъ, Иванъ Максимовъ, Некрасъ Рукавовъ и Кассіанъ, архимандритъ Юрьевскаго новогородскаго монастыря: они дерзнули говорить откровенно, утверждая мнимую истину своихъ понятій о вѣрѣ; были осуждены на смерть и всенародно сожжены въ клѣткѣ; инымъ отрѣзали языкъ, другихъ заключили въ темницы или разослали по монастырямъ. Почти всѣ изъявили раскаяніе; но Іосифъ доказывалъ, что раскаяніе, вынужденное пылающимъ костромъ, не есть истинное и не должно спасти ихъ отъ смерти. Сія жестокость скорѣе можетъ быть оправдана политикою, нежели вѣрою христіанскою, столь небесно-человѣколюбивою, что она ни въ какомъ случаѣ не прибѣгаетъ къ мечу; единственными орудіями служатъ ей мирныя наставленія, молитва, любовь; таковъ, по крайней мѣрѣ, духъ Евангелія и книгъ апостольскихъ. Но если кроткія наставленія не имѣютъ дѣйствія, если явный, дерзостный соблазнъ угрожаетъ церкви и государству, коего благо тѣсно связано съ невредимостію, тогда ни митрополитъ, ни духовенство, но государь можетъ справедливымъ образомъ казнить еретиковъ. Сія пристойность была соблюдена: ихъ осудили, какъ сказано въ лѣтописяхъ, по градскому закону.

Узнавъ о болѣзни Іоанна и думая, что приближеніе смерти легко можетъ ослабить твердость его въ правилахъ внѣшней политики, Александръ, чрезъ новыхъ великихъ пословъ, воеводу Станислава Глѣбовича, пана Юрья Зиновьевича и писаря или секретаря государственнаго Богдана Сапѣгу, предложилъ великому князю купить дружество Литвы уступкою ей нашихъ завоеваній. Король именовалъ Іоанна отцомъ и братомъ; Елена кланялась ему съ почтеніемъ и нѣжностію. Сей монархъ, приближаясь ко гробу, безъ сомнѣнія, желалъ бы провести остатокъ дней своихъ въ тишинѣ, тѣмъ болѣе, что спокойствіе его любезной дочери зависѣло отъ согласія между ея родителемъ и супругомъ; но Іоаннъ зналъ свою обязанность: еще сидѣлъ на тронѣ, слѣдственно долженъ былъ мыслить только о благоденствіи отечества; не измѣрялъ вѣкомъ своимъ вѣка Россіи, смотрѣлъ далѣе гроба и хотѣлъ жить въ ея величіи. Бояринъ его Яковъ Захарьевичъ сказалъ посламъ литовскимъ: „Великій князь никому не отдастъ своего. Желаете ли истиннаго, прочнаго мира,—уступите Россіи Смоленскъ и Кіевъ“. По многимъ преніямъ паны уѣхали, и король увѣрился въ невозможности заключить вѣчный миръ съ Іоанномъ на условіяхъ, какихъ ему хотѣлось. Предметомъ дальнѣйшихъ сношеній между ими были единственно дѣла пограничныя: жаловались то наши, то литовскіе подданные на обиды. Съ обѣихъ сторонъ обѣщали удовлетвореніе и рождались новыя неудовольствія. Знат-

ный королевскій чиновникъ Евстафій Дашковичъ, житель Волыніи, вѣры греческой, уѣхалъ въ Москву съ великимъ богатствомъ и со многими дворянами: Александръ требовалъ, чтобы мы, согласно съ перемирною грамотою, выдали ему сего человѣка. Іоаннъ отвѣтствовалъ, что грамотою опредѣлено выдавать татей, бѣглецовъ, холопей, должниковъ и злодѣевъ; а Дашковичъ былъ у короля воеводою, не уличенъ ни въ какомъ преступленіи и добровольно вошелъ къ намъ въ службу, какъ то и въ старину дѣлалось невозбранно.— Чтобы имѣть вѣрныя извѣстія о внутреннихъ обстоятельствахъ Литвы, государь посылалъ гонцовъ къ Еленѣ съ дарами, приказывая всегда дружески кланяться ея супругу.

Мы видѣли, что политика Западной Европы уже находилась въ связи съ нашею: война литовская, славная для Іоаннова оружія, придала намъ еще болѣе важности и знаменитости. Императоръ Максимиліанъ вспомнилъ о Россіи и выгодахъ ея союза противъ сыновей Казимировыхъ: онъ жалѣлъ о Венгріи, неохотно имъ уступленной Владиславу; думалъ возобновить свои требованія на сіе королевство и послалъ къ великому князю чиновника, именемъ Гартингера, который, выѣхавъ изъ Аугсбурга, въ августѣ 1502 года, прибылъ въ Москву не прежде, какъ въ іюлѣ 1504 года. Слогъ Максимиліанова письма достоинъ замѣчанія. „Слышу,— говоритъ императотъ,— что нѣкоторыя сосѣдственныя державы возстали на Россію. Помня обѣты нашей взаимной любви, я готовъ помогать тебѣ, моему брату, совѣтомъ и дѣломъ“. Не сказано ни слова о Венгріи; но посолъ, какъ надо думать, говорилъ о томъ изустно Іоанновымъ боярамъ. Въ другомъ особенномъ письмѣ императоръ проситъ у великаго князя бѣлыхъ кречетовъ. Милостиво угостивъ Гартингера обѣденнымъ столомъ во дворцѣ, Іоаннъ отвѣтствовалъ Максимиліану, что Россію воевали король польскій и магистръ Ордена, были наказаны и примирились съ нею на время; что если императоръ, въ случаѣ новыхъ непріятельскихъ дѣйствій съ ихъ стороны, поможетъ россіянамъ, то и россіяне, исполняя договоръ, помогутъ Австріи овладѣть Венгріею. Государь извинялся, что не отправляетъ собственнаго посла въ Германію: ибо король Александръ и магистръ ливонскій, безъ сомнѣнія, остановили бы его на пути.— Въ слѣдующемъ году тотъ же Гартингеръ, находясь въ Эстоніи, чрезъ Ивангородъ доставилъ въ Москву новыя грамоты отъ Максимиліана и сына его Филиппа, короля испанскаго, къ Іоанну и юному Василію, царямъ Россіи. Гартингеръ просилъ отвѣта на языкѣ латинскомъ, сказывая, что Делаторъ умеръ и что при дворѣ ихъ нѣтъ уже ни одного человѣка, знающаго русскій языкъ. Дѣло шло о ливонскихъ плѣнникахъ: Максимиліанъ и Филиппъ

убѣждали великихъ князей освободить сихъ несчастныхъ, изнуренныхъ долговременною неволею; а Гартингеръ ручался за безопасность нашего посольства, если Іоаннъ велитъ кому-нибудь изъ своихъ придворныхъ ѣхать въ нѣмецкую землю на Ригу, чтобы сдѣлать тѣмъ удовольствіе Максимиліану. Но великій князь не сдѣлалъ сего; самъ писалъ къ императору, а Василій къ королю Филиппу, учтиво и ласково, съ объясненіемъ, что плѣнники немедленно будутъ свободны, когда магистръ прерветъ дружественную связь съ Литвою. Однимъ словомъ, Іоаннъ, повидимому, уже худо вѣрилъ Максимиліану: платилъ только ласками за ласки и дарилъ ему кречетовъ, но не хотѣлъ измѣнить для него своимъ правиламъ и жалѣлъ денегъ на безполезное посольство въ Австрію.

Сынъ и наслѣдникъ великаго князя Василій имѣлъ уже 25 лѣтъ отъ рожденія и еще не былъ женатъ, въ противность тогдашнему обыкновенію. Политика осуждаетъ брачные союзы государей съ подданными, особенно въ правленіяхъ самодержавныхъ: свойственники требуютъ отличія безъ достоинствъ, милостей безъ заслугъ: и сіи, такъ сказать, родовые вельможи, пользуясь исключительными правами, рѣдко не употребляютъ оныхъ во зло, думая, что государь обязанъ въ нихъ уважать самого себя, то-есть честь своего дома. Нарушается справедливость, истощается казна, или семейственныя докуки вредятъ драгоцѣнному спокойствію монарха. Зная сію, какъ и многія другія важныя для единовластія истины по внушенію собственнаго генія, Іоаннъ думалъ женить сына на принцессѣ иностранной: будучи союзникомъ Даніи, онъ предлагалъ ея королю утвердить ихъ взаимную дружбу свойствомъ; для того, можетъ быть, находился въ Москвѣ датскій посолъ около 1503 года; но король — въ угожденіе ли шведамъ, коихъ ему хотѣлось снова подчинить Даніи и которые не любили Россіи, или затрудняясь иновѣріемъ жениха — уклонился отъ чести быть тестемъ наслѣдника великокняжескаго и выдалъ дочь свою Елисавету за курфирста Бранденбургскаго. Видя предъ собою близкую кончину, желая благословить счастливый бракъ сына и не имѣя уже времени искать невѣсты въ странахъ отдаленныхъ, государь рѣшился тогда женить его на подданной. Пишутъ, что самъ Василій хотѣлъ того, уваживъ совѣтъ любимаго имъ боярина грека Юрія Малаго, у котораго была дочь невѣста; но женихъ выбралъ иную, будто бы изъ 1500 благородныхъ дѣвицъ, представленныхъ для сего ко Двору, Соломонію, дочь весьма незнатнаго сановника Юрія Константиновича Сабурова, одного изъ потомковъ выходца ординскаго мурзы Чета. Соломонія отличалась, какъ вѣроятно, достоинствами цѣломудрія, красотою, цвѣтущимъ здравіемъ; но въ выборѣ не участвовала ли и политика? Можетъ быть, Іоаннъ лучше хотѣлъ

вступить въ свойство съ простымъ дворяниномъ, нежели съ княземъ или съ бояриномъ, чтобы имѣть болѣе способовъ наградить родственниковъ невѣстки безъ излишней щедрости и не удѣляя имъ особенныхъ правъ, несовмѣстныхъ съ званіемъ подданнаго. Отецъ Соломоніи былъ возвышенъ на степень боярина уже въ царствованіе Василія. Но мудрый Іоаннъ не предвидѣлъ, что сей бракъ, приблизивъ Годуновыхъ, ея родственниковъ, къ трону, будетъ виною ужасныхъ для Россіи бѣдствій и гибели царскаго дома!

Въ то время, когда дворъ и столица ликовали, празднуя свадбу юнаго великаго князя, государь свѣдалъ о злобной измѣнѣ нашего казанскаго присяжника Магметъ-Аминя. Сей такъ называемый царь всего болѣе любилъ корысть и лукавую жену свою, бывшую вдову Алегамову, которая нѣсколько лѣтъ жила невольницею въ Вологдѣ. Ненавидя россіянъ, какъ злодѣевъ ея перваго мужа, она замышляла кровопролитную месть, тайно бесѣдовала съ вельможами казанскими о средствахъ и приступила къ дѣлу, возбуждая Магметъ-Аминя быть истиннымъ, независимымъ владѣтелемъ. „Что ты? рабъ московскаго тирана! — говорила ему царица — нынѣ на престолѣ, завтра въ темницѣ и, подобно Алегаму, умрешь невольникомъ. Цари и народы призираютъ тебя. Воспряни отъ униженія къ величію; свергни иго или погибни достойнымъ славы“. Плѣнительныя ласки ея дѣйствовали еще сильнѣе краснорѣчія: она день и ночь, по словамъ лѣтописца, висѣла на шеѣ у мужа и достигла желаемаго. Забывъ милости Іоанна, своего названнаго отца, и присягу, Магметъ-Аминь далъ ей слово отложиться отъ Россіи; но еще медлилъ и послалъ одного изъ вельможъ князя Уфимскаго съ какими-то представленіями въ Москву. Будучи недоволенъ оными—угадывая, можетъ быть и злое его намѣреніе — Іоаннъ велѣлъ ѣхать въ Казань дьяку Михайлу Кляпику, чтобы объясниться съ царемъ. Тогда Магметъ-Аминь рѣшился дѣйствовать явно. Насталъ праздникъ Рождества Іоанна Предтечи, день славной ярмарки въ Казани, гдѣ гости россійскіе съѣзжались съ азіатскими мѣняться драгоцѣнными товарами, мирно и спокойно, не опасаясь ни малѣйшаго насилія: ибо Казань уже 17 лѣтъ считалась какъ бы московскою областію. Въ сей день схватили тамъ посла великокняжескаго и нашихъ купцовъ: многихъ умертвили, не щедя ни женъ, ни дѣтей, ни старцевъ; иныхъ заточили въ улусы ногайскіе; ограбили всѣхъ безъ исключенія. Народы не любятъ господъ чужеземныхъ; казанцы, обольщенные и свободою и корыстію, служили усерднымъ орудіемъ воли царской, въ изступленіи злобы лили кровь москвитянъ и радовались отнятыми у нихъ сокровищами. „Магметъ-Аминь, — сказано въ лѣтописи, —наполнилъ цѣлую па-

лату серебромъ русскимъ, надѣлалъ себѣ золотыхъ вѣнцовъ, сосудовъ, блюдъ; уже пересталъ ѣсть изъ мѣдныхъ котловъ или апаницъ, являясь на пирахъ въ сіяніи драгоцѣнныхъ каменьевъ и металловъ, въ убранствѣ истинно царскомъ. Самые бѣдные казанскіе жители разбогатѣли: носивъ прежде зимою и лѣтомъ овчины, украсились тканями шелковыми и въ одеждахъ разноцвѣтныхъ, какъ павлины, гордо расхаживали предъ своими катунами или домами.

Надменный убійствомъ мирныхъ гостей, Магметъ-Аминь вооружилъ 40,000 казанцевъ, призвалъ 20,000 ногаевъ, вступилъ въ Россію, умертвилъ нѣсколько тысячъ земледѣльцевъ, осадилъ Нижній-Новгородъ и выжегъ всѣ посады. Воеводою былъ тамъ Хабаръ Симскій; имѣя мало воиновъ для защиты города, онъ выпустилъ изъ темницы 300 литовскихъ плѣнниковъ, взятыхъ на Ведрошѣ, далъ имъ ружья и государевымъ именемъ обѣщалъ свободу, если они храбростію заслужатъ ее. Сія горсть людей спасла крѣпость. Будучи искусными стрѣлками, литовцы убили множество непріятелей и въ томъ числѣ ногайскаго князя, шурина Магметъ-Аминева, который, стоя близъ стѣны, распоряжалъ приступомъ. Видя его мертваго, ногайскіе полки уже не хотѣли биться: сдѣлалась распря между ими и казанцами; началось даже кровопролитіе. Царь едва могъ смирить ихъ; снялъ осаду и бѣжалъ во-свояси.—Литовскіе плѣнники немедленно были освобождены съ честію, благодарностію и дарами.

Великій князь не успѣлъ наказать Магметъ-Аминя: высланные противъ него московскіе воеводы худо исполнили свою обязанность; имѣя около 100,000 ратниковъ, не пошли за Муромъ и дали непріятелю удалиться спокойно. Въ сіе время болѣзнь Іоаннова усилилась: подобно великому своему дѣду, герою Донскому, онъ хотѣлъ умереть государемъ, а не инокомъ; склоняясь отъ престола къ могилѣ, еще давалъ повелѣнія для блага Россіи и тихо скончался 27 октября 1505 года, въ первомъ часу ночи, имѣвъ отъ рожденія 66 лѣтъ 9 мѣсяцевъ и властвовавъ 43 года 7 мѣсяцевъ. Тѣло его погребли въ новой церкви св. Архистратига Михаила. Лѣтописцы не говорятъ о скорби и слезахъ народа; славятъ единственно дѣла умершаго, благодаря небо за такого самодержца!

Іоаннъ III принадлежитъ къ числу весьма немногихъ государей, избираемыхъ Провидѣніемъ рѣшить надолго судьбу народовъ: онъ есть герой не только россійской, но и всемірной исторіи. Не теряясь въ сомнительныхъ умствованіяхъ метафизики, не дерзая опредѣлять вышнихъ намѣреній Божества, внимательный наблюдатель видитъ счастливыя и бѣдственныя эпохи въ лѣтописяхъ гражданскаго общества: какое-то согласное теченіе мірскихъ

случаевъ къ единой цѣли, или связь между оными для произведенія какого-нибудь главнаго дѣйствія, измѣняющаго состояніе рода человѣческаго. Іоаннъ явился на театрѣ политическомъ въ то время, когда новая государственная система вмѣстѣ съ новымъ могуществомъ государей возникла въ цѣлой Европѣ на развалинахъ системы феодальной или помѣстной. Власть королевская усилилась въ Англіи, во Франціи. Испанія, свободная отъ ига мавровъ, сдѣлалась первостепенною державою. Португалія цвѣла, пріобрѣтая богатство успѣхами мореплаванія и важными для торговли открытіями. Раздѣленная Италія хвалилась, по крайней мѣрѣ, флотами, купечествомъ, искусствами, наукою и тонкою политикою. Безпечность и равнодушіе императора Фредерика IV не могли успокоить Германіи, волнуемой междоусобіями; но сынъ его Максиміліанъ уже готовилъ въ умѣ своемъ счастливую перемѣну для ея внутренняго состоянія, которой надлежало возвысить достоинство императорское, уничтоженное слабодушіемъ Рудольфовыхъ преемниковъ, и поставить домъ австрійскій на вышнюю степень величія. Венгрія, Богемія, Польша, управляемыя тогда Гедиминовымъ родомъ, составляли какъ бы одну державу и вмѣстѣ съ Австріею могли обуздывать ужасное для христіанъ властолюбіе Баязета. Соединеніе трехъ государствъ сѣверныхъ, обѣщая имъ силу и важность въ политической системѣ Европы, было предметомъ усилій короля датскаго. Республика швейцарская, основанная любовію къ вольности, безопасная въ оградѣ твердынь альпійскихъ, но побуждаемая честолюбіемъ и корыстію, хотѣла славы участвовать въ распряхъ монарховъ сильнѣйшихъ и заслуживала оную храбростію своихъ пастырей. Ганза—сей торговый и воинскій союзъ восьмидесяти пяти городовъ нѣмецкихъ, безпримѣрный въ лѣтописяхъ и весьма достопамятныхъ въ отношеніи къ древней Россіи—пользовалась всеобщимъ уваженіемъ государей и народовъ. Личная слава Плеттенбергова возвысила достоинство Ордена Ливонскаго и Нѣмецкаго.—Кромѣ успѣховъ власти монархической и разумной политики, которая произвела сношенія между самыми отдаленными государствами, кромѣ лучшаго гражданскаго состоянія, если не всѣхъ, то, по крайней мѣрѣ, многихъ державъ—вѣкъ Іоанновъ ознаменовался великими открытіями. Гуттенбергъ и Фаустъ изобрѣли книгопечатаніе, которое болѣе всего способствовало распространенію знаній, едва ли уступая въ важности и въ пользѣ изобрѣтенію буквъ. Колумбъ открылъ новый міръ, привлекательный для хищнаго корыстолюбія и торговли, любопытный для испытателей естества и для философа, который, видя тамъ человѣчество въ состояніи дикой природы и всѣ начальныя степени ума гражданскаго, исторію Америки объяснилъ для себя всемірную. Драго-

цѣнныя произведенія Индіи достигали Азова чрезъ Персію и море Каспійское путемъ многотруднымъ, медленнымъ, невѣрнымъ: сія страна, древнѣйшая населеніемъ, образованіемъ, художествами, скрывалась отъ европейцевъ какъ бы за щитомъ непроницаемымъ, и темные о ней слухи рождали басни о несмѣтныхъ ея богатствахъ. Смѣлые порывы нѣкоторыхъ мореплавателей обойти Африку увѣнчались, наконецъ, совершеннымъ успѣхомъ, и Васко-де-Гамо, оставивъ за собою мысъ Доброй Надежды, съ такимъ же восторгомъ увидѣлъ берегъ Индіи, съ какимъ Христофоръ Колумбъ—Америку. Сіи два открытія, обогативъ Европу, распространивъ ея мореплаваніе, умноживъ промышленность, свѣдѣнія, роскошь и пріятности гражданской жизни, имѣли сильное вліяніе на судьбу державъ. Политика сдѣлалась хитрѣе, дальновиднѣе, многосложнѣе: при заключеніи государственныхъ договоровъ министры смотрѣли на географическіе чертежи и вычисляли торговые прибытки, основывая на нихъ государственное могущество; родились новыя связи между народами; однимъ словомъ, началась новая эпоха, если не для мирнаго счастія людей, то по крайней мѣрѣ для ума, для силы правительствъ и для общественнаго духа государствъ благопріятная.

Россія около трехъ вѣковъ находилась внѣ круга европейской политической дѣятельности, не участвуя въ важныхъ измѣненіяхъ гражданской жизни народовъ. Хотя ничто не дѣлается вдругъ, хотя достохвальныя усилія князей московскихъ, отъ Калиты до Василія Темнаго, многое приготовили для единовластія и нашего внутренняго могущества, но Россія при Іоаннѣ III какъ бы вышла изъ сумрака тѣней, гдѣ еще не имѣли ни твердаго образа, ни полнаго бытія государственнаго. Благотворная хитрость Калиты была хитростію умнаго слуги ханскаго. Великодушный Димитрій побѣдилъ Мамая, но видѣлъ пепелъ столицы и раболѣпствовалъ Тохтамышу. Сынъ Донского, дѣйствуя съ необыкновеннымъ благоразуміемъ, соблюлъ единственно цѣлость Москвы; невольно уступилъ Смоленскъ и другія наши области Витовту и еще искалъ милости въ ханахъ; а внукъ не могъ противиться горсти хищниковъ татарскихъ, испилъ всю чашу стыда и горести на престолѣ, уничтоженномъ его слабостію, и, бывъ плѣнникомъ въ Казани, невольникомъ въ самой Москвѣ, хотя и смирилъ, наконецъ, внутреннихъ враговъ, но возстановленіемъ удѣловъ подвергнулъ великое княжество новымъ опасностямъ междоусобія. Орда съ Литвою, какъ двѣ ужасныя тѣни, заслоняли отъ насъ міръ и были единственнымъ политическимъ горизонтомъ Россіи, слабой, ибо она еще не вѣдала силъ, въ ея нѣдрѣ сокровенныхъ. Іоаннъ, рожденный и воспитанный данникомъ степной Орды, подобной нынѣшнимъ киргизскимъ, сдѣлался однимъ изъ знамени-

тѣйшихъ государей въ Европѣ, чтимый, ласкаемый отъ Рима до Царяграда, Вѣны и Копенгагена, не уступая первенства ни императорамъ, ни гордымъ султанамъ, безъ участія, безъ наставленій, руководствуемый только природнымъ умомъ, далъ себѣ мудрыя правила въ политикѣ внѣшней и внутренней; силою и хитростію возстановляя свободу и цѣлость Россіи, губя царство Батыево, тѣсня, обрывая Литву, сокрушая вольность новогородскую, захватывая удѣлы, расширяя владѣнія московскія до пустынь Сибирскихъ и Норвежской Лапландіи, изобрѣлъ благоразумнѣйшую, на дальновидной умѣренности основанную для насъ систему войны и мира, которой его преемники долженствовали единственно слѣдовать постоянно, чтобы утвердить величіе государства. Бракосочетаніемъ съ Софіею обративъ на себя вниманіе державъ, раздравъ завѣсу между Европою и нами, съ любопытствомъ обозрѣвая престолы и царства, не хотѣлъ мѣшаться въ дѣла чуждыя; принималъ союзы, но съ условіемъ ясной пользы для Россіи; искалъ орудій для собственныхъ замысловъ и не служилъ никому орудіемъ, дѣйствуя всегда какъ свойственно великому, хитрому монарху, не имѣющему никакихъ страстей въ политикѣ, кромѣ добродѣтельной любви къ прочному благу своего народа. Слѣдствіемъ было то, что Россія, какъ держава независимая, величественно возвысила главу свою на предѣлахъ Азіи и Европы, спокойная внутри и не боясь враговъ внѣшнихъ.

Совершая сіе великое дѣло, Іоаннъ преимущественно занимался устроеніемъ войска. Лѣтописцы говорятъ съ удивленіемъ о сильныхъ его полкахъ. Онъ первый, кажется, началъ давать земли или помѣстья боярскимъ дѣтямъ обязаннымъ въ случаѣ войны приводить съ собою нѣсколько вооруженныхъ холопей или наемниковъ, конныхъ или пѣшихъ, соразмѣрно доходамъ помѣстья (отъ сего умножилось число ратниковъ); принималъ въ службу и многихъ литовскихъ, нѣмецкихъ плѣнниковъ волею и неволею: сіи иноземцы жили за Москвою-рѣкою въ особенной слободѣ. Съ его времени также начинаются разряды, которые даютъ намъ ясное понятіе о внутреннемъ образованіи войска, состоявшаго обыкновенно изъ пяти такъ называемыхъ полковъ: большого, передового, праваго, лѣваго и сторожевого, или запасного. Каждый имѣлъ своего воеводу; но предводитель большого полка былъ главнымъ. Не дозволяя вождямъ считаться между собою въ старѣйшинствѣ, государь еще менѣе терпѣлъ непослушаніе воиновъ: сынъ великокняжескій Димитрій, возвратясь изъ-подъ Смоленска, жаловался, что многія дѣти боярскія безъ его вѣдома приступали къ городу, отлучались изъ стана и ѣздили грабить—Іоаннъ наказалъ ихъ всѣхъ темницею или торговою казнію. Силою, устройствомъ, мужествомъ рати и воеводъ побѣждая отъ Сибири до

Эмбаха и Десны, онъ лично не имѣлъ духа воинскаго. „Сватъ мой, — говорилъ о немъ Стефанъ Молдавскій, — есть странный человѣкъ: сидитъ дома, веселится, спитъ спокойно и торжествуетъ надъ врагами. Я всегда на конѣ и въ полѣ, а не умѣю защитить земли своей“. То-есть Іоаннъ родился не воиномъ, но монархомъ: сидѣлъ на тронѣ лучше, нежели на ратномъ конѣ, и владѣлъ скипетромъ искуснѣе, нежели мечомъ. Имѣя выспренній умъ для государственной науки, онъ имѣлъ слугъ для побѣды: Холмскій, Стрига, Щеня вели къ ней его легіоны. Воинъ на престолѣ опасенъ: легко можетъ обмануть себя и начать кровопролитіе только для своего личнаго славолюбія; легко можетъ одною несчастною битвою утратить плоды десяти счастливыхъ. Ему трудно быть миролюбивымъ: а народы желаютъ сего качества въ вѣнценосцахъ. Одна необходимая для государственной цѣлости и независимости война есть законная; такъ Іоаннъ воевалъ съ Ахматомъ и Литвою, среди успѣховъ не отвергая мира, согласнаго съ нашимъ благомъ.

Внутри государства онъ не только учредилъ единовластіе, до времени оставивъ права князей владѣтельныхъ однимъ украинскимъ или бывшимъ литовскимъ, чтобы сдержать слово и не дать имъ повода къ измѣнѣ—но былъ и первымъ истиннымъ самодержцемъ Россіи, заставивъ благоговѣть предъ собою вельможъ и народъ, восхищая милостію, ужасая гнѣвомъ, отмѣнивъ частныя права, несогласныя съ полновластіемъ вѣнценосца. Князья племени Рюрикова и св. Владиміра служили ему наравнѣ съ другими подданными и славились титломъ бояръ, дворецкихъ, окольничихъ, когда знаменитою, долговременною службою пріобрѣтали оное. Василій Темный оставилъ сыну только четырехъ великокняжескихъ бояръ, дворецкаго, окольничаго. Іоаннъ въ 1480 году имѣлъ уже 19 бояръ и 9 окольничихъ, а въ 1495 и 1496 годахъ учредилъ санъ государственнаго казначея, постельничаго, ясельничаго, конюшаго. Имена ихъ вписывались въ особенную книгу для свѣдѣнія потомковъ. Все дѣлалось чиномъ или милостію государевою. Между боярскими дѣтьми, придворными или младшими дворянами, находились сыновья князей и вельможъ.—Предсѣдательствуя на соборахъ церковныхъ, Іоаннъ всенародно являлъ себя главою духовенства; гордый въ сношеніяхъ съ царями, величавый въ пріемѣ ихъ посольствъ, любилъ пышную торжественность; установилъ обрядъ цѣлованія монаршей руки въ знакъ лестной милости; хотѣлъ и всѣми наружными способами возвышаться предъ людьми, чтобы сильно дѣйствовать на воображеніе; однимъ словомъ, разгадавъ тайны самодержавія, сдѣлался какъ бы земнымъ Богомъ для россіянъ, которые съ сего времени начали удивлять всѣ иные народы своею безпредѣльною покорностію

волѣ монаршей. Ему первому дали въ Россіи имя Грознаго, но въ похвальномъ смыслѣ: грознаго для враговъ и строптивыхъ ослушниковъ. Впрочемъ, не будучи тираномъ, подобно своему внуку, Іоанну Васильевичу Второму, онъ, безъ сомнѣнія, имѣлъ природную жестокость во нравѣ, умѣряемую въ немъ силою разума. Рѣдко основатели монархій славятся нѣжною чувствительностію, и твердость, необходимая для великихъ дѣлъ государственныхъ, граничитъ съ суровостію. Пишутъ, что робкія женщины падали въ обморокъ отъ гнѣвнаго, пламеннаго взора Іоаннова; что просители боялись идти ко трону, что вельможи трепетали и на пирахъ, во дворцѣ, не смѣли шепнуть слова, ни тронуться съ мѣста, когда государь, утомленный шумною бесѣдою, разгоряченный виномъ, дремалъ по цѣлымъ часамъ за обѣдомъ: всѣ сидѣли въ глубокомъ молчаніи, ожидая новаго приказа веселить его и веселиться.—Уже замѣтивъ строгость Іоаннову въ наказаніяхъ, прибавимъ, что самые знатные чиновники, свѣтскіе и духовные, лишаемые сана за преступленія, не освобождались отъ ужасной торговой казни: такъ (въ 1491 году) всенародно сѣкли кнутомъ князя Ухтомскаго, дворянина Хомутова и бывшаго архимандрита чудовскаго за подложную грамоту, сочиненную ими на землю умершаго брата Іоаннова.

Исторія не есть похвальное слово и не представляетъ самыхъ великихъ мужей совершенными. Іоаннъ, какъ человѣкъ, не имѣлъ любезныхъ свойствъ ни Мономаха, ни Донского, но стоитъ какъ государь на высшей степени величія. Онъ казался иногда боязливымъ, нерѣшительнымъ, ибо хотѣлъ всегда дѣйствовать осторожно. Сія осторожность есть вообще благоразуміе: оно не плѣняетъ насъ подобно великодушной смѣлости; но успѣхами медленными, какъ бы неполными, даетъ своимъ твореніямъ прочность. Что оставилъ міру Александръ Македонскій? Славу. Іоаннъ оставилъ государство удивительное пространствомъ, сильное народами, еще сильнѣйшее духомъ правленія, то, которое нынѣ съ любовію и гордостію именуемъ нашимъ любезнымъ отечествомъ. Россія Олегова, Владимірова, Ярославова погибла въ нашествіе монголовъ; Россія нынѣшняя образована Іоанномъ; а великія державы образуются не механическимъ слѣпленіемъ частей, какъ тѣла минеральныя, но превосходнымъ умомъ державныхъ. Уже современники первыхъ счастливыхъ дѣлъ Іоанновыхъ возвѣстили въ исторіи славу его: знаменитый лѣтописецъ польскій Длугошъ, въ 1480 году, заключилъ свое твореніе хвалою сего непріятеля Казимирова. Нѣмецкіе, шведскіе историки шестого-на-десять вѣка согласно приписали ему имя Великаго; а новѣйшіе замѣчаютъ въ немъ разительное сходство съ Петромъ Первымъ: оба, безъ сомнѣнію, велики; но Іоаннъ, включивъ Россію въ общую государственную

систему Европы и ревностно заимствуя искусства образованныхъ народовъ, не мыслилъ о введеніи новыхъ обычаевъ, о перемѣнѣ нравственнаго характера подданныхъ; не видимъ также, чтобы пекся о просвѣщеніи умовъ науками: призывая художниковъ для украшенія столицы и для успѣховъ воинскаго искусства, хотѣлъ единственно великолѣпія, силы и другимъ иноземцамъ не заграждалъ пути въ Россію, но единственно такимъ, которые могли служить ему орудіемъ въ дѣлахъ посольскихъ или торговыхъ; любилъ изъявлять имъ только милость, какъ пристойно великому монарху, къ чести, не къ униженію собственнаго народа. Не здѣсь, но въ исторіи Петра должно изслѣдовать, кто изъ сихъ двухъ вѣнценосцевъ поступилъ благоразумнѣе или согласнѣе съ истинною пользою отечества. — Между иноземцами, которые искали тогда убѣжища и службы въ Москвѣ, достойны замѣчанія князь Таманскій, Гуйгурсисъ, жертва султанскаго насилія, и кафинскій еврей Скарья; государь милостивыми грамотами, скрѣпленными золотою печатію, дозволивъ имъ быть къ себѣ, увѣрялъ ихъ въ особенномъ покровительствѣ и въ совершенной свободѣ выѣхать изъ Россіи, если не захотятъ въ ней остаться.

Петръ думалъ возвысить себя чужеземнымъ названіемъ императора; Іоаннъ гордился древнимъ именемъ великаго князя и не хотѣлъ новаго; однакожъ въ сношеніяхъ съ иностранцами принималъ имя царя, какъ почетное титло великокняжескаго сана, издавна употребляемое въ Россіи. Такъ, Изяславъ II, Димитрій Донской назывались царями. Сіе имя не есть сокращеніе латинскаго Caesar, какъ многіе неосновательно думали, но древнее восточное, которое сдѣлалось у насъ извѣстно по славянскому переводу Библіи и давалось императорамъ византійскимъ, а въ новѣйшія времена ханамъ монгольскимъ, имѣя на языкѣ персидскомъ смыслъ трона или верховной власти; оно замѣтно также въ окончаніи собственныхъ именъ монарховъ ассирійскихъ и вавилонскихъ: Фалассаръ, Набонассаръ и проч.—Исчисляя въ титулѣ своемъ всѣ особенныя владѣнія государства Московскаго, Іоаннъ наименовалъ оное Бѣлою Россіею, то-есть великою или древнею, по смыслу сего слова въ языкахъ восточныхъ.

Онъ умножилъ государственные доходы пріобрѣтеніемъ новыхъ областей и лучшимъ порядкомъ въ собираніи дани, расписавъ землевладѣльцевъ на сохи и каждаго обложивъ извѣстнымъ количествомъ сельскихъ, хозяйственныхъ произведеній и деньгами, что записывалось въ особенныя книги. Напримѣръ, два земледѣльца, высѣвая для себя 6 коробей или четвертей ржи, давали ежегодно великому князю 2 гривны и 4 деньги (около нынѣшняго серебрянаго рубля), 2 четверти ржи, три овса, осьмину пшеницы, ячменя, такъ что съ тягла сходило по нынѣшнимъ умѣреннымъ

цѣнамъ болѣе двадцати рублей нашими ассигнаціями. Нѣкоторые крестьяне представляли въ казну пятую или четвертую долю собираемаго хлѣба, барановъ, куръ, сыръ, яйца, овчины и проч. Одни давали болѣе, другіе менѣе, смотря по изобилію или недостатку въ угодьяхъ. — Торговля также обогащала казну болѣе прежняго. Россія сдѣлалась извнѣ независимою, внутри спокойною; государь любилъ пышность, дотолѣ неизвѣстную, и купцы наши вмѣстѣ съ иноземными стремились удовлетворять новымъ потребностямъ Москвы, гдѣ находилось для нихъ нѣсколько гостиныхъ казенныхъ дворовъ и гдѣ собиралась пошлина съ товаровъ и съ лавокъ. Іоаннъ перевелъ древнюю ярмонку изъ Холопьяго города въ Мологу, помѣстье сына его Димитрія, и велѣлъ ему довольствоваться тамъ старыми купеческими сборами, не умножать ихъ, не вымышлять новыхъ, предписавъ его братьямъ, чтобы они не запрещали своимъ людямъ ѣздить на сію важную для Россіи ярмонку. Вѣроятно, что казна имѣла также не малый доходъ отъ внѣшней торговли; недаромъ великій князь столь ревностно заботился объ ея безопасности въ Азовѣ и въ Кафѣ; недаромъ послы его обыкновенно ѣзжали туда съ обозами купечекими, нагруженными пушнымъ, драгоцѣннымъ товаромъ, мѣхами собольими, лисьими, горностаевыми, зубами рыбьими, лунскими (нѣмецкими, лондонскими) однорядками, холстомъ, юфтью: на что россіяне вымѣнивали жемчугъ, шелкъ, тафту. Богатство древнихъ нашихъ государей извѣстно болѣе по сказкамъ, нежели по дѣйствительнымъ историческимъ свидѣтельствамъ. Не говоря о дани, взятой Олегомъ съ грековъ, знаемъ только, что византійскій императоръ Никифоръ далъ Святославу 15 центнеровъ золота, если вѣрить Льву діакону, и что Мономахъ (какъ означено буквою въ рукописи его Поученія) привезъ отцу триста гривенъ сего металла. По крайней мѣрѣ новѣйшіе великіе князья не могли равняться богатствомъ съ Іоанномъ. „Каждому изъ сыновей моихъ,—говорилъ онъ въ завѣщаніи,—оставлю по нѣскольку ларцевъ съ казною, за ихъ и моею печатями, у государственнаго казначея, печатника и дьяковъ. Всѣ иныя сокровища: лалы, яхонты, жемчугъ, драгоцѣнныя иконы, сосуды, деньги, золото и серебро, соболи, шелковыя ткани, одежды—все, что находится въ моей казнѣ постельной, у дворецкаго, конюшаго, ясельничихъ, приказчиковъ, въ Москвѣ, въ Твери, Новѣгородѣ, Бѣлѣозерѣ, Вологдѣ и вездѣ—то все сыну моему Василію“. Вспомнимъ, что, кромѣ умноженія обыкновенныхъ, поземельныхъ и таможенныхъ доходовъ, открытіе и произведенія пермскихъ рудниковъ служили новымъ источникомъ богатства для государствованія Іоаннова.

Сей монархъ, оружіемъ и политикою возвеличивъ Россію, старался, подобно Ярославу I, утвердить ея внутреннее благоустрой-

ство общими гражданскими законами, въ коихъ она имѣла необходимую нужду, бывъ долгое время жертвою разновластія и безпорядка. Митрополитъ Геронтій, въ 1488 году отсылая нѣкоторыхъ лишенныхъ сана іереевъ къ суду государева намѣстника, пишетъ въ своей грамотѣ, что они должны быть судимы, какъ уставилъ великій князь, по царскимъ правиламъ, или по законамъ царей греческихъ, внесеннымъ въ Кормчую книгу: слѣдственно сія книга служила тогда для насъ и гражданскимъ уложеніемъ въ случаяхъ, не опредѣленныхъ россійскимъ правомъ. Но въ 1497 году Іоаннъ велѣлъ дьяку Владиміру Гусеву собрать всѣ наши древнія судныя грамоты, разсмотрѣлъ, исправилъ и выдалъ собственное Уложеніе, писанное весьма ясно, основательно. Главнымъ судіею былъ великій князь съ дѣтьми своими; но онъ давалъ сіе право боярамъ, окольничимъ, намѣстникамъ, такъ называемымъ волостелямъ и помѣстнымъ дѣтямъ боярскимъ, которые однакожъ не могли судить безъ старосты, дворскаго и лучшихъ людей, избираемыхъ гражданами. Судьямъ воспрещалось всякое пристрастіе, лихоимство; но осужденный платилъ имъ и дьякамъ ихъ десятую долю иска, сверхъ пошлины за печать, за бумагу, за трудъ. Все рѣшалось единоборствомъ: самое душегубство, зажигательство, разбой; виновнаго, то-есть побѣжденнаго, казнили смертію: всю собственность его отдавали истцу и судьямъ. За первую татьбу, кромѣ церковной и головной (то-есть похищенія людей), сѣкли кнутомъ и лишали имѣнія, дѣлимаго между истцомъ и судьею; преступникъ бѣдный выдавался истцу головою. За вторую татьбу казнили смертію и даже безъ суда, когда пять или шесть добрыхъ гражданъ утверждали клятвенно, что обвиняемый есть воръ извѣстный. Человѣка подозрительнаго, оговореннаго татемъ, пытали; но безпорочнаго не касались и требовали отъ него только поруки до объясненія дѣла. Несправедливое рѣшеніе судей уничтожалось великимъ княземъ, но безъ всякаго для нихъ наказанія. Съ жалобою, съ доносомъ надлежало ѣхать въ Москву, или къ намѣстнику, или къ боярину, имѣвшему судную власть въ той области, гдѣ жилъ отвѣтчикъ, за коимъ посылали недѣльщика или пристава. Являлись свидѣтели. Судья спрашивалъ: „можно ли имъ вѣрить?“ Допросите ихъ, какъ законъ и совѣсть повелѣваютъ, отвѣтствовали судимые. Свидѣтели начинали говорить; обвиняемый возражалъ, заключая обыкновенно рѣчь свою такъ: „требую присяги и суда Божія; требую поля и единоборства“. Каждый вмѣсто себя могъ выставить бойца. Окольничій и недѣльщикъ назначали мѣсто и время. Избирали любое оружіе, кромѣ огнестрѣльнаго и лука; сражались обыкновенно въ латахъ и въ шлемахъ, копьями, сѣкирами, мечами, на коняхъ и пѣшіе, иногда употреблялись и кинжалы. Пишутъ, что въ Москвѣ

былъ славный, искусный и сильный боецъ, съ которымъ уже никто не смѣлъ схватиться, но котораго убилъ одинъ литвинъ. Іоаннъ оскорбился; хотѣлъ видѣть побѣдителя, взглянулъ гнѣвно, плюнулъ на землю и запретилъ судные поединки между своими и чужестранцами: ибо послѣдніе, зная превосходную силу россіянъ, одолѣвали ихъ всегда хитростію.

Сіе уложеніе, древнѣйшее послѣ Ярославова, не должно удивлять насъ своею краткостію: гдѣ всѣ затрудненія въ тяжбахъ рѣшались острымъ желѣзомъ; гдѣ законодатель, такъ сказать, не распутывалъ ихъ узла глубокомысленными соображеніями, а разсѣкалъ его столь чуднымъ уставомъ, тамъ надлежало единственно дать правила для судебныхъ поединковъ. Видимъ, какъ и въ первобытныхъ нашихъ законахъ, великую довѣренность къ присягѣ, къ совѣсти людей. Тѣлесныя наказанія унижали человѣчество въ преступникахъ; но имя добраго гражданина, безъ всякаго иного титла, было правомъ на государственное уваженіе: кто имѣлъ его, тотъ въ случаѣ свидѣтельства однимъ словомъ спасалъ невиннаго или губилъ виновнаго.—Несогласные съ разсудкомъ поединки судебные могли однакожъ утверждать безопасность государства: они питали воинскій духъ народа.

Въ Уложеніи Іоанновомъ находятся весьма немногія постановленія о куплѣ, займѣ, наслѣдствѣ, земляхъ, межахъ, холопяхъ, земледѣльцахъ. Напримѣръ: 1) Кто купилъ вещь новую при двухъ или трехъ честныхъ свидѣтеляхъ, тотъ уже не лишается ее, хотя бы она была и краденая; но кромѣ лошади: слѣдственно лошадь возвращалась хозяину.—2) Если деньги или товары, взятые купцомъ, будутъ у него въ пути отняты, сгорятъ и утратятся безъ его вины, то ему дать время для платежа и безъ всякаго росту; въ противномъ же случаѣ онъ, какъ виновный, отвѣтствуетъ всѣмъ имѣніемъ и головою. Сей законъ есть древній Ярославовъ.—3) Кто умретъ безъ духовной грамоты, не имѣя сына, того имѣніе и земли принадлежатъ дочери; а буде нѣтъ и дочери, то ближайшему родственнику.—4) Между селами и деревнями должны быть загороды: въ случаѣ потравы взыскать убытокъ съ того, въ чью загороду прошелъ скотъ. Кто уничтожитъ межу или грань, того бить кнутомъ и взять съ него рубль въ удовлетвореніе истцу (законъ Ярославовъ).—5) Кто три года владѣетъ землею, тому она уже крѣпка; но если истецъ великій князь, то сроку для иска полагается шесть лѣтъ; далѣе нѣтъ суда о землѣ.—6) Крестьяне (или свободные земледѣльцы) отказываются изъ волости въ волость, изъ села въ село (то-есть переходятъ отъ одного владѣльца къ другому) за недѣлю до Юрьева дня и черезъ недѣлю послѣ онаго. Пожилого за дворъ назначается рубль въ степныхъ мѣстахъ, а въ лѣсныхъ 100 денегъ.—7) Холопъ или рабъ, съ женою

и дѣтьми, есть тотъ, кто даетъ на себя крѣпость, кто идетъ къ господину въ тіуны (законъ Ярославовъ) и ключники сельскіе (но если дѣти служатъ другому господину или живутъ сами собой, то они не участвуютъ въ судьбѣ отца); кто женится на рабѣ; кто отданъ въ приданое или отказанъ по духовному завѣщанію. Если холопъ, взятый въ плѣнъ татарами, уйдетъ отъ нихъ, то онъ уже свободенъ и не принадлежитъ своему бывшему господину. Если отпускная, данная рабу, писана рукою господина, то она всегда дѣйствительна: иначе должна быть явлена боярамъ и намѣстникамъ, имѣющимъ судное право, и подписана дьякомъ.— 8) Попа, діакона, монаха, монахиню, старую вдову (которая питается отъ церкви Божіей) судитъ святитель; а міряцину съ церковнымъ человѣкомъ судъ общій. Сіи законы, съ помощію греческихъ, или Номоканона, были достаточны. Древніе обычаи служили имъ дополненіемъ.

Іоаннъ учредилъ лучшую городскую исправу или полицію; онъ велѣлъ поставить на всѣхъ московскихъ улицахъ рѣшетки (или рогатки), чтобы ночью запирать ихъ для безопасности домовъ; не терпя шума и безпорядка въ городѣ, указомъ запретилъ гнусное пьянство; пекся о дорогахъ: завелъ почту, ямы, гдѣ путешественникамъ давали не только лошадей, но и пищу, если они имѣли на то приказъ государевъ. Здѣсь же вмѣстимъ одну любопытную черту его заботливости о физическомъ благосостояніи народа. Открытіе Америки доставило Европѣ золото, серебро и болѣзнь, которая донынѣ свирѣпствуетъ во всѣхъ ея странахъ, искажая человѣчество, и которая съ удивительною быстротою разлила свой ядъ отъ Испаніи до Литвы. Сперва не знали ея причины, и лицемѣры нравственности не таились съ нею во мракѣ. Историкъ литовскій пишетъ слѣдующее: „Въ 1493 году одна женщина привезла изъ Рима въ Краковъ болѣзнь французскую. Сія ужасная казнь вдругъ постигла многихъ: въ числѣ ихъ находился и кардиналъ Фридерикъ". Слухъ о томъ дошелъ до Москвы: великій князь, въ 1499 году посылая въ Литву боярскаго сына Ивана Мамонова, въ данномъ ему наставленіи говоритъ: „Будучи въ Вязьмѣ, развѣдай, не пріѣзжалъ ли кто изъ Смоленска съ недугомъ, въ коемъ тѣло покрывается болячками, и который называютъ французскимъ?" Іоаннъ хотѣлъ предохранить свой народъ отъ новаго бича Небеснаго.

Мы говорили о важнѣйшихъ дѣлахъ церковныхъ. Кромѣ суда надъ еретиками, было еще три собора: первый для уложенія церковной Пасхаліи на осьмое тысячелѣтіе, которое настало въ 31 годъ Іоаннова государствованія. Суевѣрные успокоились; увидѣли, что земля стоитъ и небесный сводъ не колеблется съ исходомъ седьмой тысячи. Митрополитъ Зосима созвалъ епископовъ и по-

ручилъ Геннадію новогородскому сдѣлать исчисленіе церковнаго круга. Сей разумный святитель написалъ введеніе, гдѣ свидѣтельствами апостоловъ и правилами истиннаго христіанства опровергаетъ всѣ мнимыя предсказанія о концѣ міра, извѣстномъ единому Богу. „Намъ должно,—говоритъ онъ,—не искать таинствъ сокровенныхъ отъ мудрости человѣческой, но молить Вседержителя о благоустройствѣ міра и церкви, о здравіи и спасеніи великаго государя нашего, да цвѣтетъ его держава силою и побѣдою". Сперва изложили Пасхалію только на 20 лѣтъ и дали разсмотрѣть оную пермскому епископу Филоѳею, котораго вычисленія утвердили ея вѣрность; послѣ того Геннадій означилъ на большихъ листахъ круги солнечные, лунные, основанія Эпакты, въ руцѣ лѣто и ключи границъ отъ 533 до 7980 года. Сей соборъ утвердилъ, что годъ начинается въ Россіи вмѣстѣ съ индиктомъ 1 сентября.

Второй соборъ былъ при Симонѣ митрополитѣ. Въ 1500 году, раздавъ новогородскія церковныя земли дѣтямъ боярскимъ, великій князь мыслилъ, что духовенству и въ особенности инокамъ непристойно владѣть безчисленными селами и деревнями, которыя возлагали на нихъ множество мірскихъ заботъ. Сіе важное дѣло именемъ государя было предложено митрополиту и всѣмъ епископамъ въ общемъ ихъ совѣтѣ. Іоаннъ не присутствовалъ въ ономъ. Митрополитъ послалъ къ нему дьяка Леваша съ такими словами: „Отецъ твой Симонъ, митрополитъ всея Русіи", епископы и весь освященный соборъ говорятъ, что отъ Равноапостольнаго великаго царя Константина до позднѣйшихъ временъ вездѣ святители и монастыри держали грады, власти и села: никогда соборы св. отцовъ не запрещали сего; запрещали имъ единственно продавать недвижимое достояніе. При самыхъ предкахъ твоихъ, великомъ князѣ Владимірѣ, Ярославѣ, Андреѣ Боголюбскомъ, братѣ его Всеволодѣ, Іоаннѣ Даниловичѣ, внукѣ блаженнаго Александра, современникѣ Чудотворца Петра митрополита, и до нашего времени святители и монастыри имѣли грады и власти, оброки и дани церковныя. Не святый ли Владиміръ, не великій ли Ярославъ сказали въ Уставѣ своемъ: кто преступитъ его изъ дѣтей или потомковъ моихъ; кто захватитъ церковное достояніе и десятины святительскія, да будетъ проклятъ въ сей вѣкъ и будущій? Самые злочестивые цари ординскіе, боясь Господа, щадили собственность монастырей и святительскую: не смѣли двигнути вещей недвижимыхъ... И такъ, не дерзаемъ и не благоволимъ отдать церковнаго стяжанія: ибо оно есть Божіе и неприкосновенно". Великій князь не захотѣлъ упорствовать; мыслилъ, но не совершилъ того, что и въ самомъ осьмомъ-надесять вѣкѣ еще казалось у насъ смѣлостію. Екате-

рина II чрезъ 265 лѣтъ исполнила мысль Іоанна III, присоединивъ земли и села церковныя къ государственному достоянію и назначивъ духовенству денежное жалованье.

На третьемъ соборѣ (въ 1503 году) Іоаннъ уставилъ съ митрополитомъ, слѣдуя правиламъ апостольскимъ и св. Петра Чудотворца, чтобы ни іереи, ни діаконы вдовые не священнодѣйствовали. „Забывъ страхъ Божій,—сказано въ семъ приговорѣ, многіе изъ нихъ держали наложницъ, именуемыхъ полу-попадьями. Отнынѣ дозволяемъ имъ только, буде ведутъ жизнь непорочную, пѣть на крылосахъ и причащаться въ алтаряхъ, іереямъ въ епитрахиляхъ, а діаконамъ въ стихаряхъ и брать четвертую долю изъ церковныхъ доходовъ; уличенные же въ порокѣ любострастія да живутъ въ мірѣ и ходятъ въ свѣтской одеждѣ. Еще уставляемъ, чтобы монахамъ и монахинямъ не жить никогда вмѣстѣ, но быть въ особенности монастырямъ женскимъ и мужескимъ, и проч.—Грамотою сего же собора, скрѣпленною подписями святителей, запрещалось всякое церковное мздоимство. Несмотря на то, архіепископъ Геннадій дерзнулъ явно брать деньги съ посвящаемыхъ имъ іереевъ и діаконовъ; строгій Іоаннъ, свергнувъ его съ престола святительскаго, заперъ въ Чудовѣ монастырѣ, гдѣ онъ и кончилъ дни свои въ горести.

Ревностный къ благу и достоинству церкви великій князь съ удовольствіемъ видѣлъ новую честь духовенства россійскаго. Прежде оно искало милости въ византійскихъ святителяхъ: тогда Москва сдѣлалась Византіею и греки приходили къ намъ не только за дарами, но и за саномъ святительскимъ. Въ 1464 году митрополитъ Ѳеодосій поставилъ въ Москвѣ митрополита Кесаріи. Патріархъ іерусалимскій, угнетаемый тиранствомъ египетскаго султана, оставилъ святыя мѣста и скончался на пути въ Россію. Она была утѣшеніемъ бѣдныхъ грековъ, которые хвалились ея православіемъ и величіемъ какъ бы ихъ собственнымъ. Знаменитые монастыри аѳонскіе существовали нашими благодѣяніями, въ особенности монастырь Пантелеймона, основанный древними государями кіевскими.

Соглашая уваженіе къ духовенству съ правилами всеобщей монаршей власти, Іоаннъ въ дѣлахъ вѣры соглашалъ терпимость съ усердіемъ къ православію. Онъ покровительствовалъ въ Россіи и магометанъ и самыхъ евреевъ, но тѣмъ болѣе изъявлялъ удовольствія, когда христіане латинской церкви добровольно обращались въ наше исповѣданіе. Вмѣстѣ съ братомъ великой княгини Софіи, съ итальянскими и съ нѣмецкими художниками, съ 1490 года пріѣхалъ въ Москву капланъ Августинскаго Ордена, именуемый въ лѣтописи Иваномъ Спасителемъ: онъ торжественно

принялъ греческую вѣру, женился на россіянкѣ и получилъ отъ великаго князя богатое село въ награду.

Описавъ государственныя и церковныя дѣянія, упомянемъ о нѣкоторыхъ бѣдствіяхъ сего времени. Въ 1478 и 1487 годахъ возобновлялся моръ въ сѣверо-западныхъ областяхъ Россіи: Устюгѣ, Новѣгородѣ, Псковѣ. Были неурожаи, голыя зимы, чрезвычайныя разлитія водъ, необыкновенныя бури и въ 1471 году, августа 29, землетрясеніе въ Москвѣ. Цѣлые города обращались въ пепелъ, а столица нѣсколько разъ. Въ сихъ ужасныхъ пожарахъ, днемъ и ночью, великій князь самъ являлся на конѣ съ дѣтьми боярскими, оставляя трапезу и ложе, указывалъ, распоряжалъ, тушилъ огонь, ломалъ домы и возвращался во дворецъ уже тогда какъ все угасало.

Наконецъ замѣтимъ еще двѣ достопамятности: первая относится къ исторіи нашихъ старинныхъ обычаевъ; вторая — къ ученой исторіи древнихъ путешествій.

Іоаннъ, особенно любя свою меньшую дочь, не хотѣлъ разстаться съ нею и не искалъ ей жениховъ внѣ Россіи. Горестныя слѣдствія Еленина супружества, хотя и блестящаго, тѣмъ болѣе отвращали его отъ мысли выдать Ѳеодосію за какого-нибудь иноземнаго принца. Въ 1500 году онъ сочеталъ ее съ княземъ Василіемъ Холмскимъ, бояриномъ и воеводою, сыномъ Даніила, славнаго мужествомъ и побѣдами, который умеръ черезъ шесть лѣтъ по завоеваніи Казани. Сія свадьба описана въ прибавленіи Разрядныхъ книгъ съ нѣкоторыми любопытными обстоятельствами. Знаменитый противникъ ливонскаго магистра, героя Плеттенберга, бояринъ и полководецъ, князь Даніилъ Пенко-Ярославскій былъ въ тысяцкихъ, а князь Петръ Нагой-Оболенскій въ дружкахъ съ ихъ женами. Въ поѣздѣ съ женихомъ находилось болѣе ста князей и знатнѣйшихъ дѣтей боярскихъ. У саней великихъ княгинь Софіи и Елены шли бояре, греческіе и россійскіе. Свадьбу вѣнчалъ митрополитъ въ храмѣ Успенія. Не забыли никакого обряда, нужнаго, какъ думали, для счастія супруговъ; всѣ желали его и предсказывали молодымъ; веселились, пировали во дворцѣ до ночи.—Счастливыя предсказанія не сбылися: Ѳеодосія ровно черезъ годъ скончалась.

Доселѣ географы не знали, что честь одного изъ древнѣйшихъ, описанныхъ европейскихъ путешествій въ Индію принадлежитъ Россіи Іоаннова вѣка. Нѣкто Аѳанасій Никитинъ, тверскій житель, около 1470 года былъ по дѣламъ купеческимъ въ Деканѣ и въ королевствѣ Голькондскомъ. Мы имѣемъ его записки, которыя хотя и не показываютъ духа наблюдательнаго, ни ученыхъ свѣдѣній, однакожъ любопытны, тѣмъ болѣе, что тогдашнее со-

стояніе Индіи намъ почти совсѣмъ неизвѣстно. Здѣсь не мѣсто описывать подробности. Скажемъ только, что нашъ путешественникъ ѣхалъ Волгою изъ Твери до Астрахани, мимо татарскихъ городовъ Услана и Берекзаны; изъ Астрахани въ Дербентъ, Бокару, Мазандеранъ, Амоль, Кашанъ, Ормусъ, Маскатъ, Гузуратъ и далѣе сухимъ путемъ къ горамъ Индѣйскимъ до Бедера, гдѣ находилась столица великаго султана хоросанскаго; видѣлъ Индѣйскій Іерусалимъ, то-есть славный Элорскій храмъ, какъ вѣроятно; именуетъ города, коихъ нѣтъ на картахъ; замѣчаетъ достопамятное; удивляется роскоши вельможъ и бѣдности народа; осуждаетъ не только суевѣріе, но и худые нравы жителей, исповѣдующихъ вѣру Брамы; вездѣ тоскуетъ о православной Руси, сожалѣя, если кто изъ нашихъ единоземцевъ, прельщенный славою индѣйскихъ богатствъ, вздумаетъ ѣхать по его слѣдамъ въ сей мнимый рай купечества, гдѣ много перцу и красокъ, но мало годнаго для Россіи; наконецъ возвращается въ Ормусъ и чрезъ Испагань, Султанію, Требизонтъ прибывъ въ Кафу, заключаетъ исторію своего шестилѣтняго путешествія, которое едва ли доставило ему что-нибудь, кромѣ удовольствія описать оное: ибо турецкіе паши отняли у него большую часть привезенныхъ имъ товаровъ. Можетъ быть Іоаннъ и не свѣдалъ о семъ любопытномъ странствіи: по крайней мѣрѣ оно доказываетъ, что Россія въ XV вѣкѣ имѣла своихъ Тавернье и Шарденей, менѣе просвѣщенныхъ, но равно смѣлыхъ и предпріимчивыхъ; что индѣйцы слышали объ ней прежде, нежели о Португаліи, Голландіи, Англіи. Въ то время какъ Васко-де-Гама единственно мыслилъ о возможности найти путь отъ Африки къ Индостану, нашъ тверитянинъ уже купечествовалъ на берегу Малабара и бесѣдовалъ съ жителями о догматахъ ихъ вѣры.

КОНЕЦЪ VI ТОМА.

